ПЕТЕРБУРГ В ПОЭЗИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Петербург в поэзии русской эмиграции
(первая и вторая волна)

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

Гуманитарное агентство
«Академический Проект»,
Издательство ДНК

ПЕТЕРБУРГ
В ПОЭЗИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
(ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ВОЛНА)

Санкт-Петербург
2006

Вступительная статья, составление,
подготовка текста и примечания
РОМАНА ТИМЕНЧИКА и ВЛАДИМИРА ХАЗАНА

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 04-04-16038д

Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации
Санкт-Петербурга

Издательство благодарит Российское авторское общество
за помощь в осуществлении издания

ISBN 5-7731-0295-0

«НА ЗЕМЛЕ БЫЛА ОДНА СТОЛИЦА»

Туманный призрак Петербурга
Передо мной везде стоял!..
Н. Агнивцев

Взращенные тобой — томимся мы в изгнаньи.
Н. Рудникова

Петербург — одна из сквозных или по крайней мере обширнейших тем русской эмигрантской поэзии. Как герой набоковского «Дара» собирает в памяти рассеянные предметы, тающие и теряющие осязаемые очертания и топографическую четкость, так и вся эмигрантская поэзия о Петербурге есть попытка нащупать, собрать воедино и дать зримо почувствовать реальный образ исчезнувшего города, воскресить «кладбище погубленных имен»[1]. Не только, разумеется, имен, но и всего неповторимого строя и уклада жизни — того, как это определено в «Египетской марке» О. Мандельштама, «милого Египта вещей», который был разметен российским апокалипсисом и стал одной из острейших ностальгических тем в литературе первой и отчасти второй волн русской эмиграции. Как назойливо повторял, о чем бы ни зашла речь, персонаж одного эмигрантского романа, бывший генерал: «У меня в Петербурге, знаете, остался смокинг, который я сшил в Лондоне...», «Эти подушки...У меня, знаете, в Петербурге осталась дорожная подушка...»[2].

Объем написанного в изгнании о Петербурге, в непосредственной или опосредованной связи в ним, с трудом поддается обзору. Полагаем, что просьбе о прощении за измену творческому пробужденью в любимом городе (изложенной в стихах Михаила Струве, немало потрудившегося над петербургской темой) не следует доверять буквально, а то и вовсе отнестись к ней как к напрасно взятому на душу греху:

Земляк мой старый! Ты, кто в Петербурге,
Над царскими гранитами Невы,
Рос русским мальчиком и в ком стола
Российской Музы первое волненье
Однажды светлой ночью разбудила,
Ты, кто в *моем* стареющем обличье
Теперь по серому Парижу бродишь,
Прости меня!
Прости меня за то,
Что новая живучесть постепенно

---

[1] Выражение поэта Д. Кленовского, повторенное в названии одной из статей критика Н. Ульянова, см. в его кн.: Спуск флага. New Haven, 1979. С. 7—10; первоначально: Новое русское слово. 1964. 31 мая.

[2] *Кельчевский Е.* После урагана. Париж, 1927. С. 15.

Вошла в меня, что этот блеклый Запад
Находит отзвук в опустевшем сердце,
И сердце населяется. Просторы
В нем стали ограничены. И воздух
Прекрасной Франции уверенно вдыхает
Все та же грудь[1].

В эмигрантской «петербургской» библиотеке выделяется ряд воспоминаний, извлекающих осколки исчезнувшей жизни, протянувшейся, если применить пушкинский образ, «от царскосельских лип до башен Гибралтара». Этот опыт мемуарной реконструкции прошлого, в Советском Союзе стерилизованный или вовсе отвергнутый как идеологически вредный[2], поистине не имеет цены. Сегодня без этих мемуаров уже невозможно полноценно представить блистательную эпоху начала века, не только книжных (начиная с «видений» «Санкт-Петербурга» Сергея Горного)[3], но и менее пространных, однако не менее интересных как фрагменты общей картины прошлой столичной жизни[4]. «Петербургская» мемуаристика, уникальный пласт реконструкции прошлого, сохранившая и передав-

[1] Последние Новости. 1932. № 3970. 4 февраля. С. 3.

[2] Ср. в докладе А. А. Жданова перед ленинградским партактивом: «Они примазались, как паразиты, к широкой советской русской душе и готовы постоянно вас сопровождать. На самом же деле они — Ахматова и Зощенко — любят Ленинград не той любовью, какой мы его любим. Для них "Медный всадник" это олицетворение иной линии в общественно-политическом развитии» (*Файман Г.* Юбилей // Независимая газета. 1996. 29 августа).

[3] См.: *Горный Сергей.* Санкт-Петербург. Видения. Мюнхен, 1925 [современное переиздание: СПб.: Гиперион, 2000; с предисловием А. М. Конечного]. В рецензии Н. Бережанского на эту книгу говорилось: «Сейчас, когда человечество почти утеряло чувство созерцательной красоты, а искусство потеряло свой стиль и его заменила стилистическая растерянность, особенно приятно представить себе Санкт-Петербург, запечатленный словом, — чудесный город, которому по стильности нет равного в мире» (Перезвоны. 1926. № 17. С. 522).

[4] См. библиографию мемуаров о Петербурге, составленную А. Конечным в его статье «Петербург "с того берега" (в мемуарах эмигрантов "первой волны")» в кн.: Блоковский сборник. XIII: Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 139—146; в дополнение можно еще назвать, например, серию очерков-портретов под рубрикой «Старый Петербург» Н. Волковысского: И. И. Глазунов // Время (Берлин). 1925. № 347. 6 апреля. С. 1—2; Граф И. И. Толстой // Там же. 1925. № 348. 20 апреля. С. 1—2; *К-ов Л.* Старый Петербург // Жар-птица. 1925. № 13. С. 9—14. *Саянов В.* (по всей видимости, Р. Словцов-Калишевич). Парижские очерки // Последние новости. 1926. № 1838. 4 апреля. С. 3—4), *Григорьев И.* [*В. Гущик*]. Из легенд Петербурга // Последние известия (Ревель). 1927. № 30. 1 февраля. С. 3; № 44, 16 февраля. С. 2; № 54. 1 марта. С. 2—3); *Жарновский И.* Закат Петербурга // Возрождение. 1927. № 844. 24 сентября. С. 2—3; *Львов Лоллий.* Петербург в дни открытия Александринского театра // Россия и славянство. 1932. № 199. 17 сентября. С. 3—4; *Гофман М. Л.* Петербургские воспоминания // Новый журнал. № 43. 1955. С. 120—133); *Нелидов Н.* Картинки петербургского быта: Винт и префе-

шая потомству бесценные свидетельства минувшего, явилась одним из многочисленных культурных достижений эмиграции, заслугой ее творческой свободы, позволявшей выправлять и корректировать вынужденную или добровольную полуправду подцензурных советских воспоминаний, см. в качестве одного из характерных примеров реакцию царскосела А. Плюшкова-Угрюмова на «Страницы жизни» его земляка Вс. Рождественского, печатавшиеся в журнале «Звезда» (конец 1958 — начало 1959)[1]. Прибавим к этому произведения художественной прозы, действие которых происходит в Петербурге: трилогия Вл. Крымова «За миллионами» (2-я часть которой имеет «говорящее» название: «Хорошо жили в Петербурге!»), «Повесть о пустяках» Ю. Анненкова, «Зимний дворец» Л. Зурова, «Дворцовые гренадеры» и «Сны Петра», «Граф Калиостро» и «Император Иоанн» И. Лукаша, автора предисловия к упомянутой выше книге С. Горного «Санкт-Петербург. Видения», «Неудавшийся рассказ» Л. Львова[2], «Петербургский рассказ» и «Петербургский сувенир» Н. Берберовой[3], даже по-итальянски написанный роман М. Лопатто «Il figlio del diavolo» (Firenze, 1977; подписан псевдонимом Ascina), и мн. мн. др.

Петербург для эмигрантского художественного сознания — это не только определенная географическая точка, не очередной «городской текст», это едва ли не метафизическое понятие, прикладываемое к разного рода вещам и явлениям, дабы выведать, распознать, исследовать их «душу», их «символ веры». Как предельный итог российской государственности и олицетворение победы творческой воли над природным хаосом Петербург не имел аналога в отечественной истории и обычной параллелью становилось нечто в далекой человеческой древности. «Не Киев и не Москва, а Петербург дает исчерпывающее понятие о русской мощи, — утверждал драматург И. И. Колышко, писавший в эмиграции под псевдонимом Александр Рославлев. — Если бы Петр ничего бы другого не сотворил, кроме Петербурга, он был бы велик. Секрет Петербурга, неповторимый со времен основания Рима, в том, что Петербург *живет*. Живет он не только своими людьми и делами, но и своими

ранс // Русская мысль. 1959. № 1404. 6 августа. С. 4; *Адамович Г.* Петербургский университет (К 150-летию со дня его основания) // Новое русское слово. 1969. № 20416. 2 марта. С. 2, ср.: Русская мысль. 1969. № 2728. 6 марта. С. 8; *Каменский В.* Воспоминания о старом Санкт-Петербурге // Русская мысль. 1971, № 2830—2833, 28 февраля — 11 марта; *Кашина-Евреинова Анна.* Прогулка в прошлое // Русская мысль. 1971. № 2846. 10 июня. С. 7; *Доминик Лев.* Гастрономические воспоминания петербургского студента // Русская мысль. 1979. № 3247. 15 марта. С. 9; см. также появившиеся в последнее время: *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург: Воспоминания камергера. СПб.: Алетейя, 1999; *Вейдле В.* Воспоминания / Публ. и комм. И. Доронченкова // Диаспора: Новые материалы. Вып. 2, 3. СПб.: Феникс, 2001—2002; и др.

[1] *Угрюмов Алексей.* «Воспоминаньями смущенный» // Русская мысль. 1959. № 1405. 8 августа. С. 4.

[2] Русская мысль. № 10—12. 1921. С. 100—104.

[3] См. соответственно: Возрождение. 1928. № 986. 13 февр. С. 2—3; № 987. 14 февраля. С. 3—4 и «Последние новости», 1937. № 6084. 21 ноября. С. 3.

гранитами, красками, своим отзвуком окружающей природы и своим отзвуком всей сказки о России»[1].

В изгнании столица империи, пережившей революционную катастрофу и междоусобную бойню, стала своеобразным способом связи расшатанного и распавшегося гражданского мира. Для покинувших Отечество Петербург продолжал привычно ассоциироваться с государственной мощью, российской военной славой, расцветом наук и искусств, архитектурной пышностью и блеском уникального «художественного произведения под открытым небом», но кроме того было в этом феномене нечто такое, к чему с трудом приложима рациональная логика и что издавна сжилось в представлении о нем с мистическим таинством. Вот пример весьма наглядный и знаменательный. В рецензии на книгу стихов «Синий мир» (1961) эмигрантской поэтессы Н. Белавиной, которая в Петербурге не только не жила, но, судя по всему, никогда не бывала (в пятилетнем возрасте была увезена из Крыма в Константинополь, затем в Югославию и — далее на Запад), уроженец Москвы Я. Н. Горбов, учившийся после Московского университета в петербургском Николаевском военном училище, писал: «В Санкт-Петербурге — на Екатерининском ли, на Морской, на Каменноостровском ли, на Невском ли, на Мойке ли или еще где-нибудь, можно было в иные вечера, приблизившись к окну, — или из глубины комнаты, — видеть, как подходит совсем вплотную к стеклу какой-то синий свет, удивительный, но не странный, слегка мерцающий, такой, что хотелось ему задать немой вопрос, и получить от него немой ответ; не то взглядом с ним обменяться, не то улыбкой. ...Санкт-Петербург был единственным, в своем роде, городом. Вечерний синий свет, вероятно, и теперь остается там единственным в своем роде... Напечатанное синими буквами на сборнике стихов Нонны Белавиной название "Синий мир", — напомнит тем, кто видел Санкт-Петербургский синий свет, его магию. А может быть, вечное обещание лучшего, неуловимую Синюю Птицу?..»[2].

Синий свет, о котором пишет Горбов, не его измышление по части оптики, по крайней мере, не одного его. В стихотворной зарисовке петербуржского беженца вспоминается то же незабываемое магическое свечение, пусть далеко и не благостное:

Звонок. Трамвай. Мельканье теней.
Автомобиль. Сирены рев.
Голубоватых отражений
Повсюду призрачный покров.

Манящий взор. Букет сирени.
У ресторана пьяный смех.
Толпа. Панель и те же тени,
И тот же распаленный грех.

Кинематографа сиянье.
Звезда бриллиантом в небесах...

---

[1] *Рославлев Александр.* Сказка о России // Земля Колумба: Сборник литературы и искусства / Под ред. Б. Миклашевского. Кн. 1. New York — San Francisco — Los Angeles, 1936. С. 95.

[2] Возрождение. № 126. 1962.

Чего-то ждет. В глазах желанье.
Что сердце? Пустота иль страх?

Решетка окон магазинных...
Улыбка. Жуткий манекен.
Неслышный бег колес резинных.
Восторг любви и чад измен...

Вокзал. Свисток. Шум паровоза.
Степей мираж. Полей привет.
Опять панель. И как угроза
Голубовато-серый свет...[1]

Любопытно то, что Белавина, не видевшая столицы, превращается в горбовской рецензии едва ли не в завзятого петербургского автора. Сближение названия ее сборника с люминесцентными эффектами петербургского воздуха построено на чувственных «аберрациях» рецензента и имеет сугубо ассоциативное происхождение. Последняя фраза о метерлинковской Синей Птице в общем-то несколько проясняет природу этих ассоциативных идентификаций, однако не полностью рассеивает ощущение того, что белавинские стихи проникнуты неведомой ей петербургской атмосферой.

В прямом — физическом — значении слова атмосфера Петербурга оставила невыводимый отпечаток на многочисленных стихах и поэмах тех, кто пытался в изгнании вернуть, хотя бы посредством литературных видений и грез, живое ощущение петербургского климата, неповторимых природных явлений, скажем, белых ночей[2], которые в беженских стихах упоминаются неоднократно, см., к примеру, стихотворение В. Волохова «Северный город (В воспоминание о белых петроградских ночах)», опубликованное в шанхайском журнале «Солнце» (1927. № 1. С. 18):

Бледной ночи лик туманный,
Долгой зори отблеск кровный...
Свет рассеянный, обманный, —
Без теней, неясный, ровный...

Шум на улицах рутинный...
Слышен вой свистка далеко...
Шпиль над крепостью старинной,
В высь вонзился одиноко!..

Отраженьями играя,
Вял и бледен лик волны —
И течет река сверкая,
От тюрьмы и до тюрьмы.

---

[1] *Менестрель* [Б. Я. Шнейдер]. Белая ночь (Акварель прежнего Петербурга) // Голос России (Берлин). 1920. № 170. 1 августа.

[2] О топосе «белых ночей» см. роман И. И. Ясинского «Петербургские туманы» (СПб., 1893. С. 53).

О курьезе с Белавиной следует сказать, однако, что сам по себе он содержит весьма важную и серьезную проблему. Дело в том, что «петербургский синдром» вовсе не обязательно свидетельствовал о факте рождения поэта в городе на Неве. Речь скорее идет о глубинных интенциях русской поэтической культуры вообще, тяготеющей в своих нравственных и духовных прозрениях к пушкинскому художественному наследию и поэтому неразрывно связанной с «петербургским периодом» русской литературы, понимаемом в широкомасштабной исторической перспективе. Вот еще один пример, связанный, правда, не с поэзией, а с прозой, однако тоже показательный. Родившийся в Москве в семье знаменитого профессора-юриста С. И. Варшавского и ребенком увезенный в эмиграцию, Владимир Варшавский рассказывает в романе, построенном на автобиографическом материале, как, находясь во время войны на принудительных работах в Германии, он спросил хозяина, «взят ли уже Ленинград». «Мне ужасна была мысль, — продолжает автор, — что немцы войдут в Петербург, победят русских»[1]. В высшей степени любопытно, что победа немцев связывается в сознании уроженца Москвы не с падением официальной советской столицы, а именно со сдачей Ленинграда.

Возвращаясь еще раз к Н. Белавиной, следует упомянуть в ее, непетербуржанки, «Стихах о родине» строфу о Петербурге, написанную так, будто бы она имела к этому городу самое непосредственное отношение:

И рвался в высь неистовый Пегас,
И Медный всадник вылетел на Невский...
Ведь Пушкин был у нас, у нас, у нас!..
У нас
Творили и Толстой и Достоевский[2].

Образ Петербурга, созданный (в своей, как правило, не осознающей себя, совокупности) стихами эмигрантов первой волны, предстает нам сегодня в стереометрии не только зрительных, но всех чувственных измерений.

Это — фонотека городских шумов:

И весело свищет паровичок.

(*Михаил Струве*).

С Невы далекие свистки.

(*Вера Булич*)

Визжит на блоке дверь.

(*Михаил Струве*)

А на дворе удары лома,
Михайла-дворник колет лед.

(*Вера Лурье*)

---

[1] *Варшавский Владимир.* Ожидание. Paris: YMCA-Press. 1972. С. 151.
[2] *Белавина Нонна.* Синий мир. Нью-Йорк. 1961. С. 67.

Турецкий барабан уж бухает как пушка,
Рыкает диким львом могучий геликон.

(*Сергей Шишмарев*)

Мороженщик с грохотом прокатил
Ящик синей лазури.

(*Михаил Струве*)

Под стук расшатанных торцов,
Летишь с подругой полусонной.

(*Петр Бобринский*)

Это — застрявшие на ретине пятна:

А напротив казенка. Стена
Красной оспою испещрена

(*Михаил Струве*)

Вороны летят наискось над Невой,
Скрываясь в морозном тумане;
Вдали показался маяк биржевой,
Плетутся извощичьи сани...

(*Нина Гейнц*)

Рвалась подняться ввысь, умчаться в вышину
Цветная гроздь шаров, надутых водородом.

(*Сергей Шишмарев*)

На Невском под дождем не умолкает шум...
В туманах наверху горят огни Омеги.

(*Нина Рудникова*)

В Неве угрюмой ходит зыбко
В разводах нефтяных волна.

(*Вера Булич*)

Краснеют столбы на воде возле дачки,
На ряби — цветная спираль.

(*Саша Черный*)

В полдень на Невском жаркое лето,
Желтых небес тяжелая ткань...

(*Софья Прегель*)

Завитками мохнатого чуба
Таял по небу дым чернокудрый.

(*Эмилия Кальма*)

Следы ворон на берегу
И на безлистых ветках иней,
И четкость тени на снегу,
И самый снег лилово-синий.
А дальше море без границ,
И дымный силуэт Кронштадта...

(*Евгений Шах*)

Снег вьющийся и круг фонарный,
На льду конька мгновенный след.

(*Георгий Раевский*)

Это — ароматы и миазмы города и окрестностей:

Уж на кухне запах ели свежий
И от праздничной готовки чад...

(*Вера Лурье*)

Гиацинтами пахло в столовой,
Ветчиной, куличом и мадерой...
Пахло солнцем, оконною краской
И лимоном от женского тела...

(*Игорь Северянин*)

Солнцем полдня нагреты,
Дышат смолой торцы.

(*Ярослав Воинов*)

...День и ночь Морская
Кипящим дегтем пахла из котлов...

(*Нина Берберова*)

В лечебнице спокойно, тихо, пусто,
Чуть пахнет ваннами и свежею капустой,
И морем, и смолой.

(*Анна Таль*)

Тогда встает передо мной
Мой царскосельский день.
...Он пахнет морем и руном
Гомеровской строки,
И гимназическим сукном,
И мелом у доски;
Филипповским (вкуснее нет!)
Горячим пирожком...

(*Д. Кленовский*)

И выгружают медленно дрова
На мостовую парни звонко.
Так остро пахнет потом и сосной...

(*Вера Лурье*)

В дыму бледнозеленом
Крестовские лужайки и леса.
Пестрят стволы берез. И над землею
(От алгебры весьма отличный запах)
Смолою тянет и сырой травой.

(*Михаил Струве*)

Это — память вкусовых рецепторов:

Каких-то шоколадок хилых
У ярославца сверток взяв,
Отправились под звон немолчный
В любимый наш, забытый сад...
Нет! Не найти такой же точно
На свете вкусный шоколад.

(*Михаил Струве*)

О время, незабвенный вкус в котором
Я выпила с горячим молоком...

(*Ксения Бабкина*)

А пьяновишни от Berrin?
Засахаренные каштаны?..
«О, у Gourmets был boule de neige»,
Как мятно-сахарная клецка...

(*Игорь Северянин*)

О, пыльный вкус родной земли...

(*Петр Бобринский*)

Это — то, что помнит кожа помимо стиховой эрудиции:

Носился ветер, как шальной.
Он нам в лицо смеялся брызгой мелкой...

(*Михаил Струве*)

А в сквере влажные скамьи —
Любви вечерняя приманка!..

(*Валентин Горянский*)

На Невском людно. Мокрая мятель
За воротник вам залетает.

(*Михаил Струве*)

И поскольку в этих стихах имперская столица часто является страной детства, инфантилизирующая себя память позволяет монтировать образы и толки, категории предметов и навязчивые видения в порядке случайного перебора:

Фонтанка. Мост и бронзовые крупы.
Карета бабушки. Ивана борода.
В канале плещет тяжкая вода.
В Михайловском гастроль французской труппы.

(*Георгий Эристов*)

Речь идет о консервации урбанистических импрессий, и средством консервирования служат отчужденные от столбовой дороги русской поэзии XX века объездные стиховые пути, — в большинстве случаев заведомо консервативный, эпигонский, «пушкинский», приправленный иногда Блоком, стих, — как простодушно признавался Юрий Трубецкой, которого современники аттестовали «подлизой», что, кажется, самым точным образом описывает и его поэтику:

Как хорошо, закутавшись в доху,
Бродить в снегу Таврического сада
И знать, что сердцу ничего не надо,
Пусть бьется в лад спокойному стиху.

Иногда же, наоборот, самоотстраняющийся идиостиль (в котором при некотором усилии все же можно рассмотреть амальгаму влиятельных авангардистских образцов):

Под форточкой стоял и ухал
Исакий под мороз.
Понамело пера и пуха
За окна слез.
Глядел фонарщик у цепи желтой
И резал даль,
Все с той же пополам расколотой
Тоской в февраль.

(*Даниил Соложев*)

Бесспорно, ностальгией по «гранитному севера титану», как он назван в одном из эмигрантских стихотворений[1], страдали прежде всего бывшие петербуржцы. «Надо быть петербуржцем, чтобы понять тоску по Петербургу, — писал некто под псевдонимом Петрониус в очерке «Петербург». — Надо быть просоченным насквозь миазмами Маркизовой лужи, провяленным петербургскими туманами, чтобы среди блеска и уюта европейских центров мечтать о Петербурге. Такими мечтателями кишат теперь Берлин, Париж; и мечтаем мы о нашем туманном болоте столь же пылко, как заброшенные в долины горцы — о своих лазоревых вершинах»[2]. Сам по себе перечислительный ряд петербургской топографии, произнесение памятных с детства названий городских локусов создает поэтический эффект пристального вглядывания в незабываемый образ, любования им и легко превращается в своего рода прием, имитирующий движение киноленты видений, как, например, в стихотворении Наталии Русской «Из Книги Памяти», напечатанном в львовской газете «Русский голос»:

В изгнаньи скорбны дни и тяжки как вериги,
К прошедшему ведут суровых дум мосты.
И в памяти моей открытой, ветхой книги
Перебираю вновь поблекшие листы.

Благоуханьем слез овеяны страницы
И оживают вновь, проходят предо мной
Знакомых лиц, картин и странствий вереницы
И детские года в Стране моей Родной.

Санкт-Петербург... Весна...
Пленяет взор влюбленный

---

[1] *Колосов Е.* Санкт-Петербург // Перезвоны (Рига). 1926. № 11. С. 309.

[2] Голос России. 1921. № 610. 16 марта. С. 3.

В стальной кольчуге вод могучая Нева.
Сквозь дымку, вдалеке, синеют Острова.
В Таврическом Саду узорчатые клены
Сплетают на песке в аллее отдаленной
Сиреневых теней резные кружева.

Александрийский Столп, победой окрыленный,
Уходит гордо ввысь, где тает синева.
Исакиевский Собор... Торжественны колонны
И золотом горят на солнце купола.
На набережной смех и говор оживленный,
Нарядная толпа; приветствия, поклоны...

А в воздухе гудят, поют колокола.
Адмиралтейский шпиль... Сенат — Российской Славы
Столетний памятник... Синод — Духовный Страж...
И Зимнего Дворца строг профиль величавый;
На кованых вратах парит Орел Двуглавый,
Изогнут Арки свод над узенькой Канавой
И грезит о былом суровый Эрмитаж.

Гостиный Двор... Ряды... Зеркальные витрины.
По Невскому шумит людской поток... Весна...
Аничковский Дворец и Сквер Екатерины...
Фонтанка... Летний Сад... Не сказкой ли старинной
Для нас звучат теперь родные имена?..

На Стрелке серебром залив сверкает бледный.
В оконных стеклах луч зажег огней костер...
И над Столицей, взор вперяя в даль, победный,
Державный Зодчий-Царь — Гигантский Всадник Медный
Над Городом Своим любовно длань простер.

Однако стихи о Петербурге (или прилегающих к нему культурно-географических ареалах) слагали в эмиграции даже те, кто знал этот город только по книгам или устным рассказам — ср. реплику Ю. Терапиано о своего рода «петербургском синдроме», развитом в среде эмигрантской интеллигенции, мечтающей о городе, «которого при жизни не видели»[1]. Этот «синдром», когда люди, никогда не видевшие в глаза российскую столицу, оказывались в ее «пышном, гранитном плену» (образ из стихотворения не уезжавшей из России, но оставшейся в ней на положении «внутреннего эмигранта» О. Н. Анненковой), был столь широко распространен в изгнании, что поневоле приковывает к себе внимание. См., к примеру, признание из включенного в нашу антологию стихотворения А. Шиманской «Санкт-Петербург»: «Никогда не была в этом городе».

Петербург явился символом потерянного рая, изгнание из которого стало поворотным пунктом российской истории. Символ символа — Всадник на взметенном коне, отступал в историческое небытие и уступал место новым кумирам. Падение одного государственного устоя и замена его другим сопровождалось, как это обычно и проис-

[1] *Терапиано Ю. К.* Встречи: 1926—1971. М.: Intrada, 2002. С. 185.

ходит в эпохи бурных революционных преобразований, высокой мифотворческой активностью. По одну сторону границы, в Советском Союзе, Петербург, ставший Ленинградом, превратился в советской мифологии в «колыбель трех революций», в священный топос официозной истории, что, впрочем, не мешало его провинциализации и медленной утрате былых привилегий. По другую — в эмигрантском рассеянии, он олицетворял утраченную державность, утопическую мечту о воссоздании развалившегося государства. При этом за Петербургом в сознании эмигрантов закреплялись особые свойства державного города, как у цитированного выше Петрониуса: «В Копенгагене живет около половины всего населения Дании. В Лондоне — шестая часть. В Париже — десятая. В Петербурге (добольшевистском) — всего сотая. А между тем ни в одной столице мира не ощущается так *державность* государства, как в этом, выброшенном на самый край необъятной Империи периферийном центре ее. Иллогизм Петербурга как бы запечатлел его державность. Перед этим иллогизмом склонилась и мечта поэта и логика историка». В рассеяньи сущие, вынужденные жить в призрачной социально-политической реальности, естественным образом мечтали о своем государстве, способном объединить их не виртуально, не метафорически, а как полноценных и полноправных граждан[1]. Здесь брала исток тоска о Петербурге как городе, который когда-то играл роль объединяющего центра разноплеменной России.

Здесь мы подходим к очень существенному для понимания «петербургского мифа» вообще и его бытования в эмиграции в частности (и, следовательно, для адекватного восприятия стихов, собранных в этой книге) момента. В достаточно общем и потому в известной степени обтекаемом виде он сводится к тому, что образ Петербурга, фактического центра национально-культурного космоса, как никакого другого российского города, неотделим от русской литературы. Он в такой же мере творение Петра, как и Пушкина (ср. в стихотворении И. Бунина «День памяти Петра»: «Великий и свя-

---

[1] Образ т. н. «эмигрантского государства» проходит через многие стихи беженцев. См. образное выражение дилеммы государственной раздвоенности эмигранта, его непринадлежности ни одному из «флагов» — ни советскому, ни французскому, в стихотворении Г. Иванова «Паспорт мой сгорел когда-то» (1955):

Красный флаг или трехцветный?
Божья воля или рок?
Не ответит безответный
Предрассветный ветерок.

Ср. в «Когда мы в Россию вернемся...» Г. Адамовича (1936): «Над нами трехцветным позором полощется нищенский флаг». К мотиву «эмигрантское государство» см. стихотворение В. Перелешина «Мы» (1934):

Во всех республиках и царствах,
В чужие вторгшись города,
Мы — государство в государствах,
Сплотившееся навсегда.

щенный Град,/ Петром и Пушкиным созда́нный»). Комикуя и насмешничая в своем обращении к стихам И. Северянина, но в то же самое время устанавливая некую непреложную истину, Дон-Аминадо писал в одном из своих стихотворных фельетонов, названном «Причина всех причин»:

...Ну не персик, ну не груша ли
Петербургский этот плод?!
Как мы жили! Как мы кушали!
Что читали, что мы слушали
У гранитных невских вод?!

<...>

И порой я с грустью думаю,
За судьбой следя угрюмою
Что она — итог грехов
И что все явилось суммою
Главным образом стихов!...[1]

Безусловно, на петербуржцах, попавших в изгнание, если вспомнить реплику грибоедовского персонажа о «московских», лежал «особый отпечаток». А. Бахрах писал о родившемся в Петербурге Владимире Вейдле, что он «принадлежал к тому, уже почти ископаемому, племени петербуржцев, которые успели сопережить последние звучания «Серебряного века» русской культуры. На нем как бы отражалась Арка Главного Штаба, в тени которой находилась квартира его родителей, и он всегда с долей сентиментальности восстанавливал в памяти город своего детства, свое училище — знаменитую «Анненшуле», бесконечные университетские коридоры, хождения в Эрмитаж на поклонение великим мастерам. Он и разговаривал «по-петербургски», да и писал с некоторыми изысками, хотя любил неожиданно вкраплять в свои ученые статьи кое-какие «словечки», но и тогда резко отталкиваясь от любой вульгарности»[2]. К этому «отпечатку» как к эзотерическому опыту апеллируют многие из стихотворных ретроспекций, зачастую оставляя главные имена и символы в зоне молчания. Ограничимся одним только примером такого рода, чтобы стало понятнее, о чем идет речь. М. Струве, обращаясь в своем стихотворном послании к художнику С. Судейкину (оба бывших петербуржца жили в это время уже в Париже), вспоминал годы их петербургской молодости. Стихотворение заканчивалось строчками, содержание которых восходит если не к каким-то определенным биографическим обстоятельствам автора и его корреспондента, то во всяком случае к совместному опыту жизни в российской столице:

Ты помнишь, часто мы детьми смотрели,
В Смоленской ты и в Петербургской я,
На перелет высоких журавлей.
Теперь на них еще мы зорче смотрим.

---

[1] Последние новости. 1920. № 141. 3 октября. С. 3.

[2] *Бахрах Александр.* По памяти, по записям... II. (Публикация Григория Поляка) // Новый журнал. № 189. 1992. С. 354.

Я все сказал, пожалуй, на сегодня.
А в путаном послании моем
Прошу, запомни до другого раза —
Глаза, слова, снега и журавлей[1].

Однако сейчас речь идет не столько о конвенциональных петербургских кодах, сколько о широко бытовавшей традиции, в соответствии с которой досоветский Петербург приобретал родовые черты сакрального топоса. Буквально обволакивающая Петербург литературная аура воспринималась в Русском Зарубежье как лишнее подтверждение подлинных ценностей, исповедуемых в той, давней и исчезнувшей жизни, «на берегах Невы», в противоположность новой, лукаво-изворотливой и бесчеловечной коммунистической религии.

«Лиза ломала руки на Зимней канавке, белел плюмаж германовской шляпы, в черном окне мелькал гусарский ментик Лермонтова, и чьи-то руки набрасывали серебристый мех на покатые плечи Наталии Пушкиной», — этот фрагмент из очерка Ант. Ладинского «Санкт-Петербург»[2] не только привычная аллюзия на сокровенные для русской литературы имена и тексты. В трагической ситуации изгнания и отлучения от корней и истоков, когда нужно было как бы сызнова доказывать свою к ним принадлежность и свою от них неотрывность, роль подобных цитат и аллюзий выходила за рамки обычного литературного приема. Породнение города на Неве с русской литературой — факт, не подлежащий изъятию из духовных биографий ни одного, ни другой.

Столица — мысль, где стержень — Невский,
Венчалась с Пушкиным Нева,
Где высочайшие слова
Сказал сразитель вещества,
Коперник духа Достоевский, —

писал К. Бальмонт-эмигрант в стихотворении, проклинающем Зверя, разрушившего русскую Столицу. «Революция разгромила империю со всем ее духовно-творческим опытом, — в тон ему резонировал Иван Лукаш. — Два века изумительных побед и вместе зловещих ошибок, два века грандиозного творчества, создавшего Пушкина и Петербург, город-образ российского гения во всей его силе, красоте и напряженности, два патетических, творческих века российской нации сметены революцией»[3].

Призраки русской словесности в поэзии эмигрантов мелькают на петербургских площадях, улицах и переулках даже тогда, когда город менее всего предрасположен к литературной игре, как, скажем, во втором стихотворении из цикла В. Булич «Медаль за оборону Ленинграда», в котором герои пушкинской «Пиковой дамы» и «Медного всадника» появляются в осажденном фашистами городе.

Восхождение к петербургским литературным топосам (не обязательно их прямое упоминание или обыгрывание, речь, вообще говоря, идет о скрытом, имплицитном диалоге с русской литературной традицией как

---

[1] Сполохи. 1922. № 4. С. 2.

[2] Последние новости. 1928. № 2629. 3 июня. С. 4.

[3] *Лукаш И.* Путешествие в Петербург // Возрождение. 1929. № 1477. 18 июня.

таковой) становилось для изгнанника демонстративной формой утверждения коренных и кровных прав на звание русского писателя, пусть и с отъятыми правами российского гражданина. И Петербург (если перефразировать известное изречение Достоевского о «самом умышленном городе»), этот наиболее литературный polis в русской истории, стал для писателей-беженцев не только памятью о его былой красоте и мощи, не только поиском славного, но утраченного прошлого, не только горестной ламентацией об изломанных человеческих и творческих судьбах — все эти элементы в том или ином виде в эмигрантской интерпретации петербургской темы, безусловно, присутствуют, но являются лишь ее составными слагаемыми. Свойством интегративности же обладает сознание того, что через пушкинский Петербург или Петербург Достоевского («Ты не Петром, ты Достоевским создан», — писал, обращаясь к городу, поэт-эмигрант А. Топольский), в бесконечно разнообразных видах и формах, происходит приобщение писателя к материнскому лону отечественной культуры. В этом смысле можно без иронии говорить о «терапевтических» функциях «петербургского текста» русской литературы для поэта (писателя)-эмигранта, и прежде всего о снятии давящего психологического груза культурной отверженности. Нельзя не разделить мнения современного исследователя истории русской эмиграции, который пишет о том, что «в Русском Зарубежье развивался настоящий культ Пушкина. <...> В эмиграции образованные русские заново открывали для себя Пушкина как действительно своего поэта, самого близкого к ним не только с точки зрения языка и формы, но и из-за его приверженности творческой свободе, свободе, безжалостно растоптанной в большевистской России»[1].

Коснемся бегло лишь одного сюжета, настойчиво разрабатывавшегося в эмигрантской поэзии, — сюжета, связанного с пушкинской «Пиковой дамой». В эмигрантском «петербургском тексте» «Пиковая дама» представлена многократно и многовариантно, она в прямом смысле слова преследует воображение поэтов своей неотвязной магией и до конца неразрешимой загадкой[2]. Высокая приоритетность этого сюжета в первую очередь, конечно, связана с именем Пушкина. Но не только с ним. Обратим внимание, что почти во всех стихах на первый план выдвинута оперная версия «Пиковой дамы»[3] или, как у упомянутого Дукельского, ее театральная метафизика[4]. Через мистический карточный сюжет, сквозь который проглядывает тайна самой судьбы (присущий, кстати сказать, не только эмигрантской, но и «материковой» поэзии, см., к примеру, стихотворение В. Зоргенфрея «Герман») как

---

[1] *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939. Пер. с англ. / Предисл. О. Казниной. Москва: Прогресс-Академия, 1994. С. 125.

[2] Перечень текстов см. в комментарии к стихотворению Н. Агнивцева «Санкт-Петербург», прибавим сюда еще «Пиковую даму» Кальмы, «Послание к С. Л. Бертенсону» В. Дукельского и «Любезным девам не на зло» В. Злобина.

[3] См. по этому поводу: *Волков Соломон.* История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней. СПб., 2001. С. 128—130.

[4] См. еще стихотворение И. Северянина «Играй целый вечер...»: «Сыграй мне из «Пиковой дамы». / Едва ль не больнейшей из опер, / Столь трогательной в этой самой / Рассудочно-черствой Европе» (Сегодня. 1927. № 100. 6 мая. С. 2).

бы оживает память о Петербурге — зрелищном, сценическом, театральном (см. в этой связи стихотворение М. Струве «Театр»[1] или гл. 18, ч. I «Дневника в стихах» Н. Оцупа). Иными словами, в нем смешивается пушкинский мотив карточной загадки как метонимии рока, причем имеющий густой и неповторимый петербургский колорит, и личные воспоминания об имперской столице, немыслимой вне театральной перспективы. Тем самым происходит всегда благодатное для искусства преображение культурных архетипов и традиций в персональные художественные эмоции.

То же касается других манифестаций сложившегося в эмиграции «петербургского текста», связанного с коллективной памятью отечественной истории, в которой с возникновением новой столицы завязываются драматичнейшие сюжеты, скажем, декабристский мятеж — тема, нашедшая в русской зарубежной литературе отражение в историко-биографическом романе М. Цетлина (Амари) «Декабристы: Судьба одного поколения» (1933; 2-е изд. 1954) или его сборнике стихов «Кровь на снегу» (1939); из включенных в наше издание см. также «Они на площади стояли» И. Британа и отрывок из поэмы В. Маркова «Гурилевские романсы»; ср. в дополнение к этому стихотворение Я. Бергера «Это прошлое...»:

Это прошлое — пушки палили
и повешенных в сумерках — пять
барабаны безумные били
всю историю, каждую пядь.

Это прошлое, страх, предрассудки
даром разве идет на уста?
это утро в — тогда — Петербурге
разве кануло в дым навсегда?

Эти кони и крик над Невою —
и должно быть столица спала —
потускневшие там, за водою,
золотые тогда купола...

Эти в сумерках ранних, ей-Богу,
в Петербурге повешенных — пять
бледным строем, лицом к эшафоту
долго ль будут, у пушек, стоять?[2]

Этой же линии историко-культурных и историко-литературных цитат и реминисценций «петербургского текста» принадлежит тема сохранения в эмиграции духовных заветов Серебряного века. Подвергнутые преследованию и разоблачению в советское время, они оказались в долгосрочном изгнании. А для многих эмигрантов минувшая эпоха воспринималась как собственная реальная жизнь в культуре, и имена Блока, Гумилева, Кузмина, Ахматовой, Мандельштама означали не какие-то абстрактно-хрестоматийные знаки, а хорошо знакомых по Петербургу поэтов. «Петербургский текст» в этом

---

[1] Последние новости. 1929. № 2841. 1 января. С. 2.
[2] Новый журнал. № 92. 1968. С. 116.

смысле выражал некий густонаселенный художественными ассоциациями культурный ареал, восходящий в сознании эмигрантов к исключительно конкретному — памятному и чувствительно узнаваемому — прошлому. Сошлемся для иллюстрации на «заблудившийся трамвай» Гумилева, звучно погромыхивающий в эмигрантской поэзии и напрямую связывающий изгнанническую ностальгику с петербургской темой (см. в частности в нашей антологии «В Петрограде» Аргуса или «А поэты взяли да и вымерли» И. Чиннова[1]).

Прошлое восстанавливается «оживающими цитатами» и «оживающими картинами», и видение столицы в эмигрантских стихах нередко жанрово тяготеет к стиховым зарисовкам, при этом симптомом данного тяготения становятся словесные портреты конкретных петербургских картинок.

Так, Вера Лурье, ученица Гумилева, вослед «Заблудившемуся трамваю», вводит в свое воспоминание вывеску «зеленной»:

И гуляют важные торговцы,
Наслаждаясь солнцем и весной,
Точно нарисованные овцы
С вывески соседней зеленной.

Или вывески у Михаила Струве, тоже числившегося в учениках Гумилева (Гумилев даже говорил о Маяковском: «Не больше нашего Струве»):

Немудрые мелькают магазины.
Золоторогий бык и красной рыбы
Разрез на блюде с вилкой посреди.

Другие петербургские картинки берутся из интерьера — вот у того же Струве комнатка курсистки:

И над девичьей белой постелью,
Ни цветов, ни крикливых картин,
А «Сестра Беатриса» и рядом
Генрих Ибсен, Толстой и Куприн.

И у него же — комната белошвейки:

Ты кипятила кофей. Руки наши
Встречались, так был столик мал.
И только с карточки безумный Гаршин, —
Ты помнишь? — нас не одобрял.

Петербургский поэтический текст вообще склонен накапливать и сводить в единый иконостас обозначения и переложения «картинок», обрамленных композиций — от ведуты (у Марии Веги: «И Петер-

---

[1] Ср. образ «заблудившегося трамвая» в «Португальском пролетарии» Ю. Иваска из его сб-ка «Золушка» (Нью-Йорк, 1970. С. 46) или «непутевого трамвая» в стихотворении И. Елагина «Сам я толком не знаю» (Тяжелые звезды, 1986); прибавим сюда же «Трамвай без направленья» Б. Поплавского («Зеленый ужас»).

бург, стихи напевший мне, свернувшись, лег в гравюру на стене») до витрины:

Мощность Петропавловской твердыни,
Шпиль Адмиралтейства в облаках
И у Елисеева в витрине
Пара неуклюжих черепах!

(*Г. Сатовский-младший*)

Расстояние от витрины до петербургского окна не столь уж велико:

И в одном из кривых, из малых
Деревянных ее домов
Переплетный мастер Измайлов
Жил немало уже годов.
На нечистом окне и сером
Обозначено — кто живет,
И распластан там для примера
Синемраморный переплет.

(*Михаил Струве. Петербургская сторона*)

И переходя от мещанских кварталов к фешенебельным —

Ну что же, вспомним зимний полдень, дом
И на паркете отблеск розоватый,
Неву в сияньи снежном за окном,
А между рам — стаканчики и вату.
И пармские фиалки у окна,
Махровые, бледней обыкновенных.
Как я любил их!

(*Д. Кленовский*)

Окно всегда являет живопись, менее или более фигуративную:

Блестит окно в морозном чертеже.

(*Михаил Струве*)

О Рождестве, пушистом, рыхлом снеге,
О ледяных узорах на окне...

(*Александр Перфильев*)

Ледяные розаны на стеклах...

(*Георгий Адамович*)

...Когда над снежною Невою
Закат морозный не погас.
Еще на окнах розовеет
Последний блик его лучей...

(*Вера Булич*)

Да солнца стрелы золотые
Дрожат на окнах, как в былые
Давно ушедшие года...

(*Павел Булыгин*)

Аничков мост, Фонтанка, ряд карет
Дрожат в окне неясным отраженьем.

(*Мария Вега*)

(Заметим в скобках, что излюбленный оселок историософского сарказма, «окно в Европу», — не станем утомлять примерами из зарубежных ретроспективных упреков державному основателю, — иногда совмещается с проемами прославленных персональных окон, как у Михаила Айзенштадта:

Окно — вы помните? — на целый мир, в Европу ли,
Бушует ветер, финский ледяной
Над темною громадою Петрополя,
Над всадником с простертою рукой.
В окно — вы помните? — глаза глядели всякие
На снег, на острова и на метель,
На мощные колонны Исаакия,
На мелкого чиновника Акакия
Почти что легендарную шинель.)

Петербургский поэтический эмигрантский текст, встающий в позицию самооглядки, берущий на себя обязанность резюмировать и сгустить традицию, усиливает тенденцию экфразиса, описание картины города, точнее — города как картины. Процесс перевода архитектурных пейзажей, или предположительных многофигурных полотен, или городских фотографий на язык ритмизованной речи содержит в своем механизме посредующие, промежуточные тексты. Это образчики жанров городской бытовой словесности. К урбанистической малой словесности, устной и письменной, относятся — в порядке алфавита и весьма выборочно — афиши театральные («рассказ о влезших на подмостки», по дефиниции Маяковского), билеты пригласительные, библиотечные требования, вывески, домовые книги, классный журнал, меню, обложки книг, прейскуранты, путеводители по городу (вариант — устные объяснения, как куда пройти), расписание остановок городского транспорта (появляется даже семантика номера трамвая — «садись в трамвай, такой пустой, такой восьмой» — у О. Мандельштама, тот же маршрут у М. Струве — «Восьмой. Зелено-желтый знак. Скорее к прицепному»), реклама, речевки местных детских игр, траурные объявления и т. д. Может быть, самые главные городские жанры назвал один из первых в поэзии русского модернизма истовых описателей повседневной столичной улицы. Петр Потемкин писал Иннокентию Анненскому (отвечая на недошедшее до нас письмо, в котором Анненский утверждал, что импрессионизм не идет городу): «Я не согласен с Вами...в отрицании Вашем городской сказки. Мне даже кажется — не будь у города обманчивой фантастической личины, разгадай все его изнанку — рецепты да счета, — никто и жить бы в нем не стал»[1]. Все

[1] РГАЛИ. Ф. 6.

эти урбанистические тексты, рецепты да счета и прочее, прямо или косвенно, раньше или позже отражаются в стиховой петербургиане у эмигрантов. Напомним еще один жанр из этого разряда — список дел или перечень покупок:

Потом составлялся список
И мамаша была строга:
У Зеренсена сосисок,
У Бараковых — сига,
На Морскую в «Ниву» зайти,
Указать на неудобное положение,
Так как опять в пути
Где-то застряло приложение.

(*Валентин Горянский*)

В беженской мнемопоэтике различные списки сводятся во всеобъемлющий каталог, призванный перечислить «все»:

Я помню все — гранитные перила,
И Карповку, и путь на Острова,
Где муть залива солнечно застыла,
Где так душиста свежая трава.
И Летний Сад, и баржи на Фонтанке,
И грустный, затуманенный закат,
И в булочной румяные баранки,
Которые так шелково блестят.
Весенние, прозрачные недели,
Подснежников густую полосу,
Сверкающие лужи на панели —
В душе я осторожно донесу.

(*Анна Таль*)

Реалии петербургского быта 1917—1921 гг. вызвали к жизни новые фольклорные жанры, например, амебейные композиции споров в очереди. Очереди, быстро получившие наименование «хвостов» с последующей разработкой соответствующего метафорического ряда (непременная шутка тех лет о том, что Дьявол уже на подходе, ибо хвост уже виден), тоже предоставили свою риторику эмигрантской поэзии — у одного из эмигрантов в 1919 году:

Успокойте ваши нервы;
Что же вы там все орете?!
Вы в хвосте стоите первым,
Значит, первым и войдете.
— Бросьте вы; не рассуждайте:
Хоть и первым получаю,
Но за то, не забывайте,
Я и первым все съедаю.

(*Михаил Миронов*)

Безусловно, отмечаемые здесь конкретность и узнаваемость петербургского прошлого не только не противодействовали, но, напро-

тив, усиливали метафизические обертоны топоса невской столицы, соединяя давние и недавние времена в едином литературном образе, как, скажем, в трехстишном реквиеме В. Набокова «Памяти Гумилева» (1923):

> Гордо и ясно ты умер, — умер как муза учила.
> Ныне, в тиши Елисейской, с тобой говорит о летящем
> медном Петре и о диких ветрах африканских —
> Пушкин[1].

Главную посылку, на которой строится патетика былых жителей метрополиса, мы находим в самых истоках изгойской лирики, как заметил с содроганием в своем отклике на выход в Петрограде в 1922 году книжки древнегреческого поэта филолог Григорий Лозинский, убежавший в августе 1921 г. с помощью финна-контрабандиста и проживавший в Париже: «Две с половиной тысячи лет назад народная партия изгнала из Мегары поэта Феогнида, горячего сторонника аристократического образа правления. <...> И через две с половиной тысячи лет эти песни изгнанника, зачатки "эмигрантской поэзии", сохранили для нас свою свежесть. Возможно, что переводчик, избрав темой своей работы сборник Феогнида, и не имел в виду его злободневность, но затушевать ее он не мог, и именно как близкую нам мы воспринимаем значительную часть элегий...«Город наш все еще город. Но люди — другие», восклицает он, затаив жажду мести»[2].

В формуле «город тот же, люди другие» передана структура мотивной схемы эмигрантских стихов об оставленном месте — например, у Татианы Остроумовой о «крае, где петь впервые я училась»:

> Мне б знать, что здесь средь дымных пург,
> Как на смотру иль на параде,
> Стоит Петровский Петербург
> В чужом и страшном Ленинграде.
> И вздыбив верного коня,
> Воспетый правнуком арапа,
> Все тот же Петр. Так пусть меня
> Терзает бархатная лапа....

---

[1] В связи с набоковской ассоциацией Гумилева с Медным всадником заметим, что эта параллель организует и стихотворение Б. Волкова «Гумилев» (сб. В пыли чужих дорог. Берлин: Парабола, 1934. С. 46):

> Ах, пронзают сердца амуры,
> И от грез избавленья нет!
> Помните ль вы гравюры
> Петровских Больших побед?
>
> В грохоте бранной Славы
> Проходят года, звеня,
> И всадник, вдруг, величавый
> Вздыбил на ходу коня.

[2] *Лозинский Г.* Элегии Феогнида из Мегары. Перевел Адриан Пиотровский. П., 1922 // Звено. 1923. 22 октября.

Формула иногда может быть и обращена — «люди те же, а город другой».

Выделяя зарубежный филиал «петербургского текста» русской поэзии, приступая к систематизации и описанию всего корпуса изгнаннических гимнов и диатриб столице, мы видим, что поэтическое напряжение, и следовательно, залог известной живучести этих стихов, зиждется на смысловом конфликте между разного рода статическими и разного рода динамическими компонентами, притягиваемыми самой титульной темой.

Статику предполагает доминирующее мемуарное измерение эмигрантской стиховой петербургологии, статику окаменевшего времени, вывозимого, как известно, всеми в эмиграцию стоп-кадра последнего дня, каким бы он ни был —

А уезжая, думал «до свиданья»,
Смотря на невские стальные воды.
Пройдут недели, месяцы и годы,
И медленно умрут воспоминанья.
Забуду я мосты, проспекты, зданья
И за рекой, на Выборгской, заводы.

(*Евгений Шах*)

В прощальный час, в последний раз
Мы улыбаемся и шутим.
Трепещущий бессильно газ
Не разметет полночной жути,
Но видим мы — и стороной
Идем, по-прежнему болтая, —
И конский труп на мостовой,
И вкруг него собачью стаю.

(*Яков Бикерман*)

Жанр ностальгической полу-элегии, полу-оды городу, конечно, к 20-м годам XX века, тоже статичен по определению. Но биография переместившегося лица, т. е. (тоже по определению) — *судьба*, как мотив изначально предполагает некоторую динамику. И в рано осознанной дилемме эмигрантского поэтического самосознания — стихотворение как совершенное произведение словесного искусства или стихотворение как пронзительный «человеческий документ» (полемика В. Ходасевича — Г. Адамовича), стихотворения петербуржцев о Петербурге отчасти являются опытом преодоления этой принудительной развилки — они документируют лирику бездомности, дневниковые медитации «голого человека на голой земле». «Документализация» осуществляется анкетно мотивированной топонимикой, локально привязаными реалиями, картой, календарем, хронологией:

Я помню наших встреч привычные места,
Под перезвон пасхальных колоколен.

Касанья краткие разгоряченных рук,
Весенний небосклон над опустевшей Стрелкой,

И двух сердец нетерпеливый стук,
Перерываемый далекой перестрелкой.

(*Евгений Раич*)

Тематически заданные сочинения с заранее объявленной высокой степенью предсказуемости, сочинения про «город, явный с первых строк» (как сказал по, в общем, сходному поводу, Пастернак, по поводу беженки из Петербурга в Ленинград), преодолевают подразумевающуюся банальность введением личной, документированной, «тайны» — укромные местечки города с точными адресами.

Сопутствующие петербургской теме мотивные клише, тоже уже заведомо статичные в эту пору, — скажем, происхождение столицы как материализация бреда —

И здесь на зараженном нерве
Из бреда создал Чародей
Дворцы, темницы, храмы, верфи,
Призрак мятущихся людей.

(*Евгений Недзельский*)

или первородный грех города на костях («На спинах держат град старинный сто тысяч мертвых костяков» — Н. Агнивцев, «Хрустел под бледным Петроградом коварный костяной фундамент» — Е. Шах), или реванш топи блат —

И пошатнулся всадник медный,
и помрачился свод небес,
и раздавался крик победный:
«Да здравствует болотный бес».

(*Владимир Набоков*), —

все эти общие места и их производные преломляются новообретенной динамикой, энергией эпистолярного посыла, ведь многие из эмигрантских стихотворений — это как бы «письма туда».

В статические конструкции темы и жанров (а среди жанровых инерций числятся и псалмы-плачи об утраченном Иерусалиме) вписана диахроническая динамика двойной метаморфозы. Ибо эмигрантская стиховая петербургология прошла несколько стадий (в какой-то мере они соответствуют массовым изменениям эмигрантской психологии и историософии). Первая восходит к метаморфозе послереволюционного года, когда вся поэтическая эмблематика изменила семантику, начиная со шпилей и шпицев —

Осенний день раскинул крылья
Над утомленною землей, —
И петербургская Бастилья
Блестит кровавою иглой —

(*Б. Башкиров*)

и кончая самим «Медным всадником»:

И веще мнится, что с гранита
Старинной злобы не тая,
Виясь ползет из-под копыта
Полуожившая змея.

(*Александр Рославлев*), —

последняя неоднократно шипит в разных эмигрантских стихах, например:

Из-под гранита пьедестала
Пробился новый злобный гад,
Его раздвоенные жала
Коня и всадника язвят.

(*Александр Федоров, 1924*)

Происходит смена функций персонажей петербургской неомифологии начала века — Медный Всадник во время наводнения 1924 года у В. Гарднера говорит:

«Ты бушуй, красавица-царица,
Гневом обуянная Нева,
Покарай потомков ошалелых!
Ты в отмщении своем права.
Осквернили детище Петрово,
Переименован в Ленинград
Чудный город, плод мечты высокой;
Парадиз мой обратили в ад».

Наглядно происходит обращение, перевертывание, перезаполнение одической формулы «Где прежде — там ныне» — примеры слишком многочисленны, приведем лишь один, где город персонифицирован в его этимологически производном духе места — в городовом, с которым Блок попрощался в травестии городского романса:

Не слышно шуму городского,
Над Невской башней тишина,
И больше нет городового —
Гуляй, ребята, без вина.

Эмиграция реабилитировала этого неизменного носителя сатирической ноты (кажется, только Маяковский с его урбанистическим пантрагизмом выбрал его в свои двойники: «Где города повешены и в петле облака застыли башен кривые выи — иду один рыдать, что перекрестком распяты городовые»). Показательна в этом смысле история стихотворения Александра Радзиевского «Мечта обывателя», напечатанного в «Новом Сатириконе» послефевральским летом семнадцатого года:

Городовой... как звучно это слово!
Какая власть, какая сила в нем!
Ах, я боюсь, спокойствия былого
Мы без тебя в отчизну не вернем.

...Где б ни был ты, ты был всегда на месте,
Везде стоял ты грозно впереди.
В твоих очах, в твоем державном жесте
Один был знак: «Подайся! Осади!»
...Мечтой небес, миражем чудной сказки
Опять встает знакомый образ твой...
Я заблудился без твоей указки.
Я по тебе скорблю, городовой!

В широких слоях эмиграции это стихотворение потеряло свою ироническую интонацию, а заодно и автора — в сан-францисских изданиях «Блистательного Санкт-Петербурга» 1960-х годов оно было отписано Н. Агнивцеву, а лос-анжелесский журнал «Согласие» хотел видеть автором расстрелянного князя Владимира Палея.

Низший чин полицейской стражи, «порядка маг», как он назван в стихотворении «Санкт-Петербург» Дмитрия Каменского (Часовой [Брюссель]. 1952. № 320. С. 13), покрывается лирической дымкой —

Посередине мостовой
седой в усах, городовой
столбом стоит, и дворник красный
шуршит метлою.

(*Владимир Набоков*)

Пар валит от жаркой конской выи,
Пристав шел — порядок и гроза,
И уже без слов городовые
Поднимали строгие глаза

(*Валентин Горянский*), —

приобретает героические обертоны — при воспоминаниях о февральских днях:

В этот день машины броневые
Поползли по улицам пустым,
В этот день... одни городовые
С чердаков вступились за режим!

(*Арсений Несмелов*),

монументализируется через сближение с памятником Александру III:

Но неизменно каменное слово
Насмешника Паоло Трубецкого:
Гранитные комод и бегемот,
И всадник, в облике городового,
Украшенный кровавым бантом зря;
Февраль слиняет в ливнях Октября!

(*Александр Перфильев*)

и, подобно Милицанеру из поэзии будущих эпох, стоит, исполненный предчувствий, в центре санкт-петербургского космоса:

Восходит солнце над Невою,
Церквей сверкают купола.
Летит в лазурь над головою
Адмиралтейская игла.
Фигура резкая застыла
Городового на посту.
Глаза его глядят уныло
Куда-то мимо, в пустоту!

(*Анна Таль, 1925*)

Ко второй половине 20-х — стихи экс-петербужцев о Петербурге начинают наследовать энергию очередной метаморфозы — ностальгической. Как говорила Ахматова — «Вы заметили, что с ними со всеми происходит в эмиграции? Пока Саша Черный жил в Петербурге, хуже города и на свете не было. Пошлость, мещанство, смрад. Он уехал. И оказалось, что Петербург — это рай. Нету ни Парижа, ни Средиземного моря — один Петербург прекрасен», — повторяя, впрочем, наблюдения К. И. Чуковского в предисловии к книге Саши Черного в «Библиотеке поэта». В стихах появляется топика и риторика, заставляющая вспомнить чеховский пассаж (эта фраза приводится как пример чеховского блеска в лекциях петербуржца Набокова, придирчивого наблюдателя эмигрантской стилистики): «Обыватель живет у себя где-нибудь в Белеве или Жиздре — и ему не скучно, а приедет сюда: "Ах, скучно! ах, пыль!" Подумаешь, что он из Гренады приехал». Возникает конструкция «здесь и там», как и называется стихотворение В. Гарднера — где даже финские конькобежцы его не устраивают:

И образы прежней России
Рисуются снова в мечтах.
Вот вижу зиму в Петрограде;
Скользят по катку на «Прудках».
...Подружек ведут гимназисты;
Идет за четою чета...
Свежи по зиме поцелуи,
И нектара слаще уста.
...Ребята в Руси говорливей,
Проказники много резвей;
Смышленей, смелее мальчишки,
И девочки наши нежней.

То есть, стихи подзаряжаются энергией преодоленного заблуждения, снятого проклятия, усмиренной злобы. Есть и еще один динамизирующий поворот темы, еще один энергетизирующий момент для ухода от штампа, которым чреваты стихи из раздела patriotica на чужбине. Из прошлой петербургской жизни выбираются реалии, которые ранее, в 1910-е годы, несли тему континента («серым пеплом от окурка Европы» назовет Петербург Евгений Недзельский), скажем, «пармские фиалки» или магазин «Цветы из Ниццы» — как у М. Струве —

Здесь о садах на море бирюзовом
Мечтает привозной французский рай, —

то есть, компоненты того зазеркалья, в который ныне переместился пишущий, и которые в своем соприродном контексте начисто лишились своего поэтического ореола, как, скажем, более или менее достижимая Ницца в вспоминательных стихах Николая Оцупа о 1918 годе:

Где снегом занесенная Нева,
И голод, и мечты о Ницце,
И узкими шпалерами дрова,
Последние в столице.

Воссоздание опознаваемого города в лирическом стихотворении состоит во введении уникальных зрительных и слуховых деталей, а в петербургской поэтике начала прошлого века, как правило, сочетания тех и других, и обычно — минимума этих деталей, звукозрительной пары:

Последний свет погас в окне,
И мы следим в сияньи братском,
Как медный всадник на коне
Летит по площади Сенатской.

И вот навек запечатлен
Тот миг...Загадочно-недавен
В моих ушах, как сон, как тлен,
Звенит-звенит еще — «Коль славен»...

(*Татиана Остроумова*)

Можно говорить об особой поэтике эмигрантского миража, который может быть немым и звуковым, и Петербург сравнительно с Москвой скорее беззвучен — вот вариации «Песни Миньоны» у петербуржанки Татианы Остроумовой:

Туда, где воздух чист и волен,
Где на булыжнике трава,
Где средь узорных колоколен
Расселась жирная Москва.

Туда, туда, где Питер четкий
Вонзил в луну блестящий штык,
Где близок ночью, сквозь решетки,
Дворцов таинственный язык.

Итак, Петербург вошел в русскую зарубежную литературу не только как тема, но и как присущий этой теме определенный стиль, как форма поэтики. В качестве стилевого фактора город в полном смысле слова стал текстом. «В прежнее время [т. е. для эмигрантов первой волны. — *Р. Т.*, *В. Х.*], — писал Ю. Терапиано, — собирательный термин "Петербург" означал требовательное, прежде всего — к самому себе, отношение поэта, уровень не только формальный, но

также уровень внутренний, уровень вкуса и стиха, тогда как прежняя "Москва", например, была к себе менее требовательна именно в последнем смысле, удовлетворяясь порой "блеском и треском", или чисто формальными достижениями. Довоенный Париж, получив петербургскую преемственность, сумел сохранить и даже развить эту традицию. "Париж", как и "Петербург", конечно, условный термин, и до войны и после войны были и есть поэты, живущие не в Париже, примыкающие к "парижской ноте", и в самом географическом пункте, Париже, есть поэты — не только даже не "москвичи", но просто — глубокие провинциалы»[1] .

Деление поэзии (вообще литературы) на «московскую» и «петербургскую» и извечный спор между Москвой и Петербургом были присущи русской зарубежной литературе на протяжении всей ее истории, начиная от ранних, «сменовеховских» времен[2] , включая как довоенную эпоху[3] , так и послевоенную пору — например, в отзыве на сборник стихов бывшей петербуржанки З. Троцкой «Вполголоса»: «С технической точки зрения, стихи Зинаиды Троцкой построены в духе дореволюционной «петербургской школы», они хорошо сделаны и гармоничны»[4] — количество примеров такого рода можно множить[5] .

Когда М. Осоргин характеризовал московскую литературную школу эпитетом «провинциальная», он не вкладывал в это уничижительного оттенка· в отличие от Москвы, земной опоры русской культуры, Петербург являл в литературном отношении черты формального новаторства, эксперимента, «европейскости», понимаемой в творческом смысле. «В самой России в свое время были два литературных течения, — писал он, сопоставляя между собой таллинский журнал «Новь» и харбинский «Врата»: — петербургское и провинциально-московское. Оценка их может быть различной; с нашей точки зрения, новаторство формы принадлежало Петербургу, твердыней литературы была русская провинция с центром — Москвой. В эмиграцию ушел главным образом Петербург, что очень сказалось на развитии литературы зарубежной, до сих пор отражающей его влияния в несколько окостенев-

---

[1] *Терапиано Ю.* Возрождение // Новое русское слово. 1953. № 15156. 25 октября. С. 8.

[2] См., к примеру статью Эм. Миндлина «Неосуществленный Санкт-Петербург» (Накануне. 1923. № 425. 4 сентября. С. 2—3).

[3] См. хотя бы в статье Н. Оцупа «О поэзии и поэтах», в связи с отзывом на сборник берлинских поэтов «Роща» // Числа. 1932. № 6. С. 142 или у него же в рецензии на пятый выпуск «Сборника Союза молодых поэтов и писателей в Париже» (1931) // *Числа*. № 5. 1931. С. 230. Ср. раздражение Бунина, который в ответ на статью Адамовича «О французской "inquiétude" и о русской тревоге» (Последние новости. 1928. № 2822. 13 декабря), в которой тот спрашивал: «Ну, еще раз будет описана лунная ночь, а дальше что?», не без язвительности замечал: «Я бы тоже мог недоумевать: ну, еще раз будет сказано про то, что Петербург "призрачный город", или про Медного всадника, или про усталость от бессонных ночей в "Бродячей собаке", а дальше что?» (Последние новости. 1928. № 2829. 20 декабря. С. 2).

[4] Современник. № 5. 1962. С. 75.

[5] Ряд соображений о «петербургской школе», не потерявших своей ценности до сих пор, содержит статья В. Вейдле «Петербургская поэтика» (1968), вошедшая в его кн. «О поэтах и поэзии» (Париж, 1973).

ших формах, особено в так называемой "поэзии", то есть в стихотворстве; оттуда же идет и преобладание "литературной критики", т. е. рассуждение о творчестве — над подлинными опытами творчества. С волной беженства, в страны лимитрофные и в центры Европы ушел Петербург, на Дальний Восток ушла через Сибирь провинция»[1]. Несмотря на известный схематизм и некоторое огрубление истинной картины, мысль Осоргина тем не менее заслуживает внимания.

Конечно, прежде всего здесь элементарно сказывалась влюбленность в город тех, кому пришлось вкусить горького хлеба изгнания и кто в эмиграции продолжал жить, если воспользоваться фразой из начала набоковского «Соглядатая», «призраками своих петербургских привычек». Некой эмигрантке, ребенком увезенной из России, удалось побывать в Ленинграде. В очерке, в котором она рассказала об этой поездке, среди прочего, есть момент острых ностальгических воспоминаний о городе детства: «Большинство воспоминаний о Петербурге написаны в одном ключе: не подберу другого слова — в ключе влюбленности. Об этом городе говорят как-то особенно, как о первой любви, как о загадочно-погибшей Атлантиде... Пишет, например, человек серьезную статью (или книгу) и вдруг всплывает заветное имя — Петербург, и в статью (или книгу) врывается лирическое отступление, сухая статья превращается в поэму, хоть и не всегда в стихах»[2]. Неповторимость, исключительность, ни-на-что-непохожесть «блистательного Санкт-Петербурга» — генеральная линия, апофеоз поэтического видения мира из чужедали изгнания. Колорит всех реалий быта определяется тем, что они принадлежали когда-то «петербургскому космосу» или были тем или другим способом связаны с ним, неся на себе его особую отметину. Об этой «прирастаемой» ко всем находившимся в петербургском окружении предметам и явлениям приставке «санкт» толкует одновременно шутливое и серьезное «четеростишие о снеге» бывшего петербуржца Б. Божнева (сб. Саннодержавие. Париж, 1939):

Из санкт-трубы восходит санкт-дымок,
Санкт-голуби гуляют по санкт-крыше...
Снег выпал, как молочный эпилог,
Но я уже пролог сверканья слышу.

Помимо других факторов и коннотаций петербургская сакральность усиливалась тем кровавым спектаклем, который был разыгран на подмостках российской истории в революционную эпоху. Если говорить о воплощенных в жизнь пророчествах «крушения гуманизма» и культурного одичания, то первыми их жертвами, в глазах российской художественной интеллигенции, оказались петербуржцы Блок и Гумилев, со смертью которых, по словам современницы, завершился целый период российской истории[3]. «Смерть поэта», совершив после рокового выстрела на Черной речке без малого вековой оборот, вновь повторилась в петербургском пространстве. Пушкинский ореол, осеняющий Поэта пророческим даром, превратился в новых исторических обстоятельствах в символ мученичества и насильственной смерти.

[1] Современные записки. № 60. 1936. С. 467.

[2] *С.* За живыми душами // Возрождение. № 196. 1968. С. 8.

[3] *Берберова Нина*. Курсив мой. М.: Согласие, 1996. С. 157.

С другой стороны, в сакрализации эмигрантами бывшей столицы бывшей Российской империи сказывался сильный привкус ностальгии по «былому Петербургу». Стихи эмигрантов о «былом Петербурге» — своеобразный Азлитов шар из повести А. Толстого, в котором волшебным образом проплывают застрявшие в памяти клочки минувшего. Само выражение «былой Петербург» прочно укоренено в беженском лексиконе: так, например, определял жанровое единство своих стихов Михаил Струве. Так же, к примеру, назывался один из вечеров в Париже, организованных обществом «Быстрой помощи» 7 января 1933 года. О программе этого вечера сообщалось следующее:

1. «Старый Петербург» — вступительное слово г. Жоржа Бордон, председателя Международной федерации журналистов.

2. «Петербургская опера XVIII в.» (эпоха Екатерины II) — арии «Бержеретт» и «Пастурелль», исп. (в костюме эпохи) артистка парижской Опера-Комик г-жа де Жерандо (Баратова).

3. «Петербургская опера XIX в.» — ария из оперы Мусоргского *Борис Годунов*, исп. по-французски А. А. Смирнов.

4. Монолог Татьяны из *Евгения Онегина* прочтет арт. Моск. Худож. Театра М. А. Крыжановская (французский перевод в стихах, сделанный кн. В. В. Барятинским, будет приложен к программе.

5. «С.-Петербург 1780 гг.» — ария Полины из *Пиковой Дамы*; «С. -Петербург 1830 гг. — ария Ольги из *Евгения Онегина* — исп. Е. Н. Эверт (ученица М. А. Славиной).

6. Балетные танцы — исп. Люба Руденко под упр. Арт. Императорского балета Л. Р. Нестеровской. Декорации старого санкт-петербургского салона с видом на Неву и Петропавловскую крепость написаны Е. А. Бенуа по эскизу А. Н. Бенуа. Программы с рисунком А. Н. Бенуа.

7. По окончании артистической программы состоится с участием публики «петербургский бал» (вальсы, мазурки и т. д.), который откроется полонезом, причем в первой паре пройдут Л. Р. Нестеровская и кн. В. В. Барятинский[1].

В своем роде «вийоновская» печаль о Петербурге «былых времен» в эмигрантской литературе неистощима. Она может приобретать краски легко-иронического бурлеска, как, предположим, в стихотворении П. Якоби «Лет 35 тому назад»:

Лет 35 тому назад.
Блистал огнями пышный Невский
И из Сената Карабчевский
В бобрах летел на маскарад
Лет 35 тому назад.

<...>

Лет 35 тому назад
Нас в Павловск влек маэстро Галкин,
Пленял икрой «Медведь» иль «Палкин».
Ах! Был балык! Закусок ряд...
Лет 35 тому назад![2]

---

[1] Последние новости. 1933. № 4304. 3 января. С. 5.

[2] Для Вас. Рига. 1934. № 20. 13 мая. С. 14.

А может звучать подлинной ностальгией, как в стихах жившего в Париже и погруженного в эзотерические учения Г. Ф. Кумминга (приводимое ниже стихотворение «Петербуржец — Питеру»[1], пожалуй, одно из немногих, что не окутаны плотным флером мистики в его книге «Яхонты на опале» — Мюнхен, 1963. С. 76—78):

1

О, детства друг мой неразлучный, —
Мой Петербург, мой город снов,
Где цвел впервые стих мой звучный
У шумных невских берегов!

О, как в те дни ты был мне дорог,
Когда по невской мостовой
Автомобилей тридцать, сорок
Неслись сплошною чередой.

Когда оркестры раздавались
В Вилле Родэ и у Кюба,
Да у «Медведя» наслаждались
Пунцовым пуншем с pêche Melba;

Когда в партерах оживленных
Пестрели фраки, декольте;
Когда вдоль улиц освещенных
Неслись в кафе и варьете;

Когда, под звуки вальсов плавных,
Коньки в Юсуповом саду
Девиц кружили благонравных
По «лакированному» льду;

А в полдень, с крепости Петровой,
В контакте с Пулковым, всегда
Палила пушка выстрел новый,
Не подводивший никогда;

Когда, Филипповский, горячий
С мороза скушав пирожок,
На острова или на дачу
Летели в тройках в прыть и скок;

Когда на Масляной неделе
Неслись на вейке с бубенцом,
А в праздник «А» да «Н» блестели,
Как бы обнявшись под венцом;

Когда бульвар Конногвардейский
Был чудом в «Вербу» превращен;

---

[1] В сопровождающем его авторском примечании сказано: «Описанное здесь впечатление было воспринято автором в ноябре 1921 г.».

Когда маститый полицейский
Вам козырял со всех сторон;

Когда под Пасху в ночь, Исакий
Четыре факела являл,
И каждый храм и храмик всякий
С ним в унисон благовещал!

2

О, мой родимый, бедный город!
Что сделали они с тобой!
Едва где встретишь шубы ворот:
Лохмотья, шваль... По мостовой,

Траву пощипывая, козы
Да овцы бродят... Где тогда
Был залит серебром морозов,
Где некогда детей орда

Перед игрушками толпилась,
Где царственный Гостиный Двор
Блестел, кишел — там появилась
Что ужасающий забор,

Досчатых ставней вереница, —
Там пусто и безлюдно все,
Когда-когда лишь прокатится
Где ломовое колесо.

И только ночью, в тьме кромешной,
Средь улиц мертвой глухоты,
Пыхтит авто на обыск спешный
Или везут кого в «Кресты».

Дома разрушены, разбиты:
Повсюду — тиф, «испанка», грипп...
О, Господи! Не допусти Ты,
Чтоб славный город мой погиб!

В приведенных строчках отразился важный для эмигрантской петербургологии топос «кулинарной тоски».

Мотив «еды», один из сквозных в эмигрантской литературе вообще (см., к примеру, «Поэму еды» жившего в Харбине Вс. Иванова или сборник стихов парижанина А. Попова «Побрехушки кухмистерские»), нередко вплетается кудельной нитью в ностальгические воспоминания о «былом Петербурге». И хотя эмигрантская критика с известной долей пуризма отнеслась к стихам Агнивцева с их обилием ресторанного быта, сам по себе гастрономический колорит был неотъемлемой частью каждодневной жизни «блистательного Санкт-Петербурга» (см. хотя бы «Поэзу для лакомок» И. Северянина). На это указывают и другие современники Агнивцева, оказавшиеся за

границей, называя те же рестораны, скажем, в воспоминаниях Вл. Крымова, описывающего период Первой мировой войны: «Винные лавки были закрыты с первого дня войны, но у «Медведя», у «Кюба», на «Вилле Родэ» было сколько угодно шампанского, в кабинетах оно подавалось просто в бутылках, а в общих залах в больших фарфоровых кувшинах и вместо бокалов наливали в чашки, в «Аквариуме» на Каменноостровском проспекте начались особенно блестящие вечера, длившиеся далеко за полночь, они назывались шампань-танго, публика была избранная, денежная»[1]. Посетители этих ресторанов, вспоминал современник, делились на классы: «...гвардейские офицеры, общественные и финансовые деятели, вышие чиновники и сановники считали необходимым один-два раза в месяц позавтракать у Кюба или Пивато на Морской) и пообедать у Донона или в «Медведе». Купечество и средний класс предпочитали «Малый Ярославец» (на Морской), Палкина (на углу Невского и Владимирской) или «Прагу», которую также охотно посещали литераторы и артисты. Но, как общее правило, петербуржцы бывали в ресторанах преимущественно для деловых свиданий и встреч»[2]. Петербургская тема призраков, видений, фантомов естественным образом получила в эмиграции новый импульс. Не будет преувеличением сказать, что в поэзии изгнания город достиг завещанной ему проклятием аутентичности, он стал тем, чем и должен был стать — городом эфемерной памяти, нереальным, растворяющимся в самом себе ландшафтом. «Петербург — не штукатурка, не камни. Петербург — это видение»[3].

Отходная по «былой столице», плач о «мертвом городе» превращаются в один из постоянно звучащих мотивов в эмигрантской поэзии о Петербурге. Вариации здесь могут быть весьма разнообразные, но сам набор используемых сюжетов и их повторяемость относительно постоянны и достаточно стабильны. Так, инвариантным выглядит сравнение Петербурга с Римом эпохи упадка — от «Третьего Рима» Г. Иванова до, скажем, стихотворения «Вечный Рим» В. Перелешина (1932—33), в которых звучит тема гибели Петербурга[4] (из включенных в наст изд. стихотворений см. «Элегию» А. Ладинского и соответствующий комментарий). В том же ряду параллель россий-

---

[1] *Крымов Вл.* На верхах Петербурга перед революцией // Новое русское слово. 1965. № 19230. 2 ноября. С. 2; ср.: «Ресторанов, закусочных, демократических трактиров было в столице множество. Процветал знаменитый «Палкин», особенно славившийся котлетами «марешаль». На улице Гоголя помещался ресторан «Вена», излюбленный писателями, журналистами и чиновным людом. В летнее время мужья, отправившие свои семейства на дачу, сами столовались в «Вене» похолостому» (*Гейштор* К. Былой Петербург // Новое русское слово. 1967. № 19816. 11 июня. С. 7).

[2] *М. В.* Доброе старое время: О старом Петербурге и его обывателях // Новое русское слово. 1978. № 24762. 26 декабря. С. 2.

[3] *Вейдле В.* Безымянная страна. Paris: YMCA-Press. С. 10.

[4] Это может служить «некропольным» поворотом темы Петербурга как новой столицы европейско-христианской цивилизации, созданной «строителем чудотворным» с антиримским умыслом, см. об этом: *Лебедев Глеб.* Рим и Петербург: археология урбанизма и субстанция вечного города // Метафизика Петербурга. СПб., 1993. С. 47—62.

ской столицы с разрушенной Помпеей. Причем это разрушение носит внутренний характер, относится к нереставрируемой никакими внешними, материальными усилиями духовной сфере. Только эмигранты-петербуржцы могли во всей полноте оценить ущерб, нанесенный городу революционным Везувием. Спустя чуть менее полувека сын А. В. Тырковой-Вильямс, кому в отроческом возрасте пришлось покинуть родной Петербург, писал в своих воспоминаниях: «Да, если бы я сейчас проходил по забытым, но еще знакомым улицам города, в котором я вырос, то все эти темные мысли и воспоминания, вероятно, охватили бы меня, и я видел бы кругом только реставрированные (иногда может быть и не плохо) мертвые здания, из которых отлетела бывшая петербургская жизнь, когда-то бившая ключом... Мне, вероятно, казалось бы, что я шел по реставрированным Помпеям, в восстановленных развалинах которых начала копошиться жизнь»[1].

Петербург, оставленный беженцами, запомнился им как умирающий город в его Судный день (образ из стихотворения П. Терентьева «Мы не устанем ненавидеть»[2]). Смерть коснулась прежде всего священных символов[3], а затем распространилась на весь круг прошлой жизни. Не удивительно, что центральным образом многих стихотворений о гибели Петербурга является тот, кто этот город задумал и подчинил воплощение дерзко-гениального замысла своей непререкаемой воле. Но как неотделимо в русской истории и культуре величие творения Петра с пророчеством о близящемся времени возмездия, так же тесно сопряжена в сознании доживших до этого часа современников фигура гордо взметнувшегося на коне Медного всадника с его апокалиптической сутью. В эмигрантском варианте тема волевого решения Петра и последовавшего за ним наказания меняет привычную конфигурацию: исчезает не сам город, а населявшие его жители, вынужденные уйти в изгнание, за которое «строитель чудотворный» должен нести ответственность. Не без горькой иронии поэтому предпосылает Елена Аносова своему стихотворению «Град Петра», напечатанному в белогвардейской газете «Русская речь», эпиграф из Пушкина: «Красуйся, град Петров и стой / Неколебимо, как Россия!»:

Ну что ж, строитель чудотворный?
Твой конь до грани доскакал:
Ты в выси воздух пьешь тлетворный,
Твой град добычей смерти стал.

В игру веков, удачник славный,
Ты бросил дерзновенно кость,
Но ныне в город твой державный
Вступил непобедимый гость.

---

[1] *Борман Аркадий.* Мой Петербург // Новое русское слово. 1969. № 20501. 26 апреля. С. 3.

[2] Для Вас (Рига). 1934. № 13. 25 марта. С. 6.

[3] Ср. в Дневнике М. Добужинского (апрель 1920): «Иду пешком на Сенатскую площадь увидеть, как мальчишки бомбардируют камнями скалу Петра, очевидно, чтобы отбивать буквы. Уже не существует нескольких букв в обеих надписях. Я наорал, мальчишки разбежались» (New York Public Library).

И гибнет Петербург туманный!
Не жди: погибшего чело
На миг не вспыхнет славой бранной,
Его уж мглой заволокло.

Беззвучно конь ступает бледный:
Снята четвертая печать.
Ужель не дрогнет Всадник Медный?
Тебе ль, покорствуя, молчать? [1]

«Умирающий Петербург был для нас печален и прекрасен, как лицо любимого человека на одре», — писал Н. Оцуп в очерке «Н. С. Гумилев». Мертвый город глядит на читателя из многочисленного сонма произведений изгнаннической литературы:

Последний крик Тебе прекрасный —
Тебе мой лучезарный Град;
Людьми оставленный, несчастный,
Покрытый кровью Петроград!

(*Е. Мандель-Неверов*)[2]

Смотри, скончался огромный город,
С вершин соборов горят кресты.

(*Р. Блох*)

Камин охвачен пламенем утрат:
Витает боль над грудой лет сожженных;
И, в алых ранах, мертвый Петроград
Глядит из пепла, город прокаженных!

(*И. Тхоржевский*)[3]

«Ужель ты умер, Петроград?..»

(*П. Булыгин*)

В. Набоков в стихотворении «Петербург» («Так вот он, прежний чародей») пишет о городе, томимом голодом, «падшем властелине», который «умер, скорбен и один».

Город истекает кровью в стихотворении А. Головиной «Океанская глубь, океанская ширь»:

Питерсбурх, Петербург, Петроград, Ленинград...
Это Летний крыловский сияющий сад.

Почему же он вечно в крови и снегу?

В стихотворении М. Веги «Атлантида» столица опускается на дно, подобно затонувшей Атлантиде:

---

[1] Русская речь (Ново-Николаевск). 1919. № 47 (120). 6 марта. С. 3.

[2] *Мандель-Неверов Е.* Последний крик // Свобода России. 1920. № 31. 7 февраля. С. 3.

[3] *Тхоржевский И.* На Новый год // Новая русская жизнь. 1920. № 1.

И в медленном круженье белых пург,
Где чудится сквозь ветер бой курантов,
Та Тень, тот Дух, чье имя — Петербург,
Не сможет не узнать своих атлантов.

У И. Воинова («Город, обезлюженный алыми знаменами») Петербург придушен «вихрем мятежа», равно как и в рассказе И. Лукаша «Конец Петербурга»: «Вся прежняя жизнь уже иссякла. Вещи и камни еще раньше людей сдались холодной немоте и опустошению. Петербург со своими стылыми колоннадами, набережными и пустыми дворцами стоял в снегу, как торжественная гробница, и бой курантов на Петропавловской крепости казался пронзительным погребальным звоном в студеном молчании»[1], ср. сходные картины в воспоминаниях М. Талызина: «На проспектах выбоины», «у стен — кучи старого щебня», «на гранитной и мраморной облицовке Исаакия отражались тусклые отблески извозчичьих костров»[2]. Из поэтических произведений о гибели Петербурга (или превращении революционного Петрограда в библейский Содом) см. весьма показательную тематически, хотя и непритязательную художественно поэму Михаила Ленского «Сказка о Красном Звере. Революция Российская, бескровная» (Берлин, 1920).

Все это указывает на необходимость ввести в заключительный этап истории «петербургского текста», о котором так вдумчиво и подробно пишет В. Н. Топоров[3], чрезвычайно важный для него (текста) самого и для всей русской литературы в целом эмигрантский элемент.

Другая грань темы мертвого, разоренного Петербурга, к тому времени уже известного как Ленинград, проявилась в произведениях писателей, переживших блокаду в годы Второй мировой войны и попавших на Запад. С непривычным для тогдашнего советского читателя трагизмом величия осажденного города знакомил роман А. Дарова «Блокада», ср. также книги на эту тему: К. Криптон «Осада Ленинграда» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954) — дневники, которые автор вел в осажденном Ленинграде; Е. Скрябина «В блокаде» (Мюнхен, 1965); документальная повесть писателя и языковеда, профессора А. Богдановича (наст. имя Алексей Зоргенфрей) «Я — гражданин Ленинграда», которая печаталась в «Новом журнале» в 60-е гг.[4]; к восприятию блокадной темы в эмиграции см. рецензию К. Мочульского «Стихи о Ленинграде» (1946) — отклик на военную поэзию А. Ахматовой, В. Инбер, О. Берггольц, А. Прокофьева[5]; см. также написанные в эмиграции стихи, в которых боль за близких родственников, погибших в осажденном городе, становится выражением

---

[1] Возрождение. 1934. № 3273. 20 мая. С. 3.

[2] *Талызин Михаил.* По ту сторону. Париж, 1932. С. 203.

[3] *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 277.

[4] См. к этому также (неопубликованные) воспоминания эмигранта второй волны А. Покровского, угнанного на принудительные работы в Германию (хранятся в Русском Общественном Фонде А. Солженицына, Москва).

[5] *Мочульский К. В.* Кризис воображения: Статьи. Эссе. Портреты. Томск: «Водолей», 1999. С. 317—320.

сострадания ко всем его мученикам вообще[1]. Приведем полностью относящееся к данному разделу эмигрантской «петербургиады» (представленном в данном изд. «Блокадой» В. Поппер) стихотворение Р. Русланова (вероятно, псевдоним) «Петроград»:

Он строг и горд, великий град Петра,
Его воспела пушкинская лира,
Когда сияли бледные утра
Над строгою державностью ампира.

Здесь Медный Всадник руку распростер,
Зовет врагов для праведного спора,
И пламенеет солнечный костер
На льдах Невы и куполе собора.

Туман стоит в лагунах площадей,
Морозный пар в себя вбирает Невский.
И кажется, среди толпы людей
Сейчас мелькнет в шинели Достоевский.

Здесь блоковские встали вечера,
Когда луна багрова, точно рана.
И стынут в трех кафтанах кучера
На Островах, у входа ресторана.

Но сквозь виденья миновавших лет,
Превозмогая заговор традиций,
Как в чумный год, горит лиловый свет
Над грешной, осажденною столицей.

Здесь нет людей, здесь тени гонит страх,
Хотя театры не хотят закрыться.
Фанера в окнах, и в слепых домах
Лишь хрип и стон, да смертный пот на лицах.

Убийства здесь вершат из-за куска,
На белом снеге черной крови пятна;
В глазах отцов предсмертная тоска
О детях, не вернувшихся обратно.

Так жизнь нагая — грязна и проста,
Не замечают дней и канонады;
Хоть густо у Дворцового моста
Ложатся в ряд каленые снаряды.

А наверху преступно ясен свет,
И кровь зари стекает по аллеям,
И сумасшедший наступает бред
На страшный город, ставший мавзолеем.

---

[1] *Ламберт-Кутейникова Е.* «Мученикам Ленинграда» и «Светлой памяти брата моего Пети» в ее сб.: Отзвуки тяжкой годины. Париж, 1949 (соответственно: С. 26 и 27).

И ничего нельзя переменить,
Отбив засаду и зарывши мертвых;
Оборвалась завещанная нить
В тех улицах, над кладбищем простертых.

Осквернены музеи и дворцы,
Все, в чем жила и вера и отрада;
И навсегда застыли мертвецы
В ночной тиши на стогнах Ленинграда.

Едва ли не сквозь все тексты о Петербурге, написаны ли они теми, кто добровольно избрал участь скитальца, или теми, кто был подвергнут остракизму, явно или скрыто проходит библейская параллель с «изгнанием из рая», которая вообще занимает видное место в эмигрантской мифологии. Здесь не место давать пространный обзор этой проблематики, поэтому ограничимся лишь необходимыми замечаниями.

Сошлемся на стихотворение В. Злобина «Рай», в котором мифологема «покинутого рая» является опорной для всей текстовой композиции:

Как себе ты представляешь рай,
Праведных блаженные селенья?

Так, по-детски, просто: это — край,
Где целуются, едят варенье.
Где никто уроков не зубрит,
Не боится ничего, не плачет.
И у всех всегда довольный вид...

Ну, а мне он грезится иначе:

Мельница. Заснувшая река.
Ровный свет — ни яркий, ни холодный.
Лодка так стремительно легка,
Я скольжу, как тень, по глади водной.
Кто-то ждет меня в пустом саду,
Где сирень, костер и лай собачий,
Как тогда, в семнадцатом году,
В белой мгле, под Нарвою, на даче[1].

Память тех, кто был изгнан из этого рая, консервируя прошлое, тем самым вольно или невольно идеализировало его, возвышало над незавидным настоящим. Кроме того, и это в особенности нельзя недооценивать, отношение изгнанников к «блистательному Санкт-Петербургу» не могло быть беспримесным и стерильным. К нему естественным образом примешивались чувства острой неприязни и мстительной злобы, питаемые к новым хозяевам города, которыми были, как писал И. Бунин, «его краса, его твердыни / И алтари разорены». На этой сильно удобренной непримиримыми социально-политическими конфликтами почве и произрос «петербургский миф» русской эмиграции. В основе его лежало ностальгическое восприятие Пе-

[1] Новый журнал. № 33. 1953. С. 175.

тербурга как всезатмевающей «столицы мира»: «На земле была одна столица, / Все другое — просто города» (Г. Адамович). Придание Северной Пальмире черт «сверхгорода», «лучшего города на земле», в контексте беженской неустойчивости жизни, потери основ и устоев, болезненных ощущений фантомного существования было равнозначно утверждению горделивого сознания своего прошлого — происхождения, памяти и традиции — как неотменимой никакими социальными потрясениями высшей культурной ценности. В поэтическом плане этот эффект «патриотического высокомерия» проявлялся в подавлении петербургскими топосами чужого и чуждого эмигранту пространства, независимо от того, сколь восхитительно красивым и поражавшим воображение оно ни являлось само по себе.

Проекция дорогих сердцу изгнанника уголков Петербурга на окружающий его мир подчинены наплывам прихотливой памяти, но одно неизменно: Петербург — «город всемирный» (А. Блок) и центр мироздания. Примеров тому, что любой земной град не идет ни в какое сравнение с невской столицей, в русской эмигрантской поэзии несть числа, и не существует, кажется, ни единого, свидетельствующего об обратном. Здесь, несмотря на индивидуальные творческие пристрастия, политические и иные приоритеты, поклонение несходным, порой противоположным, идеалам и кумирам, среди поэтов царит дух полного единодушия. Приведем несколько иллюстраций этого, если можно так выразиться, «петербургоцентризма» или даже «панпетербургизма».

Петербургский мираж преследует В. Дитерихса фон Дитрихштейна в Мраморном море (ст-ние «Белый жребий», 1921):

Сей ночью мглистой Всадник Медный
Летит над гладью черных вод,
И гневен Петр, стезей победной
Воззвавший к славе свой народ!

Описывая в рассказе «Певец» «не создавший ни своего искусства, ни литературы» Константинополь, И. Сургучев восклицает: «О, божественный Петербург! Какая из столиц вообще может сравниться с Тобою? Твои дворцы, твоя Нева, твои мосты, твои проспекты и улицы, — только теперь, потеряв все это очарование, мы прозрели, мы поняли, что такое ты, и как велик был гений создавших Тебя!»[1].

Корвин-Пиотровскому Петербург снится в Берлине («Я полюбил Берлин тяжелый», 1930):

Здесь, только здесь и может сниться
Сон, невозможный наяву, —
Лед, сжавший черную Неву,
И в бездне — Зимняя Столица.

У жившего в Харбине Н. Светлова («За рубежом») образ Петербурга исправляет, выравнивает искривленное пространство:

Передо мною улица кривая
Принимает петербургский вид.

---

[1] *Сургучев Иван.* Эмигрантские рассказы. Paris: Книгоизд-во «Возрождение», 1927. С. 63—64.

Как бы воплощая слова А. Перфильева из его стихотворения «Точка» о том, что «Между Петербургом и Парижем Расстоянье — в несколько шагов»[1], парижский ландшафт соседствует с петербургским у Г. Адамовича («Ты здесь опять... Неверная, что надо»):

С каким-то невским ветерком от Сены
Летят, как встарь, послушные слова.

День настает почти нездешне яркий,
Расходится предутренняя мгла,
Взвивается над Елисейской Аркой
Адмиралтейства вечная игла.

Аналогично у Н. Оцупа (из написанного в послевоенные годы цикла «Эмигрант»):

Конкорд и Елисейские поля,
А в памяти Садовая и Невский,
Над Блоком петербургская земля,
Над всеми странами Толстой и Достоевский.

То же характерно для Г. Раевского («Крепчает и трещит мороз...»):

Внезапно вижу наяву
Не замерзающую Сену, —
Лед, снежный ветер и Неву,
Единственную во вселенной.

В поэме Л. Акса «Улица» память о Неве вспыхивает на фоне Эйфелевой башни:

На сердце острый нож.
В окне — мельканье пашни,
И понятая ложь
У Эйфелевой башни.
— Помнишь голубую Неву?..[2]

---

[1] См. пример, относящийся не к эмигрантской, а метропольной литературе: в рассказе «Под куполом», описывающем парижскую жизнь, О. Форш отмечает архитектурное родство Пантеона с Исаакием: «...Пантеон торжественно и молча <...> развернул свою колоннаду, чем вызвал братское сходство с далеким Исаакием, отбросившим наконец-то свои костыли» (*Форш Ольга.* Под куполом. Л.: Прибой, 1929. С. 8).

[2] Заметим, что подобная смежность возможна и в советской поэзии, но здесь она носит почти неизменный идеологический характер: сравнение революционного Петрограда с революционным же Парижем, когда «угрюмый Петроград / на час веселым стал Парижем» (*Герман Эммануил.* Растопленный полюс. М.: Изд-во О-во «Огонек», 1929. С. 17):

В ту ночь Нева была — как Сена,
Слезились веки мокрых крыш.
Болотным маревом измена
Ползла на северный Париж.

И. Чиннов не делает никакого различия между Петербургом и Парижем («Нарциссы, и голубоватый день, и труп»):

На Петербург похожий бредовый Париж...[1]

У В. Дукельского Бостон выглядит Петергофом («Афины Севера»):

Мне Бостон в прошлое оконцем
Казался; уверяла мать:
«Здесь Петергоф — ни дать, ни взять!»

З. Троцкая не может разобраться, в каком городе оказалась («Мне часто снится свет какой-то смутный...»):

Не в том я городе, что час назад.
Бродила, помню, раньше по Парижу —
Теперь Нью-Йорк... нет, словно Петроград.

То же смятение чувств переживает В. Завалишин, который «в баре нью-йоркского Сохо» ощущает себя как «в пивнухе возле Невы» («Петербургский бред»).

Все той же аберрации сознания подвергнут и И. Елагин, в стихах которого «нью-йоркский рассвет» вплывает «прямо в белую ночь над Невой» («Я сначала зашел в гардероб»).

К. Померанцев («Флоренция»):

За окном флорентийское небо
и на нем петербургский рассвет.

С. Голлербах, оформляя сборник стихов жившего в Китае В. Перелешина «Три родины», изобразил на обложке Медного всадника, а за ним китайского дракона.

В этих сближениях царят «иллюзии», «аберрации», «смещения» памяти, «путающей» чужое пространство с родным, накладывающей одно на другое[2], что, как правило, мотивируется особым эмоциональным состоянием самого автора (в стихах) или его героя (в прозе). В рассказе Н. Городецкой «Lutetia» героиня, живущая в Париже русская эмигрантка, теряя топографические ориентиры и уже не зная в точности, «где живет», «шла по набережной Сены и думала о синей Неве и, как победный марш, повторяла Медного Всадника...»[3]. Подобно ей галлюцинирующий герой Г. Газданова (рассказ «Княжна

---

[1] Числа. № 10. 1934. С. 23.

[2] Эти миражи имели, впрочем, иногда вполне реальный топографическо-бытовой фон, например, некоторые привычные детали петербургской обстановки, почти не видоизменившись, перекочевали в Париж — магазины, трактиры и пр. Ср., напр., в воспоминаниях Л. Доминика: «С правой стороны <от Демидова переулка> стоял великолепный, блещущий большими стеклами бакалейный, кофейный и чайный магазин. Кузнецова. Да, того самого Кузнецова, у которого уважаемый читатели попивают и по сей день чай в Париже» (*Доминик Лев.* Моя петербургская топография // Русская мысль. 1976. № 3103. 13 мая. С. 9).

[3] Возрождение. 1934. № 3335. 21 июля. С. 3.

Мэри», 1953) бредит блоковскими строчками «Ночь, улица, фонарь, аптека», прилагая их к своему парижскому «страшному миру», хотя «это могло быть где угодно — в Лондоне или Амстердаме — эта перспектива зимней улицы, фонари, мутное освещение витрин, беззвучное движение сквозь снег и холод, неверность того, что было вчера, неизвестность того, что будет завтра, ускользающее сознание своего собственного существования...».

Мы полагаем, что эта пространственная путаница, свободная «выдвигаемость» одного географического локуса и его «вдвигаемость» в другой, независимо от того, какие реальные физические расстояния их разделяют (ср. в стихотворении О. Ильинского «Триумфальные арки» (1965): «Где мы? В Нью-Йорке? Но смыты преграды: / Мы вдвинуты в рамки иного пласта; / Сквозь прорезь чугунных оград Петрограда / Льдины ныряют в пролеты моста»), является специфической особенностью именно эмигрантской литературы, невольно подверставшей древний жанр путешествия под свое вынужденное кочевое мировосприятие. Эта приводит к инверсиям и «странным сближениям», построенным на прихотливых культурно-исторических ассоциациях[1].

Время и пространство истории основано на зеркальных взаимоотражениях, будь это параллели городских архитектурных ансамблей или любезный национальный взаимообмен «услугами»: то жизнь мобилизует французских гувернеров для воспитания русских онегиных и лариных, то из их потомства волонтируется таксомоторный извоз французской столицы, см., к примеру, в «Дневнике в стихах» Н. Оцупа:

Набережная, Невы просторы,
Сена с букинистами на Quai,
На Монмартре русские шоферы,
А у Лариных мосье Трикэ.

Те же пространственно-временные смещения свойственны стихам И. Одоевцевой: белые койки в больничной палате представляются ей окнами на Неву («Разностопные ямбы»), луна во Франции, «как там, над Невой, прелестно серебрится» («Все было, было, бы...»), петербургский Летний Сад оказывается Тулоном («Верной дружбе глубокий поклон»).

Зачастую игра петербургскими и эмигрантскими топосами связана с Невой и, условно говоря, — неизменным метафорическим гидронимом изгнания — «вавилонскими реками»: «Счастливых стран сияющие реки / Нам не заменят сумрачной Невы» (Г. Иванов). Географические «рокировки» законны, поскольку, как доказывает З. Троцкая (ст-ние

---

[1] Ностальгия эмигрантов по Петербургу носила не только сугубо идеальный характер, но приобретала порой вполне материальные формы. Так, в предместье Нью-Йорка весной 1926 г. возник городок Новый Петроград (позднее включен в состав города Саут Плейнфильд) со своим Невским проспектом (см. рекламную заметку: Новый Петроград (Близ Нью-Йорка) // Возрождение России (Нью-Йорк). 1926. № 5. 19 июня. С. 8; То же: № 6. 3 июля. С. 8; к столь же «материальным» проявлениям памяти о российской столице следует отнести отчеканенную на парижском Монетном дворе в 1953 г., по заказу эмигрантов, медаль в честь 250-летия Петербурга.

«Мелькнул подобьем Эйфелевой башни»), мир в принципе одинаков и человеческое существование в нем подчинено сходным законам:

Блестит февраль прозрачный над Гудзоном,
И в воздухе предчувствие весны...
Не тот же ль мир над Сеною и Доном,
И над Невой не те же ль снятся сны?

Нева — исходный топос для сравнения (своего рода зеркальный «складень» мемуаров Одоевцевой «На берегах Невы» и «На берегах Сены»). Невский колорит как сон, преследующий эмигранта, см., напр., в стихотворении Е. Зеленского «Нева», включенном в нашу антологию.

Нева входит в эмигрантское сознание (в особенности бывших петербуржцев) не только как неизымаемый структурный элемент «петербургского текста», но и как привычно существующий в нем «троп», основа для соотносимых с ним эмоциональных, душевных состояний:

Но ты мне стал теперь опять дороже
И кружится как прежде голова.
Пусть завтра будешь холодней и строже,
Чем льдом густым покрытая Нева.

(*В. Лурье*)

Или в ее же стихотворении «Улыбка вежлива, спокойный вид»:

Улыбка вежлива, спокойный вид
И не дрожит, здороваясь, рука,
Так охраняет гул Невы гранит
И день, и ночь, без отдыха, века.

Благодаря упомянутой выше игре топосов Нева может появляться в Париже[1]:

Я на Сене далекую Мойку
Петербурга зимой вспоминал
И увидел особую тройку,
Что на Мойке сестре рисовал.

(*А. Посажной*)

Гляжу, струится тихо Сена,
И помню мощную Неву.

(*Т. Гревс*)

---

[1] См. в пародийно-комическом плане, создающем некий аромат эмигрантского фольклора в «Городке» Н. Тэффи: «Через городок протекала речка. В стародавние времена звали речку Секваной, потом Сеной, а когда основался на ней городишка, жители стали называть ее «ихняя Невка» (*Тэффи Н. А.* Собрание сочинений. Т. 3. М.: Лаком, 1998. С. 146), ср. в стихотворном фельетоне «О Марусе и ее кавалере» подписанном Немо (Накануне. 1923. № 354. 9 июня. С. 4).

Февральский день томительно-тревожен,
Над Сеной лиловеют облака.
Мне помнится — взволнованней и строже —
Другая, скованная льдом река...

(*Г. Струве*)

Ср. еще в стихотворении О. Можайской «Под мостом Александра Третьего», где пьяному, живущему под мостом, кажется, что вместо Сены течет Нева[1].

Нева может протекать по Лондону, как в стихотворении Л. Страховского «Над Темзой» или в поэме Н. Надеждина «Разуверенье», герой которой в своих эмигрантских странствиях оказывается в Лондоне:

Встает тоска по прежней жизни.
О чем тоскую? Об отчизне.
Гляжу на Темзу, — и Неву
Я вижу вновь, как наяву.

В стихотворении Б. Нарциссова «Утро на Бродвее» она перемещается в Нью-Йорк:

Как окна темного собора —
Пролеты улиц на восток.
Сереет ночь. Теперь уж скоро.
Но срок потемкам не истек:

Еще с досадой и устало,
Желтея, светят фонари;
Ледок, нетоптанный и талый,
Неоном огненным горит.

За черным переплетом сада,
Как темный щит, блестит вода.
Висит тяжелою лампадой
Большая тусклая звезда.

И на Бродвее наяву,
На краткий миг, я вижу четко
Гранит, чугунную решетку,
Зарю и бледную Неву.

У В. Сумбатова ее волны сливаются со струями Тибра:

В струях Тибра мне видятся волны Невы,
Петербургских дворцов отраженья.

Находящемуся на другом от Петербурга конце Европы Ю. Иваску невская прохлада веет в Лиссабоне (ст-е «Лиссабон»)[2], а для жившей в Харбине А. Паркау («Воспоминание») Нева до неотличимости походит на Сунгари:

---

[1] Русская мысль. 1972. № 2876. 6 января. С. 8.

[2] *Иваск Юрий.* Хвала. Вашингтон, 1967. С. 28.

Запоздавших увозит катер,
Полон тайны ночной Харбин,
Тихо Сунгари волны катит
В гаолянах чужих равнин.

Ночь мечтой и загадкой манит...
Это Сунгари или нет?
Не другая ль река в тумане
Нам струит серебристый свет?

Не другие ль в сплошном сиянье
Всплыли зеленью острова?
Не тревожьте воспоминанья...
Не услышит наш зов Нева...

Особенно болезненно воспринималось в эмиграции переименование его «прекрасно-страшного» имени (З. Гиппиус) в Ленинград, принятое 2-м съездом Советов 26 января 1924 года: «Чужое, злое имя «Ленинград»! / В том городе, где жили исполины» (М. Колосова), «Ему прилеплен — рад не рад — / Холопством низким сотни красной / Ярлык дурацкий — Ленинград», «Что с тобой, мой город сделали? / Переименовали тебя...» (Ю. Трубецкой), хотя в эмигрантской среде город носил много пародических имен, в частности Хамбург (от «город хама»)[1]. Отношение российских изгоев к своей бывшей столице замыкало круг ее исторических видопревращений. В послевоеных лагерях Ди-Пи бытовал такой анекдот:

— Где вы родились?
— В Петербурге.
— Где вы получили образование?
— В Петрограде.
— А где вы жили потом?
— В Ленинграде.
— А куда вы хотели бы вернуться?
— В Петербург[2].

---

[1] Занимательно, однако, принятие нового имени города бывшими эмигрантами или готовившимися таковыми стать, см. в письме еще жившего на Западе, но уже намеревавшегося вернуться на родину С. Прокофьева В. Дукельскому от 3 июня 1932 г.: «Что за упадническая идея писать монументальную вещь на умирающий Петербург [речь идет об оратории Дукельского «Конец Санкт-Петербурга»]! Тут все-таки печать, которую накладывает на Вас общение с усыхающей эмиграцией, этой веткой, оторванной от ствола, которая в своем увядании мечтает о прошлых пышных веснах. Уж если писать, то «Ленинград» или «Днепрострой» (цит. по: *Дукельский Владимир.* Об одной прерванной дружбе // Мосты. № 13—14. 1968. С. 273); ср. с включенном в наст. издание стихотворением В. Воронцовского «Петербург», в котором воспевается «Новый красный Вечный Ленинград».

[2] *Стоскус Г.* Санктпетербург // Новое русское слово. 1970. № 21992. 30 августа. С. 4.

При этом сам принцип смены названий города — Петербург — Петроград — Ленинград (равно как Царское Село — Детское Село — Пушкин), — ложится в основу соответствующего циклического изображения разных этапов его истории, причем принцип этот выдерживается как в лирическом (см. включенный в книгу поэтический цикл А. Угрюмова), так и в романном жанрах: например, трилогия Д. Вонляр-Лярского «Каинов дым»: 1-я часть «Грех у двери (Петербург)» (Изд-во «Парабола», Париж, 1933 — книга издана первоначально по-английски, а затем по-русски), 2-я часть — «Петроград», 3-я — «Ленинград»; ср. еще в повести Лады Николаенко «Петербург в Ленинграде»[1] или каламбурном стихотворении В. Набокова «Ленинград» (1924):

Великие, порою,
бывают перемены...
Но, пламенные мужи,
что значит этот сон?
Был Петроград — он хуже
чем Петербург, — не скрою, —
но не походит он, —
как ни верти, — на Трою:
зачем же в честь Елены —
так ласково к тому же
он вами окрещен?

Бытовало выражение «Ленинградский Петербург»[2]. Переименование коснулось не только города как текста целиком, но и отдельных его частей и элементов — улиц, площадей и пр.[3] Новое качество города рождает занятный гидроним «советская Нева» (в «Дневнике в стихах» Н. Оцупа (ч. 1, гл. 14), ср. также с шуткой Аргуса: «Сейчас, в

---

[1] Отрывок из «Повести о потерях» // Грани. 1959. № 41. С. 82—90.

[2] Так называлась статья Бориса Филиппова (под псевдонимом «Георгия Петрова») (Грани. № 18. 1953. С. 39—50), а затем его книга, вышедшая двумя изданиями — в 1973 и 1974 гг. Топонимическая игра вокруг переименований града Петра в град Ленина не была прерогативой эмигрантских каламбуристов, см. небезопасный Петроленград в «Ходе конем» советского прозаика Л. Борисова (Л.: Прибой, 1927. С. 152).

[3] Рассказывая о переименовании Невского в проспект 25-го Октября («длинная, унылая пустыня, носящая название «Проспекта 25-го октября»), Дворцовой площади в площадь Урицкого, современник свидетельствовал: «...Петербурга не существует больше.

Есть одна огромная полуразвалившаяся деревня, бедная, заброшенная, с глухими темными улицами, с разрушенной мостовой, с нищетой далекого медвежьего угла, в котором люди живут маленькими скудными интересами и, ложась спать, боязливо затворяют входные двери, опасаясь набега разбойничьей шайки, орудующей в округе. [...] Петербург исчез» (*Игорь В[оин]ов*. В Петербурге (Очерки) // Общее дело. 1921. № 474. 4 ноября. С. 2.). Ср. узнавание «неизвестного в известном» — встречу с новыми названиями старых улиц, описанную в романе А. Формакова «Фаина»: герой, приезжает в Ленинград из Риги и попадает на Миллионную: «Аркадий вдруг заметил надпись: «Улица Халтурина» и подумал: «Был, кажется, террорист такой» (*Формаков Арсений*. Фаина. Riga, 1938. С. 18).

виду бурного развития советской промышленности Литейный называется Сталелитейным».

Переименование Петербурга в Ленинград сопровождалось перелицовыванием города, его переодеванием в советские одежды. Побывавший в 1932 г. в СССР Л. Любимов (сын бывшего сенатора и шталмейстера Высочайшего Двора, выпускник Александровского Лицея, который, некоторое время спустя, станет «возвращенцем») так описывал свои впечатления от встречи с Ленинградом: «Медленно, медленно рассеивался туман. И вот, вырезались в мутной серой дымке кавалергардская каска и тонкое лицо, темные латы и легкий конь на легком цоколе. И под мордой коня и на орле каски висели красные ленты, на латах и на цоколе были плакаты. Но красные ленты казались серыми в тумане. Беспечно скакал император в этом новом своем одеянии. Изящен был Николай Павлович — новыми руками навешанные неведомые ему призывы казались ненужной мишурой. Мы обогнули темную и высокую громаду Исаакия, и Петр, и конь его, попирающий змия, встали из тумана. Серы были замерзшие воды Невы, сера была арка Сената, и лишь угадывал в вышине шпиц Адмиралтейства. Словно брели мы среди призраков, в царстве снов...<...> В утреннем тумане прежним величием дышал этот город. Туман саваном прикрывал его язвы»[1]. Впрочем, несмотря на тризну, справляемую по «былом Петербурге», эмигранты продолжали верить в то, что дух Петербурга до конца неистребим, и ни красный Петроград, ни советский Ленинград не в силах уничтожить его. Традиция называть город Петербургом или даже Санкт-Петербургом — не только в обиходной речи, но и в стихах — в эмиграции была устойчивой и в предвоенные и послевоенные годы.

Как дитя Императоров,
— город славы, побед, —
Ненавидим новатором
в тебе прошлого след.
Но с Царями столицею
прослужил сотни лет
И живешь Их десницею,
хоть названья уж нет, —

писал в стихотворении «Город прошлого» редактор военно-морского отдела брюсельского эмигрантского журнала «Часовой» Н. П. Солодков[2]. Недаром возвращение городу былых имен и названий воспринималось эмигрантами как одно из непременных последствий обращения жизни (конечно же, фантастических) на круги своя. Сатирически реализуя эту тему в стихотворном фельетоне «Париж без русских», известный поэт-юморист Лери (В. В. Клопотовский), наряду с разносчиком, который двинется «по обновленной мостовой», и неизменным городовым, не позабыл между делом упомянуть о воскресении Каменноостровского проспекта «взамен «Проспекта Красных Зорь»[3].

---

[1] *Любимов Лев.* Что я видел в Москве и Петербурге (Рассказ эмигранта, побывавшего в нынешнем году в СССР) // Возрождение. 1932. № 2555. 31 мая. С. 3.

[2] Часовой. 1954. № 338. С. 22.

[3] Иллюстрированная Россия. 1927. № 40 (125). 1 октября. С. 4.

Большое место в эмигрантской поэзии занимает тема возвращения в Петербург, или возрождения Петербурга — при том, что, говоря словами Набокова из стихотворения «Петербург» («Так вот он, прежний чародей») (1921), в нем не отыщется ничего «прежнего, родного».

Неузнавание Петербурга — мотив «сбившейся», «поврежденной» оптики — тревожит поэтов чувством фатальной неидентификации воспоминаний о прошлом с тем, что сделало с ним не столько неумолимое время, сколько новый порядок жизни:

И потом вышли в город,
Наоборот, не как у Блока.
Улицы катились нам навстречу,
Но ни одной мы не узнали.

Все было во сне как будто
Или время вспять убежало...

Было ли то время
Войны гражданской,
Или Петербург
Перестал быть столицей?
А стал городком заштатным.

Ни одного человека не встретив,
Невский мы не узнали.
Летний Сад простирался,
Усыпанный желтой листвою.

Исаакиевский храм изменился
И только
Игла Адмиралтейства
Как прежде вонзалась в небо.

(*Ю. Трубецкой*)

И все же желание вернуться было столь общим и сходным, что рождало идентичные словесные жесты, см., напр., у И. Одоевцевой, в стихах которой несколько раз звучит модель: «Домой, в Россию, в Петербург» («А если нет, а если да?», 1973), «Назад: / В Россию, / В юность, / В Петроград!» («В чужой стране», 1962), ср. у К. Померанцева (стихотворение «Флоренция»):

Мне бы горсточку радости,
мне бы
Двухцилиндровый мотоциклет!
Чтоб в бессонницу,
в небо,
в Италию,
в Петербург,
в Петроград,

в Ленинград,
и так далее,
и так далее...

Выражение скрытого желания подсмотреть за жизнью в родном городе сопровождает не только заведомо «свободную» лирическую фантазию, но и проникает в эпические сюжеты. Герой романа В. Крымова «Фуга» (Париж, 1935), последней части его трилогии «За деньгами», отправляется в Петербург выручать запрятанные драгоценности. И хотя он был в целом отрицательно встречен критикой[1], Н. Резникова сочувственно писала: «Тут автор отразил желание всех эмигрантов заглянуть хоть краем глаза в Россию, иметь возможность вдохнуть ее воздух, посмотреть своими глазами, что делается там, на Родине, ставшей такой далекой...»[2].

В. Набоков пишет в стихотворении «Лыжный прыжок» (1925—1926):

Для состязаний быстролетных
на том белеющем холму
вчера был скат на сваях плотных
сколочен. Лыжник по нему

съезжал со свистом; а пониже
скат обрывался: это был
уступ, где становились лыжи
четою ясеневых крыл.

Люблю я встать над бездной снежной,
потуже затянуть ремни...
Бери меня, наклон разбежный,
и в дивной пустоте — распни.

Дай прыгнуть, под гуденье ветра,
под трубы ангельских высот,
не семьдесят четыре метра,
а миль, пожалуй, девятьсот...

И небо звездное качнется,
легко под лыжами скользя,
и над Россией пресечется
моя воздушная стезя.

Увижу инистый Исакий,
огни мохнатые на льду, —
и, вольно прозвенев во мраке,
как жаворонок упаду.

Пожелание О. Мандельштама — «В Петербурге мы сойдемся снова, / Словно солнце мы похоронили в нем / И блаженное, бессмыс-

---

[1] Так, в рецензии Ю. М<андельштама> в частности говорилось о «неловкой и тяжелой скуке, веющей с каждой страницы романа» (Возрождение. 1935. № 3515. 17 января. С. 4).

[2] Рубеж. 1935. № 7. С. 24.

ленное слово / В первый раз произнесем...», — инспирировавшее ряд ответных текстов[1], для эмигрантов приобрело в особенности драматичный характер, поскольку возвращение в Петербург как реинкарнация в прошлую жизнь сделалось призрачным не только из-за несбыточности и вздорной метафизики данного предприятия: государственная граница, выражаясь языком надежно охранявших ее советских пограничников, оказалась для них на замке. И хотя А. Перфильев в стихотворении «Точка», презрев географию, утверждал, что «между Петербургом и Парижем / Расстоянье в несколько шагов», а В. Набоков (ст-ние «Для странствия ночного мне не надо», 1929) рассказывал о том, как его «беспаспортная тень» «прыгает с беззвучностью привычной <...> на русский берег речки пограничной» и «таинственно, легко, неуязвимо» преодолев препятствия, пробирается в родной город — все это оказывается или метафорическим заострением или плодом ночного воображения. Да и если предположить невероятное, как это В. Набоков делает в другом своем стихотворении, «Беженцы» (1921), что изгнаннику дано-таки войти в одну и ту же воду дважды и вернуться в родной Петербург, он все равно, оказавшись там, чувствует себя чужестранцем:

Но, увы, приглянувшись к нему,
не узнаю... и скорчусь от боли;
даже вывесок я не пойму:
по-болгарски написано, что ли...
Поброжу по садам, площадям,
большеглазый, в поношенном фраке...
«Извините, какой это храм?»
И мне встречный ответит: «Исакий».
И друзьям он расскажет потом:
«Иностранец пристал, все дивился...»
Буду новое чуять во всем
и томиться, как вчуже томился...

Для тех, кто не только родился в невской столице, но и начинал там творческую жизнь, кто успел живьем прикоснуться к тому,

---

[1] См. хотя бы некоторые: «И пророчество дальнего друга / Обязательно сбыться должно» (Г. Иванов). Мандельштамовскую строфу цитирует Ю. Галь в письме к Ю. Иваску от 2 января 1945 г. (*Галь Ю.* Письма // Опыты. № 4. 1955. С. 99), а А. Элькан начинает со ссылки на нее свои воспоминания о Петербурге: «Холодная, снежная, голодная зима 1919 года. Петербург. Солнце мы тогда еще не хоронили, наше странное северное солнце, малиново-красное в мороз и бледно-золотое в длинные весенние дни без ночей» (*Элькан Анна.* «Дом искусств» // Мосты. № 5. 1960. С. 287). Эти мандельштамовские строки служили своеобразными узами творческой конвенции, или тем, что Г. Адамович в связи с «Поэмой без героя» А. Ахматовой, впервые напечатанной в нью-йорском альманахе «Воздушные пути», назвал «круговой порукой» тех, кому, пользуясь магической формулой Мандельштама, суждено было сойтись в невской столице, будто бы там похоронено солнце (*Адамович Георгий.* Подарок Пастернаку: Альманах «Воздушные пути» // Новое русское слово. 1959. № 17062. 6 декабря. С. 8).

что со временем станет называться Серебряным веком, кто воспринимал историю «заката Петербурга» не как книжное понятие или абстрактный метафорический образ, а как часть собственной биографии во плоти и крови, кто, наконец, приравнивал утрату Петербурга не просто к ничем невосполнимой жизненной потере, но к некому исчезновению первоначально заведенного порядка вещей[1], мандельштамовское двустишие звучало погребальной музыкой. Обращаясь к уже покойному поэту, Н. Оцуп в «Дневнике в стихах» писал:

«В Петербурге мы сойдемся снова...»
«Некому сходиться, дорогой
Осип... Нет тебя, нет Гумилева...
Стала и Ахматова седой,
И, как я, — не молоды Иванов,
Адамович, братья по весне,
По судьбам: ни фальши, ни туманов,
Ни надежды...

Хотя Г. Иванов в одном из своих стихотворений («Четверть века прошло за границей», 1958) пишет о том, что мандельштамовское пророчество о возвращении в Петербург «обязательно сбыться должно», вся его поэзия говорит об обратном. Искусно модулируемый поэтический скептицизм Г. Иванова приравнивает мысль о возвращении к жесту отчаяния, граничащего с бредом, сумасшествием, разуверением и разочарованием во всем:

И что же делать? В Петербург вернуться?
Влюбиться? Или Operá взорвать?
Иль просто — лечь в холодную кровать,
Закрыть глаза и больше не проснуться...

Близок к Г. Иванову в своем недоверии к счастливому финалу Вл. Дитерихс фон Дитрихштейн в стихотворении «Прощальное»:

Но кто же вернется теперь в Петергоф?
От встречи не дрогнут сердца.
О крепкая горечь жемчужных стихов!
Фонтаны молчат у дворца.

Нельзя выбраться из этого временного лабиринта, утверждает стихотворение К. Померанцева «Возвращение», лирический герой которого мечтает вырваться из одного времени-пространства в другое:

Над Венецией ночь кружевная
Начертила серебряный круг.

---

[1] В рассказе И. Лукаша «Отец» «бесплотное воспоминание» героя о петербургском детстве «и есть самое главное, самое тайное, — может быть, знак бессмертия» (*Лукаш Иван.* Отец (Неизданный рассказ) // Возрождение. № 134. 1963. С. 44).

Захлебнулась неоновым блеском,
провалилась сквозь тысячи лет,
и наутро проснулась на Невском,
поджидая февральский рассвет...

Увы, это не более чем самообман: «Под косым электрическим светом / вижу стрелку и надпись: ПАРИЖ». Однако самообман гораздо более сильный, нежели голос рассудка. «Я не имею ничего, — восклицал в книге воспоминаний, написанной в эмиграции, бывший петербуржец Н. Набоков, известный музыкант, композитор, двоюродный брат писателя. — Я, подобно еврею в изгнании, молюсь о том, чтобы "в следующем году встретиться в Иерусалиме". Мой Иерусалим — это Санкт-Петербург. Я знаю, что этого никогда не произойдет, это не может произойти, и все-таки я истово молюсь об этом в моем подсознании»[1]. (Цепь эту замыкает И. Бродский, писавший, что «есть города, в которые нет возврата»).

Встреча с Петербургом тем не менее у кого-то из эмигрантов состоялась — либо у тех, кто терпеливо пережил долгую «советскую ночь» (как, например, Ю. Иваск или И. Чиннов, посетившие Петербург или — более разительный случай — у Одоевцевой, вернувшейся в город юности и похороненной в нем), либо у тех, кто, подобно, скажем, Н. Агнивцеву, вернулся, когда только начинало смеркаться[2]. Наконец, своего рода возвращение поэтов, которое нам и доводится сейчас предуведомлять, то, о котором говорил один из них (И. Чиннов. «Автограф»):

...И мечтать напрасный труд,
Что наши трупы въедут в Петроград
(Что бронзовые Музы осенят
Храм Эмигрантской Лирики?) Капут.
А вот стихи — дойдут. Стихи — дойдут.

---

[1] *Nabokov Nicolas.* Bagázh: Memoirs of a Cosmopolitan. New York: Atheneum, 1975. P. 285.

[2] Ему принадлежит описание встречи с вновь обретенным городом («Снова в Петербурге»):

Прощайте, немцы, греки, турки,
И здравствуй, русская земля!
В своем я снова Петербурге,
Я снова русский! Снова — «я»!

Сегодня ж, странный и бессонный,
Брожу по Невской мостовой
И с Александровской колонной
Взлетевшей чокаюсь мечтой!

В заключение несколько слов об одной методологической проблеме. В настоящую антологию включены некоторые тексты, написанные не собственно в эмиграции, а как у Н. Агнивцева — по дорогам, приведшим к ней, или как в случае с В. Юрасовым — в сталинском лагере, но потом опубликованые на Западе. Мы руководствовались здесь тем соображением, что такие произведения разделили с автором беженскую судьбу и потому что их появление было невозможно на родине, и потому что их «физическое» творческое бытие совпало со временем изгнания (естественно, что решающим показателем принадлежности данных текстов именно к эмигрантской, а не метропольной литературе является место их издания, а не написания). С другой стороны, если публикация текста на Западе не сопровождалась «внешней» (пусть даже и краткосрочной) эмиграцией автора, а ограничивалась его «внутренней» эмиграцией, мы — в соответствии с избранной логикой отбора — такие случаи не рассматривали. Полагаем, что эксплицируемый принцип помог без особенных натяжек и противоречий преодолеть те сложные и пограничные ситуации (напр., «Петербургские строфы» Ю. Трубецкого), которые было бы невозможно разрешить на основе иного подхода. Напротив, петербургские стихи таких известных в эмиграции поэтов, как Г. Иванов, В. Набоков, В Ходасевич, в нашу антологию не вошли, поскольку были изданы в «Библиотеке поэта». Не включен также ряд текстов, чей художественный уровень мы посчитали несоответствующим определенному стихотворческому минимуму.

В качестве приложения в книгу включен «Топографический указатель» с кратким описанием упоминаемых авторами петербургских реалий и перечнем текстов, включенных в антологию, где данное место или сооружение упоминается.

Выражаем надежду, что подготовленное издание заинтересует широкого читателя и окажется полезным тем, кто занимается изучением истории русской литературы XX века в изгнании.

Р. Тименчик,
В. Хазан

СТИХОТВОРЕНИЯ и ПОЭМЫ

НИКОЛАЙ АГНИВЦЕВ

1

В моем изгнаньи бесконечном
Я видел все, чем Мир дивит:
От башни Эйфеля — до вечных
Легендозвонных пирамид!..
И, вот, «на ты» я с целым Миром!..
И, оглядевши все вокруг,
Пишу расплавленным Ампиром
На диске солнца: «Петербург».

2. ВДАЛИ ОТ ТЕБЯ, ПЕТЕРБУРГ!

Ужель в скитаниях по миру
Вас не пронзит ни разу, вдруг,
Молниеносною рапирой —
Стальное слово «Петербург»?

Ужели Пушкин, Достоевский,
Дворцов застывший плац-парад,
Нева, Мильонная и Невский
Вам ничего не говорят?

А трон Российской Клеопатры
В своем саду?.. И супротив
Александринского театра
Непоколебленный массив?

Ужель неведомы вам даже:
Фасад Казанских колоннад?
Кариатиды Эрмитажа?
Взлетевший Петр, и Летний Сад?

Ужели вы не проезжали,
В немного странной вышине,
На старомодном Империале
По Петербургской стороне?

Ужель, из рюмок тонно-узких
Цедя зеленый Пипермент,
К ногам красавиц Петербургских
Вы не бросали комплимент?

А непреклонно-раздраженный
Заводов Выборгских гудок?

А белый ужин у Донона?
А «Доминикский» пирожок?

А разноцветные цыгане
На Черной речке, за мостом,
Когда в предутреннем тумане
Все кувыркается вверх дном;

Когда моторов вереница
Летит, дрожа, на Острова,
Когда так сладостно кружится
От Редерера голова!..

Ужели вас рукою страстной
Не молодил на сотню лет,
На первомайской сходке — красный
Бурлящий Университет?

Ужель мечтательная Шура
Не оставляла у окна
Вам краткий адрес для Амура:
«В. О. 7 л. д. 20-а?»

Ужели вы не любовались
На Сфинксов фивскую чету?
Ужели вы не целовались
На Поцелуевом мосту?

Ужели белой ночью в мае
Вы не бродили у Невы?
Я ничего не понимаю!
Мой Боже, как несчастны вы!..

3. ГРАНИТНЫЙ БАРИН

Париж, Нью-Йорк, Берлин и Лондон!
Какой аккорд! Но пуст их Рок!
Всем четырем один шаблон дан,
Один и тот же котелок!

Ревут: моторы, люди, стены,
Гудки, витрины, провода...
И, обалдевши совершенно,
По крышам лупят поезда!

От санкюлотов до бомонда,
В одном порыве вековом,
Париж, Нью-Йорк, Берлин и Лондон
Несутся вскачь за пятаком!..

И, в этой сутолке всемирной,
Один на целый мир вокруг —
Брезгливо поднял бровь Ампирный
Гранитный барин Петербург!

4. САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТРИОЛЕТЫ

Скажите мне, что может быть
Прекрасней Невской перспективы,
Когда огней вечерних нить
Начнет размеренно чертить
В тумане красные извивы?!.
Скажите мне, что может быть
Прекрасней Невской перспективы?..

Скажите мне, что может быть
Прекрасней майской белой ночи,
Когда начнет Былое вить
Седых веков седую нить
И возвратить столетья хочет?!.
Скажите мне, что может быть
Прекрасней майской белой ночи?..

Скажите мне, что может быть
Прекрасней дамы Петербургской,
Когда она захочет свить
Любви изысканную нить,
Рукой небрежною и узкой?!.
Скажите мне, что может быть
Прекрасней дамы Петербургской?..

5. СТРАННЫЙ ГОРОД

Санкт-Петербург — гранитный город,
Взнесенный Словом над Невой,
Где небосвод давно распорот
Адмиралтейскою иглой!

Как явь, вплелись в твои туманы
Виденья двухсотлетних снов,
О, самый призрачный и странный
Из всех российских городов!

Недаром Пушкин и Растрелли,
Сверкнувши молнией в веках,
Так титанически воспели
Тебя — в граните и — в стихах!

И майской ночью в белом дыме,
И в завываньи зимних пург

Ты всех прекрасней — несравнимый
Блистательный Санкт-Петербург!

6. У АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА

Там, где Российской Клеопатры
Чугунный взор так горделив,
Александринского театра
Чеканный высится массив.

И в ночь, когда притихший Невский
Глядит на бронзовый фронтон,
Белеет тень Комиссаржевской
Меж исторических колонн...

Ты, Петербург, с отцовской лаской
Гордишься ею!.. Знаю я:
Была твоей последней сказкой
Комиссаржевская твоя...

Нежнее этой сказки — нету!
Ах, Петербург, меня дивит,
Как мог придумать сказку эту
Твой размечтавшийся гранит?!

7. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ах, как приятно в день весенний
Урвать часок на променад
И для галантных приключений
Зайти в веселый Летний сад.
Там, средь толпы жантильно-гибкой,
Всегда храня печальный вид,
С разочарованной улыбкой
Поручик Лермонтов стоит!..

Ах, Санкт Петербург, все в тебе очень странно,
Серебряно-призрачный город туманов!..
Ах, Петербург, красавиц «мушки»,
Дворцы, каналы, Невский твой!
И Александр Сергеич Пушкин
У парапета над Невой!
А белой ночью, как нелепость,
Забывши день, всю ночь без сна
На Петропавловскую крепость
Глядеть из темного окна!..
И, лишь запрут в Гостином лавки,
Несутся к небу до утра
Рыданье Лизы у Канавки
И топот Медного Петра!..

Ах, Санкт-Петербург, все в тебе очень странно,
Серебряно-призрачный город туманов!..
Ах, Петербург, красавиц «мушки»,
Дворцы, каналы, Невский твой!
И Александр Сергеич Пушкин
У парапета над Невой!..

8. ПЕТР I-ЫЙ

Москва и Киев задрожали,
Когда Петр, в треске финских скал,
Ногой из золота и стали
Болото Невское попрал!..

И взвыли плети!.. И в два счета —
Движеньем Царской длани — вдруг —
Из грязи Невского болота —
Взлетел Ампирный Петербург:

И до сих пор, напружив спины,
На спинах держат град старинный
Сто тысяч мертвых костяков
Безвестных русских мужиков!..

И вот, теперь, через столетья,
Из-под земли, припомнив плети,
Ты слышишь, Петр, как в эти дни
Тебе аукают они?!.

9. СЛУЧАЙ НА ЛИТЕЙНОМ ПРОСПЕКТЕ

В этот вечер над Невою
Встал туман!.. И град Петра
Запахнулся с головою
В белый плащ из серебра....
И, тотчас же, для начала,
С томным криком, вдалеке,
Поскользнулась и упала
Дама с мушкой на щеке.
— На Литейном, прямо, прямо,
Возле третьего угла,
Там, где Пиковая Дама,
По преданию, жила!

И в слезах, прождав не мало,
Чтобы кто помог ей встать,
В огорченьи страшном стала
Дама ручками махать.
И на зов прекрасных ручек,

К ней со всех пустившись ног,
Некий гвардии поручик
Мигом даме встать помог!
    — На Литейном, прямо, прямо,
    Возле третьего угла,
    Там, где Пиковая Дама,
    По преданию, жила!

Что же дальше? Ах, избавьте!
Не известен нам финал.
Мы не видели... — Представьте,
Нам... туман... там помешал...
Мы одно сказать лишь можем:
Был поручик очень мил!..
И затем, одним прохожим
Поцелуй услышан был!
    — На Литейном, прямо, прямо,
    Возле третьего угла
    Там, где Пиковая Дама,
    По преданию, жила!

10. НА «СТРЕЛКЕ»

Ландо, коляски, лимузины,
Гербы, бумажники, безделки,
Брильянты, жемчуга, рубины —
К закату солнца — все на Стрелке!

Струит фонтанно в каждой даме
Аккорд Герленовских флаконов,
И веет тонкими духами
От зеленеющих газонов!..

И в беспрерывном лабиринте
Гербов, камней и туалетов —
Приподымаются цилиндры
И гордо щурятся лорнеты.

И Солнце, как эффект финальный,
Заходит с видом фатоватым
Для Петербурга специально —
Особо — огненным закатом!..

11. ДАМА НА СВИДАНЬИ

Вы не видали господина,
Виновника сердечных мук?
На нем — цилиндр и пелерина
И бледно-палевый сюртук.

Вот, как зовут его? — Не помню.
Вчера в Гостином у ворот
Без разрешения его мне
Представил просто сам Эрот!

Он подошел с поклоном низким,
Корректно сдержан à l'anglaise,
Тихонько передал записку,
Приподнял шляпу и — исчез!

Но, где ж записка? — Ради Бога!
Ах, вот она! Лети, печаль!
Вот: «Николай Васильич Гоголь»...
Вы не слыхали? — Очень жаль!

12. В. О. 17 Л.

Вот раскрытое окошко!..
И задумчиво сидит
В том окошке, рядом с кошкой,
Госпожа Агнесса Шмидт.
Где-то мерно бьет 12...
И, взглянувши на чулки,
Стала тихо раздеваться
Госпожа Агнесса... И —
    Ах, Агнессочка, Агнессочка!..
    Опустилась занавесочка!..

Через миг, довольно резко,
Совершенно невзначай,
Вдруг, поднялась занавеска!..
— Ай, Агнесса! Ай-яй-яй!..
Рядом с ней, в любви неистов,
В совершенном забытьи
Господин судебный пристав
Страстно шепчет что-то... И —
    Ах, Агнессочка, Агнессочка!..
    Опустилась занавесочка!

Через миг, ужасно резко,
Чьей-то гневною рукой —
Вновь, поднялась занавеска!
— Ой, Агнесса! Ой-ой-ой!..
Ах, как грустно! Ах, как жалко
Неудачников в любви!
Муж Агнессы с толстой палкой
К ним подходит быстро... И —
    Ах, Агнессочка, Агнессочка...
    Опустилась занавесочка!..

13. ПАВЕЛ I-ЫЙ

Смерть с Безумьем устроили складчину!
И, сменив на порфиру камзол,
В Петербург прискакавши из Гатчины,
Павел I-ый взошел на престол.

И, Судьбою в порфиру укутанный,
Быстрым маршем в века зашагал,
Подгоняя Россию шпицрутеном,
Коронованный Богом капрал.

Смерть шепнула Безумью встревоженно:
«Посмотри: видишь гроб золотой?
В нем Россия Монархом положена,
Со святыми Ее упокой!»...

Отчего так бледны щеки девичьи
Рано вставших Великих Княжен?
Отчего тонкий рот Цесаревича
Дрожью странною так искривлен?

Отчего тяжко так опечалена
Государыня в утренний час?
И с лица побледневшего Палена
Не отводит испуганных глаз?!.

Во дворце не все свечи потушены!
Три свечи светят в гроб золотой:
В нем лежит Император задушенный!
Со святыми Его упокой!

14. ПРИНЦЕССА МОЛЬ

Ах, шум кулис извивно-узких!
Ах, закулисная фриволь!
Ах, блеск театров Петербургских!...
Все знаю — я принцесса Моль!

Я помню радостные миги...
Я помню преклоненный зал,
Когда бессмертный Каратыгин
Вдвоем с Бессмертием играл!

И вижу я, как в медальоне,
Как только что ушедший сон:
Носок летающей Тальони
И четкий профиль Монбазон.

И, сквозь столетие, доныне
Из глубины могильных плит
«La donna» юного Мазини
Еще в ушах моих звенит...

Но в Вечность, огненным Закатом,
Ушли былые времена...
И, ныне, в 910-ом
Иные встали имена.

И, стариков своих не выдав,
Неколебимы средь толпы
Варламов, Ходотов, Давыдов —
Александринские столпы...

Ах, Петербург, в борьбе с судьбою,
В глазах все небо затая,
Горит лампадой пред тобою
Комиссаржевская твоя.

То упадая, то взлетая,
С Невы на целый мир кругом
Сверкает Павлова 2-ая
Алмазно-блещущим носком.

А Летний Буфф!! Ах, в исступленьи,
До Невского несется «bis»,
Когда там с Вяльцевой в «Елене»
Играет Северский-Парис...

Скороговорщиком затейным
Во всю резвится, второпях,
Курихин Федя на «Литейном»
В ста восемнадцати ролях!

Но, чу... Часы!.. Как быстро осень
Спускает с неба вечера!..
На Петропавловке бьет «8»
И мне в Мариинский пора!

Сейчас, как мухи на бисквите,
Все дамы — там!.. Наперечет!
— Ах, там ведь Собинов, поймите,
Сегодня «Ленского» поет!...

15. ДАМА ИЗ ЭРМИТАЖА

Ах, я устала, так что даже
Ушла, покинув царский бал!..

Сам Император в Эрмитаже
Со мной сегодня танцевал!

И мне, до сей поры, все мнится:
Блеск императорских погон,
И комплимент Императрицы.
И Цесаревича поклон.

Ах, как мелькали там мундиры!
(Знай только головы кружи!)
Кавалергарды, кирасиры,
И камергеры, и пажи!

Но больше, чем все кавалеры,
Меня волнует до сих пор
Неведомого офицера
Мне по плечам скользнувший взор!

И я ответила ему бы,
Но тут вот, в довершенье зол,
К нему, сжав вздрогнувшие губы,
Мой муж сейчас же подошел!..

Pardon! Вы, кажется, спросили
Кто муж мой? Как бы вам сказать...
В числе блистательных фамилий
Его, увы, нельзя назвать!...

Но он в руках моих игрушка!
О нем слыхали вы? иль нет?
«Александр Сергеич Пушкин,
Камер-юнкер и поэт!»..

16. В ДОМИКЕ НА ВВЕДЕНСКОЙ

У нее — зеленый капор
И такие же глаза;
У нее на сердце — прапор,
На колечке — бирюза!
Ну и что же тут такого?..
Называется ж она
Марь Иванна Иванова
И живет уж издавна —
    В том домишке, что сутулится,
    На углу Введенской улицы,
    Позади сгоревших бань,
    Где под окнами — скамеечка,
    А на окнах — канареечка
        И — герань!

Я от зависти тоскую!
Боже правый, помоги:
Ах, какие поцелуи!
Ах, какие пироги!...
Мы одно лишь тут заметим,
Что, по совести сказать,
Вместе с прапором-то этим
Хорошо бы побывать —
    В том домишке, что сутулится
    На углу Введенской улицы,
    Позади сгоревших бань,
    Где под окнами — скамеечка,
    А на окнах — канареечка
            И — герань!

17. БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Белой ночью белый ландыш
Я воткну, грустя, в петлицу
И пойду за белой сказкой
В белый призрачный туман...

Посмотрите, посмотрите,
У Цепного моста кто-то
В старомодной пелерине
Неподвижно смотрит вдаль...

Господин в крылатке тихо
Про него шепнул другому:
— «Николай Васильич Гоголь —
Сочинитель "Мертвых душ"»...

У Сената, сдвинув брови,
Гнет сверкающую шпагу
Незнакомец в треуголке
С пистолетом при бедре...

Отчего так странно-бледен
Незнакомец в треуголке?
Отчего сжимает петля
Золоченый воротник?..

Чу! К нему, гремя оружьем,
С двух сторон подходят двое...
Подошли: «Полковник Пестель,
Нас прислал к вам Государь»!..

Белой, мертвой, странной ночью,
Наклонившись над Невою,

Вспоминает о минувшем
Странный город Петербург!

Посмотрите, посмотрите,
Вот, задумался о чем-то
Незнакомец в альмавиве,
Опершись на парапет...

С Петропавловской твердыни
Бьют Петровские куранты,
Вызывая из могилы
Беспокойных мертвецов!

И, тотчас же, возле арки,
Там, где Зимняя Канавка,
Белый призрак Белой Дамы
Белым облаком сошел...

Зазвенели где-то шпоры,
И по мертвому граниту
К мертвой даме на свиданье
Мчится мертвый офицер!..

— «Герман?!» — «Лиза?..» И, тотчас же,
Оторвавшись от гранита,
Незнакомец в альмавиве
Гордый профиль повернул.

— Александр Сергеич, вы ли,
Вы ли это?.. Тот, чье Имя
Я в своих стихах не смею
До конца произнести?!..

Белой, мертвой, странной ночью,
Наклонившись над Невою,
Вспоминает о минувшем
Странный город Петербург...

18. УЖЕЛЬ НАСТУПИТ ЭТОТ ЧАС?..

Ужель наступит этот час
На Петропавловских курантах,
Когда столица, в первый раз,
Заблещет в этот страшный час
В слезах, как ранее в брилльантах?!
Ужель наступит этот час
На Петропавловских курантах?..

Ужель наступит этот год
Над Петербургом вечно-звонным,

Когда гранит — во прах падет
И кровь забрызжет небосвод
И ахнет твердь гранитным стоном?!
— Ужель наступит этот год
Над Петербургом вечно-звонным?!..

19. ГРАФ КАЛИОСТРО

Колонный Эрмитажный зал
Привстал на цыпочках!.. И даже
Амуры влезли на портал!..
Сам Император в Эрмитаже
Сегодня польку танцевал!..

Князь N, почтен и сановит,
Своей супруге, после танца,
В кругу галантных волокит
Представил чинно иностранца,
Весьма приятного на вид:

«Граф Калиостро — розенкрейцер,
Наимудрейший из людей!
Единственный из европейцев
Алхимик, маг и чародей!»

Прошло полгода так... И вот,
Княгине князь промолвил остро:
«Вам надо бы продолжить род
Совсем не графа Калиостро,
Ну, а как раз — наоборот!..»

Княгиня, голову склоня,
В ответ промолвила смиренно:
«Ах, не сердитесь на меня,
Я не виновна совершенно!
Ну, что ж могла поделать я?

Граф Калиостро — розенкрейцер,
Наимудрейший из людей!
Единственный средь европейцев
Алхимик, маг и чародей!..»

20. КНЯЗЬ ПАВЕЛ

С князем Павлом сладу нету!
Comprenez vous, дело в том,
Что к статс-даме он в карету
Под сиденье влез тайком!
Не качайте головами!

Ведь беды особой нет,
Если было той статс-даме
Только... только 20 лет!..

Это было в придворной карете
С князем Павлом в былые года...
Это было при Елизавете
И не будет уж вновь — никогда!

И, прикрывши ножки тальмой,
Затряслась статс-дама: — «Ой,
Сколь вы прытки, государь мой,
И — сколь дерзостны со мной!»
Князь ей что-то тут невнятно
Прошептал... И — стихло там!..
Ведь любовь весьма приятна —
Даже... даже для статс-дам!

Это было в придворной карете
С князем Павлом в былые года...
Это было при Елизавете
И не будет уж вновь — никогда!

И, взглянув на вещи прямо,
Поборов конфуз и страх,
Очень долго та статс-дама
Пребывала в облаках!..
И у дома, спрыгнув наземь
С той заоблачной стези,
Нежно так простилась с князем
И промолвила: «Мерси».

Это было в придворной карете —
С князем Павлом в былые года...
Это было при Елизавете
И не будет уж вновь — никогда!

21. В АРХИПЕЛАГЕ

Под сенью греческого флага,
Болтая с капитаном Костой,
Средь островов Архипелага
Мне вспомнился Елагин Остров!

Тот самый сухопутный остров,
Куда без всяких виз французских,
Вас отвозил легко и просто
Любой извозчик Петербургский...

И в летний день, цветами пестрый,
И в индевеющие пурги —
Цвети, цвети, Елагин Остров,
Цветок в петлице Петербурга!

22. КРАСНЫЙ ДОМ

Вы помните тот вечно-звонный
Неугомонный Красный Дом,
Вздымающий свои фронтоны
В великолепии своем?!

Где, с давних пор, в российском мраке,
На целый мир, средь этих зал,
Российской Мысли вечный факел
Неугасаемо пылал;

Где каждый год, в звенящем гаме
Под неустанный смех и спор,
Двадцатилетними глазами
Сверкал гигантский коридор!..

Там, под гуденье аудиторий,
Средь новых лиц и новых дней,
Вздыхает в старом коридоре
Тень мертвой Юности моей...

23. ЕЛИСАВЕТ

Ау, века! Ах, где ты, где ты —
Веселый век Елизаветы,
Одетый в золото и шелк?!.
Когда, в ночи, шагая левой,
Шел на свиданье, как Ромео,
К Императрице целый полк;
Когда на царском фестивале
Сержанты томно танцевали
С Императрицей менуэт...
  — Любила очень веселиться
  Веселая Императрица
  Елисавет!

Ау, века!! Ах, где ты, где ты —
Веселый век Елизаветы,
Когда на площади Сенной
Палач в подаренной рубахе
К ногам Царицы с черной плахи
Швырнул язык Лопухиной!..
И крикнул с пьяною усмешкой:

— «Эй, ты, честной народ, не мешкай!
Кому язык? Берешь, аль нет?!»
    — Любила очень веселиться
    Веселая Императрица
    Елисавет!

24. НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНЕ

Все это было в переулке
На Петербургской Стороне,
Где все шаги чрезмерно гулки...
И в поэтической прогулке
Вы поболтать позвольте мне
О том, что было в переулке
На Петербургской стороне...

В том переулке был — домишка,
Ну, а в домишке том — «она»
С полуразрезанною книжкой,
С тоской, вязаньем и Амишкой —
Майора некого жена!
В том переулке был — домишка,
Ну, а в домишке том — «она»!

Майор! Майор! Но где майор же?
Майор воюет на войне!
Что может быть на свете горше
Судьбы скучающей майорши
На Петербургской стороне?
Майор! Майор! Но где майор же?
Майор — воюет на войне!

Но, вот, коллежский регистратор —
Встал перед нею «à genoux»
И, сделав под окном сперва тур,
В любви пылая, как экватор,
Прельстил майорову жену
Коллежский этот регистратор,
Пред нею вставши «à genoux».

Что ж? Кроме всяческих военных,
Есть и — гражданские чины!
И, не позоря чин военный,
Мы беспристрастно совершенно
Отметить все же тут должны,
Что — кроме всяческих военных,
Есть и — гражданские чины!

25. В 5 ЧАСОВ УТРА

— «Мой Бог, вот скука!.. Даже странно,
Какая серая судьба:
Все тот же завтрак у «Контана»,
Все тот же ужин у «Кюба»!..

И каждой ночью, час от часа,
В «Крестовском», в «Буффе», у «Родэ»
Одни и те же ананасы,
Одне и те же декольтэ!..

В балете же тоска такая,
Что хоть святых вон выноси!..
Все та же Павлова 2-ая,
Et voilà! Et voici!..

Цыгане воют, как гиены,
И пьют, как 32 быка!..
В Английском клубе — неизменно —
Тоска и бридж! Бридж и тоска!..

И, вообще, нелепо-странно
Жить в этом худшем из веков,
Когда, представьте, рестораны
Открыты лишь до трех часов!..

Едва, едва успел одеться, —
Уже, пожалте, спать пора!..
И некуда гусару деться
Всего лишь в 5 часов утра!..

Гусар слезу крюшона вытер,
Одернул с сердцем рукава
И молвил вслух: — «Проклятый Питер!»
— «Шофер, на острова!..»

26. ТУМАННАЯ ИСТОРИЯ

Ах, это все чрезмерно странно,
Как Грандиссоновский роман...
И эта повесть так туманна,
Зане в то время был туман...

И некто в серой пелерине,
Большой по виду ферлакур,
Промолвил даме в кринолине
Многозначительно: «Bonjour».

И долго там в тумане некто
С ней целовался, неспроста,
От Вознесенского проспекта
До Поцелуева моста.

Но кто ж она-то?.. Как ни странно,
Без лиц ведется сей роман!..
Ах, эта повесть так туманна,
Зане в то время был туман...

И некто в черной пелерине,
Столкнувшись с ними, очень хмур,
Промолвил даме в кринолине
Многозначительно: «Bonjour».

И долго там в тумане некто
Бранился с нею, неспроста,
От Поцелуева моста
До Вознесенского проспекта...

27. ЧЕТЫРЕ

«Кюба»! «Контан»! «Медведь»! «Донон»!
Чьи имена в шампанской пене
Взлетели в Невский небосклон
В своем сверкающем сплетеньи!..

Ужель им больше не звенеть?!..
Ужель не вспенят, как бывало,
«Кюба», «Контан», «Донон», «Медведь»
Свои разбитые бокалы?!.

Пусть филистерская толпа
Пожмет плечами возмущенно,
Нет Петербурга без «Кюба»!
Нет Петербурга без «Донона»!..

28. ГРАНИТНЫЙ ПРИЗРАК

Как бьется сердце! И в печали,
На миг былое возвратив,
Передо мной взлетают дали
Санкт-Петербургских перспектив!..

И, перерезавши кварталы,
Всплывают вдруг из темноты
Санкт-Петербургские каналы,
Санкт-Петербургские мосты!

И, опершись на колоннады,
Встают незыблемой чредой
Дворцов гранитные громады
Над потемневшею Невой!..

Звенят проспекты и бульвары
И в бесконечности ночей
На влажных плитах тротуара
Дробится отсвет фонарей...

Пусть апельсинные аллеи
Лучистым золотом горят,
Мне Петербургский дождь милее,
Чем солнце тысячи Гренад!..

Пусть клонит голову все ниже,
Но ни друзьям и ни врагам
За все Нью-Йорки и Парижи
Одной березки не отдам!

Что мне Париж, раз он не русский?!
Ах, для меня под дождь и град,
На каждой тумбе Петербургской
Цветет шампанский виноград!..

И, застилая все живое,
Туманом Невским перевит,
Санкт-Петербург передо мною —
Гранитным призраком стоит!..

29. ПЛАН ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА

В Константинополе у турка
Валялся, порван и загажен,
План города С.-Петербурга
(«В квадратном дюйме — 300 сажен...»)

И вздрогнули воспоминанья!..
И замер шаг... И взор мой влажен...
В моей тоске, как и на плане:
— В квадратном дюйме — 300 сажен!..

30. БУКЕТ ОТ «ЭЙЛЕРСА»

Букет от «Эйлерса»!.. Вы слышите мотив
Двух этих слов, увы, так отзвеневших скоро?..
Букет от «Эйлерса», — того, что супротив
Многоколонного Казанского собора!..

И помню я: еще совсем не так давно,
Ты помнишь, мой букет? как в белом, белом зале
На тумбочке резной у старого панно
Стоял ты в хрустале на Крюковом канале?

Сверкала на окне узоров льдистых вязь,
Звенел гул санного искрящегося бега
И падал весело декабрьский снег, кружась!
Букет от «Эйлерса» ведь не боялся снега!..

Но в три дня над Невой столетье пронеслось!
Теперь не до цветов! И от всего букета,
Как срезанная прядь от дорогих волос,
Остался лишь цветок засушенный вот этот!..

Букет от «Эйлерса» давно уже засох!..
И для меня теперь в рыдающем изгнаньи:
В засушенном цветке дрожит последний вздох
Санкт-Петербургских дней, растаявших в тумане!

Букет от «Эйлерса»! Вы слышите мотив
Двух этих слов, увы, так отзвеневших скоро...
Букет от «Эйлерса», — того, что супротив
Многоколонного Казанского Собора...

31. ДАМА В КАРЕТЕ

В Париж! В Париж! Как странно-сладко
Ты, сердце, в этот миг стучишь!..
Прощайте, невские туманы,
Нева и Петр! — В Париж! В Париж!

Там — дым всемирного угара,
Rue de la Paix, Grande Opéra,
Вином залитые бульвары
И — карнавалы до утра!

Париж — любовная химера!
Все пало пред тобой уже!
Париж Бальзака и Бодлера,
Париж Дюма и Беранже!

Париж кокоток и абсента,
Париж застывших Луврских ниш,
Париж Коммуны и Конвента
И — всех Людовиков Париж!

Париж бурлящего Монмартра,
Париж Верленовских стихов,

Париж штандартов Бонапарта,
Париж семнадцати веков!

И тянет, в страсти неустанной,
К тебе весь мир уста свои,
Париж Гюи-де-Мопассана,
Париж смеющейся любви!

И я везу туда не мало
Добра в фамильных сундуках:
И слитки золота с Урала,
И перстни в дедовских камнях!

Пускай Париж там подивится,
Своих франтих расшевеля,
На чернобурую лисицу,
На горностай и соболя!

Но еду все ж с тоской в душе я!
Дороже мне поклажи всей
Вот эта ладанка на шее!
В ней горсть родной земли моей!

Ах, и в аллеях Люксембурга,
И в шуме ресторанных зал —
Туманный призрак Петербурга
Передо мной везде стоял!..

Пусть он — невидим! Пусть далек он!
Но в грохоте парижских дней
Всегда, как в медальоне локон,
Санкт-Петербург — в душе моей!

32. Н. Н. ХОДОТОВУ

Когда тебя увижу, вдруг,
Вмиг, под дрожащей пеленою,
Весь старый пышный Петербург
Встает, как призрак, предо мною:

Декабрьских улиц белизна,
Нева и Каменноостровский,
И мерный говор Куприна,
И трели Лидии Липковской;

И пробка шумного «Аи»,
И Вильбушевич с Де-Лазари;
Пажи бессменные твои —
На пианино, и гитаре;

И — всех встречающий дом твой,
Где не слыхали слова: «Тише!»
И — неразрывные с тобой
«Александринские» афиши!..

Ты — знамя юности моей!
Тебя несу в душе доныне!..
Ты — отблеск Петербургских дней
На приютившей нас чужбине!

33. ГОЛУБАЯ ДАМА

В этот день, как огромный опал,
Было небо прозрачно... И некто,
В черный плащ запахнувшись, стоял
На мосту у Большого Проспекта...

И к нему, проскользнув меж карет,
Словно выйдя из бархатной рамы,
Подошла, томно вскинув лорнет,
В голубом незнакомая Дама...

Был на ней голубой кринолин
И была вся она — голубою,
Как далекий аккорд клавесин,
Как апрельский туман над Невою...

— «Государь мой, признайтесь: ведь вы
Тот вельможа, чей жребий так славен.
Князь Тавриды Потемкин?!» — «Увы,
Я всего только старый Державин»!

И, забыв о Фелице своей,
Сбросив с плеч тяготившие годы,
Старый мастер сверкнул перед ней
Всею мощью Державинской оды!..

Но она, подобрав кринолин,
Вдаль ушла, чуть кивнув головою...
— Как далекий аккорд клавесин,
Как апрельский туман над Невою...

34. НА РАССВЕТЕ

Рассветает! Даль зовет
В вихри звоном санным!..
Тройка стынет у ворот...
— «Ну-ка, Петр, к цыганам!..»

Гаркнул зычно Петр: «Па-а-а-ди!»
(Парень он таковский!)
И остался позади
Каменноостровский!..

Лейб-гусарские усы
Вмиг заиндевели!..
И уткнулись все носы
В серые шинели!..

И, сквозь снежный адамант,
Для лихой попойки,
Залетели в «Самарканд»
Взмыленные тройки!

— «Тусса! Тусса! Тусса!
«Мэкамам чочо!..
«Це-е-еловаться горячо!..»

35. ТРИПТИХ

Кулебяка «Доминика»,
Пирожок из «Квисисаны»,
«Соловьевский» бутерброд...

Вот триптих немного — дикий,
Вот триптих немного — странный,
Так и прыгающий в рот!..

Каждый полдень, хмуря лики,
Предо мною из тумана
Трое призраков встает:

— Кулебяка «Доминика»,
Пирожок из «Квисисаны»,
«Соловьевский» бутерброд!..

36. ЕКАТЕРИНИНСКИЙ КАНАЛ

Вы не бывали
На канале?
На погрузившемся в печаль
Екатерининском канале,
Где воды, тяжелее стали,
За двести лет бежать устали
И побегут опять едва ль...
Вы там, наверное, бывали?
А, не бывали! — Очень жаль!

Эрот в ночи однажды, тайно
Над Петербургом пролетал,
И уронил стрелу случайно
В Екатерининский канал.
Старик-канал, в волненьи странном,
Запенил, забурлил вокруг
И вмиг — Индийским Океаном
Себя почувствовал он вдруг!..

И, заплескавши тротуары,
Ревел, томился и вздыхал
О параллельной Мойке старый
Екатерининский канал...
Но, Мойка — женщина. И, бойко
Решив любовные дела,
Ах!.. Крюкову каналу Мойка
Свое теченье отдала!..
Ужасно ранит страсти жало!..
И пожелтел там, на финал,
От козней Крюкова канала
Екатерининский канал!..

Вы не бывали
На канале?..
На погрузившемся в печаль
Екатерининском канале,
Где воды, тяжелее стали,
За двести лет бежать устали
И побегут опять едва ль?
Вы там, наверное, бывали?
А, не бывали! — Очень жаль!

37. КОРОБКА СПИЧЕК

Как вздрогнул мозг, как сердце сжалось!
Весь день без слов, вся ночь без сна!..
Сегодня в руки мне попалась
Коробка спичек Лапшина...

Ах, сердце — раб былых привычек!
И перед ним виденьем, вдруг,
Из маленькой коробки спичек
Встал весь гигантский Петербург:

Исакий, Петр, Нева, Крестовский,
Стозвонно-плещущий Пассаж,
И плавный Каменноостровский,
И баснословный Эрмитаж,

И первой радости зарницы,
И грусти первая слеза,
И чьи-то длинные ресницы,
И чьи-то серые глаза...

Поймете ль вы, чужие страны,
Меня в безумии моем?..
Ведь это Юность из тумана
Мне машет белым рукавом!..

Последним шепотом привета
От Петербурга лишь одна
Осталась мне, всего лишь, эта —
Коробка спичек Лапшина...

38. КОГДА ГОЛОДАЕТ ГРАНИТ...

Был день и час, когда уныло
Вмешавшись в шумную толпу,
Краюшка хлеба погрозила
Александрийскому столпу!..

Как хохотали переулки
Проспекты, улицы!.. И, вдруг,
Пред трехкопеечною булкой
Склонился ниц Санкт-Петербург!..

И в звоне утреннего часа
Скрежещет лязг голодных плит!..
И, вот, от голода — затрясся
Елизаветинский гранит!..

Вздохнули старые палаццо...
И, потоптавшись у колонн,
Пошел на Невский — продаваться
Весь блеск прадедовских времен!..

И сразу сгорбились фасады...
И, стиснув зубы, над Невой —
Восьмиэтажные громады
Стоят с протянутой рукой!..

— Ах Петербург, как страшно-просто
Подходят дни твои к концу!..
Подайте Троицкому мосту,
— Подайте Зимнему Дворцу!..

39. ВЫ ПОМНИТЕ БЫЛЫЕ ДНИ...

Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?!
Как были праздничны они
Над Петербургскою Невою!!

Вы помните, как ночью, вдруг,
Взметнулись красные зарницы
И утром вдел Санкт-Петербург
Гвоздику юности в петлицу?..

Ах, кто мог знать, глядя в тот раз
На двухсотлетнего гиганта,
Что бьет его последний час
На Петропавловских курантах!..

И вот, иные дни пришли!
И для изгнанников дни эти
Идут вдали от их земли
Тяжелой поступью столетий!..

Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?!!
Как были праздничны они
Над Петербургскою Невою!..

Вы помните иглистый Шпиц,
Что Пушкин пел так небывало?
И пышность бронзовых страниц
На вековечных пьедесталах?

И ту гранитную скалу,
Где Всадник взвился у обрыва,
И вдаль летящую стрелу
Звенящей Невской перспективы;

И красок вечный карнавал
В картинных рамах Эрмитажа
И электрический скандал
Часов «Омега» над Пассажем;

И толщь Исакиевских колонн
И разметенные по свету
«Биржевку», «Речь», «Сатирикон»
И «Петербургскую газету»;

И вздох любви нежданных встреч
На площадях, в садах и скверах,

И блеск открытых дамских плеч
На вернисажах и премьерах;

И чьи-то пряные уста,
И поцелуи в чьем-то взоре,
У разведенного моста
На ожидающем моторе...

Вы помните про те года
Угасшей жизни Петербургской?..
Вы помните! Никто тогда
Вас не корил тем, что вы «русский».

И, белым облаком скользя,
Встает все то в душе тревожной,
Чего вернуть, увы, нельзя,
И позабыть что невозможно!..

40. ПЕТЕРГОФ

Петергоф, Петергоф,
Луч угасших веков
На портьере дворцового штофа!
Сказкой искрится быль
Сквозь фонтанную пыль
В золоченных садах Петергофа!
Чу! Вы слышите звон
Петергофских времен
В пелене Петербургских туманов?
Ах, как льет и поет,
Как звенит и зовет
Дольний плеск Петергофских фонтанов!

. . . .
Алмазно-струйный, величавый,
Великолепный Петергоф,
Свидетель пышности и славы
Двух шелком затканных веков!
И гордо призраки былые
Встают, поправ могильный прах,
Ведь вся история России
Начертана в твоих садах!..
...Вот тихо дрогнули куртины
И по аллее сквозь туман
Мелькнул роброн Екатерины
И Разумовского кафтан.
...Задумчив, бледен и печален
Проходит Павел. Рядом с ним
Чернеет сдержанный граф Пален,

Неустрашим-неуловим.
...Свои одежды золотые
Всю жизнь в крови отца влача,
Здесь Первый Александр впервые,
Быть может, вспомнил Кузьмича?
Всегда влюбленный в чьи-то косы,
Здесь и смеялся и вздыхал
Тот лицеист черноволосый,
Что после Пушкиным вдруг стал!
...И до сих пор России светит
Имен гигантский фейерверк,
Что ослепил собой столетья
И не погас, и не померк!
Но пробил в реве урагана
Над Петербургом страшный час!
И Петергофские фонтаны
Застыли кровью! В первый раз!
И пал, сжав губы, величавый,
Великолепный Петергоф,
Свидетель пышности и славы
Двух шелком затканных веков!

. . . .

Петергоф, Петергоф,
Луч угасших веков
На портьере дворцового штофа.
Сказкой искрится быль
Сквозь фонтанную пыль
В золоченных садах Петергофа!
Чу! Вы слышите звон
Петергофских времен
В пелене Петербугских туманов?
Ах, как льет и поет,
Как звенит и зовет
Дольний плеск Петергофских фонтанов!

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

41

Когда успокоится город
И смолкнет назойливый гам,
Один выхожу я из дому,
В двенадцать часов по ночам.

Под черным, невидимым небом,
По тонкому первому льду,
Не встретив нигде человека,
Не помня дороги, иду.

И вижу широкую реку,
И темную тень на коне,
И то, что забыла Россия,
Тогда вспоминается мне.

Но спит непробудно столица,
Не светит на небе луна.
Не бьют барабаны. Из гроба
Никто не встает. Тишина.

Лишь с воем летя от залива
И будто колебля гранит,
Сухой и порывистый ветер
Мне ночи снежком порошит.

42

Всю ночь слова перебираю,
Найти ни слова не могу,
В изнеможеньи засыпаю
И вижу реку всю в снегу,
Весь город наш, навек единый,
Край неба бледно-райски-синий,
И на деревьях райский иней...

Друзья! Слабеет в сердце свет,
А к Петербургу рифмы нет.

43

Что там было? Ширь закатов блеклых,
Золоченых шпилей легкий взлет,
Ледяные розаны на стеклах,
Лед на улицах и в душах лед.

Разговоры будто бы в могилах,
Тишина, которой не смутить...
Десять лет прошло, и мы не в силах
Этого ни вспомнить, ни забыть.

Тысяча пройдет, не повторится,
Не вернется это никогда.
На земле была одна столица,
Все другое — просто города.

44

Был вечер на пятой неделе
Поста. Было больно в груди.
Все жилы тянулись, болели,
Предчувствуя жизнь впереди.

Был зов золотых колоколен,
Был в воздухе звон, а с Невы
Был ветер весенен и волен,
И шляпу срывал с головы.

И вот, на глухом перекрестке
Был незабываемый взгляд,
Короткий, как молния, жесткий,
Сухой, будто кольта разряд,

Огромный, как небо, и синий,
Как небо... Вот, кажется, все.
Ни красок, ни зданий, ни линий,
Но мертвое сердце мое.

Мне было шестнадцать, едва ли
Семнадцать... Вот, кажется, все.
Ни оторопи, ни печали,
Но мертвое сердце мое.

Есть память, есть доля скитальцев,
Есть книги, стихи, суета,
А жизнь... жизнь прошла между пальцев
На пятой неделе поста.

45

Ты здесь опять... Неверная, что надо
Тебе от человека в забытьи?
Скажи на милость, велика отрада —
Улыбки, взгляды, шалости твои!

О, как давно тебе я знаю цену,
Повадки знаю и притворный пыл.
Я не простил... скорей забыл измену,
Да и ночные россказни забыл.

Что пять минут отравленного счастья?
Что сладости в лирическом чаду?
Иной, иной «с восторгом сладострастья»
Я тридцать лет тебя напрасно жду.

Пройдемся, что ж... То плача, то играя,
То будто отрываясь от земли,
Чтоб с берегов искусственного рая
Вернуться нищими, как и пришли.

И мы выходим... Небо? Небо то же.
Снег, рестораны, фонари, дома.
Как холодно и тихо. Как похоже...
Нет, я не брежу, не схожу с ума,

Нет, я не обольщаюсь: нет измены.
Чуть кружится, как прежде, голова,
С каким-то невским ветерком от Сены
Летят, как встарь, послушные слова.

День настает почти нездешне яркий,
Расходится предутренняя мгла,
Взвивается над Елисейской Аркой
Адмиралтейства вечная игла.

И в высоте немыслимо морозной,
В сияющей, слепящей вышине
Лик неизменный, милосердный, грозный,
В младенчестве склонявшийся ко мне.

МИХАИЛ АЙЗЕНШТАДТ

46. ЗА МЕДНЫМ ВСАДНИКОМ

Из всех памятников в Петрограде
сохранился лишь памятник Петру I
(*Из газет*)

В столице, призрачно нелепой,
В столице, полной жутких снов,
Где все дома, как будто склепы, —
Как будто склепы мертвецов;

Где все прекрасное бесследно
Разбито дикою толпой, —
Один остался Всадник Медный,
Гигант с протянутой рукой.

К нему пристроили подмостки,
И он — безмолвный — услыхал,
Как с высоты оратор хлесткий
Его потомков бичевал.

И видел кровь...Уж не потоп ли?
И в дикой смене диких лиц
Он слышал жертв невинных вопли
И смех кощунственных убийц.

И вот однажды, ночью темной,
Когда проклятый город спит,
Когда Вражда, как зверь огромный
И притаившийся молчит,

И Преступленье в закоулки
Уходит набираться сил, —
. . . .
Он руку сжал в кулак, и гулко
Он в даль кому-то пригрозил.

Кому, Потомкам ли бездарным,
Забывшим Родину и честь?
Или толпе, в чаду угарном,
Безумно празднующей месть?

Или себе грозил Великий,
Что двести лет тому назад

Создал он этот страшный, дикий,
Как смерть, кошмарный Петроград?

Иль он клеймил, быть может, гневно
Забывших долг, былых друзей?..

«О Русь! О, Спящая Царевна,
Где твой Спаситель-Чародей?»

Ответа нет. Мой крик бесследно
Пропал в неверной тишине,
И неподвижен Всадник Медный
На притаившемся коне.

Но пусть... Пусть дали беспроглядней.
Вперед, Россия! Путь прямой,
Великий путь нам кажет Всадник
Своей простертою рукой.

47. ОНЕГИН В ПЕТРОГРАДЕ

В холодном северном тумане
Маячит близость островов,
Кирпич правительственных зданий,
Как человеческая кровь.

Как будто глаз огромный вытек —
Луна застыла в вышине.
И город, точно сифилитик,
Забылся в смрадном полусне.

Идем, таясь, чуть-чуть сутулясь,
Вдоль черни прозрачных домов
Идем, — и эхо дальних улиц
Подхватывает гул шагов.

И, кутаясь от зимней стужи
В шинель сороковых годов,
Он говорит: «Кому он нужен,
Проклятый город мертвецов!»

Пускай глаза залепит снегом!
Пусть ветер бьет в глаза! Я слеп.
Уйдем, уйдем скорей, Онегин,
От наших будущих судеб.

...А небо черное простерто
Черней, таинственней, чем Рок.

Ужели это — Рим Четвертый,
Освободитель и Пророк?

48. ПЕТРОПОЛИС

Окно — вы помните? — на целый мир, в Европу ли,
Бушует ветер, финский ледяной
Над темною громадою Петрополя,
Над всадником с простертою рукой.

В окно — вы помните? — глаза глядели всякие
На снег, на острова и на метель,
На мощные колонны Исаакия,
На мелкого чиновника Акакия
Почти что легендарную шинель.

На западных дворцов великолепие,
На благолепье византийских риз,
И на судьбу трагически-нелепую
Отверженных, столичных бледных Лиз,

Орлов надменных, вскормленных победами,
И славу прошлых и грядущих лет,
На серый домик, где сгорал неведомый
И до сих пор непонятый поэт.

49. В ПЕТРОГРАДЕ

Уезжая, знал, что он вернется.
Возвращаясь, знал, что навсегда.
Утоляя жажду из колодца,
Знал, что в нем отравлена вода.
Сон приснился: по колейке узкой
Беспричинно как-то, невзначай,
Мчался ржавый, тряский, чисто русский,
Громыхая на весь мир, трамвай.
Он проснулся. Марка на конверте
Возродила запах пышных трав,
Африку, где в судорогах смерти
Корчился изысканный жираф.

50. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Он за день постарел на двадцать лет.
Что с Федором Михайловичем сталось?
Опять игра французская «рулетт»,
Иль прежняя проклятая усталость?

Смешалось всё. Где правда и где ложь?
Где всё, что было ясно и понятно?
В руках эпилептическая дрожь,
И на лице болезненные пятна,

И пробивает пот, последний пот,
Предсмертный пот. А он, терзаясь, мучась,
Прикован к месту там, где эшафот, —
Российская писательская участь, —

Прикован к месту, где российский рок
Застыл в надрыве, набожен, мятежен,
Где до сих пор еще никто не смог
Себя понять и объяснить себе же.

Что тяжелей писательских вериг,
Что тяжелей и горше вдохновенья,
Горенья на костре своих же книг,
Самосжиганья и уничиженья?

Последний путь. Конец. Последний сон.
Вот бесы хлынули, щетиною покрыты,
Кривляются, вопят со всех сторон:
«Тебя зовет Великий инквизитор»,

Кривляются, и замирает дух,
Больное сердце бьется чаще, чаще.
О, Господи! Как очутился вдруг
Он рядом с Лизаветою Смердящей?

Теперь они продолжат путь вдвоем,
Пойдут, незримой волею гонимы.
Куда? В Санкт-Петербург, иль в мертвый дом,
Или в обитель тихого Зосимы?

Не всё ль равно, когда конец? Не всё ль
Равно, что будет, иль не будет боле?
Но отчего ж мучительная боль
Острее даже, чем была в подполье?

Неужто сон? Конечно, только сон.
Ведь лишь во сне увидишь то, что надо,
Узнаешь, кто унижен, оскорблен,
И почему напился Мармеладов.

Но боль прошла. Окончен путь земной.
Окончен путь писательских страданий.
За эшафотом — мир, где есть покой
Без преступлений и без наказаний.

НИКОЛАЙ АЛЛ

51. БЕЛАЯ НОЧЬ

Евг. Викт. К-ой

Смотрю уныло
На полночь глубокую
Чужого города,
Где близких нет.
И грезится смутно
Столица далекая
И белой Ночи
Застывший свет.

Никогда, никогда
За всю жизнь мятежную
Не добуду красавицу —
Севера дочь, —
Эту тихую, тихую,
Ласково-нежную,
Эту белую-белую
Петербургскую Ночь.

<...>

Или видя страданья
И муки напрасные
Побелела от мысли,
Что не может помочь —
Эта тихая, тихая,
Бесконечно прекрасная,
Эта белая, белая
Петербуржская Ночь?..

52. ПЕТЕРБУРГ

На дальнем севере плывут пучки туманов.
Гранит, омытый кровью, дремлет в берегах,
И бродят по ночам в причудливейших снах
Лишенные покоя призраки титанов.

Кругом мертво. Смолк хохот ураганов,
Сметен былого раболепный прах;
По Невскому, по островам ползет унылый страх
И щелкают курки заржавленных наганов...

Нева катит во мгле чернеющие воды,
Над ней, дремля, висят ажурные мосты,
Покрылись плесенью старинных храмов своды,

И улицы широкие и темны, и пусты.
И даже кладбищ нет, везде растут кресты —
Живые памятники умершей свободы.

53. ПЕТЕРБУРГ

Как завороженный, Белой Ночью
Не найду желанного покою,
Чудится, что вижу я воочью
Летний сад и Зимний над Невою.

Снится, что по набережным тихим
Я иду вдоль каменной шеренги,
Где царит все так же Воронихин
И живет еще душа Кваренги.

Чудится, что будто бы во мгле я
Вижу гордый шпиль Адмиралтейства.
В Летнем происходит ассамблея,
В Зимнем двор царицы смотрит «действо».

В переходах темных Эрмитажа,
Ветерана Северной Пальмиры,
Чуть дрожат гвардейские плюмажи,
У дверей дежурят кирасиры.

Под вуалью этой Ночи Белой,
По волшебству призрачного рока,
Поступью неслышной и несмелой
Выступает чинное Барокко.

Где-то бьют старинные куранты,
Тени наполняют галереи,
В залах эполеты, аксельбанты,
У дверей кирасы и ливреи.

Здесь все те, кого ты сам прославил:
Петр, две Анны, матушка-царица,
Удушенный самодержец Павел.
Царедворцев хитрых вереница:

Чернышев, Бестужев и Потемкин,
Меншиков, Нарышкин, Миних, Пален...
Мы, твои бездомные потомки,
Знаем, почему ты опечален.

Но в тоске ты все ж Петра созданье,
Богатырь в фельдмаршальском мундире;
До сих пор живет твое названье —
«Самый фантастичный город в мире».

В этом странном, зыбком полумраке.
Вздрагивая точно от недуга,
Монферрана видит Исаакий,
Своего создателя и друга.

И традициям прошедшим верный,
В парике, при шпаге, в треуголке,
Кутается замок Инженерный
В длинный плащ из траурного шелка.

А Сенату этой ночью мглистой
Чудится — без страха и без мести,
Во главе мятежных декабристов
Вышел на парад полковник Пестель.

Снится мутно Невской першпективе,
Что в деревне, в маленькой избушке,
Что то пишет всей Руси на диво
Камер-юнкер Александр Пушкин.

АНДРЕЙ АЛЛИН

54. 27 ФЕВРАЛЯ

Скончался день. Умолкли клики.
Была весеннее весна.
И у Исакия от сна
проснулись чудотворцев лики.

Гудел раскатисто мотор
у грузного автомобиля,
и чьи-то лица мило плыли,
и кто-то прошептал «позор»...

Прослушали царево слово,
к царице в спальню впущен псарь,
на «Дне» проснулся утром царь,
царем не засыпая снова.

Тянула чернозем с полей
Весна иль смерть?.. не мню назвать я:
Запечатленное проклятье
твое, царевич Алексей!

55. БЫТЬ ПЕТЕРБУРГУ ПУСТУ...

Петрович, или ты наследишь
Деяньям грозного Петра,
С которым спорила в победе
Его премудрая сестра?
И не смогла, не уследила,
Истерзанно изнемогла —
Ей жизни раньше опостыла
Болотных топей злая мгла.
Так и тебе его твердыня
Казалась кочкою болот —
В Москве у Иверской святыни,
Петрович, начинал ты счет.
Не твой ли встал туманный призрак,
Пустым оставив Петербург,
Когда февраль неслышно вызрел
Под наигрыш весенних пург.

56. СПАС НА КРОВИ

<Отрывок>

Мечта хмельная, брага хмельная
    одели таявший февраль,
когда в России беспредельная
    окраснилась в полотнах даль.

У пулеметов лента узкая
    трещала в этот вечер с крыш,
но шла толпа, подсолнух луская,
    февральскую пытая тишь.

И из казарм шагами гулкими
    шли петербургские полки,
неся глухими переулками
    свои изменные штыки.

Слова летели к небу всякие,
    шел императорский конец —
бурлила площадь у Исакия,
    взгремел Таврический дворец!

Стена обиды и насилия
    свалилась, всех спаяв в одно, —
взята российская Бастилия
    и императора ждет: «Дно»!

А там, вперед глядя укорами,
    когда едва ли рассвело,
пред государевыми взорами
    тюрьмою — Царское Село...

АМАРИ

57. ПРОГУЛКА НИКОЛАЯ I

Пристегнувши шнурками полость,
Запахнувши крепче шинель,
Он летит — и в душе веселость.
Веет ветер, крепкий, как хмель,

Иногда от быстрого бега,
Из-под легких конских копыт
Мягко белыми комьями снега
На мгновенье глаза слепит.

Мчатся сани стрелой прямою,
А вкруг них снежинок игра,
Опушающих белой каймою
Темно-серый город Петра.

Николай изящный, высокий,
Неподвижно прямой сидит
И любовно царское око
Созерцает знакомый вид:

Дали ровны, улицы прямы,
И мундиры застегнуты все,
Дальней крепости панорама
В величавой стынет красе.

Дали ровны, улицы прямы...
Что страшней, прекрасней, скучней,
Чем создание воли упрямой
Напряженных петровских дней?

Дали ровны, улицы прямы,
Снег блестит, простор серебря...
О какая прекрасная рама
К величавой фигуре царя!

58. ПРОГУЛКА НИКОЛАЯ I

Снежно-белый, холодный
От метелей и пург
Над Невой благородной
Онемел Петербург.

Мчатся быстрые сани
В вихревое кольцо.

От холодных касаний
Запылало лицо.

Все полно здесь холодной
Неживой красоты,
Несвободной, бесплодной
И бескрылой мечты.

Что за странное чувство
Средь полузабытья:
«Правда, жизнь и искусство
Все — мое. Все — как я.

Тяжкая величавость,
Огражденный простор,
Неба хмурая ржавость
И свинцовый мой взор.

Зданий каменный очерк,
И кирпич и гранит
Часть меня, как мой почерк,
Необманно хранит.

Хорошо мне промчаться
Улиц лентой прямой,
Хорошо возвращаться
В тихий Зимний домой,

По пути офицера
Пожурившим слегка,
Посадив для примера
За размер темляка».

59. ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА НИКОЛАЯ I

Старый уже и не прежний уже, полуседой
Едет Дворцовою Набережной, дорогой прямой.
Гаснет Собор Петропавловский меж тлеющих зорь...
В сердце глухая безрадостность, хмурая хворь.
Гаснет Собор, усыпальница предков — царей...
Смерть, приходи, не запаздывай, будь побыстрей.
России гранит рассыпается в руках как песок.
Сани в смерть подвигаются. Путь недалек.

ВАДИМ АНДРЕЕВ

60

Эх, балалайкою тренькай,
Плачь, неземная струна!
Здесь, у скамейки, маленько
Тенором вторит весна.

Прячется за парапетом,
Там, над пустою Невой,
Отблеск вечернего света,
Отблеск совсем голубой.

Милая, милая, вдосталь,
Милая, нам до зари — —
Там, у высокого моста
Гаснут с зарей фонари.

Спрятался месяц за тучку,
Больше не хочет гулять.
Дайте мне правую ручку
К пылкому сердцу прижать.

61

Еще любовью пахнет горький порох,
Еще дымится теплый пистолет,
Еще звезда хранит тугой рассвет
И туч растерянный и долгий шорох.

Еще — и не забыть суровый бред,
И в чернореченских скупых просторах
Снега, и стольких лет смятенный ворох,
Глубокий, снегом занесенный след.

Еще, — ах, снежной пылью серебрится
Слегка его бобровый воротник,
И утром невообразимо дик

Покой непробудившейся столицы,
И слово смерть — в конце земной страницы —
Коснеющий не вымолвит язык.

62. ВОССТАНЬЕ ЗВЕЗД

Поэма

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ФЕВРАЛЬ

1

Городовой тасует карты —
За обшлагом — приблудный туз,
И незаконного азарта,
И шулерства — святой союз.

Февральским медленным дыханьем
И нежным снегом воздух сыт.
Топорщатся живым сияньем
Заиндевелые усы.

К нему слетает муза смерти
И с ним о Боге говорит,
А он червонный прикуп вертит
И пламенем земным горит.

Дыханье затаило время,
Как человек перед прыжком,
И оступившаяся темень
Кричит и падает ничком —

А там, вверху, в окне чердачном
Рассвета равнодушно ждет,
С трудом прикинувшись невзрачным,
Большой толковый пулемет.

Солдат окурок потерял,
Солдат ругаться не устанет,
Не видит он — под ним провал
И в том провале — даже дна нет.

Он шарит пальцами в снегу,
А ночь все шире, шире, шире,
Еще на этом берегу,
Еще в привычном, здешнем мире.

Вблизи — всего лишь в двух шагах —
Земной огонь отсыревает,
Шипит и плачет и впотьмах,
Как белый ангел, умирает.

Скользит, цепляется о воздух,
Как стая ласточек, снежок,
Крутясь на перекрестках звездных,
Ложится ковриком у ног.

И, покидая изголовье
Суровых Ладожских глубин,
Стекает безглагольной кровью
Нева сквозь тяжкий панцирь льдин.

Окно из мрака вырывает
Струящийся и желтый снег,
И лязгает, и замирает
Вагонный бестолковый бег.

В ночи, жонглируя огнями,
Рукою машет семафор;
Перекликаются свистками
Небесный и земной простор;

И дымным шлейфом зацепляясь
О телеграфные столбы,
Кочует поезд, извиваясь,
В бессонных поисках судьбы.

И снова в Дно и в Бологое
Попеременно бьет пурга,
И небо, как отвар густое,
Роняет черные снега.

Опять сменяют паровозы,
Клубится шлейфом пар, и вновь
В ночи стеклянные морозы
Сжимают царственную кровь.

Не спится сторожу никак —
Он бродит вдоль по коридорам.
Дорогу уступает мрак
Блуждающей свече с позором,

И, устыдившись, за спиной
Опять смыкается, нетленный,
И вновь музейной тишиной
И тьмой насыщен воздух пленный.

Здесь осторожен каждый звук.
Нежней дыханья спящих статуй

Скользит по голой бронзе рук
Струею отблеск лиловатый.

Душа дворца во мгле холодной,
Душа дворца в глубоком сне
И в малахитовой, в подводной,
В огромной тонет тишине.

Еще хранят кариатиды
Над входом царские гербы
От посягательств и обиды
И от превратностей судьбы.

2

Он говорил: «Ужель свобода
Замерзшей птицей на лету
Падет, покинув высоту
Отравленного небосвода?
Ужель российская зима,
Изнемогая от гордыни,
Не вызволит свои твердыни
Из-под полярного ярма?
Ужели нежная свобода
Бездействию обречена?
Сама собой уязвлена
Самодержавная природа:
Подводное течет тепло,
Морские возмутив глубины,
И в прах дробятся, как стекло,
Как бы взбесившиеся льдины.
Пусть смертью пахнет эшафот,
И кандалы во мгле железной
Скрипят, и в бездне бесполезной
За годом исчезает год, —
Сквозь первозданное молчанье,
Сквозь ледовитый строй зимы
Прорвется черное дыханье
Внезапно возмущенной тьмы.
И ты, нежнее самых нежных,
Сорвав с лица терновый мрак,
Подымешь на путях таежных
Судьбой окровавленный флаг.
Нам даровал высокий век
Любви губительную участь —
Растаять, радуясь и мучась,
И знать, что смертен человек».

Он говорил: «Неизъяснимо
Веселье смерти и любви,

Когда, взволнована, томима,
В грязи, и в прахе, и в крови,
Ослеплена пожаром страха
И взрывом сокровенных грез,
Расплывчатая в вихре слез,
Стоит — небесным ложем — плаха;
Когда надменная война,
Как зверь, в стальных тенетах бьется,
Взывает, стонет, плачет, рвется,
До крайности напряжена —
В огромную пустыню мира,
В очаровательный покой
Нас счастье смерти за собой
Ведет, для отдыха и мира».

Он говорил, а между тем
Свежел над Петербургом ветер,
Крепчал мороз, и на рассвете
Казался воздух мертв и нем,
И дворник на снегу лиловом
Метлою выводил узор.
А там, над ним, над снежным кровом,
Полуприкрыв крылом простор,
Парила муза смерти в синем,
Холодном, солнечном огне,
И оседал тревожный иней
На уходившей тишине.
О, как все нестерпимо просто,
И можно ль опровергнуть смерть —
В невольной тишине погоста
Нам ближе и понятней твердь.
Мы сладостно в земле остынем
От утомительной игры,
Мы нелюбимую покинем
Сестру — для ласковой сестры.

3

Река подъемлет ледоход,
Хребет безгривый обнажая,
Ломает, силы напрягая,
Предсмертный синеватый лед.

Шуршат разрыхленные льдины,
И странным шумом напоен
Рябой и серый небосклон,
И тают снежные седины.

Освобожденная вода
В разверстых трещинах зияет,

И льдин щербатая гряда
И кружится, и проплывает.

Так в революционной стуже,
Еще бездействием слепа,
Растерянно и жадно кружит
На снежных площадях толпа.

И смертью озаряя лица,
Обезобразив города,
Сквозь непрорубный мрак струится
Междуусобная звезда.

Трусливый тщетно ждет пощады
И революции бежит.
Однообразные громады
Теряют свой привычный вид —

Над устрашенною столицей,
Псдземный заглушая гуд,
Ширококрылые зарницы
Чредой мятежною бегут,

Язвят расплавленные тучи,
И странный, искаженный звук
Летит предвестником падучей
И разрешеньем смертных мук.

И вдруг касается рука
Земли — и все не в счет, все даром:
Да, если сердце под ударом,
На что грядущие века?

О, как расчетлива и лжива
Нас уязвившая мечта,
И ты — земная высота
Свободы — противоречива.

Тягучие сжимая звенья
И обвиваясь вкруг домов,
Сверкая чешуей голов,
Свое змеиное движенье

Толпа не в силах изменить,
И душной кровью демонстраций
Невольно улицы дымятся,
И город продолжает жить,

И конница в тени лиловой
К решеткам жмется, и народ
Сквозь гам и говор митинговый
Себя восторженно несет.

И над пожарищем тюрьмы,
Над обожженной жизнью камер
Суровый ветр недвижно замер,
Смущен отчаяньем зимы.

Сгибая ржавое железо
Февральских бурых облаков,
Морозный воздух поборов,
Взлетает в небу Марсельеза.

Заря над розовым Кронштадтом!
Что значит смертный приговор?
Врастает облаком крылатым
В лазурь — Андреевский собор.

В глазах стклянных отраженный,
Играет луч, сияет день,
Но для души освобожденной
Все прах, все смерть, все тлен и тень.

К нему летит Господний голубь,
И от лучистого крыла
Светлеет ледяная прорубь
И тает, растворяясь, мгла.

И ты — нежнее самых нежных,
Сорвав с лица терновый мрак,
Вздымаешь на путях таежных
Судьбой окровавленный флаг.

Нам даровал высокий век
Любви губительную участь —
Растаять, радуясь и мучась,
И знать, что смертен человек.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КРОНШТАДТ

I

Восстанье ангелов! Земля,
Ты русским небом обернулась,
Расправив снежные поля,
Ты белым лебедем вспорхнула.

Ты в незнакомой чистоте
Парила, реяла, сияла
И медленно изнемогала
В тебя приявшей высоте.
Слабея, расступался воздух,
Встречало пустоту крыло,
Спешили облака и звезды
Войти в привычное русло.
Теряя огненные перья,
Пред смертью обнажая грудь,
Ты все еще, из суеверья,
Пыталась крылья разомкнуть.
Тебя чуждались облака,
И ты скользила между ними,
Ты падала, в огне и дыме,
Как в бездну падает закат.
В ночи Таврический Дворец
Не спал — в бессоннице огромной,
Взвивался снег, горел багрец
И веял ветер вероломный.
Недружелюбная Нева
Таилась, жалась, цепенела,
И ледяная синева
Живое покрывала тело.
Еще эоловой струны
Сияли ангельские звуки,
Когда восстал огонь сторукий
И взвеял жадный дым войны.
Плутал в степях тяжелый Дон,
И ржавая Кубань металась,
Зарницами со всех сторон
Над Волгой небо разрывалось.
И от Днепра до Енисея
По руслам беспощадных рек
Сквозь зной и лед, жару и снег
Текла Россия, цепенея.

Восстанье ангелов! В ночи
Бесплотных крыльев трепетанье.
Звенели стаей птиц лучи,
И бредил целый мир сияньем.
Друг с другом встретясь, облака
Единоборствовали в небе.
Зачем Господняя рука,
Увы, не нам сужденный жребий
Нам указала и зажгла
Российский мрак не русским светом?
Не верит звездам и кометам
Всеразъедающая мгла.

Нам тесно, дымно и темно,
И мы — обнажены молчаньем.
За жизнь божественным страданьем
Нам расплатиться суждено.
Сухой огонь слепил и мучил,
Испепеленный воздух жег.
Нас миновал — звездой падучей —
Уставший радоваться Бог.
На что Тебе вся твердь земная
И сонмы ангелов святых,
Когда душа, как пыль, сухая,
Рассыпалась в руках Твоих.

Три года правил нами голод.
Дымилась сном и снегом степь.
Расшатывал огромный холод
Веками сложенную крепь.
Как человек, болело время,
И бредил сыпняком простор.
Сползала мгла с небесных гор,
И, как вода, смыкалась темень.
Еще живя, еще дыша,
Еще мечтая о свободе,
Опустошенная душа
Противоречила природе.
Но заповедный мрак крепчал
И вынуждал к повиновенью.
Лишь одинокая свеча
Еще поддерживала бденье:
Наследник мятежей и славы,
Взваливший на плечи закат,
Он был последним обезглавлен
— Кронштадт.

II

В броне темно-зеленых льдин,
В броне сугробов и заносов —
Тяжелый щит великороссов —
Ингерманландский властелин.

На зыбком острове незыблем,
В защитной радуге фортов,
Он ждет — среди густых громов
Крупнокалиберную гибель.

Пустыня звонкая молчит,
Лазурь морозная сияет
И хладные лучи бросает
На цепенеющий гранит.

Уйдя в снега по самый пояс,
Взвалив на плечи небосвод,
Над кладбищем балтийских вод
Он спит, — притворно успокоясь.

Среди скелетов мертвых волн,
Среди пустыни величавой
Своей двусмысленною славой
Он до краев, как чаша, полн.

Спускалась ночь, и небеса
Послушные — вослед спускались.
Не целый век, а полчаса,
Но дольше века расставались

Зазубренные облака,
Друг с другом вовсе не поладив.
Не век, но целые века
Свергались в черном водопаде!

Обледенелые молы
Впились в глухой простор когтями,
Как в падаль серые орлы.
Ночь забавлялась кораблями.

С ладони на ладонь она
Подкидывала снег, играя.
Спускалась с неба тишина
Глухонемая.

Искал Толбухинский маяк
Дредноут, сжатый льдом и мраком,
Но всюду одинаков мрак,
Но снег, — он тоже одинаков.

Стоял фонарь с подбитым глазом,
И ночь смотрелась в полынью.
Нырял огонь. Ах, с каждым разом
Труднее вынырнуть огню.

Но он выныривал. Жгутом
Скользил по краю нежной льдины,
И плакала вода тайком,
Как мать над непокорным сыном.

Из камня выстроенный мрак
В морозном мире возвышался.

По краю мрака крался враг,
И круг последний завершался.

В порту матрос и ночь, вдвоем,
Играли в кости, водку пили
И в небе слышали глухом
Прощальное шуршанье крыльев.

Смирял недвижный воздух Леты
Восстанье звезд. Молчи, молчи,
Прости растерянным кометам
Недолговечные лучи.

Закрыв прожорливые дула,
Спала эскадра. В рубку мгла,
Прогуливаясь, завернула,
Но утром вдруг занемогла.

Остатки митингов и споров
Еще таились по углам,
Еще дремал бездымный порох
И сонных тайна стерегла.

Еще не смел с цепи сорваться
Двенадцатидюймовый гром,
И ветр последних демонстраций
Еще боролся с вечным сном.

Так перед смертью тишина
С живыми за руку прощалась,
Так гасла ночь, и так война,
Насытясь заревом, кончалась.

Последний день вставал над нами.
Эпоха рушилась, как дом.
В последний раз святое пламя
Сияло в воздухе пустом.

III

Снега и лед. Снега, снега.
Разрезал надвое прожектор
Ингерманландские брега.
И ночь, сужая черный сектор
Сухой, как холод, темноты,
Готовилась к достойной встрече
Царицы мира — пустоты.
Был снежным боем день отмечен.

Ждал полночи отбитый враг.
В тиши зализывая раны,
Дремал, как ветер бездыханный,
Уставший за день реять флаг.
Неосторожная звезда
Заглядывала сверху в прорубь,
Не отразив ее, вода
Не поднимала кверху взора.
О льдины спотыкался страх,
Бродил и прятался в сугробах.
Сквозь ночь и тьму, сквозь снежный прах
За нами смерть следила в оба.
И бой возник. Рвались снаряды.
Со скрежетом ломался лед.
Полупрозрачные громады
Врезались в низкий небосвод.
Металлом огненным кипела
Раскрепощенная вода;
Визжала тьма, и ночь горела,
И белая рвалась орда
Вперед на приступ. Пулеметы
Свинцом засеивали снег.
Так с старым веком новый век,
Спеша, сводил земные счеты.
Исполосованная мгла
В тяжелом небе клокотала
И страшным ливнем обжигала
Ко льду приникшие тела.

Как свечи черные, горели
В руках трехгранные штыки.
Нас пулеметные метели
Учили музыке тоски.
Блуждал по небу луч певучий —
Невидимый гудел мотор.
На север прогоняя тучи,
Шагал, как человек, простор.
Эпоха рухнула.
                    И страх
Нам выклевал глаза, как ворон.
Мы бродим белым днем впотьмах
У голых стен — ночным дозором.
Пожарище минувших дней,
Безмолвный пир угля и пепла.
О, нас язвит, как яд, елей.
Душа рассыпалась. Ослепла.

Оборвался певучий лет
Последней, запоздавшей пули.

Могильным склепом вырос лед,
Устав, прожекторы уснули.
Змеей вползала тишина
И разворачивала кольца.
И покидало ложе сна
Не видимое нами солнце.

Не смерть, а только тень ее,
Не сон, а отблеск сновиденья,
Не жизнь, а полузабытье
И торжество опустошенья.

Восстанье звезд, мятеж вселенной!
Над нами оскорбленный Бог
Блистал громокипящей пеной
Нас возвышающих тревог.
Война, как сердце, отзвучала;
Улегся сонным зверем бунт.
Над нами несколько секунд
Звезда мятежная сияла.
Ночь умерла в самой себе.
И погрузилось все в молчанье.
Мы отягчаем мирозданье,
Мы оскорбление Тебе.
На что Тебе вся твердь земная
И сонмы ангелов святых,
Когда душа, как пыль, сухая
Рассыпалась в руках Твоих.

1930—1931

63. ВАРЬЯЦИИ

<Фрагменты>

1

Где стол был яств — там гроб стоит.
Г. Державин

Одета инеем и синим льдом
Казанского собора колоннада.
Прикинулась гранитным пауком
Безглазая и жадная громада.

За Волгою гуляет Пугачев,
И белые дворянские усадьбы

Среди пунцовых тающих снегов
В ночи справляют огненные свадьбы.

На берегу Невы, в дворцовой мгле
Томятся свечи, слуги и мундиры.
«Где стол был яств» — и вот уж на столе
Лежит безмолвный председатель пира.

«Где стол был яств» — слова, слова, слова.
В ночи скрежещет дверь на петлях ржавых,
И желтая, как воск, растет трава
В обледенелом капище державы.

Протяжно воет колокола медь.
Друг с другом круглые враждуют звуки.
Немыслимо дыханием согреть
Мертвеющие старческие руки.

Паросский мрамор замертво лежит
На глинистой земле глухого парка.
Кто Делию воздушную лишит
Прекрасного и светлого подарка?

2

...Но лишь божественный глагол...
А. Пушкин

Над стогнами ночного града,
В великолепной тишине,
Сияет лунная прохлада
И звезды блещут в вышине.

Беззвучно лапу поднимает
На пьедестале призрак льва.
Ковром серебряным мерцает
Самодержавная Нева.

Стихов прозрачных бормотанье.
И пахнет миртами гранит.
Уже на первое свиданье
К поэту Делия спешит.

И вдруг божественный глагол,
Торжественный и величавый,
Луной посеребренный дол
Обжег невыносимой славой.

Пророческая ночь гремит,
Крылами ангелов трепещет,
И голос Пушкина звучит
Во тьме таинственной и вещей.

64. ТЕРРОРИСТЫ

Поэма <Фрагменты>

<...>

I

Уродливой кистью руки,
Раскинувшись устьем трехпалым,
Смывая и торф, и пески,
И льдины взрывая запалом,
Как вздыбивший конь, трепетала
И жалась в граниты Нева.
Нагие, как ночь, острова
Смывали у самого моря
Отрепья зимы и снегов.
Прозрачный мороз переспорив,
Стучала капель. От садов,
От парков, берез, бересклета
Налет голубой пестроты.
Как руки, сгибая мосты,
В тяжелых огнях, как в браслетах,
Над льдинами цвета свинца
Не спит пробудившийся город.
О запахи смол и торца,
О небо с его пустотою!
Как прежде, и этой весною
Столица менялась с лица.

II

За ставню, в окно не заглянет столица.
Спирается в лаборатории мгла.
И если еще ощутимы их лица,
То не ощутимы пустые тела.
Гляди: подбородок и бритые скулы.
Вот волосы, свитые медным венцом,
Вот каменный рот, — этот голос негулок, —
Вот чья-то щека, вот рябое лицо,
Вот впадины глаз и как будто ресницы,
Вот строгий морщиной рассеченный лоб,
И время глядит, и пустые глазницы

Уже узнают этот мертвый озноб.
Их много, но каждый заране отмечен,
На каждом родимые пятна — тавро,
По каждому, верно, тоскует до встречи
Казенный, дешевый, некрашеный гроб.
— «Так завтра, в двенадцать. На Марсовом поле
Метальщикам быть».

До поры еще спит,
Насупясь, в углу, охраняя по́дполье,
Тяжелый и серый, в тоске, динамит.

<...>

IV

Люблю тебя, Петра творенье!
Простор бессмертных площадей!
О каменное вдохновенье
Осуществленных чертежей.

Ты выплыл в море островами,
Поработив язык стихий,
Ты пьешь гранитными боками
Болот дичающие мхи.

И в Петропавловской твердыне,
Остерегая тишину,
Часов упорный голос стынет
И в полдень пленных гнет ко сну.

Нева течению послушна,
День будто замер и застыл.
Слов не хватает. Душно, душно!
О Пушкин, Пушкин, где же ты?

Парад щетинится штыками,
На поле Марсовом каре.
Знамен двуглавыми орлами
Настороженный воздух рей.

Вот ближе, ближе, воздух гулок —
Вдруг тяжко вздрогнули мосты.
Метальщица, не ты ль метнула
Громадный вздох к нам с высоты?

V

Седой покой, о вогнутые скрепы,
    Оплывший сон.
Хранит тебя самодержавный слепок
    Камней, времен.

Хранит тебя. Почти с решеткой вровень
    Течет Нева.
Не здесь ли, стиснув — в камень — брови,
    Забыть слова?

Не здесь ли Таракановой на память
    Сквозь дым и дни
Пришел Орлов? И пенными устами
    Гася огни,

Нева рвалась, кипела и томилась,
    Как ночь — до дна!
Она в осевших коридорах билась,
    Разъярена,

О согнутые новой ночью спины
    Камней, времен.
О Алексеевского равелина
    Сей душный сон!

<...>

X

Нева и небо. Острова.
Еще прохладная трава.
На диво черченный простор,
Лучей и тьмы привычный спор.

Неощутимы облака.
Слышней протяжный хруст песка.
Но мертвый дремлет, дремлет порт,
В два цвета выжженный офорт.

    Перекладина качается,
    Перекладине не верь.
    В мире это называется
            Смерть.

Разлука будет коротка.
В последний раз к руке рука.
Последний раз в прозрачной мгле
Прикосновение к земле.

Помост скрипит. За шагом — шаг.
Насторожился мир, как враг.
Еще, еще, к руке рука.
Разлука будет коротка.

Перекладина качается,
Перекладине не верь.
В мире это называется
Бес — смер —

65. ПОЭМА О КАМНЕ

Александру Вадимовичу Андрееву

1

Долго угрюмый ледник волочил
Серый валун по земле одичалой.
Бросил его и уполз, и забыл.
Небо над мертвым болотом молчало.

Сгусток расплавленной, огненной лавы,
Жизнь, не заснувшая даже во льду —
Каменный сторож огромной державы:
«Здесь я положен, и я не уйду».

2

Через невские топи торопят коней.
Убегают на запад. Слепые кольчуги
Чуть блестят в темноте. «О скорее, скорей,
Нам не выйти из круга разбуженной вьюги.

Ночь прикинулась ведьмой. Она нас задушит.
Этот снег — словно стрелы — и жалит и жжет».
Леденеют, как в проруби, мертвые души;
Александр, настигая, в погоню идет.

3

Все мхи, да валуны, да мелколесье,
И жадный всхлип, и хлюпанье болот,
И в серо-синем, в бледном поднебесьи
Широкий журавлиный перелет.

Его века одели лишаями,
Стянула раны каменная ржа.

Он говорил гранитными губами:
«Я не уйду с родного рубежа».

4

Белая ночь на Ивана Купала.
Белое небо над синей рекой.
Едет отряд по земле одичалой,
Конь за конем по земле голубой.

Кто здесь натыкал еловые вехи?
Длинную просеку кто прорубил?
Петр к одинокому камню подъехал,
Горькую трубку свою закурил.

5

Каменотес взял ржавый молот,
Зубило сжал мозолистой рукой,
И звонким стал весенний холод,
Плывущий над огромною рекой.

Он был положен в край высокой дамбы,
Туда, где приставали корабли,
Туда, где сжали каменные ямбы
Неровный край болотистой земли.

6

Гранитные обтачивая звуки,
Суровый Ломоносов приходил
Сюда на берег. Каменные руки
Уперши в камень, он не находил

Ему потребной фразы. В тишине
Из-за высоких тростников вставала
Луна. Ночь бормотала в полусне,
И каменное сердце трепетало.

7

Вдали Адмиралтейская игла
Сияла, в полумгле не угасая,
Когда крылаткой славною была
Озарена его душа ночная.
. . . .

8

Здесь, над Сенатской площадью, заря
Мучительно и долго догорала.
В кольчуге синих льдин едва дышала
Нева — в тот долгий вечер декабря.

И в долгий вечер декабря впервые
Тебя обжег тот непомерный свет,
Которым — через девяносто лет —
Весь шар земной расплавила Россия.

9

Человека не тронула пуля. Она
Обожгла рикошетом гранитное тело.
По торцам, пригибаясь, ползла тишина,
А беззвучное сердце, как солнце, горело.

Человек — он погладил ладонью гранит,
Посмотрел в темноту, в этот мрак неотвязный:
«Ничего, пусть сегодня еще поболит,
А уж завтра мы вместе отпразднуем праздник».

10

Здесь самодержец лед, и Ленинград,
Буранами и вьюгами обвитый,
Подъемлет к небесам — за рядом ряд —
Разрушенных построек сталагмиты.

Но сквозь кольцо блокады ледниковой,
Сквозь бред и боль неумолимых мук
На всю страну гремит, как жизнь, суровый,
Как жизнь, большой — гранитный сердца стук.

11

Не страшась аравийского желтого зноя,
Мусульманин к священному камню придет,
И остынет в душе беспокойство земное,
И высокое счастье звездой расцветет.

Так и тот, кто душой, маловерной и слабой,
Не поверил в Россию и в русский народ,
Пусть коснется рукой ленинградской Каабы,
У гранитного сердца пусть силы возьмет.

1946
Париж

66. НА ПУШКИНСКОЙ ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ

Тянуло с Ладоги рассветом.
Крепчал мороз. Из темноты
Вступавшим в новый день предметам
Опять дарила жизнь черты:
Стал домом — дом, санями — сани,
И в речке вмерзшее бревно
Своей обрубленною дланью
Подперло мост.
                    Ах, все равно
Нам не исправить нашей жизнью
Того мгновения, когда
На повороте полоз взвизгнет
И выйдет из саней вражда,
Беда, тверда, непоправима,
Поднимет пистолет.
                                Прости,
Что я в тот день невозвратимый
    Тебя не мог спасти.

<1966>

СОФЬЯ АНИЧКОВА-ТАУБЕ

67. В 1812 ГОДУ*

1

Столица спит... осенней мглой,
Как дымкой траурной повита,
В бессильной ярости Нева
На берег рвется из гранита.

И, брызгнув пеной гневных уст,
Покорна воле урагана,
Она, отпрянув, мчится в даль,
Во мглу безбрежного тумана.
. . . .
Не спится в эту ночь Царю:
Во тьме осенней непогоды,
Зловещим призраком пред ним
Встают грядущие невзгоды.

Что день, грознее и грозней,
Несутся вести с поля брани:
Вся Русь — от Польши до Москвы —
В кровавом тонет океане.

Давно ли в Кремль — оплот царей,
Отбросив к югу побежденных,
Вступил великий вождь врагов
Под клики войск разноплеменных,

Как ныне весть уже летит,
Что, упоен победой славной,
Мятежный баловень судьбы
Грозит Неве его державной.

И мнится скорбному Царю:
Шумят французские знамена
И, все сметая на пути,
Текут полки Наполеона.

Разит пылающим мечом
Врага тяжелая десница...
Уже, как древняя Москва,
Горит и невская столица.

---

* В сентябре 1812 года, когда Петербургу грозила опасность неприятельского вторжения, Александр I хотел увезти статую Петра, но сон, виденный одним из придворных, заставил Государя отменить решение.

А там, где Петр пытливый взор
Вперил в грядущее России,
Толпы ликующих врагов
Шумят как буйные стихии.

«Трофей»!.. «Трофей»!.. летят во мглу
Победно вражеские клики.
И призрак новых тяжких бед
Встает пред взорами владыки.

2

Кипит и пенится Нева;
С разбега бьет в гранит волною
И вновь, отхлынув, мчится в даль,
Сливаясь с призрачною мглою.

Бежит Царя отрадный сон:
Томимый тягостною думой,
Страны великой властелин
С тоской глядит во мрак угрюмый.

И зреет на сердце его
Что миг, все явственней решенье:
Спасти от дерзкого врага
Резца бессмертного творенье.

«Едва оденет мрак ночной
Дворцы полуночной столицы,
Надолго, — мыслит Государь, —
Покинет Петр ее границы.

Умчится он, с его конем,
От этих буйных вод далеко,
К иным пределам обратит
Свое недремлющее око».

И долго, полон тяжких дум,
Внимая шуму непогоды,
Недвижно Царь глядел во мрак
На злобно ропщущие воды.

Но вдруг кровавый свет вдали
Прервал владыки размышленье,
И взору скорбному его
Предстало грозное виденье:

Пришпорив медного коня,
Из тьмы осенней полуночи,

К нему бесшумно мчался Петр,
Вперив разгневанные очи.

3

И слышит Царь, как будто въявь,
Вблизи тяжелое дыханье,
И медных уст гудящий лязг,
Покрывший бури завыванье.

«Почто, о правнук, мой покой
Нарушил мыслью дерзновенной,
Свою столицу мог ли Петр
Узреть невольницей смиренной?

Нет, тщетно вражеская рать,
В своей воинственной гордыне,
Питает дерзостную мысль
Ступить на невские твердыни.

Доколь стою я у Невы,
Незримо дух мой здесь витает
И юный град сей от врагов,
Как страж бессменный, охраняет».

И, повернув назад коня,
Бесшумно, словно привиденье,
В кровавом зареве огня
Исчезло грозное виденье.

. . . .
Очнулся царь: столица спит,
Вокруг пустынно и безмолвно,
Лениво к берегу Нева
Катит чуть плещущие волны.

Утихла буря... а вдали,
За посветлевшею рекою,
Уже зарделись небеса
Осенней, робкою зарею.

68. СОН ПЕТРА ВЕЛИКОГО*

С берегов Невы немолчно
В даль несется стук и звон —
То строитель венценосный
Укрепляет русский трон.

* Сон этот, виденный Петром Великим, показался Государю столь знаменательным, что был собственноручно занесен им в свой «журнал».

День за днем, рукою властной,
В жгучем, творческом огне,
Меч могущества и славы
Он кует родной стране.

Вот и нынче: только в небе
Вспыхнул светоч огневой,
Поспешил он к новой верфи,
Что воздвиглась над Невой.

Целый день там, неустанно,
Не щадя могучих сил,
Как простой наемный плотник,
Сам стругал он и пилил,

И лишь к ночи, только сумрак
Опустился над рекой,
Удалился Повелитель
На заслуженный покой.

И, свершив свой скромный ужин,
Днем рабочим утомлен,
Погрузился царь мгновенно
В богатырский, сладкий сон.

Но, едва смежил он очи,
Прорезая ночи тьму,
Необычное виденье
Вдруг привиделось ему.

Как по щучьему веленью,
Разошлась ночная мгла.
Видит царь, над сонным морем
Гордо высится скала,

С высоты орел могучий,
Устремив на море взор,
Горделиво озирает
Тихо дремлющий простор.

И, как в сказке, безмятежна
И беззвучна тишина;
Сонно льет свой свет на волны
Полуночная луна.

Но, нежданно, из пучины,
Вспенив грудь волны седой,
Два чудовищные змея
Появились над водой.

И по выступам и кручам,
На гранитную скалу,
Полны яростной угрозы,
Поползли они к орлу.

Пронизал безмолвье ночи
Острием змеиный шип,
Увидал орел чудовищ
Меж гранитных острых глыб,

Взмахом крыл простертых встретил
Он нежданного врага,
И предсмертным, страшным хрипом
Огласились берега.

Видел царь, как черной кровью
Задымилась вдруг скала,
Как скатились в бездну чудищ
Бездыханные тела,

А над водною равниной,
Горделивых полон сил,
К высотам орел могучий
Величаво воспарил.

. . . .
Целый день несутся с верфи,
В даль удары топора, —
Светел нынче вдохновенный
Взор Великого Петра.

Будто въявь, пред ним все утро
Оживает дивный сон,
В нем пророчество благое
Для Руси провидит он.

И кипит, кипит работа
Под рукой богатыря,
И, что день, растет грознее
Флот Великого Царя.

ЕЛЕНА АНТОНОВА

69. СОН О ПЕТЕРБУРГЕ

Приснился сегодня мне город любимый
С церквами, с мостами, с рекой,
И облик далекого неизъяснимый
Наполнил мне душу тоской.

Я видел Калашников берег, как в сказке,
Телег ломовых длинный ряд,
И снявши свой жбан с головы, ярославский
Мужик мне давал лимонад.

И сад Александровский, клены, аллеи
Манили, прохладу даря;
Гуляли с девицами, ног не жалея,
В саду, как всегда, писаря.

Пыхтел паровик, отправляясь в Лесное,
Везя городских сыновей;
А с пристани громко пищал зазывное
«Финляндский босой соловей».

А там, на Гороховой, конка катилась
За парой издерганных кляч;
И тройка с санями мне тоже приснилась,
И быстрый, нарядный лихач.

На Марсовом поле, пестря, балаганы
Кишели веселой толпой,
И что-то показывал фокусник рьяный
И ставил алтыны стопой.

Я видел, как шел офицер безупречный,
Блестя позолотой погон...
Рассеялся мир тот спокойный, беспечный,
Напомнил о нем только сон.

Приснилась нежданно родная Пальмира
Такою, как в прошлом была...
Бездомные люди отжившего мира,
Куда нас судьба занесла?

КСЕНИЯ БАБКИНА

70. СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ

А может, и верить мне не с кем
И жизнь только страшная морда,
И только по песенкам детским
Любить можно верно и твердо.

Дано очаровательным эпохам
Не принести в мой скудный век плодов.
Двор Смольного зарос чертополохом,
И Летний сад безлюден и суров.
О время, незабвенный вкус в котором
Я выпила с горячим молоком,
Из кубиков устраивая форум
И угол в детской называя «дом».
Что говорить, уж раз на самом деле
Я не считала, пронеслись когда
Рождественские, пестрые недели
И масленицы жирные блюда,
И октябрями влажными Россия
Укутывалась в лондонский туман,
И были зимы строгие такие,
И был Петрополь снегом осиян.
Как веселеют к вечеру трамваи,
И на афишах милый, желтый свет.
Они гласят, что нынче выступает
Карсавина и весь кордебалет.
От этих ног, упругих и прелестных,
От круглых плеч и загнутых ресниц
Как не скажу, что уже в мире тесно,
Что слишком много нежных женских лиц.
Печали крест на каждом человеке
Поставит пусть жестокая судьба,
А мне бы глаз не оторвать вовеки
От этого напудренного лба.
Но вот разъезд, вот фонари у входа
И жесткий снег — толченое стекло,
И жалко, что начавшегося года
Уже не мало суток истекло.
Когда сквозь гул рассерженной метели,
Как будто из неведомых сторон
Несется с узкой, снеговой панели
Озябших шпор степенный перезвон.
А по весне любовь, и переулки,
И хруст шагов по тающему льду,
И долгие вечерние прогулки

В неубранном Таврическом саду.
Для счастия не надо поединка,
Безрадостной мне и теперь близка
На треуголке талая снежинка
И варежкой согретая рука.

1921
Одесса

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

71. МЕДНЫЙ ВСАДНИК

На взмахе камня всадник медный
Приподнял резвый взмах коня,
И смотрит в небо лик победный,
В нем солнце будущего дня.
Мы знали много поражений,
Предельную растрату сил,
Но наш исконный взрывный гений
Из бездны к выси нас взносил.
Рука, которая умела
Держать такие повода,
Велит глядеть нам в пропасть смело
И знать, что нас ведет Звезда.
Четыре конские копыта
На взмахе камня — нам завет,
Что будет вся беда избыта,
Что вспыхнет, брызнув, пламецвет.
И жду. Да вспрянет конь летучий,
Топча извивную змею.
Да узрю светлою над кручей
В лучах Избранницу мою.

72. КАМНЕГРАД

В размерном четком Камнеграде,
Где ждет чеканный лик Петра,
Когда же кончится игра
Безумных, захмелевших в чаде,
Людей ничтожных, без Вчера,
Без Завтра — там, где гад на гаде, —
В гранитном строгом Камнеграде
Зимой суровы вечера.
Еще суровей ночь без света,
В домах, где позабыта печь,
Как вольная забыта речь,
Все холодом седым одето,
И голод спит в капканах тьмы,
А лунный луч, как саван белый,
Нисходит в Град оцепенелый,
Сжимая в кандалы зимы
Давно застывшие умы.

Я мыслью прохожу по строгим
Знакомым улицам. Но Зверь,

Его же имя: «Лгущим верь»,
Все сделал мертвым и убогим.
Убийство правит там теперь.
Лазутчик всюду наготове,
Чтоб, заскрипев, раскрылась дверь
И снова пала тяжесть крови.
И снова Сатанинский меч,
Всегда несытый и кровавый,
Все будет жертв алкать, стеречь
И похваляться той забавой,
Где правым тешится неправый,
Злодей к продажным держит речь,
А проходя от дома к дому,
В домах, где позабыта печь,
Немой идет как тень к немому,
Живые люди мертвых встреч.

В душе, в том внутрезорком взгляде,
Что досягает до светил,
Всегда живет в созвенном ладе,
Что сердцем зорко полюбил
За красоту творящих сил.
В душе я мысль о Камнеграде,
Тоску о нем не погасил.
В душе набат. В ней вопль об Аде.
И звук псалмов. И звон кадил.

Твердыня с мощностью стропил,
С устоем скреп. Созданье воли.
Рисунок гения в веках,
Где каждый шаг — исход из боли,
Умом преображенный прах,
Где каждый дом — крылатый взмах.
Не город, а напев гранитный,
Всей нашей гордости кудель,
Всей нашей славы колыбель,
Узор, с которым в дружбе слитной
Золотоглавая Москва.
Столица, глянувшая в Море,
Где внепредельна синева,
Где, с духом смелым в договоре,
Даль уводящая жива.
Столица — мысль, где стержень — Невский,
Венчалась с Пушкиным Нева,
Где высочайшие слова
Сказал сразитель вещества,
Коперник духа Достоевский.

Пришел неотвратимый час,
Скрещение, во вражьей встрече,

Тысячелетних семиречий,
Чьи розны русла, чей рассказ
Еще не кончен и сейчас.
Но вы, зловещие предтечи,
Вы, чей бесовский спутник — страх,
У подходящего предела
Творите мертвое вы дело,
Вы злая воля на весах.
Бесам возбранено зачатье.
И в перекатных голосах,
В грядущем, в видящих глазах,
Один вам приговор: Проклятье.
В беду наворожив свой сглаз,
Начав преступную дорогу,
Вы пропасть кликнули в подмогу,
И пропасть всех поглотит вас.

Вселенная живет не ради
Пролитья крови, как потоп.
Знак духа — побежденный гроб.
И в возрожденном Камнеграде
Не коршун, расширяя зоб,
Кичиться будет над пустыней,
Всю землю превращая в склеп.
Я вижу вновь его твердыней
С двойным устоем прочных скреп.
Обильной будет вновь природа,
Узнав, что труд опять творец.
На вече мыслей и сердец,
В бреду зачатая свобода
Возникнет вольной наконец.
И, камень взяв рукою верной,
Лелея замысел размерный,
Ваятель поведет резец.
И корабли в лазурном поле,
В сафире, полном серебра,
Вскрылят напев: «Давно пора!»
Во исполненье вещей воли,
В веках чеканного Петра.

6 декабря <1921>

БОРИС БАШКИРОВ

73. ПИТЕР

Поговорим про Питер — дивный град,
Он утвержден Зиновьевым в коммуне.
Послушаем, оратор на трибуне,
«Неделя вши», «готовься, Петроград».

На Клинском рынке тщетно ждут царя,
Но нет, в Эстонии замолкли пушки.
В «Трудармии», в «Астории», в «Чекушке»
Творят закон герои октября.

Красуется повсюду серп и молот,
Хоть не работают они давно.
Последнее полено сожжено,
О, темени Лассаля жуткий холод.

74. ПЕТРОПОЛЬ

> Не говорите мне: он умер
> — Он живет.
>
> *Надсон*

Вновь наши думы не светлы —
Оставлены твердыни Крыма,
И катятся неудержимо
На нас кровавые валы.

Взят неприступный Перекоп,
Растерзан белый Севастополь,
Ликует сумрачный Петрополь,
Слепой зиновьевский холоп.

Нет, не Петрополь — Петроград,
Не Петроград, а Питер Красный,
Звериный, шумный и ужасный,
Готовит Троцкому парад.

Петрополь, Петроград — от них
Остались лишь воспоминанья;
Их несказанные страданья
Не может передать мой стих.

Но в этот миг — в миг торжества
Звериной сатанинской силы,

Над этой царственной могилой
Звучат пресветлые слова:

«Петрополь умер, нет, он жив, —
Он оживет с тобой, Россия,
Когда, стряхнув оковы злые,
Ты встанешь, цепи все разбив».

75. О, ПЕТРОГРАД

Как мог свое великолепье
Утратить Ты, о Петроград, —
И красное принять нелепье,
Одеться в шутовской наряд <?>.

Как мог предателю и вору
Отдать ключи своих дворцов,
Отдаться красному террору,
Погрязнуть в зле без берегов <?>.

Разрушиться и оскверниться,
Осатанеть и опошлеть,
В мертвящий призрак превратиться,
Принять позор, хулу и плеть <?>.

Взгляни, как солнечен и ясен
Простор небесной синевы,
Как неизменен и прекрасен
Державный всадник у Невы.

Тебе, объятому кровавым
Безумьем злобы роковой
Он шлет укор свой величавый,
Указывает путь рукой.

И посмотри, как брызжет пламя
Из-под копыт его коня, —
Как меркнет вражеское знамя
При свете этого огня.

О город-призрак, призрак бледный,
Холодный, странный и немой,
К Тебе взывает всадник медный,
Указывает путь рукой...

76. В ПЕТЕРБУРГЕ

Осенний день раскинул крылья
Над утомленною землей, —

И петербургская Бастилья
Блестит кровавою иглой.

Чуть трепеща огромным телом,
Ползет угрюмая Нева,
И в облаке воздушно-белом
Смеется неба синева.

Великолепный город дышит
Осенним солнцем и тоской,
И непрестанно, смутно слышит
Гудки и залпы над рекой.

НИНА БЕРБЕРОВА

77. ПЕТЕРБУРГ

Там мирный город якорь кинул
И стал недвижным кораблем,
Он берега кругом раздвинул
И все преобразил кругом.

И ныне мачты напрягают
Свой упоительный задор,
И в мрак глядят, и в мрак вонзают
Поблескивающий узор.

Не различить границ пустынных —
Где улицы, где берега?
Средь площадей, дворов, гостиных
Один озноб, одна пурга.

И я сама жила недавно
На том огромном корабле,
И возле мачты, самой славной,
Ходила и ждала во мгле.

О том, что мы живем на море,
Умела дивно забывать,
Когда в пустынном коридоре
Ты выходил меня встречать.

Узнай теперь, как нас качало,
Как билась буря о борты.
Когда с тобой нам было мало
И тишины, и простоты.

78. 7 АВГУСТА 1921 ГОДА

Я помню день тому пять лет назад.
Над летним Петербургом дождь и ветер.
Таврический, глухой я помню сад
И улицы в передвечернем свете.

На одеяле первые цветы,
Покой и хлад в полузакрытом взоре,
И женщины увядшие черты,
Растерянной от бедности и горя.

Я помню день, унылый, долгий день,
В передней — плач, на лестнице — смятенье,

И надо всем нездешней жизни тень,
Как смертный след, исполненный значенья.

И я сама, тому всего пять лет,
Стояла там, и видела обоев
Рисунок пестрый, и в окошке след
Дня уходившего, не успокоив.

Пять лет тому! Куда ушли года
Невозвратимой юности и жара?
Спроси: куда течет весной вода?
Спроси: где искры горнего пожара?

1926

79. ИЗ СТИХОВ О ПРОШЛОМ

Какой сухой и душный летний день,
Какая пыль над Петербургом висла!
Торцы меняли на Морской. Стоял
Ужасный грохот. Мать хотела сына,
Отец хотел не сына, нет, но дочь.

Был ранний час, и в Дублине еще
Никто не просыпался в старом доме
И не скрипел пером в углу своем,
А в Вене собрались уже студенты,
Галдя, сморкаясь, споря и куря;
И в доме у реки, в другой столице,
Лохматый, с выпученными глазами,
Смотрел весь день на формулу свою,
Готовя век к таким переворотам,
Которые не снились, друг Горацьо,
Ни нашим мудрецам, ни тем фантастам,
Которые...
                    Уж если семь часов
Кричать и выть от боли, то уж лучше
Пусть будет мальчик! День и ночь Морская
Кипящим дегтем пахла из котлов,
И этот запах я теперь люблю.

Я в мир вошла, мать разорвав на части,
Пока Монэ писал свои соборы,
И Малер сочинял свою Шестую.
Я грызла грудь ее потом до крови,
Я не давала спать ей шесть недель
Немолчным криком в жарком Петербурге.
И плакала она тогда ночами
От слабости, от боли и от страха,

Что я не буду на нее похожа.
(И я могу сказать, что оказалась
Она права.) Но веселился рядом
Отец, что вышло по его хотенью,
И говорил, что если я ору,
То откричусь заранее и после
Уже не буду плакать никогда.
(Он в этом оказался прав.)

И оба правотой своей гордились
До самой смерти. До тех пор, когда
Все там же, в том же старом Петербурге
(Но в ледяном сорок втором году)
Они замерзли вместе черной ночью.

1967

ЯКОВ БИКЕРМАН

80

В прощальный час, в последний раз
Мы улыбаемся и шутим.
Трепещущий бессильно газ
Не разметет полночной жути,

Но видим мы — и стороной
Идем, по-прежнему болтая, —
И конский труп на мостовой,
И вкруг него собачью стаю.

Навстречу нам за острова,
Гудя, стремится ветр нечистый,
И одичалая Нева
Рвет обезлюдевшую пристань.

И я тебя оставлю тут,
Гнилому ветру, кляче палой,
Тоске предутренних минут,
Неве свирепо одичалой?

Мы улыбаемся во мрак,
Не молвим слова про разлуку.
Внезапно — судорожно — так
Мою ты прижимаешь руку,

Что сквозь податливую ложь
Одежды тоненькой и бедной
Я чую темный жар и дрожь
Девичьей плоти заповедной.

Теперь молчим. Мы никогда
Так не сближалися доныне.
Вотще! Вотще! Дика вода.
Близка беда. И навсегда
Тебя покину.

РАИСА БЛОХ

81

Мне был отчизной город белый,
Где ветер треплет вымпела,
И оттого я звонко пела
И беззаботная жила.

Мне был дорогой снег широкий,
Светлей и тише тишины,
И оттого я знала сроки
Ручьев, и солнца, и весны.

Мне был звездой корабль червонный,
На тонком шпиле вознесен,
Плывущий в синий, многозвонный,
Неугасимый небосклон, —

И оттого куда б ни шла я,
Который день, который год,
Звезда нетленно-золотая
Передо мною восстает.

1926

82

Милый, светлый, синий воздух!
Тихих улиц белый камень!
Незабвенное сегодня!
Золотой весенний праздник!

Целый день лежу в постели,
Все сильнее лихорадка,
А напротив блещут стекла
От невидимого солнца.

На Неве, я знаю, льдины, —
Словно парусные лодки,
А над ними ходит ветер,
Злой, веселый, сумасбродный,

И я знаю, ровный берег
Залит весь победным светом,
И подъяты в словословьи
Тонкий шпиль и круглый купол.

83

Принесла залетная молва
Милые, ненужные слова:
Летний Сад, Фонтанка и Нева.

Вы, слова залетные, куда?
Здесь шумят чужие города
И чужая плещется вода.

Вас не взять, не спрятать, не прогнать.
Надо жить — не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опять.

Не идти ведь по снегу к реке,
Пряча щеки в пензенском платке,
Рукавица в маминой руке.

Это было, было и прошло,
Что прошло, то вьюгой замело.
Оттого так пусто и светло.

Февраль 1932

84

С тех пор, как я узнала,
Чего лишилась я,
Любовью запоздалой
Больна душа моя.

Гляжу на блеск весенний,
На огненную сень,
И застилают тени
Мой непорочный день.

О, где же вы, родные,
Прямые берега,
Дороги ледяные
Сквозь сизые снега?

Где город мой, богатый
И ветром, и водой,
Чей взвился конь крылатый
Над каменной грядой,

И белые рассветы,
Что я звала, любя,
И ты, мой милый, где ты?
Увижу ли тебя...

1928

ПЕТР БОБРИНСКИЙ

85. ДЕСЯТАЯ МУЗА

Мы память в сердце сберегли —
О, пыльный вкус родной земли —
И помним мы сквозь год кровавый
Короткой ночи синеву,
Преображенную Неву
И наши юные забавы.

Как с озаренных островов,
Под стук расшатанных торцов,
Летишь с подругой полусонной,
И в старом доме места нет,
Где б утренний не брезжил свет,
В зеркальных окнах преломленный.

Близ гавани есть тихий сад
И тень, где каждый скрыться рад,
От уличной уставший пыли,
Под серой крышей низкий дом,
Где в зале с синим потолком
Нам звезды крупные светили.

Тогда бегущих ровно дней
Соблазны чудились сильней,
И в их неотвратимой гонке
Едва мелькнул — поймешь ли ты —
Твой — скорбной музы — профиль тонкий
И белые в руках цветы.

***

Но гасли призраки свободы
Под шум военной непогоды,
Восстаний дымные огни
Светили пяльцам Пенелопы,
И в целом мире мы одни —
Вечерней зрители Европы.

И ты, с которой навсегда
Нас разлучить могли года,
Провалом павшие меж нами —
Не омрачен твой светлый щит,
И ангельскими голосами
С тобою сердце говорит.

Нас в эти годы не пытали
Ни умозрительные дали,
Ни ночь твоих жестоких снов, —
Сквозь козий мех твоей милоти
Знакомый вкус родимой плоти
Был нам, как в детстве, прян и нов.

Все та же ты, и той же четкой
Неизменившейся походкой
Благословенная идешь.
Вдыхая горечь грудью жадной,
В подоле риз, сквозь сумрак чадный
Цветы весенние несешь.

Певцам твоей минутной славы
Черней не выцедить отравы,
Какую нам испить дано,
Да кубок, полный сини липкой,
С холодной претворим улыбкой
В новорожденное вино.

Но памяти отрадно бремя
Земной не разомкнувшим плен,
Прейдет бушующее племя.
В дыму грядущих перемен
Лишь вечное избегнет тлен,
И перед ним бессильно время.

86

Жили мы высокими мечтами,
Ныне славой малых мест живем,
В простоте беседуем с богами
И огонь домашний бережем.

Только мудрость этой жизни малой
Дорогой купили мы ценой —
Веснами на родине усталой
И не первой вьюжною зимой.

И покой наш не всегда надежный,
Часто память раны бередит.
Выносливей сердца — глыбы снежной —
Петербургский розовый гранит.

ЭЛЛА БОБРОВА

87

Памяти Авенира де Монфред

Там, помню, цвело мое первое белое лето.
Все помню...
Я город моим
нарекла навсегда,
Я знала его по стихам всех мне близких поэтов,
давно был он мил мне, в бессмертных твореньях воспетый —
с ним встреча
была, как большой незаслуженный дар.

Люблю его набережные, мосты и каналы,
живые потоки на Невском, люблю Летний сад,
и купол Исаакия вечером в отсветах алых,
и сумерек встречи с зарей, загулявшихся, шалых,
и снег в декабре на воздушных узорах оград.

Обнять люблю глазом;
а сердцем — восторженно слушать
в аллеях забытых легенд разговор,
боясь волшебство словом, вздохом случайно нарушить;
люблю вызывать их плененные мрамором души
и в мыслях решать с ними страстный извечный их спор.

Все памятью слышу:
аккорды в дворцовых колоннах,
и мягко звенящую трель в барельефных витках;
и шелест фонтанов, и колоколов перезвоны,
и белою ночью вздох парков в тиши полусонной...
. . . .
Каким будут слышать Петрополь
потомки в веках?

СЕРГЕЙ БОНГАРТ

88

Присела птица сонная
На черное окно.
Внизу Невы зелёное,
Игорное сукно.

Всю ночь знаменья всякие,
Да шорохи окрест,
На куполе Исакия,
Как туз трефовый, крест.

Дорогами окольными,
Бочком, как будто вор,
Вновь месяц, как Раскольников,
Проходит в темный двор.

Опять при мертвом свете том
Ползет по этажам,
Уже почти столетие
Кого-то ищет там.

Обрывки фраз до Невского
Доносит шепотком:
«Вам, сударь, Достоевского? —
Пошел в игорный дом».

ВЛАДИМИР БРАНДТ

89. ПЕТРОГРАД

Грязные улицы, серое небо,
Жуткие пятна пустых площадей,
Ищущих хлеба и только лишь хлеба
Тени больных, одичавших людей...
Веет смертельным дыханием холод,
Ненависть бродит... Ни слова любви...
Властно ползет, извивается голод,
Руки купает и моет в крови...
Что это — ад иль преддверие ада,
Бред ли безумных горячечных грез?
Стонет бездушная зданий громада.
Улицы плачут, рыдают без слез...

ЮРИЙ БРАТОВ

90. ПЕТЕРБУРГ

Я берегу замолкнувшие раны,
Я воскрешаю пред собою вновь
И позабытую любовь,
И все, что так прервалось странно.
И грежу я картинами былого:
Вот город, мученик последних лет,
В лохмотьях нищего-слепого,
С протянутой рукой сбирает на обед.
Ты ль это? Некогда в сиянии булатном,
С дыханьем мощным северных полков,
Над дамою склоненный, слушаешь галантно
Смех кринолиновых шелков.
С тебя ли, грешною любовию любимый,
Воспетый прадедами град,
Закон судьбы неумолимый
Сорвал божественный наряд?
...И на задворках, в пекле паутины,
Лежат, растоптанные бешенством рабов,
Обломки северных богов...
Прекрасный стан Екатерины...

. . . .
Я берегу замолкнувшие раны...

1921
Месопотамия

ИЛЬЯ БРИТАН

91

Они на площади стояли.
Горела бледная заря,
Горели призрачные дали,
Дрожала старая земля.

О, Всадник, мчащийся куда-то,
Лишись увядшего венца! —
И трепет дряхлого Сената,
И злоба Зимнего Дворца.

Святые пламенные речи,
Свободы жаждущие львы! —
И пляска дикая картечи,
И стон разбуженной Невы...

Погашен светоч, светоч пылкий,
Костром кровавым блещет лед! —
И муки долгой, долгой ссылки,
И черный, черный эшафот...

Они на площади стояли
Под жутким небом декабря...
Они бессмертные скрижали,
Они бессмертная заря!

92. ПЕТР

Он был из серого гранита,
Он был из черного огня;
Звенели страшные копыта
Его нездешнего коня.
Они сурово растоптали
Народа трепетную грудь,
И злое марево печали
Покрыло верный Божий путь.
И мы — чужие, мы — лишь тени
Себя самих, мы — тень веков
И гнем озябшие колени,
Склонясь под тяжестью оков.
И нас томит в чаду угара
Лихая ложь бесовских сил,
И долгий плен нам будет кара
За брань отверженных могил.

О, страшный конь царя земного...
О, всадник — Чёрная Беда...
Россия будет Русью снова
Иль ей погибнуть навсегда!

ВЕРА БУЛИЧ

93. ПЕТЕРБУРГ

В вечерний час воспоминаний,
В час воскрешения теней
Я вижу Петербург в тумане
И в одуванчиках огней.
Студеной мглой, сырой и липкой,
Проспекта даль заграждена.
В Неве угрюмой ходит зыбко
В разводах нефтяных волна.
Прохожие скользят, как тени,
В белесой дымке фонари,
Неясны облики строений,
А улицы — как пустыри.
И тайной жуткою и вещей
Пронизан город. Мгла живет
И смутным страхом в душу плещет,
Таясь под сводами ворот.

Я вижу город мой зимою
В тот дымный, сумеречный час,
Когда над снежною Невою
Закат морозный не погас.
Еще на окнах розовеет
Последний блик его лучей,
Но раскрывают бледный веер
Огни высоких фонарей.
Густеет сумрак дымно-синий.
В мороз походка так легка.
И серебрит холодный иней
Пушистый мех воротника.
Скрипят, раскатываясь, сани
На Николаевском мосту.
О час предчувствий, ожиданий
И претворения в мечту...

А белой ночью силуэты
Церквей на фоне облаков,
Зеленоватые отсветы
На стеклах дремлющих домов,
И сфинксов разлученных пара,
Скрестивших неподвижный взгляд.
По гладким плитам тротуара
Шаги отчетливо звучат.
У биржи, над волною сонной,
Застыли тени кораблей;
На мачте огонек зеленый

И четкий переплет снастей.
И сердце ранят болью новой
С Невы далекие свистки.
Зовет куда-то жизнь. И зовы
Полны пронзительной тоски.
А из ночного переулка
Незримой близостью томит,
Стихая медленно и гулко,
Звенящий дробный стук копыт.

Но память горько сохранила
Мне Петербург последних дней,
Когда его угасла сила.
Угрюмый город без огней,
Застывший, тусклый, обреченный,
Тревожным сном отягощен,
Расхищенный, опустошенный
Встает перед глазами он.
Дома снесенные, заборы,
Разобранные на дрова,
И — знак забвенья и позора —
На пыльной мостовой трава.
А по ночам тяжелый грохот
Несущихся грузовиков,
И чей-то вскрик, и чей-то хохот,
И стук солдатских каблуков.
. . . .
Заволокло свинцовым дымом,
Железным обвело кольцом —
И стал он сном неповторимым,
Мой Петербург, мой дальний дом.

94. ПАПИРОСА «БЕЛОМОРКАНАЛ»

Папироса «Беломорканал»
Фабрики табачной в Ленинграде.
...Политрук сражен был наповал
Финской пулею в лесной засаде.

Ароматен тихий, теплый дым
Русской папиросы политрука.
Политрук был молод и любим,
Но внезапно грянула разлука.

Русских женщин красота нежна,
Любовались финны-офицеры.
«Другу и товарищу» — одна,
А другая — «от невесты Веры».

Замело метелью бугорок,
Бродит ветер по лесным могилам.

...Серый пепел, тающий дымок...

Звали политрука Михаилом.

1941

95. ВЫ И МЫ

Нас разделили годы и года
Великих, небывалых потрясений.
...Восточный ветер шелестит в сирени,
Над финским озером взошла звезда.

И та же искрится над Летним Садом,
Над Пушкинской могилою горит,
В лесах забытый осеняет скит,
С серпом и молотом сияет рядом.

Вы говорите: мы и вы — рубеж.
Да, между нами пролегла граница,
Но в сердце та же кровь, что в вас томится,
И нет для сердца ни границ, ни меж.

И разве может чувству быть преграда,
Любви к стране, где все мы рождены!
Мы сердцем пережили дни войны,
Бои в степях, осаду Ленинграда,

И плена скорбь, и гнев, и боль утрат,
И, как и вы, мы слушаем — в разлуке, —
Как нарастают в отдаленьи звуки,
Победных залпов громовой раскат.

1945

96. МЕДАЛЬ ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА

1

Летит, летит свистящая граната
И обращает ночь в багровый день.
Минуй в полете здание Сената,
Творенья Фальконета не задень,

Дугою обогни святой Исаакий,
Адмиралтейства стройного не тронь,
Пади в Неву и сгинь в подводном мраке
И в волнах ярый потопи огонь.

Растрелли, Воронихин и Баженов
И многие, чьи славны имена,

И безымянные — за сменой смена —
Бесчисленные — за волной волна —

В пыли кирпичной, на лесах, стропилах
Проведшие свой краткий век земной,
Строители, не тлевшие в могилах,
Восстаньте многотысячной толпой!

По набережным, на мостах, у зданий
Соборов, и музеев, и дворцов
Несите стражу, призраки преданий,
Невидимой опорою бойцов.

Рукой бесплотной тайно отводите
Угрозу тяжких вражеских гранат.
Вы, ставшие бессмертными в граните,
Спасите наш прекрасный, гордый Град.

1942

2

Здесь Пушкин проходил, и дом на Мойке
Хранит в стенах его предсмертный вздох.
...Безумный Германн на больничной койке,
Тасуя карты, бредит: с нами Бог!

На черном небе зарева большого
Разрозненные сполохи горят,
И над Невою сумрачно-багровой
Летит из тучи вражеский снаряд.

Над Зимнею канавкой о перила
Облокотилась Лиза, вся в слезах...
...Подруги милые, мне — крест, могила,
А вам резвиться в солнечных лучах.

Хрустальным пламенем сияла зала,
Столетья блеск впитали зеркала:
Здесь музыка Чайковского звучала,
Здесь славы русской радуга взошла.

Подъезд театра как пустая рама,
И ветер крутит мусор и золу.
Но в полночь выйдет Пиковая Дама,
Пройдет по улицам в туман и мглу.

Пройдет, растает в площади пустынной,
В зияньи стен разбитых пропадет,
И луч прожектора иглою длинной
Над памятником бронзовым скользнет.

Ты ждешь, Евгений, но не с прежним страхом,
С надеждой жаркой ожидаешь ты,
Что ринется одним могучим махом
Чудесный конь с гранитной высоты

И по торцам столицы непокорной,
В развалинах не сдавшейся врагу,
Проскачет он, строитель чудотворный,
Свой клич войскам бросая на бегу.

1942

3

Медаль за оборону Ленинграда.
«Светла адмиралтейская игла»,
Бойцы в строю готовы для парада,
Рассеялась тяжелой ночи мгла.

Но на груди защитников отважных
Блестя чеканной маленькой луной,
Она напомнит о гудках протяжных
Тревог воздушных в черноте ночной,

О грозном рокоте, зловещем гуде
Слетевшейся железной саранчи,
О непрерывном грохоте орудий,
О заревах, о звоне с каланчи...

В тисках осады задыхался город,
И с каждым днем скудели закрома,
И гибли люди, рушились дома,
И черный дым окутывал просторы.

Прекрасный город, Пушкиным воспетый,
Он на медали виден золотым.
В сиянии победного рассвета
Развеялся осадной ночи дым.

Вам честь и слава, непреклонно-твердым,
Вам, отразившим тысячи атак,
За то, что никогда над Градом гордым
Не поднимался чужеземный флаг,

За то, что вдоль Казанской колоннады
Не шли врагов надменные войска,
За то, что доблесть русских в дни осады
Пройдет со славою через века!

1945

ПАВЕЛ БУЛЫГИН

97. ПОРОША

<Фрагменты>

8

О, странный город ночи белой,
Усталый город над Невой,
Опять неясно и несмело
Возник в тиши ты предо мной.
Твоих дворцов пустые залы,
Где дремлет то, что там бывало,
Твоих витрин незрячий взор
Скрывает бывшего позор.
Безмолвны гулкие громады
Пустынных храмов и дворцов,
Печаль запущенных садов, —
Припомнил все — и сердце радо.
А там взметнулся на коне
Узревший Смерть в своем окне...

9

Но поздно, Петр, твоим стараньем,
Твоим могучим топором
Пробита брешь, и с содроганьем
Ты видишь, как в твой Русский Дом
Вползают с Запада туманы,
И трупный запах старой раны,
И сладкий запах мертвых тел...
Скажи, ты этого ль хотел?

10

Усталый город! Ты безвольно
Стоишь и грезишь в полусне,
И лишь Исакий колокольно
Вещает об угасшем дне...
Да солнца стрелы золотые
Дрожат на окнах, как в былые
Давно ушедшие года,
Что не вернутся никогда...

Какую новую дорогу
Укажешь ты чужим краям?
Иль нет уж сил и крепко сам
Ты засыпаешь понемногу,
И нет тебе путей назад...
Ужель ты умер, Петроград?

11

Я много странствовал по свету.
Я видел Нил, Гонг-Конг, Цейлон.
Везде добыча есть поэту,
Везде трепещет лирный звон.
Поэт — скиталец настроенья —
Повсюду ищет в нетерпеньи,
А я к тому ж (удел то мой),
Чужой томлюся я тоской...
Я тосковал в Версальском Парке,
Грустил с Marie Antoinette,
И к Тамплю, где ее уж нет,
Я, подходя, томился жарко...
Но лишь одна тоска — твоя,
Мой Петербург, совсем моя!

98. ДЕНЬ ПАМЯТИ ПЕТРА

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия...

О, если б узы гробовые
Хоть на единый миг земной
Поэт и Царь расторгли ныне!
Где Град Петра? И чьей рукой
Его краса, его твердыни
И алтари разорены?

Хлябь, хаос, — царство Сатаны,
Губящего слепой стихией.
И вот дохнул он над Россией,
Восстал на Божий строй и лад —
И скрыл пучиной окаянной
Великий и священный Град,
Петром и Пушкиным созда́нный.

И все ж придет, придет пора
И воскресенья, и деянья,
Прозрения и покаянья.
Россия! Помни же Петра.
Петр значит Камень. Сын Господний
На Камени созиждет храм
И скажет: «Лишь Петру я дам
Владычество над преисподней».

ДАВИД БУРЛЮК

99. ЛЕНИНГРАД ОСЕНЬЮ

У севера сырого чана,
Над замерзающей Невой,
Где сшиты саваны тумана
Адмиралтейскою иглой,
Где провалились мостовые
На дно петровских древних блат,
Где не спасли городовые
Разврат Романовских палат,
И где теперь холодный месяц
Над Мойкой в осень ночи скис,
Есениным трагическим повесясь,
Отекшей головою вниз,
Встает иною, бодрой тенью
Рабочий Красный Ленинград,
Стуча по мраморных ступеням
Дворцов низринутых громад.

ЕВГЕНИЙ БУШКОВ

100. О ПЕТЕРБУРГЕ

Ты сердцу русскому так дорог,
Петровским гением рожден,
Ты мной любим, родимый город,
С тенями царственных времен.

Здесь все полно воспоминаньем,
Искусств, поэзии, труда,
Где муза ласковым дыханьем
Была так щедра в те года.

Идя по улицам столицы,
Читаешь дивные страницы
Былых имперских лет красу,
России пышной полосу.

Здесь основатель Петр-строитель
Вздыбился в бронзе над Невой,
Его порыв был вдохновитель
Державы русской молодой.

На Невский царственно взирает
Царица. Русской славы мать.
И пьедестал здесь окружает
Орлов могучих русских рать.

Судьбы России вспоминая,
Смотрю на памятник Барклая,
Кутузов. В памяти народа
Война двенадцатого года.

Онегин жил здесь жизнью праздной,
Страдал Раскольников несчастный,
«Что наша жизнь — игра», — пел Герман,
А Лиза бедная страдала,
Где мост у зимнего канала.

Но много выше над дворцами
Исакий с куполом златым
Залит вечерними лучами,
В красе своей неповторим.

Мигают ночью над Невою
Огни гирляндой на мостах,
Внизу светятся полосою
На вдаль стремящихся волнах.

Светлы, прозрачны покрывала
Любимых городом ночей,
Где белой ночью все дышало
Весенней бурею страстей.

И несмотря на все туманы
И холод Ладожских ветров,
Девицы так же здесь румяны,
Как девы южных городов.

Теперь я лишь на акварели
Смотрю творения Растрелли,
Аничков мост с конями Клодта,
Заставы, Нарвские ворота.

Потомки наших поколений
Прочтут в тебе не без волнений
Страны страницу зототую
Для русских вечную, живую.

Тоскуя здесь вдали, в изгнаньи,
Я шлю тебе одно признанье,
Живя последние года,
Люблю тебя как никогда.

101. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГ

Уж последние версты бежал паровоз,
А на стрелках потом — разговор,
Позади оставались снега и мороз,
Впереди страстно ищущий взор.

Потревоженным ульем вагон загудел,
За окном уж легла темнота,
Один вышел в проход, другой шапку надел,
Получилася вдруг теснота.

Прогремели колеса на стрелках, огни,
Машинист уже ход замедлял,
Вдруг в окне поплыли и толпа, фонари,
Скрип последний колес простонал.

Из вагонов все лил и струился поток,
Из встречавших стоял — волнорез,
Кто-то рядом толкал чемоданом мне в бок,
И с вопросом пустым кто-то лез.

Я увидел потом меховое манто
И растерянно ищущий взор,

Это была она, что ждала так давно,
Когда поезд пройдет семафор.

Уже руки обоих нас вместе сплелись,
А навстречу потоку людей
Звонко с Невского цепью трамваи неслись
И светили дуги фонарей.

102. ПЕТЕРБУРГ

Дыханье мая... Ночь. Не ночь, а мертвый день —
Дар северной весны. Час ночи голубиной —
Курантов звон... Светло... Стихи... Цветет сирень —
И выливающихся строк столбец немой и длинный...
Моя сирень цветет — в вазоне, на столе,
Мешает мне всю ночь ее благоуханье —
Встаю, смотрю в окно... Там дремлет в белой мгле —
Весь сад Таврический... Нева бежит в молчаньи...
Сирень моя живет. Живет последний раз —
С восходом солнца — смерть... Сирень охватит тленье —
Но я дышу весной... — И странен этот час —
И ночь, и день, и жизнь, и смерть, и вдохновенье...

103. НА ОСТРОВА

В. В. Марушевскому

Этим вечером — мы вместе... И сначала
В Летнем встретимся с тобою мы саду —
Сверь часы... К Лебяжьему каналу —
Ровно в семь, мой милый, я приду...
Я — твоя. И смело, без опаски
Я приду к тебе на встречу в старый сад —
На Неве меняться станут краски —
Будет нежен северный закат...
Сменят чары ночи светлоокой
Дня докучливого суетность и ложь —
И дорогою прелестной и далекой
Ты меня на Стрелку отвезешь...
Промелькнут налево чуть за мглою,
Не волнуя линиями взор,
Стены крепости — и острою иглою
Уходящий в облако собор...
Мы помчимся... Конские копыта
Будут нам отсчитывать мосты —
Жизнь — загадка... Будущее скрыто —
И как я — его не знаешь ты...
Час придет — окутанные лаской
Наши встречи, взоры и слова —
Станут сказкою — как станут так же сказкой
Летний Сад, Нева и острова...

МАРИЯ ВЕГА

104. СЕМНАДЦАТЬ ЗИМ

А та, — царевна-Лебедь? Иней
Заткал цветами бархат синий
Ее ночного шушуна.
В прозрачных пальцах тишина,
В глазах мерцанье неживое
Высоких окон над Невою.
Как много раз, со мной вдвоем,
Туманным петербургским днем,
Вдоль строгих невских побережий,
В санях, под полостью медвежьей,
Она скользила, чуть дыша, —
Моя печальная душа,
Мой ветер с голубой Онеги,
Мой стих о петербургском снеге.
Над сердцем кружатся моим
Семнадцать русских, вьюжных зим,
Замкнув меня в метельном круге.
Вот ту я видела в Калуге,
А эту, пышную, в Орле...
Семнадцать их, по всей земле
Плясало, плакало и пело.
Под их ногами ночь скрипела
Тугим морозом. И теперь,
Когда они раскрыли дверь,
Играя на моем пороге,
Я вижу, — прерванной дороги
Опять намечена черта,
И восемнадцатая, — та,
Которой жду, числа не зная,
Моя последняя, земная,
На страже у последних врат,
Стоит, накинув белый плат.

1951

105. ПЕТЕРБУРГСКОЕ

У любви простое имя: Вронский.
Восемь кованых, спокойных букв.

Вдоль седых проспектов топот конский,
Вдоль сановных зал холодный стук
Каблуков и сабель... Лед и холод.
Зеркала, и снова зеркала...

Детской брошью воротник заколот, —
Сердце из коралла и стрела.
. . . .
Полк. Парады. Тосты в честь монарха.
На сукне зеленом — туз червей.
В дальней ложе — Анны черный бархат,
Вопросительный изгиб бровей:
«Любишь?..»
Но в оркестре, первым гудом
Ветер музыки задел смычки,
И рука с фамильным изумрудом
Нервно обрывает лепестки.

Стройный силуэт в толпе потерян.
Чуть блеснули кисти эполет.
И с улыбкой желчною Каренин
Смотрит счастью гибнущему вслед.
Счастье петербургское туманно.
Кто нашел в нем то, чего искал?..

Сломанною розой тонет Анна
В театральном омуте зеркал.

106. ПЕТЕРБУРГ

Действие первое

Был странный день, когда свершились сроки,
Когда раскрылась дверь сама собой,
И пролились прошедшего уроки,
Как сок плодов из чаши голубой.
Чужих октав разрозненные строки,
Двух скорбных лир немолчный перебой,
Не вас ли я, захлебываясь мраком,
Ждала всю жизнь? — Вы мне явились знаком.

Был тесный день, и темный дождь в окне,
Лохмотья туч и злой закат ненастный.
Глазок свечи в недорогом вине
Слезами истекал. Но спор двухгласный
Искусства с сердцем, в тучах и в огне,
Двойная боль их переклички страстной,
Двойной напев, то сложный, то простой,
Меня стрелой пронзили золотой.

Которая из двух близка мне лира?
Что петербургский мне навеял бред?
Далекий гул из ледяного мира —
Локомотив, дворцовых ли карет —

Ко мне летит? Но снежная Пальмира
С несмелых струн давно сняла запрет,
И я в лучах не мне присущей славы,
Сама берусь за важные октавы.

Поэт, поэт, тебя томит жара
И смольный дух костра на перекрестке.
Угарные бледнеют вечера
В твоей Неве, и липнет пыль известки
К полам шинели. Мне давно пора
Увлечь на театральные подмостки
И освежить полночною игрой
Твои глаза, спаленные жарой.

Еще белы раскрытые страницы,
Но задрожал пытливый карандаш.
Мы с ним вдвоем среди ночной столицы,
Где ждет меня прабабкин экипаж.
Плеск голубой над статуей Фелицы
Влюбленный слух угадывает наш,
И этот шум, и шелковый, и дальний,
Мне шум иной напомнил — театральный.

Нам не прожить без выдуманных драм,
Без вымысла насущного, без позы.
Театр для нас — ежевечерний храм,
Где Бог взрастил искусственные розы,
И что ни ночь, причастные дарам,
Мы познаем восторг метаморфозы,
Когда спешим от правды отдохнуть,
Себе создав по вкусу лик и суть.

Зима царит. Над сонной белизною
Фонарных лун тройная ворожба.
Мой Петербург! Бежит передо мною
Твоих оград чугунная резьба,
Струится снег, шурша фатой сквозною
Вдоль желтых стен, и с каждого столба
Метет пурга серебряные дани,
Взвивает вверх и мне кидает в сани.

Минуя сквер, где к памятнику льнет
Бездомных птиц нахохленная стая,
Замедлил конь размашистый полет,
И перед ним, в тумане вырастая,
До самых глаз закованная в лед,
Из белых волн и складок горностая,
Блестя венцом меж дымных облаков,
Встает Екатерина — сон веков.

А там, за ней по ледяной панели
За тенью тень вдоль улиц потекли.
Мелькнут бобры онегинской шинели,
Волнистый шлейф расстелется вдали...
Рои старух, ползущих еле-еле,
Прошелестят... Для всех скорбей земли
Раскрыт театр, восьмым волнуя часом
Толпу теней, стремящуюся к кассам.

Ты говоришь с иронией, поэт:
Не нов сюжет и тяжела оправа.
О сцене петь большой заслуги нет, —
Театров тьма налево и направо.
Все города Европы, целый свет
Давно познал, как велика отрава
Их колдовства, о нем не написав
Ни двадцати, ни тридцати октав.

Нет, на земле не все одно и то же,
Хотя везде рассыпаны равно
Огни, смычки, и мишура, и ложи.
У разных стран различное вино,
Хоть две поры румяным соком схожи.
Нам в унисон пьянеть не суждено:
В Европе ум, не омраченный бредом,
Всегда тушил фантазию... обедом.

Но не хочу в сравнения играть,
Ни поражать умы строфой колючей.
По воле муз поэту надо брать
Лишь ту струну, что показалась лучшей,
А для других скупа моя тетрадь.
Немного слов подсказывает случай,
И в эту ночь он вдохновенно рад
Взмахнуть крылом у театральных врат.

Как надо петь, как говорить об этом?..
Стихи волной нахлынут и умчат!
Над золотым, колеблющимся светом
Плывет свечой медово-дымный чад.
Сейчас начнут... И в воздухе нагретом
Из створов лож последние звучат
Слова и смех... Перед притихшей залой
Ползет наверх тяжелый бархат алый.

Играли все в той снеговой стране.
Играл оркестр, и вторил зритель каждый.
Когда ушли, с котомкой на спине,
В чужих краях, одной томимы жаждой,

Играли мы комедию. Во сне
Летели в рай, рассыпанный однажды,
Как горсть золы, среди могильных плит.
Играть всю жизнь нам русский рок велит.

В каком огне он нас пытал и плавил?
Какой тоской любовно свел с ума?
Не преступить его гранитных правил,
Со лба не снять туманного клейма.
Он в балаган, у рампы, нас поставил,
И роль пришла для каждого сама.
Не сняв личин, проходим сквозь эпохи
Мы, петербуржцы, Божьи скоморохи.

И ты, поэт, судья моих октав,
Слепой орел в твоей промозглой клети,
Откуда бред твой, и юродный нрав,
И злой огонь, и все ужимки эти,
И твой порок, пьянее всех отрав,
И доброта, которой верят дети,
И у икон молитвенная дрожь?
Быть может, все — лукавой маски ложь...

Вот ты встаешь, взъерошенный и странный,
Так хрупко мал среди пятнистых книг.
Незрячий глаз, беспомощно-туманный,
Косит в очки, и острый профиль дик...
А за тобой — бутылок рой стеклянный.
Кто пил с тобой? Придуманный двойник
Считал гроши для нищенского пира:
Пурпурный шут трагедии Шекспира.

А я — одна из неразумных дев,
Тех, что летят на свет чужой лампады,
И в дом войдя, на стул хромой присев,
Глотку вина нечаянному рады,
С ним вместе пьют чужую боль, и гнев,
И в соли слез — мед творческой услады,
Чтобы разжечь светильник чуткий свой,
Безумной стать, но без конца живой.

Один, и два, и три вдали удара.
Смычки взвились и разом пали ниц.
В огнях свечей, в хмельной волне угара,
Плывут черты преображенных лиц.
Чем мы с тобой, печальный шут, не пара,
Здесь, в ложе снов, в театре небылиц?
Здесь тень твоя к моей прильнула тени,
И мы вдвоем отражены на сцене.

И дальше мы отброшены, — в простор,
В пески пустынь, в полярные туманы.
Быть может, нас среди тибетских гор
Бродячие встречают караваны,
Быть может, мы своих стихов узор
Вплели в цветы, в созвездья и лианы,
И в эту ночь над рампой склонены
В театрах Ориона и Луны...

Последний акт приблизился к развязке.
Убит король. Гремит церковный звон.
Но мертвый встал и, не снимая маски,
Отвесил нам изысканный поклон.
Уже вдова, отплакав по указке,
Допела до конца надгробный стон,
И мертвецы, покинув поле брани,
Идут домой под гром рукоплесканий.

Идем и мы. Со стороны взглянуть —
Сошли с ума. Но мы еще играем.
И не с тобой, а мной проложен путь
В седой стране, где мы все камни знаем,
Где петербургским ветром дышит грудь,
И этот ветр на землю послан раем,
Вдоль невских вод, в мерцание и сон,
Для наших лир, поющих в унисон.

Опушены ампирные карнизы
Лебяжьим пухом. У ворот дворца
Колонны спят, спеленатые в ризы.
И белизне, и ночи нет конца.
Горбатый мост. Канавка. Призрак Лизы.
И Пиковая Дама у крыльца.
А в высоте — так страшно и знакомо —
Огонь в окне Юсуповского дома.

Там пировал мужик с лицом хлыста,
Придворный маг, в атласах и сафьяне.
Как роль трудна. Как будет смерть проста
У черной Мойки, в предрассветной рани.
Огни мертвы. Столовая пуста,
Но у зеркал горят все те же грани,
И в них скользит за смутным ликом лик:
Старуха... Лиза... Герман... и мужик...,

И ангел-мальчик с полотна Серова,
Бесполый паж, с коробкою румян...
Ему в ту ночь принадлежало слово,
И, огненным восторгом обуян,

Он меч занес, — но вдруг очнулся снова,
От сладких вин и темной крови пьян,
И понял: не ему играть злодея,
Ни Борджиа, ни Дориана Грэя.

Литейный спит. Спят черные орлы,
Склонясь к венкам порфироносной саги.
Спит Летний Сад... Из темной, вьюжной мглы
Чуть бьют крылом невидимые флаги.
Но сквозь сугробов пенные валы,
Следы саней, чертя на льду зигзаги,
Бегут за мной, и каждый острый штрих,
Взрезая лед, поет в стихах моих.

Куранты бьют. Медлительны и глухи,
Удары замирают в облаках...
Навстречу мне из стен выходят духи:
Плащи, ботфорты, снег на париках...
А вот и он, в надвинутом треухе,
С шпицрутеном в протянутых руках, —
Безумный Павел, бедный царь нерусский,
Затянутый в мундир — для сцены — прусский.

Играли все в те дальние года,
Играли все в том городе миража.
Фантазии зеленая звезда,
Куда ни посмотрю, одна и та же.
Полет и срыв, и счастье, и беда,
Минутных драм причудливая пряжа
От тронных зал до стойки в кабаке
Разыгрывалась в творческой тоске.

И не она ль, крылатая, упала
В альпийский снег, за тридевять земель,
Как будто ей России было мало,
И в итальянском небе крылась цель!
Там рев слонов и трубы Ганнибала
Еще гремят сквозь горную метель,
И шалый генерал, в восторге диком,
Слонам ответил петушиным криком.

Мой карандаш бежит. А ночь кругом
Уже не та, не наша, — дождевая.
За каплей капля точит сонный дом,
Вдоль мокрых стен журчать не уставая.
Над отслужившим письменным столом
Свеча горит и меркнет, чуть живая,
И Петербург, стихи напевший мне,
Свернувшись, лег в гравюру на стене.

Едва видна на миг оживших статуй
В гравюре пыльной призрачная рать.
Из темноты, с улыбкой виноватой,
Призналась муза, что пора ей спать.
Утомлена октавою тридцатой,
Закрыла я покорную тетрадь,
Настал антракт. И зреющее слово
Пусть отдохнет до действия второго.

Действие второе

День изо дня, едва больной рассвет
Крыш городских коснется желтым тленьем,
Аничков мост, Фонтанка, ряд карет
Дрожат в окне неясным отраженьем.
Мои дома прохожим смотрят вслед,
Ложатся вкось, испуганы круженьем
Людей, лотков, зонтов, телег, собак
И, побледнев, отходят в полумрак.

Но есть часы, когда, двоясь в мираже,
Стекло к стеклу, они еще живут.
Вот фонари, театр, сугроб, и даже
В асфальте черном медленно плывут
Вход во дворец и часовой на страже.
Я открывать люблю, то там, то тут,
Рисунки снов, все дальше, безрассудней,
На рубеже стихов и трезвых будней.

Забрезжил день. Пробил безвестный час.
Таких часов в земной судьбе немного:
Чуть жить начнем, и вдруг охватит нас
Глухой озноб, невнятная тревога.
В просвет окна глядит пугливый глаз,
Но тишина насторожилась строго
И руку занесла, чтоб уронить
Тяжелый нож и перерезать нить.

И тишина вошла, сгорев от блеска, —
Та тишина, в которой спят века.
В тот страшный час качнулась занавеска
Над сценой сцен, в порыве сквозняка,
И в улице пустой сверкнули резко
Серебряною лентой два венка:
Ни строгий ямб, ни лиры клекот медный
Не отразят той тишины победной.

Прижат к стеклу похолодевший лоб,
И я смотрю, окаменев, сурово:

На уровне окна качнулся гроб,
Короткий сруб, некрашеный, сосновый,
И тихо вполз в нетающий сугроб,
В Аничков мост и в будку часового.
Какой актер, какой великий мим
Сумел блеснуть прощанием таким?

Мой старый шут, актер безмолвной драмы,
Виргилий мой на всех путях пера.
Где то вино, где та зима, когда мы
В костре стихов сжигали вечера,
Творили мир и разрушали храмы,
Что до луны возвысили вчера?
Как нищий Лир, ты отошел, без свиты,
В холодный склеп могильной Афродиты.

Ты принял роль и до конца донес,
Таясь от всех, дрожа над скрытым кладом,
Готовя день за днем апофеоз.
А смерть давно с тобой сидела рядом,
Но твой уход тайком от смерти рос,
И вот она следит бессильным взглядом,
Как ты встаешь, как ты, сойдя с ума,
Сверкнул пятном жемчужного бельма,

Как пестрый плащ провеял, торжествуя,
И навсегда исчез, пропав вдали, —
(Кто принудит мечту, навек живую,
Влачить крыло по рытвинам земли?)
Как ты швырнул колпак на мостовую,
И бубенец, кружась, умолк в пыли,
Как тень твоя вбежала легким бегом
В тень Петербурга и закрылась снегом.

И там, в веках, как драгоценный груз,
Неся стихи, дремавшие под спудом,
Слагает их к ногам любимых муз,
И бронзовые лиры важным гудом
Поют в ответ, и грозди снежных бус
Летят в туман, и тусклым изумрудом
В серебряной Неве отражена,
Мерцает петербургская луна.

1953

107

Бабушка тоже была молодая,
В шелковых туфельках, в вышитой шали.

Карты для бабушки тихо шуршали,
О кавалере червонном гадая.

Бабушка знала премудрость кадрили,
И балаганы, и мадригалы,
Знала свечами сиявшие залы,
Где, улыбаясь, о ней говорили.

Ездила утром, на холеной паре,
По Петергофу, под рокот фонтанный,
И опускала ресницы жеманно,
Встречая глазами глаза Государя.

Осенью было и страшно и глухо.
Ежась от ветра, брела по панелям.
Каждый бродяга в потертой шинели
Грубо толкал, называя старухой.

Где-то, у булочной, в очередь стала...
Выстрелы... Дождь... Кумачевые флаги...
Хлеба кусочек в промокшей бумаге...
Так беспредельно, смертельно устала...

Вечером, дома, она не молилась:
Не было в сердце ни веры, ни силы.
Только у темной иконы спросила:
«Господи, что с Петербургом случилось?»

АНАТОЛИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ

108

В. Я. Перелешину

Бумага терпит всё. В странице
Я сделал прорези для глаз.
И вижу, как в немой столице
Вздымает вихри снежный час...
Бредут вслепую, друг за другом,
В сугробах вязнут их стопы,
Свирепствует ночная вьюга,
А ниже, впереди толпы,
Идет и машет красным флагом,
В венце из белоснежных роз,
Гордясь революционным шагом,
Майора Ковалева нос...

ГЕОРГИЙ ВЕНУС

109. В ПЕТЕРБУРГЕ

По мертвым улицам
Серые призраки бродят...
Наводят
Тоску их усталые лица...
Мне не снится
Сон золотой!..

В сердце Бог набросал свое семя,
Поросли всходы дикой травой.

Подожди, быстротечное время,
Постой!..

Но шумят разъяренные волны,
В беспредельность стремится Нева!
А года,
Разве их остановишь?
Нет! Никогда!

Просят хлеба детишки,
Как детишки худы!
Мальчугана штанишки,
Как газета, тонки.
А в тумане плещут
Свою сетку дожди.
Я иду... Рядом ужас шагает,
Дышит прямо в лицо,
Мое горло сжимает,
Я устал, но прозрел!
Ум в предчувствиях тонет,
Я сегодня не ел!
Как душа моя стонет!
Холод, холод!

Иду...
Вижу: голод
Победу справляет...

Небо рыдает...

Вижу: голод
На улицу девочку гонит,
Хоронят
Ветра взвизги ее чистоту...

Я страдаю! Мечту
Отдала ты за рубль советский,
Золотую мечту!

Ты на мир смотришь робко, по-детски.
Ты сама ведь дитя!
Ты могла бы играть еще в куклы,
Детка моя!

Вижу я, вот качаешь ты куклу:
Баю-баюшки, баю-баю.
Хочешь, сказку про серого зайца
И лисичку тебе расскажу!

Зайчик сел возле грядки с салатом,
А лисичка-сестричка за ним,
И ползет, и ползет. Ах, сама ты
Только зайчик под взглядом мужчин!

Я иду... Свои мысли смешал я
С темнотою, с тоской, с пустотой...
Есть ли это прозренья начало
Или мысли застой?

Я тоскую...
Скажите, в какую
Мне страну от кошмара уйти?

Сатана сел на краешек неба
И, смеясь, говорит мне:
«Живи»!..

ВЛАДИМИР ВЕРЕЩАГИН

110

Из парижских мотивов

Какая разница! Париж и Петроград!
Там — все еще зима, мороз, сугробы, галки,
А здесь — цветет весна, дурманит аромат
И продают на улицах фиалки.

Но сердцу ничего не говорят
Ни эти ландыши, ни розы, ни сирени,
Ни шум толпы ликующей весенний...
И тянет из Парижа в Петроград.

111

Из парижских мотивов

Париж совсем сошел с ума,
Вообразив на самом деле,
Что этот холод и метели —
Санкт-Петербургская зима.

А где же сани? Где Нева?
Гостиный двор, Сенат, Морская,
Адмиралтейство, Острова,
А Невский где? А где Сенная?

Навага, рябчики, икра?
А где же памятник Петра?
Где Петропавловская крепость?

. . . .
Париж под снегом! Вот нелепость!
Париж в снегу. Вот чепуха...
Ха! ха! ха! ха!

МАРИЯ ВИЗИ

112. REFRAIN

Тише, волны, не шумите,
Тише, — город спит:
Вы страдальца не будите
Всплеском о гранит.

Не шуми, Нева, над молом,
Рев волны уйми!
Он забылся сном тяжелым,
Тише, не шуми.

Было время, ты шумела,
Билась о гранит;
Но тогда столица пела,
А теперь молчит...

Шум волны, Нева, холодной
Заглуши ты льдом...
Город спит, больной, голодный,
Спит последним сном.

25 ноября 1921

ИГОРЬ ВОИНОВ

113

Город, обезлюженный алыми знаменами,
Весь в тревоге снов;
И пустые улицы обнажили челюсти
Сломанных домов.

Страшны вздохи вывесок, молотом израненных,
Страшен стук колес;
Закидав гримасами, кто-то отнял радости
И с собой унес.

Ночью тихо шепчутся сплошь опустошенные
Гордые дворцы;
Сгорбились сугробами, вспухшие и мокрые,
Темные торцы.

Мостовые вспаханы, фонари поломаны,
Кое-где трава...
И решетки смятые, с прутьями торчащими
Смотрят сквозь дрова.

Умер город призрачный, бледный и придушенный
Вихрем мятежа,
Устремив испуганно в окна разнесенные
Мутные глаза.

Древнее пророчество, как труба Архангела,
Стало вдруг живым,
Город, обезлюженный алыми знаменами,
Снова стал пустым.

Март 1921

114. ИЗ ЦИКЛА «ПЕТЕРБУРГ»

IV

Нету тока, трамваи пустые;
От усталости мокрый лоб...
В лишаях и парше мостовые...
На тележке — сосновый гроб.

На заводе гудок причитает:
В нем — бессвязное горе вдовы;
Дым буксира задумчиво тает
Над простором пустыни-Невы.

Зеленеет Исакия митра,
В небеса упираясь крестом;
Облаков порыжелых палитра
Расплылась за Дворцовым мостом.

Город болью окутан безмерной,
Постарел, развалился, осел, —
Потому что с угрюмой Шпалерной
Ежедневно берут на расстрел.

Ноябрь 1921

ОЛЕГ ВОИНОВ

115

Н. А. Залшупиной

Вы дыханье города родного
Принесли мне с книжкою стихов,
Я поверить в Петербург мой снова,
В мудрость вечную его готов.

Полный тайны город мой туманный,
Петербург, печальный город мой,
Он живет своею жизнью странной,
Вечно скорбный и почти немой.

Тайну нашу молча он стяжает,
Час придет — ее он скажет нам.
За Москву, что тайн — крича — не знает,
Я его молчанья не отдам.

Скоро с Вами мы услышим вместе, —
Петербург наш будет говорить!

Вас, принесшую оттуда вести,
Как словами отблагодарить?

25 октября 1921

116 САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1

Змеиный путь немых каналов,
Широких перспектив разбег,
И санок легких быстрый бег,
И зори — перелив опалов.

И царских караулов смены
Пред скованною льдом Невой,
И запад дымный, огневой, —
Предвестник царства Мельпомены.

2

Люблю я осени пурпурный пламень
И в увяданьи Летний сад,
И павловских казарм фасад,
И плавный бег Невы, гранитный камень,

Простор гигантский Марсового поля,
Екатерининский канал
И черный статуи металл
Героя странного — Барклай де Толли.

Чуть замирают экипажи,
Взлетевши на горбатый мост.
У рысака рвет ветром хвост
И белые, как снег, плюмажи.

Сверкает шпиль Адмиралтейства,
Поймав на острие луну,
И город царский потонул
В ночи, как звездно-лунном действе.

3. АНИЧКОВ МОСТ

Радостно сегодня мне на улице,
Веселей смеются бубенцы,
Бронзовые юноши не хмурятся,
Лошадей хватая под уздцы.

Ясен голубой, морозом хваченый,
Небосклон — фарфоровый покров.
В зимний день смеемся, а не плачем мы,
Веселее дышит наша кровь.

Дым костров крутится струйкой пепельной,
Снег скрипит под сотней быстрых ног.
В воздухе горит, морозом слепленный,
Нимбом солнца — иглистый венок.

ЯРОСЛАВ ВОИНОВ

117. В ПЕТЕРБУРГЕ

У меня на Васильевском — Испания,
На Десятой линии — Гренада.
Граммофоны! Все охрипли от старания!
Мне сегодня слишком много звуков надо.

Мне, Кихоту в Петербурге последнему,
Голосами охрипших пьяниц
Заливайтесь, граммофоны, по Среднему!
Я — единственный в Петербурге испанец!

Я один преображу экстазами
Вашу хриплую ругань в серенады,
Стану жить музыкальными фразами
Моей далекой, певучей Гренады.

17 мая <1920>

118. С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПАСХА

Сердце моложе, весенней,
В нем — золотое «вчера»:
Светлых Христа Воскресений
Ночи, утра, вечера!

Петербургских пасх вереница...
Воспоминаньем согрет,
Неповторяемо повторится
Величавый ваш трафарет.

Вплетутся в святые шаблоны
Вместе с запахом кулича
Исаакиевские колонны
И красного воска свеча.

В никого молодую влюбленность,
Встречу, ласковый жест,
Все сольет тех пасх обыденность
В «торжество из торжеств».

На мостах — одни пешеходы.
— Не поспеем! Скорей!
Полыньи стеклянные воды
Чуть дробят двойники фонарей.

За Невой в опаловом мраке
Пламена-факела высоки.
То взметнул златоликий Исаакий
Огневые свои языки.

Мы сегодня добрее друг к другу.
Душа ни о чем не болит.
В черно-белой карете цугом
Обогнал нас митрополит.

По пути для всех без различий,
Утомленная, но легка,
Из кареты митрополичьей —
Благословляющая рука.

Загудел колокольным металлом
Монотонный пока перезвон,
Несется в воздухе талом
Над Невой, над городом он.

Эта ночь без дремоты,
Ночь взволнованных лиц
Ярче будит красоты
Волшебнейшей из столиц.

Внятней, чем всегда, чем прежде,
Белоколонный сенат,
Нева в гранитной одежде,
Адмиралтейства фасад.

Образ в мире неповторимый
— Всадник, конь и скала —
Фальконета рукой «Petro Primo
Catharina Secunda» дала.

Собор — монферранова ода!
Золотой крестный ход
Отделил от толпы народа
Конной гвардии взвод.

Ветер бросил «Христос Воскресе»,
Колыхнул хоругвей парчу
И в толпе, капризен и весел,
Затушил не одну свечу.

— Ну, куда? — Пошла на Морскую
Гурьба молодых повес.
— Нина! Чем я теперь рискую?
— Нина! Христос Воскрес!

— Хватит. Был незаконно долог
Твой поцелуй. Смотри,
Злится-то как филолог!..
И разве их было три?

— Что считать: три, четыре...
А помнишь, как шли от Страстей! —
У юриста карман оттопырен
От взятых на всех сластей.

На Морской — фонариков нити,
В чадных плошках земля.
— Ах, как горят, взгляните,
Государевы вензеля!

Поутру опять перезвоны —
В светлые небеса:
Бронзовый, медный, червонный
Веселые голоса.

У старика-швейцара
Для горняшек-девиц —
Всегда неразменная пара
Пестрых, под мрамор, яиц.

Другой начистил медали,
Дунайский железный крест.
— Без него полтинник бы дали,
С ним — целкач за присест.

Дворник, как на параде:
На жилетке — часы,
В лоске с утра напомадил
И пробор и усы.

С кульком, с костылем самодельным
Старенький инвалид
Из Чесменской богадельни
К внучке в Гавань валит.

А навстречу ему богаделка.
От приютской сбежав тоски,
Плетется шажком — безделка! —
Из Гавани на Пески.

Купец в поцелуях истов:
— Воистину!.. чмок!.. Воскрес!
Рой сереньких гимназистов
Друг дружку берет под пресс.

И под каждою подворотней
Пожарный, люб иль нелюб,
Справляется с новой сотней
Недоцелованных губ.

Начистив ремень портупейный
И серебро палаша,
Выступает марфушин «ейный»,
Кавалергард, не спеша.

Испытанные визитеры,
В традиционный обход
Уже пошли полотеры,
И почтальонам — черед.

Старшие спят, нет закона,
Нет присмотра с утра:
Тут и там на балконы —
Бело-розовая детвора.

Карапузик, «герой Абиссиний»,
Сквозь пролеты перил
Белый, красный и синий
Хлесткий флаг изловил.

И досадно — его отваги
Из «девчонок» не ценит никто:
— Незачем трогать флаги,
Лучше б надел пальто!

Кудесник — полдень пасхальный:
Что ни дрожки — лихач!
В ус улыбнется квартальный:
— Вишь, понеслися вскачь!

Солнцем полдня нагреты,
Дышат смолой торцы.
Дрожки, ландо, кареты
Вереницами — во дворцы.

«Знатоки» различают: «Посланник!
У кучеров — галуны!»
Сборщик на церкву, странник
В толпе, как свалился с луны.

Выездному в пояс отвесил:
— Важнеющий, знать, генерал!
— Чудак ты! Христос Воскресе!
Много ли насбирал?

Под вечер назло визитерам
Влюбленные — на острова,
Где ажурно-зеленым флером
Молодая листва.

Острова — одиночество многих.
Только взгляни, позови.
Ведь хрусткие их дороги —
Пути петербургской любви.

Сердце моложе, весенней:
В нем — неустанна игра
Пасхальных обыкновений,
Санкт-Петербурга «вчера».

БОРИС ВОЛКОВ

119. Н. ГУМИЛЕВ

Ах, пронзают сердца амуры,
И от грез избавленья нет!
Помните ль вы гравюры
Петровских Больших побед?

В грохоте бранной Славы
Проходят года, звеня,
И всадник, вдруг, величавый
Вздыбил на ходу коня.

Упрямые губы сжаты,
Простерта вперед рука.
Пред ним проходят солдаты,
Проплывают над ним облака.

Вверху развернулся свиток
Словами далеких лет,
И пьем мы хмельной напиток
Петровских Больших побед.

Солдаты в литературе
Дают и встречают бой.
И над ними плывет в лазури
Облаков кучерявых строй.

НИКОЛАЙ ВОРОБЬЕВ

120

Казнимые сумасшествием.
Самиздат

СПб — дел Петровых страница,
Город Господом Богом храним...
Пусть мне скажут, какая столица
Не стояла во фронт перед ним?

Тебе песни поэты слагали
И с любовью несли их тебе,
И три гордые буквы блистали
Над Россией тогда — СПб.

Но слиняла и выцвела слава,
С плеч усталых порфира сползла,
И разбойничья злая орава
Даже имя твое отняла.

И насмешек осыпанный градом
И доселе неслыханных слов,
За грехи легкодумных отцов
За ночь сделался ты Ленинградом.

И хоть буквы остались у нас,
Но их всяк принужден сторониться:
СПб — означает сейчас:
Специальная психобольница

ВЛАДИМИР ВОРОНЦОВСКИЙ

121. ПЕТЕРБУРГ

1

Туманам шепчет глухо темнота,
Поверив рвущим небывалым крикам.
На Исаакии расцвел бутон креста
В седую ночь кровавою гвоздикой;
И вздрогнувший чугунный идиот
Смотрел в испуге на цветы Компарта,
Как блекла фальшь блестящих позолот,
Как со столицы сдули бакенбарды,
Как блекла фальшь блестящих позолот,
Мундирный город зло пожал плечами
И к вечеру под Лиговский забор
Шел торговать собой и калачами.
Со склянкой глаз глубокой и пустой,
С душой, кричащей огненным вопросом,
Влипала в тьму державной наготой
Княгиня, загулявшая с матросом.
В берлоге город рвался до утра,
И осветило утро в раме ночи,
Как грязь самодержавия с Петра
Рукой в мозолях гневно стер рабочий...

2

Нет, ты с красным лучше, чем с трехцветным,
Мак к чертам суровым так идет!
Это ты стал Меккою заветной
Пилигримов, отряхнувших гнет.
И в дыму сверкающих пожарищ
Пятый год нафабренный Берлин
Ловит слово звонкое: товарищ,
С губ твоих пылающих равнин.
В круг сбежались города и лица,
Ловят искры золотых огней.
Петербург — всесветная столица!
Мудрый череп русских бунтарей!
Это ты веков утробу выжег.
В ночь одну из полымя осад
Вспрыгнул грозно на века, как лыжи,
Новый красный Вечный Ленинград.

6 мая 1924

ЮРИЙ ГАЛИЧ

122. СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ

1

Седых дворцов тяжелый мрамор
Закутан блеклой синевою,
На небе саванная тога
И моросит холодный дождь.

Безлистый сквер уснул и замер,
Склонясь пугливо над Невою,
И смотрит пристально и строго
В свинцовый сумрак Медный Вождь.

2

Сказку из белой былины
Камень недвижный таит —
Эти дома-исполины,
Этот дворцовый гранит.

Бледная немочь рассвета,
Шпиц крепостной и вода
И, замерцавшая где-то,
В небе беззвездном звезда.

3

Стали тени бледней и короче,
Очертанья так бледно-нежны.
И, в мерцаньи серебряной ночи,
Вижу профиль хрустальный княжны.

Вижу все, что так чутко скрывала
Эта ночь фантастических грез —
И улыбку, и бледность овала,
Опушенного космами кос...

4

И томит меня сон белой сказки,
Этот мир петербургских поэз —
Вот орел на золóченной каске
Промелькнул, как фантом, и исчез.

Где-то хрипло пропели куранты,
А заря серебрит синеву...
Томный вальс, кружева, аксельбанты —
И глядишь, и глядишь на Неву.

123. МИРАЖ

С. Черному

С кузенами Жоржем и Жаном,
В румяный раздумный рассвет,
Я вырыл на пляже песчаном
Нарядный и гордый корвет.

Из простынь был парус крылатый,
Из ракушек надпись «Варяг»,
Купальный костюм полосатый
На палке зареял, как флаг.

— Есть много чудесных открытий!
Земля — неизведанный сад.
На Кубу, на Яву, в Гаити?
Но шепчут юнцы: — «В Петроград»!

Я сумрачно стал у штурвала,
В груди моей ширился шквал,
Волна набежавшего вала
Дрожала, как зыбкий опал.

И в пене, и в брызгах, и в мраке
Крик чайки носился седой —
Червонною шапкой Исакий,
Как солнце, вставал над водой.

Мы кинулись к якорным талям,
Убрали, смеясь, кливера —
— Причалим?.. — Конечно, причалим!
И кликнули разом: «Ура!»

ЮРИЙ ГАЛЬ

124. ПЕТЕРБУРГ

Мой город! Вечность! Молодость моя!
Гранит Невы, холодный шпиль Трезини...
Какая ширь! Какая четкость линий!
Все в серебре... и где его края?

Бессонная воздушная струя
Прошелестит в развенчанной вершине.
Решетку Фельтена покрыл мохнатый иней,
Под снегом полукруглая скамья...

От Летнего до самого Сената
Иди, иди... целебный воздух пей!
Усталая душа опять богата.

Не будет ни раздумий, ни скорбей,
Останется багровый свет заката,
И лязг к реке спадающих цепей.

ЛЕОНИД ГАНСКИЙ

125. СТИХИ 1965 ГОДА

Я об одном, ты о другом,
Но мы друг друга понимаем.
На Зимней площади наш дом
В Санкт-Петербургском мае.

Но мы живем меж крепких стен
Без окон — ничего не видно.
Как в сводке — все без перемен,
Чтоб не было другим завидно.

О разном разные слова,
Которые так далеки от смысла —
Что кружится лишь голова,
Как будто небо на плечах повисло.

На площади Согласия наш дом
Под небом сумрачным Парижа,
И тянет вверх воздухом
И тянет безошибочно все ниже.

ВАДИМ ГАРДНЕР

126. ЗДЕСЬ И ТАМ

За серо-стальными волнами
Белеет в снегах кругозор.
Там на зиму край наш родимый
Накинул пушистый убор.

А здесь, у гранитов прибрежных,
Где ветер ревет и гудит,
Свисает бахромчатый, острый
С холмов ледяных сталактит.

Шипят на поверхности льдины
Под сталью студеной небес;
И льдом опоясаны камни,
И снегом украсился лес.

Корою ледка стекловидной
Кой-где затянулся ручей.
Меж складок воды — перешейки
Воздвиг изо льда ледовей.

Змеятся и булькают воды;
Как зайчики, солнца легки,
По руслам канав и оврагов
Бегут подо льдом пузырьки.

Изрезали дети коньками
Лесного болотца каток...
Вот девочка навзничь упала,
Ударясь спиной о ледок.

Резвятся, катаются дети
На лыжах, салазках, коньках.
И буквы мальчишки выводят
У края пути, на снегах.

Балуются; снег у дороги
Глотают; друг другу снежки
Влепляют, воюя; проказят;
Спешат, как под льдом ручейки.

Но все эти шалости, игры —
Забавы не русских детей.
Не наши здесь деды-морозы
Хрустят под снегами ветвей.

Не наши здесь яхонты блещут
На зимнем сугробном сребре;
Не наша здесь вьется поземка,
Не наша вьюга в декабре...

И образы прежней России
Рисуются снова в мечтах.
Вот вижу зиму в Петрограде;
Скользят по катку на «Прудках»,

Скользят конькобежцы так плавно
При лунах лиловых огней;
Выводят под звуки оркестра
Восьмерки и вязь вензелей.

Мелькают, заиндевев, пары.
В иголках ресницы и бровь;
Сребрится барашек шинели,
И жгут и мороз и любовь.

Подружек ведут гимназисты;
Идет за четою чета...
Свежи по зиме поцелуи,
И нектара слаще уста.

Мороз разубрал все деревья
И щиплет и колет остро,
И сказочней как-то в России
Снегов голубое сребро.

Ребята в Руси говорливей,
Проказники много резвей;
Смышленей, смелее мальчишки,
И девочки наши нежней.

Мечтательней наши подростки,
В них больше огня и души,
Чем здесь, в молчаливой Суоми,
В болотной Карельской глуши.

11 ноября 1926
Финляндия

127. НАВОДНЕНИЕ 1924 г.

И. Е. Репину,
славе и гордости России,
посвящаю

На мысу, затопленном водою,
Баню закружило, и ветра
По волнам ее швыряют в море.
Яростна Посейдона игра.

Хижину со старым рыболовом
И с его старушкою несет
По заливу дерзкая стихия;
Вскидывает вверх, о камни бьет.

Гробом домик стал им. Злая буря
Грозно отпевает стариков,
Поднимая мирную лачугу
На поверхность пенистых горбов...

Яхты, шхуны, бревна, будки, пропсы,
Вырванные с корнями стволы
Разметали всюду по простору
Мстительно-злорадные валы...

Ольхи, ели, сосны, можжевельник
Заливает бешеный потоп.
Друг за другом падают деревья,
Словно за снопом валится сноп.

Соснами, столбами дальномолвов,
Проволокой путь перегражден;
Воздвигает вихорь баррикады,
Как бунтарь, крамолой опьянен...

Это здесь... А там? Воображаю,
Как восстала гордая Нева,
Как сто лет назад при Александре,
Морю приобщая острова;

Затопляя площади и стогны,
Бунтом отвечая на бунты,
Кинулась на красную столицу
С дикой песнью гневной красоты.

Улицы в потоки обратила;
Барки, пристани к стенам дворцов
Прибивает и, размыты зыбью,
Всплыли шестигранники торцов...

Вихрь срывает крыши и корчует
Клены, липы и дубы в садах;
Стон, проклятья, ужас несказанный
Тонущих в подвалах, на дворах...

Но как встарь, водою окруженный,
Бронзовый седок на скакуне,
От годов уже позеленелый,
Весь обрызган, держит речь к волне:

«Ты бушуй, красавица-царица,
Гневом обуянная Нева,
Покарай потомков ошалелых!
Ты в отмщении своем права.

Осквернили детище Петрово.
Переименован в Ленинград
Чудный город, плод мечты высокой;
Парадиз мой обратили в ад.

Обесчестили мою Россию».
Молвил Марс Полтавы, потрясен,
«И тряпьем кровавым заменили
Славу ныне попранных знамен.

Родины предатели пируют.
Г.П.У. справляет шабаш свой
В величавых стенах Питербурха
Над широкой царственной Невой.

Ужас Г.П.У. на Русь наводит...
Обезумел грешный мой народ.
Видя Божий гнев в твоем кипеньи,
Пусть опомнится, в себя придет»...

Долго так с разнузданной стихией
Венценосный плотник говорил,
Между тем как вал, сребряся пеной,
О гранитное подножье бил.

Но, великой жалости исполнен
К жителям, постигнутым бедой,
Взбаламученную бурей реку
Царь унял горячею мольбой...

Приутих свирепствовавший ветер,
И, виновница несчетных бед,
Зыбь отхлынула, оставив за собою
Буйного хозяйничанья след...

1928
Финляндия

128. КАРТИНКИ ПРЕЖНЕГО ПЕТРОГРАДА

1. РАЗНОСТИШИЕ

Тягостна беженца лямка...
Сделаю прошлому смотр:
У Инженерного Замка —
Всадник изваянный — Петр.

В Летнем Саду, возвышаясь
Между дубовых стволов,
Рою детей улыбаясь,
Дедушка смотрит Крылов.

Слышу, на Марсовом поле
Трубит к марш-маршу трубач;
Кони, привыкшие к холе,
Пенясь, помчалися вскачь.

Слышится бой барабана;
Вижу, пехота пылит...
В легкой вуали тумана
Шпиц над Невою блестит.

Вижу, качается сонно
Ялик на Невской волне;
Зимний дворец и Колонна;
Ангел с крестом в вышине...

Конная статуя Николая;
Роты златой гренадер.
С сонмом вельмож, Катерина Вторая;
Екатерининский сквер.

А позади величавой царицы —
Желтый с столпами театра фасад;
На парапете, гляди, колесницу
Кони из бронзы по воздуху мчат...

20 марта 1926
Финляндия

2. РАЗНОСТИШИЕ

Грохот тяжелый, и мрачность вокзала
В пара густых облаках...
Красный кирпич Арсенала...
Вспышки трамвайных зарниц на мостах...

Против Фемиды с весами
Дула орудий... Завод...
Купол собора звездами
Светится, как небосвод...

Белые стены другого собора;
Пушки, и цепь, и орлы вкруг него...
Вот за стеклом полудневная флора, —
Пышных цветов торжество...

Крест над больницей, и Принц Ольденбургский
На пьедестале стоит...
«Новое время», «Листок Петербургский»! —
Бойкий газетчик кричит.

Высится, златом червонным блистая,
Светлый Владимирский Храм...
Цокот подков, и гремит мостовая,
Спугнуты сизые голуби там...

Загородный, точно длинный колодец,
Тянется, узок и сжат.
Лики угодников и Богородиц;
Свечи в Подворье блестят.

Вон Пять Углов. Промелькнули казармы;
Синих семеновцев ряд.
В белых султанах жандармы;
Паром клубясь, паровозы гудят...

19 марта 1926

3

Златые и серебряные латы.
Такие же с орлами каски.
Конногвардейцы, кирасиры,
Кавалергарды на конях...
Легки ли прошлого утраты?
Скажи, где быль минувшей сказки,
Где наши прежние кумиры?
Где блеск штыков на площадях?..
Кроваво-красные гусары,
Кошмарный символ наших дней,
На спинах краденых коней
Заменят ли былого чары?
Прошедшего пестреют арабески...
Конвойцев красные черкески,
Преображенцы-великаны,
Квадраты черные улан,

И ментики и доломаны
Мелькают снова сквозь туман.
Седого вижу гренадера
Вокруг колонны на часах...
В царей тогда какая вера
Пылала в преданных сердцах!

18 марта 1926

4. МАСЛЕНИЦА

Кучера в треуголках с бичами
На козлах царских карет
Везут институток в балет...
Воздушными шарами
В переднике бородач
Торгует. Промчался лихач...
Звякают бубенчики «веек»;
Куда угодно за «ридцать» копеек,
Хоть на край света, готовы везти;
А блинами их угости
Да водкой дай накачаться, —
Дадут без себя в санях покататься...
На Марсовом — карусели
В течение целой недели.
С бородой из пакли балаганные деды
Острят и ведут непристойные беседы;
Им любо отваживаться
Насчет публики прохаживаться;
Осипшими голосами
Горланят на морозе целыми часами...
Кого в толпе только нет, —
Тут и гимназист, и правовед,
И впавший в детство герой Бородина;
На «Войну Отечественную» старина
У Малафеева посмотреть пришел,
Жену-генеральшу с собой привел;
Поглядев, с досады плюнул на представленье:
«Разве такие были сраженья,
Когда нами командовал Кутузов?
Разве так мы били французов?..»
Тут стрельба в цель, там карусели.
Вон головокружительные качели;
Солдаты с девицами не унимаются;
Визжат, целуются и все качаются...

26 марта 1926

НИНА ГЕЙНЦ

129. ТУЧКОВА НАБЕРЕЖНАЯ

Пустынный берег Невы зимой.
Спят барки, во льду отдыхая.
Тротуар деревянный и ветер морской,
И я — совсем молодая.

Я весело быстро иду одна
Вдоль домиков тихих и странных...
Душа безотчетного счастья полна,
Напевов и мыслей туманных.

Замерзшие лужи — скользящий ледок...
Эй, ветер, не дуй — ведь уронишь!
И по льду помчался летучий снежок,
Быстрей, веселей — не догонишь...

О чем ты поешь и о чем говоришь,
Скажи мне, примчавшийся с моря?..
О, даль ледяная, безлюдная тишь,
И я — не вкусившая горя!..

Вороны летят наискось над Невой,
Скрываясь в морозном тумане;
Вдали показался маяк биржевой,
Плетутся извощичьи сани...

И все освещая, нежнее зари,
На снежном пути одиноком
Ты споришь, смеешься, поешь и горишь,
Ты, юность — стремительный сокол!..

АЛЕКСЕЙ ГЕССЕН

130. ГВАРДЕЙСКИЙ ОФИЦЕР

Трещат январские морозы,
Метель январская метет,
И на ресницах стынут слезы,
И на усах сверкает лед.

Ах, после ночи на перинах,
Горячий выпив шоколад,
В одном мундире и лосинах
Жестокий вытерпеть парад!

А после — пытка долгой скуки
На карауле над Невой...
Давно ль изнеженные руки
Он прятал в муфте меховой?

Давно ль, попасть мечтая «в случай»,
Он нес дворцовый караул?..
Но небосклон закрыли тучи,
И ветер северный подул.

И от шлагбаумов бело-черных,
По мановению Царя,
Разносят вихрь приказов вздорных
По всей Руси фельдъегеря.

Дух мятежа в сердцах задавлен,
В изгнаньи вольнодумный фрак,
Выходят дамы, встретив Павла,
Из золоченых колымаг.

А рыцарь, маленький, курносый,
То Мальтой удивляет мир,
То вводит пудреные косы
И прусский Фридрихов мундир.

Ах, нет конца цепям и путам!
Жесток венчанный изувер!
И вот на миг российским Брутом
Он стал, Гвардейский Офицер.

За все: за долгие разводы,
За караульню, за куртаг,
За пудру, за изгнанье моды,
За милый сердцу куцый фрак

И за мундир по прусской мерке —
Он, неподкупен, тверд и строг,
Литой червонной табакеркой
Тирану проломил висок.

АЛЕКСАНДР ГИНГЕР

131

Константину Терешковичу

Голубеет небесный свод.
Распускается яблонь цвет.
Еле слышимо всплески вод
Безмятежный поют привет.

Где ты видел такие сны,
Бедный сын городов смешных?
Где ты встретил приход весны,
Вздох приветил плодов земных?

Зеленела под солнцем дня
Петербургская Сторона,
И веселые льды гоня,
Пробуждалась Нева от сна.

Упояется робким сном
Нерастраченная душа.
В небывалом саду моем
Цветик малый дрожит, дыша.

1920

ЗИНАИДА ГИППИУС

132. ЛАЗАРЬ

Нет, волглая земля, сырая;
только и может — тихо тлеть;
мы знаем, почему она такая,
почему огню на ней не гореть.

Бегает девочка с красной лейкой,
пустоглазая, — и проворен бег;
а ее погоняют: спеши-ка, лей-ка,
сюда, на камень, на доски, в снег!

Скалится девочка: «Везде побрызжем!»
На камне — смуглость и зыбь пятна,
а снег дымится кружевом рыжим,
рыжим, рыжим, рыжей вина.

Петр чугунный сидит молча,
конь не ржет, и змей ни гу-гу.
Что ж, любуйся на ямы волчьи,
на рыжее кружево на снегу.

Ты, Строитель, сам пустоглазый,
ну и добро! Когда б не истлел,
выгнал бы девочку с лейкой сразу,
кружева рыжего не стерпел.

Но город и ты — во гробе оба,
ты молчишь, Петербург молчит.
Кто отвалит камень от гроба?
Господи, Господи: уже смердит...

Кто? Не Петр. Не вода. Не пламя.
Близок Кто-то. Он позовет.
И выйдет обвязанный пеленами:
«Развяжите его. Пусть идет».

1918—1938

АЛЛА ГОЛОВИНА

133

Я говорирю себе: не требуй,
Я говорю себе: смирись.
Ведь знаю я — над черным небом
Стоит совсем иная высь,
Куда не залетит Гагарин,
Быть может, Лермонтов бывал,
Где дух, который всем подарен,
На Бога детски восставал,
Где отражаются картины,
Стихи и музыка, и зов,
Как будто блеск воды раскинув,
Стоит блаженный Петергоф.
И, как фонтаны, бьются души,
Стремясь повыше залететь.
Ну, вот, смирись. Ну, вот, послушай:
Ты не должна дерзать и сметь.
Ведь все вокруг тебя иное.
Двойник, ликуй, — нас снова двое.
(И водомет и водоем.)
Мы снова, наконец, вдвоем.

134. СЫНУ

1

А тебе разве памяти мало,
А тебе разве мало тоски
По камням разноцветным Урала,
По изгибам какой-то реки?
Но беспомощно руку ребенка
Направляя в зеленый простор,
Ты на карте стучишься в избенку,
Попадаешь в серебряный бор.
И касаясь холмов живописных
С странным именем Жигули,
Видишь, в небе, иконописно,
На ладони твоей — журавли.
Милый мой, я сама не бывала
Ни в Кремле, ни у ясных полян,
Разноцветные камни Урала
Мне показывал капитан.
И твердили настойчиво книги,

Звали старшие, пели стихи.
И тебе я о том же покорно
Повторю, но не зная тоски.
Ты с Кавказа дорогой узорной
Все обходишь материки.

Тянет тлением от каждого оврага,
Пахнет адом каждый Божий сад.
И врага не знает, скользкой шпагой
В этот час заколотый солдат.

Лорелеи косы распускают,
Голос бездны сладок и высок.
И над кладом медленно сияют
Черный Рейн и золотой песок.

А над дальним Брокеном смятенье,
Пир горой, и в пламени гора,
За которой пляшут в исступленьи
В древних рощах гномы до утра.

И над всеми — с мертвыми глазами
Серый призрак, гибель на скале.
...Сеет ночь усталыми руками
Правды и неправды на земле...

И от полюса смотришь, моргая,
Как встает на востоке страна
Та же самая или иная,
Та, что мне никогда не видна.

2

Океанская глубь, океанская ширь.
Зелена и бела на бумаге Сибирь,
И коричнев Кавказ, и Кура коротка,
Опираясь на Кремль, как на два локотка,

Смотрит сонно Москва, и подвески огней
Запевают малиновым звоном у ней.

Питерсбурх, Петербург, Петроград, Ленинград...
Это Летний крыловский сияющий сад.

Почему же он вечно в крови и снегу?
Я не знаю, Сережа, и знать не могу.

135

Сумасшедший дом. Аккуратный парк.
Сумасшедшая русская: Жанна д'Арк.
Разрешили ей волосы стричь до плеч
И тяжелые двери свято беречь.
— Ах, — печально она говорит врачу, —
Я дофина увидеть скорей хочу.
О, поймите, я слушаю голоса
Каждый день по три, по четыре часа.
И со скукою врач отвечает ей:
— Был расстрелян в Сибири дофин Алексей,
А историю вашей дикой страны
Вы и здесь забывать никогда не должны.
Но однажды явившийся серафим
Показался царевичем ей сквозь грим.
Тут-то многое она поняла
(Поседела и от ворот отошла),
Что она — эмигрантка, а город — Париж
И что за нашей историей не уследишь.
Той же ночью спокойно она умерла,
И вошла в Ленинград, и дофина нашла.
И собор отыскала. Стоял Алексей
Петроградской белой ночи бледней.
Ликовал почему-то советский народ
И уже собирался в какой-то поход.
Эмигрантская дева жива не жива
(Словно молния — в древо) и видит — Москва.
Петербург отступил, и уже Михаил,
Дрожь скрывая, стоит у бесчестных могил...

СЕРГЕЙ ГОРНЫЙ

136. ИСААКИЙ

Я вижу твою строгую походку,
Разглаженный девический пробор —
Ты под венец так ласково и кротко
Пришла, надев коричневый убор.

И для меня полоски бумазеи
Сливались мягко в дружеский сонет.
Мы — помнишь? — шли. И над рекою вея,
Для нас гудел чугунный Фальконет.

Мы — помнишь? — шли. И мне казалось, всякий
Сегодня видел: мы с тобой одно.
И только мудрый, каменный Исакий
Молчал и знал, что было суждено.

137. ЦАРСКОЕ СЕЛО

Я помню все: и пруд, и холм узорный.
Мне кажется, когда-нибудь уснув,
Увижу вновь: плывет мой лебедь черный
И над водой зеркалит красный клюв.

Я помню все: Юнону и Геракла,
Опять в настурциях мой дальний грот,
И если жизнь текучая иссякла,
В струе текучий лебедь подплывет.

138. ПЕТЕРБУРГ

Странник, помни столицу свою,
Где возник на скале Всадник Медный,
Тот, чей конь над открывшейся бездной
Попирает ногою змею.

Верь, что славное имя Петра,
Подмененное в дни наважденья,
Вновь воскликнут в сияньи утра
В день великой страны возрожденья.

Он, усердный работник царь Петр,
Град своими руками построя,
Новым силам в нем делает смотр,
Уничтожив закон Домостроя.

И невзрытую землю он взрыл,
И широкими шел он путями,
И гостям он все двери открыл,
Новый город он залил огнями...

А сейчас в Петербурге темно —
Замурованы стены России!
Прорубать надо снова окно —
Дать воспрянуть народной стихии.

ВАЛЕНТИН ГОРЯНСКИЙ

139. КОНКА

Из цикла «Старый Петербург», II

Вы помните родную старь,
Когда с учтивостью — в сторонке,
Слегка опершись на фонарь,
Мы терпеливо ждали конки?..

И полчаса стоим, и час
В непоколебленной надежде.
Приедем и на этот раз
С такой же точностью, как прежде.

Вот сумерки из-под ворот
Ползут, густея, в переулок;
Жена чиновника идет
Купить горячих к чаю булок.

Огни по лавочкам зажглись,
Гремя проехала карета,
И лошадей прорвалась рысь,
Не видно где, но близко где-то.

Но конки нет. Все нет как нет!
Дела ведет Управа скверно,
А уж сотрудники газет
Ее ли не язвят всемерно...

Ага!.. Идет... С панельных плит
Сбегаем в радости неложной,
Наш зонтик в воздухе чертит
Сигнал зовущий и тревожный...

И, снисходительности полн,
Замедлил ход степенный остов —
Плыви, плыви, мой утлый челн
Вдаль, на Василиевский остров.

Вгоняет в дрему скрип дверей,
И кондуктор наводит лучик
Фонариком с груди своей,
Блеск вызывая медных ручек.

Тепло покоится душа
Под звон расхлябанный, оконный,

Жизнь ощущая не спеша
Неторопливой тягой конной...

И в сонный падая поток,
Упрямо мысль буравит снова,
Чтоб сделала жена пирог,
Как был в тот раз у Иванова.

140. НАВОДНЕНИЕ

Из цикла «Старый Петербург»

Западный ветер — здоровый дядя,
Думу надумал, напружил грудь,
Губы и щеки враз наладя,
Стал себе в невское устье дуть...

Вот остужу, изловчусь и выпью, —
Люди проснутся и — нет Невы!..
Ухает ветер голодной выпью,
Роет в пучинах ямы и рвы.

Невская барыня — шасть обратно, —
Откуда взялась у старухи прыть?
Оно и понятно: разве приятно
Этаким зверем выпитой быть?

Половина взморья за Невой вперло,
Падает берег за футом фут.
Рявкнули пушки в широкое горло:
— Братцы, спасайся, стихии прут!

С плачем и воем, с мильоном истерик
Через барьерный гранит и мосты
Кинулись волны от ветра на берег,
По дворам и подвалам пряча хвосты.

Месяц погас, как дрянной огарок,
Только напоследок головой покачал,
Когда десяток ленивых барок
Ветер с чугунных сорвал причал.

Дома в переулках — намокшие губки,
В Коломне и Гавани люди не спят —
Вот показались первые шлюпки
С чердаков собирать старух и ребят.

Узлы пересыпанной пухом ноши,
Треск подмытых водою ворот...

Ругается кто-то: забыл галоши, —
А самому Нева забирается в рот.

Даже Фонтанка вздыбилась гордо,
Тискная дряхлый живорыбный садок.
Дует со взморья черная морда.
Валит на Невском прохожих с ног.

И все настойчивей — час за часом,
Забыв назначение — гибель и смерть —
Добрые пушки бархатным басом
Били тревогу в ночную твердь...

141. ЭТО ПРОСТО!..

Хорошо весной на Сене
Наблюдать пейзаж весенний,
И вдыхая кислород,
Выдыхать наоборот.

Хорошо и очень мило
Вспоминать о том, что было,
Перекинуться за грань
И сказать себе: тарань!

О тарань забвенья стены,
И за рябью зыбкой Сены,
Затаив тоску в груди,
Чудный город возведи.

Это просто, очень просто, —
Будто с Троицкого моста
Ты навел свой острый взор
На Исаковский собор.

Или взял и этак будто
Повернулся сразу круто
К Петербургской стороне,
А над ней — закат в огне...

За темнеющей твердыней
Солнце цвета спелой дыни
Медом желтым истекло
На зеркальное стекло.

Прогуляйся и воочью
Полюбуйся белой ночью,
Подбоченься и как встарь
Энергично приударь

За какой-нибудь модисткой,
Милой невской одалиской, —
Только пара нежных слов,
И уже роман готов.

Будто пламенны и жарки
Где-нибудь в Петровском Парке,
Поцелуи под ольхой —
Миг далеко не плохой!

Испытай блаженство рая,
Вплоть до первого трамвая
Уверенья расточай
И ответы получай...

Вот и солнце снова всплыло...
Точно так, как прежде было:
Дворник блещет впереди
Медной бляхой на груди.

Вот уже мальчишка ловкий
Лезет с утренней Биржевкой,
И лабазник в голубей,
Бросил горстью отрубей.

На углу тверские парни
Шумно вышли из пекарни,
И ломают по пути
Хлеба ситного ломти...

Слушай, слушай из-за граней
Светлый звон к обедне ранней, —
Всплески царственной реки,
Пароходные гудки.
. . . .
Это просто, очень просто:
Будто с Троицкого моста!
Будто Сены вовсе нет,
И десятка тяжких лет!..

142. С.-ПЕТЕРБУРГ

Хорошо бы сон увидеть наяву:
В Петербурге жить, окошком на Неву,
Чтобы легкий финский катерок
Забирал от биржи поперек, —
Выворачивая ловкую дугу,
Свистом эхо разбудил на берегу
И, покуда становился на причал,
Пристань с крышею зеленою качал.

Дует ветер, блеск и синева,
С барки ладожской ядреные слова
Волховских горластых мужиков,
Сырь березовая выгруженных дров,
И сторонкою, поближе ко дворцам,
Камергерская карета по торцам.

За ростральными колоннами вдали
Острова раскидисто легли,
Там науки русской закрома
И на «линиях» мещанские дома
За черемухой, сиренью, бузиной, —
Помнит Пушкина и Гоголя иной, —
Навощенные покатые полы
И с иконками передние углы,
Свет лампадок через розовую грань,
Горка с чашками, извечная герань
И высокая с подушками кровать, —
Плоть ленивую томить и баловать...

Здесь по осени отважна и полна,
Вдоль по улицам бесчинствует волна,
Пушки в тучу лают, и народ
Выплывает в лодках из ворот
И ласкает ветер, дик и пьян,
Буйную Венецию славян...

143. ТИТУЛЯРНЫЙ СОВЕТНИК

Он был титулярный советник,
Она генеральская дочь...

У нас жестокая весна —
Как будто людям мстит природа
За холод северного сна,
За девять месяцев из года.

И, вот, блистательный апрель,
Едва рожденный в снежном насте,
Берет апрельскую свирель
Неизрасходованной страсти.

Нет в мире радости иной,
Столь опьяняющей и сладкой!
Весна танцует на Сенной
Над каждой выставленной кадкой,

Стреляет солнцем в медь весов,
Грохочет ломовой телегой...

Тверской дикарь из-под усов
Вдруг улыбнется с хитрой негой,

Облапит бабу у ларька,
Шепнет словцо под самым ухом —
И борода его горька
Березовым весенним духом.

А голуби! А воробьи!
А в тихой улице шарманка!
А в сквере влажные скамьи —
Любви вечерняя приманка!..

О титулярный егоза,
Советник из сенатской пыли,
Ты помнишь, как одни глаза
Тебя однажды ослепили?

Как безрассудно ты упал
В слезах пред генеральской дочкой,
Как был отвергнут и пропал
За канцелярской долгой строчкой?

С тех пор ты стал сердит и хмур,
Бежал всего того, что ярко,
Смеялся над тобой амур
В аллеях гатчинского парка, —

Ты в сердце нес его стрелу
И муками свой путь отметил...
Ах, не тебя ли на углу
Сегодня я в Париже встретил

Таксистом бодрым у руля,
Взирающим легко и мило?
Скажи, какая, окрыля,
Тебя несла такая сила,

Без соблюдения гвоздей,
К определенной некой точке —
Не к ней ли сдавшейся, своей,
Давнишней генеральской дочке?..

144. НА СВЯТОЙ

Голубая Нева от льда чиста,
Дует ветер с суровой лаской
И слепят присутственные места
Императорской желтой краской.

Сенат Правительствующий, Синод,
Развевающиеся флаги,
Прошлогодний рыжий в садах енот,
Воробьиные в кустах ватаги,

Колокольный в синеве азарт
Над Исаакиевским собором,
Гордо шествующий кавалергард
С солнечным головным убором.

Финская пылающая заря, —
Тонет Биржа в тени лиловой, —
Охраняющий медного царя
Старец — гренадер дворцовый.

Бабы, барышни, мужики, пажи.
Разбегается на мост конка,
Лошади натягивают гужи,
Весело топчут и звонко.

И никто не думал, что все уйдет,
Исчезнет навсегда в далеком,
Что растопленного полюса лед
Смоет царство своим потоком.

145. ПЕТЕРГОФСКАЯ ЗАРЯ

Детской любви застенчивая лесть,
В сердце глубокий неизгладимый след,
Вам было пять, мне было шесть,
Прошло с тех пор сорок лет...

Ранней весной, при петергофской заре,
Тени бросавшей на желтый песок,
Вы помните наши игры на дачном дворе
И маленького рыцаря у ваших ног?

Смеялись большие, не понимали нас,
А насмешники детские сердце жгут:
— Тебе, Ромео, который час?
— Тебе, Джульетта, сколько минут?

Дни совершали размеренный ход,
Ничего от прошлого в жизни нет...
Милая, милая, ведь вот я, вот —
Нищий бродяга, старый поэт.

Жизнь нашу мерят уже не часы...
Вам сорок пять, мне сорок шесть,

У меня борода и серые усы,
У вас уже дети взрослые есть?

У трех любовниц ласку-любовь
Я хитро ворую, лукавый тать,
Милая, милая, мне хочется вновь
В «школу-мячики» с вами играть...

Но этого нельзя, нельзя никак...
То есть можно в шутку, но нельзя всерьез.
Вы первая скажете: экий дурак,
Пришел и зачем-то мячик принес...

Ах, дорогая, на долгом пути
Я изрядно уже потрепал багаж,
Но хотел бы, хотел бы вас снова найти,
Только как же узнаю я адрес ваш?

А может, вас даже и нет средь нас,
Истомленных тоской по родным краям,
И где-то в России в этот час
Вы живете, чужая и непонятная нам...

А может, вас просто нет уже,
И вы вспоминали перед концом
О петергофском своем паже
С таким восхищенным и влюбленным лицом...

Но, нет, я не верю. Нет и нет!
Вы живы, послушайте, я даю вам весть...
В сердце глубокий неизгладимый след, —
Вам было пять, мне было шесть...

146. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДАЧА

Утром к десятому часу
Свежо и легко
Выходили барышни на террасу
Пить молоко.
Приходили родители,
Садились в тени гардин,
Отец в белоснежном кителе:
Сосредоточенный господин,
Департаментский «вице»,
Незначительный рост,
С набором в петлице
Чиновных звезд.
Читал «Новое время», —
Только в нем «не брендили».

Булочник приносил сладкое бремя —
Покупали «выборгские крендели».
Потом составлялся список
И мамаша была строга:
У Зеренсена сосисок,
У Бараковых — сига,
На Морскую в «Ниву» зайти,
Указать на неудобное положение,
Так как опять в пути
Где-то застряло приложение.
Папаша хватался за часы
Движением резким
И опять записывал: колбасы
У братьев Парфеновых на Невском.
У Елисеева вина
И какую-нибудь закуску,
А портнихе сказать, что ее вина,
Пусть переделывает блузку.
Поручений список рос
В длинном библейском свитке,
А извозчик что-то в нос
Напевал у калитки.
Ждать так ждать — ему ж
Курить не беспокоясь:
На чаишко «дачный муж»
Прибавит, чтоб не опоздать на поезд.
Папаша уехал. По гамакам
Лениться улеглись дочки,
С глазами, устремленными к облакам
В неопределенные точки.
Водовоз первобытный, полный сил,
Непринужденно и бодро
На кухню воду носил,
Блещущие на солнце ведра.
Направлял на кухарку взор,
Длинный, как мачта,
И заводил деликатный разговор,
Начинающийся с «так что»...

147. ПЕТЕРБУРГСКОЕ ДИТЯ

Петербургское дитя родится.
Поглядеть —
Никуда не годится!
Цветом зеленое,
Подобное малахиту,
К насморку склонное,
К бронхиту,
Рахиту,

К кашлю, чиханию,
Неправильному дыханию,
И наконец — к икоте
На самой высокой ноте,
Ибо построен Санкт-Петербург
На чухонском болоте,
Где из климата
Все приличное вынуто;
И остались туман да дождь,
Папоротник да хвощ,
Ель да осина,
Топь да трясина,
Мякоть-слякоть,
Лечь да плакать...
А вот, лоб окрестя,
Растет петербургское дитя.
И в результате явление
Необычайного сопротивления.
Худосочен, крив,
Малого роста,
Но ему тиф — не тиф,
Оспа — не оспа,
Лихорадка — не лихорадка,
Ничто не гадко.
И дело совсем не серьезное
Воспаление крупозное;
Скажи — чахотка —
Улыбнется кротко.
Скажи — скарлатинка —
Та же картинка.
И как бы ни ломался теперь Париж —
Петербуржца не удивишь.
Ходит он, осени рад
И полон веры,
Что ему сам черт не брат —
Вплоть до холеры.

148. ОХТА

Жили, не ведая добра и зла,
Ото всех-то дорог в сторонке,
И какая тишина была,
И как ездилось хорошо на конке.
Распутица, слякоть, грязь...
Баба в длиннополой кофте
Садилась, крестясь и не торопясь,
А через час глядишь — и на Охте!
Ох, уж мне Охта, — ох!
Вдоль домишек настил дощатый,

На заборах зеленый мох,
За забором край непочатый
Черемухи. Лезет прочь,
На улицу пялить лапы,
И, ежели потемнее ночь,
С прохожих сбивает шляпы.
Фуксии цветут в окне,
Зеленеют герани...
Проходила жизнь в полусне,
По ту сторону цветочной грани.
И чем жалостней был детский плач,
И чем было в домах угарней,
И чем безнадежнее золотой калач
На ветру качался перед пекарней, —
Тем желанней тот край, милей,
С рогожею на крылечке,
С раскаленным блеском углей,
В перекормленной березой печке.
Тихих будней суровый лад
В распорядке добром и милом,
И субботний банный обряд
С веником и казанским мылом;
И за всенощной свет лампад,
Дым кадильный, как волны в море,
И девушки нежный взгляд,
Богомольно поющей в хоре.
Косы упали с плеч,
Темнеет в белом платье,
А в подсвечнике сотни свеч
В полевом горят аромате...

149. ВАРВАРИН ДЕНЬ

Завтра «Варварин день»...

Петербург, который в тумане уже.
Но помню дом, помню, по крайней мере
Длинные коридоры и в каждом этаже
Вдоль коридоров желтые двери.
Опрятная бедность в этом доме живет,
Читают романы «родинские» между делом,
Имеют к вечернему чаю мед,
По воскресеньям кофейники чистят мелом;
Кофе по утрам со сливками пьют;
Удивительный напиток — скромен и весел!
И в каждой комнате убогий уют
Диванов продавленных и безногих кресел.
И вот, бывало, на Варварин день
Приносила нам черемухи горбатая Оля,

И такое множество, что хоть городи плетень
Вокруг всего хотя бы Марсова поля.
Бедность любит узоры-надежды плесть,
И была у нас Оля нежным поэтом:
К Рождеству черемухе полагалось расцвесть
Бледным, нездешним, прозрачным цветом.
Как мы верили страстно, и я, и мать,
Что вот расцветут холодные ветки,
Что нам счастья осталось так мало ждать
Назло сварливой и злой соседке.
И действительно, к счастью и торжеству
(Как восторги наши бывали пылки!),
Расцветала черемуха к Рождеству
На подоконнике в зеленой бутылке.
Но ничего не случалось — нет,
Жили мы с матерью, как прежде жили.
И казалось, что на грани весенних лет
Эти черемухи обманом были.
Но они не обманывали меня — ни-ни,
И судьбу испытывать они — верное средство:
Были счастьем те невозвратные дни —
О, прекрасное мое и невинное детство!

150. «НИВА»

Бывалый старый переплет —
Богоспасаемая «Нива»
За девяносто пятый год:
Все благодушно и учтиво,
Уездных захолустий друг
И друг вечерних чаепитий,
Она вошла в семейный круг
В те дни без громов и событий;
Что ни страница — милый след
Невинности, давно прошедшей,
И перекличка дальних лет
С эпохой нашей сумасшедшей.
И вот «оттуда» тихий зов
И, смеху горлицы подобный,
Поток весенний нежных слов,
Ручей немудрый и беззлобный;
И вот оттуда детский глас,
Огонь зари живой и зыбкий,
И вот Потапенки рассказ
Для умилительной улыбки:
Он святочный и длинный он,
И мне заранее известно,
Что вор под колокольный звон
Вернет украденное честно;

Что в нем проснется человек
При мысли о рожденном Боге,
Хотя его засыпет снег,
И он замерзнет на дороге.
А звезд жемчужный хоровод
О чем-то будет петь счастливо...
За девяносто пятый год
Богоспасаемая «Нива».

151. У МАРИИНСКОГО ТЕАТРА

Памяти В. Я. Светлова

Кучера кричали, кони ржали,
Индевели баки под бобром.
По скрипучему раскату подъезжали
Сани, скрытые январским серебром.
Подбирая норки и куницы,
Выходили дамы — на снегу,
Расцветая, как цветы из Ниццы,
Что цветут на теплом берегу.
Пар валит от жаркой конской выи,
Пристав шел — порядок и гроза,
И уже без слов городовые
Поднимали строгие глаза.
Вьюжный столб шатался в снежной пене,
На ходу спуская плащ с плеча,
Кирасир поднялся на ступени,
Свой палаш звенящий волоча.
Ордена блеснули на колете,
И уже спешит за другом вслед
Только что приехавший в карете
В треуголке стройный правовед.
Ждать недолго сладостного мига —
В тишине раздастся легкий стук
Палочки пленительного Дрига...

Ах, Светлов, ушедший добрый друг.
Если в смерти нежный сон таится
И она виденьями пестра,
Пусть балет тебе навеки снится
И столица славного Петра...

152. ФЕВРАЛЬ СЕМНАДЦАТОГО

Уже можно было сметь,
Обнаружиться без прикрышки,

Запрещенные песни петь,
Запрещенные читать книжки.
Закружилась интеллигентская голова —
Самые дерзкие на свете
И противозаконнейшие слова
Печатаются в газете.
Пристав больше не съест,
Не терзаться страхом напрасным,
И, вот, интеллигент манифест
Пишет на заборе красным.

Манифест

Господа хулиганы, банты,
Красные банты наденьте —
Вы всегда тосковали о красной
Ленте
На сером кепи.
Не пожелавшие в склепе
Блюсти уют
Тосковали о ленте красной.
И, вот, пришел властный,
Сказал: наденьте,
Пускай цветут
Гвоздики, маки и розы.
Господа хулиганы,
Бросьте ваши угрозы —
Уже ураганы
Вымели тех,
Чью шкуру на финском ноже
Испытать было не грех.
Господа хулиганы — тигры,
Всегда мы любили
Ваши хищные игры.
Еще б!
Играли тигры из петербургских
Трущоб,
С Холмушей, с канала Обводного,
С Черной речки.
Беда благородного вида прохожему!
Ждет обида,
Издевки-словечки,
А то и по роже ему, прохожему,
Кастетом,
Приговаривая при этом:
Чистый, да в шляпе — на!
Кольца на холеной лапе — на!
Получай, вот,
За мой позор,
За то, что я кот и вор — вот!

За то, что дети твои,
Как ангелы в небе — не отвесть глаз.
Получай — раз!
Твоя дочь — невинная,
Моя на аршин от земли едва,
Уже шлюха —
Получай в ухо — два!
Перчаткой, кастетом...
Господа хулиганы,
Довольно об этом, довольно!

153. ФЕВРАЛЬ СЕМНАДЦАТОГО

II

Красным бантиком окрыля
Сердце для радостного полета,
Двадцать пятого февраля
Обыватель выглянул за ворота.
По-прежнему падал снег
И на проспектах-просторах
Горели орлы с аптек,
Вспыхивая, как порох.
Обыватель шел вперед,
Улыбался льстиво рабочим,
Потому что он — за народ
И рабочим доволен очень.
Он читатель газеты «Речь»,
Он «кадет» и с народом вместе
Поднимает суровый меч —
Для расчета и правой мести.
Революции грозен лик...
Но вот треск пулемета:
Обыватель за угол — шмыг!
И стрелой сиганул за ворота.
Толпа бесилась на мостовой, —
Кровь нужна на потребу.
Оскаленный городовой
Пулеметом строчил по небу.
Прямо в рвань облаков,
А по Невскому шли оравы
В Думу, где Милюков
Заседал в осияньи славы.
О, прекрасный удел!
Наконец-то он властью правил.
И трибун в зеркало глядел:
— Ты ли это, великий Павел? —
Речь за речью — поток.
Холодный, спокойный, ровный...

Сморщился, глядел в платок
И опять о той же «бескровной»,
Которая сердца влечет,
Радует в красном флаге,
И лишь городовой не в счет —
Верный своей присяге.
Было начало и конец.
Толпа исходила в вое
И уже на царский венец
Возносился удар в Бологое.

154. НЕВСКИЙ ВЕТЕР

Ветер буен, ветер юрок,
Обегает Петербург;
На Неве волна, как в море.
Водяная мчится пыль.
Петр и Павел на соборе
Вознесли червонный шпиль.

. . . .

Сквознячком в Сенатской арке
Ветер в ухо прокричал,
С грузом ладожские барки
На причалах раскачал;
Выдул чаек из-под моста,
Сбил с чиновника картуз,
Заключил легко и просто
В небе с облаком союз,
Не жалея, тут же бросил
На Неву упал ничком,
Сбивши ялик с мерных весел
И пустив его волчком.
Летним садом пробегая,
Он задержит вольный лет, —
Там афинянка нагая
Счет столетиям ведет,
Опуская долу взгляды
И поникши, как лоза,
Видит праздники Эллады
И Праксителя глаза.
Плечи мраморные хрупки
В блеске розовой зари...
Ветер — дальше, бабьи юбки
Раздувая в пузыри.
И не верилось, что в этом,
Лучшем городе из всех,
И насквозь пронзенном светом,
И влюбленном в невский смех,

Где овеян ветром всякий,
Будь велик он или мал, —
Чтобы здесь в ночи Акакий
Грозным призраком вставал,
Шел, качаясь, по панели
С непокрытой головой
И, тоскуя о шинели,
Плакал, пав на мостовой.

155. НЕВСКИЙ ВЕТЕР

II

Дует ветер, сновиденья
Белой ночью гонит прочь.
Петербург — его владенье
И Нева — родная дочь.
Он летит в весельи шалом,
Ввысь уносит дым из труб,
Пучит воды по каналам,
Бьет хвостом в железный круп.
Что там — нежность! Где там — нежность!
И зефирам ли шептать,
Здесь, где невская безбрежность
Расплеснула жизнь и гладь.
Где кругом лишь блеск холодный
И кругом простор таков,
Что из глотки пароходной
Не дозваться берегов,
Как же тут, где ветер песен
Не кончает никогда,
Завелись лихая плесень
И стоячая вода.
Как же буйным ветром невским
Не развеяло мечты —
Проклятые Достоевским
Злые, горькие цветы?
Невский ветер радость слуху
И гремит, как Божий гром,
Но Раскольников старуху
Зарубает топором...
И под камень деньги прячет,
Зрея колосом для мук...
Кем же, кем проклятый начат
Круг сомнений и разлук?
Кто загнал к нещадной бездне
На позор, на волчью сыть,
А потом кричал: исчезни!
И пророчил: пусту быть!

Или ветры дули мало?
Или, спрятавшись в норе,
Им Россия не внимала
И забыла о Петре...

156. ПЕТЕРБУРГ

Прощайте, легкие красы
И танцы бабочек в зефире,
Идет сентябрь, и на весы
Свинцовые бросает гири.
Туманом день отяжелел,
Пронзает лес грибная плесень.
А зяблик будто и не пел
В зеленой чаще бодрых песен.
Унылым пламенем рябин
И бузиной, зажженной ярко,
Уже не оживить глубин,
В аллеях гатчинского парка
Пусть бродит юноша-поэт,
Осенним преданный экстазам.
Домашней лампы мирный свет
Приветственнее с каждым разом...
Пора и в Питер! Бог уж с ней,
С природой, отданной печали,
И чем туманней, тем ясней
Нас фонари его встречали.
Извозчиков горластый хор
Нас оглушал. Какие глотки!
За пятачок недолгий спор —
И вот уже сидим в пролетке.
Верх поднят, ноги под кожух,
Струится дождь, не зная края,
И снова радуется слух
Звонкам серебряным трамвая.
Как будто слышишь их впервой,
Знакомое встречаешь всюду
И узнаешь, как милый, свой,
Давнишний сон, дивяся чуду:
Огням таинственных аптек,
Зеленым, голубым и красным,
Движенью ломовых телег,
Пекарням, чайным и колбасным,
Городовым, церквам, домам,
Толпы людской разнообразью
И дворникам, грозящим нам —
Обрызгавшим их жидкой грязью.

157. НЕВСКАЯ СИМФОНИЯ

Октавы

1

Был Петербург в разгаре летних дел,
Строительством захлестнутый по горло,
Млел от жары, бесчувственно гудел,
И улицы, как пушечные жерла,
Метали гром. Июльский зной радел
Рукомеслу... Рубанки, пилы, сверла,
И стон, и лязг, и ломовых подвод
Грохочущий, неотвратимый ход...

2

Жара, жара! Как великан недужный,
В снах бредовых метался град Петра,
Не верилось, что есть другой, наружный,
Прекрасный мир, где летняя пора
С буколикой связуется ненужной,
Но сладостной, пастушьего костра,
Цветов, стрекоз, с грачом на сельской кровле
И тишиной вечерней рыбной ловли.

3

Но Петербург не любит отпускать
Своих сынов в далекие вояжи.
За двадцать верст, от силы — двадцать пять,
Кто в поезде, кто просто в экипаже,
Мы ехали себя прополоскать
На финские болотистые пляжи.
Не Бог весть что, — но крынка молока,
Грибы, сосна — и жизнь была легка!..

4

А главное, столица недалеко...
В погожий час, когда над морем штиль,
Всегда найдет внимательное око
В туманной мгле адмиралтейский шпиль.
Он, словно перст, подъемлемый высоко
Начальником. Читатель мой, не ты ль,
Узрев его, к своей досаде вящей,
Вдруг вспоминал ошибку в исходящей?

5

Беда! Как быть? И утром же, чуть свет,
Презрев досуг в благом кругу семейства,
Сон в гамаке, окрошку на обед,
Вечерний винт, и все эпикурейства
Немудрые тех отдаленных лет,
Ты уезжал, чтоб в недрах Казначейства,
Сената иль Синода, наконец,
Явить собой служебный образец...

6

Не долог путь... Березы, огороды,
Откос в цветах... Знакомые края
И милые чудачества природы!..
Как не принять, улыбку затая,
Ее мелодий варварские ходы
И варварство гармонии ее, —
Концерт самонадеянного хора,
Отвергшего услуги дирижера ..

7

Но, Боже мой, как сердцу не люба,
Средь пустырей фабричного предместья
Высокая кирпичная труба, —
Соседних рощ обида и бесчестье,
Мещанских палисадников судьба
И каменной погибели предвестье!
Не долог путь... Разъезд, зеленый флаг,
И вот — вокзала чванный полумрак...

8

Я не люблю суровости вокзальной,
Меня гнетет его угрюмых зал
Нестройный гул и колокол печальный,
И в кассе стук и церемониал
Отбытия, едва ль не погребальный...
В Ментону едет старый генерал —
Толпа, цветы, вагон, подобный гробу...
Ах, удержите важную особу!

9

Пускай живет!.. Пусть носит ордена
И золото сановного убранства!

Пусть в строгости содержит племена
Татар, башкир и буйного славянства.
Что он Ментоне? Что ему она?
Сей пышный склеп российского дворянства?
Останьтесь же, поскольку ваша часть —
Осуществлять спокойствие и власть...

10

Особенно сегодня, в этом зное,
Когда кругом разбрызган красок яд,
И масло растекается льняное
И в извести шипит незримый гад,
Я чувствую, как некое иное
Ведет за мной свой неотступный взгляд,
Изъемлет суть и по горячим крышам
Влечёт меня бессмысленным фетишем.

11

Спасенья нет... Пусть едет генерал
К магнолиям блистательной Ривьеры,
Покуда сам на крыши не попал...
А может быть, что невские химеры
И впрямь его швырнули на вокзал,
В виду имея собственные меры
И собственный, неясный нам расчет,
В котором наша явственность течет...

12

Жара, жара! Из припанельной тумбы
Фонтаном бьет хрустальный невский ток.
И лужи вкруг, как голубые клумбы,
Качают злой полуденный цветок,
И сонно бродят русские колумбы
И океаны режут поперек,
И разбивают корабли о берег
Своих воображаемых Америк...

13

Но где герой? Где повесть? Где сюжет?
Где адюльтер, всегда любезный свету,
И нежности взыскательный предмет?
Ужель затем довериться поэту,
Чтоб с ним бродить тропами давних лет
И, взяв обычай старый на примету,

Над ним вздыхать, и слезы проливать,
И безнадежно к прошлому взывать?

14

Мой милый друг, мне изменивший Некто,
Овеянный дыханием Невы,
Приди ко мне! Скудеет наша секта
И что ни день, то меньше нас, увы,
Причастных тайнам Невского проспекта
И помыслам Исакьевской главы...
Приди ко мне, певец своей любезной,
Последний раз проститься перед бездной!..

15

Приди, приди! «Весь Петербург» возьмем,
Раскроем план и вот, шагая гулко,
С закатом солнца тронемся вдвоем,
Из Эртелева выйдем переулка,
На улицу Жуковского свернем
И — далее... Обычная прогулка,
Когда-то нам привычная с тобой, —
Ах, где же он — мой Невский голубой?..

16

Зоил на нас уже глядит сердито.
Скрипит перо язвительно в руке.
В искусстве он терпеть не может быта
И, в сказочке о старом рыбаке
И рыбке золотой, изъяв корыто,
Прославит он идею налегке,
Вспарившую к высотам отвлеченным
Над утварью и миром отягченным...

17

Но я люблю предметный обиход
И в мастерстве раскрытье человека,
Люблю вещей торжественный поход
Из тьмы времен, — будь это ваза грека,
Иль римский меч, иль тесаный урод, —
Тень Истины из каменного века.
Я быт люблю, поколь его края
Содвинулись с краями бытия.

18

О молодость! О взор ее небрежный,
Уверенность, что все твое с тобой
Останется навек для жизни смежной!
Канал, торцы и Невский голубой,
И бронзовых владык слуга прилежный —
Столетний дед, и пароход с трубой
Заломленной, и Клодтовские кони,
И Петергоф, и тихий царь на троне...

19

Что извлеку из памяти моей?
Что обрету в хранительных пещерах?
Сенную площадь? Стаи голубей?
Разгульный торг в славянских наших мерах?
А может — храм, средь пушек и цепей
Презрительно забывший о химерах,
Проникших внутрь, и предалтарный дым
Колеблющих дыханием своим?

20

Но вот, узрев двадцатую октаву,
Читатель вновь пытает про сюжет
Сей повести и требует по праву
Занятности, которой нет и нет...
А мы на быт, как только на оправу,
Глядеть с тобой привыкли с давних лет.
Где ж анекдот, хотя бы уголовный,
Чтоб оживить искусства план условный?

21—22

Сюжет, сюжет! Хоть самый бы банальный,
А то мечты ласкательные для,
Наш интерес к поэме сей печальной
Мы вообще снижаем до нуля.
Но трудно, трудно сферы натуральной
Преодолеть магнитные поля,
И в область умозрительных строений
Переместить источник вдохновений!

23

Жара, жара! И всюду льется квас
И пиво бьет струею белопенной,

И всех милей мороженщик сейчас, —
Единственный живой и несомненный!
Цветистый снег, — отраду жадных глаз, —
Сей благодетель пламенной вселенной
Шарами выбивает из картон
И дале движет углый фаэтон.

24

От выпивок и от жары зверея,
По кабакам орланит черный люд.
Кричат потомки славного Гирея
«Халат-халат!»... А маляры поют,
Под крышами качаются на рее,
Как будто гнезда с ласточками вьют...
Не ты ль, Миколка, там, над миром тленным,
Об Ангеле поешь, Запечатлённом?

25

О тишине спасательных трущоб,
О старой вере, во грехе прелестной
Твердыне каменной, — и крестишь лоб
Своим запретным знаменьем двуперстным,
И вот уже принять готов поклеп,
Чтоб пострадать, и сердцем доброчестным
Российскому Мыслителю в ответ
Метнуть в глаза неизреченный свет...

26

Но обойдусь пока одним намеком
На главное... Мы снова канем в быт,
Чтоб близкое выискивать в далеком...
Пусть критика нам снова согрубит,
Посколь в ее внимании высоком
Для всех для нас достаточно обид,
Когда она минутным судит взглядом,
Что было нам блаженством или адом...

27

Так повелось, и кто тому виной?
У нас прогулка с вами на примете...
Калашниковский крючник предо мной,
Он в огненном, распахнутом жилете,
Присвоенном сей касте лишь одной
И никому другому в целом свете.

И пуговиц орленых два ряда,
И рыжая, мучная борода!

28

По Старому по Невскому, от Лавры,
Обозы их гремят уже чем свет.
Тамбуры в них, и бубны, и литавры,
Слились в одно, и битюгам вослед,
Идут они, — российские кентавры, —
И с лошадьми различия в них нет.
И тяжек храп их в грохоте великом,
И тайный гнев косит во взоре диком.

29

Ты шестьдесят октав мне поручил,
Мой милый друг! И вот уж двадцать восемь
Их у меня по счету получил...
Нам — ничего! Стихи мы переносим.
И ты стихов немало настрочил, —
По-свойски мы друг другу их подносим.
Нам — ничего! А ведь читатель ждет,
Когда же повесть двинется вперед?

30

Готовимся к чему-то — и напрасно...
Все тянется ненужный разговор...
А если бы поэма своевластно
Сама вела свой собственный узор,
Вздыхала бы иль улыбалась ясно
И тайный с кем-то не вела бы спор, —
Тогда бы я, послушный только чувству,
Приблизился к блаженному искусству.

31

Но мысль должна поток свободных слов
Принять в бразды державного запрета,
Перехватить плотиной точных строф
И дать им то движенье или это
В стеснении начертанных брегов,
А сердца стук оставить без ответа:
Мы в климате находимся ином,
Где сердце заменяет метроном.

32

А потому мы рифмам нашей власти
Не отдадим. — Эмоции долой!
Подавим их. Свободные от страсти
Пойдем вперед и циркульной иглой
Все разочтем, все соразмерим части;
И нашу грусть, и наш восторг былой
Мы на второй стопе, с улыбкой хмурой,
Попритесним классической цезурой.

33

Жара, жара! Сбирается гроза.
Стоят в пыли удушливые скверы.
Со всех сторон ведут за мной глаза
С горячих крыш повисшия химеры,
А по церквам тускнеют образа,
Священники молебствуют без веры,
И небеса постылой синевой
Качаются над мутною Невой.

34

Ах, у меня ль темно на сердце стало,
И сквозь него придвинутая даль
В нечаянном унынии предстала?
Или в годах сокрытая печаль
Уже давно перо мое питала,
И вот, «ничуть мне прошлого не жаль»,
А лишь влеком к звучаниям согласным,
О ни о чем поешь, как о прекрасном.

35

Но, кажется, я оступился вновь —
И выдаю себя невольным вздохом.
Ужели так сильна моя любовь
К поросшему крапивою и мохом?
А где ж она, — нахмуренная бровь,
Спокойное скольженье по эпохам
Ушедших лет? Но следующий раз
Мы с чувствами не выйдем напоказ.

36

Пусть мастерство своей одеждой хладной
Сердечную прикроет наготу... Гроза близка.

Струится мрак отрадный,
Лазурную наполнив пустоту.
Разбился гром и конницей парадной
Промчался вдаль, сверкая на лету.
И молоды, и веселы, и грубы
Звучат ей вслед бодрительные трубы.

37

Гроза гремит... Прекрасный случай дан
Самой судьбой — расстаться с интересом
Приземистым... Он отягчает план
Абстрактный наш своим тяжелым весом.
Гроза нам впрок, и даже ураган!
Мы бой дадим химерам или бесам,
Которые так мучили меня
В смертельном зное питерского дня.

38

Скорей, скорей! Хоть кое-как построим
Бессвязный наш и путаный рассказ,
И все-таки снабдим его «героем»!
Не я ли сам герой на этот раз,
Растерянно бредущий перед строем
Презрительных, с ума сводящих глаз —
Не я ли сам трех карт метатель мрачный,
Своей фортуны рыцарь неудачный?

39

А Лиза перед зеркалом сидит
Трехстворчатым, и в нем благополучье
Своей красы внимательно следит.
Но мало ей трехкратного созвучья,
И зеркало четвертое блестит
В ее руке... Не здесь ли этот ключ я
Сейчас узрел, к стопам ее припав, —
Ключ золотой медлительных октав?

40

«Созвучья — ключ я»! Где-нибудь в сторонке
Пусть эта рифма скромно полежит
Для нежной барабанной перепонки
Того, кто очень рифмой дорожит.
И к ней бежать готов наперегонки, —
Уж пусть она ему принадлежит,

А нас от рифм таких — избави Боже, —
Нам надо быть суровее и строже.

41

Опять оглядка!.. Если ты — поэт,
Читатель мой, ты видишь, без сомненья,
Какой они большой наносят вред
Поэме нашей — эти отступленья.
Прими же мой приятельский совет
И не мути источник вдохновенья,
В него бросая камни и песок:
Такой поэт в полете не высок.

42

Тебя же я в поэты не включаю.
Бежит оглобель ветреный Пегас.
Лишь изредка Хариту я встречаю,
Бессмыслию ее прекрасных глаз
Улыбкою все реже отвечаю
И с ней вдвоем совсем не видно нас —
Ни хрупких чувств, ни буйной страсти ярость
Не признает задумчивая старость.

43

Нет, для меня поэма не река,
Текущая в долинах и дубравах.
В испанском сапоге еретика
Вольней ноге, чем в заданных октавах
Разумному стиху, и не легка
Судьба строки в стеснительных уставах
Поэтики, когда то здесь, то там
Шлагбаум на пути поставят нам.

44

О, бытовик с лирическим уклоном!
Сколь счастлив ты, в невинной простоте
Свой пышный стол придвинувший к иконам
И на одной поставивший черте
Окорока с пасхальным перезвоном,
В молебствии домашней красоте.
Сколь счастлив — «Ш» в своем пределе малом
С подкованной блохой под одеялом!

45

Счастлив и ты, за выслугою лет,
Наш милый «З», попавший в канарейки
Из воробьев... Тебе заботы нет:
Чирикай, знай, на тростниковой рейке.
Ты получил в признательный ответ
Своих медалей скромныя копейки,
Носите ж их спокойно, ваше-ство, —
Приятной середины торжество.

46

Удачники! Припомнил вас не кстати ль,
Блудящий в трех обветренных соснах...
Завидую! Вот «Р» — гробокопатель —
Недобрый гном... Вздымая книжный прах,
Он, нежити и нечисти приятель,
Всем словарям работает на страх.
Лукав, но ясен в каждом извороте
Глядящий в «даль», уютно сидя в «гроте».

47

А я? А мы? Куда деваться мне,
Достигшему ступени сорок пятой
Восшествия в бреду и полусне?
Не лучше ли податься на попятный,
Спуститься в жизнь, цветущую вовне,
А не лепить заплату за заплатой
На бледный стих... Не спорить, не учить
И рифмами печаль свою лечить?..

48

Что ж делать мне с растерзанной поэмой,
С самим собой, с читателем моим, —
С какою-то обещанною темой,
С презрением к восторгам молодым?
Искусству ли корпеть над теоремой,
И сердцу ль быть философом седым?
И есть ли что в художестве печальней,
Как на Парнас взбираться с готовальней?

49

Жара, жара! Гроза не принесла
Душе моей желанного покоя,

И от химер ползучих не спасла
Сей повести печального героя,
А только башня тяжко возросла
Моих октав и, на вершине стоя
Строения, я вижу с высоты
Беспомощную гибель красоты.

50

Завидуй, мудрость, юному глупцу,
Так торжествуй, беспечность молодая,
Который сам, не чая, не гадая,
Слагает песнь подобную венцу —
Весеннему, цезур не соблюдая...
А мы пришли к печальному концу,
Чтобы стенать в последнее мгновенье
На кладбище страстей и вдохновенья.

51

Моих октав кончается запас.
Их шестьдесят поручено мне было.
Измерил я и взвешивал не раз
Все то, что память кротко сохранила,
Прикидывал и метр, и ватерпас,
Как будто сердце вовсе не любило.
И вот опять, опять невольный вздох:
Поэта нет, но и строитель плох.

52

А совесть бдит... А слезы покаянья
Преткну ли я, когда в туманный зной
Угрюмые слежу воспоминанья...
Графиня — ты! И только ты виной
Погибшего любви моей свиданья!
Не два ли входа были предо мной
Для выбора свободного раскрыты, —
Я выбрал склеп могильной Афродиты.

53

Жара, жара! Кругом горят леса
И душит гарь на перекрестках шумных,
И по ночам скрывают небеса
Невинный блеск своих очей бездумных,
И снова спор заводят голоса
Сердечных сил и демонов разумных.

О, бедный Герман, Герман — Родион,
Поверивший в спондеи и пэон!

54

Блажен поэт, не знающий сомненья,
Блажен игрок, рискующий в бою
Отдать врагу последнее именье.
Блажен герой, — игрок на жизнь свою.
И сколь же тот достоин сожаленья,
Кто волхвовал у бездны на краю,
Продав отраду девственных объятий
За формулу магических заклятий...

55

Забуду ли, сжигаемый стыдом,
Запрятанным в октаве равномерной,
Свой гордый план, и на Литейном дом,
И скрытое под формой инженерной
Живое сердце, скованное льдом,
И встречу зорь за Гаванью Галерной,
И гробный смех графини, и топор,
И ростовщицы празднующий взор!..

56

О, Петербург, химерных маскарадов
Волшебный город! Помню, как сейчас:
Всеправедный и пьяный Мармеладов
Вел в кабаке пронзительный рассказ,
А я внимал и, — заклинатель кладов, —
Я погибал... Но ты, в последний час,
О, Соня — Лиза — кротостью покорной
Вдруг расцвела в моей пустыне черной!

57

Вдруг расцвела и ангельским крылом
Смертельную мою согрела стужу,
И вольные мечтанья о былом
Свободной песней вырвались наружу,
Не ранены скептическим пером.
И вот, неподобающие мужу,
Я слезы лью на преклоненье лет,
Тобою восстановленный поэт...

58

О, Господи! Поэт? Какое слово!
За мной герой и благостный святой —
Не Серафим ли светлого Сарова?
И я всего лишь малой запятой,
Лишь запятой от мира неземного
Я отделен... И вот уж под пятой
Змеится грех, и утвержденный в Слове
Я снова зряч, чтоб мир увидеть внове.

59

И для меня пришла моя пора,
И надо мной крылом взмахнул Хранитель,
И рухнула железная гора,
И свергнутый рассыпался «Мыслитель»!
Восстань и ты — великий град Петра —
Души моей далекая обитель, —
И невскою живительной струей
Сердечное бесчестие обмой!..

60

Восстань, восстань — и с Ладоги соседней
Пусти ветра на перси площадей,
В колокола ударь перед обедней,
Взвей паруса возлюбленных ладей!
А от меня прими мой дар последний
И «Невскою Симфонией» — владей,
Чтоб ты и я навек связали узы
Любовные под лавром общей Музы.

1948
Париж

158. ВЕЛИКИЙ РОМАН

...Роман извести и олифы...
Иннокентий Анненский о
«Преступлении и наказании» Достоевского

...Читайте «Пиковую даму»
Достоевский

Известь кипела, олифа текла,
Питер в томлении жарком.
Невская даль на свободу влекла
К царским задумчивым паркам.

Лег Родион, погасивши свечу,
И состоялось свиданье:
Разум промолвил: я счастья хочу...
Сердце: приемлю страданье...

Белая ночь изнывала в жаре,
В муке бессонниц и бдений...
Герман лежал и лежал на одре
Черных своих сновидений...

Явное в тайное, тайное — в явь —
Грозная шла литургия...
Соня шептала: покайся, прославь
Подвигом силы благие...

Встал Родион, не дослушавши спор
Спорящих, может, поныне...
Дом на Литейном... И, пряча топор,
Он проникает к графине...

Соня все ждет, а любовника нет...
Он «Гробовой Афродиты»
Ночью сегодня узнает секрет
И банкометы — побиты...

Взмах топора и в кровавую грязь
Снова удары, но странно,
Не умирает, злобно смясь,
Смотрит Алена Иванна...

Правда ли, бред, ужасный ли сон?
Ночь на исходе... Карнизы
Солцем зарделись... Рыдал Родион
В нежных объятиях Лизы...

159

Можно забыть о многом
В годы потерь и смятенья,
Но забыть ли данное Богом
Собственное свое цветенье?
Вьюги могли мести,
Обгоняя друг друга,
Нам не мешала цвести
Близость полярного круга.
Ноябрь приходил с морозом
И однажды стихали ветра:
На зависть всем белым розам
Распускался город Петра.

Не было города краше,
Не было никогда и нет.
В невской хрустальной чаше
Благоухал северный цвет.
В алые финские зори
Упиралась невская даль,
В льдах уснувшее море
Таило свою печаль.
Ах, теперь бы отведать грусти
Родных берегов,
Услышать в морозном хрусте
Приближение глухих шагов.
Чтобы в сумрак, густой и синий,
Старые повторить пути,
Вдоль василеостровских линий
Навстречу снегу идти.
Побрякивая влажным ранцем,
В табачной, полной зною,
Склониться над покрытой глянцем
Картиною вырезною,
На которой та же зима,
Ель в мишурных волокнах
И сказочные дома
С огоньками в морозных окнах.
Казалось, что счастье там,
В этом окошке таинственном,
А счастье шло по пятам
В городе моем единственном.
Шло за мальчишкой вслед,
Снегом порошило за ворот...
Ничего не осталось от милых лет,
Прощай, мой сладостный город!

160. ВСТРЕЧА

Настала славная пора,
Темнеют ели на базарах,
И у Гостиного двора
Их целый лес на тротуарах,
Во сне подрублены они
И, гибели своей не зная,
Все в той же сонной глубине
Душа их теплится лесная.
В багрово-матовом луче —
Предупрежденье и угроза —
На желтой думской каланче
Струится флаг, как знак мороза.
Мужик горячий ситный ест,
И тут же елку, чтоб стояла,

Вбивает в деревянный крест,
Ворочаясь в тулупе вяло.
Горит костер, до мостовой
Растаял лед, народ толпится:
В наушниках городовой;
С кнутом за поясом возница;
Мальчишка — лавочник с Сенной,
В корзинке гусь, мешки, кулечки,
Копченый окорок свиной,
А мальчуган замерз до точки.
Сенатский писарь — тут как тут!
Нос подморожен у бедняжки.
Он говорун, но хмурый люд
Кокард не любит на фуражке.
У Вольфа виснет детвора;
Не магазин, а терем царский...
Хлопушки, бусы, мишура,
Дождь золотой и книжки Чарской.
Мать с сыном вышла. Сквозь вуаль
На ней лучи любви и света...
Сынишка — Господи! — не я ль?
И мать моя, не ты ли это?
Какая встреча на пути,
В морозном петербургском хрусте!..
Куда ж мне, третьему, уйти
От захватившей сердце грусти?

161. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. А. Плещееву

В те дни под громы многолетий
И колокольный перезвон
Император
                    Александр
                                        Третий
Оберегал российский трон.
Над Гатчиной дымилась в славе
Одна заря, другой вослед,
И уж не думал о потраве
Пренебрежительный сосед.
Струилась рожь волной медовой,
Чтоб обрести благую часть:
В Санкт-Петербурге, на Садовой,
В подвалы золотом упасть.
Скрипели петли на воротах,
Мужицкой сметкою ведом,
Царь барыши считал на счетах
И пересчитывал потом.

В угрозу хищнику и вору
Дом возвышался на холму,
И был он в радость и в опору
И в гордость роду моему.
Я помню жар печных заслонок,
Стекло оконное во льде —
Россия грелась, как ребенок,
В горячей царской бороде.
Отцы счастливые и деды, —
Чья родина, как снежный прах,
Студенческие ваши пледы
Взвивались бодро на ветрах!
Вы шли великолепным Невским,
Вступая в юношеский спор,
С Некрасовым и Достоевским
При встрече скрещивали взор.
Блистает иней в хладном свете,
Вот дробный топот конских ног,
То не Кшесинская ль в карете
К Чекетти едет на урок?
Отцы счастливые и деды,
Чья седина — как снежный прах, —
Какие тягостные беды
Подстерегали вас в ветрах!

162. ФЕВРАЛЬ СЕМНАДЦАТОГО

В этом метельном феврале,
С каждым гаданием новым
Выходили слезы о короле,
Прекрасном, молодом, бубновом.
И уже никто не мог
Перечесть королей домашних,
Закопанных у дорог
На изрытых боями пашнях.
И опять черная масть —
Злое воронье и галки —
Продолжали червы и бубны красть
У бедной русской гадалки.
Мерли голуби на Сенной,
У рядов унылых и праздных,
Даже шелухи овсяной
Не осталось от щедрот лабазных.
У немилосердных дверей,
В очереди у пекарен,
Слушая ругань пекарей,
Первый появился барин.
Рос по хвостам гул,
Бабий, рабий и темный,

И ветер февральский дул
И мотался в тоске бездомной.
Поднимал вопли и плач,
Путал в метели крылья
И раскачивал золотой калач —
Памятник изобилья.
Заметал роковой след
От Юсупова к Малой Невке,
Но уже белого с синим нет,
Только красное цветет на древке.
Старухи из храма в храм
Ходили, чуткие к катастрофе:
У них уже не было по утрам
Ни кофе, ни сливок в кофе.
Во дворцах анфилады зал
Зябли в суровой стуже,
А ветер февральский лизал
Стены — жалея вчуже.
Уже швейцар с булавой
Не красовался в шитье парадном
И на перекрестке городовой
Догадывался о неладном.

ТАТЬЯНА ГРЕВС

163. ПЕТРОГРАД

Как города легенд, погибшие в волнах
И скрытые в глуби бушующего моря,
Так город мой родной на северных снегах
Потерян и далек мне в эти годы горя.

Я поняла давно, что мне не увидать
Его в былой красе и несравненном блеске,
И с каждым новым днем он должен умирать
При волнах мятежа, в восстаний мутном всплеске.

Ты умер, Петроград... И то, чем Ты нам был,
Не смогут нам вернуть ни смены поколений,
Ни подвигов святых неугасимый пыл,
Ни трепетный порыв томительных молений.

И на воды Невы, на крыши мощных зданий
Забвенья ляжет пыль тяжелым серым слоем —
Но позолотой грез и радужных сказаний
Мы труп твой, Петроград, с рыданием покроем.

И будешь ты для нас таинственной Венетой,
Воскреснет древний миф о подвигах Атлантов,
И будет нам звучать в красивой сказке этой
Старинный, нежный бой замолкнувших курантов.

О города легенд, хранит вас мрак суровый
На дне морских пучин, где смолкла непогода,
Вплетите в ваш венец — могучий призрак новый,
Погибший среди бурь восставшего народа.

164. ПЕТЕРБУРГ

Вершина Эйфелевой башни
Уходит смело в облака,
В грядущий день, как в день вчерашний,
Не замолчит моя тоска...

И в этом городе красивом
Средь легких призрачных тонов,
Где слишком просто быть счастливым,
Где быль чарует ярче снов,

Я сохраню тоску печали
По строгим улицам прямым,
По небу с мутным блеском стали,
По стенам гордым и седым.

Горит закат на дальней Стрелке,
Чернеет сумрачный гранит,
И, как алмаз в его отделке,
Волна сверкает и горит...

Молчит чугунная ограда,
Фонтанка, замок, мост, вода...
Столпились в ней деревья сада
И помнят прежние года.

Нет, мне не вырваться из плена —
Гляжу я в неба синеву,
Гляжу, струится тихо Сена,
И помню мощную Неву.

В грядущий день, как в день вчерашний,
Не замолчит моя печаль,
Вершина Эйфелевой башни
Уходит в облачную даль.

АНАТОЛИЙ ДАРОВ

165. СНЕЖИНКИ

Zouky Worthington

Здесь небеса синее синьки
И по утрам туман, как дым...
...А где-то кружатся снежинки
Над хмурым городом моим.

Он с куполами опрокинут
В Неву и в вечность, спит — не спит.
Над ним луна пловучей миной
Несет небесный динамит.

Балтийский ветер, пронеси же,
Не урони над ним беду.
Быть может, больше не увижу,
И не приеду, не приду.

Но вечно пусть, как боль утраты
Вздымает сумасшедший конь:
К далеким берегам куда-то
Величественный император
Все тянет руку — не ладонь.

И пусть к ногам Екатерины
У цоколя, как за столом,
Сойдясь, России исполины
Петрову граду бьют челом.

Я вижу сквозь туман изгнанья
Твои суровые черты,
И нет на свете расстоянья,
С каким не справился бы ты.

Порою же, совсем отчаясь,
Тоскливой зоркостью очей
Слежу полет и белых чаек,
И белых над тобой ночей...

Вот у гранитного причала,
Как собачонка у крыльца,
Дежурный катер без начала —
Туда-сюда — и без конца,

Как будто он на побегушках
У горделивых крейсеров:
Тому подаст игрушку-пушку,
Тому лишь скажет: — Будь здоров!

А из большого каботажа
Пришедший белый пароход
Ему, наверное, расскажет
О том, как белый свет живет.

И призадумается катер,
И покачает он трубой:
Нет, на его дырявой карте
Не обозначен мир другой...

Но, шустрый катер, если б знал ты, —
Как он заманчив, этот мир.
Не я ль прошел его от Балты
До берегов Гвадалквивир.

Проходит в жизни все бесследной —
Года и страны — чередой,
И я хотел бы напоследок
Полюбоваться хоть тобой,
О, серый катер, хвост трубой!

Жила любовь на Петроградской
Многострадальной Стороне,
Но мы расстались без оглядки,
Как подобает на войне.

Пал на колени дом на Мойке,
Испепелился отчий кров.
Кто нам заплатит неустойку
«За жизнь, и радость, и любовь?»

За голод, холод, ночь блокады,
Ее Полярный сжатый круг.
За смерть от пули — как награду,
Как избавление от мук.

Давно судьба меня сорвала,
Как собачонку, от крыльца,

И вот я, странник, без начала —
Туда-сюда — и без конца.

И пусть уже ничто не может
Переменить моей судьбы,
Лишь об одном молю я: — Боже,
На побегушках бы не быть...

Здесь небеса синее синьки
И по утрам туман, как дым.
А я завидую снежинке
Над гордым городом моим.

1949
Ницца

166

Течет задумчиво и вольно.
Все унести и все забыть,
И держит грудью своевольной
Мостов железные горбы.

Весь город над собою держит,
Но, тяжело дыша, порой,
На крепостной злаченый стержень
Грозит заморскою волной.

Граниты набережных глухо
Гудят под натиском воды,
И чайки мечутся в испуге,
Но сфинксы — слепы и горды.

Стоят в молчании суровом.
Для них ничто не будет новым.
Ты их египетскую тишь
Ничем, Нева, не возмутишь.

НИКОЛАЙ ДЕШЕВОЙ

167. НА НЕВЕ

Весенние грезы

Померкли утренние звезды;
Не видно месяца лица.
Прошли последние разъезды
Чрез площадь Зимнего Дворца.

Еще погаснуть не успели
Ряды мигающих рожков,
По мостовым уж прогремели
Порожняки ломовиков.

По улицам пустым, безлюдным
Мелькнет неряшливо шинель;
Ночник плетется шагом нудным
Вдоль неочищенных панель.

Вот побелело на востоке:
Зазолотились кручи туч,
Разлились пурпура потоки,
Во мгле ударил алый луч.

Борьбы стихий о̀дно мгновенье:
Свинец, как сизый дым кадила,
Распущен в мутные теченья
В огне всходящего светила.

Вмиг все подножье небосклона
Блеснуло медью новых лат,
И, из-за яркого заслона,
Встает туманный Петроград.

Сверкнули купола соборов.
Зажглись надглавные кресты.
Причудливых теней узоров
Канва окутала мосты.

По полыньям реки средины,
В заторе ладо̀жского льда,
Пенясь и плескаясь о льдины,
Несется невская вода.

Освободившись от помехи,
При своем выходе в залив,

Вода, как ратник, сняв доспехи,
Стремится силам дать отлив.

Но ветерок, сперва чуть слышный,
Переходящий в свежий шквал,
Вздувает гребни волн тех пышно
И гонит вспять могучий вал.

Бурлит вода, клокочет пена, —
Мосты еще разведены —
В ладью гребцов садится смена;
Их ветер треплет седины.

Несется ялик одиноко
В пучине бьющегося льда;
Прохожий люд, прижмурив око,
Им вслед глазеет, как всегда!

Где те знакомые картины,
Когда все ждали у дворца —
Принять тяжелые кувшины
С другого берега гонца?

ВЛАДИМИР ДИТЕРИХС ФОН ДИТРИХШТЕЙН

168. ПЕТЕРБУРГ

Петербургские белые ночи
В полупризрачной мгле ворожат.
Здесь и время ночное короче:
Пред зарей догорает закат.

Петропавловской крепости стены
Над широкой державной рекой.
Часовых чередуются смены.
Усыпальницы Царской покой.

Площадей и проспектов громады.
У Невы величавой дворцы,
И на Марсовом поле парады.
Их участники наши отцы.

Как живые восстали виденья.
Государь объезжает кадет.
Мы в строю. Незабвенны мгновенья!
Мне не больше тринадцати лет.

Вот проходят полки за полками.
Горделивая слава имен.
Лишь победы лихими боями
Осеняли величье знамен.

Кавалерия, сомкнутым строем,
Подымаясь в галоп по трубе,
Пролетает блистательным роем,
Словно весть об атаке — судьбе!

Петербург навсегда невозвратный.
Император на грозном коне
Возникает средь мглы необъятной
Над Россией в крови и в огне.

13.2.1938
Лилль

169. БЕЛЫЙ ЖРЕБИЙ

Мерцает Мраморное море.
Чуть слышен плеск в ночной тиши.
О, путь в серебряном узоре,
Сомненье злое разреши!

Разочарованность сурова,
Но дух борьбы неумолим.
Призывное пылает слово
Над белым жребием моим.

Свобода снится верным белым
И в белокаменной Москве,
И всем, кто вновь поверит смелым,
В Имперском граде на Неве.

Сей ночью мглистой Всадник Медный
Летит над гладью черных вод,
И гневен Петр, стезей победной
Воззвавший к славе свой народ!

Июнь 1921
Антигона

МАРИЯ ДОРОЖИНСКАЯ

170. САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ

О вечный, о милый наш, нами забытый,
Под небом ненужным чужой страны,
Как часто мне снятся твои граниты
И белые жути твоей весны.

Когда так загадочно бледное небо,
К неведомым царствам ведут пути,
А сердце смятенное ищет все, где бы
Последнее счастье свое найти...

И выдумка с явью миражи сплетают,
Таинственным холодом дышит Нева,
И мнится, как призрак, мгновенно растают
Твои мосты и твои острова...

И снится мне часто в моей неволе
Мерцанье кратких, полуночных дней,
Под снегом широкое Марсово поле
И бег неслышный твоих саней...

Твои соборы, дворцы, ограды,
Тоска в осенний сырой туман,
Часовня печальная Летнего Сада...
Твоя загадка... и твой обман...

Увижу ль снова твои граниты?
Поверю ль снова в родные сны?
О вечный, о милый наш, нами забытый
Под скучным небом чужой страны!..

БЕНЕДИКТ ДУКЕЛЬСКИЙ

171. ПЕРЕД УТРОМ

А. Ф. Бухгольц

Виденьям тишины бег всадника грозит.
Торжественная ночь с неведомым уделом...
И в ней — величие вдруг пред порывом смелым,
Где быстро медь звучит в тумане о гранит.

Холодно курево вблизи прибрежных плит.
Нева — два парных льва. К реке плывет тень телом.
Редеет сумрачность опять с теченьем белым.
И лишь металл курант над водами звенит.

Спокойно гордое видение-клеврет.
Здесь бронзовый галоп и сонмы Калевалы
Таят ночь бледная и траурный рассвет.

Чрез пеплы видные еще минувших лет
Палладой северной заря меж туч предстала.
Бессонны лебеди, где тьмы к закату нет.

172. НА СЕВЕРЕ

Полуночь северная, жуткая без сна...
Роняет отблески светящаяся Дева.
В прозрачности всегда отзвучны рун напевы.
Луне смеющейся грусть вечера верна.

О, вы, в созвездиях извечных имена,
Когда совсем нет вьюг раскатнобурных гнева!
И мощно Всаднику на побережьи левом
Вслед за волной опять вдруг не грозит волна.

Твой, Петербург, покой на северных снегах
Сбывается, настав смущающий в величьи.
И сменит властно ночь бесстрастием лишь страх.

И пафос волн застыл, как искрометный прах.
И тот же, боевой когда-то, слышу клич я,
Где век минул на Петропавловских часах.

ВЛАДИМИР ДУКЕЛЬСКИЙ

173. ПОСЛАНИЕ К С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Дорогое Оглавленье*,
Сергий Львович Бертенсон!
Рано утром, в воскресенье,
Мне о вас приснился сон.
Вы, я знаю, щепетильны,
Целомудренны, скромны —
Мой усталый собутыльник:
Отчего такие сны?
Настоящее — несладко,
Много ль в будущем для нас?
Принимайте dédicace:
Сон мой — в прошлое оглядка,
Сон мой — Питерский Парнас.
Я люблю театр Морфея —
Кресел нет — ложись в кровать;
Без афиши — лицедеев,
Дебютантов, корифеев
Невозможно распознать.
Неизвестен сочинитель,
Нет антрактов, суеты,
Нет хлопков — единый зритель
В сонной зале — только ты.
Театральное болото
Здесь неведомо совсем —
Нет ни снобов-пустоплетов,
Ни мехов, ни диадем,
Ни суфлеров, ни галерки;
Нет приветственных речей,
Нет Булгариных, Гречей —
Всех зоилов — на задворки!
В Петербурге иль Нью-Йорке,
Все традиции губя,
Сны — театры для себя.

. . . .

Занавес. Годов тридцатых
Александров Петроград —
У вельмож балы в палатах,
А на площади — парад.
Город Бога, город черта —
Вот Исакий, вот снежок,
Вот гремучая ботфорта,
Полосатый вот чулок.
Тут и Томский, и Нарумов,

---

* Прозвище С. Л.

Смех гвардейцев и гетер —
Отчего ж молчит угрюмо
Бедный Герман, инженер?
Что ему до развлечений,
До презрительной молвы!
Я вгляделся — нет сомнений:
Юный Герман — это вы.
К этой мысли как привыкнуть?
Вы — актер, кумир, звезда
На подмостках? Свистнуть, крикнуть,
Это — в вечность поезда.
В снах нельзя промолвить слова —
Бессловесен сонный мир.
Прохрипел я: «Сергий Львович!
Почему на вас мундир?»
Не добиться, не добраться,
Что ж — поспим и поглядим —
Петербургских декораций
Непривычен тонкий дым.
И сквозь дым — кабриолеты
На гранитной мостовой,
И графининой кареты
Цок и стук в тиши ночной.
Позади — плащи и шубы,
В прошлом — хитрый Сен-Жермен,
Черноглазый, белозубый,
И объятий жаркий плен.
А теперь — как сердце глухо
Толстый тикает брегет;
Не понтирует старуха,
В гроб с собой возьмет секрет.
Будочник. В усищах — иней;
Освещен графинин дом.
Высадил лакей графиню
В желтом платье с серебром.
Вы — за ней, мой Герман бледный.
Дверь в переднюю, диван
И воспитанницы бедной
Незамеченный чулан.
Ни к чему, герой печальный,
Вам любовь на этот раз;
Вы — к старухе, прямо в спальню.
Точен Пушкинский рассказ.
Тут — кивот, пред ним лампада,
Тут столовые часы —
И до девичьей красы
Дела нет вам; надо, надо
Ждать графиню. . . . .
. . . . Чуть живая

Появилась и она.
Чу, шаги... о вас мечтая,
Лиза медлит у окна.
Нет, ушла. Злодей, готовьте
Чтенье Пушкинских рацей:
Ждет графиня в спальной кофте,
В уморительном чепце.
Роль вы знаете. Немного
Вам положено сказать:
«Не пугайтесь, ради Бога!
Не хочу вас волновать
Зрелищем необычайным;
Для кого храните тайну?
Три лишь карты мне назвать
Я прошу вас: ваши карты
Для меня не пропадут.
Я не мот — я чужд азарту,
Мой удел — священный труд.
Умоляю, не чудачьте —
Без досадливых помех,
Карты верные назначьте —
На себя возьму ваш грех».
. . . .
До сих пор — как по указке,
Все — от Пушкина. Но вдруг,
Вместо Пушкинской развязки...
(Помните? Немой испуг —
Гость московскую Венеру
Старой ведьмой обозвал —
В «Даме Пиковой» аферу
П. Чайковский описал).
Тут, во сне, другое дело —
Черепаховый лорнет
Навела графиня смело
На героя: «Спора нет,
Вы настойчивы ужасно,
Мой безвестный инженер!
Я сама жила опасно —
Это — жребий всех Венер.
Я стара. Мне честь порукой,
Что не стоит свеч игра —
Саша Пушкин, камер-юнкер,
Легким росчерком пера
Все распишет. (Слишком стар ты,
Чтоб подобный чин иметь.)
Отчего ж? Открою карты —
Сами будете жалеть.
Я готова поручиться:
Проиграетесь — tant pis —

И в Обуховской больнице
Дни закончите свои.
Вы достаточно красивы,
Хоть повеса из повес —
Кто вы — ангел или бес,
Посетитель шаловливый?
Вместо карты, злой и лживой,
Вот вам титлы... de Noblesse!»
Блеск лампады, жив и ярок,
Осветил ночной чепец —
А в руках у вас — подарок:
Не по Пушкину конец!
. . . .
Я проснулся, улыбнулся —
Все как было, так и есть —
Признаков не перечесть:
Солнца смех, биенье пульса,
Душ и чай в один присест.
Я над сонником нагнулся
(Трудно сон расшифровать) —
Но и сонник, к сожаленью,
Не дает мне разъясненья,
Смысл нельзя ли угадать?
Может быть, портрет — без сходства,
Но без правды — сон не сон:
Вы воюете с уродством —
Эти карты Благородства
Вам и в руки, Бертенсон.

Сентябрь 1961

ИВАН ЕЛАГИН

174

Там тень извозчика на козлах
В сугроб упала голубой
И вереницу звезд промозглых
Туман волочит за собой.

Там стонет каменное ложе
Воспетой Пушкиным реки,
И тот же мост, и небо то же
Висят, столетьям вопреки!

Там, к ночи подступя вплотную,
Былая жизнь глядит в упор:
Раскольников через Сенную
Проносит под полой топор!

Там, на Столярном, в доме Штосса,
В руках у мертвого — онёр,
И на партнера смотрит косо
Проигрывающий партнер...

Там, вдоль по Невскому со свистом
Мчать лихачам не надоест,
И делом заняты нечистым
Те двое, что вошли в подъезд!

Там эхо тысячами мокрых
И гулких набережных плит
Ночного будочника окрик
До самого рассвета длит.

175. ПАМЯТЬ

<Фрагменты>

<...> На экране вспыхнула Нева.
Шпиль Адмиралтейства. Острова.
Сфинксы. Набережная. Дворец.
К Ювачеву взял меня отец.
Несколько о Ювачеве слов.
Был народовольцем Ювачев.
За участье в покушеньи он
К виселице был приговорен.

Но в тюрьме, пока он казни ждет, —
У него в душе переворот,
Все он видит под иным углом.
И религиозный перелом
Наступает. Казнь заменена
Ссылкою ему. В те времена
С ссыльными общаться каждый мог;
Был он сослан во Владивосток.
Там у деда моего гостил,
Там отца он моего крестил.
А когда отбыл он ссылки срок —
Взял он страннический посошок
И поехал в Иерусалим,
И ходил по всем местам святым.
Позже о паломничестве том
Очерков издал он толстый том.

Ленинград. Тридцать четвертый год.
Ювачев поблизости живет
На Надеждинской, а мы с отцом
Возле церкви греческой живем.
Ювачеву от властей почет,
И ему правительство дает
Пенсию высокую весьма,
Но считает, что сошел с ума
На религиозной почве он.
Был он собирателем икон.
Был он молчалив, высок и сух,
Этак лет семидесяти двух.
Кропотливо трудится старик,
Медленно с иконы сводит лик
Он на кальку. И таких икон
Тысячи для будущих времен
Он готовит.
С ним в квартире жил
Взрослый сын — писатель Даниил
Хармс. У Дани прямо над столом
Список красовался тех, о ком
«С полным уваженьем говорят
В этом доме». Прочитав подряд
Имена, почувствовал я шок:
Боже, где же Александр Блок?!
В списке Гоголь был, и Грин, и Бах...
На меня напал почти что страх,
Я никак прийти в себя не мог, —
Для меня был Блок и царь и бог!
Даня быстро остудил мой пыл,
Он со мною беспощадным был.
«Блок — на оборотной стороне

Той медали, — объяснил он мне, —
На которой (он рубнул сплеча) —
Рыло Лебедева-Кумача!»
«Если так, как Блок, писать нельзя, —
Спрашивал весьма наивно я, —
То кого считать за идеал?»
Даня углубленно помолчал,
Но потом он в назиданье мне
Прочитал стихи о ветчине.

«Повар — три поваренка,
повар — три поваренка,
повар — три поваренка
выскочили во двор!
Свинья — три поросенка,
свинья — три поросенка,
свинья — три поросенка
срятались под забор!

Повар режет свинью,
поваренок — поросенка,
поваренок — поросенка,
поваренок — поросенка!
Почему?
Чтобы сделать ветчину!»

Слушал я его, открывши рот —
Догадался наконец! Так вот
Чем обэриуты устранят
Из души моей священный яд
Блоковских стихов! В душе моей
Всё же Блок окажется сильней.

В комнате у Дани справа — шкаф.
К шкафу подойдя, поклон отдав,
Произносят гости напоказ
Несколько привычных светских фраз:
«Как здоровье, тетушка?» «В четверг
Были на концерте?» «Фейерверк
Видели?» Род легкой болтовни.
Запрещалось всем в такие дни
Грубые употреблять слова.
Но гостей уведомят едва,
Что сегодня дома тетки нет, —
Снят бывал немедленно запрет
С нецензурных тем. Наоборот,
Разрешался сальный анекдот.
Что еще за идиотство! Тьфу!
Тетушка, живущая в шкафу?!

Что с того, что конура мала —
Тетушка придумана была,
Для существования ее
Шкаф — вполне просторное жилье!
Тетушка пришлась тут ко двору.
Тут любили всякую игру,
Тут был поэтический причал,
Тут поэтов многих я встречал,
А. Введенский был собой хорош,
Хармс — на англичанина похож.
Сколько артистических имен!
Как великолепен Шварц Антон!
Помню в исполнении его
«Невского проспекта» волшебство!

<...>

Вновь твои проспекты, Ленинград.
Обреченно фонари горят.
Кратковремен этот мой приезд.
Мне одно желанье душу ест.
Я привез стихотворений шесть
И мечтал Ахматовой прочесть.
В годы те была моей женой
Анстей. И ее стихи со мной.
Вот я и пошел. Фонтанный дом
Выглядел обшарпанным. Потом
Пересек я двор наискосок
И вошел в подъезд. На мой звонок
Мне открыла дверь она сама.
Объяснил я путано весьма
Мой приход. «Входите». Тут нужны
Точные детали: в полстены
Девушки портрет. Совсем мала
Комната. (Та девушка была
В белом.) А Ахматова стройна;
Кажется высокою она.

Я уже предчувствую беду.
«Высылают сына. Я иду
С передачею в тюрьму. Я вас
Не могу принять».
                                        У нас сейчас
«Реквием» об этих страшных днях.
«Реквием» тогда в ее глазах
Я увидел. Кто-нибудь найдет
Со стихами старыми блокнот.

Но вам в тяжелых заботах
Не до поэтов, увы!
Я понял уже в воротах,
Что девушка в белом — вы.

И подавляя муку,
Глядя в речной провал,
Был счастлив, что вашу руку
Дважды поцеловал.
<...>

ИРИНА ЕЛЕНЕВСКАЯ

176. ПЕТЕРБУРГ

О, Петербург, ты город грезы
Царя-гиганта средь царей,
Ты видишь блеск, ты видишь слезы
Любимой родины моей.

Всегда, всегда ты предо мною,
О, дивный город мой родной,
С твоей широкою Невою,
Дворцов прекрасною стеной.

Как часто я в мечтах гуляю
Под сению твоих садов,
Закаты солнца созерцаю
В морских волнах у Островов.

Несусь я зимнею порою
На резвых серых рысаках,
Любуясь крепостной иглою
В искристых солнечных лучах.

Я в зал Мариинский вступаю
С его блестящею толпой,
И звукам чудным там внимаю,
И улетаю с их волной.

Всегда ты царственно прекрасен,
Тебе идет любой наряд,
И силуэт твой, строг и ясен,
Пленяет восхищенный взгляд.

И в зимнем северном уборе,
Когда так синь твой небосклон,
В точеном мраморном узоре
Твоих решеток и колонн.

И яркой осенью нарядной,
Когда все в золоте сады,
И воды невские прохладно
Несут и барки, и плоты.

Но краше ты всего весною,
Весь в майском трепете ночей,
Когда сольется явь с мечтою
И странно гулок звук речей.

Рукою дерзкой, в диком рвеньи
Был сорван гордый твой наряд,
И ты застыл в недоуменьи
И устремил свой взор назад.

И ждешь, когда забьют куранты
В высокой башне над Невой
И духом сын царя-гиганта
Тебе вернет блеск прежний твой.

НИНА ЗАВАДСКАЯ

177. ОКТЯБРЬ

Казался запахом серы
Донесшийся запах гари.
Где-то был громкий стук в двери,
И сделан был первый арест.
В редкий туман рассвета
Солнца лучи, как венец.
Стройно прошли кадеты,
Чтоб отстоять дворец.
Была тверда их походка,
Дул ветер, мусор гоня.
И стало траурно четко
Число наступившего дня!
Светало мутно и быстро,
Глухо ударил приклад!
Слышен был первый выстрел
Из уличных баррикад.
В грязи каналов кофейной
Дома отражались вкось.
Прохожий, что шёл на Литейный,
Сказал, побледнев: «Началось!»
День был тяжелый и мутный.
Лужи подернул лед.
Где-то ежеминутно
Дробно трещал пулемет.
Приближался холодный вечер,
Слышен был чей-то стон,
Порывом подувший ветер
Пронес офицерский погон.
Туман стал белым и зыбким,
Чернели лишь баррикады.
Кадет, шедший утром с улыбкой,
Убит был матросским прикладом.
Он, шедший на правом фланге,
Знал твердо, кто были правы!
Стал, словно крылья ангела,
Туман, поднявшись с Невы...

Октябрь 1942

ВЯЧЕСЛАВ ЗАВАЛИШИН

178. ТРАУРНЫЙ МАРШ

Памяти Ф-ва

Он был пророк, но мир его не понял.
Безумцем признан знаменосец Бурь!
Презрения, как молнии, уронят
Горючий свет на жалкую судьбу.

Давно забыт искатель формы новой.
С презреньем всех он вел борьбу один.
Не видит мир, распять мечту готовый,
Отчаянья оплеванных картин.

Но вечен дуб, склонивший над оконцем
Зеленые колчаны желудей.
В первичной клетке тоже светит солнце,
Раскинувшее тихий блеск лучей.

Жизнь разложив на клетки осторожно,
Он создавал степей родных подир,
Чтоб распознать великое в ничтожном
И в чахлой травке видеть звездный мир.

Водила смерть его карандашами;
Он пил тоску поруганных икон...
В его альбомах правит мятежами
Грядущих войн безжалостный дракон.

Подходит скорбь к поломанной ограде.
Где стаи лип и посинелый пруд...
Его друзья в горящем Ленинграде
Досчатый гроб на кладбище несут.

Ряды крестов упали на колени.
Колокола отходную поют.
Высоких лип обугленные тени,
Как упыри, вдоль кладбища бредут.

Глухие звоны смешаны с укором
И, как снежинки, падая на гроб,
Рыдают над художником, который
На горечь мира смотрит в микроскоп.

Он захотел, чтоб кисть была крылатой!
Ведь мысль его народ тогда поймет,

Когда один осатанелый атом
На дымный воздух нашу жизнь взорвет.

И в этом есть ирония награды
За радость жизни и кошмары снов,
Что сумасшедший дворник Ленинграда
Постиг закон крушения миров.

1947

179. ПАМЯТИ БОРИСА ЛОВЕТА-ЛОРСКОГО

На льды Невы и ветренно и скользко:
Весь Петроград в сугробах и в крови.
Здесь бюст Садко ваял безвестный Лорский,
Не видя в революциях любви.

И здания от выстрелов дрожали,
С гранатой пробегала матросня,
И лезвием огромного кинжала
Шпиль Петропавловки казался среди дня.

Кто в студию студенческую входит,
Когда от гнева вся земля горит?
По гимнастеркам судят о народе...
Кто вы такой?.. Я Александр Грин.

Я рад вас видеть в этой бедной будке!
Какого зрителя Господь привел!
Скрутил писатель с горя самокрутку,
Бутылку водки водрузил на стол.

Студент печет картошины в буржуйке,
Писатель предан кружкам жестяным...
Так оживает серой тонкой струйкой
Былых воспоминаний легкий дым.

Стал популярен скульптор Ловет-Лорский,
Когда увидел дальние моря,
А на его студенческих набросках
Уж чувствовалась новая заря.

Сопротивляясь океанским бурям
И опасаясь ржавых якорей,
Он статуями заменил скульптуры
Со старых и разбитых кораблей.

Так давний встречный стал ему собратом,
Предтечей романтических затей,

Когда создал из корабельных статуй
Живых и привлекательных людей.

Нет, не забыта эта встреча с Грином,
Как не забыт и ранний бюст Садко,
И мрамор, и слова не опрокинут
Забвения злорадною рекой.

180. ПЕТЕРБУРГСКИЙ БРЕД

> Оставь меня: мне ложе стелет скука.
> К чему мне рай, которым грезят все?
> А если грязь и низость только мука
> По где-то там сияющей красе?
>
> *Иннокентий Анненский*

Одинокому всюду плохо,
Хоть фантасты порой правы:
Я не в баре в нью-йоркском Сохо,
А в пивнухе возле Невы.

Я не раз здесь бывал студентом,
Там была еще с воблой голь,
Настежь тюрьмы для декадентов
Распахнула адская боль.

Как попал сюда — сам не знаю,
Я по виду нью-йоркский бам.
Вижу: кружек белая стая
Тут грустит по грязным столам.

Александр Грин со мною рядом,
Стопка водки в его руках,
Алый парус готов к парадам
Сквозь метель и кровавый страх.

Выше, выше пивные кружки!
Вижу: Зимний дворец крылат.
Снял цилиндр Александр Пушкин,
Возникая из топи блат.

Подошел Аполлон Григорьев
С семиструнною на плече,
Не затопит русское горе
Карий пыл цыганских очей...

Я очухался, зябко лежа
На нью-йоркской сырой скамье.

Но поверьте: лучшего ложа
Для меня близ Гудзона нет.

Неудачники здесь не любы.
Я в потемках среди огней
Все ж увидел, старик беззубый,
Петербург в заповедном сне.

Скорпионы, Стрельцы и Рыбы!
Весь провидческий строй планет,
И за бред, и за сон спасибо.
В космогонии смерти нет.

Нью-Йорк

ЕВГЕНИЙ ЗЕЛЕНСКИЙ

181

Ю. Крузенштерн-Петерец

Еще Петром одетая в гранит,
Она, как прежде, строго величава,
И царская, роскошная оправа
Ее от бурь и времени хранит.

Как в зеркале серебряного сплава
Она спокойно в водах отразит
И неба предзакатный малахит,
И старины блистательную славу.

И символов неуяснимых полны
Державный плеск и бархатные волны,
Мосты и арки, крепость, острова...

Они, как встарь, о будущем пророчат,
И снится мне далекая Нева
В накидке белой петербургской ночи.

ВЛАДИМИР ЗЛОБИН

182

Любезным девам не на зло,
Не от распутства, иль бесстыдства —
Неодолимое влекло
Меня к старухам любопытство.
Влекло как бы на тайный зов,
И внял ему я не напрасно.
И вот, у Невских берегов,
Одна меня пленила властно.
Седым блистая париком,
Затянута, строга, упряма,
Когда она входила в дом,
Я думал — Пиковая Дама.
Бывало, часто до утра
Она беседу нашу длила.
О, пусть она была стара, —
Не только в молодости сила.
Но как-то раз, перед зарей,
Когда луна уже склонялась,
Она явилась мне такой,
Какой ни разу не являлась.
На боль невнятную, в ответ,
О том, что все земное тленно,
В ней загорелся тихий свет,
Преобразив ее мгновенно.
И был, как будто, прерван сон,
Развеян вдруг покров туманный,
И я склонился, ослеплен
Ее красою несказанной.
Но свет сбежал с ее лица,
И вновь оно окаменело.
И неподвижность мертвеца
Сковала трепетное тело.
О, если б бедный мой язык
Мог удержать на миг виденье,
Я на единый этот миг
Все променял бы наслажденья.
Не удивляйтесь потому,
Влюбленно-радостные девы,
Ни безучастью моему,
Ни что тихи мои напевы.

НИКОЛАЙ ЗУБОВ

183. 19 ОКТЯБРЯ 1920

Моей дорогой Alma Mater
Императорскому Александровскому Лицею

Сто девять лет уже промчалось
С благословеннейшего дня,
Когда впервые основалась
Лицея дружная семья!
Сто девять лет Лицей мы чтили,
Его традиции хранили
И выполняли тот завет,
Что нам оставил сам Поэт,
Лицей, где каждый породнился,
Где каждый радость находил,
Где каждый угол был нам мил,
Где Пушкин некогда учился,
Куда, как раз сто лет спустя,
Вступил воспитанником я.

Где ты теперь, краса России,
Державший твердо стяг родной?
Ты волей бедственной стихии,
Поруган собственной страной!
Но несмотря на сердца муки,
На тяжесть горестной разлуки,
Я утешаюсь все ж одним:
Верны мы принципам своим.
Вдали сегодня друг от друга
Нам все ж единства не забыть!
Но как хочу я снова быть
Среди друзей сердечных круга.
О где же, где же в эти дни
Вы все, товарищи мои?

Где ты, кузен мой, славный Кока,
Где Канабеев, милый друг,
Куда теченьем злого рока
Вас отнесло по миру вдруг?
Где ты, Нарышкин, друг сердечный?
Где Салов весело-беспечный?
Где Меллер, радостный поэт,
Писавший стансы с ранних лет?
Где вы, Евреинов, Столица,
Муханов, Кригер, Балашов,
Бутович, Юрша, Исаков?

Увижу ль снова ваши лица!
В каких из всех земных концов
Давыдов, Горсткин, Воронцов!..

И вспомнил я родные стены,
Наш милый класс, лицейский сад,
Где в час желанной перемены
Бродить и бегать был я рад,
Лицея церковку святую
Да ту могилу дорогую,
Где, мукой горестной убит,
Несчастный Кондырев лежит...
Увы! Встают воспоминанья
И душу мучают мою!
Я в этот день в чужом краю,
И так болезненно сознанье,
Что гнусной травлей сражена
Моя великая страна!

Как бесконечны все мученья,
Как исказился русский лик,
Как жаждут все освобожденья!
И в сердце вдруг пронесся крик:
О Пушкин! Пушкин в эти годы,
Когда нет власти, нет свободы,
Ужель очей бессмертный взор
Не видит родины позор?..
В тот миг неведомая сила
Пронзила светом поздний день,
Явилась вдруг Поэта тень
И грустно, грустно осенила
В лучах темнеющего дня
Благословением меня...

Октябрь 1920
София

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

184. БЕЖЕНСКАЯ ПОЭМА

<Фрагменты>

1. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Когда в дворцах на Миллионной
Сухой январский сыплет снег,
Извозчики неугомонный,
Разнообразный держат бег,
Над Выборгской нависла сажа
Из многих тысяч черных труб —
О, как любил я Эрмитажа
Гранитный и роскошный труп!

Последовательности былого
Живут в аркадах галерей.
Вас встретят мраморы Кановы
Нагою грацией своей.
И мыслью рай и ад способный
Все высмеять, равно остер,
Глядит, вцепяся в кресла, злобный
С улыбкой дьявольской Вольтер.

О, совершившихся столетий
Насыщенная тишина!
У Рубенса Амуры-дети,
Мурильо Звездная Жена,
Мадонна в креслах Рафаэля,
Голландской школы сытый быт,
И нежность Сандро Боттичелли —
Холодный мрамор все хранит.

Искусство в этом пышном склепе
Являет свой недвижный лик.
Но слышен в нем великолепий
Иных, живых и сильных, зык.
Ведь эти видели картины —
Амуры, женщины, ручьи —
Живой досуг Екатерины,
Уединенья и любви.

Она здесь шла, держа во длани
Эмблему — Розу, а не Меч.
Превознесенная на грани

Эпох ломающихся встреч;
И пышный шлейф тащил за нею
Курчавый, черный в красном паж.
Седоволосая Камея
Так посещала Эрмитаж.

Чесмы, Кагула и Варшавы
Еще курился черный дым,
Еще носился Русской Славы
Ширяющий орел над ним.
Но эти пышные виденья
Столь утомительны для глаз,
Что дух искал уединенья,
А не пленительных проказ.

Толпы блистательных придворных,
Камзолы, брыжжи и чулки,
Лесть Академии покорной,
Державина, его стихи,
Любовников забавы юных,
Потемкина несносный сплин,
И Карнаджийские перуны
Забудет нежный властелин.

И вот на ярком малахите
Скрипит гусиное перо,
Выводит путаные нити
Письма к Вольтеру иль Дидро:
— Мой друг! К Всевышнему направит
Свой дух, кто славой вознесен,
И счастье подданных поставит
В превыспренний себе Закон.

Для просвещения народу
Дорога, вижу, не легка.
И может только дать свободу
Царей державная рука.
Перо трещит и сеет знаки.
В дверях Гвардеец часовой;
Витают в мраморной палате —
Работа, Музы и Покой.

2. НОЧНОЙ ПЕТРОГРАД

Слепит на Невском блеск нахальный
Зеленоватых фонарей,
Сияние окон зеркальных
И в крупных литерах дверей.
Гул завывающий трамвая,

Особо, напряженно быстр,
И в тучи мечет, пробегая,
Зеленый свет огромных искр.

Александринского театра
Массивен колоннады вид,
И Северная Клеопатра
Пред ним торжественно стоит.
Вкруг кружевного кринолина
Свидетели утешных нег
Спокойно смотрят, как лениво
Спадает с неба мертвый снег.

Везде ампир, но в этом рынке
Глядит Империя как фарс.
Не может быть, чтоб скетинг-ринки
Позволил строить в поле Марс!
Его фигурка небольшая
Глядит покинуто из тьмы,
Когда в скрежещущем трамвае
С моста горой съезжаем мы.

Вы не рассматривайте низко
Блеск переливчатых колец.
Сойдемте там, где грязно, склизко,
Где вырос Мраморный Дворец
Громадой полуосвещенной.
Два фонаря внизу горят.
Напротив стал шумящий, черный
В снегу осеннем Летний Сад.

Вот в этой небольшой канаве
Крылов купался, говорят;
Здесь — царь следит подобный лаве
Строй медью блещущих солдат.
На набережной снег и в лентах
От фонарей речная смоль,
И вдвое слаще для студента
Уста слегка под снега соль.

— Вы — моя нежная отрада...
— Вы — своеволие мое...
Но слышите — в деревьях сада
Кричит, взлетая, воронье?
И в облаках, летящих дико,
Лип дымный облак черно-густ.
И слышится в вороньих криках,
Что Петроград-де будет пуст...

И все равно нам, кто таковский
Неумолимо то предрек,
Будь то Димитрий Мережковский,
Или Эсхила древний Рок;
Куда же проложить нам вешки
От этих тягостнейших тем?
Пойдемте-ка к Комиссаржевской
Следить ряды иных проблем.

Прими ж привет, косматый Вандал!
Ты отстаешь уже, боюсь!
Шаляпина немецкий дьявол,
Плевицкой исступленный гнус;
А все театры, все музеи,
Парламентарный звонкий свист.
А лекции, где, не робея,
Всех лаял модный футурист,

А все поэты, все пророки,
Философов последних бред,
Для революций близких сроки,
Проклятья для прошедших лет...
А Карл Маркс с длинной бородою,
Которого всяк в меру сил,
Взваливши на плечо, с собою
Домой в провинцию тащил...

ЮРИЙ ИВАСК

185. ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ АННЫ АХМАТОВОЙ

Из Тринадцатого, седого
И веселого года слово,
Будто масленичная весть.
Повесть-совесть о том, что было:
Что знобило и что казнило,
Выживало и в памяти есть.

Серебрятся милые лица,
Бедный братец и ты, сестрица,
Запрокинутая ладонь.
У Невы Венеция снится,
Те же бражники и блудницы
Будто бабочки на огонь.

Сразу свадебно, похоронно,
А кончается речью тронной,
Ясно видно во все концы,
И сполна уплочено кровью,
Озаряемые любовью
Эти венчики и венцы.

И победную песнь поюще,
Прославляюще райские кущи,
Отпущаеще ныне рабу.
Я не вижу ее в гробу.

Декабрь 1968

186. ВООБРАЖАЯ ПЕТЕРБУРГ

Дмитрию Бобышеву

I

Из плеска и фырка седыни-могутни
Трезубье, нептунье, под ребра вонзая:
Из вона я дрыгаю — *вво* на игле.

Опутали плутни, но слышатся лютни.
Чухонская белая ночка — чужая.
А если вдруг еземь — и сразу желе:

II

Моржовые трубы бесстыже ревели.
Начищены юные марсы до блеска.
Размякшие тракты Российской земли.

Твои, крутомышечный пышный Растрелли,
Коринфы на приступ имперски-предерзко
Из Зимнего, Смольного, Сарского шли

III

На турку, барокко! На перса и шведа!
На смерти подобное зло промедленья!
Емельку ату! Ой, уймися, простор.

Конечно, любая — бедою победа.
У Блудного сына светлей воскресенье.
У зодчего с вечностью свой разговор.

IV

Еще кукарекай, альпийский Суворов.
Рычи из берлоги, медвежий Державин.
Любовники славы России — сии.

На десятилетье седьмое позоров.
Давно отзвенели куранты: Коль славен:
Блаженная Ксения присно еси.

V

Развалкой утиной. Портянки. Платочек.
Завязаны черные жилки узлами.
Бродяжка. Далекий занозистый путь.

Ее не теряется узкий следочек.
Овамо за Мойкой, за всеми звездами.
Ей-ей, не теряется: Молнией путь.

VI

Она толканула сердито — небольно:
Куда тебе, квелый: а ну-ка, подай-ка!
Я в руку-шершавку кирпичик сую —

И Царства и Царствия краеугольный:
Такая — не праздно, а трудно-шатайка.
У не одолеет Юродицу — ю.

VII

Я оземь и о небо блошкой: стаккато!
Отсюдова или оттудова глянул!
Едва узнаваемый тот же ли Град?

Но разве не самые — те же палаты
Вы строили оба: Вызванивал Ангел.
И рай — перепаханный ухнувший ад.

1983

187. ОДА ИЗГОЯ

Нева и Невка... Мойка... Изобилие:
Взад и вперед кочующей воды.
Стихия. Воля вольная... Насилие:
Явление естественной беды.

Раскидано размытое величие.
Иголочкой игла и шило — шпиль.
У чуди-ночи белой безразличие...
Охотнички: ату Россию! Пиль!

Свое болотце да и всю Империю
Не охватили циркули Петра...
Обителью высокопарной меряю —
Той бело-синей, Смольной — до утра.

Зрю пятиперстие и пятисвещие*.
Развейся, достоевский мутный сон!
Еси молитвенное благовещее
Хождение-кружение колонн.

А мера бóльшая — Святая Ксения**.
Часовенка. Крапива. Лопухи.
Спасется ею от уничтожения
Град оный... Или лгут сии стихи?

Чуднáя-чýдная несла кирпичики
И строила неведомое нам.
Не яблочко печеное, а личико.
Вы фрейлина у Приснодевы там.

Июль—август 1983
Санкт-Петербург-Амхёрст, Новая Англия.

---

* Строитель Смольного монастыря (*не* Института) Растрелли сблизил все пять куполов храма, и они напоминают пять перстов или пять свечей.

** Св. Ксения Петербургская была недавно причислена к лику святых. Жила при Елизавете Петровне и Екатерине II. Часовня над ней — на Смоленском кладбище — привлекает многих паломников.

188. СТРЕЛКА

Еще бы разок задохнуться на Стрелке,
Где ростры-улитки глядятся в Неву,
Где музы и чайки играют в горелки,
Где вижу себя не во сне — наяву,
Где строили наши Цари и Царицы,
И я не один верноподданный их.

12/13 августа 1983

НАТАЛИЯ ИЗЮМОВА

189. ВЕСНА В ПЕТЕРБУРГЕ

<Фрагмент из цикла «Из воспоминаний детства»>

На шубках снят курчавенький барашек,
Гипюровый пристегнут воротник,
И нет платков, вуалек и гамашек,
И без попонки вертится наш Флик.
Из муфты руки выпростав наружу,
Мы бесшабашно шествуем вперед,
И норовим всплеснуть калошей лужу,
Чуть фрейлен Юси в сторону взглянет.
В садах еще чернеет прель гнилая,
Но светел неба радостный покров,
И Флик, по-глупому на ветер звонко лая,
Пугает стайки резвых воробьев.

190. ТРИУМФАЛЬНЫЕ АРКИ

Сзади стена огромного роста,
Спереди город рябит, как во сне.
Триумфальная арка открыта в звезды,
И мелом намазан на статуях снег.
Где мы? В Нью-Йорке? Но смыты преграды:
Мы вдвинуты в рамки иного пласта;
Сквозь прорезь чугунных оград Петрограда
Льдины ныряют в пролеты моста.
Век девятнадцатый в вечность канул,
Но луч от него на будни упал.
Свеченье эпохи поймал Тынянов
Системой оптических зеркал.
Почерк его пером без помарок
На петроградском снегу нанесен,
И я узнаю себя в мемуарах,
Я ставлю их, как спектакль режиссер.
Меня окружают знакомые лица,
Они сквозь печать потянулись ко мне,
А я оторвался на миг от страницы
И в стеклах увидел арку и снег.
И вдруг понимаю, что времени нету,
Что все календарные даты — зря:
Только в мозгу полет силуэтов
Проекционного фонаря.
Я знаю, возможны любые сдвиги,
Места, и времени, и бытия.
Сам я могу раствориться в книге,
В странице могу исчезнуть я.
Как омут глядит триумфальная арка,
Льдины исчезли в ее пустоте,
Тынянов в снегу потухает огарком,
И блекнут ученые руны статей.

1965

ВЛАДИМИР ИЛЬЯШЕНКО

191. 19-ОЕ ОКТЯБРЯ

(День основания Лицея)

> **Кому ж из нас под старость день Лицея**
> **Торжествовать придется одному?**
> *Пушкин*

> **Грядущий Хам Мережковского пришел**

Были прошлого свято лелея,
К давней юности сердцем влеком,
Вспоминаю я стены Лицея —
За оградою наш «Белый Дом».
Каждый юноша был там патриций,
Хоть держался он в строгой узде
Заповеданных старых традиций,
Равных чьим не найдется нигде.
Все исчезло... Владычество хама
Торжествует средь наших руин:
Только память, как прочная рама,
Полотно прежних держит картин.
И на родине, где «экскаватор»
Целину не тревожил полей,
Для меня вечно жив Император,
И как молодость — светел Лицей!

192. НА 150-ЛЕТИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЛИЦЕЯ

(19 октября 1961)

Посвящается В. А. Нелидову, 64 курса

Лицей — не одни лишь священные стены,
Где столько мы прожили радостных лет;
Звонок и молитва, часы «перемены»;
Царя Александра в столовой портрет;

Экзамены, воздух тревожно-апрельский,
Пора «зубрежа» и понятная лень,
А где-то вдали «наш» дворец Царскосельский,
Где все еще чудится Пушкина тень.

Лицей — это больше: приволье «вакаций»
В обширном и теплом «Дворянском Гнезде»;

Весной — пряный запах цветущих акаций;
По осени — пыль на пустой борозде,

А летом — веселье в приветливых гнездах;
Поэзия, музыка, хохот — содом!
Горячие споры и днем и при звездах,
И сон на заре под раскрытым окном...

Лицей — это, в капле, былая Россия,
Где жизнь, в изобильи, лилась через край,
Чью мощь не опишут слова никакие.
Лицей, наша юность и счастье, — прощай!

ПАВЕЛ ИРТЕЛЬ

193. ПЕТЕРБУРГ

Мне снится в розовой пастели
Петровский шпиль над ширью вод,
Фасады легкие Растрелли
И в полдень гвардии развод.

На Невском звонкий тон трамвая,
Народной массы суета,
И музыка вдруг полковая,
И блеск витрин и пестрота

Одежд и форм и дамской моды,
И разноречье языка,
И бедность северной природы
На пляже финского песка.

Мне снится гул аудиторий,
Студентов шумная семья,
Принципиальных взглядов споры,
Мне снится молодость моя.

Проходят дни, и с ними годы,
Что мы скитаемся вразброд
И делим беженства невзгоды
В чужой земле у чуждых вод.

Мне снится вид былой столицы
И небо серое над ней.
Там в высях тянут вереницы
Счастливой юности моей.

1979
Геттинген

ЭМИЛИЯ КАЛЬМА

194

Посвящаю П. Ю. Германовичу

Кто изменил убожеством измены?
Кто мог забыть больную красоту,
Глухие Петропавловские стены
И фонари на Троицком мосту?
Неукротимы в бешеном разгоне,
Еще дыбятся Клодтовские кони.

Спокойная и мудрая Нева
Течет, как прежде, медленно и вечно,
Но меж гранита весело-беспечно
Кладбищенская выросла трава.
И в тишине могильной Всадник Медный
Мертво грозит десницею победной.

Торжественная, сумрачная тишь,
Застывший миг немого умиранья...
Но тайный стон безмерного страданья
Безмолвный крик Ты, Господи, услышь:
Ведь плачет там тяжелыми слезами
Далекий друг с печальными глазами.

195

Широк и властен жгучий холод,
Безмолвна мертвая Нева.
В моей груди чудесный молот
Кует влюбленные слова.

Пусть серебристые морозы
Сгоняют тени вкруг костров, —
Я уношу с собою розы
Моих таинственных пиров.

Пусть дальний край твой не приближу,
Пусть ты беспечен вдалеке, —
Тебя я чую, знаю, вижу
С моими розами в руке.

196

Я помню радость огневую
И очерк смуглого лица.
Бреду опять на Моховую,
Где мы прощались у крыльца.

Воспоминанье близко-близко,
И кто его отгонит прочь?
Ты поклонился низко-низко,
И белая струилась ночь...

А ныне снег роится зыбко,
Прищурясь, блещут фонари.
И страстно стонет сердце-скрипка
От снежной ночи до зари.

197

Пойду на Ковенский. Пускай сентиментально
Гулять по улице, где жил когда-то «он».
Пускай и надо мной судьба свершит закон,
Я, право, не хочу грустить оригинально, —

Любовь умней меня и, кажется, сильней.
Вот этот старый дом и вытертые плиты,
Чужой теперь подъезд, тобой давно забытый,
А дни казались здесь отрадней и светлей.

Быть может, и смешно. Быть может, институтка
В задумчивых строках узнала бы себя;
Быть может, лишь стихи; быть может, только шутка...
Не все ли мне равно? Благодарю тебя.

198

У тебя были стройные трубы,
Как колонны ваятелей мудрых.
Завитками мохнатого чуба
Таял по небу дым чернокудрый.

У тебя были звоны и шумы,
Проползали баржи по каналам...
Ах, недаром могучею думой
Ты рожден из глухого начала!

У тебя были тихие светы,
По утрам озарявшие дали,

И чудесные наши поэты
Над Невою твоей расцветали.

Неужели ж ты сгинешь навеки
И рожденьем вторым не родишься?
Неужели, как мы, человеки,
Взят из праха, ты в прах возвратишься?

199

О, Всадника венчанное чело
Над бывшим градом, над погибшим кладом!
О, белой ночи легкое крыло
Над медным взглядом и над Летним Садом.

. . . .

Средь чуждых улиц и людей,
В тоскливой горечи изгнанья,
О тяжкой пышности твоей
Поет, поет воспоминанье.

О белых сумерках твоих,
О майской прелести скитанья,
О взглядах долгих и немых
Дрожит, дрожит воспоминанье.

О двухсотлетней красоте
В отравах смертного дыханья,
Об умирающей мечте
Томит, томит напоминанье.

МАРИЯ КАРАМЗИНА

200

О север, осень, воздух острый,
К щекам прихлынувшая кровь!
Я этот сад, сквозной и пестрый,
Давнишним взором вижу вновь.

Как будто девочкой тревожной
Сбегаю с влажного моста
Дышать мечтою невозможной
У барбарисного куста,

Иль у беседки потаённой,
Где листьев залежи и мхи,
Ловлю душою удивленной
Смешные, первые стихи.

Как будто в сумраке шумящем
(О, клёны Царского Села!)
Любовь предчувствием манящим
Мне снова сердце обожгла.

Нелепым счастьем, несказанным,
Хмельное сердце залито.
Мне чуждым кажется и странным
Мое привычное пальто,

Иду и слушаю шуршанье,
И влажен блеск раскрытых глаз...
Воспоминанье, ожиданье,
Осенний сон, — в который раз!

ЮРИЙ КАРЕЛИН

201. ПЕТЕРБУРГ

Ночь опрокинула дворцы
В Невы темнеющие воды.
Их затененные венцы
На дне сомкнули светосводы.

Там некий город отражен
В оправе темного гранита
Из светозыблемых колонн
На цоколях из малахита.

Круглятся сказочно вдали
Мостов узорчатых пролеты,
А там, на взморье, корабли
Изнемогают от дремоты.

Ряды синеющих огней
Уходят в глубь реки зеркальной,
И глухо стелются по ней
Удары с колокольни дальней.

Иглой-лучом мой мозг пронзен —
Зловеща крепости твердыня!
Душа — как невских вод пустыня,
И явь в ней зыблется, как сон...

202

Навек задернут полог алый.
Наш день к концу. Смерть кличет нас.
И только сердце в смутный час
Порою плачет о бывалом, —

О талом марте над Невой,
О белом колдовстве тем летом,
Когда я был твоим поэтом,
А ты была моей мечтой...

ДМИТРИЙ КЛЕНОВСКИЙ

203

Пирог с грибами стынет на столе.
Меня зовут. Бегу огромным садом.
Вот этот полдень, в Царском ли Селе
Иль в Павловске, он здесь, со мною рядом.

Он был хорош не только тишиной,
Не только беззаботностью и ленью, —
Он был взыскательный учитель мой
И научил высокому уменью:

Уменью жить цезурою стиха,
Как эти вот дворцы, аллеи, шлюзы,
Как тот кувшин в бессмертных черепках,
Откуда пили ласточки и музы.

1951

204. СОН О КАЗНЕННОМ ПОЭТЕ

— Это он! С кем хочешь я поспорю!
Видишь, вот идет он впереди
С неизбывной мукою во взоре,
С неостывшей пулею в груди!

— Он же умер! Он уже не может
Услыхать слова твоей любви!
Никакое чудо не поможет!
Не ищи его и не зови!

— Нет! Скорее! Мы его догоним!
Я клянусь тебе! Мы добежим!
. . . .
Как года — мгновения погони.
Год еще — и поравнялись с ним.

Страшно заглянуть за эти плечи...
Может быть, всё это только сон!?
Оглянулся — и свершилась встреча,
И сомнений нет, что это он.

Серый глаз струит холодный пламень,
Узкий шрам белеет вдоль щеки...
Наш учитель! Вот ты снова с нами!
Отзовись! Коснись моей руки!

Но запачканные кровью губы
Ничего не вымолвили мне.
Только вдруг серебряные трубы
В солнечной пропели вышине.

Рыжегривые заржали кони,
И рванули ввысь, и понесли,
И уже не слышен шум погони
С убегающей назад земли.

Только бездны, вихри и просторы,
Звездные озера и сады.
И внезапно — старой сикоморы
Ствол корявый у скупой воды.

След звериный вьется к водопою,
Заунывная звенит зурна...
Только бы остаться здесь с тобою,
Эту радость всю испить до дна!

Но стираются черты и звуки.
Миг еще — и на сухой траве
Судорогой сведенные руки...
Окрик парохода на Неве...

Люди молча топчутся у ямы,
Раздается мерный лязг лопат,
А вдали угрюмыми домами
Щерится притихший Петроград...

. . . .

Прошлое! Оно таким мне снится,
Как его увидеть довелось:
Белою, бессмертною страницей
Пулею простреленной насквозь!

1949

205. СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ

1

Среди всего, чего не надо
Перечислять (не перечтешь!)
Был оснеженным Летним Садом
Наш Город Северный хорош.

Там, за оградою ажурной,
Легко, по-девичьи стройна,
Встречала мраморная урна.
...Стоит ли и сейчас она?

А сад? Его сожгли, конечно,
В те безысходные года,
А от ограды (мнилось — вечной!)
Наверно нету и следа.

А все же, все же верить надо
В освобождающую ложь:
В то, что давно сожженным садом,
Давно разрушенной оградой
И урной, той, что не найдешь,
По-прежнему и всем в усладу
Наш Город Северный хорош.

2

Не петербургским сизокрылым днем
С тобой сегодня мы идем вдвоем.
Не тот простор и тишина не та,
Не те коня четыре у моста,
Не та ограда и не тот гранит,
И даже снег совсем не так лежит.
Так почему же вот сейчас, вдвоем,
Нам показалось, что мы снова в нем,
В том городе, где больше нам не быть,
Что больно вспомнить и нельзя забыть...
Не потому ль, что мы в себе таим
То, что навеки нас связало с ним:
И петербургский сердца холодок
    (Его гранит, что серебром намок...),
И петербургской речи лад скупой
    (Его оград неторопливый строй...),
И гордость, что всегда порвет узду
    (Его коня четыре на мосту...), —
Всё то, чем длится в наших двух сердцах
Наш Петербург, рассыпавшийся в прах.

1957

206. ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ СТИХИ

1

Когда я, мальчиком, с тобой дружил,
Прекрасный город одиноких статуй,
Густой сирени и пустых дворцов,
Тебя еще не посетили беды:
Твой Гумилев был юношей веселым,
Ахматова — влюбленной гимназисткой,
А Иннокентий Анненский еще

Взглянули в окошко
И ахнули: — вот!
И робкие ножки
Застыли, как лед.

И холод дыханьем
Своим согревал,
Я в ночь расставанья
Очей не смыкал.

Хрустальной могилой
Стал город пустой,
И ты говорила,
Прощаясь со мной:

— Не плачьте. Средь бури
Мы только листы,
Быть может, на небе
Увидимся мы...

И пел за горами
Балетный рожок.
Что сталось там с Вами,
Прелестный цветок?

1931

229. ЗИМА

На зимнем окошке у Блока
Хрустальная роза цвела,
Орел над аптекой высоко
Расправил два черных крыла.

Прекрасная дама смотрела
Сквозь слезы на шедший с небес
На снег бертолетово-белый,
На черные ветви древес.

Дымились над каждой квартирой
Дымки благодетельных труб,
В морозном лесу под секирой
Звенел государственный дуб,

Звенел на морозе столетий
И медленно падал в сугроб
И топал, как в детском балете,
Медведь косолапый: топ-топ.

РОМУАЛЬД КОРНОСЕВИЧ

226. ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ

На берегу красавицы Невы
Стоит величаво царский дворец,
Там витали кошмарные сны,
Предвещая династиям конец.

То девятый был день Января,
Озарился лучами восход,
Поп Гапон вел в объятья царя
На кровавую бойню народ.

В результате смертный погост,
Где блуждали со скорбью глаза,
Окровавился Троицкий мост
От державной руки палача.

Засверкали стальные штыки,
Затрещал пулемет-лиходей.
Закипели проклятья в груди
Павших безвинно рабочих людей.

Обагрился кровью гранит,
Такова уж судьба бедняка...
И поныне о прошлом бурлит,
Катя волны печально, Нева.

Но их мне легче вспоминать,
Чем запах детских дней.

Всё, чем согрела жизнь меня,
Я растерял — и пусть!
Вот даже Блока больше я
Не помню наизусть.

И стало тесно от могил
На дальнем берегу.
...Я всех, я всё похоронил,
А это — не могу!

Когда я думаю, что вот
Там всё теперь не так,
И тот, кто песни там поёт,
Не близок мне никак;

Со мною августовским днем
Не вспомнит злую весть,
Не скажет: «Вот сейчас, вдвоем,
"Костер" бы перечесть!»

Когда я вспомню, что поэт,
Что всех дороже мне,
Убит, забыт — пропал и след! —
В своей родной стране;

Что тот, кто нам стихи сложил
О чувстве о шестом, —
И холмика не заслужил
С некрашеным крестом;

Что даже в эти, в наши дни
На невском берегу
Его и мертвого они
Как волка стерегут —

Тогда я из последних сил
Кричу его врагу:
Я всем простил, я всё простил,
Но это — не могу!

1955

208

Те пармские фиалки на окне,
Что выходило на Неву, завяли.
Их нет давно. И нет Невы. И нет
Меня, которого узнал едва ли б,
Когда бы нынче встретил. Он хранил
Еще наивность детства, нежность, жалость,
Писал стихи и девушку любил,
Что — нет, не с ним — с другими целовалась.
Где он теперь? Его давно уж нет.
Его убили. Нет, совсем не люди.
Так просто где-то затерялся след,
И лучше мы о нем совсем забудем.
А то он будет ночью в дверь стучать,
Заглядывать в окно, слезлив и жалок,
И требовать любви, Невы, фиалок...
А что ему ответить? Что подать?

1955

209

О, только бы припомнить голос твой —
Тогда я вспомнил бы и этот город,
И реку (не она ль звалась Невой?),
И колоннаду грузного собора,
И тонкий шпиль в морозной вышине,
И сад в снегу, такой нелетний, голый...
О, если б голос твой припомнить мне.
Твой тихий голос, твой далекий голос!
Что это всё мне без него? А он...
Он потонул, как все тогда тонули:
Без крика, без письма, без похорон,
В тифозной качке, в орудийном гуле,
С последней шлюпкой, на крутой волне
Отчалившей от ялтинского мола...
О, если б голос твой приснился мне.
Твой дорогой, твой потонувший голос!

1955

210. ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Есть зданья неказистые на вид,
Украшенные теми, кто в них жили.
Так было с этим.
Вот оно стоит
На перекрестке скудости и пыли.

Сегодня, когда Петрограда уж нет,
Того Петрограда, каким его видел,
Каким я любил и каким ненавидел,
Во мне со страданьем проснулся поэт.
И та «незнакомка» мне кажется близкой,
Такой же несчастной, такой же родной,
И хочется мне поклониться ей низко,
Как Городу Смерти — над бледной Невой.

266. В ХВОСТЕ

I

Успокойте ваши нервы;
Что же вы там все орете?!
Вы в хвосте стоите первым,
Значит, первым и войдете.
— Бросьте вы; не рассуждайте:
Хоть и первым получаю,
Но за то, не забывайте,
Я и первым все съедаю.

II

Стоят с корзинками, нетерпеливые,
Такие серые и равнодушные,
То все крикливые, то молчаливые,
То непокорные, то все послушные.
Глаза бесцветные, без выражения.
Носы все желтые, а уши тонкие,
И льется дождичек без сожаления,
И капли падают уныло звонкие.

. . . .
Не любо, так не слушай,
А врать нам не мешай!

КАЗНЬ

Какие-то люди из ада
Пришли и сказали: пойдем!
Он тихо в ответ зарыдал...
Потом умолял их: не надо,
И чью-то шинель целовал...
. . . .
На улицу вышли втроем...
Он быстро шагал и крестился,
И пена была на губах...
И с криком от них побежал...
Высокий в погоню пустился
Поймал — и во тьме хохотал,
И трубка дымилась в зубах...

Постой! Становись, да поближе...
И звякнул в винтовке замок...
Несчастный со стоном упал.
. . . .
Стрелять не умеешь: пониже,
Не в сердце, а в брюхо попал...
Да ладно, и так не ходок....
. . . .
Из мрака столичной клоаки
Сбежались худые собаки
На свежую теплую кровь...

И чьи-то глухие рыданья
Неслися к престолу страданья:
То встала из гроба любовь...

УТРО

Немую казнь и смех убийцы
Встречает утренний рассвет:
То выполняет желтолицый
Коммунистический декрет.

Туман клубится над Невою...
Густой, удушливый, как яд,
С какой-то думой роковою
Дворцы унылые стоят.

213

Есть давно утерянные годы,
Есть давно умолкнувшее детство,
Есть стихами прозвеневший город —
Пушкинское стройное наследство.

В мае там сирень, в апреле — вербы,
В сентябре — рябина, дождик, слякоть...
Как туда вернуться я хотел бы —
Просто для того, чтобы заплакать.

1963

214. ДОЛГ МОЕГО ДЕТСТВА

Двоился лебедь ангелом в пруду.
Цвела сирень. Цвела неповторимо!
И вековыми липами хранима
Играла муза девочкой в саду.

И Лицеист на бронзовой скамье,
Фуражку сняв, в расстегнутом мундире,
Ей улыбался, и казалось: в мире
Уютно, как в аксаковской семье.

Всё это позади. Заветный дом
Чернеет грудой кирпича и сажи,
И Город Муз навек обезображен
Артиллерийским залпом и стыдом.

Была пора: в преддверьи нищеты
Тебя земля улыбкою встречала.
Верни же нынче долг свой запоздалый
И, хоть и трудно, улыбнись ей — ты.

1949

215. ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ СОН

В пустынных парках Царского Села
Бредет, стеня, осеннее ненастье...
Мне страшно здесь! Здесь юность солгала,
Растаяв первым и последним счастьем;

Здесь призраки свиданья длят свои,
Здесь мертвецы выходят из могилы,
Здесь ночью гимназиста лицеист
Целует в окровавленный затылок;

И гимназистка, в узком ремешке
Пенал и книги на ходу роняя,
Спешит в изнеможеньи и тоске
И двух, вперед ушедших, догоняет.

И почему-то вдруг опять весна
И белой ночи вещее молчанье...
Но призраками бредит тишина,
О них тоскуют дремлющие зданья.

О если б кто проснулся наконец,
Упал бы стул, заплакали бы дети!
И горько кипарисовый ларец
Благоухает в строгом кабинете.

Лишь отрок, у окна встречая день
(Ему не нынче было бы родиться!),
Не спит, и царскосельская сирень
К нему слетает песней на страницу.

О, призраки! О, царскосельский сон,
Пронизанный и радостью и мукой!
Кто зрит его, того связует он
Безмолвной и торжественной порукой!

Не та же ли судьба повторена
В трагическом содружестве поэтов?
Не та же ль казнь? И нету в мире сна
Страшнее и прекраснее, чем этот!

1947

216

На одной из самых тихих улиц
Дремлющего Царского Села
В годы, что ушли и не вернулись,
Славная гимназия была.

За ее стареющим фасадом,
Юные порывы затая,
Мальчики со мной сидели рядом
И зубрили то же, что и я.

А потом судьба их разбросала,
По винтовке дав им в руки всем,
И так скоро, скоро их не стало,
Словно их и не было совсем.

Лишь меня те годы не коснулись,
И всегда испытываю стыд,
Что друзья убиты вражьей пулей,
Я же почему-то не убит.

Отчего судьба меня щадила,
Хоть строга была, но не плоха,
И всего-то лишь благословила
На желанный, вольный труд стиха?

Неужели легкою строкою
Замолю я свой тяжелый грех,
Что и я тогда на поле боя
Не остался, как любой из тех?

Неужели ангел мой когда-то
Для того меня и уберег,
Чтоб не выполненный долг солдата
Искупить я нынче песней мог?

Как пойму я это, что узнаю?
И пускай по-прежнему пока
Просит за меня, не уставая,
Молит за меня моя строка!

1967

ГЕОРГИЙ КЛИНГЕР

217. СТИХИ О ПЕТРОГРАДЕ

Окно в Европу — это знает всякий.
И в проруби, как выловлен из тины,
Собор Святого Павла, нет, Исакий
Туман разъемлет золотом старинным.

Старинных городов черты скупые
Привлечены сюда, но очень скоро
Накрыты желтой шапкою собора
И в пушкинской растворены стихии.

И с той поры, сойдясь законным браком,
Европа и страна стихов и вьюги
Проводят вместе долгие досуги,
Разделены подчас огнем и мраком.

Шпиль петропавловский пусть залото роняет
В Неву седую монотонным звоном.
Гладь движется вперед одним законом,
Как ткань мечты, что всех соединяет.

13.10.69
Познань

МАРИАННА КОЛОСОВА

218. В ЛЕНИНГРАДЕ

Отчаиваться не надо
И не надо плакать о них.
От маленького отряда
Никого не осталось в живых.

И только там — в Ленинграде,
Человек сидит у стола,
Читая об этом отряде
В зеленых папках «дела»...

И от этих папок зеленых
(Их, кажется, тридцать пять...)
Не может глаз утомленных
До утра оторвать.

Читает. Думает. Пишет.
На столе окурков гора...
Этот живет и дышит
Так же, как и вчера!

Но если таких отрядов,
О котором читает он,
Надвигается тьма-громада
Со всех российских сторон?..

Придется ему, пожалуй,
«Дела» свои отложить
И, поняв, что Россия встала,
Перестать и курить, и жить.

219. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Чужое, злое имя «Ленинград»!
В том городе, где жили исполины, —
Теперь пигмеи яростно галдят
У красного подножья гильотины.

Там вьется много крови и... чернил.
Все кружится в безумно-быстром темпе...
И сатана с улыбкой приложил
На лбы людей пятиконечный штемпель.

Стал город славы — кладбищем химер,
Стал призраком чужим и нереальным.

Там каждый семилетний пионер
Придавлен днем суровым и печальным.

Уродливый, нелепый, жуткий быт,
В котором нет друзей и нет любимых...
Никто не сыт, но каждый много бит.
И в каждом зверь. И боль непоправима...

А «Допры», где палач, от крови пьян,
«Работает» в усердьи озверелом.
Где паклей забивают рты крестьян,
Чтоб не могли кричать перед расстрелом.

А за пайком голодные хвосты!
А в золоте зубов ухмылка Нэпа!
О, Господи, помилуй и прости
Рабов покорных подлого Совдепа!

Грузину, не татарам, платят дань.
Где гордость? Где любовь к родному краю?
Ах, «почему же мы такая дрянь?»
Чужую фразу снова повторяю.

Российский город славы и побед, —
Ты выдержишь и это потрясенье.
Увидим вновь мы пышный твой расцвет —
Плоды трудов иного поколенья.

Былую мощь твою и красоту
Не видела, но верю, что увижу.
О них в отцовских книгах я прочту
И «Ленинград» сильней возненавижу.
. . . .
Санкт-Петербург, твой искаженный лик
Назвали по-другому в эти годы.
Но все пройдет. И будешь ты велик,
Столица величайшего народа!

И гениальный русский драматург,
Который душу нации прославит,
Названием старинным «Петербург» —
Чудесную поэму озаглавит!

1932

220. МЕДНЫЙ ГУЛ

Почувствуй: в ритме этих срок
Сквозь чьи-то жалобы и вздохи —

Грядущей радостной эпохи
Шумит издалека поток.

Здесь об Империи ветра
Пропели голосом поэта.
И топот Всадника-Петра
Грохочет гулко в книге этой.

Страницы эти — вещий сон
О днях грядущих Русской славы,
О неделимости Державы,
О вечном шелесте знамен!

Ломают, сокрушают, гнут
Враги Россию. Мы на фронте.
Нам не страшны борьба и труд;
Предупреждаем: нас не троньте!..

Слова угрозы слушай, враг:
Окрепла сила наша в горе;
Над ширью наших территорий
Мы водрузим Петровский флаг.

России сильной стать пора!
И, как предчувствие поэта,
Тяжелой поступью Петра
Гудят напевы книги этой...

221. КРОНШТАДТ

Из цикла «Старый мир»

Хмурый начальник политуправления
Застыл у телефона в недоумении:
Вызывает кронштадтцев товарищ Зэт,
И на срочный вызов ответа нет...
. . . .
Передают из Кронштадта в Петроморбазу,
Чтоб делегатов прислали сразу:
На Якорной площади митинг назначен.
Питер не понимает, что это значит?

А матросы читают листки воззваний:
«Питерцы, на помощь, военморы восстали!»
А в главном штабе Петросовета
Волнуются люди всю ночь до рассвета.

Зеленые лица и дым папиросный...
«Кронштадт взбунтовался! Восстали матросы!»

И жаркие споры о том, кто виновен;
И как бы так сделать, чтоб не было крови.

. . . .

Говорил по радио Петросовет:
«Что ж, товарищи, сдаетесь, нет?»
Ответил Кронштадт шестого марта
Орудийными залпами! Жизнь на карту!

Орудия северных батарей
Гремели двенадцать долгих дней.
В океане борьбы крепили снасть.
Мишень для прицела — советская власть!

. . . .

Под мартовским ветром снега шумели.
В халатах белых поверх шинелей,
Кронштадт окружая с севера, с юга,
Неслась на приступ людская вьюга!

Мартовской ночью в халатах белых
Шли смельчаки на таких же смелых.
Двигались цепью, грозя Кронштадту!
Русский на русского, брат на брата...

. . . .

Прошитый снарядами серый лед...
Флажки над отрядами ветром рвет!
Замолкли орудия... Пал Кронштадт
Четырнадцать лет тому назад.

Обрызганный кровью матросский миф!
Всех дольше держался форт Риф.
В руках у кронштадтцев последний форт...
И кто-то зубами скрипнул: «чорт!..»

Рабочий из Питера, конвоир,
Кронштадтцу-пленному говорил:
«От Питера помощи ждал ты, клеш?
Ошибся маленько и смерти ждешь?!»

. . . .

Патронные гильзы хрустят под ногами.
Раскиданы пачки газет и листовок...
Вы русскими были — и стали врагами,
Палили в друг друга из русских винтовок.

Меж трупов, уснувших навек под картечью,
Засеян патронами лед у Кронштадта...
А жены убитых? Утешить их нечем.
И нынче уж поздно искать виноватых.

У проволочных заграждений
Среди обрывков газет
Краснеет пятном кровавым
Партийный чей-то билет.

Лежит владелец билета,
Застывший на льду, ничком,
У проволочной крестовины,
Раскинув руки крестом.

И там, в замолкшем Кронштадте,
Под открытым небом лежит
Человек в матросском бушлате,
Петроградской пулей убит.

. . . .

В те дни и душа бы из глаз не глядела...
Их кровь пролилась не за русское дело.
Их в бой друг на друга послали чужие,
Которым не жалко ни их, ни России.

Великая тяжесть, великое горе
В великой стране, в бесконечном просторе...
В России тогдашней, советской и красной,
И храбрость, и доблесть, и силы — напрасны.

Ошибки оплачены русскою кровью.
Задумайся крепко над завтрашней новью.
Нам, русским, под русским и ласковым небом
Всем хватит и доли, и солнца, и хлеба!

1935

АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВ

222. 8 ФЕВРАЛЯ

1

Сегодня — день восьмого февраля...
Как далека ты, Невская Столица!
Ушли, как сон, родных и близких лица.
Вокруг — уже не русская земля!
Без устали несется колесница
Времен, моей души не веселя.
Я — пленник в ней.
Стигийские поля уже близки.
Загадочный возница
Сурово гонит бешеных коней,
Влекущих нас в неукротимом беге
В страну воспоминаний и теней,
Где как живые ждут меня коллеги
Моих беспечных юношеских дней,
По зданию Двенадцати Коллегий.

2

Столица Севера, как вид прекрасен твой
Над полноводною, медлительной Невой,
Рекой-красавицей в гранитном одеяньи.
Соборов и дворцов величественный строй,
На площадях — царей немые изваянья:
Кто раз тебя видал — забыть не в состояньи;
Не позабыл и я, о Город мой родной,
Далекий Град Петра, тебя в моем изгнаньи.
Твоих каналов мрак, твоей реки сверканье,
Адмиралтейский шпиц за сквером золотой,
Гул поздний Невского, и санный бег зимой,
И зоревых ночей весенних обаянье!
О, годы юности! О, розовое зданье,
Как улей полное студенческой толпой.

ВЛАДИМИР КОРВИН-ПИОТРОВСКИЙ

223

Я полюбил Берлин тяжелый,
Его железные мосты,
Его деревья и цветы,
Его проспектов воздух голый.

Иду неведомой дорогой
В туман, рассветом завитой, —
Гранитный профиль, голос строгий
Пленяют важной простотой.

Чернеет линия канала,
Горят сигнальные огни,
От холодеющей ступни
В подводный сумрак тень упала.

За ней — перил чугун фигурный,
Под аркой — отраженный свод, —
Нет, не Венеции лазурной
Равняться с блеском черных вод.

Здесь, только здесь и может сниться
Сон, невозможный наяву, —
Лед, сжавший черную Неву,
И в бездне — Зимняя Столица.

1930

224. ПОРАЖЕНИЕ

<Отрывок из поэмы>

<...>

7

Закат, закат — прости нам, Бог,
За то, что мы порою пьяны,
За элегических дорог
Непоправимые изъяны.
За петербургский кавардак,
За верность шарику цветному,
За блиндированный чердак,
За счет столичному портному.
Так много накопилось их,
Счетов и подлинных и ложных,
Из первых рук, из рук вторых,

Совсем простых и очень сложных — —
Без риторических затей
Нева Аврору колыхнула,
Натужно вздулась и пальнула
В толпу непрошеных гостей,
В Петровых и своих детей.

8

Ты помнишь странную тревогу,
Предчувствие глухих шагов?
Нева буравила дорогу
Среди гранитных берегов.
Она бурлила и кипела,
Трепала ветром вымпела,
Обломком льдины заскрипела
И в дымных кольцах отошла.
Летали брызги над мостами,
И тротуары без гуляк
Обледенелыми пластами
В свистящий пролегали мрак.
Торжественное разрушенье,
Величественный вид пустынь,
Громоподобное крушенье
Несокрушаемых твердынь.

9

Нахмурив брови, Всадник Медный
На вздыбленном своем коне
Внимал, как рвется мат победный
К дворцовой рухнувшей стене.
Его лицо не потемнело,
Лишь под копытами коня
Змея свивалась и шипела, —
Рука державная, звеня,
Над мертвым городом широко
Зловещий очертила круг,
И смехом пламенное око
Как солнце вспыхивало вдруг.
На зов его уже бежали
Мальчишки с ближнего двора,
И с криком радостным — ура —
Салазки быстрые съезжали
С подножий ледяных Петра.

10

Шумит гражданская гроза,
Гигант стоит неколебимо,
И только узкие глаза

Следят за ним неутомимо.
На загнанном броневике
Ладонь широкая разжата, —
Есть сходство грозное в руке
С той, устремившейся куда-то.
Штыки и снег со всех сторон,
Пайки — и выстрелы в приправу, —
Гранитный город обречен
На устрашающую славу.
Гнездо истории горит,
Птенцы раздавлены ногами,
Скрипят века под сапогами — —
Внимание! Он говорит — —
<...>

225

Для последнего парада,
Накреня высокий борт,
Резвый крейсер из Кронштадта
Входит в незнакомый порт.

И с чужой землей прощаясь,
К дальним странствиям готов,
Легкий гроб плывет, качаясь,
Меж опущенных голов.

Правы были иль неправы,
Флаг приспущен над кормой,
С малой горстью русской славы
Крейсер повернул домой.

Брызжет радостная пена,
Высота и глубина,
Лишь прощальная сирена
В синем воздухе слышна.

Час желанного возврата
(Сколько звезд и сколько стран!)
В узком горле Каттегата
Северный залег туман.

И до Финского залива
Сквозь балтийский дождь и тьму
Бьет волна неторопливо
В молчаливую корму.

И встают, проходят мимо
В беглой вспышке маяка
Берега и пятна дыма,
Острова и облака.

РОМУАЛЬД КОРНОСЕВИЧ

226. ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ

На берегу красавицы Невы'
Стоит величаво царский дворец,
Там витали кошмарные сны,
Предвещая династиям конец.

То девятый был день Января,
Озарился лучами восход,
Поп Гапон вел в объятья царя
На кровавую бойню народ.

В результате смертный погост,
Где блуждали со скорбью глаза,
Окровавился Троицкий мост
От державной руки палача.

Засверкали стальные штыки,
Затрещал пулемет-лиходей.
Закипели проклятья в груди
Павших безвинно рабочих людей.

Обагрился кровью гранит,
Такова уж судьба бедняка...
И поныне о прошлом бурлит,
Катя волны печально, Нева.

КОНСТАНТИН КРОЛЬ

227. ПИСЬМО

Шел дождь... Был грязен тротуар...
Вода несла окурки и обрывки...
У Елисеева краснел омар,
А дальше — бландовские сливки...

Звенел трамвай и лязгали подковы
Вооруженных всадников... В сыром
Тумане, будто бы в покрове,
Скрывался конь, оседланный Петром.

Из труб водосточных лились струи...
Как изваяние чернел городовой...
У рысаков промчавшихся был герб на сбруе:
Корона над медвежьей головой...

У дома старого, у желтой двери,
Какого-то письма белели лоскутки:
Любви и обещаньям кто-то не поверил,
Прочел и... разорвал, сказавши «пустяки».

И капли дождевые, струи дождевые
Несли письмо в большой, большой канал...
Смывали строчки нервные, кривые,
В которых кто-то, может быть, не лгал!

О, ты моя любовь!
На строчки, смытые водой,
Смотри! Смотри!

АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ

228

Свинцовые пчелы
И славы закат.
Балетные школы.
Зима. Петроград.

Единственный город
Ко сну отходил.
Любовь — это холод
Прекрасных могил.

Кружилась от этой
Любви голова,
И черною Летой
Казалась Нева.

Там редкостью нежной
Вдруг сделался хлеб,
На муз неприлежных
Разгневался Феб,

Там гибелью сонно
Весь воздух дышал
В пустыне колонных
И зрительных зал,

Вздыхая украдкой
О громе побед,
Клонился к упадку
И к смерти балет.

Там к северной розе
Слетала весна,
Но в мраморной позе
Уснула она.

Потом лучезарно
Раскрыла глаза,
Потом благодарно
Скатилась слеза.

Любовь! На пороге
Столицы чума,
И нас на дороге
Застигла зима.

Взглянули в окошко
И ахнули: — вот!
И робкие ножки
Застыли, как лед.

И холод дыханьем
Своим согревал,
Я в ночь расставанья
Очей не смыкал.

Хрустальной могилой
Стал город пустой,
И ты говорила,
Прощаясь со мной:

— Не плачьте. Средь бури
Мы только листы,
Быть может, на небе
Увидимся мы...

И пел за горами
Балетный рожок.
Что сталось там с Вами,
Прелестный цветок?

1931

229. ЗИМА

На зимнем окошке у Блока
Хрустальная роза цвела,
Орел над аптекой высоко
Расправил два черных крыла.

Прекрасная дама смотрела
Сквозь слезы на шедший с небес
На снег бертолетово-белый,
На черные ветви древес.

Дымились над каждой квартирой
Дымки благодетельных труб,
В морозном лесу под секирой
Звенел государственный дуб,

Звенел на морозе столетий
И медленно падал в сугроб
И топал, как в детском балете,
Медведь косолапый: топ-топ.

Но буря дохнула жестоко
На льды фантастических зим —
На зимнем окошке у Блока
Растаяла роза, как дым.

230. ЭЛЕГИЯ

Я с горькой славой Рима
Судьбу твою сравнил.
Я ледяные зимы
Палла́де посвятил.

Наперекор сугробам
Там вырос мир колонн,
Как странный лес за гробом,
Как непонятный сон.

Я только голос лиры
К тебе из синевы,
И только город сирый
На берегах Невы,

И только слезы, слезы
Твоих небесных глаз,
Твои метаморфозы
И расставанья глас.

1933

РИЧАРД ЛАМПЕРТИ

231. ЗАУТРЕНЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

Пробило полночь. Над ликующей столицей
Стоит могучий гул — пасхальный перезвон;
Во всем — восторг, у всех сияющие лица,
И в таинство святыни город погружен.
Из храма каждого несутся песнопенья:
То хоры стройные поют «Христос воскрес!»
На сердце так легко, умчалися сомненья
И рвется грешный дух постичь красу небес.
Кто счастлив был вчера, счастливей стал сегодня,
Кто горя чашу пил — печаль забыть готов;
Болящий стал бодрей, и узник стал свободней,
И каждый для привета ищет теплых слов...
Вот служба кончена. Веселой вереницей
Из храма тянется ликующий народ:
Здесь дама, старец дряхлый, юноша с девицей,
Сановник, мужичок — волною все плывет,
Проснулась улица, столица оживилась:
Кто кучера зовет, кто тянется пешком;
За муженька уж женка, смотришь, уцепилась
И юноша с девицей шествуют рядком.
«Христос воскрес!» — в толпе раздалося чуть внятно, —
«Воистину воскрес!» — послышалось в ответ,
И двое тут поцеловались троекратно,
В объятии пасхальный выразив привет...
О, близкая душе родимая картина,
Какую над сердцами ты имела власть!
Но стонет Русь в крови, тяжка ее судьбина,
И не дано нам там к ногам Христа припасть.

232. СОН ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Сегодня мне приснился дивный сон:
По улицам гулял я Петрограда.
Каким красавцем мне казался он!
Какая в сердце разлилась отрада!..
Была весна. Стряхнув зимы покров,
Нева, гордясь, свои катила воды
И у гранитных билась берегов,
Как будто мало было ей свободы.
Окончился недавно ледоход:
То там, то здесь еще белели льдины,

Но по Неве ходил уж пароход...
Передо мной знакомые картины:
Вот с кружевной оградой Летний сад,
В нем желтый домик, ряд старинных статуй,
Что по краям прямых аллей стоят
С их плесенью зелено-желтоватой;
Вот переброшен мост через Неву,
За ним другой, а там, вдали, и третий.
Снует народ, совсем как наяву,
Как будто мне знакомы люди эти.
А вот и площадь Зимнего Дворца,
Где смотр войскам происходил парадный,
И дорогим виденьям нет конца,
А я иду — и так душе отрадно!..

Так много, много лет тому назад
Любил гулять порою я весенней
По улицам твоим, о Петроград,
О колыбель священных вдохновений!
Но разлучила нас, увы! судьба,
Легли меж нами реки, лес и горы,
И жизнь моя, как старая раба,
В неволе ждет покорно приговора.

233. В НИКОЛЬСКОМ ПАРКЕ

Что за ночь! уснули воды,
Парк наш принял вид волшебный,
И как будто вся природа
Богу гимн поет хвалебный...

Эти дивные аллеи
Обходить люблю с тобою
В час, когда восток, алея,
Занимается зарею.

В эту пору мягче краски,
Запах липы ароматней,
И слова твои, и ласки
Для меня, мой друг, понятней.

В этот час сама ты краше,
Речь сильней любовью дышит,
Но о чем беседы наши,
Только парк столетний слышит.

ГИЗЕЛЛА ЛАХМАН

234

Это было в сказке древней —
В позабытой Новой Деревне...
(Как тоску превозмочь?)
    За чертой Петрограда
    Из чахлого сада
    Белая ночь
    Глядела в окно.
    Это было давно.
Это было в старой сказке:
Страстные песни... Томные пляски...
Дымный низенький зал...
    Гитары... Цыгане...
    В углу на диване
    Подымает бокал,
    Осушает до дна
    И смеется она.
Но лица не могу узнать я...
Вижу бронзовый отблеск платья,
Цветок в волосах
И удаль в глазах.
С песней плывут из тумана
Бархат потертый дивана,
Запах забытый цветка,
Медные шелка...
    Это было весной,
    И она — была мной.

1947

ИОСИФ ЛЕВИН

235. ПЕТЕРБУРГ

О нет! Неисправим,
как заводной мотор,
я о заторе льдин —
грущу наперекор.

О спусках над рекой,
о лени спящих сил
и о граните над Невой,
где Пушкин проходил.

И в час ленивый и тревоги
в нем, как во сне, рождался стих,
глядя на медленные дроги,
на белый саван снежных крыш.

Стоял ли, шел завороженный,
алел восток уже зарей
и град Петра новорожденный,
с Адмиралтейскою иглой.

И горбились мосты и ниши
навозной ржавчиной в снегу.
Клубился пар, как бы от пищи,
дворец, тюрьма, все как в бреду.

А ночи белые, как мифы,
гранит египетский стрелой,
решетки тонкие — иероглифы
и неподвижен часовой.

В карнизах отдавало гулко
кривых подков железный звон,
а в перекрестках переулка
шаги девиц... не знавших сон.

1953
Нью-Йорк

236

Этот стих от железа и гари,
от фабричных труб звенит,
омывает черные хмари,
но душу строкой леденит.

Вдохновляет рваный плакат
и заборная строк чешуя,
загляделась в последний закат
уходящих небес тишина.

Я холодный гранит Невы
сменил на кружево стали,
Всадник Медный окисью тьмы
мне являться с конем перестали.

Мысли читают огнем,
электрон, автомат — упрощенье,
И Творца уж сменил циклотрон,
неизбежно готовя мщенье.

И копыт булыжный грохот
утонул в «Невидимый Град»,
я моторов взрывы и хохот
послушать готов и рад.

Февраль 1955
Нью-Йорк

ЛЕРИ

237. СТУДЕНТ

Очки ... Фуражка... Канты синие...
Калоши... Порванный сапог...
Он на Пески с Двадцатой линии
Шагал исправно на урок.

За неплатеж — как житель питерский —
Менял в семестр пять-шесть квартир,
Обедал в греческой кухмистерской
И басом пел: «Проклятый мир!..»

Вдали от праздных шумов Невского
Неслись за спорами часы,
И дополняло Чернышевского
Полфунта чайной колбасы.

Злым воплощением бесправия
Был для него городовой,
Как лютый враг самодержавия
Он грозно требовал: «Долой!»

Где вы, минувшие матрикулы,
Придет ли вновь для вас момент?
Прожив кровавые каникулы,
Неузнаваем стал студент.

Он за отечество свободное
Сражался честно с властью тьмы
И изучал международное
В боях гражданской кутерьмы.

Но пробил час — и, жадный к знаниям,
Хоть и доживши до седин,
Он — не стесняясь расстоянием —
Припер из Питера в Берлин.

На нем пальто и френч английские,
В кармане два карандаша,
Душа, как водится, российская,
Но за душою — ни гроша.

А тайн валютной спекуляции
Еще совсем не знает он —
Храня хоть луч цивилизации
Для наших будущих времен.

Не век же демонам уныния
Витать над русскими людьми,
Когда-нибудь фуражки синие
Еще придут ведь, черт возьми!..

ВЕРА ЛУРЬЕ

238. НА НЕВЕ

Спокойно плещет сонная Нева
Свои отравленные смертью волны,
И выгружают медленно дрова
На мостовую парни звонко.

Так остро пахнет потом и сосной,
По камню шлепают босые ноги.
Мне надоело два часа одной
Бродить по этим улицам убогим.

Так странно видеть тот же Летний сад,
Влюбленных парочку на повороте,
И знать, что заколдован Петроград,
Он крепко спит на глиняном болоте.

239

Прислонилась, холодный гранит.
Поглядела без мыслей в Неву.
Никого, только ветер шумит
И колеблет под камнем траву.

И качается пристань слегка,
Ее скрип мне годами знаком.
Все куда-то плывут облака
За казенный и сумрачный дом.

Я не знаю, что будет со мной,
Но так страшно вперед заглянуть.
Но так страшно, что надо одной
Мне пройти весь неведомый путь.

240. НА ПАРОХОДЕ

Так упруго ныряют тела
Гибких мальчиков в мутной Неве,
И от качки шумит в голове,
На воде я давно не была.

Раскаленный от солнца гранит,
Зелень сада и хмурый дворец.
Из трубы в бесконечность летит
Много серых, прозрачных колец.

Вспоминаю тринадцатый год,
Итальянский большой пароход.
Мы из Бриндизи едем три дня,
Южный ветер ласкает меня.

Я на палубе ночью одна
Все ищу бесконечного дна.
Так люблю я сидеть и мечтать
И о будущем в волнах гадать.

Опьяненная солью морской,
Я слежу с непонятной тоской
Своих мыслей туманный полет,
И шумит и свистит пароход.

В синей блузе стоит рулевой,
Широко улыбается рот,
Правит ловко он сильной рукой.
Пристань близко, крутой поворот.

Манит тенью задумчивый сад,
Очень рано — там мало людей.
Хорошо побродить вдоль аллей,
Поглядеть загорелых солдат.

241. В ЭРМИТАЖЕ

Я люблю в галерее старинной
Странный запах умерших дворцов,
Боттичели и Винчи картины,
«Севастьяна» без муки лицо.

Золотистые, синие краски
И наивная правда мадонн
Зачаруют особенной лаской,
Словно хрупкий и праздничный сон.

По утрам здесь так тихо, безлюдно,
Только сторож на стуле уснул.
Помолюсь о душе своей скудной
И губами к мадонне прильну.

242

Я сегодня пошла на Неву.
Небо хмурое, дождь моросит,
Пароходы бесшумно плывут
И безмолвен холодный гранит.

Я так рада, что пусто кругом,
Нет далеких, ненужных людей.
Только думаю все об одном:
О дороге туманной своей.

Не любить, позабыть навсегда
Ваш холодный, насмешливый взгляд,
Но мне больно, так больно отдать
Поцелуи и ласки назад.

243. ОСЕНЬ

На смерть Гумилева

Иду быстрей по Невскому вперед,
Куда, зачем, не знаю и сама,
Но только прошлый не вернется год
И будет новой снежная зима.

Я вспоминаю Мойку всю в снегу,
Его в дохе и шапке меховой
И с папиросой дымною у губ,
И то, как он здоровался со мной.

Потом, прищурив глаз, лениво шел
К столу, где мы садились в длинный ряд,
Клал папиросы медленно на стол.
Я не увижу больше серый взгляд.

Из ресторанных глаз пронзает свет,
Томительно зовут, зовут смычки.
По Невскому проспекту сколько лет
Отстукивают осень каблуки.

244. ЭШЕЛОН

Посвящается К. Вагинову

Мой дом разрушил ветер старый
И песни прежние унес.
А люди спят на грязных нарах
Под равномерный стук колес.

Далеким стал прощальный вечер,
Ночной туманный Петроград,
И поцелуй последней встречи,
И на лету последний взгляд.

Вагон качается устало,
Фонарь мигает в темноте,

И только сердце-месяц алый
Давно распято на кресте.

245

Посвящается К. Вагинову

Снег упал мне в душу белый.
В небе черном звездный взгляд.
Странно проходить без дела
Чуждых улиц длинный ряд.

Колокольцев переливы,
Скрип саней, трамвайный гром.
А у Финского залива
Тихий город, старый дом.

И твоя улыбка, милый,
Длинная твоя шинель.
Колокольцев звон унылый.
В сердце жгучий, белый хмель.

246. РОЖДЕСТВО

Посвящается Е. Войтке

Позабыла, не спустила шторы.
За окном трамваи и моторы
Карликами кажутся во мгле.
Разве правда праздник на земле!

Промелькнуло: Невский освещенный,
Санок быстрый и скрипучий бег,
Церкви Петропавловской колонны
И морозный, синеватый снег.

Уж на кухне запах ели свежий
И от праздничной готовки чад,
А под елкой старики все те же
В красных шубках на меня глядят.

Но дождливым вечером туманным
Цепь порвалась под напевный звон,
И унес меня в чужие страны
Одноцветный, длинный эшелон.

Я, наверно, душу потеряла
В сумерках Варшавского вокзала
И теперь не знаю ничего,
А для всех сегодня Рождество!

247. ПРОШЛОЕ

Неожиданно резко вспомню
Глаза, улыбку и голос
Того, кого прежде любила,
Да белые, душные ночи,
Когда тело болит от желаний.
Милый город, больной и далекий,
И церквей православных звоны,
Мостовые в траве зеленой.
А потом морозные зимы,
Когда снег хрустит под ногами,
И в печурке дрова сырые
Не горят, а уныло тлеют...
Ничего, никогда не вернется:
Прошлое падает в вечность,
Точно камни падают в воду.

248. В ВОСКРЕСЕНЬЕ

Утро пахнет криком петушиным,
Мартовским и праздничным дождем.
Будто с Леонардовской картины,
Небо голубеет за окном.

И гуляют важные торговцы,
Наслаждаясь солнцем и весной,
Точно нарисованные овцы
С вывески соседней зеленной.

Вспоминаю долгие прогулки
Вдоль пустынной, тихой мостовой.
Изредка моторов голос гулкий
Прорезает воздух над Невой.

Хорошо слагать мне было песни
На граните старом у Невы,
Слушая церковный звон воскресный,
Да шуршанье легкое травы.

Я верна тебе и на чужбине,
Черноземная, родная Русь,
И твоих узорных, пестрых линий
Я стихами бережно коснусь.

249. В ВЕРБНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Сегодня вербный понедельник,
Чтоб стало здесь не так темно,

Во все углы поставлю ельник
И банку с вербой на окно.

Придумаю, что снова дома.
Вот дверь в столовую ведет,
А на дворе удары лома,
Михайла-дворник колет лед.

Уж звон пасхальный скоро, скоро
«Христос Воскресе» возвестит
Из Исаакиевского собора
И даже запоет гранит.

Мне в праздники еще печальней,
Запрусь и лягу на диван,
Чтоб вспоминать свой город дальний,
Свой Питерский, родной туман.

250

Третий класс! Рабочий в потной блузе,
Немка с бутербродом у окна!
Мчимся, мчимся, и, покорна музе,
Натянулась звонкая струна!

Пробежал вокзал кирпичный, стрелка
На часах показывает пять,
У дороги запушилась белка...
Но нельзя минувшее догнать.

Все вперед, а мимо дни и годы,
Как в окно открытое летят.
Нет вагона, немки с бутербродом,
Снова дача и фруктовый сад.

. . . .

По утрам у самого забора
Прошагают дружно юнкера.
К ним на встречу выбегают скоро
Барышни с соседнего двора.

Петергофские шумят фонтаны,
И стихов задумчивую нить
Хорошо, из дома выйдя рано,
По дворцам прохладным проносить,

И по липовым аллеям парка
Юльской ночью медленно гулять,
Ни о чем не думая, но жарко
Веря в будущую благодать!!

Мчимся, мчимся! Дней тяжелых звенья
Грузно падают в пустое дно...
На потертые взглянув колени,
Встал рабочий и закрыл окно.

251. В ЦЕРКВИ

С. П. Ремизовой-Довгелло

Здесь на чужбине больше и больней
Я русское люблю богослуженье.
Мне голоса поют в церковном пеньи,
Поют, поют о родине моей.

В снегу густом мелькает Мойка снова
И на углу наш сероватый дом,
Сарай, где на меня сходило слово,
Когда дрова колола колуном...

Вдруг вспомню детство, длинный год учебный.
В гимназии осенние молебны,
Квадратный класс с доскою на стене,
Там Моховая светится в окне.

Как хорошо, когда весь день отмечен
Простою радостью, как хорошо, когда
У алтаря мерцают свечи.
Без слов молиться прихожу сюда.

252

Улыбка вежлива, спокойный вид
И не дрожит, здороваясь, рука,
Так охраняет гул Невы гранит
И день, и ночь, без отдыха, века.

А зубы стиснуты, как отвернусь,
Не то прорвется сквозь улыбку крик,
Так больно стиснуты, ну что же, пусть,
К тебе он все равно бы не проник.

По вечерам посиживать в кино,
А днем упорно почтальона ждать,
И опускаясь медленно на дно,
О будущем стараться не гадать.

253. НА ЧУЖБИНЕ

Там, где Невы послушное теченье
Хранит нетленным сторожем гранит,

Где из болот, Петровым повеленьем,
Поднялся город и теперь стоит,

Там скоро ночи белые настанут
И будет пахнуть в воздухе дождем.
О этот запах обморочно-пряный,
Усиливающийся с каждым днем!

О столько лет! Нет, рану не залечишь,
Ни мышьяком, ни бромом не помочь,
И судорожно вздрагивают плечи
В чернеющую мартовскую ночь!

254. Я ЛИ ЭТО!

Я ли этого маленького роста,
С челкой длинной, в платье шерстяном,
Там жила у Чернышева моста
И в окно поглядывала днем

На лотки с намоченною сливой —
Лакомство любимое ребят.
К девочке у Финского залива,
Память, приведи меня назад.

Помнится мне сквер Екатерины,
Площадь Театральная, и там,
В будке «Гала-Петер», апельсины.
Невский в солнце помню по утрам.

С каждой улицей и с каждым переулком
Столько связано! Довольно, замолчи!
Дальше, дальше отпирают гулко
Памяти тяжелые ключи.

Вот Бульвар Конногвардейский, лавки,
«Жителей Американских» дни,
И в предпраздничной, весенней давке
Близятся Пасхальные огни.

Шах конем! вы, кажется, сказали.
Медленно задвигалась рука,
Прояснилась из туманной дали
Шахматная на столе доска.

От неуклюжести, а не от скуки
Глазами устремилась на паркет —
А платье коротко и красны руки —
Подросток-девочка, тринадцать лет.

Дневник единственный запрятан в ящик,
Ей от стыда не заглянуть в трюмо,
Так я молчу от нежности щемящей,
Так я несу неловкости ярмо.

Не подойти, не улыбнуться даже,
Ведь не покорны голос и слова.
А мне бы лечь у ног твоих на страже,
В тепло колен упала голова.

Закрыв глаза от накипи любовной,
Не кончить этот неумелый стих.
Чего-то жду... Порывы ветра словно,
По волосам движенья рук твоих.

255. ПЕТРОГРАД

Подавив одиночества душную скуку,
Позабыв про Берлин, оглянуться назад
И увидеть сквозь версты и годы разлуки
Этот тихий, вечерний, родной Петроград.

То, что вне географий, и может быть мимо,
Не попало в истории пыльный архив,
То, что больше преданий и памяти Рима,
Хлеб пайковый и нежности смутный прилив.

Когда солнце не в очередь только и дали.
«Папиросы Зефир» и скупые слова...
А весною панели травой прорастали,
Запустением, древностью пахла трава.

256

Павловск, дача, вокзала платформа,
Ожидание радостных лиц!
Гимназистов воскресная форма,
Щебетание дачных девиц.

Где то лето, та дача, те люди?
Ни деньгами, ничем не вернешь!
Они были, но больше не будут,
Только снов беспощадная ложь!

Бродит, бродит тоска по квартире,
Легкой тенью, неслышной стопой,
Шепчет мне об утерянной шири
И о жизни мне шепчет былой.

Павловск, дача, березы, осины,
Поездов проезжавших свистки.
По холодным асфальтам Берлина
Никуда не уйдешь от тоски.

257. ПОД ЗВУКИ НЕЖНЫЕ ГИТАРЫ

Мой Петербург, любимый, старый,
Твой помню праздничный наряд,
Когда на площадях, бульварах
Стояли елки стройно в ряд!

Там в бледно-розовой гостиной,
Где за окном трещал мороз,
Мы елку украшали чинно,
Не зная атомных угроз.

Потом Сочельника игрушки:
Орехи, яблоки, хлопушки.
Венгерки, вальсы и матлот
Играл тапер из года в год!

Казались нерушимы стены
У дома на Большой Морской.
Летели дни без перемены
В созвучьях жизни молодой!

Под звуки нежные гитары
Люблю заглядывать назад.
Что мне осталось? Мемуары
Да от очков усталый взгляд.

258

Все тот же ветер мне напомнит пусть
Скрип мелких пристаней, Невы теченье
И юности безропотную грусть,
Как пароходов мерное движенье.

О чем она, неясная, была,
Что облаком за крепость уплывала...
Вода тянула, билась и звала...
А вы, прощаясь, улыбнетесь вяло.

Я не скажу вам, больно ли мне. Нет,
Слова еще ненужней поцелуев.
Смотрите: так прозрачен зимний свет,
Так ясен снег, укрывший мостовую.

ВИКТОР МАМЧЕНКО

259

Какой проспект? Иль это Невский
По всей земле,
И правды ищет Достоевский
В морозной мгле?

Вот красота — спасенье миру
Во всех веках —
Эпилептическую лиру
Несет в руках.

Ах красота! — Ведь это важно,
Душа болит!
И Федор Карамазов страшно
Над ней стоит.

Стоит и смотрит: что же делать,
Коль красота? —
И душу жжет, и жаждет тела
Пунцовость рта!

Ах, красота, какой любовью
Тебя любить,
Чтоб знать тебя своею болью
И не убить.

ВЛАДИМИР МАРКОВ

260. ГУРИЛЕВСКИЕ РОМАНСЫ

<Фрагмент из поэмы>

«Снег и ветер, снег и ветер.
Снег на шапках, на цилиндрах,
На мундирах, на тулупах.
Петр Великий руку поднял,
Защищаясь от снежинок,
А они танцуют в вихре
И коню щекочут щеки.
Ветер снегу помогает,
Ветер шелестит плащами,
Крутит перья треуголок.
И теперь еще я помню
Только снег и только ветер.
Остальное — как в тумане:
Ожидание без цели
И рылеевские речи;
Милорадович... Каховский...
Никому не нужный выстрел.
А потом — смятенье, залпы,
И на льду, как точки, люди
Мчатся, падают и тонут.
Медный всадник,* им вдогонку
Грозно протянувший руку.
Так бездарно получилось...
Дальшей все неинтересно:
Как допросы, как судили,
Как, прощаясь, надевала
Мать на шею мне иконку,
Как бежал, сюда приехал,
Как дорогой пели птицы.
Но одно доныне гложет:
Так бездарно получилось.
Понимаете, как трудно?
Вы б могли понять, наверно...»

---

* В 1826 г. Пушкин еще не написал своей повести, но мне доподлинно известно, что герой «Романсов» дал поэту мысль назвать ее так.

АЛЕКСЕЙ МАСАИНОВ

261. ПЕТЕРБУРГ

В последнем блеске пьяная душа
Звала с собой безумные стихии.
А за окном металась пороша
И пробегали призраки ночные.
На длинном Николаевском мосту,
Где фонари в тоске простерли руки,
Бежал трамвай за дымную черту
Желто-зеленым призраком разлуки.
И у Невы, залившей спины барж,
Где бьет Нева гранит неутоленно,
Хрустя, бежал последний экипаж —
И кучер сонный чмокал озлобленно.
Проспект затихший: циферблат часов
Со стрелкою, шагающей бессонно,
Безумный призрак белых островов,
За гаванью, тоскливо оснеженной!
Как будто свет померкнувшего дня
Навек застыл над белыми домами,
И город, как немая западня,
Наполнен бессловесными тенями,
И часовой у Зимнего Дворца
Не разорвет свое оцепененье —
И это будет длиться до конца —
Доколе Кровь не снимет наважденье.

МИХАИЛ МИРОНОВ

262. СТИХИ ИЗ СТОНОВ

(Посвящается красному Петрограду)

НАЧАЛО ИЛИ КОНЕЦ?

Серое, хмурое небо.
Серые, тусклые дни...
Смерть или корочку хлеба —
Если б прислали «они»!

Мрачные, тусклые дали,
Мутная ночь без огней...
Камни — из мертвой печали,
Люди — из бледных теней.

Выстрел тупой и далекий,
Кто-то без слов побежал:
«Эй, сторонись, кривобокий,
Как бы в тебя не попал!»

Шайка кого-то искала —
Там, где забытый дворец, —
Может быть, это начало?
Может быть, это конец?

Чьи эти тихие стоны
Около темных оград?

В тихий кошмар погруженный —
Красный, как кровь, Петроград...

ПРОСТИТУТКА

Сегодня с комиссаром
Гуляла в Озерках;
Любовь моя с наваром,
А «керенки» в руках.

Со злости заразила.
Как встретит — так убьет, —
Я Маньке говорила,
Она его возьмет.

А там не отгадает,
Где «счастие» поймал...
Хоть мальчик пострадает,
Зато и погулял!

Да наплевать с балкона
На вас, мои друзья!
За фунт одеколона
Тысчонку дам, шутя.

Вчера я покутила
С богатым подлецом;
Ушла (не разбудила)
С брильянтовым кольцом.

Сейчас бы кокаина
Понюшку мне достать:
Замучил он, скотина,
Понюхать бы, да спать...

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Темно в Исаакии. Холодные колонны
Стоят, как призраки, в неясном полусне...
Людей измученных — подавленные стоны,
Рабы несчастные столицы зачумленной
У ног Спасителя — в молитвенном огне...

Господу Богу помолимся,
В последний помолимся раз...
Господу Богу помолимся —
Помилуй нас!

Мы все замучены отравой разрушенья,
Нам Смерть — заступница на жизненной мели.
Мы все без родины, забытые мгновенья,
Мы все безличные, мы слезы всепрощенья —
У ног Спасителя и в собственной пыли...

Господу Богу помолимся,
В последний помолимся раз...
Господу Богу помолимся —
Помилуй нас!

Возьми же, Господи, скорее нас из ада;
Мы век свой прожили. Давно наш кончен путь!
Мы все изведали: мы дети Петрограда...
Кресты могильные — нам лучшая награда,
У ног Спасителя — мы сможем отдохнуть...

Господу Богу помолимся,
В последний помолимся раз...
Господу Богу помолимся —
Помилуй нас!

ЧАСТУШКИ

1

Пришли из комитета
И звали заседать...
Мы ночь всю просидели
А день весь будем спать!..

2

Сегодня дворник Сидор
Купил автомобиль —
И с кассою уехал
За 115 миль...

3

Сегодня на собрании
Мы порешили так:
Кто слово только скажет,
Тот форменный дурак.

4

Сегодня из Кронштадта
Прислали что-то нам,
Мы думали, что хлеба,
А книжки были там...

5

Хотел себе обутки
На зиму заказать —
Да шубу неохота
К морозам продавать.

6

Эх, батько, комиссар наш,
Отец «шалтай-болтай!»

. . . .
Не любо, так не слушай,
А врать нам не мешай!

КАЗНЬ

Какие-то люди из ада
Пришли и сказали: пойдем!
Он тихо в ответ зарыдал...
Потом умолял их: не надо,
И чью-то шинель целовал...
. . . .
На улицу вышли втроем...
Он быстро шагал и крестился,
И пена была на губах...
И с криком от них побежал...
Высокий в погоню пустился
Поймал — и во тьме хохотал,
И трубка дымилась в зубах...

Постой! Становись, да поближе...
И звякнул в винтовке замок...
Несчастный со стоном упал.
. . . .
Стрелять не умеешь: пониже,
Не в сердце, а в брюхо попал...
Да ладно, и так не ходок....
. . . .
Из мрака столичной клоаки
Сбежались худые собаки
На свежую теплую кровь...

И чьи-то глухие рыданья
Неслися к престолу страданья:
То встала из гроба любовь...

УТРО

Немую казнь и смех убийцы
Встречает утренний рассвет:
То выполняет желтолицый
Коммунистический декрет.

Туман клубится над Невою...
Густой, удушливый, как яд,
С какой-то думой роковою
Дворцы унылые стоят.

Столица спит, как спят больные,
Иль осужденные на смерть.
Из погребов — на мостовые
Ползет губительная смердь.

Вот Петропавловская крепость...
На крайней башне — мокрый флаг:
Большая красная нелепость,
Свидетель всех обманных благ.

Мотор и звуки балалайки,
И свист, и пьяное «ура»...
То комиссары «чрезвычайки»
Кутили где-то до утра.

263

I

Опять петроградские сны!
Нет сил их прогнать и забыться:
Столица-красавица снится,
И ею все ночи полны...

Исаакий стоит величавый,
Сияя высоким крестом,
И в дымке поруганной славы
Вся Русь пред амвоном пластом.

Не стонет, не плачет никто;
Все слезы впитали страданья...
И демон в тиши умиранья
Хохочет под красным манто.

II

Аничкин мост, как горб изогнут,
Четыре статуи во сне...
Они молчат, они не вздрогнут,
Не повернутся в тишине.

Их сон глубок, как сон могилы
Над жалкой тупостью людской,
И в них навек сокрыты силы
И тайна общая с Невой.

264. В ЛЕТНЕМ САДУ

Может, все правда, а может быть, снится...
Помните, дети, картины былого?
Яркое солнце, румяные лица,
Смех и веселье у «дедки Крылова»...

Пухлые няни в передниках белых,
Сотни колясок в аллеях тенистых,
А в карапузах, в движеньях несмелых —
Тьма откровений невинных и чистых.

Бросишь, бывало, столичное море,
Купишь для деток конфект, шоколада,
И позабудешь про всякое горе
Средь обитателей Летнего Сада.

Вот увидали, бегут вперегонку,
Пойман, гурьбою влекут на площадку,
И до Невы рассыпается звонко:
«Дядя Милёнов несет шоколадку»!

Оля взберется ко мне на колени,
Саша «довольна» прической моею,
Коля и Леля в пылу восхищенья
Просто свернут мне от радости шею.

Носики, губки и пухлые щечки —
Все перепачкано вмиг шоколадом...
Няня бежит, ковыляя, с платочком,
Строго ворчит мне: «Эх, барин, не надо»...

Русские Нины, курносые Ляли,
Чудные дети большого народа,
Кто причинил вам такие печали?
И почему на Руси непогода?

Вам не по силам такие лишенья,
Просите хлеба, а хлебушка нету...
Ручки, как плети, тупое терпенье...
Слышите песню печальную эту?

265

Однажды, в бесшумную белую ночь,
Ко мне проститутка на Невском пристала;
Она прикурить, может быть, пожелала,
Но я с омерзеньем прогнал ее прочь.

Сегодня, когда Петрограда уж нет,
Того Петрограда, каким его видел,
Каким я любил и каким ненавидел,
Во мне со страданьем проснулся поэт.
И та «незнакомка» мне кажется близкой,
Такой же несчастной, такой же родной,
И хочется мне поклониться ей низко,
Как Городу Смерти — над бледной Невой.

266. В ХВОСТЕ

I

Успокойте ваши нервы;
Что же вы там все орете?!
Вы в хвосте стоите первым,
Значит, первым и войдете.
— Бросьте вы; не рассуждайте:
Хоть и первым получаю,
Но за то, не забывайте,
Я и первым все съедаю.

II

Стоят с корзинками, нетерпеливые,
Такие серые и равнодушные,
То все крикливые, то молчаливые,
То непокорные, то все послушные.
Глаза бесцветные, без выражения.
Носы все желтые, а уши тонкие,
И льется дождичек без сожаления,
И капли падают уныло звонкие.

МИХАИЛ НАДЕЖДИН

267. У РАЗБИТОЙ УРНЫ

Давным-давно волна летейская
Забвенья мглой обволокла
Жизнь и деяния житейские
Питомцев Царского Села.

Рябин поблекнул цвет гранатовый,
И смолк навеки шум шагов,
И Анненскаго, и Ахматовой,
И убиен был Гумилев.

Внук бабушки моей, старушкиным
Внимал рассказам я о днях,
Воспетых Дельвигом и Пушкиным
В их сладкозвучнейших стихах.

Дней Александра лучезарная
Была ей памятной пора,
И комната в дворце янтарная,
И тень великого Петра.

Читая оды Кюхельбекера,
Так в парках Царского Села
Путеводителем Бедекера
Мне в детстве бабушка была.

Отчизны новой не нашедшие,
Свой кров утратив навсегда,
О, как мы вспять давнопрошедшие
Вернуть хотели бы года.

Величья прошлого предания,
До срока сданные в архив,
Не позабыл я в дни скитания
По колеям нерусских нив.

И детства моего апрельские
Дни невозвратные весны,
И тени эти царскосельские
До сей поры сохранены

В провалах памяти стареющей,
И на ущербе сирых дней
Меня Борей ласкает, веющий
С просторов родины моей.

И я, припомнив юность бурную,
Гляжу в летейские струи,
Как дева над разбитой урною
В романсе Цезаря Кюи.

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

268. В ЭТОТ ДЕНЬ

В этот день встревоженный сановник
К телефону часто подходил,
В этот день испуганно, неровно
Телефон к сановнику звонил.

В этот день, в его мятежном шуме,
Было много гнева и тоски,
В этот день маршировали к Думе
Первые восставшие полки!

В этот день машины броневые
Поползли по улицам пустым,
В этот день... одни городовые
С чердаков вступились за режим!

В этот день страна себя ломала,
Не взглянув на то, что впереди,
В этот день царица прижимала
Руки к холодеющей груди.

В этот день в посольствах шифровали
Первой сводки беглые кроки,
В этот день отменно ликовали
Явные и тайные враги.

В этот день... Довольно, Бога ради!
Знаем, знаем, — надломилась ось:
В этот день в отпавшем Петрограде
Мощного героя не нашлось.

Этот день возник, кроваво; вспенен,
Этим днем начался русский гон, —
В этот день садился где-то Ленин
В свой запломбированный вагон.

Вопрошает совесть, как священник,
Обличает Мученика тень...
Неужели, Боже, нет прощенья
Нам за этот сумасшедший день!

ЖАК НУАР

269. ПРОДАВЩИЦА

С утра до вечера в кондитерской
Вы, за прилавком, иногда
Мечтаете о жизни питерской,
Которой нет уже следа...

И нежно, нежно с грустью тонкою
Вы вспоминаете порой —
Карету с княжеской коронкою
И вечеров блестящий рой...

Приходят часто мысли всякие,
Когда в туманном далеке
Встает, как сон, массив Исакия
И зимний сад в особняке...

В балете «Лебедь умирающий»
И в ложах возгласы: — Retarde!
И рядом с вами весь блистающий
Породистый кавалергард...

И думы бегают тревожные,
И тяжело глядеть очам, —
Когда подносите пирожные
Мясистым новобогачам...

И вдруг простонет скорбной скрипкою
Захороненная душа, —
Когда с развратною улыбкою
Вам скажут: — Очень хороша...

А вечером стопой усталою
В тоске бессильной и немой, —
Надев жакетку обветшалую,
Идете медленно домой...

И в темных уличках, как в спаленках,
Где фонарей неясен свет, —
Подходит к вам в дырявых валенках
Разносчик с пачкою газет...

И словно давним обязательством
Вас кто-то мстительный связал...
Он называет вас «сиятельством»,
А вы его: — Mon general...

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

270. ПЕТЕРБУРГСКАЯ БАЛЛАДА

Вышло четверо их,
Хлопнула дверь.
— Улик никаких,
Ищи нас теперь.
Небо красно от заката,
Над Мойкой красный дым.
— По два карата
На брата,
Портсигар продадим.
Четверо, каждый убийца и вор,
Нанимают мотор:
«В театр и сад,
Веселый Ад,
Садовая пятьдесят!»
Кончили дело —
Гуляют смело.

Вдова моряка, говорят,
А теперь повадилась в «Ад»,
Стала любимицей «Ада».
— Девочка что надо.
К нему подошла сама
И сразу свела с ума.
Светло кругом иль темно?
Только музыка и вино,
А помнит кровь и крик.
Кряжистый был старик.
...Петропленбеж... Партия пил.
Тракторы... Совнархоз...
Я музыку всегда любил:
«De la musique avant toute chose».
Похожа на райскую птицу.
Спросила: — Вы помните Ниццу?
Поцелуйте меня в плечо.
Сумасшедший, не так горячо.
Чем здесь топиться в вине,
Поедем лучше ко мне.

Шоферу сказала: Мойка.
— Да что это? Постой-ка!
Туда не хочу,
Я и так заплачу!

— Голубчик, что плохо вам?
Я вам нашатырки дам.
Ну вот,
Сейчас пройдет.

Дом тот самый, второй с угла.
Стал мотор у ворот.
Эх, была не была,
Нелегкая пронесет.
— Это глупо, что я влюблена,
Ведь я живу не одна,
Но на Званку уехала мать.
Отец рано ложится спать.
Звякнули о замок ключи.
— Не зажигай огня, не стучи.
— Как я озяб. Ты мне чаю дашь?
Есть у тебя вино?
Который это этаж?
А впрочем — все равно.

— Так это правда? Ты любишь меня?
— Люблю, люблю, дорогой.
— Какая холодная простыня.
Что там за шум? Постой.
Слышишь, словно бегут по стене.
— Глупый, чего ты дрожишь?
Это вздыхает отец во сне,
Это скребется мышь.
— Что там за комната? — Кабинет.
— Слышишь, опять. Не мышь это.
Нет.
Странно. Я лучше пойду. Пора.
Что ж ты вцепилась? Пусти.
— Милый, ты говорил, до утра,
А теперь еще нет шести.
Спи. Я утром кофе сварю.
— Слышишь, пусти, тебе говорю!
— Разбудишь отца. — Пусти!
— Негодяй!
Больно. Руку мне не ломай.
— Куда ты идешь? В кабинет не смей,
Не то — вот, видела нож.
А, так ты думаешь — ты сильней?
Нет врешь, не уйдешь!

•

Что ж ты замолкла? Зови, зови
Зарезанного отца.

На память соболь и два кольца.
Помыться... Руки в крови...
Скрипнула дверь. Незнакомый, седой,
В турецком халате старик
Вошел: Ниночка, что с тобой,
Я слышал какой-то крик.

271

Каждый дом меня как будто знает.
Окна так приветливо глядят.
Вот тот крайний чуть ли не кивает,
Чуть ли не кричит мне: «Как я рад!

Здравствуйте. Что вас давно не видно?
Не ходили вы четыре дня.
А я весь облез, мне так обидно,
Хоть бы вы покрасили меня».

Две усталые, худые клячи
Катафалк потрепанный везут.
Кланяюсь. Желаю им удачи.
Да какая уж удача тут!

Медленно встает луна большая,
Так по-петербургски голуба,
И спешат прохожие, не зная,
До чего трагична их судьба.

272

Я всё понимаю и слышу
Не хуже, чем кто другой:
Вот падает снег на крышу,
Бубенчик поет под дугой —
И мчатся узкие санки
Вдоль царственно белой Невы...

...Потом я жила на Званке
В гнезде у вдовой совы.

О том, что было когда-то,
Мне лучше не помнить совсем —
Глазастых собак, и солдата,
И дочек. Их было семь.

Ах, дочки мои — цветочки
В сияющем райском саду
(...А вдруг они тоже в аду?..)

Довольно! Дошла я до точки
В беспамятстве и бреду
И дальше — нет — не пойду!

273

В сквере женщина седая
Плоскогрудая, худая,
Шарф дырявый теребя,
Напевала про себя:
— Месяц, друг печальный мой,
Как мне хочется домой —
В Петербург над царственной Невой!

Беженка-изгнанница,
Я устала кланяться
И с протянутой рукой
Подходить к чужим порогам,
Слушать окрик: «С Богом, с Богом!
Нищим тут
Не подают!..»

Милый месяц, я устала.
Ах, напрасно убежала
Я из собственной страны.
Месяц, опустись пониже!
Месяц, подойди поближе!
Месяц, сжалься надо мной,
Унеси меня домой!

Так тихонько напевала
Женщина в уснувшем сквере
Ночью лунною в Париже.

274

Ренэ Герра

Ненароком,
Скоком-боком
По прямой и по кривой
Время катится назад
В Петербург и в Летний сад.

Стало прошлое так близко,
Тут оно — подать рукой —
И проходят предо мной
Друг за другом, чередой,
«Я», помянутые ниже:

«Я — подросток», «Я — студистка»
С бантом, в шубке меховой,
«Я — невеста», «Я — жена»
(Это, впрочем, уж в Париже),
И, печальна и грустна,
До прозрачности бледна,
Молча в черное одета,
Вот проходит «Я — вдова
Знаменитого поэта»...

Только было ли всё это?
Или это лишь слова?
Лишь игра теней и света?

Хоть, бесспорно, жизнь прошла,
Песня до конца допета,
Я всё та же, что была, —
И во сне, и наяву
С восхищением живу.

1961—1973

275

Наталии Александровне Зербино

А если нет, а если да?
И где, скажите, и когда —
Сейчас, сегодня иль потом,
В день Страшного суда?

Луна таинственно блестит,
Ночь дышит сном и колдовством,
Лисица по полю бежит
И заметает лапок след
На аметистовом снегу
Своим сияющим хвостом:
И тихо-тихо всё кругом:
И лунный свет. И ни гу-гу...

А вдруг пушистый лисий хвост —
Он серебристо-черно-бур —
Преобразится в легкий мост
И я по нем перебегу
Домой, в Россию, в Петербург
И там останусь навсегда.
И что тогда?
                    Нет или да?

1973

276

Г. И.

Но была ли на самом деле
Эта встреча в Летнем саду
В понедельник, на Вербной неделе,
В девятьсот двадцать первом году?

Я пришла не в четверть второго,
Как условлено было, а в пять.
Он с улыбкой сказал: — Гумилева
Вы бы вряд ли заставили ждать.

Я смутилась. Он поднял высоко,
Чуть прищурившись, левую бровь.
И ни жалобы, ни упрека.
Я подумала: это любовь.

Я сказала: — Я страшно жалею,
Но я раньше прийти не могла. —
Мне почудилось вдруг — на аллею
Муза с цоколя плавно сошла.

И бела, холодна и прекрасна,
Величаво прошла мимо нас,
И всё встало до странности ясно
В этот незабываемый час.

Мы о будущем не говорили,
Мы зашли в Казанский собор
И потом в эстетическом стиле
Мы болтали забавный вздор.

А весна расцветала и пела,
И теряли значенья слова,
И так трогательно зеленела
Меж торцов на Невском трава.

1964

277

Да, бесспорно, жизни начало
Много счастья мне обещало
В Петербурге над синей Невой —
То, о чем я с детства мечтала,
Подарила судьба мне тогда,
Подарила щедро, сполна,

Не скупясь, не торгуясь: — На!
Ты на это имеешь право. —
Всё мне было удача, забава,
И звездой путеводной — судьба,
Мимолетно коснулась слава
Моего полудетского лба...

278

> И опять в романтическом Летнем саду,
> В голубой белизне петербургского мая
> По пустынным аллеям неслышно пройду,
> Драгоценные плечи твои обнимая.
>
> *Георгий Иванов*

За прозрачной, сквозной занавеской окна
Голубиной дорогой летит
Голубая луна.
Бьет двенадцать. Кругом всё безрадостно спит.
Я не сплю. Мне совсем не до сна.

Завтра утром... Но как далеко до утра!
Разве было вчера или позавчера,
Будни, праздники, всякие там вечера,
Дни и полдни
С той самой поры,
Как, не кончив игры,
Словно камень с горы,
Словно камень, упавший в колодец забвенья...

Я не помню, не помню, и помнить не надо,
И деревья чужого, французского сада
Серебристой листвой в забытьи упоенья
Легким отзвуком ангельски-райского пенья
Широко шелестят под луной...

— Ты вернулся. Ты снова со мной,
Мы выходим из темного, спящего дома
И по набережной над Невой...
Белой ночью, волшебной весной
В тихий-тихий, таинственный час...

Как мне всё здесь до боли знакомо!..
Ты со мною — веселый, живой,
Взлет бровей, очерченный четко
Над мерцаньем насмешливых глаз.

Летний сад. Кружевная решетка...
Навсегда, неразлучно вдвоем

Мы с тобою, обнявшись, идем
По аллее Летнего сада.

— Ты вернулся. Я страшно рада!
Я не помню ни горя, ни зла,
Я счастливой такой, как сейчас,
Никогда еще не была.
Всё как будто бы в первый раз.
Видишь, в небе звезда упала
И за нею другая опять.
Ничего я не пожелала —
Больше нечего нам желать.

Ты не веришь? Поверь мне, поверь,
Навсегда всё прекрасно теперь!..
Видишь, видишь, луна участливо
Распахнула нам вечности дверь,
Стелет ковриком Млечный путь.

Но с тобой мне и вечности мало!..
Ах, я счастлива, счастлива, счастлива!
Я устала, устала, устала!

Спать!
                    Скорее, скорее уснуть!
Так уснуть, чтоб уже не проснуться...

1960

279

Георгию Адамовичу

Верной дружбе глубокий поклон.
    Ожиданье. Вокзал. Тулон.

Вот мы встретились. — Здравствуйте. Здрасьте! —
Эта встреча похожа на счастье,
На левкои в чужом окне,
На звезду, утонувшую в море,
На звезду на песчаном дне.

— Но постойте. А как же горе?
Как же горе, что дома ждет?
Как беда, что в неравном споре
Победит и с ума сведет?

Это пауза, это антракт,
Оттого-то и бьется так,

Всем надеждам несбывшимся в такт,
Неразумное сердце мое.

Полуявь. Полузабытье...

Как вы молоды! Может ли быть,
Чтобы старость играла в прятки,
Налагала любовно заплатки
На тоски и усталости складки,
На бессонных ночей отпечатки,
Будто не было их?
                    Не видны.
И не видно совсем седины
В шелковисто-прямых волосах.

Удивленье похоже на страх.
Как же так? Через столько лет...
Значит, правда — времени нет,
И уводит девический след
Башмачков остроносых назад,
Прямо в прошлое,
    В Летний сад:

По аллее мы с вами идем,
По аллее Летнего сада.
Ничего мне другого не надо:
Дом Искусств. Литераторов Дом.
Девятнадцать жасминовых лет,
Гордость студии Гумилева,
Николая Степановича...

— Но постойте, постойте. Нет!
Это кажется так, сгоряча.
Это выдумка. Это бред.
Мы не в Летнем саду. Мы в Тулоне,
Мы стоим на тютчевском склоне,
Мы на тютчевской очереди
Роковой — никого впереди.

Осторожно из-за угла
Наплывает лунная мгла.
Ничего уже не случится.
Жизнь прошла.
            Безвозвратно прошла.
Жизнь прошла.
    А молодость длится.
            Ваша молодость.
                    И моя.

1958

ТАТИАНА ОСТРОУМОВА

280

Туда, где воздух чист и волен,
Где на булыжнике трава,
Где средь узорных колоколен
Расселась жирная Москва.

Туда, туда, где Питер четкий
Вонзил в луну блестящий штык,
Где близок ночью, сквозь решетки,
Дворцов таинственный язык.

Хочу туда, где с гор пологих
Журчат ручьи в весенний день,
И где размытые дороги
Бегут вдоль нищих деревень.

Окрест лежит земля парная,
Сосет зерно родную грудь...
И сердце верит, сердце знает, —
Там Русь, там можно отдохнуть!

281. ИЗ ЦИКЛА «ПЕТЕРБУРГСКИЕ НАБРОСКИ»

Хочу уверовать в обман,
Твоей поэзии, столица,
Когда на улицах туман
Обвеет контуры и лица.

Когда не ярки фонари
И редок шум шагов прохожих,
Когда ты грезишь до зари
И я с тобою грежу тоже.

Когда поблекшая луна
Теряет луч в тумане белом,
Когда нас нежит тишина
Среди домов заиндевелых.

Последний свет погас в окне,
И мы следим в сияньи братском,
Как медный всадник на коне
Летит по площади Сенатской.

И вот навек запечатлен
Тот миг... Загадочно-недавен

В моих ушах, как сон, как тлен,
Звенит-звенит еще — «Коль славен»...

282

Наперекор людской судьбе,
Я боле не желаю жизни...
Я принесла ее тебе,
Меня отвергнувшей отчизне.

Глумись, балуйся иль карай —
Я тут, я въявь, я не приснилась...
Мне б только раз увидеть край,
Где петь впервые я училась.

Я раньше знала, ты — не та,
И все ж тебя не испугалась...
Я даже не раскрою рта,
Чтоб вызвать милость или жалость.

Сияй, сияй, кошачий взор,
Зрачек таинственный и узкий!
Мне б знать, что есть такой простор,
Где каждый встречный — брат и русский.

Мне б знать, что здесь, средь дымных пург,
Как на смотру иль на параде,
Стоит Петровский Петербург
В чужом и страшном Ленинграде.

И вздыбив верного коня,
Воспетый правнуком арапа,
Все тот же Петр. Так пусть меня
Терзает бархатная лапа...

Пускает пронзает хищный взор,
Что так умеет ненавидеть...
Я все ж, судьбе наперекор
Сумею мать в тебе увидеть.

НИКОЛАЙ ОЦУП

283

Мигнула радуга и вот затрепетала,
Трамваи фыркают, мерцают купола,
Закрылись зонтики, мелькает у вокзала
Лиловая сирень из Царского Села.

Нет, не приехала... Знакомый поднял шляпу,
Шершавый саквояж задел меня... Ну что ж,
Пусть не приехала... Прислушиваюсь к храпу
Промокших лошадей и шлепанью галош.

О если б я любил в неведеньи глубоком
Лишь эту жизнь мою с ее коротким сроком,
Не мог бы я теперь (чего же дальше ждать!..)

И смех, и суету с приветом наблюдать!
Гляжу — и грусть моя подобна вдохновенью,
А солнце занято моей растущей тенью.

284

В снегу трещат костры. Январь на бивуаке.
Продрогших лошадей испарина долит,
Студеным воздухом окачен Исаакий,
И, муфтой скрыв лицо, прохожая спешит.

В театре холодно. Чтоб угодить Шекспиру,
Актеры трудятся, крича и вопия.
И все же сострадать неистовому Лиру
В тяжелых ботиках пришла любовь моя.

Что ей до сквозняков простуженной постройки?
Дыханье частое волненье выдает.
В нетопленом фойе у лимонадной стойки
Дешевые цветы старушка продает.

Нет, слава никогда не может быть забавой,
И как бы я хотел (дерзаешь ли, душа?)
Не доморощенной — великолепной славой
Покрыть себя. И пусть красавица, спеша

Спустя столетия по набережной Сены,
Прелестным профилем в подъезде промелькнет,

Чтоб для нее одной актер французской сцены
Читал моих стихов достойный перевод.

1921

285

Бежит собака на ночлег,
И явно с той же целью
В потертом фраке человек
Прошел с виолончелью.

Фонарь скрутился и погас.
Предутренняя пена,
И кто-то: «Умоляю вас,
Сыграйте вальс Шопена».

Не ветер расстегнул чехол
И прислонил к решетке,
Не ангел по струнам провел,
Но этот миг короткий

Звенела синяя Нева,
Гудела мостовая
И даже выросла трава
На линии трамвая.

1922

286. ВСТРЕЧА

Поэма <Отрывок>

1. ЦАРСКОЕ СЕЛО

В невнятном свете фонаря,
Стекло и воздух серебря,
Снежинки вьются. Очень чисто
Дорожка убрана. Скамья
И бледный профиль гимназиста.

Odi profanum... Это я.

Не помню первого свиданья,
Но помню эту тишину,
О, первый холод мирозданья,
О, пробуждение в плену!

Дух, отделенный от вселенной,
От всех неисчислимых лет,

Быть может, ты увидишь Свет
Живой, и ровный, и нетленный.
Но каждый здесь летящий час
Не может не иметь значенья,
Иль этой жизни впечатленья
Без цели утомляют нас?

О если бы еще до срока
Все прояснилось, как порой
Туманный полдень над водой —
Все до конца и до истока:
И времени поспешный бег,
И жизни опыт неустанный...
Стеклянным светом осиянный,
Бесшумно пролетает снег.

Над всем, что есть, над каждой щелью,
Над каждым камнем чуть слышна,
Чуть зрима ранняя весна.
Сады готовы к новоселью
Летящих издали грачей.
В снегу дорогой потаенной
К вокзалу крадется ручей,
Карета золотой короной
Блеснула вдоль оранжерей.

Какая грязная дорога!

Из-за угла, не торопясь,
Знакомый всем великий князь
Идет в предшествии бульдога.
За ними сыщик, он немного
Отстал, и рыжеватый плющ,
И даже глазки под очками
Забиты блеском синих луж.

Ошейник с медными шипами
Городового бросил в дрожь —
Увидев мужика с дровами,
Не скажет он: «Куда ты прешь?»
И незачем — вожжа тугая
Уже сдержала битюга,
Мотнулись уши и дуга;
Себя от луж оберегая,
Прошел сторонкой сапожок,
И палец тронул козырек.

Светло на улице, в канале
И на дворцовых куполах,

Но там, где, скрытая в ветвях,
Стоит скамья на пьедестале, —
Лучи не тронули кудрей
И отдыхающей ладони
Поэта. Как страна теней,
Как сон, как мир потусторонний,
Невнятны ветви и лицей.

Как будто легкую беспечность
И роскошь Царского Села
Здесь навсегда пересекла
Иной стихии бесконечность.

Карьером! Стоя на седле,
За здравие! Единым духом.
Уже бутылки на земле,
Карьером! У коня под брюхом.
С земли пятак на всем скаку,
Кинжал качнулся на боку.

Другой в погоню. Оба рядом.
Два человека, два коня,
И выстрел. Это, оттеня
Тяжелого дворца фасадом,
Мерцает солнце. Стремена
Блеснули возле галуна.
Упал. И снова в летнем свете
Пыль заклубилась. Это третий.
Скорей, скорей! Ведь тот зовет
(Считается, что ранен тот).

Все ближе, ближе, как замечу?
Без остановки, без толчка,
С налету, с воздуха рука,
С земли рука руке навстречу,
И конь пришпоренный несет
Двоих, не замедляя хода,
И цепь городовых у входа
Дает дорогу, и «ура»,
И эхо, чище серебра.

И вновь казак, как кошка ловкий,
Летит с веселием в лице,
И панорама джигитовки
Все оживленней. На крыльце
За императором движенье
Плюмажей, шапок, эполет...

Ночь. Ветер. Немана теченье,
И часового силуэт.

И повелительней, и глуше,
Чем трубы мирных трубачей,
Гортанный грохот батарей
Гудит. И стонущие души
В дыму и пламени скользят,
Как грешники кругами ада,
За тенью тень, за рядом ряд,
И длится, длится канонада.

Как эти дни запечатлеть
И как перехватить паденье?
Не может в воздухе висеть
Такая тяжесть... Наслоенье
Веков, исчезни; Третий Рим,
Эпоха цезарей, исчезни!

Сквозь медленный и плотный дым
Все тягостней и бесполезней
Мерцает Царское Село.

С полей унылых донесло
Проклятия. И без слиянья
Лежат в покое неживом
Дворец, аллеи, изваянья,
И дым, растущий день за днем.

Предчувствуя еще в прихожей
Свои же строки, в кабинет,
На сумрак Рембрандта похожий,
О, не последний ли поэт
Вносил с собой и шорох сада
Екатеринина, и страх
Бесцветной жизни. Ты, Эллада,
В его слабеющих мечтах
Ты к нашей жизни приближалась
Так часто. Дивная усталость
Перегруженной тишины.
Где Анненский? И где просторы,
В которых он искал опоры?
Как страшно мы утомлены.

287

Где снегом занесенная Нева,
И голод, и мечты о Ницце,

И узкими шпалерами дрова,
Последние в столице.

Год восемнадцатый и дальше три,
Последних в жизни Гумилева...
Не жалуйся, на прошлое смотри,
Не говоря ни слова.

О, разве не милее этих роз
У южных волн для сердца было
То, что оттуда в ледяной мороз
Сюда тебя манило.

288

Сердце, старишься ли ты,
Или в кухне кран открыт —
Что-то мне из темноты
Однотонно говорит

Об утраченных, увы,
О — которых больше нет,
О сиянии Невы
Там, где университет.

И о чем еще? О том,
Что былого не вернуть,
Что уснуть последним сном
Надо же когда-нибудь.

289. ДНЕВНИК В СТИХАХ

<Отрывок>

<...>
Анненский — второй наперсник той
Музы, царскосельской, а питомник:
Автор «Гондлы», ранящий порой
Чем-то лермонтовским, наш паломник
«Дальних странствий», мастер, чей жираф
Испугал и восхитил торговцев
Книгами, и Комаровский — граф,
Эллин, или Митенька Коковцев,
Мистик, или гениальная
Анна Горенко... ну и семья!

На парижском гноище чердачном
Из ключа студеного я пью,
Пью в ее источнике прозрачном

Очищаемую жизнь мою.
Родственница Анненского, Хмара,
Вам спасибо за любовь к моей
Детской музе. Для чужого дара —
Были вы нужнейшим из друзей...
Вы, сумевшая в его Софии
Неизвестного еще России

Мага Иннокентия понять
(С глубиной и чуткостью афинской),
Валина и Олечкина мать —
Нежностью не только материнской,
Нежностью тех самых вольных муз,
Чей закон «неразделим и вечен»,
Вы скрепили и со мной союз,
Счастием которого отмечен,
Если на такое он набрел,
Пушкину любезный царскосел.

Хмара, лето... Каменец... Усадьбы
Под Смоленском ветхость и уют...
Голос чуть надтреснутый... Сказать бы,
Друг ушедший, вам, что я тут,
Без России, ей вернее сына.
Мне отечество, как он сказал, —
Царское Село... А где — чужбина?
Неужели там, где я узнал,
Что не лгут и вымыслы о феях?..
Мне бы познакомить вас обеих.

Как бы вы обрадовались ей,
Как бы восхитились бескорыстно.
Знаю, что для многих матерей
Лучшее в невестке ненавистно.
У духовной матери не то:
То была бы для Хмара-Барщевской,
Хочется мне думать, как никто,
Другом и, через меня, невесткой.
Есть же и такое в тесноте:
Встречи на огромной высоте.

Жаворонка, розы драгоценной
Прелесть быстротечная. Хвала!..
Но и слово правды немгновенной...
Что бы ни случилось, ты была!
Не ищи признания и славы,
Но хотел бы сохранить для всех
Образ восхитительный и правый,
Очень нежный, очень строгий, смех

Легкомысленности леденящий,
Гордый, одинокий, настоящий!

290. СОНЕТ

Аркадий Веньяминович Руманов,
Хоть вам сегодня восемьдесят лет,
Вы, как всегда, мечтатель и поэт...
Как мой ушедший сверстник Жорж Иванов.

Для вас я мальчик (Коля). В мгле газет
Вас Блок заметил, невских царь туманов,
Граф Витте вас ценил, и с нами канув
В парижский омут, умница-эстет,

Все качества свои вы сохранили.
Всегда умно и никогда не зло,
Все сразу понимая без усилий,

Вы тоже царскосел, мне говорили:
— Еще России солнце не зашло,
«Отечество нам — Царское Село».

АЛЕКСАНДРА ПАРКАУ

291. ВОСПОМИНАНИЕ

Неширокая лента пляжа
И широкий простор реки.
Скоро ночь синей дремой ляжет
В остывающие пески.

И под шелест, под плеск и вздохи
На скамеечке — я и он —
Собираем святые крохи
Позабытых давно времен.

Точно надписи на могиле,
Имена дорогих нам мест,
Где мы порознь когда-то жили
И поставили вместе крест.

Запоздавших увозит катер,
Полон тайны ночной Харбин,
Тихо Сунгари волны катит
В гаолянах чужих равнин.

Ночь мечтой и загадкой манит...
Это Сунгари или нет?
Не другая ль река в тумане
Нам струит серебристый свет?

Не другие ль в сплошном сиянье
Всплыли зеленью острова?
Не тревожьте воспоминанья...
Не услышит наш зов Нева...

1937

АЛЕКСАНДР ПЕРФИЛЬЕВ

292. ВОСПОМИНАНИЕ

Опять в зеленых шапках тополя,
Приятна тень от старых лип разлапых,
В июльский вечер их медвяный запах
Вдыхать люблю я, память окрыля.

Не о степных просторах ковыля,
Не о Руси равнинной на этапах,
Не о верблюжьих неустанных лапах,
Измеривших Монголию, пыля.

Не отблески полупогасших дней
Моей большой и путаной дороги,
Не женщины любимой профиль строгий...
Встает иное в памяти моей!

Дворцы, ажур моста, Невы изгиб,
Взнесенный в небо шпиль адмиралтейский
И золотистый от цветущих лип
Задумчивый бульвар Конногвардейский.

293. СТАРЫЙ ПЕТЕРГОФ

Вы вскользь сказали: «Старый Петергоф!
Я там жила... давно, еще девчонкой...»
И от простого смысла этих слов
Моя душа забилась грустью тонкой.
Взметнулись в ней осколки прежних снов...
Вы вскользь сказали: Старый Петергоф!

Вы помните: журчащие струи,
И Монплезир, и шахматную гору...
Мой Петергоф! В полуночную пору
Как я любил все шорохи твои.

И музыку сквозь кружево листвы,
Подобную таинственному звону,
А позднею порой на рандеву к «Самсону»
Ужели никогда не торопились вы?

И в лепете его немолчных струй
Вы разве не ловили шепот дерзкий?
И разве не дарил вам поцелуй
Лихой поручик конно-гренадерский?

Я никогда нигде вас не встречал,
Теперь вы стали дороги и близки...
Быть может, вам влюбленные записки
Я юношей краснеющим писал?

И их бросал туда, где ряд скамей,
Перед эстрадой струнного оркестра,
В тот миг, когда maman пленял маэстро
Колдующею палочкой своей.

А помните старинное село
С таким смешным названьем: «Бабьи Гоны»?
Какой далекой песни перезвоны
Названье это в душу принесло!

Там собирались мы на пикники
Веселою и шумною ватагой...
Юнцы пленяли барышень отвагой,
И в преферанс сражались старики.

Вы помните? О, горечь эти слов!
Забыть ли то, что больше не вернется?
Ведь никаким изгнаньем не сотрется
В душе названье: Старый Петергоф.

294. ОПЯТЬ ЗИМА

Опять зима; повсюду снежный иней
Свою седую мантию простер,
Но красота и четкость строгих линий
Чужого города не радуют мой взор.

И если пленному уйти нельзя мне
В твою тайгу, далекая Сибирь,
То и не в эти чуждые мне камни
Заключена душа, как в монастырь.

Она иной окована оправой
И вкраплена давно в иной гранит,
Где град Петра, пустынно-величавый,
Твое величье, родина, хранит.

295. ПЕТЕРБУРГ (1946)

Суровый гигант, у обрыва
Едва удержавший коня,
И северный ветер с залива,
И ночь — продолжение дня.

Столица на почве бесплодной,
Мираж на мильонах костей,
Ты призрак немой и холодный
В сиянии белых ночей.

В глаза твоей жизни небывшей,
Затоптанной в серый гранит,
Царь-ангел в улыбке застывшей
С высокой колонны глядит.

Столица, твой образ бесценен,
Но, в вихре враждебных начал
С монгольскими скулами Ленин
Твою красоту развенчал.

И смотрит чухонское небо,
Белесою ночью и днем,
Как бронзовый всадник от гнева
Низринулся в бездну с конем.

296. ЗАЖГИ НА ЕЛКЕ СВЕЧИ

О Рождестве, пушистом, рыхлом снеге,
О ледяных узорах на окне
И легких санок радостном разбеге
Сегодня вспоминаю, как во сне.

Другие годы и другие лица,
Ажур дворцов, костров горящих дым,
И призрачная невская столица,
Закутанная инеем седым.

И в голове воспоминаний стая,
И грусть потерь не так уже остра...
Как был красив в уборе горностая
Неповторимый, строгий град Петра!

Пускай бывали и другие елки,
Очаг, уют и терпкий запах хвой —
Все это только жалкие осколки
Пред той, неотвратимой красотой.

Ну что ж, мой друг, зажги на елке свечи,
Прибавь вина в воспоминаний хмель,
Пусть за окном о первой нашей встрече
Рождественская пропоет метель.

297. ПЕТЕРБУРГСКИЕ МИНИАТЮРЫ

1

Вьется стружка под сталью рубанка,
Терпкой горечью пахнет смола,
Вся намокла от пота голландка,
Вот и по лбу струя потекла.

Жарковато чухонское лето,
Взмокнешь, коль поработал с утра...
. . . .
Так века донесли без портрета
До меня этот облик Петра.

2

Осенний вечер. В доме окна настежь,
От них к Неве струится дым и чад...
Голландский свой попыхивая кнастер,
За шахматной доской они сидят...

На шхунах ветерок шевелит снасти,
А игроки, насупившись, молчат,
Глаза устремлены в один квадрат:
На нем английский корабельный мастер
России делает в четыре хода мат.

3

Отмерили дистанцию. Считать
Шаги смертельные они умели...
И тот, что в николаевской шинели,
Стал равнодушно руку поднимать...

Все тот же самый вид у Черной речки,
Морозный воздух свеж и снег глубок.
Да, это здесь... Нет, не было осечки,
И он упал, схватясь за левый бок.

298. РОЖДЕСТВО

Каким-то случайным набегом —
Не знаю, зачем, для кого?
С сияющим розовым снегом
Пришло наконец Рождество.

Оно подбиралось несмело,
С предместьев к нам в город вошло,

И пушкинским ямбом запело
Дождям и туманам назло.

Но здесь, на задворках Европы,
От пушкинских ямбов уйдя,
Мы верим лишь только в синкопы
Косого и злого дождя.

О, если к твоим берегам бы,
Столетья откинув, Нева!
. . . .
И тают нетленные ямбы,
Как тают снега Рождества.

299. КОНТРАСТЫ

1

Февраль семнадцатого года... что ж такого,
Что, словно обезумев от свобод,
По улицам проносится народ —
На площади по-прежнему сурово
Тяжелый всадник, сдвинул брови, ждет...
Волна нахлынет и волна уйдет,
Но неизменно каменное слово
Насмешника Паоло Трубецкого:
Гранитные комод и бегемот,
И всадник, в облике городового,
Украшенный кровавым бантом зря;
Февраль слиняет в ливнях Октября!

2

Дворец изящной балерины,
Пыль городская на траве,
И цирк с мечетью воедино,
Петровский домик на Неве —

Сумбур, издревле нам присущий,
Нет, мы не Запад, не Восток...
Уже не сдержит «Стерегущий»
В кингстоны хлынувший поток...

Он неуклонен, неизменен,
Никто не избежит его,
С балкона призывает Ленин
К уничтожению всего!

Мост Троицкий, направо крепость,
И сумасшедших дней бедлам...
Смешалась новых дней нелепость
С былым величьем пополам!

КЛАВДИЯ ПЕСТРОВО

300. ОТЪЕЗД КОРОЛЕВЫ

Разлукой потрясенное светило
Прибрежный окровавило гранит
И в пурпуре дорогу проложило
Пред юной королевою Лилит.

И чайки, за прелестной королевой,
Бросались, с криком, в пену корабля,
И вечера окрасила напевы
В печаль осиротевшая земля.

И взоры всех, сквозь влажные ресницы,
Искали силуэт на корабле, —
Последний свет сияющей Жар-Птицы,
Лилит — прекраснейшей из королев.

И мы с тобой — чужого света тени —
Следили с грустью в море те огни,
Где удалялось светлое виденье,
Напомнившее нам другие дни...

Ведь это было, было все, когда-то...
Ты помнишь?.. Там, на берегах Невы:
И пушек салютующих раскаты,
И клики шумной, радостной толпы,

Знамен, значков, орлов — двуглавых — стаи!
«Ура!..» могучей, чем разлив реки,
И медью труб рокочущих сверкая,
Полки шагали, Русские полки!

И крыши, и деревья, и балконы —
Повсюду — люди, люди... И цветы!..
И ветры с Волги, Ладоги, и Дона
В трехцветных флагах, вольно... Помнишь ты?

Где пышность та, та слава, что мы помним?..
Во власти мы какого колдовства?
Как горько сделаться «ничьим», бездомным...
Пристали ль нам чужие торжества?

Но корабли плывут.. И мы, без гнева,
Смотря вслед исчезающим огням,
Благословим чужую королеву
За ту улыбку, брошенную нам...

НИКОЛАЙ ПЕТЕРЕЦ

301

Нет, не Москва, где каждый палисадник,
Где каждый двор — в миниатюре — Русь,
Преодолеть мне помогает грусть
О Родине, а устремленный всадник,
Воспетый Пушкиным. На вздыбленном коне
Он по сей час и грозен, и победен...
О, чары мастерства, что дали волю меди,
Возможные в искусстве и во сне.
Пусть конь храпит на твердом пьедестале
И борется с желаньем ездока —
Его простертая вперед рука
Зовет Россию к неизвестной дали.
Ты чужд теперь нахмуренной толпе,
Взнесенный в ночь, грозящий мраку рыцарь,
Как в символе мистически таится
Российская империя в тебе,
Чтоб вновь восстать нерукотворным чудом
Среди снегов и каменных громад,
Затем, что Русь не отойдет назад,
А, как река, осилит все запруды.

Декабрь 1932

302. ДОСТОЕВСКИЙ

Как черновик, день скомкан и отброшен.
Туман густеет над ночной Невой,
И Достоевский, словно гость непрошенный,
По комнате шагает — сам не свой.
Бормочет. Злобствует: «Не жизнь, а крошево,
Так трудно жить по-божьи, по-хорошему
Средь этой сутолоки деловой!

О век рассудка! Век безличной массы!
И человек, как бес — во всем черта:
Ведь мастер бес и шкодить и замазывать,
И ненавистна бесу широта.
Не пишется... Забыты «Карамазовы»,
Ведь некому и не о чем рассказывать.
Нет образов, одна лишь пустота.

Зачем писать? Не восстановишь лада
В раздробленной душе, в больном мозгу!
С надрывом, с похотливою усладою.

Писать? Для Бога? Для России? Надо ли?
Я отдал все... Я больше не могу!» —
Душа тоскует старым Мармеладовым
И пьяницей замерзнет на снегу.

Томит тоска, набухнувшая тучею.
И одиночество. И боль. И мгла.
Бороться ли с бедою неминучей?
Вот молния сверкнула, обожгла,
И сотрясла, и выгнула падучая:
На дыбе так подергивают, мучая,
Истерзанные пыткою тела,
Чтоб правду выведать...

АЛЕКСЕЙ ПЛЮШКОВ

303. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Далекий милый Петербург!
Нева. Исаакий. Неба просинь.
Любил в тебе я стужу пург
И доцветающую осень.

Любил мосты, любил дворцы,
И Летний Сад, и Луг Царицын,
И шелестевшие торцы
Под старомодной колесницей.

А сколько трепетных ночей,
Таких волнующих и белых,
Провел я у Невы твоей,
Вступая в жизнь свою несмело?

Как постоянно восхищал
Меня — пред летнею грозою —
Пронзенный облаков опал
Адмиралтейскою иглою.

Твоей державной красотой,
Тобой навек завороженный,
Твержу всегда: «Ты — мой, ты мой,
Петровой прихотью рожденный!»

304. ПЕТРОГРАД

Уходят в даль цепочкой фонари.
Который час? — Не разглядеть на башне:
Ушел ли только что угасший день вчерашний,
Иль наступает вновь рождение зари?

Дремотой скованный проспектов четкий ряд
Слепит глаза своим полночным светом.
Как в эту ночь, сейчас, не стать поэтом,
Когда стихами камни говорят?

И северный туман над гордою Невой,
И кружево мостов с узорчатой резьбою —
Все крепко связано с громадой городскою,
С гранитным берегом, с холодной красотой.

Могучий Петр! Твой мрачный силуэт
На вздыбленном коне величественен ночью;

Мне кажется, ты был совсем таким воочью,
Каким тебя создал в металле Фальконет.

Ты видишь город свой. О, как прекрасен он,
Его дома, и храмы, и чертоги,
И лишь на час-другой, пленительный и строгий,
Он погружается в неясный, чуткий сон.

Кто вырос в нем и жил, тому забыть нельзя
Волшебного ночного Петрограда.
Когда ночей прозрачная прохлада
Нисходит медленно, по улицам скользя.

Цепочкой тонкою мигают фонари,
Они бегут вперед, к высокой думской башне,
Окончен день — шумливый день вчерашний —
И наступает вновь рождение зари.

305. ЛЕНИНГРАД

Первоапостола Петра
Носящий имя город-сказка,
Чья недостойная игра
Твое закрыла имя маской: —

Кто посягнул на титул твой,
Который средь веков нетленен?
Кто дерзкой начертал рукой
Кощунственное имя — «Ленин»?

Пройдет годов неспешный ряд
И сам народ растопчет маски,
И возродится — «Петроград»,
Как Китеж-град в народной сказке.

И имя Ленина во прах
Низвергнут смелые народы, —
И засияешь ты в веках
Великим символом свободы!

306. Ф. И. ТЮТЧЕВ В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ПАРКЕ

Глаза прищурены за стеклами очков.
Неся шотландский плед (он неразлучен с пледом!)
Заходит в парк и время пред обедом
Проводит в тени «пушкинских шатров».

Перед скамьей, на берегу пруда,
Лениво чертит трость неясные узоры;

Пред устремленным вдаль — уже усталым — взором
Рябится и дрожит зеркальная вода.

Здесь стаи лебедей, и тишь, и облака
Рождают мир в душе и пониманье мира,
Здесь трепетанье рифм улавливает лира,
И к книжке записной сама скользит рука.

Здесь пылкий юноша в лицейском сюртуке
Следит за ним с мечтательной улыбкой
И тенью призрачной, таинственной и зыбкой,
Склоняется к его пергаментной руке.

Здесь в сердце старика вскипает юный пыл,
Рождая мудрые и пламенные песни,
Их претворяет в стих мечтательный кудесник,
Почувствовав прилив необычайных сил.

Строка торопится за беглою строкой
В приливе радостном былого вдохновенья.
И чувствует старик, как юноши виденье
Склонилось над его дряхлеющей рукой.

307. ЦАРСКОЕ СЕЛО

Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастие куда б ни повело, —
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

А. С. Пушкин

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных глухих берегов,
И столетия мы лелеем
Легкий отзвук его шагов.

Анна Ахматова

1. КАМЕРОНОВА ГАЛЕРЕЯ

В темном, старом, запущенном парке,
Где старинный стоит мавзолей,
Листья кленов осенних так ярки,
Так безрадостен клик лебедей.
Там столетние пышные ели,
Равнодушные даже к весне,
Грезят в чутком предутреннем сне
Об алмазном убранстве метелей.

В темном, старом, запущенном парке,
Притаились виденья и сны.

Плющ оплел триумфальные арки,
Возведенные в память войны.
Солнца робкие беглые блики
Разметались, аллеи пестря,
И бросают зерном янтаря
На суровые Цезарей лики.

2. АННА АХМАТОВА В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ПАРКЕ

Тонко хрустнули пальцы. Упали на выступ колена
Две бессильных и узких руки — два усталых и тонких крыла.
Поспешив в эту даль, в эту глушь, в эту тишь из домашнего плена,
Оторвать она взгляд от озер не могла.

Там же, крыльями взмыв, попирал тяжкой бронзой колонну
Победитель-орел, устремляясь в движении к озеру, — вниз.
Стоны чуткого сердца ее и неслышные орлие стоны
Кружевными узорами в строфы плелись.

Возникали в безлюдных аллеях тревожным дрожанием «Четки»,
Выше, выше вздымаясь — в бездонную, лунную синь.
Помню — взгляд напряженный и профиль отточенно-четкий,
Так похожий на профили статуй-богинь.

3. У ФЕДОРОВСКОГО СОБОРА

Е. Н. Якоби

На предутреннем восходе,
На закате предвечернем,
На фронтоне церкви белой,
Яркой радугой горя
(Из мозаики составлен),
Острием копья Георгий
Поражает в пасть дракона
С быстролетного коня.

Конь весь золотом сверкает.
Плащ по ветру у Святого
Развевается и блещет,
В солнце пурпуром горя.
Желт и страшен гад ползучий
И раскосо щурит глазки,
Ослепленный светом дивным,
Что расплавила заря.

Вспомнил эту я икону
В наши дни с особой силой

И молю: — Святой Георгий,
Русь от гада защити! —
...А в мечтах — сияет солнце,
На предутреннем восходе,
На закате предвечернем
Озаряя нам пути.

308. НЕВСКИЙ

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
А. Пушкин

Невский уперся концами своими
В Адмиралтейство и площадь вокзала.
Я по проспекту шагаю незримо, —
Снова его мне мечта показала.

Пушкин и Гоголь, Щедрин, Достоевский,
Ваших шагов не затерт отпечаток!
Саблей исчерчивал Лермонтов Невский:
Ментик, и шпоры, и снежность перчаток.

Так же вздымаются черные кони,
Мост охраняя чрез воды Фонтанки.
Екатерина в державной короне...
Красные флаги и грязные танки...

Думская башня. Сквозят колонады,
Четко обняв очертания храма,
Двигались здесь демонстраций громады
Под «Варшавянки» эпиталамы.

Библиотека. Гостиного арки.
Гулкий Пассаж и людей вереница.
За запыленною зеленью парка
Александрийки любимые лица.

Стрельская. Савина. Юрьев. Далматов.
— Сколько восторгов и сколько мучений! —
Скромно в деревьях укрылись палаты;
Создал их тонкий Расстрелиев гений.

Мчались события, годы и лица, —
Невского царственный лик неизменен,
И Петроград вечно будет столицей, —
Не развенчал его царственный Ленин.

Как неизменно величие Рима
(Как его только судьба не терзала!),

Прочно ты держишь концами своими
Адмиралтейство и площадь вокзала.

309. В ЭРМИТАЖЕ

В Петербургском Эрмитаже
Есть портрет:
Нежный отрок пышным пажем
Разодет.

По камзолу вьется локон.
Лоб открыт.
(В малом зале против окон
Он висит.)

Не могли мы надивиться
Много лет:
Приходила в зал девица,
На портрет
Любовалась взглядом жадным,
Чуть дыша, —
И сама была нарядна,
Хороша!

. . . .
Протекло с тех пор немало
Разных дней.
Вновь я брел по гулким залам
Галерей.

Как и прежде, против окон,
Тот портрет:
Отрок-паж, капризный локон...
Сколько лет!

Со вниманием упорным,
Вся дрожа, —
Вижу, — смотрит дама в черном
На пажа,
На его камзол, на рюшки...
— Ах, она! —
Каждый день стоит старушка.
Тишина...

310. Н. С. ГУМИЛЕВ

Парк Царскосельский был исхожен
Давно им вдоль и поперек.
Стремился он в палаццо Дожей
И на мифический Восток.

Взглянув мельком на Монну Лизу,
Заехав в Геную и Рим,
Бродил он долго по Тавризу,
Поэт и страстный пилигрим.

Добравшись до низовьев Нила,
Он — северный иероглиф —
Смотрел на игры крокодилов
И проникал в старинный миф.

Его влекли пески Сахары,
Там, как мираж (в жаре, в пыли),
Гравюрой выцветшей и старой
Пред ним видения прошли.

То были юности виденья:
Дворцы, знакомые сады,
Аллеи, полные значения
И Царскосельские пруды.

...И он опять в аллеях парка.
Как в годы юных дней и лет
Знакомые — лицея арка
И в бронзе юноша-поэт.

О, Царскосельский парк. Исхожен
Давно и вдоль и поперек...
Здесь меркнут Рим, Палаццо Дожей
И экзотический Восток.

311. БЛОКОВИАДА

I. Из цикла — «Поэты в Царском Селе»

АЛЕКСАНДР БЛОК

Заря свой розоватый глянец
На зелень парка навела.
Упал улыбчивый румянец
На гладь озерного стекла,
Алел в струе, текущей вечно,
И деву с урной освещал.
А Блок — в мечтаньях бесконечный —
Душой и сердцем трепетал:
Он вспоминал, как в век минувший
Другой поэт стоял пред ней,
Как он, в раздумьях потонувший,
Внимавший зову лебедей.

Блок, полный трепетом горенья,
Взяв горсть сверкающей воды,
Воскликнул в радостном волненьи:
«Здесь всюду Пушкина следы!»
И шагом быстрым, шагом четким
Он заскользил во тьме аллей,
И видел на озерах лодки,
И слушал клекот лебедей.
В его скользили вещем взгляде
Дела давно минувших лет
И в шумной юной кавалькаде —
Лицейский юноша-поэт.

...Как знать (кто может разобраться
В чужой душе и в смене дней?!),
Не создалось ли здесь «Двенадцать»
Под клекот грустных лебедей?!

<...>

III

Помнишь зимний Петербург,
Лихачей и санки,
Людный Невский у Морской,
Дом твой на Фонтанке?

Помнишь вечер, Летний сад
Белый-белый-белый?
(Щеки, нос щипал мороз,
Все лицо горело.)

По дорожке шел к нам Блок,
Мы к нему — навстречу.
Кутал щеки в воротник
Он в тот дальний вечер.

Это было Рождество,
Это был сочельник,
И крестьяне провезли
Для продажи ельник.

И, смешно скосив глаза,
Блок сказал: «Лесисто!»
Искры уличных костров
Рвались в воздух мглистый.

Мы втроем пошли бродить.
Холодно. Морозно.

Завязался разговор
Долгий и серьезный.

Об искусстве, о стихе,
Сюннерберге, Пясте,
О театре, о Дельмас,
Врубелевской страсти.

Колокольный гул поплыл.
Мы простились с Блоком.
На прощанье он сверкнул
Своим серым оком.

Помнишь — было Рождество,
Дом твой на Фонтанке,
Блок, Нева, наш Петербург,
Лихачи и санки?

ВЛАДИМИР ПОЗНЕР

312. ВСЯ ЖИЗНЬ ГОСПОДИНА ИВАНОВА

Дусе

I

На парадной двери дощечка прибита,
Прописью: «Иванов» и затейливый завиток,
Но парадная лестница давно закрыта
И не работает электрический звонок.
Господин Иванов был рад и не рад
Дожидаться пайка в полутемном подвале,
Но если пайка не выдавали,
Он ходил по утрам в Летний Сад.
Там, укутанные в осенний снег,
Каменные люди коротали век.
Будки, укрывавшие их зимой,
Были растащены на дрова.
Они стояли и качали головой,
А у многих была отбита голова.
На продовольственную карточку похожий,
Под калошами зашуршал коричневый листок.
Господин Иванов поглядел под калоши
И вспомнил: после завтрака получать паек.
Пушка ударила над крепостной стеною,
И белое облачко вспорхнуло на небеса.
Иванов, уходя, задвигал стрелкой больною,
Всегда отстававшей на четверть часа.
Вслед ему каменные люди кивали почтительно,
И ветер от Марсова Поля свистел сомнительно.

II

Когда-то его имя гремело,
А потом
Он пошел походкой несмелой
В «Дом Ученых» за пайком.
Выдадут хлеб, потащит домой,
Под ногами скользят ледяные дорожки.
Из мешка дрожащей рукой
Выщипывает хлебные крошки.
Дома — больная жена на лестницу выбегала,
Вдвоем втаскивали легкий мешок,
Ели, как попало,
Академический паек.
Потом грелись у жестяной печурки, —

Стапливали остатки стола.
Он курил окурки,
Она лепешки пекла.
Потом вместе по картам гадали,
Ссорились из-за каждого хода, —
Сколько ждать: день ли, года ли,
Два, три, четыре года.
Он мужественно с холодом боролся,
Она жалась в заштопанном плаще.
И говорили вполголоса
О жизни и вообще.

III

Господин Иванов шел к кузине
Закрученными переулочками.
Кузина жила на пятой линии
И торговала белыми булочками.
На лестнице встретилась Люся, кузинина жилица,
Приблизительно восемнадцати лет,
Серьезная, но хорошенькая девица,
Посещавшая физико-математический факультет.
Кузина в зеленое одеваться любила,
И студент, бывший у жилицы раза два,
Говорил, что кузина напоминает могилу,
На которой выросла обильная трава.
Кузина подала руку для поцелуя,
Господин Иванов изогнулся, поцеловал,
Потом боком подошел к столу
И запах булочек жадно вдыхал и вздыхал.
Телефон задребезжал гулко,
— Нет, Люси дома нет!
Иванов пугливо схватил булку.
— Она ушла в университет.
— Ну, я пойду. — Уже? отчего?
— Проголодался, скоро ужин.
И кузина заметила, провожая его,
Что у господина Иванова грязные уши.

IV

Октябрь пришел в Петроград,
И с октябрем вдруг
На город, как град,
Выпал за слухом слух. —
Все комиссары уже бежали,
У набережной Рошаля
Стоит английский флот,

И адмирал сказал:
До вечера подождать,
А вечером даст залп.
Нева потекла вспять,
Обмелел петроградский порт.
На Бассейной, тридцать пять,
У чекиста родился черт.
Слухи держались две недели,
Пока обывателям не надоели,
Пока с обывательской легкой руки,
Им не поверили большевики.
Ночью включили вдруг ток,
Вызвали роту пехотного полка,
Арестовали человек сто
И отвезли их в Чека.
Снежной соли пласты легли,
Сто квартир пустуют.
И тогда по снегу слухи ушли
Туда, где слухи зимуют.

V

Как контрреволюционера рьяного,
Между прочим,
Арестовали господина Иванова
Третьего дня ночью.
Его жена была больна,
Из кровати глядела в окно:
Там в небо вкатывалась луна
И погружалась на дно.
В серые клочья неба рваного
Петропавловская крепость вонзила острие.
Умерла жена господина Иванова,
Молитесь за нее.

VI

...Люся потащилась к господину
Иванову, лишь накануне
Отпущенному из тюрьмы.
Иванов ей обрадовался страшно.
Он говорил без умолку, сев в угол,
Чтоб голой шеи не было заметно
(Он больше не носил воротничков).
— Я думаю, что вот: у человека
Пять чувств, для них искусства:
Для слуха — музыка, а живопись для зренья,
Для осязания — архитектура,

А чем же хуже вкус? Нет, повара
Такие же художники, поэты.
Еда — высокое искусство! Вот на Пасху
Мне выдали варенья и муки.
Валялась тут поваренная книга,
Я стал читать и так увлекся...
Потом Иванов разложил пасьянс.
— Если выйдет, интервенция Польши.
— Нет, тогда конец в начале марта.
— Люся, не мешайте больше!
— А эта карта?
Видела: совсем седой.
Думала: последнего ума лишился.
Иванов провожал Люсю домой,
Но взять ее под руку не решился.

VII

Комнаты серы, сыры, темны,
В пустом буфете — мышья возня.
Обоями, отставшими от стены,
По полу хлопает, шлепает сквозняк.
В спальной неубранная кровать
В зеркальном шкапу отражена.
Не хотел глаз открывать:
А вдруг под простынями жена.
В столовой упал, наткнувшись на корыто,
Сидел на полу, глядел в сырой потолок.
Парадная дверь была закрыта,
И не работал электрический звонок.
На кухне в раковину капала вода.
Косая картина качалась на гвозде.
В мутное окно мигала звезда.
Господин Иванов подмигнул звезде.

VIII

Кузинина дверь была отворена.
Иванов, не звоня, вошел,
Крикнул: Софи, Софи! Тишина.
Прошел в кухню и сел за стол.
Булочки в решете, подсел к решету.
— Только одну булочку выну.
И только эту, и ту, и ту...
Поднял глаза и увидел кузину.
Она медленно покраснела,
Отвернулась, глядела в окно.
На цыпочках к ней, несмело:
— Ты давно знала? — Давно.

IX

Господина Иванова в Летнем Саду,
Как знакомого, встретили каменные люди.
— Мы знаем постигшую вас беду,
— Будьте каменным, все там будем.
Каменные люди вежливо
Кивали ему головой.
И ветер свистел насмешливо
Над его головой.
Каменный мальчик неистово
Ему головой кивал,
И ветер над ним насвистывал
Интернационал.
Каменный курсант стоял над рекою,
Каменный матрос мешок переносил,
Каменный нищий с отбитою рукою
Милостыни попросил.
Перешел мостовую походкой пьяного.
Над крепостью облачко и белый след.
Каменная Люся, не заметив господина Иванова,
Прошла на физико-математический факультет.
    Господин Иванов,
    Куды котишься?
    В Неву попадешь,
    Не воротишься!

Париж 1921

КИРИЛЛ ПОМЕРАНЦЕВ

313. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Солнце, море,
мечты и дороги...
Гулкий сумрак резных кампанил:
счастье было совсем на пороге,
в дверь стучалось.
Но я не пустил.

Мимо! Мимо!
Мелькают пейзажи,
задыхается мотоциклет.
Ветер вскинется, грудью наляжет,
отшвырнет фиолетовый след.

И, невольно глаза закрывая:
сто,
сто двадцать,
сто сорок!
А вдруг?..
Над Венецией ночь кружевная
начертила серебряный круг.

Захлебнулась неоновым блеском,
провалилась сквозь тысячи лет,
и наутро проснулась на Невском,
поджидая февральский рассвет...

Так, под нервную дробь ундервуда
возникают былые года,
появляются ниоткуда
и, срываясь, летят в никуда,

исчезая кривым силуэтом
за мазками оранжевых крыш.

Под косым электрическим светом
вижу стрелку и надпись:
ПАРИЖ.

ВИКТОРИЯ ПОППЕР

314. МОЕМУ ДРУГУ

Мы бродили, как герои Достоевского,
От зари вечерней до утра.
Мы бродили вдоль Фонтанки и по Невскому,
Любовались городом Петра.

Все застыло в странном, белом освещении,
Медный всадник гордо рвался ввысь...
И «Двенадцать» Блока, как видения,
Перед нами призрачно неслись.

Колдовала свои чары ночка бледная...
Площадь вся была озарена,
И Канавка та, где Лиза бедная
Дорогого Германа ждала.

А на западе прощальными лучами
Разливалася вечерняя заря,
И над синими погасла куполами
Смольного монастыря.

А потом мы на мосту остановилися...
Простояли там до самого утра!
Друг сказал: «Мы здесь с тобой родилися,
В этом милом городе Петра!»

Мы задумались о прошлом и о будущем
И о том, как двести лет назад
Здесь вознесся магией могущественной
Пушкиным воспетый гордый град.

Долго мы стояли на мосту Египетском...
Вот уж утра алая заря
Разлилася тихо над пленительным,
Над волшебным городом Петра.

А потом — мы обменялись взглядами...
Только слышалися всплески легких струй,
Только Сфинкс смотрел с улыбкою загадочной
На безмолвный долгий поцелуй!

Июнь 1969
Ленинград

315. БЛОКАДА

К сорокалетию блокады Ленинграда

Прекрасны вы, строенья Ленинграда!
Прекрасный город Пушкиным воспет!
Но я пою страдальцев той блокады,
Которых и на свете больше нет.

Благословен, кто вынес голода терзанья,
Кто уцелел для жизни, Господом храним.
Благословен и тот, кто там остался!
Тот в небесах парит, как Божий херувим!

Все вижу я:
Налетов ночью вспышки огневые,
Заснеженные трупов штабеля...
Сегодня мертвые, вчера еще живые...
Несчастная, родимая земля!

Я вас люблю и шлю мое благословенье
Страданьям, улицам, нечищенным снегам...
И плачу горькими слезами состраданья
Ко всем: оставшимся живым — и мертвецам!

Весна 1983
Хельсинки

316. В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ЛИЦЕЕ

В Царскосельском лицее! В Царскосельском лицее
Я иду, как в тумане, я бреду, как в бреду...
Вот мне вспомнился Выборг — я красивей, юнее,
Но решенья задачи до сих пор не найду.

Вот сижу я на парте. Протекают столетья.
Скоро двести лет будет, как родился поэт.
Точно замерло время в Царскосельском лицее,
Протекают столетья, точно тысячи лет.

Вот шаги раздаются. Это вспомнилась младость.
«Возвращается ветер на круги своя...»
Где ты, Гений наш милый? Где весна, жизни радость?!
Я бреду, как в тумане... Это я — и не я.

Это было когла-то — в Царскосельском лицее.
Смуглый юноша Пушкин... Девятнадцатый век...
Подружился он с Музой здесь в студенческой келье,
С легкокрылой «резвушкой» подружился навек.

Я училась в лицее... Это было когда-то...
Этот класс рисовальный! Эти бюсты богов!
Вот сместилось сознанье. Все вернулось обратно.
Где ты, милый мой Пушкин — Царство девичьих снов!

В Царскосельском лицее я иду по аллее...
Осыпаются листья... Это сон или явь?
Он сидит на скамье в Царскосельском лицее,
Головою кудрявой на руку склонясь.

17 сентября 1986
Пушкин

317

Люблю тебя, Петра творенье!

Петербург! Петроград! Ленинград!
Это греза, мечта или сказка?!
Здесь Раскольников ищет ли клад,
Иль любви «Идиота» развязка?

Здесь «Двенадцать» неслись сквозь вьюгу,
Здесь томилась Анна по другу...
Сколько призрачно-милых лиц
И знакомых волшебных страниц!

Здесь сомкнулось блокады кольцо.
Гордый город-герой не сдается.
Неподвижно Сфинкса лицо,
Хоть снаряд над ним с пламенем рвется.

Я родилась здесь очень давно.
Протекли с тех пор будто столетья...
Но влюбленной душе все равно
Медный всадник иль войн лихолетья!

Город взнесся лет двести назад...
Пусть с тех пор изменилась мода.
У меня тот же самый взгляд:
Петербург, Петроград, Ленинград,
Сфинксы, ангелы иль кони Клодта.

Сентябрь 1986
Ленинград

СОФИЯ ПРЕГЕЛЬ

318. ПЕТЕРБУРГ

Город в еловом сияньи,
Лапы собак на снегу,
Финские лошади, сани,
Фырканье на бегу.

Кучер ругается люто,
Снег на подъемах глубок.
Пышной дохою окутан
Темный, мохнатый седок.

Светит в последнем стараньи
Поздний фонарь, и, слепа
В заиндевевшем тумане,
Белая реет крупа.

319

В шапке лицо низколобо,
Прыгает шубы пола,
Плачутся розвальни с гробом.
Над бесконечным сугробом
Тянется нежная мгла.

Только растет над крестами
Праздничная синева,
Только лежит под мостами
В светлом наряде Нева,

Только сосновые длани
В парке чудесно белы,
Только в сквозном одеяньи
На государственном зданьи
Спят золотые орлы.

1937

320

Улицы праздной пенное мыло
И дождевая в лужах вода, —
Этого не было, это забыла.
Не повторится здесь никогда —

В полдень на Невском жаркое лето,
Желтых небес тяжелая ткань,
Тени домов, и дома-скелеты,
И доцветающая герань.

Как приказать, чтоб не стало разлуки,
Чем я сейчас тебя помяну,
Город видений и царственной скуки!..

Тянутся, тянутся слабые руки
К воображаемому окну.

321. ПИКОВАЯ ДАМА

Не разлука ли больно сердечко укусит,
Будет выть, и стонать, и скрипеть без конца:
В эту темную ночь отравилась Маруся,
Умерла, умерла, не дождавшись венца.

Там шарманка поет на щербатой панели,
Там прохожий из пыльного мрака возник,
Николаевской, пышной, тяжелой шинели
На морозе бобровый блестит воротник.

За любовь погибаю, что может быть проще,
Умираю, зеленым огнем сожжена...
На пустом перекрестке фонарные мощи,
На глухом перекрестке гудит тишина.

Ветер мартовский злится и злобно ревнует,
Разбивает за глыбою глыбу, звеня,
А на площади всадник во тьму ледяную
Небывалым галопом пускает коня.

И кончается где-то ночная пирушка,
Подымается белый, назойливый пар,
Из калитки выходят подвыпивший Пушкин
И румяный повеса, Каверин гусар.

В эту ночь роковую убиты три карты,
Три мечты безвозвратно уходят во мрак,
Крепче пунша сердитая ласковость марта
За небритые щеки хватает гуляк.

Плачет Лиза у Зимней канавки, и мнится —
Нету скорби ее и сильней и больней.
Петербургская полночь, как черная птица,
Осторожно и четко кружится над ней.

И седой полумесяц, наивно-печальный,
Успокоить любовников хочет вотще.
Там склоняется в будке унылый квартальный,
Там мелькает прохожий в придворном плаще.

Тень графини и Герман, в ночи бледнолицый,
На зеркальном окне неживого дворца.
Ветер мартовский бьет, и пугая, боится,
На туманном рассвете страшится конца.

До могилы дойдешь ты стезей роковою,
Ты, вкусившая первой отрады едва...
Ветер ладожский спорит с широкой Невою,
И в объятьях смертельных пылает Нева.

ГЕОРГИЙ РАЕВСКИЙ

322

Ты помнишь ли, как в Царскосельском парке,
Вдоль всей екатерининской аллеи,
Вдоль синих окон белого дворца,
В сентябрьском воздухе кружились листья,
То желтые, то красные, и мягко
Ложились на траву и на скамейки,
На плечи белых мраморных богов.
Стояли дни, когда не только воздух,
Но самый мир становится прозрачным
И звуки и цвета приобретают
Какую-то особенную ясность.
В них было что-то царственное, в этих
Дубах и кленах, так они спокойно
Свое роняли золото на землю,
Империя тогда уже клонилась
К ущербу, но безмолвие и холод
Ничем не нарушимые царили
В те годы там, в торжественных садах,
Чуть тронутых осенним увяданьем.
А посреди пруда с большой колонны
Орел чугунный, крылья распластав,
Летел, — напоминание о славе —
Пронзительным не нарушая криком
Предгибельной и полной тишины.

323. ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

Н. Оболенскому

1

Я вспомнил листья золотые —
Под небом Царского Села,
Где свет увидел я впервые,
И снова память мне дала
С неизъяснимою отрадой
Увидеть ясно, как сейчас,
Деревья и решетку сада
В воскресный, ранний, светлый час.
Один на площади открытой,
Чуть повод трогая рукой,
В черкеске синей, ловко сшитой,
Скакал конвоец верховой;
И вдоль дворца зеркальных стекол,

Вдоль бронзовых кариатид,
Горячий конь ритмично цокал
Подковой звонкой о гранит.
Империя уже клонилась
К ущербу, мглой окружена,
Но чудным блеском золотилась
Садов вечерних тишина;
И на дворцовую ограду,
И на чугунного орла
Ночная поздняя прохлада
С печальной музыкой текла.
Но нам — далекий, музыкальный
Непрекращающийся шум
Мелодией казался бальной.
Беспечно жили мы, без дум
И без тревог; мелькали зимы
Бесшумно — белой чередой,
Кружились, проносились мимо, —
И только помнился порой
Девичий смех, и снег хрустящий,
И мех на розовой щеке,
И мерный, плавный и щемящий
Вальс на серебряном катке.
О, как блаженно мы кружились
По синему ночному льду,
Тенями легкими носились,
Вновь появлялись на свету.
Так листья с шумом возникают
В прямоугольнике окна,
И мечутся, и пропадают, —
И снова мрак и тишина.
Но сердце помнит благодарно
Виденье отроческих лет:
Снег вьющийся и круг фонарный,
На льду конька мгновенный след.

2

Дыханье осени в природе,
Пустое поле. Там, вдали,
Стреноженная лошадь бродит,
Как будто на краю земли.
С крутого, темного обрыва
Река вечерняя видна,
Ее две утки торопливо
Переплывают. Тишина
В прозрачном воздухе такая,
Что ясно слышен каждый звук:
Крик журавлиный долетает,

Телеги раздается стук.
Рубеж. Ракита у дороги
Близ пограничного столба, —
И взором пристальным и строгим
В лицо смотрящая судьба.
Когда на гибнущую Трою
В последний раз глядел Эней,
В изгнанье унося с собою
Виденье родины своей,
Должно быть, каждый малый камень,
Пучок травы береговой
Ловил он жадными глазами,
Вбирал ревнивою душой.
Прощай! — Надолго ли, кто знает?..
Проходят вереницы лет.
Во мгле, в тумане пропадает,
Теряется далекий след.

ЕВГЕНИЙ РАИЧ

324

Поздно ночью, усталостью пьяный,
Я один возвращаюсь домой,
И плывут предо мною туманы,
И я вижу мой город родной.

Вижу снова колонны Сената
Сквозь деревьев прозрачную сеть,
И за серой стеной каземата
Вдалеке голубеет мечеть.

Над Невою чернеет ограда,
Тихий воздух прозрачен и синь,
Застывает в безмолвии сада
Хоровод обнаженных богинь.

Не зажжен на проспекте забытом
Фонарей убегающий ряд,
Над холодным шершавым гранитом
Одинокие сфинксы грустят.

И в столице суровой и пышной
Человеческий сон не звучит,
Только волны рыдают чуть слышно,
Разбиваясь о влажный гранит.

Так, торжественной полон печалью,
Безначальной, как смерть, тишиной,
За туманной, за северной далью
Возникает мой город родной.

1920

325

Разомкнутый опять сомкнулся круг,
И не стереть написнного кровью!
Пускай тебя целует новый друг,
Влюбленно по ночам склоняясь к изголовью, —

Ты для меня надменна и чиста,
В воспоминаньях я не властен и не волен,
Я помню наших встреч привычные места,
Под перезвон пасхальных колоколен.

Касанья краткие разгоряченных рук,
Весенний небосклон над опустевшей Стрелкой,
И двух сердец нетерпеливый стук,
Перерываемый далекой перестрелкой.

326

Зачем не жил я в дни, когда проснулась
Ты, Душенька, Ленора, Лалла Рук,
О Муза русская! Когда горячих рук
Лицейских юношей твоя рука коснулась.
Прелестная, невинная Людмила,
Узнав любви мучительную власть,
Курчавому арапу подарила
Ты первую девическую страсть.
Марией, Машенькой, а чаще — бедной Таней
Любовнику в ночи являлась ты,
И жар твоих язвительных лобзаний
Он пил среди *неверной темноты*.
Но за тебя он принял Гончарову,
И Черной речкой кончилась любовь;
Тебе остались ранний траур вдовий
И Пушкиным разбуженная кровь.
Ты стала женщиной — прекрасной и надменной,
Княжной, графиней; в светский маскарад
Тебя увлек поручик озлобленный
И в даль увез заезжий дипломат.

Но век златой других веков короче:
Едва родясь, уже кончался он;
Пусть многим ты свои дарила ночи —
На их устах рождался только стон.
Серебряный сентябрь за августом палящим!
На лозах высохших — душистые плоды!
Жрецов на башне и бродяг гулящих
Изысканным стихам учила ты.
Но был один, чьи спутанные речи
Тебя пленили, снежная Кармен;
Он в синий плащ твои закутал плечи,
Увел тебя в свой соловьиный плен.

Но залп Авроры раскатился громко,
И в мертвом городе, на стынущей Неве,
Оставил он, Фаина, Незнакомка,
Тебя, как Катьку, с пулей в голове.

А все, что сберегла в смертельной вьюге,
Последние, осенние цветы,
Ты отдала единственной подруге,
И радостной, и горестной, как ты.

НИНА РУДНИКОВА

327. НА ПЕТРОГРАД!

На Петроград! Пусть это слово
Звучит, как трубный глас! Пора!
На Петроград! В поход крестовый!
Из рук нечистых вырвать снова
Святыню русскую Петра!

На Петроград! — Изнеможенный
От крови, голода и слез,
Он ждет вас, мраком окруженный!
Спасите город прокаженный! —
Он крест свой слишком долго нес...

На Петроград! — Где стонут ныне
Под хохот бесов — и от мук,
Забвенья ищут в кокаине,
Где невские дрожат твердыни
От хруста к вам воздетых рук!

Вас ждет Исакий — чудо света —
Гранитной думою колонн.
Простор Невы, в туман одетой, —
И Медный Всадник Фальконета,
В тяжелый порученный сон!

328. ТОСКУЕМ...

Гирлянды фонарей уходят молча в даль,
Больные сумерки улыбкой светят сонно...
И стелется печаль по небу утомленно,
И стелется печаль...

Осенним золотом окован Летний Сад.
Вкруг поля Марсова за легкою оградой
Деревья тихо спят: им ничего не надо...
Деревья тихо спят...

На Невском под дождем не умолкает шум...
В туманах наверху горят огни Омеги.
Исакий полон дум в своей суровой неге,
Исакий полон дум...

Нева свинцовая скучает в тихий час
В гранитных берегах... И тенью одинокой

Проходит мимо нас в мглу Незнакомка Блока,
Прходит мимо нас...

Так вспоминаем мы тоскующей душой
И пьем, о Петербург, твое очарованье...
Взращенные тобой — томимся мы в изгнаньи,
Взращенные тобой!

329. СКОРБЬ

Сердце скорбит о тебе, о несчастный
Мученик-город, родной Петроград!
Вижу с чужбины, как в холод ненастный
В стенах промерзлых там братья дрожат...

Кто претворит в благодатные хлебы
Жесткие камни твоих мостовых?
Сыплется снег с безответного неба
В очи застывшие трупов живых.

Ждали спасенья — разбились надежды,
Чаяли чуда — оно не пришло...
Кто же подаст вам в дни стужи одежды,
Кто даст телам изможденным тепло?

Кто вашу душу надеждой овеет,
Душу из смерти и мрака спасет?
Вижу, как медленно дух ваш мертвеет,
Вижу, как сердце не верит, не ждет...

Страшное, страшное Рок преступленье
Сделал над вами: позвал, поманил
Тщетной надеждой — и вновь отреченья
Камень тяжелый прочней навалил.

Город несчастный, страданием жуткий,
Призрак настойчивый, мучащий взгляд...
О Петроград наш суровый и чуткий,
Преданный смерти родной Петроград!

ИВАН САВИН

330. ПЕТРУ

Быть может, и не надо было
Годов неистовых твоих...
Судьба навеки опустила б
Мой край в восточные струи.

А ты пришел, большой и чуждый,
Ты ветром Запада плеснул
В родные терема и души.
И, путь свой пеной захлестнув,

Твоя тишайшая держава
Рванулась вдруг и понесла...
Куда: к величью, к вечным славам?
К проклятьям вечным и хулам?

Как знать: то зло, что темным хмелем
По краю ныне разрослось,
Не ты ли с верфи корабельной
На топоре своем принес?

И не в свое ль окно, сквозь гиблый,
Сквозь обреченный Петербург
Вогнал ты золотом и дыбой
Всю эту темную судьбу?..

Но средь безумных чад петровых
Кто помнит и кого страшит,

Что там, на черной глыбе руку
Все выше подымает Петр,
Что полон кровию и мукой
Сведенный судорогами рот...

ГРИГОРИЙ САТОВСКИЙ-МЛАДШИЙ

331. МОЙ ГОРОД

Ночь крадется в шорохах чуть слышных,
В тараканьих шелестах-шагах,
Беспокойно и пугливо дышит
Тьма слепая в комнатных углах.

Ночь поет минутами, часами, —
Кажется, конца не будет ей!
И во мраке тихо шепчет память,
Щедрый дар бессонницы моей...

Снова я под блеклым небосводом
(Никогда забыть его не мог!)
Зазвенел веселым ледоходом
На Фонтанке голубой ледок...

По торцам так мягко бьют копыта,
Влажный воздух так прозрачно-чист,
Что сегодня мною позабыты
Класс, урок и старый латинист...

Невский говорит, бурлит, клокочет,
Мчит поток прохожих без конца.
Как прекрасен величавый очерк
Красной массы Зимнего Дворца!

Тихо-тихо в залах Эрмитажа,
В библиотеке, средь старых книг,
О былом мне тишина расскажет,
Красотой ушедшей приманит...

Помню, помню! В облачном тумане
Промелькнувших бестолковых лет
Город мой передо мной предстанет,
Город, изумлявший целый свет!

Мощность Петропавловской твердыни,
Шпиль Адмиралтейства в облаках
И у Елисеева в витрине
Пара неуклюжих черепах!

Гордый замок Инженерный, площадь
С медным буйно скачущим конем
И уснувший старенький извозчик,
Летний Сад и крик ребячий в нем —

Все равно! Мне каждый камень дорог,
Мил мне каждый долетевший звук
Этих дней, когда я был так молод,
А вокруг был старый Петербург!

Город мой! Какой святой любовью
Я тебя навеки полюбил,
Белой ночью, льнущей к изголовью,
Как больной без стона и без сил.

Всей душою верю я и знаю,
Что увижу снова город мой...
Шелестит бессонница ночная
Бархатной безглазой темнотой...

ГРИГОРИЙ САХНОВСКИЙ

332. СОНЕТЫ ПЕТЕРБУРГУ

I

Туманы, хлад и улицы прямые...
Величие... Простор... Державный строй...
О, град Петра, ты не сгибаешь выи, —
Ты царственен над царственной Невой!

Разорники, разбойники лихие
Пришли сравнять храмины все с землей, —
Несокрушим, ты золотой иглой
Грозишь врагам возлюбленной стихии!

Давным-давно безумец-изувер
Лжепрорицал, что месту пусту быти,
Но ты стоишь, во мгле угрюмо сер,

Укрывшися в серебряные нити,
В парче снегов... О, недруги, поймите, —
Град оживет в огне небесных сфер!

II

Издалека победное светило
Прольет лучи, и зацветет заря
Над древнею и вещею могилой
Великого строителя Царя!

И возрожден, и полон новой силы,
Восстанет град, созвездием горя,
И покорит соседние моря,
Забыв про сон, бесславный и унылый.

Твой зодчий — Петр. Из камня среди пург
В глуши болот воздвиг тебя твой гений —
Прославленной России демиург!

Заблещет день... Бегут ночные тени...
Врагов своих повергнешь на колени
И победишь, бессмертный Петербург!

НИКОЛАЙ СВЕТЛОВ

333. ЗА РУБЕЖОМ

Колдовская ночь! Мороз жестокий
Хочет кровь артерий затушить,
И туман глядит глазами Блока
В нищенскую пустоту души.

Фонари качаются — слепыми
Призраками снятых с неба звезд.
Со двора на них, с глазами злыми,
Лается провинциальный пес.

Сердцу холодно. И, согреваясь,
Сердце сказку теплую творит:
Предо мною улица кривая
Принимает петербургский вид.

И в тумане улицы — виденья:
Пушкин, Достоевский, Гоголь, Блок,
Чьи неумирающие тени —
Всей былой России эпилог.

Хочется упасть лицом в сугробы
Сонного проспекта и уснуть,
Чтоб забыть, смиряя в сердце злобу,
Ту страну, куда заказан путь.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

334. ПОЭЗА ДЛЯ ЛАКОМОК

Berrin, Gourmets, Rabon, Ballet,
Иванов, Кучкуров и Кестнер
Сияли в петербургской мгле —
Светил верхушечных чудесней...

Десертный хлеб и грезоторт
Как бы из свежей земляники —
Не этим ли Иванов горд,
Кондитер истинно-великий?..

А пьяновишни от Berrin?
Засахаренные каштаны?
Сначала — tout, а нынче — rien:
Чтоб левых драли все шайтаны!

Bonbons de viollettes Gourmets,
Пирожные каштанов тертых —
Вкушать на яхтенной корме
Иль на beaumonde'овых курортах.

Мечтает Grâce, кого мятеж
Загнал в кургауз Кисловодска:
«О, у Gourmets был boule de neige»,
Как мятно-сахарная клецка...

И Нелли к Кестнеру не раз
Купить «пастилок из малины»
Заехала: забыть ли вас?
Вы таяли, как трель Филины!

И ты прославлен, Кучкуров,
Возделыватель тортов «Мокка»!
Ах, не было без них пиров
От запада и до востока...

А Гессель? Рик? Rabon? Ballet?
О что за булочки и слойки!
Все это жило на земле.
А ныне все они — покойки!

335. БОРИСУ ВЕРИНУ

В свое «сиреневое царство»
Меня зовешь ты в Петроград.

Что это: едкое коварство?
Или и вправду ты мне рад?
Как жестко, сухо и жестоко
Жить средь бесчисленных гробов,
Средь диких выходцев с востока
И «взбунтовавшихся рабов»!
И как ты можешь, тонкий, стильный,
Ты, принц от ног до головы,
Жить в этой затхлости могильной,
В болотах призрачной Невы?
Скелетовидная Холера
И пучеглазая Чума
Беспутствуют, смеются серо,
Ужасные, как смерть сама.
И методически Царь Голод
Республику свергает в топь...
А ты, который горд и молод,
Пред ним — опомнись! — не холопь!
Беги ко мне, страшись «татарства»!
Мой край возник, как некий страж,
Твое ж «сиреневое царство» —
Болотный призрак и мираж.
Не дай мне думать, рыцарь верный,
Чей взлет всегда был сердцу люб,
Что ты бесчувственный, безнервный,
Что ты средь грубых сам огруб.

1918 — XII

336. ОТХОДНАЯ ПЕТРОГРАДУ

За дряхлой Нарвой, верст за двести,
Как окровавленный пират,
Все топчется на топком месте
Качающийся Петроград.
Кошмарный город-привиденье!
Мятежный раб! Живой мертвец!
Исполни предопределенье:
Приемли страшный свой конец!
В молитвах твоего литурга
Нет о твоем спасеньи просьб.
Ты мертв со смертью Петербурга, —
Мечты о воскресеньи брось.
Эпоха твоего парада —
В сияньи праздничных дворцов.
Нет ничего для Петрограда:
О, город — склеп для мертвецов!
Твоя пугающая близость —
Над нами занесенный нож.

Твои болезни, голод, сырость —
Вот чем ты власть свою умножь!
Ты проклят. Над тобой проклятья.
Ты точно шхуна без руля.
Раскрой же тонкие объятья,
Держащая тебя земля.
И пусть фундаментом другому
Красавцу-городу гранит
Пребудет твой: пусть по-иному
Тебя Россия сохранит...

1918 — XII

337. В ТОТ МАЙ

Был май. На подстриженной стрелке
Уже продавали фиалки.
Детишки играли в горелки,
И нежились горизонталки.
И шины колясок хрустели,
Прижатый тревожили гравий.
Был май, и на майской пастели
Все было в Островской оправе.
Белесо ночела столица
За Невками и за Невою.
И были обвеяны лица
Сиренью в тот май неживою...
Болотной, чахоточной, белой
Обвеяны были сиренью.
Дышали уста Изабеллой —
Чуть терпкой, чуть тленною ленью...
Была обреченность и гибель
В глазах, в Островах, в белой жути.
И в каждой-то каменной глыбе
Был сказ о последней минуте.
Угаслыми были горелки
И зяблыми горизонталки
В тот май полумертвый на Стрелке,
Где мертвыми стали фиалки...

1929

338. ПАСХА В ПЕТЕРБУРГЕ

Гиацинтами пахло в столовой,
Ветчиной, куличом и мадерой,
Пахло вешнею Пасхой Христовой,
Православною русскою верой.
Пахло солнцем, оконною краской

И лимоном от женского тела,
Вдохновенно-веселою Пасхой,
Что вокруг колокольно гудела.
И у памятника Николая
Перед самой Большою Морскою,
Где была из торцов мостовая,
Просмоленною пахло доскою.
Из-за вымытых к Празднику стекол,
Из-за рам без песка и без ваты
Город топал, трезвонил и цокал,
Целовался, восторгом объятый.
Было сладко для чрева и духа.
Юность мчалась, цветы приколовши.
А у старцев, хотя было сухо,
Шубы, вата в ушах и галоши...
Поэтичность религии, где ты?
Где поэзии религиозность?
Все «бездельные» песни пропеты,
«Деловая» отныне серьезность...
Пусть нелепо, смешно, глуповато
Было в годы мои молодые,
Но зато было сердце объято
Тем, что свойственно только России!

1926

339. МАРИИНСКИЙ ТЕАТР

Храм с бархатной обивкой голубой,
Мелодиями пахнущий, уютный,
Где мягок свет — не яркий и не смутный —
Я захотел восставить пред собой.

Пусть век прошел, как некий Людобой,
Век похоти и прихоти минутной,
Пусть сетью разделяет он злопутной
Меня, Мариинский театр, с тобой, —

Пусть! Все же он, наперекор судьбе,
Не может вырвать память о тебе,
Дарившем мне свое очарованье.

И я даю тебе, лазурный храм
Искусства, перешедшего к векам,
Театра Божьей милостью названье!

1924

340. МОГЛО БЫТЬ ТАК...

Могло быть так: лет двадцать пять назад,
Там, на воспетой Пушкиным Неве,
Слегка желтел зеленый Летний сад,
В осенней было небо синеве.
И Мраморный дворец стоял в плюще,
Пустело поле марсовых потех.
Я в мягкой черной шляпе и плаще
Дорожкой проходил с одной из тех...
И бонну с девочкою лет пяти
Мы у Крылова встретили тогда.
Дитя у нас сверкнуло на пути, —
Как с неба падающая звезда.
Могло быть так.
...И вот, лаская Вас,
Отделаться от мыслей не могу:
Оно — одно: сиянье Ваших глаз
И — девочка на невском берегу!

16 сентября 1933
Замок Hrastovas

СЕРГЕЙ СЕРГИН

341. ЗАВЕТНЫЕ СЛОВА

Россия. Петербург. Нева.
Как ни зови их, смысл все тот же.
Душа забудет все слова,
Но этих позабыть не сможет.

Нас цепкая связует нить,
Клубок таинственный и грозный.
Не вычеркнуть, не примирить...
О Родина, с тобою розно

Чем я живу, как жить могу?
Печалью, длящейся годами,
Иль памятью?.. Я берегу
Ее, как выцветшее знамя,

Впитавшее сражений дым,
Как щит, с надеждою несомый, —
Когда-нибудь, немолодым,
Сквозь слезы улыбнуться — дома.

СЕРГЕЙ СИМОНОВИЧ

342. В ЭРМИТАЖЕ

Какие яркие картины
Давно промчавшихся времен!
О чудный век Екатерины,
Небесный луч, волшебный сон!
Вельмож напудренные лица...
Потемкин, Зубов и Орлов!..
В плеяде дивной вереница
Слетевших солнечных орлов.
А в то же время лесть Вольтера,
Лелея юные мечты,
Уж предрекала Роспеспьера
И ад на смену красоты.
Европа грезила в смятеньи
О невозможном и смешном,
Не для того ль, чтоб в униженьи
Париж увидел трон потом?
. . . .
Ночь в Эрмитаже. На колоннах
Амуры шепчут в тишине,
И сладострастно на балконах
Психеи дремлют в сладком сне, —
Замолкли пляски. Тихо в зале.
Все гости разошлись давно,
В мечтах о дивном фестивале
Склонилась роза на окно...
Вдруг заиграли на камине
Куранты; три часа... пора,
И ожил на холсте-картине
Портрет Великого Петра.
Идет он поступью тяжелой
По зале... грустен властный лик,
В какой-то думе невеселой
Челом он царственным поник!
Садится в кресло пред эстрадой,
Мгновенье — занавес летит
И нежит взор царя усладой
Рой нимф, волшебниц и харит.
В какой-то томной странной пляске
Кружит их нежный хоровод
Из мира неизбывной сказки
Из недоступного высот.
И странно... все кругом в движеньи...
Затрепетал портретный ряд,
Из рам вельможи в оживленьи

Выходят и к Царю спешат.
По-светски, низко наклоняясь,
Остановились пред Петром:
Толстой, на шпагу опираясь,
В камзоле с синим обшлагом,
Куракин, в треуголке красной,
В атласе черном Ганнибал,
И, в блеске золота, прекрасный —
Данилыч — храбрый генерал!
И молвил Меншиков в волненьи:
«Великий, мы к тебе пришли,
Зане зовет нас привиденье
Из темных недр сырой земли.
Взгляни, засеянный твоею
Рукой простор родных полей
Покрылся плевелами... змеи
Свиваются во мгле ночей!
Мы чуем: много будет горя...
Пройдут года, умрут огни
Величья Руси, и в позоре
Санкт-Петербурга будут дни!..»
Умолк. И Петр молчит. Во гневе
И грусти взор его горит —
О прошлом вспаханном посеве
Своих вельмож душой скорбит.
Да, знает он — его заветы
Забудут на Москве, увы,
И вражьих сил на Русь наветы
Не остановит крик совы!
Да, знает он — придет то время,
Когда, потомок злых речей,
Трон осквернит преступных племя
В час славы рыцарских мечей.
Еще грустней Петровы очи.
Он на вельмож своих глядит,
И, чрез окно на призрак ночи,
Рукой мозолистой грозит.
Но исчезает ночь видений...
Куранты бьют уж пять утра...
В тоске угрюмых сожалений
Недвижим снова лик Петра...

343. ПЕТЕРБУРГ

В тумане финских берегов
Петра град величавый,
Руси защита и покров —
Трон христианский правый!

Была там нация. Весь мир
Ему казался тесным,
Когда явился муз кумир,
В венце своем чудесном,

Великий Пушкин и другой
Поэт Тамары нежной,
Чей жребий жизни роковой
Был, как и наш, мятежный!

Нерукотворный их престол,
Сияющий огнями,
И вкруг корон свет — ореол
С родными именами:

Тургенев, Гоголь и Толстой,
Некрасов, Достоевский...
Весь мир искусства золотой
Луч солнца в славе Невской!

Театры, храмы и дворцы;
Жизнь ярче красок солнца!
Гербы, наряды, бубенцы
И звон лихой червонца.

Дом Академий, Эрмитаж, —
Величие Растрелли,
Живые краски, не мираж,
Сиянье акварели.

Парад на Марсовом: полки —
Гусары, кирасиры,
Уланы, царские стрелки;
Блестящие мундиры.

Чиновный люд; купцов, мещан
Дома, сады, лабазы;
Приезжие со всяких стран
И всех наречий сказы!

Проспект, Исакий, кружева
Готических строений;
И «Всадник медный», и Нева;
Ночь белых сновидений!

Летели дни так, без забот,
Спокойно и привольно,
И знал ли кто, что у ворот
Змея ужалит больно?

Беда пришла, и в час невзгод
Войны кровавый жребий
Приял безропотно народ,
Но чуда ждал на небе!

Не много верных у Христа —
И Солнце Петербурга
Сошло к погосту без креста
В мрак Екатеринбурга.

В тумане финских берегов
Зрим город величавый...
Славян защиту и покров
В Державе царской правой.

Он жив еще. Средь бурных волн
Маяк Петра высокий
Мерцает, тихим светом полн,
Но хладен луч далекий...

Но слышится родная речь;
Дрожит душа от боли...
Спят Петр и Пушкин. Не разжечь
Огонь без них в неволе!

КИРА СЛАВИНА

344. ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Держу письмо. Дрожит рука.
В письме короткая строка:
Шесть месяцев тому назад
На фронте был убит мой брат.

Но мне письмо не говорит
О том, как брат мой был убит,
Кто рядом с ним в окопах был
И кто глаза ему закрыл.

Быть может, в огненном аду
Метался долго он в бреду,
Быть может, смерть из вражьих рук
Не принесла с собою мук.

Ответа нет. В глазах рябит.
Я знаю только — брат убит,
И жизнь свою отдать был рад
Он за бессмертный Ленинград.

ТАТЬЯНА СМИРНОВА-МАКШЕЕВА

345. В ЛОНДОНЕ

Авион летит. Шумит в ушах.
Удобства и комфорт. Все заняты места.
Вокруг белеют облака, и в небесах
лазурные озера, — как мечта!

Куда? Зачем? — скитаюсь я вдали
от русской, от родной земли?
Лечу из Ниццы в Лондон. Боже мой!
язык, так мало мне знакомый,
народ холодный и чужой,
и буду я и там — бездомна.

Но вот, мы снизились. Прощайте, небеса!
Полет в пространстве неприятен,
однако, видели его мы, чудеса:
и облака вблизи, и землю в виде пятен.

Мы в Англии. Такси несется по дороге,
и шум в ушах стихает понемногу.
Котеджи, садики, со всех сторон вокруг.
День. Нежный свет и солнца розоватый круг.

...Но вот, внезапно, незабытый друг,
всплывает в памяти блестящий Петербург:
наш Невский вечером горит огнями;
не затемненные годами
встают в весенней грезе Острова —
березок нежная душистая листва;
через Неву широкий мост,
а жизнь? — там каждый нерв понятен, прост;
по набережной строгие дворцы;
звук бархатный копыт о мягкие торцы;
огромный Всадник с поднятой рукой,
и... столько красоты, обвеянной тоской.

Тоска мне жалит сердце, как недуг.
Исчез, растаял Петербург
и всюду — Лондон. Вот волшебное виденье —
затейное тончайшее сплетенье —

Аббатство знаменитое. Собор. Часы.
Не отрываю глаз от царственной красы,
от этих древних и неповторенных линий
таких воздушных, в дымке синей.

Я в Лондоне живу не много дней,
но все мне в нем становится ясней,
в свободные часы — гуляю
и то, что поражает, — замечаю.

Любуюсь на застывших часовых
у входа во дворец, как будто неживых,
в косматых киверах прекрасных,
в обтянутых мундирах красных.

Но не могу отдать себя чужим!
Лечу мечтой к своим, родным:
театр Мариинский: там у Царской ложи
кавалергарды, что похожи
на кукол восковых. Как будто и не дышат,
но видят все, и все, наверно, слышат.

Нарядная беспечная толпа.
Балет. Танцуют Петипа,
Трефилова, Кшессинская, Нижинский...

Зима. Кружатся медленно снежинки.
Лицо прикрывши муфтою пушистой,
я в санках мчусь, и отблеск золотистый
ложится от хрустальных фонарей.
Вокруг все радостно; летит рысак быстрей,
толчки, скольженье и отлеты вбок,
а на снегу бриллиантовый песок...

Но все ж я в Лондоне. Вхожу в Музей.
(Музеи иногда живей людей.)
Вдруг вижу: на переднем плане,
не в северном пейзаже, не в тумане,
а тут, передо мной — большой медведь.

Воспоминанье, что не может умереть,
всплывает из другого мира:
знакомая уютная квартира;
в прихожей, прямо против двери,
большое чучело родного зверя;
зажат поднос в его когтистых лапах,
и он еще хранит лесной свой запах...

Иду я дальше, обхожу все залы,
от впечатлений я устала,
час поздний и пора домой,
но мысль беспечная стремилась за мечтой.
Задумалась... и заблудилась.
Лишь к ночи дома очутилась.

Гуляю в парке. Там собаки на свободе,
а дети, по практичной моде,
ведутся дамами на ремешках.
Газоны свежие и клумбы все в цветах;
какая тень ветвей и ширина аллей!
На озере там стаи лебедей
и уток; хлеб даю с улыбкой
и глажу их по шейке гибкой...

Но снова вдруг мечтою унесло:
я вспоминаю Царское Село,
где было озеро... кормили лебедей...

Довольно. Не пора ли бросить эти темы?
Ведь и стихи мои, и проза, и поэмы
достанутся... не Родине моей.

Мост через Темзу, будто в кружевах,
и блестки лунные играют на волнах;
но эта ночь, какой-то высшей силой,
влечет к тому, что сердцу мило:

я вижу, словно наяву,
в гранитных берегах красавицу-Неву
и уношусь за думою бегущей
туда, гда памятник наш «Стерегущий»
в событиях изменчивых годов
ждет. Сторожит, и говорит без слов.

1957

НИНА СНЕСАРЕВА-КОЗАКОВА

346

О, только в снах — больных и редких,
Душа находит свой приют;
И вновь по Невскому проспекту
Солдаты с песнями идут.

И только в снах — горят все те же
В лазурных далях купола,
А меркнет в сумерках, как прежде,
Адмиралтейская игла!

ДАНИИЛ СОЛОЖЕВ

347. ПО ПЕТЕРБУРГУ

Колокол на площади.
По пояс в колесах
Треплется лошадь,
Жуя овес.

Мысли заколочены.
Дуга, уздечка.
Сидит прочно
На улиц речке.

По снегу, дождику,
В бесцельный скок.
Натянуты вожжи —
«В тоску высокую!»

348. ПОД РОЖДЕСТВО — ПЕТЕРБУРГ

Наупаковано. Заупаковано.
Двойные рамы — мороза нос.
Нева на ключ по брюхо скована.
Ледища глыбища — голодный пес.

У окон светики калечат разницу,
Стекает в улицы людская тень.
Еще не начато пастилкой празднество.
Ночь прикрывается схватить кистень.

В гостиной шарики качают дерево.
Кричит игрушками в шальной народ.
В мотках прыгунчиках худеет вервие
Под перевязками любых пород.

Заупаковано. Позаштриховано.
Узорных стеклышек играет пар.
Там где-то мысленно всем пташкам холодно.
Под электричества трещит пожар.

349

Под форточкой стоял и ухал
Исакий под мороз.
Понамело пера и пуха
За окна слез.

Глядел фонарщик у цепи желтой
И резал даль,
Все с той же пополам расколотой
Тоской в февраль.

350

В шапках меховых домов
Белого меха царство.
Трубных курящихся дымов
Леденящее душу варварство.

Идет с январем в обнимку
С кистью и краской белой.
Клевера рисовать картину
Антоновкой с мороза спелой.

351

Припомнишь
старые ступени,
качающийся
мертвый сад —
и тихий благовест
молений
твоих соборов,
Петроград...

Припомнишь
ржавые причалы,
обледенелые суда,
гудки,
которые кричали
о том,
что поднялась вода...

Припомнишь
Невского гуденье,
Фонтанки
плавный поворот,
руки искусное
творенье,
прославившее имя —
Клодт...

Припомнишь все,
и будет больно,
что вдалеке
от тех ночей

ты на чужбине —
недовольный,
себе ненужный
и ничей...

352. ПО ПЕТЕРБУРГУ...

Р. Герра

Дождь моросит.
Я выхожу из дома...
Кривая улица,
оранжевый фонарь...
Точь-в-точь тоска
прочитанного тома,
где царствует еще
родная старь...

Дождь моросит...
Иду по мокрым плитам,
из окон падает под ноги
яркий свет...
Как это все с моим
страданьем слито,
ко мне идущих
неспокойных лет.

Дождь моросит...
И я иду — шагаю...
Как гулко отражаются шаги...
Трамвай с Введенской
площади мигает...
Таким призывным,
милым, дорогим...

ЮРИЙ СОФИЕВ

353

Ник. Радецкому

Уже летит в степной рассвет
Мой голос: «Подтяни подпруги!»
Суровой молодости други,
Свидетели жестоких лет,

Ведь нам до смерти будут сниться —
В дыму — горящие станицы,
И ржанье взмыленных коней,
И жаркий грохот батарей...

Труды дневные в стороне —
Разваливаемся на бурке,
Под звездами и в тишине
Беседуем о Петербурге.

И голосом совсем не тем,
Уже не резким и не громким,
Опять о «Розе и Кресте»,
О кораблях, о «Незнакомке»...

Земля невспаханных полей
Под брюхом лошади упругим...
Жестокой молодости други,
Невольники высоких дней.

1927

ОЛЬГА СОФОНОВА

354. САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ

Война 1940—1941 г.

Мой любимый город, мой красавец гордый!
С плавною, широкою, синею рекой,
В год, когда грозили вражеские орды,
Не склонивший выи, а принявший бой!

Мы давно расстались! И гнетет сознанье,
Что в твой самый страшный, твой смертельный час,
Ты — в кольце зловещем, я — в своем изгнаньи,
И пути-дороги разделяют нас.

Если бы могла я! Ах, кабы мне силы!
Сполохом взвилась бы жечь огнем врага!
Укрывала б, грела всех, кого косила
В городе голодном смертная пурга...

Холеный мой барин, серую сермягу
Кинули с издевкой на твои дворцы,
Площади, театры, вьющиеся стяги,
Улицы, проспекты, мягкие торцы.

Затонувший град свой в памяти лелея,
Воскрешаю снова, потревожив глубь,
Памятники, арки, храмы и музеи,
Шпиль, вознесший в небо острую иглу...

Но не все погибло, если отстояли
В страшную годину, если ты стоишь!
Мой любимый город! Из зовущей дали
Выплывешь ты снова, снова победишь!..

НИКОЛАЙ СТАНЮКОВИЧ

355. ЦАРСКОЕ СЕЛО

<Из цикла «Россия»>

Морозом звонко скован тротуар,
Шаги звучат рассыпанною дробью,
И тень дубов и фонарей пожар
Припоминаются с любовью...

Упорный лист, с причудливой резьбой,
И теневой двойник его лиловый,
Два цвета — наверху и подо мной,
Две грани бытия с одной основой.

Вдали вокзал — обширный и простой,
Извозчики, придворные кареты,
И представительный городовой,
И барышни, и стройные кадеты.

Там — смех и крик, там дышит паровоз,
Звонит звонок (забытый на чужбине),
А здесь — дубы, колдующий мороз
И желтый цвет, переходящий в иней.

СТРАННИК

356. УПРАЗДНЕНИЕ МЕСЯЦА

<Отрывки из поэмы>

<...>

XVIII

Лицей, который Пушкина взрастил,
Воспитывал поэтов неохотно,
Учил, однако, юношей добротно,
Министров, дипломатов мастерил,
И я учился там, не тратя сил.
Стихи писал, конечно, беззаботно...
Так, ради важности, мы возвестим,
Что Пушкин был товарищем моим.

<...>

XX

И, помню я, в семнадцатом году
Пришлось мне часто ездить мимо дома,
Где человек с бородкой незнакомой
Сулил довольство, обличал беду.
Истории тогда я не расслышал грома,
Пусть это будет к моему стыду.
С балкона Ленин говорил народу
И обещал всем счастье и свободу.

XXI

А я лишь мимо дома проезжал
И мимо революции... Плодилось
Ораторов, не счесть. Всяк возвещал
О «новой эре», — так разголосилось
Людей порядком... Человек — Тантал,
Он любит, чтобы что-то *подносило*
К его устам, он любит дух питья...
Весь мир тогда питьем был для меня.

XXII

На Каменноостровском стороной
Историю я видел... И со мной

Случилось то, что с русскою душой,
Волчком она крутилась года три,
В историю, читатель, посмотри.
Хотя ее и «врут календари»,
И не всегда мудры ее рассказы,
Там правду видишь из неправды разной.

ЛЕОНИД СТРАХОВСКИЙ

357. НАД ТЕМЗОЙ

Вихрь и пронзительный и ярый
Мне бьет в лицо своей струей.
И сфинксов каменных тиары,
Как те, далеко над Невой.

Я вспоминаю смех во взгляде
И этот дивный светлый день,
Но, как в далеком Петрограде,
Передо мной все та же тень.

И эта тень несбытой сказки
Меня ревнует каждый раз.
И я не знаю, чьей же ласки
Я жажду в этот странный час.

358. ПАМЯТЬ

Когда уйду, не потемнют взоры
И руки не заломятся в тоске,
Как раньше, будут шествовать дозоры
Ночей и дней на мировой реке.

Как раньше, в ночь с высокими домами
Промчит мотор счастливую чету,
И тополя обмерзшими руками
Любовный бред поймают на лету.

Но в темный час, когда откроют выси
Своих небес немую синеву,
Я вспомню мех твой серебристо-лисий,
Твой поцелуй и хмурую Неву.

359. 19 ОКТЯБРЯ 1923 ГОДА

Другу лицеисту LXIV курса Гагемейстеру

Пусть тягостно наше время,
Туманны тревожные дни, —
Несем мы святое бремя:
«Боже, Царя храни!»
И память о нашей отчизне
Горит неугасным огнем.
Вопрос о смерти и жизни

Так тесно связан в нем.
Питомцы родного Лицея —
Мы ждем, чтобы пробил час, —
И встанет опять, не робея,
И вновь обнадежит нас
России Святой Император,
Исконный наш Государь.
Тогда Европейский театр
Преклонит колени, как встарь.
И вновь, как в былое время,
Настанут светлые дни,
И крикнем мы, скинув бремя, —
«Боже, Царя Храни!»

Висбаден

360. СИМВОЛЫ

Памяти И. А. Л.

Распростертые длани
Кленов голых, без листьев —
Словно символ исканий
Всех живых лицеистов.

Там на Каменноостровском
Все стоит это зданье
И все живы отростки
На земле вспоминаний.

И где б ни были ветви
Оголенных деревьев,
Это — символ приветствий
Из далека, без следствий,
Нам в предзвездных кочевьях.

ГЛЕБ СТРУВЕ

361. ОТРЫВОК

Как в оснеженном Петрограде,
В день ледохода на Неве,
К чугунной прислонясь ограде,
Следя в высокой синеве
Рожденье радостных снежинок,
Внимая треску синих льдинок, —
В зиме предчувствуя весну,
Вчерашнему не верю сну
И знаю: близок час возврата
В любимый город над Невой,
Где пахнет талый снег весной,
Где в строгой желтизне Сената,
В упрямо вздыбленном коне
И в Александровской колонне —
Наперекор всей новизне —
Хранится память прежней славы,
Петра, Екатерины блеск,
Строф Пушкина размерный плеск...
Без скипетра и без державы
Над ними бдит орел двухглавый.

362

Памяти А. Львова

Февральский день томительно-тревожен,
Над Сеной лиловеют облака.
Мне помнится — взволнованней и строже —
Другая, скованная льдом река,

Дворцы, сожженные закатом зимним,
На стогнах города — гуд мятежа,
И ты — за родину ушедший схимник —
В нарядном одеянии Пажа.

Февраль 1922

363. В. Ф. ХОДАСЕВИЧУ

Деревья *Кронверкского сада...*
Невнятен голос был и глух,
Как будто некая ограда
От жизни отделила слух.

Очки поблескивали тускло,
Бросая пятна на лицо,
А на руке сухой и узкой
Желтело тонкое кольцо.

Но в голосе жила Психея —
Как бы нетронутый цветок! —
И стыло сердце, леденея
Под иглами морозных строк.

Невероятный твой подарок —
Быть может жизнь, быть может смерть.
Был голос глух и взор неярок,
Но потолок синел, как твердь.

1922
Берлин

МИХАИЛ СТРУВЕ

364. ПЕТЕРБУРГ

Восьмистишия изгнания

I

Несется утлый лед, и черные буксиры
Веселые клубы пускают в облака.
За верную любовь Балтической Пальмиры
Ты еще снишься мне, державная река.

Весенний хмурый день. Обыденные будни,
Но я среди зевак гуляю здесь с утра.
Сегодня комендант в четыре пополудни
На легком ялике откроет путь Петра.

II

Неумолкающею вереницей,
Всегда покрытою прозрачной мглой,
Беря исток от золотого шпица,
Он тянется далекою стрелой.

Но, литератор скромный, пламенея
К нему любовью старой и святой,
Вслед Гоголю назвать Проспект не смею
По имени, рожденному Невой.

III

Как сень Казанского собора,
Мне в этом городе нужны
Дома, досчатые заборы
Той Петербургской стороны,

Где, что бы ни было на свете,
За днями дни твои идут,
Опора верная столетий,
Мещанский будничный уют!

IV

В предзакатный час, уже совсем нерезкий,
Гранитной лестницей сойти за парапет,
И в черном зеркале следить скупые блески,
Что изредка родит сентябрьский слабый свет.

Отчалил пароход, когда нам звонкогласый
Мальчишка прокричал три раза: «Летний сад»,
И листья желтые, осенние прикрасы,
В Фонтанку мутную торжественно летят.

V

Где веял ветер над пустыней
Воды холодной и песка,
Непогрешимость этих линий
Чертила точная рука.

Высоких замыслов начало,
Ученых книжников приют,
Здесь даже переулок малый
Академическим зовут.

VI

Форейтор пристегнул и спереди и сбоку,
И конка с гиканьем несется по мосту.
Окутал частый дождь седою поволокой
И пеших, и коней напор и суету.

Раскрыты зонтики. Торговец краснолицый
Рогожею покрыл лотки свои с утра.
В холодный день такой я полюбил столицу,
Российскую столицу, Высокий Град Петра.

VII

На площади дымят и светят плошки...
Святая ночь. Исакьевский собор.
Без умолку стучат по камням дрожки
От церкви к церкви, со двора на двор.

Идет заутреня. Все громче пенье
На улице, и от свечей светло.
Вот первое тяжелое гуденье
До Выборгской и до Песков дошло.

VIII

На улицах Подьяческих, Мещанских
Еще не умер Гоголевский дух.
О небесах далеких, итальянских
Поет шарманка и кричит петух.

Под вывеской зеленой пиво пенит,
Я здесь любил и сквозь стекло смотреть
На капоры Коломенских кофейниц,
И слушать Покрова густую медь.

IX

О голый камень режут санки.
Чуть брезжит. Оттепель. Сенная.
Она проснулась спозаранку,
Великопостная, грибная.

Невозвратимого былого
Померкнувшие дни и лица.
О, если бы проснуться снова
Февральским утром, в пост, в столице.

X

Проспект уже безлюдный и широкий,
И стаи голубей на мостовой —
Предвестники обители высокой,
Некрополя над царскою Невой.

Под звон церквей, под легкое скрипенье
Колес по снегу, ясною зимой,
Здесь, белоснежным утром, в воскресенье,
Хотел бы путь окончить я земной.

1918—1919
Ялта—Баку

365. ЕЛАГИН ОСТРОВ

Была едва видна столица.
Спадал июньский первый зной,
Закатных облак вереница
Вставала темною стеной.

И звонко девушки визжали,
Когда мы, снявши пиджаки,
Тугие весла напрягали,
Наперерез большой реки.

И занавескою мещанской
Бледнела ночь в полупотьмах,
И синий пароход финляндский
Скрывался в песнях и огнях.

366. ЮНОСТЬ

Петербургская поэма

О кулаке, запачканном в чернилах,
О черной куртке, вымазанной мелом,
О хлястике, что на шинели серой,
О белой бляхе на ремне блестящем
И о гербе на тулье голубой
Ты ничего не знаешь. И в лицеях
Проходит ваша жизнь куда унылей.
Над Театральной улицею небо
Нависло мраком. Стаи голубей
По рыхлому разгуливают снегу.
Полутемно. Морозно. И Фонтанка
За поворотом дымкою покрыта.
Чернеют дерева у парапета
И не видать во мгле моста от мосту.
Вот отпрыски советников колежских
Театр Александринский огибают;
С портфелями, походкой аккуратной,
Они бредут гуськом не торопясь.
Румяны, сыновья гостинодворцев,
Валят по Чернышеву переулку,
И тащится унылое мещанство
С Апраксина и от Пяти Углов.
Для всех швейцар, красавец светлоусый,
С медалями и со значком гвардейским,
Распахивает двери, и в шинельной
Возня и шум и море голосов.
Но под надзором дядек бородатых
(Сюртук двухбортный на рубашке русской)
Все спорится. Под мышку толстый ранец
И вверх по лестнице в колонный зал.
А в белом зале — темные ряды
Недвижных спин и стриженых затылков.
Наставники в потертых вицмундирах,
Лазурные, мелькают в черной роще.
Без десяти. Закрылись мягко двери.
Все скромники склонили долу очи,
Все болтуны записаны в журнал.
День начался. Бог помочь, русский день!
А на дворе в большую перемену —
Все до сих пор снежки мне эти снятся —
Там класс на класс в отчаянном порыве
Кидает тучи ядер пуховых.
Нам не вредил тогда мороз Российский,
Алей огня ошпаренные уши,
Снег в рукавах и за воротом снег!

Так день за днем идут, как рядовые,
За годом год. Но стройностью своей,
Своим однообразным расписаньем
Они бодрят незрелые сердца.
День начался, и не уйти на волю,
Пока, звонком тяжелым громыхая,
Нас вахтер о конце не известит.
Сменялись зимы веснами. На партах
От солнца, наводнившего столицу,
Заметней выступают вензеля.
Веселые по стеклам ходят мухи,
А за окном в горячем буйном свете
Капустница, как лепесток бумажный,
Зареяла над голой мостовой.
Еще по синей вздувшейся реке
Полупрозрачные несутся льдины,
Еще в тени больших казенных зданий
Опасный продувает холодок.
Но Летний Сад убрал чехлы со статуй,
И подсыхают мягкие дорожки,
И зимние увезены мостки.
Как хорошо, отмывши щеткой руки,
Напялить замшу белую на них,
Начистить сапоги. Шинель оправить
И, заломив фуражку набекрень,
Пуститься в плаванье. Апрельский ветер
Попутен нам, и встречные суда, —
На воле гимназистки выпускные, —
Ответствуют улыбкой на салют!
Уже давно на лодке комендант
От крепости к дворцу провел дорогу,
И по волнам, покрытым гребешками,
Буксиры тянут караваны барж.
На пристанях стрекочут турникеты
И в очереди черной вдоль гранита
И стар и млад спешит на Острова.
Тогда и мы, зубрежку прерывая
В воскресный день на несколько часов,
По невской дельте, по волнам нестройным
Пускались в путь. В дыму бледнозеленом
Крестовские лужайки и леса.
Пестрят стволы берез. И над землею
(От алгебры весьма отличный запах)
Смолою тянет и сырой травой.
Все до конца ответы отзвучали,
Последний мел сломался у доски.
Волнение и грусть сердца сжимают.
Последние объятья разомкнулись,
И в Божий мир студенты побрели.

Той юности далекое преданье
Мы неизменным донесем до гроба.
Снега и вьюги. Солнце и просторы.
И, может быть, мальчишеской любви,
Чудесной нежности прикосновенья.
Неясные, они чуть-чуть томили,
От них легко кружилась голова,
Как кружится от первой папиросы.
О, Север мой! О, юные года!

367. НИКОЛИН ДЕНЬ

Петербургская поэма

Как сразу стало жарко в этом мае!
С утра с поливкой дворники хлопочут.
Николин день. Зеленые деревья
В саду церковном. В небе купола
Округлые купаются в лазури.
Колокола густые отзвонили.
Обедня отошла. В толпе несметной
Слепят глаза батистовые платья
И на фуражках белые чехлы.

Все окна настежь в комнатах. Полы
Навощены, как зеркало. Дорожки
По ним бегут, как через пруд мостки.
Сияет скатерть. Рюмки — часовые
Застыли в ожиданьи скорой схватки.
Недолго ждать. Часы пробьют двенадцать.
И загремят бесхитростные тосты.
На бульканье графинов разноцветных
Они ответным хором зазвенят.

Ночь не спала дородная кухарка,
Ворочалась и думала в постели,
Пышна ль взойдет обильная опара.
Да и когда порой глаза смежались,
Мутили сердце тестяные сны.
Но, слава Богу, все благополучно:
Пирог как пух — и сочен, и горяч!
Перед вечерней у Преображенья
Сегодня же Угоднику за помощь
Умильная затеплится свеча.

Хорош был фриштык. Гости захмелели.
Далеко за полдень перевалило.
Все убраны порожние бутылки,
Но красный самовар клокочет бодро;

Хозяин добрый не жалеет рому
И коньяку в стаканы подливать.
Не умолкает громкая беседа.
Давным-давно растегнуты жилеты.
Мелькают руки, плеши и усы.

Не плохо департаментское дело
И есть о чем потолковать с друзьями.
Не столь просты законы письмоводства,
И докладную изложить записку
Толковую, с приятным заключеньем,
Попробуй-ка, незрелый новичок!
Да будь ты трех питомец факультетов,
Ты потяни сначала нашу лямку
И научись бумагу понимать!..

Пора на воздух. Несколько пролеток
В минуту раздобыл хмельной швейцар,
С супругами, в шинелях нараспашку,
Веселый в путь отправился обоз.
Железные гремят по камням шины,
Из-под копыт бледно сверкают искры,
И вот за деревянными мостами,
За мелкою листвою в скудном парке
Встречает Зоология гостей.

Скрипит песок под многими шагами.
Склоняется, бледнея, в небе солнце,
Веселый марш с эстрады деревянной
Гвардейские играют трубачи.
Недурно, перейдя через площадку,
Причалить у искусственного грота,
И, разместясь за шаткими столами,
Напенить кружки пивом до краев.
Гудит оркестр. Кричат протяжно звери.
Над Петербургом вечер настает.

Но не скучают также те, кто дома
Остались с благосклонной старой теткой.
В прохладном зале с голыми стенами,
Вокруг стола на репсовых диванах
Веселая расселась молодежь.
Здесь властвуют волнующие фанты,
И «Шалости Амура» и «Квартет».
Здесь где-то у окошка за роялем
Слова неповторимые любви.

Склоняется, бледнея, в небе солнце
И фикусы и пальмы золотит.

Пора домой, но старшие далеко,
И барышень нельзя не проводить.
Хоть путь лежит по разным направленьям,
Но близок сад Таврический. Туда
Нестройною гурьбой, и до заката,
Веселый говор, вздохи и томленье
Среди озер, в тени пустых аллей.

Как вечером пуста квартира станет,
Как душно у горячей круглой лампы
Немудрые науки постигать!
Но ничего. Ладонями подпершись
И стиснув зубы, зубрим до конца.
Она недалеко — за три квартала,
Над лампою такою же склонилась,
Сжимают книгу розовые пальцы,
И распушилось золото волос...
Мы обещаньем связаны навеки,
И завтра — снова лучезарный день!

368. МАРТ

Петербургская поэма

На улицу из черного подъезда,
И сразу — праздник для ушей и глаз.
Далеко вдаль на блещущих панелях
В едином ритме — тысяча теней.
Светло сверкает мартовское солнце,
Оно скребками всеми, всей капелью,
Торговым скрипом, колокольным звоном
О вырванной победе говорит.
Была трудна, была долга работа.
В саженной толще снеговых перин
Заснувшая земля сопротивлялась.
Был крепок лед накатанных дорог
И вовсе нелегко сдавались реки.
А в городе, среди других занятий,
Мы это знаем по рассказам ветра:
Про долгую работу над полями
Он в полчаса нам разболтал спьяна.
Здесь дворники киркою и лопатой
Орудуют во славу воскресенья.
Здесь стопудовые слетают крыши,
Обвалами и вьюгами гремя.
Здесь за стеклом в корзинках и в бокалах
Курчавые курятся гиацинты.
Здесь о садах на море бирюзовом
Мечтает привозной французский рай.

На ярких улицах чернеют тени.
Копыта месят палевую грязь.
Извозчики пролетки испытали,
И был почин невиданно хорош.
Торговцы разноцветными шарами
Торгуют бойко. У мостов ларьки
Расставили бутылки с крепким квасом
И пробками приветствуют весну.
В такие дни приятно съездить в Гавань,
На Охту или на Елагин остров, —
Поговорить с веселыми ветрами
И посмотреть на медленный закат.
Пойдем туда, где конку запрягают:
От лошадей горячий пар клубится,
Кондуктор разомлел в бараньей шубе;
Запел рожок, колеса заскрипели,
И шаткий колыхается вагон.
От этих далей голубых и желтых,
От этого морского дуновенья,
От быстрого мелькания прохожих
И ослепительного блеска луж —
Такое в теле нежное томленье,
Что трудно двигаться, и на скамейку
Сажусь бессильно. Вешний гул и трепет
Мной овладел. Владеет папиросой
Едва, едва — дрожащая рука.
В тот час, когда зелеными звездами
Зажгутся фонари, когда закат
Едва виднеется в дыму темно-лиловом,
На той же конке славно возвращаться
В земной, в мещанский, в будничный уют.
Коптит у потолка над дверью лампа,
Нахохлились воротники салопниц,
И на груди кондуктора фонарик
Мерцает в полумраке, как светляк.
Немудрые мелькают магазины,
Золоторогий бык и красной рыбы
Разрез на блюде с вилкой посреди.
Звенит звонок над жалким «Иллюзьоном»,
И часто хлопает на блоке дверь;
Туда гуськом идут в платках девицы
И семенят бутылки-сапоги,
Туда, где среди шатких декораций,
Чувствительные шпаги и плащи.
Но пригороды кончились, и мост
Скрипит под вздохами морского ветра.
Обрамлена фонарными цепями,
Уходит вдаль Державная Река.
Поездка кончена. Адмиралтейство,
И Главный Штаб, и сумрачный дворец,

Из конки, посреди великолепья,
В молчании выходят пассажиры;
Поглощены огромными тенями,
Они спешат исчезнуть в темноте.

369. В ГОРОД

На дачах август. Рыжими огнями
Горят настурции. Букеты астр
Все наводнили комнаты. Туманно
Над клумбами, и частые дожди
Холодным током заливают стекла.
Пора бежать из этих деревянных
Непрочных, легкомысленных домов:
И потолок, и окна протекают,
И не пускает за ворота грязь.

Высоко убраны домашним скарбом,
Со всех концов оплетены веревкой,
Готовятся возы в далекий путь.
К ломовикам на козлы взгромоздилась
Не без труда румяная кухарка;
Ей подают в последнюю минуту
В пустые руки клетку со щеглом;
Привстал извозчик, покрутил вожжами
И хлещет вороного битюга.

А господа садятся на машину
С пакетами, с корзинами, с кульками.
Пыхтит машина. Бьет звонок последний,
Мелькает часто красная фуражка,
И черным заволакивает дымом
Навес рябин, и глинистую гору,
И серые ряды безмолвных дач.
Домой! Пора домой! — стучат колеса,
Домой! Скорей домой! — свистит свисток.

— Вот на Пески! пожалуйста, чиновник!
— Вот прошлогодний! Но рядиться долго
Приходится. Народец желтоглазый*
Не в меру рад добыче долгожданной
И не спускает нипочем цены.
Торг кончился. Едва на трех пролетках
Почтенное семейство разместилось.
Через корзину ноги перевесил
Извозчик на своих коротких козлах,
И на Пески отправился обоз...

---

* «Желтоглазые» — шуточно-ругательное прозвище петербургских извозчиков.

А все кругом стоит на старом месте:
На площади толкутся ломовые
В жилетках красных с черными орлами,
Запудренные до бровей мукой.
На берегах Обводного канала
Торгуют семечками, кислым квасом;
И на траве, от лета порыжелой,
На скатах, что спускаются к каналу,
Лежат, раскинув руки, босяки.

Путь на Пески с Балтийского вокзала
Весьма немал. Пролеткам нагруженным
Приходится потратить чуть не час.
Но вот уже знакомые кварталы:
Бегут навстречу и дома, и лавки;
Вот улыбнулся на углу Слоновой
Ловкач-газетчик, рыжие усы,
И выбегает рысью из парадной,
Румян, как яблочко, старик швейцар.

По лестнице, ключами громыхая,
Спускается, спешит старуха-нянька.
Она в квартире летом оставалась.
Она, скучая в кухне опустелой,
На Знаменскую глядя колокольню,
Часами распивала жидкий чай.
Она как тень бродила по квартире,
Затянутой бумагой и чехлами,
И стерегла хозяйское добро.

Добро пожаловать! Кипит в столовой
Начищенный пузатый самовар.
Еще паркет газетами заложен
И кое-где закапан штукатуркой.
Но на столе светло блистает скатерть
И окна вымыты. В них слышен гул
И частые звонки бегущей конки,
И оклики извозчиков горластых,
И уличных ребят возня и писк.

Так начинался год, и было любо,
Напившись чаю, выйти на разведку
И забежать в любезный гимназистам
Большой писчебумажный магазин.
Зайти в Прудки. А после вдоль окошек
Гимназии высокой побродить.
Она еще закрыта. Сквозняками
По коридорам в ней гуляет ветер,
Но завтра закипит как муравейник
Многооконный трехэтажный дом.

Забыты дачи. Там теперь такая
Угрюмая и серая пустыня!
Приятен в городе бодрящий дождик,
А там с утра он шелестит уныло,
По чердакам, по флюгерам, по будкам
И обтекает мутными слезами
Блестящие садовые шары.
И кружатся безжизненные листья,
И вьются над размытою дорогой,
И тусклым золотом ложатся в грязь.

370. ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТОРОНА

1

Вот апрель. И в столице царской
Сизый лед надула река.
Над Зелениной, над Пушкарской
В синем небе — облака.
Мы их ждали. Под небом серым
Было холодно и темно.
Нам казалось — мы не поверим,
Что придет воскресенье. Но
За неделей ушли недели.
Мир очистился от греха.
Кончен пост. На светлой панели
Вьется пыль — тонка и суха.
С колоколен бежит гуденье,
Загулял народ городской,
И на радостный клич Введенья
Отвечает Спас Колтовской.
Вся овеяна вешней пылью,
Ранним солнцем награждена,
Расцветает мещанской былью
Петербургская сторона.

2

И в одном из кривых, из малых
Деревянных ее домов
Переплетный мастер Измайлов
Жил немало уже годов.
На нечистом окне и сером
Обозначено — кто живет,
И распластан там для примера
Синемраморный переплет.
И случилась беда такая:
Разговевшись на первый день,
Умер старый мастер Измайлов.

Что ему теперь дребедень
Колокольная? И капризам
Ветра вешнего — он чужой.
И священники в белых ризах
Навевают ему покой.
И ничто ему не поможет, —
Завтра день без него взойдет.
А его — в последний вложат,
В деревянный переплет.

3

За досчатым, убогим гробом
На Смоленском, среди берез
Я следил. Мне мастер скромный
Был соседом. От темных слез
Божий свет вполовину видя,
Шла семья: подростки, мать.
Но никто не ненавидел
И никто не хотел понять
Смерть. Она — сестрой родною
И желанной в нашем краю
Почитается. Вот зароют
И поставят крест. Споют
Раз еще. И, простясь с могилой,
Разойдутся. И станешь ты
Одинок. С весенней силой
Разворотит солнце листы.
Над тобою шатры-деревья
Бесконечный шум заведут,
У тебя на новосельи
Птицы звонкие запоют...

4

Спи! А мне с моей тоскою
Не услышать родных листов.
И теперь твоему покою —
Я завидовать готов.

Март 1929 г.
Париж

371. СТРАСТНАЯ НЕДЕЛЯ

Сырые ветры дуют по бульвару.
Бульвар, как стол, где гости пировали.
Пустые балаганы, как тарелки
Холодные с объедками. Обрывки
Цветной бумаги на панели мокрой
Одни напоминают шумный праздник,

Гиперборейский вербный карнавал.
Заутро, в понедельник на Страстной
С бульвара убирают балаганы.

Заутро, в понедельник на Страстной
Весь город потускнел. Одни капели
Твердят о том, что спешная работа,
Единоборство с северной зимой
Кончается. По небу ходят тучи
Тяжелые. Но почки на кустах
Разбухли. Воробьиных голосов
Не молкнет хор, и крупных капель стук
Манометром им паузы отбивает.

А там — за складками нависших туч,
За этой серой временной завесой
Не дремлет солнце. Вешний поворот
Оно проделало. Пусть рыхлый март
Убого силится прервать победу, —
Напрасны шутки. Ясные мечи
Нагреты и отточены. Сквозь тучи
Они бестрепетно и беспрестанно
Уничтожают зимнее наследье.

Так происходит дело в высших сферах...
А на земле, в обыденной заботе,
Земные, мы по-своему готовим
Весенним дням испытанную встречу:
В молочных лавках и в яичных скопах,
Средь розанов бумажных пышнотелых,
Стоят решета, полные яиц.
Мясник окорока в окне развесил,
И заняли прилавок в москательной
Бумажки с краской, кардамон, шафран.

Неделя будет проходить в трудах
Церковных и поваренных. Хозяйки
Собьются с ног. Длинны и часты службы
В печальных храмах. Но грибы сухие
И синий ладан — верные приметы
Высокого и радостного утра.
Идет неделя — день за днем грустнее.
Но день за днем растет земное сердце
И ширится. В субботний поздний час
Оно ответным трепетаньем встретит
Среди свечей бесчисленных и плошек
Волнующие клики Воскресенья
И пушечные громы над Невой.

Апрель 1929
Париж

372. ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

На берегах Обводного канала
Нет ни весны, ни лета. Грязь и пыль
Зловонная там царствует. Всегда
Гремят ломовики, и стонет воздух
От дикой ругани, от крепких слов.
Там на откосах, на траве измятой,
Сраженные вином, лежат бродяги,
Зажав в кулак казенную посуду
И на глаза надвинувши картуз.

Мне вечером в Великую Субботу
Пришлось там быть однажды. Не узрел
Канала я в тот вечер. Вереницы
Ломовиков, груженных тяжкой кладью,
Как не бывало. Начисто панель
Подметена. В рубахе яркой дворник,
В жилетке черной с цепью поперек
Форсит и скалится...
                                        В тот вечер шел
Я не спеша встречать на поезд друга.
Друг не приехал. И остался я
Бродить один. Давно заря потухла
В волнах канала. Был тяжелый год
Тот для меня. Казалось мне, что люди
Нехороши, и это угнетало
И мучило меня.
Я долго так бродил. Народ из церкви
Уже вернулся. В переулке малом
Я оказался около подвала,
Откуда пар валил, и шум, и крики.
В подвале этом лавка помещалась
Съестная — подозрительный приют
Воров и нищих. Старое пальто
И кепка выцветшая на затылке
Мне сослужили службу. Я вошел
В ночной трактир, и принят был, как равный.
Я опустился на скамейку. Рядом
Со мною был старик. Высоким лбом
Над плоским переносьем, острым взглядом
И бородой курчавой он Сократа
Напоминал.
                              Мне дали шкалик водки,
Крутые яйца и ветчину.
Все говорили разом, и нужду,
Казалось, совершенно позабыли
И размечтались. Вспоминал старик
Про теплые края, где жил когда-то,

И голосом невнятным и больным
Изображал, как в греческой часовне
Над Черным морем величают Пасху.
И голос креп. Другие голоса —
Простуженные, пьяные — разбродом
За ним пошли. А я сидел, и слезы
Слепили мне глаза.
                                        Чудес немного
На нашей бедной маленькой земле,
Но это было чудо, и тогда,
В тот вечер — я избавился навеки
От неприязни к миру. Всякий раз
С тех самых пор, встречая на дороге
Бродягу старого, я сердцем веселюсь
И вспоминаю: ночь под Воскресенье,
Ночной трактир на берегу канала
И этот хор внезапный голосов
Охрипших и счастливых...

Апрель 1929
Париж

373. РАИСА ВОРОБЬЕВА

Апрельским утром легок сон.
    Великий пост. Столица.
Спешат поутру на трамвай
    Студенты и девицы.
Восьмой. Зелено-желтый знак.
    Скорее к прицепному.
Вскочила, и гудит вагон
    По модному Большому.
Давно открыл газетчик ларь,
    Мясник — свою мясную.
С утра толпа и вешний гам
    В столице на Страстную.
Звенят торговок голоса,
    Грохочет стук колесный.
И медленно колокола
    Зовут к обедне постной.
В трамвае тесно. Господа,
    Купчихи и погоны...
Сидят не весело. В посту
    Смеяться не резонно.
Затылок чешет мещанин
    И крестится сурово,
И улыбается одна
    Раиса Воробьева.
Кудель волос — чистейший лен,
    Глаза, как синька, сини.

Раиса барышней была
В конфетном магазине.
Там между мраморных столов
К бокалу — от бокала
Сусальным ангелом она
Со щебетом летала.
Хозяин, немец и педант,
Кондитер белолицый,
Был счастлив в выборе такой
Пленительной девицы.
Ее веселая краса
Была как бы магнитом.
Немел прохожий офицер,
И по гранитным плитам
Царапал шпорой. А потом,
Взвинтивши ус отважно,
Пол-магазина закупал
За этот трепет влажный
Очей-сапфиров. Юнкера,
Пажи и лицеисты
Толпились. Но бессилен был
На этот раз Нечистый.
Не может быть, чтоб в двадцать лет
Суровым сердце было
И чтоб девица в двадцать лет
Еще не полюбила.
Нет. Именно затем она
Ко всем и равнодушна,
Что увлеченью одному
Она давно послушна.
Дождемтесь вечера. Огни
Блестят над синевою.
Бежит, плывет последний лед
Широкою Невою.
Закрылся поздно магазин —
Под праздник дела много.
Куда стремительно бежит
Раиса-недотрога?
За два угла. За трое сот
Панельных плит-квадратов.
Там — верный рыцарь на часах —
Василий Предикатов.
Филолог. Черный бородач,
Без малого — саженный.
Он низко клонится пред ней,
Сутулый и влюбленный.
Не будет здесь ни бурь, ни драм,
Ни разных происшествий.
Я рассказать еще хочу
Об их прогулке вместе.

Да о проектах их скажу,
    Хотя бы только вкратце.
Апрельский вечер долго гас,
    Никак не мог уняться.
На островах, поверх дерев
    Глядели звезды бледно.
И в «Зоологии» зверье
    Вздымало рев победный.
— Раиса, — так студент сказал, —
    До Твери недалеко,
Наплюй на немца и махнем
    К родителям до срока.
Неужли хочется тебе
    Стать барышней столичной.
Папаша обвенчает нас,
    И все будет отлично.
Давно я домик присмотрел
    Для нашего насеста.
И будет с осени за мной
    Учительское место! —
Но никаких на это слов
    Раиса не сказала.
И только под локоть его
    Тихонечко сжимала.
Апрельский вечер долго гас,
    Неслась река сурово.
Счастливей всех девиц была
    Раиса Воробьева.
Все улыбалось ей: река,
    Деревья, месяц новый...
И вешний ветер ей шептал:
    — Раиса Воробьева!
Ты согласись. Ты поезжай,
    И будет все прекрасно.
И ветру молвила она:
    — Понятно, что согласна...

Апрель 1930
Париж

374. ДЕРЕВЯННЫЙ ДОМ

Май на Седьмой Рождественской. Сквозняк
С утра гуляет в доме деревянном.
Зеленый день! Березы, тополя,
Всего два дня как распустились почки.
О, этот запах, нежный и смолистый,
И ветви — в небе северной весны.
Те ветви осеняют старый дом,
Одноэтажный, под зеленой крышей.

Там лошадиный врач, старик в отставке,
Живет. Звонок, начищенный до блеска,
Не бойтесь дернуть. Старые друзья
Мы с этим доктором. Прием нам будет
Весьма радушный. Заскрипели двери
И отворились — милости прошу!

Вечернее сияет бледно солнце
Сквозь стекла всех цветов. Лиловый зайчик
Играет на шинели старомодной
И на калошах с медными пазами
В задках для шпор. Высокие часы
В шкапу стеклянном хрипло отсекают
Секунды. Старая служанка чинно
Ведет нас в зал. Там крашеных полов
Сияет зеркало. Открыты в сад
Все окна, и березы с тополями
В них тянут ветви пышные. И вскоре
Из внутренних покоев слышны шпоры
И в лаковых сапожках и в тужурке
Хозяин появляется в дверях.

— Добро пожаловать! С тех пор, как в мир
Иной ушла Федосья Николавна
И стало мне, больному старику,
Трикраты тяжело, друзей вниманье
Одно мне утешительно... Старик
Нас садит в кресла. Вечереет день.
Приносят чай. Пускает доктор в ход
Свою в боях прокуренную трубку
И потчует рассказом. И в десятый,
А может быть, в двадцатый слышу раз
Я длинные истории о славе
Уланского такого-то полка,
О битвах, об атаках и о том,
Как командирский конь при переправе
Через Дунай сражен был пулей.
Вечер спускается. Прослушавши рассказы
И пожелавши доктору спокойной
И мирной ночи, мы выходим в глушь
Седьмой Рождественской. Скупые звезды
В зеленых петербургских небесах
Чуть загораются. И дышат тополя
Единственным на свете клейким духом.

1930
Париж

375. КВАРТИРНАЯ ДОЧКА

<Из цикла> «Былой Петербург»

На Васильевском острове глухо
В бесконечный безветренный день.
Опустела столица. Уныло
Маляры распевают. Сирень
Отцвела безнадежно. Заборы
Кажут пыльные купы ветвей.
Кисло пахнет пивная. Сиделец
Кормит желтым пшеном голубей.
И слетают дородные птицы
С подоконников, с крыш на панель,
И воркует, топчась на каменьях,
Голубиная стая — синель.

Все студенты разъехались. Долги
Петербургские летние дни,
И Агафья Степановна с дочкой
Целый день на квартире одни,
На двенадцатой линии, в третьем
Этаже, где начищен звонок
И простеганы двери клеенкой,
Чтоб зимою забраться не мог
Петербургский пронзительный климат —
Дождевая и снежная слизь.
У Агафьи Степановны всякий
Без опаски на зиму селись!

И селились хохлы и грузины,
Черноватый и зябкий народ,
И влюблялась Наташа в студентов,
В постояльцев который уж год.
Ей бы замуж! Пошел двадцать пятый.
Истомилась девица. Но вновь
Миновала зима, и в Чернигов
Укатила навеки любовь.
И мытарится пыльное лето
В полумраке опущенных штор.
И один о Наташином горе
Синекупольный знает собор.

Вся в мамашу квартирная дочка:
И статна, и румяно-бела.
Для соседей невестой желанной
И завидной Наташа была.
Каждый вечер в окошке напротив
Плачут струны про розы, про май.
Весь иссох от напрасных страданий

Министерский писец Николай.
И Сергей, что в аптекарском складе
Разливает бензин и духи,
Посылал ей не раз на бумажке
С голубками и сердцем стихи.

Но Наташа к мольбам непреклонна,
Ей не надо сердец и гитар.
Прикоснулась к девице наука,
И, во власти особенных чар,
Умиляется духом Наташа,
Увидав менделеевский том
И фуражку с околышем синим
И с надорванным козырьком...
И над девичьей белой постелью
Ни цветов, ни крикливых картин,
А «Сестра Беатриса» и рядом
Генрих Ибсен, Толстой и Куприн.

1932
Париж

376. ТАВРИЧЕСКОЕ ГУЛЯНЬЕ

<Из цикла> «Былой Петербург»

Бледно-зеленой листвой опушился
    В мае Таврический сад.
Пух с тополей и сережки с березы
    В темные воды летят.
Вечер подходит, и невской прохладой
    Полнится серая мгла.
Римское право в томах и в тетрадях
    Время убрать со стола.
Время накинуть шинель и фуражку
    Чуть на затылок примять.
Слышно в окошко, как марш начинают
    Медные трубы играть.

Слышны в окошко извозчичьи дрожки,
    Издали — тонкий свисток.
Темною лестницей вниз, за ворота —
    От зубрежа наутек.
В свете фонарном, где вход на гулянье,
    Вынырнув из темноты,
Девочка сунула ландыши в руку, —
    И заблестели цветы
В лацкане черном, под синей петлицей
    Посередине груди.
И подпевают призывно валторны:
    Не унывай — и входи!

Слева настойчиво занялся тиром
    Преображенский солдат.
Справа эстрада — там русскую пляшут
    И каблучками стучат.
В будке напитком стреляет фруктовым;
    Трубы орут па-де-катр.
Пенье доносит, щелями обильный,
    Ветхий сарайный театр.
Там для солдат и мещан просвещенье —
    Кажут «Двенадцатый год».
В бой Бородинский, на смерть снаряжаясь,
    Бравый солдатик поет.

Но Алексею Иванычу Львову
    Все это — так, ни при чем...
Шурочка, Шура-модистка поводит
    Худеньким, хрупким плечом.
Он ее издали сразу заметил
    И незамедля расцвел,
Под руку взял и в аллею глухую,
    Как на буксире, повел...

Вот оттого-то с конспектом и с книгой
    Что-то сегодня не шло,
И — сквозь пандекты — весеннее право
    Всеми цветами цвело.

377. НА МУЗЫКЕ

<Из цикла> «Былой Петербург»

Последняя зимняя память,
Зеленый ладожский лед,
По синей реке к заливу,
Поблескивая, плывет.
По улице за трамваем
Воронкою вьется прах.
— Извозчик, на Царскосельский! —
И прыгает на камнях
Расхлябанная пролетка
И, прыгая, дребезжит.
Трехногое чудо, кляча,
Прихрамывая, бежит.

Темнеют в окне вагона
Оттаявшие поля.
Цветет по канавам лютик
И радуется земля
Зеленой каждой травинке

И маленькому цветку.
Бежит «музыкальный» поезд
И волю дает свистку.
Свисток тройной, с переливом,
Тревожный, грустный сигнал...
Навстречу зеленый Павловск
И деревянный вокзал.

Усатые контролеры
Прощелкивают билет.
В огромные стекла льется
Слабеющий тусклый свет.
В буфете — пыльные пальмы
И кислые пирожки.
Но вот уже на эстраде
Поерзывают смычки.
Съезжаются петербуржцы.
Высоко люстра зажглась.
Короткий стук о пюпитр,
И музыка полилась.

Поет Бородин о сказке
Степных и восточных стран.
А там, в саду, за окошком
Весенний легкий туман.
Вздымает грозно Бетховен
Приливы темных морей.
А там, за окошком, в парке,
Бесхитростный соловей,
Такой же робкий, как север
И северная весна...
Последний взмах дирижера,
И хлынули, как волна,
Купцы, чиновники, дамы,
Студенты и прочий люд,
И легонькие вагоны
Упорным штурмом берут.

И снова зубрят колеса
Затверженный свой урок.
И в темных полях, с надрывом,
Прощальный гудит свисток.

378. СТАРЫЙ СОН

Все это — только старый сон,
    Прозрачный день апреля,
Чуть зеленеют небеса
    Над цирком Чинизелли.

Бредут, громя, ломовики
    И, заливаясь звонко,
Несется на горбатый мост
    Двухъярусная конка.
Из белошвейной мастерской
    Выходят две девицы,
Обедать едут на Пески
    Румяные сестрицы.
Тихонько шепчутся о том,
    Что дорого на свете.
Да разве можно говорить
    Секреты громко эти?
Не дай, Господь, домой дойдет
    Про эти похожденья.
Папаша — старый истопник
    В казенном заведенье.
И очень строг. Еще грозней
    Крикливая мамаша.
Вот потому скромны, тихи
    И Полинька, и Маша.
. . . .
Послушай, Поля, до сих пор
    Очнуться не могу я.
Меня Сережа променял
    На девушку другую.
Вчера в Народный Дом пошли
    С Анютой, как бывало,
Мы «Двух Сироток» посмотреть...
    Как вдруг перед началом
Что ж я увидела! Сидит
    В четырнадцатом ряде
Сережа, писарь мой морской,
    Ни на кого не глядя.
Лишь на модисточку глядит —
    Намазанные щеки,
Мой ненаглядный, мой кумир
    Сережа черноокий.
Я кашлянула, а потом,
    Узнав красавцу цену,
Я накричала, как могла,
    Про подлую измену.
Пропали деньги. Два часа
    Мы с Анной прогуляли,
Чтоб дома про расстройство чувств
    Мое вы не узнали.
Ну а сегодня — трын-трава —
    Найду себе другого.
Неужли надо жизнь губить
    За писаря морского?

— Ну и характер твой — перо,
  Пушинка, ветер в поле.
Тебе счастливой, Маша, быть, —
  Ей отвечает Поля. —
А я не так, уж если мне
  Влюбиться доведется,
От этой самой от любви
  Немало слез прольется...
. . . .
Но загремели тормоза,
  И разговор невольно
На этом кончился. Встает
  Голубоглазый Смольный.
Там в переулке за углом
  Есть домики простые,
И где-то в первом этаже
  Вскипели щи густые.
Ждет Машу с Полей за столом
  Папаша седобровый.
Горят лампадки. Все молчит.
  Все — свято и сурово.
И вот в прихожей голоса
  Девичьи зазвенели...

Все — это только старый сон,
  Прозрачный сон апреля.

379. ПЕРВЫЙ СНЕГ

<Из цикла> «Былой Петербург»

1

Ах, длинна безотрадная Лиговка.
  Ломовые гремят и гремят.
Опускаются ранние сумерки,
  Красным жаром трактиры горят.

И на Лиговку эту, на сумерки,
  На холодную, тусклую грязь
Вдруг разверзнулось небо, и снежная
  Вереница-мятель завилась.

Кружат белые пчелы без устали,
  Фонарям залепляют стекло.
И на грязной грохочущей улице
  Стало тихо и мягко-бело.

И от белости этой, от свежести
  Приутих оголтелый народ.

Даже дворники чудо-ругатели,
    Ухмыляясь, молчат у ворот.

2

Петровские липы на невском ветру
Скрипели всю ночь в саду.

Всю ночь взвивался мятельный бег
И падал на черные липы снег.

А утром — светлому солнцу навстречу —
На черных деревьях — белые плечи.

3

Разве можно по первопутку
    Да в казенку не заглянуть?
Эй, пожалуйте — прокатим!..
    Под копытами блещет путь.

По глухой Зелениной — на мост.
    Как черна ледяная вода!
В белых шапках серые баржи.
    Над Крестовским зажглась звезда.

И домишки косым полетом
    Санный бег на меня несет.
И с деревьев снежные грузы
    Сотрясает вороний лет.

4

Как глухо благовест у Спаса на Сенной
Роняет в белый снег смягченные удары.
Торговки крестятся. Владыка Неземной,
Помилуй тех Твоих, кто немощны и стары.

Кто целый день стоит с протянутой рукой
На скользкой паперти или под звон гитары
Горланит по дворам суровою зимой
И гонит медяки, чтобы от крепкой чары,

От водки бешеной на время одуреть
И с темной головой, и с теплыми ногами
В прокуренном насквозь трактире посидеть,
Где образ Твой горит лампадными огнями.

Владыка Неземной, Спаситель наш. Сударик,
В холодный зной зимы пошли бродягам шкалик!

380. ПРОГУЛКИ

1

Мороз на стеклах вырастил цветы
Невиданной и хрупкой красоты.

Какой слепящий свет! Какая тень!
Мы не сидели дома в этот день.

Вы, в легкой шубке стоя над Невой,
Казались мне царевной снеговой.

Ваш быстрый смех позванивал ледком,
Хватал за сердце острым холодком.

Зато когда спустились мы в подвал
И там камин огромный запылал, —

Как вы оттаяли! И тонкий лед речей
Был превращен в несущийся ручей.

2

Не было никогда
Ни Петербурга, ни зим.
Над тюильрийским прудом
Мы бесприютно стоим,

По стонущему песку
Проходит унылый люд.
Мальчики корабли
Пускают в каменный пруд.

О чем? О себе? О мне?
...В синий закатный час
В коротком взмахе ресниц
Влажный сомкнулся глаз.

3

Примчалась оттепель на святках. Снег
    Полозья топит ржавой кашей.
Давайте руку и пойдем бродить
    Любимою столицей нашей.

Тяжелый ветер с Запада. Темно —
И в полдень лавки зажигают.
На Невском людно. Мокрая мятель
За воротник вам залетает.

И вы смеетесь. Локон золотой,
Облепленный пушистой влагой,
Из меха выбился... Глухая ночь
И я, склоненный над бумагой.

Вдруг подымаю голову и вслух
Беседу продолжаю с вами,
И вновь пишу. И каждая из строк
Ведется легкими руками.

4

Мы чуть устали. Теплая зима
Весною пахнет. Над рекою тьма
Спустилась дымная. И в зелени небес
Рисуется тончайших веток лес.
Мы здесь немного постоим, пока
Совсем не затуманится река,
Пока вослед медлительной зари
Не заблестят над Сеной фонари
И площадь, где легко фонтан шумит,
Молочным серебром не загорит.

381. МУЗА С РАЗЪЕЗЖЕЙ УЛИЦЫ

<Из цикла> «Былой Петербург»

1

Снят с лампы абажур. Мелькает тень.
Висят на креслах легкие обновы.
На бал приказчичий, на святках, в хмурый день
Сбирается Катюша Соловьева.

Продуман до конца торжественный наряд
С воланами из тюля, с кружевами.
Над челкой золотой щипцы, скрипя, дымят,
И пудра пролетает облаками.

И вот все кончено. Мамаша впопыхах
К Пяти Углам за ванькою слетала.
В глубоких ботиках, а туфельки — в руках,
По лестнице богиня замелькала.

2

Что за прелесть этот танец новый —
    Па-де-катр.
Раскраснелась Катя Соловьева,
    И блестят

Серые глаза над бровью тонкой
    Краше звезд,
И поет об этом медью звонкой
    Весь оркестр.

Катеньке сегодня — честь и слава!
    Тра — ла — ла...
Выступает Катя, величава
    И мила.

А любезный кавалер военный
    Ждет момент
И готовит Кате дерзновенный
    Комплимент.

3

Не из последних Катенька невеста,
    И нет работницы прелестней!
Кухмистерскую, гордость здешних мест,
    Мамаша держит на Разъезжей.

Ей Катя помогает. И с утра
    Битки замешивает с луком.
Она всегда смешлива и шустра,
    Но ей пустым не будет звуком

Любовь на этом свете: ус в кольцо
    И ловкость писарской ухватки.
И вот, бледнеет Катино лицо,
    И до конца и без остатка.

Во власти делового жениха
    Глаза-лампады, дуги-брови,
Что ж, может быть, судьба не так плоха
    Детей рожать и щи готовить...

4

И все-таки — у рампы огневой
    (Оркестр вздыхает чаще, глуше).
В коротких белых пачках над толпой
    Вы мне привиделись, Катюша.

И как далек кастрюльный ваш уют!
И предо мною — в море света
Торжественная прелесть аттитюд
И завершенье пируэта.

382. НАД ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНОЙ

1

Над петербургской стороной,
Над деревянными домами,
Над снегом, залитым луной,
И над слепыми фонарями

Проносится душа моя,
И вот у Спаса Колтовского
Стою, дыханье затая,
И каждое на память слово

Твержу, умолкшее давно,
Той, что на кладбище далеком
Спит вечным сном. Не суждено
Нам было счастье. Серым оком

Ты на меня не поглядишь,
Не рассмеешься, ангел милый,
Не долетит ко мне в Париж
Тот вечер, что к твоей могиле

Сухих березовых ветвей
Склоняет вьющиеся космы.
И скрежет радио несносный
Скрипит над памятью твоей.

2

Я не забыл прогулки на Крестовский
Той бурной северной весной.
Бурлили воды в нашей дельте плоской,
Носился ветер, как шальной.

Он нам в лицо смеялся брызгой мелкой,
А мы, подняв воротники,
Перебегали на Елагин. Стрелка
Была пустыней. Поплавки, —

Пустые барки ветер рвал с каналов,
Скрипели доски под волной.

И возвращались мы к пенатам нашим
    В тот малый домик над рекой,

Где целый день с машиной иль с иголкой,
    Или над белою канвой
Ты убивала юность. Книжной полкой
    Был все ж увенчан столик твой.

Ты кипятила кофей. Руки наши
    Встречались — так был столик мал.
И только с карточки безумный Гаршин, —
    Ты помнишь? — нас не одобрял.

3

И ночь пасхальная. И плошки
На колокольне Колтовской.
Железом кованные дрожки
Гремят по гулкой мостовой.

Теплынь и сырость. Тяжким басом
К заутрене ударил гром.
Торговцы семечком и квасом,
Что в ларчике перед мостом

Перекрестились богомольно,
Но не закрыли ларчик свой:
Туда и вольно и невольно
Народ заходит городской.

И мы с тобою, ангел милый,
В слезах всю службу отстояв,
Каких-то шоколадок хилых
У ярославца сверток взяв,

Отправились под звон немолчный
В любимый наш, забытый сад...
. . . .
Нет! Не найти такой же точно
На свете вкусный шоколад.

383. ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЛЕТО

1

Синей воды накрашены борты
И на боках трепещет парусина.
Нагнув трубу, проходит под мосты,
И вот уже раздольные картины —

Елагинские славные луга
И низкий и заброшенный Крестовский,
Синеет вечер. Бледные рога
Вздымает месяц. Древностью петровской

На взморье показались паруса.
Как хорошо здесь в будний вечер летом,
И в воздухе прозрачном и нагретом
Со шлюпок раздаются голоса.

2

И мы, мой милый друг, возьмем
С тобою лодку-двухвеселку.
Ты сядешь смирно за рулем,
Я загребу, и мы споем
Иль не споем, а втихомолку

По серой глади заскользим
Навстречу лахтинским низинам,
Навстречу — только сизый дым,
И топкий берег невидим,
Неощутим в мираже синем.

3

Не успела совсем загустеть синева,
Почернеть до конца не успела Нева,

Как сквозь пышную зелень огромных дерев
На дорожки, на берег посыпался сев:

Золотые прорехи сквозь темный шатер
На дорожках чертит золотистый узор,

И бегущая к взморью речная волна
Этой утренней роскошью позлащена.

4

Мы берегом идем плечо с плечом
И солнечная ночь блестит над Стрелкой.
Мы говорим о всем и ни чем
И морщится залив волною мелкой.

Твоя рука нежна и холодна.
Рассветный ветер — с Запада — крепчает.
Мы переходим в бег. Как ты бледна!
Но ровный бег румянец возвращает.

5

Так до Крестовского, пыхтя,
Смеясь, друг друга обгоняя,
Мы добегаем. И, шутя,
Колени низко подгибаем.

Зовем извозчика. Со сна
Трясет возжами он не споро,
И замелькала тишина
Сквозь деревянные заборы.

А дома мы устроим тьму:
Портьеры сдвинем поплотнее.
И твоему и моему
Так будет сердцу веселее.

Ты сядешь за рояль. Ко сну
Сыграешь медленно Шопена.
И мы забудем про весну,
Что, буйно вырвавшись из плена

И буйно в лето перейдя,
Об отдыхе и сне забыла
И, черноризниц не щадя,
В золоторизых превратила.

Июнь 1933

384. ЛИГОВКА ЛЕТОМ

1

И снова Лиговка. Июльский тяжкий зной.
Известка каплет. И поет рабочий.
Визжит на блоке дверь. В трактир пустой
Мужик ввалился — видно, выпить хочет.

И вот слуга, в жилетке и босой,
Сердито тащит пару. С колбасой
И с хлебом ситным чай мужик хлебает.
В окошке канарейка подпевает.

Горит лампадка Спасова. Без глаз
Изображен нерукотворный Спас.
Но допит чай. Доедены куски
И звякают о стойку медяки.

2

В синей, пахнущей краской, тени
Возле тумбы присесть на панель.
Золотая плывет канитель.
Боже, всякое зло отжени!

А напротив казенка. Стена
Красной оспою испещрена.
Недалек через улицу путь —
Хорошо бы и водки глотнуть!

Растопырился, замер мужик,
Зажурчал волосатый кадык...
Выпил водку и вновь зашагал
Отдыхать на Обводный канал.

3

Погасла поздняя заря. Чернит
Июльский склон остаток ночи белой
И на вокзале, словно очумелый,
Готовясь к бегству, паровоз свистит.

И дачники затеяли в вагонах
На тиковых подушках сложный винт.
Последних переулков лабиринт
Остался сзади. В темных перегонах

Навстречу мчатся ели. Добрый путь!
Лишь Лиговка не может отдохнуть.
И плач детей и окрик брани гадкой
Ее трясут ночною лихорадкой.

385. АВГУР

Весна. В Таврическом саду
  Летят, летят в озера
Сережки с верб и тополей,
  И желтые узоры
Чертит на топких берегах
  Веселый одуванчик,
И где-то близко во дворе
  Гудит, поет шарманщик.

Калоши, зонтик, длинный нос,
  Оседланный очками.
Его встречал я каждый день
  Весной под деревами.

Я никогда не говорил
    Со стариком угрюмым.
Он предан был каким-то снам,
    Каким-то странным думам.

Порой я прятался в кусты,
    Чтоб подглядеть за старым,
И видел — что-то он шептал
    С необычайным жаром.
И слух однажды уловил
    На маленькой куртине
Стиха торжественную медь
    Торжественной латыни.

И через день я на пути
    Настиг его любимом.
Березы плыли надо мной
    Сплошным зеленым дымом.
И книжка тонкая в руках
    Моих слегка дрожала.
И напряженная латынь
    Вполголоса звучала.

Старик попал как жадный ерш
    На удочку такую,
Остановился и сказал,
    Волнуясь и ликуя:
— Ах, в первый раз, да, в первый раз
    Я вижу гимназиста,
Что пьет не скверный лимонад,
    А ключ латыни чистой.

Кто Флакка друг, тот сын и брат
    Адольфу Эрнеману.
Мой классик, я надеюсь, вас
    Упрашивать не стану!
Вас приглашает не магнат,
    А просто старый нищий,
Но согласитесь посетить
    Убогое жилище.

И тронул высохшей рукой
    Рукав моей шинели.
И по Шпалерной мы пошли
    По узенькой панели.
Крутая лестница темна,
    Но в этаже четвертом
Светлее стало. Дверь скрипит
    Под войлоком истертым.

В пустынной комнате большой
    Таблицы легионов.
И книжек по стенам ряды.
    И снова, пальцем тронув
Рукав, и хитро щуря глаз,
    Старик промолвил: ждите!
Сейчас приду. Чтоб не скучать,
    Вы книжки посмотрите.

Прошло минут пятнадцать. Скрип
    Раздался шаткой двери,
И я такое увидал,
    Что сразу не поверил
Своим глазам. Суров и прям,
    Он встал передо мною
В широкой тоге шерстяной
    С пурпурною каймою.

Засохший лавровый венец
    Венчал его седины,
И без очков еще длинней
    Был нос его орлиный.
Он что-то долго бормотал,
    Потом сказал: не скрою,
Я посвятил вас, вы в одной
    Коллегии со мною.

Безумцем явным был старик
    С его авгурской тогой,
И я пустился с криком вниз
    По лестнице убогой.
Старик за мной, но во дворе
    Наш топот услыхали,
И дворники — наперерез —
    Безумного поймали.

386. СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Зимний день

I

Он просыпается часу в девятом
    В попоне из густого снега.
Он щиплет нос закутанным ребятам,
    Ночных извозчиков — к ночлегу

Он гонит в спины крепкими щелчками,
    А над рекой в саду пустынном

Скрипит протяжно черными стволами
И саваном взлетает длинным.

В шинельной печка топится, и зной
Румянит нежно лист железный.
И начат день то баснею смешной,
То арифметикой полезной.

II

А когда, картавя и качаясь,
Входит в класс румяный Федергоф,
Оживляется ребячья стая,
И за дверью шум таков,

Что дежурный классный надзиратель
Сам не знает, как ему и быть:
Федергоф большой его приятель,
Но нельзя не прекратить

Эти визги, крики, восклицанья,
Даже топот вроде гопака,
И, ведома чувством состраданья,
Постучалась вежливо рука

В двери класса. Но хитры мальчишки,
И еще хитрее Федергоф.
Все носы уткнулись прочно в книжки.
И лукавит голос: «Хэрр Петров,

Это — вы? Спасибо за вниманье!»
И коллежский секретарь Петров
Исчезает за стеной молчанья,
Недоверчив, мрачен и суров.

III

Короткий день кончается. Звонок
По коридорам звонкой трелью
Разносит весть, что наступает срок
Священному безделью.

Набился снег на тусклых фонарях,
И пятиклассник длинноногий
Бежит, чтоб встать, как рыцарь на часах,
Посереди дороги.

Посереди пути единой, той,
Кто сердцу приказала биться,

Кто за плечами русою косой
    Над миром золотится.

Над миром звезд, людей и лошадей,
    Над русским воздухом веселым,
И занавес несется все тесней,
    Подобный белым пчелам.

387. ХОРИСТКА

<Из цикла> «Старый Петербург»

1

На Офицерской, в третьем этаже,
В накуренных и затхлых меблирашках
Блестит окно в морозном чертеже.
Как холодно стоять в одной рубашке

Над белою гладильною доской,
Где распластались пестрые доспехи!
Пора, пора! Подходит час восьмой,
Скорей, скорей! Теперь не до потехи.

В Крестовский сад дорога далека,
И медленна трясущаяся конка.
В ротонде заячьей бежит, легка,
По лестнице вертлявая девчонка,

Хористка Катя, Катя — чудеса.
(Так окрестили милые подруги.)
Крестовский мост. И плачут голоса
Над Невкою летящей вьюги.

2

Перья пальм в сырой и длинной зале,
Канделябров гнутых желтизну,
Дряхлый звук разбитого рояля
И подошв лакейских тишину,

Хамскую усмешку мэтр д-отеля
И цепочки животных пуз —
День за днем, неделю за неделей —
Все стерпеть — удел кабацких муз.

3

Только раз запрыгало, как пташка,
    Сердце на глаза в ответ,

Промелькнула синяя фуражка,
И фуражки больше нет.

Только раз пришел русоволосый,
Пролетела ночь одна.
Закурила Катя папиросы,
Дотянулась до вина.

Голосок того гляди сорвется,
Эх, не жизнь, а канитель!
И в награду Кате достается
Полуночная панель,

Где светло сияет над домами
Думский месяц-циферблат,
Где, как псы, тяжелыми словами
Злые дворники кричат.

388. БЕЛОШВЕЙКА

<Из цикла> «Старый Петербург»

I

Румяный трактирщик рот покрестил
И в небо глаза прищурил.
Мороженщик с грохотом прокатил
Ящик синей лазури.

Капустница-бабочка на панель
Уселась, расправив крылья,
Из окон раскрытых — рояльная трель,
И ветер играет пылью.

И, зимние сбросив седые сны,
Ликует столица наша
Весной стремительной, но весны
Милей белошвейка Паша.

Какой походочкою плывет,
Блестит золотой косою,
Сердечком алым написан рот,
Глаза — балтийской волною.

II

Где голуби, ворча, гуляют важно
За старой Лаврой, около реки,
Был белошвейный домик двухэтажный.
Мелькали руки быстры и легки

В окошках чисто вымытых. Мещанка
Аглая Щукина хозяйкой там была,
И голосом скрипучим, как шарманка,
С утра до ночи разговор вела:

— Опять не так Машутка подрубила,
И Пашины мережки не чисты.
Ну и девчонки! Никакая сила
Не сладит с ними... А меж тем листы

За окнами, на тополях разлатых
Чадят смолой — предвестье теплых дней,
И воркованье голубых крылатых
Все радостней, и чаще, и нежней.

III

Но все-таки вечер весенний долог,
И весело свищет паровичок.
Истыкали пальцы жала иголок,
И ноют глаза от нитяных строк.

Но путь короткий на империале
По Старо-Невскому на заре
Подруги на отдых не променяли,
И жмутся нежно, сестра к сестре.

Ну, а от Знаменья до Тавриды
Пешком превесело пробежать,
Гремят гвардейцы марш из «Аиды»,
И бродит в аллеях пестрая рать

Приказчиков-франтиков, студиозов,
И дев смешливых, стройнее фей.
И свет электрический, нежно-розов,
Зажегся, вздрогнув сотней теней.

IV

Как белой ночью горяча подушка.
Не спится Паше. Писарек штабной,
Усатый ангел, херувимчик, душка,
Сразил навеки девичий покой.

Ведь, может быть, и он влюблен не меньше,
И радость наступила навсегда...
Но если он коварный комплиментщик,
И речь его струится, как вода

Бесчувственно-привычно из фонтана, —
Как бедной Паше жить и как дышать?
И день, клубясь, выходит из тумана,
И ненавистна белая кровать.

389. ДАЧИ

<Из цикла> «Старый Петербург»

1

Вдоль солнечной улицы дачи.
Над соснами воздух истомный,
И ветер горячий
На серые дачные бревна,
На клумбы петуний
Наносит дорожную пыль.

Надворной советнице Львовой,
Хозяйке и хлопотунье,
Совместно с румяною Глашей
И с взятой впридачу
Соседскою Машей
Сегодня не легкий урок.

Еще бы! Слетятся на дачу,
И ровно в назначенный срок,
К пяти пополудни,
Соседи из Териок,
Из Оллилы тетки,
И даже кузины —
Из Мустамяк.

Ботвинья из лососины,
И курник, и лакомый рак,
Все будет на славу и сладость.
Еще бы! Веселая Оля,
Утеха и радость,
Собою картина,
Шестнадцатые именины
Справляет, как роза, свежа.

И, весь от натуги дрожа,
Чиновный отец, Анатолий
Петрович,
Вращая, готовит,
Презрев и усталость и зной,
Мороженое под сосной.

2

Ученица Петербургской Литейной,
Престрогой гимназии,
Оленька Львова,
Скуластый ангел Евразии,
С утра щеголяет в новом
Чем-то кисейном.

Кокетства полна и приличий,
По садику тихо бродит
С осанкою царской,
И вея сиренью персидской.
О, возраст девичий,
Когда переходят
От Чарской
К Вербицкой!

3

И то, что вам нынче под сорок,
Что двух неудачных сменили мужей,
И то, что погибнете скоро
Вдали от российских полей.

Все это меня
Не смущает нимало,
И в душном вагоне метро
Я радуюсь шляпке,
Смешной и увялой,
Все так же свежо и остро.

И в душной конторе,
И в тесной харчевне,
И в черной парижской пыли
Я кланяюсь низко
Далекой царевне,
Скуластому ангелу русской земли.

ВАСИЛИЙ СУМБАТОВ

390. «ГИПЕРБОРЕЙ»

Ахматова, Иванов, Мандельштам —
Забытая тетрадь «Гиперборея» —
Приют прохожим молодым стихам —
Счастливых лет счастливая затея.

Сегодня я извлек ее со дна
Запущенного старого архива,
Иль сорок лет — еще не старина?
И уцелеть средь них совсем не диво?..

«Октябрь. Тетрадь восьмая. Девятьсот
Тринадцатого года»... год заката,
Последний светлый, беззаботный год.
Потом — не жизнь: расправа и расплата.

Тетрадь — свидетель золотой поры,
Страницы, ускользнувшие от Леты,
Раскрыл, читаю, а глаза мокры:
Как молоды стихи! как молоды поэты!

И как я стар! Как зря прошли года!
Как впереди темно и как пустынно сзади!
Как жутко знать, что от меня следа
Никто не встретит ни в какой тетради.

391. РОДИНА

Кн. С. А. Щербатову

Ты со мной неотступно всегда и везде, —
Слышу в ветре родное дыханье,
И в горах, и в лесах, и в волне, и в звезде
Вижу ясно твои очертанья.

В струях Тибра мне видятся волны Невы,
Петербургских дворцов отраженья.
В дальних звонах я благовест слышу Москвы,
Переливы церковного пенья.

Там, у виллы — звучит Петергофский фонтан,
Царскосельская вьётся аллея,
И не твой ли повис над рекою туман,
Под закатным лучом розовея?..

Не Кавказ ли вон там — у гигантской скалы?
Не твои ли там тучки проплыли?
А в лесу — эта тень, этот запах смолы,
Эти птиц голоса — не твои ли?..

392. ГРАД ПЕТРА

Рождавшейся Империи столица —
Санкт-Петербург-Петрополь-Петроград —
Лишь при Империи Ты мог родиться
И вместе с ней Ты встретил свой закат.

Два века роста, пышного цветенья, —
Архитектуры праздник над Невой,
Расцвет искусств, науки, просвещенья,
Поэзии и чести боевой!

Два века славы, блеска и покоя,
Немногих перемен, недолгих гроз!
Жизнь, как Нева, не ведала застоя,
Ты, град Петра, всё украшаясь, рос.

Но славы вековой умолкли хоры,
Империя приблизилась к концу,
И прогремели выстрелы с «Авроры» —
Салют прощальный Зимнему дворцу...

Ты имени лишён, но Всадник Медный
Руки не опустил, — придёт пора, —
Разгонит он рукой туман зловредный
И впишет вновь на картах: Град Петра.

393. БАЛЛАДА О ВОСПОМИНАНИЯХ

Посвящается Ирине Одоевцевой

На берегах Невы застала
Ты Век Серебряный в года,
Когда сходил он с пьедестала
И всюду ширилась беда.

Он сам с гранитного подножья
Сошел, чтоб не склонять главы
Перед насильем, перед ложью,
Перед кликушеством Москвы.

Ища свободы и покоя,
С улыбкой, с песней на устах,
Сошел он поступью героя
В потемки, в стужу, в голод, в страх.

Ты смело с ним шагала рядом,
Хоть становилось жить невмочь,
Сгущалась траурная ночь...

Прошло полвека... Да прошло ли? —
На берегах Невы опять
Звучит твой голос, — силой воли
Ты повернула время вспять!

В твоих воспоминаньях снова
Великий город восстает,
Где — ученицей Гумилева —
Ты начинала свой полет,

Где ты восторженно внимала
Уже прославленным певцам
И речи их запоминала,
Теперь поведанные нам,

Где музыке стихов учила
Ты подраставший свой талант,
Где Муза в крылья превратила
Твой девичий огромный бант.

АННА ТАЛЬ

394

Вблизи Казанского Собора
Мальчишки продают цветы.
За тенью синею забора
Скамейки желтые пусты.

Восходит солнце над Невою,
Церквей сверкают купола.
Летит в лазурь над головою
Адмиралтейская игла.

Фигура резкая застыла
Городового на посту.
Глаза его глядят уныло
Куда-то мимо, в пустоту!

Июнь 1925
Берлин

395

Я помню все — гранитные перила,
И Карповку, и путь на Острова,
Где муть залива солнечно застыла,
Где так душиста свежая трава.

И Летний Сад, и баржи на Фонтанке,
И грустный, затуманенный закат,
И в булочной румяные баранки,
Которые так шелково блестят.

Весенние, прозрачные недели,
Подснежников густую полосу,
Сверкающие лужи на панели —
В душе я осторожно донесу.

Апрель 1926
Берлин

396. СЕСТРОРЕЦК

Широкая аллея. Полдень сонный.
Ступени. По бокам высокие вазоны
Настурций и гвоздик.
Фонтан. Качели. Детская площадка.

За галереей — моря шелковая складка
И чайки дальний крик.

В лечебнице спокойно, тихо, пусто,
Чуть пахнет ваннами и свежею капустой,
И морем, и смолой.
Внизу бассейн. Заглушенные всплески.
Сквозь мутное стекло, полуденный и резкий,
Луч падает стрелой.

Прохладно наверху в пустой читальне,
Вдоль подоконника назойливо-печально
Жужжат два комара.
А на столах журналы и газеты,
В обложки солнечные, зыбкие одеты,
В узор из янтаря.

Рижское взморье, Эдинбург II

НИКОЛАЙ ТАТИЩЕВ

397. БОСЯК

Из харчевни открылись ворота,
Освещенная улица там.
Вдруг пропала дурная дремота
И моторов усилился гам.

Кто там курит в углу на соломе,
Как в июне в саду на траве?
Наша улица прямо от дома
К синеватой выходит Неве...

Нет, за дверью вокзал у Босфора.
Значит, вновь началась канитель.
Ночи здесь, как и всюду, не скоры,
Как в Ростове не греет шинель.

Мир ночной, непонятный и древний.
Где разгадка? И что понимать?
В городской суматохе вечерней
Надо кончить бутылку и спать.

Угощает цыган незнакомый.
Встать, уйти. Только нет уже сил.
Ты давно ли в Марселе? Не помню.
А откуда ты родом? Забыл.

В пыльном зеркале злой, некрасивый
В пустоту, не мигая, глядит.
А босяк, хоть цыган, а правдивый:
«Ври другим, не себе», говорит.

ЮРИЙ ТЕРАПИАНО

398

<...> Темно и страшно
Поэтом быть рожденным. Но страшней
Песков и скал пустыня Ленинграда:
Был мор и трус на берегах Невы,
Был голод, люди двигались, шатаясь, —
И оборвался стройный звон стиха —
Не на горе, в цветущей дикой щели,
На темном полигоне, в пыльной яме
Лежало тело. А душа всходила
Сквозь черные и страшные круги,
Наполненные душами убитых
Что жизней не изжили — выше, выше!

399

Опасаясь беспорядков, Николай I велел срочно перевезти тело Пушкина в Тригорское. В спешке взяли слишком большой гроб, и всю дорогу тело колотилось о стенки гроба.

Сияющий огнями над Невой
Смятенный город — ропот, плач, волненье.
Двух черных троек топот роковой —
О, эти дни, которым нет забвенья!

Фельдъегерь бешено кричит во тьму
Ругательства — усталость, холод, злоба,
А он в гробу колотится: ему
По росту не успели сделать гроба...

И этот стук, России смертный грех,
На нас — на «будущих и бывших» — всех!

400

Дней Александровых прекрасное начало...

Прекрасней не было и нет:
В тумане над Невой сиянье,
Гром ослепительных побед,
И торжества, и страшных бед
Безумное чередованье.

Век Александра, славный век.
В снегах — подснежники свободы,
В цепях согбенные народы —
И вдруг иного ритма бег
Сломил державинские оды.

Два благородные орла —
Двуглавый и другой, не русский,
В ширь распростершие крыла,
В бою столкнулись — и взошла
Погибель над землей французской,

И вот, чрез полтораста лет,
Слежу стрелы Вандомской взлеты
И арку гордую побед
Там, где войны недавней след
Стер песнопенья позолоты.

О, Франция. Твой тяжкий бред
Сегодня прежнего темнее
И лебедей версальских шеи,
Как королевские лилеи,
Склонились — и надежды нет.

Но ведает душа земная,
Что Кобленц, Прага и Париж —
Изгнанье и чужбина злая —
Залог того, что Ты нас знаешь,
Что Ты избранникам даришь
Тернистую дорогу к раю.

Декабрь 1962
Париж

АЛЕКСАНДР ТОПОЛЬСКИЙ

401. ПЕТЕРБУРГ

Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
...Тревожный вечный сон Петра.
Пушкин

Ты не Петром, ты Достоевским создан,
великий город, северный мираж!
Хоть звонок был копытом медный воздух,
и хоть поднесь гигантский всадник-страж
встающих ужасов — ты ждешь, чреватый
кошмарами и дремлешь под Невой.
Воистину, великий бесноватый,
на камни потрясенной мостовой
пав головой, кровь пролил и кошмары.
И Мышкин пеной уст покрыл гранит...
И нынче прах твой не копыт удары —
биенья судорожных тел хранит!
Боль белой ночи... Тишь твоих закатов...
В мороз над царским домом звезд игра...
Все взбудоражил роем бесов Шатов
и потревожил вечный сон Петра.
Раскольникова огневицей, бредом
Россию и Европу мучишь ты...
Ты одержимым создан был поэтом,
Великим Инквизитором Мечты.

1922 VII

ЗИНАИДА ТРОЦКАЯ

402

Мне часто снится свет какой-то смутный.
Гляжу в окно, беспомощно скорбя,
Чего-то жду я и ежеминутно
Хочу уйти — я здесь не у себя.
Я не в квартире — в комнате отеля,
Там лабиринт запутанный дверей.
Спешу, бегу, сама не зная цели,
И слышу зов: «Нет времени, скорей!»
Я вниз спустилась и сейчас же вижу:
Не в том я городе, что час назад.
Бродила, помню, раньше по Парижу —
Теперь Нью-Йорк... нет, словно Петроград,
Все узнаю здесь: здание Сената,
Юсупов сад, воздушные мосты...
И те, кого я знала здесь когда-то,
Вдруг ожили. Мельчайшие черты
Отчетливо я вижу. Неужели
Исчез весь груз давно ушедших лет?
И просыпаюсь: комната в отеле,
Диван, окно, осенний смутный свет.

403

Вновь оснеженные колонны,
Елагин мост и два огня...
А. Блок

Ленинград, Петроград, старый Питер ли,
Но светла под луной Нева,
И сияния годы не вытерли,
И былые звучат слова.

Зазвенела струна одинокая,
Голос памяти чуткой прост...
Вдруг в стихах натолкнулась у Блока я
Невзначай на Елагин мост...

Из ушедшего времени пестрого
В переливчатой мгле теней
Поднялись очертанья острова,
Очертанья туманных дней.

404

Порою кажется так просто
Вновь увидать, как наяву,
Перила Троицкого моста,
Дворец, и крепость, и Неву,

Дома вдоль Невского проспекта,
И Исаакиевский храм,
И старый замок тот, где некто
Поныне бродит по ночам...

Увидеть шпиль Адмиралтейский,
Кронштадтца в шапке набекрень,
Сенат, бульвар Конногвардейский,
И Летний сад в осенний день.

405

Сероватый снег, слежавшийся и клейкий,
Сероватый снег, похожий на халву...
Как бы я хотела вас увидеть, вейки,
В сумерки поехать снова на Неву!

Где высокая барашковая шапка,
Шубка теплая, платочек шерстяной?
Я в пушистой муфте прячу руки зябко,
Чтобы не пронзил их ветер ледяной.

Бледные лучи простуженного солнца
Призрачно осветят памятник Петра —
Прокартавит голос толстого чухонца:
«Барышня, вернемся, уж домой пора».

Низкорослая усталая лошадка
Пустится рысцою в свой обратный бег,
И в пыли растает — трепетно и сладко —
Молодость, Нева и сероватый снег.

ЮРИЙ ТРУБЕЦКОЙ

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРОФЫ

406

До дамбы каменной преграды
Плывет спокойная Нева,
И за дворцовой колоннадой,
За перспективой — острова.

И в час урочный, в клубах дыма,
Неуследима, нешумна,
Печальная проходит мимо
Гиперборейская весна.

И Петропавловская крепость
Незрячий взор бросает вниз,
Где, как величественный эпос,
Петровский стынет Парадиз.

Тогда ямбические строфы
Со взморья ветры шепчут мне,
В садах беспечных Петергофа
И в царскосельской тишине.

И неразрывны с прошлым узы,
Когда, остановя полет,
Глядят классические Музы
В летейскую прозрачность вод.

1916

407

Рейд безлюдный. Пески Сестрорецка.
Облака призакрыли зарю.
В облик твой беспечальный и детский,
Как впервые, сегодня смотрю.

От воды почернелые доски
Из купален ведут на песок.
Воротник твоей белой матроски
Тихо треплет морской ветерок.

Загорелые ноги ласкает
И щекочет украдкой вода.

Мы с тобою запомним, я знаю,
Золотой Сестрорецк навсегда.

На заливе, за отмелью, лодка,
Однотонны мотора толчки.
На воде зажигаются четко
Пристаней и плотов огоньки.

Здесь на пляже, за день разогретом,
Звездной ночью, в шелках тишины,
Нам с тобою внимать до рассвета
Равнодушным шуршаньям волны.

1917

408

Всё понятно — и серые зданья,
И декабрьский хрустящий снег,
И захватывающий дыханье
Финских санок неверный бег,

И уверенность в том, что жребий
Наш заплелся в тугом узле
Не на чуждом холодном небе,
А на близкой, верной земле.

1917

409

Слишком много яркого света,
Слишком кровь бьется в виске.
Улыбаются в окна лету
Амуры на потолке.

Весела сегодня столица
В темной зелени, на ветру.
Только сердце будет томиться
Вечерами и поутру.

Оттого что и ты оставишь
Эти стриженые сады.
Только ряд пожелтевших клавиш
Сохранит пальцев следы.

Помню запах нарциссов острый,
Взморье, пляж на песчаной косе,
Веселый Елагин остров,
Дымящееся шоссе.

Помню лето, тебя и книгу
С беспокойным распевом строк,
Норвежские песни Грига
И с набережной ветерок.

1917

410. ЦАРСКОЕ СЕЛО

Здесь шум ветвей с ветрами говорит
И парк тревожит стужей обнаженный.
Здесь Камерона строгие колонны
Уходят в неба мутный хризолит.

Безлюдие в аллее просветленной,
Где мрамор статуй меж стволов сквозит,
Где ступеней растреснутый гранит
Уже ковром устлали пестрым клены.

Слепые, равнодушные года
Я здесь считаю. Никнут холода
На обелиски Славы и Победы.

А ветер, северный мечтатель-сноб,
Пылающий мне беспокоит лоб
И снег метет на плечи Кифареда.

1920

411. В ПАРКЕ

Здесь голос тишины уже так ясно внятен,
Здесь в изумруде трав обрывки желтых пятен
И широко взлетать закатному лучу,
Над парком, осенью разубранным в парчу.

Скучают мраморных фонтанов обелиски,
И сердце смущено тревогой тайно близкой.
Гудит Гиперборей, сметая пыль с дорог,
И листья падают в разметанный песок.

Предзимних бурь струна уже заныла,
И Дева Белая кувшин свой уронила.
«Но Дева красотой по-прежнему горда,
И трав вокруг нее не косят никогда».

Люблю безлюдие аллей, поблекших рано,
И изморозь с утра, а к вечеру туманы.
Последний луч бесплотный, как обман,
Над павильонами, что строил Монферран,

Ложится неживой печальной позолотой
На мертвые дворцы и окон переплеты.
И думает — о чем? — следя летучий лист,
На бронзовой скамье кудрявый Лицеист.

1920

412. ПЕТЕРГОФ

Фонтаны спят. Екатерины нет.
И Музы не настраивают лиры.
И у ворот пустого Монплезира
Не видно раззолоченных карет.

Горит вечерний, золотистый свет
На облаках осеннего сапфира,
И этот парк запущенный и сирый,
В сентябрьский траур пышно разодет.

Я здесь брожу и думаю всегда
О днях великолепия Фелицы
И слышу у замшелого пруда

Величественный шаг Императрицы.
Ты не забудешь золотых годов,
Дряхлеющий, холодный Петергоф!

1921

413. ТАВРИЧЕСКИЙ САД

Опушена чугунная ограда
Снежинками. Уже темно вверху
И тает день. В серебряном пуху
Столбы, дома и церкви Петрограда.

Как хорошо, закутавшись в доху,
Бродить в снегу Таврического сада
И знать, что сердцу ничего не надо,
Пусть бьется в лад спокойному стиху.

Глубоким звуком в выси уплывая,
Заблаговестил колокол вдали
Над тишиной заснеженной земли.

Я чувствую, шагов не ускоряя,
Глаз голубых смеющийся разрез
И сумерки, и празелень небес.

1917

414. ПИКОВАЯ ДАМА

Петербургская ночь. Чуть видны фонарей вереницы.
У подъезда метет. Навевает сыпучий сугроб.
Тот рассказ о трех картах мерещится, кажется, снится —
Герман сдвинет, шатнувшись, свою треуголку на лоб.

Вот Московской Венеры подъехала грузно карета,
Выездные лакеи проклятую ведьму ведут...
Вот она задремала. А вот под кружком пистолета
Затрясла головой. И отправилась к Богу на суд.

Сорок тысяч! Метель. И мигает старуха из гроба.
Герман, Герман! Всё — тройка, семерка и туз.
Петербургская ночь наметает как горы сугробы.
Слышишь — Лиза рыдает: — к тебе никогда не вернусь!

Петербург. И мигают вдали фонарей вереницы.
А у Зимней Канавки столбы неуемной пурги.
С тихим свистом змеиным за картою карта ложится
И у Пиковой Дамы усмешка проклятой карги.

1921

415. ГАТЧИНА

Звучат гудки. И ветер в проводах
Уже гнусавит, отпевая лето.
И Гатчина, в багрянцы разодета,
Спит и не спит в разметанных садах.

Борей тревожен. Путает и рвет
В оконных амбразурах паутины,
За павильонами времен Екатерины
В пруды наносит дымчатый налёт.

И медлит вечер. Кажется, сейчас
Туда, где прежде гренадер дневалил,
Где главная аллея провилась,
Пройдет, надвинув треуголку, Павел.

Фельдъегеря. Кареты. Фонари.
Уже седлают рыжего Помпона.
На фоне расплескавшейся зари
Уже идут гвардейские колонны.

Парик, мундир, усмешку на лице
Осветит блеск осеннего заката.

Пройдет и скроется в своем дворце,
Постукивая тростью, Император.

Ему вослед ветвями прошумит
Холодный ветер всезабвенной Леты,
Что с беспокойством в запустеньи этом
Прудов тревожит мутный малахит.

Звучат гудки. В зеленых облаках
Борей трубит в серебряные трубы.
И мчится снег. И дни идут на убыль.
И спят дворцы в разметанных садах.

1921

416. ВСТРЕЧА

Шум колес по плиткам торца...
Неожиданно возник
Четкий облик стихотворца
И бобровый воротник.

Улыбнулся мне с поклоном...
В бледном таяньи зари,
Там, на Невском оснеженном,
Лихачи и фонари.

Это ветер легковейный
Подал мне условный знак.
Вот знакомый, на Литейном,
Двухэтажный особняк.

«Выпьем с горя, где же кружка?
Сердцу будет веселей!»
Александр Сергеич Пушкин,
Спутник юности моей!

Вспоминает ли Тавриды
Нежно-пламенную синь,
Иль грядущие обиды
На чело наводят тень?

Или звезд осенних блестки
В парке Царского Села,
Где веселому подростку
Муза путь пересекла?

Перезвон тригорских сосен,
Дни, мелькнувшие в бреду,

Или Болдинскую осень
В догорающем саду?

Нынче горек строй созвучий
И судьба моя мрачна...
...«Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна...»

1918

417

И снег, тот петербургский снег,
Все снится после той дуэли.
И отвернулся человек
В гвардейской меховой шинели...

Блужданья, встречи и разлуки —
Все кануло в пучину лет.
. . . .
Уже не слушаются руки,
Роняет Пушкин пистолет.
И на зрачки погасших глаз
Летят со снегом хлопья мрака:
Склонивший голову Данзас,
Усы с бородкой Д'Аршиака.
. . . .
А мы — волнениям земным
Пошлем с кормы привет прощальный
И нашу дружбу сохраним
«Для берегов отчизны дальней».

1921

418

Давно с тобой мы попрощались...
Нева и ледяной дворец.
Лишь звезды там обозначались,
Как бы предчувствуя конец.

И музыка играла тихо,
И замирала где-то там...
Беда — голодная волчиха —
Ходила, воя, по следам.

И острова. И часовые.
И обожженные мосты.
И панихидная Россия.
И вопли ветра. И кресты.

1921

419. ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Сквозь петербургский мрак и петербургский снег
Один, как и всегда, проходит человек.

По самые глаза наставил воротник
И медленно идет, сутулясь, как старик.

А город спит. И на замках дома.
Лишь ветер сходит в улицах с ума,

Как окаянный грешник воет он `
В разбегах Монферрановых колонн,

Причитывает, стонет и свистит.
От холода растрескался гранит.

И, словно вспугнутая серая сова,
Мечется незамерзшая Нева.

Как будто слыша в буре тайный знак,
Сквозь петербургский снег и петербургский мрак:

Он видит — Медный Всадник на скале
Как призрак мчится в мутно-вьюжной мгле.

Как страшный зрак неведомой судьбы,
Россию Петр сам вздернул на дыбы

И бросил в смуту, в этот вьюжный мрак,
Где дьявольский хлобыщет красный флаг.

«Гуляет ветер, порхает снег,
Идут двенадцать человек...
. . . .
В зубах цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!..»

Метель. Метель. Безлюдье и мороз.
А рядом — оборотень, не Христос!
. . . .
Свободой тайной больше не вздохнуть,
Уйти, уйти. Последний страшный путь!

С усильем выпрямившись во весь рост,
Он слышит революции норд-ост,

Что, смешиваясь с зовом прошлых лет,
Творит из музыки невыносимый бред.

И полумертвый, скорбный человек
Идет, идет сквозь петербургский снег,

Вдоль опозоренных дворцов и колоннад,
Чтоб не вернуться в этот мир назад.

1922—1942

420

Осень. Петербург. Музыка.
Вечереющая Нева. Строфы Блока.
Гордый профиль Ахматовой.

Последнее головокруженье.
Легкий золотой локон.
Последняя мелодия Грига.

Скудное золото Летнего Сада.
На вокзале несколько слов
И тяжелая, осенняя роза.

1921

421

Ахматова, Блок, Гумилев, Мандельштам...
Сожженные годы. Сожженные люди.
Серебряный век начинается там,
А век золотой? Не мечтанье ль о чуде?

Какие стихи и какие слова!
Полет лихача по снегам голубеющим.
Кровавый закат отражала Нева...
Теперь только ветер, забвением веющий.

1922—1952

422

Так мне хочется, чтобы
Появиться могли —
Голубые сугробы
С Петербургом вдали.
Анна Ахматова

Это розы плакучей
Голубая слеза.
Это — небо и тучи,
За Невою гроза.

Уходили солдаты,
Грохотал барабан.
Парадизом крылатый
Прогудел ураган.

Но при чем же тут роза
И слезливая грусть?
Лучше это бы прозой...
Не поймут? Ну и пусть.

Только русской землею
Поклянись и молчи.
Присягать   к аналою.
Там в подвал палачи.

Там не розы. Колючий
Адский чертополох.
Может, это и лучше,
Что на оба оглох.

Маршируют солдаты
В петербургскую ночь.
Петушиный трикраты
Клич. И призраки прочь.

От мужичьей запевки
Слезы градом текли.
А валдайские девки
Рукавами трясли.

Там в солдатстве Державин,
Там насмешник Мишель.
И Пиндару кто равен,
Чья всех слаще свирель.

Вырвись, вырвись из круга
В эти грозные дни.
Душной блоковской вьюгой
Затяни, захлестни!

Вьются конские гривы,
Цуг проезжий пылит.
Там какой-то служивый
У шлагбаума стоит.

Светит тонко и остро
Над снегами звезда.
Мчится граф Калиостро
Из столицы. Куда?

Разве купишь за деньги
Повесть этих времен
Где Растрелли с Гваренги,
Монферран, Камерон.

Завтра новые люди,
Завтра новый рассвет.
Завтра в уровень с грудью
Наведут пистолет.

Ты чухонскою басней,
Колдовской чепухой,
Все надменней, прекрасней
Просияй надо мной!

1954

423. ОТРЫВОК

Холод гранитных подъездов,
Просторы туманных проспектов,
Где проносились кареты
И скакали кавалергарды.

А дальше серое зданье,
Где собирались декабристы.
Суровая площадь,
Где Достоевского шельмовали.

Пушкинская Россия!
Блоковский Петербург!
Тонешь ты в снежных вьюгах,
Цветешь весеннею розой!

Вячеслава Иванова «Башня»,
Белые, томные ночи.
В полночь, в «Бродячей собаке»
Петербургская богема.

Медный Всадник, Исаакий,
На Невском шумят экипажи.
Ты встаешь из мрака забвенья
В строфах поэтов.

Гудишь тем пароходом,
Что под мост проползает
По Неве серебристой
Прямо в закат огромный.

1965

424

Сначала черная вода
И пена под мостом.
Потом бежать, бежать. Куда?
Навек покинуть дом.

И прежде тихий Летний Сад
Стал грозным, шумным стал.
Так сорок лет тому назад,
И в памяти провал.

И нет возврата. Резкий крик
Над полем воронья.
Куда забрел ты, мой двойник,
Темна судьба твоя!

О, злое сердце, почему
Иное ты твердишь?
Ты задыхаешься в дыму
И в пламени горишь!

Не убежишь ты никуда.
Война. Орудий гром.
Нева. Холодная вода.
И пена под мостом.

1960

425

Помнишь ржавые кочки
Блоковского болота,
Где цвела «Ночная фиалка»?
Мы проходили этим болотом
Сквозь мокрые травы.

И потом вышли в город,
Наоборот, не как у Блока.
Улицы катились нам навстречу,
Но ни одной мы не узнали.

Все было во сне как будто
Или время вспять убежало...

Было ли то время
Войны гражданской,
Или Петербург
Перестал быть столицей,
А стал городком заштатным?

Ни одного человека не встретив,
Невский мы не узнали.
Летний Сад простирался,
Усыпанный желтой листвою.

Исаакиевский храм изменился
И только
Игла Адмиралтейства
Как прежде вонзалась в небо.

Мы не понимали, что все это значит?!
Как вдруг заиграли куранты
«Коль славен наш Господь в Сионе»...

Но город был пуст.
И только наши шаги
Повторяло эхо.

Может, это только приснилось,
А может быть, когда-нибудь
Так и будет
В иной, бесконечной жизни,
Под иным, незакатным солнцем!

1965

426

Многими уже позабыты
«Стихи о Прекрасной Даме».
Я сегодня раскрыл их
И вспомнились давние годы,
Вспомнился день осенний
В «блистательном Санкт-Петербурге».

Уже замерзшие лужи,
Не то суббота, не то воскресенье
Благовестит Исаакий,
Летний сад шумит, облетевший...

Уже ужинать скоро,
Склоняется день к закату.
«Вхожу я в темные храмы»...
Нет. Я только вхожу в беседку.
Исчерчены стол и стены
Стихами. Они почти уже смыты
Недавним, осенним ливнем.

Кто-то писал на стенке:
«Я надел разноцветные перья,
Закалил свое сердце и жду»...

Так и я все жду.
Мне сказали: прийду!
Жизнь прошла вместо этого мимо.

1965

427

Прощанье? Наверное да.
Утрата? Конечно, утрата.
Там трубы и гавань Кронштадта,
Дорога с травою измятой
Вела. А вела в никуда.

И вот петербургское небо
И странствия ветер подул.
Что было осталось как небыль
В моем царскосельском саду.

1937

428

Сене Степуре

Зимой, над Невою
Горели костры.
И свист надо мною
Метельный игры.

Метель. И пробегом
Глухая стрельба.
Над бешеным снегом
Гудела труба.

Не страшно проснуться,
Не страшно идти,
В той курточке куцой
С тобой по пути.

Как будто из дома
Нас выгнали вон.
И пушечным громом
Звучит телефон.

И дымный Исаакий
Глядел сквозь туман.
И город во мраке
Тоской обуян.

Прохожей старухой
Все шепчет беда,
Ехидно, на ухо:
Простись навсегда.

И вот по пути нам
На бред и грехи...
Последним притином
Приходят стихи.

1922—1940

429

Безветренный, холодный, царскосельский день.
Холодноватая росистая сирень.

И кажется, я все запомню сразу:
В цветах записку, вложенную в вазу.

И этих серых статуй зябкие тела
(Очарованье парка Царского Села).

Теперь, имея времени избыток,
Брожу среди немецких маргариток.

И праздные стихи читая наизусть,
Пытаюсь заглушить непрошеную грусть.

1942
Берлин

430

Голос неповторимый,
Переборы рояльных клавиш,
Мягкое кресло у печки,
Мурлыканье белой кошки
И много, много еще...

Разве все разгадаешь,
Что к чему и какие
У памяти есть приметы,
Кроме простых мелочей?

Но эти мелочи встанут,
Потребуют властно места:
Вот елка и вальс кружащий,
Вот две косы и браслетка

На левой руке...
А дальше
Надвигаются годы
Войны и глухой чертовщины...

Голос неповторимый,
Переборы рояльных клавиш,
Чайковского «Баркаролла»,
Окно, Петербург и снег.

1966

431. ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Сене Степуре

Нам бы туда, в заневскую прохладу,
Где тихий монастырь. Нам бы туда.
Но твой рассказ совсем уже не радость
Про странствия, про города.

Нам бы туда, к чему нам путешествий
Горячий хмель чужбинного вина.
Ты помнишь, как тогда нам вместе
Пропела гневною трубой война?

Нам бы туда, в заневскую прохладу,
Там, где заря под пеплом облаков,
Где шелестящим золотым нарядом
Укрыта сень хранительных садов.

1938

432

Ну, что ж, я почти современник
Символистов, акмеистов даже.
Футурист? Я от них отвернулся.
Ну, что ж, я вдыхал петербургский воздух,
Сидел до утра в «Бродячей Собаке»,
Провожал Блока на Офицерскую,
Склонялся к руке Ахматовой,
Пожимал руку Осипу Мандельштаму.
(В азербайджанской столице
Слушал Вячеслава Иванова,
В Коктебеле Максимилиан Волошин
Давал мне убежище в «Доме поэта»!
И я слушал его стихи...)

Я не родился двадцатилетием раньше.
На меня обрушились войны.
В меня стреляли на бреющем полете
Неведомые авионы.
Ну, что ж, я знаю, что лучший друг мой
Погиб в ледяной стране,
Где два месяца лето,
А десять   зима и зима.
Где кусок хлеба и пачка махорки
Дороже человеческой жизни.
Это я сам знаю.

1966

433

Вспомни тот вечер, за который я пью.
Вспомни сонату плохую мою,

Что на фортепьяно тебе я играл,
Фальшивил, сбивался и вновь начинал.

За эти стихи, и за бомбу, за смерть,
За листьев осеннюю круговерть.

Вечера, вечера. Ведь я пью и за них,
За кораллы и жемчуг на руках твоих.

За горькое бремя. Вообще за стихи.
За все непрощенные Богом грехи.

За мост над Невою, за Исаакьевский звон,
Который звучит из минувших времен.

За глаз черносливины. Вновь и опять.
За эту звезду, что нам будет мерцать,

За мильон мильонов световых лет...
А может, звезды этой вовсе и нет?

1966

434. ПЛАТОН ЗУБОВ

Портрет

Сильна самодержавная рука
И весело в нарядном Петергофе.
Алмазным орденом горят шелка,
Но так надменен юношеский профиль.

Нестись легко по золотым волнам,
Из прежних кто ему в удачах равен?
И оду звонкую ему подносит сам,
С угодливостью, Гавриил Державин.

Тех нет Семирамидовых орлов,
Почил великолепный князь Тавриды...
В немилости Мамонов и Орлов,
Их множат дни печальные обиды.

А там война и новых лавров ток.
Всем суждено к его ногам склониться.
Но выше высшего взлететь не смог
Последний фаворит седой Фелицы.

И дни последние в зловещем сне
Екатерининским конец затеям.
Лишь пышный гроб в соборной тишине
Стране напомнит о делах Астреи.

Дорога к милостям теперь узка,
Но он о власти мысли не оставил
Здесь заговор. Пусть в Гатчине пока
Неистовствует сумасшедший Павел.

435

Юрию Терапиано

Да, мы будем смотреть на стеклянные грозди созвездий
В Петербурге холодном, где зимой сгущается мрак,
Где присутствуют Музы на том театральном разъезде,
Где унылого автора видит лишь пара гуляк.
Да, мы будем бродить, рассуждая о прихотях жизни,
С Блоком слушать в ночном ресторане цыганскую грусть,
Ах, зачем нам дано на последней, трагической тризне
Драгоценные строфы, сквозь бред, повторять наизусть!
Наклоняются ниже стеклянные грозди созвездий.
Полуночной Авроры улыбка сквозит в облаках.
Будем с автором, в черном, пустом театральном подъезде,
Говорить о стихах, о России и прочих ненужных вещах.

1952

436

Призрак Блока на Офицерской,
Анненского в Царском Селе.
На земле изолгавшейся, мерзкой,
Места нет им на этой земле.

Я когда-то шел по Литейному,
Ветер с Ладоги шел со мной,
Дорогами узкоколейными
В пригородах весной.

Зацветая почками клейкими,
Летний сад ворошил и пел,
Масленичными вейками,
Бубенчиками звенел.

Иными стали созвездия,
Растеклась их горькая соль.
«Юность   это возмездие».
Юность   кроткая боль.

В туманы и ночи белые
Уходил ты, молча скорбя.
Что с тобой, мой город, сделали?
Переименовали тебя...

А теперь и не снится мне
Невский, площадь возле Дворца,
Над желтеющими страницами
«Кипарисового ларца».

437

Мир нелеп. Еще по Блоку
Страшен он. Нелеп и глух.
От заката до востока
Музыка терзает слух.
Чем нелепей отвлеченность,
Тем ужаснее она.
Петербургские колонны,
Этот отзвук отдаленный,
Эта страшная страна.
Музыка из Петербурга.
Волчье солнце. Черный снег.
На равнине желтобурой
Одинокий человек.
Медный Всадник настигает
Белой ночью, черным днем.
Огонек дрожит, мигает,
Блок в постели умирает,
Позабудут все о нем.
Кипарисы увядали
В окровавленном Крыму.
Гумилева расстреляли,
Остальных свезли в тюрьму.
Не в тюрьму, так в Колыму.

1958

438

Леониду Страховскому

В Петербурге, давным-давно...
Для чего ты о прежнем бредишь?
Все равно туда не поедешь,
А куда? Не все ли равно?
Все равно... По-осеннему колкий,
Ветер рвется в пустые сады.
Небо точно из мутной слюды.
Бродят улицей люди без толку...
Рано я закрываю окно.
Скоро ночь. О, как долго длится!
Возникают какие-то лица,
Все мерещится и все снится
В Петербурге. Давным-давно...

1960

НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВ

439

Памяти А. Н. Бенуа

Как будто бы я в Петербурге.
На службу опять не пойду.
Сижу на скамье в Люксембурге,
В древнейшем парижском саду.
И хор, исключительно птичий,
Поет, не уставая:
У нас Катерина Медичи,
У вас Катерина другая.

ИВАН ТХОРЖЕВСКИЙ

440. СТУДЕНТ

Стихи ко дню 8/21 февраля,
празднику С.-Петербургского университета

Лет 12—15 назад, — по просьбе, помнится, П. Б. Струве, — мною были написаны эти стихи и посланы в Белград, где на торжественном общестуденческом обеде они были с блеском, мастерски прочитаны артисткой М. А. Ведринской.

Из потемневшей петербургской рамы
Полузабытой тенью восстает
Студент... В тужурке римлянин упрямый,
Испанский нищий. Руский Дон-Кихот.

Вся красота виденья в старой раме!
А юноша-студент, он мешковат...
Но полон жара. Горд профессорами.
Влюблен в театр. И набережной рад:

Там флирт его, весенний, настоящий,
С блистательной красавицей Невой!
Дворцы, граниты, ветер леденящий
И синий блеск, безбрежный, роковой...

Ох, этот блеск! Безбрежность! невозможность!
Наука да; но в помыслах туман;
В политике одна неосторожность;
И только Бунта рыцарский роман.

Нет, не роман, а жертва всесожженья!
    О Русь! без меры щедрая земля!
Потом обвал. Изгнанье. Униженья...
    За что <же> тост восьмого февраля?

«За молодость!» (и все ее утраты...)
«За Петербург!» (он в сердце не умрет).
«За родину», мой старый, виноватый,
Но верный чести, русский Дон-Кихот!

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВ

441. МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Там, где могучий Всадник Медный,
О вековой гранит звеня,
Сдавил главу змеи зловредной
Копытом гордого коня,
Из-под гранита пьедестала
Пробился новый злобный гад,
Его раздвоенные жала
Коня и всадника язвят.
Но хоть и вздыблен конь, а все же
Не опрокинуть седока,
И вдохновеннее и строже
Простерта властная рука,
И не смертелен яд разящий,
И не грозен заметный шип,
Доколе дух животворящий,
Явленный бронзой сей звенящей,
В крови российской не погиб.

1924 г.
София

442. РАСТРЕЛЛИ

Из цикла стихов «Петербург»

Заржали криворотые холопы,
Визжит гармоника влюбленней, злей,
А в сердце переплет кровавых змей
Картушей и колонн двойные стопы.

Ощален рот у алчущей Европы.
Блестят огни рельефов и камней,
Легенда светозарная камней
И густо-позлащенных лестниц скопы.

О, невозвратная расцветка дней!
Пролей на нас живительный елей,
Великий чудодей камней, Растрелли!

И успокой средь боевых огней
В стране кровавых бурь, седых метелей,
Цареубийц, юродов и детей...

443

В квадриге тяжкой быстрые, как мысль,
и арка распахнулась, как живая,
и ты вдыхаешь воздух юных лет,
двадцатилетний воздух, замирая

от спертости печальной голубой,
не выказав того, что народилось,
квадрига рвется в поднебесный бой,
и ангел с бурой закивал колонны.

О майский Питер, в пухе облаков
обвалянный от цоколя до шпиля,
Невой уласканный, ты и теперь таков
корабль гранитный от кормы до киля!

Квадрига тяжкая и неба легкий пух,
и ты летишь в увей воспоминаний,
а над Невой весны парящий дух
и глаз слезящийся плешивых воздыханий.

1961

МИХАИЛ ФОРШТЕТЕР

444. ПЕТР

Конь захрапел, не в силах более
стоять над бездной на дыбах,
и дал тугим поводьям волю я,
чтоб он умерил свой размах.

Из-под копыт освобожденная
змея метнулась на меня...
Но тяжким взором ослепленная,
она ужалила коня.

САША ЧЕРНЫЙ

445. НА «ОСТРОВАХ»

На Крестовском возле конки
Санки пестренькие ждут.
У пузатой лошаденки
Пляшет в гриве красный жгут...
Бубенцы нежны и звонки...
У возницы взяли кнут...

Промелькнул орел аптеки.
Солнце кажет алый щит.
Спит Нева. Снег режет веки.
Мост под полозом гудит.
Ветлы старые калеки...
Сбоку валенка висит...

Острова несутся мимо,
Машут снежной бородой.
Словно крылья серафима
Иней искрится седой,
Облака, как клочья дыма,
Стынут розовой грядой...

Сзади мчатся три чинуши,
Вожжи вкось, лошадка вбок,
Две девчонки-хохотуши
Отскочили за дубок...
Ветерок кусает уши,
Не боимся, голубок!

Расскакалась лошаденка.
Не удержишь. Эх ты, мышь!
Заиграла селезенка.
Не свались, держись, малыш...
Бубенцы легко и звонко
Заливают плеском тишь.

Прокатились. Вон наш вейка:
Ждет на тумбе за ларем.
«Сколько?» «Ридцать пять копейка».
Побренчали серебром...
А теперь домой, скорей-ка,
Чаю с бубликом попьем.

<1921>

446. ВЕСНА НА КРЕСТОВСКОМ

А. И. Куприну

Сеть лиственниц выгнала алые точки.
Белеет в саду флигелек.
Кот томно обходит дорожки и кочки
И нюхает каждый цветок.
Так радостно бросить бумагу и книжки,
Взять весла и хлеба в кульке,
Коснуться холодной и ржавой задвижки
И плавно спуститься к реке...
Качается пристань на бледной Крестовке.
Налево   Елагинский мост.
Вдоль тусклой воды серебрятся подковки,
А небо   как тихий погост.
Черемуха пеной курчавой покрыта,
На ветках мальчишки-жулье.
Веселая прачка склонила корыто,
Поет и полощет белье.
Затекшие руки дорвались до гребли.
Уключины стонут чуть-чуть.
На веслах повисли какие-то стебли,
Мальки за кормою, как ртуть...
Под мостиком гулким качается плесень.
Копыта рокочут вверху.
За сваями эхо чиновничьих песен,
А ивы   в цыплячьем пуху...
Краснеют столбы на воде возле дачки,
На ряби   цветная спираль.
Гармонь изнывает в любовной горячке,
И в каждом челне   пастораль.
Вплываю в Неву. Острова, как корона:
Волнисто-кудрявая грань...
Летят рысаки сквозь зеленое лоно.
На барках ленивая брань.
Пестреет нарядами дальняя Стрелка.
Вдоль мели   щетиной камыш.
Все шире вода, голубая тарелка,
Все глубже весенняя тишь...
Лишь катер порой пропыхтит торопливо,
Горбом залоснится волна,
Матрос, словно статуя, вымпел, как грива,
Качнешься   и вновь тишина...

О родине каждый из нас вспоминая,
В тоскующем сердце унес
Кто Волгу, кто мирные склоны Валдая,
Кто заросли ялтинских роз...

Под пеплом печали храню я ревниво
Последний счастливый мой день:
Крестовку, широкое лоно разлива
И Стрелки зеленую сень.

<1921>

447. ИГРУШКИ

I

У Тучкова моста жил художник,
Бородато-пухлое дитя.
Свежий и румяный, как пирожник,
Целый день работал он свистя:
Медь травил шипящей кислотою,
Затирал на досках пемзой фон,
А потом, упершись в пол пятою,
Налегал на пресс, как грузный слон.
Зимний ветер хныкал из-под вьюшки.
Вдоль лазурно-снежного окна
В ряд стояли русские игрушки
Сказочная, пестрая страна:
Злой Щелкун с башкою вроде брюквы,
Колченогий в яблоках конек,
Ванька-встанька с пузом ярче клюквы
И олифой пахнущий гусек.
В уголке медведь и мужичонка
В наковальню били обухом,
А Матрешка, наглая бабенка,
Распускала юбки кораблем...
Разложивши влажные офорты,
Отдыхал художник у окна:
Щелкуна пощелкает в ботфорты,
Попищит собачкой. Тишина...
Пыль обдует с глиняных свистулек,
Двухголовой утке свистнет в зад,
Передвинет липовых бабулек
И зевнет, задрав плечо назад.
Поплывет весна перед глазами
Пензенская ярмарка, ларьки,
Крестный ход, поддевки с образами
И гармонь, и знойные платки...
За окном декабрь. Вся даль в закате.
Спит Нева под снежною фатой.
Между рам, средь гаруса на вате,
Янтареет рюмка с кислотой.
Тихо снял с гвоздя художник бурку
Синей стужей тянет из окна

И пошел растапливать печурку,
Чтоб сварить с корицею вина.

II

Праздник был. Среди пустой мансарды
На столе дремало деревцо.
Наклонясь, тучковский Леонардо
Спрятал в елку круглое лицо...
У подножья разложил игрушки.
На парче, сверкавшей полосой,
Ром, кутья, румяные ватрушки
И тарелки с чайной колбасой.
В двери лупят кулаками гости
Волосатый, радостный народ.
Сбросив в угол шапки, шубы, трости,
Завели вкруг елки хоровод...
Пели хором «Из страны далекой»,
Чокались с игрушками, рыча.
На комоде в рюмке одинокой
Оплывала толстая свеча.
Звезды млели за окном невинно,
Рождество плыло над синевой...
Щелкуна раскрасили кармином,
А Матрешку пичкали халвой.
Ваньку-встаньку выпороли елкой,
Окунули с головой в бокал,
Вбили в пуп огромную иголку,
Но злодей назло опять вставал.
Быть все время взрослыми нелепо:
Завернувшись в скатерть, гость-горняк
Уверял знакомых: «Я Мазепа!»
Но они кричали: «Ты дурак!»
А потом, схватив конька в объятья,
Взлез хозяин, сняв пиджак, на печь
И сказал, что так как люди братья,
То игрушки нечего беречь!
Раздарил друзьям свое богатство,
Грузно слез, лег на пол и застыл,
А слегка упившееся братство
Над усопшим пело: «Кто б он был?..»
Одному тогда досталась утка
Со свистком под глиняным хвостом.
Дунешь в хвост, и жалобная дудка
Спрашивает тихо: «Где мой дом?»

III

На резной берлинской этажерке
У окна чужих сокровищ ряд:
Сладкий гном в фарфоровой пещерке,
Экипаж с семейством поросят,
Мопс из ваты... Помесь льва с барашком
В золотой фаянсовой траве,
Бонбоньерка в виде дамской ляжки
И Валькирия с копилкой в голове...
Скучно русской глиняной игрушке
На салфетке вязаной торчать:
Справа две булавочных подушки,
Слева козлоногая печать.
Тишина. Часы солидно дышат,
На стене поблекшие рога.
За стеклом ребром взбегает крыша.
Чахлый снег и фонарей дуга.
У окна застыл чудак в тужурке.
Проплывает прошлое, как миф:
Май   Ромны   галдеж хохлушек юрких,
В гуще свиток пестротканый лиф...
Вдоль стекла ползут бессильно хлопья,
И миражи тают и плывут:
Лес оглобель поднял к солнцу копья,
Гам, волы, беспечный праздный люд.
Здесь   конною серые макитры,
Там   ободья желтые в пыли.
За рекой курганы, словно митры,
Над зеленой степью спят вдали.
Выступают гуси вдоль дороги
Белою горластой полосой...
И дитя у хаты на пороге,
И баркинок, сбрызнутый росой...
Обернулся... Газ, рога, обои.
Взял игрушку милую в ладонь:
Хвост отбит, свисток шипит и воет,
Все, что спас он в злые дни погонь.
Ночь гудит. Часы кряхтят лениво.
Сотни лет прошли над головой...
Не она ль, блестя в стекле поливой,
Там в окне стояла над Невой?

<1921>

448. НЕВСКИЙ

Здесь в Александровском саду
Весной   пустой скамьи не сыщешь:
В ленивом солнечном чаду
Вдоль по дорожкам рыщешь-свищешь.

Сквозь дымку почек вьется люд.
Горит газон огнем бенгальским,
И отдыхающий верблюд
Прилег на камень под Пржевальским...
Жуковский, голову склоня,
Грустит на узком постаменте.
Снует штабная солдатня,
И Невский вдаль струится лентой.
У «Александра» за стеклом
Пестрят японские игрушки.
Внезапно рявкнул за углом
Веселый рев полдневной пушки.
Мелькнуло алое манто...
Весенний день   отрада взору.
В толпе шинелей и пальто
Плывешь к Казанскому собору:
Многоколонный полукруг
Колеблет мглу под темным сводом,
Цветник, как пестротканый луг,
Цветет и дышит перед входом...
Карнизы банков и дворцов
Румяным солнцем перевиты.
На глади шахматных торцов
Протяжно цокают копыта.
У кучеров-бородачей
Зады подбиты плотной ватой,
А вдоль панелей гул речей
И восклицаний плеск крылатый...
Гостиный двор раскрыл фасад:
Купить засахаренной клюквы?..
Над белизной сквозных аркад
На солнце золотятся буквы.
Идешь-плывешь. Домой? Грешно.
В канале бот мелькнул дельфином,
Горит аптечное окно
Пузатым голубым графином.
Вот и знакомый, милый мост:
С боков темнеют силуэты
Опять встают во весь свой рост
Все те же кони и атлеты...
К граниту жмется строй садков,
Фонтанка даль осеребрила.
Смотри   и слушай гул подков,
Облокотившись на перила...
Гремят трамвайные звонки,
Протяжно цокают копыта,
Раскинув ноги, рысаки
Летят и фыркают сердито.

<1922>

449. МИРАЖ

С девчонками Тосей и Инной
В сиреневый утренний час
Мы вырыли в пляже пустынном
Кривой и глубокий баркас.

Борта из песчаного крема.
На скамьях пестрели кремни.
Из ракушек гордое «Nemo»*
Вдоль носа белело в тени.

Мы влезли в корабль наш пузатый.
Я взял капитанскую власть.
Купальный костюм полосатый
На палке зареял, как снасть.

Так много чудес есть на свете!
Земля   неизведанный сад...
  На Яву?   Но странные дети
Шепнули, склонясь: В Петроград.

Кайма набежавшего вала
Дрожала, как зыбкий опал.
Команда сурово молчала,
И ветер косички трепал...

По гребням запрыгали баки.
Вдали над пустыней седой
Сияющей шапкой Исаакий
Миражем вставал над водой.

Горели прибрежные мели,
И кланялся низко камыш:
Мы долго в тревоге смотрели
На пятна синеющих крыш.

И младшая робко спросила:
«Причалим иль нет, капитан?..»
Склонившись над кругом штурвала,
Назад повернул я в туман.

<1923>

---

* «Никто» (*лат.*) — *Ред.*

450. ЭМИГРАНТСКИЕ СНЫ

II

Кружит снежок над дымным Невским.
В трамвайных стеклах пятна лиц.
Сосед, склонясь над Достоевским,
Разрезал лапой грань страниц.
Несутся кони и попоны,
На жарких мордах белый мох,
Тюлень-кондуктор полусонный
Засеребрился, как Енох.
Иван Ильич, в тоске сердечной,
Спросил: «Который нынче год?»
«Чего-с?! Шестнадцатый, конечно...»
Загрохотал кругом народ.
Скорей с площадки! Вот раззява:
Слетел на даму, словно тюк,
И побежал купить направо
В Гвардейском обществе сундук.

451. САТИРИКОН

Над Фонтанкой сизо-серой
В старом добром Петербурге
В низких комнатах уютных
Расцветал «Сатирикон».
За окном пестрели барки
С белоствольными дровами,
А напротив двор Апраксин
Впился охрой в небосклон.

В низких комнатках уютных
Было шумно и привольно...
Сумасбродные рисунки
Разлеглись по всем столам.
На окне сидел художник
И, закинув кверху гриву,
Дул калинкинское пиво
Со слюною пополам.

На диване два поэта,
Как беспечные кентавры,
Хохотали до упаду
Над какой-то ерундой...
Почтальон стоял у стойки
И посматривал тревожно
На огромные плакаты
С толстым дьяволом-балдой.

Тихий вежливый издатель,
Деликатного сложенья,
Пробегал из кабинета,
Как взволнованная мышь.
Кто-то в ванной лаял басом,
Кто-то резвыми ногами
За издателем помчался,
Чтоб сорвать с него бакшиш...

А в сторонке, в кабинете
Грузный, медленный Аркадий,
Наклонясь над грудой писем,
Почту свежую вскрывал:
Сотни диких графоманов
Изо всех уездных щелей
Насылали горы хлама,
Что ни день бумажный вал.

Ну и чушь... В зрачках хохлацких
Искры хитрые дрожали:
В первом «Ящике почтовом»
Вздернем на кол и прощай.
Четким почерком кудрявым
Плел он вязь, глаза прищурив,
И, свирепо чертыхаясь,
Пил и пил холодный чай.

Ровно в полдень встанет. Баста!
Сатирическая банда,
Гулко топая ногами,
Вдоль Фонтанки цугом шла
К Чернышову переулку...
Там, в гостинице «Московской»,
Можно досталь съесть и выпить,
Поорать вокруг стола.

Хвост прохожих возле сквера
Оборачивался в страхе,
Дети, бросив свой песочек,
Мчались к нянькам поскорей:
Кто такие? Что за хохот?
Что за странные манеры?
Мексиканские ковбои?
Укротители зверей?..

А под аркой министерства,
Околоточный знакомый,
Добродушно ухмыляясь,
Рявкал басом, как медведь:

«Как, Аркадий Тимофеич,
Драгоценное здоровье?»
«Ничего, живем не тужим.
До ста лет решил скрипеть!»

До ста лет, чудак, не дожил...
Разве мог он знать и чаять,
Что за молодостью дерзкой
Грянет темная гроза
Годы красного разгула,
Годы горького скитанья,
Засыпающего пеплом
Все веселые глаза...

<1925>
<1931>

452. ПАСХА В ГАТЧИНЕ

А. И. Куприну

Из мглы всплывает ярко
Далекая весна:
Тишь гатчинского парка
И домик Куприна.
Пасхальная неделя,
Беспечных дней кольцо,
Зеленый пух апреля,
Скрипучее крыльцо...
Нас встретил дом уютом
Веселых голосов
И пушечным салютом
Двух сенбернарских псов.
Хозяин в тюбетейке,
Приземистый, как дуб,
Подводит нас к индейке,
Склонивши набок чуб...
Он сам похож на гостя
В своем жилье простом...
Какой-то дядя Костя
Бьет в клавиши перстом.
Поют нескладным хором,
О ты, родной козел!
Весенним разговором
Жужжит просторный стол.
На гиацинтах алых
Морозно-хрупкий мат.
В узорчатых бокалах
Оранжевый мускат.

Ковер узором блеклым
Покрыл бугром тахту,
В окне, — прильни-ка к стеклам,
Черемуха в цвету!

Вдруг пыль из подворотни...
Скрип петель в тишине,
Казак уральской сотни
Въезжает на коне.
Ни на кого не глядя,
У темного ствола
Огромный черный дядя
Слетел пером с седла.
Хозяин дробным шагом
С крыльца, пыхтя, спешит.
Порывистым зигзагом
Взметнулась чернь копыт...
Сухой и горбоносый,
Хорош казацкий конь!
Зрачки чуть-чуть раскосы,
Не подходи! Не тронь!
Чужак погладил темя,
Пощекотал чело
И вдруг, привстав на стремя,
Упруго влип в седло...
Всем телом навалился,
Поводья в горсть собрал,
Конь буйным чертом взвился,
Да, видно, опоздал!
Не рысь, — а сарабанда...
А гости из окна
Хвалили дружной бандой
Посадку Куприна...

Вспотел и конь, и всадник.
Мы сели вновь за стол...
Махинище-урядник
С хозяином вошел.
Копна прической львиной
И бородища-вал.
Перекрестился чинно,
Хозяйке руку дал...
Средь нас он был как дома,
Спокоен, прост и мил.
Стакан огромный рома
Степенно осушил.
Срок вышел. Дома краше...

Через четыре дня
Он уезжал к папаше
И продавал коня.
«Цена... ужо успеем».
Погладил свой лампас,
А чуб цыганским змеем
Чернел до самых глаз.
Два сенбернарских чада
У шашки встали в ряд:
Как будто к ним из сада
Пришел их старший брат...
Хозяин, глянув зорко,
Поглаживал кадык.
Вдали из-за пригорка
Вдруг пискнул паровик.
Мы пели... Что? Не помню.
Но так рычит утес,
Когда в каменоломню
Сорвется под откос...

март 1926
Париж

453. ПРИВЕТ ТЕБЕ

Снег и бомбы падали на город,
Город снов, дворцов и баррикад
Я там был, когда был очень молод
И когда он звался Петроград...

Ночью прилетели бомбовозы,
Заводили смертный бой с землей,
Наступали жгучие морозы,
Били пушки гулкой чередой.

Плакали холодными слезами
Окна неотопленных квартир,
Фабрики гудели молотками,
Сверлами, моторами, станками
Там окоченевшими руками
Люди звали в бой весь мир...

В прошлом было только четверть века,
Враг был грозен, тяжек и свиреп,
Но спасала вера в человека,
Вера в жизнь и русский черный хлеб.

Враг был сломлен, он бежал позорно...
И стоит, как старый великан,
Город мой свободный и просторный,
Город знамя пробужденных стран.

Шлю тебе привет, красавец дальний,
Город снов, дворцов и баррикад,
Памятный, родной, военачальный,
Светлый город Ленинград.

1944

ИГОРЬ ЧИННОВ

454

По аллее мы с Вами идем,
По аллее Летнего сада...
Ничего мне другого не надо:
Дом Искусств. Литераторов Дом...
Ирина Одоевцева

А поэты взяли да и вымерли,
Парижане русские, давно.
Только трое ждут Звезды-Погибели,
Смотрят в оснеженное окно.

За окном погода петербургская.
Не совсем, но можно помечтать.
А мечта поэта — самодурская:
Пушкин на мосту стоит опять!

Гумилев идет по снегу белому,
Ищет заблудившийся трамвай,
Тихо-тихо Блоку поседелому
Говорит: — Живи, не умирай.

Силуэт Георгия Иванова
На мосту парижском одинок.
Жаль поэта, мертвого, не пьяного.
Ночь долга, он смотрит на восток.

Ну и шутку выдумала душечка!
(Позавидовать? Не презирать?)
Женушка, Ириночка, кукушечка,
В Петербург вернулась умирать.

ЕВГЕНИЙ ШАХ

455

Я лица позабыл друзей,
Но это признак не зловещий,
Ведь память маленьких детей
Удерживает только вещи.

Следы ворон на берегу
И на безлистых ветках иней,
И четкость тени на снегу,
И самый снег лилово-синий.

А дальше море без границ,
И дымный силуэт Кронштадта,
И крик морских бездомных птиц...

Я вспоминаю о былом,
Ушедшем далеко куда-то,
И явь я путаю со сном.

1922

456. КАЗНЕННЫЙ ГОРОД

Шел снег в испуганной столице,
Уж не работали заводы...
Те дни платили нам сторицей
За глупо прожитые годы.

Неслись разгневанные ветры,
Мостили трупами дороги;
И голод звали барометры;
И стон глухой был слышен многим

Средь гама, грохота и воя
Над умиравшим Петербургом,
Стон осужденного героя
Пред непреклонным демиургом.

Так медленно судьба решалась,
Шел суд над городом мне близким,
И небо низкое казалось
Бессчетных вин жестоким списком.

И полон был смертельным ядом
Тот призрачный и злой пергамент.

Хрустел под бледным Петроградом
Коварный костяной фундамент.

И страшны были дни возмездья,
Но кто о них теперь узнает?
Теперь лишь хладные созвездья
Казненный город освещают.

1924

457

Мой град никем не караулится,
И не страшны ему враги,
И ночью дремлющие улицы
Не будят гулкие шаги.

И перед окнами дворцовыми
На площади растет трава.
Заснул под тучами лиловыми
Мой дивный город навсегда.

А я брожу без роду-племени,
Судьбою странной оглушен,
Зерно развеянного семени,
Свидетель умерших времен.

Болят натруженные ноги,
Глаза устали мерить ширь.
Для странников мостит дороги
Горючий камень алатырь.

Лежит мой город в красных красках,
Мой путь не кончу никогда,
Ведь существует только в сказках
Животворящая вода.

1924

458

Мелькнули битвы, города, народы
И вот Париж и вечное изгнанье.
А уезжая, думал «до свиданья»,
Смотря на невские стальные воды.

Пройдут недели, месяцы и годы,
И медленно умрут воспоминанья.
Забуду я мосты, проспекты, зданья
И за рекой, на Выборгской, заводы.

Я сир и беден, но судьбе все мало
Так волны постепенно точат скалы,
Так незаметно снег весенний тает;

И горько думать, что борьба бесплодна;
Как горсть золы, погасшей и холодной,
Дорожный ветер память развевает.

1925

459

Я родился в кантоне гористом,
Но я вырос в белесых туманах,
Средь дворцов и холодных, и странных,
На проспекте суровом и чистом.

Жарким летом, пред хлебом волнистым
Я мечтал о морях, океанах...
А теперь живу в сказочных странах
И, как Пушкин, зовусь лицеистом...

Эти площади краше, просторней,
Этот город славнее и старше,
Но стоит пред глазами упорно

Словно призрак на фоне угарном
Град, воздвигнутый волей монаршей
На болоте больном и коварном.

1924

ВЯЧЕСЛАВ ШЕНЕ

460. КНЯЖЬЯ МЕСТЬ. ЭМИГРАНТСКАЯ БЫЛЬ

<Отрывок>

Ждала я счастья, но без света
Свою весну кончаю я.
Лишь по ночам душа моя
Мечтою сладкою согрета...
Мне снится Старый Петергоф,
Над морем утренним туманы,
И тень чарующих садов,
И в небо бьющие фонтаны,
И дивный зодчества венец,
С Версалем спорящий красою,
Екатерининский дворец
Над зеленеющей горою,
И статуй пышный хоровод,
И лестниц мраморных громады,
И вечно оживленных вод
Под ним текущие каскады...
Я вижу: лебеди плывут,
И нимф игривых между ними
Сатиры злые там и тут
Прельщают чарами своими,
И без числа со всех сторон
Ваянья блещут позолотой,
И гордо высится Самсон,
И даль охвачена дремотой,
И чудищ головы морских
В бассейны смотрятся рядами,
И воды изо рта у них
Бегут журчащими струями,
И наверху перед дворцом,
Всегда угрюм, в доспехах старых
Арап с изогнутым мечом
В чалме гуляет и шальварах...
Мне снится также, словно встарь
Парад весенний принимая,
К войскам выходит Государь,
И с ним Царица молодая.
Ежом щетинятся полки,
Гремят литавры и фанфары,
Идут конвойцы и стрелки
И в белых ментиках гусары.
На солнце блещут кивера...
Толпы восторг непроизвольный,

По полю стелется «ура»,
И звон несется колокольный,
И пушек раздается гром,
И сабель лязг и касок медных,
И продырявленных врагом
Знамен шуршание победных.

1928—1929

АГЛАИДА ШИМАНСКАЯ

461. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Никогда не была в этом городе,
В этом городе белых ночей,
Где Нева замерзает, и в холоде
Так прозрачен поток лучей.

Люди спят, и дома, и улицы,
Светят призраки, ночь светла.
Снится ль мне, или только чудится,
Что душа в этот свет ушла?

462

Грозит, коня вздымая,
Гремит небесный свод,
А ветер, налетая,
Холодным ливнем бьет.

«Здесь дерзкий заместитель
Ведет лукавый счет:
Я города строитель,
Творец и ц а р ь е щ е...»

СЕРГЕЙ ШИШМАРЕВ

463. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Не знаю, сон ли то? Все было как-то странно!
Как будто чародей ваятель иль хирург
Из памяти моей вдруг вырезал нежданно
Наш строгий, царственный, чудесный Петербург.

Узнал я сразу все: весь блеск его убора,
Малейшие штрихи бессмертного холста:
И бронзовых коней Аничкина моста,
И полукруг колонн Казанского сбора,
И круглый циферблат знакомой каланчи,
И там же, за углом стояли лихачи.

Весна цвела кругом, душистый май с сиренью,
К беспечной радости зовущая пора!
И был Санкт-Петербург весь памятник Творенья
Мечты здесь сбывшейся Великого Петра.
Вдоль по Неве до самого залива
Стоял он праздничный и солнцем залитой,
Горел по-прежнему в далекой перспективе
Адмиралтейства шпиц червонно-золотой.
Должно быть, солнце там на небе и зажгла
Та раскаленная Петровская стрела!

Полжизни, кажется, я отдал бы охотно,
Чтоб снова пережить один такой же день
Чтоб вновь пришла весна и зацвела сирень,
Чтоб стало молодо, светло и беззаботно.
И вот на Невском я... Как будто тот же он...
Там снова мило все: платочек замарашки,
Берет на Эскаляс, всей гвардии фуражки,
И шляпа батюшки, и статский котелок,
И основательный купеческий картуз
«Маленько выпимши», но весельчак и туз.

Вот, у стены дворца, у будки полосатой
Стоит навытяжку гвардеец часовой.
Немыслимо понять, глядя на лик усатый,
Что это: монумент иль человек живой?
Ему сам Геркулес мальчишка по сложенью,
Такого нынче-то, поди-ка, поищи...
У нас он мерится погонною саженью,
Харчи же: русские с говядиною щи.
Беря на караул, он ест начальство оком.
Я обхожу его почтительно и боком.

Вот в галунах швейцар, вся грудь одни медали,
Бородка с проседью, во взоре хитреца.
Должно быть, только что полтинник ему дали,
И он дающего уважил как отца.
Потом извозчиков, карет, и седоков,
Кабриолет, с бичом, английских строгих линий,
Часы на кушаке, глазок пера павлиний
И гривы чалые орловских рысаков...
Но на коней таких попробуй заглядись,
Сейчас же с козел бас рыкнет: поберегись!..

Вон, два камер-пажа и юнкера Павлоны,
Навстречу барышни...И были хороши
Их мимолетные улыбки и поклоны!
Татарин-«князь» и тот сказал: «якши»!
А в вешнем воздухе, над этим всем народом,
С задорной дерзостью приветствуя весну,
Рвалась подняться ввысь, умчаться в вышину
Цветная гроздь шаров, надутых водородом.
Хотелось им туда, в лазурь, за облака...
Уж очень высь была заманчиво ярка!

Но в этот самый миг тревожно так и жутко
Как будто дрогнули вдоль Невского торцы.
Толпа прислушалась: насторожились чутко,
В своем величии, соборы и дворцы.

Вон, околодочный махнул перчаткой белой,
Извозчик подстегнул ленивого конька,
Мальчишки бросились вприпрыжкой ошалелой:
Какой-то мерный гул поплыл издалека...

Вон, голубей взвилась испуганная стая
Далеко, над Невой, должно быть с хлебных барж,
Чу, звуки музыки...Все ширясь, нарастая,
Несли по воздуху Преображенский марш.

И весь Санкт-Петербург преобразился сразу.
Как ток прошел в толпе. Вон вспыхнул алый зонт,
Как будто бы в ответ Петровскому указу:
«Зане уныния не наводить на фронт!»

Казалось, среди дня зажглись огни на Невском,
Нарядный стал, как ситец, так и шелк,
Идет лейб-гвардия, идет Преображенский
Его Величества, в России первый полк!!

Турецкий барабан уж бухает как пушка,
Рыкает диким львом могучий геликон.

Улыбка сделала красавицей дурнушку,
Две модных барышни выходят на балкон.

Все ближе, ближе марш, все звонче переливы
Его торжественно-могучих голосов.
Теперь молчавшие все стали говорливы,
Безусые скорбят, что нет у них усов.

Есть что-то властное в том маршевом глаголе,
Невольно тянется под козырек рука.
Подходит к Невскому в лучистом ореоле
Колонна взводная бессмертного полка.

Один в один штыки у этих исполинов.
На алом золото. Все шашки наголо.
Из окон же дворцов, домов и магазинов
Звенит оркестру в такт зеркальное стекло.

Дрожит Санкт-Петербург под тяжкими шагами,
Теперь мы стали все ничтожны и малы;
Не люди то идут...не по земле ногами,
Летят российские двуглавые орлы!

И шли они, как в бой! А трубы медью пели
О бранных подвигах далеких тех времен,
Когда в дыму «огня», у смерти на прицеле
Ковалась слава их изорванных знамен.

Все пели о былом, когда-то пережитом,
О праздниках и грозных днях судьбы,
О том, как медный конь, поправ змею копытом,
С Великим Всадником поднялся на дыбы.

ЕВГЕНИЙ ШКЛЯР

464. ОГОНЕК

В. В. Гадалину

За желтой россыпью взошедшего зерна,
За пышным бархатом густого чернозема,
За грудью нив, где мир и тишина,
Зажглись огни родительского дома...
Спешу на них, и шпорю скакуна,
А сердце бьется как-то по-иному...
Когда докучный день склоняется к концу,
Спешу, лечу, усталый и счастливый,
Скорей, скорей к заветному крыльцу,
И ветер, ласково играя конской гривой,
Невидимым пушком проводит по лицу...
И всюду   тишина, и нивы, нивы, нивы...
О, милый край, в душе моей
Подобен ты библейской Иордани...
И чем грядущее печальней и темней,
Тем прошлое яснее и желанней:
Так в темноте бушующих ночей
Мерцают маяки воспоминаний!..
Но огонек один милее всех иных:
Ему скитальческое сердце радо,
Когда из прошлого покажется на миг,
За серою кладбищенской оградой,
Великолепие блестящих мостовых,
Дворцов и храмов Петрограда...

465. ПЕТЕРБУРГ

Я покидал его... Пустынный,
Угрюмо гордый он лежал.
Всегда такой холодный, чинный,
Теперь он в муках догорал.
Один, один на свете молот
Сумел разбить его гранит:
Непоборимо тяжкий голод,
Что над землей, над всей царит.
Страна свою столицу в жертву
Жестокосердо принесла
Да, Петербургу все ж быть мертву,
Свой приговор судьба рекла...
В его массивности холодной
Я этот город невзлюбил...
Своею мглою безысходной
Меня он с детства придавил.
Свершилось... Грязный, оголенный,
Он предо мной теперь лежал.
Голодной мукой защемленный,
Огромный город трепетал!
Уж не блеснет он, как когда-то,
Своей гранитною красой
Так отчего же сердце сжато,
Как пред мучительной тоской?..
Не мог смотреть я безучастно,
Как он томился, как страдал...
Ему помочь хотел я страстно,
Но я его ведь покидал!
Я уезжал, и было больно,
И уезжать я был не рад.
Я вновь назад смотрел невольно
Прости, мой бедный Петроград...

АНАТОЛИЙ ШТЕЙГЕР

466. ЦАРСКОЕ СЕЛО

I

Червонный лист, беспомощно шурша,
На землю падает и умирает,
Осенний ветер в зарослях играет,
Надламывая стебли камыша.

И на дорожку медленно скользит
Из голубых полуоткрытых окон
Печальный силуэт. Упавший локон
По кружеву измятому скользит.

Императрица сумрачна, бледна,
Густые брови сведены сурово.
Она тоскует... Издали видна
Могила сероглазого Ланского.

II

Последний лебедь в стынущем пруду,
Раскинув крылья, голову наклонит,
Последний отблеск мимолетно тронет
Деревья в зачарованном саду,

И все уснет... Медлителен и хмур,
На мрамор ляжет тканью синеватой
Глубокий снег. У величавых статуй
Стрелу опустит раненый амур.

И зазвучит тогда, невесела,
Неповторимой песней лебединой,
Отходная пленительной, единой
И странной жизни Царского Села.

НИКОЛАЙ ЩЕГОЛЕВ

467. ДОСТОЕВСКИЙ

До боли, до смертной тоски
Мне призраки эти близки...

Вот Гоголь. Он вышел на Невский
Проспект, и мелькала шинель,
И нос птицеклювый синел,
А дальше и сам Достоевский

С портрета Перова, точь-в-точь...
Россия то вьюга и ночь,
То светоч, и счастье, и феникс,
И вдруг, это все замутив,
Назойливый лезет мотив:
Что бедность, что трудно-с, без денег-с...

Не верю я в призраки нет!
Но в этот стремительный бред,
Скрепленный всегда словоерсом,
Я верю... Он был, и он есть,
Не там, не в России, так здесь.
Я сам этим бредом истерзан...

Ведь это, пропив вицмундир,
Весь мир низвергает, весь мир
Все тот же, *его*, Мармеладов
(Мне кажется, я с ним знаком)...
И пусть это все далеко
От нынешнего Ленинграда!

Но здесь до щемящей тоски
Мне призраки эти близки!..

АННА ЭЛЬКАН

468. ВОСПОМИНАНИЕ

I

Сумерки тяжелые ложатся,
Как больной в привычную постель;
Поскорее б вечера дождаться,
За окном все кружится метель.

Вьюга злится, воет вдоль каналов,
На Неве уж поднялась вода,
Но в столице не отменят балов,
Веселиться будут до утра.

А на утро ветер милосердный
Разнесет по небу облака,
Солнце вспыхнет в лужах на Галерной,
По бесснежью звонко прокричит весна.

II

Ты один, мой город, всех прекрасней,
Вечный город призрачной мечты.
Нет твоих ночей темней, ненастней,
В целом мире нет твоей весны.

Той весны, что льдины разбивает,
Что цветет сиренью за окном,
С площадей сугробы разметает,
Шаг мой подгоняет робким ветерком.

469

Небо розовеет над Сенатом,
Холодно, в тумане фонари,
Сани на мосту скрипят покатом,
Светит снег на крышах до зари.

Тихо в безымянном переулке,
Смотрит кот на зыбкую луну,
На далекой, медленной прогулке
Все, что так любила, помяну:

Жесткий гравий и скамейку сада,
Где когда-то в легкой тишине

В первый раз с глубокою отрадой
Заглянула муза в душу мне.

Вечер, даль над Сеной розовеет,
В темном небе вспыхнул огонек,
Высоко стальная птица реет,
Держит путь на северо-восток.

НИКОЛАЙ ЭЛЬЯШОВ

470. ВСТРЕЧА

Вы петербургский мечтатель
На улицах тусклых Берлина.
Почему, почему вы не шатаетесь
По проспектам прямым и длинным?

Вам бы крылатка!
Цилиндр из серого фетра,
Чтобы лететь авиатором
По набережной в ветре!

Вам бы улыбками
Любоваться пристальных сфинксов,
Чтоб потом через мостики гибкие
В ужасе перекинуться!

Или над мостовою,
Озаряемой желтыми плошками,
Во вьюжном услышать вое
Скок обезумевшей лошади!

Но на вас пальто из резины,
А в зубах папироска «Ipliс»,
И в кабачке у вашей кузины
Вы, кажется, просто подвыпили.

Как вам не к лицу эмблемы
Простого нашего быта!
Ах, зачем вы, совсем как все мы,
Петербургский мечтатель забытый?

471. ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРОФЫ

Мой город, хладный и далекий,
Как первой юности любовь,
Сквозь лет туманные потоки
Тебя воображаю вновь.

В уме встает суров и четок
Над рядом плит береговых
Диковинный узор решеток
Пленительных садов твоих,

Каналы черные, палаты,
Проспект, что строен и упруг,

И сквозь туман белесоватый
Светила желтоватый круг.

И, как бы через полог тонкий,
Я вижу: мчится при луне
Твой всадник, праведный и звонкий,
На обезумевшем коне.

И пусть, как сумрачные тени,
Над помутившейся главой
Года тревог, года сомнений
Пройдут унылой чередой,

Дорогой, чудной, непонятной,
Не раз, душа моя, взлетишь.
Услышишь грохот улиц внятно
И переулочную тишь,

Где над домов усталой стаей
В покой небесный пролегла
Великолепная, простая
Адмиралтейская игла.

Берлин,
Германия

ГЕОРГИЙ ЭРИСТОВ

472. ЛАЗУРНЫЙ БЕРЕГ

Ослепительный, красочный пир
Нам природа так щедро дарит!
На душе моей сладостный мир
И предчувствие новой зари.

Кап Антиб, Сан Жуан, шумный Канн,
Одряхлевшая Ницца привет!
А в мечтах...петербургский
Белой ночи таинственный свет!..

473. ПЕТЕРБУРГ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Пятнадцать лет, о град Петров,
Прошло со дня последней встречи,
И ты забыл, всегда суров,
Мои ребяческие речи.

И вот сейчас, сквозь сеть дождя,
В тумане невской перспективы,
Портрет усатого вождя
Глядит жестоко и глумливо.

Увы, не едет правовед...
И где посольства полумира?..
Навек оставила свой след
Когда-то «крепкая порфира»...

Твои каналы и гранит,
Река, мосты и конь летящий,
И ветер с моря, что гудит
Над этой каменною чащей...

2. НОВАЯ ДЕРЕВНЯ
БУДДИЙСКИЙ ХРАМ

Закат прозрачный над Невой.
Ложатся розовые тени.
И ветер нежный и живой
Ласкает стертые ступени.

Передо мною храм возник
С резною, выгнутою крышей...

Не здесь ли таинства родник?
Не здесь ли сердце шепчет — тише!

Лампады. Ладан. Полумрак.
И жрец в торжественной одежде,
И лотоса священный знак
О вечной говорит надежде.

3. НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ

Каналов сеть и черная вода.
Казармы флотские стоят два века.
Лишь запоздалый путник иногда
Пройдет... да у моста сидит калека.

Здесь ветер, вечный молодой буян,
Хоть зеленью годов покрыты стены.
И время призрачное, как туман,
От нас свои скрывает перемены.

Матрос грудастый. Форменный бушлат.
Чугунные ворота каземата.
Все так, как было двести лет назад,
Лишь с входа царская эмблема снята...

Но все же жду: подъедет быстрый бот,
На скользкие гранитные ступени
Державный великан, смеясь, сойдет,
Всегда спеша, не зная праздной лени!

4. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ
ЦАРСКАЯ УСЫПАЛЬНИЦА

Империя почиет здесь.
Молчат тяжелые гробницы.
И в прошлое ушел я весь
Навек развенчанной столицы.

Ты город свой не смог сберечь,
О Всадник гордый, в эти годы
Порфира соскользнула с плеч
И рухнули Державы своды!

5. ЦАРСКОЕ СЕЛО

Увы, нет больше гордых лебедей
Их оборвался ряд могучий...
Бесстрастно светит солнце на людей,
И набегают с моря тучи...

Дворец Фелицы сумрачен и пуст.
Столетние чуть шепчут ели.
Я шляпу снял, не размыкаю уст
Перед творением Растрелли.

Тенистая аллея. Слышу лай,
Навстречу мне бегут левретки,
И дамы тучный профиль невзначай
Я подсмотрел, раздвинув ветки.

А сердце бьется птицею в груди...
Теней проходят вереницы...
И лицеист рассеянно глядит
На пожелтевшие страницы...

6. ОРАНИЕНБАУМ

Все тот же парк, все тот же пруд...
Здесь я играл ребенком нежным,
И годы память не сотрут
О счастье детском, безмятежном.

Приятель мой, простой матрос,
Денщик соседа адмирала,
Однажды мне корабль принес
Над ним трудился он немало!

Большой ребенок, весельчак,
Он разделял мои забавы...
Георгьевской медали знак
Казался мне печатью славы.

Мы с ним ходили на Кронштадт,
Себя я чувствовал героем...
О время, поверни назад
С Павлушей мы корабль достроим!

474

Фонтанка. Мост и бронзовые крупы.
Карета бабушки. Ивана борода.
В канале плещет тяжкая вода.
В Михайловском гастроль французской труппы.

Дворцов застыли мраморные группы.
Плывет туман свинцовая слюда...
И знаю я, что не вернусь сюда,
На невские гранитные уступы.

Державный город ныне опочил,
И Марсово молчит печально поле,
Но богатырь таит избыток сил

Он даст сигнал вновь пробужденной воле.
Пройдут полки, и прогремит ура,
Приветствуя воскресшего Петра!

ВЛАДИМИР ЮРАСОВ

475. СЕГЕЖСКАЯ НОЧЬ

<Отрывок>

И вижу город я, и слышу шумы
Вечерних толп в подъездах театральных,
Огни реклам, витрин, звонки трамваев,
Веселые гудки автомобилей,
Гранитных набережных бесконечность,
Тяжелая вода каналов, листья
Опавшие плывут в ночи, как будто осень
На них вплывает в город незаметно...
Бесцельные блуждания с подругой
Вдвоем по набережным, разговоры
Бездумно-нежные, но с тайным смыслом,
Понятным только нам: о том, что было,
О том, что будет, странное волненье
От блоковских стихов, на ум пришедших...
Пустынная, безлюдная Нева...
Огни мостов... Исакия громада,
Как голова из сказки о Руслане...
И в небе Всадник бронзовый... И Пушкин...
И Бенуа...
                Знак подает условный
Кому-то башня, нас не замечая.

Укрыв себя асфальтом и бетоном,
Спит Ленинград, спит Нарвская застава,
И Петербург русалкой из Невы,
Навстречу осени вернувшейся, выходит.
Туман повесив дымный над торцами,
Их встречу ночь октябрьская скрывает,
И только волны на ухо ступеням
Гранитным шепчут что-то, только слезы
Дрожат у Сфинксов на глазах и строги,
Торжественны дворцовых окон лица.
И ночь   бесшумный церемониймейстер
К параду улицы готовит   Невский
Уже очищен, фонарей шеренги
Построились, в салюте шпагой замер
Адмиралтейства шпиль...Бьет башня полночь.
И до рассвета, скрытые туманом,
Два призрака задумчивые бродят,
Не спят дома   гвардейцы-ветераны,
Не спят столетние деревья парков,
И императоры чугунные снимают

Тихонько шляпы, и косятся кони...
Всю ночь, пока гудок не разревется
На Выборгской, не выдержав, и следом
Завоют порайонно на заводах
Тревожные сирены Ленинграда.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предваряя справки об отобранных для данного издания текстах и об их авторах, оговорим, что составители не претендуют на исчерпание всего материала, который раскрывал бы эту тему. С другой стороны, они льстят себя надеждой, что их предварительная выборка послужит отправной точкой для более пространных сводов стихотворений и поэм, посвященных Петербургу поэтами зарубежья, а также послужит укреплению идеи о необходимости составления научных изданий русской поэзии прошлого века по тематическому, жанровому, территориальному и другим внеперсональным принципам.

В справках мы старались при возможности предоставить голос самим авторам для автобиографических заявлений, хотя и давали себе отчет в том, что многие из их утверждений нуждаются в проверке.

Широко известные петербургские архитекторы и скульпторы не комментируются.

Трудно переоценить ту помощь, которую оказало обращение к картотеке покойного Анатолия Дмитриевича Алексеева, хранящейся в Пушкинском Доме. Из многих других помогавших в этой работе хотелось бы прежде всего исполнить приятный долг благодарности Евгению Витковскому, Игорю Вишневецкому, Стефано Гардзонио, Юлии Гаухман, Ричарду Девису, Юлии Долинной, Ларисе Ивановой, Сергею Исакову, Ксении Кумпан, Ефиму Курганову, Павлу Лавринцу, Юрию Левингу, Ирине Лукка, Марку Липовецкому, Ларисе Петиной, Борису Равдину, Габриэлю Суперфину, Веронике Тихомировой, Льву Турчинскому, Андрею Устинову, Лазарю Флейшману, Бену Хелману, Михаилу Юппу, Рашиту Янгирову.

Список сокращений

Воз-1 — Возрождение (Париж), 1925—1940.

Воз-2 — Возрождение (Париж), 1949—1974.

ВР — Воля России (Прага), 1920—1932.

ВРС — Вернуться в Россию — стихами...: 200 поэтов эмиграции: Антология / Сост., авт. предисл., коммент. и биогр. сведений В. Крейд. М.: Республика, 1995.

Горный — *Горный Сергей*. Санкт-Петербург (Видения) / Предисл. Ивана Лукаша. Мюнхен: Изд-во Милавида, 1925.

Гр — Грани (Менхегоф, Лимбург, Франкфурт-на-Майне), 1946—1991.

Диаспора — Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2001—... (указываются номер тома и страница).

Добужинский — *Добужинский М. В.* Воспоминания. М.: Наука, 1987.

Засосов, Пызин — *Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов: Записки очевидцев. СПб.: Лениздат, 1999.

Зв — Звено (Париж), 1923—1928.

ИР — Иллюстрированная Россия (Париж), 1924—1939.

МД — Муза диаспоры: Избранные стихи зарубежных поэтов 1920—1960 / Под ред. Ю. К. Терапиано. Frankfurt am Main: Посев, 1960.

Минувшее — Минувшее: Исторический альманах [В 25 т.]. Paris — М. — СПб., 1986—1999 (указываются номер тома и страница).

Мос — Мосты (Мюнхен), 1958—1970.

Мы жили — «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920—1990 (Первая и вторая волна): В 4 кн. / Сост. Е. В. Витковского; Биограф. справки и коммент. Г. И. Мосешвили. М.: Московский рабочий, 1994—1997.

НЖ — Новый журнал (Нью-Йорк), 1942.

НЗ — На Западе: Антология русской зарубежной поэзии / Сост. Ю. П. Иваск. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

Нов — Новоселье (Нью-Йорк, Париж), 1942—1950.

НРК — Новая русская книга (Берлин), 1922—1923.

НРС — Новое русское слово (Нью-Йорк), 1910.

Оболенский — *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Paris: YMCA-Press, 1988.

Оп — Опыты (Нью-Йорк), 1953—1958.

Перелешин — *Perelešin Valerij.* Russian Poetry and Literary Life in Harbin and Shanghai, 1930—1950. Amsterdam, 1987.

ПН — Последние новости (Париж), 1920—1940.

ПСРП — Петербург в стихотворениях русских поэтов / Под ред. и со вступ. ст. Глеба Алексеева. Берлин: Книгоизд. и торговое акц. о-во «Север», 1923.

Р — Руль (Берлин), 1920—1931.

РЗ — Русские записки (Париж), 1937—1939.

РиС — Россия и славянство (Париж), 1928—1934.

РМ-1 — Русская мысль (София; Прага; Берлин; Париж), 1921—1927.

РМ-2 — Русская мысль (Париж), 1947.

РП — Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1989—1999.

РПК — Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В. П. Крейд, О. М. Бакич. М.: Время, 2001.

Руб — Рубеж (Харбин), 1927—1945.

Светлов — *Светлов С. Ф.* Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году). СПб.: Гиперион, 1998.

Сег — Сегодня (Рига), 1919—1940.

Серков — *Серков А. И.* Русское масонство. 1731—2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001.

СЗ — Современные записки (Париж), 1920—1940.

Сов — Современник (Торонто), 1960—1980.

Сод — Содружество: Из современной поэзии Русского Зарубежья. Вашингтон: Изд. Русского книжного дела в США. Victor Kamkin, Inc., 1966.

Стоскус — *Стоскус Г.* Петроград // Новое русское слово. 1972. № 22481. 1 января.

ТУ — Топографический указатель. См. наст. изд. С. 788—832.

Хроника — Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920—1940. Франция / Под общей ред. Л. А. Мнухина. М.: ЭКСМО, 1995—1997.

Ч — Числа (Париж), 1930—1934.

Я — Якорь: Антология зарубежной поэзии. Берлин: Петрополис, 1936.

Агнивцев Николай Яковлевич (8 (20) апреля 1888, Москва — 29 октября 1932, Москва). Родился в Москве, но детство провел на Дальнем Востоке. Окончил гимназию в Благовещенске (1906), затем учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, который не окончил. Печатался с 1908 года, и тогда же его стихи были посланы для оценки Александру Блоку (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. М.: Наука, 1981. С. 316). Издал сборники «Студенческие песни: Сатира и юмор» (СПб., 1913) и «Под звон мечей» (Пг., 1915). До революции был известен как автор исполнявшихся со сцены комических сценок, песенок и сатирических куплетов (авторские выступления проходили в театрах-кабаре и литературно-артистическом ресторане «Вена»).

В январе 1917 г. вместе с режиссером К. А. Марджановым и актером Ф. Н. Курихиным создает театр-кабаре «Би-ба-бо» (впоследствии «Кривой Джимми»). См. в воспоминаниях, относящихся к 1918 г.: «Закрытый, так называемый железный, театр в саду <имеется в виду сад "Аквариум"> был сдан группе театра "Би-ба-бо", во главе с талантливым артистом Курихиным и поэтом Агнивцевым.

Пародии последнего пользовались громадным успехом, особенно "Евгений Онегин наизнанку".

Зло высмеивал большевиков под гармонику и куплетист Невский. Долго они смеялись сами над собой, но потом, наконец, сообразили.

И вот в один прекрасный вечер за кулисы явился наряд матросов с ордером об аресте Агнивцева и Невского. Но нашлись добрые люди — предупредили, и храбрецы успели удрать, а вскоре и скрыться совсем из Петрограда» (*Ишеев П. П.* Осколки прошлого: Воспоминания. 1889—1959. Нью-Йорк, 1959. С. 121); ср.: «На углу Литейного и Невского проспектов открылся подвал Радакова и Коли Петера <Н. В. Петрова> "Петрушка". Днем здесь — центробогема. Выделяется медвежья фигура <А. С.> Рославлева и иже с ним с потолком стукается долговязый поэт Агнивцев» (*Д.* В «Петрушке» // Новые ведомости. Веч. вып. 1918. 10 мая (27 апреля)).

Бежав из Петрограда, оказался в Киеве — ср.: «Этот долговязый Агнивцев имеет не только внешность, но и душу проказливого французского студента XVI—XVII ст<олетий>» (*Ф... Виктор <В. Г. Финк>*. Кривой Джимми (К сегодняшней премьере) // Киевское эхо. 1919. 27 января). Об Агнивцеве в Киеве в 1919 г. см.: *Каплер Алексей.* «Я» и «Мы»: Взлеты и падения рыцаря искусства. М.: Книга, 1990. С. 44—45. Какое-то время жил в Харькове («Кривой Джимми» открылся там 7 октября 1919 г., см.: Вечернее время (Харьков). 1919. № 82. 8 окт. С. 2).

В конце 1919 г. открыл театр в Новороссийске — в подвале «Норд-Ост» (стены расписал художник Н. А. Кайсаров-Воронков; здесь собирались В. Бурцев, Б. Суворин, издававший в Новороссийске газету «Вечернее время», и др.). Стихи на петербургские темы стали в эти годы его авторской маркой — О. Мандельштам вспоминал позднее: «...изысканный Агнивцев с браслетами, щеночками и собачками, этот Кузмин на сахарине с маргариновым старым Петербургом, где стилизация не прячется в уголках губ, а прет из каждой строчки, как лошадиное дышло» («Гротеск», 1922).

В 1920 г. эмигрировал, в Константинополе выступал в «Подвале артистов» (ср.: «Помню замечательную декламацию Агнивцева — "Коробка спичек"». — Икар. Братья-писатели // Русское воскресенье (Париж). 1960. 11 июня), короткое время жил в Белграде (см.

Ђурић Остоја. Руска литерарна Србија 1920—1941. Београд, 1990. С. 48—52; его стихи, написанные в это время, печатаются в белградской газете «Новое время», см. их републикацию в филадельфийском альманахе «Встречи» за 1994 год. С. 184), затем перебрался в Берлин, где издал сборник «Мои песенки» (1921), здесь же изданы его пьесы-скетчи (1923), написанные для театра «Ванька-Встанька». В конце 1922 г. (на обложке — 1923) в берлинском издательстве И. П. Ладыжникова вышел его сборник стихов «Блистательный Санкт-Петербург» (современное воспроизведение этого издания — М.: Книга, 1989), пользовавшийся в эмиграции широкой популярностью — ср.: «Агнивцеву, например, отведено места больше, нежели Ахматовой и Кузмину» (*Г<утуев> Р.* Рец. на кн.: Чтец-декламатор И. П. Ладыжникова // За свободу (Варшава). 1922. 16 декабря); см. более позднюю резенцию Г. Адамовича в *Зв* (1925. № 37. 14 сент.). Как реакция на массовый успех написана рецензия А. Кондратьева, заметившего, что петербургские воспоминания Н. Агнивцева — «утробные» (Волынское слово (Ровно). 1923. № 462. 23 февраля).

В конце 1922 г. вернулся в Советскую Россию. Эмиграция крайне неодобрительно отреагировала на его отъезд (см.: *Шуйский П.* <Пильский>. Перебежавший Агнивцев // Последние известия (Ревель). 1923. № 20. 22 января. С. 2—3), что, однако, не помешало популярности его стихов и песенок, многократно поминаемых и цитируемых (см., к примеру, «Рассказы о свободном времени» (1927) Г. Газданова; ср.: «"Блистательный Санкт-Петербург", воспетый Агнивцевым, оставил неизгладимый след на душах и чувствах его легкомысленных детей», *Доминик Лев.* Петербург [1907—1917]. Звуки! // *РМ-2* 1976. № 3088. 29 января. С. 9 и мн. др.).

В Советском Союзе писал для эстрады и цирка, а также занимался детской литературой: встречавшийся с ним в Доме Герцена в Москве, а затем эмигрировавший на Запад Е. Петров-Скиталец, вспоминал: «У Агнивцева явно "лево-эсерская" физиономия и умная, ироническая улыбка. Такого хоть в чекистскую форму одень, — все равно не поверишь, что он за советскую власть» (*Петров-Скиталец Е.* Силуэты // *НРС* 1959. № 17018. 23 октября. С. 2) В 1926 г. издал сборник стихотворений «От пудры до грузовика». Ряд его стихотворных текстов положены на музыку — С. Прокофьевым, И. Дунаевским, Ф. Эккертом и др.; песни на его слова исполнялись с эстрады А. Вертинским. Умер в московской больнице от горловой чахотки, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Критика встретила «Блистательный Санкт-Петербург» под знаком сообщения о готовящемся отъезде Агнивцева в Советскую Россию. Рецензент газеты «Накануне» Е. Ширяев, иронизируя по поводу авторской ностальгии по утраченному гастрономическому быту, писал: «Как только Агнивцев начинает стихотворение выспренними фразами о Пушкине, Достоевском, кариатидах, Летнем саду <sic>, дворцах и музеях, так обязательно кончит то "Дононом", Доминиканским пирожком и Редерером <...>, то "стрелкой", то Летним Буффом, Кюба, Контаном, Родэ, "Медведем", кулебякой и пирожками из Квисисаны <...> и многими другими, подробнейшим образом описанными деликатесами, которых я, быть может, и не приметил.

Ну и поэт. Очевидно, покушать здорово любит и выпить не дурак. Но "деликатесами" книга не исчерпывается. Там есть еще стихи о далеком прошлом, о мушках, маркизах, князе Павле и многом другом, написанном в форме песенок. Они дают возможность узнать Агнивцева другого, милого забавника в своей области, области песенок, каба-

рэ, пожалуй, непревзойденного. И эти вот стихи-песенки дают, если не сердцу, то по крайней мере уголку его, куда больше, чем выспренние, вымученные стихи о "букетах от Эйлерса", "спичках Лапшина", "хороших бутербродах"». Рецензия завершалась небезъехидным предположением, что у большевиков поэт вновь обретет утраченную в эмиграции кухню и «разорвет портящие его книгу стихи» (Накануне. 1922. № 233. 31 декабря. С. 9). Другой рецензент (О<фросимов>?), отмечая, что «Агнивцев — поэт, лишенный вкуса», апеллировал примерно к тому же слою образности в его стихах, хотя и отмечал, что «Агнивцев чувствует то, о чем пишет — любит и знает Петербург и порою под влиянием наплывшего воспоминания являются прекрасные, музыкальные строки — увы, затерянные среди безвкусицы» (*НРК* 1923. № 1. С. 24). О «снобизме» Н. Агнивцева см. также: *Читатель* <Г. Л. Лозинский?>. Пирожки от «Доминика» // *Зв* 1923. № 6. 19 февраля. С. 3. Оплакивая Агнивцева, поэта Божьей милостью, С. Горный писал: «Не будет у него больше книг после "Блистательного Санкт-Петербурга". Ибо для него нужна была дрожь, напор, настоящая молитва. Распахнутое настежь вдохновение. Душа негодующая, обожженная, та самая, что вдруг поникла и упала на плиты» (*Горный Сергей.* Умер поэт... // Русское время (Париж). 1925. № 1. 3 июня. С. 2).

См. новейшее издание его произведений: *Агнивцев Н. Я.* Собрание сочинений <В 4-х томах> СПб., 1998—2003. О нем: *Куферштейн Ефим.* Странник нечаянный (Книга о Николае Агнивцеве — поэте и драматурге). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Библиотека Всемирного клуба петербуржцев, 1998; *РП* (автор статьи О. Б. Кушлина); см. его стихи в томе «Библиотеки поэта» «Русская стихотворная сатира. 1908—1917» (Л., 1974).

Сборник стихов «Санкт-Петербург» впервые появился в Тифлисе в 1921 г. (Изд. театра «Кривой Джимми»). Были и другие эмигрантские издания: дважды, в 1962 и 1963 гг., «Блистательный Санкт-Петербург», наряду со сборником «Мои песенки», издал Б. В. Чарковский в Сан-Франциско (включив в него под именем Н. Агнивцева еще и стихотворение А. Радзиевского «Городовой»; это стихотворение в эмиграции приписывалось разным авторам, например, кн. Владимиру Палею — Согласие (Лос-Анжелес). 1959. № 89. С. 32; рец. на изд. 1962 г., подписанную криптонимом В., см.: Часовой. 1962. № 432. С. 24; в том же журнале компиляция из двух стихотворений — «В моем изгнаньи бесконечном» и «Коробка спичек», приписана Р. Будбергу — 1962. № 428. С. 11), несколько раз книга печаталась в Лондоне (ср. также издания: *Агнивцев Николай.* Случай в Сент-Джемском парке: Стихи / Предисл. И. Мюнхен, 1946; репринт берлинского издания в идательстве Iskander Ltd., Лондон, 1968). В берлинское издание 1923 г. поэт, начиная с самого названия, внес ряд изменений, отличающих его от тифлисского. Чтобы не нарушать единства и целостности книги и сохранить уникальный опыт появления за рубежом целого сборника стихотворений, посвященных бывшей российской столице, «Блистательный Санкт-Петербург» представлен в нашем издании полностью, а не только теми стихами, которые были написаны поэтом собственно в эмиграции. Печатается по берлинскому изданию.

Берлинский вариант имеет посвящение: «Александре Федоровне Перегонец, Петербургской Псише этих стихотворений» (в тифлисском издании: «Александре Федоровне Перегонец с любовью и аплодисментами»). Актриса А. Ф. Перегонец (1896/1897? — 1944) в 1915 г. окончила петербургскую театральную школу, ученица А. П. Петровского, М. Г. Савиной, Н. В. Петрова. До революции играла в Троиц-

ком театре миниатюр, Театре Е. В. Зброжек-Пашковской (Большой пр. Петроградской стороны), в «Кривом Джимми», где Агнивцев с ней в особенности сдружился. В советские годы сыграла роль марсианки Ихошки в фильме «Аэлита» (1924), работала в б. Театре Корша (1922—1925), в Ленинградском Большом драматическом театре, в Казани, Новосибирске, Симферополе, где ее застала война (была членом подпольной организации, казнена фашистами).

1. «В моем изгнаньи бесконечном...». С. 7. Вступительное стихотворение в тифлисском издании отсутствует. Печ. в ж-ле «Мир» (Рига). 1923. № 2. С. 12. *Ампир* — стиль в архитектуре и прикладном искусстве, возникший в Западной Европе в эпоху позднего классицизма (первая четверть XIX в.); характеризуется монументальной четкостью и строгостью, воспроизведением эпизодов античной истории, использованием воинских элементов и пр. Образ «ампирного Петербурга» сквозной в книге, ср. в стих. «Гранитный барин», «Петр I-ый».

2. Вдали от тебя, Петербург! С. 9—10. *А трон Российской Клеопатры в своем саду* — по-видимому, «Собственный садик» Большого дворца в Царском селе (выделен в 1856 г.) с памятниками времен Екатерины II. *И супротив - непоколебленный массив* — памятник Екатерине II, см. *ТУ. Империал* — открытый второй ярус вагона конно-железной дороги (конки); см. комм. к стих. В. Горянского «Конка»; ср. в стихах С. А. Андреевского:

Люблю в ласканьи ветерка
На крыше конного вагона,
С перил плебейского балкона
Глядеть на город свысока.

Пипермент (англ. peppermint от латин. piper — перец и mentha — мята) — прохладительный напиток. *А разноцветные цыгане - за мостом* — имеется в виду ресторан «Самарканд» (см. *ТУ*), ср. в его стих. «На рассвете». *Редерер* — один из лучших сортов шампанского.

3. Гранитный барин. С. 11. В тифлисском издании отсутствует. *Санкюлот* — городская беднота, участвовавшая в Великой Французской революции (от фр. sans-culottes, букв.: «без коротких штанов», т. е. не имевшие коротких штанов из дорогой ткани); *бомонд* (от фр. beau mond) — высший свет.

4. Санкт-Петербургские триолеты. С. 12. Ранее: Киевское эхо. 1919. № 33 и др.

5. Странный город. С. 13. Ранее: Киевское эхо. 1919. № 5—10. 25 августа (7 сентября); Южный край (Харьков). 1919. № 101. 9 октября, с посвящением писателю Н. Г. Шебуеву, сохраненном в тифлисском издании; Накануне. 1922. № 1. 26 марта. С. 5; включено в *ПСРП* С. 17, под названием «Санкт-Петербург — гранитный город». *Шебуев Николай Георгиевич* (1874—1937) — издатель альманаха «Весна», в котором в 1908 г. дебютировал Н. Агнивцев.

6. У Александринского театра. С. 14. *Там, где Российской Клеопатры - горделив* — памятник Екатерине II у Александринского театра, см. *ТУ. Комиссаржевская Вера Федоровна* (1864—1910), русская актриса, служившая в 1896—1902 гг. в Александринском театре.

7. Санкт-Петербург. С. 15—16. *Ах, Петербург, красавиц «мушки» - У парапета над Невой!* — Данная строфа вместе со строфой *Но он в руках моих игрушка! - Камер-юнкер и поэт!..* из также входящего в «Блистательный Санкт-Петербург» стихотворения «Дама из Эрмитажа» вызвали раздражение журналиста А. Ренникова (псевдоним А. М.

Селитренникова), язвительно отмечавшего в них рифмы, «недостойные» имени Пушкина (*Ренников А.* Трудная рифма // Новое время. 1924. № 942. 18 июня. С. 3). *Рыданье Лизы у «Канавки»* — Образ Зимней канавки связан с оперой П. И. Чайковского «Пиковая дама» (премьера — 1890), по либретто которой (автор — М. И. Чайковский) Лиза после свидания с Германном бросается в нее и гибнет (дейст. III, карт. 2). Ту же драматическую сцену передавали иллюстрации к «Пиковой даме» М. Добужинского. Ср. в «Пиковой даме» Ю. Трубецкого: «А у Зимней Канавки столбы неуемной пурги», в «Пиковой даме» С. Прегель: «Плачет Лиза у Зимней канавки...», в стихотворении В. Поппер «Моему другу»: «И Канавка та, где Лиза бедная / Дорогого Германа ждала», во 2-й части цикла «Медаль за оборону Ленинграда» В. Булич: «Над Зимнею канавкой о перила / Облокотилась Лиза, вся в слезах», поэме «Петербург» М. Веги: «Горбатый мост. Канавка. Призрак Лизы. / И Пиковая Дама у крыльца», в «О Петербурге» С. Бушкова: «А Лиза бедная страдала, / Где мост у зимнего канала»; ср. в книге А. Аверченко «Десять ножей в спину революции», где герои вспоминают «былой Петербург»: «А "Канавка у Дворца". "Уж полночь, а Германна все нет!" Какие голоса были!.. Ах, Лиза, Лиза...» (*Аверченко Аркадий.* Записки простодушного. М., 1992. С. 270); ср. в «Закате над Петербургом» Г. Иванова: «Там, в этом призрачном сумраке, с Акакия Акакиевича снимают шинель, Раскольников идет убивать старуху, Лиза бросается в ледяную воду Лебяжьей канавки» (*Иванов Георгий.* Собр. соч.: В 3-х т. Т. 3. М.: Согласие, 1994. С. 458); ср. еще в написанных в эмиграции воспоминаниях бывшего петербуржца: «По Конюшенной и переулкам можно было дойти до Дворцовой набережной и мостику через Зимнюю канавку, где Лиза имела свидание с Германном в предпоследней сцене "Пиковой Дамы" (эскизы театральных декораций в опере делались по этому месту)» (*Стоскус* С. 6); другой мемуарист-петербуржец знаменательно атрибутирует Зимнюю канавку Пушкину (*Каменский В.* Воспоминания о старом Санкт-Петербурге // *РМ-2* 1971. № 2832. 4 марта. С. 6).

8. Петр I-ый. С. 17. В тифлисском издании отсутствует.

9. Случай на Литейном проспекте. С. 18—19. Ранее: Киевское эхо. 1919. № 34. *На Литейном, прямо, прямо - По преданию, жила!* — См. *ТУ*, Литейный проспект.

10. На «Стрелке». С. 20. Стихотворение в тифлисском издании отсутствует. *Герлен* — известная парижская парфюмерная фирма.

11. Дама на свиданьи. С. 21. ...*à l'anglaise* — на английский манер (фр.).

12. В. О. 17 л. С. 22.

13. Павел I-ый. С. 23. Включено в *ПСРП* С. 31. Император Павел I был убит в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. офицерами-заговорщиками, после того как он отказался отречься от престола в пользу своего сына Александра, см. этот мотив в других произведениях эмигрантской литературы: роман М. Алданова «Заговор», рассказ Ю. Трубецкого «Павловский офицер» (*Сов* № 5. 1962. С. 9—13) — с эпиграфом из Г. Иванова:

Был пятый час утра, и барабанный бой
Мешался с музыкой воинственно-манерной.
Он вел гвардейский взвод и видел пред собой
Деревья, Летний Сад и Замок Инженерный...

См. также стихотворения, включенные в наст. изд.: «Петербург» Н. Алла, «Гвардейский офицер» А. Гессена, «Порою кажется так просто» З. Троцкой. *Отчего тонкий рот Цесаревича - искривлен?* — Алек-

сандр I, тайно вовлеченный в убийство отца. *Пален Петр Алексеевич*, граф (1745—1826), в 1798—1801 гг. петербургский генерал-губернатор; один из организаторов и участников убийства Павла I.

14. Принцесса Моль. С. 24—25. *Когда бессмертный Каратыгин играл!* — *Каратыгин Василий Андреевич* (1802—53), русский актер-трагик из театральной семьи Каратыгиных, за роль Кина в пьесе Дюма-отца был одарен лавровыми венками. *Тальони Мария* (1804—84), балерина, из известной итальянской семьи артистов балета; ежегодно гастролировала в Петербурге в 1837—42 гг.; Н. Гоголь писал о ней: «Тальони — воздух! Воздушнее еще ничего не бывало на сцене». *Мазини Анджело* (1844—1926), итальянский оперный артист, в 1879—1903 гг. участвовал в спектаклях Итальянской оперы в Петербурге. *Варламов Константин Александрович* (1848—1915), *Ходотов Николай Николаевич* (1878—1932), *Давыдов Владимир Николаевич* (1849—1925) — актеры, выступавшие на сцене Александринского театра (с Ходотовым Агнивцева связывала личная дружба, см.: *Ходотов Н. Н.* Близкое-далекое. М.; Л., 1932. С. 390), он посвятил Ходотову несколько стихотворений; ср. о нем: «Голос, мягкий, нежный, тончайших музыкальных оттенков, который, по выражению одного критика, прямо лез в душу», «благородная внешность, но опять-таки как будто созданная специально для русского жанра» — «в иностранном репертуаре он был словно ...на костюмированном балу» (*Дризен Н. В.* Памяти Н. Н. Ходотова // *Воз-1* 1932. № 2463. 29 февраля). *Павлова 2-я* — *Павлова Анна Павловна (Матвеевна)* (1881—1931), легендарная русская балерина, «наш лебедь неповторимый» из «Поэмы без героя» Ахматовой (упомянута также в стихотворении «В 5 часов утра»); умерла в эмиграции, см. написанные на ее смерть стих. И. Умова (Незримый гость. Чураевка (США), 1949. С. 138) и Н. Дисской (Родная даль. Louvain, 1959. С. 41) ...*Коммиссаржевская твоя* — см. также стих. «У Александринского театра». *Вяльцева Анастасия Дмитриевна* (1871—1913), русская артистка эстрады и оперетты, исполнительница цыганских романсов; «...особенным успехом пользовались в ее исполнении "Гайда тройка", "Забыты нежные лобзанья" и др. К сожалению, Вяльцева скончалась в расцвете своего таланта от рака крови. Она покорила сердце конногвардейца Бискупского, за которого вышла замуж и который для ее спасения дал свою кровь» (*Каменский В.* Воспоминания о старом Санкт-Петербурге // *РМ-2* 1971. 25 февраля); о концертах Вяльцевой см. в воспоминаниях Л. Доминика о Петербурге 1907—1917 гг. (*РМ-2* 1976. № 3088. 29 января. С. 8) и А. Клейгельса «Дом на Мойке» (*Воз-2* № 26. 1953); ср. в очерке Г. Иванова 1930-х годов: «Граммофон надрывается <...> хриплый, искаженный и все-таки прелестный голос Вяльцевой (точно с самого дна потонувшего мира) глухо и вкрадчиво звенит» (*Иванов Г.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Согласие, 1994. С. 311); одна из ее ролей — Елена в оперетте Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена», в роли Париса — популярный певец, опереточный актер Н. Г. Прокофьев-*Северский*, создатель Екатерининского театра в Петербурге (1906), после революции — в эмиграции. *Курихин Федор Николаевич* (1882—1951), актер комического жанра, ученик В. Н. Давыдова, завсегдатай «Бродячей собаки» и «Привала комедиантов», известен по эпизодам в кинофильмах «Веселые ребята» и «Цирк»; в тифлисском издании «Санкт-Петербурга» ему было посвящено стихотворение «Дедушка и внучки». ...*на Литейном* — имеется в виду Литейный театр Е. А. Мосоловой (Литейный, 51), где Курихин был актером и режиссером. *Собинов Леонид Витальевич* (1872—1934), русский, впо-

следствии — советский певец, народный артист Республики (1923); в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин» исполнял партию Ленского.

15. Дама из Эрмитажа. С. 26. Печ. в ж-ле «Мир» (Рига). 1924. № 4—5. С. 27. Включено в *ПСРП* С. 34. *Кавалергард* — армейский чин, входивший в специальную кавалергардскую часть (впервые появились в 1724 г. в качестве почетного конвоя Екатерины I во время ее коронации), с 1800 г. — в Кавалергардский полк в составе гвардии, несший охрану Зимнего дворца; *кирасиры* — тяжелая кавалерия, состоящая из рослых и физически крепких людей на более высоких, чем гусарские и драгунские, конях; *камергеры* — первоначально придворный чин 6-го класса в Табели о рангах; с 1809 г. почетное придворное звание, не дававшее права на чин (с 1836 г. это звание жаловалось гражданским лицам 3—5 классов, с 1850 — 3—4 классов); камергер носил расшитый золотом придворный мундир и титуловался «Ваше превосходительство»; *пажи* — мальчики в возрасте от 8 до 13—14 лет из благородных дворянских фамилий, находившиеся на действительной службе и выполнявшие поручения особ императорской семьи (появились в России в 1711 г.) или учащиеся пажеского корпуса — военного учебного заведения, основанного в Петербурге в 1759 г. (по окончании получали чин подпоручика, в кавалерии — корнета). В связи с последней строфой см. комм. к стих. «Санкт-Петербург».

16. В домике на Введенской. С. 27. *Прапор* — прапорщик.

17. Белой ночью. С. 28—29. Печ. в ж-ле: «Наш огонек» (Рига). 1925. № 24. С. 3. *Пестель Павел Иванович* (1793—1826) — ср. посвященное декабристам стихотворение Н. Агнивцева «Тени Сенатской площади» (Бич. 1917. № 42. С. 13), в котором, в частности, есть строфа:

Где всадник чугунный коня на дыбы
Поднял, пригвоздивши на месте,
Не зная, что конь сбросит волей судьбы
Узду с новым всадником вместе.

Вот, задумался - Опершись на парапет...— Изображение Пушкина, стоящего у парапета невской набережной, см. также в стих. «Санкт-Петербург»; *альмавива* — модный в 1-й пол. XIX в. просторный мужской плащ-накидка с широким отложным воротником, который было принято носить, откинув полу на плечо.

18. Ужель наступит этот час?.. С. 30.

19. Граф Калиостро. С. 31. В тифлисском издании отсутствует. *Калиостро* (псевд. Джузеппе Бальзамо; 1743—95) — итальянский авантюрист, пребывание которого в Петербурге неоднократно становилось темой русской прозы.

20. Князь Павел. С. 32—33. *Comprenez vous* — Видите ли (фр.). *Елизавета* (1709—61/62) — российская императрица с 1741 г., дочь Петра I.

21. В Архипелаге. С. 34. В тифлисском издании отсутствует.

22. Красный дом. С. 35. В тифлисском издании отсутствует. Стихотворение посвящено Петербургскому университету. В рецензии на сборник А. Кондратьев замечал, что у Н. Агнивцева «чувства прошлого нет, как говорится, ни на грош», ибо красным домом называется здание Двенадцати коллегий, на самом деле много раз менявшее окраску (Волынское слово (Ровно). 1923. № 462. 23 февраля).

23. Елисавет. С. 36. Включено в *ПСРП* С. 30. *Елисавет (Елизавета Петровна)* — См. комм. к стих. «Князь Павел». *Швырнул язык Лопухиной* — Т. н. «дело Лопухиных», родственников Евдокии Лопухи-

ной, жены Петра I, постриженной в монахини; по подложному обвинению в заговоре, троим Лопухиным — красавице Наталье, ее мужу Степану, генералу-поручику, и их сыну Ивану «урезали» язык и отправили в ссылку в Сибирь.

24. На Петербургской стороне. С. 37—38. Печ. в ж-ле Фараон (Ростов-на-Дону). 1919. № 4. 17 декабря. С. 13. *Амишка* — кличка комнатных собачек. *À genoux* — на колени (фр.).

25. В 5 часов утра. С. 39. В тифлисском издании отсутствует. *Павлова 2-ая* — см. комм. к стих. «Принцесса Моль». *Et voila! Et voici!* — И там, и тут (фр.).

26. Туманная история. С. 40. *Грандиссоновский роман...* — Грандисон — благородный и благочестивый герой 7-томного романа английского писателя Сэмюэла Ричардсона (1689—1761) «История сэра Чарлза Грандисона» (The History of Sir Charles Grandison, 1753—54), памятный по упоминанию в «Евгении Онегине». Видимо, по смежности Агнивцев перенес на него черты другого ричардсоновского персонажа — Ловеласа. *Ферлакур* (от фр. faire la cour — ухаживать) — соблазнитель.

27. Четыре. С. 41. В тифлисском издании отсутствует.

28. Гранитный призрак. С. 42—43. Предпоследнюю строфу как символ эмигрантской тоски по России приводит в своих «Воспоминаниях» Л. Е. Белозерская-Булгакова (М.: Худ. литература, 1989. С. 61).

29. План города С. -Петербурга. С. 44. В тифлисском издании отсутствует.

30. Букет от «Эйлерса». С. 45. Печ. в ж-ле «Театр и жизнь» (Берлин). 1921. № 4. С. 4. Включено в *ПСРП* С. 102.

31. Дама в карете. С. 46—47. Последнюю строфу цитирует С. Горный в своей статье «Умер поэт» (Русское время. 1925. № 1. 3 июня. С. 2).

32. Н. Н. Ходотову. С. 48. *Н. Н. Ходотов* — см. комм. к стих. «Принцесса Моль». *Липковская Лидия Яковлевна* (наст. фам. Маршнер; 1882—1958), певица (колоратурное сопрано), пела в Мариинском театре и Театре музыкальной драмы в Петрограде, с 1918 г. в эмиграции; см., напр.: *Крузенштерн-Петерец Ю.* Липковская в Харбине // *НРС*. 1968. 15 августа. *Аи* — сорт шампанского. *Вильбушевич Евгений Борисович* (1874—1933), пианист и композитор, неизменный аккомпаниатор Ходотова. Ср. в воспоминаниях Тэффи: «Выступали Ходотов и Вильбушевич. Ходотов пламенно безумствовал, старательно пряча рифмы. Актерам всегда кажется, что стихотворение много выиграет, если его примут за прозу. Вильбушевич разделывал тремоло и изображал море хроматическими гаммами. Зал гудел восторгом». *Де Лазари Иван Константинович* — гитарист, аккомпаниатор.

33. Голубая дама. С. 49. *Потемкин Григорий Александрович* (1739—91), русский гос. и военный деятель, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией в русско-турецкой войне (1787—91), фаворит и ближайший помощник Екатерины II (после присоединения Крыма получил титул светлейшего князя Таврического). *Фелица* — Екатерина II.

34. На рассвете. С. 50. *«Самарканд»*, см. *ТУ*. См. комм. к стих. «Вдали от тебя, Петербург!»

35. Триптих. С. 51. В тифлисском издании отсутствует. *Соловьевский бутеброд* — см. Соловьева Торговое Товарищество в *ТУ*.

36. Екатерининский канал. С. 52—53. Ранее: Киевское эхо. 1919. № 31—36. 27 сентября.

37. Коробка спичек. С. 54. См. по поводу этого стихотворения в некрологе, написанном П. Пильским: «...Агнивцев умел быть лиричным, и потом, в эмиграции, в большой моде стала его песенка о "Спичках Лапшина" — в эту коробочку Агнивцев символически вложил свою тоску по России» (*Сег* 1932. 5 ноября), ср.: «Не все ценили красоту этого города <Петербурга> и, живя в нем, мало о нем знали. Но, как это часто бывает в жизни, теперь только почувствовали всю горечь утраты. Недаром так волнуют нас стихи Агнивцева о Петербурге и "коробка спичек Лапшина" кажется драгоценностью. Ни годы, ни перемены не гасят этих воспоминаний» (*Смирнов Д.* Воспоминания // *Воз-2* № 20. 1952. С. 80).

38. Когда голодает гранит... С. 55. Включено в *ПСРП* С. 107.

39. Вы помните былые дни... С. 56—57. *И электрический скандал - Пассажем* — реклама склада часовой фирмы «Omega», находившегося в Пассаже, воспетая П. Потемкиным (Смешная любовь. СПб., 1908. С. 23):

Хлопья первого снега
засыпают панели.
Над Пассажем часы Омега
догорели, —

за что Блок и назвал его «свободный трубадур питерский, певец Шапшала, Оттомана и часов Омега»; ср. стих. Н. Рудниковой «Тоскуем» (включено в наст. изд.). *Биржевка* — газета «Биржевые ведомости» (основатель банкир С. М. Проппер; 1880—1917, с 1885 — ежедневная); *Речь* — газета кадетской партии (ред. И. В. Гессен и П. Н. Милюков; 1906—17); *Сатирикон* — возникший после реорганизации ж-ла «Стрекоза» еженедельник юмора и сатиры (1908—14, изд. М. Г. Корнфельд; параллельно возник «Новый Сатирикон», июнь 1913 — август 1918); *Петербургская газета* (1867—1918; с 20 авг. 1914 — «Петроградская газета») — петербургские периодические издания.

40. Петергоф. Печ. по: *Сег* 1923. № 269. 2 декабря. С. 5. *Куртина* — полог, занавес. *Деброн* — старинное дамское платье с фижмами. *Разумовский* — семья графов Разумовских представлена в истории России несколькими известными личностями; здесь, по всей видимости, имеется в виду *Кирилл Григорьевич Разумовский* (1728—1803), последний гетман Украины (1750—64), который в годы правления Екатерины II был президентом Петербургской Академии наук (1746—98). *Граф Пален* — см. комм. к стих. «Павел I-ый». *Здесь Первый Александр впервые - Кузьмича?* — *Федор Кузьмич* — старец, под именем которого, согласно легенде, скрывался Александр I после «имитации» своей смерти 19 ноября 1825 г.

Адамович Георгий Викторович (7 (19) апреля 1892, Москва — 21 февраля 1972, Ницца). Родился в семье генерала В. М. Адамовича (1839—1903), начальника Московского военного госпиталя; мать Е. С. Вейнберг (ум. 1933). Н. Гумилев посвятил сестре Адамовича, Татьяне Викторовне (в замужестве — Высоцкая, 1891—1970) сборник стихотворений «Колчан» (1916; в берлинском издании книги посвящение отсутствует); см. ее мемуары: *Wysocka T.* Wspomnienia. Warszawa, 1962 и книгу о балете: Historia baletu. Warzsawa, 1969. Брат Борис (от первого брака отца; 1870—1936) — генерал-лейтенант, военный педагог, в эмиграции — директор русского кадетского корпуса в Югославии (см. о нем: *Барышев П.* У могилы ген. Б. В. Адамовича // *Воз-1* 1936. № 3981. 27 апреля. С. 3).

Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1910—17), о котором оставил воспоминания (*РМ-2* 1969. № 2728. 6 марта. С. 8). Посещал «Бродячую собаку», был близок к акмеистам. Участник 1-го и в 1916—17 гг. один их руководителей 2-го Цеха поэтов. В доэмигрантский период выпустил два сборника стихов — «Облака» (Пг., 1916) и «Чистилище» (Пг., 1922), считался особо причастным «петербургской теме», ср.: «Георгий Иванов, Георгий Адамович, Ирина Одоевцева — члены Цеха поэтов, чьи изящные и отточенные вещи, как известно, исполнены духом красоты нашего города — сумрачного, застегнутого, парадного» (*Rusticus* <В. Пяст>. Поэзия старого Петербурга // Жизнь искусства. 1922. № 17 (840). 3 мая). Ср. характерный образчик:

Проспектов озаренных фонари
Погасли на пустынном небосклоне,
И небо бледное само горит,
И легкий ветер звон ленивый гонит.
Что это? Пляски отдаленных вод,
Иль райских птиц полуночное пенье,
Или покинутый блаженный грот,
Тангейзер вспоминает, как виденье?

(Свирель. Третий альманах молодой поэзии. Пг., 1917. С. 5).

Недосказанность, тематическая истонченность его стихов способствовали впоследствии, в эмиграции, куда он отправился в 1923 г., возникновению особой поэтики, получившей название «парижской ноты». Многие, в том числе и он сам, видели в Адамовиче ее идеолога и духовного наставника молодых поэтов-эмигрантов.

Жил во Франции, печатался в большом количестве периодических изданий. Член масонской ложи (*Серков* С. 44—45). В 50—60-е гг. преподавал русскую литературу в Манчестерском университете. Закономерно считается одним из крупнейших критиков русской литературы в изгнании. «Значение Адамовича в том, что он, метр, уклоняющийся от каких бы то ни было формулировок, — писал Ю. Иваск, — сумел создать литературную атмосферу для зарубежной поэзии в парижских кафе; и "флюиды" этой атмосферы передавались и передаются далеко за пределы Парижа...» (*Иваск Ю.* О послевоенной эмигрантской поэзии // *НЖ* № 23. 1950. С. 196); далеко не всеми данное мнение разделялось в положительном смысле (среди «оппонентов» следует упомянуть, например, имя В. Набокова.

За годы эмиграции выпустил два поэтических сборника — «На Западе» (Париж, 1939) и «Единство» (Нью-Йорк, 1967); ряд стихов опубликовал в периодической печати. Откликаясь на первый из них, Сергей Осокин (В. Андреев) писал, что он «отражает ту поэтическую линию, к которой примыкает большинство пишущих за границею поэтов, линию, так называемой, петербургской школы. Дело не в том, конечно, что Адамович подражает Гумилеву и Анненскому, а в том, что без них, вне воздуха поэтических петербургских студий, он не написал бы своих наиболее удачных стихотворений» (Русские записки. № 16. 1939. С. 200); З. Гиппиус в рецензии подчеркивала, что в стихах Адамовича «простота... просто (и сознательно) проста» (*ПН* 1939. № 6555. 9 марта. С. 3). О соотношении в Адамовиче критика и поэта см. в статье Г. Иссако (Ю. П. Иваска) «Предвоенная эмигрантская по-

эзия»: «Об Адамовиче мы будем еще много говорить как о критике. Он как-то неохотно допускал себя до занятий поэзией. Видимо, втайне он всегда лелеял какой-то смутный образ совершенных стихов, которые твердили бы и влюбленные, и приговоренные к казни. И этим единственным образом одушевлены все те немногие стихи, которые он изредка печатал в журналах» (*Гр* № 5. 1949. С. 68).

См. его рассуждения о «петербургской школе»: «...петербургские стихи — оазис в пустыне медленного одичания. Не дарованием они противопоставляются всему остальному, а тем, что довольно расплывчато обозначается словом "культура". В них нет того плебейства духа, которое выражается в отречении от всего, от чего можно отречься, той трусости духа, которая боится всего, *даже влияний*, той безграмотности духа, с уменьшением которой поубавилось бы и заносчивости» (*Зв* 1927. № 2. С. 71).

Вечер Г. Адамовича, посвященный «С.-Петербургу — Петрограду — Ленинграду», состоялся в Париже 2 марта 1948 г. (Русские новости. 1947. № 141. 19 февраля. С. 3). А. Б<ахрах> так описывал его в заметке «На вечере Г. Адамовича» (Русские новости. 1948. № 144. 5 марта. С. 6): «Почти невозможно в сжатом виде передать содержание беседы Г. В. Адамовича, посвященной "Петербургу — Петрограду — Ленинграду", ибо он не столько хотел поделиться со слушателями своими домыслами, сколько воскресить перед ними тот незабываемый психологический климат, в котором жил некогда этот город — "мечта, одетая камнем".

Как вырабатывался неповторимый петербургский стиль? Чем питалась "круговая порука" его обитателей? "Самым умышленным городом в мире", по слову Достоевского, созданным гениальным сумасбродством Петра, построенном на костях за счет России, — она не переставала любоваться. Но Адамович напоминает, что Петербург был городом двойной жизни: рядом с классическим пушкинским городом существовал и Петербург Акакия Акакиевича, дождливый Петербург Достоевского, в котором нарастало чувство неизбежности расплаты, все то, что сумел выразить Блок в своих провидческих строчках.

Хотелось бы отметить также выступление М. Пискуновой, читавшей отрывок из "Униженных и оскорбленных" с трогательностью и мастерством, которое можно признать почти неожиданным. Как обидно, что ее артистическому таланту негде сейчас развернуться» (*Пискунова М. К.* — драм. артистка.)

Стихи печатаются по: *Адамович Г. В.* Собрание сочинений. Стихи, проза, переводы / Вступит. ст., сост. и прим. О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1999 (здесь же отмечены все предыдущие публикации стихотворений). Далее указывается страница в данном Собрании сочинений и первая публикация стихотворения.

41. «Когда успокоится город...». С. 97 (*Зв* 1923. № 33. 17 сентября. С. 2). В сб-ке «На Западе» разночтение по сравнению с первоначальной публикацией в 5 стихе: «Под черным, безоблачным небом». Вошло в *ВРС* С. 25—26. Текст строится как смысловая и ритмико-интонационная цитата стихотворения В. Жуковского «Ночной смотр (Из Цедлица)» («В двенадцать часов по ночам...»). *И вижу широкую реку - на коне* — Нева и Медный всадник.

42. «Всю ночь слова перебираю...». С. 96 (*СЗ* 1928. № 35. С. 239).

43. «Что там было? Ширь закатов блеклых...». С. 95 (*СЗ* 1928. № 37. С. 231). Вошло в *Мы жили* Т. 1. С. 339; *ВРС* С. 25. Финальное двусти-

шие, хорошо в эмиграции известное, приведено, к примеру, в статье К. Елиты-Вильчковского «Путь младороссов»: «И все мы, говоря о Петербурге, могли бы согласиться с поэтом, что "на земле была одна столица, все другие — просто города"» (Младоросс. 1930. № 4. С. 3), ср. в стихах поэта «третьей волны»:

И как будто снова
В Санкт-Петербург судьбой нас занесло,
И слышится нам голос Гумилева
И Блока хрип предсмертный... Но ушло,

Ах, все ушло, уже не повторится,
Не возвратится больше никогда.
Зачем в Париже мне Россия снится,
Санкт-Петербург, полынь и лебеда?..

(Глезер Александр. Миражи. Париж, 1989. С. 66).

44. «Был вечер на пятой неделе...». С. 253 (*Оп* № 2. 1953. С. 6—7). Вошло в *Мы жили* Т. 1. С. 344.

45. «Ты здесь, опять... Неверная, что надо?..» С. 80 (*НЖ* № 58. 1960. С. 93—94, под названием «Отрывок», с разночтением в 5-й строфе: «Нет, я не болен, не схожу с ума» и дополнительной четвертой строфой:

Пообтрепалась ты в чужой столице,
Был даже слух, что по рукам пошла,
А петь не Бог весть что за мастерицей,
По совести, и прежде ты была.)

Вошло в *Мы жили* Т. 1. С. 343—344. ...*«с восторгом сладострастья»* — клише, ставшее в особенности популярным благодаря романсу рубежа веков «Уголок» (сл. В. Мазуркевича, муз. С. Штеймана). *Елисейская арка* — Триумфальная арка на проспекте Елисейских полей в Париже (на площади Звезды), открытая в 1836 г. (высота 50 м; высота башни Адмиралтейства со шпилем 72,5 м).

Айзенштадт Михаил Константинович (псевдонимы: Аргус, М. Железнов; 1900, Новгород — до 19 ноября 1970, Нью-Йорк). Родился, жил и учился в Новгороде, окончил там реальное училище. В 1919 г. эмигрировал в Ригу, где сотрудничал в местной прессе: *Сег*, «Рижский огонек», «Театр и жизнь». Был знаком с И. Северяниным, посвятил ему стихотворение «От надоевших буден мы уйдем» (*Сег* 1921. № 19. 23 января. С. 3); в свою очередь Северянин ответил стихотворным посвящением Аргусу «Привет за океан. М. К. Айзенштадт» // *Сег* 1925. № 278. 10 декабря. С. 3 («Как позабыть, кто мог так мило скромничать, / Мечтательного юного поэта? / Желаю Вам, чтоб в нашей жизни серенькой / Добились Вы, чего добиться в силе, / Но в механической сухой Америке / Чтоб трепетной души не погубили»). В 1923 г. перебрался в США и со временем стал постоянным сотрудником *НРС*, в котором вел еженедельную колонку «О чем говорят слухи и факты», опубликовав бесчисленное количество сатирических и юмористических фельетонов. В годы II-й мировой войны входил в комитет «Общества приехавших из Европы» (см.: *Заря* (Нью-Йорк). 1943. № 1. 1 января. С. 17; сообщение о его вечере, проходившем в «Обществе» 6 февраля 1943, см.: Там же. 1943. № 4. 15 февраля. С. 16). И. Бунин писал ему 20 июля 1952 г.: «Очень ценю... Ваше беспощадное, неустанное высмеивание всего того идиотского, бесстыдного,

что творится и пишется в "ставке" гениального, единственного во всей всемирной истории человечества по мудрости грузина». Печатался также в *НЖ*, *Нов*, *Мос*. Автор книг: «Восточный герой» (Нью-Йорк, 1948), «Moscow on the Hudson» (1951), «A Rouge with Ease» (1953), «Полусерьезно, полушутя: Сатира, юмор, лирика» (с письмом И. Бунина в качестве предисловия) (1959), «Другая жизнь и берег дальний» (1969), в предисловии к которой Г. Адамович писал: «Особняком в сборнике стоят стихи. Внимательный читатель заметит в них борьбу автора с самим собой: борьбу, т. е. затаенное, более настойчивое, чем на первый взгляд кажется, влечение к лиризму и наперекор ему, вошедшее в привычку, неодолимое стремление иронизировать. Примирить одно с другим трудно», а автор рецензии на нее (Н. К.) подчеркивал: «Когда произведение правдиво — это половина успеха. Когда, вдобавок, оно талантливо написано — это настоящий большой успех. "Другая жизнь и берег дальний" — замечательная, веселая, остроумная и правдивая книга. Она не может не доставить читателю настоящего наслаждения» (*Сов* № 19. 1969. С. 62).

Некоторые читатели считали Аргуса не только фельетонистом и писателем-сатириком, но и настоящим поэтом: «Его поэзия напоминает мне пастушескую свирель своей искренностью и музыкальностью» (*Гатова Лариса*. Памяти Аргуса // *НРС* 1972. № 22762. 8 октября. С. 5).

См.: *Айзенштадт-Железнов М.* Мемуарные заметки о рижской старине / Публ. и предисл. Р. Тименчика // Даугава. 1995. № 5. С. 118—136; *Штейн Эммануил*. Прибалты — Аргус и Евгений Шкляр // Побережье: Литературный ежегодник. 1995. № 4. С. 296—299; одним стихотворением он представлен в репрезентативной антологии Е. Евтушенко «Строфы века. Антология русской поэзии» (Науч. ред. Е. Витковский). Минск—Москва, 1995.

Некрологи: *Самарин Владимир*. Памяти М. К. Аргуса // *НРС* 1970. № 21997. 4 сентября. С. 2; Его же. М. К. Аргус (Слово, сказанное на траурном собрании в Нью-Йорке 25 октября) // *РМ-2* 1970. № 2817. 19 ноября. С. 8; *Кубанский казак*. Аргус // *НРС* 1970. № 22026. 3 октября. С. 3.

46. За Медным всадником. Печ. по: *Сег* 1919. № 18. 28 сентября. С. 5. *Он руку сжал в кулак - пригрозил* — пародия-аллюзия на пушкинский «Медный всадник», где Евгений, «зубы стиснув, пальцы сжав», грозит Медному всаднику.

47. Онегин в Петрограде. Печ. по: *Сег* 1921. № 6. 8 января. С. 3. Образ Онегина-эмигранта получил широкое распространение в сатирических жанрах русской зарубежной литературы как в стихах, так и в прозе (см., к примеру фельетон «Из "Товарища Онегина". Глава неизвестная, но злободневная» А. Бухова (Последние известия [Ревель]. 1926. № 92 (1815). 27 апреля. С. 2; подписано А. С. Пушкин). У самого Аргуса есть поэма, в которой он «отправляет» пушкинского героя в Америку («Онегин в Нью-Йорке» в кн. «Полусерьезно, полушутя»), ср. поэму другого эмигрантского сатирика Лери «Онегин наших дней» (Берлин, 1922; первые отрывки из нее появлялись еще в 1919 г. в одесской газете «Южное слово»), в которой Онегина постигает обычная изгнанническая судьба: участие в Добровольческой армии, бегство из России, Константинополь, беженский Берлин, сменовеховство (в рецензии на эту книгу А. Д-ская <Даманская> отмечала, что С. А. Венгеров читал в Петрограде (Дом искусств) лекцию «Евгений Онегин — декабрист», где доказывал, что Онегин бросился бы в общественно-

политическую работу. «Дальнейшим его этапом было бы несомненно народовольство, а там уже та или другая партийная группа. Остроумная пародия г. Лери значительно выиграла бы, если бы он в свое время прослушал эту лекцию С. А. Венгерова. Он, наверно, не низвел бы тогда до большевизма любимого нашего героя» (Дни. 1923. № 87. 11 февраля. С. 12). Онегин превращается в эмигранта также в стих. В. Опочинина «Беженец Евгений (Поэтический бред)» (Обманы прошлого. Париж, 1939. С. 53—54), которое хотя и сопровождается лукавым авторским примечанием — «Евгений — имя рядового обывателя по традиции пушкинского Медного всадника», однако содержит цитату из пушкинского романа. *Ужели это — Рим Четвертый* — От знаменитой тирады настоятеля псковского Елизарова монастыря Филофея: «Москва — третий Рим, а четвертому не бывать».

48. Петрополис. Печ. по: *Аргус*. Полусерьезно-полушутя: Сатира, юмор, лирика. Нью-Йорк: Изд-во «Чайка», 1959. С. 259. Стихотворение построено на пушкинско-гоголевских реминисценциях: *Окно — вы помните? — на целый мир, в Европу ли* — восходит к «Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно» из «Медного всадника» Пушкина, который, в свою очередь, ссылается на Альгаротти: «Pétersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe» (Петербург — окно, через которое Россия смотрит в Европу); данная отсылка является одной из ключевых цитат и реминисценций «петербургского текста»; см. в наст. изд. «Порошу» (стр. VIII) П. Булыгина, «Петербург» А. Горской, «Стихи о Петрограде» Г. Клингера, «Петру» И. Савина, ср. у других эмигрантских авторов: «Там, где когда-то, над Невой, в Европу / Блеснул очами первый император» (Н. Берберова, «Шекспиру») или «И петербургское окно / Сюда из северной державы, / На утре дней великой славы / Петром прорублено давно» (Вяч. Лебедев, «Университетская поэма») и мн. др. *...На мелкого чиновника Акакия - шинель* — Повесть Н. Гоголя «Шинель». *...отверженных столичных бедных Лиз* — Контаминация пушкинской «Пиковой дамы» с «Бедной Лизой» Н. М. Карамзина.

49. В Петрограде. Там же. С. 261. Героем стихотворения является Н. Гумилев, стихи которого в нем цитируются: «Леопард» («У жирафьего колодца я окончу жизнь мою») из сб. «Огненный столп» (1921), «Заблудившийся трамвай» — оттуда же, «Жираф» (сб. «Романтические цветы», 1908) и др.

50. В Санкт-Петербурге. Там же. С. 262—263. В стихотворении контаминированы мотивы и образы из произведений Ф. Достоевского: «Бесы» (*Вот бесы хлынули*), «Братья Карамазовы» («*Тебя зовет Великий Инквизитор*»; *Он рядом с Лизаветою Смердящей?*; *обитель тихого Зосимы*); «Записки из Мертвого дома» (*мертвый дом*), «Записки из подполья» (*Острее даже, чем была в подполье?*), «Сон смешного человека» (*Неужто сон? Конечно, только сон.)*, «Униженные и оскорбленные» (*Узнаешь, кто унижен, оскорблен*), «Преступление и наказание» (*И почему напился Мармеладов*; *Без преступлений и без наказаний*).

Алл Николай Николаевич (наст. фам. Дворжицкий; 21 февраля 1893, С.-Петербург — 1969, США). Окончил 2 класса Кишиневского Реального Училища, после чего был определен дядей, статским советником К. А. Дворжицким, в петербургский Морской корпус, куда был зачислен 9 сентября 1908 г. на казенный счет (сведения о нем см. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 2. Ед. хр. 599). Затем учился в Константинов-

ском артиллерийском училище (первая публикация — роман о морской жизни — опубликован в рукописном журнале училища). Участвовал в Первой мировой войне. В 1917 г. был лектором в Школе прапорщиков в Риге. Затем служил в 12-й армии, печатался в армейской офицерской газете. В годы Гражданской войны воевал в Сибири, некоторое время служил в Осведверхе под началом Н. В. Устрялова. Вместе с остатками белогвардейских войск эмигрировал в Харбин, сотрудничал там в газетах «Русский голос», «Новости жизни», «Заря», в журналах «Дальневосточный синий журнал», «Вал», «Китеж», в 1921 г. редактировал еженедельник «Дальневосточный огонек». Там же вышел его сборник стихов «Ектенья» (1923), в рецензии на который Н. Асеев обвинял автора в бездарности и желчно замечал, что «в Харбине г. Алл скоро и совсем отучится говорить по-русски» (Печать и революция. 1924. № 1. С. 280).

В 1923 г. переехал в Америку (в Харбине осталась дочь (род. 1918), впоследствии — актриса, выступавшая под сценическим псевдонимом А. Светланова и печатавшая под этим же псевдонимом стихи, см., например: харбинский «Рубеж», 1944. № 9. С. 10; см. ее воспоминания «Как я стала актрисой» в кн.: Русский Харбин, М.: Изд-во МГУ, 1998; репатриировалась в СССР). Сменил ряд профессий: преподавал русский язык в Гарвардском университете; работал в театрах; в начале 30-х основал и редактировал «Русскую газету», сотрудничал *в НРС* (в 1928—29 гг. здесь печатались его романы «Дом на горе» и «Дальние странники»), журнале «Зарница». Входил в Кружок русских поэтов в Америке и участвовал в изданном ими сборнике стихотворений «Четырнадцать» (Нью-Йорк, 1949); стихи включены в *Сод.* За несколько лет до выхода на пенсию работал как инженер по проектированию шоссейных дорог и мостов. Был женат на поэтессе Елене Антоновой (см. наст. изд.), с которой летом 1968 г. совершил паломничество в Святую землю.

См.: *Алл Н.* Алое сердце. Харбин, 1927; *Алл Николай.* Автор романа «Дом на горе» о самом себе // *НРС* 1928. № 5501. 18 февр. С. 2.

51. Белая ночь. Печ. по: Понедельник (Харбин). 1921. № 38. 30 мая. С. 4.

52. Петербург («На дальнем севере плывут пучки туманов»). Печ. по: *Алл Н.* Ектенья: Стихи о России. Харбин, 1923. Первоначально: Русский голос (Харбин). 1921. № 401. 20 ноября. С. 4 (по сравнению с газетной публикацией в книжный текст внесены некоторые изменения). Включено в *РПК* С. 44.

53. Петербург («Как завороженный, Белой Ночью»). Печ. по: *НРС* 1941. № 10456. 5 октября. С. 8. С некоторыми изменениями включено в: Четырнадцать: Кружок русских поэтов в Америке. Нью-Йорк, 1949. С. 17—18. *Плюмаж* — украшение из перьев головного убора. *Кирасиры* — см. комм. к стих. Н. Агнивцева «Дама из Эрмитажа». *Кираса* — защитное оружие, вид металлических доспехов, крепившихся в виде нагрудника; *ливрея* — форменная одежда прислуги. *...две Анны* — Анна Иоанновна (1693—1740), племянница Петра I, русская императрица (1730—40); по-видимому, *Анна Леопольдовна* (1718—46), правившая Россией в 1740—41 гг. при ребенке императоре Иване VI Антоновиче, свергнутая и завершившая свои дни в ссылке. *Матушка-царица* — императрица Екатерина II (1729—96). *Чернышев Александр Иванович* (1785/86—1857), светлейший князь (1849), генерал от кавалерии (1826), представитель царя при Наполеоне I (1808—12), участник Отечественной войны 1812 г., военный министр (1832—52), пред-

седатель Государственного совета (1848—56); по-видимому, *Бестужев-Рюмин Алексей Петрович* (1693—1766), граф, государственный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал (1762), кабинет-министр (1740—41), канцлер (1744—58), первоприсутствующий в Сенате (с 1762); *Потемкин Григорий Александрович* (1739—91), государственный и военный деятель, царедворец и фаворит при дворе Екатерины II; *Меншиков Александр Данилович* (1673—1729), сподвижник Петра I, государственный и военный деятель; *Нарышкины* — известный дворянский род в России (XVI — начало XX вв.); *Бурхард Кристоф Миних* (1683—1767), государственный и военный деятель при дворе Анны Иоанновны; *Пален Петр Александрович* (1745—1826), генерал, один из организаторов и участник убийства Павла I. *Самый фантастичный город в мире* — Неточная цитата из «Записок из подполья» Ф. Достоевского, где он назван «самым отвлеченным и умышленным городом на всем земном шаре» (в сборнике «Четырнадцать»: «Самый нарочитый город в мире»). *Традициям прошедшим верный - траурного шелка* — см. комм. к ст-нию Н. Агнивцева «Павел I-ый» (№ 8). *Пестель Павел Иванович* (1793—1826), один из руководителей восстания декабристов.

Аллин Андрей (наст. фам. Блюм). Родился в Киеве. В 1914 г. 5 романсов на его стихи изданы нотным издательством Юргенсона. Эмигрировал в 1920 г. из Крыма в Константинополь, где издавал газету русских скаутов «Белый Медведь» и редактировал журнал «Жизнь и искусство» (1921) и «Театр». Организовал константинопольский Цех поэтов, в который входили Б. Поплавский и В. Дукельский. В манифесте «Положение о Цехе», опубликованном в константинопольском журнале «Театр» (№ 1. С. 10; частично перепечатан в варшавской газ. «За Свободу!» 1922. № 216. 29 июля. С. 3), говорилось:

«1. Довольно разбазаривать искусство — в мастерскую.

2. К черту кривлянья и хулиганскую истерику — простота. Будем просты (в своей сложности), как цареградские фрески.

3. Жертвенность.

4. Долой школу (акмеистов, имажинистов и пр.), ибо революция утвердила личность. Каждый сам в себе и сам по себе.

Мы — вольные мастера

5. Ренессанс натуралистический и национальный.

6. Созидание, а не разрушение.

7. Не материя и не дух, а дух и материя. (Духовность вещи и вещественность духа.)

8. Пусть волнение поэтов испытает и его читатель. Пусть личность оплодотворит коллектив.

9. Не форма и не содержание, а содержание + форма.

10. Нет звука, а есть слово. Нет звучания звуков, а есть созвучие слов.

11. Русская инструментовка.

Освобождение русского искусства от противных ему западных форм».

В письме редактору *НРК* А. С. Ященко он писал: «Уважаемый профессор! Одновременно с этим письмом мы посылаем в контору "Н<овой> Русской Книги" просьбу установить обмен объявлениями. К Вам мы обращаемся с просьбой дать заметку о нашем изд<атель>стве, первом в Кон<стантино>поле, не кончившем свое существование на 1-м №. Конечно, с точки зрения литературной "Театр" пока что прибли-

жается по ценности к 0. Но надо принять во внимание: не трудность даже, а почти невозможность поднять в Кон<стантино>поле дело книгоиздания; специфические условия, в которых приходится работать; прогресс от 1-го (на четырех страничках, без обложки) к 5-му №, и то, что "Театр" дает средства к изданию книг» (Hoover Institute).

На его сборник «Солнечный итог», вышедший в 1922 г., отрицательную рецензию написал М. Б<енедиктов> (Берхин), в ней говорилось: «С досадой перелистываешь эти страницы, читаешь малограмотные строки, и думается о том, что скоро, вероятно, можно будет прочитать в каком-нибудь библиографическом журнале длинную автобиографию поэта Аллина» (*ПН* 1922. № 752. 30 сент. С. 3). В *РМ-1* (1923. Кн. 3—5) была опубликована его поэма о революции «Спас на крови», написанная в Крыму в 1919 г., о ней, как не лишенной интереса и отмеченной сильным влиянием Есенина и Клюева, упомянул Г. Струве в книге «Русская литература в изгнании» (1-е изд. 1956). В начале 20-х гг. переехал из Греции в Египет (см. описание его путешествия в очерке «Странствия», *ПН* 1926. № 1991. 4 сентября. С. 2—3; подп. Каир). В начале 1930-х гг. регулярно печатался в шанхайской газете «Слово».

54. 27 февраля. Печ. по: *Аллин Андрей*. Солнечный итог. Константинополь, 1922. С. 45. ...*на «Дне» проснулся утром царь* — Ходовая метафора «дна» не совсем точна исторически: отречение Николая II произошло не на станции Дно, куда он действительно прибыл незадолго до этого, а в Пскове, см. повторение того же образа в поэме «Спас на крови». Здесь автор следует традиции, сложившейся в русской поэзии как по одну, так и по другую сторону границы, ср. в стихотворении Э. Германа «На опрокинувшемся троне»: «Орлов растоптаны останки... / ...А царь в вагонное окно / Прочел на скучном полустанке / Слегка насмешливое: "Дно"» (*Герман Эммануил*. Растопленный полюс: Стихи о России и революции. Пг.: Парус, 1918. С. 12; в другом его стихотворении, «В буфете воздуха кабацком», отречение последнего российского царя происходит в Пскове) или «Попытке комнаты» (1926) М. Цветаевой; из произведений, включенных в наст. изд., см. обращение к историческому маршруту царского поезда в поэме В. Андреева «Восстание звезд». *Запечатленное проклятье - царевич Алексей* — Проклятье «Быть Петербургу пусту» ассоциативно связывается в стихотворении с сыном Петра I, царевичем Алексеем (1690—1718), казненным отцом (см. след. стих и комм.); ср. мотив казни царевича Алексея Петром в стих. эмигрантского поэта П. Глагольского «Петербург и Петр» (*НРС* 1952. № 14764. 28 сентября. С. 8):

Превратно мысля о Судьбе,
Не он ли <Петр>, гневом пламенея,
Замучил сына Алексея
Собственноручно на дыбе?

55. Быть Петербургу пусту... Там же. С. 61. Включено в *ПСРП* 96. Полностью приведено в статье Б. Филиппова «Петроград — Ленинград (Опыт литературного комментария к "Медному всаднику")» (*Гр* № 10. 1950. С. 112). *Быть Петербургу пусту*... — см. справку К. А. Кумпан и А. М. Конечного: «"Петербургу быть пусту" — формула типологически и, вероятно, генетически восходит к пророчеству "Книги Иеремии" (гл. 51, ст. 42—43), где предсказывается гибель и потопление Вавилона. Нам известно два круга документальных источников, зафиксировавших это легендарное заклятие новой столицы. Пер-

вый — документы дознания царевича Алексея, в показаниях которого от 8 февраля 1718 г. оно приписано его матери, царице Евдокии Лопухиной: "...сказывала, что Питербурх не устоит за нами: 'Быть-де ему пусту' (*Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 457; документ, приведенный у Устрялова, использовал и С. М. Соловьев в "Истории России", т. 17). Другие источники — также бумаги Тайной канцелярии, но уже 1722 г., повествующие о распространившемся в Петербурге слухе: на колокольне Троицкой церкви якобы завелась кикимора, и по поводу этого "таинственного явления" дьякон прихода высказал пророчество: "Питербурху пустеть будет" (*Семевский М. И.* Очерки и рассказы из русской истории XVIII в.: Слово и дело! СПб., 1884. С. 88—89). Это предсказание, в XIX в. отлившееся в устойчивую формулу "Петербургу быть пусту", использовано во многих художественных текстах начала XX в., например, эпиграф к стихотворению П. С. Соловьевой "Петербург" (1905), в романе Д. С. Мережковского "Петр и Алексей" (где приписано царице Марии Алексеевне) вплоть до упоминания "заклятья" "царицы Авдотьи" в "Поэме без героя" А. А.» (*Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга / Приложение, комментарии К. А. Кумпан и А. М. Конечного. М., 1991. С. 26—27). Мотив «Быть Петербургу пусту» звучит у целого ряда эмигрантских авторов, см. включенные в наст. изд. тексты: «Невский ветер. II ("Дует ветер, сновиденья")» В. Горянского, «Ночной Петроград» (глава из «Беженской поэмы») Вс. Иванова, «Сонеты Петербургу» Г. Сахновского, «Петербург» Л. Шлосберга; ср. в стих. Л. Даля «Город Петра»: «На судьбе твоей, город, печать и заклятье зловещие» (*Даль Л.* Иная жизнь. Книга стихов. Буэнос-Айрес, 1959. С. 12). ***Петрович, или ты наследишь - Петра*** — мотив сына, пошедшего против царя-отца, становящийся запечатленным пророчеством гибели Петербурга, характерен для ряда произведений эмигрантской литературы, ср., к примеру, измену сыновей отцовым деяниям в рассказе генерала П. Краснова «Доколе, Господи» (Альманах «Медный всадник». Берлин, 1923), ср. также в кн. княгини Катерины Радзивилл «La Malédiction sur les Romanov (Du Tsarévitch Alexis (1718) au Tsarévitch Alexis (1918))» (Paris, 1934) — своеобразную историю семейства Романовых от убийства одного царевича Алексея (сына Петра I) до убийства другого (сына Николая II). ***С которым спорила - сестра*** — Царевна Софья (1657—1704), дочь царя Алексея Михайловича по линии Милославских, противостоявшая восхождению Петра на престол; после поражения ее сторонников пострижена в монахини и жила под строгим надзором. ***В Москве у Иверской святыни - счет*** — Речь идет о подстрекаемых Софьей Стрелецких бунтах в Кремле (1682 и 1698), с которыми, разумеется, не исторический царевич Алексей, а инсургент «Петрович» имеет тесную связь.

56. Спас на крови <отрывок>. Печ. по: *РМ-1* 1923. III—IV. С. 138. ***...российская Бастилия*** — Петропавловская крепость, ср. в стих. Б. Башкирова-Верина «В Петербурге» — «петербургская Бастилья».

Амари (Цетлин Михаил Осипович) (28 июня (10 июля) 1882, Москва — 10 ноября 1945, Нью-Йорк). Отец — Осип Сергеевич Цетлин (1856—1933), крупный коммерсант; мать — дочь К. З. Высоцкого (1824—1904), основателя чайной фирмы «К. Высоцкий и сыновья». В 1892 г., после высылки евреев из Москвы, семья Цетлиных обосновалась в Одессе. Учебу завершил, вернувшись в Москву, в частной гимназии Ф. И. Креймана. Член партии эсеров, активно разде-

лявший идею революционного террора: в частности, готов был дать деньги Б. В. Савинкову на строительство в Мюнхене летательного аппарата для бомбометания. Входил в редакционную комиссию эсеровского книжного издательства «Молодая Россия», в котором двумя изданиями увидел свет его первый сборник «Стихотворения» (1906, 2-е издание — в 1909). В. Брюсов отнес автора к «единственным талантливым писателям, выдвинутым последним движением», т. е. революционным движением, и подчеркивал, что у его стихов «есть свой лик» (*Брюсов В.* Среди стихов. 1894—1924. М., 1990. С. 202). Начиная с него, избрал себе криптограмматический псевдоним Амари, которым подписывал свои стихи и в дальнейшем. Под этим псевдонимом, и именно во французском написании — À Marie — вышел его сборник «Лирика» (Париж, 1912; рисунки скульптора Э. А. Бурделя). В 1907 г. был вынужден эмигрировать по политическим мотивам, до 1917 г. жил во Франции и Швейцарии, хотя печатался в российских журналах: «Русская мысль», «Новый журнал для всех», «Современный мир», «Вестник Европы», «Заветы». Живя за пределами России, являлся хозяином московского частного издательства «Зерна», в котором вышли, например, «Стихи о канунах» и переводы из Ф. Вийона (обе книги — 1916) И. Эренбурга, «Anno mundi ardentis» (1916) М. Волошина; в «Зернах» увидели свет сборники стихов самого Цетлина: в 1916 — «Глухие слова» (посвящен М. С. Ц<етлин>), в 1920 — «Прозрачные тени» (оформление Н. Гончаровой), здесь же был напечатан коллективный сборник «Весенний салон поэтов» (1918).

После возвращения в Москву в июле 1917 г., он и его жена, М. С. Цетлин (урожд. Тумаркина; по первому браку — Авксентьева, 1882—1976), содержали литературный салон, памятный по целому ряду происходивших в нем творческих событий: например, чтение В. Маяковским поэмы «Человек» 28 января 1918 г., описанное Б. Пастернаком в «Охранной грамоте» (ч. 3, гл. 13) и в воспоминаниях Д. Бурлюка (см.: *Катанян В.* Маяковский. Литературная хроника. Изд. 3-е, доп., М.: ГИХЛ, 1956. С. 99—100); о московском салоне Цетлиных см. также в воспоминаниях И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь»; В. Инбер в кн.: Воспоминания об А. Н. Толстом. М., 1973. С. 139.

Спасаясь от преследований большевиков, в 1918 г. семья Цетлиных покинула Москву и вместе с семьей А. Толстого бежала в Одессу, а оттуда — во Францию. Начиная с первых дней эмиграции Цетлин активно занимался благотворительностью и меценатством, чьи масштабы приобрели всеэмигрантскую известность. Их парижская квартира превратилась в литературно-артистическо-политический салон, где перебывал едва ли не весь цвет эмиграции, о чем свидетельствует альбом М. С. Цетлиной (личный архив Ю. Гаухман, США); см. также: *Поляков-Литовцев С.* Париж (Из воспоминаний журналиста) // *НРС* 1943. 14 февраля. С. 3; *Зайцев Борис.* М. О. Цетлин // *НЖ* 1946. № 14. С. 202; *Вишняк М.* Годы эмиграции 1919—69. Воспоминания. Париж — Нью-Йорк, 1970. С. 102; ср.: салон Цетлиных — «самый изысканный из парижских литературных "салонов"» (*Бахрах Александр.* По памяти по записям. Литературные портреты. Париж: La presse libre, 1980. С. 29). В 1923—24 гг. супруги Цетлины издавали литературный альманах «Окно» (вышло 3 номера). Будучи одним из ведущих критиков эмиграции, Цетлин в течение двух десятилетий возглавлял отдел поэзии в *СЗ.* В 1933 гг. впервые попробовал себя в прозаическом жанре, опубликовав в Париже роман «Декабристы (Судьба одного поколения)» (2-е изд. — 1954) (декабристская тема воплотилась также в его сборнике стихов «Кровь на снегу», 1939), а

позднее — роман «Пятеро и другие» (Нью-Йорк, 1944) о композиторах «могучей кучки», иллюстрации к которой сделала его приемная дочь А. Н. Прегель (ей эта книга и была посвящена); второе издание осуществлено вдовой после смерти автора, в 1953 (см. рец. В. П<астухова> в *Оп* № 1. 1953. С. 204). Выступал как переводчик поэзии: вместе с французским поэтом А. Фонтенасом выпустил в свет книгу переводов стихов Ф. Тютчева на французский язык; после его смерти издана книга переводов (совместно с И. Астровым) «Португальских сонетов» английской поэтессы Е. Б. Браунинг (Нью-Йорк, 1956).

В ноябре 1940 г. переехал в США, где вместе с М. А. Алдановым основал *НЖ* и стал его первым редактором. Печатался в нью-йоркских газетах *НРС* и «Заря». В последние годы жизни работал над книгой о русских поэтах-символистах: после смерти в его бумагах обнаружены отрывки и наброски глав о Брюсове, Бальмонте, Блоке (в том числе о блоковской прозе), Белом, Волошине, Сологубе, журналах «Весы» и «Золотое Руно», см. опубликованный отрывок «Восьмидесятые годы» (*НЖ* № 14. 1946. С. 204—208).

См. о нем статью Т. Л. Никольской в *РП* Т. 1. С. 57; предисловие Ангелины Цетлин-Доминик к кн.: *Амари* (М. Цетлин). Малый дар. М.: Праминко, Дом Марины Цветаевой, 1993.

57. Прогулка Николая I («Пристегнувши шнурками полость»). Печ. по кн.: *Амари (М. Цетлин).* Кровь на снегу (Стихи о декабристах). Париж: «Дом книги» и «Современные Записки», 1939. С. 43—44. Включено в *Мы жили* Т. I. С. 172—173; *ВРС* С. 35.

58. Прогулка Николая I («Снежно-белый, холодный»). Там же. С. 45—46. Включено в *ВРС* С. 36. *Темляк* — петля, обвязывавшаяся вокруг эфеса сабли.

59. Последняя поездка Николая I. Там же. С. 47. Вошло в *ПСРП* С. 33.

Андреев Вадим Леонидович (25 декабря 1902 (7 января 1903), Москва — 17 мая 1976, Женева). Сын писателя Л. Н. Андреева (1871—1919) от первого брака с А. М. Велигорской (1881—1906). Учился в нескольких петербургских гимназиях. С 1918 г. жил с отцом в Финляндии в усадьбе Ваммельсу (Черная речка), с 1919 г. — в Тюрисево. После смерти отца сражался в рядах Белой армии, проделав путь сначала от Финляндии до Марселя, а затем из Марселя в Грузию. Эмигрировал в конце Гражданской войны в Константинополь. Учился в Софии. Получив стипендию Т. Уиттимора, переехал в Берлин, где продолжал обучение на философском факультете Берлинского университета. Входил в литературную группу «4 + 1» (о ней см.: *Сосинский Владимир.* Рассказы и публицистика. М.: Российский Архив, 2002. С. 51—65). В июле 1924 г. поселился в Париже, в 1925 г. был принят в Союз молодых писателей и поэтов. Работал чернорабочим на фабрике резиновых изделий, мастером в киномонтажной, наборщиком в типографии — последний факт биографии зафиксирован в посвященном ему стихотворении Б. Божнева «Линотипный орган» (опубл. в 1929). Перед войной устроился рабочим на каучуковом заводе. Вместе с М. Слонимом и В. Сосинским явился организатором литературного объединения «Кочевье» (1928—39); о его выступлении с чтением стихов на одном из заседаний «Кочевья» см. в кн.: *Озерецковский Геннадий.* Русский блистательный Париж до войны. Париж, 1973. С. 159. Выступал как критик (пользовался псевдонимом С. Осокин). В 1932 г. вступил в масонскую ложу Северная звезда. Был же-

нат на приемной дочери одного из лидеров партии эсеров В. М. Чернова Ольге Викторовне (1903—79). Автор «Повести об отце», в которой рассказал о Л. Н. Андрееве, первоначально напечатана в *РЗ* (1938. № 5—11); позднее в СССР: *Андреев В. Л.* Детство. М., 1963—66. В годы Второй мировой войны участник движения Сопротивления во Франции на острове Олерон, см. об этом в его воспоминаниях «Счастливый дом» (*Нов* № 24—25. 1946. С. 58—69). Был арестован фашистами и обменен на немецких военнопленных. Некоторое время спустя военные события воплотились в автобиографическом романе «Дикое поле» (М., 1967); на автобиографическом материале построены также повести «История одного путешествия», «Возвращение в жизнь», «Через двадцать лет» (М., 1974). Соредактор сборника стихов русских зарубежных поэтов «Эстафета» (Париж — Нью-Йорк, 1948; другие редакторы: И. Яссен, Ю. Терапиано). Работал переводчиком в ООН и ЮНЕСКО. В 1957 г. впервые после отъезда в эмиграцию посетил СССР, после чего бывал здесь неоднократно, но от переселения воздержался. Пользуясь дипломатической неприкосновенностью, помогал А. Солженицыну нелегально вывозить его романы на Запад.

Автор поэтических сборников: «Свинцовый час» (Берлин, 1924; в рец. на него А. Даманская писала: «У Вадима Андреева есть, что сказать: это чувствуется. Мысль его напряженно работает, сердце жадно ищет. И, наверно, тему его волнующую, многое тяжелое, глубоко отложившееся в душе он сумел бы облечь в убедительную художественную прозу», *ПН* 1925. № 1473. 12 февраля. С. 3), «Недуг бытия» (Париж, 1928; М. Слоним отмечал совершенное отсутствие в нем «земной радости, очарования жизни», *ВР* 1928. № 7. С. 71; негативно отреагировал на него В. Ходасевич в *Воз-1* 1928. № 1150. 26 июля. С. 4; на «отсутствие своего стиля» и «земную литературщину» указывал Г. Адамович в *СЗ* № 38. 1929. С. 523; суровым приговором звучал отзыв М. Ст<руве>, *ПН* 1928. № 2675. 19 июля. С. 3), поэмы «Восстание звезд» (Париж, 1932 — далекую от восторженной реакцию Г. Адамовича см. в *ПН* 1933. № 4530. 17 августа. С. 3), «Второе дыхание» (Париж, Париж, 1950), «На рубеже» (Париж, 1977; рец. Б. Нарциссова в *НЖ* № 132. 1978. С. 253—254).

См.: *Терапиано Юрий.* Вадим Андреев // *Сов* № 32. 1976. С. 60—62. См. написанный Л. Флейшманом краткий биографический очерк в кн.: *Андреев Вадим.* Стихотворения и поэмы <В 2-х томах> / Подгот. текста, сост. и прим. Ирины Шевеленко; С предисл. Лазаря Флейшмана). Berkeley Slavic Specialties, 1995 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Text. Vol. 35) — по т. 1 этого издания печатаются все включенные в наст. книгу тексты; Даниил и Вадим Андреевы: братья знакомятся: Письма Д. Андреева родным / Публ., вступ. заметки и прим. Ольги Андреевой-Карлайл и Алексея Богданова // Звезда. 1997. № 4. С. 152—164; *Серков* С. 57—58; письма В. и О. Андреевым их близкого друга эмигрантского поэта С. Луцкого см.: *Луцкий Семен.* Сочинения / Подг. текста, сост., вступ. ст. и комм. Владимира Хазана. Stanford, 2002. С. 298—364.

60. «Эх, балалайкою тренькай...». С. 84. Сб. Недуг бытия.

61. «Еще любовью пахнет горький порох...». С. 103. Там же. *...ах снежной пылью серебрится - воротник* — из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. I, строфа XVI): «Морозной пылью серебрится / Его бобровый воротник»; данная цитата — одна из наиболее обиходных в диалоге последующей русской литературной традиции с петербургско-пушкинским первоисточником, см. в наст. изд. стихотворение В. Булич

«Петербург» и поэму М. Веги с таким же названием, а также «Пиковую даму» С. Прегель.

62. Восстанье звезд, поэма. С. 121—138. I часть — *ВР* 1930. № 2, II часть — *ВР* 1931. № 10/12.

Часть первая. Февраль. *И снова в Дно и в Бологое* — см. комм. к стих. А. Аллина «27 февраля». *Душа дворца во мгле холодной* — имеется в виду Зимний дворец.

Часть вторая. Кронштадт. Противобольшевистское восстание кронштадтских моряков началось 28 февраля и было подавлено 18 марта 1921 г. Из новейшей литературы см.: Кронштадская трагедия 1921 года: Документы: В 2 кн. М.: РОССПЭН, 1999. В эмигрантской поэзии эта тема, помимо поэмы Андреева, получила воплощение в стих. М. Колосовой «Кронштадт» (включено в наст. изд.). С противоположных идеологических позиций она развивалась и в поэзии метрополии, см., например, отрывок из поэмы «Кронштадт» А. Брауна, печатавшийся в «Красном студенте» (1923).

Ингерманландский властелин — Ингерманландия — шведское название Ижор, см. *ТУ*.

63. Варьяции <фрагменты>. С. 160—161. Сб. Второе дыхание.

1. «Одета инеем и синим льдом...». Эпиграф из стих. Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского». *За Волгою гуляет Пугачев - огненные свадьбы* — Державин, в чине офицера, принимал участие в подавлении Пугачевского восстания. *Председатель пира* — образ из «Пира во время чумы» Пушкина. *...слова, слова, слова* — «Гамлет» Шекспира (акт II, сцена 2). *Паросский мрамор* — белый мрамор с острова Парос в Эгейском море. *Делия* — условно-литературный образ возлюбленной, восходящий в русской поэзии к римскому поэту Тибуллу (I век до н. э.), у которого она является центральным образом многочисленных элегий, см. «Делия» и «К Делии» (оба — 1816) А. Пушкина, «Tristia» (1918) О. Мандельштама, ориентирующегося на перевод Тибулла К. Батюшковым (об этом: *Бухштаб Б.* Поэзия Мандельштама // Вопросы литературы. 1989. № 1. С. 143—144).

2. «Над стогнами ночного града...». Эпиграф из стих. Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта» (1827). *Над стогнами ночного града* — аллюзия на пушкинское «Воспоминание» (1828): «Когда для смертного умолкнет шумный день / И на немые стогны града...». *Беззвучно лапу поднимает - льва* — Из множества скульптурных изображений львов в Петербурге предпочтение, вероятно, следует отдать сторожевым львам на крыльце дома А. Я. Лобанова-Ростовского (см. *ТУ*), воспетым Пушкиным: «С подъятой лапой, как живые, / Стоят два льва сторожевые» («Медный всадник»).

64. Террористы. С. 232—240. *ВР* 1927. № 3. С. 33—41. *Бересклет* (бересклед) — кустарник, из семейства крушиновых; древесина употребляется для токарных изделий. *Люблю тебя, Петра творенье!* — цитата из пушкинского «Медного всадника». *Не здесь ли Таракановой - Орлов?* Тараканова Елизавета (ок. 1745—75), самозванка, выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны от тайного брака с А. Разумовским, объявив себя претенденткой на русский престол; в 1775 г. арестована в Италии командующим русской эскадрой в Средиземном море графом Орловым Алексеем Григорьевичем (1737—1807/08) и заключена в Петропавловскую крепость; Орлов для проведения ареста разыграл обряд венчания, за что поплатился отставкой.

65. Поэма о камне. С. 277—280. *Нов* № 35/36. 1947. *Александр Вадимович Андреев* (1937), сын В. Андреева. На протяжении долго-

го времени возглавлял переводческий отдел ЮНЕСКО. В 1968 г. тайно вывез из СССР рукопись романа А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». В настоящее время живет в Париже. В поэме описана история «гром-камня», послужившего подножием Медному всаднику. *Александр, настигая, в погоню идет* — Речь идет о князе Александре Невском (1221—63), возглавлявшем русское войско в битвах со шведами за северо-западные границы Руси. *Ночь Ивана Купала* — народное название праздника рождения Иоанна Предтечи (24 июня / 7 июля). *Петр к одинокому камню - закурил* — По народной легенде, Петр I самолично взбирался на скалу, от которой ударом молнии был отколот «гром-камень». *Он был положен - корабли* — см. *ТУ* — Адмиралтейская крепость, Сенатская площадь. *Туда, где сжали - болотистой земли* — аллюзия на Вступление к «Медному всаднику» Пушкина. *Гранитные обтачивая звуки - сердце трепетало* — Имеются в виду два стихотворения М. Ломоносова с одинаковым названием «Надпись к статуе Петра Великого» (1748). *Вдали Адмиралтейская игла - душа ночная* — аллюзия на Вступление к «Медному всаднику». *Здесь над Сенатской площадью - вечер декабря* — Восстание декабристов. *Кааба* — название мусульманского храма в Мекке, внутри которого, в северо-восточном углу, находится «черный камень» Каабы; предание гласит, что этот камень упал с неба на землю и был белым как снег, но со временем почернел из-за грехов человечества.

66. На пушкинской Черной речке. С. 305. Звезда. 1967. № 12. С. 4.

Аничкова-Таубе Софья Ивановна, баронесса (1888, Харьков — 3 декабря 1957, Париж). Дебютировала как поэт в петербургской газете «Свет» и журналах «Север» и «Ежемесячные сочинения». По ее словам, первое стихотворение написала в 12 лет, и его принял к печати В. П. Буренин. До революции вышли ее книги «Рассказы и юмористические стихотворения» (СПб., 1908), «Страсть и разум. (Супруги): Комедия в 1 д. и 2-х карт. в стихах» (СПб., 1906), «Три пути: Стихотворения» (СПб., 1908), а также «Преступление или безумие? Воспоминания об Андрее Гилевиче» (СПб., 1910) и «Союз недовольных. Пьеса в 1 д.» (СПб., 1906). Была редактором журналов «Сказки жизни» и «Весь мир». В 1919 г. издавала в красном Петрограде журнал «Новые искры» (издание культурно-просветительского отдела Экспедиции заготовления государственных бумаг), вышел один номер.

Интересные воспоминания о литературном быте 1918—21 гг. в Петрограде содержатся в ее книге «Загадка Ленина. Из воспоминаний редактора» (Прага: Изд-во «Морского журнала», 1935), и подробнее в рукописи «Вечера поэтов в годы бедствий» (Бахметевский архив Колумбийского университета), ср. чешский перевод: «Mluvila jsem sa Leninem» (Praha: Orbis, 1941). О ней в этот период см.: *Иванов Г.* Собр. соч. в 3 тт. Т. 2. М.: Согласие, 1994. С. 198—199; *Рождественский Вс.* Страницы жизни. М., 1974. С. 354; ср.: *Тименчик Р.* О фактическом субстрате мемуаров Георгия Иванова // De visu. 1994. № 1—2. С. 67. О хранившемся у нее альбоме автографов петроградских писателей см.: *Ильинская О.* У Петербургской лампы. Литературные вечера у баронессы С. И. Таубе // *Руб* 1938. № 40. С. 5.

В 1925 г. эмигрировала в Чехословакию, где прожила до 1949 г., активно сотрудничала в чешской печати. См. ее доклад «Вечера богов в советском Петрограде», сделанный 24 мая 1929 г. в чешско-русском объединении (Хроника культурной, научной и общественной жизни

русской эмиграции в Чехословацкой республике / Под общ. ред. Л. Белошевской. Прага, 2000. Т. 1. С. 355). Помимо упомянутой «Загадки Ленина», издала в Праге: сборник стихов «Бесконечность — без мгновенья» (1928) и книгу «Счастье человека» (после 1939). Оттуда переехала во Францию.

Автор книги «Записки молодящейся старухи» (Париж, 1928), о которой ТРБ <П. Пильский> писал как о неудавшейся, грубой и безвкусной (*Сег* 1928. № 278. 13 октября. С. 8), а в литературной хронике *ВР* отзыв на нее имел многоговорящее название «Литературные задворки» (1929. № 1. С. 127—128).

К петербургской теме см. ее очерк «Пасха в Петрограде в 1925 году» (*Воз-1* 1926. № 334. 2 мая. С. 3).

О ней см.: *Сперанский В.* Поэзия вечно-женственного // *РМ-2* 1954. 20 мая; *Т<аубе?> Э. Н.* Неутомимая (памяти С. И. Таубе). Письмо из Франции // Новая заря (Сан-Франциско). 1957. 31 декабря; *Кутырина Ю.* Доброй памяти С. И. Таубе-Аничковой // Русское воскресение (Париж). 1958. 8 февраля; *К<овалевский> П.* С. И. Таубе-Аничкова. К годовщине ее кончины // *РМ-2* 1958. 29 ноября.

67. В 1812 году. Печ. по: *Аничкова С. (Баронесса Таубе).* Бесконечность — без мгновения. Прага, 1928. С. 63—67.

68. Сон Петра Великого. Там же. С. 68—71.

Антонова Елена Анатольевна (в замужестве Дворжицкая; 1900? 1904? — 80-е годы, США). Жена поэта Н. Алла (см. в наст. изд.). В автобиографической справке писала: «Родилась в поезде на пути из Сибири в Петербург. Детство провела в г. Зея, Амурской области, где окончила гимназию.

В Америке, в г. Сиэтл, окончила университет с дипломом горного инженера и геолога; работала металлургом в штатах Вашингтон, Айдахо, Монтана, Аляска, Калифорния, Пеннсильвания и Нью-Йорк, где, после отравления глаз, переключилась на работу гражданского инженера по проектированию шоссейных дорог и мостов, что и продолжаю в настоящее время.

Стихи начала писать в раннем детстве. Все написанное до приезда в Америку погибло во время землетрясения в Японии. В течение 20 лет писала стихи для ежегодного журнала «День Русского Ребенка» (Сан-Франциско); печатались стихи в газетах Сан-Франциско, в «Новом Русском Слове» (Нью-Йорк), в «Новом Журнале» и «Новоселье». В 1944 г. выпустила книгу стихов «Отражения» (распродана). Участвовала в сборнике Кружка Русских Поэтов в Америке «Четырнадцать» (1949) и в сборнике Литературно-Художественного кружка в Сан-Франциско «У Золотых Ворот» (1957)» (*Сод* С. 507).

В рецензии на сборник стихов «Град Китеж» (Нью-Йорк, 1956), который вышел под фамилией Дворжицкой, Н. В. С<танюкович> писал: «Стихи этой поэтессы технически несовершенны, не соответствуют канону, но в этих строчках столько душевной чистоты, такая вера и любовь к Творцу, что читаешь их умиленно и радуешься этому облику русской женщины. И чем проще тема стихов Дворжицкой, тем они милее в своей безыскусственности» (*Воз-2* № 53. 1956. С. 141).

См. ее воспоминания «Потрясение» // Русская женщина в эмиграции. Литературно-художественный кружок в Сан-Франциско и Берклее, 1922—1970. Вашингтон, 1970. С. 12—17.

69. Сон о Петербурге. Печ. по: *Антонова Елена.* Отражения. Нью-Йорк: Изд-во Кружок Русских Поэтов в Америке, 1944. С. 9—10. *Лихач* — извозчик на хороших, быстрых лошадях, который нанимался за повышенную плату, ср.: «На поворотах Невского — к Михайловской, к Конюшенной, — сидели бочком на облучке лихачи. Они смотрели поверх простых прохожих, презирали их. Белые рукавицы были у них засунуты за пояс; сам пояс был кожаный с чеканными, похожими на фигурные пуговицы, пупырышками. Иногда пояс был широкий, матерчатый, нестерпимо синего цвета: должно быть, только что купленный. Там, где кафтан застегивался, справа, почти подмышкой — были видны совсем круглые, как шарики, серебристые пуговицы — пять или шесть подряд. Летом шляпа была синяя с загибами справа и слева, с твердым, замысловатым верхом и с пряжкой впереди. Особая, неповторимая кучерская шляпа питерского извозчика. Зимою меховая, круглая шапка была с синим верхом, лихая. Меньше трех рублей в конец нельзя было взять. Да и стояли они, ведь, у Медведя и пред Михайловской гостиницей, сажали гусарских седоков и дам в голубых ротондах с огромным, белым мехом, — ездили в Новую Деревню, на Острова, на Стрелку, по широким торцам Каменноостровского, туда, мимо скверов, мимо кругленьких башен нового буддийского храма, к Крестовскому, к Ольгину острову, на дачи» (*Горный* С. 46—47). *А с пристани - «...босой соловей»* — Речь идет о пароходике финляндского пароходного общества, занимавшегося в Петербурге морским и речным извозом (ср. в стих. М. Струве «Елагин остров»: «И синий пароход финляндский / Скрывался в песнях и огнях»); сравнение с соловьем имеет, вероятно, «музыкальную» ассоциацию, ср.: «Какой-то пароходик, таща за собой две огромные (точно беременные) барки, задорно свистел тонким, чуть хриплым гудком и даже делал какие-то эволюции и повороты около пристаней "Финляндского легкого пароходства"» (*Горный* С. 41).

Бабкина (в замужестве: Кернан) Ксения Борисовна (1903 — до декабря 1968), балерина. Отец — известный профессор-физиолог, президент Канадского физиологического общества (1945, 1946) Борис Петрович Бабкин (1877—1950). В 1922 г. отец был приговорен к административной высылке из России (см.: *Сухарев Ю.* Материалы к истории русского научного Зарубежья. Кн. 1. М., 2002. С. 33—34). Мать — Александра М ксимовна (ум. 1939), врач-гистолог. Семья эмигрировала сначала в Константинополь, затем в Лондон, США и наконец — в Канаду. Отец Бабкиной преподавал в Мэнгилльском университете в Монреале, где его посетил И. П. Павлов, работавший с ним в России (о Павлове он написал книгу, ее перевод на английский язык осуществила Ксения).

См.: *Сов* № 17/18. 1968.

70. Стихи о Петербурге. Печ. по рукописи, присланной в 1922 г. в редакцию *РМ-1* с рекомендацией Г. Флоровского, друга матери Е. И. Бабкиной (Hoover Institute). *Карсавина Тамара Платоновна* (1885—1978), балерина; дочь балетного педагога П. К. Карсавина, сестра философа Л. П. Карсавина.

Бальмонт Константин Дмитриевич (3 (15) июня 1867, Гумнищи Шуйского уезда Владимир. губ. — 23 декабря 1942, Нуаузи-ле-Гран, Франция). Эмигрировал в июне 1920 г. по официальному разреше-

нию. Через Ревель и Берлин добрался до Франции. Первое время поселился в Париже, затем в июле 1921 г. перебрался в местечко Сен-Бревин-ле-Пен в Бретани, на берегу океана, затем, в 1927 г., — в Капбретон, в 30-е гг. жил в Кламаре (вблизи Парижа). Принимал активное участие в полемике с Р. Ролланом по поводу свободы творчества в Советском Союзе (1927—1928). Умер в приюте «Русский дом» под Парижем. Несмотря на то что былая слава Бальмонта в эмиграции заметно поубавилась, для многих он продолжал оставаться одной из крупнейших величин русской культуры, см., к примеру, сообщение о вечере его памяти, устроенном 3 апреля 1943 г. нью-йоркским Обществом приехавших из Европы, в котором приняли участие Е. А. Балиева-Комиссаржевская, М. Л. Слоним, В. И. Лебедев, С. Поляков-Литовцев, З. Троцкая и И. Гринштейн (Заря <Нью-Йорк>. 1943. № 7. 1 апреля. С. 14), см. также стих. «На смерть К. Д. Бальмонта» присутствовавшей на этом вечере З. Троцкой (в ее сб. Отголоски. Нью-Йорк, 1944. С. 57—58).

См.: Неизвестные письма Константина Бальмонта в архивах Чехословакии / Публ. Л. Лаптевой // Русская литература. 1990. № 3; Письма К. Д. Бальмонта к Дагмар Шаховской / Публ. и прим. Ж. Шерона // Звезда. 1997. № 8, 9; Письма К. Д. Бальмонта И. А. Бунину / Вступ. замет. Ж. Шерона. Публ. и прим. Р. Дэвиса и Ж. Шерона // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002; *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* «Поэт с утренней душой»: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта. М.: Индрик, 2003.

71. Медный всадник. Печ. по: Альманах «Медный Всадник». Берлин. 1923. С. 24; Бальмонт К. Д. В раздвинутой дали: Поэма о России. Белград, 1930. По поводу последней строфы Г. Струве писал: «Не может погибнуть страна, которой Бог дал "Медного Всадника" — Петра» (Струве Г. Бальмонт — певец России // Россия и славянство (Париж). 1930. № 70. 29 марта. С. 3).

72. Камнеград. Печ. по: *Бальмонт Константин.* Марево: Стихи 1917—1921 гг. Париж, Изд-во «Франко-русская печать», 1922. Впервые: *ПН* 1921. № 508. 11 декабря. С. 2 (с обозначением места и времени написания — «Бретань, 1921, 6 дек., ночь»); перепеч. в газете «Русское эхо» (Шанхай). 1922. № 479. 12 февраля. С. 4. В письме к И. Бунину от 13 декабря 1921 г. Бальмонт спрашивал: «Как Вам показался мой "Камнеград"?» (Письма К. Д. Бальмонта И. А. Бунину. С. 35). *Камнеград* — калькированный перевод на русский Петрограда (от Петр — камень, *греч.*)

Башкиров (Верин) Борис Николаевич (псевдоним Алтаир). Поэт из окружения И. Северянина (см. включенное в наст. изд. его стихотворение «Борису Верину»), участвовал в его поэзоконцертах (см. *Н. Б<ернштейн>*. «В стране безразумных чудес» (22-й поэзо-вечер Игоря Северянина) // Петроградское эхо. 1918. 25 января) и получил от него в подарок «Поэзу строгой точности» (Эхо. 1917. 27 декабря). Сборник стихов Северянина «Соловей» (Москва-Берлин: «Накануне», 1923) имеет посвящение:

«Борису Верину — Принцу Сирени

Вы — Принц Фиолевый Сирени
И друг порхающей листвы.

Весенней осени, осенней
Весны нюанс познали Вы...»

Ср. «Письмо в редакцию», в котором объясняется, что Борис Верин никогда не был большевиком или сочувствующим, а звал «сиреневого короля» в Петроград, чтобы забыть «бесчисленные гробы» и «взбунтовавшихся рабов» (Зарницы [Константинополь]. 1921. № 5).

В «Заметках о Маяковском» тот же Северянин замечал о А. Кусикове и Башкирове, что «стихи у них были добротного качества» (*Северянин Игорь.* Сочинения (Сост. С. Исаков, Р. Круус). Таллинн: «Ээсти раамат», 1990. С. 408). Иного мнения придерживалась И. Одоевцева (воспоминания «На берегах Сены»), которая видела в Башкирове «полупоэта» (*Одоевцева И.* Избранное: Стихотворения. На берегах Невы. На берегах Сены. М.: Согласие, 1998. С. 573).

Участвовал наряду с Блоком, Гумилевым, Кузминым, Г. Ивановым. Оцупом и другими в вечере петроградских поэтов в Доме искусств 29 декабря 1919 г. (Жизнь искусства. 1920. № 334—336. 3—5 января), ср. в воспоминаниях Н. Чуковского: «Стихов Верина Николай Степанович <Гумилев> не печатал никогда, но давал ему выступать на литературных вечерах, устраиваемых "Цехом"» (*Чуковский Н. К.* Литературные воспоминания. М.: Советский писатель, 1989. С. 34). Вечер, проведенный у него с О. Мандельштамом (Калашниковская наб., 52, собственный дом), вспоминал А. Лурье в очерке «Детский рай» (Воздушные пути (Нью-Йорк). 1963. № 3. С. 171—172). См. о нем в показаниях Н. Гумилева в августе 1921 г. (с невольной или сознательной хронологической неточностью): «Летом прошлого года я был знаком с поэтом Борисом Вериным и беседовал с ним на политические темы, горько сетуя на подавление частной инициативы в Советской России. Осенью он уехал в Финляндию, и через месяц я получил в мое отсутствие от него записку, сообщающую, что он доехал благополучно и хорошо устроился».

Из Петрограда эмигрировал в Финляндию в 1919 г., жил в Гельсингфорсе (Хельсинки) в Munksuas pensionat, печатался в журнале «Дни нашей жизни» (напр., ст-ние «Ундоры», 1923. № 2—4. С. 5), газете «Новая русская жизнь», см. в этой газете информацию Ю. Григоркова (1921. № 32. 9 февраля. С. 4) о его лекции, посвященной современной русской поэзии, которую он прочел 30 января в русской гимназии Гельсингфорса — разговор шел о Бальмонте, Брюсове, Блоке и Северянине. Затем, благодаря стараниям его ближайшего друга композитора С. С. Прокофьева, перебрался во Францию, жил в Париже и на снятой Прокофьевым даче в окрестностях Нанта. Оттуда отправился в Америку к своему брату, крупному бизнесмену В. Н. Башкирову, см., его статью «Опомнитесь, люди!», напечатанную в «Новой русской жизни» (1921. № 236. 14 октября) и подписанную: Нью-Йорк, 25 сентября 1921. 25 февраля 1922 вместе с Прокофьевым вернулся в Европу и поселился в Германии. Жил на даче в Эттале (под Мюнхеном), снятой Прокофьевым, который написал на его слова один из романсов в цикле Op. 23 Trust me (18 июня 1922 г. композитор писал Э. Дамской: «Я много работаю, меньше гуляю и по вечерам играю с Б<орисом> Н<иколаевичем> в шахматы. Затеяли мы с ним конкурс: кто лучше переведет сонеты Эредия (H.-M. de Heredia), в сонетной же форме. В этих сонетах сам черт ногу переломит. В жюри выбраны Бальмонт и Северянин...», *Нестьев И.* Жизнь Сергея Прокофьева. М., 1973. С. 222—223), ср. переводы Башкирова-Верина из Эредиа в *Зв* 1923. № 44. 3 декабря. С. 2. Берлинскую встречу с ним и Северяниным в своих воспоминаниях «На берегах

Сены» (М.: Худ. лит., 1989. С. 8—12) описывает И. Одоевцева, с которой у него был роман (см., напр., в «Дневнике» С. Прокофьева. Ч. 2. Paris, 2002. С. 210). В Берлине печатался в «Голосе России» (см., в частности рассказ «Ближний», публиковавшийся с 7 по 10 января 1920 г.; в основу которого легли события Первой мировой войны) и *Р.* Жил во Франции, работал таксистом, изредка появлялся на страницах *ИР* и во французской периодической печати.

73. Питер. Печ. по: Новая русская жизнь. 1920. 22 октября (подпись: «Сириус»). Парафраза стихотворения О. Мандельштама «Поговорим о Риме — дивный град!» (1914). Публикация снабжена примечаниями: «Слова "Готовься, Петроград" заимствованы из приказа Троцкого в дни наступления Юденича на Петроград» (что, между прочим, отражено и в советской поэзии, см., напр., «Ты не смей дремать, / Трудовой народ, / Как под Питером / Рать Юденича» в поэме Есенина «Песнь о великом походе», 1924); «На Невском около Городской думы стоит огромный бюст Лассаля, своим безобразием портящий весь вид этой красивой улицы. Бюст этот виден отовсюду. Нас всюду преследует жуткий холод при виде изображения человека, "темя" которого прикрывало идеи, ныне уродливо и страшно воплощенные». Ср.: *Тименчик Р. Д.* Из комментариев к мандельштамовским текстам // Пятые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 131—132. *Трудармия* — отряды Красной армии, занимавшиеся в 1917—22 гг. восстановлением народного хозяйства. *Чекушка* — народное название ЧеКа.

74. Петрополь. Печ. по: Новая русская жизнь (Гельсингфорс). 1920. № 238. 25 ноября. С. 3. Эпиграф — из стихотворения С. Я. Надсона «Не говорите мне: он умер, — он живет» (1886).

75. О, Петроград. Впервые: Новая русская жизнь. 1920. № 248. 7 декабря. С. 2. Печ. по: *ИР* 1924. № 8. С. 8. Под названием «Петроград» напечатано в *Воз-2* (№ 54. 1954. С. 43).

76. В Петербурге. Печ. по: Новая русская жизнь. 1921. № 235. 13 октября. С. 3. *И петербургская Бастилья* — т. е. Петропавловская крепость.

Берберова Нина Николаевна (26 июля (8 августа) 1901, Петербург — 26 сентября 1993, Филадельфия). В авторской справке о Берберовой сказано: «Родилась в 1901 г. в Петербурге. Из России выехала в июне 1922 года. В феврале 1922 г. в первый раз напечаталась в сборнике "Ушкуйники" <...>, вместе с Н. Тихоновым и Н. Чуковским. С 1925 по 1950 жила в Париже и участвовала в русской периодической прессе (журнал "Современные Записки", газета "Последние Новости" и др.). В 1926 г. была соредактором молодого эмигрантского журнала "Новый Дом". В 1948—1950 гг. была редактором литературной страницы парижской русской газеты "Русская Мысль".

За годы парижской жизни Берберова издала около десяти книг: три романа, биографию Чайковского <см. негативную реакцию на нее в письме М. Карамзиной И. Бунину от 23 февраля 1938 г., (Лит. наследство. Т. 84. Кн. 1. М.: Наука. С. 667>, биографию Бородина, книгу повестей "Облегчение участи", репортаж судебного процесса Кравченко и др. Биография Чайковского была переведена на шесть языков. В 1938 в русском театре была поставлена пьеса Берберовой "Мадам".

В 1950 Берберова переехала в США. С 1958 по 1963 г. она преподавала русскую литературу в Иельском университете, с 1963 г. —

профессор русской литературы Принстонского университета (аспирантские классы).

В США принимала ближайшее участие в "Новом Журнале", печатая там рассказы, стихи и статьи о литературе. В 1958—1962 гг. состояла членом редакционной коллегии альманахов "Мосты". Ею за последние годы опубликованы историко-литературные материалы (письма Тургенева к Генри Джеймсу, "Три года жизни Горького", переписка Гершензона и Вяч. Иванова с В. Ф. Ходасевичем и др.). Под ее редакцией вышли в издательстве имени Чехова "Литературные статьи и воспоминания В. Ф. Ходасевича". Она была редактором-издателем "Собрания стихов Ходасевича" (Мюнхен, 1961).

В настоящее время Берберова заканчивает свою автобиографию, над которой работает с 1960 года. Книга выйдет одновременно на русском и английском языках» (*Сод* С. 509—510). Английское издание мемуаров Берберовой «The Italics Are Mine» («Курсив мой») вышло в 1969 г., русский вариант — Мюнхен, 1972 (2-е изд., испр. и доп., Нью-Йорк, 1983). Книга была встречена разносной рецензией Р. Гуля (*НЖ* № 99. 1970. С. 283—292; вошла в его кн. «Одвуконь», 1973).

Пробовала себя в юмористическом жанре, см. ее «Шахматную поэму», опубликованную в парижском «Сатириконе» (1931. № 11. 13 июня. С. 4).

Живя в Париже, издала несколько романов: «Без заката» (рец.: Г. Адамович в *ПН* 1938. № 6346. 11 августа. С. 3; Д. Кнут в *РЗ* 1938. № 10. С. 198—199).

Впоследствии написала и издала книгу «Железная женщина» (1983) — о М. Закревской-Будберг, исследование о масонах «Люди и ложи» (1987). Автор двух сборников стихов — «Из книги "Наше сердце"» (Париж, 1933) и «Стихи. 1921—1983» (Нью-Йорк, 1984).

См. ее петербургские воспоминания, с приложением к ней писем Л. Лунца (*Оп* № 1. 1953. С. 163—180).

См.: некрологи в *РМ-2* 1993. № 3993. 30 сентября—6 октября (А. Гинзбург), № 4000. 14—20 октября (А. Сумеркин).

См.: *Kalb Judith E.* Nina Berberova: Creating an Exiled Self // Russian Literature. № 50. 2001. P. 141—162.

77. Петербург. Печ. по: Сполохи (Берлин). 1923. № 21. С. 1. Вошло в *Мы жили* Т. 3. С. 310. *Когда в пустынном коридоре - меня встречать* — Обращено, по-видимому, к В. Ходасевичу, жившему в Доме Искусств, который современники сравнивали с кораблем — ср. повесть Ольги Форш «Сумасшедший корабль» (1930).

78. 7 августа 1921 года. Печ. по: Неизвестная Берберова: Роман, стихи, статьи. СПб.: Лимбус Пресс, 1998. С. 76—77. Под названием «8 августа 1921 года» включено в *Я* С. 87—88. 2-ю и 3-ю строфы приводит по памяти Ю. Анненков в воспоминаниях о Блоке (*НЖ* № 47. 1956. С. 131), вошедших в его книгу «Дневник моих встреч» (Нью-Йорк, 1965—66). О Блоке Берберова писала в статье «25 лет смерти А. А. Блока» (Орион: Литературный альманах / Под ред. Ю. Одарченко, В. Смоленского и А. Шайкевича. Париж, 1947. С. 108—112). *Я помню день тому пять лет назад* — Ср. в ее мемуарах описание потрясения от известия о блоковской смерти: «Чувство внезапного и острого сиротства, которое я никогда больше не испытала в жизни, охватило меня. Кончается... Одни... Это идет конец. Мы пропали... Слезы брызнули из глаз» (*Берберова Н. Н.* Курсив мой: Автобиография / Вступ. ст. Е. В. Витковского; Коммент. В. П. Кочеткова, Г. И.

Мосешвили. М.: Согласие, 1996. С. 154). *На одеяле первые цветы* — В тех же мемуарах рассказывается, как она приходила прощаться с мертвым Блоком: «Вхожу в темную переднюю, направо дверь в его кабинет. Вхожу. Кладу цветы на одеяло и отхожу в угол. И там долго стою и смотрю на него» (Там же. С. 156).

79. Из стихов о прошлом. Там же. С. 115—116. *Торцы меняли на Морской* — Берберова родилась в доме на Б. Морской улице. Отец — *Николай Иванович Берберов* (1868—1942?) был чиновником по особым поручениям при министерстве финансов; мать — *Наталия Ивановна Караулова* (1877—1942?), дочь тверского помещика и земского деятеля. *...и в Дублине еще - в углу своем* — Имеется в виду Джеймс Джойс (1882—1941), живший в это время еще в Ирландии (эмигрировал в 1904 г.). *А в Вене собрались уже студенты* — намек на З. Фрейда (1856—1939), профессора Венского университета с 1902 г. *И в доме у реки - на формулу свою* — А. Эйнштейн (1879—1955), учившийся с 1893 г. в Цюрихе и принявший в 1901 г. швейцарское гражданство (Цюрих расположен на реке Лиммат); в 1905 г. ученый создал частную теорию относительности. *...не снились, друг Горацьо - фантастам...* — Цитата из шекспировского «Гамлета» (конец I акта): «Гораций, в мире много кой-чего, / Что вашей философии не снилось» (пер. Б. Пастернака). *Моне Клод* (1840—1926), французский художник-импрессионист; одна из самых известных его картин — «Руанский собор», написана до рождения поэтессы (1893—95). *Малер Густав* (1860—1911), австрийский композитор, дирижер и оперный режиссер еврейского происхождения; 6-я симфония, «Трагическая», писалась в 1903—04 гг. В предисловии ко 2-му изданию книги «Курсив мой» автор пишет еще об одной исторической параллели ко дню своего рождения: «8 августа 1901 года Томас Эдисон, работая в Калифорнии и изобретая XX век, зажег небольшую электрическую лампочку в одном из калифорнийских пожарных депо» (*Берберова Н. Н.* Курсив мой. С. 25).

Бикерман Яков Иосифович (1898, Одесса — 1978), сын публициста Иосифа Менассиевича Бикермана и брат историка Ильи Иосифовича Бикермана. По образованию — химик, автор или соавтор семи монографий; выпускник Петербургского университета, эмигрировал в Германию, работал с 1922 г. в Институте кайзера Вильгельма, в 1936 г. уехал в Англию, где работал в Манчестерском и Кембриджском университетах, в 1945 г. переехал в США, возглавив лабораторию в Массачусетском технологическом институте.

Как поэт выступил в берлинских сборниках «Роща» (1932) и «Невод» (1933). Ср. в газетном отчете о прениях после лекции Г. П. Струве «Сегодняшний день в русской поэзии»: «Студент Бикерман говорил о творчестве А. Ахматовой» (Дни. 1923. № 61. С. 5). По-видимому, планировал издание в Берлине сочинений Гумилева и писал по этому поводу Ахматовой — см. набросок ее ответного письма (ИРЛИ. Коллекция П. Н. Лукницкого).

80. «В прощальный час, в последний раз...». Печ. по: Роща: Второй сборник берлинских поэтов. Берлин: Слово, 1932. С. 7—8.

Блох Раиса Ноевна (17 сентября 1899, Петербург — 1943, Германия). Родилась в семье присяжного поверенного Н. Л. Блоха. Окончила Таганцевскую гимназию. Занималась в студии перевода М. Л.

Лозинского, которую окружала атмосфера поклонения Петербургу — ср. характерный эпизод в дневнике 1920 г. одной из студисток: «...ходили смотреть памятник Николаю I, ранее подробно рассматривали "Медного всадника", когда <А. И. Оношкович-Яцына> спросил<а>: "Вы встали на цыпочки и поцеловали копыто коня?" — "Нет — я почтительно наклонился и поцеловал его, ответил <М. Л. Лозинский>. <...> — Тот конь — Россия, а этот — Третье отделение", — был остроумный ответ» (*Минувшее* Т. 13. С. 387). В 1920 г. была принята во Всероссийский союз поэтов. М. Лозинский как член приемной комиссии написал в своем отзыве: «В стихах Раисы Блох есть лиризм, есть несомненный песенный строй. По-моему, на нее можно надеяться. Я бы высказался за принятие ее в члены-соревнователи», Гумилев приписал: «Согласен с М. Лозинским», а следующий за ними Блок: «Разумеется, и я согласен. Только что же будут делать они, собравшись все вместе, такие друг на друга похожие бессодержательностью своей поэзии и такие различные как люди?» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 689). В 1919—20 гг. училась на историческом отделении факультета общественных наук Петербургского университета, специализировалась по медиевистике под руководством О. А. Добиаш-Рождественской (см. фрагменты из писем Блох к ней в статье В. Кельнера «"Здесь шумят чужие города и чужая плещется вода..." (о поэтессе Раисе Блох)» // Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе. Вып. 1: 1919—1939 / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. С. 253—263). Свое историческое образование завершила в университете Берлина, куда эмигрировала в 1922 г. Работала в издательстве «Петрополис», в организации которого еще в Петрограде важнейшую роль сыграл ее брат Я. Н. Блох (1892—1968); в этом же издательстве вышли все три прижизненных сборника поэтессы: «Мой город» (1928), «Тишина» (1935) и «Заветы» (1939) (последний состоит из ее стихов и стихов Мирры Лот-Бородиной и издан в Брюсселе, куда к тому времени переехало издательство). Входила в Берлинский поэтический кружок и участвовала во всех трех его коллективных поэтических сборниках: «Новоселье» (1931), «Роща» (1932) и «Невод» (1933). В Берлине познакомилась со своим будущим мужем М. Горлиным (1909—44), погибшим впоследствии в нацистском концлагере. В 1933 г. бежала из гитлеровской Германии в Париж и устроилась на работу в Национальную библиотеку. В годы II-й мировой войны пережила трагедию депортации в Германию мужа и смерть дочери. Схвачена в 1943 г. при переходе швейцарской границы. Погибла в концлагере.

Была знакома с Е. Замятиным, см. его письмо к ней (РГАЛИ. Ф. 2853. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 1).

В сдержанной рецензии на «Мой город» В. Набоков писал, что она пропитана «холодноватыми духами Ахматовой» (*Р* 1928. № 2213. 7 марта). О той же вторичности, подражательности Ахматовой говорилось в рецензии Е. Базилевской на второй сборник Блох (Новь (Таллин). № 8. 1935. С. 191). В иной тональности написана рецензия на «Мой город» К. М<очульского>, отмечавшего, что, начиная со стихов

Мне был отчизной город белый,
Где ветер треплет вымпела,

поэтесса «...сразу вводит нас в особенный, пленительный мир "петербургской школы". Р. Блох не порвала связи со своими учителями и друзьями, оставшимися там, в "золотом, широкозвонном" городе, в ее песнях — отклики далеких голосов. Она — из их семьи, из их

высокого рода. Ее роднит с Ахматовой, Гумилевым, Мандельштамом, Кузминым, М. Лозинским — строгая сдержанность образов и холодная прозрачность слов. У нее — любовь к точному, простому выражению, к "классическому" спокойному ритму — к мере и числу». Критик отмечал, что «этот сборник посвящен Петербургу: он связан с ним не только заглавием и именем издательства, но и поэтическими темами и всем строем своего лиризма» (*Зв* 1928. № 3. С. 173).

В связи со сборником «Тишина» М. Цетлин отмечал, что поэзия Блох — «чистая лирика и держится на прямом и открытом выражении чувства. Дар сильного и сосредоточенного чувства — это редкий дар, и умение самоуглубляться — чуть ли не половина поэтического подвига. Плохие поэты предпочитают «литературщину», подражательное выражение чужих чувств. Раиса Блох говорит всегда о своем. Но она ищет не лучшего, а наиболее правдивого выражения. Она умеет опускать свой поэтический лот в глубину, туда, где царит "тишина"» (*Цетлин Мих.* О современной эмигрантской поэзии // *СЗ* № 58. 1935. С. 456); Г. Адамович подчеркивал принадлежность поэтессы к тому типу поэтов, «для которых искусство и жизнь есть одно и то же: она пишет о том, чем живет; она живет в том, что пишет...» (*ПН* 1935. № 5054. 24 января. С. 2), а В. Ходасевич писал о «Тишине»: «...теперешние стихи ее звучат более самостоятельно, чем звучали прежние, в которых были еще сильны отголоски той "почти школы", которая сложилась в поэтическом Петербурге начала двадцатых годов. Вообще тот Петербург и та пора, действительно имевшие в себе много поэтического, по-видимому, сыграли очень важную роль в душевной и стихотворной жизни Раисы Блох. <...> для Блох <характерно> чувство, в основе которого — неизбывное, неутолимое, глубоко трогающее тоскование все по том же утраченном Петербурге. Не потому ли в ее стихах, далеко не всегда совершенных, но милых, — так много веры и любви — и так мало надежды?» (*Воз-1* 1935. № 3585. 28 марта. С. 4).

Посмертно издана книга ее и М. Горлина «Избранных стихотворений» (Париж: Рифма, 1959), см. рец. на нее: Е. Каннак (*НЖ* № 57. 1959. С. 290—292), А. Биск (*НРС* 1959. № 17048. 22 ноября. С. 8); см. посвященное их памяти стих. знавшего их по Берлину Ю. Джанумова «Спаслись, уцелели, ушли от меча» (*НЖ* № 26. 1951. С. 131—132).

О Р. Блох см. мемуарный очерк «Памяти ушедших...» близко ее знавшей Е. Каннак в кн.: *Каннак Е.* Верность: Воспоминания. Рассказы. Очерки. Paris: YMCA-Press, 1992. С. 150—167; *Воронова Т. Н.* Раиса Блох — русская поэтесса и историк западного Средневековья (из переписки с О. А. Добиаш-Рождественской) // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы: Сб. научн. тр. Л., 1989.

81. «Мне был отчизной город белый...». Печ. по: *Блох Раиса.* Мой город. Берлин: Петрополис, 1928. С. 9—10. Первоначально: *Зв* 1926. № 165. 28 марта. С. 9.

82. «Милый, светлый, синий воздух!..» Там же. С. 13—14.

83. «Принесла залетная молва...». Печ. по: *Блох Раиса.* Тишина. Берлин: Петрополис, 1935. С. 47. Напечатано в сб.: Роща: Второй сборник берлинских поэтов. Берлин: Слово, 1932. С. 14, с первым стихом «Принесла случайная молва», так же и в *Я* С. 184—185. Приведено полностью в вышеупомянутой статье В. Ходасевича «Новые стихи». Включено в *НЗ* С. 101, *Мы жили* Т. 2. С. 269, *ВРС* С. 83. Положенный на музыку А. Вертинским и вошедший в его песенный репертуар,

этот текст потерял своего истинного автора. См. в кн.: *Вертинский Александр.* Песни и стихи. 1916—1937. Изд. книжного магазина «Глобус» (б. м., б. г., б. с.), где авторство приписано самому Вертинскому.

84. «С тех пор, как я узнала...». Там же. С. 48.

Бобринский Петр Андреевич (15 ноября 1893, Петербург — 24 августа, 1962, Нейн-сюр-Сен, вблизи Парижа). Родился в знатной семье, имевшей графский титул, отец — А. А. Бобринский (1859—1930), член Государственного совета; мать — графиня Е. П. Шувалова (1864—1932). Князь П. А. Оболенский упоминает в воспоминаниях о том, что Бобринский «с раннего детства всех поражал способностью писать стихи» (*Оболенский П. А.* «Старые годы»: Семейные записки князей Оболенских // *НЖ* № 174. 1989. С. 230). Окончил 6-ю петербургскую гимназию, учился в Петербургском Политехническом институте и, из-за начавшейся войны, на офицерских курсах. Служил в Гвардейской конной артиллерии, дослужился до чина поручика. В 1919 г. вступил в Добровольческую армию, был в отряде Особого назначения по охране лиц императорской фамилии. После поражения Белого движения совершил обычный в те годы путь эмигранта из Крыма в Константинополь. В начале 20-х поселился в Париже. Входил в литературную группу «Перекресток», духовным лидером которой был В. Ходасевич. Сотрудничал в *Воз-1* (секретарь редакции) и в *ИР*. В 1935 г. член совета Российского торгово-промышленного и финансового союза. В годы Второй мировой войны подвергся аресту как масон и несколько месяцев был узником Компьенского лагеря, см. в воспоминаниях П. В. Колтышева «На страже русской чести»: «Граф Бобринский — держался замкнуто, вел себя достойно» (Русское прошлое. 1992. № 3. С. 212), ср.: *Малышева Светлана.* Автографы Компьенского концлагеря // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. V / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1996. С. 29). В своих показаниях С. Я. Эфрон подтвердил выбитое из него признание, что масон Бобринский завербовал его во французскую разведку (*Шенталинский В.* Донос на Сократа. М., 2001. С. 377).

В послевоенные годы печатался в журналах *Воз-2* и «Вестник РСХД». См. беглую, но выразительную его характеристику в книге Н. А. Кривошеиной «Четыре трети нашей жизни»: «<...> Петр Андреевич Бобринский — всегда ласковый, с мягким голосом, тихими манерами, один из самых очаровательных эмигрантов нашего поколения» (Paris: YMCA-Press, 1984. С. 155).

В 1912 г. выпустил свою первую книгу «Стихи», в рецензии на которую Н. Гумилев писал: «Его стихи метрически правильны, опрятны по рифмам, довольно образны, но в них нет ни силы, ни умеренности, ни правильного чередования света и тени, всего, что мы привыкли требовать от стихов, чтобы счесть их поэзией. В малокультурных кругах такую сплошную красивость принято считать эстетизмом. Но, ведь, это то же, что называть гастрономом человека, поедающего ложкой сахар. Это опасный признак, и скорее можно простить забавные описки, вроде — "базальтовое ложе из роз", чувства, носимые "под сердцем", "зазубренные латы" или двустишье — "в порыве — боги, гордо мы велели нам оседлать донского жеребца". Все это указывает только на крайнюю молодость автора и удерживает от окончательного приговора» (*Гумилев Н. С.* Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990. С. 151). К его посмертной парижской книге «Стихи» (1969) предисловие на-

писал Г. Адамович, отмечавший, что «стихи гр. Бобринского дребезжат в памяти долго после того, как книга закрыта. Остается впечатление непрерывного, неподдельного духовного подъема и какого-то прирожденного духовного благородства, которым каждое стихотворение проникнуто». Кроме того издал в эмиграции исследование о Г. Сковороде — «Старчик Григорий Сковорода. Жизнь и учение» (Париж, 1929; рец.: *Арсеньев Николай.* Из истории русских религиозных исканий // Россия и славянство. 1930. № 87. 26 июля. С. 4) и содержательную статью «Мысли о русском символизме» (*Мос* № 9. 1962).

85. Десятая муза. Печ. по: *Воз-1* 1927. № 856. 6 октября. С. 3. С несколько иной разбивкой на строфы включено в кн.: *Бобринский Петр.* Стихи / Предисловие Г. В. Адамовича. Париж, 1969. С. 14—16. ...*И в целом мире мы одни - зрители Европы* — Намек на книгу «Der Untergang des Abendlandes» (Bd. I, 1918; Bd. II, 1922) («Закат Европы») О. Шпенглера — о крушении европейской культуры. *Милоть* (*греч.*) — овчинка, используемая как плащ; памятна как библейский образ — милоть Ильи-пророка.

86. «Жили мы высокими мечтами...». Печ. по: *Бобринский Петр.* Стихи. С. 66. Вошло в *ВРС* С. 86—87.

Боброва Элла Ивановна (урожд. Рунг, в первом замужестве Боброва, во втором — Цукерт; 12 декабря 1911, Николаев). Выросла в Луганске (Ворошиловграде), где до войны работала бухгалтером. Обладая музыкальными способностями и учась в музыкальном училище, рассталась с мыслями о карьере музыканта, так как в 1937 г. был арестован отец, погибший в сталинском лагере, и ей пришлось материально поддерживать семью. Немка по крови, Боброва, помимо русского и украинского языков, с детства в совершенстве владела немецким, в дальнейшем выучила еще английский, испанский и французский, с которых и на которые переводила стихи (автор сборника английских стихов «Autumnal Cadenza», 1985). В 1943 г. оказалась в Германии, в лагере для перемещенных лиц. В 1950 г. перебралась в Торонто. Работала соредактором *Сов*, репортером радио «Канада». Вторым браком, с 1969 г., была замужем за композитором и дирижером Леоном Цукертом (ум. 1992), который положил на музыку ее «Сказки».

В основу романа в стихах «Ирина Истомина» (1967), написанного на широком историческом фоне, положена собственная судьба поэтессы. Автор следующих поэтических сборников, включая детские (все изданы в Торонто): «Сказка о том, как смелые снежинки помогли девочке Маринке» (1961), «Я жду чуда» (1970), «Янтарный сок» (1977).

Автор монографии об Ирине Одоевцевой (1995).

87. «Там, помню, цвело мое первое белое лето...». Печ. по кн.: *Боброва Э.* Янтарный сок. Торонто: Изд-во журнала «Современник», 1977. С. 78. *Авенир де Монфред* (1903—74), композитор, один из друзей поэтессы.

Бонгарт Сергей Романович (15 марта 1918, Киев — 3 марта 1985, Санта-Моника, предместье Лос-Анджелеса). Учился в киевской Академии художеств, продолжал обучение в Праге, Вене и Мюнхене.

Еще с довоенных времен дружил с И. Елагиным, своим киевским земляком. В 1943 г. оказался на Западе. Жил в предместье Мюнхена Зольне, где в студии, которую снимал вместе с театральным художником Б. Волковым, создал художественно-литературный клуб. В 1949 г. перебрался в США, приобрел там широкую известность как живописец и педагог (владелец престижной художественной школы в Санта-Монике, член Национальной академии художеств США, Академии западного искусства, Американского общества акварелистов и пр.); был также членом лондонского Королевского Общества художников.

Впервые как поэт опубликовался в *Гр*, затем его стихи были включены в коллективный сборник «Стихи» (Мюнхен, 1947; ему же принадлежит оформление его обложки).

См. о нем: *Завалишин Вяч.* Памяти Сергея Бонгарта // *НЖ* № 159. 1985. С. 294—301; стихи И. Елагина «Памяти Сергея Бонгарта» (*Елагин Иван.* Собр. соч.: В 2-х т. Т. 2. М.: Согласие, 1998. С. 234—235).

88. «Присела птица сонная...». Печ. по: *Мы жили* Т. 4. С. 244.

Бранд Владимир Владимирович (? — 16 марта 1942, Смоленск). Учился в кадетском корпусе. Капитан артиллерии во время Первой мировой войны, подполковник Добровольческой Армии. Член организованного Б. Савинковым Народного союза Защиты Родины и Свободы, после его разгрома — Братства Русской Правды, впоследствии — один из руководителей НТС (Народно-трудового союза российских солидаристов) в Польше (см.: *Байдалаков В. М.* Да возвеличится. Россия. Да гибнут наши имена...: Воспоминания председателя НТС. 1930—1960. М., 2002. С. 17—18). Журналист; член редколлегии газеты «Молва» и один из редакторов еженедельника «Меч»; участник варшавской «Таверны поэтов», «Антологии русской поэзии в Польше», альманахов «Шестеро» (Варшава, 1923) и таллиннской «Нови», парижского журнала «Грань». Автор пьесы «К вершинам», повести «Первая встреча», большого количества политических обозрений, публицистических статей и театральных рецензий (один из его рассказов, посланный и не принятый на конкурс *Зв*, хранится в РГАЛИ. Ф. 2475. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 1—6). Опубликовал (на множительном аппарате) сборник «Стихи» (Варшава 1932). Н. Оцуп писал о его стихах: «У Вл. Бранда в его тихой и грустной лирике — приятная скромность и мягкость. Это стихи чуть-чуть гимназические, "для себя", но осторожность и робость автора скорее от вкуса, чем от беспомощности. Стихи от 1926 г. до 32 г., очень немногочисленные (всего 20), показывают постепенное овладение техникой и позволяют надеяться на дальнейший рост этого не яркого, но чистого дарования» (*Ч* № 7/8. 1933. С. 275).

Автор стихотворного перевода Антония Слонимского «Ленинград. Белые ночи» (Молва. 1932. 12 июня. С. 2).

В 1941 г. в группе НТС перешел границу СССР для борьбы с немцами. Умер от тифа.

См.: *Исмагулова Т. Д.* Русская эмиграция в Польше (Владимир Бранд — поэт и воин «русской Варшавы») // Зарубежная Россия, 1917—1939: Сб. статей. СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 345—352.

89. Петроград. Печ. по перепечатке в газ. «Либавское русское слово» (1921. 6 ноября).

Братов Юрий (Георгий) Георгиевич (1891? — май 1956, Сан-Франциско). Родился в артистической семье и сам был актером, о чем впоследствии написал воспоминания «Жизнь моя актерская», напечатанные в нескольких номерах сан-францисской газеты «Новая заря» за март—апрель 1929 г., в которых, в частности, рассказывал: «Я любил петербургские зимы с шубами, муфтами и ботиками, с раскрасневшимися морозными личиками, но лето в кисейном платье, с томными взглядами, с загорелыми плечами... было милее мне» (Новая заря. 1932. 16 марта).

Учился в кадетском корпусе. Эмигрировал в 1921 г. Сначала оказался в Месопотамии, затем перебрался в Шанхай и наконец — в Сан-Франциско. Печатал стихи, фельетоны, очерки, рассказы в шанхайской газете «Русское эхо», в журналах «Москва» (Чикаго), «Для Вас» (Рига), участник Калифорнийского альманаха (Сан-Франциско, 1934). В его творчестве встречаются крупные поэтические и стихотворно-драматические формы: например, трагедия в стихах из времен Ассирии и Вавилона «Белита» (Русское эхо. 1922. № 588. 25 июня. С. 4), драматическая поэма «Кончита» (New York, 1958) или «Поэма Крови» (Русское эхо. 1922. № 600. 23 октября. С. 9—10) — о революционной гражданской бойне в России; см. также его новеллистическую книгу «Повесть об одном генерале и другие рассказы» (Шанхай, 1932; рец.: М. Щ<ербаков> в сб.: Врата. Кн. I. Шанхай, 1934. С. 200 — в рецензии говорилось о том, что «все содержание сборника можно целиком вместить в одну фразу: как скверно, что в России произошла революция!»); выступал как рецензент, см., к примеру, его рецензию на вышедшие в Берлине в 1922 г. «Стихи к Блоку» М. Цветаевой и «Опустошающую любовь» И. Эренбурга (Русское эхо. 1922. № 575. 10 июня. С. 4).

Изображение зимнего Петербурга встречаем в его рассказе «Студент», вошедшем в книгу «Повесть об одном генерале...».

90. Петербург. Печ. по: Русское эхо (Шанхай). 1922. № 569. 3 июня.

Британ Илья Алексеевич (27 мая (8 июня) 1885, Кишинев (Саратов?) — 15 декабря 1941, Париж). Наряду со стихами писал прозу и пьесы, публицистические статьи. Учился на юридическом факультете Казанского университета, где начал публиковать свои первые творческие опыты. По окончании университетского обучения (в Москве или Петербурге) был записан в сословие присяжных поверенных. Был слушателем Московской Православной народной духовной академии — явление редкое в еврейской среде. С 1914 по 1920 гг. провел в монастыре. В 1921 г. был депутатом Московского совета от беспартийных. Написал открытое письмо Ленину о произволе власти, на что последовала реакция вождя: «Хороший он, по-видимому, человек, и жаль, что не с нами. И — умный, очень умный, но — дурак». После ареста, заключения в Бутырке и ссылки был выслан за пределы Советской России. С 1923 г. жил в Берлине, много писал, печатался в *Р*, в парижском религиозном журнале «Вера и родина», редактировал еженедельник «Всемирная сцена». Поддерживал дружеские отношения с немецким режиссером М. Рейнгардтом. В Берлине были изданы все сборники его стихов — «С детьми», лирическая поэма «На пороге», «Богу», «Разноцвет» (все — 1924), «Полдень» (1925), мистерия в стихах «Мария» (1927), книга прозы «Изгнанники: Переживания в 4-х действиях» (1925) и написанный в форме открытого письма политический трактат «Ибо я — большевик!» (1924), в котором в сатирической форме развенчиваются революционные идеалы. «Уди-

вительно тонкий и искренний, нежный, новый лирический поэт, притом почти всегда полный тихой, благоговейной религиозности», — говорилось в рецензии на его сборники «К Богу» и «Разноцвет» в издававшемся в Болгарии эмигрантском ж-ле «Эос» (1926. № 4. С. 148; рецензия подписана «Гражданин вселенной»); с искренней симпатией высказался о Британе К. Бальмонт (*ПН* 1924. № 1385. 30 октября. С. 2); с мнением, его оспаривающим, выступил Г. Адамович (*Зв* 1924. № 96. 1 декабря. С. 2); резкий по тону отклик (за подписью «Викторов») прозвучал в парижской газете «Вечернее время» (1925. № 280. 25 марта. С. 2—3).

В 1936 г. Британ перебрался в Париж. В 1941 г. арестован нацистами как еврей-заложник и расстрелян во дворе казармы Монруж, см. его предсмертное письмо, написанное сыну за день до расстрела из военной тюрьмы на улице Шерш-Миди, — приведено в воспоминаниях Дон-Аминадо «Поезд на третьем пути» (М.: Книга, 1991. С. 83—84).

Некрологи: *НРС* 1942. № 10671. 9 мая.

См.: *Телицын Вадим.* «Прости усталому рабу...» // *РМ-2* 1998. № 4245. 12—18 ноября. С. 12; *Его же.* Они погибли тогда...III. «Скажи, певец, на что похож стихов твоих узор?..» (Илья Алексеевич Британ) // Русское еврейство в зарубежье: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. I (VI) / Сост., глав. ред. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1998. С. 428—443.

91. «Они на площади стояли...». Печ. по: *Британ Илья.* Разноцвет. Берлин, 1924. С. 127.

92. Петр. Печ. по: *Британ Илья.* Полдень. Берлин, 1925. С. 97.

Булич Вера Сергеевна (17 февраля 1898, Петербург — 21 июля 1954, Хельсинки). Родилась в семье известного слависта, проф. Петербургского университета, теоретика музыки и композитора С. К. Булича (1859—1921), друга И. Ф. Анненского, посвятившего ему стихотворение «Notturno» (1890) (Булич же написал на него музыку). В письме к А. Присмановой от 29 мая 1954 г., накануне смерти В. Булич, Г. Адамович вспоминал, что знал ее в «"в те баснословные года", она состояла при Гумилеве...» (*НЖ* № 194. 1994. С. 270), а задолго до этого писал: «В первые годы революции она была одной из молодых петербургских поэтических "надежд"» (*ПН* 1938. № 6255. 12 мая. С. 3). В 1920 г. семья перешла финскую границу. В 1927 г. на финском языке вышла ее книга «Сказки»; в 1931 г., в переводе на русский — в Белграде (см. о них: *Soininen-Jegorenkov Maria.* Сказки для детей Веры Булич. Из архива Хельсинской Славянской библиотеки // Studia Slavica Finlandensia. T. XIV. Helsinki, 1997. S. 216—244). Работала в Славянском отделе Университетской библиотеки в Хельсинки, с 1947 г. — в Государственном институте по изучению СССР. Печаталась в журналах: «Наш огонек» (Рига), «Дни нашей жизни» — орган литературного Кружка русской молодежи в Финляндии, в таллиннской «Нови». Выступала как критик. Автор четырех поэтических сборников: «Маятник» (Хельсинки, 1934), «Пленный ветер» (Таллинн, 1938), «Бурелом» (Хельсинки, 1947), «Ветви» (Париж, 1954).

Творчество В. Булич было высоко оценено эмигрантской критикой, см. сочувственную статью К. Тиандера «О творчестве Веры Булич» (Журнал Содружества (Выборг). 1938. № 3 (63). С. 20—24); отмечая безупречную форму стихов Булич, Е. Б<азилевская>, рецензировавшая ее «Маятник», делала вывод, что «это крупный мастер

поэтического творчества» (Новь. № 7. 1934. С. 105); о том, что стихам, включенным в «Маятник», «могли бы позавидовать многие. В них звучит подлинная, не придуманная и неприкрашенная поэзия», писал Ю. Мандельштам (*Ч* № 10. 1934. С. 290); В. Ходасевич отзывался о «Маятнике» как о почти лишенном «срывов и безвкусицы» (*Воз-1* 1934. 27 сентября. С. 4); о простоте и нелукавстве ее стихов, удивляющих больше всякой экзотики, писал М. Цетлин (*СЗ* № 60. 1936. С. 466). Два стихотворения Булич были включены в *Я* (С. 213—214).

Заметное место в эмигрантской поэзии Булич продолжала занимать и в послевоенные годы, см. благожелательные рец. Ю. Терапиано на ее сборники «Бурелом» (*НРС* 1949. № 13400. 2 января. С. 8) и «Ветви» (*НРС* 1954. № 15366. 23 мая. С. 8).

Умерла от рака легких, вскоре после выхода в свет ее последнего сборника, «лебединой песни» (см. в письме С. Маковского И. Чиннову от 5 апреля 1954 — Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950—1980-е годы. По материалам архива И. В. Чиннова / Сост. О. Ф. Кузнецова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 74); см. написанный Ю. Терапиано некролог (*НРС* 1954. № 12457. 22 августа. С. 6, 8).

См.: *Пахмусс Темира*. Вера Булич, русский поэт в Финляндии // *Сов* № 41. 1979. С. 162—169; *Pachmuss T.* Russian Literature in the Baltic between the World Wars. Slavica Publishers Inc., 1988. P. 394—422; Переписка К. К. Гершельмана и В. С. Булич / Вступ. заметка, публ. и комм. С. Г. Исакова // Studia Slavica Finlandensia. T. XI. Helsinki, 1994. S. 189—210, ср.: *Пахмусс Т. А.* Страницы прошлого: Вера Булич и Карл Гершельман — переписка двух русских поэтов в эмиграции // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1997. М.: Наука, 1998, С. 116—133; *Еськина Л. А.* Вера Булич: Из истории русской литературы в Финляндии // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 143—146; *Ее же.* Из истории русской литературы в Финляндии. Мотивы и настроения Веры Булич // Культурное наследие Российской эмиграции. 1917—1940. Кн. 2. М., 1994. С. 201—205; *Сойнинен-Егоренков Марья.* Вера Сергеевна Булич (1898—1954). Особенности эмигрантского писателя на периферии русской диаспоры // Зарубежная Россия, 1917—1939. СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 336—345.

93. Петербург. Печ. по: *Булич Вера*. Маятник. Гельсингфорс, 1934. С. 13—15. *И серебрит - воротника* — см. комм. к стих. В. Андреева «Еще любовью пахнет горький порох». *У биржи - тени кораблей* — восходит к стихотворению А. Блока «Ты помнишь? В нашей бухте сонной». *Звенящий дробный стук копыт* — аллюзия на «тяжело-звонкое скаканье» и «звонко-скачущего коня» из пушкинского «Медного всадника». *На пыльной мостовой трава* — многократно повторяющаяся деталь в описании послереволюционного Петербурга, см. в нашем изд. в стихах И. Воинова «Город, обезлюженный алыми знаменами», В. Лурье «Прошлое» и «Петроград», «Но была ли на самом деле» И. Одоевцевой, «Мой град никем не караулится» Е. Шаха.

94. Папироса «Беломорканал». Печ. по: *Булич Вера*. Бурелом. Хельсинки, 1947. С. 46.

95. Вы и мы. Там же. С. 57.

96. Медаль за оборону Ленинграда. Там же. С. 61—63. 2-я часть включена в *НЗ* С. 106—107. Медаль «За оборону Ленинграда» была утверждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г.; на лицевой стороне — на фоне Адмиралтейства —

изображены защитники города. Во 2-й части переосмысливаются образы из «Пиковой дамы» и «Медного всадника» Пушкина. *Безумный Германн - с нами Бог!* — Контаминация немецкого происхождения героя «Пиковой дамы» с нацистским девизом «С нами Бог!». *Над Зимнею канавкой - вся в слезах* — См. комм. к стихотворению Н. Агнивцева «Санкт-Петербург». *Хрустальным пламенем - радуга взошла* — Мариинский театр, см. *ТУ*. *Строитель чудотворный*, *Светла адмиралтейская игла* — цитаты из «Медного всадника».

Булыгин Павел Петрович (23 января (5 февраля) 1896, Владимир — 17 февраля 1936, Асуньсьон, Парагвай). Родился в семье писателя П. П. Булыгина (1858—1914; см. о нем статью И. И. Подольской в *РП*). После окончания Владимирской гимназии (1915) поступил в Московское Александровское военное училище. Участвовал в Первой мировой войне в качестве офицера лейб-гвардии Петроградского полка. «Революция застала его в Петербурге, оправляющимся от тяжелого ранения, полученного на фронте уже в чине капитана» (*Шетинин С. С.* и *Орлов А.* П. П. Булыгин. Запоздалый некролог // Рупор (Харбин). 1936. № 22. 25 мая). За проявленное в боях мужество был награжден орденом Св. Анны 4-й степени. В годы гражданской войны участвовал в Ледяном походе корниловской армии. Инициатор и участник неудавшейся операции по освобождению царской семьи. Был начальником личной охраны находившейся в Крыму императрицы Марии Федоровны (осень 1918). Занимался расследованием убийства царской семьи при штабе Колчака (по свидетельству возглавлявшего следствие судебного следователя Н. А. Соколова, Булыгин являлся его правой рукой). Впоследствии — автор написанной в подлиннике по-русски, но изданной по-английски книги «The Murder of Romanovs: The Authentic Account» (London, 1935; перевод выполнен Глебом Керенским, сыном А. Ф. Керенского) (в 1936 г. вышла также по-итальянски в Милане в издательстве Mondadori; русское издание, под названием «Убийство Романовых», увидело свет в Москве в 2001 г., рец. на нее: И. Куксина см. в *НЖ* № 232. 2003. С. 306—309).

В 1920 г. эмигрировал — сначала в Германию (в 1921 г. принимал участие в съезде монархистов в Рейхенгалле), затем перебрался во Францию. Печатал стихи в журналах «Наш огонек» (Рига) и монархическом «Двуглавом орле» (1921—23). В конце 1924 г. отправился из Парижа в Абиссинию, где служил в качестве военного инструктора эфиопской императорской армии, управлял кофейной плантацией (очерки об Абиссинии появлялись в *Сег*, а также рижских газетах «Сегодня вечером» и «Слово» за 1928 и 1929 гг.). Вернувшись в 1934 г. в Европу, уехал вместе с женой А. Шишко-Богуш в Парагвай, где возглавлял русскую колонию староверов «Балтика». Умер от кровоизлияния в мозг. В *Сег* некролог «Гибель русского странника П. П. Булыгина» (1936. № 91. 31 марта. С. 2) поместил П. Пильский.

Автор поэтических сборников: посвященных императрице Марии Федоровне «Стихотворений» (Берлин, 1922; рецензия А. Роговича в журнале «Двухглавый орел», 1922. № 30. 1 мая. С. 31—32, в которой приводится посвященный Булыгину «Сонет» неизвестного автора), «Янтари» (Рига, 1937, с предисловием П. Пильского; он же автор рецензии на него *Сег* 1937. № 162. 15 июня. С. 8). См. воспоминания Булыгина в *Сег* (1928. № 185. 12 июля), см. также книгу его жены об Абиссинии, написанную по-литовски: Agota Bulyginiene. Abisinija. Kaunas: «Sakalas», 1935, с предисловием Е. Шкляра.

О. Скопиченко взяла его строки — «Я не могу безумно не рыдать / На кладбище твоем, моя Россия» — эпиграфом к стихотворению «Русское поле» (*Скопиченко О.* Родные порывы. Харбин, 1926. С. 9); см. рецензию на сборник «Янтари» Н. Р<езниковой> в *Руб* (1938. № 11. С. 19—20).

См. предисловие его внучатой племянницы Т. Максимовой к кн.: *Булыгин Павел.* Пыль чужих дорог: Собрание стихотворений. М.: Academia — Рандеву-Ам, 1998. С. 3—13; *Ее же.* Воин, поэт, странник // *НЖ* № 208. 1997.

97. Пороша <фрагменты>. Печ. по кн.: *Булыгин Павел.* Янтари. Рига, 1937. С. 56—57. Поэма посвящена И. А. Бунину; была удостоена 1-й премии на конкурсе русских зарубежных поэтов и писателей в Варшаве (1930). *А там взметнулся на коне - в своем окне...* — См. комм. к стих. М. Айзенштадта (Аргуса) «Петрополис», ср. еще в его стих. «Петроград», написанном в 1918 г. до отъезда в эмиграцию (включено в его сб. «Стихотворения», перепечатано в *ПСРП* С. 96):

<...> В желтом тумане блестит на ветру
Грозящий могучей рукой.
Чем-то отплатит свобода Петру?
Не ждал Он развязки такой...

Лучше б осталось, как было встарь, —
А Он здесь окно прорубил...
Мудрый был Сын у Тебя, Государь!
Зачем Ты Его погубил?

Marie Antoinette (1755—93), французская королева, жена (с 1770) Людовика XVI; казнена во время Великой Французской революции. *Тампль* — башня в тюрьме Консьержери, где до казни были заключены Людовик XVI, Мария Антуанетта, их дети и сестра короля Елизавета.

Бунин Иван Алексеевич (10 (22) октября 1870, Воронеж — 8 ноября 1953, Париж). Эмигрировал из Одессы 26 января 1920 г. и более 33 лет прожил в изгнании во Франции. Нобелевский лауреат в области литературы (1933).

Некоторые рецензенты не относили включенное в наст. изд. «День памяти Петра» к лучшим бунинским стихотворениям (см., к примеру, *Нальянч С. И.* Литературные заметки: О поэзии Бунина // За свободу! 1930. № 132).

98. День памяти Петра. Печ. по кн.: *Бунин И. А.* Под серпом и молотом: Сборник рассказов, воспоминаний, стихотворений / Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. С. П. Крыжицкого. Лондон, Канада: Изд-во «Заря», 1982. С. 208. Ранее напечатано в его кн.: Избранные стихи (Париж: Современные записки, 1929); включалось в: *Я* С. 24; *Мы жили* Т. 1. С. 90—91. В своей речи «Петербург в русской литературе», произнесенной в Сорбонне на праздновании Дня русской культуры в 1930 г., проф. Н. Кульман, цитируя это бунинское стихотворение, говорил: «Последний поэтический отклик на тему "Петербург" раздался уже здесь, в эмиграции. В этом отклике причудливо сплелись и любовь к Петербургу, и жгучая ненависть к тем, кто святотатственно посягнул на него, и твердая вера в лучшее будущее» (Россия и славянство. 1930. № 87. 26 июля. С. 6). *«Красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо, как Россия...»* — из поэмы А. Пушкина «Медный всадник».

Бурлюк Давид Давидович (9 (21) июля 1882, хутор Семиротовщина, Лебединского уезда Харьковской губ. — 15 января 1967, Лонг Айленд, США) — «отец русского футуризма», поэт, художник, лит. и худ. критик, издатель.

См.: *Голлербах Э.* Искусство Д. Бурлюка. Нью-Йорк, 1930; *Лившиц Бенедикт*: Полутороглазый стрелец. Л., 1933 (переизд. — М., 1989); David Burljuk: 55 Years of Painting. N. Y., 1962; *Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994; *Евдаев Ноберт.* Давид Бурлюк в Америке: Материалы к биографии. М.: Наука, 2002; *Красицкий С.* Поэты Бурлюки // *Бурлюк Д., Бурлюк Н.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002. С. 5—65.

99. Ленинград осенью. Печ. по кн.: *Бурлюк Д., Бурлюк Н.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002. С. 398—399.

Бушков Сергей. Биографическими сведениями не располагаем. Печатался в *Воз-2.*

100. О Петербурге. Печ. по: *Бушков Сергей.* Годы. Стихи. Сан-Франциско, 1958. С. 3—6.

101. Возвращение в Петербург. Там же. С. 54—55.

Вадимов Евгений (наст. имя Юрий Ипполитович Лисовский; 1879 —1944, Варшава). Детство прошло в Муроме. Учился в кадетском корпусе в Петербурге, затем в Николаевском кавалерийском училище (см. об этом его кн.: Корнеты и звери. Белград, 1929; 2-е изд. Нью-Йорк, 1954; рец. на нее Н. Вороновича в: *НРС* 1954. № 15513. 17 октября. С. 8).

Дебютировал как поэт в варшавском журнале «Офицерская жизнь» в 1910 г.

Служил в Сумском гусарском полку. Участвовал в Первой мировой войне. Выступал как военный корреспондент, в том числе в газете «Утро России». В 1916 г. был военным прокурором во Франции в штабе генерала Лохвицкого, о чем оставил воспоминания «Лагерь Ля-Куртин» (Архив русской революции. XVII. 1927. С. 256—279). Автор романа «Лулу», повестей «Шпионы» и «Предатели». Побывал во многих странах мира, что нашло отражение его стихах: «Терцины Варшаве», «Сингапур», «Гибралтар» и др. В 20-е гг. жил в Югославии. Издал здесь два сборника стихов, один небольшой «К Единому» (1929), куда вошло всего пять стихотворений, и «Где-то...» (1930). В 1931 г. в Париже увидел свет его сборник «Стихи». После Белграда переехал в Варшаву, где во второй половине 30-х вышли еще две его книги стихов: «"Русская культура" и другие избранные стихотворения. 1932—1936» (1937) и «Свете тихий» (отпечатана в Вильнюсе, 1938). Участник «Антологии русской поэзии в Польше» (1937). Какое-то время жил в Ровно, где встречался с поэтом А. Кондратьевым (см. его стих., «Купава», посв. Кондратьеву). Писал прозу и занимался переводами. Печатался в газетах — *РиС*, белградской «Новое время», виленской «Наше время», журналах — «Для Вас» (Рига), варшавском «Мече», брюссельском «Часовом» (в 1930 г. за стих. «Часовой» был удостоен первой премии этого журнала) и др. 8 февраля 1941 г. в Русском собрании в Варшаве состоялся вечер в честь его 45-летней творческой деятельности.

См. о нем: *Волковыский Н.* 25-летний юбилей поэта Е. Вадимова // *Сег* 1935. № 163. 14 июня. С. 8; *Орехов В.* Юбилейная статья к 25-

летию военно-литературной деятельности Ю. И. Лисовского // Часовой. 1935. № 146/147.

102. Петербург. Печ. по: *Вадимов Евгений*. Где-то...: Избранные стихотворения. Белград, 1930. С. 71.

103. На острова. Там же. С. 48. *Марушевский Владимир Владимирович* (1874—1951), генерал царской армии; участник русско-японской и Первой мировой войны; в годы Гражданской войны (с ноября 1918 до сентября 1919) — генерал-губернатор и командующий русской армией Северной области, сражавшейся против большевиков, впоследствии представитель ген. Врангеля в Венгрии; с 1921 г. жил во Франции, затем — в Югославии; автор мемуарной книги «Белые в Архангельске» (1930).

Вега Мария Николаевна (урожд. Волынцева, в замужестве княгиня Нижерадзе; Ланг; 1898, Петербург — 1980, Ленинград). Родилась в артистической семье: внучка актрисы Александринского театра А. К. Брошель (ее сестра, М. Брошель, — балерина Мариинского театра, дядя, М. Н. Брошель, — артист театра Сабурова). Второй муж — морской офицер Михаил Максимилианович Ланг (1893 — 15 февраля 1975), переводил английскую поэзию. Окончила петербургский Павловский женский институт. В начале 20-х гг. эмигрировала во Францию, жила в Париже. Издала здесь три поэтических сборника: «Полынь» (1933), «Мажор в миноре» (1938), «Лилит» (1955). Характеризуя ее поэзию середины 30-х годов, М. Цетлин писал: «У г-жи Вега есть редкая в наши дни полнокровность, темперамент. Эти стихи написаны до всякого кризиса поэзии. Г-жа Вега добросовестно и с увлечением пишет какой-нибудь "Венок сонетов", не считаясь ни с еще непосильной для нее трудностью этой формы, ни с ее "немодностью". Однако если посмотреть на даты под стихами Марии Вега, то и в них можно найти следы парижской атмосферы: свойственный ей мажорный тон, отравленный эмигрантской полынью, уступает модному минору, ее стихи становятся притушенными. Словно поэтесса стесняется отступать от общепринятого хорошего тона» (*Цетлин М.* О современной эмигрантской поэзии // *СЗ* № 58. 1935. С. 459) (не исключено, что, используя контраст мажора и минора, критик тем самым подсказал поэтессе название ее второго сборника). Как о книге, которой «не хватает первичности, "своей" атмосферы», отзывалась о последнем эмигрантском сборнике Веги Е. Таубер (*Воз-2* № 53. 1956. С. 142).

Была близко знакома с И. Буниным, подарившим ей свою книгу с автографом: «Ее Сиятельству Веге» (*Вега М.* Воспоминания. Переписка. Стихи / Вступ. ст., подг. текста В. В. Нефедова // Кодры (Кишинев). 1988. № 1. С. 94—95). Благодаря автора за нее, она писала ему (письмо неопубликовано): «...читаю <ее> по ночам и не могу оторваться. <...> поэт, что бы Вы ни говорили, думая, что пишет "для себя", конечно, пишет и для бродяги, и для ребенка, и для звезд, и для травы, поэтому ему не может быть безразлично, когда все они, по-своему, на его голос отзываются» (Русский архив в Лидсе. MS 1066/4237).

Под фамилией Нижерадзе публиковалась в профашистских изданиях — «Парижском вестнике» (ред. П. Богданович), «Новом слове» и «Новой жизни» (обе — под ред. В. Деспотули).

После войны помимо стихов публиковала прозу (романы — «Бронзовые часы» и «Бродячий ангел», печатались в *Воз-2*) и пьесы («Великая комбинаторша», «Король треф», «Ветер», «Суета сует»), в *Воз-2* поместила несколько переводов из Р. М. Рильке.

Начиная с 1962 г. сотрудничала в советской прессе (газета «Голос родины», журнал «Родина»). Впервые после отъезда посетила Советский Союз в 1968 г. В 1970 г., живя в Швейцарии, издала в СССР сборник стихов «Одолень-трава». Переселилась в Советский Союз в 1975 г. и в 1978 г. издала сборник «Самоцветы», в 1980 — «Ночной корабль».

В отзыве на книгу «Лилит» обозреватель ж-ла «Златоцвет» (Р. Р.) писал, что Вега «великая патриотка не только русская, но и петербургская. Из 46 страниц — 14 заняло стихотворение "Петербург", да еще 3 "Пушкинская улица". По размеру книжки это, конечно, много, но как не поблагодарит Марию Вегу петербургское сердце за то, что вспомнила она, как "вслух заплакал старый дом. Это лира, в ящике пустом тридцать лет дремавшая", на Пушкинской улице. В городе-мираже чего не происходит» (1963. № 12. С. 81).

104. Семнадцать зим. Печ. по: *Вега Мария*. Лилит. Париж, 1955. С. 24—25.

105. Петербургское. Там же. С. 26—27. Написано по «мотивам» «Анны Карениной» Л. Толстого.

106. Петербург. Там же. С. 35—48. Скрытым героем поэмы, к которому она обращена, является, по всей вероятности, В. Горянский (см. в наст. изд.); написанный в 1953 г., текст несет на себе черты реквиемного посвящения (Горянского не стало в 1949). *Чужих октав разрозненные строки* — По-видимому, имеется в виду написанная октавами «Невская симфония» Горянского (см. в наст. изд.); *октавы* — строфы из восьми стихов с постоянной рифмовкой abababcc. *Поэт, поэт, тебя томит жара - пыль известки к полам шинели* — Ср. с лейтмотивом жары и образами строительных работ в «Невской симфонии» как реминисценции «Преступления и наказания» Ф. Достоевского. *Твои глаза, спаленные жарой* — Физическая слепота Горянского становится в поэме сквозным образом слепого поэта, ср. мотив зрячести в «Невской симфонии»: «Я снова зряч, чтоб мир увидеть внове» (строфа 58). *Над статуей Фелицы* — Имеется в виду памятник Екатерине II в сквере перед Александринским театром, см. *ТУ*; см. о памятнике далее в тексте: *Блестя венцом меж дымных облаков, / Встает Екатерина — сон веков. Мелькнут бобры онегинской шинели* — см. комм. к стих. В. Андреева «Еще любовью пахнет горький порох». *Ты говоришь с иронией - тяжелая оправа* — Ср. у Горянского, иронически сетующего на отсутствие сюжета в своей поэме и стесненность заданной октавной формой: «Но где герой? Где повесть? Где сюжет?» (строфа 13), «В испанском сапоге еретика / Вольней ноге, чем в заданных октавах» (строфа 43). *...юродный нрав - и все ужимки эти* — Горянский входил в число постоянных сотрудников юмористического журнала «Сатирикон» (позднее «Новый Сатирикон»), см. далее образ шута и шутовского наряда — колпак, пестрый плащ, бубенцы. *... Так хрупко мал - косит в очки...* — Ср.: В. Смоленский о Горянском: «Был он мал ростом, очень бледен, почти слеп» (*Воз-2* № 55. 1956. С. 136). *Пурпурный шут трагедии Шекспира* — Шут из «Короля Лира». *Горбатый мост - у крыльца* — См. комм. к стих. «Санкт-Петербург» Н. Агнивцева. *А в высоте - в предрассветной рани* — Речь идет об убийстве Г. Распутина. *И ангел-мальчик с полотна Серова* — Имеется в виду портрет князя Ф. Ф. Юсупова (1903), принадлежащий кисти художника В. А. Серова (1865—1911); *Юсупов Феликс Феликсович* (1887—1967), организатор убийства Распутина.

Борджиа — Знатный род испанского происхождения, игравший значительную роль в политической жизни Италии в XV — нач. XVI вв.; воплощение жестокости, властолюбия и разврата; имеется, очевидно, в виду кардинал *Чезаре Борджиа* (1476—1507), незаконорожденный сын кардинала *Родриго Борджиа* (1431—1503; с 1492 папа Александр VI). *Дориан Грэй* — герой романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1890). *Куранты бьют* — Образ петербургских курантов см. в стих. Веги «Атлантида»: «И в медленном круженье белых пург, / Где чудится сквозь ветер бой курантов, / Та Тень, тот Дух, чье имя — Петербург, / Не сможет не узнать своих атлантов». *И не она ль - горную метель* — Речь идет о переходе экспедиционной русской армии под руководством А. В. Суворова через Альпы (1799) во время войны с Францией; *Ганнибал* (247 или 246 — 183 до н. э.), карфагенский полководец, который в ходе 2-й Пунической войны совершил переход через Альпы. *И шалый генерал - петушиным криком* — Один из анекдотов о Суворове, известный со слов московского ген.-губернатора графа Ф. В. Ростопчина (1763—1826), который вспоминал, что однажды в разговоре с ним о войне и о тогдашнем положении Европы Суворов сначала перечислял воинские ошибки австрийских начальников, а потом сообщил свои виды и намерения. «Слова текли как река. Мысли все были человека чрезвычайного. Подобное от него красноречие я слышал в первый раз, — рассказывал Ростопчин. — Но посреди этой реки, когда я весь был превращен в слух и внимание, Суворов сам вдруг из Цицерона и Юлия Цезаря обратился в птицу и запел громко петухом. Не укротив первого движения, я вскочил и спросил у Суворова с огорчением: "Как это возможно?" А он взял меня за руку и, рассмеявшись, сказал: "Поживи с мое, закричишь и курицей"»; ср. в стих. Ю. Иваска «Воображая Петербург» (включено в наст. изд.) или у А. Ладинского «Прославим гений Пушкина! / Рассвет над Альпами! / Суворова в алмазах! / Да чтут народы гром его побед / И петушиный крик в его проказах» (*Ладинский Ант.* Роза и чума. Париж, 1950. С. 35). *Вергилий Марон Публий* (70—19 гг. до н. э.), римский поэт, выполняющий в «Божественной комедии» Данте роль провожатого. *...могильной Афродиты* — См. комм. к «Невской симфонии» Горянского, см. также «гробовая Афродита» в его стих. «Великий роман».

107. «Бабушка тоже была молодая...». Печ. по: *Воз-2* № 57. 1956. С. 25.

Величковский Анатолий Евгеньевич (1 (14) декабря 1901, Варшава — 2 января 1981, Париж). Род Величковских происходит из Галиции, за безупречную службу одного из предков Екатерина II пожаловала ему земли в Херсонской губернии. Отец (22 августа 1877—1942) — полковник царской армии, в их доме бывал будущий генерал Деникин. Брат матери — друг детства Б. Савинкова. Поминая семейные традиции, Величковский писал в стихотворении «Сорока»:

Деды, прадеды в мундирах
И погонах.
Мой отец был командиром
Эскадрона.
Зная формы полковые —
В раннем детстве,
Я хотел служить России
По наследству.

Был женат на эмигрантской поэтессе Тамаре Антоновне Бродской (урожд. Миллер), а его брат — на другой эмигрантской поэтессе, Т. А. Величковской (1908—90). В автобиографической справке сообщал: «Детство мое прошло на юге России. Летом мы жили всегда в деревне, зимой в городе Елизаветграде (теперь это Кировоград), где мой отец был преподавателем в юнкерском училище. В шестнадцать лет я покинул отчий дом и ушел в Добровольческую Армию. Во время отступления походным порядком попал с армией Бредова в Польшу, из Польши переехал во Францию <в Польше прожил 7 лет: с 1919 до 1926 г.>.

Хлеб насущный, всю жизнь, добываю работой, ничего общего с литературой не имеющей <работал на сталелитейном заводе, был шофером ночного такси в Лионе>.

Печататься начал после Второй мировой войны. Сборник моих стихов вышел в издательстве "Рифма" под заглавием "Лицом к лицу". Чаще всего я печатался и продолжаю печататься в "Новом Журнале". Остальное все, написанное мной, разбросано по мелочам в других изданиях: в "Возрождении", в "Мостах", в "Новоселье", в "Литературном Современнике". Стихи мои включены в антологию "Эстафета". Надеюсь, что "претерпевший до конца спасен будет", и потому когда-нибудь все это соберется в одной книжке» (*Сод* С. 514).

Упомянутый сборник «Лицом к лицу» (1952) был сочувственно встречен эмигрантской критикой: «Стихи Анатолия Величковского, — писал рецензент, — необыкновенно *личные* стихи. Они всегда *от себя*, всегда — на границе исповеди. И всегда — о мелком, несущественном, житейском, но всегда от этого мелкого и временного протягивается линия к сверхвременному, вечному» (*Н*<еймирок> *А.* «Лицом к лицу» // *Гр* № 18. 1953. С. 142), столь же доброжелательную рецензию написал Ю. Терапиано, подчеркнувший музыкальное начало стихов Величковского (*НРС* 1952. № 14778. 12 октября. С. 8); см. также рецензию на тот же сборник Ю. Иваска (*Мос* № 1. 1953. С. 198—199).

Кроме этого, автор еще нескольких поэтических книг: «С бору по сосенке» (Париж, 1974; рец. Т. Фесенко в *НРС* 1975. 11 мая), «О постороннем» (Париж, 1979) и, вышедшей посмертно, «Нерукотворный свет» (Париж, 1981). Наряду со стихами писал прозу, отдельной книгой опубликована только повесть «Богатый» (Париж, 1972), в центре которой обычная для творчества Величковского оппозиция: символизирующий природу благородный конь против воплощенной в автомобиле бездушной технической цивилизации.

Во время Второй мировой войны был шофером при штабе адмирала Деница в Париже («Русские соотечественники принимают меня за немецкого шпиона», — вспоминал он в неопубликованных воспоминаниях, которые хранятся в Русском Общественном Фонде А. Солженицына в Москве, М-12). Печатался в профашистской газете «Парижский вестник». После войны через Е. Н. Жирову был близок к дому Буниных, см.: Переписка И. А. Бунина с М. А. Алдановым // *НЖ* № 153. 1983. С. 141; ср. письма В. Н. Буниной к Т. Д. Муравьевой-Логиновой от 15 мая и 24 июня 1948 в: Письма Буниных к художнице Т. Муравьевой-Логиновой. 1936—1961. Paris, 1982. С. 117, 119; см. также публикацию Величковским стихотворных посланий Бунина к дочери Жировой Олечке в: *НЖ* № 76. 1964. С. 260—264.

Стихи включены в антологии *НЗ* и *МД*.

См.: *Фесенко Татьяна*. А. Е. Величковский // *НЖ* № 147. 1982. С. 58—65; *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за

полвека (1924—1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 275—279.

108. «Бумага терпит всё. В странице...». Печ. по: *НЖ* 147. 1982. С. 66. *Валерий Францевич Перелешин* (1913—92) — поэт-эмигрант. Ему принадлежит некрологическая статья «Памяти Анатолия Величковского» в *НЖ* № 144. 1981. С. 140—142. В стихотворении пародически скрещиваются две литературные реминисценции, связанные с «петербургским текстом», — поэма А. Блока «Двенадцать» и гоголевская повесть «Нос».

Венус Георгий Давидович (31 декабря 1897, Петербург — 8 июня 1939, Сызранская тюремная больница). Отец — рабочий-литейщик на одном из петербургских заводов, вел свое происхождение из семьи обрусевших немцев. После окончания Павловского пехотного училища в 1915 г. в чине прапорщика попал на фронт. Награжден Георгиевским крестом. В том же 1915 г. году писал А. Блоку: «Я только что окончил училище, страстно увлекаюсь стихами, пишу сам, и мне бы хотелось знать, есть ли во мне талант. <...> Вы знаете, как влечет и манит поэзия! А как поступать, я не знаю» (РГАЛИ). Участник Белого движения, см. его воспоминания о Гражданской войне «Война и люди (Семнадцать месяцев с дроздовцами)» (1925; совр. переизд.: вместе с книгой А. Туркула «Дроздовцы в огне». М., 1996). С октября 1920 г. в эмиграции в Константинополе. Благодаря богатому берлинскому родственнику, работавшему управляющим фирмы Симменс-Шуккерт, в 1922 г. перебрался в Берлин, где устроился в рекламном бюро. К этому времени относится рекомендательная записка В. Шкловского: «Посылаю тебе молодого и талантливого писателя Георгия Венуса. Я уже доучиваю его писать. Пока ему надо есть. <...> Он красный». Сменовеховец, сотрудник газеты «Накануне», член литературной группы «4+1» (о ней: *Сосинский Владимир*. Рассказы и публицистика. М.: Российский Архив, 2002. С. 51—65). Кроме входивших в эту группу В. Андреева (см. обращенное к Венусу его стихотворение «Пусть век, изживаемый людьми» и посвященные ему страницы романа «Возвращение к жизни»), В. Сосинского, А. Присмановой и С. Либермана, был близок к Р. Гулю и Ю. Марголину (*Гуль Роман*. Одвуконь: Советская и эмигрантская литература. Нью-Йорк: Мост, 1973. С. 210—211). В 1925 г. выпустил в Берлине книгу стихов «Полустанок», о которой поэт Виктор Третьяков писал: «...стихи... технически слажены прилично, но пока сказать, кто он, нет никакой возможности: тут и Есенин, и Цветаева, и Эренбург» (*Сег* 1925. № 192. 29 августа. С. 7); см. другие рецензии на нее: В. Лурье (Дни. 1925. № 734. 5 апреля. С. 5); Ж. Нуар (Я. В. Окснер) (Время. 1925. № 339. 19 января. С. 3); Н. Б. (Бахтин?) (*Зв* 1925. 8 июня).

В 1924 г. начал работу над романом «Война и люди», который был издан в 1926 г. в Ленинграде, после чего Венусу было разрешено вернуться в СССР. В 20-е — первой половине 30-х был одним из самых заметных ленинградских прозаиков. В январе 1935 г. арестован, сослан в Куйбышев (благодаря ходатайству К. Чуковского, Куйбышевым была заменена ссылка в Иргиз). Письма принимавшего участие в его судьбе А. Н. Толстого самому Венусу и наркому внутренних дел Ежову см. в кн.: *Перхин В. В.* Русские литераторы в письмах (24 января 1905—1985). СПб., 2004.

В 1938 г. снова арестован, умер в заключении.

См.: *Литвин Е. Ю.* Последняя одиссея Георгия Венуса // Ново-Басманная, 19. М.: Художественная литература, 1990. С. 243—264; *Венус Б.* Мой отец Георгий Венус // Г. Венус. Зяблики в латах: Романы. Л.: Советский писатель, 1991. С. 3—14.

109. В Петербурге. Печ. по: *Р* 1921. № 284. 22 октября. С. 2.

Верещагин Владимир Александрович (14 октября 1888, Петербург — 3 августа 1981, Париж). Отец — военный и писатель Александр Васильевич Верещагин (1850—1909), соратник и друг ген. Скобелева, дядя — известный художник-баталист Василий Васильевич Верещагин (1842—1904); брат Василий Александрович Верещагин (?—1920) — музыкант, ученик А. К. Глазунова. Учился в петербургской гимназии Я. Г. Гуревича, затем в Пажеском корпусе, куда был записан с рождения. В его первой (сорокастраничной) книге «Стихотворения» (СПб., 1913; рецензия Н. Н. Вентцеля — Новое время. Иллюстрированное приложение. 1913. 19 января) напечатан, в частности, популярный впоследствии романс «Уйди, совсем уйди». Был знаком со многими выдающимися деятелями русской культуры: В. В. Стасовым, Ф. И. Шаляпиным, А. М. Давыдовым, И. Е. Репиным, Н. С. Гумилевым и мн. др. В 1910 г. стал заниматься вокальным пением (брал уроки у тенора И. С. Томарса); снимался в кино. В годы Первой мировой войны служил в качестве цензора при Петербургском военном округе, а затем в главном управлении Красного Креста. Награжден орденом Станислава 3-й степени и орденом Анны. В 1919—21 гг. жил в петербургском Доме литераторов. В годы НЭПа переехал в Москву и устроился крупье в игорном клубе. В 1923 г. эмигрировал в Берлин, впоследствии перебрался в Париж. Выступал как певец со своим квартетом, был почетным вице-председателем Русского музыкального общества. В 1955 г. в Париже издал сборник «Стихов», в рецензии на который П. Ершов писал: «Несколько старомодные ритмы, рифмы и вся структура напоминают тексты цыганских и салонных романсов. Речитативом, под гитару исполненные эскизы могут создать особое настроение и доставить любителям удовольствие» (*НРС* 1956. № 15604. 18 марта. С. 8). Кроме того, издал книгу воспоминаний «Из далекого прошлого» (Париж, 1969). Мемуарные очерки и зарисовки печатались в эмигрантской периодической печати: *Воз-2*, *РМ*, в том числе и о Петербурге былых времен, см. этюд «В старом Петербурге» — о парикмахерской против Казанского собора, на углу Невского и М. Конюшенной, тамошнем куафере-французе М. Жюле, брившем и стригшем Николая II (*РМ* 1972. № 2910. 31 августа. С. 6). В московском Русском Общественном Фонде А. Солженицына (М-121), а также в Бахметевском архиве (Нью-Йорк) хранятся неопубликованные фрагменты его воспоминаний.

110. «Какая разница! Париж и Петроград!..». Печ. по: *Верещагин Владимир*. Стихи. Париж, 1955. С. 27. *А здесь — цветет весна - на улицах фиалки* — Ср. в его в воспоминаниях о первом посещении Парижа в 1905 г.: «На другой день — время завтрака. Садимся все в открытую коляску и едем на бульвары. Погода отличная. У нас в Петербурге сейчас слякость и снег, а здесь все в легких пальто и на улицах продают фиалки» (*Верещагин Владимир*. Из далекого прошлого (Воспоминания). Париж, 1969. С. 39).

111. «Париж совсем сошел с ума...». Там же. С. 28. Приведено полностью в отзыве литературного обозревателя ж-ла «Златоцвет» (1963. № 12. С. 81) на книгу стихов Верещагина.

Визи Мария Генриховна (Mary Custis Vezey; в замужестве Туркова; 17 января 1904, Нью-Йорк — 18 октября 1994, Сан-Франциско), поэтесса, писавшая не только на русском, но и на английском языке (писала также по-французски — стихи не сохранились); переводчица. Отец, Custis Harry Vezey, — американец (предки — первопроходцы Юга Америки), служащий американского посольства в России, в Харбине ред.-изд. газеты «Harbin Daily News»; мать, М. П. Травлинская (1873—1950) — русская. В младенчестве была привезена в Петербург, где прошло ее детство; после революции семья эмигрировала в Харбин, где она окончила коммерческое училище (1921). Училась в американской школе Тунчжоу (вблизи Пекина), затем с 1924 г. в колледже (Клермонт, Калифорния), после чего в 1926 г. вновь вернулась в Китай. В 20-е гг. печаталась в журнале «Рубеж» (подписывалась псевдонимом Раевская — фамилия ее русской бабушки). С 1933 до 1939 г. жила в Шанхае, работала в американской страховой компании.

В 1939 г. переехала из Китая в США и поселилась в Сан-Франциско. Вышла замуж за бывшего харбинца Е. Ф. Туркова. В биографической справке, подготовленной для *Сод*, она писала: «Служила в Калифорнийском университете; теперь занимаюсь переводами, научными и литературными. Пишу стихи по-русски и по-английски и перевожу с одного языка на другой» (С. 515).

Автор трех поэтических сборников: «Стихотворения» (Харбин, 1929), «Стихотворения II» (Шанхай, 1936) и «Голубая трава» (Сан-Франциско, 1973).

Критика постоянно отмечала связь Визи с петербургской поэзией — прежде всего А. Блоком, Н. Гумилевым и А. Ахматовой, и влияние на нее русского символизма на всем протяжении ее творчества, см. рецензию А. Несмелова на первый, харбинский, сборник (Рупор (Харбин). 1929. 15 августа) и В. Перелешина — на последний (*НЖ* № 114. 1974. С. 248—249), ср. в статье: *И. Ф.* Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке // *РЗ* № 1. 1937. С. 324—325. В. Перелешин определял поэзию Визи как «воплощение тихости и какой-то тяги к самообезличиванию (безликой кажется и ее обычная подпись «М. Визи»). Ее тонкие, очень высокие по ремеслу стихотворения появляются в печати и теперь, и ее Муза радует "лица необщим выраженьем"» (*Перелешин Валерий*. Русские дальневосточные поэты // *НЖ* № 107. 1972. С. 256).

В рецензии на 2-й сборник «Стихотворений» Н<аталья> Р<езникова> писала: «Тоненькая, скромно изданная книжка стихов, как видно по цифрам, — вторая. Перелистываешь ее сперва равнодушно, потом начинаешь вчитываться. В эти стихи "что-то попало"! В них много настроения, искренности» (*Руб* 1936. 27 июня. С. 23).

Ей посвящено стихотворение В. Сумбатова «Видение» (в его кн.: Прозрачная тьма. Ливорно, 1969. С. 9).

Некрологи: *Петров В.* Памяти Муси Турковой (поэтессы Мэри Визи) // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1994. 9 ноября; *Хисамутдинов А. А.* За упокой души, или Русская американка в Китае // Владивостокское время. 1994. 20 декабря.

См.: *Bakich Olga*. Мария Визи — поэт России, Китая и США // Revue des études slaves. 2001. Fasc. 2—3. *Ее же*. Мария Визи. Творческий путь поэта России, Китая и США // *НЖ* № 227. 2002. С. 219—243.

112. Refrain. Печ. по: Новая Юность. 2003 N1(58). *Refrain* — рефрен, припев (англ.).

Воинов Игорь Владимирович (1898—1942). В молодости участвовал в постановках театра В. Ф. Комиссаржевской («Флейта» на балу у Человека в «Жизни человека» по Л. Андрееву). Сохранилось его письмо известному историку печати У. Г. Иваску, которого он благодарит за полученные ex libris'ы, и пишет, что высылает несколько ex libris'ов своих бртьев — Всеволода и Ростислава, помещенных в книге «Книжные знаки» (Пг.: Петрополис, 1919) (ОР РГБ. Ф. 783. К. 5. Ед. хр. 20. Л. 1). Был обвинен большевиками в шпионаже и 13 месяцев провел в тюрьмах. В Гражданскую войну воевал в армии Врангеля. Эмигрировал в 1920 г. в Финляндию, жил неподалеку от другого бывшего петербуржца В. Гарднера (см. в наст. изд.), встречался с ним и впоследствии посвятил ему стих. «Стихи читаете Вы голосом глухим». В 1923 г. переселился в Париж. Печатал стихи, рассказы, очерки, рецензии в разных эмигрантских периодических изданиях: Гельсингфорса («Новая русская жизнь»), Парижа (*Воз-1, ПН, ИР*, «Родимый край»), Берлина (*Р*, «Жар-птица», «Театр и жизнь»), Варшавы («За Свободу!»), Риги («Для Вас», «Перезвоны»). В Париже жил в одном доме с Ю. Мандельштамом, который 10 марта 1942 г., спустившись к Воинову, тем самым нарушил немецкий приказ о том, что евреи после 8 часов вечера не имеют права покидать своих квартир, — Мандельштам был арестован и погиб в немецком лагере (*Терапиано Ю. К.* Встречи. М.: Intrada, 2000. С. 101).

Петербургская тема отразилась не только в его стихах, но и в прозе: «Невские казаки» (Родимый край. 1929. № 2. С. 24—28) и даже рецензиях: напр., на сборник рассказов И. Лукаша «Дворцовые гренадеры» (*Воз-1* 1928. № 1010. 8 марта. С. 4). Историко-бытовым комментарием эмигрантским стихам Воинова о Петербурге служат его же очерки «В Петербурге» (Общее дело. 1921. № 474. 4 ноября. С. 2; № 475. 5 ноября. С. 2), в которых, как и в стихах, запечатлен образ города, превращенного в пустыню.

Автор поэтического сборника «Чаша ярости» (Париж, 1938), о котором В. Ходасевич писал, что у поэта «намечаются попытки переступить за пределы расхожего стиха и общеупотребительных приемов, — и это располагает в его пользу» (*Воз-1* 1938. № 4136. 17 июня. С. 9).

См. его поэтическое описание зимнего Петербурга в стих., написанном до эмиграции (декабрь 1916):

Белые фонарики — блестящие снежинки...
Тройки запоздалые, белые картинки...

Серебрятся, чешуятся инеем скамейки,
И дрожат в стеклянном небе огненные змейки.

Уронили церкви звоны, притаился серп луны...
Поседевшие колонны от снегов утомлены.

Стонут сонные куранты Петропавловских часов
И поглядывают в шторы люстры каменных дворцов.

Неуверенное утро чуть проглянет и уйдет,
Лиловатые полоски положив на Невский лед.

Саван белый расстилает неожиданно метель
И хранит разгадку ночи полусмятая постель.

(Новая русская жизнь (Гельсингфорс). 1921. № 169. 28 июля. С. 3).

См. о нем: *Pachmuss T.* A Moving River of Tears: Russia's Experience in Finland. New York: Peter Lang Publishing, Inc., 1992. P. 159—162.

113. «Город, обезлюженный алыми знаменами...». Печ. по: Новая русская жизнь (Гельсингфорс). 1921. № 150. 6 июля. С. 3. Ср. в его очерке «В Петербурге»: «...Петербурга не существует больше.

Есть одна огромная полуразвалившаяся деревня, бедная, заброшенная, с глухими темными улицами, с разрушенной мостовой, с нищетой далекого медвежьего угла, в котором люди живут маленькими скудными интересами и, ложась спать, боязливо затворяют входные двери, опасаясь набега разбойничьей шайки, орудующей в округе. <...>

Петербург исчез» (Общее дело. 1921. № 474. 4 ноября. С. 2).

114. Из цикла «Петербург» (IV. «Нету тока, трамваи пустые...»). Печ. по: За свободу (Варшава). 1924. № 137 (1192). 24 мая. С. 3. *...с угрюмой Шпалерной - на расстрел* — Тюрьму на Шпалерной Воинов описал в очерке «В Петербурге» (Общее дело. 1921. № 474. 4 ноября. С. 2).

Воинов Олег Владимирович (13 февраля 1903 — 24 октября 1970, Целле). Брат И. В. Воинова. Эмигрировал в Варшаву, жил там до 1924 г., затем переехал в Германию, где стал кинорежиссером. См. о нем: *Тименчик Р. Д.* Из комментариев к мандельштамовским текстам // Пятые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 130—131.

Входил в литературное объединение «Таверна поэтов». Участвовал в «Антологии русской поэзии в Польше» (Варшава, 1937). Печатался в варшавской эмигрантской периодике: ж-ле «Вестник эмигранта» (стихи, рецензии), большое количество рецензий в газете «Свобода» («За Свободу!»).

115. «Вы дыханье города родного...». Печ. по: Свобода (Варшава). 1921. 30 октября. *Надежда Александровна Залшупина-Данилова* — секретарша в издательстве «Петрополис», осенью 1921 г. эмигрировавшая в Польшу, работавшая затем в Берлине в издательстве З. И. Гржебина. См. о ней: *Чертков Л.* Листки из альбома // Континент. 1982. № 31; здесь же опубликованы посвященные ей «Стихи неуехавшего» М. Кузмина:

Ведут веселые дороги
И на Берлин, и на Париж,
Но от любви и от тревоги
Ведь все равно не убежишь!

Вот отправляется Надина!
Всего! Махнете Вы платком...
Прости, привычная картина:
«Петрополь», на Бассейной дом.

Любезны ль будут иностранцы?
Найдете ль блеск иль тусклый мрак?
Счастливей всех счастливых станций,
Поверьте мне — счастливый брак.

15 августа 1921 г.

С книжкою стихов... — видимо, «Подорожник» Анны Ахматовой, о которой О. Воинов написал в статье «Подарок Петербурга»: «Из ... стихотворений отметим... "Покинув рощи родины священной" —

особенно дорогое для петербуржцев, совершенно особенно любящих свой город» (Свобода. 1921. 12 ноября).

116. Санкт-Петербург. Печ. по: Шестеро: Малый альманах поэзии и прозы. Варшава: Изд. «Таверны поэтов», 1923. С. 22—25.

1. «Змеиный путь немых каналов...». Печаталось в ж-ле «Сполохи» (1922. № 5. С. 2); в третьей строке I-й строфы: «И санок быстрых легкий бег». Включено в *ПСРП* С. 42. *Мельпомена* — покровительница трагедии, символ сценического искусства. *Плюмаж* — украшение из перьев на головных уборах и конской сбруе.

Воинов Ярослав Владимирович, брат предыдущих, эмигрировал в Эстонию в 1918 г. (Литература и жизнь. Рига. 1928. № 1). Печатался как поэт, прозаик, переводчик, очеркист фельетонист и рецензент в ревельских периодических изданиях: газете «Последние известия» (в которой заведовал литературным отделом), журнале «Облака», в единственном номере журнала-альманаха «На чужбине» (сказка «Счастье принцессы» — 1921. № 1. С. 7—11). Автор пьес «Обыкновенные: Хроника русской жизни 1916—1921 гг.», «Паутина», посвященной актрисе Стелле Арбениной, и романа «Старые годы» (Рига, 1929), в рецензии на который П. Пильский как достоинство подчеркивал литературность автора (*Сег* 1929. № 47. 16 февраля. С. 8). Автор книги для детей «Горюнова радость: Игра-сказка русская от бабы-Яги на зло дана, дедом-бородой к счастию повернута» (Рис. В. Белкина. Ревель: Библиофил, 1922), в рецензии на которую В. Яновская отмечала ее живость и талантливость (*НРК* 1922. № 6. С. 18); «Горюнова радость» ставилась на ревельской сцене, см. рецензии А. Черниговского на эту постановку (Последние известия. Ревель. 1921. № 245. 9 октября. С. 3 и № 254. 20 октября. С. 3). В 1920 г. в Ревеле вышел его единственный сборник стихов «Саркофаг одной весны». В конце 20-х гг. уехал из Эстонии в Парагвай, а затем — в Бразилию. Улица его имени имеется в городе Озаско (Бразилия).

Ср. о разговоре с художником В. В. Воиновым: «Рассказывал он биографии своих 12 братьев: казак расстрелян, секретарь Великого князя Дмитрия Павловича убежал, Ярослав тоже, еще какой-то тоже» (*Кузмин М.* Дневник 1921 года / Публ. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина // *Минувшее* Т. 12. С. 469).

См. сетования знавшего Я. Воинова лично Н. Андреева (*Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. Т. 1. Таллинн: «Авенариус», 1996. С. 217—218) на то, что в книге Г. Струве «Русская литература в изгнании» (1-е изд., 1956) не упомянуто имя Я. Воинова (*Андреев Ник.* Литература в изгнании // *Гр* № 33. 1957. С. 168).

См.: *Исаков С. Г.* Русские в Эстонии. 1918—1940: Историко-культурные очерки. Тарту, 1996 (указ.); Русская печать в Эстонии 1918—1940: Биобиблиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции: В двух выпусках / Сост. Ольга Фигурнова. М.: Наследие, 1998. С. 192—196.

117. В Петербурге. Печ. по: *Воинов Я.* Саркофаг одной весны. Ревель, 1920. С. 25. Включено в *ПСРП* С. 51. Ср. описание города в том же году у поэта, оставшегося в Петербурге — Бориса Евгеньева (Рапгофа; 1892—1941):

Проспекты, переулки без конца.
Какой огромный, опустелый улей...
Забиты ставни. Стекла у дворца
Прострелены, видать, шальною пулей.

Одела всюду чахлая трава
Булыжники, пустые тротуары.
Доносит теплый ветерок едва
Унылое бренчание гитары.

Владеет Петербургом тишина,
Прошедшим дышат каменные груды;
И только из открытого окна
Трещат кузнечиками Ундервуды.

(*Евгеньев Б.* Заря. Пг., 1921. С. 10).

118. С.-Петербургская пасха. Печ. по: Последние известия [Ревель]. 1926. № 75 (1798). 3 апреля. С. 4. *Собор — монферранова ода!* — Исаакиевский собор (см. *ТУ*). *На Морской — фонариков нити* — В пасхальном стихотворении И. Северянина «Пасха в Петербурге» (1926) также упомянута Морская улица, при том, что северянинское «Где была из торцов мостовая, / Просмоленною пахло доскою» полностью соответствует следующим далее строчкам Воинова: «Солнцем полдня нагреты, / Дышат смолой торцы». *В чадных плошках земля* — С помощью плошек устраивалась иллюминация, ср.: «Большое впечатление в моем детстве производили на меня иллюминации, устраивавшиеся в Петербурге в царские дни. На всех улицах, на расстоянии трех-четырех саженей друг от друга, расставлялись так называемые "плошки", т. е. маленькие стаканчики, в которых горело какое-то масло» (*Оболенский* С. 15). *Кавалергард* — см. комм. к стих. Н. Агнивцева «Дама из Эрмитажа». *Лихач* — см. комм. к стих. Е. Антоновой «Сон о Петербурге». *«Посланник! У кучеров — галуны!»* — Ср.: «Посольские выезды — пароконные, в дышле, на дверцах карет или ландо герб своего государства; козлы накрыты особой накидкой, расшитой золотым позументом. На козлах сидели кучер и лакей в ливреях с позументами и в треугольных шляпах, надетых наискось» (*Засосов, Пызин* С. 52).

Волков Борис Николаевич (1894, Екатеринослав — 1953, Сан-Франциско). Учился на юрфаке Московского университета (1912—15). Участник Первой мировой войны, награжден Георгиевским крестом. В Гражданскую войну сражался в армии Колчака. В ноябре 1918 г. был отправлен омским правительством в Монголию с секретным поручением. В Урге он женился на дочери бывшего советника при монгольском правительстве бар. П. А. Витте. Судьба свела его также с «диктатором Монголии» бар. Р. Ф. Унгерн фон Штернбергом, о котором он впоследствии написал воспоминания (Hoover Institute). Какое-то время жил в Харбине. Рассказ о своих приключениях в Монголии анонимно напечатал в газ. «Новости жизни» (1921). В середине 20-х гг. переехал в Калифорнию, работал портовым грузчиком (цикл стихов в его будущей книге стихов будет назван «Грузчик»). Жил в Сан-Франциско, был членом местного лит.-художественного кружка, возникшего в 1921 г. на квартире поэтессы Елены Петровны Грот (1891—1968), его стихи печатались в коллективных кружковских сборниках, изданных в Сан-Франциско: «Дымный след» (1925), «Калифорнийский альманах» (1934), «У Золотых Ворот» (1957). Печатался в ж-лах «Вольная Сибирь» (Прага), «Москва» (Чикаго), *Руб, РЗ, Воз-2,* в *НРС.* В 1934 г. издал свой единственный сборник стихов «В пыли чужих дорог» (Берлин) (Г. Адамович откликнулся на него в обзоре нескольких текущих поэтических книг, *ПН* 1934. № 4705. 8 февраля. С. 2). Книга о Монголии «Царство золотых Будд» опубликована частично.

См.: *Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. С. 78.

119. Н. Гумилев. Печ. по кн.: *Волков Б.* В пыли чужих дорог. Берлин: Парабола, 1934. С. 46. См. гумилевский мотив в его стихотворении «В госпитале» (У Золотых ворот. Лит.-худ. кружок в Сан-Франциско. Oakland, 1957. С. 169):

Умереть под победный рев
Смертью простой солдата,
Как расстрелянный Гумилев
В стихах написал когда-то.

Воробьев Николай Николаевич (наст. фам. Богаевский; 8 (21) ноября 1908, Петербург — 3 июля 1989, Пеббл Бич, Калифорния). В биографической справке сказано: «В течение последних 16 лет преподает русский язык в одном из колледжей на Западном побережье США <имеется в виду Военный институт иностранных языков в Монтерее (Калифорния)>. Помимо этого, им был создан в 1951 году хор из американских студентов, в репертуар которого входят русские народные песни и церковные песнопения. Хор, насчитывающий около 120 человек, с успехом выступает на Западном побережье. Между прочим, в 1960 году, впервые после 1808 года, им была исполнена в г. Сан-Франциско песня, сочиненная русскими на Ситке (Аляска), затерянная, забытая и вновь обретенная благодаря тому, что мелодия и текст передавались из поколения в поколение среди местного индейского племени.

Литературная деятельность Н<иколая> Н<иколаевича> В<оробьева> довольно многолика. Будучи казаком, он много пишет на чисто казачьи темы и является постоянным сотрудником парижского журнала "Родимый Край", а также "Казачьего Энциклопедического Словаря" в США. Кроме этого, он многие годы посвятил изучению истории Калифорнии в период испанского владычества и сделал несколько стихотворных зарисовок, отражающих эту эпоху. Параллельно этому, интересуясь местным индейским фольклором, он изложил в стихотворной форме легенды, рассказанные индейцами-сказителями, стараясь почти дословно следовать тексту устной передачи. В недалеком будущем он собирается издать перевод стихов американской поэтессы XIX века Эмили Дикинсон. Совсем недавно он выпустил поэму "Кондратий Булавин", в которой описывается восстание донских казаков в царствование Петра Великого.

В свободное время занимается живописью» (*Сод* С. 516).

К этому следует добавить, что, бежав из России, поэт жил в Египте, Турции, Югославии, Германии. В США перебрался в 1950 г. Автор трех поэтических сборников: поэмы «Кондратий Булавин» (1965), «Стихи о разном» (1969), «О человечках с другой планеты» (1972) (рец. Ю. Терапиано на два первых сборника см. в *РМ* 1972. № 2906. 3 августа. С. 8—9).

120. «СПб — дел Петровых страница...». Печ. по: *НРС* 1972. № 22582. 11 апреля. С. 3. Включено в *Мы жили* Т. 3. С. 314.

Воронцовский Владимир Георгиевич (псевд. Н. Холмский), журналист, поэт, драматург; сотрудник дореволюционных журналов «Современник», «Рампа и жизнь». В эмиграции жил в Шанхае, был соредакто-

ром журнала «За рубежом» (вместе с А. Гуминским, Б. Неллиным и П. Черкезом), редактировал «Новости театра» (на рус. и анг. языках). Печатал критические статьи и рецензии в шанхайской газете «Русское эхо», см., напр., «В Берлине птахи поют» (1922. № 575. 10 июня. С. 4) — о берлинских изданиях «Стихи к Блоку» М. Цветаевой и «Опустошающая любовь» И. Эренбурга; по-видимому, ему принадлежит рецензия (В. В.) на журнал «Сполохи» (1922. № 5): «Наивно было бы утверждать, что в одну литературную телегу "впрячь можно" изящного и правдивого Бунина с неумывшейся после долгого пребывания в мужской спальне Л. Столицей (3-е стихотворение ее "из дневника любви"» (1922. № 535. 23 апреля. С. 6). Издал драму из советской жизни «Заснувшие колокола» (Шанхай, 1923). Печатался в журнале Д. Бурлюка «Китоврас» (1924). Автор вступительной статьи к сборнику стихов Р. М. Корносевича «Кандальный перезвон» (Нью-Йорк, 1925). Автор сборника «Стихи: Тетрадь 1-я» (Нью-Йорк: Китоврас, 1924; рец.: Ж. Нуара <Я. Окснер> в берлинской газете «Время». 1924. № 332. 1 декабря. С. 3).

121. Петербург. Печ. по: Свирель собвея. Нью-Йорк. 1924. С. 30. *И вздрогнувший чугунный идиот* — Памятник Николаю I, см. *ТУ.*

Галич Юрий Иванович (наст. фамилия: Гончаренко; 10 июня 1877, Варшава — 12 декабря 1940, Рига). Из родовитой семьи кадровых военных: отец — генерал-майор, воспоминания Галича о деде «Воскресшие тени» см. *Сег* 1927. № 94. 29 апреля. С. 3. В гимназии был однокашником поэта Александра Добролюбова (см. его очерк «Анаконда» // *Сег* 1930. № 82). Учился в Полоцком кадетском корпусе, затем в Петербургском Николаевском кавалерийском училище, после которого был произведен в корнеты лейб-гвардии кирасир. Окончил в Петербурге Военную Академию Генерального штаба (1903) и Высшую офицерскую школу верховой езды (1904). С 1911 по 1914 гг. служил начальником штаба Усть-Двинской крепости. В годы Первой мировой войны находился в действующей армии, участник Брусиловского прорыва. После Февральской революции — генерал-майор. Первый сборник стихов, «Вечерние огни», опубликовал в Петербурге в 1907 г. Рецензент журнала «Перевал» писал: «...в сумерках наших безотрадных дней даже эскадронным поэтам полагается иметь свой идеал. И вот, в стихотворении, помеченном незабвенной отныне исторической датой 12.III.1902 г. Гончаренко смело посылает свой восторженный "привет из крайней правой" "на (?) пост *завидный* командирский"

Тому, кто был *наш* идеал,
Кто в нас будил живые чувства,
Кто нам с любовью завещал
Высокий образец *искусства*...(?)

Может быть, заключительные слова этой строфы и мало понятны всем непосвященным в высокое искусство работы мундштуком и трензельными поводьями при внезапной перемене аллюра, но это и не важно: завидный идеал показан читателю и притом во всем блеске кирасирского мундира» (Перевал. 1907. № 7. С. 60). В статье А. Блока «Литературные итоги 1907 года» назван в числе авторов, о творчестве которых «нет не только возможности, но и особенной необходимости рассуждать» (из других авторов настоящего издания в это число входит А. М. Федоров).

В августе 1918 г. бежал в Киев. После эмиграции из России попал на о. Халки, откуда отправился — через Индийский океан — во Владивосток, где провел три года (одно время работал цензором, много публиковался в местных изданиях). Затем оказался в Берлине, где сотрудничал в газете А. Ф. Керенского «Дни». В 1923 г. переселился в Ригу, работал в качестве кавалерийского инструктора в Военной школе, судьей на ипподроме. В эти годы становится постоянным сотрудником *Сег*, печатался также в местном журнале «Для Вас» (с 1934 г.). За годы, проведенные в Риге, издал в общей сложности 13 книг, среди них единственный поэтический сборник — «Орхидея» (1927), рецензируя который Н. М. <Бахтин?> отмечал сильное северянинское влияние (*Зв* 1927. № 6. С. 371), тот же в сущности упрек содержит рецензия В. Сирина (Набокова), хотя имя Северянина здесь не названо (*Р* 1927. № 2053. 31 августа. С. 4).

После захвата Латвии советскими войсками, опасаясь преследований за отказ стать агентом НКВД, покончил жизнь самоубийством.

Автор большого количества прозаических произведений — рассказов, повестей, романов: «Императорские фазаны» (1926), «Золотые корабли» (1927), «Китайские тени» (1927), «Легкая кавалерия» (1928), «Остров жасминов» (1928), «Красный хоровод» (1929), «Зеленый май» (1929), «Волчий смех» (1930), «Звериада» (1931), «Роман царевича» (1931), «Синие кирасиры» (1936). По поводу «Волчьего смеха» П. Пильский писал: «У Юрия Галича создалась даже своя собственная публика, и не трудно определить читательские группы, влекущиеся к его сюжетам и темам. Это люди, заинтересованные незнакомой жизнью, бытом, навыками, обстановкой погибших слоев русского общества. Любопытно заглянуть на придворный бал, посмотреть, как жили-были гвардейцы, как проходили дни в штабах, как чувствовали, что думали, как велась работа на войне, в строю, на бивуаках, в офицерских собраниях, в крепостных гарнизонах. <...> Галич — занимательный рассказчик преимущественно на темы и сюжеты войны и военной среды...» (*Сег* 1930. № 34. 3 февраля. С. 6).

Петербургская тема Галича не исчерпывается текстами, включенными в наст. антологию. См. его стихи, вошедшие в другое аналогичное издание:

Думы

За Бахмачом — поля печальные ворон,
Сверкнули вечером
огни шумливой Орши.
А утром Петроград...
Заплеванный перрон.
И флаги красные...
И думы горше, горше.

Белый ментик

Это было как виденье —
Бармы, трон, орел двуглавый,
Блеск знамен и клич фанфарный,
Белый май и алый март.

И сверкнул на гордой башне,
И погас в заре кровавой —

Желтый с черным, желтый с черным,
Императорский штандарт.

(«Вознесенный в небо шпиль адмиралтейский...»
Поэты Риги — Петербургу / Сост. С. Журавлев.
Рига, 2003. С. 15).

См. воспоминания дочери: *Гончаренко Н. Ю.* О моем отце // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. 1. Таллинн: «Авенариус», 1996. С. 265—275. О деятельности Галича в *Сег* см.: *Абызов Юрий, Равдин Борис, Флейшман Лазарь.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов <В 5-ти кн. >. Stanford, 1997 (Stanford Slavic Studies. Vol. 13—17) (по указ. имен).

122. Старый Петербург. Печ. по: *Галич Юрий.* Орхидея: Тропические рифмы. Рига, 1927. С. 12—13. Перепеч. в ж-ле «Для Вас». 1935. № 34. 17 августа. С. 7.

123. Мираж. Там же. С. 63. Перепев одноименного стихотворения Саши Черного с иным финальным решением (см. в наст. изд.). *Корвет* — парусное трехмачтовое судно средних размеров. *Якорный таль* — грузоподъемник, с помощью которого поднимается якорь. *Кливер* — косой треугольный парус, находящийся перед фок-мачтой (передней мачтой).

Галь Юрий Владимирович (1921, Ленинград — 8 ноября 1947). Жил в Ленинграде. В 1928 г. родители разошлись, и его воспитывала мать. В начале Отечественной войны пошел добровольцем в ополчение, несмотря на наличие брони по болезни (см.: Нева. 2002. № 9), под Пушкином попал в немецкий плен. В плену ему помогал философ и поэт, эмигрант первой волны Н. С. Арсеньев. В 1943 г. был перемещен в Эстонию, где познакомился с Ю. П. Иваском, см.: *Галь Юрий.* Письма // *Оп* № 4. 1955. С. 91—103 (об этих письмах Г. Аронсон писал, что они «недостаточно значительны как человеческий документ, хотя драматическая судьба 23-летнего Галя естественно вызывает сочувствие», *НРС* 1955. № 15709. 1 мая. С. 8; ср. с их оценкой Г. Адамовичем: «Письма Ю. Галя <...> замечательны как свидетельство того, что и в теперешней России уцелели люди, совсем еще молодые, ни на иоту не поддавшиеся умственному очерствению, сознательно тянущиеся к тому, что там осмеяно», *НРС* 1955. 15 июня); Ю. Иваск включил шесть его стихотворений в *НЗ.* В Эстонии Галь познакомился также со своей будущей женой И. Борман (псевд.: Ир-Бор). В 1944 г. перебрался к родственникам в Германию, оттуда в польский город Тушин, где лечился от туберкулеза. По окончании Второй мировой войны арестован советскими войсками. Получил 10 лет и был сослан в Сибирь в инвалидный лагерь Баим, где и умер. «Один вопрос Вам, — писал он Ю. П. Иваску за три года до смерти. — Оставлю я такой след в русской литературе, как 22-летний Веневитинов? Если да, то о большем я и не мечтал никогда. Еще в 1940 г., в Ленинграде, я завидовал Веневитинову» (*Оп* № 4. С. 96—97).

Его знакомая по лагерю Т. П. Милютина, вспоминавшая о нем — «Юра, как губка, впитавший в себя все драгоценное Ленинграда, прекрасно знавший архитектуру и живопись», — опубликовала подборку его стихов в «Блоковском сборнике». Ср. там же статью З. Минц, в которой, в частности, говорится, что он «испытал очень заметное воздействие традиций акмеизма <...> Ленинград — и поэтическая тема, и высокий идеал — "мир искусства", и сдержанно, но глубоко

эмоциональный, ностальгический образ юности» (*Минц З. Г.* О Т. П. Милютиной, ее воспоминаниях и о поэте Юрии Гале / Вступ. ст. // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1990. Вып. 917. Блоковский сборник XI. С. 107—122). См. также: «И потеряется мой след...»: Неизвестные стихи Юрия Галя / Публ. Льва Мнухина // *РМ* 1992. № 3945. 11 сентября. С. 10; *Милютина Т.* Люди моей жизни. Тарту, 1997. С. 236—257; За что? Проза. Поэзия. Документы. М.: Новый ключ, 1999. С. 275—280.

124. Петербург. Печ. по: *Гр* № 13. 1951. С. 104. Включено в *НЗ* С. 328. *Шпиль Трезини* — шпиль петропавловского собора. *Решетка Фельтена* — решетка Летнего сада.

Ганский Леонид Иосифович (наст. фам. Гатинский; 1905 Лодзь — 1 августа 1970, Париж). «Я родился в 1905 г. в Лодзи, — писал о себе поэт, — потом учился во 2-ой Киевской классической гимназии, затем жил и учился в Ленинграде. В 1926 г. уехал во Францию.

В Париже печатал стихи спорадически в "Числах", в "Сборниках Союза молодых поэтов", в "Современных Записках", "Содружестве" и "Возрождении" — до войны. Издал два сборника стихов: "На весу" (1962) и "Слова" (1965)» (*Сод* С. 517).

Был женат на поэтессе Т. Мандельштам-Гатинской (сестре погибшего в годы Второй мировой войны в нацистском лагере Ю. В. Мандельштама), написавшей на его смерть стихотворение «Нет жажды более мучительной» (*Мандельштам-Гатинская Татьяна.* Пламень жизни. Paris, б/г. С. 20).

125. Стихи 1965 года. Печ. по: *Сод* С. 141. *Площадь Согласия* (Place de la Concorde) — площадь в центре Парижа, перед входом на Елисейские поля, ведет свою историю с 1763 г. (арх. Жак-Анж Габриэль).

Гарднер Вадим Данилович (полное имя: Вадим Данилович де Пайва-Перера Гарднер; 18 (30) июня 1880, местечко Марко-Вилле под Выборгом — 20 мая 1956, Хельсинки) родился в семье переселившегося в Россию американца Даниеля Томаса де Пайва-Перера Гарднера и русской писательницы Екатерины Ивановны Дыховой (1849—1936). После окончания 7-й петербургской гимназии учился на юридическом факультете Петербургского университета, но был исключен за участие в революционных событиях 1905 г.; юридический курс окончил в Юрьевском университете (нынешнее Тарту). Первый поэтический сборник «Стихотворения» вышел в 1908 г. (упомянут А. Блоком в рецензии в «Русской мысли» (1909. №) 1 на стиховой поток малообещающих авторов). Второй — «От жизни к жизни» — в 1912 г. (Москва, изд-во «Альциона»); стихи оккультного содержания появлялись в «Вестнике теософии» за 1909 г. К поэзии Гарднера не без сочувствия отнесся Гумилев в «Письмах о русской поэзии» (Аполлон. 1913. № 3), хотя и предостерегал от дилетантства. Посещал знаменитую «Башню» Вяч. И. Иванова (см. его письма Иванову, ОР РГБ. Ф. 109. К. 15. Ед. хр. 55; частично опубликованы Н. А. Богомоловым в «Новом литературном обозрении». № 19. 1996. С. 191—194). Входил в «Цех поэтов». Через дачное финляндское соседство был дружен с М. Л. Лозинским, который одобрительно отозвался о его сборнике (Гиперборей. 1913. № 5) и принял его стихи для публикации (Гиперборей. 1913. № 6). В годы Первой мировой войны был послан российскими властями в Англию, работал в Комитете по снабжению союзников оружием (Гумилев писал о нем Ахматовой в 1917 г., что он «проводит

время исключительно в обществе третьеразрядных кокоток и презирает Лондон и все английское — этакий Верлен» (*Гумилев Н.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1991. С. 245)); откуда в апреле 1918 г. вернулся через Мурманск в Петербург на одном пароходе с Н. Гумилевым (это путешествие впоследствии описано в его поэме «Из дневника поэта», 1922, см.: A Biographical Poem by Vadim Gardner about a Sea Voyage from England to Murmansk in 1918, with commentary by Ben Hellman // Gumilev Nikolaj. 1886—1986 / Ed. by Sheelagh Duffin Graham. Berkeley Slavic Specialties, 1987. P. 148—154).

В 1921 г. эмигрировал в Финляндию.

До советско-финской войны жил в имении матери в Метсякюля на Карельском перешейке, после советской оккупации перебрался в Хельсинки. В 1929 г. в Париже вышел его единственный в эмиграции поэтический сборник «Под далекими звездами» (рецензия на него Н. Ст<анюковича> носила нескрываемый иронический характер: *ПН* 1929. № 2969. 9 мая. С. 3). В эмиграции занимался переводами русской поэзии на английский язык («Евгений Онегин», стихи Лермонтова).

Два сборника Гарднера изданы в 90-е гг.: У Финского залива: Избранная лирика / Сост. Темира Пахмусс, Бен Хеллман. Хельсинки: «Гранит», 1990 (рец. А. Пушкина в *НЖ* № 182. 1991. С. 388—390) и Избранные стихотворения / Сост. О. Б. Кушлина, П. Х. Тороп. СПб.: Акрополь, 1995.

Петербургская тема проявилась в поэзии Гарднера еще до революции, см., к примеру, его стихотворения «Петербург» или «Сплин» (в сб-ке «От жизни к жизни») или «Петербургская зима» (Русская мысль. 1913. № 10. С. 16):

Две-три звезды. Морозец зимней ночки.
Еще на окнах блестки и узоры,
То крестики, то елки, то цепочки—
Седой зимы холодные уборы.

Как хорошо! Как грусть моя свежа,
Как много сил! Я думал—все пропало...
Душа блестит дрожа и ворожа,
И сердце жить еще не начинало.

Я жил, но жизнь еще не та была;
Я рассуждал, желал и делал что-то;
Простых чудес моя душа ждала. —
Что для нее житейская забота?

Застрекотал промчавшийся мотор...
Идут с катка веселой вереницей;
Блестят коньки в руках у круглолицей...
Здоровье... смех... румянец и задор.

И под руку идет за парой пара.
Снежки... В снегу спина и воротник;
Глотает снег мальчишка-баловник...
Высокий стог стоит у тротуара.

Две-три звезды. Морозец зимней ночки.
Еще на окнах блестки и узоры —
То крестики, то елки, то цепочки,
Седой зимы холодные уборы.

См.: *РП* Т. 1. С. 523 (автор статьи — Д. И. Магомедова); *Пахмусс Темира.* О поэзии Вадима Гарднера // *Вадим Гарднер.* У Финского залива. С. 5—21; *Тороп П. Х.* Вадим Гарднер // Новое литературное обозрение. 1996. № 18. С. 210—215; Вадим Гарднер: Материалы к библиографии / Сост. Марина Кучинская // *Диаспора* Т. 4. С. 657—670.

126. Здесь и там. Печ. по: *Гарднер Вадим.* У Финского залива. С. 92—94. Вошло в сборник «Под далекими звездами». См. мотив катания на коньках также в стих. В. Набокова «Петербург» («Мне чудится в Рождественское утро»).

127. Наводнение 1924 г. Там же. С. 98—101. Вошло в сборник «Под далекими звездами». Наводнение, которое произошло 23 сентября, было второе по силе за всю историю Петербурга (самое разрушительное случилось столетие перед этим, 19 ноября 1824 г.). См. сделанную в этот день запись в Дневнике Н. Пунина: «<...> ветки дико качались за окнами. Вышел в мокрый сад, мальчик из дома возбужденно рассказал, что в Фонтанке очень высокая вода. Вода, действительно, была на четверть от края набережной, с крепости стреляли. Ветер временами вырывался из-за поворота Фонтанки за Аничковым мостом и, подымая мутные и желтые волны, гнал зыбь и брызги; водяная пыль обдала меня, когда я еще выходил из ворот Шереметевского дома. <...> Грозной была Нева; огромные волны хлестали у самого парапета, брызгали на людей, падали, пенясь; вся набережная всплыла, шашки, шурша, двигались сплошной массой по поверхности воды. Вдаль ничего не было видно, от этого тучи казались еще ниже; на мосту свистел дикий, порывистый ветер; этого свиста я не забуду, его не расскажешь; свист пронзительный и хищный, рвавшийся под тучами над самой нашей головой, минутами он затихал, улетая куда-то дальше, и тогда гудело по всему горизонту, как от каких-то гигантских проводов. Опять стали чаще стрелять; несколько раз ветер так рванул, что нам пришлось взяться за перила моста; было страшно от темного, обезумевшего и громадного; лица попадавшихся на мосту уже немногих прохожих стали серьезны. В это время где-то недалеко над нами сплошная масса серо-черных туч на минуту разорвалась, и в темноте ночи побежал желтый свет, потом все опять заволокло, заклубилось, засвистело, полил дождь; глухо доносились выстрелы, они не казались такими вещими в этом грохоте, свисте и гуле. Мы вскочили в последний уходивший в парк трамвай и вернулись домой. Двор у Шереметевского дома был весь залит, дрова, сложённые в поленницы, размыло; кажется, было 7 часов, когда пришли в квартиру, электричество не горело, вода в водопроводе не шла. Было очевидно, что наводнение огромно» (*Пунин Н. Н.* Мир светел любовью. Дневники. Письма. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. С. 225, 227). Русскому художнику *Илье Ефимовичу Репину* (1844—1930) Гарднер посвятил также стих. «И. Е. Репину (Прочитано у могилы)». *Пропсы* — от prop (англ.) — подпорка, опора. *Как сто лет назад - острова* — Намек на «Медный всадник» Пушкина: «Перегражденная Нева / Обратно шла, гневна, бурлива, / И затопляла острова». *Улицы в потоки обратила - Всплыли шестигранники торцов...* — ср. в воспоминаниях эмигранта: «Из-за этих самых торцов я чуть не утонул в 1924 году на Невском проспекте, который я вздумал перебежать во время внезапного наводнения. Мостовая вдруг поднялась под напором воды. Я провалился по пояс, и взбунтовавшиеся торцы стали давить со всех сторон. Чья-то сердобольная рука, протянутая с тротуара, вытащила

меня на ступени Аничковского дворца. Вскоре торцы со всех улиц поплыли к Финскому заливу со странным скрипом и гулом, точно деревянный ледоход. На следующее утро тогдашний Петроград как бы бесстыдно опролетарился, зазиял дырами, заголился, и казалось, что с этими остатками городской роскоши уплыли последние отличия царственного города» (*Доминик Лев.* Петербург [1907—1917]. Звуки! // *РМ-2* 1976. № 3088. 29 января. С. 9). Описание наводнения см. также в стихах, представленных в наст. изд., — «Наводнение» В. Горянского и 1-я строфа «Оды изгоя» Ю. Иваска.

128. Картинки прежнего Петрограда. Печ. по: *Гарднер Вадим.* Избранные стихотворения. СПб.: Акрополь, 1995. С. 30—34. Вошло в сборник «Под далекими звездами». *Рою детей улыбаясь - Крылов,* ср.: «Не самый Летний сад с его дедушкой Крыловым и с загадочными белыми людьми прельщал меня. Этих белых голых людей я даже несколько побаивался, особенно одного страшного каменного человека, пожиравшего белого ребенка. Я старался не проходить мимо этого страшного человека и тянул няню в боковую аллею к доброму дедушке Крылову, окруженному добрыми зверями» (*Оболенский* С. 10). *Конная статуя Николая - гренадер* — ср. в «Шуме времени» (1925) О. Мандельштама: «Конный памятник Николаю I против Государственного совета неизменно, по кругу, обхаживал замшенный от старости гренадер, зиму и лето в нахлобученной мохнатой бараньей шапке. <...> Мы, дети, заговаривали с дряхлым часовым. Он нас разочаровывал, что он не двенадцатого года, как мы думали. Зато о дедушках сообщал, что они — караульные, последние из николаевской службы и во всей роте их не то шесть, не то пять человек» (*Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1990. С. 8). *Против Фемиды - орудий...* — Здание Старого Арсенала на Литейном пр. с 1865 г. было превращено в петербургский Окружной суд — отсюда образ Фемиды (см. *ТУ*), ср.: «Конечно, проходя мимо Артиллерийского управления <находилось на территории Старого Арсенала>, я задерживался у старинных зеленых пушек, стоящих визави Окружного суда, точно они собирались в него палить. Пушки были выстроены в порядке их роста, и оба симметричных ряда кончались маленькими пузатыми мортирами, которые особенно мне нравились. Интересно было рассматривать выпуклые украшения на дулах, колесах и лафетах, гербы, ручки в виде дельфинов и непонятные надписи вязью» (*Добужинский* С. 10). *Купол собора звездами светится* — По всей видимости, собор Преподобного Сергия (см. *ТУ*). *Белые стены другого собора - вкруг него* — Спасо-Преображенский собор. *Крест над больницей, и Принц Ольденбургский...* — Мариинская больница и памятник ее попечителю П. Г. Ольденбургскому (1812—81). *«Новое время»* — газета в России (1868—1917), ред. и изд. А. С. Суворин. *«Листок Петербургский»* («Петербургский листок», с 1914 — «Петроградский листок») — газета, издававшаяся в России в 1864—1917 гг. *Промелькнули казармы* — см. *ТУ*: Семеновского полка казармы. *Синих семеновцев ряд* — лейб-гвардии Семеновский полк, один из первых в русской гвардии, сформирован Петром I в нач. 90-х гг. XVII в. из солдат «потешных» войск, которые размещались в подмосковном с. Семеновское. *Паром клубясь, паровозы гудят* — рядом с Семеновским плацем находится Царскосельский (Витебский) вокзал. *Кирасиры, кавалергарды* — см. комм. к стих. Н. Агнивцева «Дама из Эрмитажа». *Кроваво-красные гусары - символ наших дней* — Намек на красную кавалерию (возможно, экспрессия кроваво-красного цвета

отталкивается от посвященного декабристам стих. советского поэта Н. Асеева «Синие гусары», появившегося в мартовской книжке «Нового мира» за 1926 г.). *Черкеска* — перенятый у кавказских народов род верхней одежды, которую обычно носили казаки. *Преображенцы* — офицеры и солдаты, служившие в лейб-гвардии Преображенском полку; сформированном, как и Семеновский, Петром I в нач. 90-х гг. XVII в. из тех же «потешных» войск, размещавшихся в с. Преображенском под Москвой (расформирован 20 мая 1918 г.). *Ментик, доломан* — разновидности коротких гусарских курток; опушенный мехом ментик обычно носили внакидку, на левом плече, он был украшен расшитыми шнурами на обшлагах, груди и спине; доломан надевался под ментик, носился с кушаком и был раскрашен в цвет полка, к которому принадлежал гусар. *Гренадеры* — отборные пехотные войска, состоявшие, как правило, из солдат-ветеранов. *Институтки* — воспитанницы Женского института, иначе института благородных девиц. *Лихач* — см. комм. к стих. Е. Антоновой «Сон о Петербурге». *Вейки* (финск. veikko — дружок) — финн-извозчик с разукрашенной лентами и бубенцами запряжкой, приезжавший на масленицу для катанья, которое стоило «рицать копеек» (см. главу посвященную «вейкам» в кн.: *Успенский Лев*. Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970. С. 108—112). «Вейки» вошли неизменной деталью в большое количество художественных и мемуарных текстов о праздновании масленицы в Петербурге (и даже обозначали, как в «Шуме времени» О. Мандельштама, наряду «с крашенными яйцами, елками, стальными финляндскими коньками, декабрем <...> и дачей» какую-то важную веху в календарном движении годового времени), см., к примеру: «...мужчины занимались рыбной ловлей, а на масленицу приезжали в Петербург вейками...» (*Тимирязев Б.* <Ю. Анненков> Повесть о пустяках <1934>. М.: МИК, 2001. С. 21) или в стихотворении Анны Ахматовой «Мой городок игрушечный сожгли...» (1944): «На масленой блины, ухабы, вейки...», ср. в эмигрантской поэзии — у Ю. Трубецкого: «...Летний Сад ворожил и пел, / Масленичными вейками, / Бубенчиками звенел»; см. также в воспоминаниях эмигрантов о «былом Петербурге»: «Самым веселым временем в Петербурге была Масленица и балаганы. Елка и Пасха были скорее домашними праздниками, это же был настоящий всенародный праздник и веселье. Петербург на целую "мясопустную неделю" преображался и опрощался: из окрестных чухонских деревень наезжали в необыкновенном количестве "вейки" со своими лохматыми бойкими лошадками и низенькими саночками, а дуги и вся упряжь были увешаны бубенцами и развевающимися разноцветными лентами. Весь город тогда наполнялся веселым и праздничным звоном бубенчиков, и такое удовольствие было маленькому прокатиться на вейке. Особенно, если сидеть на облучке, рядом с небритым белобрысым чухной, всегда невозмутимо сосущим свою "носогрейку". Извозчики презирали этих своих конкурентов — вейка за всякий конец просил "ридцать копеек" — и кричали на них: "Эй, ты, белоглазый, посторонись!"» (*Добужинский* С. 17—18); «На масленицу на петербургских улицах появлялись в большом количестве т. наз. "вейки". Это были финны со своими небольшими, но довольно широкими санками, в которые были запряжены бойкие лошадки, увешанные бубенцами и лентами.

Возницы плохо знали город и, как правило, за всякий конец запрашивали "ридцать" (тридцать) копеек.

Катанье на "вейках" входило в обязательную программу увеселений петербуржцев на масленой.

"Вейки" часто вываливали своих пассажиров, попадая полозьями саней в рельсы, но это принималось как добавление к общему развлечению.

В таких случаях прохожие с удовольствием приходили на помощь пострадавшим» (*Нагель А. П.* На улицах старого Петербурга (Обыденные картины) // *Воз-2* № 54. 1956. С. 40—41); «На масленице из Финляндии приезжало много "веек". Особенно в последний день перед постом повсюду виднелись маленькие санки, запряженные резвой небольшой лошадкой, разукрашенной лентами и бубенцами» (*Гейштер К.* Былой Петербург // *НРС* 1967. № 19816. 11 июня. С. 2), «На масленице, когда иногда уже пахло весной, город вдруг наполнялся "вейками". На их упряжках звенели бубенцы и развевались разноцветные ленты. Окрестным крестьянам-финнам (петербуржским чухонцам) разрешалось заниматься в течение масляной недели извозным промыслом в Петербурге, на радость не только школьникам, но и взрослым» (*Борман Аркадий.* Мой Петербург // *НРС* 1969. № 20501. 26 апреля. С. 3), «На масленице в городе появлялись финские извозчики, "вейки", у которых к лошадиной дуге были прикреплены бубенцы, разноцветные ленты и искусственные цветы» (*Стоскус* С. 6); «Исчезли на моей памяти и "вейки". Точнее говоря, не исчезли, а были полицейскими распоряжениями оттеснены на окраины города. Да и вейки-то последних лет перед революцией были не настоящие, а по большей части — переряженные петербургские извозчики. В моем детстве это были настоящие вейки, подлинные "пасынки природы" — финны, приезжавшие на своих маленьких сытых лошадках из далеких финских деревень. С первого дня масленой недели весь город заполнялся вейками (Бог знает, почему их так называли). Они не знали улиц Петербурга и за любой конец брали "ривенник" — единственное русское слово, которое умели произносить. И вот за "ривенник" в маленькие санки садилось 4—5 человек, а суровый флегматик-финн мчал такую веселую компанию через весь Петербург. По Невскому вейки носились целыми тучами наперегонкн, поощряемые подвыпившими седоками. Мужчины гикали, женщины визжали, а бубенчики заполняли воздух своими веселыми переливами. Мало кто в дни масленой недели садился на извозчиков, которые имели угрюмый вид и норовили клестнуть кнутом всякого обгонявшего их вейку: "Ишь, черт желтоглазый!"» (*Оболенский* С. 13); вейки сохранились до 20-х годов, см. у родившегося в Петрограде в 1921 Л. Друскина: «Как слезы, нахлынули воспоминания: детство... "вейки"...» (*Друскин Лев.* Спасенная книга. СПб.: Библиотека «Звезда», 1993. С. 106). См. о масленице также «Очерки старого Санкт-Петербурга», подписанный Гр. А. Д. (Вечернее время (Париж). 1925. № 260. 1 марта. С. 2—3); ср. в воспоминаниях Н. Вороновича «Пасха в Царском Селе», рассказывающего о пасхальных празднествах и параллельно описывающего масленицу (*НРС* 1958. № 16360. 13 апреля. С. 2). *На «Войну Отечественную» - пришел — Малафеев Василий Малафеевич* — купец 2-й гильдии, создатель и владелец Народного русского театра на Царицыном лугу (Марсово поле), где разыгрывались балаганные и лубочные представления во время масленичных и пасхальных гуляний, см. об этом в кн.: *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища конца XVIII — начала XX века. Л., 1988. С. 164—197, ср. *Горный Сергей.* Пасха (детство) // Русская газета (Париж). 1925. 19 апреля; *Его же.* Масленица (очерки старого Санкт-Петербурга) // Вечернее время (Париж). 1925. 16, 23, 25 февраля; о

балаганах в старом Петербурге см. в театральных воспоминаниях А. А. Плещеева «Под сенью кулис...» (Париж, 1936. С. 133—137), мемуарах *Оболенского* (С. 12—13); см. еще в стих. М. Струве «Таврическое гулянье», «На "Островах"», включенных в наст. изд.

Гейнц Нина. Как поэтесса печаталась в *Р* и *Воз-2.* Занималась также переводами, см., к примеру, переводы «Из С. Баке» (*ПН* 1923. № 1055. 30 сентября. С. 2). Некоторое время, будучи в эмиграции, жила в Норвегии.

129. Тучкова набережная. Печ. по: *Воз-2* № 14. 1951. С. 60.

Гессен Алексей Владимирович (1900, Петербург — 9 июля 1925, Париж). Сын известного юриста и поэта профессора В. М. Гессена (1868—1920), одного из основателей кадетской партии, депутата II Государственной думы. После смерти отца и перенесенного тифа бежал за границу с братом Николаем. Какое-то время жил в Берлине, затем в Праге, где учился в Русском юридическом институте. Печатал стихи в *Р* и *РМ-1.* После Праги переехал в Париж, сотрудничал в *Воз-1.*

Некрологи: Венок на могилу А. Гессена // *Воз-1* 1925. № 40. 12 июля. С. 2 (статьи К. Зайцева, Г. Струве, П. Струве); Б/п. Памяти А. В. Гессена // Последние известия (Ревель). 1925. № 161. 18 июля. С. 3; *В. Д.* Алексей Гессен // Новое время (Белград). 1925. № 1264. 18 июля. С. 2.

130. Гвардейский офицер. Печ. по: *РМ-1* № 3—4. 1923. С. 76—77. В стих. слышатся отзвуки «Павловского офицера» Г. Иванова (впервые в его сб. «Сады», 1921), ср.: «Разносят вихрь приказов вздорных / По всей Руси фельдъегеря», «А рыцарь, маленький, курносый...», у Иванова: «Он знал, что каждый день летят фельдъегеря / В морозную Сибирь, где звон над рудниками», «Курносое лицо сквозь частый снег мелькнуло». *Выходят дамы - золоченых колымаг* — По установленному Павлом I обычаю, все встретившие его должны были выходить из экипажа (за нарушение церемониала полагалось строгое наказание, вплоть до ссылки в Сибирь). *А рыцарь - Мальтой удивляет мир...* — Павел I хотел создать в России рыцарское сословие наподобие европейского; 4 января 1797 г., по его указанию, была подписана Конвенция с Мальтийским орденом (основан в Палестине крестоносцами в нач. XII в. как орден иоаннитов, или госпитальеров; в 1530—1798 гг. находились на о. Мальта до ее захвата Наполеоном, откуда и происходило его название); сам Павел I был посвящен в сан Великого Магистра Мальтийского ордена (1798). *...То вводит - Фридрихов мундир* — Павел I ввел в армии немецкую форму одежды: длиннополый прусский сюртук, ботфорты, краги, шпоры, шпага, шляпа с широкими полями, напудренный парик с длинной косой. *Брут Марк Юний* (85—42 до н. э.), один из руководителей и участников заговора против Цезаря (по преданию, первый нанес ему удар кинжалом); глава восстания республиканцев против 2-го триумвирата; после поражения покончил с собой. *Куртаг* — В XVIII — нач. XIX в. прием или приемный день при императорском дворе, на который без особого приглашения съезжались лица, «имеющие приезд ко Двору». *Литой червонной табакеркой - висок* — Золотой табакеркой проломил Павлу висок Н. А. Зубов (1763—1805), зять А. В. Суворова; см. также комм. к стих. Н. Агнивцева «Павел I-ый».

Гингер Александр Самсонович (псевд.: Агния Нагаго; 1897, Петербург — 28 августа 1965, Париж). Родился в семье врача С. Г. Гингера, мать, М. М. Блюменфельд, в годы Второй мировой войны погибла в Освенциме (жили на Вознесенском проспекте, 23). В своем первом сборнике поместил стихотворение «Мой Петербург», датированное 1913-м годом:

Мой Петербург, родны мне все трущобы
Твоей зловонной, гнилостной утробы —
Милей душе, чем сказки мудрецов.

Сияньем синеватых фонарей
Ты душу утишал.
На бой подков ответный стук торцов
Ласкал мой слух.
Под этот звук жила мечта бодрей.

Эмигрировал из России в 1920 г., в 1921 г. поселился в Париже. Учился на филологическом факультете Сорбонны. Современник впоследствии так описывал его: «Неспешная походка, цепкие, как клещи, руки, — трудновато было не заметить мертвой хватки его рукопожатий, — спокойная, обнажавшая по десны ровные желтые зубы, улыбка, вечно загорелое, горбоносое лицо, — ничто не позволяло заподозрить в Гингере поэта» (*Федоров М.* В Русской Сорбонне: Из цикла Золотые годы русского Парижа // *РМ-2* 1977. № 3154. 2 июня. С. 8). Входил в самые ранние творческие формирования молодых поэтов-эмигрантов: «Палату поэтов», «Гатарапак», «Через», несколько позднее — в «Кочевье». Вместе со своей женой А. Присмановой и В. Корвин-Пиотровским образовал литературную группу «формистов». Обидевшись на Мережковских и не посещая заседания «Зеленой лампы», он и Присманова завели в своем доме «четверги», называвшиеся «Свиданиями поэтов» (см.: *Одоевцева И.* Несостоявшаяся встреча // *РМ-2* 1977. № 3148. 21 апреля. С. 10). Автор пяти поэтических сборников — все вышли в Париже: «Свора верных» (1922), «Преданность» (1925), «Жалоба и торжество» (1939), «Весть» (1957), «Сердце» (1965).

В рецензии на первый сборник Гингера В. Л<урье> писала: «Стихи А. Гингера еще совсем молоды и не сделаны, но они и приятны именно своими шероховатостями и неуверенностью. Поэт весь в исканиях; часто он не справляется со своим замыслом, стихи его бывают просто скучны или сквозь строки глядят самые различные поэты современности от Гумилева до Есенина. Но дело не в этом, а в том, что в каждом стихотворении Гингера видна работа и желание совершенствоваться. Затем приятен автор по темам. У него постепенно изживается слащавая сентиментальность и ноющая любовная лирика» (Дни. 1923. № 99. 25 февраля. С. 11). Необычность Гингера, его склонность к экспериментаторству отмечали многие критики (см., к примеру, сближение его поэзии с живописью М. Шагала в: *Татищев Николай.* Солнце и сердце: О стихах Александра Гингера // *Воз-2* № 168. 1965. С. 114). «В Париже, в особенности в 30-х гг., культивировалась *простота*, — писал Ю. Иваск в рецензии на четвертую книгу поэта, «Весть», — а Гингер — не прост. Он риторичен и склонен к стихотворным экспериментам. Его традиция державинская и отчасти футуристическая. Именно поэтому в Париже его как-то чуждались, хотя и признавали» (*Оп* № 8. 1957. С. 135), ср. с репликой Ю. Трубецкого: «Тон стихов А. Гингера отличается заметно от общего тона поэтов русского зарубежья» (*НЖ* № 50. 1957. С. 286). Признание особенной поэтической манеры Гинге-

ра граничило, однако, с тем, что В. Сосинский в связи со сборником «Преданность» определил как «постоянное юродство», отмечая, что его автор «уже достаточно выразил лирическую физиономию Смердякова» (Своими путями. 1926. № 12/13. С. 70); по существу о том же говорилось в другой рецензии на этот сборник (подписана М.), где подчеркивалось, что «автор любит бубнить. В его бесконечных "рассуждениях" есть что-то тяжелое. Им соответствует и своеобразная неуклюжесть гингеровских оборотов речи» (Парижский вестник. 1926. № 219. 24 января. С. 5), ср. указание на «чудаческие» словосочетания Гингера в рецензии Ю. Терапиано на сборник «Весть» (*НРС* 1957. № 15919. 27 января. С. 8).

Член масонской ложи «Северная звезда» (вступил в 1946 г.).

Работал корректором, через его руки прошел ряд книг писателей и поэтов-эмигрантов: «Избранные стихи» Д. Кнута (Париж, 1949), сборники стихов В. Булич (связанные с этим его письма к ней хранятся в архиве В. Булич в Славянском отделе Национальной библиотеки Финляндии, Хельсинки); ср. автограф С. Маковского на книге «Избранные стихотворения» М. Форштетера: «Дорогому Александру Гингеру от составителя этой книги, которой он очень помог своим верным глазом и дружеской работой. Сергей Маковский. 20/II. 1961. Париж» (хранится в Тургеневской библиотеке, Париж) или в письме к нему Г. Адамовича от 23 февраля 1959 г. по поводу книги Н. Кодрянской «Алексей Ремизов» (1959) (*НЖ* № 194. 1994. С. 299).

Писал также прозу (о негативном восприятии его прозаических опытов Б. Божневым см. в его недатированном письме последнего Гингеру от 1928 г.: *Устинов Андрей, Поливанов Константин.* На грани: Борис Божнев в 1930-е годы // From the Other Shore (Toronto). 2002. Vol. 2. С. 34).

См.: *Газданов Гайто.* Памяти Александра Гингера // *НЖ* № 82. 1966. С. 126—132; *Чагин Алексей.* «Насквозь мужественный мир» Александра Гингера // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. IV. 1939—1960 /Сост. и издатель М. Пархомовский. Иерусалим, 1995. С. 87—100; *Khazan Vladimir.* Some Observation on the Early Years of Émigré Poetry // Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись. Jerusalem; Tallinn, 2004. С. 153—181.

131. «Голубеет небесный свод...». Печ. по: *Гингер Александр.* Свора верных. Париж, 1922. С. 13. *Константин Андреевич (Абрамович) Терешкович* (1902—78), живописец, график; в эмиграции с 1920 г.; горячий сторонник художественного эксперимента, был близок к творческим установкам молодых поэтов гингеровского круга. См. в письме Г. Адамовича А. Бахраху от 29 ноября 1966 г. об участии Терешковича в вечере памяти А. Гингера (*НЖ* № 228. 2002. С. 158).

Гиппиус Зинаида Николаевна (20 ноября 1869, Белев Тульской губ. — 9 сентября 1945, Париж), одна из крупнейших русских поэтесс конца XIX — первой половины XX века; критик, прозаик, мемуарист.

132. Лазарь. Печ. по: кн.: *Гиппиус Зинаида.* Сияния. Париж: Дом Книги, 1938. С. 43—44. Первоначально: Окно: Трехмесячник литературы. I. Paris: Я. Поволоцкий и Ко, 1923. С. 50—51, под назв. «Рыжее кружево (о Петербурге), с датой: 8 ноября 1922; разночтения: в первой строфе, 4 стих: «почему огню на ней не гореть»; во второй строфе, стих 2: «пустоглазая, проворен бег»; в четвертой строфе, стих 2:

«конь не ржет, змей ни гу-гу». *Ты Строитель - ну и добро!* — Аллюзия на «Медный всадник» Пушкина: «Добро, строитель чудотворный!..» Финал стихотворения восходит к евангельской легенде о воскресшем Лазаре (Ин. 11).

Головина Алла Сергеевна (урожд. баронесса Штейгер, во втором браке — де Пелиши; 15 июля 1909, с. Николаевка Черкасского уезда Киевской губ. — 2 июня 1987, Брюссель). Родилась в семье выходцев из Швейцарии, отец — член Государственной Думы; брат — поэт-эмигрант А. С. Штейгер (1907—44); первый муж — скульптор А. С. Головин (1904—68). О себе сообщала: «Родилась на Украине, в деревне Николаевка. Попала за границу в 1920 г. Училась в Чехословакии в русской гимназии, в глуши, в Моравии, где пробыла 6 лет. Стала печататься, кажется, в 1931 г. в журнале "Воля России" (Прага). Издала лишь один сборник стихов — "Лебединая карусель" (Изд-во "Петрополис"). Второй мой сборник стихов, о выходе которого в издательстве "Русские поэты" в Париже было объявлено в печати, так и не вышел в свет из-за военных событий.

Печаталась в "Современных Записках", в газетах "Руль", "Возрождение", "Россия и Славянство" и др. В настоящее время, писания не бросив, почти не печатаюсь. Не хватает, как воздуха, литературных контактов, но мой интерес ко всему, что касается русской литературы и русских судеб, велик и неистребим» (*Сод* С. 519).

В Праге входила в литературное содружество «Скит поэтов» (ее стихи напечатаны во всех четырех его выпусках); Г. Адамович в отклике на сборник «Лебединая карусель» отмечал, что Головина — «самый талантливый поэт в Праге...» (*ПН* 1935. № 5054. 24 января. С. 2), ср. в письме А. Штейгера З. Шаховской от 16 сентября 1935 г. о Головиной как единственно интересной в Праге поэтессе (*Шаховская З. А.* В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 179—180). В. Ходасевич, характеризуя ее поэтическую манеру, писал: «Головина — экспериментаторша. Ей все время хочется то заглянуть по ту сторону вещей, то представить их в сильном и смелом ракурсе, вообще — что-то в мире подсмотреть и подслушать примерно по той же системе, как это делают сказочники — Андерсен или Гофман» (*Воз-1* 1935. № 3585. 28 марта. С. 4). Была знакома с М. Цветаевой и, как и ее брат, переписывалась с ней. В 1935 г. переехала с мужем в Париж (см. упомянутое выше письмо А. Штейгера), а в начале Второй мировой войны — в Швейцарию. В 1951 г. вышла замуж на бельгийца Ф. Ж. де Пелиши и в 1955 г. поселилась в Брюсселе. Кроме упомянутой в автобиографической справке «Лебединой карусели», посмертно вышли еще два ее сборника: «Городской ангел» (Брюссель, 1989, с предисл. Е. Эткинда; рец. Б. Кенжеева см. в: Континент. № 63. 1990. С. 331—336) и «Ночные птицы» (Брюссель, 1990), финансирование которых взял на себя ее муж. В 1992 г. в Москве издана книга «Вилла "Надежда"», объединяющая стихи и прозу Головиной (сост. Л. Г. Баранова-Гонченко).

См.: *Бем А.* Поэзия Аллы Головиной // А. Бем. Письма о литературе. Praha, 1996. С. 150—155; *Пахмусс Темира.* Двойственное видение мира в поэзии Аллы Головиной // Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the USA. New York, 1994. Vol. XXVI. P. 163—176; Из переписки И. А. и В. Н. Буниных с А. Головиной (1942—1953) / Публ. А. В. Фоменко // И. А. Бунин и русская литература XX века. М., 1995. С. 248—253; *Спроге Людмила.* Алла Головина

— «Письмо наизусть не пропеть...»: хронотоп послания // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике (Praha), 1998—1999. № 1. С. 69—74.

133. «Я говорю себе: не требуй...». Печ. по: *Головина А. С.* Вилла «Надежда»: Стихи. Рассказы / Сост. Л. Г. Баранова-Гонченко. М.: Современник, 1992. С. 20.

134. Сыну. Там же. С. 28—29. 2-я часть вошла в *Мы жили* Т. 4. С. 81. Сын поэтессы — *Сергей Александрович Головин*, писатель и переводчик, живет в Швейцарии. В рецензии на сборник А. Головиной «Городской ангел», приводя вторую часть стихотворения, Б. Кенжеев писал: «Ссылаясь на старшего брата по ремеслу (в этом коротком стихотворении можно отыскать не одну цитату из Мандельштама), Головина делает свой вывод. "Не знаю и знать не могу" — вот ее ответ на безумства века. (Впрочем, все не так просто — только пережив или предчувствуя братание между германским диктатором и "кремлевским горцем", можно обратить внимание на коричневый цвет Кавказа на географической карте.)» (*Кенжеев Бахыт*. Городской ангел Аллы Головиной // Континент. № 63. 1990. С. 335). *Лорелея* — по нем. поверьям, божество Рейна, нимфа с длинными волосами, завлекающая своим сказочным пением корабли, чтобы те разбились о прибрежные скалы, а пловцов — на речное дно. *Броккен* — вершина в горах Гарц, где, согласно нем. поверьям, в Вальпургиеву ночь происходит шабаш ведьм.

135. «Сумасшедший дом. Аккуратный парк...». Там же. С. 30. *Дофин* — титул наследника королевского престола во Франции с середины XIV в. до 1830 г. *Был расстрелян в Сибири дофин Алексей* — речь идет о царевиче Алексее, сыне Николая II, расстрелянном вместе со всей царской семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге.

Горный Сергей (наст. имя Александр-Марк Авдеевич Оцуп; 28 июля (9 августа) 1882, Остров Псковской губ. — 16 сентября 1948, Мадрид), брат представленных в наст. изд. Н. А. Оцупа и Г. А. Раевского (Оцупа). Окончил Николаевскую Царскосельскую гимназию (см. ее описание в его рассказе «Отрывок», *Ч* 1932. № 6. С. 79—80). В 1900 г. поступил и в 1908 г. с отличием окончил петербургский Горный институт Императрицы Екатерины II и получил диплом горного инженера (отсюда и взятый им псевдоним). Будучи студентом напечатал книгу «В октябре (этюд). Рассказы из жизни рабочих» (1906), тираж арестован и уничтожен. Участвовал в Пушкинском семинарии С. А. Венгерова, о чем в эмиграции писал в воспоминаниях «Молельня в Питере» (*Воз-1* 1926. № 223). Печатался в большом количестве русских дореволюционных газет и журналов. Входил в группу «Сатирикон», регулярно появляясь на его страницах (позже — «Новый Сатирикон»). В изд-ве «Сатирикона» увидели свет его книги: «По-новому (и др. юмористические рассказы)» (1912), «Почти без улыбки. Парадоксы. Силуэты» (1914—15) (об обстоятельствах издания книги см.: *Арбатов З.* «Ноллендорфплатцкафе» (Литературная мозаика) // *Гр* № 41. 1959. С. 109), «Узоры по стеклу» (1914). В 1917 г. вышла его последняя написанная в России книга «Ржавчина духа». Участник Белого движения на юге России. В 1919 г. был ранен, побывал в плену у махновцев; в феврале 1920 г. эвакуировался из Новороссийска на Кипр, который потом описал в книге «Янтарный Кипр» (Берлин, 1922); П. Пильский определил ее как «невольное исповедование це-

лого поколения» (*Сег* 1922. № 215. 24 сентября. С. 4). В эмиграции отошел от юмористического жанра. С 1921 г. жил в Берлине, где был участником лит. объединения «Веретено». В 1922—23 гг. редактировал журнал «Театр и жизнь» (№ 10—17). Тогда же посещал литературный кружок «Братство Круглого Стола», о котором см.: *Струве Глеб.* Об одном берлинском литературном кружке // *НРС* 1981. № 25631. 4 октября. С. 5. В Берлине вышли также его психологические этюды «Пугачев или Петр? (Душа народа)» (1922), сборники рассказов «Всякое бывало» (1927), «Ранней весной» (1932), книга «Только о вещах» (1937). В 1930—40-е годы был убежденным, с некоторыми оговорками, сторонником гитлеризма, считая Гитлера «большим исторически-пророческим человеком». В ноябре 1933 г. писал А. В. Амфитеатрову: «Бицепс национальный здесь живчиком, желваком переливается. Молод еще, свеж, напружен. И не ошибочки делает, а горчайшие порой и непростительные (на свою же голову) "ошибищи"... (см. еврейский вопрос, — неправедно и горько углубленный)», а в августе 1941 г. — В. А. Амфитетрову-Кадашеву о «динамичной и героичной» Германии: «Все гениально организовано! Тяжкой ценою, но все же окончательно вырываются цепкие, злые корневища из родной земли. Какие времена!» В. Ходасевич в письме М. Вишняку от 27 июля 1925 г. говорил об «эмигрантско-уличном большевикоедстве» Сергея Горного, а В. Набоков в 1925 г. (письмо к Г. П. Струве) определял его: «Все тот же нестерпимо-однообразный популяризатор частных воспоминаний» (Звезда. 2003. № 11. С. 121).

Автор книги «Санкт-Петербург. (Видения)» (Мюнхен, 1925, предисл. Ивана Лукаша; современное переизд. — со вступительной статьей и комментариями А. М. Конечного, СПб.: Гиперион, 2000); наряду с положительными откликами на нее (П. Пильский в *Сег* 1926. № 19. 24 января. С. 6; Тэффи в *Воз-1* 1926. № 261. 18 февраля. С. 3; К. Шумлевича в белградском «Новом времени». 1926. № 1568, 24 июля. С. 2), были и разочарованные: «<...> если откинуть такие названия, как Аничков мост, Апраксин рынок, Галерная и т. д., — писал анонимный рецензент в *ПН,* — то все эти воспоминания Горного можно отнести с успехом к Туле, Калуге, к русскому городу коренной России вообще» (1926. № 1793. 18 февраля. С. 3). Сборник стихов С. Горного по-немецки (в переводах А. Лютера) вышел в 1947 г.

Некролог: *О. Р.* Сергей Горный // Русские новости. 1948. № 181. 19 ноября. С. 4.

См.: *Спиридонова* (Евстигнеева) *Л. А.* Русская сатирическая литература начала XX в. М., 1977; *Ее же.* Бессмертие смеха: Комическое в литературе русского зарубежья. М., 1999; *РП* (автор статьи — О. Б. Кушлина); *Тяпков С.* Русские символисты в литературных пародиях современников. Иваново, 1980.

136. Исаакий. Печ. по: Русское эхо (Берлин). 1925. № 10. С. 7.

137. Царское Село. Там же. См. его очерк «Пушкин и Царское Село» (Журнал Содружества. 1937. № 2. С. 23—27). *Юнона* (высшее женское божество в Пантеоне др. римлян, супруга Юпитера, отождествлялась с др. -греч. Герой, *Геракл* — в др.-греч. мифологии сын Зевса и Алкмены, символ богатырской силы) — статуи в Царскосельском парке.

Горская Антонина Алексеевна (урожд. Подерни, в замуж. Гривцова; 19 августа 1893, Казань — 29 октября 1972, Париж). В биографической справке поэтесса сообщала о себе следующее: «Родилась в Казани. Дед, по матери, был профессором математики Казанского

университета. В этом же городе окончила гимназию. Училась в Петербургской консерватории по классу рояля. Покинув с мужем Россию, четыре года прожила в Персии.

В 1922 г. переселилась в Париж: знакомство с поэтами, увлеклась поэзией. Много работала с пушкинистом М. Л. Гофманом. В 1938 г. вышел мой первый сборник стихов — "Раздумья", в 1947 г. — "Тревога", в 1960 — третий сборник — "Ограда". Печаталась в разных небольших журналах, несколько стихотворений помещены в "Новом Журнале" и в журнале "Опыты". С 1950 г. печатаюсь исключительно в журнале "Возрождение", где кроме стихов помещены мои статьи: "Письма Пушкина", "Пушкин — 125 лет его смерти", "О Блоке", "О современном человеке", две статьи о М. Л. Гофмане — его памяти, "Письма Чехова о литературе и литераторах", "О деле Пастернака", "Памяти Тэффи", "Евтушенко — его книга 'Нежность'", "Ходасевич — поэт, литератор и критик", а также статьи памяти поэтов — Присмановой и Смоленского.

С 1938 г. и до его закрытия состояла в Объединении Поэтов.

С 1955 г. состою членом Правления Союза Писателей и Журналистов во Франции, под председательством Б. К. Зайцева» (*Сод* С. 520).

Печаталась в альманахе «Литературный современник» (Мюнхен, 1954).

По словам Н. Станюковича, поэты, «подобные Антонине Горской, выражая подлинные чувства и окружая своих героев соответствующей обстановкой, найдут место на полках народных библиотек и книжных шкафов бессчетных русских книголюбов» (*Воз-2* № 240. 1973. С. 106).

138. Петербург. Печ. по: *Воз-2* № 9. 1950. С. 156. *Домострой* — Свод житейских правил и наставлений, в которых отразились патриархальные взгляды на семью XVI в. *Прорубить надо снова окно* — см. комм. к стих. М. Айзенштадта (Аргуса) «Петрополис».

Горянский Валентин Иванович (наст. фам. Иванов, 5 апреля (24 марта) 1888 <по другим сведениям: 7 апреля (26 марта) 1887>, Петербург — 4 июня 1949, Париж). Незаконный сын художника князя Эдмонда Сулима-Грудзинского, который отказался от своего отцовства. С 1906 г. стал сотрудничать в различных петербургских периодических изданиях — газете «Слово», журналах «Всемирная панорама» и «Пробуждение», лит.-сатир. еженедельнике «Златоцвет», «Сатириконе» и «Новом Сатириконе». Издал книги стихов «Крылом по земле» (Пг., 1915) и «Мои дураки: Лиро-сатиры» (Пг., 1916). С. Прокофьев написал на его слова романс «Под крышей» (1915). В 1918 г. уехал из Петрограда в Одессу, печатался в одесских газетах — «Одесском листке» и др. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, где издал на ротаторе «поэму о революции» «Вехи огненные» (1921). Входил в редколлегию константинопольского журнала «Зарницы». С 1922 по 1926 гг. жил в Югославии, печатал стихи в журнале А. Суворина «Русь». Со второй половины 20-х гг. поселился в Париже, где прожил до самой смерти. Стихи и стихотворные фельетоны постоянно появлялись в *Воз-1*, печатался также в парижских журналах «Сатирикон», «Мир и искусство», *ИР*. В 1932 г. редактировал сатирический журнал «Ревизор». Перед Второй мировой войной фактически ослеп. В период немецкой оккупации Парижа сотрудничал в русских профашистских газетах «Новое слово» и «Парижский вестник»; печатал также стихи в коллаборационистском французском журнале «L'appel» (в перево-

де Д. Кросс), где он был назван «поэтом русской контрреволюции». По ошибке зачислен в евреи в книге: *Солженицын А.* Двести лет вместе. Ч. 2. М., 2002. С. 179.

Сборника стихотворений в эмиграции не издал, хотя и подготовил: несколько для печати (см.: РГАЛИ. Ф. 2574). Роман в стихах «Парфандр и Глафира» (написан в 1949) издан его сыном Александром после смерти отца (Париж, 1956), см. рец. на него Г. Мейера в *Воз-2* № 41. 1955; В. Смоленского в *Воз-1* № 55. 1956.

См.: *Тэффи.* Оправдание добра (О Валентине Горянском) // *ИР* 1928. № 9. С. 22; *И. К. О*<пишня>. Валентин Иванович Горянский: К 10-летию со дня смерти // *Воз-2* № 89. 1959; *Евстигнеева Л.* Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М., 1968. С. 262—314; *Спиридонова* (Евстигнеева) *Л.* Русская сатирическая литература начала XX в. М., 1977; *Ее же.* Бессмертие смеха: Комическое в литературе русского зарубежья. М., 1999; *РП* Т. 1. С. 657—658 (автор статьи — Л. А. Спиридонова).

Петербургская тема то и дело звучит в творчестве Горянского-эмигранта, см., к примеру, в его стих. «Сыну»:

Дрянью полные карманы
Оттопырились с боков,
А в глазах плывут туманы
Петербургских облаков,

То зарницами зажженных,
Исчезающих в огне,
То прозрачно отраженных
В свежей невской глубине

(*Воз-1* 1934. № 3171. 6 февр. С. 4)

139. Конка (Из цикла «Старый Петербург», II). Печ. по: Зарницы (Константинополь). 1921. № 15. 10 июля. С. 5; перепеч. в *Воз-1* 1934. № 3371. 26 августа. С. 3. Первая конно-железная дорога в Петербурге была проложена в 1863 г.: она тянулась от Знаменской пл. (вокзала Николаевской железной дороги) к Дворцовому мосту (об этом в кн.: От конки до трамвая: Из истории петербургского транспорта. М.; СПб., 1994). См. в воспоминаниях М. В. Добужинского: «Иногда мы делали с няней наше "путешествие" в город на конке или по Захарьевской улице до Невского, или по Литейному проспекту. По Захарьевской и дальше по Знаменской мы ездили в маленькой однолошадной конке, которая тащилась очень медленно, и на разъездах ждали встречного вагона мучительно долго. В этом вагоне четыре самых передних места и стул между ними стоили по четыре копейки, другие сидения — по шесть, и все норовили сесть впереди. Я терпеть не мог сидеть на стуле на виду у всех. На Литейном конка была в две лошади с "империалом" и вагоны были синего цвета, зимой верхние пассажиры империала от холода неустанно барабанили ногами по потолку. Запомнилось, что внутри вагона между окнами были узенькие черные зеркала, а под потолком стали появляться объявления ("Саатчи и Мангуби" — папиросы и табак с изображением усатого турка — и "Лаферм"). И кучер, и кондуктор, один на передней площадке, другой на задней, постоянно отчаянно звонили, дергая в подвешенный на пружине колокольчик. Первый трезвонил зевакам, задний давал сигнал кучеру, чтобы остановиться или двигаться дальше. На обратном пути к нам на Выборгскую, чтобы одолеть подъем на Литейный мост, прицепляли около Окружного суда еще одну лошадь

со всадником — мальчишкой-форейтором — и затем с гиком и звоном мчались в карьер. На мосту мальчишка отделялся и, звеня сбруей, ехал трусцой назад. Зимой эти форейторы, хотя и укутанные в башлыки и в валенках, жестоко мерзли. Помню, раз мой папа сжалился над таким мальчишкой и отдал ему все булки, которые вез домой от Филиппова» (*Добужинский* С. 8), см. также его картину «Петербург. Троицкий собор. Конка»; «По Невскому проспекту, — вспоминал другой мемуарист, — то и дело проезжали "конки", т. е. вагоны конно-железной дороги, запряженные парой лошадей. Красные вагоны с белой отделкой напоминали китайские домики на коробках конфет. От Николаевского вокзала до Адмиралтейства за верхнее место взимали 3 копейки, а внутри вагона 5 копеек. Не было, кажется, ни одного "перегона" без того, чтобы "конка" не сошла с рельс, особливо — в морозные дни. Тогда всю публику кондуктора приглашали к участию в водворении вагона на надлежащее место» (*Плещеев А.* Забытый Санкт-Петербург // *Воз-1* 1935. № 3509. 11 января. С. 3); ср. еще: «Для въезда на небольшие подъемы мостов (ведь других возвышенностей в Петербурге не имелось) припрягалась третья лошадь, на которой лихо восседал верхом бойкий мальчишка. <...> Конки эти довольно часто и охотно сходили с рельс. Тогда пассажиры, не дожидаясь помощи со стороны администрации, вылезали и, раскачивая сообща вагон, ставили его снова на рельсы.

Стоимость проезда была 6 копеек внутри вагона и 4 к. на "империале"» (*Нагель А. П.* На улицах старого Петербурга (Обыденные картины) // *Воз-2* № 54. 1956. С. 38—39); «Главным средством сообщения в Петербурге тех времен была *конка*. Небольшой вагон, коричнево-красный (только на Невском вагоны были желтые) тянула по рельсам одна лошадь. Конка останавливалась в любом месте, по требованию пассажира. Плата за проезд внутри вагона — три, на империале — две копейки. Летом пассажиры охотно ездили на империале, но зимой норовили втиснуться внутрь вагона, который, конечно, не отапливался, но все же давал защиту от ледяного ветра. На линии Невского проспекта цена билета была выше: внутри — пятак, на верхотуре — три копейки.

У Тучкова моста, что выше уровня мостовой, ожидал человек с пристяжной лошадью. Перед въездом на мост проворно пристегивали этот "энергетический резерв", с грохотом и звоном в колокольчик вагон взносился на мост. По миновании надобности пристяжку отпрягали.

Двигалась конка не очень шибко, и в местах, где ход замедлялся, пассажиры предпочитали не требовать, чтоб вагон останавливался, а спрыгивали на ходу» (*Гейштор К.* Былой Петербург // *НРС* 1967. № 19816. 11 июня. С. 7); см. поэтическое запечатление этого способа передвижения по Петербургу в стихотворении еще одного поэта-сатириконца — П. Потемкина («В конке»):

Барышня в синей шляпке
не смотрит на меня.
«Musick» на черной папке
трепещет от огня.
На потолке плакаты —
Шапшал и Оттоман...
Рядом с ней усатый
гвардейский капитан.
Окно окутал иней...
Бежит узор теней...

Барышня в шляпке синей
не будет моей!

(*Потемкин.* Смешная любовь. СПб., 1908. С. 18).

140. Наводнение (Из цикла «Старый Петербург»). Печ. по: Зарницы (Константинополь). 1921. № 16. 17 июля. С. 1. Ср. со стихотворением В. Гарднера «Наводнение 1924 г.». *Рявкнули пушки - стихии прут!* — Пушечные выстрелы, предупреждающие о подъеме воды в Неве выше ординара.

141. Это просто!.. Печ. по: *ИР* 1927. № 28 (113). 9 июля. С. 16. *За темнеющей твердыней* — имеется в виду Петропавловская крепость (см. *ТУ*). *Биржевка* — «Биржевые ведомости» (1880—1917), газета (с 1885 — ежедневная), издававшаяся в Петербурге. *Хлеба ситного ломти* — Хлеб из пшеничной или ржаной — высокого качества — муки, просеянной сквозь сито (выше ситной среди разных сортов ржаной муки была только пеклеванная).

142. С.-Петербург («Хорошо бы сон увидеть наяву»). Печ. по: *Воз-1* 1934. № 3139. 5 января. С. 3. *Там науки русской закрома* — т. е. Университет, который находится на Васильевском острове, см. *ТУ*. *Пушки в тучу лают* — см. комм. к стих. «Наводнение».

143. Титулярный советник. Печ. по: *Воз-1* 1934. № 3198. 6 марта. С. 3. Эпиграф из популярного романса «Он был титулярный советник» (сл. П. Вейнберга, муз. А. Даргомыжского). *Ломовая телега* — предназначалась для перевозки тяжелых грузов, управлялась ломовыми извозчиками, которые одновременно являлись грузчиками, ср. в *Горный*: «Тут же ходили, поправляя удила и накрывая лошадей крепкими кожухами — ломовые. Их лошади были большие и крепкие, с покатыми, округлыми крупами, и с ногами, в которых чуялась чугунная сила. В конце ног, с задней стороны под копытами, росли у них пучком — волосатые, хвостатые "челки".

Ехали они медленно, грузно и твердо ударяя по лбатым, неправильным камням мостовой — и длинные полосы железа, свисая сзади телеги, почти касаясь мостовой, дребезжали неистово.

Внезапно всю улицу наполнял этот лязгающий стук железных полос, немилосердный и громыхающий: тогда двое прохожих, говоривших на тротуаре, сперва старались перекричать его, потом умолкали, смотря друг на друга — или говорили немыми движениями губ: слов не было слышно, пока железный лязг не угасал. Иногда длинные полосы просто свисали сзади телеги, подпрыгивая по мостовой. Ободья колес стучали и били по неправильным, лбатым камням» (С. 46).

144. На святой. Печ. по: *Воз-1* 1934. № 3235. 12 апреля. С. 3. *Кавалергард* — см. комм. к стих. Я. Воинова «С.-Петербургская пасха».

145. Петергофская заря. Печ. по: *Воз-1* 1934. № 3259. 6 мая. С. 3.

146. Петербургская дача. Печ. по: *Воз-1* 1934. № 3324. 10 июля. С. 3. Выезд в летнее время за город был укорененной традицией петербуржцев, ср., к примеру, в воспоминаниях современника: «Летом каждый петербуржец, богатый и бедный, чиновник, служащий купец и мещанин, обязательно выезжали с семьями на дачу. Даже рабочие старались отправить своих жен и детей куда-нибудь в деревню. В окрестностях Петербурга — Коломягах, Озерках, Парголове, Лигове, Сергиеве и Стрельне, а также в более отдаленных Тайцах, Сиверской и Дивенской были целые дачные поселки, пустовавшие зимой и оживавшие летом. В зависимости от состояния одни из петербуржцев снимали дорогие и красивые, окруженные садами дачи, другие —

скромные дачки и даже сколоченные из барочного леса лачужки. Но оставлять своих детей на лето в душном городе никто не хотел» (*М. В.* Доброе старое время: О старом Петербурге и его обывателях // *НРС* 1978. № 24762. 26 декабря. С. 2). Ср. стих. С. Черного «На петербургской даче» (1909) или М. Струве «Дачи» (включено в наст. изд). *«Новое время»* — См. комм. к стих. В. Гарднера «Картинки прежнего Петрограда». *Покупали «выборгские крендели»* — широко распространенное в тогдашнем Петербурге булочное изделие, ср. у А. Ахматовой в автобиографической прозе («Дальше о городе»): «Звуки в петербургских дворах. Это, во-первых, звук бросаемых в подвал дров. Шарманщики ("пой, ласточка, пой, сердце успокой..."), точильщики ("точу ножи, ножницы..."), старьевщики ("халат, халат"), которые всегда были татарами. Лудильщики. "Выборгские крендели привез". Гулко на дворах-колодцах» (*Ахматова А.* Соч.: В 2-х т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1990. С. 279). *У Зеренсена сосисок* — владелец петербургских колбасных магазинов, размещавшихся на Владимирской ул. (близ Невского пр.) и у Каменного моста (*Светлов* С. 55). *У Бараковых — сига* — Братья «Братья В. и И. Бараковы» — магазин торговли рыбой (Невский, 59), ср.: «Когда перебираешь любимую шкатулку, то разве кладешь все подряд и в порядке? Поэтому, хоть рыбный Бараков и был в другом конце, мы можем метнуться к нему — увидеть стеклянный аквариум, где плавали стерлядки и плоские лещи ("стерлядка кольчиком") — и сачок, которым молодцы их вылавливали» (*Горный* С. 43). *На Морскую в «Ниву» зайти* — На М. Морской, 22 (ныне ул. Гоголя) размещалось издательство иллюстрированного лит.-худ. и науч.-попул. еженедельника «Нива» (1870—1918; изд. А. Ф. Маркс, затем — Т-во Маркса). *...колбасы - Парфеновых на Невском* — Братья Парфеновы — Дмитрий Лаврентьевич (1852—1915) и Федор Лаврентьевич, крупнейшие в Петербурге производители и торговцы колбасой (среди 10 принадлежавших им магазинов самыми большими были на Невском и на углу Садовой и Гороховой). *У Елисеева вина - закуску* — Имеется в виду Торговый дом бр. Елисеевых (осн. в 1813); винные погреба размещались: Невский, 18 и Литейный, 23—25.

147. Петербургское дитя. Печ. по: *Воз-1* 1934. № 3440. 3 ноября. С. 3.

148. Охта. Печ. по: *Воз-1* 1934. № 3452. 15 ноября. С. 3. *И чем безнадежнее золотой калач - пекарней* — По заведенной российской традиции, над входом в булочные т пекарни красовался рисованный золотой калач, ср. в «Незнакомке» А. Блока: «Чуть золотится крендель булочной» или в стих. «В вечернем воздухе так гулко» жившего в Варшаве эмигрантского поэта Вс. Байкина (За Свободу! 1922. № 147. 3 мая. С. 2):

Моя привычная прогулка...
Унылый вид понурых кляч,
Висящий на углу калач
И надпись: «Свежий хлеб и булки».

Казанское мыло — сорт лучшего российского мыла, ср. в рассказе Е. Замятина «Русь» (1923): «А в бане <...> и особенное казанское мыло, и особенные — майской березы — шелковые веники» (*Замятин Евгений.* Избранные произведения. М.: Сов. пис., 1989. С. 406). *И девушки - поющей в хоре* — аллюзия на стихотворение А. Блока «Девушка пела в церковном хоре» (1905).

149. Варварин день. Печ. по: *Воз-1* 1934. № 3483. 16 декабря. С. 3. *Варварин день* — день великомученицы Варвары приходится на 17 декабря. *Читают романы «родинские»...* — т. е. публиковавшиеся в

популярном журнале «Родина» (осн. в С.-Петербурге в 1879 г. В. А. Захаровым; с 1883 по 1917 гг. — еженедельник).

150. «Нива». Печ. по: *Воз-1* 1934. № 3495. 28 декабря. С. 3. *«Нива»* — см. комм. к стих. «Петербургская дача». *И вот Потапенки рассказ* — *Потапенко Игнатий Николаевич* (1856—1929), популярный в конце XIX — нач. XX в. беллетрист и драматург.

151. У Мариинского театра. Печ. по: *Воз-1* 1935. № 3518. 20 января. С. 3. *Светлов Валериан Яковлевич* (наст. фам. Ивченко, 1861 — 18 января 1935, Париж), историк русского балета, балетный критик, беллетрист, журналист, редактор. В молодости получил подготовку офицера-кавалериста. До революции печатался в «Русской мысли», «Вестнике Европы»; редактор ж-ла «Нива». В годы Первой мировой войны воевал в Дикой дивизии, см. в воспоминаниях А. А. Плещеева «У Терпсихоры старого Петербурга (Из воспоминаний)»: «...в начале войны Светлов появился в зале Мариинского театра в живописной форме так называемой Дикой дивизии, куда он вступил по доброй воле, горя патриотизмом» (*Сег* 1927. № 82. 10 апреля. С. 2). Эмигрировал в 1920 г., жил в Париже, как балетный критик выступал со статьями в *Воз-1*. См. его некрологи, написанные А. Плещеевым, Н. Ч<ебышевым?> и С. Лифарем в том же, что и стихи В. Горянского, номере *Воз-1*; см. также: *Плещеев А.* В. Я. Светлов // *Воз-1* 1935. № 3522. 24 января. С. 4; Погребение В. Я. Светлова // *ПН* 1935. № 5052. 22 января. С. 2; *Н-д Г.* Кончина В. Я. Светлова // *ИР* 1935. № 5. 25 января. С. 5. *Кирасир* — см. комм. к стих. Н. Агнивцева «Дама из Эрмитажа». *Колет* — верхняя форменная одежда кирасир в виде мундира, с одним бортом и на крючках; в XX в. для шитья использовалось белое сукно. *Правовед* — ученик (или выпускник) Императорского Училища Правоведения, в котором приобретали юридическую специальность. *Риккардо Дриго* (Ричард Евгеньевич Дриго; 1846—1930), композитор и дирижер; итальянец по происхождению, более 40 лет прожил в Петербурге; в 1920 г. вернулся в Италию.

152. Февраль семнадцатого. Печ. по: *Воз-1* 1935. № 3562. 5 марта. С. 3. *Кот* — сутенер, альфонс (жарг.).

153. Февраль семнадцатого. II. Печ. по: *Воз-1* 1935. № 3556. 27 февраля. С. 3. *Горели орлы с аптек* — Герб — двуглавый орел — на аптеке означал, что это государственное заведение. *Речь* — ежедневная газета партии кадетов (конституционных демократов), выходившая в Петербурге с 1906 по 1917 гг. (редакторы — И. В. Гессен и П. Н. Милюков), закрыта большевиками. *Милюков Павел Николаевич* (1859—1943), политический и общественный деятель, историк, публицист; лидер партии кадетов; член Государственной Думы; министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. *И уже на царский венец - в Бологое* — Речь идет об отречении Николая II, которое произошло в Пскове, см. комм. к стихотворению А. Аллина «27 февраля».

154. Невский ветер («Ветер буен, ветер юрок...»). Печ. по: *Воз-1* 1935. № 3578. 21 марта. С. 3. *Пракситель* — др.-греч. скульптор (ок. 390 — ок. 330 до н. э.). *Чтобы здесь в ночи Акакий* — герой повести Н. Гоголя «Шинель».

155. Невский ветер (II. «Дует ветер, сновиденья...»). Печ. по: *Воз-1* 1935. № 3579. 22 марта. С. 3. *Но Раскольников - для мук* — Сюжет «Преступления и наказания» Ф. Достоевского появляется также в поэме «Невская симфония» и стих. «Великий роман». *...пусту быть* — см. комм. к стих. А. Аллина «Быть Петербургу пусту...».

156. Петербург («Прощайте, легкие красы»). Печ. по: *Воз-1* 1935. № 3737. 27 августа. С. 3. *Огням таинственных - и красным* — В окнах аптек традиционно устанавливались подсвеченные стеклянные шары с цветным раствором; см. мемуарное упоминание «...тех таинственных жидкостей, заключенных в стеклянные шары, что прельщали нас в детстве на окнах аптек» (*Философов Д.* Старое и новое. М., 1912. С. 289), ср. в воспоминаниях другого петербуржца: «На углу Сергиевской, не пересекая ее, на левой, нечетной стороне, из окон второго этажа падает вниз на мостовую, на сгруженные посреди улицы, между коночных рельсов дворниками кучи снега — ровные, аккуратные, в виде правильных призм, неяркие, но окрашенные снопы света. Здесь помещается "Аптека провизора Вестберга". Как и во всех приличных аптеках, на подоконниках ее окон, внутри, стоят лампы; тут они электрические, в более отдаленных местах города — керосиновые. И перед каждой лампой, между нею и наружным стеклом, укреплен большой сосуд с цветным раствором. Иногда это плоская стеклянная ваза в виде огромной круглой фляжки, иногда — пузатый шар — красный, желтый, синий (никогда я не видел ни зеленых, ни фиолетовых таких шаров; не знаю уж, чем это объясняется; должно быть, не было достаточно стойких на свету и дешевых цветных растворов). Лучи лампы проходят сквозь окрашенную воду и падают на улицу. По этим цветным шарам, да еще по тяжелым, черным с золотом и киноварью, двуглавым орлам, тем или иным способом укрепленным над дверью, каждый уже издали знал: вот аптека!» (*Успенский Лев.* Записки старого петербуржца. Лениздат, 1970. С. 68).

157. Невская симфония. Печ. по: *Воз-2* № 54. 1956. С. 28—35; № 55. С. 96—101. Основной жанрово-стилевой принцип построения поэмы можно определить как своего рода «петербургский бред», в котором контаминированы два важнейших источника «петербургского текста» — «Преступление и наказание» Ф. Достоевского и пушкинская «Пиковая дама». См. комм. к поэме М. Веги «Петербург», импульсом для написания которой послужила, очевидно, «Невская симфония». *Был Петербург в разгаре - град Петра* — Начало поэмы — июльская жара, строительные работы (мотив жары проходит в ней лейтмотивом) воспроизводит первые страницы «Преступления и наказания». *Ментона* — курорт на юге Франции, на Средиземном море. *«Весь Петербург»* — ежегодный информационный справочник о Петербурге, издававшийся в виде книги. *...храм, средь пушек и цепей* — Петропавловский собор (см. *ТУ*). *Кричат потомки славного Гирея «Халат-халат!»...*— Т. е. татары, традиционно державшие своих руках в России промысел старьевщиков, ср. воспоминания о Петербурге начала 20-х гг.: «После полудня и ближе к вечеру во дворах появлялись новые люди: неторопливо заглядывая в окна, как бы прохаживаются татары, одетые в длиннополые одежды и небольшие черные круглые шапочки. Слышится привычное: "Халат, халат", — после продолжительной паузы "позывные" повторяются. <...> Иногда из окна кивают, и старьевщик заходит в квартиру, а выходит оттуда, неся на руках старый сюртук, поношенный фрак, шляпу-котелок, цилиндр и тому подобное» (*Бондаренко П. П.* Дети Кирпичного переулка / Публ. Т. Притыкиной // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1993. С. 91); Гирей — намек на «Бахчисарайский фонтан» Пушкина. *Не ты ль, Миколка - Запечатленном?* — Красильщик, персонаж романа Достоевского «Преступление и наказание». *...и крестишь лоб - двуперстным* — Миколка происходит из раскольников (ч. 6, гл. II), которые клали крестное знамение двумя перстами. *И вот уже принять готов - доброчестным* — Миколка оговаривает

себя перед следствием, признаваясь в несовершенном убийстве. *Российский «Мыслитель»* — главный герой романа Раскольников. *Калашниковский крючник* — грузчик с Калашниковской набережной, где находились мучные склады, см. *ТУ* (назвались так, поскольку действовали с помощью специальных железных крюков, которыми захватывали мешки с грузом). *Битюг* — лошадь-тяжеловоз. *Мы на второй стопе классической цезурой* — Ср. в написанном октавой «Домике в Коломне» Пушкина: «Признаться вам, я в пятистопной строчке / Люблю цезуру на второй стопе»; *цезура* — словораздел в стихе; в силлабо-тоническом стихосложении имеет фиксированное место: в том или ином размере следует после определенной стопы. *Химеры* — скульптурные изображения фантастических чудовищ. *«Ничуть мне прошлого не жаль»* — инверсированная цитата из стих. М. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу», в оригинале: «И не жаль мне прошлого ничуть». *Лиза* — героиня повести Пушкина «Пиковая дама». *Пегас* — крылатый конь Зевса, от удара копыт которого забил источник поэтического вдохновения (древнегреч. миф.). *Харита* — в древнегреч. миф. одна из трех богинь красоты (у римлян — грация). *Сколь счастлив — «Ш» - под одеялом!* — По-видимому, намек на Ф. И. Шаляпина: «Песнь о блохе», исполняемая Мефистофелем в погребке Ауэрбаха (в «Фаусте» Гете), муз. М. П. Мусоргского. *Счастлив и ты - наш милый «З»* — Возможно, Б. К. Зайцев, с 1945 г. председатель парижского Союза русских писателей и журналистов. *Вот «Р» — гробокопатель* — речь, по всей видимости, идет о А. М. Ремизове. *Парнас* — в древнегреч. миф. гора, на которой обитали Аполлон и музы. *Графиня — ты! - могильной Афродиты* — Аллюзия на «Пиковую даму»: герой пушкинской повести, попавший в дом графини, предпочитает ее покои комнате Лизаветы Ивановны: «Германн пошел за ширмы. За ними стояла маленькая железная дверь; справа находилась дверь, ведущая в кабинет; слева, другая — в коридор. Германн ее отворил, увидел узкую, витую лестницу, которая вела в комнату бедной воспитанницы... Но он воротился и вошел в темный кабинет» (гл. III); «могильная Афродита» — ироническая контаминация старухи-графини (к тому же — умирающей и изображенной в гробу) и древнегреч. богини любви и красоты Афродиты (римский эквивалент — Венера; в пору своей молодости графиня звалась la Vénus moscovite — московская Венера); ср. с «гробовой Афродитой» в его стих. «Великий роман», что, вероятно, идет от определения Е. Боратынским увядающей красоты: «Афродита гробовая» в стих. «Филида с каждою зимою» (1838?); ср. с «могильной Афродитой» в поэме М. Веги «Петербург». *Спондей, пэон* — стиховедческие термины; первый означает появление сверхсхемного ударения в ямбической строфе, второй — в античном стихосложении стопа, состоящая из одного долгого и трех кратких слогов; в силлабо-тоническом стихосложении иногда этим термином обозначают пары стоп ямба или хорея с пропуском ударения на одной из них. *...у бездны на краю* — цитата из пушкинского «Пира во время чумы»: «...И бездны мрачной на краю». *Литейный дом* — по поверью, дом старухи графини в «Пиковой даме», см. Литейный проспект в *ТУ*. *И скрытое под формой - скованное льдом* — намек на Германна. *Мармеладов, Соня* — герои «Преступления и наказания». *Серафим... Сарова* (Серафим Саровский) — Один из наиболее почитаемых в русском православии святых (в миру: Прохор Мошнин, 1760—1833).

158. Великий роман. Печ. по: *Воз-2* № 90. 1959. С. 40. Как и «Невская симфония», стихотворение строится в виде контаминации «Преступления и наказания» Достоевского с «Пиковой дамой» Пушкина.

«Роман извести и олифы» — такого высказывания о «Преступлении и наказании» у И. Анненского нет; возможно, импульсом послужил несколько раз упомянутый в его статье «Искусство мысли. Достоевский в художественной идеологии» (из второй «Книги отражений»), маляр Миколка, ср., к примеру: «Маляр — это высший символ страдания <...>» (*Анненский Иннокентий.* Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 187). *«...Читайте "Пиковую даму"»* — Возможно, имеется в виду следующая фраза Достоевского из его письма Ю. Ф. Абаза от 15 июня 1880 г.: «Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что Вы должны *почти* поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал "Пиковую даму" — верх искусства фантастического» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 30. Л.: Наука, 1988. С. 192). *«Гробовая Афродита»* — Ср. с «могильной Афродитой» в «Невской симфонии». *Алена Иванна* — старушка-процентщица в «Преступлении и наказании», убитая Раскольниковым. *Лиза* — героиня пушкинской «Пиковой дамы».

159. «Можно забыть о многом...». Источник установить не удалось. Печатается по газетной вырезке, хранящейся в архиве В. Горянского в РГАЛИ (Ф. 2574. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 42).

160. Встреча. Источник не установлен. Печатается по газетной вырезке, хранящейся в архиве В. Горянского в составе, вероятно, готовившегося для печати сборника стихов «В той стране — которой нет» (РГАЛИ. Ф. 2574. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 44). *Ситный* (хлеб) — см. комм. к стих. «Это просто!..». *У Вольфа виснет детвора - терем царский — Вольф Маврикий Осипович* (1825—83), издатель и владелец книжных магазинов; в 1882 г. основал Т-во М. О. Вольф (просуществовало до 1918 г.); ср.: «Уж не хотите ли постоять у книжной витрины? Вот она, четкая, ясная вывеска на деревянном поле простыми литыми буквами "Маврикия Осиповича Вольфа" и вкусные, тисненные томы "Золотой библиотеки", и Бичер Стоу, и Даниэль Дефо, и, понятно, Луи Буссенар, с которым мы скользили на узких индейских пирогах. И Макаров, с которой уходили в ссылку вслед за павшим временщиком Меншиковым. И даже Чарская с Джахавой, которую читали тайком от сестер, чтобы не засмеяли» (*Горный* С. 26). *Чарская Лидия Алексеевна* (урожд. Воронова, в замужестве Чурилова; 1875—1937), популярная в начале XX в. русская писательница.

161. Санкт-Петербург («В те дни под громы многолетий»). Печ. по: *Мы жили* Т. 1. С. 253—254. *Плещеев Александр Алексеевич* (1858—1944), театральный критик и драматург, сын поэта А. Н. Плещеева (1825—93), жил в эмиграции в Париже. *...Одна заря, другой вослед* — аллюзия на «Медный всадник» Пушкина: «Одна заря сменить другую/ Спешит, дав ночи полчаса». *...на Садовой - золотом упасть* — По-видимому, имеется в виду экспорт российской пшеницы за рубеж: в Доме с четырьмя колоннами по Садовой ул., где в XIX в. размещалось Министерство финансов (см. *ТУ*). *Кшесинская Матильда Феликсовна* (наст. фам. Кржесинская; 1872—1971), артистка балета, балетный педагог; с 1920 г. в эмиграции; в юности возлюбленная будущего царя — Николая II, впоследствии жена Вел. князя А. В. Романова. *Чекетти* (Cecchetti) *Энрико* (1850—1928), артист балета, педагог, балетмейстер; итальянец по происхождению. Многие годы проработал в России, у него учились многие выдающиеся русские артисты балета, включая Кшесинскую, А. Павлову.

162. Февраль семнадцатого («В этом метельном феврале»). Там же. С. 254—255. *Мерли голуби на Сенной* — Ср. соединение в памяти

Сенной площади с голубями в «Невской симфонии» (строфа 19). *И раскачивал золотой калач...* — См. комм. к стих. «Охта». *Но уже белого с синим нет - на древке* — После Февральской революции Временное правительство решило сохранить сине-бело-красный цвет российского флага, убрав черного — на желтом фоне — двуглавого орла, однако последующие политические события, кульминацией которых явился большевистский переворот, привели к полному пересмотру старой государственной символики. Тем не менее официально красное знамя было введено только весной – летом 1918 г. (утверждено 10 июля 1918 г. на V съезде Советов, принявшем конституцию Советской России), 4 октября поднято над Кремлем. Конституция 1924 г. утвердила Государственный флаг СССР — красное полотнище с изображением в верхнем левом углу золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды. Ср. мотив распространения красного цвета в стихах Горянского с аналогичными названиями «Февраль семнадцатого»; иное отношение к замене красным знаменем трехцветного см. в стих. В. Воронцовского «Петербург». *Уже швейцар с булавой - шитье парадном* — Швейцары были одеты в ливрею, с эполетом на правом плече, под ним широкая перевязь из галуна, на голове — двууголка с галуном и кокардой; неизменной принадлежностью была булава с позолоченным шаром (см.: *Ривош Я.* Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. М., 1990. С. 171).

Гревс Татьяна Валериановна родилась в семье адвоката В. Э. Гревса (1876—1939); семья жила в Петербурге на Сергиевской ул. 3. Эмигрировала через Константинополь (см. ее стихотворение «Константинополь» в берлинской газете «Голос России», 1921. № 620. 30 марта. С. 3) во Францию. Печатала стихи также в *Р*, *Сег*, парижских «Свободных мыслях», позднее — перепечатаны в *Сов*. Член масонской ложи (*Серков* С. 268). В ее парижской квартире накануне освобождения Франции пряталась, после ареста мужа, участника Сопротивления, Н. А. Кривошеина с сыном (см.: *Кривошеина Н. А.* Четыре трети нашей жизни. Paris: YMCA-Press, 1984. С. 145—152). После войны была близка к парижским эмигрантским кругам, настроенным просоветски: в частности, посещала дом секретаря редакции газеты «Советский патриот» А. В. Руманова (см. запись в дневнике его жены, Л. Е. Румановой, в: *Руманов Д. А., Яковлева Е. П.* Автографы поэтов Русского Зарубежья из частного парижского собрания // Зарубежная Россия 1917—1939. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 302). В 1947 г. вернулась в Советский Союз (отрывки из ее писем во Францию после возращения печатались в парижской газ. «Русские новости». 1948. № 181. 2 июля. С. 6).

163. Петроград. Печ. по: Свободные мысли. 1920. № 4. 11 октября. С. 2. *Венеты* — древние племена, населявшие северное побережье Адриатического моря и считавшиеся основателями Венеции; вопрос об их происхождении (славянском?) вызывает в науке споры. *...древний миф о подвигах Атлантов* — миф о затонувшей Атлантиде был один из самых популярных в эмигрантской поэзии, см. об этом:' *Хазан В.* «Моя Атлантида — Россия» (К некоторым чертам «водного» мифа в поэзии русской эмиграции) // From the Other Shore (Toronto). № 2. 2002.

164. Петербург. Печ. по: Свободные мысли. 1920. № 9. 15 ноября. С. 2.

Даров (Дар) Анатолий Андреевич (Васильевич) (наст. фамилия: Духонин; 1920, Буя Ярославской обл. — 8 февраля 1997, Нью-Йорк). О себе сообщал следующее: «Родился в 1920 г. в городе Буе, Ярославской области, в семье железнодорожного служащего. Жил и учился в различных городах Европейской России и на Кавказе. После окончания средней школы поступил в Ленинградский институт журналистики, учился до войны и во время войны и блокады. В Европе с 1944 года: Берлин, Мюнхен, с 1948 по 1960 жил в Париже, недолгое время учился в Богословском институте, потом переехал на Мартинику и с Мартиники — в Америку. В данное время работает преподавателем русского языка в Сиракузском университете <город Сиракьюс (Syracuse), штат New York>.

Писать и печататься начал рано. Как профессиональный журналист сотрудничал во многих газетах. Роман "Блокада" был написан еще в 1945 г. в Мюнхене <издан на ротаторе в Мюнхене в том же году>, потом заново переписан в Париже и опубликован сначала в журнале "Грани" <под названием "Солнце все же светит">, потом по-французски в издательстве "Галлимар" (вышло 7 изданий), затем по-русски в издательстве И. Раузена в Нью-Йорке <имеется в виду издание: *Даров Анатолий*. Блокада. Нью-Йорк, 1964; см. рецензии на него: В. Самарин в *Сов* № 11. 1965. С. 100; В. Бутков в *НРС* 1968. № 20355. 1 декабря. С. 5>.

Большие отрывки из двух других законченных романов — "Бессмертники" и "Главная любовь Подмосткина" — напечатаны в журналах "Грани" и "Возрождение".

В газете "Россия" опубликована серия очерков об Афоне, вскоре выходящая отдельным изданием.

В различных изданиях за рубежом печатались также стихи А. Дарова» (*Сод* С. 521).

Помимо указанных периодических изданий, печатался в *НРС*, газете «Русская жизнь» (Сан-Франциско), а во время немецкой оккупации — очерки под рубрикой «Ленинградский блокнот» в газете «Новая мысль» (Николаев-на-Днепре). Автор романов «На Запад идти нелегко», «Евразия», повести «Берег "Нет человека"» (Нью-Йорк, 1969).

Роман «Блокада» относится к одному из лучших произведений эмигрантской литературы, в которых запечатлена трагедия русского народа в годы Второй мировой войны. См. в письме Тэффи И. Бунину (вторая половина августа 1949 г.): «Наш поэт Ди-Пи, Анатолий Духонин, натирая по утрам пол в моей комнате, рассказывает много интересного о сов<етских> писателях. Он был в их кругу. Бунина там очень чтут. Вам будет интересно с ним поговорить. Он перенес всю осаду Петербурга. Сегодня дает мне прочесть свои воспоминания» (Переписка Тэффи с И. А. и В. Н. Буниными. 1948—1952 / Публ. Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер. Вступ. ст. Эдит Хейбер // *Диаспора* Т. 3. С. 596). Высокая оценка «Блокады» прозвучала в словах В. Завалишина, выступавшего на собрании, посвященном 25-летнему юбилею *Гр* (Нью-Йорк, 23 июня 1971 г.): «...Когда говоришь о том, как отражена блокада Ленинграда в русской литературе, то неизменно вспоминаешь два произведения: это — «Я гражданин Ленинграда» А. Богдановича (псевдоним скончавшегося лет семь или восемь тому назад Алексея Густавовича Зоргенфрея) и «Блокаду» Анатолия Дарова» (*Завалишин Вячеслав*. Четверть века журнала «Грани» // Русская литература в эмиграции: Сб. статей под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1972. С. 305).

Некрологи: Наша страна (Буэнос-Айрес). 1997. № 2437/2438. 26 апреля; Посев. 1997. № 3. С. 60—61.

165. Снежинки. Печ. по: *Воз-2* № 88. 1959. С. 23. *И пусть к ногам Екатерины - бьют челом* — См. *ТУ* (Екатерине II памятник). *Гвадалквивир* — река в Испании. *«За жизнь, и радость, и любовь?»* — Измененная цитата финальной строки стих. Пушкина «Я помню чудное мгновенье»: «...И жизнь, и слезы, и любовь».

166. «Течет задумчиво и вольно...» — стихотворение напечатано в составе романа «Блокада». Печ. по: *Даров Анатолий.* Блокада. Нью-Йорк, 1964. С. 241.

Дешевой Николай Михайлович (? — 1957). Автор двух поэтических сборников: «Фата» (Париж, 1933) и «Листопад» (Париж-Берлин, 1934); неодобрительную рецензию на второй из них Г. Адамовича см. в *ПН* 1934. № 4705. 8 февраля. С. 2. После войны печатался в *РМ-2*: воспоминания («В гостях у друзей Саардамского плотника: Из дорожных воспоминаний». 1958. № 1226. 17 июня. С. 6—7) и научные эссе («К вопросу о происхождении русского (великорусского) языка и о возникновении "Руси"». 1959. № 1436. 20 октября. С. 4—5; № 1437. 22 октября. С. 4—5). Печатался также в ж-ле «Златоцвет» (Burlingame), см. его поэму о русско-французской войне «Двенадцатый год» (1962. № 8—9. С. 19—30) или очерк «Санкт-Петербург в эпоху императора Александра Первого» (1963. № 12. С. 9—14).

167. На Неве (Весенние грезы). Печ. по: *Дешевой Н.* Листопад: Воспоминания: Цикл стихов. Париж-Берлин: Изд-во «Парабола», 1934. С. 77—79. *Еще погаснуть не успели - рожков* — Улицы Петербурга освещались газовыми фонарями («рожками»); об освещении городских улиц см.: *Семенович Г. Л.* Уличное освещение города С.-Петербурга: Очерк развития освещения столицы со времени ее основания по 1912 г. СПб., 1912. ...*Порожняки ломовиков* — см. комм. к стих. В. Горянского «Титулярный советник».

Дитрихштейн Дитерихс фон Владимир Давыдович (1890, Лужский уезд Петерб. губ. — 1970-е гг., Бельгия). Представитель старинного дворянского рода. Получил военное образование: учился в Петербургском кадетском корпусе и Николаевском кавалерийском училище, которому посвятил стихотворение «В Николаевском кавалерийском училище» (1916). Помимо этого, окончил в 1914 г. юридический факультет Новороссийского университета. Принимал активное участие в жизни литературно-артистической Одессы и издал здесь свою первую поэтическую книгу «Стихотворения» (1912), за ней брошюрку «Зовы земли» (1913; рец. С. Астрова — Современник. 1914. № 4. С. 121—122) — этот период его жизни описан в «Траве забвения» В. Катаева: «Вовка Дидерикс, или, как он подписывался, Вл. фон Дитрихштейн, был молодой поэт, но гораздо старше меня — богатый студент в штатском: кремовые фланелевые брючки, пестрый пиджачок, твердая соломенная шляпа канотье, толстый золотой перстень с фамильной печатью, белобрысая обезьянья мордочка остзейского немчика с виднеющимися редкими зубами. Типичный последний отпрыск» (*Катаев Валентин.* Святой колодец. Трава забвенья. М.: Советский писатель, 1969. С. 127); здесь же рассказано о его и Катаева знакомстве с И. Буниным; см. также упоминание о нем в

воспоминаниях А. Биска «Одесская Литературка (Одесское Литературно-Артистическое Общество)» // "Дом князя Гагарина..." Вып. I. Одесса, 1997. С. 152; см. также: *Азадовский Константин.* Александр Биск и одесская «Литературка» // *Диаспора* Т. 1. С 1913 г. (и до эвакуации из Одессы в 1920 г.) печатал стихи в газетах «Одесский листок» и «Южная мысль». Проходил службу в лейб-гвардии Конно-Гренадерском полку (см. его стихотворение «26 августа 1831 г.», посвященное этому полку). Участник Первой мировой войны. Кроме упомянутой выше, издал в России еще две книги стихов: «Блеклый венец» (1914; рец. Виталия Вячеславского — Утро. Харьков. 1914. 1 апреля) и «Тихая свирель» (1917), — в последней рецензенты усмотрели подражания Блоку (*Айхенвальд Ю.* Литературные наброски // Речь. 1916. № 314. 14 ноября; *Костров М.* Фольговая поэзия // Журнал журналов. 1916. № 45. С. 10). Стихи его печатались в петроградских журналах «На берегах Невы» (1914. № 2. С. 6), «Столица и усадьба» (1916. № 56. С. 25).

См. его стихотворение «Петрограду» ноября 1917 г.:

Куется тяжесть мрачных слов
Тебе, о, город многоликий!
Безмолвье жуткое домов.
Роится бред, больной, безликий.

В бесцветно серой, зыбкой мгле
Лишь фонарей мелькают светы.
Злораден Дьявол. Жизнь — во зле.
Здесь правит чернь и лгут поэты!...

(*Дитрихштейн В.* На зыбких гранях: Собрание стихов 1918—1922. Париж, 1922. С. 7).

Ср. его стихотворение, также написанное еще в России (январь 1918), но о неизбежном прощании:

Но кто же вернется теперь в Петергоф?
От встречи не дрогнут сердца.
О крепкая горечь ненужных стихов!
Фонтаны молчат у дворца.

(Там же. С. 137).

В годы гражданской войны печатался в одесских журналах «Жизнь» и «Огоньки», в газете «Южное слово». Был членом одесского литературного объединения «Зеленая лампа», см. в информации о выступлениях на заседании последней: «Хорошо владеет стихом Юр. Олеша, В. Бабаджан и В. Дитрихштейн» (*Як. П.* «Зеленая лампа» // Вечерний час [Одесса]. 1919. № 54. 16 (29 марта). С. 4). Эмигрировал осенью 1920 г. — сначала в Константинополь, затем во Францию, поселился в Лилле, где работал банковским служащим. Последнюю часть жизни провел в глухой бельгийской деревушке. В эмигрантский период печатался в журналах — *РМ-1*, «Отечество», газетах *Р*, *Воз-1*, «Новое время», «Россия», «Россия и славянство», в альманахе «Медный всадник», а также издал две книги стихов: «На зыбких гранях: Собрание стихов 1918—1922» (Париж, 1922) и «Собрание стихов. 1912—1964» (Брюссель, 1965). Первую высоко оценил И. Бунин, назвав его стихи «благородными, изящными, талантливыми» (Слово [Париж]. 1922. № 8. 14 августа. С. 2), ср. с менее воодушевленным отзывом О. Воинова, который писал: «Ярким талантом

автор не обладает, но чувствуется знакомство с теорией и формой стиха. Хорошо сделаны некоторые сонеты и триолеты. Но в общем муза Дитрихштейна мало пленяет. Поэт весь в былом. Усадьба, кавалерийские кочевья, полк (поэт — офицер л<ейб> гв<ардии> Конно-Гвардейского полка) — вот его темы. Пожалуй, его стихи скажут больше офицерскому сердцу, чем любителю поэзии» (За Свободу! 1922. № 263. 24 сентября. С. 3). В рецензии на вторую Н. Станюкович давал общую оценку его поэзии: «...Дитерихс с честью выполнил, как сейчас принято выражаться, "социальный заказ" своего класса. Он разделил его путь и сказал то и так, как чувствовали люди его круга. Подлинная трагедия и заключается в том, что крикнуть, загореться новым огнем, пойти навстречу российскому будущему, он — певец прошлого — не мог, что он оказался способен говорить только вполголоса» (*Воз-2* № 168. 1965. С. 122).

168. Петербург. Печ. по кн.: *Дитерихс ф-Дитрихштейн Вл.* Собрание стихов. 1912—1964. Брюссель: Изд. журнала «Родные перезвоны», 1965. С. 39—40. Включено в *ВРС* С. 197. *Петербургские белые ночи - ворожат* — анонимный рецензент писал, что эти строчки напоминают Н. Агнивцева (Часовой (Брюссель). 1965. № 474. С. 15).

169. Белый жребий. Там же. С. 122.

Дорожинская Мария. Жила в Бразилии. Сотрудничала в журнале «Вольная Сибирь» (Прага, 1926—30). Опубликовала в Париже сборник стихов «Зарево прошлого» (1929). В отзыве на него Н. Берберова писала: «Вот книжка Марии Дорожинской "Зарево прошлого". Издана она в Париже, но написана в Южной Америке. Автор живет в Сан-Паоло, а стихи есть и про Рио-де-Жанейро, и про Дакар... И стихи эти несут на себе, кроме легкого и даже слегка приятного груза экзотики, кое-какие, правда, не совсем органические, но все же вполне русские влияния...

В книжке Дорожинской нет ни одного совершенного стихотворения. Дорожинская вся состоит из двух влияний: Ахматовой и Гиппиус. Влияние Ахматовой всегда пагубно, влияние Гиппиус на сей раз оказалось благотворно. И если совершенства, как мы сказали, в стихах Дорожинской нет, то есть что-то, например, в первом стихотворении, что позволяет прислушаться к ее стихам. Несомненно, через влияние Гиппиус лежит поэтическая дорога Дорожинской. Остается поэту только увидеть этот путь, не противиться ему, а наоборот, постараться извлечь все, что возможно, из предоставленных ему способностей» (Ивелич. Новые книги стихов // *Воз-1* 1930. 15 мая).

Неопубликованные стихи Дорожинской приведены в книге Г. Гребенщикова «Радонега» (Нью-Йорк, 1938); он же автор рецензии на «Зарево прошлого» (*Руб* 1930. № 49. С. 23; см. также *НРС* 1930. № 6461. 5 окт. С. 10).

170. Санкт-Петербургу. Печ. по: *Дорожинская М.* Зарево прошлого. Париж, 1929. С. 75—76.

Дукельский Бенедикт Шмулевич (Дукельский-Диклер; ? — после 1940). Родился в состоятельной семье купца-еврея, имевшего право проживать в Петербурге; двоюродный брат Бенедикта Лившица (см. упоминание о нем в кн. Б. Лившица «Полутороглазый стрелец», гл. 3). До революции служил помощником присяжного поверенного.

В 1922 г. издал в Петрограде сборник «Appassionata», содержащий ряд стихов на петербургские темы: «Люблю я вид Невы в осенний мрачный день», «В Петрограде», «В Летнем саду», «У Эрмитажа», «На Марсовом поле» и т. д.

В эмиграции стяжал славу поэта-дилетанта, автора пышно-торжественных, но малосодержательных стихов. Это отношение с предельной четкостью зафиксировано в резком отзыве З. Гиппиус, назвавшего его в статье «Поэзия наших дней» «графоманом Дукельским» («Дукельский, конечно, недоразумение; читать его взбухшую книгу не будут и там, куда он ее направляет (недаром позаботился, чтобы орфография была законная). Но писать по сонету в день, как пишет здесь, Дукельский может и там вполне невозбранно», *ПН* 1925. № 1482. 22 февраля. С. 2), и в рецензии Сирина-Набокова на его сборник «Сонеты» (2-е изд., перераб. и доп. Париж, 1926), в которой творчество Дукельского определяется как «наивнейший провинциализм» (*Р* 1926. № 1801. 3 ноября. С. 4); другой рецензент писал, что сонеты эти «написаны не по-русски. Это плохой перевод негодных стихов с языка, переводчику незнакомого, на язык, ему неизвестный» (Дни. 1925. № 702. 27 февраля. С. 6); анонимный рецензент парижского «Вечернего времени» — «в интересах русского языка, а иногда и здравого смысла» — предостерегал читателей от чтения «Сонетов» (1925. № 280. 25 марта. С. 3); см. также отрицательную рецензию Е. Комнина <Е. А. Кумминга> в *Р* (1925. № 1268. 4 февраля. С. 5) и сатирический фельетон с пародией на сонет Дукельского в белградском «Новом времени» (1925. № 1133. 8 февраля. С. 3), подписанный Ренэ Санс <К. Я. Шумлевич>. В этом хоре язвительно-иронических откликов неожиданным комплиментом прозвучала реакция вставшего на защиту Дукельского Г. Иванова: «Поэзия Дукельского — смутное, торжественное дыхание, похожее на плеск моря или шум ветра. Смутные или торжественные образы сталкиваются и расходятся в плавном течении классического "александрийца" — шестистопного ямба. Эти образы возникают и гаснут, уступая место другим таким же торжественным, таким же сияющим и бесплотным» (*Сег* 1927. № 191. 27 августа. С. 6).

В Париже изданы и другие сборники его стихов: «Душа в заветной лире!» (1927), «Моей души предел желанный» (1929), «Разуверенье» (1930), «Кораллы» (1931).

171. Перед утром. Печ. по: *Дукельский Бенедикт*. Сонеты. Париж, 1924. С. 94. *Калевала* — карело-финский эпос о подвигах и приключениях героев сказочной страны Калева (составлен из народных песен — рун финским поэтом и фольклористом Э. Лёнротом; опубл. в 1835 и 1849); сам образ «Калевалы» отсылает к «гром-камню», найденному у берегов Финского залива и послужившему подножием памятнику Петру I (см. Лахта в *ТУ*). *Паллада* — другое имя Афины; по всей видимости, по ассоциации с римской богиней утренней зари Авророй, которая к греческой Афине никакого отношения не имела.

172. На севере. Там же. С. 113. *Дева* (лат. Virgio) — зодиакальное созвездие. *Где век минул на Петропавловских часах* — Образ часов-курантов на колокольне Петропавловского собора встречается также в стихах Н. Агнивцева «Белой ночью» («С Петропавловской твердыни / Бьют Петровские куранты»), «Ужель наступит этот час» («Ужель наступит этот час / На Петропавловских курантах»), «Вы помните былые дни...» («...последний час / На Петропавловских курантах»).

Дукельский Владимир Александрович (псевд. Vernon Duke, 10 октября 1903, станция Парафьяново Минской губ. — 16 января 1969, Санта-Моника, Калифорния). Родился в музыкальной семье: бабушка по материнской линии, кн. Туманова (Копылова), была ученицей А. Рубинштейна. Детство прошло в Киеве, учился в киевской (у Р. М. Глиэра и Б. Яворского) и одесской (у В. Малишевского) консерваториях. Согласно записи в Дневнике С. Прокофьева (от 10 (23) мая 1918), жил в это время в Японии и редактировал газету (*Прокофьев Сергей.* Дневник. 1907—1918. Paris, 2002. С. 703). В 1919 г. — в Константинополе, работал в Красном Кресте. Входил в константинопольский «Цех поэтов» (1920) вместе с А. Аллиным и Б. Поплавским (которому впоследствии посвятил стихотворение «Памяти Поплавского»). В 1921 г. переехал в Нью-Йорк, но затем вновь вернулся в Европу. В 20-е гг. жил в Лондоне и Париже, где в квартире-салоне Бориса и Фатьмы-Ханум Самойленко несколько раз встречался с приезжавшим в Париж из Советской России В. Маяковским. Дружил со многими выдающимися композиторами и музыкантами — С. Прокофьевым (см. его мемуары «Об одной прерванной дружбе» // *Мос* № 13/14. 1968. С. 252—279), С. Кусевицким, Дж. Гершвиным (после смерти которого завершил музыку к фильму «Goldwyn Follies» (1938), оставшуюся незаконченной). Входил в т. н. западную группу русских композиторов (см.: *Лурье Артур.* Пути русской школы // *Ч* 7/8. 1933. С. 228—229; первоначально: *Lourié* A. The Russian School // The Musical Quarterly. XVIII. 1932. P. 519—529); повздорив с Ж. Кокто, вызвал его на дуэль, от которой тот отказался. Некоторое время примыкал к евразийцам и печатал музыкальные обзоры в еженедельнике «Евразия». В 1929 г. окончательно перебрался в США. Во время Второй мировой войны служил в войсках береговой охраны Нью-Йорка.

Написал музыку к дягилевскому балету «Зефир и Флора» (сюжет Б. Кохно, хореография Л. Мясина, декорации Ж. Брака, костюмы Шанель) (1925) (см. его очерк «Дягилев и его работа» // Версты. 1928. № 3. С. 251—255; о его встрече с С. Дягилевым см.: *Grigoriev S. L.* The Diaghilev Ballet. 1909—1929. Penguin Books Ltd., 1953. P. 210—211), балету на текст романа А. Жида «Фальшивомонетчики» (балетный спектакль шел под названием «Общественный сад»), автор оперы «Барышня-крестьянка», многочисленных инструментальных концертов, музыкальных комедий, романсов, музыки к фильмам. Композиторский дар сочетал со стихотворчеством: в одном из стихотворений, «April fool» (1964), шутливо писал о себе: «Я средь поэтов — композитор, / Средь композиторов — поэт». Автор четырех поэтических сборников (все изданы в Мюнхене): «Послания» (1962) (см. рец. Я. Н. Горбова в *Воз-2* № 144. 1963. С. 145—148; Ю. Иваска в *НЖ* № 73. 1963. С. 304; И. Елагина в *Сов* № 11. 1965. С. 97—99), «Страдания немолодого Вертера» (1962), «Картинная галерея» (1965) (рец.: Я. Горбова в *Воз-2* № 171. 1966. С. 145—150; Т. Фесенко в *Сов* № 16. 1967. С. 167—171), «Поездка куда-то» (1968) (см.: *З<авалиши>н В.* Новая книга Владимира Дукельского // *НРС* 1968. № 20187. 16 июня. С. 8); последний сборник посвящен Д. Кленовскому, на стихи которого он написал несколько романсов. Помимо собственных стихов, занимался переводами английских и американских поэтов (в частности Э. Паунда), писал очерки (напр., Дягилев и его работа // Версты. 1928. № 3; Бунин // *Сов* № 13. 1966. С. 68—83), литературные рецензии (напр., на книгу актера С. Л. Бертенсона «В Холливуде с В. И. Немировичем-Данченко» (1964) // *Сов* № 11. 1964. С. 105—107; см. его стихотворение «Послание к С. Л. Бертенсону»,

включенное в наст. изд.), музыкальные обзоры (*Нов* № 22—23. 1945. С. 51—60; № 24—25. 1946. С. 82—92; № 31—32. 1947. С. 81—93); автор большого количества статей о музыке в американских журналах.

Умер от рака легких. Некролог: Умер Вернон Дюк // *НРС* 1969. № 20403. 18 января.

Петербургская тема присуща не только его поэзии, но и композиторскому творчеству: оратория «Конец Санкт-Петербурга» (1931—37), в которой использованы тексты Ломоносова, Державина, Пушкина, Тютчева, Кузмина, Ахматовой и Маяковского.

См. его воспоминания: «Passport to Paris» (New York, 1955; отзыв Г. Света в *НРС* 1955. № 15765. 26 июня. С. 8), книгу музыкальных очерков «Listen Here: A Critical Essay on Music Depreciation» (1964).

См.: *Алконост.* Полчаса В. Дукельским // Русские новости. 1947. № 110. 11 июля. С. 6; *Даров Анатолий.* Владимир Дукельский и Вернон Дюк // *НРС* 1969. № 20390. 5 января. С. 2, 5; *Вишневецкий И. Г.* Поэтика многоязычия в дружеской переписке С. С. Прокофьева и В. А. Дукельского // Russian Literature. XLV. 1999. С. 501—517; *Vishnevetsky Igor.* The birth of Chaos from the Spirit of Harmony: The End of St. Petersburg by Vladimir Dukel'skij // AION-Slavistica. Annali dell'Instituto Universitario Orientale di Napoli. 2004. Vol. 6. P. 243—277.

173. Послание к С. Л. Бертенсону. Печ. по: *Дукельский Владимир.* Послания. Мюнхен, 1962. С. 24—29. *Сергий Львович Бертенсон* (1885—1962), русский актер, сотрудник К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко; учился в Гейдельберге; 10 лет был администратором МХТ (1918—28); после этого работал в Голливуде; автор книг «Вокруг искусства», посвященной истории МХАТ, и «В Холливуде с В. И. Немировичем-Данченко (1926—27)», вышедшей посмертно (1964); см. также: Аренский К. Письма в Холливуд. По материалам архива С. Л. Бертенсона. Монтерей, 1968; письма к нему О. Л. Книппер-Чеховой // *НЖ* № 57. 1959. С. 148—168. *Dédicace* — нечто подаренное с посвящением, автографом — книга, фотография и пр. (*фр.*). *Морфей* — в древнегреч. мифологии бог сновидений. *Булгарин Фаддей Венедиктович* (1789—1859), *Греч Николай Иванович* (1787—1867), литераторы, ставшие воплощением официально-доносительской критики. *Зоил* — придирчивый, пристрастный, недоброжелательный критик (от имени греч. оратора IV в. до н. э., прославившегося своими нападками на сочинения Гомера). *Томский, Нарумов, Герман(н), Сен-Жермен, Лиза* — действующие лица «Пиковой дамы» А. Пушкина; об интересе эмигрантской поэзии к пушкинской повести и опере П. И. Чайковского см. в комм. к стих. Н. Агнивцева «Санкт-Петербург». *Рацея* — длинная назидательная речь, наставленье. *Гость московскую Венеру - обозвал* — В повести Пушкина старая графиня именуется la Vénus moscovite — московская Венера; *«Старая ведьма!»* — слова Германна в адрес уже мертвой старухи. *...tant pis* — тем хуже (фр.). *Вот вам титлы... de Noblesse!* — Знатный титул, титул дворянина (фр.). *Портрет — без сходства* — название сборника стихов Г. Иванова (Париж: Рифма, 1950).

Елагин Иван (наст. имя Зангвильд (Залик) Венедиктович Матвеев; 1 декабря 1918, Владивосток — 8 февраля 1987, Питтсбург, США). Псевдоним, взятый в эмигрантскую эпоху, происходит от Елагина острова в Петербурге (см.: *Глэд Джон.* Беседы в изгнании. М.: Книжная палата, 1991. С. 62). Сын поэта-футуриста В. Н. Марта (наст. фам. Матвеев,

1896—1937), который посвятил сыну сборник переводов японских миниатюр «Луна» (Харбин, 1922) (в посвящении будущий поэт именуется Уотт-Зангвильд-Иоанн Март). Двоюродный брат поэтессы Новеллы Матвеевой (1934). С 1919 до 1923 гг. семья жила в Харбине, в 1923 г. перебралась в Советскую Россию, а в 1934 г. поселилась в Киеве. В 1937 г. отец был репрессирован (впоследствии Елагин посвятил ему несколько стихотворений и небольшую поэму «Звезды»). Поступившему учиться в мединститут Елагину (в ту пору Матвееву) помогал известный украинский поэт М. Рыльский; перевод Елагиным его стихотворения «Концерт» был напечатан в газ. «Советская Украина» (28 января 1941); Рыльский, среди других, упомянут в поэме «Память». До конца 1943 г. вместе с женой, поэтессой Ольгой Анстей, жил в оккупированном немцами Киеве, а затем через Польшу бежал в Германию. В конце войны оказался в лагере для перемещенных лиц под Мюнхеном. Мать Елагина, Сима Лесохина, по сообщению Н. Коржавина (см. его воспоминания «В соблазнах кровавой эпохи» // Новый мир. 1992. № 7, 8), погибла во время войны в Царском селе. В Мюнхене увидели свет три его книжки: два сборника стихов — «По дороге оттуда» (1947), «Ты, мое столетие!» (1948) и комедия-шутка «Портрет мадмаузель Таржи» (1949). В 1948 г. он расстался с О. Анстей. В письме к последней И. Бунин писал (28 марта 1949): «Вы оба — и Вы и Елагин — так резко выделяетесь в несметной толпе так называемых поэтов и поэтесс парижских и нью-йорских!» (Письмо Ивана Бунина Ольге Анстей [Публ. и вступ. заметка Евгении Димер] // *НЖ* № 235. 2004. С. 143).

В 1950 г. переехал в США. Работал в редакции *НРС*. Начиная с 1953 г., когда нью-йорское изд-во Чехова выпустило книгу его стихов «По дороге оттуда», куда вошли два «ди-пийских» издания, елагинские поэтические сборники появлялись один за другим: «Политические фельетоны в стихах. 1952—1959» (Мюнхен, 1959), «Отсветы ночные» (Нью-Йорк, 1963), «Косой полет» (Нью-Йорк, 1967), «Дракон на крыше» (Нью-Йорк, 1973; другое издание — Роквилл, США), «Под созвездием Топора» (Франкфурт-на-Майне, 1976), «В зале Вселенной» (Анн-Арбор, 1982), «Тяжелые звезды» (Tenefly, 1986), «Курган» (Франкфурт-на-Майне, 1987). Совместная с Н. Моршеном книга стихов «Меж двумя зеркалами» (Маастрихт, 1985) вышла по-голландски. Занимался переводами американской поэзии (перевод эпической поэмы Стивена Винсента Бене «Тело Джона Брауна» был зачтен ему как докторская диссертация в Нью-Йоркском университете; отдельная книга — 1979, изд-во «Ардис»). В 1958 г. женился на Ирине Даннгейзер, дочери эмигрантки первой волны. С 1968 г. преподавал русскую литературу в летней школе в Миддлберри (штат Вермонт), а в 1970 г. стал профессором Питтсбургского университета.

О неоднозначном отношении к Елагину в эмиграции свидетельствуют разные отклики на его поэзию, см., напр., статью Г. Иванова «Поэзия и поэты» (1950), где он писал, что «И. Елагин <...> ярко выраженный человек советской формации. <...>. Он находчив, боек, размашист, его стихи пересыпаны блестками удачных находок. Но все опубликованное им до сих пор так же талантливо, как поверхностно, почти всегда очень ловко, но и неизменно неглубоко» (*Иванов Г.* Собр. соч.: В 3-х т. Т. 3. М.: Согласие. С. 583); Д. Кленовский назвал Елагина в письме к В. Ф. Маркову (26 апреля 1956) поэтом «катастроф, гнева и ненависти, и вне этих тем ему, собственно, нечего сказать, ибо духовное "нутро" его несколько ограничено и наивно» (*Диаспора* Т. 2. С. 637); см. также в письме В. Набокова Р. Гринбергу от

14 сентября 1961 г., где Елагин сравнивается с Д. Бедным (*Диаспора* Т. 1. С. 537) и др. Несмотря на это Елагин был назван одним из лучших поэтов второй волны эмиграции. «Дорогой поэт, Вы очень талантливы, — писал ему И. Бунин, — часто радовался, читая Ваши книжечки, Вашей смелости, находчивости...».

См.: *Бетаки В.* Три спора о поэзии Ивана Елагина // *Гр* № 103. 1977. С. 176—198; *Сенкевич Валентина.* Последние дни Ивана Елагина // Новый мир. 1990. № 2. С. 190—192; *Фесенко Татьяна.* Сорок шесть лет дружбы с Иваном Елагиным. Париж, 1991; Canadian-American Studies. 1993. Vol. 27 — номер целиком посвящен Елагину; *Витковский Евгений.* Состоявшийся эмигрант // Елагин Иван. Собр. соч.: В 2-х т. Т. 1. М.: Согласие, 1998. С. 5—40 (стихи Елагина приводятся по этому изд.).

174. «Там тень извозчика на козлах...». Т. 1. С. 70. Начиная каждую строфу с указательного местоимения «там», Елагин, по-видимому, намеренно воспроизводит интонационно-синтаксический рисунок Посвящения к «Руслану и Людмиле» Пушкина. *Раскольников через Сенную - полой топор* — Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание». *Там, на Столярном - проигрывающий партнер* — М. Лермонтов «Штосс». *Онёр* (honneur, фр.) — карточный термин: название карты, засчитываемой при расчете. *Лихач* — см. комм. к стих. В. Гарднера «Картинки прежнего Петрограда».

175. Память <Фрагменты>. Т. 2. С. 206—212. *Ювачев Иван Павлович* (1860—1940), в прошлом народоволец, отец Д. И. Хармса (1905—42). *Был он сослан во Владивосток - моего крестил* — Сосланный во Владивосток, И. П. Ювачев, познакомился там с дедом Елагина, известным краеведом и владельцем типографии Н. П. Матвеевым-Амурским, и крестил обоих его сыновей — отца поэта и его дядю Гавриила Николаевича. *Позже о паломничестве - том* — Имеется в виду книга «Паломничество в Палестину к гробу Господню» (1904). *Ювачев поблизости живет / На Надеждинской* — Описание этой квартиры см. в воспоминаниях М. Дурново (Малич), которая в том же 1934 г. стала женой Д. Хармса (*Глоцер Владимир.* Марина Дурново. Мой муж Даниил Хармс. М.: ИМА-пресс, 2001. С. 36—44). *Был он молчалив, высок и сух* — Ср. описание внешности И. П. Ювачева в воспоминаниях М. Дурново: «Это был очень высокий, скелетообразный старик с бородой и всегда бледным лицом» (С. 38). *Лебедев-Кумач Василий Иванович* (1898—1949), советский поэт-песенник. *Обэриуты* — Литературная группа «Объединение реального искусства» (ОБЭРИУ — «у» было прибавлено для смеха), исповедовавшая принципы литературной игры и художественного абсурдизма; возникла при ленинградском Доме печати в 1927 г.; объединяла молодых писателей: Д. Хармс, Н. Заболоцкий, А. Введенский, К. Вагинов, Н. Олейников и др. *Введенский Александр Иванович* (1904—41), поэт-обэриут, друг Хармса. *Шварц Антон Исаакович* (1896—1954), артист эстрады, чтец-декламатор; он и его жена Н. Б. Шанько (1901—91) были близкими друзьями Хармса. *«Невского проспекта» волшебство* — Повесть Н. Гоголя. *Вновь твои проспекты, Ленинград - мой приезд* — Елагин рассказывает о посещении Ленинграда в августе 1939 г. Об этой поездке, когда произошла встреча с Ахматовой, см. в письмах его тогдашней жены, поэтессы *Анстей Ольги Николаевны* (наст. фам. Штейнберг; 1912—85), к подруге юности Б. Казначей (приведены во вступительной статье Е. Витковского к двухтомнику И. Елагина); две последние строфы

включенного в наст. изд. фрагмента поэмы являются частью стихотворения Елагина, написанного в 1939 г. после посещения Ахматовой и приведенного в одном из упомянутых писем О. Анстей (полностью см. в указанной статье Е. Витковского. С. 17). *...Девушки портрет* — Речь идет о портрете Ахматовой работы А. А. Осмеркина «Белая ночь» (завершен в июне 1939). *Высылают сына - в тюрьму* — Л. Н. Гумилев (1912—92), сын Ахматовой и Н. С. Гумилева, находился в это время в Крестах — тема, легшая в основу ее поэмы «Реквием».

Еленевская Ирина (1896, Петербург — 1978, Стокгольм). Дочь чиновника Министерства иностранных дел. Училась в гимназии Л. С. Таганцевой, затем на архитектурных курсах Батаевой. В марте 1920 г. эмигрировала, сначала — в Финляндию, где работала секретарем в Швейцарском консульстве, затем, в 1944 г., в Швецию. Похоронена на Лесном кладбище в Стокгольме, см.: *Кобак А. В., Андреев А. И.* Из истории русского храма и некрополя в Стокгольме // Невский архив: Историко-краеведский сборник. II. М.; С.-Петербург: Atheneum, Феникс, 1995. С. 443. Оставила воспоминания, изданные в Стокгольме в 1968 г., в которых напечатано стихотворение «Петербург». Муж — С. С. Еленевский, подполковник русской армии, колчаковский офицер, которому также принадлежат воспоминания — Трагедия белой борьбы в Сибири: К 60-летию убийства адмирала Колчака // Часовой (Брюссель). 1980. № 623—626.

См. о ней: *Башмакофф Н., Лейнонен М.* Из истории и быта русских в Финляндии, 1917—1939: По печатным материалам, воспоминаниям и рассказам самих русских. Ч. I // Studia Slavica Finlandensia. T. 7. Helsinki, 1990. S. 33.

176. Петербург. Печ. по кн.: *Еленевская Ирина.* Воспоминания. Стокгольм, 1968. С. 211—212. Впервые: Часовой (Брюссель). 1960. № 405, с посвящением «Ротмистру Д. Кузьмину-Караваеву» и указанием времени и места написания: *Стокгольм, 1959 г.* (*Кузьмин-Караваев Дмитрий Дмитриевич* (1892—1985), ротмистр царской армии, Георгиевский кавалер; в эмиграции жил в Гельсингфорсе, член о-ва «Русская колония в Финляндии»; см. о нем в воспоминаниях самой Еленевской. С. 151).

Завадская Нина (15 апреля 1928, Харбин — 17 ноября 1943, Харбин). Родилась в семье известного харбинского врача К. В. Завадского. С детства был одарена многими талантами: рисовала, занималась музыкой, изучала разные языки, среди них санскрит и древнееврейский. Посещала литературно-художественный кружок им. К. Р., где читала стихи и сделала два доклада: «Валерий Брюсов» и «Модернисты и их предшественники», включенные впоследствии в ее посмертный сборник; писала также прозу. Смерть Н. Завадской от тифа потрясла харбинскую колонию. Произведения юной поэтессы были собраны в книгу «Светлое кольцо» (в основу названия лег образ одного из ее стихотворений). Помимо стихов, статей и фрагментов прозы самой Завадской, сюда включены некрологические статьи и стихи харбинских поэтов. «Читая стихи Нины Завадской, — писала поэтесса Е. Недельская, — чувствуешь, каким полным аккордом звучала ее юная душа, как ярко горела, как напряженно она жила. Эти стихи, — в них, как блестки, рассыпаны хорошие глубокие мысли. Эти стихи, — они дают так много, но еще больше обещают... От сознания, что обещания эти не могут быть выполнены, сжимается сердце от оби-

ды, от горя, от боли, — ведь свершения этих обещаний были бы так прекрасны, так ценны. Но и тем, что есть — Нина Завадская "воздвигла себе маленький, нерукотворный памятник". Это есть... Это — будет...» (*Завадская Нина.* Светлое кольцо. Харбин, 1944. С. 190). Рец. Н. Климова на сб. ее стихов помещена в *Руб* 1944. № 20. 10 июля. С. 22—23.

177. Октябрь. Печ. по: *Завадская Нина.* Светлое кольцо. Харбин, 1944. С. 75—76.

Завалишин Вячеслав Клавдиевич (псевд. В. Казанский, 13 октября 1915, Петроград — 31 мая 1995, Нью-Йорк). Отец — бывший эсер — репрессирован, мать отбывала срок в женском лагере под Карагандой. Окончил историко-филологический факультет ЛГУ. Во время войны бежал из немецкого плена и скрывался под чужим именем в Новгороде и Пскове. Был арестован и отправлен в Двинскую тюрьму, затем — в штрафной лагерь Погулянка (Латвия). Служил в РОА — армии генерала Власова. См. рассказ Н. Е. Андреева о его появлении в Праге в конце войны: «Появился поэт и литературный критик, страшный фантазер, как потом выяснилось — он фантазировал на все темы, на советские, литературные, критические — Вячеслав Завалишин, позднее он писал в "Новом Русском Слове", одно время блистал за границей, написал книгу о советской прозе. Он пришел в жутком виде, он тоже должен был у нас спать, но мы боялись его положить, потому что на нем полно было всяких насекомых, так что он тоже спал на столе в канцелярии. Кончилось это довольно неприятно. Он остался в Праге и, видимо, имел какие-то отношения с власовцами» (*Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. Т. 2. Таллинн: «Авенариус», 1996. С. 173). После войны остался на Западе. В 1951 г. перебрался в США и поселился в Нью-Йорке. Работал на радиостанции «Свобода», литературным обзревателем *НРС*, печатался в *НЖ*, мюнхенском «Литературном современнике» (член редколлегии), сотрудничал в санфранцисской газете «Русская жизнь».

Редактор и автор вступительной статьи «Жизнь и творчество Сергея Есенина» к сборнику: Сергей Есенин. Избранные стихотворения (Рига, 1944); впоследствии издал однотомник Есенина (Регенсбург, 1947); см. также его статью «Есенин и Маяковский» в ж-ле «Литературный современник» (1951. № 1. С. 82—91); автор предисловия к «Петербургским зимам» Г. Иванова (Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1952). Автор книг: «Андрей Рублев» (1946), «Early Soviet Writers» (New York, 1958; 2-е изд. 1970; рец. на нее Г. Глинки в *НРС* 1958. № 16621. 21 сентября. С. 8, П. Ершова в *НЖ* № 55. 1958. С. 291—294), «Малевич. Мысли о жизни и творчестве» (Нью-Йорк, 1980; рец. С. Голлербаха в *НЖ* № 188. 1992. С. 379—381) — с К. Малевичем Завалишин был знаком лично. Ему принадлежит переложение на русский язык «Центурий» Нострадамуса (рец.: *Видов-Карагеоргев Ю.* Русский Нострадамус Вячеслава Завалишина // *НРС* 1974. № 10019. 26 мая. С. 7). Автор поэтического сборника «Плеск волны» (Нью-Йорк, 1980), обилие «корабельно-морских» стихотворений в котором объясняет определение, данное ему Д. Бобышевым как «романтика моря» и «певца припортовых нью-йорских таверн» (*Бобышев Дмитрий.* Песни вечерние: Поэзия второй эмиграции // *РМ-2* 1992. № 3958. 11 декабря. С. 10).

Умер от рака крови.

178. Траурный марш. Печ. по: *Гр* № 4. 1948. С. 65—66. Написано на смерть художника-авангардиста и теоретика искусства П. Н. Филонова (1883—1941). *Подир* — длинные одежды иудейских первосвященников и царей (Ис. 28: 31—35; Откр. 1: 13). *Его друзья - на кладбище несут* — Филонов умер в блокадном Ленинграде 3 декабря 1941 г.

179. Памяти Бориса Ловета-Лорского. Печ. по: *Завалишин Вячеслав.* Плеск волны. New York, 1980. С. 28—30. *Борис Ловет-Лорский* (1891—1973), скульптор, живописец, график; в 1913—17 жил в Петрограде, где учился у профессора скульптуры Санкт-Петербургской академии художеств Г. Р. Залеманова; после революции эмигрировал в США. *Грин Александр* (наст. имя: Александр Степанович Гриневский; 1880—1932), русский писатель, см. также в следующем стих.

180. Петербургский бред. Печ. по: *НЖ* № 180. 1990. С. 63—64. Эпиграф — с некоторыми искажениями — из «Трилистника проклятия» И. Анненского. *Бам* от англ. bum — бездельник, лодырь. *Григорьев Аполлон Александрович* (1822—64), русский поэт, автор стихов, ставших популярными цыганскими песнями и романсами.

Зеленский Евений Васильевич (псевд.: Евгений Аренский; 1919, Петроград — 25 ноября 2001, Ново-Дивеево, штат Нью-Йорк). Учился на филологическом факультете ЛГУ. В начале Отечественной войны прошел ускоренную подготовку в Школе младших командиров и был отправлен на Северо-Западный фронт. Оказавшись в окружении, попал в немецкий плен. После окончания войны, находясь в лагере Ди-Пи, занялся издательской деятельностью: издавал альманах «Терем», журнал «Мир Божий», «Ежедневную сводку последних известий» для «дипишных» лагерей в Баварии, сборники стихов (в частности «Петербургские строфы» Ю. Трубецкого). В 1953 г. поселился в США. Писал для радиостанций «Голос Америки» и «Свобода» (1968—72); редактировал и издавал периодические издания: «Информационный вестник» и «Православный дневник»; возобновил — в журнальном варианте — издававшийся в Германии «Терем» (при участии М. Юппа). Был представителем Российского благотворительного фонда имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны в США, членом правления русско-американского общества «Отрада». В эмиграции издал три сборника стихов: «Есть земля такая», «Стихи разных лет», «Только о тебе» (все — США, 1975); сборник «Мне б только хлеба русского кусок...» издан в 1992 г. в Москве. Писал также прозу, сказки для детей, статьи, очерки, занимался переводами: переводил в частности жившего в США ливанского поэта Калила Гибрана, см.: *Зеленский Е.* Это — Калил Гибран // *НРС* 1968. № 20146. 6 мая. С. 8.

Как у многих эмигрантов, бывших петербуржцев, образ разрушенной в ходе российского революционного апокалипсиса Северной Пальмиры вызывал в нем противоречивые чувства:

Лобное место мира,
Призрачный город грез,
Северная Пальмира,
Ненавижу тебя до слез...

Ненавижу и обожаю,
Вижу в грезах, как наяву...
Дай мне белою ночью мая
Поглядеться в твою Неву!

См. о нем: *Юпп Михаил.* Терем света Евгения Зеленского // Континет USA. 2002. № 4 (60). Февраль. С. 11.

181. «Еще Петром одетая в гранит...». Печ. по: *Сов* № 28—29. 1975. С. 72; первоначально, без посвящения: *НРС* 1970. № 21894. 24 мая. С. 5. *Крузенштерн-Петерец Юстина Владимировна* (1903—83), эмигрантская поэтесса, прозаик, журналистка, переводчица. Жила в Китае, затем в Бразилии, в 60-е гг. поселилась в США; жена включенного в наст. изд. Н. Петереца.

Злобин Владимир Ананьевич (июль 1894, Петербург — 9 декабря 1967, Париж; похоронен в Neuilly-sur-Marre, на местном кладбище). Родился в купеческой семье. Учился в Петербургском университете. В Записках Неофилологического общества (1915. Вып. 8.) опубликованы его переводы из И. П. Якобсена. Участвовал в студенческом «Кружке поэтов». Вместе с Л. М. Рейснер редактировал журналы «Богема» (1915) и «Рудин» (1915) — см. его письма к Л. Рейснер 1915—16 гг. (ОР РГБ. Ф. 245. К. 6. № 43). Участник этих изданий А. К. Лозина-Лозинский рекомендовал его Н. С. Гумилеву 21 марта 1915 г.: «Моментами он напоминает как-то вас, хотя en petit, конечно» (*Гумилев Н.* В огненном столпе. М., 1991. С. 227). См. о нем («Володя З.») в письме Л. Рейснер к матери (*Рейснер Л.* Избранное. М., 1965), а также как о «рыцаре-денди»: *Карпов П.* Пламень. Русский ковчег. Из глубины. М, 1991. С. 323. Спустя много лет написал о своем увлечении Рейснер рассказ «Лариса» (*Воз-2* № 63. 1957. С. 112—116). Формированию Злобина-поэта способствовало его знакомство (в 1916) и сближение с З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковским, которое произошло через Н. Оцупа (см.: *Злобин В. А.* Памяти Н. А. Оцупа // *Воз-2* № 86. 1958); тесные отношения, объединявшие этих людей, дали повод В. Ходасевичу дать им прозвище Мерезлобин (в письме к Н. Н. Берберовой от 11 апреля 1927 — Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой / Публ. Д. Бетеа // Минувшее. Т. 6. С. 239). В 1918 г. его стихи были опубликованы в сборнике «Арион». В своем отзыве Н. Гумилев писал, что «в них нет еще ни силы выражения, ни радости всепоглощающей мысли, и они звучат скорее как разговор с самим собой, чем как обращенье, но в них есть какая-то благая тишина, в которой дух может беспрепятственно развиваться, если ему это суждено» (*Гумилев Н.* Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 207).

При советской власти сильно бедствовал. Не окончив университета, в декабре 1919 г. вместе с Мережковскими покинул Петербург. После кратковременного пребывания в Варшаве окончательно обосновался в Париже. Жил в квартире Мережковских, став их секретарем. Состоял членом редакционных коллегий журналов «Новый корабль», «Меч», *Воз-2.* Участник сборника «Царство Антихриста» (Мюнхен, 1922), где опубликовал статью «Тайна большевиков».

В 1920—30-е печатался в журналах «Новый дом», «Встречи», *Ч.* Его литературно-критические работы отличались оригинальностью, желанием идти против общего мнения: например, статья о евразийцах и их журнале «Версты» (Новый дом. 1926. № 1. С. 35—37) или рецензия на «Распад атома» Г. В. Иванова (Литературный смотр. Париж, 1939. С. 122—126). С 1927 по 1940 был секретарем литературно-философского общества «Зеленая лампа».

А. Штейгер, который хотя и находился с ним в дружеской переписке, нелестно отозвался о нем в своем дневнике (запись от 30 ноября 1927 г.): «При Мережковских состоит некий молодой человек Злобин. Он как чапетая пластинка, хоть бы одно свое, незаученное, слово», ср. в

письме Ю. Терапиано В. Маркову от 24 февраля 1954 г., в котором он называет Злобина «гиппиусовским эпигоном» («...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда»: Письма Ю. К. Терапиано к В. Ф. Маркову (1953—66) / Публ. О. А. Коростелева и Ж. Шерона // *Минувшее* Т. 24. С. 252).

После смерти Мережковского (1941) и Гиппиус (1945) стал хранителем их архива. В 1951 г. издал неоконченную книгу Гиппиус «Дмитрий Мережковский». В том же году в парижском издательстве «Рифма» опубликовал свой единственный сборник стихов «После ее смерти». Основная тональность книги — веселость духа, «преодолевающая уныние (греховное)»; откликаясь на него, Ю. Иваск писал о Злобине как о представителе «петербургской школы» (*Оп* № 1. 1953. С. 197).

В *Воз-2* регулярно печатал свои статьи на литературные, театральные, политические темы под рубрикой «Литературный дневник». Там же и в *НЖ* публиковал частями книгу о творчестве З. Н. Гиппиус «Тяжелая душа» (вышла отдельным изданием в 1967).

Осенью 1965 г. был приглашен славянским отделом Канзасского университета читать курс по истории русского символизма, в частности о жизни и творчестве Мережковского и Гиппиус.

Поэтическое творчество Злобина было невелико по объему, но ценимо в эмиграции. О первой книге его стихов Н. Андреев писал: «Сборник Злобина <...> создан единым дыханием поэта, для которого — при всем разнообразии отдельных частных направленностей — есть главнейшая из главных тем: попытка преодолеть раздвоенность, которая возникла как следствие взмаха "двуострого меча" ангела, присланного "восстановить образ искаженностей", ибо нужно не искаженное, а истинное единство "плоти" и "духа"» (*Андреев Ник.* Открытие поэта // *Гр* № 20. 1953. С. 158); «...создается впечатление, — отмечал Ю. Иваск, — что появился новый поэт, уже давно печатавшийся, но еще никем не узнанный. Встреча с ним — настоящая радость» (*Оп* № 1. 1953. С. 197); ср. в письме Р. Гуля М. Карповичу от 3 мая 1952 г.: «Злобин прислал книжку свою — превосходные стихи, на мой взгляд. Допускаю, что кое-что он м<ожет> б<ыть> даже "украл" у мертвой З<инаиды> Н<иколаевны> <Гиппиус>, но у него есть и свой почерк, своя музыка, — он напоминает мне Сологуба».

Ср. раннее «петроградское» стихотворение В. Злобина:

Часы Публичной библиотеки
сказали: половина пятого.
Гостиный двор. В пальто из котика
прошла любовница богатого.

И грязью мелкою и талою
ложится снег по лентам каменным.
Трамваи улицу усталую
перерезают крестным знаменьем.

А на углу, годами согнутый,
ларек с халвою и пирожными,
и люди наглухо застегнуты,
идут застылые и ложные.

О, кто из них, при свете месяца,
сегодня, потеряв терпение,
на чердаке своем повесится
из чувства самосохранения?..

(Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З. Н. Гиппиус. Пг., 1917. С. 46).

См.: *Сергеев О. В.* Статья В. Злобина о З. Н. Гиппиус // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 323—343.

182. «Любезным девам не на зло...». Печ. по: *СЗ* № 24. 1925. С. 172—173.

Зубов Николай Георгиевич, граф (8 января 1898, С.-Петербург — 18 июня 1925, Ментон, Франция). Происходил из древнего боярского рода. Отец — генерал-майор Георгий Николаевич Зубов (1866—1936), участник Белого движения. Учился в Императорском Александровском Лицее, куда поступил в 1911 г. («В Лицей, где Пушкин обучался, / Вступил я ровно век спустя...», — писал он в «Стансах Пушкину» и во включенном в наст. изд. стихотворении повторял тот же мотив: «...Где Пушкин некогда учился, / Куда, как раз сто лет спустя, / Вступил воспитанником я». После закрытия Лицея (1917) и бегства семьи на юг продолжал учиться в университете Св. Владимира в Киеве. Служил в Добровольческой армии.

Первое стихотворение напечатал в 1912 г., первую трагедию, «Король Людовик XIII», в 1915 г. (впоследствии, уже в эмиграции, написал еще несколько трагедий и драм: «Царь Самуил», «Крум, хан болгар», «Ирина, царица болгар», «Шутаргардан», а также романы «Винницкая гимназистка», «Лидочка Завялина»). В годы Гражданской войны редактировал и издавал в Елизаветграде ежедневную газету «Народ и армия»; по некоторым данным, здесь же появился первый сборник его стихов. В 1920 г. эмигрировал — сначала в Болгарию, где был редактором-издателем газеты «Русская правда» (София), а затем во Францию. В 1921 г. издал в Софии два сборника стихов: «Адонис. Вакхические песни. Сонеты страсти» (1921) и «Избранные стихотворения» (Изд. 3-е, доп. и испр.) Умер от туберкулеза. Посмертно в Париже изданы две его книги — «Избранные стихотворения» (1929) и «Сказание об Алеше, его игрушках, киске, воробушке и сером зайчике» (1932).

См.: *Телицын Вадим.* Забытый Николай Зубов // *НЖ* № 235. 2004. С. 276—283.

183. 19 октября 1920. Печ. по: *Зубов Николай.* Избранные стихотворения. Париж, 1929. С. 55—57. Частично приведено в статье В. Телицына «Забытый Николай Зубов» (С. 277—278). Название стихотворения восходит к пушкинской традиции: 19 октября (1811 г.) — день основания лицея; см. также включенные в наст. изд. стихотворения В. Ильяшенко и Л. Страховского; стихи на сходную тему и со сходным названием в эмиграции писали другие выпускники лицея — А. Мясоедов (Двуглавый орел (Берлин). 1921. № 19. 1 ноября. С. 21), В. И. Звегинцев «Девятнадцатое октября 1921 г.» и «Девятнадцатое октября 1925 г.» (*Звегинцев В. И.* Несколько строк. Париж, 1927. С. 14—15, 41—43). *Что нам оставил сам Поэт* — А. С. Пушкин. Далее перечислены однокашники поэта по Александровскому Лицею: *Канабеев Михаил Дмитриевич*, корнет лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, погиб в бою под г. Глуховым Черниг. губ. 28 октября 1919; *Нарышкин Кирилл Кириллович*, *Салов Юрий Николаевич*, служил в 11-м Гусарском Изюмском полку, эмигрировал в Египет; *Меллер-Закомельский Александр Владимирович*, барон (псевд. А. Мельский; 1898—?), штабс-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, после революции — председатель СГОР (Совет государственного объединения России; образован в октябре 1918 г. в Киеве из бывших членов Государственной Думы всех созывов), автор книги «Страшный вопрос. О России и

еврействе» (Париж, 1923), написанной как реакция на книгу Д. Пасманика «Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм)» (Берлин, 1923), в начале 20-х был близок к евразийству, от которого в дальнейшем отошел; один из основателей Российского национал-социалистического движения в эмиграции; в конце войны издавал в Праге профашистские сборники «Наши вехи»; *Евреинов Михаил Николаевич*, вольноопределяющийся 12-го Гусарского Ахтырского полка, жил в эмиграции в Бельгии; *Столица Дмитрий Сергеевич*, *Муханов Николай Георгиевич*, поручик лейб-гвардии Преображенского полка, эмигрировал в США; *Кригер Георгий Федорович*, корнет 11-го Гусарского Изюмского полка; *Балашов Николай Петрович* (ум. 5 апреля 1939, Париж), вольноопределяющийся лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка; *Бутович* (сведениями не располагаем; в 1893 г. Лицей окончил *Бутович Николай Иванович* <ум. 17 апреля 1960, Ницца>, камергер, старший советник Канцелярии Совета Министров); *Юрша Михаил Эдмундович* (ум. 28 июля 1958, Париж), штабс-капитан лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады; *Исаков Яков Сергеевич*, служил в лейб-гвардии Преображенском полку, жил в эмиграции в США; *Давыдов Василий Дмитриевич*, корнет лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, в эмиграции жил во Франции; *Горсткин Павел Сергеевич*; с Зубовым учились братья *Воронцовы-Вельяминовы — Владимир Иванович*, корнет, и *Георгий Иванович* (ум. 1920), вольноопределяющийся 12-го Гусарского Ахтырского полка; *Кондырев Александр Александрович* — умер в 1915 г.

Иванов Всеволод Никанорович (7 (19) сентября 1888, Волковыск Гродненской губ. — 9 декабря 1971, Хабаровск). Родился в семье учителя рисования и живописи. В 1896 г. семья переселилась в Ржев, а в 1897 — в Кострому. В 1906—07 гг. учился в С.-Петербургском университете по кафедре философии и русской истории. Стажировался в Гейдельбергском и Фрайбургском университетах. Планам заниматься научной работой у таких известных ученых, как А. С. Лаппо-Данилевский, Н. О. Лосский и А. Н. Введенский, помешала Первая мировая война. Служил в 3-м Корпусе, которым командовал ген. Крымов (а после его самоубийства — ген. Краснов), наступавшем на Петроград после большевистского переворота. В 1918 г. оказался в Перми и стал ассистентом проф. Л. В. Успенского в местном отделении С.-Петербургского университета. В 1919 г. работал в омском Русском бюро печати, редактировал «Нашу газету», был близок к проф. Н. В. Устрялову (см. публикацию О. Воробьевым фрагментов писем разных людей к Н. В. Устрялову из его архива в Hoover Institute (Stanford University), среди которых напечатано письмо Иванова из Иокагамы от 13 мая 1920 г. // Независимая газета. 2000. № 227. 30 ноября). С остатками армии Колчака дошел до Приморья, во Владивостоке редактировал «Вечернюю газету». Осенью 1920 г. приехал в Харбин, затем вернулся во Владивосток, откуда в 1922 г. бежал в Японию. В том же году издал в Токио сборник «Сонеты» (в дополненном виде переиздан в Харбине в 1930 г.); в рец. на 2-е изд., отмечая новаторство автора («Никогда еще художник не затрагивал так тем, которых коснулся Всеволод Иванов»), А. Н<есмелов>, писал: «...остается впечатление, что поэт не дает всего, что мог бы дать, что он больше того, что он пишет: глубже, сильнее и ярче своих книг» (Понедельник [Шанхай]. 1930. № 1). Жил в Китае, Корее, Манчжурии. В 1923 г. поселился в Харбине, редактировал газету «Гун-бао». В 1931 г. получил со-

ветское гражданство, сотрудничал с ТАСС. С лета 1941 г. сотрудник шанхайской радиостанции «Голос Советского Союза». В 1945 г. вернулся в СССР. Запоминающийся портрет Иванова оставила Е. Рачинская: «...он был такой яркий, полнокровный, талантливый во всех своих проявлениях, что со своей огромной толстой фигурой, простым русским лицом и полнокровным звучным голосом он красочным пятном выделялся на общем фоне» (*Рачинская Е.* Замолкнувшие голоса: О харбинских поэтах // *НРС* 1959. № 16738. 16 января. С. 2). Книгу «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности» (Харбин, 1926; две главы из нее, 10-я и 11-я перепеч. в «Вестнике МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2002. № 2. С. 101—141) рецензировал П. Бицилли (*СЗ* № 29. 1929. С. 489—495). Автор большого количества книг художественно-исторического, публицистико-эссеистического и мемуарного характера, написанных как в эмиграции, так и после возвращения на родину: В гражданской войне (Из записок омского журналиста). Харбин, 1921; Мы: Публицистическая книга. Крах белого Приморья: Из записок журналиста. Тяньцзинь, 1927; Ленин. Биография. Харбин, 1928 (на которую гневно отреагировал известный советский журналист М. Кольцов в «Правде». 1928. 27 ноября); 1905 год. Роман молодой души. Харбин, 1929; Философия Владимира Соловьева. Харбин, 1931; Огни в тумане: Думы о русском опыте (Харбин, 1932; не очень высоко оцененная Г. Адамовичем, *ПН* 1932. № 3969. 28 января. С. 3); Повесть об Антонии Римлянине. Харбин, 1932; Дело человека: Опыт философии культуры. Харбин, 1933; Рерих. Художник / Мыслитель. Рига, 1937; Тайфун над Янцзы. Хабаровск, 1952; Весенняя повесть о ящике в окне. Хабаровск, 1957; Валька. Рассказы. Хабаровск, 1961; Золотой бурундук. Фантастическая повесть. Хабаровск, 1963; Черные люди: Историческое повествование. Хабаровск, 1965; Императрица Фике <включает исторические повести: «Императрица Фике», «Иван Третий», «Ночь царя Петра»>. М.: Сов. пис., 1968; Александр Пушкин и его время. Хабаровск, 1970.

Поэтические сборники (кроме упомянутых «Сонетов»): Огненная душа. Поэма. Хабаровск, 1921; Беженская поэма. Харбин, 1926; Поэма еды. Харбин, 1928.

См. также книгу «Из неопубликованного» (Л., 1991, где собраны тексты Иванова, не появлявшиеся в печати).

184. Беженская поэма <Фрагменты>.

1. Санкт-Петербург. Печ. по: *Иванов Всеволод Н.* Беженская поэма. Харбин, 1926. С. 12—16. *...мраморы Кановы — Канова Антонио* (1757—1822), итальянский скульптор. *Глядит, вцепяся в кресла - Вольтер* — Имеется в виду находящаяся в Эрмитаже статуя Вольтера работы французского скульптора Ж. А. Гудона (1741—1828), изготовленная в 1781 г. Перечисляются выдающиеся живописцы, чьи работы хранятся в Эрмитаже: *Рубенс Питер Пауэл* (1577—1640), *Мурильо Бартоломе Эстебан* (1618—82), *Рафаэль Санти* (1483—1520), *Боттичелли Сандро* (1445—1510). *Чесмы, Кагула...*— Победные для России сражения во время русско-турецкой войны 1768—74 г.: Чесменский морской бой (6 июля 1770) в бухте Чесма (Чешме) у берегов М. Азии, где русская эскадра разбила турецкий флот, и сражение на реке Кагул в Бессарабии 21 июля 1770 г.; *...и Варшавы...*— Речь идет о подавлении восстания поляков под руководством Т. Костюшко (1794); за взятие Варшавы командовавший русской армией А. В. Суворов был произведен в фельдмаршалы. *Потемкин* — см. комм. к стих. Н. Алла «Петербург ("Как завороженный, Белой Ночью")». *Карнаджийские...*— Име-

ется в виду Кучук-Карнаджийский договор России с Турцией (16 июля 1774); *перуны* — перифрастическое обозначение молнии, грома.

2. Ночной Петроград. *Александринского театра - торжественно стоит.* — Эти строчки едва ли не в точности повторяют первую строфу из стих. Н. Агнивцева «У Александринского театра», см. в наст. изд. *Скетинг-ринк* (англ. skating-rink) — площадка со специальным покрытием для катания на коньках. *И слышится - будет пуст...* — См. комм. к стих. А. Аллина «Быть Петербургу пусту...». *Комиссаржевская Вера Федоровна* (1864—1910), выдающаяся русская актриса, основательница театра своего имени, см. *ТУ* (впрочем, возможно, что речь идет не о театре Комиссаржевской, а о самой актрисе). *Шаляпина немецкий дьявол* — Партия Мефистофеля в опере Ш. Гуно «Фауст». *Плевицкой исступленный гнус* — *Плевицкая Надежда Васильевна* (урожд. Винникова; 1884—1941), исполнительница народных песен; после эмиграции вышла замуж за ген. Скоблина, который впоследствии работал на советскую разведку и был замешан в деле похищения в Париже ген. Е. Миллера; после бегства Скоблина Плевицкая, по подозрению в соучастии, была арестована, судима и приговрена к 15 годам заключения; умерла в тюрьме.

Иваск Юрий Павлович (14 сентября 1907, Москва — 13 февраля 1986, Амхерст). По линии промышленника отца происходил из обрусевшего эстонско-немецкого рода; дядя — известный экслибрисист и историк печати Удо Георгиевич Иваск, автор книг «Описание русских книжных знаков» (1905) и «Еврейская периодическая печать в России» (1935). Воспоминания о детстве и юности (Москва, Ревель) включены в его кн. «Повесть о стихах» (New York, 1987); краткий рассказ о своей семье Иваск приводит в подготовительных материалах к интервью Д. Глэда, см.: *Глэд Джон.* Беседы в изгнании. М.: Книжная палата, 1991. С. 28—29; в связи с двоякостью ударения в фамилии Иваск см. посвященное ему стихотворение В. Дукельского «Недоразумение» в сб.: *Дукельский В.* Картинная галерея. Мюнхен, 1965. С. 72. Как оптанты семья Иваской в 1920 г. выехала в Эстонию, где Юрий окончил русскую гимназию (1926) и юридический факультет Юрьевского (Тарту) университета (1932). Сотрудничал в его журнале «Путь». Написанная в 1938 г. в Печорах и напечатанная в «Новом граде» (1939. № 14. С. 89—100) его статья «Апология пессимизма» вызвала полемику Г. Федотова (см. его статью «К смерти или к славе?» в этом же номере журнала).

Редактировал (вместе с С. Шлифштейном) журнал «Русский магазин» (вышел единственный номер, в котором были опубликованы А. Ремизов, Б. Поплавский, Б. Вильде и др.). Состоял членом ремизовского Обезвелволпала (Обезьяньей Великой и Вольной Палаты). Находился в переписке с М. Цветаевой, с которой встретился в Париже в 1938 г. (в ревельском ж-ле «Новь», № 6 за 1934 г. вышла его первая статья о поэтессе, после которой последовал ряд других; см. также его полемику с Г. Адамовичем по поводу Цветаевой в *НРС* 1957. № 16073. 30 июня. С. 8). В середине 30-х гг. за участие в нелегальном кружке по изучению СССР был выслан из Ревеля в Печоры. Оттуда присылал статьи в «Журнал Содружества», см., к примеру, его острую статью «Попытка наметить тему (О "методизме" современного искусства)» (1936. № 5. С. 22—25), написанную в качестве полемики с Г. Газдановым — по поводу его статьи «О молодой эмигрантской литературе» (*СЗ* № 60. 1936). В 1938 г. в Варшаве вышел его первый поэтический сборник «Северный

берег», рецензируя который, П. Бицилли возводил поэзию Иваска к Е. Баратынскому (*СЗ* № 56. 1938. С. 476), А. Бем видел главное его достижение в интересе к героическим мотивам (Меч. 1938. № 23. 12 июня), а Г. Адамович писал: «Дарование Юрия Иваска еще не вполне окрепло, как бы "не нашло себя". Но доверие оно внушает полное, не только потому, что само по себе несомненно, но и по расположению автора к работе, и усилию, и "освоению уроков прошлого"...» (*ПН* 1938. № 6179. 24 февраля. С. 3), см. упоминание рецензии Адамовича в сочувственном отклике А. Штейгера на «Северный берег» (Круг. Кн. 3. Париж, 1938. С. 184).

В 1943 г. женился на рижской поэтессе Т. Г. Шмеллинг. В годы войны был мобилизован немцами в эстонское СС. «Я чуть не умер, — вспоминал впоследствии Н. Е. Андреев, — потому что не мог представить себе Юрия Павловича в СС — слабосильный, подлинный интеллигент, просоветски настроенный... Он никогда не умел стрелять и так и не научился. Но делать было нечего, он попал в части, стоявшие в Померании, там угодил в английский плен, а потом его, конечно, выпустили» (*Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. Т. 2. Таллинн: Авенариус, 1996. С. 173). После войны жил в Гамбурге и учился на филологическом факультете Гамбургского университета.

Осенью 1949 г. переехал в США. Защитив диссертацию в Гарвардском университете, преподавал русский язык и литературу в университетах Калифорнии, Канзаса, Вашингтона (Сиэтл), Массачусетса. Издал после войны пять книг стихов: «Царская осень» (Париж, 1953), «Хвала» (Вашингтон, 1967), «Золушка» (Нью-Йорк, 1970), «Завоевание Мексики» (Холиок, 1984), «Я — мещанин» (Холиок, 1986); посмертно отдельной книгой вышла его поэма «Играющий человек» (Париж; Нью-Йорк, 1988; первоначально была напечатана в 1973 г. в *Воз-2*). Составитель *НЗ* (см. рец. на нее Ю. Терапиано в *РМ-2* 1953. 10 февраля; Ник. Андреева в *Воз-2* № 32. 1954. С. 131—135), вместе с Х. В. Тьялсмом, автором вступительного очерка по-английски, редактировал антологию Петербургской поэзии эпохи акмеизма (Мюнхен, 1973) (рец. В. Перелешина в *НРС* 1974. № 10019. 10 февраля. С. 5). В 1955—58 гг. редактировал *Оп*, см. о них: спец. выпуск «Литературоведческого журнала» (№ 17. 2003); Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935—1961) / Предисл., публикация и коммент. Н. А. Богомолова // *Диаспора* Т. 5. С. 402—557). Редактор и составитель сочинений Г. Федотова, Н. Данилевского, В. Розанова, В. Комаровского, М. Цветаевой, А. Штейгера; автор монографии «Константин Леонтьев» (1974; частично публиковалась в первой половине 60-х в *Воз-2*). В 80-е гг. печатал в *НЖ* серию очерков «Похвала российской поэзии». Посмертно вышла его книга «Повесть о стихах» (1987). Писал также прозу, см., например: рассказ «Екшины» (*Воз-2* № 11. 1950. С. 30—39) или отрывок из книги об Афоне «Эфиоп Иванович» (*Мос* № 11. 1965. С. 32—40).

Выводя поэтическую манеру Иваска из давних предшественников, А. Н<еймирок?> писал в рецензии на его сборник «Царская осень»: «Два отблеска смежаются в творчестве Ю. Иваска. Один — от его любимого Баратынского. Элегическая ясность. Другой — задыхающийся шепот Иннокентия Анненского, "высокое косноязычье" Пастернака и, — если оглянуться на два столетия вспять — В. Тредиаковского» (*Гр* № 19. 1953. С. 135), а Т. Остроумова в связи с ним же отмечала, что «несмотря на некоторое нарочитое пренебрежение установленными поэтическими канонами, а быть может, как раз поэто-

му создалась поэтическая волна столь высокого напряжения» (*НРС* 1954. № 15233. 10 января. С. 8).

В статье «Предвоенная эмигрантская поэзия», опубликованной под псевдонимом Г. Иссако, писал: «В Париже и теперь еще допеваются "старые песни" Петербурга, и в этих "старых песнях" есть свое очарование, есть "образ совершенства", которого "дух времени" опорочить не может...» (*Гр* № 5. 1949. С. 71).

В 1983 г. Иваск посетил Ленинград.

А в старости была ему услада:
Увидеть блеск державный Петрограда.

И он смотрел, взволнованный, влюбленный,
На Стрелку, на Ростральные колонны.

И легкую гармонию Растрелли
Он понял, как другие не умели, —

писал И. Чиннов в стих. «Памяти Юрия Иваска» (см. также написанный им некролог Иваска, *НРС* 1986. 2 марта).

См.: *Исаков С. Г.* Русские в Эстонии (1918—1940): Историко-культурные очерки. Тарту: Компу, 1996. С. 316—318; *Пономарева Галина.* Проблема национального самоопределения писателей-оптантов (случай Юрия Иваска) // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация: Материалы международного семинара, Tartu, 1997. С. 339—353; Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935—1961) / Предисл., публ. и коммент. Н. А. Богомолова // *Диаспора* Т. 5. С. 402—557.

185. Поэма без героя Анны Ахматовой. Печ. по: *Иваск Юрий*. Золушка. Нью-Йорк: Издание ж-ла «Мосты», 1970. С. 13. Стихотворение представляет собой «сборную цитату» «петербургской» поэмы Ахматовой.

186. Воображая Петербург. Стихотворение написано в связи с посещением Ленинграда в 1983 г. Через несколько лет поэт рассказывал об этой поездке: «Я ведь уроженец Москвы и хорошо помню: у нас в Москве говорили — Петроград нерусский город, там плохо говорят по-русски. Произносят: ки́шки, а надо говорить кишки́. Но с юности я мысленно изменил родной Москве и постоянно мечтал о Петербурге. Мне он даже снился, но я быстро просыпался, и видение исчезало.

Я шептал на Стрелке:

Люблю тебя, Петра творенье...

И Мандельштама:

А над Невой посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина...

Мне казалось — у меня сердце разобьется от этого счастья. Прежде Петербург виделся мне отрицательно — глазами Гоголя, Достоевского, Блока — это город туманов, вообще плохой погоды. А во дни моего пребывания в Петербурге каждый день сияло солнце. Мне казалось, Пушкин и Мандельштам не позволили портить погоду тем трем — Гоголю, Достоевскому, Блоку» (Глэд Джон. Цит. соч. С. 36). *Бобышев Дмитрий Васильевич* (1936), поэт. В свою очередь он посвятил Иваску триптих, вошедший в его поэтический сборник «Полнота всего» (СПб., 1992); автор послесловия к книге Иваска «Повесть о

стихах»; ему принадлежит некрологическое «Слово об Иваске» (*РМ* 1986. 14 марта) и предисловие к подборке его стихов «Муза Иваска» (Звезда. 1995. № 2). *Коринфы* — Имеются в виду коринфские колонны, характерные для архитектурного стиля Растрелли: высокий ствол с базой, прорезанный желобками (каннелюрами), и пышной капителью. *На турку, барокко! На перса и шведа!* — Перечислены внешние враги России — Турция, Иран, Швеция, с которыми на протяжении XVIII—XIX вв. она вела постоянные войны. *Емельку ату — Пугачев Емельян Иванович* (1740 или 1742—75), донской казак, предводитель крестьянского восстания 1773—75 г. во время правления Екатерины II. *Еще кукарекай, альпийский Суворов* — см. комм. к поэме М. Вега «Петербург». *На десятилетье седьмое позоров - Коль славен* — Т. е. седьмое десятилетие советской власти; имеются в виду куранты на Петропавловском соборе, см. *ТУ. Блаженная Ксения присно еси* — речь идет о Святой Ксении Петербуржской (начало XVIII в.; в 18 лет она вышла замуж за А. Ф. Петрова, полковника, придворного певчего; через 7 лет, когда муж скончался, Ксения надела на себя его мундир и, раздав все имущество бедным, в том числе и дом, стала странницей, безродной нищенкой; похоронена на Смоленском кладбище; была причислена русской зарубежной церковью к лику святых (см. следующее стихотворение). *Стаккато* (staccato, ит.) — отрывистое исполнение музыкального звука.

187. Ода изгоя. Печ. по: *НЖ* № 157. 1984. С. 56. Разбор этого стихотворения самим автором см.: *Глэд Джон.* Цит. соч. С. 36—38. *Пиль* — охотничий термин: вперед! бери! *Приснодева* — Богоматерь (от *старослав.* присно — вечно).

188. Стрелка. Печ. по: *НЖ* № 158. 1985. С. 122.

Изюмова Наталья (1905—1977). Биографическими сведениями не располагаем.

189. Весна в Петербурге. <Фрагмент из цикла «Из воспоминаний детства»>. Печ. по кн.: *Изюмова Наталья.* Чаша жизни. Мадрид, 1973. С. 91.

Ильинский Олег Павлович (19 мая 1932, Москва — 9 сентября 2003). Отец специалист по эпохе Возрождения, мать — по древнерусской иконописи. В 1944 попал с родителями в Германию. Окончил гимназию в Мюнхене, затем Мюнхенский университет.

Первая крупная подборка стихотворений напечатана в *Гр* (№ 10. 1950). В 1956 переехал в США. В 1970 защитил докторскую диссертацию в Нью-Йорском университете, где затем преподавал русскую литературу. Входил в редколлегию «Записок Русской академической группы в США», в которых широко печатался, и журнала «Русское возрождение».

Автор 6 сборников стихов, все названы одинаково «Стихи», исключая последний, куда, помимо поэзии, входит и эссеистическая проза. Стихи вошли в *НЗ* и *МД.* В. Синкевич в рецензии на 5-ю книгу его стихов (1981) отмечала, что доминантой творчества Ильинского является «высокий союз поэзии с виртуальным искусством» (Записки Руской академической группы в США. Т. XVI. N. Y., 1983. С. 396). «Именно такая поэзия сейчас нужна, как воздух, — писал о нем критик, требовавший бодрости от послевоенной эмигрантской поэзии и обретший ее в Ильинском. — Поэзия, полная молодости и радости, напоминающая о

том, ради чего стоит жить, несущая с собой веселье и опьянение счастьем. Стихи, которые помогали бороться с унынием и заботами, а не погружали бы еще глубже в меланхолию. Поэзия юности и энергии, а не одряхлевшая и проникнутая насквозь духом увядания и умирания» (*Рудинский Владимир.* Весна и солнце // *Воз-2* № 57. 1956. С. 139). На «западность» поэзии Ильинского указывал Э. Райс: «Запад живет своим искусством (главным образом, готикой), германским студенчеством, итальянским средневековьем, голландскими гаванями, музыкой и поэзией, спортом и туризмом, Гете и Стендалем. В этом отошении он, пожалуй, ближе всего к Блоку, с его итальянскими стихами и налетом германского романтизма. Явление редкое своим подлинным, неподдельно глубоким чутьем к сущности Европы» (*Гр* № 47. 1960. С. 239), а Ю. Иваск отмечал: «Поэтика Олега Ильинского консервативная, чуждая экспериментов, но тоже имажинистская, часто одушевляемая ностальгией, образами прекрасного прошлого в лесистой благодати подмосковья» (*Иваск Юрий.* Американская нота // *РМ-2* 1971. № 2838. 15 апреля. С. 6).

См.: *Ржевский Л.* Поэт Олег Ильинский // Ильинский Олег. Стихи. Франкфурт-на-Майне, 1960. С. 3—7; *Синкевич Валентина.* Памяти Олега Ильинского // *НЖ* № 233. 2003. С. 287—290.

190. Триумфальные арки. Печ. по: *Ильинский Олег.* Стихи. Мюнхен, 1966. С. 68. *Тынянов Юрий Николаевич* (1894—1943), литературовед, литературный критик.

Ильяшенко Владимир Степанович (15 мая 1887, имение Афанасьевка Екатеринославской губ. — 20 ноября 1970, Нью-Йорк). О себе сообщал следующее: «Родился 15 мая 1887 г. в родовом имении Афанасьевка Екатеринославской губернии, на реке Орели. Кончил Имп<ераторский> Александровский лицей <в 1908 г. > и историко-филологический факультет в Петрограде; там же в 1915 г., под псевдонимом В. С. Федина, издал первое самостоятельное исследование, посвященое в истории русской литературы Фету — "А. А. Фет (Шеншин), Материалы к характеристике". <Служил в канцелярии Первого департамента Правительствующего Сената. В годы I-й мировой войны — в Особом Совещании по Обороне при военном министре.>

Был командирован Имп<ераторским> Российским правительством в Вашингтон, где впоследствии служил 15 лет на государственной службе США и в различных частных предприятиях. Был инициатором первого (насколько можно проследить) сборника стихотворений русских поэтов в США — "Из Америки" (Нью-Йорк, 1926 <на обложке 1925 г. Помимо него, в сборник вошли стихи Е.. Христиани, Г. В. Голохвастова, Д. А. Магула. Экземпляр этой книги, хранящийся в Хельсинской библиотеке Русского Купеческого Общества, имеет следующую дарственную надпись: "Глубокоуважаемому Александру Ильичу Зилоти на добрую память от В. Ильяшенко">). Был участником другого сборника "Четырнадцать" (Нью-Йорк, 1949). Печатался в нескольких, уже прекративших свое существование изданиях в США. Сотрудник ежемесячника "Возрождение" в Париже» (*Сод* С. 526).

Покончил жизнь самоубийством.

По всей видимости, его брат Андрей Степанович Ильяшенко (1884 — 12 ноября 1954), тоже выпусник Александровского Лицея, служил в редакторском отделе канцелярии Государственной Думы. В годы Первой мировой войны находился в отряде Красного Креста. Писал симфони-

ческую музыку. В эмиграции жил в Бельгии. В 1953 г., в год 250-летнего юбилея Санкт-Петербурга, написал кантату «Медный всадник».

См.: *Крузештерн-Петерец Ю.* По стопам Фета // *Воз-2* № 228. 1971.

191. 19-ое октября (День основания Лицея). Печ. по: *Воз-2* № 180. 1966. С. 48. Эпиграф из стихотворения Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор») (1825). *«Грядущий Хам»* — статья Д. С. Мережковского, напечатанная первоначально в «Полярной звезде» (1905. № 1), под назв. «Мещанство и русская интеллигенция» (№ 3); отдельное изд. — «I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький» (СПб., 1906).

192. На 150-летие Императорского Александровского Лицея (19 октября 1961). Печ. по: *Некрасов С. М.* Лицей после Лицея. М.: «Русский путь», 1997. С. 78. *Нелидов Владимир Александрович*, выпускник Александровского Лицея 1908 г.; служил в Государственной Канцелярии; участник Первой мировой войны в чине капитана лейб-гвардии Преображенского полка; эмигрировал, жил во Франции.

Иртель (фон Бренндорф) Павел Михайлович (1896, Петербург — 1979, Германия, Геттинген). Из семьи венгерского происхождения. Учился сначала в Москве, затем в Симбирске, где в 1913 г. окончил кадетский корпус, и в Петербурге. Служил в чине капитана в царской, затем в Добровольческой армии. Из Одессы эвакуировался в Константинополь, оттуда в Эстонию. Был товарищем председателя ревельского лит. кружка, затем руководил ревельским Цехом поэтов (возник 15 октября 1933, распался в конце 1935); редактор газ. «Таллиннский голос» и альманаха «Новь». Писал прозу. Входил в комитет по организации Дня русской культуры на 1934 г. Стихи вошли в *Я.*

Жена — поэтесса М. А. Роос (1904—89).

Стихи собраны в сборнике, вышедшем после его смерти (1981).

См.: Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918—1940 гг.: Антология / Сост., вступ. ст., биограф. справки и комм. С. Г. Исакова. Таллинн, 2002. С. 155—165.

193. Петербург. Печ. по кн.: *Иртель П.* Стихи. Paris, 1981. С. 69. Первоначально: *РМ-2* 1979. 19 июля.

Эмилия Кальма (Эмилия Самуиловна Кальманович), дочь саратовского присяжного поверенного С. Е. Кальмановича. Начала печататься до революции: см. стихотворения «Белая ночь» и «Жасминовый букет» за подписью Э. Кальманович в ж-ле «Новая студия» (1912. № 13. С. 2). В начале 20-х гг. эмигрировала из Петербурга в Берлин, печаталась в местных газетах («Голос России», *Р*, «Дни») и журналах («Жар-птица», «Жизнь», «Русский эмигрант», «Русское эхо», «Сполохи»), а также в периодических изданиях Варшавы («Свобода»), Ревеля (как русских: «Отклики», «Свобода России», так и русско-еврейских: «Еврейское слово»), Каунаса («Балтийский альманах»), Риги («Наш огонек») и Гельсингфорса («Рассвет»). Занималась переводами. Писала стихи и прозу для детей: «Знакомые» (Тарту, 1921), «Солнечные зайчики» (Берлин, 1922), «В цирке» (Берлин, 1924); вместе со своим мужем писателем И. С. Коноплиным (1894—1953) написала книжку «Цветные камушки: Книга для малюток, стихи и рассказы», вышедшую в 1922 г. в берлинском изд-ве Отто Кирхнер и Ко (в эпиг-

рамме, напечатанной в сатирическом ж-ле «Веретеныш» в связи с этой книжкой, говорилось: «Пока еще окрошка, / Где ж первенства их пальма? / Шикарная обложка / И на обложке / Кальма», Веретеныш. 1922. № 1. С. 15). Автор двух сборников лирических стихов: «Белая печаль» (Берлин, 1922) и «Спелый колос» (Берлин, 1923). В рецензии на последний: Эрг <Р. Гуль> отмечал, что в нем рядом с хорошими вещами встречаются слабые. «Лучшее, что есть в книге, — это очень женские стихи, близкие к ахматовским. Они хороши по-женскому, в них заключенному чувству. И часто хороши формально» (Накануне. 1923. № 475. 1 ноября. С. 6). См. также рецензию на «Спелый колос», подписанную В. Е. Т. <В. Е. Татаринов?>, *Р* 1924. № 960. 20 января. С. 7. Талантливость Кальмы признавали даже советские авторы: «Кальма, пожалуй, наиболее талантлива среди молодых эмигрантских поэтов» (*Смирнов Ник.* Солнце мертвых. Заметки об эмигрантской литературе // Красная новь. 1924. Кн. 3. С. 264).

194. «Кто изменил убожеством измены?..» Печ. по: *Кальма Э.* Спелый колос. Берлин, 1923. С. 11. Впервые: Сполохи. 1921. № 1. С. 2, под названием «Петербург» и некоторыми разночтениями. Перепеч. в *ПСРП* С. 95. В рецензии на «Спелый колос» Эрг <Р. Гуль> писал об этом стихотворении: «К сожалению, иногда некоторые удачные стихи бывают испорчены двумя-тремя неудачными строками. Так вышло в стихотворении, посвященном Петербургу, где наряду с прекрасными строками —

Неукротимы в бешеном разгоне
Еще дыбятся Клодтовские кони —

ворвался плохой лиризм, убивший суровую музыкальность двух первых строф» (Накануне. 1923. № 475. 1 ноября. С. 6). *Германович П. Ю.* — преподаватель математики в петербургской гимназии им. Л. Д. Леонтовской.

195. «Широк властен жгучий холод...». Там же. С. 37. Перепеч. в *ПСРП* С. 110.

196. «Я помню радость огневую...». Там же. С. 38.

197. «Пойду на Ковенский. Пускай сентиментально...». Там же. С. 39.

198. «У тебя были стройные трубы...». Печ. по: *ПСРП* С. 106.

199. «О, Всадника венчанное чело...». Печ. по: *ПСРП* С. 107.

Карамзина Мария Владимировна (урожд. Максимова; 19 января 1900, Петербург — 17 мая 1942, Новый Васюган Нарымского края). Родилась в Петербурге. Эмигрировала в 1921 г. в Прагу, где входила в литературный кружок «Далиборка». Здесь же вышла замуж за приват-доцента Пражского университета И. Д. Гримма (1891—1968). В 1927 г. семья переехала в Тарту. Переписывалась с И. Буниным, который читал рукопись ее будущего сборника стихов. Встречалась с ним в Тарту (1938) и посвятила ему стихотворение «Здесь, что ни ночь, грохочут грозы» (см.: Письма к М. В. Карамзиной 1937—1940 / Предисл. и публ. А. К. Бабореко // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 663—687). Состояла также в переписке с В. Ходасевичем и архимандритом Иоанном (Д. А. Шаховским). Вторым браком (с 1929 г.) была замужем за бывш. штаб-ротмистром В. А. Карамзиным (1885—1941), правнуком русского писателя и историка Н. М. Карамзина. Супруги поселились в эстонском городке Кивиыли, где Карамзина работала учительницей в начальной

школе. Печаталась в рижском журнале «Для Вас». После присоединения Эстонии к СССР муж Карамзиной был арестован органами НКВД (февраль 1941 г.) и расстрелян, а сама она депортирована с детьми в Сибирь. Умерла в больнице Нового Васюгана. Автор поэтического сборника «Ковчег» (Нарва, 1939); см. рецензии на него: Г. Адамовича (*ПН* 1939. № 6499. 12 января. С. 3), П. Пильского (*Сег* 1939. № 27. 27 января. С. 8).

См. о ней: *Шмидт В. В.* Мария Владимировна Карамзина // Радуга. 1989. № 8; *Исаков С. Г.* Русские в Эстонии (1918—1940): Историко-культурные очерки. Тарту: Компу, 1996. С. 319—322; *Киселева Л. Н.* Письма М. В. Карамзиной к В. В. Шмидт // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. III: Проблемы русской литературы и культуры (Slavica Helsingiensia, 11). Helsinki, 1992. С. 37—57; *Ее же.* Созвучие: Письма М. В. Карамзиной к В. В. Шмидт; Переписка с В. Ф. Ходасевичем; Письма архимандрита Иоанна // Вышгород (Таллинн). 1995. № 5/6. С. 9—38.

Петербургская тема у Карамзиной, как и у многих ее современников, соотносила факт личного рождения в городе на Неве с литературными архетипами и реминисценциями. В письме к В. В. Шмидт она писала (26 февраля 1941): «Да, Петербург это совсем особенный город. Я в нем родилась и выросла, величественность его, пушкинскую великодержавность его всегда чувствовала, а вот призрачности, кошмарности Достоевских бредов никогда сама в нем не ощущала. Я думаю, это зависит от рода восприимчивости. Очень интересно, какой он теперь» (цит. по: *Киселева Л.* Созвучие. С. 24—25).

200. «О север, осень, воздух острый...». Печ. по: *Карамзина Мария.* Ковчег. Нарва, 1939. С. 81—82.

Карелин Юрий (наст. имя и фам. Петр Абрамович Гарви-Бронштейн; 1881 — 28 февраля 1944, Нью-Йорк). Один из активных участников социал-демократического движения в России (с 1899 г.), примыкал к группе меньшевиков. В эмиграции много печатался в немецкой, французской, американо-еврейской рабочей и социалистической прессе. На русском языке издал брошюру «Закат большевизма: Десять лет диктатуры» (Рига, 1928). Автор единственного поэтического сборника «Горький цвет», вышедшего в Берлине в 1932 г. В рецензии на него Г. Адамович писал: «"Горький цвет" — книга бледноватая. Известности и признания Ю. Карелину она, разумеется, не принесет. Много в ней промахов, много срывов. Но могло бы, кажется мне, быть иначе.

Челнок, привязанный случайно
К корме чужого корабля...—

правильно говорит автор о себе. Произошла какая-то ошибка, какая-то непоправимая "случайность" в его развитии. Если бы не это, он, вероятно, мог бы стать поэтом, — скорей всего, поэтом зрительного типа, больше склонным к внешней образности, чем к отвлеченной лирике. Однако теперь об этом приходится лишь догадываться» (*ПН* 1932. № 4040. 14 апреля. С. 2).

Некролог: *Б. Н<иколаев>ский.* П. А. Гарви-Бронштейн (1881—1944) // *НЖ* № 8. 1944. С. 196.

201. Петербург. Печ. по: *Карелин Ю.* Горький цвет. Берлин, 1932. С. 40.

202. «Навек задернут полог алый...». Печ. по: *НЖ* № 8. 1944. С. 196.

Кленовский Дмитрий Иосифович (24 сентября 1893, Петербург — 26 декабря 1976, Траунштейн, Германия). По общему признанию, один из лучших поэтов Русского Зарубежья, принадлежавший к классической традиции русской поэзии, — «последний царскосел», по определению Н. Берберовой, или «последний акмеист», по словам Л. Ржевского (*НРС* 1974. № 10019. 7 апреля. С. 5; еще раньше об этом писали Н. Ульянов и Ю. Иваск), или «последний царскосельский лебедь» (Г. Месняев. *Воз-2* № 175. 1966. С. 138—144), ср. также в приветственном четверостишии дружившего с ним поэта Странника (вл. Иоанн, в миру Д. А. Шаховской): «Привет поэту Царского Села, / Которого дорога занесла / В село баварское, — чтоб там среди людей, / Он пел про ангелов и лебедей» (*Архиепископ Иоанн Шаховской*. Переписка с Кленовским. Париж, 1981. С. 75); см. высокую оценку его поэзии Г. Ивановым, с акцентом на «наш», т. е. эмигрантский, а не советский поэт: «Кленовский сдержан, лиричен и для поэта, сформировавшегося в СССР, — до странности культурен» (*Иванов Георгий*. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Согласие, 1994. С. 583); ср., однако, нарушающую это «единомыслие» запись А. Гладковым разговора с А. Ахматовой 20 июня 1964: «Я расспрашиваю А. А. о поэте Кленовском, о котором прочитал у Глеба Струве. А. А. говорит, что он не талантлив, но на самом деле "царскосел", "сын известного художника-анималиста"» (*Гладков А*. «Я не признаю историю без подробностей...» (Из дневниковых записей 1945—1974) / Предисл. и публ. С. Шумихина // In Memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 563).

В пространной автобиографии, написанной 12 мая 1946 г., Кленовский следующим образом обозревал свой жизненный и творческий путь:

«...Я родился 24 сентября ст. ст. 1893 г. в Петербурге, в семье художника-пейзажиста, академика живописи Иосифа Евстафьевича Крачковского. Мать моя, Вера Николаевна, дочь архитектора Николая Федоровича Беккер, была сама одаренной художницей-акварелисткой. Она писала недурные стихи и развлекала меня, ребенка, своими юмористическими, ею же иллюстрированными, детскими повестями. В такой обстановке во мне рано развился интерес к искусству вообще и к поэзии в особенности. <...> То и дело, на 6—7 месяцев, на год, полтора покидали мы всей семьей Россию и уезжали за границу. Из второго десятилетия моей жизни я провел там в общей сложности лет семь — в Париже и его окрестностях, в Нормандии, Ницце. С детства отлично владея французским языком, я в эти годы почти совсем забросил рускую литературу, зачитываясь французской. <...> после перенесенного мною воспаления легких, семья наша, по совету врачей, жила в Царском Селе, а я учился в царскосельской гимназии, правда, наездами из-за границы, обычно только сдавая переходные экзамены. Царское Село я полюбил любовью, не угасшею до сих пор. Когда оно мне снится — я плачу во сне. Много бродил я по его паркам, слагая стихи, мечтая, размышляя, просто вдыхая совершенно своеобразное, бессмертное очарование "Города муз". К сожалению, для личного общения с царскосельскими поэтами я был слишком молод: Анненского я застал директором гимназии только во втором классе, Гумилев — заканчивал гимназию. Но уже тогда я познакомился с юношескими стихами Николая Степановича и с тех пор и навсегда он стал любимейшим моим мастером, хотя его воинствующие "конквистадорские" настроения были мне всегда чуж-

ды. <...> Окончив в 1911 году царскосельскую гимназию (с золотой медалью, ибо учился я отлично, только математику во всех ее видах терпеть не мог), я серьезно заболел. Врачи опасались туберкулеза. На два года меня увезли в Швейцарию, в горный курорт Montana sur Sierre (в долине Роны), где я жил в семье доктора Henseler, женатого на русской. Я был независим, занимался зимним спортом, много читал, писал, переводил Ренье, то и дело совершал поездки в соседнюю Италию, природа и архитектура которой меня очаровали. Несколько раз побывал я в Риме, Венеции, Флоренции, Неаполе, на о. Капри, две весны прожил с отцом на итальянских озерах Lugano и Como. В 1913 году, совершенно здоровый, вернулся я в Россию и, с опозданием, поступил в Петербургский университет. <...> Числился я (по явному недоразумению!) на юридическом факультете, но посещал лекции филологического. <...> В 1917 г. я был призван на военную службу. По состоянию здоровья, однако, в школу прапорщиков не попал, а был определен "военным чиновником" в Главное Артиллерийское Управление. По этому "ведомству" я и числился до демобилизации в 1922 году. По службе переместился сначала в Москву, где провел 1918—1920 гг., а затем в Харьков, где и оставался по 1934 г. <...> В 1916 г. мои стихи стали впервые появляться в петербургских журналах — "Русской Мысли", "Солнце России" и др. В 1916-м же году вышла первая книга моих стихов "Палитра", посвященная памяти отца (книга была помечена 1917 годом). В нее вошло "лучшее" из написанного мною в возрасте от 16 до 22 лет. <...> Книга была незаслуженно тепло отмечена в "подвальной" статье Айхенвальда в "Речи", в статье поэта Опочинина в "Новом времени", в "Вечерних биржевых ведомостях" и др. "Палитра" понравилась благонамеренной критике и невзыскательной публике. 500 экземпляров разошлись на редкость быстро, и издатель (Лавров) поговаривал о новом издании, но помешала революция. <...> Но сам я насчет моей книги не обманулся: она была определенно слаба, по-детски еще беспомощна, и меня уже тогда не удовлетворяла. Дело в том, что еще до ее появления в свет во мне произошел творческий перелом: я стал писать иначе <...> Стихи этого и последующего периодов я объединил впоследствии в сборник под заглавием "Предгорье". Книга была принята известным петроградским издательством "Петрополис" (у меня долго хранилось лестное письмо Кузьмина (sic! — *Р. Т., В. Х.*), извещавшее меня об этом радостном событии). Тем же издательством был принят сделанный мною перевод (свыше 100 стихотворений) лучшей книги А. де Ренье "Сельские и божественные игры". Однако ни то, ни другое не увидело света. НЭП — миновал, и частные издательства, в том числе и "Петрополис", были закрыты. <...> С 1921 г. я жил в Харькове. Демобилизовавшись в 1922 году, я стал работать как журналист, печатая в газетах фельетоны, очерки, рецензии, а также как переводчик на русский язык украинских поэтов. <...> О печатании стихов не могло быть и речи. Даже хранить их у себя в связи с их содержанием было рискованно, столь "несозвучны" стали они "эпохе", а во многом, с советской точки зрения, даже и предосудительны. Примерно с 1925 года я совершенно перестал писать. <...> В 1926 г. я женился первый раз, а в 1928 г., разведеясь с первой женой, — вторично. В лице моей второй жены Маргариты Денисовны, рожденной Гутман (как и я — уроженки Петербурга), судьба дала мне редчайшего в наше время друга. <...> В 1942 г. после занятия немецкими войсками Харькова я воспользовался немецким происхождением моей жены, чтобы покинуть пределы Советского Союза, где я 25 лет задыхался от

чувства безграничного омерзения, а впоследствии приобрести немецкое подданство. <...> Не успела буквально моя нога оторваться от советской почвы, как неожиданно для самого себя, отнюдь не ставя перед собой этой задачи, я возобновил после 20-летнего молчания мою литературную работу, притом в самых, казалось бы, неподходящих для этого условиях скученной лагерной жизни (1943 и 1944 гг. я провел с женой в лагерях для беженцев-немцев в Австрии). <...> Распрощавшись, наконец, осенью 1944 г. с лагерной жизнью, я по май 1945 г. работал служащим на лесопилке в Эбензее, в Зальцкаммергуте. Оттуда тотчас же по окончании войны я перебрался с женой в Баварию, в деревушку Зурберг возле города Траунштейн, где и пишу эти строки» (*Сов* № 37—38. 1978. С. 188—195).

В эмиграции при жизни поэта вышло 10 его поэтических сборников: «След жизни» (1950), «Навстречу небу» (1952), «Неуловимый спутник» (1956), «Прикосновение» (1959), «Уходящие паруса» (1962), «Разрозненная тайна» (1965), Стихи: Избранное из шести книг и новые стихи. 1965—1966 (1967), «Певучая ноша» (1969), «Почерком поэта» (1971), «Теплый вечер» (1975), и еще два сборника после его смерти: «Последнее» (1977) и Собрание стихов (1982. Т. 1).

Стихи Кленовского читали в Советском Союзе. 26 января 1969 г. в письме к своей корреспондентке И. С. Топорковой он приводит послание, полученное от советского читателя: «Благодаря любезности (следует фамилия одного критика-эмигранта <Ю. П. Иваска>), сообщившего мне Ваш адрес, я получил возможность написать Вам, моему любимому поэту, слова благодарности за Ваши чудесные стихи. Впервые познакомила меня с ними Ахматова, очень тепло о них говорившая. Потом мне удалось раздобыть Ваш однотомник, и с тех пор В<аши> стихи стали моей самой незаменимой драгоценностью. Я знаю его почти весь наизусть и часто читаю моим друзьям. Далее автор письма пишет о том, как он был в Царском Селе и читал мою Царскосельскую гимназию буквально в описанном месте, а на могиле Ахматовой в Комарово еще раз (в который уже!) поблагодарил ее за открытого ею мне поэта, ставшего моим любимым» (Письма Дм. Кленовского к И. С. Топорковой / Публ., подг. текста и прим. И. Саруханяна // Звезда. 2002. № 1. С. 101).

Касаясь в рецензии на «Прикосновение» петербургской темы, В. Завалишин писал: «Был Петербург, город белых ночей. Он стал Ленинградом, городом черного дыма. Кленовский в своих стихотворениях ведет нас по улицам еще одного Петербурга, — города синих теней, из которых изваяно все: и дворцы, и природа, и люди.

Путь в город Белых ночей из города черного дыма проходит через город синих теней, и это мучительный, скорбный путь» (*Завалишин Вяч.* О новой книге Кленовского // *НРС* 1959. № 16866. 24 мая. С. 8).

См. о нем: *Арсеньев Н. С.* О лирической поэзии Д. И. Кленовского // Записки [Русской академической группы в США]. Т. XII. New York, 1979. С. 30—46; *Ржевский Л.* Последний акмеист. О творчестве Дмитрия Кленовского // Л. Ржевский. К вершинам творческого слова: Литературоведческие статьи и отклики. Norvich: Norvich University Press, 1990; *Kasack Wolfgang*. Dimitrij Klenovkij. Geheimnis des Seins. Gedichte zu Tod, Transzendenz und dem Schutzengel. München: Verlag Otto Sagner, 2002.

203. «Пирог с грибами стынет на столе...». Печ. по: *Кленовский Дм.* Навстречу небу. Frankfurt/Main: «Иверни», 1952. С. 22. Вошло в его сб. Стихи: Избранное из шести книг и новые стихи (1965—1966).

Мюнхен: Международное Литературное Содружество, 1967. С. 65; *Мы жили* Т. 1. С. 432—433. *Как тот кувшин - и музы* — Имеется в виду скульптура «Молочница» в Царскосельском парке (авт. П. П. Соколов) — на тему басни Лафонтена «Молочница и кувшин» (девушка, склоненная над разбитым кувшином, ставшим в неиссякаемым источником) — с адресацией к одноименным стихам «Царскосельская статуя» Пушкина и Ахматовой. Ср. в стихах М. Надеждина, «Александр Блок» А. Плюшкова и «В парке» Ю. Трубецкого, включенных в наст. изд.

204. Сон о казненном поэте. Там же. С. 36—37. Стихотворение посвящено Н. С. Гумилеву, образ которого неотделим в поэзии Кленовского от Царского Села и Петербурга (о гумилевской теме в его стихах см.: *Ржевский Леонид*. О книге стихов Д. Кленовского и «по поводу»... // *НРС* 1981. № 25493. 26 апреля. С. 9; как имеющую гумилевские корни оценивал поэтику Кленовского Г. Адамович, см.: *РМ-2* 1958. № 1221. 5 июня. С. 4). О Гумилеве Кленовский высказался в статье, подписанной псевдонимом: «Великое дело призван был совершить поэт, и, чувствуя это, демонические силы поторопились оборвать его жизнь и затоптать его труд. Гумилев не успел еще многого сказать, он еще только обратился со словом к миру, но и немногое, сказанное им, — высоко и проникновенно. Предсмертные стихи Гумилева — бессмертны. <...> Плохо будем мы чтить и беречь память Гумилева, если упрощенно подойдем к нему только как к поэту мужества и геройства и проглядим его как поэта-философа, поэта-провозвестника и провидца. Гумилев куда выше, чем принято о нем думать. Но надо обратиться к философским его стихам, чтобы это понять. Не юношеское цветение его геройства составляет наивысшую его ценность, а зрелые плоды его религиозно-философского мировоззрения» (*Карелин Дмитрий*. Подлинный Гумилев // Посев. 1947. № 33 (82). С. 10). Ср. в другой статье Кленовского: «Ведь Иннокентий Анненский был не единственным поэтом Царскосельской Гимназии! В годы его директорства в ней учился Николай Гумилев, закончивший гимназию одновременно с уходом из нее Анненского и быстро завоевывавший себе в Петербурге литературную известность. Хотя я уже писал в то время стихи и зачитывался поэтами, но Гумилевым едва ли бы заинтересовался. Помог случай. Появилась у нас однажды в семье новая горничная, Зина, хорошенькая черноглазая девушка. О такой, примерно, как она, сказал в свое время Ходасевич:

Высоких слов она не знает,
Но грудь бела и высока.

Перед тем как поступить к нам, Зина служила у Гумилевых. И вот однажды, вся зардевшись, показала мне она свое сокровище: тщательно завернутую в бумагу книжечку. Это был "Путь конквистадоров" Гумилева, с авторской надписью поэта — первый сборник его еще слабых, полудетских стихов. Книга все же очаровала меня, уже одним своим существованием. Еще гимназист, а напечатал книгу! Это подбадривало меня в моем собственном творчестве. <...> Я стал присматриваться к Гумилеву в гимназии. Но с опаской — он ведь был старше меня на 6 или 7 классов! Поэтому и не разглядел его, как следует... А если что и запомнил, так чисто внешнее. Помню, что он был всегда особенно чисто, даже франтовато одет. В гимназическом журнальчике была на него карикатура: стоял он, прихорашиваясь, перед зеркалом, затянутый в мундирчик, в брюках со штрипками, в лакированных ботинках. Любил он быть на гимназических балах, энер-

гично ухаживал за гимназистками. Но разве это важно? Важно то, что он сам, лучше всех других, рассказал о своих гимназических годах в единственном посвященном им стихотворении, рассказал о своих встречах с Анненским в его директорском кабинете:

Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт...

О, в сумрак отступающие вещи
И еле слышные духи,
И этот голос, нежный и зловещий,
Уже читающий стихи.

В них плакала какая-то обида,
Звенела медь и шла гроза,
А там, над шкафом, профиль Эврипида
Слепил горящие глаза»

(*Кленовский Дм.* Поэты царскосельской гимназии // *НЖ* № 59. 1952. С. 137—138).

В невышедшую из печати книгу «Предгорье» должно было войти посвященное Гумилеву стихотворение «Я не умел размешивать эмали», сохранившееся в архиве Г. П. Струве, которому поэт прислал в свое время его машинописную копию. Под заголовком «Неизвестное стихотворение Д. Кленовского» Струве опубликовал его в *НРС* (1981. № 25625. 27 сентября. С. 5) уже после смерти автора:

Я не умел размешивать эмали,
Сгибать шелка и растирать цветы.
В твоем дворце, где мы тебе внимали,
В моей любви не мог нуждаться ты.

И в смертный час, когда, как зверь из лога,
Навстречу дням, обещанным судьбе,
Ты, не простясь, ушел Его дорогой —
Мне не пришлось сопутствовать тебе.

Вот, как цветы, целую пятна крови
В тот душный день, на пыльной той траве,
Где умер воин смертию воловьей
Под окрик парохода на Неве!

Есть в этом мире горняя дорога,
Где мертвый брат встречается с живым.
Там, задержав свои шаги немного,
Дозволь мне стать учеником твоим!

И внезапно — старой сикоморы — отсылка к стих. Гумилева «Вступление» в сборнике «Шатер»:

И последнюю милость, с которою
Отойду я в селенья святые,
Дай скончаться под той сикоморою,
Где с Христом отдыхала Мария.

205. Стихи о Петербурге. Печ. по: *Гр* № 31. 1956. С. 51—52.
1. «Среди всего, чего не надо...».
2. «Не петербургским сизокрылым днем...».

206. Царскосельские стихи. Печ. по: *Кленовский Дм.* Неуловимый спутник. Frankfurt/Main: «Сполохи», 1956. С. 12—14. Две части, 1-я и 3-я, вошли в его сб. «Стихи» (С. 76—77). Положены на музыку В. Дукельским; рукопись этого романса хранится в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне, см.: Письма Дм. Кленовского к И. С. Топорковой. С. 101.

1. «Когда я, мальчиком, с тобой дружил». Вошло в его сб. «Стихи» (Мюнхен, 1967. С. 76). *Твои поэты казнены - молчаньем* — Ср. с аналогичным названием статьи Кленовского.

2. «Казненных муз умолкший городок!» Вошло в его сб. «Стихи» (С. 77). <...> *«прекрасен наш союз!»* — из стихотворения Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»).

3. «Наверно там еще и ныне».

207. Не забытое, не прощенное. Там же. С. 15—17. Вошло в его сб. «Стихи» (С. 73—75); *ВРС* С. 247—248 (частично); *Мы жили* Т. 1. С. 434—436. *Филипповским (вкуснее нет!)/ Горячим пирожком* — Речь идет о знаменитых пирожках Филиппова и принадлежавших ему булочных магазинах, см. *ТУ. Со мною августовским днем - «Костер» бы перечесть!* — Вся строфа является аллюзией на смерть Н. Гумилева, расстрелянного 25 августа 1921 г.; «Костер» — сборник стихов Гумилева (1918). *Что тот, кто - о шестом* — стихотворение Н. Гумилева «Шестое чувство», вошедшее в последний прижизненный сборник поэта «Огненый столп» (1921).

208. «Те пармские фиалки на окне...». Там же. С. 18. Вошло в его сб. «Стихи» (С. 78).

209. «О только бы припомнить голос твой...». Там же. С. 19. Вошло в его сб. «Стихи» (С. 79); *Мы жили* Т. 1. С. 436. *...И колоннаду грузного собора* — Казанский собор.

210. Царскосельская гимназия. Печ. по: *Кленовский Дм.* Прикосновение. Мюнхен, 1959. С. 10—11. Вошло в его сб. «Стихи» (С. 108—109); приведено в комм. к его воспоминаниям «Поэты Царскосельской гимназии» (в кн.: Николай Гумилев в воспоминаниях современников / Ред.-сост., автор предисл. и комм. В. Крейд. Париж; Нью-Йорк: Третья волна; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1989. С. 248); *Мы жили* Т. 1. С. 437—438. С некоторыми разночтениями напечатано в кн.: *Архиепископ Иоанн Шаховской.* Переписка с Кленовским / Ред. Р. Герра. Париж, 1981. С. 57: начало 2-й строфы — «Какой-то узкий и неловкий вход», в ней же последняя строчка: «Уставленных шкафами (для уюта)»; с датировкой *1956.* О героях этого стихотворения — Н. Гумилеве и И. Анненском, Кленовский оставил воспоминания «Поэты Царскосельской гимназии» (*НЖ* № 29. 1952. С. 132—138), о которых секретарь редакции Р. Руль писал редактору М. Карповичу 3 мая 1952 г.: «Поэты царскосельской гимназии Кленовского — не чересчур увлекательно, но вполне, мне думается, печатабельно, тем более что Анненский, Гумилев — хорошие имена и написано неплохо. Я ее совершенно не правил, не сокращал, и даже не просмотрел этой копии» (*НЖ* № 226. 2002). *Что на полях Краевича - строки* — Н. Гумилев, первый поэтический сборник которого, «Путь конквистадоров» (1905), был издан еще в гимназические годы; *Константин Дмитриевич Краевич* (1833—92), автор учебников физики, алгебры и космографии; гимназический учебник физики Краевича с 1868 по 1912 гг. выдержал 13 изданий. *А если ты заглянешь в кабинет - разговаривает хором* — поэт *Иннокентий Федорович Анненский* (1855—1909) был директором Царскосельской гимназии; строфа заключает отсылку к

стихотворению Гумилева «Памяти Анненского»: «Я помню дни: я, робкий, торопливый, / Входил в высокий кабинет, / Где ждал меня спокойный и учтивый, / Слегка седеющий поэт».

211. «Ну что же, вспомним зимний полдень, дом...». Там же. С. 48—49. *...А между рам — стаканчики и вату* — Вата и кислота, которой наполняли стаканчики, препятствовали потению и замерзанию окон, ср.: «Между стекол клали белую вату <...>, и всегда по ней были разбросаны мелкие отрезки толстых разноцветных шерстинок <...>, и ставились стаканчики с кислотой, чтобы не потели и не замерзали стекла» (*Добужинский* С. 6); ср. в добеженском стих. С. Прегель «Немодных кресел плюш пунцовый», включенном в ее сборник «Солнечный произвол» (Париж, 1937. С. 63): «Полоски разноцветной ваты / В широком стынущем окне». Мотив фиалок у окна см. также в его стих. «Те пармские фиалки на окне».

212. Стихи о Петербурге. Печ. по: *Кленовский Дм.* Уходящие паруса. Мюнхен, 1962. С. 26—27. Вошло также в его сб.: «Стихи» (С. 152—153).

1. «На Каменноостровском — тишина». *Когда на франтоватом лихаче - незнакомкой* — Обобщенный образ лирического героя Блока; о *лихаче* см. комм. к стих. Е. Антоновой «Сон о Петербурге». *Где в мае ночь бледнее, чем Татьяна* — героиня пушкинского «Евгения Онегина».

2. «Не петербургским сизокрылым днем», см. выше.

213. «Есть давно утерянные годы...». Печ. по: *Кленовский Дм.* Разрозненная тайна. Мюнхен, 1965. С. 36. Вошло в его сб. «Стихи» (С. 185). *Не те коня четыре у моста — Аничков мост*, см. *ТУ.*

214. Долг моего детства. Печ. по: *Кленовский Дм.* Стихи. Мюнхен, 1967. С. 10. Первоначально: *Воз-2* № 7. 1950. С. 94 — с некоторыми разночтениями — первые два стиха 3-й строфы: «Все это позади. Любимый дом / Сереет грудой кирпича и сажи». Вошло в *НЗ* С. 353; *МД* С. 167; *Мы жили* Т. 1. С. 431. *И Лицеист на бронзовой скамье* — памятник Пушкину в Царскосельском парке, см. *ТУ. Уютно, как в аксаковской семье* — намек на автобиографическую дилогию С. Т. Аксакова «Семейная хроника» (1856) и «Детские годы Багрова-внука» (1858), а также примыкающие к ней более мелкие мемуарные произведения; Г. Адамович в обзоре новой эмигрантской поэзии отнес этот образ к «прелестным, обманчиво-простым находкам» (*Адамович Г.* Новые голоса // *НРС* 1954. № 15380. 6 июня. С. 8); не исключено его отталкивание от «Шума времени» О. Мандельштама: «Никогда я не мог понять Толстых и Аксаковых, Багровых-внуков, влюбленых в семейственные архивы с эпическими домашними воспоминаньями» (*Мандельштам О.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1990. С. 41). *Заветный дом - и стыдом* — Тема разрушенного фашистами Царского Села остро волновала русскую литературу по обе стороны границы; как параллель к третьей строфе см. «О, горе мне! Они тебя сожгли...» (1945) А. Ахматовой (та же тема звучит в стихотворении О. Софоновой «Санкт-Петербургу», включенном в наст. изд.). *Была пора* — аллюзия на стихотворение Пушкина «Была пора: наш праздник молодой» (1836) из т. н. «лицейского» цикла.

215. Царскосельский сон. Там же. С. 42—43. Впервые: *Воз-2* № 7. 1950. С. 94—95. *Здесь ночью - в окровавленный затылок* — речь идет о Пушкине и Гумилеве. *И гимназистка - на ходу роняя* — из посвященного Гумилеву и написанного в Царском Селе стихотворения Ахматовой «В ремешках пенал и книги были» (1912). Ахматову Кленовский, в частности, видел в Харькове в 1924 г. на ее вечере в Пуб-

личной библиотеке, ему запомнились «записки с наглыми вопросами, дерзкие возгласы из пролеткультовских рядов. Часть публики пыталась поддержать поэтессу, шикали. На короткое время водворялся порядок. Ахматова читала, волнуясь, спеша. И вообще-то она декламировала стихи невыразительно, а тут обстановка совсем ее доканала, чувствовалось, что она нервничает и пересиливает себя. Прервать чтение, уйти — было невозможно, это грозило не только большим материальным ущербом, но и крупными личными неприятностями. Исполнив объявленное в программе, Ахматова поторопилась исчезнуть и не вышла на долгие вызовы части зала...» (*Кленовский Дм.* Казненные молчанием // *Гр* № 23. 1954. С. 107). *Заплакали бы дети...* — из стихотворения И. Анненского «Тоска припоминания» («Трилистник тоски», 1904): «Я люблю, когда в доме есть дети, и когда по ночам они плачут»; ср. в стихотворениии Ахматовой «Он любил три вещи на свете...», явно обращенного к Гумилеву — «Не любил, когда плачут дети». *Кипарисовый ларец* — шкатулка, в которой И. Анненский хранил рукописи своих стихотворений, давшая название его посмертному сборнику и ставшая своеобразной эмблемой царскосельской темы в русской поэзии, ср. в «Царскосельской оде» (1961) Ахматовой: «...Царскосельскую одурь / Прячу в ящик пустой, / В роковую шкатулку, / В кипарисный ларец». *Лишь отрок - песней на страницу* — аллюзия на стихотворение однокашника Кленовского по Царскосельской гимназии Вс. Рождественского: «И на бумагу первый стих, подруга, / Летит, как царскосельская сирень». Кленовский писал Н. Н. Берберовой 16 декабря 1949 г.: «В стихах "Царскосельский сон" в последней строчке о поэте Рождественском он назван "советским (*по несчастью*) поэтом-царскоселом". Вот эти два слова: "(по несчастью)" надо непременно вычеркнуть. Не стоит гусей дразнить: еще заставят большевики этого самого Рождественского опубликовать в просоветской парижской прессе письмо о том, что он, мол, наоборот, неимоверно счастлив, и будут и для него неприятности, да и мое имя начнут склонять, что для меня весьма и весьма нежелательно. Может я преувеличиваю, но лучше проявить некоторую осторожность, и потому я вас *очень, очень* прошу исполнить мою просьбу и внести такую поправку!» (Hoover Institute. Stanford University). «Был еще Всеволод Рождественский, хорошенький большеглазый мальчик. Он посвятил впоследствии много задушевных стихов Царскому Селу. Рождественский опоздал к Ин. Анненскому лет на десять, вероятно, даже вообще никогда его в глаза не видал, но с нежностью называл его "мой директор". В стихах о Городе Муз Рождественский не злоупотреблял обычной бутафорией, не тревожил тени Камерона и Монферрана и больше писал о том втором, провинциально-интимном мире Царского Села, где

...каждый дом сутулится,
Как в сказке братьев Гримм.

Где перед этими домиками, зимою:

Дорожки воробьиные
Пересекают двор.

А если подойти к окну и заглянуть в него, то видно, как:

У Фаусек, у Ждановых
На нотную тетрадь
Склонен пробор каштановый,
А в кресле дремлет мать.

Для всех, кто знает Город Муз, царскосельские стихи Всев. Рождественского — источник светлой радости» (*Кленовский Дм.* Поэты царскосельской гимназии // *НЖ* № 29. 1952. С. 137—138). Ср. в воспоминаниях Ахматовой об О. Мандельштаме: «Он люто ненавидел так называемый царскосельский сюсюк Голлербаха и Рождественского и спекуляцию на имени Пушкина».

216. «На одной из самых тихих улиц...». Печатается по: *Кленовский Дм.* Певучая ноша. Мюнхен, 1969. С. 12—13.

Клингер Георгий Витольдович (15 апреля 1918, Смоленск — 2 февраля 1976). Сын проф. классической филологии Киевского (после эмиграции в 1921 г. — Познаньского) университета Витольда Клингера (1875—1962), см. стих. Г. В. Клингера «Моему отцу» в «Антологии русской поэзии в Польше» (Варшава, 1937. С. 17). С 1924 г. жил в Познани, начинал учиться на философском и филологическом факультете в Познаньском университете, печатался в университетском альманахе Кружка полонистов, в журналах «Życie Literackie», «Prom» и др. Переписывался с З. Гиппиус и А. Ремизовым. Из-за начавшейся Второй мировой войны занятия в университете пришлось прекратить, после оккупации немцами Польши переехал в Варшаву. В 1944—46 г. учился на философском факультете Ягеллонского университета (Краков), после окончания которого остался в нем преподавать. В 1949 г. из-за несогласия с насаждавшейся повсюду социалистической ортодоксией оставил занятия наукой и устроился заурядным учителем польского языка в гимназии г. Козьмин. С 1952 г. — православный священник (протоирей Георгий), известный своими богословскими сочинениями, печатавшимися как по-польски, так и по-русски (в парижском «Вестнике русского христианского движения»). В 1962 г. защитил докторскую диссертацию по богословию. Член комиссии «Вера и церковное устройство» Всемирного Совета Церквей (1969).

Стихи начал писать на польском языке в 16-летнем возрасте и писал их с некоторыми перерывами до конца жизни на двух языках — польском и русском. Вместе с А. Кондратьевым, Л. Гомолицким, Е. Вадимовым и Д. Майковым и др. входил в варшавское литературное объединение «Священная лира», в одноименном изд-ве вышли оба его сборника — поэм «Небесный плуг» (1937; оформ. Л. Н. Гомолицкого) и в том же году — стихов «Жатва Божия» (вошел составной частью в своеобразную «антологию» «Священная лира» — наряду с «Вертоградом небесным» А. Кондратьева и поэмой Л. Гомолицкого «Сотом вечности»; рец. Ю. Иваска в «Журнале Содружества», 1937, № 11). «Небесный плуг» был замечен критикой, см. рецензии П. Пильского в *Сег* 1937. № 98. 10 апреля. С. 8, В. Ходасевича в *Воз-1* 1938. № 4136. 17. июня. С. 9. А. Бем, имея в виду оба сборника Клингера и «Вертоград небесный» А. Кондратьева, не без иронии, направленной в адрес Г. Адамовича и «парижской ноты», замечал в варшавском «Мече», что стихи рецензируемых поэтов «нарушают "хороший тон" современной поэзии», поскольку «религиозное начало входит в поэтическую ткань стихов, оно органически связано с их творческим даром, а это уже "вносит тревогу": ведь все положительное, все творчески созидательное взято сейчас под подозрение» (1938. № 23. 12 июня).

См. о нем: *Klinger J.* O istocie prawoslawia. Wybyr pism. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX 1983; *Прот Г. Папроцкий.* Послесловие <к сб.> Клингер Георгий. Стихотворения. М.: Рудомино, 1993. С. 39—43.

217. Стихи о Петрограде. Печ. по: *Клингер Георгий*. Стихотворения. М.: Рудомино, 1993. С. 23. *Окно в Европу* — см. комм. к стих. М. Айзенштадта (Аргуса) «Петрополис». *И в проруби, как выловлен из тины - Исакий* — возможно, по ассоциации со строчками Н. Оцупа «Гигантский краб Казанского собора / Меня в зеленой тине стережет» (стих. «На дне», 1921); собор Святого Павла — протестанский храм в районе лондонского Сити, построенный на месте сгоревшей церкви в 1666—1711 гг. (арх. Кристофер Рен) как антипод католическому собору Святого Петра в Риме.

Колосова Марианна (наст. имя и фам.: Римма Ивановна Виноградова; в замужестве: Покровская; др. псевд-мы: Елена Инсарова, Джунгар; 13 мая 1903, Алтай — 6 октября 1964, Сантьяго). Родилась в семье священника, убитого после революции. В годы Гражданской войны пережила роман с будущим председателем Госплана В. В. Куйбышевым, о чем свидетельствует ее стихотворение «Письмо наркому» (1930). Жила в эмиграции в Харбине, училась на юридическом факультете местного университета. Примыкала к фашистскому движению харбинской молодежи и вышла замуж за одного из его руководителей — А. Н. Покровского. В 1934 г. они были вынуждены перебраться в Шанхай. Имела советский паспорт, от которого публично отказалась в 1946 г., см. об этом в письме В. Перелешина П. Лапинену: «Да, у Марианны Колосовой был советский паспорт (как и у меня: выбора тогда не было). Но на собрании писателей, поэтов и журналистов, когда был оглашен позорный акт расправы советской власти над Ахматовой и Зощенко, Марианна Ивановна задала несколько вопросов, а потом громко разрыдалась. Через несколько дней она заявила через газеты о том, что от советского паспорта отказывается» (*Перелешин Валерий*. Письма П. П. Лапинену / Публ. и ком. О. Бакич // *НЖ* № 234. 2004. С. 184). В 1957 г. отправилась с супругом через Тубабао в Латинскую Америку, некоторое время жили в Бразилии, в 1958 г. поселились в Сантьяго.

Первое стихотворение опубликовала в харбинской газете «Русский голос». Сотрудничала в *Руб* и шанхайских периодических изданиях — ж-ле «Парус» и газ. «Русское слово». «Худенькая бледная женщина с легкими светлыми волосами и ясными серыми глазами» (*Резникова Н.* В русском Харбине // *НЖ* № 172—173. 1988. С. 389), Колосова была одной из самых яростных поэтесс русской эмиграции, «бардом Белой гвардии», как ее величали (по слухам, жених Колосовой был застрелен красными едва ли не у нее на глазах). «Строгий стих чеканно-изумрудный» (определение из посвященного Колосовой стих. О. Скопиченко «Далекому другу») имел чаще всего определенную политическую заданность. «Было в ней некое кликушество, одержимость одной высокой идеей», — писал В. Перелешин (*НЖ* № 107. 1972. С. 256). Знавший ее И. И. Вонсович писал в посвященном ей стихотворении: «Вы, у которой под черным платьицем / сердце исходит созвучьями скорби и гнева, / не грустите, что улица катится, / безучастная к теме и боли напева» (*Вонсович И. И.* Покуривая трубку...: Рифмованный блокнот. Харбин, 1930. С. 26). В то же время В. Перелешин отмечал как парадоксальный факт, что «лучшие стихотворения Колосовой — не "патриотика", а просто хорошие стихи без всякого задания, которым сама Марианна Ивановна не придавала никакого значения» (*Перелешин Валерий*. Конец Алексея Ачаира // *НРС* 1972. № 22825. 10 декабря. С. 5). Автор пяти поэтических сборников (кроме последнего, все изданы в Харбине): «Армия песен» (1928), «Господи, спаси Россию!» (1930), «Не покорюсь!..» (1932), «На звон мечей» (1934), «Медный гул» (Шан-

хай, 1937). Выразительную характеристику Колосовой дал рецензировавший ее четвертый сборник К. Б<атурин?>: «...безукоризненная патриотичность, эмигрантская скорбь и слабая поэтическая убедительность. Можно было бы спокойно отложить эту несколько примитивную поэзию, когда бы за всем не чувствовался просто живой человек, который хочет для себя решить простые извечные вопросы — отчего и зачем? Ответы на эти вопросы рождают в муках, и этой муке каждый невольно сочувствует, вспоминая, как и он сам когда-то бился головой о стену. Г-жа Колосова такой своей искренностью заслуживает самого бережного отношения и сочувствия» (Врата. Кн. II. Шанхай, 1935. С. 258).

В Петербурге Колосова, по-видимому, никогда не бывала и слагала о нем стихи скорее как о символе России, куда когда-нибудь вернуться изгнанники:

Невозможно подумать без слез,
Что когда-нибудь это случится:
Нас в Россию умчит паровоз
Для того, чтобы жить научиться.
На чужбине устала душа,
Испытавшая холод и голод...
Остановка! Смотрю не дыша...
Петроград! Мной не виданный город!

218. В Ленинграде. Печ. по: *Руб* № 52. 1934. С. 8.

219. Санкт-Петербург. Печ. по: *Колосова Марианна*. Не покорюсь!.. Харбин, 1932. С. 16—17. *Допра* — Дом предварительного заключения. *Грузину, не татарам, платят дань* — намек на «кремлевского горца» Сталина. *Ах, «почему же мы такая дрянь?» - повторяю* — Широко популярная в России начала века фраза из фельетона А. В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» (Россия. 1902. 13 января), в котором высмеивалась царская династия Романовых (из-за чего газета была закрыта, а автор фельетона подвергся ссылке). *Российский город славы и побед* — Парафраз строчки А. Ахматовой из стих. «Ведь где-то есть простая жизнь и свет» (1915): «Гранитный город славы и беды».

220. Медный гул. Печ. по кн.: *Колосова Марианна*. Медный гул. Шанхай, 1937. С. 5.

221. Кронштадт (Из цикла «Старый мир»). Там же. С. 33—36. На тему кронштадтского восстания см. включенную в наст. изд. поэму В. Андреева «Восстанье звезд» (часть 2). *...клеш* — Метонимическое обращение к матросам, носившим брюки широким раструбом книзу — «клеши»; ср. в песне балтийских моряков: «Ах, клеш широкий, В нем смысл глубокий...» (Клеш // Красный флот. 1927. № 8. С. 50).

Кондратьев Александр Алексеевич (11 (23) мая 1876, Петербург — 26 мая 1967, Ново-Дивеевский монастырь, Джорданвиль, США). Учился в 1-й, затем в 8-й петербургской гимназии, когда там директорствовал И. Ф. Анненский. В 1897—1902 учился на юридическом факультете Петербургского университета, после окончания которого служил в Мин-ве путей сообщения, с 1908 до конца 1917 делопроизводитель в Канцелярии Гос. думы. Первые стихи на темы античной мифологии появились в 1899 г. в журнале «Живописный обзор»; печатался в ж-лах «Почтальон» («Беседа»), «Север», «Ежемесячные сочинения», «Шут», «Сатирикон», «Новый путь», в газ. «Россия», «Слово», «Голос Москвы». Постоянный автор символистских изданий: альм. «Гриф», ж-лов «Весы», «Золотое руно», «Перевал», ранний «Аполлон». Нахо-

дился в центре литературной жизни Петербурга (посещал «вечера» Ф. Сологуба, «среды» Вяч. И. Иванова и др., хотя осознавал себя писателем «младшей линии»). Автор поэтических сборников «Стихотворения» (СПб., 1905) и «Стихи. Книга вторая (Черная Венера)» (положительные отзывы: В. Брюсов в «Русской мысли». 1909. № 5 и С. М. Соловьев в «Весах». 1909. № 5), романа «Сатиресса» (М., 1907), сочувственно встреченного критикой — см. рец. И. Анненского (Перевал. 1907. № 4); ср. в «Записных книжках» А. Блока (М., 1965. С. 84); книги рассказов «Улыбка Ашеры» (СПб., 1911), мифологических стилизаций в прозе «Белый козел» (СПб., 1908).

В 1919—39 жил в имении своей жены в с. Дорогобуж под Ровно (с 1920 г. эта территория отошла к Польше; описание его уклада жизни там см.: *Гомолицкий Л.* На берегах Ярыни // Меч. 1937. № 30). Входил в варшавское литературное объединение «Священная лира» и Кружок авторов при Литературно-артистической секции Виленского русского общества. Печатался в журналах: *РМ-1*, «Журнале Содружества» (Выборг), «Молва» (Варшава), в газетах: *Воз-1*, *Р*, варшавской «За Свободу!», ревельских «Последних известиях», рижском «Слове», парижской «России», продолжившей ее *РиС*, виленском «Русском слове», в 1921—27 — как литературный обозреватель регулярно в ровенском «Волынском слове» (где, в частности, опубликованы мемуары о Блоке — 1921. 6 сентября; о близких друзьях лит. юности — 1921. 22 октября; о Н. Недоброво — 1924. 28 марта; об утраченной переписке с В. Брюсовым (1906—18) — 1924. 15 ноября и др.). Его стихи включены в «Антологию русской поэзии в Польше» (Варшава, 1937). Автор романа «На берегах Ярыни» (Берлин, 1930; совр. переизд.: М., 1992). В 1937 г. вместе с Л. Гомолицким и Г. Клингером участвовал в издании сборника стихов «Священная лира» (раздел Кондратьева — «Вертоград небесный»), см. ст-ния Г. Клингера в наст. изд. и прим. к ним.

С началом Второй мировой войны перебрался в Варшаву, затем в р-н г. Хелм (Польша), далее — бежал из Польши, скитался по Европе — побывал в Австрии, Германии, Югославии, Северной Италии, Швейцарии, в 1957 г. переехал в США (жил в санатории близ Толстовской фермы, штат Нью-Йорк).

Стихи эмигрантского периода собраны в книгах: «Славянские боги: Стихотворения на мифологические темы» (Ровно, 1936), «Закат» (1990 — с предисл. и комм. В. Крейда), см. также приложение к книге В. Н. Топорова «Неомифологизм в русской литратуре начала XX века: Роман А. А. Кондратьева "На берегах Ярыни"» (Trento, 1990); повесть «Сны» (*НЖ* № 179. 1990; отд. кн. СПб., 1993).

См.: *Струве Г.* А. Кондратьев и А. Блок // *РМ-2* 1969. 30 января; *Его же.* Дневник читателя // *РМ-2* 1969. 29 мая; *Его же.* Четыре стихотворения // *РМ-2* 1969. 18 сентября; *Его же.* По неизданным письмам // Annali dell'instituto universitario orientale. Sezione slava. Napoli [Vol.] 12. 1969.

222. 8 февраля. Печ. по: *Кондратьев А. А.* Боги минувших времен: Стихотворения / Сост., вступ. ст. В. Крейда. М.: Мол. гв., 2001. С. 298. 8 (21) февраля — день основания (1819) Санкт-Петербургского университета, см. еще в наст. изд. ст-ние «Студент» И. Тхоржевского. *О, розовое зданье - студенческой толпой* — Петербургский университет, см. *ТУ*.

Корвин-Пиотровский Владимир Львович (в довоенный период — Пиотровский, 1891, Белая Церковь — 2 апреля 1966, Лос-Андже-

лес). Несмотря на склонность подчеркивать свои дворянские корни («Ему почему-то доставляло необыкновенное удовольствие распространяться о древности своего рода, недоказуемой, а вероятно, и мифической», *Бахрах Александр.* По памяти, по записям. Париж, 1980. С. 161—162), есть основание говорить о его еврейском происхождении, см. об этом в письмах Ю. Терапиано В. Маркову («...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда». Письма Ю. К. Терапиано к В. Ф. Маркову (1953—1966) / Публ. О. А. Коростелева и Ж. Шерона // *Минувшее* Т. 24. С. 307, 342). О себе сообщал следующее: «Артиллерийский офицер. Во время гражданской войны чрезвычайно неумело был расстрелян красными партизанами. Во время немецкой оккупации Парижа удостоился смертного приговора и симпатии своих товарищей по тюрьме (см. книгу: André Frossard. La maison des ôtages. Paris, Ed. Du Livre Français, 1945).

До последней войны, под несколько измененной фамилией, я успел выпустить шесть сборников стихотворений, которые ничего кроме досады во мне не вызывают. Исключение — сборник драматических поэм, вышедший в берлинском издательстве "Слово", кажется в 1929 году. Упоминаю о нем лишь потому, что все вещи успел переделать очень основательно.

После войны в издательстве "Рифма" под моим полным именем вышли сборники "Воздушный змей" и "Поражение".

Сотрудничал во многих периодических изданиях: газета "Руль" (Берлин), журналы "Русские записки" (Париж), "Новый журнал" (Нью-Йорк) и др. В начале эмиграции заведовал отделом стихов в журнале "Сполохи" (Берлин)» (*Сод* С. 527).

В первой половине 20-х гг. в Берлине посещал заседания литературного кружка «Братство Круглого Стола», сотрудничал в газете «Накануне», с мая по декабрь 1922 г. состоял в президиуме и был товарищем председателя содружества писателей и художников «Веретено» (письмо от 7 декабря 1922 г. о выходе из него см.: *НРК* 1922. № 10. С. 32), печатался в ж-ле «Веретеныш», участник берлинского «Кружка поэтов» (1928—33), с 1933 года жил в Париже, с 1953 — в США. Талантливость раннего Пиотровского отмечала советская критика («...в серебряном окладе его стихотворной иконы немало драгоценных камней подлинно здорового, земляного мировосприятия» (*Смирнов Ник.* Солнце мертвых: Заметки об эмигрантской литературе // Красная новь. 1924. Кн. 3. С. 264).

Его перу, помимо названных им самим, принадлежат следующие книги: изданный до эмиграции (в соавторстве с Виктором Якериным) сборник «Стихотворений» (Вып. 1. Киев, 1913); изданные в Берлине сборники стихов для детей: «Светлый домик» (1922), «Погремушки» (1922), «Веселые безделки» (1924, в соавторстве с Г. Росимовым <Ю. Офросимов>, входивший наряду с Пиотровским в берлинский литературный кружок «Веретено»; ему посвящены драматические поэмы Пиотровского «Король» и «Смерть Дон Жуана», см. его статью «Против течения (О поэзии Вл. Корвин-Пиотровского)», *НЖ* № 61. 1960. С. 154—159), «Волшебная лошадка» (1925); поэмы «Святогор-скит» (Берлин, 1923 <в рецензии А. Дроздова говорилось, что автор — подлинный поэт, Накануне. 1923. № 24. 2 сентября. С. 8>); сборник стихов «Полынь и звезды» (Берлин, 1923; рецензент (подписана Р<осимов?>) отмечал, что «этот поэт, кроме влияний, имеет и "свое"», *НРК* 1923. № 2. С. 22; ср. еще в целом сочувственную рецензию К. М<очульского> в *Зв* 1923. № 9. 2 апреля. С. 3: «Все вопросы ставятся прямо, резко, настойчиво... немного по-детски, но в этическом пафосе поэта нет ни

одной фальшивой ноты»); книга рассказов «Примеры господина аббата» (Берлин, 1923; Н. Петровская замечала, что автор «как бы играет своими литературными возможностями, — игра красивая, но бесплодная», «его примитивы, заключенные в строгие рамки взятой формы, хорошо "сделаны", интересны по фабуле, но интимного, индивидуального, свойственного одному ему, В. Пиотровскому, в них мало», Накануне. 1923. № 457. 11 октября. С. 6); «Каменная любовь» (Берлин, 1925; рецензент белградского «Нового времени» К. Шумлевич (подписано: Ренэ Санс) назвал собранные в этом сборнике стихи «кривлянием и паясничанием», 1924. № 1056. 2 ноября. С. 2); указанный выше сборник драматических поэм «Беатриче» (произвел сильное впечатление на В. Набокова, также члена кружка «Веретено», см. его рецензию в *РиС* 1930. № 98. 11 октября. С. 3; см. также посвященное Пиотровскому стихотворение Ю. Джанумова «Средневековье» на тему Беатриче); в соавторстве с О. Савичем (под совместным псевдонимом Рене Каду) в 1928 г. в Берлине издал фантастический роман «Атлантида под водой». Объявленная «Веретенышем» (1922. № 1. С. 16) книга рассказов Пиотровского «Крик в ночи» (Берлин: Изд-во «Век культуры»), по всей вероятности, из печати не выходила.

Несмотря на то, что он считался одним из самых ярких поэтов, появившихся в эмиграции, его стихи не были напечатаны в *Я* (объяснение этому см. в опубликованной Г. Струве переписке ее составителей Г. Адамовича и М. Кантора, *НЖ* № 107. 1972. С. 252—253, 254). После войны печатал прозу на страницах *НЖ*. По поводу посмертного двухтомника «Поздний гость» (Вашингтон, 1968—69) Вяч. Завалишин писал в статье «Переоткрытие поэта»: «Я узнаю В. Корвин-Пиотровского по какой-то особенной музыкальной грусти его стихов, то по-шопеновскому, то по-рахманиновскому журчанию его слов», *НРС* 1968. № 20236. 4 августа. С. 5; см. еще: *Трубецкой Ю.* Помраченный Парнас // *НРС* 1969. № 17104. 17 января. С. 8, где Пиотровский назван «трагическим поэтом»; а также рецензии Б. Нарциссова в *НЖ* № 107. 1972. С. 277—279 и В. Перелешина в *НРС* 1972. № 22545. 5 марта. С. 5. О Пиотровском, «пишущем стихи на безукоризненно первобытные скифские темы», см. мемуарный штрих в рец., подписанной Какуак, на книгу Г. Лугина «Тридцать два» (Берлин, 1931) в рижском журнале «Норд-Ост» (1931. № 2. С. 20—30).

Некролог, написанный Г. Струве, см.: *РМ-2* 1966. 11 июня.

См.: ***Вильчковский К.*** О поэзии В. Корвин-Пиотровского // *Воз-2* № 53. 1956. С. 129—135; ***Офросимов Ю.*** Против течения (О поэзии Вл. Корвина-Пиотровского) // *НЖ* № 61. 1960. С. 154—159; ***Блинов Валерий.*** Поэтическая реальность Вл. Корвин-Пиотровского // *НЖ* № 138. 1980. С. 42—49; ***Бахрах Александр.*** По памяти, по записям. Париж, 1980. С. 161—165; ***Терапиано Ю.*** Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924—1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж — Нью-Йорк, 1987. С. 237—240; ряд статей о поэзии Корвин-Пиотровского включен в т. 2 его кн. «Поздний гость».

223. «Я полюбил Берлин тяжелый...». Печ. по: ***Корвин-Пиотровский Владимир.*** Поздний гость: Стихи, поэмы, драматические поэмы: В 2-х томах. Т. 1. Вашингтон: Изд. русского книжного дела в США, Victor Kamkin, Inc., 1968. С. 37.

224. Поражение <*Отрывок из поэмы*>. Печ. по: ***Корвин-Пиотровский Вл.*** Поражение: Поэмы и стихи о России. Париж: Рифма, 1960. С. 25—27. ***...блиндированный чердак*** — Т. е. укрепленный, за-

щищенный (листом железа, деревянным щитом и пр.). *И только - неутомимо* — Речь идет о Ленине. *Гнездо истории - ногами* — Аллюзия на «Полтаву» Пушкина: «За ним вослед неслись толпой / Сии птенцы гнезда Петрова...»

225. «Для последнего парада...». Печ. по: *Сод* С. 254. Вошло в *Мы жили* Т. 1. С. 331—332. *Каттегат* — один из проливов, соединяющих Балтийское и Северное моря.

Корносевич Ромуальд Мартынович (18 сентября 1884, Гродно — 1930). Отец — Мартын Яковлевич, известный в Гродно дирижер городского оркестра и преподаватель музыки, был в течение ряда лет гласным городской Думы. После окончания школы и ремесленного училища Корносевич отправился в Петербург и поступил учеником в инструментальную мастерскую, откуда, не выдержав издевательств, вскоре сбежал. Был принят рабочим на механический завод, но после размолвки с братом, у которого он жил, оказался на улице, ночевал в ночлежках, познал жизнь городского дна. Вернувшись в Гродно, работал помощником пароходного машиниста. В 1912 г. эмигрировал в Америку, поселился в Элизабетпорт (Нью-Джерси). В течение нескольких лет служил во флоте. В 1922 г. познакомился с приехавшим в Америку Д. Бурлюком и избрал его в свои кумиры. В дальнейшем, охладев к Бурлюку, относился к нему и к своим прошлым увлечениям футуристической поэзией с нескрываемой иронией. Представитель «пролетарского» направления в русской эмигрантской поэзии, сочувствовавший одно время коммунистам (впоследствии эти настроения преодолел, см. редакционную заметку «"Пролетарский" поэт против большевиков» с публикацией его стихотворения «Грусть!» в *НРС* 1930. № 6516. 29 нояб. С. 4).

Автор книг: «Звездные бразды: Сборник стихотворений» (Нью-Йорк, 1924, с предисловием Д. Бурлюка), «Кандальный перезвон: Сборник стихов, рассказов и водевиль "Военщина"» (Нью-Йорк, 1925, с предисловием В. Г. Воронцовского), «Вечный зов: Сборник стихов, рассказов и водевиль "Военщина"» (Нью-Йорк, 1927). В рецензии на «Звездные бразды» С. Либерман (рецензия подписана инициалами С. Л.) отмечал «нарочитость и чрезмерную наивность» автора и выражал сомнение в объективности комплиментарного предисловия (Накануне. Лит. приложение. 1924. № 134. 15 июня. С. 7).

226. Девятое января. Печ. по: *Корносевич Р.* Вечный зов. С. 87. *Поп Гапон* — Гапон Георгий Апполонович (1870—1906), петербургский священник, пастырь церкви Скорбящей Божьей Матери в Гавани и Пересыльной тюрьме. Был связан с Департаментом полиции, хотя едва ли был тайным агентом охранки. 9 января 1905 г. возглавил мирное шествие к Зимнему Дворцу для вручения царю петиции о тяжелом экономическом положении рабочих, текст которой он же и составил. Шествие было расстреляно, и этот день вошел в историю России как «кровавое воскресенье». Бежавший за границу Гапон написал переведенную на английский и вышедшую в Лондоне книгу воспоминаний «The story of my life» (1906). Казнен по приезде в Россию эсерами-боевиками.

Кроль Константин. Биографическими данными не располагаем. После лагерей Ди-Пи жил в Калифорнии. Автор двух поэтических сборников, изданных в Сан-Франциско: «Преломленные отражения» (1958) и «Звон вечерний» (1967).

227. Письмо. Печ. по: *Кроль Константин.* Преломленные отражения. Сан-Франциско, 1958. С. 105.

Ладинский Антонин Петрович (19 (31) января 1896, с. Общее Поле Псковской губ. — 4 июня 1961, Москва). Учился в Псковской гимназии (описание Пскова см. в его неопубликованных «Материалах для книги воспоминаний и странствий» — РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 24, машинопись), затем один год на юридическом факультете Петербургского университета. Продолжению обучения помешали мировая, а затем гражданская войны, в которых он принимал участие. Вступил в Добровольческую армию, был ранен в районе Харькова. После эмиграции из России попал в Александрию (Египет), лежал в лазарете Тель-эль-Кебир на берегу Красного моря. Египетские впечатления впоследствии отразились в его творчестве, см., к примеру, стихотворение «Каирский сапожник» в сб-ке «Черное и голубое» (Париж, 1931. С. 61—63) или рассказ «Письма из Египта» (*ПН* 1932. № 4113. 26 июня. С. 5). Служил писцом в Международном суде в Каире и Александрии, занимался переводами с английского полицейских романов. В первой половине 20-х гг. перебрался в Париж, учился в Сорбонне. В 1925 г. вступил в члены Союза молодых поэтов и писателей, а в 1926 стал членом правления (см. о нем в этой функции в письме С. Луцкого Б. Сосинскому в кн.: *Луцкий Семен.* Сочинения / Подг. текста, сост, вступ. ст. и коммент. Владимира Хазана. Stanford, 2002. С. 242—244). С 1926 г. работал в редакции *ПН*, где выполнял обязанности курьера и телефонного секретаря, что приносило ему немало моральных страданий (см. запись в его Дневнике от 19 сентября 1932: «Отношение ко мне довольно хамское. Я так очевидно и просижу до конца своих дней в коридоре в качестве курьера или пока сам не плюну на все и не уйду». РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 54 об.). В 1932 г. член Союза деятелей русского искусства. Неизменный участник лит. и лит.-филос. обществ и объединений русского эмигрансткого Парижа: собраний «Зеленой лампы» (1927—39 — в доме Д. Мережковского и З. Гиппиус), «Кочевье» (1928—39; осн. М. Слоним), «Перекресток» (1928—37), «Круг» (1935—39; рук. И. Фондаминский). Член масонской ложи (*Серков* С. 456—457).

Критика единодушно видела в нем одного из самых талантливых поэтов поколения, вошедшего в литературу в эмиграции. Г. Струве отмечал продолжение в его поэзии гумилевской линии «мужественности» (*Струве Глеб.* Заметки о стихах // *РиС* 1931. № 122. 28 марта. С. 4), Г. Федотов в согласии с ним писал: «Ладинский поэт очень неровный, котрый может спускаться низко, но и подниматься на большую высоту. Он не кует, не плавит стиха и беззаботен насчет опасностей, связанных с чистой песенностью. Но песни свои — чистый, какой-то райский моцартовский лиризм — он получил как благодатный дар. Ладинского трудно уложить на полочку в истории русской литературы, — менее всего он укладывается в нашу эпоху. Его можно было бы поставить в ряд с юношеским Гумилевым или далеким Лермонтовым» (*Федотов Г.* О парижской поэзии // Ковчег: Сборник русской зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1942. С. 192). Стихи Ладинского широко распространялись по странам русской диаспоры — их хорошо знали, напр., в Китае (*Перелешин* С. 27).

Автор пяти поэтических сборников: кроме названного выше «Черное и голубое», «Северное сердце» (Берлин, 1931), «Стихи о Европе» (Париж, 1937), «Пять чувств» (Париж, 1938), «Роза и чума» (Париж, 1950). Писал также историческую прозу: роман из жизни Римской

империи — «XV легион» (Париж, 1937; в советском переиздании — «В дни Каракалы») и роман о взаимоотношениях Византии и Киевской Руси в X—XII вв. — «Голубь над Понтом» (Таллинн, 1938; в советском переиздании — «Когда пал Херсонес»). После поездки на Ближний Восток опубликовал книгу «Путешествие в Палестину» (София, 1937; Таллинн, 1937).

В 1946 г. принял советское гражданство. Выслан за просоветскую деятельность из Франции (1950), жил в ГДР, работал на заводе «Саксенверк» в бюро переводов. В 1955 г. вернулся в Советский Союз. Продолжал свою деятельность исторического беллетриста: романы «Анна Ярославна — королева Франции» (1961) и посмертный — «Последний путь Владимира Мономаха» (1973). Незадолго до смерти принят в Союз писателей СССР.

А. Бахрах писал, что вся благозвучность Ладинского, которой он обладал, «бледнеет перед воспоминаниями о далеком русском Севере, о Петербурге, поэтически ему несравненно более близком, чем александрийские пальмы или "черный воздух Шекспира"» (*Бахрах Александр.* По памяти, по записям: Литературные портреты, Париж: La presse libre, 1980. С. 148), ср. с дневниковой записью самого А. Ладинского от 1 апреля 1932 г.: «Странно, что Париж сделался городом, который я знаю лучше, чем Петроград, но, конечно, меньше люблю» (РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 25. Л. 26). См. также очерк Ладинского «Санкт-Петербург», в котором он пишет: «Над Невой изгибались мосты. Внизу текла мутноватая и зеленая, совсем морская вода, у гранитных набережных стояли пароходы, баржи, нагруженные дровами, которые в миллионах кубических метров пожирал этот изнеженный зябкий город, поднимались серые громады военных судов. С бастионов Петропавловской крепости глядели черные пушки. Золотился тусклый купол Исаакия. Мрачный Зимний Дворец смотрел на Неву черными зеркальными глазами. И над необычайным городским пейзажем нависало страшное северное небо, хладный и сырой ветер прилетал из Балтики и было трудно дышать трагическим воздухом Империи» (*ПН* 1928. № 2629. 3 июня. С. 4).

228. «Свинцовые пчелы...». Печ. по: *Ладинский Ант.* Северное сердце. Берлин: Парабола, 1934. С. 54—55. Первоначально: *ПН* 1932. № 3942. 7 января. С. 3, под другим названием — «Стихи о балерине», и со 2-й строфой, выпущенной в книжном издании:

> На фоне Сената,
> Морозов, дымка
> Повисла — как брата —
> Из бронзы рука.

Метафора гибнущего искусства, культуры, жизни как оледенение на морозе хрупких и неприспособленных к зимнему холоду растений (чаще всего роз) одна из наиболее распространенных у Ладинского. Ср. сходный образ театрально-балетного Петербурга, охваченного чумной зимой в его стих. «Русская сказка» (1931), вошедшего в тот же сборник (С. 50—51):

> И как в Мариинском театре —
> Средь белых деревьев зимы,
> Вдруг нежная музыка смерти
> И розовый снег... Это — мы.

Свинцовые пчелы — Ср. в его стих. «Средь приключений и романов» (Черное и голубое. С. 39):

Из недр летейского мороза,
И синевы пронзая лед,
Над сердцем, как над черной розой,
Свинцовая пчела поет.

И черною Летой - Нева — Параллель Невы и Леты — репрезентативный элемент «петербургского текста». *Феб* — второе имя Аполлона, в греческой мифологии покровителя искусств.

229. Зима. Печ. по: *РиС* 1933. 7 января. Имеет метрическую и образную связь с его стих. «Так солнце стояло над Римом» (сб. Северное сердце. С. 40—41). *Орел над аптекой - черных крыла* — см. комм. к стих. В. Горянского «Февраль семнадцатого. II». *Прекрасная дама* — Название книги стихов А. Блока. *...государственный дуб* — Образ государства, имперской мощи, ср. раскрытие этой метафоры в его стих. «Дуб» (1934) в сб. «Стихи о Европе» (С. 35):

Всех плотников, муз, адмиралов
Столетний свидетель и друг.
Подобье тишайших каналов,
Средь бури вскипающих вдруг.

Богатство метафор, сравнений:
Жестокой судьбы — с топором,
Больших корабельных строений —
С республикой, жизни — с листком.

Ты — первый в том мире зеленом
Деревьев, пространств, облаков,
Где молнии пахнут озоном
И жареным мясом орлов.

Но путаются под ногами
Печальных и важных эпох
Делишки людишек. А в храме
Звенит чепуха медяков.

Ср. еще его стих. «В дубах» (Там же. С. 42—43) — с повторением образа секиры.

230. Элегия. Печ. по: *Ладинский Ант.* Стихи о Европе. Париж, 1937. С. 11. *Я с горькой славой - Палладе посвятил* — Сравнение Петербурга с Римом эпохи упадка — достаточно общее место в текстах о развале Российской империи, см. в других стихотворениях Ладинского — в упоминавшемся выше «Так солнце стояло над Римом» или «Наш климат — музы и стихии» (*РЗ* № 1. 1937. С. 132), где соотносятся гибель Рима и революционная буря. *Паллада* (в древнегреч. мифологии Афина) — покровительница наук; речь идет об обучении в Петербургском университете.

Ламперти Ричард Иванович. Выходец из итальянской семьи, поселившейся в Петербурге. Оказавшись после революции 1917 года в эмиграции, жил в Милане. Автор двух поэтических сборников, имеющих одинаковое название — «Русская Лира» (оба изданы в Венеции, в 1948 и 1956). В предисловии Ф. Е. Кречетова (Загребина) говорилось об искренности и философской наполненности стихов Ламперти, которые «приятно удивляют своим смелым возвратом к

классицизму русского стиха: строгое соблюдение правил версификации, ясность мысли, непринужденность выражения и сжатость формы, а также богатство рифм при почти абсолютном отсутствии глагольных созвучий <...> Поэт мыслит образами: верный признак поэтического дарования» (С. 5). Печатался в *РМ-2.*

231. Заутреня в Петербурге. Печ. по: *Ламперти Р. И.* Русская лира. Венеция: Армянская типография С. Лазаро, 1948. С. 73—74. Тема «Пасха в Петербурге» широко представлена в петербургской поэзии эмиграции, см., к примеру, стихотворения «С.-Петербургская пасха» Я. Воинова, «Пасха в Петербурге» И. Северянина, «Пасхальная ночь» и «Страстная неделя» М. Струве, «Пасха в Гатчине» С. Черного, очерк «Пасха в Петрограде в 1925 году» С. Аничковой (*Воз-1* 1926. № 334. 2 мая. С. 3) и др.

232. Сон вдали от родины. Там же. С. 116—118. Большой фрагмент из этого стихотворения был напечатан в *НРС* 1954. № 15387. 13 июня. С. 8.

233. В Никольском парке. *Ламперти Р. И.* Русская лира. Венеция: Армянская типография С. Лазаро, 1948. С. 35—36.

Лахман Гизелла Сигизмундовна (урожд. Рабинерсон; 1895 — 28 октября 1969, Вашингтон). Родилась в семье киевского сахарозаводчика; кузина М. А. Алданова. Окончила в Киеве гимназию, затем Высшие женские курсы по юридическому факультету. Во время Первой мировой войны была сестрой милосердия в санитарном поезде, оборудованном на средства ее деда М. Б. Гальперина. В 1919 г. эмигрировала в Германию, в Берлине вышла замуж. В середине 20-х гг. переехала в Швейцарию. Жила в Лозанне, где познакомилась с Н. А. Рубакиным и его женой М. А. Бетман и сотрудничала в созданном ими Институте психологии библиотечного дела (ее письма Н. А. Рубакину хранятся в ОР РГБ. Ф. 358. К. 247. Ед. хр. 5). После начала Второй мировой войны бежала с двумя детьми в Америку. Муж, объявивший себя немецким патриотом, остался в Европе и впоследствии кончил жизнь самоубийством. Стихи стала писать поздно, оказавшись во второй эмиграции. В Нью-Йорке входила в группу поэтов, которой руководил Г. Голохвастов. Работала в Библиотеке Конгресса. Автор двух сборников стихов: «Пленные слова» (Нью-Йорк, 1952; в рецензии на него А. Биск, причисляя поэтессу к школе Ахматовой, писал: «Тут дело не в подражании, а в *усвоении метода*, и если Ахматова первая, то она не единственная». — *Биск А.* О стихах Гизеллы Лахман // *НРС* 1952. 28 декабря, а Д. Кленовский подчеркивал его «свободное дыхание» — *НЖ* № 32. 1953. С. 319) и «Зеркала» (Вашингтон, 1965; см. рец. на него: Р. Бруннер // *Сов* № 17/18. 1968).

См.: *Крузенштерн-Петерец Ю.* Живому другу // *НРС* 1969. № 21693. 4 ноября. С. 3; *Кучеров С.* Памяти Гизеллы Лахман // *НРС* 1969. № 21695. 6 ноября. С. 3; *Фесенко Татьяна.* Гизелла Лахман // *НРС* 1970. № 22076. 22 ноября. С. 5; *Лахман Гізела.* Вибрані поезії. Киев, 1997.

234. «Это было в сказке древней...». Печ. по: *Лахман Гизелла.* Пленные слова. Нью-Йорк, 1952. С. 62—63.

Левин Иосиф Михайлович (7 ноября 1894, Петербург — 1970-е гг., Нью-Йорк), художник и поэт. Брат эсеровского деятеля и поэта В. М. Левина (1892—1953), книгу стихов которого «Лик сокровенный» (Нью-Йорк, 1954) он издал со своим предисловием; кроме того, в его соб-

ственную, вышедшую отдельной книгой, пьесу «Моисей» (Париж, 1971) включены стихи брата. Родился в семье петербургского портного, о котором писал в одном из стихотворений: «Поджавши ноги, он как Будда, / сидел и шил на верстаке, / и было все кругом как чудо / в своей наивной простоте» (Улов. Нью-Йорк; Париж, 1966. С. 59). Получил художественное образование в Петербурге. В 1922 г. через Сибирь эмигрировал в Китай. В его очерке «Искусство на грани (Заметки художника)», опубликованном в сборнике «Печаль полей» (Сб. 1. Чита, 1922. С. 73—81), образ Медного всадника символизирует Россию: «Революция подвела искусство к новой грани, но грань превратилась в пропасть, перед которой вздыбленная Россия остановилась и замерла, превратившись в бронзового коня с медным всадником, с занесенными передними копытами в туманную беспредельность... <...> Бронзовый всадник не упадет, он будет терпеливо ждать, когда оживет его медный конь, чтобы помчать его гулким звоном туда, где ждет его "Прекрасная Дама"» (С. 75—76, 81). В конце 20-х появился в Париже, где участвовал в выставках в салоне Независимых. В конце 30-х поселился в Нью-Йорке. Печатался в *НРС*. Помимо живописи и графики, занимался иллюстрацией книг. Автор двух им же самим проиллюстрированных поэтических сборников: «Сказание о вороне» (Нью-Йорк, 1945) и «Улов». Его перу принадлежит также роман «Передел» (Париж; Нью-Йорк: Изд. «Гриф», 1967), действие которого отчасти происходит в Петербурге. Проповедовал сюрконсиансиализм — «надсознательное» искусство.

Петербургская тема проходит через его поэму о революции «Петрополь в ночь» (1964), которая открывается такой картиной:

Покрывался шкурой тигровой
Сад, пронзенный перилом в бока.
Ветки в даль лиловую
Рукавами махали, звеня.

Был знаком тот дом на Невском,
Где торчал пулемет в окне,
И стоял под железным навесом
Бронзовый царь на коне.

См. о нем: *Вл. З<еелер>*. Выставка Иосифа Левина // *РМ* 1950. № 298; *А. Ш<ик>*. По выставкам // *РМ* 1959. № 1348. 28 марта. С. 5; *Голлербах С.* На западной стороне // *НЖ* № 175. 1989. С. 152—153; *Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я.* Художники Русского Зарубежья.. 1917—1939. Биографический словарь. СПб., 1999. С. 375.

235. Петербург. Печ. по: *Левин Иосиф*. Улов: Стихи и поэмы. Нью-Йорк; Париж: Изд-во «Гриф», 1966. С. 36—37. *...где Пушкин проходил* — Ср. с фрагментом из его романа «Передел», в котором главный герой «вспомнил свои прогулки по Дворцовой набережной, вдоль гранита Невы и Зимней канавки. Он любил думать о А. С. Пушкине, представлять его, как он тут гулял, обдумывал свои стихи и поэмы, представлял его облокотившимся на каменный парапет, каким поэт был изображен в издании "А. С. Пушкин" — Брокгауз и Эфрон» (*Левин И.* Передел. Париж; Нью-Йорк: Изд-во «Гриф», 1967. С. 11).

236. «Этот стих от железа и гари...». Там же. С. 46.

Лери (наст. имя и фам. Владимир Владимирович Клопотовский; 10 марта (26 февраля) 1883 — 28 марта 1944, Рига). Как фельетонист был известен до революции, сотрудничал в «Одесском листке», «Ор-

ловском листке», «Киевских откликах», «Биржевых ведомостях». Во время Гражданской войны печатался в «Южном слове» (ред-ры И. А. Бунин и Н. П. Кондаков). В эмиграции жил первоначально в Праге (печатался в пражском «Русском деле»), затем переехал в Берлин, где стал ред.-изд. ж-ла «Театр и жизнь» (1921—23). Его стихотворные фельетоны регулярно появлялись в *Р*, «Голосе эмигранта» (1921—22; ред. Б. С. Оречкин). Автор книги «Онегин наших дней» (Берлин, 1922), в рецензии на которую Г. А<лексеев> писал: «Книжка написана бойко, остроумно и у своего читателя найдет отклик, как типичный продукт "берлинского житья"» (*НРК* 1923. № 1. С. 24). Жил в Париже, сотрудничал в *ПН*, *Воз-1*. В конце 1927 г. перебрался в Ригу, печатался в *Сег*, сотрудником которой состоял с июля 1922, см.: *Равдин Борис, Флейшман Лазарь, Абызов Юрий*. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов [В 5 т.]. Stanford, 1997 (по индексу имен). Много писал для эстрады. В. Ходасевич в письме к М. Вишняку от 27 июля 1925 г. говорил о нем, Саше Черном и Лоло: «Это Демьяны Бедные для эмигрантов».

Во время Второй мировой войны сотрудничал как автор и как редактор в фашистской печати (газеты «Правда», «За Родину», «Русский вестник», «Слово», издававшиеся в Риге и распространявшиеся на оккупированных советских территориях). См. о нем в статье корреспондента фашистской газеты, встретившего Лери в Риге; Лери сказал ему: «Когда в городе стала слышна канонада германской армии, жена меня тащила в подвал, но я не пошел туда. Наоборот, я раскрыл окно и слушал эти звуки. Это для меня была не канонада, а райская музыка...» (*Февр Николай*. По дороге «туда» // Новое слово (Берлин). 1942. № 7. 25 января. С. 3).

Биографическую справку см.: *ПН* 1935. № 5109. 20 марта, ср.: За тридцать лет. Автобиография // Для Вас (Рига). 1935. 16 апреля. С. 12; некролог: *Влад. Д<еспотули>* // Новое слово (Берлин). 1944. № 29. 9 апреля. С. 5.

237. Студент. Печ. по: Молодая Россия: Издание культ.-просвет. секции рус. студенч. Союза в Германии (Берлин). 1922. № 1. С. 18—19. Впоследствии печ. в *Воз-1* (1927. № 602. 25 января. С. 3), с разбивкой на две части и двумя новыми строфами — 1-я часть завершалась строфой — после «Он грозно требовал: «Долой!»:

Татьянин день речами пьяными
Шумел кухмистерский обед —
Он всех курсисток звал Татьянами
И пил «За университет!»

и после — «Неузнаваем стал студент» — следовало:

Науке, в красное закованной,
Сказавши временно «прости!»
Он, сорок раз мобилизованный,
Пошел по новому пути.

Кроме того, последняя строчка в строфе, начинающейся «Но — пробил час — и, жадный к знаниям», стала: «Припер в Париж, в Белград, в Берлин...», а идущие следом две строфы приобрели такой вид:

Пальто из легонькой материи,
В кармане карт д-идатитэ —
И, вдалеке от Триэсерии,
Он служит вечной красоте.

Живет, не зная спекуляции,
В науку искренно влюблен...

Кухмистерская — недорогая общественная столовая (обычно размещавшаяся при гостинице), расчитанная на небогатых посетителей — мелких чиновников, студентов и т. п.; первые кухмистерские появились в Петербурге в нач. XIX в.; делились на два вида, см.: «Кухмистерские подразделяются на две категории. Одни кухмистерские принимают заказы на обеды и ужины (свадебные, похоронные и т. п.) или в собственном помещении, или на квартире заказчика. С этой целью они имеют большое помещение и содержат штат официантов (прислуги у столов), а также имеют большую сервировку. Другие кухмистерские представляют из себя дешевые общественные столовые, где бессемейные и небогатые люди могут пообедать за тридцать — сорок копеек <...> В Петербурге есть кухмистерские "польские", "греческие" и просто кухмистерские, не имеющие специального прозвища» (*Светлов* С. 59). *Матрикул(а)* (от лат. matricula) — официальный список определенных лиц (напр., студентов в университете); зачетная книжка студента. ...*фуражки синие* — Студенты в России начиная с середины 80-х гг. XIX в. носили фуражки с синим околышем, см., напр. в «Москве и москвичах» Вл. Гиляровского: «Вступив на престол, Александр III стал заводить строгие порядки. Они коснулись и университета. <...> студентам предписано было носить новую форму: мундиры, сюртуки и пальто с гербовыми пуговицами и фуражками с синими околышами» (М.: Моск. раб., 1968. С. 253).

Лурье Вера Иосифовна (Осиповна) (21 апреля 1901, С.-Петербург — сентябрь 1998, Берлин). Родилась в семье известного петербургского врача. Училась в женской гимназии, которую не окончила из-за разразившейся революции. Член поэтической студии Н. С. Гумилева «Звучащая Раковина» при Доме искусств (посвятила несколько стихотворений живому и мертвому поэту) и один из авторов одноименного сборника стихов (Петербург, 1922). Писала, что участвовала в альманахе «Островитяне» (1921) и что сама эта группа возникла в ее петроградской квартире на Мойке. Кроме гумилевского — по стихосложению, в том же в Доме искусств посещала театральный семинар Н. Н. Евреинова, которому посвящено ее стихотворение «Христос и Арлекин». Адресат ряда поэтических посвящений К. Вагинова, к которому, в свою очередь, обращены несколько ее стихотворений, включенные в наст. изд. Приняв латвийское гражданство, эмигрировала в 1921 г. через Ригу в Берлин. Член берлинского Союза русских писателей и журналистов и возникшего 11 ноября 1922 г., в противовес берлинскому Дому искусств, Клуба писателей (просуществовал до 20 октября 1923 г., см о нем: *Бахрах А.* Берлинский Клуб писателей // *НРС* 1981. № 25607. 6 сент. С. 5). Была близка к А. Белому в его берлинский период, о чем В. Ходасевич писал в «Некрополе» (см.: *Ходасевич В. Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.: Согласие, 1997. С. 61), Н. Берберова в книге «Курсив мой» (М.: Согласие, 1996. С. 199), а сама Лурье в своих воспоминаниях, см. также ее стихотворение «27 октября» («Я буду по твоим стопам»), посвященное А. Белому. Десятки ее рецензий появились в берлинских эмигрантских изданиях: газетах «Голос России» и «Дни», *НРК* (в том числе и очерки о петроградской литературе, см., к примеру: «Петроградское» (Дни. 1923. № 232. С. 12), где она пишет о Н. Тихонове и К. Вагинове). Печаталась в берлинских коллективных изданиях: альманахе «Стру-

ги» (1923) и сборнике стихов «Невод» (1933). В Берлине поддерживала приятельские отношения с И. Г. Эренбургом и его женой Л. М. Козинцевой. В 1938 г. была арестована нацистами, но вскоре освобождена (в немецких лагерях погибли ее мать и друг А. Позняков, которому посвящены многие стихи Лурье, написанные во второй половине 30-х гг.). В 80-е гг. стала писать стихи по-немецки.

См. вступительную статью Томаса Р. Бейера к кн.: *Лурье Вера.* Стихотворения. Berlin: Berlin Verlag, 1987; Из воспоминаний Веры Иосифовны Лурье // Континент. 62. 1990. С. 239—248; *Иванникова Н. М.* В. И. Лурье. Воспоминания о Н. Гумилеве // De visu. № 6. 1993. С. 5—14; Dictionary of Russian Women Writers (Edited by Marina Ledkovsky, Charlotte Rosenthal, Mary Zirin). Westport, Conn; London: Greenwood Press, 1994. P. 392—394; *Bohmig M.* Вера Лурье: поэтесса и очевидица нашего века // Europa Orientalis. 1995. Vol. XIV. № 2; *Штейн Эммануил.* Евреи в поэзии русского зарубежья // Побережье (Philadelphia). № 5. 1996. С. 280—284; Сто одна поэтесса Серебряного века: Антология. СПб.: ДЕАН, 2000. С. 132.

238. На Неве. Печ. по кн.: *Лурье Вера.* Стихотворения (Edited and with an introduction by Thomas R. Beyer, Jr.). Berlin: Berlin Verlag, 1987. С. 41.

239. «Прислонилась, холодный гранит...». Там же. С. 42.

240. На пароходе. Там же. С. 42—43. *Бриндизи* — город и порт в южной Италии на берегу Адриатического моря.

241. В Эрмитаже. Там же. С. 45. *Боттичелли Сандро* (наст. имя: Алессандро Филипепи; 1445—1510), итальянский живописец; *Леонардо да Винчи* 1452—1519), итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер. *Севастьяна без муки лицо* — Картина Тициана (1476/77 или 1489/90—1576) «Мучения святого Себастьяна», в 1850 г. приобретенная Эрмитажем.

242. «Я сегодня пошла на Неву...». Там же. С. 46.

243. Осень. Там же. С. 54. *Потом, прищурив глаз - медленно на стол* — Ср. в ее воспоминаниях: «Из глубины памяти вновь возникают перед глазами картины прошлого. Мы сидим за длинным столом. Морозная зима. Открывается дверь, и закутанный в шубу, в меховой шапке, входит Гумилев. Медленно снимает сначала шубу, потом шапку, садится на свое председательское место, достает черепаховый портсигар, закуривает — и занятия начинаются» (Из воспоминаний Веры Иосифовны Лурье. С. 240—241).

244. Эшелон. Там же. С. 60. *Вагинов Константин Константинович* (1899—1934), поэт, близкий друг В. Лурье по Петрограду. *Далеким стал прощальный вечер - последний взгляд* — Ср. в ее воспоминаниях: «В памяти возникает облик Кости в длинной, переделанной шинели его отца. Он стоит во дворе нашего дома и машет мне на прощание рукой. Мы уезжаем насовсем. Костю я больше не видела» (Из воспоминаний Веры Иосифовны Лурье. С. 241).

245. «Снег упал мне в душу белый...». Там же. С. 61. *...Длинная твоя шинель* — См. предыдущий комм.

246. Рождество. Там же. С. 65.

247. Прошлое. Там же. С. 67. *Мостовые в траве зеленой* — Тот же мотив в ее стих. «Петроград»: «А весною панели травой прорастали / Запустением, древностью пахла трава».

248. В воскресенье. Там же. С. 70. Впервые: Голос России. 1922. № 959. 7 мая. С. 6. Вошло в *Мы жили* Т. 2 С. 331.

249. В Вербный понедельник. Там же. С. 79.

250. «Третий класс! Рабочий в потной блузе...». Там же. С. 88—89. Печ. в: *РМ-2* 1957. № 1126. 26 октября. С. 7.

251. В церкви. Там же. С. 112. *Ремизова-Довгелло Серафима Павловна* (1875—1943), палеограф; жена А. М. Ремизова.

252. «Улыбка вежлива, спокойный вид...». Там же. С. 139.

253. На чужбине. Там же. С. 149. Печ. в «Наш век» (1932. № 25. 1 мая). Вошло в *ВРС* С. 298.

254. Я ли это! Там же. С. 150. *Гала-Петер* — сорт шоколада, ср. в стихотворении К. Вагинова «Петербургский звездочет» о его рекламе: «Шумит и воет в ветре Гала-Петер» или у другого петербуржца, ставшего эмигрантом: «Мне нравится неумолимый ветер / И английский прессованный табак / И шоколад молочный Гала-Петер; / В особенности же люблю собак» (*Гингер Александр*. Преданность. Париж, 1925. С. 11). «*Жителей Американских*» — Так называлась игрушка с фигурками чертей внутри наполненных жидкостью стеклянных трубочек, см. об этом в целом ряде воспоминаний петербуржцев: «Вербный торг помню еще у Гостиного двора (на Конногвардейском бульваре он был позже).

Среди невообразимой толкотни и выкриков продавали пучки верб и вербных херувимов (их круглое восковое личико с ротиком бантиком было наклеено на золотую или зеленую бумажку, вырезанную в виде крылышек), продавали веселых американских жителей, прыгающих в стеклянной трубочке, и неизбежные воздушные шары, и живых птичек (любители тут же отпускали на волю и птичек, и шары)...» (*Добужинский* С. 20); В. Набоков в «Других берегах» вспоминал «пеструю от конфетти слякоть Конно-Гвардейского Бульвара на Вербной неделе, писк, хлопанье, американских жителей, поднимающихся и опускающихся в сиреневом спирту в стеклянных трубках, вроде как лифты в прозрачных, насквозь освещенных небоскребах Нью-Йорка» (*Набоков В. В.* Русский период. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 292); ср. его разъяснения для иноязычного читателя в «Память, говори»: «картезианских чертиков, называемых "американскими жителями", — крохотных бесенят из стекла, поднимающихся и опускающихся в стеклянных трубках, наполненных розоватым или сиреневым спиртом, вроде как настоящие американцы (хоть эпитет означал всего лишь "иноземные") в лифтовых шахтах прозрачных небоскребов, когда гаснут в зеленеющем небе огни контор» (*Набоков В. В.* Американский период. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. СПб.: Симпозиум, 1999. С. 521); см. отражение этих детских воспоминаний в его стих. «Верба» и романе «Бледный огонь»; «Сколько было традиционной прелести в пучках верб с восковыми ангелочками, в танцующих в пузырьках "американских жителях"...» (*Оболенский* С. 12); «Весной строились вербные торговые ряды на Конюшенной <...> наискосок Казанского собора. Здесь среди сладостей на лотках царила халва и рахат-лукум. Разносчики бойко торговали разноцветными "обезьянками", "тещиным языком" и "американскими жителями" — морскими водолазами в стеклянных колбах, в корзинах пучки вербы с серебристо-белыми "котиками"» (*Стоскус* С. 6); «"Амер-р-р-иканские жители!" — Так кричал курносый мальчуган в бабьей кофте. В зажатом кулаке он держал что-то вроде термометра, в котором ныряло в фиолетовой жидкости какое-то черненькое существо» (*Зайцева С.* Детскими глазами на мир. Повесть из жизни Петербургской девочки. Харбин, 1939. С. 65); ср. упоминание той же

игрушки на вербных гуляниях в Москве — в воспоминаниях М. Цветаевой «Черт».

255. Петроград. Там же. С. 157. Вошло в *Мы жили* Т. 2 С. 333.

256. «Павловск, дача, вокзала платформа...». Там же. С. 183.

257. Под звуки нежные гитары. Там же. С. 185. *Матлот* — от фр. matelot (матрос) — голландский матросский танец.

258. «Все тот же ветер мне и напомнит пусть...». Печ. по: Невод. Берлин: Слово, 1933. С. 35. Вошло в *ВРС* С. 297—298.

Виктор Мамченко (1901, Николаев — декабрь 1982, Шелль, под Парижем). В эмиграции жил первоначально в Тунисе, работал на физически тяжелых работах — грузчиком, маляром. В 1923 г. переехал в Париж, где некоторое время учился на филологическом факультете Сорбонны. Был завсегдатаем литературно-философских собраний «Зеленая лампа» (1927—39) у Д. Мережковского и З. Гиппиус, которая называла его своим «другом № 1». Среди молодого поколения эмиграции считался одним из самых трудных для понимания поэтов, но одним из самых интересных, и волнующих. З. Гиппиус, посвятившая Мамченко четверостишие с «говорящим» названием «Ясность», в сочувственной рецензии на сборник «Тяжелые птицы» (Париж, 1936) писала: «Мамченко говорит о своем Непонятном — непонятно. Но оно "с большой буквы"...» (*СЗ* № 61. 1936. С. 467). Г. Адамович, определяя его как «поэта темного, странного, но из тех, чье косноязычье хочется назвать "высоким" <...>» (*СЗ* № 38. 1929. С. 523), в рецензии на тот же сборник отмечал: «Книга может взволновать, но книгу эту невозможно вполне понять, она похожа на какое-то трагическое мычание, и если гумилевское определение поэзии как "высокого косноязычья" хотелось бы к кому-нибудь отнести, то для стихов Мамченко оно, как будто, и создано. В тысячу раз предпочтительнее, конечно же, такая поэзия всякого рода элегантным мадригалам на мистические темы, но как все-таки хочется взять поэта за плечи, встряхнуть, расшевелить, спросить: о чем? о ком? куда? для чего? что?.. дело безнадежное, впрочем: он не ответит, он сам ничего не знает, кроме того, что написал» (*Адамович Георгий*. Стихи // *ПН* 1936. № 5439. 13 февраля. С. 3); ср. у него в другом месте, по поводу стихов в *РЗ*: «У Мамченко невнятица постоянна. Но есть в его диких, вольных строчках истинное напряжение, примиряющее с поэтом и заставляющее жалеть, что он, как сказал о себе Маяковский, "обречен на мычание". Думаю, что "муки творчества" для него не избитое выражение, а нечто реальное и близко знакомое. Не всякому дано, над чем и мучиться» (*ПН* 1937. № 6109. 16 декабря. С. 3); ср. в унисон этому звучащую рец. К. Мочульского на «Тяжелые птицы»: «Мамченко ворочает огромными глыбами с напряжением всех сил, изнемогая и отчаиваясь. Его стихи не "сделаны", потому что они "делаются" на наших глазах. Нет в них ничего законченного, достигнутого, остановившегося. Все в движении, в стремлении, в мучительном усилии» (Круг: Альманах. 1. Парабола, 1936. С. 179). Стихи были включены в *Я* С. 123—124.

После войны издал в Париже 6 сборников стихов: «Звезды в аду» (1946), «В потоке света» (1949), «Земля и лира» (1951), «Певчий час» (1957), «Воспитание сердца» (1964), «Сон в холодном доме» (1975). Как бы отвечая на задаваемые Адамовичем вопросы, о чем стихи Мамченко, Н. Оцуп писал в связи со сборником «В потоке света»: «К стихам В. Мамченко уже давно читатель ответственный перестал от-

носиться как к замысловатому ребусу: их стиль, чем дальше, тем очевиднее подтверждал, что автор владеет всеми средствами современной поэтической техники, но отказывается сознательно от готовых приемов и, что важнее всего, пытается запечатлеть свое непрерывное усилие изменить что-то в себе и в окружающих. <...> "Высокое косноязычье" поэта требует от читателя все меньше усилий, потому что светлеет глубина его лирики, яснее и проще она "в потоке света". Но приближаясь к законам обычной логики языка, Мамченко не уступает своих трудных особенностей, продолжает вести читателя к тому, к чему этого рода искусство не можт не вести: к сотрудничеству, к ответственному напряжению духовных сил» (*Нов* № 42—44. 1950. С. 222). Необычность и особую прелесть его поэзии, напоминающей «марсианина, недавно лишь выучившегося говорить по-русски», в отклике на «Певчий час» подчеркивал В. Марков (*Оп* № 9. 1958. С. 99). «Настоящее поэтическое волнение», которое живет в стихах Мамченко, «несмотря на отсутствие мастерства, на многословие, на неудачи», отмечал, рецензируя «Зведы в аду», М. Слоним (*Нов* № 29—30. 1946. С. 92), ср. в рец. А. Бахраха на тот же сборник: «От стихов остается солоновато-горький привкус, но вопреки этому, мерцание "звезд" продолжает к себе влечь. За тяжеловесной, подчас даже неуклюжей словесной скорлупой, среди косноязычного "безумия" (без примеси которого едва ли существует поэзия) ощущается присутствие подлинного "ядра", которое непременно хочется разгрызть» (Орион: Лит. альманах. Париж, 1947. С. 150). У Мамченко, писал П. Ставров, «нарочитая туманность образов, полных смутных эмоциональных намеков служит выражением внутреннего духовного напряжения и стремления выразить то, "чего словами выразить нельзя"» (*НРС* 1951. № 14332. 22 июня. С. 8). О двух последних книгах стихов см.: *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924—1974): Эссе, воспоминаия, статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 252—258.

См.: Письма З. Гиппиус к В. Мамченко 1936—44 гг. в кн.: *Pachmuss Temira.* Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippius. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. P. 448—460; *Померанцев Кирилл.* Сквозь смерть: Воспоминания / Вступ. ст. Бориса Филиппова. London, 1986. С. 61—67.

259. «Какой проспект? Иль это Невский...». Печ. по: *Мамченко Виктор.* Воспитание сердца. Париж, 1964. С. 5—6. Частично приведено в кн. Ю. Терапиано «Литературная жизнь русского Парижа за полвека...» (С. 253); вошло в *ВРС* С. 316. Тема Достоевского, неотделимая от «петербургского» текста русской культуры, разрабатывалась в ряде произведений эмигрантских авторов, в том числе поэтических, см., к примеру, одноименные стих-ния «Достоевский» В. Третьякова (сб. Солнцерой. Берлин, 1930. С. 50—51; датировано 1921) и В. Набокова из его сб-ка «Горний путь» (1923), стих. «Буря мглою» Н. Оцупа, написанное после войны и вошедшее в антологию эмигрантской поэзии «Эстафета» (1948), сонет «Памяти Достоевского» И. Умова (сб. Незримый гость. Соутбюри, 1949. С. 65), «Все представляю в блаженном тумане я» (1953) Г. Иванова, «Парафраза» и «Кричу я, ускоряя шаг» Ю. Трубецкого (сб. Двойник. Париж, 1954. С. 28—29, 30), «Предсмертный диалог» (1983) Н. Берберовой, см. также включенные в наст. изд. стих. Н. Петереца и Н. Щеголева.

Марков Владимир Федорович (24 февраля 1920, Петроград). Родился в семье проф. Ф. А. Маркова (1895—1937), директора Гидрологического ин-та. Детство и юность провел в Ленинграде. Война забросила в Германию. В США с 1949 г. Сперва собирал лимоны на плантациях, сейчас профессор русской литературы Славянской кафедры Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе. Работает, главным образом, в области истории русского футуризма.

В биографической справке сообщается: «Книги: "Стихи" (Регенсбург, 1947 <этот сборник высоко оценила Н. Берберова: "Как награда за чтение стихов тусклых, слабых, а иногда и просто безграмотных, напыщенных и претенциозных, пришел из Франкфурта маленький белый сборник нового эмигранта Владимира Маркова. Молодость сквозит в каждой строке, искренность, вкус, талант..." *РМ-2* 1949. № 147. 22 июня. С. 3>), "Гурилевские романсы" (Париж, Рифма 1960 <впервые: *НЖ* № 25. 1951. С. 88—120; современное переиздание: СПб.: Изд-во журнала "Звезда", 2000>) <помимо двух этих, издал в 1983 г. в Мюнхене сборник «Поэзия "одной строки"»>; "The Longer Poems by Velimir Khlebnikov" (Berkeley, University of California Press, 1962).

Поэма без названия напечатана в "Опытах" (1955. № 4. С. 6—20).

Редактор-составитель сборника "Приглушенные голоса" (Нью-Йорк, Изд-во имени Чехова, 1952).

Автор многочисленных литературно-критических статей на русском и английском языках, из которых назовем следущие: "О Хлебникове" (Грани. 1954. № 22); "Мысли о русском футуризме" (Новый Журнал. 1954. № 38); "Легенда о Есенине" (Грани. 1955. № 25); "Et ego in Arcadia" (Новый Журнал. 1955. № 42); "Моцарт" (Новый Журнал. 1955. № 42), "Моцарт" (Новый Журнал. 1956. № 44); "Стихи русских прозаиков" (Воздушные Пути. 1960. Т. I); "О свободе в поэзии" (Там же. 1963. Т. II), "Одностроки" (Там же. 1963. Т. III); "An Unnoticed Aspect of Pasternak's Translation" (Slavic Review. Vol. XX. № 3).

Также занимался переводами американских и европейских поэтов и прозаиков на русский язык» (*Сод* С. 532).

См. современные издания и переиздания книг Маркова в России: О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994; Centifolia russica: Упражнение в отборе. СПб.: Алетейя, 1997; История русского футуризма / Пер. с англ. В. Кучерявкина и Б. Останина. СПб.: Алетейя, 2000. См. также публикацию архивных материалов: письма к нему А. Ремизова (Wiener Slavistischer Almanach. 10. 1982), переписка с М. Вишняком, письма Г. Иванова, Одоевцевой, Г. Струве, Ю. Терапиано, Д. Кленовского (полную библиографию см.: *Диаспора* Т. 2. С. 586).

См.: Культура русского модернизма: Статьи, эссе и публикации. В приношение Владимиру Федоровичу Маркову / Под ред. Р. Вроона и Дж. Малмстада. М.: Наука, 1993.

«Гурилевские романсы», откуда взят отрывок для наст. издания, были высоко оценены эмигрантской критикой, в частности, Ю. И<васк> задавался в рецензии вопросом, не означают ли они «*начало* чего-то нового, хотя тематически вся поэма и обращена к прошлому...» (*Оп* № 9. 1958. С. 116), см. также рец. А. Неймирока в *Гр* № 45. 1960. С. 224—225.

260. Гурилевские романсы. <Фрагмент из поэмы>. Печ. по: *Марков Владимир.* Гурилевские романсы. Париж: Рифма, 1960. С. 18—19. Этот фрагмент включен в более пространный отрывок из помы в *НЗ.* С. 358. *Кондратий Федорович Рылеев* (1795—1826), поэт-декабрист;

Михаил Андреевич Милорадович (1771—1825), генерал от инфантерии, с 1818 г. военный губернатор Петербурга; был смертельно ранен на Сенатской площади декабристом *Петром Григорьевичем Каховским* (1797—1826) — отсюда: «Никому не нужный выстрел».

Масаинов Алексей Алексеевич (1889—1968). Учился вместе с будущим большевистским комиссаром и дипломатом Ф. Ф. Раскольниковым, который был, как пишет сам Масаинов, первым критиком его стихов (*Масаинов Алексей.* Маяковский — поэт и человек // *НРС* 1930. № 6496. 9 ноября. С. 10). До революции известный журналист, сотрудник газеты «Речь», «Биржевых ведомостей», «Русского слова» и ряда других петербургских периодических изданий. Сын богатого ярославского купца, он много путешествовал, что отразилось в его стихах и очерках. Публиковал острые репортажи с места событий (об одном из них — полете на аэроплане в дни авиационного праздника на Комендантском аэродроме в С.-Петербурге 5 октября 1910 г., который мог закончиться для него и летчика трагически, рассказано в его очерке «Из Петербурга в Кронштадт на аэроплане», опубликованном в сб-ке «В мире новых ощущений»: Рассказы. Санкт-Петербург, 1911. С. 109—122; перепеч. в эмиграции: *НРС* 1930. № 6461. 5 октября. С. 2—3; *Р* 1930. № 3014. 24 октября. С. 4).

Стихи стал писать в 1906 г. После публикации в альманахе «Ручьи» (СПб., 1910) писал В. Брюсову: «Перспектива увенчать русский Парнас еще одним Афанасьевым или Ратгаузом мне в высшей степени не улыбается <...> Я признаю только брандовский девиз: "Все или ничего!"» (ОР РГБ. Ф. 386. К. 94. Ед. хр. 20. Л. 1). В том же духе тогда же писал Блоку (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. М.: Наука, 1981. С. 316). После опыта романа в стихах («Наталья Львовна» // Шиповник. 1911. № 7. С. 8—9) примкнул к северянинскому кругу (см. его стихи в альманахе «Очарованный странник», 1915). Упоминание о нем см.: *Марков В. Ф.* История русского футуризма. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2000. С. 86, 89. Совместно с И. Северяниным выпустил альманахи, или «парные сборники»: Мимозы льна: Поэзо-альманах 2-х: (Игорь Северянин. Амфора эстляндская. — Ал. Масаинов. Новые поэзы). (Пг., 1916), Острова очарований: Альманах 2-х: (И. Северянин. Поврага. — Койт и Эмерик. — Ал. Масаинов. Колдовство) (Пг., 1917), о последнем М. Калмыкова писала, что «Игорь Северянин в "Островах очарований" неузнаваем. Его симбиоз с Алексеем Масаиновым непонятен (*Калмыкова Мария.* Лорнет // Пьяные вишни. 2-е изд. Севастополь, 1920. С. 16). Потерявший его из виду после революции И. Северянин вспоминал о его «искристых стихах», которые подвергались упрекам в подражании Северянину, но «у Масаинова его "подвлиянная" поэзия вышла безукоризненной», и о его лекции «Поэты и толпа», производившей фурор, и о его стихотворении «Франческа», при чтении которого залы гремели восторгом (*Северянин И.* Осиянный (О творчестве Алексея Масаинова) // Время (Берлин). 1924. № 306. 2 июня. С. 2).

Позднее, в сборнике «Отходящие корабли: Поэзы» (Париж, 1925), изложил свое поэтическое кредо, о котором Е. А. Зноско-Боровский писал: «Если вообще опасно поэту высказываться о других поэтах, то совершенно нетерпим тот тон, насмешливый и ругательный, в котором автор разделывается с не понравившимися ему авторами, хотя бы они принадлежали к лучшим русским писателям. Не в том беда, что Масаинов не любит Андрея Белого, Валерия Брюсова, Игоря Северянина, М. Кузмина, В. Маяковского, С. Есенина, футуристов и акмеи-

стов, предпочитая им К. Бальмонта, Александра Блока, З. Гиппиус, Анну Ахматову; о вкусах не спорят, и вкус г. Масаинова, в конце концов, не так уж плох. Беда в том, что он выражает свою неприязнь словами непозволительными, того же рода, за которые он сам позднее осуждает футуристов. Белого, например, он называет "чучелом гороховым, машущим по ветру рукавами", Ремизов для него "классический растлитель русского языка", Вячеслав Иванов — не более, как "божья коровка, воображающая, что она оргиастична" <...> В одной строчке Есенина больше поэзии, чем во всей книге Масаинова...» (*Зноско-Боровский Евг.* А. Парижские поэты // *ВР* 1926. № 1. С. 156). К. Мочульский замечал по поводу этой книги: «И все же, критик может не одобрять автора в роли Исайи, но признавать несомненное достоинство его стихов. В них его старомодная "поэтичность", пристрастие к шаблонам красивости, неразборчивость в средствах. Едва ли во всем сборнике отыщется одно вполне хорошее стихотворение — но все, даже самые по-бальмонтовски напевные, проникнуты лирическим волнением. И пышные, ненужные слова, и вычурно-томные ритмы, и возвышенно-прекрасные образы (лебеди, жемчуга, зори и цветы) не заглушают их подлинной ясности» (*Мочульский К.* Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999. С. 366). На острове Таити написал поэму «Лик зверя», изданную в Париже в 1924 г., — воспоминания о мировой войне (см. отклики: *Мочульский К.* Цит. соч. С. 357—358; А. Мерич (А. Даманская), которая писала: «Уже первые строки поэмы "Лик зверя" А. Масаинова, заглушая естественный скепсис, с каким читатель раскрывает книжку неведомого автора, приваивают к себе его внимание, которое растет, напрягается с каждой страницей и завершается на последней строфе нотой скорбного и страстного сочувствия», *ПН* 1924. № 1349. 18 сентября. С. 3).

В 1926—27 гг. издал два тома своего Собрания сочинений (Париж; Нью-Йорк: Кн. изд-во Крылатых): Т. 1. Легенды Океании. Собранные в Полинезии в 1924—25 гг. (см. рец. А. Мерич в *Р* 1927. № 1930. 5 апреля. С. 4), Т. 2. Легенды острова Мангарева. Собранные в Полинезии в 1926—27 гг.

Жил на острове Таити, впоследствии переехал в США, недолгое время пробыл в Сан-Франциско, где состоял членом лит.-худож. кружка, собиравшегося на квартире Е. П. Грот (известно, что он сделал доклад на заседании кружка о современных течениях в русской поэзии; его стихи вошли в подготовленный кружком коллективный сборник «Дымный след», Сан-Франциско, 1925), затем переехал в Голливуд. Сотрудничал в парижской газете «Общее дело», в *Р*, *ПН*, *Сег*, см., к примеру, «Столица Синема» (*Сег* 1925. № 120. 31 мая. С. 11), «Киностудия в Холливуде» (*Сег* 1925. № 130. 14 июня. С. 6), «На Таити» (*Р* 1929. № 2671. 8 сентября. С. 8), «Острова Помоту» (*Р* 1929. № 2764. 29 декабря. С. 6). Писал рассказы: «Побег» (*ПН* 1921. № 486. 16 ноября. С. 2), «Приключение мосье Кулона» (*Р* 1929. № 2713. 27 октября. С. 7—8). Его нелестные воспоминания о Маяковском («Маяковский — поэт и человек») печатались в *НРС* (1930. № 6468. 12 октября — № 6496. 9 ноября).

Стихи на петербургскую тему начал писать до революции, см. его стихотворение «Колокола» («Колокола Казанского Собора») в упоминавшемся альманахе «Мимозы льна» (С. 56).

261. Петербург. Печ. по: *Сег* 1926. № 47. 28 февраля. С. 2.

Миронов Михаэль Миронович (настоящая фамилия Цвик; 1895—1941?) — поэт, прозаик, драматург. Эмигрировал в Ригу, где выпустил единственный сборник стихов «Слова на палитре» (1922; на обложке — 1923). См. справку о нем: «В конце 1920-начале 1930-х гг. жил в Берлине, издавая там свои детективные романы. К 1937 году выпустил свыше 30 романов на немецком, русском и латышском языках. Последние годы жил в Лиепае, часто печатался в "Сегодня". Погиб во время немецкой оккупации» (*Равдин Борис, Флейшман Лазарь, Абызов Юрий.* Русская печать в Риге. Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Книга V. Близость катастрофы. Stanford, 1997. С. 242).

262. Стихи из стонов (Посвящается красному Петрограду). *Сег* 1919. № 6. 20 сентября. С. 2.

<1> Начало или конец? Под названием «Петроград» вошло в его сб. «Слова на палитре» (С. 6).

<2> Проститутка.

<3> В последний раз.

<4> Частушки.

<5> Казнь.

<6> Утро.

263.

I. «Опять петроградские сны!». Печ. по: «Слова на палитре» (С. 7).

II. «Аничкин мост, как горб изогнут». Там же.

264. В Летнем Саду. Там же. С. 8.

265. «Однажды в бесшумную белую ночь...». Там же. С. 11.

266. В хвосте. Рижский курьер. 1920. № 2. 29 декабря. С. 2.

Надеждин Михаил Иосифович (наст. фам. Демушкин, 21 ноября (декабря) 1902, Владикавказ — 8 ноября 1961, Сан-Франциско). Из семьи терских казаков. Учился во владикавказском кадетском корпусе. Из-за тифа не сумел эвакуироваться с Добровольческой армиией и попал в плен к большевикам. В 1928 г. был сослан на Соловки, затем на Урал, освобожден в 1936, но в 1937 вновь арестован. Работал перед войной в Ставрополе. После немецкой оккупации СССР через Польшу и Чехословакию перебрался в Германию. В 1950 г. эмигрировал в США. Сотрудничал в газете «Русская Жизнь» под псевдонимом «Надеждин».

Автор сборника стихов «Через страдания к звездам», изданного посмертно его друзьями И. и А. Катэл — в двух вариантах (Сан-Франциско, 1963 — на обложке 1961), и «Лесных сказок».

267. У разбитой урны. Печ. по: *Надеждин Михаил*. Через страдания к звездам. С. 29—31. *Дней Александра - пора* — Аллюзия на «Дней Александровых прекрасное начало» из «Послания цензору» Пушкина. *И комната в дворце янтарная* — Комната из янтаря, подаренная Петру I прусским королем Фридрихом Вильгельмом I; собрана в 1746, уже после его смерти, по указу императрицы Елизаветы Петровны, обер-архитектором Б. Ф. Растрелли (сыном Б. К. Растрелли) и перенесена в Большой дворец Царского Села; демонтирована немцами во время оккупации и отправлена в Кеннигсберг; вместе с отступавшими в конце войны немцами янтарная комната вывезена в неизвестном направлении. *Бедекер Карл* (1801—59) — немецкий издатель; в 1827 г. основал в Кобленце издательскую фирму, печатавшую путеводители по раличным странам (их издание продолжается по сегод-

няшний день). *Борей* — в греч. мифологии бог северного ветра. *Как дева - Цезаря Кюи* — Имеется в виду скульптура «Молочница» в Царскосельском парке, см. комм. к стих. Д. Кленовского «Пирог с грибами стынет на столе»; *Кюи Цезарь Антонович* (1835—1918), композитор и муз. критик, участник «Могучей кучки», автор романса «Царскосельская статуя» (на сл. Пушкина).

Несмелов Арсений (наст. фам. Митропольский Арсений Иванович; пользовался псевдонимами: Тетя Розга, Анастигмат, Н. Рахманов, Мпольский, Н. Арсеньев, Сотник Ермилов, Н. Дозоров; 8 (20) июня 1889?, Москва — 1945, Гродеково под Владивостоком). Отец — врач и литератор И. А. Митропольский, брат — писатель и журналист И. И. Митропольский (1872 — после 1917). В автобиографической справке писал: «Родился в Москве; в Москве и начал писать <учился во II-ом московском, затем в нижегородском Аракчеевском кадетских корпусах, в Психоневрологическом институте, который не окончил>. Два раза уезжал из Москвы, и оба раза — воевать. Уехав в 1918-м году в Омск, назад не вернулся, а вместе с армией Колчака оказался во Владивостоке, где и издал первую книгу стихов (стихи — 1922, затем в том же году — поэма "Тихвин", и в 1924 — книжка стихов "Уступы"). До этого, еще в Москве, издал маленькую книжечку рассказов — военных ("Военные странички: стихи и рассказы" — 1914 <М., 1915>). Печататься начал в "Ниве", в 1912—13-м годах, кажется. Поручик, с австрогерманцами воевал в рядах 11-го гренадерского Фанагорийского полка. Пятнадцать лет живу в Харбине; пишу стихи, рассказы. Еще кое-как существую. Летом, впрочем, славно. Имею "движимое имущество" — лодку "Удача", в которой с другом К. Г. (опускаю полное имя К. Г.) уплываю далеко от города. Надеюсь, что этого довольно. Арсений Несмелов» (цит. по кн.: *Несмелов А.* Избранная проза. Орэндж: Антиквариат, 1987. С. 6).

В 1917 г. находился под следствием как секретный сотрудник охранного отделения. Участник Белого движения, воевал в армии Колчака в Сибири и на Дальнем Востоке. Был адъютантом коменданта Омска подполковника Катаева. После Гражданской войны жил во Владивостоке, столице Дальневосточной республики, где поддерживал отношения с Н. Асеевым, С. Третьяковым, Н. Чужаком, В. Мартом (Матвеевым); его первые стихи носят футуристический отпечаток. Печатался под псевдонимом Несмелов (фамилия погибшего соратника по Белой гвардии). Редактировал японскую газету на русском языке «Владиво-Ниппо».

Ряд критиков видели в его стихах северянинское влияние. Т. Ц<емах> в рец. на его кн. «Стихи и повесть в стихах Тихвин» (Владивосток, 1922) писала: «Арсений Несмелов несомненно питает пристрастие к Игорю Северянину. Его стихи пестрят словами: "смехозыбь", "железонедр", "струнодни", — а в одном стихотворении читаем:

Завтра в капелле замковой,
Где гнусавит капуцин,
Прикоснетесь к устам его
Голубой гиацинт!
И душистыми юбками
Вы овеете гроб,
Приласкаете губками
Скрытый в локонах лоб.

Писать плохие стихи под Игоря Северянина занятие скучное и вредное. Такой "эстетизм" изжит настолько, что возврат к нему является несомненным доказательством плохого вкуса» (*НРК* 1923. № 3—4. С. 18), о «безвкусной смеси Северянина и Маяковского» в ранних стихах Несмелова пишет также Г. Струве (Русская литература в изгнании. Изд. 3-е, испр. и доп. Париж; М., 1996. С. 124). Впоследствии Н. Андреев отмечал его общие черты с ранним Н. Тихоновым (*Гр* № 33. 1957. С. 170—171).

В июле 1924 г. перешел советско-китайскую границу и поселился в Харбине. Регулярно печатался в харбинской периодике: *Руб*, газете «Рупор», литературно-художественном ежемесячнике «Окно» (ред. С. Алымов и проф. Н. В. Устрялов; вышло всего два выпуска — в ноябре и декабре 1920 г.), журналах «Русское обозрение» (первый ред. В. В. Носач-Носков; затем — Г. К. Гинс; вышло 6 номеров), «Фиал» (ред. А. Вер; вышел 1 номер), «Сунгарийские вечера», и в периодических изданиях европейского и американского рассеянья — *СЗ*, *ВР*, журналах «Вольная Сибирь» (Прага), «Москва» (Чикаго), его стихи включены в *Я* и альманах «Ковчег» (Нью-Йорк, 1942).

За годы эмиграции издал 8 сборников: «Кровавый отблеск» (Харбин, 1928), «Без России» (Харбин, 1931), поэму «Через океан» (Шанхай, 1934), «Только такие» Харбин, 1936; под псевд. Н. Дозоров), поэму «Георгий Семена» (Берн, 1936; под тем же псевд.), «Полустанок» (Харбин, 1938), поэму «Протопопица» (Харбин, 1939) — о жене протопопа Аввакума, «Белая флотилия» (Харбин, 1942); все поэтические сборники воспроизведены в репринтном издании «Без России». Т. 1 (Оранж, 1990).

Как отмечал Г. Адамович, в Европе Несмелов был одним из самых известных дальневосточных поэтов (*ПН* 1939. 23 февраля), о том же писал Н. Андреев, бывший до войны участником пражского литературного кружка «Скит»: «Мы всегда мало знали "дальневосточников". Но имя Арсения Несмелова произносилось с признанием в "Ските", и А. Л. Бем подчеркивал как добродетель наличие у него "чувства историчности", а вообще он рисовался нам как "неоакмеист"» (*Гр* № 119. 1981. С. 257—258). Высоко оценил его — в особенности на фоне парижских поэтов — М. Слоним, писавший: «Они <стихи Несмелова> неровны, зачастую их романтическая резкость переходит в грубость, но есть в них что-то очень настоящее, этим стихам веришь, потому что даны в них, хотя далеко не всегда удачно и искусно, переживания не выдуманные, а подлинно жизненные» (*ВР* 1930. № 4. С. 368). Сами харбинские коллеги, среди которых, говоря стихом В. Перелешина, Несмелов «пылко был любим» («Поэма без предмета»), считали, что он держит первенство также и среди поэтов европейского рассеянья: «Мы затрудняемся назвать кого-либо из "молодых" поэтов западного зарубежья, — писал М. Щ<ербаков> в рецензии на несмеловский сборник "Кровавый отблеск", — которого можно было бы сравнить с Арсением Несмеловым по сжатой экспрессии и силе» (Понедельник [Шанхай]. 1930. № 1).

Переписывался с жившей в Праге Цветаевой.

Писал также прозу: очерки, фельетоны, рассказы (см.: Рассказы о войне. Шанхай, 1936); роман «Продавцы строк» из жизни русской эмиграции остался неокончен.

Депортирован в СССР, скончался в тюрьме.

См.: *Перелешин В.* Арсений Несмелов. К двадцать пятой годовщине поэта // *НРС* 1970. 12 июля. С. 5; *Его же.* Несмеловские посвящения // *НРС* 1973. 11 декабря. С. 4; *Перелешин* С. 56—59; *Витковский Е.*

«На сопках Маньчжурии» // Несмелов А. И. Без Москвы, без Росии... М.: Моск. раб., 1990. С. 3—22; Иванов Ю. Близость к человеку: Художественная проза Арсения Несмелова // Дальний Восток. 1992. № 1; Неизвестный Несмелов: Воспоминания, письма, стихи /Комм. Е. Витковского, А. Колосова // Рубеж (Владивосток). 1995. № 2; Штейн Э. Поэты русского Китая (Иконография) // *НЖ* № 206. 1997. С. 153—155; *Сюй Светлана Г. Х.* Литературная жизнь русской эмиграции в Китае (1920—1940-е годы). М.: Изд-во ИКАР, 2003. С. 88.

268. В этот день. Печ. по: *Несмелов Арсений.* Белая флотилия. Харбин, 1942. *Мученика тень* — речь идет о Николае II.

Нуар Жак (наст. имя: Яков Викторович Окснер; 1888, Бессарабия — 1941?). Псевдоним взят по имени героя популярной в России в начале века пародии Н. Н. Урванцева на франц. мелодраму «Жак Нуар и Анри Заверни, или пропавший документ», которая шла в «Кривом Зеркале» (см.: Русская театральная пародия XIX — начала XX века. М., 1976). Литературную деятельность начал в Одессе, печатался также в столичных изданиях: «Сатирикон», «Огоньки», «Эпоха» и др. После 1917 г. работал в кишиневской газете «Новое слово». В 1922 г. эмигрировал в Берлин, печатал стихотворные фельетоны в *Р*, *Сег* и др. «...человек маленького роста, слегка сгорбленный, с постоянной улыбкой сарказма на задумчивом лице», — таким он нарисован в берлинских воспоминаниях хорошо знавшего его современника (*Арбатов З.* «Ноллендорфплатцкафе» // *Гр* № 41. 1959. С. 117). Член лит.-художественного кружка, организованного другим поэтом-сатириком Лери (В. В. Клопотовским).

Первый сборник его сатирических стихотворений «Сквозь дымчатые стекла» вышел в Берлине в 1922 г. (Изд-во О. Дьяконовой). В отрицательной рец. на него О<фросимова?> говорилось: «Конечно, и эта книжка кому-нибудь да нужна — иначе зачем ее выпускать? На предпасхальной витрине одного книжного магазина выставлены огромные яйца: в них — "лучшие подарки к празднику". В одном из таких яиц лежат бок о бок — Жан Нуар, Ратгауз и Анна Ахматова... Господи! Доколе, доколе?!» (*НРК* 1922. № 7. С. 12). В Берлине же вышли другие сборники его сатирических стихотворений: «Картонный паяц» (1923), «Лицом к Берлину» (1924), «На сквозняке» (1927), стихи для детей: «Детишки», «Коля и Ося» (1924), пересказ в стихах «Красной шапочки» (1924), сборник «Прищуренный глаз» напечатан в Риге в 1925 г.

В 1935 г., после многочисленных хлопот друзей, перебрался в Бухарест, где работал в газете «Наша речь». Погиб в кишиневском гетто.

См. некролог, подписанный Н. Я. в *РМ* 1949. № 99. 5 янв. С. 3. См. воспоминания о нем: *Офросимов Ю.* Берлинская богема (Памяти Жака Нуара) // *НРС* 1953. № 14932. 15 марта. С. 2—3.

269. Продавщица. Печ. по: *Нуар Жак.* Картонный паяц. Берлин, 1923. С. 75—76. *Retarde!* — замедление, задержание (фр.).

Одоевцева Ирина (наст. имя и фамилия: Рада Густавовна Геннике; по первому мужу Попова; 27 июля 1895, Рига — 15 октября 1990, Ленинград). Отец, Г. Т. Гейнике (1863—1933), обрусевший немец, адвокат; в качестве литературного псевдонима взяла фамилию матери, Ольги Одоевцевой, умершей в 25-летнем возрасте. Окончила част-

ную гимназию в Петрограде (1915); была слушательницей Института живого слова. Входила в Цех поэтов. Прошла поэтическую школу Н. С. Гумилева, посвятивший ей стихотворение «Лес» (впервые — с посвящением Одоевцевой — в альманахе «Дракон», Пг., 1921).

Первый сборник стихов — «Двор чудес» (1922), изданный в России, удостоился полупохвалы Л. Троцкого: «Но все же <в стихах Одоевцевой> есть хоть махонькое отражение жизни, а не просто запоздалый отголосок давно пропетых перепевов, занесенных во все энциклопедические словари» (*Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. С. 38); отреагировала на него и эмигрантская критика — В. Лурье писала в «Голосе России»: «В эпоху городской динамичной нервной поэзии появилась своя сказочница, которой "милы ребяческие бредни" и которая среди каменных зданий и пыльных площадей нашла свой "двор чудес"» (1922. № 976. 28 мая. С. 8), а вышедшие в Берлине II и III выпуски сборника Цеха поэтов (Изд. Эфрон, 1923) получил негативную критику, исключая лишь ее «Балладу об извозчике» (Е. Ш. // Накануне. 1923. № 321. 28 апреля. С. 5; «Баллада» была параллельно напечатана в *ПСРП* С. 104—105 и в составленном Б. Бродским сб. стихов «Из новых поэтов». Берлин, 1923. С. 77—79); ср.: «Ее прославила "Баллада об извозчике" — о революционном "провалившемся" Петербурге. Пес (голодный, безродный) в "Двенадцати" и извозчичья лошадь, которая "подняла ногу одну" (это все сразу запомнили) — явления одного порядка» (*Иваск Ю.* Рифма (Новые сборники стихов) // *Оп* № 1. 1953. С. 196). Стихи из «Двора чудес» перепечатывали эмигрантские издания (см., к примеру, «петербургское» стих. «Январская луна. Огромный снежный сад» в альманахе культурно-просвет. секции русского студенчества в Германии «Молодая Россия». Б. г. № 1. С. 5).

Некоторые петербургские стихи из «Двора чудес» в эмиграции приобрели «второе рождение», см. несколько переделанный и вновь опубликованный текст ее старого стихотворения (*Сов* № 11. 1965. С. 13):

Огромная луна.
Уснувший Летний Сад.
Бесшумно мчатся сани.
И слово каждое, и каждый новый взгляд
Тревожней и желанней.

Как облака летят... Как тихо под луной.
Как грустно, дорогая!..
Вот эту ночь, и снег, и ветер над Невой
Я вспомню умирая.

В 1921 г., выйдя замуж за Г. Иванова, эмигрировала сначала в Германию, затем во Францию. Овдовев в 1958 г., в 1978 вышла замуж за писателя Я. Н. Горбова (1894—1981). 11 апреля 1987 г. вернулась на родину.

Сравнивая М. Шагинян с Одоевцевой в пользу последней, К. Мочульский отмечал, что, хотя ее «личный "шепот"» «заглушен голосом Ахматовой», «в перепевах знакомых песен есть теплота и "уютность"...» (*Зв* 1923. № 11. 16 апреля. С. 2).

Первый рассказ, написанный в эмиграции, — «Падучая звезда», удостоился внимания и похвалы И. Бунина. «Одоевцеву много читают, — констатировал в середине 30-х гг. эмигрантский критик. — У нее уже имя, определенный литературный вес и место...» (*Костеневич Ксения.* Ирина Одоевцева (Этюд характеристики творчества) // Для Вас. 1935. № 26. 22 июня. С. 3). Острую характеристику творческого облика дал С. Рафальский: «Типичная представительница той

части дореволюционной — имперской — интеллигенции, которая физически проживая в России, душой всегда была в подданстве короны иностранной, Ирина Одоевцева, попав в эмиграцию, продолжила эволюцию общеевропейской женственности (вернее — ее "фаворитного типа") от "вамп" или "роковых женщин" конца belle epoque до современной киноведетты жанра Бриджит Бардо <...> т. е. до героини нашей эпохи, уже окончательно вышедшей из всех границ добра и зла...» (*Рафальский Сергей.* Последняя и первая // *НРС* 1960. № 17146. 28 февраля. С. 8; реакция Одоевцевой см. в письме Д. Кленовского В. Маркову от 9 июня 1960 в: «...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно». Письма Д. И. Кленовского В. Ф. Маркову 1952—1962 гг. / Публ. Олега Коростелева и Жоржа Шерона // *Диаспора* Т. 2. С. 672). Книга «На берегах Невы» (1967) была восторженно встречена эмиграцией (см., к примеру, рец. Е. Рубисовой в *Сов* № 17—18. 1968. С. 134—137); и хотя среди единодушного хора похвал раздавались отдельные критические голоса, подмечавшие неточности мемуариста, провалы памяти и пр. (см.: *Рачинская Е.* Перечитывая книгу «Азеф» // *НРС* 1970. № 21782. 1 февраля. С. 5), общий настрой был одобрительно-похвальным, см. рецензии А. Седых (*НРС* 1968. № 20075. 25 февраля. С. 2), Г. Адамовича (*НРС* 1968. № 20124. 14 апреля. С. 8; ср. его не лишенную колкости реакцию на выход мемуаров в письме к А. Бахраху от 1. 02. 68: «Получили ли Вы книгу нашей Ирины? Она в большом возбуждении, волнении и прочем от будто бы общих восторгов, хочет ехать в Америку и завоевывать мир. Я еще книгу не читал, но в ее талантах не сомневаюсь, хотя в таланте этом много суетливости», Письма Георгия Адамовича А. В. Бахраху (1966—1968) / Публ. Веры Крейд // *НЖ* № 228. 2002. С. 174), Е. Грот (*НРС* 1968. № 20306. 13 октября. С. 5), З. Шаховской (*Воз-2* № 196. 1968. С. 116), против статьи Е. Рачинской выступил Ю. Терапиано (По поводу статьи «Перечитывая книгу "Азеф"» // *НРС* 1970. № 21810. 1 марта. С. 5). В 1983 г. была издана книга мемуаров «На берегах Сены». Обе мемуарные книги обыграны в стихотворении К. Славиной «Ирине Одоевцевой», написанном под впечатлением от ее выступления на вечере Литфонда в Вашингтоне 14 ноября 1976 г.: «Вы привезли дыханье Сены / И юность с берегов Невы». В периодике публиковались фрагменты из ненаписанной книги — «На берегах Леты», см., в частности, очерк об Ю. Одарченко (*РМ-2* 1990. № 3855. 23 ноября. С. 11).

В эмиграции сложился представительный корпус поэтических подношений Одоевцевой, некоторые из них включены в книгу Э. И. Бобровой «Ирина Одоевцева: Поэт, прозаик, мемуарист: Литературный портрет» (М.: Наследие, 1995); помимо названных в ней, эту подборку можно пополнить еще «Балладой о воспоминаниях» В. Сумбатова, включенную в наст. изд., стихотворением К. Пестрово «Акростих. "К портрету в рифмованной раме"» (*РМ-2* 1976. № 3120. 7 октября. С. 10), «Ирине Одоевцевой» (1976) К. Славиной (Встречи: Альманах: Ежегодник, 1990. Филадельфия. С. 106), а также некрологическое «Ирине Одоевцевой» самой Э. Бобровой (*НЖ* № 181. 1990. С. 337), ее же перу принадлежит посвященная Одоевцевой поэма «Ученице Поэта».

В эмиграции издала пять сборников стихов: «Контрапункт» (Париж, 1950), «Стихи, написанные во время болезни» (Париж, 1952), «Десять лет» (Париж, 1961), «Златая цепь» (Париж, 1975), «Портрет в рифмованной раме» (Париж, 1976) (сборник «Одиночество» (Вашингтон, 1965) по требованию автора был уничтожен из-за неправильной вер-

стки стихов). Автор романов: «Ангел смерти» (1927), «Изольда» (1931), «Зеркало» (1939), «Оставь надежду навсегда» (написан в 1945—46; после того как появился на разных языках, вышел по-русски в 1954 г. в нью-йорском изд-ве им. Чехова; рец. на русское издание Ю. Терапиано см. в *НРС* 1954. № 15401. 27 июня. С. 8), «Год жизни» (1957).

Отголоски петербургской темы характерны для произведений Одоевцевой, написанных не о Петербурге, как, например, воспоминание юной героини романа «Ангел смерти»: «Петербург... Разве можно забыть?.. Петербург...

И закрывает глаза.

Белый чистый сияющий снег. Все белое, и все сияет. Улицы, крыши домов, воздух. А небо ярко синее и в нем огромное, морозное, розовое солнце. По широким, прямым, снежным улицам летят рысаки под малиновыми и голубыми сетками. "Берегись!" — кричат румяные кучера. В маленьких, легких санках сидят дамы в собольих, в горностаевых шубках. Красные розы лежат на их коленях. Красные губы улыбаются, большие темные глаза смотрят рассеянно и мечтательно.

По тротуару проходят офицеры, волоча сабли и звеня шпорами. Высокие, красивые, стройные. Над их медными, сияющими касками развеваются конские хвосты. Солнце играет на их золотых погонах» (*Одоевцева Ирина*. Ангел смерти. Париж: Изд-во «Montparnasse», 1928. С. 17—18).

Некролог: *Чиннов И.* Вот и Одоевцева умерла // *НЖ* № 184—185. 1991.

После смерти Одоевцевой вышел том «Избранного», в котором собраны ее стихи и обе книги мемуров (М.: Согласие, 1998; сост., подг. текста, вступ. статья Е. В. Витковского; послесл. А. П. Колоницкой); по нему приводятся все вошедшие в наст. изд. тексты, кроме «Петербургской баллады». См. книги о самой Одоевцевой: *Боброва Э. И.* Ирина Одоевцева: Поэт, прозаик, мемуарист: Литературный портрет; *Колоницкая Анна.* «Все чисто для чистого взора...» (Беседы с Ириной Одоевцевой). М.: Воскресенье, 2001 (рец.: Н. Богомолова в ж-ле: From the Other Shore (Toronto). № 3. 2003. С. 158—159).

270. Петербургская баллада. Печ. по: *Зв* 1923. № 45. 10 декабря. С. 2.

271. «Каждый дом меня как будто знает...». С. 83. Из сборника «Контрапункт».

272. «Я все понимаю и слышу...». С. 105. Из сборника «Стихи, написанные во время болезни». *Званка* — деревня на реке Волхов (140 км от Петербурга); здесь Одоевцева жила со своим первым мужем Сергеем Поповым (ум. 1960), приходившемся ей двоюродным братом. См. в ее воспоминаниях: «На следующий день я уехала в "званскую жизнь", как я называла пребывание на Званке.

Правда, моя "званская жизнь" ничем не напоминала "званскую жизнь" Державина — ни великолепием и пышностью, ни гастрономическими утонченностями и изобилием. Но то, что Державин так любил Званку, придавало ей для меня совсем особую прелесть, окрашенную поэтичностью» (На берегах Сены. С. 163). В деревне Званка находилась усадьба Г. Р. Державина; здесь поэт подружился с митрополитом Евгением (Болховитиновым), которому посвятил стих. «Евгению. Жизнь Званская» (1807).

273. «В сквере женщина седая...». С. 117. Из сборника «Одиночество».

274. «Ненароком...». С. 129—130. Из сборника «Златая цепь». *Ренэ Герра* — французский профессор, коллекционер, был в дружеских

отношениях со многими русскими эмигрантами. *С бантом...* — Неизменная деталь внешнего облика (и образа) Одоевцевой в молодые годы; многократно упоминавшаяся современниками Одоевцевой и ею самой, см., к примеру, в письме И. Эренбурга М. М. Шкапской от 30 октября 1922 из Берлина: «Еще здесь обретается бант Одоевцевой» (*Эренбург Илья.* «Дай оглянуться»: Письма [В 2 т.]. Т. 1. 1908—1930 / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским. М.: Аграф, 2004. С. 214), ср. в посвященном Одоевцевой стих. В. Сумбатова «Баллада о воспоминаниях»: «Где Муза в крылья превратила / Твой девичий огромный бант» (включено в наст. изд.).

275. «А если нет, а если да?..». С. 131—132. Из сборника «Златая цепь».

276. «Но была ли на самом деле...». С. 138—139. Из сборника «Златая цепь». Стихотворение посвящено Г. Иванову. *И так трогательно зеленела / Меж торцов на Невском трава* — Ср. в книге «На берегах Невы» о лете 1919 г.: «На Невском между торцами зеленела трава» (*Одоевцева Ирина.* На берегах Невы. М.: Худ. лит., 1988. С. 36); этот образ использован в отзыве З. Шаховской на воспоминания Одоевцевой: «И хотя почти все те, о ком пишет Ирина Одоевцева, мертвы, читая страницы "На берегах Невы", кажется, что читаешь не о мертвых и не о прошлом — и что вот сегодня, сейчас, идет юная поэтесса, с бирюзовыми глазами, с бантом на рыжих волосах "жарким летом 1919 г." — по Невскому, где между торцами зеленеет трава, — идет она навстречу Мандельштаму, Г. Иванову, Лозинскому, Ахматовой, Гумилеву. Идет в Институт живого слова или в Литературную студию, где встретят ее Кузмин и Сологуб — и К. Чуковский» (*Воз-2* № 96. 1968. С. 116); см. комм. к стих. В. Булич «Петербург».

277. «Да, бесспорно, жизни начало...». С. 143. Из сборника «Златая цепь».

278. «За прозрачной, сквозной занавеской окна...». С. 148—150. Из сборника «Златая цепь». Эпиграф из посвященного Одоевцевой стихотворения Г. Иванова «Распыленный мильоном мельчайших частиц» (впервые в *НЖ* № 38. 1954. С. 162), вошло в его сборник «1943—1958. Стихи» (Нью-Йорк: Изд-во «Нового журнала», 1958).

279. «Верной дружбе глубокий поклон...». С. 183—184. Из сборника «Портрет в рифмованной раме». В связи с отношениями в эмиграции И. Одоевцевой, Г. Иванова и Г. Адамовича см. в мемуарах Одоевцевой «На берегах Сены» (М.: Худ. лит., 1989. С. 107—156) и публикацию О. А. Коростелева «Эпизод сорокопятилетней дружбы-вражды. Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955—1958)» // *Минувшее* Т. 21. Ю. Терапиано, рецензировавший 55 книжку *НЖ* за 1958 г., писал, что в этом стихотворении (здесь оно названо «Г. Адамовичу» и оснащено эпиграфом из Тютчева «На роковой стою очереди») «безнадежное настоящее сплетается с ожившим прошлым, жизнь побеждает смерть, "и молодость длится"» (*РМ-2* 1959. № 1336. 28 февраля. С. 5). Четверостишие — *По аллее мы с вами идем - Дом Искусств. Литераторов Дом* — И. Чиннов использовал в качестве эпиграфа к стихотворению «А поэты взяли да и вымерли» (1987). *Девятнадцать жасминовых лет* — Т. Фесенко взяла эту строчку эпиграфом к стихотворению «Снилось: у темного входа». *Мы стоим на тютчевском склоне - никого впереди* — аллюзия на стихотворение Ф. Тютчева «Брат, столько лет сопутствовавший мне» (1870).

Остроумова Татиана Иосифовна (Ненсберг; 4 июля 1901 — декабрь 1969, Боулдер, Колорадо). Дочь педагога Иосифа Петровича Остроумова (1843—1943), кузена художницы А. П. Остроумовой-Лебедевой, одно время преподавателя Николаевской мужской гимназии в Царском Селе. Мать — певица-любительница Марья Наумовна Остроумова, автор воспоминаний (РГАЛИ), фрагменты которых (об И. Ф. Анненском и А. Ахматовой) напечатаны. Дядя — критик, сотрудник «Аполлона», «Современника» — П. Н. Наумов (Гурович). Стихи дочери М. Н. Остроумова послала критику К. Сюннербергу (Эрбергу), который писал в 1930-е годы: «Не знаю, где теперь поэтесса Татьяна Остроумова, о которой идет речь в письмах ее матери. В 1916 девочка обещала много» (ИРЛИ). Печаталась в журнале «Лукоморье» (1916. № 45. С. 18, ст-е «На экране»), в иллюстрированном приложении к газете «Новое время» (1916. № 14581. 8 октября. С. 11; см. отклик: Журнал журналов. 1916. № 51). В начале 1920-х годов — в Константинополе; ср. в ее стихах:

И вот теперь — навеки пленница,
Прильнув к подножью чуждых гор,
Гляжу, как голубея, пенится
И млеет чувственный Босфор.

В биографической справке о ней сообщалось: «Начала печататься еще в России. За границей ее стихи появлялись на страницах "Современных Записок", "Нового Журнала", "Нового Русского Слова", а также были включены в сборники: "Эстафета", "На Западе" и "Ковчег".

В данное время Татиана Остроумова преподает русский язык в университете штата Колорадо в США» (*Сод* С. 536).

В Америке посещала собрания Объединения русских писателей-эмигрантов (см. информацию об одном из них: «Прекрасные стихи о финской войне прочитала Т. Остроумова», *НРС* 1941. № 10340. 1 июня. С. 8). Выступала как критик, (см., к примеру, ее очерк «Поэзия Игоря Чиннова» // *НРС* 1965. № 19207. 10 октября. С. 8) и переводчик (поэтические переводы с английского в *Нов* № 31—32. 1947. С. 24).

О ее поэтике Ю. Терапиано писал: «Т. Остроумова в чем-то родственна М. Цветаевой <...>, и С. Городецкому. В ее стихах есть размах, чувствуется русская народная стихия, свой язык, свои образы она черпает из нее и даже в нарочитой стилизации <...> — интонации молодухи-старообрядки не надуманы. Русь сельская, Русь старообрядческая присутствуют в атмосфере ее стихов» (*Терапиано Ю.* «Эстафета» // *НРС* 1948. 5 сентября).

Называя поэзию Т. Остроумовой «отрадным явлением», К. Франкфурт (К. Кроткова) отмечала необычайную «"русскость" не только языка, но и содержания». О петербургской теме в ее поэзии она писала: «Ее воспоминания посвящены главным образом старому Петербургу, и несмотря на некоторую монотонность, не лишены прелести. Но не эти ее стихи являются для нас самыми удачными и характерными, тем более что культ Петербурга в поэзии не нов и вызывает в памяти имена Иннокентия Анненского, Ахматовой и — что уж гораздо хуже — целой плеяды когда-то молодых, а теперь уже стареющих поэтов, по сравнению с которыми стихи Остроумовой если и не слабее, то и не новее» (*Франкфурт К.* О стихах Татианы Остроумовой // *НРС* 1941. № 10326. 18 мая. С. 8).

В пародиях на поэтов-эмигрантов Аргус (обыгравая известную строчку «Вечер был, сверкали звезды») «за» Остроумову написал так:

Спускался вечер. И по-скифски жутко
Холодный ветер дул из дальних мест.
По улице шел Петербург малютка,
Прижав к груди тяжеловесный крест

(*НРС* 1941. № 10319. 11 мая. С. 8).

См.: *Иваск Юрий.* Т. И. Остроумова-Неннесберг // *НРС* 1970. № 21824. 15 марта. С. 5; *Фесенко Татьяна.* «Светили светы мне иные...» // *НРС* 1970. № 21852. 12 апреля. С. 5.

280. «Туда, где воздух чист и волен...». Печ. по: *Слово* (Рига). 1927. № 564. 17 июля. С. 3. *И сердце верит, сердце знает* — отсылка к стихотворению А. Ахматовой «Меня покинул в новолунье» (1911): «Но сердце знает, сердце знает, / Что ложа пятая пуста».

281. Из цикла «Петербургские наброски». Печ. по: Слово. 1927. № 724. 25 декабря. С. 3. *Коль славен* — «Коль славен наш Господь в Сионе» — русский духовный гимн (сл. М. М. Хераскова, муз. Д. С. Бортнянского), возник в конце XVIII — начале XIX в. как неофициальный масонский гимн. До 1830-х гг. являлся гимном Российской империи (пока его не сменил «Боже, царя храни»); куранты Петропавловской крепости вызванили его мелодию каждый час.

282. «Наперекор людской судьбе...». Печ. по: *НРС* 1939. 22 октября. *Воспетый правнуком арапа - Петр* — Пушкин, «Медный всадник».

Оцуп Николай Авдеевич (4 ноября 1894, Царское Село — 28 декабря 1958, Париж). Родился в семье купца Авдея Мордуховича (? — 1907) и Рахили Соломоновны (1864—1936) Оцупов. Из многочисленной семьи Оцупов, кроме Николая Авдеевича, еще два брата вошли в историю русской литературы — старший, Сергей Горный, и младший (псевд. Георгий Раевский) — оба вошли в наст изд. (о семье Оцупов см.: *Оцуп Рудольф.* Оцупы — моя семья. СПб., 2004). В 1913 г. окончил с золотой медалью Царскосельскую Императорскую Николаевскую гимназию, учился на ист.-филол. ф-те С.-Петербургского университета и в парижском Коллеж де Франс, где слушал лекции А. Бергсона.

Вернувшись из Парижа за несколько лет до революции, окунулся в богемно-театрально-литературный быт Петербурга, посещал «Привал комедиантов», близко сошелся с Вс. Рождественским. В 1921 г. вышел его первый поэтический сборник «Град» (на обложке 1922) (2-е изд., Берлин, 1923), ряд стихотворений которого связан с Петербургом. В рецензии В. Л<урье> двустишие — «Гигантский краб Казанского собора / Меня в зеленой тине стережет» — отмечалось как одно из самых ярких в книге (Дни. 1923. № 81. 4 февраля. С. 14); А. Б<ахрах> отнесся к книге как написанной добросовестно, по правилам теории стихосложения (*НРК* 1923. № 3/4. С. 11); К. В. <Мочульский> не без иронии замечал, что Оцуп «своей добродушной непринужденностью <...> обезоруживает критику» (*Зв* 1923. № 8, 26 марта. С. 3). Примечательно, что распространенное в эти годы описание Петрограда как снежной пустыни связывается с именем Оцупа: «То оснеженные крыши молчаливых петербургских домов вдруг превращаются в снеговые вершины гор, а пустынное безмолвие улиц — в глубокие ущелья (Оцуп)» (*Шагинян Мариэтта.* Литературный дневник. М.; Пг., 1923. С. 185).

В 1918 г., по приглашению Горького, сотрудничал в издательстве «Всемирная литература», где сблизился с Гумилевым и был принят в Цех поэтов (в эмиграции, по его инициативе и под его редакцией,

были переизданы все три выпуска альманаха «Цех поэтов» и вышел четвертый; в рец. на № 1 и 2 Л. Лунц писал о стихах Оцупа, что автор напрасно хочет прослыть озорником — «в медвежьей бесформенности его стихов все та же болотная безошибочность и гладкость; все эти фокусы и коленца вводятся по рецепту» // Книжный угол. 1922. № 8. С. 50). Н. Чуковский не без иронии вспоминал: «Если "Цех" был штабом Гумилева, то Оцуп играл роль административно-хозяйственного отдела штаба. На нем лежала вся практическая сторона издательских затей Николая Степановича. Это он неведомыми путями добывал бумагу для всех стихотворных сборников, это он устанавливал связи с руководителями национализированных типографий, обольщая и запугивая их славой Николая Степановича. Кроме того, он попросту снабжал Гумилева и своих товарищей по "Цеху" провизией, что было делом немаловажным в те скудные годы» (*Чуковский Н. К.* Литературные воспоминания. М.: Сов. писатель, 1989. С. 32). Помянут Оцуп был и в статье Л. Троцкого о Цехе поэтов, получив определение поэта «воспоминаний, сновидений и страхов». «Он на каждом шагу проваливается в прошлое, — писал о нем влиятельный критик. — Счастье жизни отворяет ему только память. "Я даже место нахожу свое — поэта, зрителя и мещанина, спасающего свой живот от смерти", — говорит он с ласковой иронией над собою. Но и страх его никак не истерический, а почти что уравновешенный, страх владеющего собой европейца и, что прямо-таки утешительно, без мистических поддергиваний, вполне культурный страх» (Петроградская правда. 1923. 16 сентября).

Н. Гумилев и весь соотносимый с ним «акмеистический» контекст стал сквозной темой в творчестве Оцупа, после того как в 1922 г. он эмигрировал сначала в Берлин, а затем в Париж В 1952 г. защитил в Сорбонне диссертацию по Гумилеву (отрывки публиковались в *Оп* № 1. 1953; затем, с некоторыми изменениями, — в виде вступительной статьи к «Избранному» Гумилева (Париж, 1958); включены в его посмертную книгу «Литературные очерки» (Париж, 1961)). В связи с этим А. Бахрах вспоминал: «Его диссертация — это мне поведал один из экзаменаторов — имела крайне субъективный характер и не всегда отвечала академическим нормам, но на неоднократные вопросы об источниках того или иного гумилевского высказывания Оцуп неизменно отвечал: "Да ведь это мне говорил мой друг Гумилев". После таких разъяснений работа была единогласно одобрена жюри и, получив диплом Парижского университета, Оцуп стал преподавать русский язык и литературу в одном из самых прославленных учебных заведений Франции — в Высшей нормальной школе» (*Бахрах Александр.* По памяти, по записям... II / Публикация Григория Поляка // *НЖ* № 189. 1992. С. 356).

В 1930—34 гг. редактировал *Ч* (всего вышло 10 номеров), который сплотил вокруг себя эмигрантскую молодежь. Превалирующее в ее среде мнение выразил А. Штейгер в письме З. Шаховской от 16 сентября 1935 г., после закрытия журнала: «Лучше бы вместо всех этих комедий — "Звезд" <брюссельская "Полярная звезда">, Ильи Исидоровича <Бунакова-Фондаминского>, Содружества <выборгский журнал> и пр. — помочь Оцупу и чаще издавать "Числа", все равно ведь все так или иначе идет под их знаком или их пародирует» (*Шаховская З. А.* В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 181). В известном отношении Оцуп-организатор *Ч* и критик затмил в эмиграции Оцупа-поэта, на что обратил внимание Г. Струве: «Оцупу в каком-то смысле не повезло: талантливый поэт, усвоивший хорошее мастер-

ство в Цехе поэтов и вместе с тем имевший что сказать, он как-то не нашел как поэт резонанса в Зарубежье и известен больше как основатель и редактор "Чисел" и в последнее время автор критических статей в "Русской мысли" и "Гранях" и историк литературы...» (*НРС* 1959. № 16775. 22 февраля. С. 8).

В 1939 г. вступил добровольцем во французскую армию. Был арестован в Италии, куда отправился в отпуск, и заключен в тюрьму. Через полтора года совершил побег, был пойман и заключен в концлагерь, откуда вновь бежал и примкнул к итальянским партизанам. О его судьбе долгое время не было ничего известно, см. в письме С. Ю. Прегель Н. Н. Евреинову от 26 августа 1946 г.: «...бедный Николай Оцуп, очевидно, погиб. Его искали в Америке, но ни в США, ни в Канаде, ни в Мексике, ни в Южной Амер<ике> его не оказалось» (РГАЛИ. Ф. 982. Оп. 1. Ед. хр. 239. Л. 3 об).

Был женат на драматической актрисе и звезде немого кинематографа Диане Каренн (1888—1968), издавшей после смерти мужа два тома его лирики «Жизнь и смерть» и две книги статей и очерков «Современники» и «Литературные очерки» (все — 1961).

Автор сборников стихов: «В дыму» (1926), поэмы «Встреча» (1928), монументального (12000 стихов) «Дневника в стихах» (1950) — в связи с последним см. запись А. Гладковым разговора с А. Ахматовой от 20 июня 1964: «Спрашиваю о "Дневнике" Оцупа. Она говорит, что только час держала эту книгу в руках и даже побоялась подробно читать (опасаясь каких-нибудь сплетен про себя)», *Гладков А.* «Я не признаю историю без подробностей...» (Из дневниковых записей 1945—1974) / Предисл. и публ. С. Шумихина // In Memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 563).

Писал не только стихи, но прозу (один из его ранних расказов, «Первая любовь», был напечатан в газете «Либавское русское слово», 1926. № 139, 140) — роман «Беатриче в аду» (1939), его перу принадлежит также драма «Три царя» (1958) (см. о последней в письме Д. Кленовского И. Шаховскому от 19 ноября 1958 г.: «Слышал, что в Париже вышла поэма в стихах Н. Оцупа на библейскую тему: "Цари". Один из моих корреспондентов пишет, что книга замечательная, как он выразился — "мудрая", и что он читал ее, не отрываясь, целую ночь напролет...» (*Странник*. Переписка с Кленовским / Ред. Р. Герра. Париж, 1981. С. 71).

Петербургско-царскосельская тема отразилась в некоторых стихах Оцупа, связанных с ней не прямо, а косвенно, как, напр., «На западе оно заходит»:

На западе оно заходит. С юга
На северо-восток по радиусу круга,
Пути не замечая, — мысль моя
Меня перенесла в гранитные края
Твои, пустынная и чудная столица
Недавних грозных лет: и голоса, и лица
Таких-то (Гумилев, и Блок, и Сологуб)
Не только узнаю, но различаю губ,
Читающих стихи, такие-то движенья...

Их больше нет в живых, но для меня они
Живые. Все, чему дарили в оны дни
Мы сердце, воскресает. Продолжаю
И в Царское Село оттуда попадаю,

И гимназических товарищей моих
Встречаю, и они со мной среди живых.

Эта тема присутствует не только в его стихах, но и в эссеистике, см. очерк «Царское Село (Пушкин и Иннокентий Анненский)».

Некрологи: *Шик Александр*. Смерть Николая Оцупа // *РМ-2* 1959. № 1311. 1 января. С. 4; *Адамович Георгий*. Памяти Николая Оцупа // *РМ-2* 1959. № 1312. 3 января. С. 5 (см.: *Его же*. Николай Оцуп // *РМ-2* 1962. 18 января); *Иваск Юрий*. Николай Авдеевич Оцуп // *НРС* 1959. № 16740. 18 января. С. 8; *Одоевцева Ирина*. Памяти Николая Оцупа // *РМ-2* 1959. № 1327. 7 февраля. С. 4; *Ильин В. Н.* Памяти Николая Оцупа // *Воз-2* № 161. 1965. См. стихи О. Можайской «Баллада о Париже», написанные на смерть Н. Оцупа (*Гр* № 41. 1959. С. 98—99).

См.: *Аллен Луи*. «С душой и талантом...» Штрихи к портрету Николя Оцупа // Н. Оцуп. Океан времени: Стихотворения; Дневник в сихах; Статьи и воспоминания / Сост., вступ. ст. Л. Аллена; Коммент. Р. Тименчика. СПб.: Изд-во «Logos»; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. С. 3—24; *Хазан Владимир*. Право на исповедь (Николай Оцуп) // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. IV. 1939—1960 / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1995. С. 101—116.

283. «Мигнула радуга и вот затрепетала...». Печ. по: Жар-птица (Берлин). № 10. 1923. С. 36.

284. «В снегу трещат костры. Январь на бивуаке...». Печ. по: *Оцуп Н.* Океан времени. С. 59—60; *Оцуп Н.* В дыму. Париж: Петрополис, 1926.

285. Бежит собака на ночлег. *Оцуп Н.* Океан времени. С. 61. *Оцуп Н.* В дыму.

286. Встреча (Поэма) <Отрывок>. 1. Царское село. Там же. С. 78—81. Оцуп Н. Встреча (Поэма). Париж, 1928. Первая глава поэмы может рассматриваться как самостоятельный отрывок, поскольку это произведение Оцупа вообще характеризует ослабление сквозного сюжета, относительная композиционная свобода, отсутствие строгой логической связи между главами. Рецензент (подписавшийся криптонимом Р.) отмечал в этой связи: «Ощущается какая-то шаткость. Эта шаткость и в настроениях и в самом построении поэмы. Ее отдельные части кажутся случайно и капризно соединенными. Эти главы — "Царское Село", затем "Проблески", врывающийся и пролетающий в 14 строках "Двадцатый год", потом нежданное видение женщины, этот "Мираж", даль "Италии", наконец, "Встреча" связаны не крепко. Это — случайные сцепления, не цепь, а отдельные разбитые звенья» (*Сег* 1928. № 33. 4 февраля. С. 6). *Odi profanum* — начало «Оды» Горация (III, I, 1): «Odi profanum vulgus...» («Ненавидь чернь непросвещенную»). ...*Стоит скамья на пьедестале* — Памятник «Пушкин на скамейке в Царскосельском парке». ...*О, не последний ли поэт...* — Аллюзия на стих. Н. Гумилева «Памяти Анненского» (1912): «Был Иннокентий Анненский последним / Из царскосельских лебедей», «И жалок голос одинокой музы / Последней — Царского Села».

287. «Где снегом занесенная Нева...». Там же. С. 100. Первонач.: *Ч* № 6. 1932. С. 14.

288. Сердце, старишься ли ты. Там же. С. 124. Первонач.: *СЗ* № 60. 1936. С. 198.

289. Дневник в стихах. <Отрывок>. Там же. С. 268—269. *Оцуп Н.* Дневник в стихах: Поэма. Париж, 1950. *Автор «Гондлы»* — Н. Гуми-

лев. *...паломник «Дальних странствий»* — образ из поэмы Н. Гумилева «Открытие Америки» (1910), ср. в стихотворении М. Струве «Н. С. Гумилеву» (1921): «Для тех, кто жил порывом дальних странствий <...>». *...чей жираф - торговцев / Книгами* — Стих. Н. Гумилева «Жираф» (сб. «Роматические цветы», 1908). *Комаровский Василий Алексеевич* (1881—1914), поэт, автор сборника стихотворений «Первая пристань» (1913); *Коковцев Дмитрий Иванович* (1887—1918), поэт, одноклассник Гумилева, автор трех поэтических сборников: «Сны на Севере» (1908), «Вечный поток» (1911), «Скрипка ведьмы» (1913); *Анна Горенко* — подл. фамилия А. Ахматовой; ср. высказывание Оцупа о том же круге царскоселов в очерке «Н. С. Гумилев»: «По рассказам Хмара-Барщевских, еще за шесть лет до своей смерти Анненский с вниманием следил за первыми литературными шагами Гумилева. Царскоселам, любившим поэзию, в те годы были известны имена земляков-поэтов Валентина Кривича (сына Иннокентия Анненского), Д. Коковцева, графа Комаровского и Н. Гумилева. Кривич больше за отцовские заслуги считался маститым. Комаровского считали не совсем нормальным (он действительно был серьезно болен), и к поэзии его особенно серьезных требований никто не предъявлял. Гумилева похваливали, но всегда ставили ему в пример Митеньку Коковцева: "Вот Коковцев уже сейчас настоящий поэт, а вы работайте — может быть, что-нибудь и выйдет"» (*Оцуп Н.* Океан времени. С. 513). *Хмара-Барщевская* (урожд. Лесли) *Ольга Петровна* — жена пасынка И. Анненского Платона Петровича (поэт посвятил ей стих. «Стансы ночи»). *София* — район Царского Села. *...Валина...* — Имеется в виду Валетин Платонович Хмара-Барщевский (1895—1944), внук Анненского, которому посвящено в «Кипарисовом ларце» стих. «Вербная неделя». *...«неразделим и вечен»* — Из стих. Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор»). *Вы скрепили и со мной союз* — Оцуп был репетитором в доме Хмара-Барщевских. *Каменец* — усадьба Анненских в Бельском уезде Смоленской губернии (ныне Тверская обл.). *Мне отечество - Царское Село* — Перефразированная пушкинская реминисценция из упомянутого источника: «...нам целый мир чужбина;/ Отечество нам Царское Село». *Как бы вы обрадовались ей* — Речь идет о жене Оцупа Д. А. Каренн.

290. Сонет. Печ. по статье: *Яковлева Е. П.* Аркадий и братья Оцупа // Зарубежная Россия 1919—1939. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 310—311. Сонет написан по случаю 80-летия А. В. Руманова 29 ноября 1958 г., за месяц до кончины Оцупа. *Аркадий Веньяминович Руманов* (1878—1960), журналист. Родился в Царском Селе, где окончил гимназию. Получил юридическое образование в Петербургском ун-те (окончил в 1902), после чего, окунувшись в газетно-журнальную деятельность, прослыл «королем журналистов»; сотрудничал в «Торгово-Промышленной газете», вел раздел в «Биржевых Ведомостях», заведовал Петерб. отд. «Русского Слова» (с 1906 до закрытия газеты большевиками); возглавлял ж-л «Нива». В конце 1918 г. эмигрировал — сначала в Лондон, а затем, в 1920 г. перебрался в Париж. Занимался журналистикой, работал как юрист, после войны был секретарем газеты «Советский патриот». См. некролог «Скончался А. В. Руманов», подписанный Старые друзья А. В. Руманова (*НРС* 1960. № 17392. 21 октября. С. 2). О Руманове см.: *Яковлева Елена.* Аркадий Руманов — забытое имя? // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Кн. 1 / Ред.-сост.: М. Пархомовский, Д. Гудзевич. Иерусалим, 2001. С. 162—176; *Руманов Д. А., Яковлева Е. П.* Автографы поэтов Рус^кого Зарубежья из частного

парижского собрания // Зарубежная Россия 1917—1939. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 300—305. О дружбе А. Руманова с Н. Оцупом см. в статье, откуда перепечатан «Сонет». *Как мой ушедший сверстник Жорж Иванов* — Г. Иванов умер за три месяца до 80-летия А. Руманова, 27 августа. *Витте Сергей Юльевич* (1849—1915), русский госуд. деятель, предс. Комитета министров (с 1903; Совета министров — в 1905—06), автор манифеста 17 Октября. *«Отечество нам — Царское Село»* — См. комм. к предыдущему стих.

Паркау Александра Петровна (по мужу: Нилус, эта фамилия стоит под некоторыми ее стихотворениями; 16 июня 1889, Полтава (по другим сведениям: Новочеркасск) — 1954, Казахстан). В автобиографии писала: «Родилась я в Полтаве, провела детство на Кавказе, закончила Тифлисскую гимназию; после замужества переехала в Петербург и оттуда с мужем и сыном, еще за год до революции, перебралась в Харбин <муж А. Паркау, военный следователь, полковник Евгений Хрисанович Нилус, впоследствии — профессор и адвокат, автор книги "Китайская Восточная железная дорога: Исторический обзор. 1896—1923" (Харбин, 1923), получил назначение в правление КВЖД>. С Харбином сроднилась и сжилась, пробыла там до 1933 года и, с болью в сердце, год тому назад, покинула его и живу в Шанхае. Работать в печати начала в Харбине, где сначала вразброд печатала стихи в газетах и в возникавших и скоро прекращавшихся журналах. Затем четыре года сотрудничала в "Рубеже", помещая в нем свои лирические стихи, и два года — в "Русском слове", в качестве фельетонистки. В Шанхае тоже работаю фельетонисткой в "Шанхайской заре". Изучаю современных французских поэтов, — графиню де Ноайль, Анри Ренье, Поля Клоделя и Франси Жамм — чтобы перевести их на русский язык. Собираю все свои печатавшиеся по разным изданиям стихотворения и хочу издать в двух книжках — "Негасимые искры" и "Пути неведомые"» (Рубеж. 1934. 17 ноября).

Дом Нилусов-Паркау был одним из мест собраний харбинских литераторов (см. воспоминания В. А. Слободчикова в кн.: Русский Харбин. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 66). В Харбине в ее переводе вышла книга П. Жеральди «Ты и я» (1928), в Шанхае — два собственных сборника стихов — «Огонь неугасимый» (1937) и «Родная страна» (1942). В конце 40-х вернулась в СССР, где и умерла.

В рецензии на «Огонь неугасимый» Н. Резникова писала: «Стихи А. Паркау — часто маленькие, сжатые рассказы о разном», они «рассказывают о жизни на Дальнем Востоке, отражая в себе весь фольклор этой жизни» (Рубеж. 1937. 15 мая. С. 23). «Стихи А. Нилус, — замечает современный исследователь, — нежные узоры старинных барских гостиных со слегка выцветшими от времени обоями, полные тихой грусти и прелести навсегда ушедшего поколения, навеки погибших стремлений, печали, "комнатных" переживаний, задушенных громокипящим временем торжества революции» (*Шаохуа Дяо*. Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905—1925): По найденным материалам // Россияне в Азии: Лит.-ист. ежегодник. 1996. № 3. С. 73).

291. Воспоминание. Печ. по: *РПК* С. 367. *Сунгари* — река на северо-востоке Китая, на которой находится Харбин. *Гаолян* — однолетнее травянистое растение, распространенное на Дальнем Востоке.

Перфильев Александр Михайлович (псевд.: Александр Ли, Шерри-Бренди, Гантимуров; 19 сентября (2 октября) 1895, Чита — 26 февраля 1973, Мюнхен). Отец — генерал М. А. Перфильев, погиб во время революции. Учился в Петербургском Втором кадетском корпусе, где познакомился с учившимся там же Г. Ивановым, упоминающим его фамилию в начале «Петербургских зим» (мемуарно-некрологическую статью Перфильева об Иванове см. в *НРС* 1958. № 16621. 21 сентября. С. 8). Прервал обучение в связи с научной экспедицией известного путешественника Козлова в Центральную Азию, в которую отправился вместе с отцом. Окончил Оренбургское казачье училище, служил в 1-м Нерчинском полку. Принимал участие в Первой мировой войне, был несколько раз ранен; награжден Георгиевским крестом. После революции арестован большевиками и около года провел в одиночном заключении. В начале 20-х гг. эмигрировал в Ригу, печатался в местном журнале «Наш огонек».

О себе сообщал следующее: «Начал печататься в журнале "Огонек" во время Первой мировой войны. Работал в Риге в различных журналах и газетах (в том числе "Сегодня" <корректор>) как литературный сотрудник, технический редактор и фельетонист. Сборники стихов: "Снежная месса" (1925), "Листопад" (1929) и "Ветер с севера" (1937) вышли в Риге, где был опубликован и сборник рассказов "Человек без воспоминаний" (1942); в Мюнхене в 1947 вышел сборник рассказов "Когда горит снег" <на обложке: 1946, Изд-во "Космос">. Автор текстов многочисленных романсов и песенок, в том числе и популярной даже в Советском Союзе "О, эти черные глаза". В настоящее время — сотрудник-фельетонист "Русской Мысли" в Париже и редактор одной из русских радиопередач» (*Сод* С. 537—538).

Был женат на писательнице И. Е. Сабуровой (урожд. Кутитонская, 1907—79), см. его стихи, введенные в ее рассказ «Письмо поэта» (Журнал Содружества. 1938. № 9(69). С. 12).

По поводу первого его сборника К. Мочульский писал: «Он подпевает своим тоненьким голоском Блоку, но всегда немного детонирует и сбивается на Надсона и даже Вертинского. <...> все это дешевая подделка для неразборчивого потребителя, любящего чувствительный стишок и мелодекламацию» (*Мочульский К.* Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999. С. 358). Перфильев утверждал, что был знаком с Блоком, но мемуары его (Последняя встреча с Александром Блоком. Из литературных воспоминаний // Двинский вестник. 1943. № 32. 10 июля) вызывают известные сомнения.

Во время оккупации Латвии советскими войсками скрывался, работая ночным сторожем. После взятия Риги немцами редактировал журнал «Для Всех» и газету «Двинский вестник». В годы войны печатал стихи в псковской газете «За родину», издававшейся на оккупированной территории, см. там же его некрологический очерк «Классические "розы". Памяти Игоря Севереянина» (1942. № 18. 30 сентября. С. 4). В 1944 г. перебрался в Берлин, был связан с ген. Красновым. После войны жил в Мюнхене, где был одним из основателей юмористического журнала «Петрушка», сотрудничал в журналах «Сатирикон» и «Свобода». Работал на радиостанции «Свобода». Печатался в ди-пишном журнале «Огни» (1946) (см.: *Агеносов В. В.* Литература Ди-Пи: Истоки формирования второй волны эмиграции // Наука о литературе в XX веке (История, методология, литературный процесс). М., 2001. С. 277).

См. его повесть из петербургской жизни «Когда весна», напечатанную в *НРС* (1959. 4 — 9 сентября).

Некролог: Часовой (Брюссель). 1973. Май. С. 19.

См.: предисловие И. Сабуровой к кн.: *Перфильев А.* Стихи. Мюнхен, 1976. С. 3—6.

292. Воспоминание. Печ. по: *Ли Александр* <А. Перфильев>. Листопад. Рига, 1929. С. 5. Первоначально без разбивки на строфы: Слово (Рига). 1927. № 273. С. 4. Включено в: *Перфильев А.* Стихи. Мюнхен, 1976. С. 26.

293. Старый Петергоф. Там же. С. 8—9. Включено в: *Перфильев А.* Стихи. С. 27—28. См. также его статью «Русские поэты и Царское село» (Русский вестник (Рига). 1944. № 67 (91). 8 июня).

294. Опять зима. Там же. С. 14. Первонач.: Наш огонек (Рига). 1925. № 6. С. 7.

295. Петербург (1946). Печ. по: *Перфильев А.* Стихи. С. 75. *Царь-ангел - колонны глядит* — Имеется в виду Александровская колонна, см. *ТУ.*

296. Зажги на елке свечи. Там же. С. 117.

297. Петербургские миниатюры. Там же. С. 147—148. 2-я и 3-я миниатюры вошли в *Сод* С. 354.

298. Рождество. Там же. С. 152.

299. Контрасты. Там же. С. 153. *Трубецкой Павел (Паоло) Петрович* (1866—1938), скульптор, автор конного памятника Александру III (1909), см. *ТУ. Дворец изящной балерины* — Имеется в виду *Кшесинская Матильда Феликсовна* (с 1921 г. — княгиня Красинская, морганатическая жена великого князя Андрея Владимировича, с 1935 светлая княгиня Романовская-Красинская) — прима-балерина Мариинского театра (1896—1904), с 1920 г. в эмиграции во Франции. *Кингстон* — клапан в подводной части судна, служащий для доступа забортной воды.

Пестрово Клавдия Прокофьевна (1902—1993). «Я русская. Родилась на благословенной Украине и, несмотря на пестрый калейдоскоп земель, стран и городов, в продолжении всех скитаний, несмотря на смешение всех языков — я до сих пор ношу в душе незабываемою природу и мелодии прекрасной Украины.

Почти треть моей жизни прошла в Югославии, где Король Александр, воспитывавшийся в Пажеском Корпусе в Санкт-Петербурге, был очень добр к нам, русским "избеглицам".

Стихи я начала писать с тех пор, как себя помню. В 1964 году появился мой первый сборник лирических стихов "Цветы на подоконнике", напечатанный в Мюнхене. Но первое издание книги разошлось неожиданно для меня в 2—3 месяца, и пришлось спешно заказывать второе издание, от которого у меня осталось только три книги <2-е изд. — Австралия, 1965>.

Стихи мои печатались в Н<овом> Р<усском> Слове, в Нью-Йорке, в "Русской Мысли" и журнале "Возрождение" в Париже, в журнале "Современник", в Канаде, в журнале "Грани" во Франкфурте, в журнале "Родные Перезвоны" в Брюсселе, в Лос-Анжелесе, в теософском журнале в Ассунсионе, в Парагвае, а также и здесь, в Австралии, в журналах "Русский в Австралии" и «Крылья» и в "Церковном Слове". К. Пестрово» (Лирная Пристань: Стихи К. Пестрово, Г. Соболева, О. Софонова. Сидней, 1984. С. 8; первоначально, с некоторыми разночтениями, в *Сод* С. 538).

См. рецензии: Я. Горбова в *Воз-2* № 160. 1965, Л. Алексеевой в *НЖ* № 81. 1965, Э. Бобровой в *Сов* № 20—21. 1970.

300. Отъезд королевы. Печ. по: *Воз-2* № 174. 1966. С. 50—51.

Петерец Николай Владимирович (? Рим — 11 декабря 1944, Шанхай). Родился в семье революционера В. Н. Рихтера, фамилию взял по матери, разошедшейся с отцом. Окончил гимназию в Харбине, затем учился на юридическом факультете; по-видимому, в 1934 г. переехал в Шанхай. Один из участников литературного объединения «Молодая Чураевка» (с 1933 г. — ее председатель). В. Перелешин, назвавший его в «Поэме без предмета», «Петерецом остроязычным», вспоминал о нем: «Николай Петерец <...> был взлохмаченным внешне и внутренне, озорным, непоседливым. Метался из стороны в сторону, и в то время был, кажется, легитимистом. Его стихи, суховатые, насыщенные эрудицией, печатались в "Рубеже", а потом и в газетах. Этот человек весь горел. Он искренне любил литературу и всякую вообще отвлеченную мысль» (*Перелешин* С. 36). Политические взгляды Петереца колебались от фашизма до марксизма: был член просоветского «Союза возвращенцев» (редактор издававшейся Союзом газеты «Родина», с 1941 г. — «Новая жизнь») и ура-патриотического сборника «Стихи о Родине» (Шанхай, 1941). За год до смерти организовал в Шанхае литературный кружок «Пятница», в который входили Л. Андерсен, В. Иевлева, М. Коростовец, Ю. Крузенштерн-Петерец (жена Н. Петереца), В. Перелешин, В. Померанцев, Л. Хаиндрова, Н. Щеголев. Играл роль одного из идеологов и вдохновителей творческой жизни «русского Китая».

301. «Нет, не Москва, где каждый палисадник...». Печ. по: Чураевка. 1932. № 7 (1). 27 декабря. Перепеч.: Грядущая Россия (Мукден). 1933. № 1. С. 8. Первые шесть стихов с неточностями приводит В. А. Слободчиков в своих воспоминаниях «Чураевка» (Русский Харбин. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 75). Включено в *РПК* С. 414.

302. Достоевский. Печ. по: *РПК* С. 415.

Плюшков Алексей Иванович (псевд.: Угрюмов; 26 июня 1897, Санкт-Петербург — 13 августа 1968, Кембридж, Англия). Родился в семье доктора медицины. Племянник петербургского публициста и детского писателя, друга А. Блока Е. П. Иванова (1879—1942), которому посвятил «Современные баллады» (*РМ-2* 1958. № 1271. 30 сентября. С. 4); см. также его мемуары «А. Блок, Е. Иванов и их окружение» (*Воз-2* № 188, 189. 1967). В 1900 г. семья переехала в Царское Село. Окончив реальное училище, в 1916 г. поступил на экономическое отделение петербургского Политехнического института, затем, осенью 1917 г., перевелся на юридический факультет университета, который окончил в 1919 г. До конца 30-х гг. служил членом коллегии защитников и юрисконсультом в различных советских учреждениях. В ходе Второй мировой войны оказался на Западе. По ее окончании — в Англии, где сначала работал на текстильных фабриках, а затем, в 1951 г., был приглашен на должность преподавателя в Славянский отдел Кембриджского университета.

Свое первое стихотворение «У лагуны» опубликовал в журнале «Царскосельская мысль» (1912. 3 ноября), печатался в газете «Царскосельское дело» — стихи, заметки (некоторые подписаны «Аль Эс»), в 1914—16 гг. печатал стихи в журнале «Лукоморье»

Наряду со стихами писал прозу, пьесы (одна из них, «Свет угас», была принята к постановке Александринским театром в 1918 г., но затем запрещена), выступал как журналист и публицист. См., к примеру, повесть «Скрипка», публиковавшуюся в *РМ-2* (1958, 1, 10 и 15 июля). В основе некоторых из его поздних романов и повестей лежит петербургская тема, см., к примеру, рассказ «Мохнатое сердце» (*Сов* № 13. 1966. С. 39—47). Отстаивал свою принадлежность к петербургскому кругу литераторов: «Поэт Георгий Иванов, говоря в одной из своих статей о Петербурге блоковского периода русской литературы, безапелляционно заявил, что из до сих пор пишущих стихи современников А. А. Блока остались только: здесь — он, Георгий Иванов, а "там" — Анна Ахматова. Нисколько не порываясь стать, как пишущий стихи рядом с А. А. Блоком и Анной Ахматовой и даже Георгием Ивановым, я только хочу отметить, что из печатавших в "блоковский период" свои стихи сохранились не только Анна Ахматова и Георгий Иванов, а и некоторые другие. Никак нельзя делать категорические утверждения подобного рода; в частности, с Г. Ивановым в одни и те же годы я печатался в одном и том же журнале ("Лукоморье"), но лишь под иной фамилией» (*Угрюмов А.* А. А. Блок и семья Ивановых // *РМ-2* 1956. 17 апреля). См. также его воспоминания о Царском Селе (*Угрюмов Алексей.* Что сохранила память: Из книги «Близкое далекое» // *РМ-2* 1958. № 1272. 2 октября. С. 4; № 1286. 4 ноября. С. 4—5), о царскосельской аптеке А. А. Дерингера — «А. А. Дерингер» (*РМ-2* 1959. № 1422. 17 сентября. С. 6).

См.: *Андреев Ник.* Семидесятилетие А. И. Угрюмова // *НРС* 1967. № 19828. 23 июня. С. 2.

303. Санкт-Петербург. Печ. по: *Угрюмов Алексей.* Пережитое и передуманное: Тетрадь стихов. Кембридж, 1958. С. 84. В рукописи это и последующие стихотворения — «Петроград» и «Ленинград», образуют трехчастный цикл (хранится в Русском архиве в Лидсе. MS 1396/1041). В рукописи датировано «1952 г.».

304. Петроград. Новый путь (Рига). 1944. № 10. С. 7. Печ. по: Угрюмов Алексей. Пережитое и передуманное. С. 85—86. В рукописи датировано *1944 г.* Образная система этого стихотворения — Медный всадник, фонари, ночь и ожидание рассвета — отчасти напоминает стихотворение А. Блока «Петр» (1904), посвященное дяде Плюшкова Е. Иванову.

305. Ленинград. Печ. по: Угрюмов Алексей. Пережитое и передуманное. С. 87. В рукописи датировано «1953 г.».

306. Ф. И. Тютчев в Царскосельском парке. Там же. С. 65—66. Перепеч. в ж-ле «Златоцвет». 1962. № 3. С. 20. Приведено в его статье «Что сохранила память: Из книги "Близкое далекое"». Стихотворение отсылает к двум тютчевским стихотворениям: «Осенней позднею порою» (1858) и «Тихо в озере струится» (1866). О Тютчеве в Царском Селе см.: *Штейн С.* Тютчев в Царском Селе // Царскосельское дело. 1915. № 20. 29 мая и № 30. 24 июля; *Яковлев Вс.* Проект увековечения памяти А. С. Пушкина и других великих царскоселов // Жизнь искусства. 1919. 15 февраля; *Голлербах Э.* Из жизни великих царскоселов // Жизнь искусства. 1919. 18 апреля.

307. Царское Село, цикл. Печ. по: *РМ-2* 1960. № 1494. 3 марта. С. 7. Первый эпиграф из стихотворения А. Пушкина «19 октября» («Роня-

ет лес багряный свой убор»), второй — неточная цитата из стихотворения А. Ахматовой «Смуглый отрок бродил по аллеям» (цикл «В Царском Селе») (1911), в оригинале: «И столетие мы лелеем/ Еле слышный шелест шагов».

2. Анна Ахматова в Царскосельском парке. Написано в Риге 9 июня 1944 г. Печ. в: Златоцвет (California). 1962. № 3. С. 37—38; под назв. «Анна Ахматова в Царскосельском парке в 1913 году» — в *Воз-2* № 165. 1965. С. 55; под. назв. «В Царскосельском парке» — в *Сов* № 13. 1966. С. 6. Ср. в его же очерке «Город муз»: «Мне приходилось часто встречать Анну Ахматову в Царскосельском Екатерининском парке. Я заметил, что она особенно любила железную скамью, вдвинутую в заросли шиповника и повернутую к Большому озеру; Ахматова одиноко сиживала на этой скамье в вечерние часы летом, на закате солнца, и пристально близорукими глазами вглядывалась в озерную рябь и в Чесменскую колонну посреди озера, увенчанную бронзовым орлом» (*НРС* 1966. 15 мая); ср. еще в его подсоветском очерке: «Много стихов посвятила нашему городу поэтесса Анна Ахматова, которая прожила в нем несколько месяцев» (*Плюшков А.* Воспоминаньями смущенный // Большевистское слово (г. Пушкин). 1940. 10 августа; видимо, во фразе описка — Ахматова провела в Царском Селе свое детство и прожила 1910—16 гг.).

308. Невский. Печ. по: *РМ* 1959. № 1459. 12 декабря. С. 5. Эпиграф из поэмы Пушкина «Полтава». *Стрельская Варвара Васильевна* (1838—1915), *Савина Мария Гавриловна* (1854—1915), *Юрьев Юрий Михайлович* (1872—1948), *Далматов Василий Пантелеймонович* (наст. фам. Лучич; 1852—1912), выдающиеся русские артисты.

309. В Эрмитаже. Печ. по: *РМ* 1959. № 1466. 29 декабря С. 4; печаталось в *Сов* № 7. 1963. С. 11.

310. Н. С. Гумилев. Печ. по: Златоцвет. 1962. № 3. С. 37—38 в составе цикла «Поэты в Царскосельском парке», вместе со стих. «Александр Блок» и «Анна Ахматова». В стихотворении обыгрываются мотивы и образы стихотворений Гумилева. *Палаццо Дожей* — Намек на стихотворение Гумилева «Генуя» (Сб. «Колчан»): «В Генуе, в палаццо дожей / Есть старинные картины...». *Тавриз* (Тебриз) — город на северо-западе Ирана, основан в III—IV в. н. э.; в средние века один из крупнейших городов Бл. и Ср. Востока, славившийся школой живописной миниатюры. *Его влекли пески Сахары* — см. ст-ние «Сахара» (сб. «Шатер»).

311. Блоковиада, цикл. Печ. по: *Воз-2* № 189. 1967. С. 67, 68—69.

I. Из цикла — «Поэты в Царском Селе». Александр Блок. До этого печ. в: Златоцвет. 1962. № 3. С. 37—38. *И деву с урной освещал - Другой поэт стоял пред ней* — см. комм. к стих. Д. Кленовского «Пирог с грибами стынет на столе».

III. «Помнишь зимний Петербург». *Лихач* — см. коммент. к стих. В. Гарднера «Картинки прежнего Петрограда». *Сюнненберг Константин Александрович* (псевд.: К. Эрберг, 1871—1942), поэт, художественный критик. *Пяст Владимир* (наст. имя: Владимир Алесеевич Пестовский, 1886—1940), поэт, переводчик, литературный критик. *Дельмас* — Андреева Любовь Александровна (урожд. Тищинская; сценич. псевд. Дельмас; 1884—1969), оперная певица, возлюбленная Блока, адресат его стихотворного цикла «Кармен». *Врубель Михаил Александрович* (1856—1910), живописец.

Познер Владимир Соломонович (5 января 1905, Париж — 19 февраля 1992, Париж). Родился в семье еврейского общественного деятеля С. В. Познера (1876—1946), находившегося в это время в политической эмиграции. Брат, Г. Познер (1906—88), известный египтолог. С петербургских времен, когда он входил в литературную группу «Серапионовы братья», дружил с Л. Лунцем и поддерживал с ним переписку, находясь в эмиграции. Посещал литературную Студию в доме Мурузи и был, по свидетельству К. Чуковского, ее «летописцем и бардом» (*Чуковский Корней.* Из воспоминаний // Михаил Зощенко в воспоминаниях современников. М.: Сов. пис., 1981. С. 26; ср. у него же о юном Познере: «Не было таких строк Маяковского, Гумилева, Мандельштама, Ахматовой, которых он не знал бы наизусть», *Чуковский К.* Современники. Портреты и этюды. М., 1967. С. 440). Впоследствии Г. Адамович писал о его стихах петербургской поры, что они «были увлекательны, остроумны, и даже такой взыскательный судья, как покойный Гумилев, их высоко оценил — в особенности удачнейшую "Балладу о дезертире"» (*СЗ* № 38. 1929. С. 525). При публикации она была посвящена памяти Н. Гумилева (Голос России. 1922. 12 марта). О творческих корнях Познера — наряду с С. Нельдихеном, Н. Тихоновым, В. Рождественским — Б. Лавренев писал в рецензии на книгу стихов последнего «Золотое веретено» (Пг., 1921): «В сущности, их стремление к живой жизни, к ее цветению — своеобразная реконструкция слишком рано похороненного акмеизма» (Костры (Ташкент). 1923. № 3/4. С. 29).

В 1921 г. семья Познеров эмигрировала в Каунас, где он печатал стихи в газете «Вольная Литва» (21 июля — «Товарищ Европа», 23 июля — «Всем вам», 28 июля — «Атаман Голод»), отмеченные явственным влиянием В. Маяковского (возможно, ему же принадлежат в той же газете стихи под псевдонимом «Д'Энди») и в журнале «Зеркало» (1921. №1. С. 2; также с посвящением «Дусе», как и «Вся жизнь господина Иванова»). В июньских номерах «Вольной Литвы» печаталась подборка собранных Познером (или написанных им самим) «петроградских частушек» — вот два характерных образца:

Я любовь веду с матросом,
Припеваючи живу.
Мил торгует папиросами
На Аничковом мосту.

Погоди, товарищ, стоп,
Нужен Петротоп-ли вам,
Коль не может Петротоп
Обеспечить топливом.

Недолгое время жил в Берлине, его балладу «Вся жизнь господина Иванова» А. Белый опубликовал в № 4 ж-ла «Эпопея» (см. в письме И. Эренбурга Е. Полонской от 10 октября 1922 г.: «Еще здесь сейчас Познер... Очень милый мальчик. Стихи пока плохие. Белый его возвел в Пушкины — как бы не свихнулся», *Фрезинский Борис.* Письма Ильи Эренбурга Елизавете Полонской. 1922—1966 (Предыстория переписки. Канва отношений) // Вопросы литературы. 2000. Январь—февраль. С. 310). В *НРК* (1922. № 9. С. 37) сообщалось о том, что он «имеет готовой к печати книгу стихов "Каменный век"» (книга не вышла).

Из Берлина переехал в Париж, где окончил Сорбонну. Входил в литературно-художественные объединения эмигрантов: «Гатарапак» (1921—22) (ср. в воспоминаниях современника: «Владимир Познер —

единственный из "Серапионовых братьев", оказавшийся за границей, — прозы еще не писал и читал свои юношеские стихи», *Юлиус Анатолий.* Русский литературный Париж 20-х годов // *Сов* № 13. 1966. С. 87), «Через» (1923—24), «Кочевье» (1928—39). В первые годы парижской жизни посещал салон-студию бывшей певицы Мариинского театра М. Олениной д'Альгейм. Уже в 1922 г. опубликовал «Балладу о ночном обыске» в недоступных в это время для молодых поэтов *СЗ* (№ 9).

Сотрудничал в эмигрантских периодических изданиях: *ВР, Зв, СЗ,* позднее, в 40-е гг., — в *Нов.* Планировал написать вместе с З. Гиппиус пьесу для детей (см. письмо Гиппиус к В. Злобину от 29 ноября 1922 г. в кн.: *Pachmuss Temira.* Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hipius. München, 1972. P. 187). В 1928 г. в Париже вышел его единственный поэтический сборник «Стихи на случай», о котором М. Слоним писал: «Пожалуй, это основное достоинство стихов Познера: его стихи очень легки и очень конкретны. У поэта живая фантазия <...> и от этого есть в его сборнике некое разнообразие тем и выражений, некая приятная пестрота» (*ВР* 1928. № 7. С. 74—75), а в другом месте отмечал влияние на него современной французской поэзии, от которой он взял «свою отточенную сжатость и умение говорить очень простыми, обыкновенными словами о самом главном и значительном» (*Слоним М.* Молодые писатели за рубежом // *ВР* 1929. № 10—11. С. 110). Г. Адамович назвал стихи, собранные в этой книге, «прелестными в своей бедной и скромной выразительности, в своей акварельной сдержанности», хотя поэт «не везде и не всегда — договаривается до "настоящих" слов» (*СЗ* № 38. 1929. С. 525), а в связи со стихами Познера в *ВР* (1928. № 1) отмечал, что им присуща «чуть-чуть старомодная "задумчивость", прозрачная легкость речи» (*Зв* 1928. № 4. С. 191). О своем влиянии на Познера писал В. Ходасевич в статье «Молодые поэты», подчеркивая, что в «Стихах на случай» автор «коренным образом переучился всему — и сделал это преимущественно под литературным влиянием пишущего эти строки» (*Воз-1* 1928. № 1150. 26 июня. С. 3); в рецензии В. Сирина (Набокова) на «Стихи на случай» это влияние определяется как «назойливое» (*Р* 1928. 24 октября).

В эмиграции перешел на французский язык. Автор книги «Panorama de la litterature russe contemporaine» (Paris, 1929), в которой проследил историю русской литературы с 1885 по 1917 гг. (книга вызвала обширную статью А. Дивильковского «Скользящий полет по литературе» в «Красной нови», 1931. № 5—6; В. Ходасевич отреагировал на нее развернутой рецензией, общий вывод которой оказался вполне лояльным: «...при всех частных возражениях <...> книга Познера кажется мне удачею этого автора, столь еще молодого. Во французской литературе она, несомненно, составит, как говорится, "вклад" — не потому только что это единственный труд на данную тему, но и потому, что в ней есть самостоятельные достоинства», *Воз-1* 1929. № 1409. 11 апреля. С. 4); см. также рец. Д. Святополка-Мирского в еженедельнике «Евразия» (1929. № 21. 13 апреля. С. 6—7). Переводил на французский язык советских писателей (см., к примеру, его перевод рассказа Л. Леонова «Возвращение Копылова» в: Europe. 1931. № 103. 15 juillet).

В 1930-е гг. неоднократно приезжал в СССР (в составе французской делегации принимал участие в I-м съезде советских писателей в 1934 г., годом ранее вступил во французскую компартию), за что в эмиграции получил прозвище «комнатный большевик» (*Фельзен Юрий.* Парижские встречи писателей // *НРС* 1930. № 6461. 5 окт. С. 10). Автор апологетического очерка к книге-альбому об успехах комму-

нистического строя «URSS» (Préssentation de Luc Durtain; Paris, 1932; рец. на нее В. Руднева см. в *СЗ* № 50. 1932. С. 486—487) и книги о бароне Унгерн-Штернберге (см. вызванную этой книгой статью Б. Волкова «Просоветский "литературный эксперт". Кто такой Владимир Познер» // *РМ-2* 1949. № 125. 6 апреля. С. 4). Выступал на парижском процессе В. А. Кравченко (январь-апрель 1949 г.) в роли эксперта его книги «Я выбрал свободу» со стороны газеты «Lettre française». Из-за его коммунистических настроений эмиграция полностью прервала с ним отношения, ни одним своим стихотворением Познер не был, напр., представлен в *Я* (см. об этом в письме Г. Адамовича М. Кантору от 12 сентября 1934 г. в: Как составлялась антология «Якорь». Публ. и комм. Г. Струве // *НЖ* № 107. 1972. С. 234). Встречался и переписывался с М. Горьким, см. об этом в его кн.: Souvenirs sur Gorki par Vladimir Pozner. Paris: Les Editeurs Français Réunis, 1957.

В начале 60-х гг. несколько романов Познера как «прогрессивного французского писателя» были переведены на русский язык и изданы в Советском Союзе (при этом, разумеется, не указывалось, что он русский эмигрант, см., например, предисловие Ю. Уварова к кн.: *Познер Владимир*. Место казни. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. С. 5—9). В годы Второй мировой войны находился в США, после войны вернулся в Париж. Как заместитель председателя Национального комитета французских писателей, возникшего в годы Сопротивления, подписал августе 1968 г. протест против оккупации советскими войсками Чехословакии, см.: Les lettres françaises. 1968. № 1246. 28 août.

См.: *Чуковский Н.* Литературные воспоминания. М.: Сов. пис., 1989. С. 72—77; *Парнис А.* «Зачем так опрометчиво я взял твою тетрадь...». Блок, Маяковский, Ходасевич и другие в парижском альбоме. Очерк первый // Опыты (СПб.; Париж). 1994. № 1. С. 149—176; Несколько штрихов к истории литературы первых лет эмиграции (из архива С. В. Познера) / Публ. Олега Коростелева // Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись: Материалы международной конференции. Иерусалим — Таллинн, 2004. С. 321—353.

312. Вся жизнь господина Иванова. Печ. по: Эпопея: Литературный сборник (Берлин). 1923. № 4. С. 9—16. См. в письме М. Горького М. Слонимскому из Саарова от 10 октября 1922 г.: «Вчера был у меня Вова Познер, читал две хорошие поэмы: "Лизанька" и "Вся жизнь г. Иванова", — славный поэт и хороший парень» (Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 383) (о поэме «Лизанька» сведений не сохранилось). *Дуся* — возможно, И. Каплан, ставшая впоследствии женой М. Л. Слонимского. *Дом Ученых* был открыт в январе 1920 г. решением Петросовета по инициативе Петроградской комиссии по улучшению быта ученых (председатель — М. Горький) в бывшем дворце великого князя Владимира Александровича; ранее во дворце работала библиотека издательства «Всемирная литература».

Померанцев Кирилл Дмитриевич (1907, Москва — 5 марта, 1991, Париж). О себе сообщал: «<...> Отец был судебным деятелем. Прожил в России до 13 лет и эвакуировался с семьей в Константинополь, где и получил среднее образование. Двадцати лет переехал в Париж, где до войны работал на заводах, участвовал в велосипедных гонках (чудесное занятие), любителем и вольнослушателем посещал курсы

философии, богословия, литературы и прочих мудрствований. На время войны перебрался в Лион и там участвовал в Сопротивлении.

После войны стал сотрудником почти всех больших зарубежных изданий: "Тетрадей Возрождения" (при С. П. Мельгунове), "Русской Мысли", "Нового Русского Слова", "Нового Журнала", "Мостов" (был их представителем во Франции) и др.

С 1957 г. работаю в парижской "Русской Мысли", где составляю и редактирую отдел политической информации. Никаких дипломов, докторатов, кафедр и пр. не имею.

Стихи писал с самого детства, но очень плохо. Да и теперь пишу совсем не так, как этого бы хотелось» (*Сод* С. 539).

После войны посещал «Неточкин салон» — литературные собрания в доме А. М. Элькан (см. в наст. изд.), см. его стихотворение «М. В. Абельман», посвященное ее матери (*Воз-2* № 23. 1952. С. 117); некоторые заседания проходили в его квартире. Именно ему первоначально предложила И. Яссен возглавить парижское издательство «Рифма», в котором после войны печатались сборники стихов эмигрантских поэтов (Померанцев предложил вместо себя С. Маковского). Был близок к Г. Иванову и И. Одоевцевой, см., однако, письмо Ю. Терапиано В. Маркову от 7 августа 1960 г., в котором отношение Померанцева к И. Одоевцевой после смерти Г. Иванова предстает менее однозначным (*Минувшее* Т. 24. С. 341).

Автор единственного сборника стихов (Париж, 1986) и мемуарной книги «Сквозь смерть» (London, 1986).

Некрологи: *Радашкевич Александр.* Памяти Кирилла Померанцева // *НЖ* № 183. 1991. С. 352—355; *Гинзбург Арина.* Сквозь смерть // Там же. С. 355—356.

313. Возвращение. Печ. по: *Сод* С. 375—376. Включено в *Мы жили* Т. 3. С. 244—245. Описанное в стихотворении путешествие по Италии на мотоцикле имело фактическую основу, см. главу «Метафизика мотоцикла» в его очерке «Итальянские негативы» // *Мос* № 11. 1965. С. 138—142. Тот же мотив — воображаемой встречи с Петербургом, звучит в другом его стих. «Мне бессоннится, мне не лежится» (*Сод* С. 372). *Кампанила* (campanile) — в итальянской архитектуре средних веков и Возрождения 4-гранная или круглая башня-колокольня, обычно стоящая в стороне от храма.

Поппер Виктория Вартановна (урожд. Чемискян (Чемишкян); псевд.: Виргиния-Вероника Поппер, Е. Вольская; 25 февраля 1913, Петербург — 26 января 1990, Хельсинки). Училась в Русском Лицее в Выборге, о котором писала впоследствии в стихотворении «Под сенью Выборга родного»: «В стенах лицея дорогого / Мы светоч знанья обрели / И православную культуру, / И русскую литературу / В сердцах навеки сберегли». После признания Советской Россией государственной независимости Финляндии (31. 12. 1917) местечко Териоки на Карельском перешейке отошло к Финляндии, и родители В. Чемишкян, имевшие там дачу, получили финское гражданство. Позже семья переехала в Таллинн. После захвата Эстонии советскими войсками Виргиния с матерью была отправлена в лагерь за Урал. В 1946 г. освободилась и обосновалась в Хельсинки. Работала посудомойкою в ресторане. Вышла замуж за Г. Поппера, также репрессированного и проведшего 10 лет в сталинском лагере. В. Поппер несколько раз

бывала в Ленинграде, итогом ее поездок явились включенные в наст. изд. стихи.

См. о ней: *Башмакова Н.* «Мы говорим на разных языках...»: Из литературной жизни русских в Финляндии в межвоенные годы // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. T. 3. Helsinki, 1992. S. 176; *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland 1917—1939: A Local and Oral History. Helsinki, 2001 (Studia Slavic Finlandensia. T. 18). S. 241.

314. Моему другу. Печ. по кн.: *Поппер Виргиния-Вероника* (Е. Вольская). Гора Фавор. Helsinki, 1987. б. с.

315. Блокада (К сорокалетию блокады Ленинграда). Печ. по кн.: *Виргиния-Вероника Поппер.* Царскосельский лицей. Helsinki, 1987. б/с.

316. В Царскосельском лицее. Там же. *«Возвращается ветер на круги своя...»* — стих из Книги Экклесиаста (1: 6).

317. «Петербург! Петроград! Ленинград!..». Там же. Эпиграф из «Медного всадника» Пушкина. В стихотворении упоминаются произведения русской литературы, составляющие неизменный контекст петербургской темы: «Преступление и наказание» и «Идиот» Достоевского, «Анна Каренина» Л. Толстого, «Двенадцать» Блока.

Прегель София Юльевна (20 августа [1 сентября] 1897, Одесса — 26 июля 1972, Париж). Родилась в семье промышленника Ю. В. Прегеля (ум. 1939), мать — пианистка и певица Р. И. Глазер. По окончании гимназии училась в театральной студии и параллельно выступала на сцене Одесского музыкального театра. В 1917 г. поступила в вокальный класс Петроградской консерватории. В начале 20-х вместе с семьей эмигрировала за границу и поселилась в Берлине (1922), публиковалась в берлинских сборниках русских поэтов: «Новоселье» (1931), «Роща» (1932), «Невод» (1933).

В 1932 г. переехала в Париж. Ее стихи появлялись в *СЗ, Ч.* Помимо стихов, печатала также очерковую прозу, см., например, ее малоизвестный мемуарный очерк о еврейской литературной Одессе «Juive par la joie» в еженедельнике «Affirmation» (1939. № 7. 24 février. P. 5), который редактировал русский поэт-эмигрант Д. Кнут. Дружила с Н. С. Гончаровой, которая посвятила ей стихотворение, см.: *Прегель София.* Письма П. Л. Вячеславову / Публ. и прим. Н. Рубашевой // *НЖ* № 219. 2000. С. 169 (в свою очередь, Прегель написала стих. «Н. С. Гончаровой»).

В начале Второй мировой войны перебралась в США. Принимала участие в благотворительных вечерах, организуемых «Обществом приехавших из Европы», см. сообщения об этих вечерах в выходившем в Нью-Йорке еженедельнике «Заря» (1943. № 4. 15 февраля. С. 16; № 6. 15 марта. С. 12). Входила в Объединение русских писателей-эмигрантов, собиравшихся по понедельникам («Из нескольких стихотворений С. Прегель, как всегда уверенно мастерских, больше всего понравились стихи о переезде границы», — говорилось в информации об одном из таких заседаний. *НРС* 1941. № 10340. 1 июня. С. 8). Печатала стихи в и воспоминания об Одессе в *НРС.* С января 1942 г. начала издавать журнал «Новоселье» (в 1947 г. вместе с ним вернулась в Париж; журнал просуществовал до 1950). «Директриса литературы эмигрантской», по выражению Г. Адамовича, Прегель была одной из заметных фигур в организации литературно-общественной жизни русской эмиграции: помимо упомянутого *Нов,* директор (после смерти И. Яссен) издательства «Рифма» (с 1957 по 1972). Принад-

лежа к обеспеченному слою эмиграции (ее брат, Б. Ю. Прегель, а также мужья, второй — С. Н. Брайнер и третий — С. Г. Равницкий, были людьми состоятельными), много сил отдавала благотворительной деятельности.

Автор 7 поэтических сборников — все изданы в Париже: «Разговор с памятью» (1935), «Солнечный произвол» (1937), «Полдень» (1939), «Берега» (1953), «Встреча» (1958), «Весна в Париже» (1958), «Последние стихи» (1973 — посмертный). Критика и мемуаристы отмечали талантливость и неподражательность ее стихов (М. Цетлин, *СЗ* № 64. 1937. С. 461; Его же, *СЗ* № 70. 1940. С. 282), вдохновенную яркость образов («...сила Софии Прегель не в цельности ее пьес, а в тех ярких поэтических вспышках, которые можно найти на каждой странице», *Биск А.* Тайна вдохновенья (Размышления над книгой стихов) // *НРС* 1953. № 15079. 9 августа. С. 8), не пассивную созерцательность, а активную изобразительность (рец. Ю. Терапиано на сборник «Берега» // *Оп* № 3. 1954. С. 197—198), непоказной оптимизм, содержащий «пряную ноту радости жизни» (*Таубер Екатерина.* Буйство глаз (О стихах Софии Прегель) // *Гр* № 39. 1958. С. 220), вещественную зримость мира («Мир вещественный был ей близок, как фламандским художникам», *Шаховская З. А.* В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 277).

Далеко не все признавали поэтический талант Прегель, см., например, негативный отзыв Г. Адамовича о ее стихах в письме А. Бахраху от 10 мая 1953 г. (Письма Георгия Адамовича А. В. Бахраху (1952—1953) / Публ. Вадима Крейда и Веры Крейд // *НЖ* № 217. 1999. С. 64), ср.: «...Ее поэзия, в которую она вкладывала свою душу, не очень ценилась такими тогдашними авторитетами, как Адамович и Георгий Иванов. Но, что делать — поэзия, действительно, была средней или, как у нас говорили, "на уровне"» (*Померанцев Кирилл.* Сквозь смерть: Воспоминания / Вступ. ст. Бориса Филиппова. London, 1986. С. 72).

Одна из немногих эмигрантских литераторов, вошедших в советскую «Краткую литературную энциклопедию».

См.: *Кашина-Евреинова Анна.* Моя добрая Соня (Воспоминания о Софье Юльевне Прегель) // *РМ-2* 1972. № 2913. 21 сентября. С. 7.

318. Петербург. Печ. по: *Прегель София.* Солнечный произвол. Париж: Изд-во «Современные записки», 1937. С. 61. Первая строфа приведена в некрологической статье: *Реувени Е.* Памяти Софьи Юльевны Прегель // Менора (Иерусалим). 1973. № 1. С. 80.

319. «В шапке лицо низколобо...». Там же. С. 62. В рецензии на сборник «Солнечный произвол» М. Цетлин, сомневаясь в грамматической корректности второй строфы, замечал: «Допустимо ли употребление слова "только" не в прямом его смысле, а для того, чтобы противупоставить некоторые черты пейзажа и оттенить этим словом его фон!» (*СЗ* № 64. 1937. С. 461).

320. «Улицы праздной пенное мыло...». Печ. по: *Прегель София.* Весна в Париже. Париж: Новоселье, 1966. С. 15. Включено в *ВРС* С. 393. *Не повторится здесь никогда* — Возможный отзвук стих. Г. Адамовича «Что там было? Ширь закатов блеклых»: «Тысяча пройдет, не повторится, / Не вернется это никогда». *Желтых небес тяжелая ткань* — Этот образ вспоминает А. Седых некрологе «Памяти Софии Прегель» (*НРС* 1972. № 22692. 30 июля. С. 3).

321. Пиковая дама. Печ. по: *Прегель София.* Берега. Париж: Новоселье, 1953. С. 24—25. *В эту темную ночь отравилась - венца* — парафраз популярной в начале века песенки «Маруся отравилась».

...На морозе бобровый блестит воротник — см. комм. к стих. В. Андреева «Еще любовью пахнет горький порох». *Каверин Петр Павлович* (1794—1855), приятель Пушкина и герой ряда его стихотворений, вплоть до упоминания в 1-й гл. «Евгения Онегина»; в 1816 г. поступил в лейб-гвардии Гусарский полк, майор Павлоградского гусарского полка (1819), участник турецкой кампании (1828—29) и усмирения польского мятежа. *Плачет Лиза у Зимней канавки* — см. комм. к стих. Н. Агнивцева «Санкт-Петербург».

Раевский Георгий Авдеевич (наст. фамилия Оцуп; 29 декабря 1897 (10 января 1898), Царское Село — 19 февраля 1963, Штутгарт). Брат Сергея Горного и Н. А. Оцупа, чьи стихи также включены в наст. издание. В 1920 г. появился в Риге с томиком Блока, на котором была авторская надпись: «Молодому и талантливому поэту Всеволоду Рождественскому» (см.: *Аргус.* Слухи и факты // *НРС* 1965. № 19136. 31 июля. С. 2). Жил в Берлине, где окончил философский факультет Берлинского университета. В 1924 г. переехал в Париж, но временами бывал в Берлине, см. его стихи в сборнике берлинских поэтов «Невод» (1933) и редакционное примечание к ним: «Георгий Раевский, находящийся в настоящее время в Берлине, предоставил свои стихи для сборника» (С. 49). О его крещении в один из приездов см. в письме Д. Шаховского матери от 26 декабря 1926 г. в кн.: *Архиепископ Иоанн Шаховской.* Биография юности. Установление единства. Париж, 1977. С. 122.

Входил в литературное объединение «Круг» и тяготевшую к В. Ходасевичу парижскую группу «Перекресток» (стих. Ходасевича «Я с Музою не игрывал уж год» посвящено Раевскому), см. в обзоре Ивелич (Н. Берберовой) поэзии «Перекрестка» о Раевском, который «до сих пор еще окончательно не излечился от болезни, имя которой "Тютчев". От самого Раевского зависит выздоровление. А признаки выздоровления уже налицо» (*ПН* 1930. № 3375. 19 июня. С. 3). Ощущавший по отношению к нему свою учительскую роль, В. Ходасевич в статье «Молодые поэты» так характеризовал творческие достоинства поэта: «Раевский — серьезный, внимательный ученик. Он несомненно обладает способностью хорошо усвоить и разобраться в поэтическом наследии своих учителей. Ему присуще хорошее чувство стиля, которое редко ему изменяет. Наконец, и это самое главное, — несмотря на то, что Раевский порою как бы калькирует чужие стихи — все же слышится у него и собственное поэтическое одушевление, пока еще выражающее себя в чужих образах и предметах. Словом, на мой взгляд, в стихах Раевского уже есть поэзия, но еще нет поэта» (*Воз-1* 1928. № 1150. 26 июля. С. 3), в значительно более резком тоне о стихах Раевского отзывался Г. Адамович (*СЗ* № 29. 1929. С. 524—525), хотя два года спустя писал о том, что поэт «медленно и верно развивается» (*ПН* 1931 № 3725. 4 июня. С. 2).

Первый сборник — «Строфы» (Париж, 1928) — вышел в свет позднее многих других из его поколения. Отмечая этот факт, Ю. Т<ерапиано> в рецензии писал, что «автор не спешил очевидно, подобно многим молодым поэтам, как можно скорее выпустить сборник; и сдержанность, продуманность, тщательно произведенный подбор стихотворений — сейчас редкое качество» (Новый корабль. 1928. № 4. С. 60). М. Струве в рецензии на тот же сборник подчеркивал, что «при несомненной некоторой одаренности ("поэтический слух", что ли)» в его стихах «все до невероятия благополучно, закругленно, законченно и,

вместе с тем, ничего, ничего совершенно своего» (*ПН* 1928. № 2675. 19 июля. С. 3). В послевоенное время посещал литературный кружок, собиравшийся на квартире у поэтессы Т. Величковской (см. об этом в ее воспоминаниях: Поэтический кружок // *РМ-2* 1959. № 1448. 17 ноября. С. 4—5; О кружках поэтов // *РМ-2* 1959. № 1461. 17 декабря. С. 5; О поэте Г. Раевском // *РМ-2* 1973. № 2937. 8 марта. С. 6; а также ее стих. «Все меньше цветения в мире», посвященное Раевскому).

А. Бахрах назвал «Новые стихотворения» (Париж, 1946) Раевского «книгой достижений». «Он успел, — писал критик, — перейти через перевал сомнений. В его гармоническом мире все обосновано, все мудро и слишком логично. Все здесь на своем месте, и на житейскую повседневность, страшную и уродливую, взирает он с некоторой снисходительностью из высот хоть и запредельных, но все же весьма комфортабельных» (*Бахрах Александр.* Серое и коричневое // Орион: Литературный альманах / Под ред. Юрия Одарченко, Владимира Смоленского, Анатолия Шайкевича. Париж, 1947. С. 149). Чистоту тембра, благородство тона и прозрачную, порой чуть наивную ясность подчеркивал в отзыве на этот же сборник М. Слоним (*Нов* № 29—30. 1946. С. 93). Откликаясь на него же и на «Третью книгу» (Париж, 1953), ставшую последним сборником стихотворений Раевского, Е. Таубер писала о его одиночестве в эмигрантской поэзии: «Поэзия его преимущественно волевая, никак не стихийно-иррациональная. Он не дает над собою силы этому иррациональному, не позволяет разбудить, несмотря на всю свою близость к Тютчеву, "неистовые звуки". Он всецело принадлежит неоклассической традиции, и от поэзии он хочет одного:

Дай бесстрастьем вдохновиться,
Холодом и чистотой...»

(*Гр* № 21. 1954. С. 162).

Последние годы жизни прожил в Германии, где работал на радио.

322. «Ты помнишь ли, как в Царскосельском парке...». Печ. по: *Раевский Г.* Новые стихотворения. Париж, 1946. С. 61. Включено в *Мы жили* Т. 2. С. 172. *Империя тогда уже - К ущербу* — См. повторение этого образа и ряда других сходных деталей (дыхание осени, окна дворца, чугунный орел) в его «Отрывках из поэмы»; ср. мотив «ущерба» — с использованием самого этого слова — в очерке Г. Иванова «Закат над Петербургом» (впервые опубл. в *Воз-2* № 27. 1953).

323. Отрывки из поэмы. Там же. С. 63. *Николай Николевич Оболенский* (1905—93) — родился в Астрахани, рос в Петербурге (его отец, Н. Л. Оболенский, в годы Первой мировой войны был начальником гражданской канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего); в начале 20-х гг. эмигрировал сначала в Константинополь, затем — в Ниццу; после окончания военного училища Сен-Сир (1925) получил чин подпоручика, но не служил; в 1927 г. окончил парижский Институт общественно-политических наук, после чего работал в страховой фирме; в годы Второй мировой войны был ранен и взят в плен, в котором провел 8 месяцев; награжден высшим отличием Франции — Военным Крестом и орденом Почетного Легиона; после войны дебютировал как поэт в сборнике стихов Объединения молодых деятелей русского искусства и науки (Париж, 1947), печатался также в антологии русских зарубежных поэтов «Эстафета» (1948) и *Нов* (№ 42—44. 1950). *Когда на*

гибнущую Трою - Эней — В греч. и рим. мифологии сын Анхиса и Афродиты (Венеры), изображаемый в «Илиаде» Гомера как один из героев Трои; по версии Вергилия («Энеида»), Эней оставляет захваченную ахейцами Трою и отправляется на поиски новой родины.

Раич Евгений Исаакович (наст. фам.: Рабинович; 26 апреля 1901, Петербург — 15 мая 1973, Вашингтон). Отец — адвокат (в эмиграции написал брошюру «Русские и немцы», целью которой было помочь более эффективной натурализации беженцев: поиск работы, бытовое устройство и пр.). Мать — музыкант, ученица А. Рубинштейна. Окончил Тенишевское училище (?). После Февральской революции, которую семья встретила с энтузиазмом, состоял в рядах народной милиции и даже, несмотря на 16-летний возраст, руководил милицейским отрядом. После Октябрьского переворота семья бежала из Петрограда в Киев, где Раич учился на химическом отделении университета. В 1920 г. через Польшу эмигрировали в Германию. Здесь в 1921 г. он поступил на химический факультет Берлинского университета и через несколько лет защитил докторскую диссертацию. Был берлинским корреспондентом *ПН*. После прихода Гитлера к власти переехал в Лондон, а в 1938 г. поселился в Америке. В начале 40-х гг. принимал участие в разработке Манхеттенского проекта по созданию атомной бомбы. Считаясь одним из крупнейших специалистов в области ядерной физики, представил американскому правительству доклад о гибельных последствиях применения ядерного оружия. Рассказывая о себе, писал: «Меня зовут Евгений Исаакович Рабинович. Я родился в Петербурге. В эмиграции прошел три стадии — немецкую (1920—1934), английскую (1934—1938) и американскую (с 1938 г.). Окончил факультет химии в Берлине в 1922 г.; теперь я профессор биофизики в Иллинойском университете. Кроме того, я редактор чикагского журнала "Бюллетень атомных ученых" и устроитель международных съездов ученых "Наука и проблемы человечества" ("Пагуошские конференции"). Автор ряда книг по своей специальности. Мои "политические" статьи вышли в 1963 г. сборником: "The Dawn of a New Age". Я доктор Берлинского университета (1926) и почетный доктор Брандайзского и Дартмутского университетов.

Стихи начал писать в детстве; был членом Кружка русских поэтов в Берлине в 1925—1930 гг., печатался в нескольких их сборниках. В 1963 г. <правильно: в 1965> выпустил в издательстве "Рифма" (Париж) первый и, вероятно, единственный сборник стихов "Современник".

Переводил — с русского и на русский. Несколько переводов из Пушкина были напечатаны в Russian Review. Сорок лет работаю над переводом "Фауста"; надеюсь его еще закончить» (*Сод* С. 540).

Выступал как критик, см., к примеру, его рецензию на сборники А. Ахматовой «Четки» и «Подорожник» (Голос России. 1921. № 790. 16 октября. С. 5) или на сборники И. Елагина «По дороге оттуда» и «Ты, мое столетие» (*НЖ* № 23. 1950. С. 297—300).

Рецензии на его собственный сборник писали Ю. Трубецкой (*НРС* 1965. № 19249. 21 ноября. С. 8) и Е. Рубисова (*НРС* 1965. № 19263. 5 декабря. С. 8).

См.: Чествование проф. Е. Рабиновича // *НРС* 1972. № 22649. 17 июня. С. 2).

Некролог: *Каннак Е. Е.* И. Рабинович // *РМ-2* 1973. № 2950. 7 июня. С. 6.

324. «Поздно ночью, усталостью пьяный...». Печ. по: *Раич Евгений*. Современник. Париж, «Рифма», 1965. С. 93—94. В рецензии на сборник стихов Раича Ю. Трубецкой в качестве доказательства того, что «акмеизм оставил на этой книжке, на этих строфах свой четкий шаг», приводит три строфы — от «Вижу снова колонны Сената» до «Одинокие сфинксы грустят» (*Трубецкой Юрий*. Из литературного дневника // *НРС* 1965. № 19249. 21 ноября. С. 8).

325. «Разомкнутый опять сомкнулся круг...». Там же. С. 89.

326. «Зачем не жил я в дни, когда проснулась...». Печ. по: *Сод* С. 385—386. *Душенька* — героиня одноименной поэмы И. Ф. Богдановича (1778—83). *Ленора* — героиня одноименной баллады немецкого поэта Г. А. Бюргера; на русский язык переведена В. А. Жуковским (1831). *Лалла Рук* — поэма английского поэта Т. Мура («Lalla Rookh»), сюжет которой разыгран в стихотворении В. А. Жуковского «Лалла Рук» (1821), написанном в честь приезда великой княгини Александры Федоровны (принцессы Шарлотты), дочери прусского короля Фридриха и жены будущего императора Николая Павловича, к отцу 15 (27) января 1821 г. (имя Лаллы Рук упомянуто Пушкиным в пропущенной строфе из гл. VIII «Евгения Онегина»). *Людмила* — героиня поэмы А. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820). *Курчавый арап* — А. Пушкин. *Марией, Машенькой, а чаще — бедной Таней* — пушкинские героини из повести «Капитанская дочка» и романа «Евгений Онегин». *...неверной темноты* — Цитата из стихотворения Пушкина «Дорида» («В Дориде нравятся и локоны златые», 1819). *Тебя увлек поручик озлобленный* — М. Ю. Лермонтов. *И в даль увез заезжий дипломат* — Ф. И. Тютчев. *Но был один - Тебя пленили* — А. Блок. *...снежная Кармен*; *Он в синий плащ твои закутал плечи*; *Увел тебя в свой соловьиный плен*; *Фаина*; *Незнакомка*; *Катька с пулей в голове* — образы из стихов и поэм А. Блока (Раич отозвался на блоковскую смерть некрологической статьей «О Блоке» // Голос России. 1921. № 754. 4 сентября. С. 3). *Ты отдала единственной подруге - как ты* — Речь идет об А. Ахматовой.

Рудникова Нина Павловна (1890, Петербург — 15 июля 1940, Кенигсберг). Родилась в состоятельной семье горного инженера П. П. Рудникова. Училась на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургских Бестужевских женских курсов. С молодости увлекалась эзотерическими науками, имея в качестве наставника известного русского оккультиста Г. О. Мебеса, автора «Энциклопедии Оккультизма». Была замужем за Г. А. Елачичем, также учеником Мебеса (см. их совместную книгу «Люцифер и антихрист» Пг.: Типогр. То-ва «Художественная печать», 1915). Состояла членом гумилевского Цеха поэтов (*Тименчик Р.* Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. 7/8. С. 37). Стихи ее печатались в ж. «Огонек», «Новое слово», литер. приложениях к «Ниве», в газ. «Биржевые ведомости» и др. См. подборку ее автографов: ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. № 732. После революции с мужем и двумя дочерьми бежала из Петрограда в бывшее имение отца Лединки Лужского уезда. Г. А. Елачич вступил в армию Юденича и был назначен комендантом района. Оттуда перебрались в Таллинн. Сотрудничали в газете «Свобода России». Принимали участие в литературной жизни русскоязычной общины Эстонии. Вместе написали мистерию в стихах «Лазарь» (1919—21; опубликована в журнале «Оккультизм и йога», 1960. № 23. С. 19—64). В 1921 г. разошлась с мужем (Елачич покинул Таллинн, поселился в Белграде, где погиб в

1941 г. во время авиационного налета немцев) и вышла замуж за оккультиста барона А. В. Икскуля. Написала большое количество статей, очерков, этюдов на оккультные темы, которые также нашли воплощение в ее стихах, поэмах, мистериях и художественной прозе. Публиковалась в сборниках «Оккультизм и йога» (в 1933—36 издавались в Белграде, в 1937—38 гг. — в Софии; в 60-е — в Асунсьоне, где Рудникова продолжала публиковаться посмертно: кроме названной выше мистерии «Лазарь», см., напр., ее стихи и статью «Татары — защитники православной церкви» в кн. 28 за 1963 г.). Занималась лечением больных экстрасенсными методами. Была завербована советской разведкой, но играла роль «двойного агента», доставляя своим «хозяевам» заведомо ложные или малоинтересные сведения. В начале Второй мировой войны покинула с мужем, прибалтийским немцем, Эстонию и переехала в Германию. Скончалась в больнице Кенигсберга от рака печени.

См.: *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999, С. 255—263; *Исаков Сергей.* Два лика Нины Рудниковой // Вышгород (Таллинн). № 3—4. 2002. С. 40—70; современное издание ее оккультных сочинений см.: *Рудникова Нина.* Сакральный мистицизм Египта. 22 ступени солнечного пути. М.: Беловодье, 2002.

Петербургская тема в стихах Рудниковой, печатавшихся в ревельской газете «Свобода России», была прежде всего связана с идеей Белого Движения, цитируя поэтессу, «Из рук нечистых вырвать снова / Святыню русскую Петра!» Вдохновляя бойцов армии Юденича на воинский подвиг, эти стихи имели откровенную публицистическую заостренность и в этом смысле служили как бы стихотворной параллелью серии очерков Д. Глуховского, печатавшихся в той же газете под единой рубрикой «На Петроград». В своих стихах Рудникова вела прямой, непосредственный диалог с теми, от кого зависела судьба России и ее столицы, см., к примеру, не включенные в настоящую подборку ее стихотворения «Письмо солдатам» (Свобода России. 1919. № 31. 23 октября. С. 3) или «Вождю» (Свобода России. 1919. № 36. 29 октября. С. 3), обращенное к Юденичу, которого она, как и А. Куприн в «Куполе Св. Исаакия Далматского», именует завоевателем Эрзерума (о Юдениче-эрзерумском см.: *Летописец.* Штурм Эрзерума: Памяти генерала Н. Н. Юденича // *ИР* 1933. № 43. 21 октября. С. 5—6).

327. На Петроград! Печ. по: Свобода России. 1919. № 2. 19 сентября. С. 3.

328. Тоскуем... Печ. по: Свобода России. 1919. № 14. 3 октября. С. 3. Включено в подборку стихотворений поэтессы к упомянутой выше статье С. Исакова «Два лика Нины Рудниковой» (С. 63). *В туманах наверху горят огни Омеги* — См. комм. к стих. Н. Агнивцева «Вы помните былые дни...».

329. Скорбь. Печ. по: Свобода России. 1919. № 73. 12 декабря. С. 3.

Савин Иван Иванович (наст. фам. Саволайнен <вариант: Саволаин>; 29 августа 1899, Одесса — 12 июля 1927, Гельсингфорс). Дед — финн Иохан Саволайнен, женившись на обрусевшей гречанке, остался в России. Отец, Иван Иванович Саволайнен, служивший нотариусом, женился на русской помещице Анне Михайловне Волик (молдаванке по отцу), вдове, матери пятерых детей, которая была старше его на 10 лет (брак был недолгим). Детство Ивана Савина прошло в гор. Зенькове (Полтавская губ.). В годы Гражданской войны вступил

в Добровольческую армию, в которой погибли четверо из его братьев: Михаил и Павел расстреляны, 15-летний Николай убит в бою, Борис — заколот красноармейцем; кроме того, в годы российского катаклизма Савин потерял двух сестер. Служил в эскадроне улан 2-го сводного артиллерийского полка. Заболев тифом и оказавшись в Джанкойском лазарете, попал в плен к красным. Перенеся нечеловеческие побои и издевательства (пленных, больных и раненых переправили в Мелитополь, где заперли в здании ЧК и один раз в неделю выгоняли просить «Христа ради») и чудом избежав смерти, достиг Петрограда. Здесь им были написаны первые рассказы, в основу которых легли пережитые события, см., к примеру, «В мертвом доме (Быль)» в кн.: Пестрые рассказы: Сборник эмигрантской прозы / Под ред. В. Александровой. Нью-Йорк: Изд-во им Чехова, 1953. С. 247—259). В 1921 г. (1922?) эмигрировал в Финляндию. После всех физических и нервных потрясений страдал заиканием, которое, по свидетельству жены, Л. Сулимовской (Савин женился в Гельсингфорсе 21 ноября 1924 г.), проходило, когда он играл на сцене или читал стихи. С 1923 г. начал печататься в эмигрантской прессе — в местной, гельсингфорсской (см. в частности его репортаж о вечере кубанских казаков, участвовавших в Кронштадтском восстании и эмигрировавших после его подавления в Финляндию, — включен в воспоминания полковника Ф. И. Елисеева «Поэт Иван Савин и казаки Финляндии» // *НРС* 1972. 11 ноября. С. 4), и зарубежной: *Сег*; *Р*, *Воз-1*, *ИР*, белградском «Новом времени»; в «Архиве русской революции» напечатаны редактировавшиеся им воспоминания Струкхова. Автор книги о Соловецком лагере (переведена на английский). Был специальным корреспондентом в Швеции. Журналистскую деятельность совмещал с литературной: писал стихи, рассказы, пьесы. Жена Савина так описывала литературную жизнь русской колонии в Гельсингфорсе: «Наша русская колония была небольшая, но уютная, теплая и интересная. Был кружок молодежи, ставили пьесы Савина "Там" и "Молодость", устраивали лекции, литературные суды над Онегиным и Анной Карениной, вечера Блока, Гумилева, Ахматовой. На второй день после смерти Есенина нами был устроен памятный вечер...» (*Сулимовская Людмила.* Иван Савин // *НРС* 1972. № 22757. 3 октября. С. 2). Перед смертью интенсивно работал над романом из пушкинской эпохи. Переписывался с И. Буниным, который (наряду с А. Амфитеатровым и др. известными писателями) высоко оценил его творчество; посещал в Куоккале И. Репина, намеревавшегося писать его портрет (после смерти Савина художник писал его жене: «Я всегда мечтал, глядя на этого красавца-малороссиянина, написать с него портрет. Какая невознаградимая потеря»).

Умер от заражения крови.

Автор единственного прижизненного сборника стихов «Ладонка» (Белград: Изд. Главное Правление Галлиполийского О-ва, 1926), о котором И. Бунин писал: «...то, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу и в русской литературе: во-первых, по причине полной своеобразности его стихов и их пафоса и, во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строки — особенно» (*Бунин И.* Наш поэт // *Воз-1* 1927. № 793. 4 августа. С. 3); см. еще одобрительный отзыв на сборник Ф. Касаткина-Ростовского в *Воз-1* 1926. № 436. 12 августа. С. 3; ср. с мнением поэта второй волны: «Русская гражданская поэзия знает блестящие удачи. "Ладонка" — сборник стихов Ивана Савина — одна из

таких удач» (*Елагин Иван.* Ладонка // *НРС* 1959. № 16768. 15 февраля. С. 8). В 1948 г. «Ладонка» была переиздана в лагере Ди-Пи (изд. Р. В. Полчанинов); 2-е изд. — Нью-Йорк, 1958. Стихи и проза Савина составили книгу «Только одна жизнь» (Составители: Л. В. Савина-Сулимовская, Р. В. Полчанинов); рец. В. Крейда в *НЖ* (№ 171. 1988) и В. Синкевич в *Гр* (№ 149. 1988).

Первым наиболее полным изданием литературного наследия Савина в России явилась подготовленная В. В. Леонидовым книга «Мой белый витязь» (М.: Изограф, Дом-музей Марины Цветаевой, 1998), см. рец. на нее Р. Полчанинова в *НЖ* (№ 216. 1999. С. 322—324).

См. некрологи: *Пильский П.* Иван Савин // *Сег* 1927. № 135. 16 июля. С. 3; *Ларионов Виктор.* Памяти поэта-воина // *Воз-1* 1927. № 786. 28 июля. С. 3; *Бунин И.* Наш поэт // *Воз-1* 1927. № 793. 4 августа. С. 3; ср.: *Его же.* Памяти Ивана Савина // *ПН* 1932. № 4131. 14 июля. С. 3.

См.: *Самарин Владимир.* Литературные заметки. Расстрелянные годы // *НРС* 1972. № 22559. 19 марта. С. 5; *Терапиано Ю.* Иван Савин // *РМ-2* 1974. № 3021. 17 октября. С. 8—9 (включено в его кн.: Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924—1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос-Третья волна, 1987. С. 200—204); *Сулимовская (Саволайнен) Людмила.* 50 лет со дня смерти Ивана Савина // *РМ-2* 1977. № 3163. 4 августа. С. 6—7; *Синкевич В.* «Поэт Белой мечты» Иван Савин (1899—1927) // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1994. Т. XXVI; Предисловие В. Леонидова к кн.: *Иван Савин (Саволайнен).* «Мой белый витязь...». Сборник: Стихи и проза. М.: Изграф, Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. С. 5—16.

330. Петру. Печ. по: *Савин (Саволайнен) И. Н.* «Мой белый витязь...». С. 113. Ср. со стихотворением «В этом городе железа и огня», написанным еще в Петербурге 1922 г.

Сатовский-младший Григорий (Гарри) Григорьевич (также Сатовский-Ржевский; Сотовский; псевдоним Д. Грей; 1909, Петербург — апрель 1955, Харбин). Отец, Григорий Григорьевич Сатовский-старший (1869—1943), офицер, известный в Харбине журналист, в годы Гражданской войны редактировавший газету «Сибирь» (см. о нем: *Рачинская Е.* Из харбинских воспоминаний // *НРС* 1969. № 21724. 5 декабря. С. 2); журналистами были также два других его сына — Дмитрий Григорьевич (1900—44; жил в Харбине, покончил жизнь самоубийством) и Юрий Григорьевич (1904—?; работал в Голливуде). Как о «скромном и кротком ценителе красоты» отзывался о Сатовском-младшем В. Перелешин (*НЖ* № 107. 1972. С. 257), он же вспоминал, что Сатовский боготворил Б. Поплавского и знал все его стихи наизусть (*Перелешин* С. 52), а в статье «Харбинские литераторы» утверждал, что написанный Сатовским для «Зари» некролог Поплавского был едва ли не лучшим из всего того, что пришлось читать об этом поэте (*НРС*, 1970, № 21859, 19 апреля, с. 5); в той же статье приведена выдержка из письма (3 мая 1955) анонимного харбинского корреспондента Перелешина: «В Харбине, на второй день Пасхи, хоронили Г. Г. Сатовского. Как жаль его! Умер в большой бедности. Простой деревянный гроб повезли в церковь на китайской арбе».

Автор сборника стихов «Золотые кораблики» (Харбин, 1942, посвящен брату, Д. Г. Сатовскому) и поэмы «Великая Восточная Азия» (Харбин, 1944). О «Золотых корабликах» В. Гор писал: «Стихи Гр.

Сатовского музыкальны, искренни, полны глубоких настроений» (Луч Азии [Харбин]. 1942. № 96/8. Август. С. 29—30).

331. Мой город. Печ. по: *Сатовский-младший Григорий.* Золотые кораблики. Харбин, 1942. С. 8—9. Включено в *РПК* С. 455—456. *Красной массы Зимнего Дворца* — В начале XX в. Зимний Дворец был выкрашен в красный цвет.

Сахновский Григорий Григорьевич (псевд.: Гр. Наленч; 2 октября 1891 — 1 апреля 1931, Белград). Уроженец Полтавы, учился в киевской Коллегии Павла Галагана, окончил юридический факультет Московского университета. Учился также в университетах Германии. Во время Гражданской войны сотрудничал с Д. Пасмаником в издании газеты в Ялте, работал в комиссии по расследованию большевистских преступлений. В эмиграции жил в Белграде, преподавал немецкий язык в Первой русско-сербской гимназии. Сотрудничал в тамошней «Русской газете», издал книгу «Кризис социалистической идеи» (1927). Входил в «Книжный кружок» — литературное объединение живших Белграде русских поэтов-эмигрантов, и был одним из участников подготовленного им коллективного сборника «Зодчий» (Белград, 1927), в рецензии на который В. Сирин (Набоков) писал о стихах Сахновского, что круг их образов «можно найти в очень старых номерах "Нивы" за подписью Круглова, Порфирова, Коринфского и других» (*Р* 1923. 23 ноября). Был членом Союза русских писателей и журналистов в Югославии (см.: На страже России: Десять лет Союза русских писателей и журналистов в Югославии. 1925—1935. Белград, 1935, С. 50). Умер от чахотки.

Знавший его И. Н. Голенищев-Кутузов, в связи с посмертным изданием сборника Сахновского «Стихи» (Париж, 1932), писал в некрологической заметке «Памяти Г. Г. Сахновского»: «В стихах его (вышедшая книга обнимает лишь произведения последних трех лет) отразился образ человека, глубоко, часто мучительно переживающего облики "страшного мира". Не все стихотворения одинаково удачны, все же многие запоминаются. Религиозные настроения поэта близки к мироощущению покойного Диксона. Но в Сахновском не было того окончательного примирения с Провидением, которым дышит каждая строка Диксона. Его порою мучили кошмары, мучительная бессонница, когда мир представал перед ним Иродовой темницей из повести Лескова. Неясная любовь тревожила поэта. Близкий русскому символизму, он говорил о тайном явлении некоей просветленной силы, которая должна освободить его от "грубой коры естества"» (*Воз-1* 1932. № 2445. 11 февраля, С. 2). Ср. некрологическую заметку А. П. (*Воз-1* 1931. 21 апреля).

332. Сонеты Петербургу. Печ. по кн.: *Сахновский Григорий.* Стихи. Париж: Изд-во «Старина», 1932. С. 18—19. *Давным-давно безумец-изувер - пусту быти* — См. комм. к стих. А. Аллина «Быть Петербургу пусту...».

Светлов Николай Федорович (наст. фам. Свиньин; псевдоним Ваня-Сибиряк; ок. 1908, Сибирь — начало 70-х гг., СССР). В Харбин привезен ребенком. Здесь окончил реальное училище, затем учился в Институте коммерческих и ориентальных наук. Избирался председателем лит. объединения «Молодая Чураевка». В 1931 г. переехал в Шанхай, где был секретарем журнала «Парус» (1931—34). Возглавлял шанхай-

ское отделение «Чураевки». Редактировал еженедельный журнал «Кривое зеркало». Печатался в журналах «Понедельник», «Прожектор», «Парус», газетах «Слово», «Новый путь», «Шанхайская заря». Его стихи включены в коллективные сборники «Лестница в облаках» (Харбин, 1929) и «Семеро» (Харбин, 1931). Один из немногих поэтов, изучивших китайский язык и переводивший китайских (и японских) поэтов (перевод поэмы Ай Цин «К солнцу» вышел отдельной книгой в Шанхае в 1946). Входил в Союз возвращенцев и был председателем его Шанхайского отделения (см.: *Н. Н. Н.* Что такое «Союз возвращенцев и кто такой Н. Свиньин-«Светлов» // Вечерняя заря [Шанхай]. 1938. 7 сентября; Бесславный конец: Власти Сеттльмента прекратили деятельность «Союза» возвращенцев // Слово [Шанхай]. 1938. 8 сентября); член редколлегии газеты «На Родину» («Back to the Fatherland») (1937, вышло 7 номеров). Настроенный просоветски, репатриировался в 1947 г. на родину. Автор сб-ка стихотворений «Сторукая» (Шанхай, 1934) (рец. в *Руб* 1934. 15 декабря. С. 24). Писал также рецензии, см., к примеру, на сборник С. Есенина «Стихи скандалиста» (Берлин, 1923) в харбинской газете «Русский голос» (1924. 5 августа; включена в кн.: Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 42—44).

См.: *Жиганов В. Д.* Русские в Шанхае. Шанхай, 1936.

333. За рубежом. Печ. по: Рубеж. 1931. № 3. Включено в *РПК* С. 476.

Северянин Игорь (наст. фам. Лотарев Игорь Васильевич, 4 (16) мая 1887, Петербург — 20 декабря, 1941, Таллинн), один из известнейших русских поэтов 1910-х гг. Отправившись в марте 1918 г. с больной матерью на дачу в эстонский поселок Тойла, через некоторое время, после провозглашения независимости Эстонии (19 мая 1919), стал эмигрантом.

Петербургская тема в поэзии Северянина, вообще претерпевшей серьезные изменения в годы эмиграции, приобрела разнообразные регистры, включая, в частности, сатиро-обличительный. См., к примеру, «Поэзу для беженцев», в которой он с гневом обрушивается на русскую эмиграцию:

Вызывающие лишь проклятия, —
Лучше карты, еда и разврат!
Лучше сплетни, интриги и жалобы,
Что давно-де войскам не мешало бы
Взять для ваших удобств Петроград!..

(Голос России. 1920. № 266. 26 (13) ноября. С. 3).

334. Поэза для лакомок. Печ. по: *Северянин И.* Менестрель. Берлин: Изд-во «Москва», 1921. С. 91—92. В стихотворении перечисляются петербургские кондитерские: *Берин* (ул. Гоголя, 8); *Де-Гурме* (Невский пр., 76); *Рабон* (Невский пр., 30); *Ф. Балле* (Невский пр., 54); *С. И. Иванова* (Театральная пл., 16); *Николая Николаевича Кочкурова* (Итальянская ул., 6); *Карла Христофоровича Кестнера* (Владимирская ул., 3); *Георгия Георгиевича Гесселя* (Караванная ул., 5) — ср.: «А булочки у Гесселя на Караванной по 1 коп. штука! <...> Шоколад у Крафта на Садовой, конфеты у Блигкена и Робинсона, у Абрикосова, Жоржа Бормана, Берин, торты у Иванова, пирожные у Балле — всего не перечесть!» (*Каменский В.* Воспоминания о старом Санкт-Петербурге // *РМ-2* 1971. № 2832, 4 марта. С. 6); ср.: «В те времена было в Петербурге несколько французских кондитерских, но у нас в доме считалось, что

лучшие конфеты продаются у Ballet (угол Екатерининской и Невского). У него действительно были совершенно такие же конфеты, как у знаменитого парижского кондитера Syrodin. У Berrin — тоже хорошего кондитера — брали некоторые сорта сладких пирожков, главным образом сливочные меренги, у Кучкурова некоторые торты и т. д. Лука <Люциан Феликсович Кублицкий>, не искушенный в гастрономии, недоумевал, какая разница между конфетами Баллэ и Рабон, и был убежден, что отличить одного кондитера от другого нельзя и мы берем конфеты у Баллэ не то из важности, не то по привычке. Возник спор между ним и нами, результатом которого состоялось пари между ним и сестрой Софой. <...> сестре крепко завязали глаза, Лука поставил перед ней три коробки и был уверен, что выиграет пари, т. е. она не отличит одного кондитера от другого. Сестра ощупью взяла наудачу конфету из первой попавшейся коробки и, деликатно отгрызнув от нее кусочек своими белыми зубками, сказала спокойным тоном: "Это — Berrin", потом попробовала из другой коробки и сказала: "А это, должно быть, Рабон" и т. д.» (*Бекетова М. А.* Воспоминания об Александре Блоке. М.: Изд-во «Правда», 1990. С. 405); см. концовку написанного в эмиграции рассказа И. Сургучева «Встреча на Невском проспекте»: «Уже в эмиграции Петров спросил русского кондитера, почему в Париже нельзя выпечь ивановского торта? — Потому самому. А беловскую колбасу можно сделать? Нельзя. А шашлык настоящий можно сжарить? Нельзя. Почему? Фрухты нет» (*Воз-2* № 45. 1955. С. 41). *Сначала — tout, а нынче — rien* — Сначала все, а нынче ничего (фр.). *Bonbons de violettes* — Сорт конфет. *Beau monde* — высший свет (фр.). *Grâce* — Грация, изящество (фр.); здесь — неженка, сладкоежка. *Кургауз* — то же, что курзал — публичное помещение для концертов, спектаклей, как правило, на курортах (нем.). *...boule de neige* — кондитерское изделие с кремовой начинкой, посыпанное сахарной пудрой (фр.). *Трель Филины* — Полонез Филины из оперы Ш. Л. А. Тома «Миньон» (либретто М. Карре и Ж. Барбье по роману Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера»; перв. пост. 1866); полонез Филины многократно упоминается в поэзии Северянина, см. «Сонет» (1909): «Мы познакомились с ней в опере, — в то время, / Когда Филина пела полонез», в «Моих похоронах» (1910): «Под искры музыки оркестровой, / Под вздох изнеженной малины — / Она, кого я так приветствовал, / Протрелит полонез Филины».

335. Борису Верину. Печ. по: *Северянин И.* Соч.: В 5 т. Т. 2. СПб., 1995. С. 661. О *Б. С. Башкирове-Верине* см. в наст. издании.

336. Отходная Петрограду. Там же. С. 662. Перепеч. в *ПСРП* С. 97 (с последней строкой первой строфы, вероятно, правильной: «Кончающийся Петроград»). *Литург* — священнослужитель, выполняющий образ церковного богослужения.

337. В тот май. Там же. Т. 4. С. 15; *Сег* 1929. 4 февраля с датой: *Toila. 1929.* январь; *Горизонталки* — дамы легкого поведения.

338. Пасха в Петербурге. Там же. С. 24; *Сег* 1928. 8 апреля. Ср. со стих. Я. Воинова «С.-Петербургская пасха» (в наст. изд.). Приведено полностью в кн. воспоминаний жившего в Эстонии и знавшего Северянина поэта Ю. Шумакова «Пристать бы мне к родному берегу...: Игорь Северянин и его окружение в Эстонии» (Таллинн, 1992. С. 36—37): «В доме у нас перед Пасхой всегда царила предпраздничная суета. Мы со старшим братом ходили на цыпочках — в дежке поднималось тесто для куличей. В столовой на блюде колосился, зеленея, под увлажненной ватой, заранее высеянный овес. В него укладывались

разноцветные яйца. Брат и Игорь Васильевич оформляли писанки на яйце. Под рисунками старательно выводилась надпись: "Ради праздника Христа поцелуй меня в уста!" На кухне сохла объемистая пасошница с вырезанными на тыльной стороне буквами X и В. Ко дню Пасхи поэт вернулся домой в Тойла и уже оттуда мы получили от него поздравительное письмо и приложенное к нему стихотворение».

339. Мариинский театр. Там же. С. 172. Текст стихотворения был опубликован Аргусом в рубрике «Слухи и факты» по варианту, присланному из СССР и имеющему некоторые разночтения (*НРС* 1968. № 20158. 18 мая. С. 2).

340. Могло быть так... Там же. С. 497; Золотой петушок (Кишинев). 1934. № 1. С. 7.

Сергин Сергей Федорович (наст. фам. Петров, 1910 — ночь с 5 на 6 декабря 1934, Харбин). Отец — Федор Тарасович Петров, в прошлом управляющий лесными угодьями, служил бухгалтером харбинского Банка домовладельцев; мать — Евгения Александровна, одна из руководительниц Мариинской общины сестер милосердия, участница Первой мировой войны, побывала в немецком плену. Окончил харбинский Политехнический институт (1932). Входил в литературное объединение «Молодая Чураевка». Печатался в журналах *Руб*, «Парус», газете «Чураевка». Находился в переписке с жившим в Париже писателем-эмигрантом В. С. Яновским. Знавший его В. Перелешин пишет, что Сергин бредил Цветаевой, и, говоря о его психологическом облике, отмечает, что «была у него нота какого-то страшного внутреннего напряжения, надлома, раздвоенности, но стихи были хороши, новы, самостоятельны» (*Перелешин* С. 42, 46). Вместе с Г. Граниным (наст. фам. Сапрыкин, 1913—34) покончил жизнь самоубийством в харбинском отеле «Нанкин». В его предсмертной записке (как утверждает Перелешин) было сказано: «Стреляю в себя. Сможет ли Юра <Гранин> взять из рук у меня револьвер и застрелиться? Дорогие, простите и забудьте. Похороны гражданские. Да здравствует СССР! В смерти моей никого не виню» (опровержение этого свидетельства см. в воспоминаниях В. А Слободчикова «Чураевка» в кн.: Русский Харбин. М.: МГУ, 1998. С. 81). В годовщину его смерти *Руб* писал: «5 декабря исполнилась первая годовщина со дня трагической смерти сотрудника "Рубежа" молодого талантливого поэта Сергея Сергина (Петрова). Уход из жизни скромного, симпатичного юноши явился тем большей неожиданностью для всех знавших его, что вся поэзия Сергея Сергина была насыщена искренним и глубоким религиозным чувством» (1935. № 50). Ср.: *Иеромонах Владимир.* Демон самоубийства // Католический вестник (Харбин). 1935. № 1. С. 34—35; Скорбная страница Харбина за год // Всеобщий календарь на 1936 г. Харбин. С. 63.

341. Заветные слова. Печ. по: Рубеж. 1934. № 29. С. 1. Включено в *РПК* С. 485. Ср. посвященное ему стихотворение М. Колосовой «Было и прошло» («Приснилась мальчику Россия...») // Рубеж. 1934. № 4.

Симонович Сергей Всеволодович (3 ноября 1883, Симферополь — 3 апреля 1971, Париж). Окончил Одесскую гимназию, затем Одесское военное училище — 22 апреля 1905 г. произведен в подпоручики. Служил в 23-м пехотном Низовском полку, потом в 60-м пехотном Замоскворецком полку. В годы Первой мировой войны находился при штабах 2-й и 4-й армий, принимал участие в боевых действиях.

Дослужился до чина подполковника. В годы Гражданской войны воевал в Добровольческой армии. В 1920 г. эмигрировал. Жил в Югославии, потом во Франции и Бельгии. После войны — брюссельский корреспондент *РМ-2*. Был заместителем председателя Союза б. воспитанников Одесского военного училища.

Печататься начал еще до революции, в 1908 г.: «Родной край» (Херсон), «Русская речь» (Одесса). В эмиграции сотрудничал с различными периодическими изданиями: «Новое время», «Русское время», «Русский еженедельник в Бельгии», «Часовой», *Воз-1* (в 1929 г. получил первую премию на литературном конкурсе этой газеты), «Родные перезвоны», *РМ-2*. Опубликовал поэму «Санта-Мария» (1924) и сборник стихотворений «Лики русских городов» (1936).

342. В Эрмитаже. Печ. по: Восход [Париж]. 1933. № 6. С. 40—41. Перечислены государственные и военные деятели екатерининской эпохи, фавориты императрицы: *Потемкин* — см. комм. к стих. Н. Алла «Петербург ("Как завороженный, Белой Ночью")». *Зубов Платон Александрович* (1767—1822), светлейший князь, генерал-губернатор Новороссии; *Орлов Григорий Григорьевич* (1734—83), граф, генерал-фельдцехмейстер русской армии (1765—75); 1-й президент Вольного экономического общества. *Толстой Петр Андреевич* (1645—1729), граф, гос. деятель, посол в Османской имп. (1702—14); уговорил царевича Алексея вернуться в Россию из Неаполя, где тот скрывался, и руководил следствием по его делу; начальник Тайной канцелярии (с 1718); президент Коммерч. коллегии; член Верховного тайного совета (с 1726); содействовал восшествию на престол Екатерины; за раздор с Меншиковым поплатился Соловецким монастырем (1727), где и умер. *Куракин Борис Иванович* (1676—1727), князь, дипломат — посол в Риме, Лондоне, Нидерландах, Ганновере, Париже. *Ганнибал Абрам Петрович* (ок. 1697—1781), военный инженер, генерал-аншеф (1759); сын Абиссинского эмира, похищенный турками, а затем присланный из Константинополя в Россию и ставший камердинером и секретарем у Петра I; прадед А. Пушкина. *Данилыч — Меншиков Александр Данилович* (1673—1729), сподвижник Петра I, светлейший князь (1707), генералиссимус (1727).

343. Петербург. Печ. по: *Симонович Сергей*. Лики русских городов. Париж: Изд. содружества «Восход», 1936. С. 8—9. *Поэт Тамары нежной - мятежный!* — М. Лермонтов. *В мрак Екатеринбурга* — Имеется в виду расстрел царской семьи.

Славина Кира (урожд. Каролина Марковна Йоффе; 11 (24) июля 1911, Петербург — 23 июня 1998, близ Вашингтона) — дочь художника М. С. Иоффе (1864—1941), которому она посвятила свой первый сборник стихов «Бумажные крылья» (Нью-Йорк, 1944). Жена поэта Льва Славина (вместе с нею его стихи публиковались в коллективном сб-ке русских поэтов в Америке «Четырнадцать», Нью-Йорк, 1949).

В 1928 г. эмигрировала в США с матерью (отец жил здесь с 1924 г.). Училась в Нью-Йорке, где в 1931 г. окончила школу, а затем в City College, где специализировалась в журналистике, однако диплом не получила. С 1954 г. жила в Вашингтоне. Работала на радиостанции «Голос Америки». Была членом «Кружка русских поэтов в Америке» (возник в 1939 г.), печаталась в *НРС*, *НЖ*, *Нов*. Занималась переводами американской поэзии на русский язык и русской поэзии и фоль-

клора на английский. Помимо указанного сборника русских стихов, издала английский сборник «It Could Be Verse» (1978).

Некролог: *Штейн Эдуард*. Кира Славина (1911—1998) // НЖ № 213. 1998. С. 266—268.

344. Письмо из Ленинграда. Печ. по: *Нов* № 19. 1945. С. 27—28.

Смирнова-Макшеева Татьяна Александровна (1890—1982). Жена предпринимателя В. П. Смирнова (ум. 1934), сына Петра Арсеньевича Смирнова, основателя водочного дела и производителя знаменитой «смирновской» водки (см.: *Смирнова-Макшеева Т. А.* В старой Москве// *НРС* 1958. № 16346. 30 марта. с. 5, 7). В эмиграции с 1913. Жила в Ницце. Автор книг: «Сказка о Марко Богатом и Василии Бессчастном. Русская народная сказка в стихах» (Ницца, 1933 — под именем Т. Смирнова); «Тайна Казбека. Грузинская легенда в стихах 16—17 века. В 3-х частях» (Париж, 1947), «Домовой. Рассказы и стихи» (Ницца, 1957), сб-ка стихов «Душой и Сердцем» (Франция, 1970) (рец. П. К<овалевский?> в *РМ-2* 1971. № 2825. 14 января. С. 8), «Сказка о русском солдате, крылатом бесе и царевне Елене» (Франция, 1973). Печаталась в *РМ-2* (проза и мемуары, см. к примеру ее воспоминания о П. А. Жильяре, воспитателе детей Николая II и авторе книги об убийстве царской семьи, которого она знала лично, — 1974. № 3011. 8 августа. С. 6), в издававшемся в послевоенном Париже еженедельнике «Русское воскресенье» (стихи), ж-ле «Родные перезвоны» (роман «Ташенька»), ж-ле «Родные дали» (Лос-Анджелес) (см.: Поездка в Гродненскую губернию (Из воспоминаний Ю. Г. Прокопенко) // 1978. № 297. С. 15—21).

Автор воспоминаний об основанном императрицей Марией Федоровной петербургском Екатерининском институте (Училище Ордена св. Вел. Екатерины) // *НРС* 1959. № 16747. 25 января. С. 3.

345. В Лондоне. Печ. по кн.: *Смирнова-Макшеева Т. А.* Душой и Сердцем. Издание автора. Лувен, 1970. С. 18—21. *Аббатство знаменитое* — Вестминстерское аббатство (XIII—XIX вв.), усыпальница английских королей и выдающихся людей; дворец, в котором находится королевская резиденция, парламент и др. правительственные учреждения. *Кавалергарды* — см. комм. к стих. Н. Агнивцева «Дама из Эрмитажа». *Петипа Мариус Иванович* (1819—1910), *Трефилова Вера Александровна* (1875—1943), *Кшесинская Матильда Феликсовна* (1872—1971), *Нижинский Вацлав Фомич* (1890—1950) — выдающиеся русские артисты балета и балетмейстеры.

Снесарева-Козакова Нина Николаевна (1896, Владимир — 1948, Прага). В годы Первой мировой и Гражданской войн была сестрой милосердия. Жила в эмиграции в Праге, где работала на конфетной фабрике. Входила в литературный кружок «Делиборка» (выступала с чтением стихов на его заседании — 28 мая 1926 г., на вечере чешско-русского объединения — 28 декабря 1928 г., на собрании Галлиполийского землячества, где читала стихи, посвященные галлиполийцам, — 16 мая 1937 г., см.: Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике: 1939—1939 <В 2 т.> / Под общей ред. Л. Белошевской. Прага, 2001).

Автор пяти стихотворных сборников (все изданы в Праге): «Да святится Имя Твое» (1928), «Тебе — Россия» (1929), «Не надо думать!

Картинки с натуры» (1929), «До — тогда — потом» (1932) и «Рыцари Белого Ордена» (1937). Критика была примерно единодушна в оценке ее творчества. В отклике на первый сборник В. Сирин (Набоков) отмечал «неотразимое» и «пагубное» ахматовское влияние, которое оказалось повинным в производстве вторичных образов, хотя и выделял в книге «прелестные просветы» (*Р* 1928. № 2406. 24 октября. С. 4); о том же говорилось в «Литературном дневнике» М. Слонима: «Г-жа Снесарева-Козакова пишет о неразделенной любви в стиле, который пытается соединить в себе песенки Вертинского и, конечно, Анну Ахматову: тут и "глаз не подымет, меня встречая", и пальто, от вида которого "нечем дышать", и весь арсенал ахматовских подробностей, повторяемых в тысячный раз, и дешевый сантиментализм с патриотической тревогой. Два-три сравнительно грамотных стихотворения не могут спасти от гибели всю эту пошловатую поэтическую жеманность» (*ВР* 1928. № 7. С. 67). По поводу «Рыцарей Белого Ордена» и его автора Г. Адамович замечал: «Нина Снесарева-Козакова воинственна, решительна, патриотична, нетерпелива, молитвенно-восторженна и демонстративно вдохновенна: нечто вроде эмигрантской Жанны д'Арк, за отсутствием боевых подвигов решившей заняться стихами. Большего "активизма" в поэзии нельзя себе представить. Наша поэтесса уверена в своем призвании и без обиняков об этом объявляет <...> Она не допускает сомнения в том, что ее страницы "бессмертны", что ее песни "сжигают сердца". Сборник заслуживает внимания. Но анализировать его следовало бы, скорее, психологу, чем лит. критику. Говорю это без всякой иронии» (*ПН* 1937. № 6060. 28 октября. С. 3), В. Ходасевич, сближая ее с Н. Туроверовым, писал о том, что поэзия обоих «движима патриотизмом, отчетливо окрашенным в цвета белой армии» (*Воз-1* 1938. № 4136. 17. июня. С. 9).

346. «О, только в снах — больных и редких...». Печ. по: *Снесарева-Козакова Н.* Рыцари Белого ордена. Прага. 1937. С. 90.

Соложев Даниил Андреевич (14 (27) февраля 1908, Петербург — 21 октября 1994, Париж). Родился в семье военного врача, статского советника. А. А. Соложева и Е. П. Албанской. Учился в Петербурге в частной гимназии Лентовской. После революции семья бежала на юг, в Керчь, откуда через Константинополь эмигрировала в Сербию, а затем в Бессарабию, находившуюся под властью Румынии. В Кишиневе Соложев продолжал гимназическое обучение, которое завершил в 1925 г. Брал уроки живописи у академика Д. В. Шибнева, а также уроки скрипки у Ф. К. Григорьева. Во второй половине 20-х гг. стал профессиональным художником. Вместе с женой Е. И. Симмелиди жил в румынском городе Брайлов. В 1944 г. они были депортированы в Германию на принудительные работы. После окончания войны перебрался во Францию и поселился в Лионе — занимался живописью: писал картины, иллюстрировал книги. Позднее писал о себе: «В 1917 году я был убит.

Похоронили меня в 1920 году.

Волны жизни носили мою душу по многим городам стран мира — показывая все и всему уча.

Воскрес я в 1950 в городе Лионе, во Франции, выступая как художник и поэт» (*Соложев Даниил.* Диезы и бемоли. Париж, 1995. С. 3). В 1960 г. переехал в Париж. Как художник получил звание почетного доктора университета в штате Флорида (1989). Автор нескольких по-

этически сборников: «Лучи» (Брайлов, 1938; сборник не сохранился; о нем Соложев писал: «Первый мой сборник стихов утонул в море скитаний и мучений», *Соложев Даниил*. Диезы и бемоли. С. 3), «Избранное» (Париж, 1973), сборник французских стихотворений «Gouttes d'eau» [Капли воды] (Paris, 1974) и посмертно — «Диезы и бемоли». В Париже был известен как библиограф и букинист (см.: *Рождественский Г.* Парижские букинисты: Фрагменты из книги // Наше наследие. 1998. № 46. С. 165—166).

Помимо включенных в наст. издание, петербургская тема звучит в некоторых других стихотворениях этого автора — то как реквием («Где ты, мой гордый Петербург?»), то как традиционная параллель Петербурга и Парижа: «Мне тоску не унять / В Париже, / потому что Париж — не мой. / Петербургское небо / вижу / в васильках голубых весной»).

См. письма А. Ремизова к Соложеву (Вестник русского студенческого христианского движения. № 121. 1977); *Герра Рене.* Памяти художника Даниила Соложева // *РМ-2* 1995. № 4059. 5—11 января. С. 18.

347. По Петербургу («Колокол на площади»). Печ. по: *Соложев Даниил*. Избранное. Париж, 1973. С. 93.

348. Под Рождество — Петербург. Там же. С. 103.

349. «Под форточкой стоял и ухал...». Там же. С. 105.

350. «В шапках меховых домов...». Там же. С. 112. *Клевера рисовать картину — Клевер Юлий Юльевич* (1850—1924), русский салонный художник, любил живописать эффекты вечернего освещения.

351. «Припомнишь...». Печ. по: *Соложев Даниил*. Диезы и бемоли. Париж, 1995. С. 11—12.

352. По Петербургу... («Дождь моросит»). Печ. по: Встречи: Альманах: Ежегодник. 1994, Филадельфия. С. 85.

Софиев Юрий (наст. фам.: Юрий Борисович Бек-Софиев, 1899, Польша — 22 мая 1976, Алма-Ата). Родился в семье с давними военными традициями (отец впоследствии также эмигрант). Учился в Хабаровском и Нижегородском кадетских корпусах, Константиновском артиллерийском училище. Участник Гражданской войны — поручик 5-го Конно-артиллерийского дивизиона армии Врангеля. В начале 20-х годов эмигрировал. Жил в Белграде, учился в университете, входил в литературный кружок «Гамаюн» (см.: *Ђурић Остоjа*. Руска литерарна Србиjа 1920—1941. Београд, 1990. С. 60—62). Чтобы попасть во Францию, подписал Рабочий контракт на земляные работы во французской провинции Овернь. Затем переехал в Монтаржи, где работал на фабрике резиновых изделий. В середине 20-х перебрался в Париже, учился во Франко-Русском институте. Работал мойщиком стекол. Вошел в Союз Молодых поэтов и писателей в Париже (в 1929—32 его председатель). Посещал «Зеленую лампу» — литературно-философский салон Д. Мережковского и З. Гиппиус, и собрания «Круга», был участником литературных групп «Кочевье» и «Перекресток». Его поэтические настроения соответствовали общему строю лирики молодых парижских поэтов-эмигрантов. «Юрий Софиев, — писал рецензируя № 1 *Ч* П. Каценельсон, — старается звучными строчками доказать "печаль существования", где "бесспорна смерть"» (Утес. Литературно-художественный ежемесячник. 1931. № 1, ноябрь. С. 10—11). Был женат на эмигрантской поэтессе Ирине Кнорринг (1906—43). Издал единственный сборник стихов «Годы и камни» (Париж,

1936), в рецензии на который Г. Адамович, характеризуя суть его творческого credo, писал: «Как в двух словах объяснить то, что для Софиева существенно? Стихи бывают похожи на что угодно, и всякие сравнения бывали к ним применяемы. Скажу, что стихи Софиева напоминают дружески протянутую, крепкую, не допускающую лукавства руку и кое в чем живут пушкинским ощущением дружбы, столь пленительным во всем, что взрослый Пушкин писал о лицее, да не обходятся и без "бурных дней Кавказа", без Шиллера, без славы, без любви» (*ПН* 1937. № 5830. 11 марта. С. 2).

Его стихи публиковались в *Я*, альманахах русской зарубежной литературы: «Ковчег» (Нью-Йорк, 1942), «Эстафета» (Париж; Нью-Йорк, 1948), *НЗ*, *МД*.

В 1955 г. с сыном вернулся в Советский Союз: поселившись в Алма-Ате, работал научным иллюстратором в Зоологическим институте АН Казахстана. Помогал своими воспоминаниями переводчице Р. Я. Райт-Ковалевой, написавшей книгу о жизни и деятельности героя французского Сопротивления Б. Вильде — «Человек из Музея Человека». В недавнее время вышла его книга стихов «Парус» (Алма-Ата; составители И. Софиев, Н. Чернова), с предисловием И. Софиева «О моем отце».

353. «Уже летит в степной рассвет...». Печ. по: *Софиев Юрий.* Годы и камни. 1927—1935. Париж: Объединение поэтов и писателей, 1936. С. 11 (4-е стих. цикла «Молодость»). Неточную рифму в 3-й строфе — «бурке-Петербурге», как удачную, отметил М. Цетлин (*СЗ* № 63. 1937. С. 405). *Опять о «Розе и Кресте» / О кораблях, о «Незнакомке»* — Имеются в виду произведения А. Блока: драма «Роза и Крест» (1912), стихотворение «Незнакомка» (1906), драма «Незнакомка» и др.

Софонова Ольга Васильевна (урожд. Карелина, 1907, Петербург — 3 мая 1990, Сидней). Родилась в артистической петербургской семье: отец — солист Мариинского театра, мать — актриса Александринского. О себе сообщала следующее: «Я родилась в России, в Петербурге. В мае 1917 г. меня, 10-ти лет, и моих двух сестер мать увезла в Сибирь, Иркутск, откуда в конце 19-го года мы выехали в Китай, Харбин, где я пробыла до 1931 г., когда уехала в Шанхай <живя в Китае, работала в агентстве Рейтер>.

В 1949 г., в числе белых русских эмигрантов, были с мужем эвакуированы на Филиппины, Тубабао. В конце 49-го г. мы оказались в Австралии. Начала писать стихи в Харбине. В Шанхае стала сотрудничать с дальневосточным журналом "Рубеж" и переводила лирику с англ. и немецкого яз. для опереточного театра. В Австралии, Сиднее, участвовала в литературном кружке "На пятом материке", читала также свои стихи и делала доклады в О-ве "Наука и Искусство" и др. кружках. Изредка посылала стихи и устанавливала контакт с журн. "Современник" в Канаде, газ. "Русская Мысль" во Франции и с журн. "Возрождение". В 1970 г. принимала участие на Фестивале Русских Поэтов, на котором лично не могла присутствовать. Мною была получена Грамота от устроителей Фестиваля, и мои стихи были напечатаны в сборнике поэтов Фестиваля. В 1980 г. выпустила свою книгу "Пути неведомые" о русской эмиграции в Китае <книга воспоминаний вышла в Мюнхене и имеет подзаголовок: Россия (Сибирь, Забайкалье), Китай, Филиппины. 1916—1949>.

В настоящее время состою в историко-литературном О-ве имени А. С. Пушкина при Русском Клубе в Стратфильде» (цит. по кн.: Лир-

ная Пристань: Стихи. К. Пестрово. Г. Соболева, О. Софонова. Сидней, 1984. С. 92).

Автор поэтического сборника «Тайный ключ» (Сидней, 1984).

354. Санкт-Петербургу (Война 1940—1941 г.). Печ. по: Лирная Пристань. С. 98.

Станюкович Николай Владимирович (1898, Харьков — 1977, Париж?). Внук писателя-мариниста К. М. Станюковича. Учился на юридическом факультете Петербургского и Киевского университетов. В годы Гражданской войны вступил в Добровольческую армию. Разделил общую судьбу российских беженцев, оказавшись в изгнании в Галлиполи, см.: «Во время пребывания с отступившими частями армии ген. Врангеля в Галлиполи не раз читал на больших корпусных собраниях свою героич<ескую> поэму "Галлиполийский смотр"» (*Булгаков Валентин.* Словарь русских зарубежных писателей / Ред. Галина Ванечкова; Introduction by Richard J. Kneeley. N. Y., 1993. С. 138). Оттуда перебрался в Париж, где прожил многие годы и где вышли в свет все три его поэтических сборника: «Из Пепла» (1929) (рецензент Гулливер [Н. Берберова] замечал, что поэт «мог бы писать стихи, если бы больше внимания обратил на форму, в которую их облекает», *Воз-1* 1929. № 1332. 24 января. С. 2), «Свидетельство» (1938), «Возвращение в гавань» (1949). Работал шофером такси (см. его стихотворение «Такси» в первом сборнике). Состоял членом редколлегии Временника Общества друзей русской книги. Летние отпуска проводил в Ля Фавьер, небольшом городке на юге Франции близ Средиземного моря, где познакомился с жившим там С. Черным, на смерть которого написал трехчастное стихотворение «Над братским гробом» (1932), см. также его более поздние воспоминания о С. Черном (*Воз-2* № 169. 1966. С. 119—125). В годы войны входил в Объединение русских деятелей литературы и искусства, существовавшее в оккупированном Париже, печатался в профашистском «Парижском вестнике». После войны сотрудничал в *Воз-2*, опубликовав здесь роман «Дело Александра Рогова» (1966—67), повесть «Сквозь фронты». Автор большого количества рецензий на стихи поэтов-эмигрантов и советских писателей, см., напр., его рецензию на роман Н. Чуковского «Балтийское небо», пробудивший в нем петербургские воспоминания (*Воз-2* № 49. 1956): «"Поклонная гора"... — прочитал я в романе Николая Чуковского "Балтийское небо", и тотчас же воскресли мои ученические годы в Питере и праздничные выезды нашей многочисленной и шумной компании на Удельную, где, на даче, нас ждала пестрая куча общего имущества: валенки, вязаные рейтузы и фуфайки, шарфы, теплые чулки и перчатки, а в сарайчике лыжи и санки, разобрав которые, мы отправлялись на весь день на крутые, до льда накатанные склоны Поклонной горы...

Старшие предпочитали лыжи, но мы любили другое: мальчики ложились животом на санки, наши маленькие приятельницы усаживались на нас верхом; каждый, кроме головного, держался за ноги переднего и так — цепочкой — со страшным визгом и хохотом, не разрываясь даже в прыжках с трамплинов, мы летели, в снежной пыли, под откос Поклонки» (С. 146).

355. Царское Село. <Из цикла «Россия»>. Печ. по: *Станюкович Н.* Возвращение в гавань. Париж, 1949. С. 47.

Странник (Архиепископ Иоанн Сан-Францисский, в миру кн. Дмитрий Алексеевич Шаховской) (23 августа (5 сентября) 1902, Москва — 30 мая 1989, Сан-Франциско). В 1915 г. поступил в Императорский Александровский (б. Царскосельский) Лицей; принимал участие в первом в эмиграции лицейском празднике, состоявшемся 19 октября 1920 г.: выступал с чтением стихов о Лицее (см.: *Некрасов С. М.* Лицей после Лицея. М.: Русский путь, 1997. С. 32). Летом 1920 г. эмигрировал из Крыма, жил на Принцевых островах, в Константинополе, в 1921 г. поселился в Париже, где поступил в Школу политических наук. С 1922 г. жил в Бельгии, учился в Лувенском университете, был одним из организаторов лит. объединения «Единорог» (Брюссель). Изредка приезжал в Париж, см. в воспоминаниях А. Бахраха «По памяти, по записям...»: «...довелось мне встречать молодого, стройного, очень благообразного начинающего поэта князя Дмитрия Шаховского, иногда наезжавшего из Лувена, где он учился, подышать русско-парижским воздухом» (*НЖ* № 190—191. 1993. С. 331). В 1926 г. издавал журнал «Благонамеренный (вышло два номера). В этом же году, в день своего 24-летия, был пострижен в монахи на Афоне в Свято-Пантелеймоновском русском монастыре и наречен Иоанном (в честь апостола Иоанна Богослова). Рукоположен в 1927 г. в г. Бела Црква (Югославия), где был настоятелем местной русской общины. Здесь вышли его первые брошюры по вопросам веры: «Церковь и мир» (1929), «Слава Воскресения» (1930).

С начала 1932 г. (и до конца Второй мировой войны) служил настоятелем Свято-Владимирского храма в Берлине, откуда совершал миссионерские поездки в Латвию, Эстонию и Финляндию, где читал лекцию коренному русскому населению и эмигрантам. В Берлине основал православное миссионерское издательство «За Церковь», в котором издавал одноименный журнал (1932—36). В этот период им написано большое количество книг религиозного содержания: «Белое иночество» (1932), «О перевоплощении» (1932; 2-е изд. Париж, 1938), «Притча о неправедном богатстве» (1932), «Возможно ли братство религий?» (1934), «Иудейство и церковь по учению Евангелия» (1934), «Жизнь» (1935), «Разговор семи православных о Софии» (1936), «Философия православного пастырства» (1938), «Пророческий дух в русской поэзии: Лирика Алексея Толстого» (1938), «Размышления о религиозности Пушкина» (1938) и др.

По окончании войны перебрался в Париж, а оттуда, в начале 1946 г., в США. В 1947 г. рукоположен в Нью-Йорке на кафедру епископа Бруклинского, с назначением (1948) деканом Свято-Владимирской Православной Богословской Академии в Нью-Йорке, в 1950 г. перевелся в Сан-Франциско, становится в это время епископом Сан-Францисским и Западно-Американским. В 1961 г. возведен в сан архиепископа. С 1948 г. (с 1953 г. — еженедельно) читал проповеди («Беседы о вере») на русском языке на радиостанции «Голос Америки».

Автор большого количества стихотворных сборников: «Стихи» (Париж, 1923), «Песни без слов» (Брюссель, 1924), «Предметы» (Брюссель, 1926), «Палатка» (Лос-Анджелес, 1942), «Странствия» (Нью-Йорк, 1960), «Книга лирики» (Париж, 1966), «Упразднение месяца» (Нью-Йорк, 1968 — впоследствии переработана в «Поэму о русской любви», отд. изд. — Париж, 1977), «Нескучный сад» (Сан-Франциско, 1970), «Созерцания» (Сан-Франциско, 1971), «Избрание тишины» (Ка-

лифорния, 1971), «Избранная лирика» (Стокгольм, 1974), «Иронические письма» (Париж, 1975), «Удивительная земля» (Калифорния, 1983).
См.: *Архиепископ Иоанн.* Биография юности. Париж, 1977.

356. Упразднение месяца. <Отрывки из поэмы>. Печ. по: *Странник.* Упразднение месяца. Лирическая поэма. Нью-Йорк: Изд. «Нового журнала», 1968. С. 26—27. *На Каменноостровском стороной - я видел* — Речь идет о годах учения в стенах Императорского Александровского лицея, который находился на Каменноостровском пр. (см. *ТУ*). ...*«врут календари»* — из монолога Фамусова (комедия А. Грибоедова «Горе от ума»).

Страховский Леонид Иванович (1898, Оренбург — 26 апреля 1963, Торонто). Писал под псевдонимом Леонид Чацкий (о том, что в составленной Л. Фостер Bibliography of Russian Émigré Literature. 1918—1968. Boston, 1970 он зафиксирован дважды как Страховский и как Чацкий см.: *Струве Глеб.* К истории русской зарубежной литературы // *НРС* 1972. № 22657. 25 июня. С. 2). Отец — член Государственного Сената; губернатор различных российских провинций — Тургая, Вятской губернии, Тифлиса; один из ближайших сотрудников П. А. Столыпина по проведению аграрных реформ; расстрелян в 1921 г. как участник Таганцевского заговора. Мать — Т. И. Ростовцева, кузина историка М. И. Ростовцева. Выпускник Александровского Лицея (1917); первые стихи были опубликованы в лицейском журнале (1915). Незадолго до Октябрьского переворота поступил в Петроградский университет, который вынужден был оставить из-за революционных событий. В мае 1918 г. мельком познакомился с Н. Гумилевым, который стал его главным поэтическим кумиром, см. его воспоминания о Гумилеве: «Рыцарь без страха и упрека (Памяти Н. С. Гумилева)» (*Воз-2* № 16. 1951. С. 162—170), «О Гумилеве. 1886—1921» (*Сов* № 4. 1961. С. 59—61). Ю. Терапиано писал, что «Страховский, если не официально, то морально, примкнул к акмеизму...» (*Терапиано Ю.* Школа Гумилева // *НРС* 1955. № 15436. 2 октября. С. 8).

Участник Белого движения на севере России, был офицером связи между архангельским правительством Н. В. Чайковского и союзными войсками. После крушения Северного фронта первый раз эмигрировал на Запад через Финляндию. Жил в Лондоне, принимал участие в деятельности антибольшевистского Национального Освободительного Комитета, к которой был привлечен по рекомендации М. И. Ростовцева. Вскоре вновь вернулся в Россию, чтобы стать добровольцем в армии Врангеля; после ее окончательного поражения покинул Россию навсегда. Первоначально жил в Берлине, печатался в *Сег,* ж-ле «Жар-птица». С мая по ноябрь 1922 г. входил в содружество писателей, художников и музыкантов «Веретено» и был членом его совета (сообщение о выходе из него см. в *Р* 1922. 12 ноября). Один из организаторов и секретарь берлинского литературного кружка Братство Круглого Стола (ему принадлежит само это название). О стихах Страховского, опубликованных в альманахе «Медный всадник» (Берлин, 1923), в ряду других авторов, резко отрицательно отозвался в книге фельетонов «Что они пишут? (Мемуары бывших людей)» вернувшийся в Советскую Россию И. М. Василевский (Не-буква) (Л., 1925. С. 47). Учился в Лувенском университете (Бельгия) и, защитив диссертацию на степень доктора истории (1928), остался в нем преподавать. Перешел в католичество и приобрел известность в бельгийских научных кругах. В 1930 г., уже живя в США, был награж-

ден бельгийским орденом Леопольда II за труды по изучению международного права и улучшению отношений между США и Бельгией.

В конце 20-х печатался в *НРС*. Преподавал в должности профессора европейской истории в американских университетах — Мерилендском (1937—42) и Гарвардском (1943—48), с 1948 г. до самой смерти обосновался в университете Торонто. Автор большого количества научных работ по различным проблемам русской и мировой истории, а также русской литературы, см., в частности, книгу «Craftsmen of the World» (Cambridge, 1949) о поэзии Н. Гумилева, А. Ахматовой и О. Мандельштама (неодобрительные выпады против нее содержатся в мемуарах А. Ахматовой об О. Мандельштаме и, многократно, в устных высказываниях, о чем свидетельствуют «Записки об А. Ахматовой» Л. Чуковской; см. попытку защитить Страховского в письме Г. Струве к В. Маркову от 27 февраля 1965 г. — в публикации Дж. Шерона «"Ваш Глеб Струве": Письма Г. П. Струве к В. Ф. Маркову» // Новое литературное обозрение. № 12. 1995. С. 138). Президент канадской Ассоциации славян, соредактор «Американского славянского и восточно-европейского обозрения», основатель *Сов* и его редактор. Автор трех поэтических сборников: «Ладья» (Берлин, 1922 — под псевдонимом Леонид Чацкий), написанном под сильным влиянием А. Блока, «У антиквара» (Брюссель, 1927), «Долг жизни» (Торонто, 1953) и книг прозы: «Фантазии лорда Генри» (1922), «Мистерия в восьми рассказах» (1926). До войны печатался в *Руб*, в послевоенные годы — в *НЖ*, *Воз-2*.

См. в связи с кончиной Л. И. Страховского: *Савин В.* Долг жизни // *Сов* 8. 1963. С. 6—10; *Терапиано Ю.* Памяти Л. И. Страховского // Там же. С. 10—13; стихотворение Е. Димер «Письма», посвященное его памяти // Там же. С. 38.

357. Над Темзой. Печ. по: *Страховский Леонид*. Долг жизни. Торонто, 1953. С. 13. Первоначально: *РМ-1* 1921. № X—XII. С. 177, в составе трехчастного цикла «Стихи о Лондоне», под псевд. Леонид Чацкий (в первом стихе: «Ветер пронзительный и ярый»).

358. Память. Там же. С. 30; первоначально в *НРС* 1928. № 5796. 9 нояб. С. 10.

359. 19 октября 1923 года. Печ. по кн.: *Некрасов С. М.* Лицей после Лицея. М.: Русский путь, 1997. С. 35. *Гагемейстер Алексей Юльевич, фон* — выпускник Александровского Лицея 1908 г.; участник Первой мировой войны; служил в Министерстве внутренних дел.

360. Символы. Печ. по: *Сов* № 7. 1963. С. 13. *Памяти И. А. Л.* — Императорского Александровского Лицея. *Там на Каменноостровском - это зданье* — см. комм. к «Упразднению месяца» Странника.

Струве Глеб Петрович (19 апреля (1 мая) 1898, Петербург — 4 июня 1985, Беркли, США). «<...> Часть детства провел за границей — в Швейцарии, Германии и Франции, где его отец, П. Б. Струве, был в то время политическим эмигрантом. В 1916 г. окончил Выборгское коммерческое училище в Петербурге. Осень и зиму 1916 г. провел на фронте, в Лесистых Карпатах, заведуя питательным пунктом для строительных рабочих в Земско-Городском Союзе. В 1917 г. поступил добровольцем в армию и до Октябрьской революции служил в гвардейской конной артиллерии. В самом конце 1917 г. уехал на Юг и вступил в Добровольческую Армию ген. Корнилова. В составе одного отряда был арестован казаками, выдан матросам из независимой тогда Черноморской Республики и три месяца просидел в качестве заложника в

тюрьме в Новороссийске. В декабре 1918 г. эмигрировал вместе с отцом, перейдя пешком финляндскую границу с фальшивым паспортом, изготовленным Б. В. Савинковым и А. С. Белоруссовым в Москве. Поселился в Англии <учился в Оксфордском университете> и жил в Чехословакии, Германии <представлял редактировавшуюся его отцом в Праге, а печатавшуюся в Берлине *РМ-1*, был членом литературного кружка "Братство Круглого Стола", который собирался в его квартире на Байришештрасс, 9; первое заседание состоялось 8 ноября 1922 г. > и Франции <переехал в Париж весной 1924 г.>, занимаясь литературной и журналистской деятельностью. <Входил в редакционные комитеты газет "Россия" (редактором которой в 1927—28 гг. был его отец) и последовавшей за ней "Россия и славянство".> В 1932 г. был назначен лектором по русской литературе в Лондонском университете. С 1941 по 1945 г. сочетал работу в университете с положением главного русского "слухача" на радиостанции агентства Рейтер. С 1947 г. — профессор Калифорнийского университета в Беркли. Стихи начал писать с 12 лет, но более или менее серьезно с 1915 г. Первое стихотворение напечатано было в 1918 г. в журнале "Русская Мысль" <кн. 1/2, ст-ние "Тени", подпись: "Глеб С.">. Сотрудничал во многих зарубежных периодических изданиях, журналах и газетах. Первый сборник стихов — "Утлая жизнь. Избранные стихи 1915—1949 гг." вышел в 1965 г. <2-е изд. — 1978>» (*Сод* С. 544—545).

Литературный дебют Струве состоялся в 1915 г. в специальном издании Выборгского коммерческого училища «Светлый луч: орган эстетической молодежи», где он поместил статью о выставке футуристической живописи «Трамвай В», проходившей в Петербурге в 1915 г. (см.: *Струве Глеб.* Мой литературный дебют // *НРС* 1978. № 24558. 2 мая. С. 2).

Автор книг: «Soviet Russian Literature» (London, 1935; расширенный вариант: «25 Years of Soviet Russian Literature (1918—1943); многократно переиздавалась: в 1946 в Париже на франц. языке, в 1951 — в Беркли, в 1957 и 1964 — в Мюнхене; наиболее полным является издание 1971 — «Russian Literature under Lenin and Stalin. 1917—1953»); «Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора русской литературы» (Нью-Йорк, 1956; 2-е изд. Париж, 1984; 3-е изд. Париж; Москва, 1996); «О четырех поэтах: Блок, Сологуб, Гумилев, Мандельштам» (Лондон, 1981); составитель и редактор книги «Неизданный Гумилев» (Нью-Йорк, 1952) и др. Совместно с Б. Филипповым осуществил издание сочинений Н. Гумилева (1962—68); О. Мандельштама (Нью-Йорк, 1955), а затем собрание его сочинений в 3-х томах (1964—69); Б. Пастернака в 3-х томах; трехтомник сочинений А. Ахматовой (1965—83); собрание сочинений Н. Клюева в 2-х томах (Мюнхен, 1969); «Стихотворения и поэмы» М. Волошина в 2-х томах (1982—84) и др. Автор большого количества научных и литературно-критических статей (составленная Р. Хьюзом библиография трудов Струве включает свыше 900 наименований).

Образ Петербурга запечатлен в его стихах, написанных до эмиграции, см., к примеру, стихотворение «Город великих соблазнов» (1917), напечатанное в *РМ-1* (1921. III—IV. С. 47—48), под названием «Петроград» (с посвящением С. А. Никольскому, однокашнику по училищу, молодому художнику, погибшему в рядах Добровольческой армии в начале 1919 г., брату литературоведа Ю. А. Никольского), или «Из Петроградского цикла» («Я тку стихов ненужных нити») (5. XII. 1918) (Там же. 1921. VIII—IX). О сочетании в облике Струве ученого и поэта писал А. Б<ахрах> в рецензии на 2-е издание сборника стихов «Утлое

жилье»: «Струве эрудит. В области литературоведения он составил себе большое и заслуженное имя, и здесь не место перечислять его научные труды. Но естественно поэтому, что воспитался он и вырос на классических дрожжах, притягиваясь иногда к Гумилеву, к Ходасевичу, по природе своей отшатываясь от какого-либо модернизма. Однако его педагогическая, университетская деятельность его не иссушила, и на него порой находят те "лирические часы", когда ему не терпится свои затаенные помыслы занести на бумагу» (*НРС* 1978. № 24731. 19 ноября. С. 5).

361. Отрывок. Печ. по: *РМ-1* 1922. III. С. 63. *Где в строгой желтизне Сената* — Возможная аллюзия на стихотворение О. Мандельштама «Петербургские строфы» (1913): «Над желтизной правительственных зданий / Кружилась долго мутная метель».

362. «Февральский день томительно-тревожен...». Печ. по: Альманах «Медный всадник». Кн. первая. Берлин: Книгоиздательство «Медный всадник», 1923. С. 215—216.

363. В. Ф. Ходасевичу. Печ. по: *Струве Глеб.* Утлое жилье. Избранные стихи 1915—1919 гг. München, 1965. С. 81 (1-е стих. двухчастного цикла «В. Ф. Ходасевичу»; 2-е стих. — «Тяжелая умолкла лира», см. ниже). Впервые, с незначительными разночтениями и датировкой «1923», в: Балтийский Альманах (Каунас). 1924. № 2. С. 36. По всей видимости, именно это стихотворение имел в виду Г. Струве, когда писал, вспоминая берлинский Дом искусств, что одно из нечастых его посещений «осталось мне очень памятным и даже вдохновило меня позже на одно стихотворение: это был вечер, на котором читал свои стихи В. Ф. Ходасевич» (*Струве Глеб.* Об одном берлинском литературном кружке // *НРС* 1981. № 25631. 4 октября. С. 5). Перу Струве принадлежит стихотворение «Памяти В. Ф. Ходасевича» (*Воз-2* № 5. 1949. С. 9):

Тяжелая умолкла лира,
И в мире хаос и разброд,
Но сквозь года, глухой и сирый,
Все тот же голос мне поет.

Орфей, утратив Евридику,
Нисходит тихо в тихий ад,
И, словно отгул песни дикой,
Стихи загробные звенят.

— Орфей, Орфей, оставь надежду,
Ты Евридику не найдешь —
Утрачен драгоценный след.
— Где истина, где Бог, где ложь? —
Смежает ночь над миром вежды.
Ответа нет. Не будет. Нет.

Деревья Кронверкского сада — первая строка «Элегии» (1921) В. Ходасевича. *Но в голосе жила Психея* — образ Психеи (олицетворение души в греч. мифологии) сквозной в «Тяжелой лире» Ходасевича, стихи из которой Струве мог слышать непосредственно от автора во время его упомянутого посещения берлинского Дома искусств. *Невероятный твой подарок* — цитата из стихотворения Ходасевича «Горит звезда, дрожит эфир» (1921).

Струве Михаил Александрович (1890, Петербург — 18 мая 1948, Париж). Дебютировал в петербургском журнале «Поэт» (1907). О сформировавшем его литературном кружке в 6-й гимназии, описанном в его автобиографической поэме «Голубая птица», см.: Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 382. Выпускник Петербургского университета. Участник Первой мировой войны, см. его воспоминания «Первый бой» (Иллюстрированная жизнь [Париж]. 1934. № 20. 26 июля. С. 4—5). Был знаком с Н. Гумилевым с 1915 г. и входил в Цех поэтов (см. написанное в эмиграции стихотворение «Н. С. Гумилеву» // *РМ-1* 1921. № 10—12. С. 36—37: «С Тобою говорю, как в Петербурге / За чаем или за дружеским вином»; см. также его выступления о наставнике и друге и публичное чтение его стихов и поэм, например: 15 сентября 1921 г. на заседании парижской Палаты поэтов; 14 декабря там же читал гумилевскую поэму «Дракон»; 6 апреля 1925 г. принимал участие в литературном вечере памяти Гумилева и пр. — *Хроника* I. С. 45, 54, 180). Печатался в дореволюционных альманахах и сборниках поэзии: «Альманах муз» (Пг.: Феллана, 1916), «Тринадцать поэтов» (Пг., 1917) и еще до революции выпустил сборник стихов «Стая» (Пг.: Гиперборей, 1916), о котором Гумилев писал в рецензии: «Вот стихи хорошей школы. Читая их, забываешь, что М. Струве — поэт молодой и что "Стая" — его первая книга. Уверенность речи, четкость образов и стройность композиции заставляют принимать его стихи без оговорок» (Биржевые ведомости. 1916. 30 сентября), ср. с более прохладными отзывами: стихи — «сухие и бледные», «но немногие из этих немногих отличаются бледностью интересной» (*Айхенвальд Ю.* Литературные наброски // Речь. 1916. № 112. 25 апреля); безжизненная «Стая» (*Выгодский Д.* Поэзия и поэтика // Летопись. 1917. № 1. С. 252). Выступал в артистическом кабаре «Привал комедиантов», см. к примеру, анонс в «Биржевых ведомостях» (1916. № 15980. 12 декабря) о представлении с его участием.

В эмиграции многочисленные стихи и рассказы печатались в *РМ-1*, *Зв*, *ИР*, *ВР*, *СЗ*, *Ч*, «Сполохах», «Верстах», «Мир и искусство» и др., даже — стихотворение «Еврейская Пасха» — в редактировавшемся В. Жаботинским русско-еврейском еженедельнике «Рассвет» (1930. № 15—16. 13 апреля. С. 6), и в особенности в *ПН*, с которыми Струве сотрудничал с 1920 г. (см. биографическую справку о нем в юбилейном выпуске *ПН* 1930. 27 апреля).

Входил в литературное объединение «Кочевье». М. Слоним писал по поводу его поэзии: «Ущербное, погибное начало, резко выступает у несколько тяжелого поэта М. Струве, лишь отчасти примыкающего к "молодым" и испытавшим на себе значительное влияние символистов и Блока» (Слоним М. Молодые писатели за рубежом // *ВР* 1929. X—XI. С. 110). В январе 1937 г. русские эмигрантские газеты (*ПН* 1937. № 5778. 18 января. С. 2; *Сег* 1937. № 19 и др.) по ошибке сообщили о его смерти от сердечного паралича. В годы Второй мировой войны участник движения Сопротивления, печатался в газете «Русский патриот» (Париж).

Скончался в госпитале Сан-Антуан после операции.

Д. Святополк-Мирский называл Струве «самым интересным из молодых парижан», исключая Б. Поплавского. «Михаил Струве, соратник Гумилева, писавший еще до Революции, но окрепший и созревший уже в "аду парижских улиц". Парижской улицей проникнуты лучшие стихи этого умного и дисциплинированного поэта. Отрыва от России в них нет. Тема России и Революции иногда, может быть, в излишне эмоциональной тональности, в них возвращается опять и опять. Но лучшие из последних "гражданских" стихов Стру-

ве (например, "Свобода") все-таки стихи о Париже, воспринятом сквозь призму русского послереволюционного сознания. Этот путь кажется мне гораздо плодотворней той бесконечной "тоски по березкам", которым проникнута до сих пор, в сущности, вся зарубежная литература» (*Святополк-Мирский Д.* Заметки об эмигрантской литературе // Евразия. 1929. № 7. 8 января. С. 7).

В некрологе «Памяти М. А. Струве» Г. А<дамович> писал: «Умер Михаил Александрович Струве. "Миша" для всех его знавших, человек, которого всегда было приятно встретить, потому что он всегда был приветлив и благожелателен, даровитый поэт, порывистый, увлекающийся, чуть-чуть "не от мира сего", чуть-чуть ветреный и рассеянный. "Миша", которого от души хочется помянуть добрым словом, которому действительно должна бы стать "земля легка", если есть на свете справедливость» (Русские новости. 1948. № 208. 27 мая).

Петербургская тема является одной из сквозных в эмигрантском творчестве Струве, не только поэтическом, но и прозаическом. Она присутствует как в его публичных выступлениях (так, 27 октября 1921 г. он читал на заседании Палаты поэтов отрывки из повестей в стихах «Усадьба. Петербург», *Хроника* I. С. 47), так и в многолетней работе над романом о семье петербургских немцев «Титцы», фрагменты из которого печатались в *ПН*: «У Аларчина моста» (1929. № 3180. 6 декабря. С. 4), «Горе в доме у Титцев» (1930. № 3224. 19 января. С. 2), «Страховка» (1930. № 3435. 18 августа. С. 3), «На зимние квартиры» (1932. № 4197. 18 сентября. С. 3) и др., причем, как и в стихах, в «петербургской» прозе также есть свой цикл «Былой Петербург», см. входящие в него рассказы «Завтрак в семье Морковиных» (*ПН* 1932. № 4218. 9 октября. С. 5) или «Надежда Фоминична» (*ПН* 1932. № 4242. 2 ноября. С. 2). Даже в очерке «Ночь в Баку» (*ПН* 1928. № 2603. 8 мая. С. 3), в котором писатель вспоминает о времени, последовавшем за бегством из революционного Петрограда, перед ним проносятся картины прошлой жизни в невской столице в «сумрачные, холодные и краткие часы, когда все предметы различимы и нет теней; когда шаги звенят и раздаются издалека и гром извозчика, и белые искры из-под копыт о круглые булыжники; когда вдоль набережной толстый буксир застилает густым дымом зеленое небо; когда со стороны Ладоги все розовеет, и кричат чайки; когда, возвращаясь из ночного подвала, Судейкин и Кузмин, склонив побледневшие лица, закуривают на балтийском ветру последнюю папиросу; когда, наконец, после короткого отдыха, холодно и ярко брызжет бледное солнце».

364. Петербург (Восьмистишия изгнания). Печ. по: *ПН* 1920. № 105. 27 августа. С. 2. С некоторыми изменениями включено в *ПСРП* С. 86—88, где отсутствует IX часть, но с двумя первыми строфами, которых не было в первопубликации:

Блестящим серебром на листьях придорожных
Осаживает пыль стамбульский суховей.
Мисхорская луна морозит осторожно,
С минутой каждою бледнее и мертвей.

Но помню все сильней иные отражения —
Не мертвые часы, не южную полынь:
Ночное торжество, мороз без сожаленья
Над каменной рекой, меж каменных твердынь.

Ранее стихи из цикла печатались в закавказских изданиях (см., напр.: Орион. Тифлис, 1919. № 4).

Державная река — аллюзия на «Невы державное теченье» из «Медного всадника» Пушкина, ср. тот же образ в его стихотворении «Март», в котором оба слова написаны с большой буквы. *Мещанский будничный уют* — ср. с тем же определением в стихотворении «Март». *Мальчишка прокричал три раза: «Летний сад»* — Летний сад упоминается также в «петербургской поэме» М. Струве «Юность»; кроме того, один из его рассказов носит название «Летний сад» (Новая заря. 1929. 21 августа. С. 2, 4).

365. Елагин остров. Печ. по: *ИР* 1924. № 8. С. 8.

366. Юность (Петербургская поэма). Печ. по: *ПН* 1928. № 2519. 14 февраля. С. 3. *Коллежский советник* — 6-й класс в российской Табели о рангах.

367. Николин день (Петербургская поэма). Печ. по: *ПН* 1928. № 2526. 21 февраля. С. 3. *Николин день* — перенесение мощей Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Малой Азии в Бар (Италия); празднуется 9 (22) мая. *Фриштык* (фрыштык, фриштых) — закуска, — по поводу использования этого слова ср.: «В других городах России закусывали или завтракали, а в Петербурге фрыштыкали, и лакеи с длинными седыми бакенбардами спрашивали хозяйку: "На сколько персон прикажете накрывать фрыштык?" или торжественно докладывали: "фрыштык подан"» (*Оболенский* С. 17). *Фанты* — игра на придумывание заданий, который один из двух ведущих, не зная, кому принадлежат собранные вещи («фанты»), предлагает выполнить их владельцам.

368. Март (Петербургская поэма). Печ. по: *ПН* 1928. № 2552. 18 марта. С. 3. *Немудрые мелькают магазины - с вилкой посреди* — На вывесках мясных магазинов и лавок «обязательно изображается золотой свирепый бык» (*Светлов* С. 30), ср.: «Иногда на вывесках бывала нарисована рыба. Она лежала на тарелке, чуть приподняв сухой и мертвый хвост, и была в ней такая же твердость и остылость, как в засохшем куске ветчины <...> Но самыми победными и неизгладимыми были вывески мясных. Может быть потому, что они были золотыми. На лазоревом или светлом, чуть зеленоватом фоне был виден бык, круто с разбегу остановившийся на пригорке. Он был весь золотой. Мускулы и желваки, напряженные бока и уверенные ноги, все это было золотым. Он чуть поворачивал тяжелую голову с короткими, упрямыми рогами и смотрел с вывески, словно раздувая золотые ноздри» (*Горный* С. 17, 20) или «На "мясной торговле" красовался бык на золотом фоне, стоящий на обрыве...» (*Добужинский* С. 9) *Сумрачный дворец* — Инженерный (Михайловский) замок.

369. В город. Печ. по: *ПН* 1928. № 2715. 28 августа. С. 3. *Народец желтоглазый* — Старожилы Петербурга объясняют это прозвище так: «Среди извозчиков было много людей пожилых, нездоровых, которые не могли работать ни на фабриках, ни в деревне. Санитарные условия в общежитии были скверные: тесно, одежду они получали на двоих или на троих, которая часто являлась рассадником насекомых. Среди обывателей извозчиков часто называли "желтоглазыми", видимо, по причине инфекционной болезни глаз все из-за той же антисанитарии» (*Засосов, Пызин* С. 50). Однако это объяснение имеет «народную этимологию»: «желтоглазый» произошло от желтого цвета экипажей, в которые они, согласно царскому указу 1775 г., были выкрашены (*Божерянов И. Н.* «Невский проспект»: Культурно-исторический очерк двухвекой жизни Санкт-Петербурга. Т. 2. <СПб.,

1903>. С. 247). *На площади толкутся ломовые* — См. комм. к стих. В. Горянского «Титулярный советник».

370. Петербургская сторона. Печ. по: *ПН* 1929. № 2923. 24 марта. С. 3. *И распластан там - переплет* — Ср. типичный фасад дома переплетчиков, которые «на вывеске рисуют книгу в богатом переплете» (*Светлов* С. 33).

371. Страстная неделя. Печ. по: *ПН* 1929. № 2958. 28 апреля. С. 4. *Манометром импаузы отбивает* — Автор спутал манометр с метрономом.

372. Пасхальная ночь. Печ. по: *ПН* 1929. № 2965. 5 мая. С. 2. *Там на откосах - лежат бродяги*, ср. в его стих. «В город»: «На берегах Обводного канала / <...> И на траве, от лета порыжелой, / На скатах, что спускаются к каналу, / Лежат, раскинув руки, босяки».

373. Раиса Воробьева. Печ. по: *ПН* 1930. № 3315. 20 апреля. С. 3.

374. Деревянный дом. Печ. по: Россия и славянство. 1931. № 148. 27 сентября. С. 4.

375. Квартирная дочка (<Из цикла> «Былой Петербург»). Печ. по: *ПН* 1932. № 4169. 21 августа. С. 5. *Синель* — тонкая бархатная нить или махровый шнур; использовались при вышивке. ...*И фуражку с околышем синим* — См. комм. к стих. Лери «Студент». *«Сестра Беатриса»* — В. Ф. Комиссаржевская в заглавной роли в драме М. Метерлинка.

376. Таврическое гулянье (Из цикла «Былой Петербург»). Печ. по: *ПН* 1932. № 4186. 7 сентября. С. 3. *Преображенский солдат* — см. комм. к стих. В. Гарднера «Картинки прежнего Петрограда». *Па-де-катр* (pas de quatre, фр.) — популярный в 90-е гг. XIX в. танец. *Кажут «Двенадцатый год»* — см. стих. В. Гарднера «Картинки прежнего Петрограда». *Пандекты*, или дигесты — в Др. Риме правовые сборники систематически расположенных кратких извлечений из законов и сочинений юристов.

377. На музыке (Из цикла «Былой Петербург»). Печ. по: *ПН* 1932. № 4202. 23 сентября. С. 3. В стихотворении описываются музыкальные концерты в здании Павловского вокзала, ср. со стих. О. Мандельштама «Концерт на вокзале» (1921) и главкой «Музыка в Павловске» из его «Шума времени» (1925), а также с воспоминаниями А. А. Плещеева «На музыке в Павловске» («Под сенью кулис...». Париж, 1936. С. 108—113). *Поет Бородин - восточных стран* — Речь, по-видимому, идет об опере композитора А. П. Бородина (1833—87) «Князь Игорь».

378. Старый сон. Печ. по: *ПН* 1932. № 4232. 23 октября. С. 3. *Народные дома* — вид клуба (со сценой, библиотекой, детской комнатой и пр.), появились в России в конце XIX в. и преследовали просветительские цели. По всей видимости, имеется в виду *Народный дом Николая II*, который находился при Попечительстве о народной трезвости и имел несколько театров (об этом: *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург: Начало XVIII — октябрь 1917 года: Обозрение-путеводитель. СПб., 1994. С. 263—273). *«Две сиротки»* — мелодрама (авторы А. -Ф. Деннери и П.-Э. Кормон).

379. Первый снег (Из цикла «Былой Петербург»). Печ. по: *ПН* 1932. № 4267. 27 ноября. С. 4. *Казенка* — винная лавка.

380. Прогулки. Печ. по: *ПН* 1932. № 4301. 31 декабря. С. 4. *Не было никогда/ Ни Петербурга, ни зим* — намек на «Петербургские зимы» Г. Иванова.

381. Муза с Разъезжей улицы (Из цикла «Былой Петербург»). Печ. по: *ПН* 1933. № 4308. 7 января. С. 3. *Па-де-катр* — см. комм. к

стих. «Таврическое гулянье». *Аттитюд* (attitude) — поза в танце, при которой равновесие сохраняется на одной ноге, а другая — поднята и отведена назад в согнутом положении (*фр.*).

382. Над Петербургской стороной. Печ. по: *ПН* 1933. № 4344. 12 февраля. С. 5. *Гаршин Всеволод Михайлович* (1855—88), русский писатель; имел наследственную форму неврастении, приведшей его к самоубийству.

383. Петербургское лето. Печ. по: *ПН* 1933. № 4477. 25 июня. С. 4.

384. Лиговка летом. Печ. по: *ПН* 1933. № 4511. 29 июля. С. 4. *Ситный хлеб* — см. комм. к стих. В. Горянского «Это просто!..». *Канитель* — золотая, серебряная или мишурная витая трубочка для золотошвейных работ (изготовления эполет, аксельбантов и пр.). *Казенка* — см. комм. к стих. «Первый снег».

385. Авгур. Печ. по: *ПН* 1933. № 4568. 24 сентября. С. 4. *Авгуры* — жреческая коллегия у древних римлян, предсказывали будущее по полету и крику птиц. *Куртина* — участок в саду. *Флакк* — Квинт Гораций Флакк (65—8 до н. э.), римский поэт. *Таблицы легионов.* — В римской республике легион набирался полководцем — по специальному указанию сената — для выполнения конкретных военных задач, после чего он расформировывался. На специальных таблицах отмечалось, в каком году и где размещался тот или иной легион. *В широкой тоге - каймою* — Тога — верхняя одежда граждан в Древнем Риме, обычно из белой шерсти; тогу с пурпурной каймой носили сенаторы.

386. Старый Петербург (Зимний день). Печ. по: *ПН* 1933. № 4637. 2 декабря. С. 3. Перепеч.: Новая Заря. 1933. 19 декабря.

387. Хористка (<Из цикла> «Старый Петербург»). Печ. по: *ПН* 1933. № 4666. 31 декабря. С. 4. *Промелькнула синяя фуражка* — см. комм. к стих. «Квартирная дочка».

388. Белошвейка (<Из цикла> «Старый Петербург»). Печ. по: *ПН* 1934. № 4782. 7 апреля. С. 3. *Империал* — см. комм. к стих. Н. Агнивцева «Вдали от тебя, Петербург!» *Гремят гвардейцы - пестрая рать* — Мотив народных гуляний в Таврическом саду присутствует у Струве также в поэме «Юность» и развернут в стих. «Таврическое гулянье».

389. Дачи (<Из цикла> «Старый Петербург»). Печ. по *ПН* 1934. № 4861. 15 июля. С. 3. Включено в *ВРС* С. 458—459. Ср. со стихотворением В. Горянского «Петербургская дача». Современник писал о традиции петербуржцев на летний сезон снимать дачу: «На даче живут месяца три с небольшим, от начала мая до половины августа или до начала сентября. Стоимость дач, понятно, различна (некоторые нанимают простые избы и платят за лето рублей сорок); но иметь порядочную дачу можно не дешевле, как за сто пятьдесят-двести рублей за лето» (*Светлов* С. 21—22). *Надворная советница* — 7 класс в дворянской Табели о рангах. *Чарская Лидия Алексеевна* (см. комм. к стих. В. Горянского «Встреча»), *Вербицкая Анастасия Алексеевна* (урожд. Зяблова; 1861—1928) — модные в начале XX в. писательницы.

Сумбатов Василий Александрович (25 декабря 1893, Петербург — 8 июля 1977, Ливорно). «По происхождению принадлежит к древнему грузинскому княжескому роду, давно обрусевшему. <...> С июля 1914 г., во время Первой мировой войны находился как офицер в действующей армии до октября 1916 года, когда был эвакуирован вследствие тяжелой контузии головы.

В 1920 г. Сумбатов с семьей приехал в Рим, где и прожил до 1960 года. Работал как рисовальщик для Ватикана, украшая миниатюрами

и орнаментацией пергаменты папских булл и одновременно по заказам театральных и кинематографических фильмов и пьес. Работал в единственном русском книжном магазине, где был и заведующим, и продавцом, и уборщиком. Дважды был приглашен как советник при постановке фильмов на русские темы. Давал уроки русского языка иностранцам.

Стихи начал писать с 12 лет. Они впервые появились в печати в начале 20-х годов в русской газете "Новое Время" в Белграде. В 1922 г. издательство "Град Китеж" в Мюнхене выпустило сборник юношеских стихотворений Сумбатова <в рецензии, подписанной Антар, отмечалось, что книга представляет собой "типичный образчик эмигрантского творчества..." (Новое время. 1922. № 462. 8 ноября. С. 5)>. Позже стихи Сумбатова печатались во многих газетах и журналах, в частности в журнале "Возрождение", в газете "Русская Мысль" и в изданиях "Общекадетского Объединения". В 1957 г. друзья Сумбатова напечатали в Милане сборник его стихотворений <см. рец. на него: Гр. Ар<онсон> // *НРС* 1957. № 16101. 28 июня. С. 3; Ю. Трубецкой // *НЖ* № 52. 1958>.

В 1964 г. Сумбатов перенес несколько глазных операций, вызванных разрывом сетчатки в единственном видящем глазу. После операции зрение постепенно восстанавливается, но читать и писать Сумбатов еще не может» (*Сод* С. 545—546).

Последние 13 лет жизни Сумбатов был слепым и диктовал стихи жене, см. посвященное ему стихотворение В. Перелешина «Зрячий слепой» (*НРС* 1978. № 22807. 11 ноября. С. 3). В 1969 г. в Ливорно, где он поселился в 1964 г., вышел последний сборник его стихов «Прозрачная тьма» (намек на полную слепоту). В. Перелешин отмечал, что «В. Сумбатов — один из тех немногих, кто умеет найти в бессмыслице жизни проблески запредельного мира, умеет даже примириться с захватывающими жизнь и сознание океанами смерти и безнадежности, но при этом от начала и до конца остается поэтом, никогда не пытаясь быть учителем или пророком» (*Перелешин Валерий.* Просторная простота // *Гр* № 75. 1970. С. 197), а Терапиано в некрологе писал о нем: «В. Сумбатов — поэт сдержанный, вдумчивый и глубоко чувствующий. Он должен быть отнесен к зарубежным поэтам неоклассического направления, стихи его всегда сдержанны и разнообразны по теме, он умеет чувствовать с одинаковой подлинностью и "земное", и "касание мирам иным", никогда не становится излишне рассуждающим на отвлеченные темы» (*Терапиано Ю.* В. А. Сумбатов // *РМ-2* 1977. № 3166. 25 августа. С. 8).

См. поздравление В. Сумбатову в связи с его 80-летием от З. Шаховской и посвященное ему стихотворение Э. Бобровой (*РМ-2* 1973. № 2976. 6 декабря. С. 8), а также адресованный ему акростих К. Пестрово (*Сов* № 25. 1974). Некролог «Поэт Василий Сумбатов», написанный В. Перелешиным, см.: *Сов* № 37—38. 1978. С. 8—9.

См. о нем: *Garzonio Stefano.* Dall'archivio di Vasilij Sumbatov: из итальянской поэзии// Русско-итальянский архив / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Trento, 1997. С. 483—493; *Его же.* Римская тоска Москве... В. А. Сумбатов и его неизвестные стихи о Москве // Лотмановский сборник. 2. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 765—770.

390. «Гиперборей». Печ. по: *Сумбатов В.* Стихотворения. Милан, 1957. С. 31. Ранее было напечатано в: Литературный современник: Альманах: Проза, стихи, критика (Мюнхен). № 4. 1954. С. 146. Позд-

нее перепечатывалось дважды в *НРС* 1957. № 16108. 4 авг. С. 8; 1978, № 24614. 6 июля. С. 3. Включено в *Мы жили* Т. 1. С. 421—422, *ВРС* С. 461—462. *Забытая тетрадь «Гиперборея»* — Журнал петербургского Цеха поэтов (ред. — М. Л. Лозинский при участии Н. С. Гумилева и С. М. Городецкого), издавался с октября 1912 по март 1914 г.; всего вышло 10 номеров (9 выпусков).

391. Родина. Печ. по: *Сумбатов В.* Прозрачная тьма: Стихи разных лет. Ливорно, 1969. С. 6. *Кн. Сергей Александрович Щербатов* (1875—1962), живописец и художественный критик. Эмигрировал из России в годы Гражданской войны и жил во Франции. В 1953 г. переехал в Рим.

392. Град Петра. Там же. С. 7. Включено в *Мы жили* Т. 1. С. 429, *ВРС* С. 462.

393. Баллада о воспоминаниях. Печ. по: *Сов* № 20—21. 1970. С. 98. Часть этого стихотворения (от слов «Прошло полвека...») приведена в статье: *Фесенко Татьяна.* «Прозрачная тьма» // *НРС* 1969. № 20570. 4 июля. С. 3. *Ища свободы и покоя* — Возможно, «механическое» цитирование М. Лермонтова: «Я ищу свободы и покоя!» («Выхожу один я на дорогу», 1841). *На берегах Невы - твой голос* — обыгрывается название мемуарной книги И. Одоевцевой «На берегах Невы» (1967). *Твой девичий огромный бант* — Деталь внешнего облика Одоевцевой петербургского периода, многократно приводимая ею в воспоминаниях, см. также в стих. «Ненароком, Скоком-боком», включенном в наст. изд.

Таль Анна. Автор сборника стихов «В пути» (Берлин, 1929), в рецензии на который Тр. <Пильский> отмечал, что у автора «есть собственное лицо, правда, не всегда с отчетливо выраженными чертами, есть интересные настроения и поэтическая самостоятельность, не затененная подчеркнутыми чужими влияниями. Словом, молодой поэтессе можно смотреться в зеркало без опасения увидеть там чужое лицо» (*Сег* 1930. № 76. 17 марта. С. 6). Печаталась в *Сег*. Автор романов «Николай Колобов» (Париж, 1931; рец.: Г. Адамовича в *ПН* 1931. № 3760. 9 июля. С. 2; Л. Часинг в «Мир и искусство». 1931. № 13. С. 25—26), «Клетчатое солнце» (Берлин, 1932), «Грех» (Берлин, 1935; см. отзыв В. Ходасевича в *Воз-1* 1935. № 3648. 30 мая. С. 4). Г. Адамович, хотя и подчеркивал ученический характер прозы Таль, но в «Клетчатом солнце» отметил хороший вкус и «хрупкое холодноватое изящество» (*ПН* 1932. № 4278. 8 декабря. С. 3, ср. негативную рецензию Л. Червинской на этот роман, *Ч* № 7/8. 1933. С. 272—273), а в связи с «Грехом» писал о владении автором литературной техникой (*ПН* 1935. № 5180. 30 мая. С. 2). Современный исследователь полагает, что В. Набоков использовал имя Таль в рассказе «Уста к устам», пародирующем отношения писателя А. Бурова и *Ч*: основанием этому служит то, что упомянутая рецензия Червинской на «Клетчатое солнце» граничит с рецензией Г. Адамовича на буровский роман «Была земля», тем самым происходит «метонимическое» соединение имен Адамовича и Таль (*Davydov Sergej.* Teksty-matreški Vladimira Nabokova. München, 1982. S. 47).

394. «Вблизи Казанского Собора...». Печ. по: *Таль А.* В пути. Берлин, 1929. С. 5.

395. «Я помню все — гранитные перила...». Там же. С. 6.

396. Сестрорецк. Слово (Рига). 1926. № 215. 23 июля. *Эдинбург* (ныне — Дзинтари) — станция Рижского взморья.

Татищев Николай Дмитриевич, граф (12 (24) ноября 1896, С.-Петербург — 5 августа 1985, Париж). Принадлежал к древнему дворянскому роду. Выпускник Императорского Александровского Лицея. Учился на юридическом факультете Петербургского университета. Участник Первой мировой войны, штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка. В 1918—19 находился в заключении, был освобожден благодаря заступничеству М. Горького. После этого был принят в красноармейский отряд по охране сахарных заводов в районе Харькова, откуда перешел к белым. Воевал у Деникина и Врангеля, после падения Крыма ушел с Добровольческой армией на Запад. Сначала жил в Югославии (см. его фотографию, сделанную в Сремски Карловцы, в группе офицеров, окружающих ген. П. Н. Врангеля в кн.: *Ђурић Остоја.* Руска литерарна Србија: 1920—1941 (Писци, кружоци, издања). Београд, 1990 (№ 2)), затем перебрался во Францию, в Париж. Печатал прозу в альманахе «Круг». Член масонской ложи. Дружил с Б. Поплавским, после смерти которого стал его душеприказчиком, хранителем и издателем архива. Написал также нескольких статей о Поплавском. Печатался в *Ч,* после войны — в альманахе «Литературный современник» (Мюнхен, 1954), *РМ-2.* Автор двух книг мемуарно-биографических очерков: «Письмо в Россию» (Париж: YMCA-Press, 1972) и «В дальнюю дорогу» (Париж: YMCA-Press, б. г).

В его неопубликованном романе 1930-х годов «Сны о жестокости» есть воспоминания автобиографического рассказчика о Петербурге: «...в начале революции я и он сдавали офицерские экзамены на чин корнета при Николаевском кавалерийском училище. Он приятно поразил меня своей культурностью и открытым европейским обращением...<...>. Днем мы ходили с ним в Эрмитаж, а по вечерам вели беседы о второй части Фауста и об операх Вагнера. Среди итальянских картин он чувствовал себя как дома. Однако я никогда не решался прочесть ему мои стихи, в которых я воспевал Петербург в его двух аспектах: парадный пушкинский на набережных и проспектах и задворки Достоевского вокруг Сенной и Лиговки. Я подозревал, что мой друг не поймет и не одобрит всего этого и что он невысокого мнения о России, ее быте, истории и литературе» (*Вишневский А.* Перехваченные письма. Роман-коллаж. М.: О.Г.И., 2001. С. 39). Ср. запись в дневнике Татищева 1944 г.: «И опять сны... На трамвае кручу вроде как по Кирочной в Петербурге, близ Таврического сада. Рябой день, зимние осенние сумерки и комнатах — то опаздываю домой, то будто близко блуждаю, в общем все довольно благополучно, как в некоем чистилище жизни» (Там же. С. 467).

См.: *Серков* С. 788.

397. Босяк. Печ. по: *Воз-2* № 122. 1962. С. 52.

Терапиано Юрий Константинович (9 (21) октября 1892, Керчь — 3 июля 1980, Париж). В ранней автобиографической заметке отмечал: «Подобно всем моим литературным сверстникам, я, конечно, не могу существовать литературным трудом, должен служить и писать могу только в свободные от работы часы» (Меч. 1934. № 9—10. С. 29). В 20—30-е гг. работал упаковщиком в фармацевтической фирме. В более поздней биографической справке о нем говорилось: «<...> В 1911 году окончил в Керчи Александровскую классическую гимназию, в 1916 году — юридический факультет Киевского университета св. Владимира. Был призван на военную службу; в 1917 году окончил военное училище, был на

Юго-Западном фронте, в конце лета 1919 года, после занятия Киева добровольцами, вступил в ряды Добровольческой Армии.

В 1918—1919 гг. начал печататься в киевских журналах и принимать участие в литературных выступлениях. <Входил в киевскую лит. группу "Гермес" (кроме него, Н. Венгров, Б. Лившиц, братья В. и Н. Маккавейские, И. Эренбург. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, где вместе с поэтом-футуристом И. Тереньевым организовал отделение тифлисской литературной группы «41°» (см.: *Богомолов Игорь.* И. Терентьев и Грузия // Литературная Грузия. 1990. № 1. С. 171)>.

В Париже в 1925 году, вместе с Вадимом Андреевым, Довидом Кнутом, В. Мамченко, Ант. Ладинским и другими поэтами, организовал "Союз молодых поэтов и писателей" и был его первым председателем.

В эмиграции впервые напечатан в начале 1926 года в литературном отделе газеты "Дни", которым заведовал Вл. Ходасевич, а затем помещал стихи и статьи в газете "Последние новости" и в большинстве литературных журналов эмиграции и до и после войны.

Выпустил 6 книг стихов: "Лучший звук" (Изд. "Милавида", 1926), "Бессонница" (Изд. "Парабола", 1935), "На ветру" (Изд. "Современные записки", 1938), "Странствие земное" (Изд. "Рифма", 1950), "Избранные стихи" (Изд. Виктора Камкина, 1963), "Паруса", (Изд. "Русская книга", 1965), повесть "Путешествие в неизвестный край" (Изд. "Дом книги", 1946) и первый том воспоминаний "Встречи" (изд. им. Чехова, 1953 <современное переиздание, с включением литературно-критических статей, эссе и рецензий Терапиано, написанных с 1926 по 1971 гг.: Москва: Intrada, 2002>. В 1960 году, в издательстве "Посев" вышла под моей редакцией антология зарубежной поэзии "Муза диаспоры". С 1945 по 1955 год помещал критические обзоры в газете "Новое русское слово" в Нью-Йорке, а с 1955 года веду критический отдел в парижской газете "Русская мысль"» (*Сод* С. 547—548).

Кроме перечисленных, Терапиано издал еще на русском языке «Маздеизм. Современные исследователи Зороастра» (1968; французское издание: La perse secrete: Aux sources du mazdeisme. Paris, 1978) и сборник эссе, воспоминаний и статей «Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924—1974)» (1986). Автор большого количества литературно-критических статей, рецензий и обзоров, печатавшихся в многочисленных и разнообразных органах эмигрантской периодики.

Член масонской ложи (см.: *Серков* С. 793).

«Стихи Терапиано — об одиночестве души современного человека, о ее затерянности в страшном и темном мире, богооставленности и безысходной муке», — писал К. Мочульский в рецензии на его сборник «Бессонница» (*СЗ* № 58. 1935. С. 476). Следы «какой-то упорной, трудной и глубокой внутренней работы, то здесь, то там пронизывающей ее лучами» увидел в поэзии Терапиано Г. Адамович (*ПН* 1935. № 5103. 14 марта. С. 2).

Некрологи: *Одоевцева Ирина.* Светлой памяти Юрий Терапиано // *НРС* 1980. № 25283. 24 августа. С. 5; *НЖ* № 144. 1981. С. 142—145 (автор — И. Чиннов).

См.: «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда...» Письма Ю. К. Терапиано к В. Ф. Маркову (1953—1966) / Публ. О. А. Коростелева и Ж. Шерона // *Минувшее* Т. 24. С. 240—378.

398. «<...>Темно и страшно...». Фрагмент из посвященного Н. Гумилеву стихотворения «Поэту». Печ. по: *ПН* 1931. № 3812. 30 августа.

С. 3. Стихотворение написано по случаю десятилетней годовщины гибели Гумилева. В этом же номере *ПН* напечатан очерк Г. Адамовича «Памяти Гумилева (К десятилетию со дня смерти)». *Темно и страшно - быть рожденным* — аллюзия на стихотворение М. Волошина «На дне преисподней (Памяти А. Блока и Н. Гумилева)» (1922): «Темен жребий русского поэта...». *Не на горе, в цветущей дикой щели* — реминисценция из стихотворения Гумилева «Я и Вы» (1918): «И умру я не на постели / При нотариусе и враче, / А в какой-нибудь дикой щели, / Утонувшей в густом плюще».

399. «Сияющий огнями над Невой...». Печ. по: *Терапиано Юрий.* Избранные стихи. Вашингтон, 1963. С. 88. В первоначальной редакции — в кн.: *Терапиано Юрий.* На ветру. Париж: Изд. «Современные Записки», 1938. С. 10 — отсутствовала прозаическая «прелюдия»; 2-я и 3-я строчки второй строфы: «<...> На ямщика — усталость, холод, злоба; / Мертвец в гробу покоится: ему <...>»; последняя строчка: «<...> На Вас, на детях ваших и на всех». *На нас — на «будущих и бывших» — всех!* — Евангельская цитата: «И отвечая весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 27, 25).

400. «Прекрасней не было и нет...». Печ. по: Златоцвет. 1963. № 12. С. 2 — весь номер целиком посвящен Петербургу. Эпиграф — из стихотворения Пушкина «Послание цензору» (1822). *Стрелы Вандомской взлеты* — Вандомская колонна воздвигнутая на Вандомской площади в Париже в честь наполеоновских побед (авторы проекта Денон, Лепер и Гондуэн); высота 44 м. *И арку гордую побед* — Триумфальная арка сооружена в честь победы наполеоновской армии над австро-русскими войсками (1805); первый камень был заложен самим императором в день собственного рождения — 15 августа 1806 г.

Топольский Александр Давидович, родом из Бердичева. Учился во Владимирском киевском кадетском корпусе. Офицер. В молодости писал К. Бальмонту (ИМЛИ. Ф. 76/3. № 252). Был знаком с М. А. Кузминым. Несколько его стихотворений включено в сборник его товарища: *Павлов Н.* Распятые тени. Одесса, 1917. С. 69—75. Печатал стихи и переводы из польских поэтов в журн. «Русская мысль» в 1910-е годы. В 1911 г. ему посвятила стихотворение М. Цветаева (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 1994. С. 159). Входил в варшавское литературное объединение «Таверна поэтов» (1921—25). Печатался в варшавских эмигрантских периодических изданиях: ж-ле «Вестник эмигранта», газете «За Свободу!», альманахе «Шестеро». Занимался поэтическим переводом, см., к примеру, его переводы А. Жиро «Ivresse de June» (За Свободу! 1922. № 246. 3 сентября. С. 2) или «Pierrot Voleur» (За Свободу! 1922. № 250. 8 сентября. С. 2).

401. Петербург. Печ. по: За свободу! 1922. 13 августа. Эпиграф из поэмы А. Пушкина «Медный всадник». *Мышкин, Шатов, Раскольников, Великий Инквизитор* — герои романов Ф. Достоевского.

Троцкая-Зильберквейт Зинаида Самеевна (1902, Вильно — 16 октября 1968, Нью-Йорк?). В автобиографической заметке поэтесса писала: «Родилась я в Вильно в 1902 г. Годы Первой мировой войны провела в Петрограде, где и окончила гимназию. С 1921 по 1933 г. жила в Германии, затем в Париже, а в 1941 г. приехала в Соединенные Штаты.

Печаталась в виленской и варшавской русских газетах, в "Иллюстрированной России", в сан-францисской "Русской жизни" и в

выходившем там же короткое время журнале "Дело", в "Новом Русском Слове", в "Новом Журнале" и в торонтском "Современнике".

Выпустила три сборника: в 1928 году — "Безголосые песни" (Берлин) <в прохладной рецензии на этот сборник в *Р*, подписанной В. К., говорилось в частности: "Все же невольно хочется напомнить, что есть некоторое элементарное мастерство формы, обязательное даже для начинающего поэта, и пренебрегать им отнюдь не следует" (1928. № 2316. 11 июля. С. 4)>, в 1944 г. — "Отголоски" (Нью-Йорк) и в 1961 г. — "Вполголоса" (Париж) (положительную рецензию на него написал Л. С<траховский> в *Сов* № 7. 1963 — *Р. Т., В. Х.*). Участвовала также в сборнике "Четырнадцать", выпущенном в 1944 г. Кружком русских поэтов в Нью-Йорке» (*Сод* С. 548).

402. «Мне часто снится свет какой-то смутный...». Печ. по: *Троцкая Зинаида*. Вполголоса. Париж: «Рифма», 1961. С. 9.

403. «Ленинград, Петроград, старый Питер ли...». Там же. С. 10. Эпиграф — из стихотворения А. Блока «На островах» (1909).

404. «Порою кажется так просто...». Там же. С. 11. *И старый замок - по ночам.* — Михайловский (Инженерный) замок, где был убит Павел I.

405. «Сероватый снег, слежавшийся и клейкий...». Там же. С. 25. Без разбивки на четверостишия в сб. «Четырнадцать» (Нью-Йорк, 1949. С. 130). 8 стих: «Чтобы не ожег их ветер ледяной». *Вейки* — см. комментарий к стих. В. Гарднера «Картинки прежнего Петрограда». *Я в пушистой муфте...*— ср. стих. А. Ахматовой 1913 г.: «На шее мелких четок ряд, / В широкой муфте руки прячу».

Трубецкой Юрий Павлович (наст. фам. Нольден-Меншиков; пользовался еще фамилией Эбергард, являющейся, по-видимому, псевдонимом, как и Трубецкой; 9 января 1898, Варшава — 15 июня 1974, Дорнштадт, Германия). В детском возрасте привезен родителями из Варшавы в Киев, где семья жила постоянно. По его словам, получил в Киеве высшее медицинское образование. Согласно его же воспоминаниям, посещал здесь поздней осенью 1921 г. киевский Подвал Поэтов (*НРС* 1965. № 19074. 30 мая. С. 8). В письме к И. Бунину от 28 сентября 1948 г. сообщал, что «эмигрировал в 1924 году из Советской России», хотя достоверно известно, что жил в это время Киеве. Возможно, в начале 20-х гг. жил в Баку и Тифлисе. Печатался в киевском журнале «Новий світ». 27 января 1931 г. арестован Киевским ГПУ за принадлежность к нелегальной офицерской организации и 17 марта 1931 г. приговорен к 10 годам заключения. В 1933 г. находился в Красновишерском исправительно-трудовом лагере Пермской области. В неопубликованном письме к С. Ю. Прегель от 6 ноября 1961 г. (Архив С. Ю. Прегель, Liberal Arts and Sciences Russian and East European Center, University of Illinois at Urbana-Champaign) писал, что 10 лет отсидел в сталинском лагере — см. его «Балладу о Феликсе Дзержинском» (1936) в кн.: Среди других имен / Сост. и вступ. ст. В. Б. Муравьева. М., 1990; перепечатано из: Библиотека строителя БАМа. г. Свободный. Вып. 15. После его возвращения в Киев с ним встречалась Т. Фесенко, рассказывающая об этой встрече (*НЖ* № 170. 1988. С. 315).

Переписывался с М. Волошиным и в 1924 подарил ему две свои рукописные книги: «Третью книгу стихов (1922—1924)» и «Полынь» (далее — Пол-24) (обе хранятся в архиве Волошина в РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1451).

В 1927 г. подготовил, судя по всему, несколько экземпляров рукописного сборника «Стихотворения» (далее Ст-27), один из которых был подарен поэтессе Е. Г. Полонской со следующим посвящением: «Елизавете Григорьевне Полонской. Маленький дар большого уважения. В память знакомства, июльского вечера и чая с пирожными в студии Макса Гельмана. Юр. Нольден. 3/XI 27 г.» (по-видимому, имеется в виду киевский скульптор М. И. Гельман, 1892—1979); этот экземпляр хранится ныне в библиотеке Б. Я. Фрезинского (С.-Петербург, которому составители наст. изд. приносят искреннюю благодарность за предоставление в их распоряжение копии).

Во время Второй мировой войны попал в Германию, жил в Нюрнберге, работал врачом в лагере Ди-пи. В лагере же вышел его сборник стихов «Петербургские строфы» (Бавария, 1946, Изд. Е. В. Зеленского). В 1948 г. подготовил рукописный сборник «Стихи» (далее Ст-48), один из экземпляров которого подарил И. Бунину со следующей надписью: «Автору моих самых любимых книг, Поэту России Ивану Алексеевичу Бунину. С глубоким уважением. Юр. Трубецкой. 3. XII. 1948. Бавария» (хранится ныне в Литературном музее, Москва). Сотрудничал в наиболее известных послевоенных эмигрантских периодических изданиях: *РМ-2*, *НРС*, *Воз-2*, *НЖ*, *Сов*. Непродолжительное время сотрудничал на радиостанции «Свобода» (Мюнхен). Два его поэтических сборника появились в парижском издательстве «Рифма»: «Двойник» (1954) и «Терновник» (1962). Автор полуавтобиографического романа «Нищий принц», печатавшегося в *Воз-2* в 1951—53 гг., (впоследствии расширенный вариант — в *НРС*. 1960), повести «Смута» (*Сов* 1964—1968) — о Лжедмитрии как чудом спасшемся сыне Ивана Грозного, см. также фрагменты из романа «Жизнь моего приятеля» (*Сов* № 1. 1960. С. 12—39). Его перу принадлежат многочисленные критические статьи, рецензии и обзоры.

К мемуарам Трубецкого, равно как и к сообщаемым им биографическим сведениям, следует относиться с большой осторожностью (о сомнениях в их достоверности см. в письме Д. Кленовского к Г. Панину от 20 марта 1951 г. в: «Из писем Дмитрия Кленовского Геннадию Панину» <Публ. Э. Бобровой> // *НЖ* № 206. 1997. С. 119—120). В разных местах Трубецкой пишет о своей связи с крупнейшими русскими поэтами: у Волошина «долго скрывался после занятия Керчи большевиками» (письмо к В. Ф. Маркову от 8 сентября 1959 г.; то же в: *Мос* № 2. 1959; *Сод* С. 549), был знаком с Блоком (*Сов* № 2. 1960. С. 49—52; о встрече с ним см. в его стих. «Разговор» // *Воз-2* № 57. 1956. С. 126) и присутствовал на его похоронах (см.: Из записных книжек // *НРС* 1965. № 19074. 30 мая. С. 8), Гумилевым, Ахматовой и Мандельштамом (*Сод* С. 549); встречался с С. Есениным (Из литературного дневника // *НРС* 1965. № 19249. 21 ноября. С. 8), Трубецкого-подростка В. Ходасевич представлял И. Бунину (письмо И. Бунину от 28 сентября 1948), в том же письме утверждает, что учился в гумилевской студии, и мн. др.; ср. также в его стихотворении «Ну, что ж, я почти современник», включенном в наст. изд.

Некрологи: *Терапиано Юрий*. Ю. П. Трубецкой // *Сов* № 25—26. 1974; *Чиннов И.* О Юрии Трубецком // *НРС*. 1974. № 10019. 28 июля. С. 5.

(При составлении биографической справки использована информация, полученная из архива Службы безопасности Украины.)

Петербургская тема занимает особое место в поэзии Трубецкого. В письме к В. Ф. Маркову (от 8 сентября 1959) он замечал: «...Петер-

бург и его обитатели мне всегда приятны и как-то "отвечают"». Петербургская тема многообразно пронизывает не только его стихи, но и прозу: «Блистательный Санкт-Петербург облинял. Творенья Монферрана, Гваренги, Росси, Камерона и Воронихина линяли. На Дворцовой площади, между торцовыми плитками, проросла трава. Исполнялось зловещее пророчество: "Петербургу быть пусту". Город, построенный на костях работных людей, таскавших в своих, месяцами не стиранных рубахах, песок, дресву и щебенку, для осушки проклятых чухонских болот, покрывался липкой могильной паутиной» (Жизнь моего приятеля (Фрагменты из романа) // *Сов* № 1. 1960. С. 32).

Сборник «Петербургские строфы» издан на ротаторе в условиях лагеря Ди-пи в ничтожном количестве экземпляров. Как и в случае с Агнивцевым, он включен в наст. антологию полностью, несмотря на то, что, возможно, не все вошедшие в него стихи написаны в эмиграции (авторской датировке в силу вышесказанного следует доверять с осторожностью). Сделано это для того, чтобы сохранить целостность сборника и познакомить читателя с этим раритетным изданием.

Все стихи — от «До дамбы каменной преграды» до «Вспомни тот вечер, за который я пью» — печатаются по машинописному варианту сборника из архива Г. Струве (экземпляр этого сборника, подаренного автором А. П. Струве с надписью: «Дорогому Алексею Петровичу Струве с искренне добрыми чувствами. Ю. Трубецкой. Август 1966 г. З. Германия», хранится в Special Collections, Green Library, Stanford University; выражаем искреннюю признательность сотруднику библиотеки Polly Armstrong за предоставление в наше распоряжение его копии).

Петербургские строфы

406. «До дамбы каменной преграды...». Под названием «Петербургская весна» вошло в Ст-27, где датировано *1921, Петербург* (2-й стих первой строфы: «Спокойно катится Нева»; во 2-м стихе третьей строфы — «Незрячий взгляд бросает вниз»; 1-й стих последней строфы: «И неразрывней с прошлым узы»). Под названием «Весна» напечатано в группе стихотворений «Из цикла "Россия"» (*НРС* 1951. № 14185. 25 февраля. С. 8); то же название в латинском переводе — «Primavera» — оно имеет в другой самодельной книжке стихов Трубецкого «Петербургские строфы. 1920—1923», посланной им И. Чиннову (см.: Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950—1980-е годы. По материалам архива И. В. Чиннова / Сост. О. Ф. Кузнецова. М.: ИМЛИ РАН. 2003. С. 464); напечатано в составе цикла «Петербургские строфы» в: Златоцвет. 1963. № 12. С. 7. *Гиперборейская весна* — В греч. мифологии гипербореи — народ, живший в идеальной стране на крайнем севере («за Бореем»), — жрецы и слуги Аполлона: художники, музыканты, поэты. *Петровский стынет Парадиз* — В 1703 г. в устье Невы Петр I основал Санкт-Петербург, новую столицу России, которая по замыслу царя должна была стать образцовым городом-«парадизом».

407. «Рейд безлюдный. Пески Сестрорецка...». С датировкой *1922—23* и эпитетом *почерневшие* в 1-м стихе второй строфы напечатано в Ст-48.

408. «Всё понятно — и серые зданья...». *Финских санок неверный бег* — Ср. в стихотворении А. Ахматовой «Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!» (1912):

И санок маленьких такой неверный бег
Под звоны древние далеких колоколен.

См. еще в ее более позднем «Воронеже» (1936): «Узорных санок так неверен бег».

410. Царское Село. С посвящением *М. Волошину* и датой *1921, Царское Село* включено в цикл «Два сонета» в Пол-24; имеет здесь следующие отличия: 4-й стих первой строфы: «Уходят в неба мутный малахит», вторая строфа: «Как сумрачно в аллее просветленной: / Там — мрамор статуй в золоте сквозит, / Там — ступеней растреснутый гранит, / Уже ковром устлали пестрым клены», 1-я строка третьей строфы: «Слепые, неуемные года», заключительный стих: «И снег метет на плечи Андромеды!». С посвящением *Памяти И. Анненского*, датой и местом написания: *1921. Царское*, вошло в Ст-27, имеет здесь следующие отличия: 4-й стих первой строфы: «Уходят в неба мутный малахит», 1-й и 2-й стихи второй строфы: «Безлюдие в аллее осветленной/ Где мрамор статуй в золоте сквозит», заключительный стих: «И снег метет на плечи Андромеды». Без названия напечатано в группе стихов «Из цикла "Россия"» (*НРС* 1951. № 14185. 25 февраля. С. 8), см. также ж-л «Златоцвет» (1962. № 3. С. 39). Ю. Большухин цитирует фрагмент из этого стихотворения в статье «О поэзии Юрия Трубецкого» (*НРС* 1951. № 14157. 28 января. С. 8). Среди других, это стихотворение Трубецкой послал И. Бунину в приложении к своему письму от 28. IX. 48 г. (Русский архив в Лидсе. MS. 1066/5600). В ответ Бунин писал (16. XI. 48): «"Царское село" не в меру манерно, а "ветер, северный мечтатель-сноб" уж совсем никуда не годится» («С именем Бунина у меня связана лучшая пора жизни...» (Неопубликованное письмо И. А. Бунина Юрию Трубецкому) / Вступ. статья и публ. Ренэ Герра // Филологические записки (Воронеж). 2003. Вып. 20. С. 14). *Хризолит* — минерал (драгоценный камень) оливково-зеленого цвета. *Кифаред* — статуя Аполлона в Павловском парке; кифара — музыкальный инструмент др. греков, родственный лире.

411. В парке. В Пол-24 стихотворение имеет следующую редакцию:

О, дайте Вечность мне и Вечность я отдам
За равнодушие к обидам и годам!
Ин. Анненский

Где голос тишины уже так ясно внятен,
Где в изумруде трав обрывки желтых пятен,

Где широко взлетать закатному лучу,
Над парком осенью разубранным в парчу —

Скучают мраморных фонтанов обелиски
И сердце смущено тревогой тайно-близкой.

Гудит Гиперборей, сметая пыль с дорог,
И листья падают в разметанный песок.

Еще над бронзовым, великим лицеистом
Свод неба веет голубым и чистым,

А с севера, с Невы — неведомо куда,
Ползут свинцовых туч тяжелые стада.

Люблю безлюдие аллей, поблекших рано,
И изморозь с утра, а к вечеру туманы.

Златобагряных дней томительный конец
Напоминает «Кипарисовый Ларец»

И как у Анненского в беспокойном плаче,
Кружится над прославленною «Расе»

В червленном золоте, летучий легкий лист
А сверху небо — сонный аметист.

Еще от дня на солнце не солнце [sic] не согрелось
Как я бездумно, грустно засмотрелось

Сквозь частую вуаль, что разоткала мгла
В прудов недвижные, глухие зеркала.

1921.
Царское Село

С посвящением «Памяти И. Ф. Анненского» и без разбивки на строфы напечатано в ж-ле «Златоцвет» (1962. № 3. С. 32); другие отличия: первый стих 3-й строфы: «Предзимних, темных бурь струна уже заныла»; второе двустишие 4-й и первое двустишие 5-й строф отсутствуют. *Гудит Гиперборей, сметая пыль с дорог* — спутан с Бореем: «В этих горах обитает бог северного ветра Борей, а за его владениями живет счастливый народ — гипербореи». *И Дева Белая кувшин свой уронила* — См. комм. к стих. Д. Кленовского «Пирог с грибами стынет на столе». *«Но Дева красотой - не косят никогда»* — из стихотворения И. Анненского «Расе. Статуя мира» (1905). *И думает — о чем? - кудрявый Лицеист* — ср. со стихотворением Вс. Рождественского:

Сквозь падающий снег над будкой с инвалидом
Согнул бессмертный лук чугунный Кифаред.
О Царское Село, великолепный бред,
Который некогда был ведом аонидам!
Рожденный в сих садах, я древних тайн не выдам.
(Умолкнул голос муз, и Анненского нет...)
Я только и могу, как строгий тот поэт,
На звезды посмотреть и «все простить обидам».
Воспоминаньями и рифмами томим,
Над круглым озером метется лунный дым,
В лиловых сумерках уже сквозит аллея,
И вьюга шепчет мне сквозь легкий лыжный свист,
О чем задумался, отбросив Апулея,
На бронзовой скамье кудрявый лицеист.

412. Петергоф. Вошло в Ст-27 — с той же датой, местом написания — *Петергоф*, и с некоторыми отличиями: 2-й стих второй строфы: «На облаках закатного порфира», 1-й стих третьей строфы: «Здесь сладко так загрезить иногда», 3-й стих третьей строфы: «И услыхать на мостике пруда», заключительный стих: «Дряхлеющий, пустынный Петергоф!» Без названия напечатано в составе цикла «Петербургские строфы» в ж-ле Златоцвет. 1963. № 12. С. 8. *Сапфир* — минерал (драгоценный камень) синего или василькового цвета. *Фелица* — Екатерина II, которую повелось так называть после посвященной ей одноименной оды (1782) Г. Р. Державина.

413. Таврический сад. В качестве второго сонета (см. комм. к стих. «Царское Село»), с посвящением *Г. З.* и датировкой *1921, Петербург*, включено в Пол-24. Во 2-й строчке второй строфы: «Как весело, закутавшись в доху»,1-я и 3-я строчки третьей строфы: «Медлительно и важно уплывая», «Над тишиной оснеженной земли».

414. Пиковая дама. О лейтмотиве «Пиковой дамы» в поэзии русской эмиграции см. в комментарии к стихотворению Н. Агнивцева «Санкт-Петербург».

415. Гатчина. В Ст-27, с той же датой и местом написания — *Гатчина. Петербург*, имеет несколько иную редакцию:

Звучат гудки. И ветер в проводах
Уже гнусавит, отпевая лето.
И Гатчина, в багрянцы разодета,
Спит и не спит в разметанных садах.

Борей тревожен. Путает и рвет
В оконных амбразурах паутины,
За павильонами времен Екатерины
В пруды наносит дымчатый налет.

Звучат гудки. И тлеющий закат
Бросает блики на гранит фасада,
На статуи в разбегах плацпарада,
На траурный, безлюдный приорат.

Холодный ветер. Кажется, сейчас
Туда, где прежде гренадер дневалил,
Где главная аллея провилась,
Пройдет, надвинув треуголку, Павел.

Парик, мундир, морщины на лице,
Осветит блеск осеннего заката,
Пройдет и скроется в белеющем дворце,
Постукивая тростью, император.

Ему вослед ветвями прошумит
Бездомный ветер всезабвенной Леты,
Что с беспокойством в запустеньи этом
Прудов тревожит мутный малахит.

Звучат гудки. В зеленых облаках
Борей трубит в серебряные трубы.
Как дни идут! Как падают на убыль!
Как спят дворцы в разметанных садах!

Без названия и с дополнительной строфой напечатано в составе цикла «Петербургские строфы» в ж-ле Златоцвет. 1963. № 12. С. 8; после «Постукивая тростью, Император» в этом варианте следует:

Закончился вечерний вахт-парад,
Что делать, если Император в гневе?
За ним идет, через дворцовый сад,
Перчатку скомкав, бледный Цесаревич.

Последующая строфа начинается: «Но им вослед...». *Малахит* — минерал ярко-зеленого цвета.

416. Встреча. *И бобровый воротник* — См. комм. к стих. В. Андреева «Еще любовью пахнет горький порох». *Вот знакомый, на Литейном - особняк* — По легенде, «дом Пиковой дамы», см. *ТУ*. «*Выпьем с горя - будет веселей!*» — Из стихотворения А. Пушкина «Зимний вечер» (1825). *В парке Царского Села - путь пересекла* — ср. в стихотворении А. Ахматовой «Что ты видишь, тускло на стену смотря» (1913): «Или парк огромный Царского Села, / Где тебе тревога путь пересекла?». «*Мчатся тучи - Невидимкою луна*» — из стихотворения Пушкина «Бесы» (1830).

417. «И снег, тот петербургский снег...». *К. К. Данзас* (1801—1870), товарищ Пушкина и секундант на его дуэли; *Д'Аршиак Огюст* (1811 — конец 1840-х гг.), атташе французского посольства в Петербурге, секундант Дантеса. *«Для берегов отчизны дальней»* — из одноименного стихотворения Пушкина (1830).

418. «Давно с тобой мы попрощались...». В сборнике «Двойник» (С. 8), в котором стихотворение датировано 1922 г., 1-я строфа выглядит несколько иначе:

Давно с тобою мы простились,
Нева и ледяной дворец.
Лишь звездные лучи струились,
Как бы предчувствуя конец.

Первая строчка 2-й строфы: «И музыка звучала тихо». Напечатано в составе цикла «Петербургские строфы» в ж-ле Златоцвет. 1963. № 12. С. 8.

419. Памяти Александра Блока. Без названия, с посвящением — *памяти Блока* и датировкой *1923—1927* — вошло в Ст-27; здесь оно имеет иную редакцию:

Сквозь петербургский мрак и петербургский снег
Один, как и всегда, проходит человек.

По самые глаза наставил воротник
И медленно идет, сутулясь, как старик.

А город спит. Все заперты дома.
Лишь ветер сходит в улица[х] с ума.

Как грешник окаянный воет он
Меж заметенных мраморных колонн,

Причитывает, падает, хрипит,
От холода растрескался гранит,

И точно на дневном свету сова,
Мечется незамерзшая Нева.

Пальмиры северной обезображен лик,
И сорван с головы напудренный парик.

И запустение хозяйничает там,
Где резкий ветер шарит по дворцам

Бьет, разбежавшись, как свирепый тур,
Растреллиевский блеск архитектур.

Державный сон Великого Петра
Покрыла наста крепкая кора.

И если погрозит ему сегодня тать,
За ним монарх не сможет поскакать.

Над сводом исторических аркад
В полнеба сумасшествует закат,

Таких закатов не было давно.
Недуг последний? Старость? — Все равно...

Он помнит ряд вещей знакомых и родных,
Что отмечал и пел ненасытимый стих.

Блажен, кто смолоду весь трепет ощутил
Таящихся внутри неизреченных сил.

Кто принял радость с горем заодно
И творчества испил кипучее вино.

Пусть вскроет, испытает как хирург
Весь этот новый, страшный Петербург.

У жалкой печки комкая листки,
Брос[а]я их сквозь приступы тоски

В скупое пламя просыревших дров:
Там все равно не разберут стихов.

Но в петербургский снег и петербургский мрак
Все время хлопает и рвется красный флаг.

С усильем вытянут[ь]ся во весь рост,
Почуять революции норд-ост,

Что смешиваясь с ветром прежних лет
Творит из музыки невыносимый бред.

И слушать до тех пор пока смертельный пот
Скептические губы не сведет,

И в жадные глаза не хлынет свет пустынь,
Где в небе благостном звезда-полынь

И где закат приветствует восход
И арфой серафической поет.

Без разбивки на строфы и с отдельными разночтениями напеч. в *Воз-2* № 6. 1949. С. 127: 1-й стих пятого двустишия: «Причитывает, молится, свистит»; 2-й стих восьмого двустишия: «Фантомом мчится в мутно-вьюжной мгле»; 1-й стих. десятого двустишия: «И бросил в смуту, в этот снежный мрак»; фрагмент от «Гуляет ветер, порхает снег» до «Уйти, уйти. Последний страшный путь!» отсутствует; 2-й стих предпоследнего двустишия: «Идет домой сквозь петербургский снег». Без разбивки на строфы и с незначительными расхождениями напеч. в *Сов* № 4. 1961. С. 32. *По самые глаза наставил воротник* — Ср. изображение Блока в другом стих. Трубецкого, посвященном его памяти («Разговор»): «А рядом, воротник подняв, / Сидел высокий, стройный незнакомец» (*Воз-2* № 57. 1956. С. 126). *Гуляет ветер - надо бубновый туз!..* — из поэмы А. Блока «Двенадцать», ср. начало другого его стихотворения (которому предпослан эпиграф из А. Блока), датированного 1953 г.: «Веет ветер. Вьется снег. / Погибает чело-

век» (Терновник. С. 8). *Свободой тайной больше не вздохнуть* — Пушкинский образ «тайной свободы» (стих. «К Н. Я. Плюсковой») Блок использовал в стихотворении «Пушкинскому Дому» (1921) и в речи на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина «О назначении поэта» (1921), откуда Трубецким контаминирован мотив *отсутствия воздуха*: «И Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. <...> И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл». *Творит из музыки невыносимый бред* — Парафраз блоковской «музыки революции» (статья «Интеллигенция и революция», 1918).

420. «Осень. Петербург. Музыка...».

421. «Ахматова, Блок, Гумилев, Мандельштам...». Включено в его сборник «Двойник» (С. 39), с датой *1953*. Ср. в неопубликованном письме Трубецкого В. Ф. Маркову от 8 сентября 1959 г. с заменой Гумилева на Анненского: «Анненский, Блок, Ахматова, Мандельштам. С ними у меня до сих пор внутренняя связь». *Теперь только ветер, забвением веющий* — Возможно, отголосок стихотворения Г. Иванова «Январский день. На берегу Невы» (1923): «Несется ветер, разрушеньем веяя»; ср. тот же образ в дополнительной строфе к стихотворению «Прощанье? Наверное — да» (см. ниже).

422. «Это розы плакучей...». Эпиграф из стих. А. Ахматовой «Царскосельская ода» (1961). *Там — в солдатстве — Державин* — Поэт Г. Р. Державин (1743—1816) служил в екатерининской армии, принимал участие в подавлении восстания Пугачева, однако из-за ссоры с начальством был признан недостойным продолжать военную службу. *Там — насмешник Мишель* — Имеется в виду М. Ю. Лермонтов (1814—41). *И Пиндару кто равен - свирель* — Пушкин. *Мчится граф Калиостро* — См. комм. к стих. Н. Агнивцева «Граф Калиостро».

423. Отрывок. ...*серое зданье - декабристы* — Речь идет об одном из адресов, где проходили тайные собрания будущих декабристов: Н. М. Муравьева (наб. Фонтанки, 25), Н. И. Тургенева (там же, д. 20), И. А. Долгорукова (Екатерингофский пр., 37), И. П. Шипова (Преображенские казармы на Кирочной ул.), Ф. Н. Глинки (Театральная пл., 18) и др. *Суровая площадь - шельмовали* — Гражданская казнь петрашевцев, среди которых был Достоевский, совершена 22 декабря 1849 г. на Семеновском плацу (см. *ТУ*). *Вячеслава Иванова «Башня»* — Квартира поэта Вяч. Иванова (1855—1949) на Таврической ул., 35, превратившаяся в знаменитый литературно-философский и артистический салон. *«Бродячая собака»* — см. *ТУ*; упоминается также в стих. Трубецкого «Ну, что ж, я почти современник».

424. «Сначала — черная вода...». Включено в *Сод* С. 447; см. также *Мы жили* Т. 2. С. 380—381.

425. «Помнишь ржавые кочки...». *Помнишь ржавые кочки - болота* — намек на книгу Блока «Пузыри земли» (1904—05). *Ночная фиалка»* — поэма А. Блока (1907).

426. «Многими уже позабыты...». *Стихи о Прекрасной Даме* — цикл стихов А. Блока (1901—02). ...*В «блистательном Санкт-Петербурге»* — Намек на книгу Н. Агнивцева (включена в наст. изд.). *Вхожу я в темные храмы* — начало одноименного стихотворения Блока (1902) из «Стихов о Прекрасной Даме». *Я надел - и жду* — начало стихотворения Блока (1902) из того же цикла (в оригинале: «Закалил мои крылья — и жду»).

427. «Прощанье? Наверное — да...». Включено в *Сод* С. 446—447 с иным эпитетом в последней строчке 2-й строфы: «В моем *облетевшем* саду» и с дополнительной строфой:

Там астры и черные грядки,
И боль мне уже не больна...
И ветер забвения сладкий,
Как эта чужая страна.

См. также: *Мы жили* Т. 2. С. 379—380.

428. «Зимой, над Невою...». *Притин* — высшая (полуденная) точка движения солнца.

432. «Ну, что ж, я почти современник...». *Провожал Блока на Офицерскую* — Блок жил в доме № 57 на пересечении ул. Офицерской (ныне Декабристов) и набережной Пряжки; см. также его стихотворение «Призрак Блока на Офицерской». *Авионы* (от франц. avion) — самолеты.

434. Платон Зубов (Портрет). Печ. по: *НРС* 1951. № 14185. 25 февраля. С. 8. *Зубов Платон Александрович* (1767—1822), светлейший князь, государственный деятель, последний фаворит Екатерины II; генерал-губернатор Новороссии; один из самых деятельных участников заговора против Павла I. *Тех нет — Семирамидовых орлов* — речь идет о государственных и военных деятелях эпохи Екатерины II, которая предстает в стихотворении разными парафрастическими именами (Семирамида — ассирийская царица, конец IX в. до н. э., с именем которой связана слава о завоевательных походах; см. далее Астрея). *Почил великолепный князь Тавриды* — *Потемкин Григорий Александрович* (1739—91), который после присоединения Крыма к России получил от императрицы титул светлейшего князя Таврического. *Мамонов* — *Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич* (1758—1803), граф, один из фаворитов Екатерины II; влюбившись во фрейлину, княжну Щербатову, был, по воле императрицы, обручен с ней, но лишен места при дворе и выслан из Петербурга; в годы правления Павла I положение его не изменилось. *Орлов Григорий Григорьевич* (1734—83), граф, фаворит Екатерины II. *Астрея* — в греч. мифологии дочь Зевса и Фемиды, богиня справедливости, сестра Стыдливости.

435. «Да, мы будем смотреть на стеклянные грозди созвездий...». Печ. по: *Трубецкой Юрий.* Двойник. Париж: «Рифма», 1954. С. 24. *Терапиано Юрий Константинович,* см. наст. изд. *Где присутствуют Музы - пара гуляк* — Намек на пьесу Н. Гоголя «Театральный разъезд после представления новой комедии» (1842).

436. «Призрак Блока на Офицерской...». Печ. по: *РМ-2* 1959. № 1369. 16 мая. С. 5. А. Блок жил на Офицерской ул., 57. *«Юность — это возмездие»* — слова Сольнеса, героя драмы Г. Ибсена «Строитель Сольнес», использованные А. Блоком в качестве эпиграфа к поэме «Возмездие» (1910—21). *Кипарисовый ларец* — название сборника стихов И. Анненского (изд. 1910).

437. «Мир нелеп. Еще по Блоку...». Печ. по: *Юрий Трубецкой.* Терновник. Париж: «Рифма», 1962. С. 23. Включено в *Мы жили* Т. 2. С. 376.

438. «В Петербурге, давным-давно...». Там же, с. 31. До этого печаталось в *Сов* № 2. 1960. С. 38; вошло в *ВРС* 481. *Леонид Страховский* — см. в наст. изд.

Туроверов Николай Николаевич (18 (30) марта 1899, станица Старочеркасская, область Войска Донского — 23 сентября 1972, Париж). Родился в казачьей семье. Окончил Каменское реальное училище и в 17-летнем возрасте был зачислен в лейб-гвардии Атаманский полк. Участник Первой мировой войны и Белого Движения. Вступив в

Добровольческую армию, воевал на юге России, в донских и кубанских степях, в Крыму, участник Ледяного похода. После эмиграции в 1920 г. попал на о. Лемнос, затем в Сербию, где работал лесорубом и мукомолом. В 1922 г. перебрался в Париж. Учился в Сорбонне. Около 40 лет проработал банковским служащим. Один из основателей и активных членов казачьего землячества и Общества ревнителей русской военной старины; участник (и на протяжении ряда лет — старшина) кружка казаков-литераторов, учрежденного сотрудниками журнала «Станица»; член редколлегии «Казачьего альманаха» (1939), в котором были напечатаны его стихи, проза и статья «Казаки в изображении иностранных художников»; председатель парижского Казачьего союза; организатор выставок по русской военной истории. В годы Второй мировой войны служил в рядах французского Иностранного легиона, которому посвятил стихотворный цикл «Легион».

Первый сборник «Путь» вышел в Париже в 1928 г. Г. Адамович в рец. на него отмечал, что «в целом это стихи способного "примерного ученика"», хотя и указывал на их своеобразие: «Есть в них простая и ясная грусть, есть иногда напев, сквозь не совсем удачные слова пробивающийся», автор в них «действительно что-то "выражает", а не придумывает слова для выдуманных мыслей и чувств...» (*Зв* 1928. № 5. С. 281). Затем последовали еще четыре, одинаково названные — «Стихи» (Безансон, 1937 и 1939, Париж, 1942 и 1965); поэма «Сирко» вышла в Париже в 1945 г. О поэзии Туроверова писали как в изданиях, рассчитанных на читателей-казаков (см., к примеру, статью, подписанную псевдонимом Несвой в «Атаманском вестнике», 1937. № 9), так и в периодике, имевшей широкий общественный адрес (см. рецензии Г. Струве в газ. «Россия», 1928. 14 апр; Г. Адамовича в *ПН* 1937. 28 окт.; В. Ходасевича в *Воз-2* 1938. 20 июня и др.).

Печатался в большинстве казачьих печатных органов: литературном сборнике «Казачий быт» (Париж, 1925), «Казачьем сборнике» (Париж, 1930; переиздан позднее без указания года), парижских журналах — «Вестнике казачьего союза», «Казачьем журнале», «Станице», софийских «Казачьих думах», лит. сб-ке «Инвалид» (Париж, 1934), однодневной газете «Доброволец» и др. Входил в редколлегию журнала «Родимый край» (Париж, 1954—73). Ю. Терапиано отмечал близость Туроверова к советской поэзии (Круг. Кн. 3. Париж, 1938. С. 175).

См.: *Терапиано Юрий*. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924—1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 259—262.

См. современные переиздания стихов Туроверова в книгах: «Храня бессмертники сухие» / Сост. К. Н. Хохульников. Ростов-на-Дону, 1999; Двадцатый год — прощай, Россия! / Предисл. и сост. В. В. Леонидова. М.: Российский Фонд Культуры, 1999.

439. «Как будто бы я в Петербурге...». Печ. по: *Туроверов Николай*. Стихи. Париж, 1965. С. 195. Первоначально, под названием «Наследство», в *РМ-2* 1960. № 1511. 12 апреля. С. 7. *Бенуа Александр Николаевич* (1870—1960), русский художник, историк искусства и художественный критик. *Катерина (Екатерина) Медичи* (1519—89) — франц. королева, принадлежавшая к известному флорентийскому роду. *Катерина другая* — Екатерина II.

Тхоржевский Иван Иванович (1878, Ростов-на-Дону — 1951, Париж). Камергер высочайшего двора, действительный статский советник. Родился в семье переводчиков Ивана Феликсовича (184?—

1910) и дочери писателя А. И. Пальма (1823—85) Александры Александровны (1855—1933) Тхоржецких (печатались под общим псевдонимом Иван-да-Марья). Окончил тифлисскую гимназию. После окончания юридического ф-та Петербургского университета (1901) был оставлен для продолжения научной карьеры, но предпочел ей государственную службу. Был управляющим канцелярией Министерства земледелия. Принимал участие в мероприятиях по реализации столыпинской земледельческой реформы. Автор книги «Азиатская Россия» (1914). С 1916 г. перешел в сферу промышленных и банковских дел.

Автор двух сборников стихов — «Облака» (СПб., 1908) и «Дань солнцу» (Пг., 1916), прошедших незамеченными. Был более известен как переводчик: до эмиграции издал три книги переводов: стихи философа Ж.-М. Гюйо (СПб., 1901), Tristia: Из новейшей французской лирики (СПб., 1906), Дж. Леопарди (СПб., 1908); позднее, в эмиграции в Париже, вышли еще четыре книги его переводов: Сюлли Прюдом (1925), Омар Хайам (1928) (см. восторженную реакцию Е. А. Зноско-Боровского в *ИР* 1928. № 31; ср. с критическим отзывом В. Набокова — *Р* 1928. 30 мая и небезыроничным В. Ходасевича — *Воз-1* 1928. 26 апр., который, по воспоминаниям Ю. Терапиано, говорил: «Сегодня я проснулся в холодному поту — мне снилось, что я был персидским поэтом и что меня переводил Тхоржевский» (*Терапиано Юрий.* Встречи: 1926—1971. М.: Intrada, 2002. С. 88); сборник полностью переиздан в кн.: *Гулиа Г.* Сказание об Омаре Хайяме. М., 1975. С. 257—299; некоторые образцы см.: Мастера поэтического перевода XX века. СПб., 1997. С. 141—154), «Новые поэты Франции» (1930), «Диван» Гете (1931, на обложке — 1932).

Настроенный резко антибольшевистски, эмигрировал первоначально в Финляндию (о времени, проведенном там, см.: *Тхоржевский С.* Шпага за шкафом // Звезда. 1993. № 12. С. 172); редактировал гельсингфорскую газету «Новая русская жизнь» и печатался в ней. Через Константинополь вернулся в Россию, был начальником канцелярии Крымского правительства Врангеля. Эмигрировал с эвакуировавшейся Добровольческой армией; жил в Париже. Председатель Национального объединения русских писателей и журналистов во Франции (со дня основания в 1937). Масон, см. *Серков* С. 818—819.

Первый редактор *Воз-2* (№№ 1—4). Автор книги «Русская литература» (Париж, 1946; 2-е изд. — 1950), вызвавшая резко отрицательный отзыв И. Бунина (Русские новости. 1946. № 68. 30 авг. С. 4), см. также критическую оценку Г. Струве (*НЖ* № 18. 1948. С. 342); ср. иное мнение в рецензии Ф. Степуна (*Воз-2* № 20. 1952. С. 171).

См.: *Ворожейкина З., Шахвердов А.* Сотворение русской рубаи: И. Тхоржевский — переводчик и интепретатор Омара Хайма // Вопр. лит. 1992. Вып. 3.

См. его воспоминания о Петербурге, собранные в одну книгу: *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург: Воспоминания камергера. СПб.: Алетейя, 1999.

440. Студент (Стихи ко дню 8/21 февраля, празднику С.-Петербургского университета). Печ. по: Русская мысль. 1949. № 112. 18 февраля. С. 5. С.-Петербургский университет был основан 8 февраля 1819 г., автор приурочил публикацию стихотворения к 150-летнему его юбилею. Ср. в стихотворении Гавриила Елачича «День основания С.-Петербургского Университета. Восьмое февраля» (Россия и славянство. 1932. № 170. 27 февраля. С. 3):

Нас было тысячи, нас много тысяч было,
Входивших в длинный дом на берегу Невы.
О сколько юности тогда в сердцах бурлило,
Как жизнь звала к себе, как правда нас манила,
Как мощью юности мы были все правы!

Русский Дон-Кихот — обиходное выражение, восходящее, по всей видимости, к одноименному названию статьи Д. И. Писарева (1861), посвященной выходу в свет собрания сочинений И. В. Киреевского (I и II томов); ср. в стихотворении И. Северянина «Некрасов» (1925): «Так перед плотно запертою дверью / Рыдал Некрасов, русский Дон Кихот».

Федоров Александр Митрофанович (6 (18) июля 1868, Саратов — 1949, София) — поэт, прозаик, драматург, художник, переводчик (в том числе Шекспира и А. Теннисона), относимый как поэт обычно к школе И. Бунина, «ученик и товарищ, сосед по приемам творчества» (*Городецкий С.* Родина // Закавказское слово (Тифлис). 1919. 31 июля). С 1896 г. жил в Одессе. Плодовитый прозаик: автор большого количества романов и сборников рассказов. До эмиграции из Одессы в Болгарию в 1920 г. выпустил также с десяток поэтических книг — в том числе «Сонеты», «Мой путь», «Стихи», «Стихотворения». См. подборку его стихотворений в «Библиотеке поэта»: «Поэты 1880—1890-х гг.»

В эмиграции отдельных его сборников не выходило. Переводил болгарских поэтов, был председателем Союза русских писателей и журналистов в Болгарии, печатал стихи в журналах *РМ-1*, «Сполохи» и мн. др., в газетах «Россия» (София), *Сег*, *Р*, «Последние известия» (Таллинн) и мн. др.

441. Медный всадник. Печ. по: Перезвоны. 1926. № 20. С. 610.

Филиппов Борис Андреевич (наст. имя: Борис Андреевич Филистинский; 6 августа 1905, Ставрополь — 3 мая 1991, Вашингтон) — литературовед, критик, публицист. Детство прошло в Забайкалье, где служил его отец, капитан 19-го сибирского стрелкового полка, впоследствии, в Первую мировую войну, погибший под Варшавой. Учился в Ленинграде в Институте восточных языков (1924—28), университете (экономический факультет) и вечернем Институте промышленного строительства (1928—33). Первый раз был арестован в 1927 г. за участие в религиозно-философском кружке, который возглавлял С. А. Аскольдов (Алексеев; 1871—1945). В 1936 г. арестован вторично по обвинению в контрреволюционной деятельности (его воспоминания о Ленинградской пересылочной тюрьме см. в *РМ-2* 1976. № 3085. 8 янв. С. 5). Срок отбывал в Ухто-Печерских лагерях, затем был сослан в Новгород, где поддерживал дружеские отношения с сестрами З. Н. Гиппиус — Татьяной (1877—1960) и Натальей (1880—1963), см.: *Филиппов Борис.* Сестры Гиппиус // *НРС* 1981. № 25559. 12 июля. С. 5, 7. В 1941 г. освободился с поражением в правах. В годы Второй мировой войны, живя в Новгороде и Пскове, активно сотрудничал с немцами (*Ковалев Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941—1944. М.: Изд-во Транзиткнига, 2004. С. 121—122, 342—346, 378), в том числе в поднацистской русской печати, возглавлял т. н. «русское гестапо» и был агентом абверкоманды. В 1944 г. перебрался в Ригу, где занимал пост зам. гл. редактора газеты «За Родину». В конце войны попал в Германию, где служил в отделе восточной прес-

сы при министерстве народного просвещения. В это время женился на поэтессе И. Бушман (1921).

С 1950 г. поселился в США, сотрудник радиостанции «Голос Америки», преподаватель русской литературы в американских университетах. Автор большого количества сборников стихов и прозы, критических статей и редактор сочинений стихов русских поэтов. В 1951 г. женился на поэтессе О. Анстей (1912—85).

Версию его биографии на основании архивов КГБ см.: *Иващенко А.* Подсадная утка. История преступлений Б. Филиппова-Филистинского, в прошлом гестаповца, ныне издателя-клеветника в Соединенных Штатах // Комсомольская правда. 1968. 9 июня.

Участвовал в составлении и редактировании собраний сочинений Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Волошина, Н. Клюева, Е. Замятина, Б. Пастернака, Н. Заболоцкого.

Петербургская тема (с отсутствующей эмигрантской ветвью), возникшая первоначально в эссеистике Филиппова (см. его статью: Петроград — Ленинград (Опыт литературного комментария к «Медному всаднику») // *Гр* № 10. 1950. С. 105—113; отклик на нее Ю. Терапиано в его рецензии на этот номер *Гр* в: *НРС* 1951. № 14478. 16 дек. С. 8), воплотилась книге «Ленинградский Петербург» (1-е изд. — 1973; 2-е — 1974; см. рецензии Бориса Нарциссова на оба издания соответственно: *НРС* 1973. 19 авг. и *НРС* 1974. № 10019. 7 июля. С. 4; рец. Ю. Терапиано на второе из них — *РМ-2* 1974. № 3015. 5 сент. С. 8—9; вошла в его более позднюю кн.: Всплывшее в памяти: Рассказы. Очерки. Воспоминания. London, 1990. С. 316—384).

Некролог: *Голлербах Сергей.* Борис Филиппов // Записки Русской академической группы в США. Т. XXV. New York, 1992—1993. С. 345—346.

См.: мемуары Филиппова «Всплывшее в памяти» (London, 1990); *Селиванова С. Д.* Борис Филиппов как писатель и критик // Культурное наследие Российской эмиграции. 1917—1940: В 2 кн. / Под общ. ред. акад. Е. П. Челышева и проф. Д. М. Шаховского. М.: Наследие, 1994. Кн. 2. С. 182—188.

442. Растрелли (Из цикла стихов «Петербург»). Печ. по: *Гр* № 4. 1948. С. 73. *Картуш* — лепное или графическое украшение в виде не до конца развернутого свитка или щита; обычно обрамлено завитками, на которых помещаются надписи, эмблемы, гербы и пр.

443. «В квадриге тяжкой, быстрые, как мысль...». Печ. по: *Филиппов Борис.* Бремя времени: Стихи 1942—1961. Вашингтон, 1961. С. 21 (в составе цикла «Русь и Рассея — оседлая и кочевая», под номером 15). Перепеч. в сборнике его стихов «За тридцать лет: Избранное 1941—1971» (Вашингтон, 1971). С. 41. *Квадрига* — у греков и римлян двухколесная колесница, запряженная в четверку лошадей; имеется в виду скульптурное изображение на арке Главного штаба (см. *ТУ*). *Ангел с бурой закивал колонны* — ангел, венчающий Александровскую колонну (см. *ТУ*).

Форштетер Михаил Адольфович (1893, Москва — 21 июля 1959). Родился в семье директора московского отделения Санкт-Петербургского международного банка. Мать — сестра поэта Д. М. Ратгауза. Окончил историко-филологическое отделение Московского университета в 1917 г. Эмигрировал с семьей в Прагу. После защиты диссертации «Австрия и Венский конгресс в марте и июне 1865 г. Проблема проливов» в немецком университете Карла Фердинанда в Пра-

ге (1920) получил степень доктора философии. После этого переехал в Берлин, а в 1924 г. в Париж. Слушал лекции в Сорбонне. Работал переводчиком, переводил на французский, немецкий, английский и русский языки. Печатался в *Воз-1*. Сотрудничал во французской прессе и с французскими издательствами, более всего с «Nouvelle Revue Française». Автор ряда книг, оставшихся неизданными: мемуарной повести «Le Pont des Maréchaux-Ferrants» (Кузнецкий мост); дневника, в котором рассказывается о немецкой оккупации Парижа; «Политической истории России», охватывающей огромный временной масштаб — от древности до революции. Стихи начал писать до эмиграции, но единственный сборник, в который включены и его ранние тексты (в том числе на петербургскую тему — «Николай I (Памятник у Исаакия)», стихи о Пушкине — «Он тяжелой запахнулся шубой...»), под названием «Избранные стихотворения (1916—1958) (Париж, 1960), издан посмертно; предисловие к нему написал высоко ценивший Форштетера С. К. Маковский; ср. с мнением В. Вейдле, полагавшим содержащуюся в этом предисловии оценку чрезмерной (письмо И. Чиннову от 25 марта 1961 г. в: *Миллер Л.* Из писем В. Вейдле к И. Чиннову // *НЖ* № 183. 1992. С. 365); см. также сочувственный отклик Э. Райса (*Гр* № 47. 1960. С. 238—239). По поводу Форштетера Г. Адамович писал С. Маковскому: «Я видел его всего один раз — у Берберовой, в 1945 или 46 году, сразу после войны. Скажу правду — мне его блеск, его красноречие и некая "салонность" показалась тягостной. Но чем дальше живешь, тем вернее знаешь, что по случайным впечатлениям нельзя о человеке судить» (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 4 об.).

См.: *Маковский Сергей*. Предисловие // Михаил Форштетер. Избранные стихотворения (1916—1958). Париж, 1960. С. XI—XXI.

444. Петр. Печ. по: *Форштетер Михаил*. Избранные стихотворения (1916—1958). Париж, 1960. С. 6. Приведено в статье: *Маковский Сергей*. Новый эмигрантский поэт: М. А. Форштетер (1894—1959) // *НРС* 1959. № 16999. 4 окт. С. 8.

Черный Саша (наст. фамилия: Александр Михайлович Гликберг; 1 (13) октября 1880, Одесса — 5 августа 1932, Ля Февьер, Франция), один из корифеев русской сатирической литературы XX в. Родился в семье провизора М. Я. Гликберга (не исключено, что детские годы провел в Белой Церкви, чему, однако, не найдено документальных подтверждений). В 9-летнем возрасте крещен отцом для определения в русскую гимназию, первая попытка поступления в которую не удалась, по-видимому, из-за процентной нормы, налагаемой на евреев). В 15-летнем возрасте, из-за невыносимой семейной обстановки, вслед за старшим братом, бежал из дому в Петербург, где учился в гимназии, откуда был отчислен за неуспеваемость. После многих злоключений попал в Житомир и какое-то время жил и воспитывался у председателя Губернского присутствия по крестьянским делам К. К. Роше (этому способствовал фельетон журналиста А. Яблоновского в петербургском ж-ле «Сын отечества» за 1898, 8 сентября о бедственном положении мальчика, брошенного семьей; годы спустя Черный и Яблоновский близко сойдутся в эмиграции и будут давать совместные концерты, см. *ПН* 1928, 6 и 19 июля). Полного гимназического курса не окончил, был исключен из 6 класса житомирской гимназии «без права поступления». Армейскую службу (1900—02) проходил в качестве рядового из вольноопределяющихся. В 1902—05 служил в

Новоселицкой таможне (Бессарабия, граница с Австро-Венгрией). Литературную деятельность начал в 1904 г. в житомирской газ. «Волынский вестник». В 1905 г. переехал в Петербург, широко печатался в периодических сатирических изданиях — «Зритель», «Молот», «Маски», «Леший» и др. В 1906 г. из печати вышел его первый сборник стихотворений «Разные мотивы», сразу же арестованный (автор был привлечен к суду за политическую сатиру). Отправившись за границу, слушал лекции в Гейдельбергском университете. Вернувшись в Россию, становится одним из ведущих сотрудников еженедельника «Сатирикон» (возник в 1908 г., изд. М. Г. Корнфельд), создававшего, по словам «сатириконца» П. Потемкина, «направление в русской литературе и незабываемую в ее истории эпоху» (*ПН* 1925. 15 марта). По словам К. Чуковского, «получив свежий номер журнала, читатель прежде всего искал в нем стихов Саши Черного. Не было такой курсистки, такого студента, такого врача, адвоката, учителя, инженера, которые бы не знали их наизусть». В 1911 г. Черный разорвал с «Сатириконом» и продолжал печататься в популярных столичных и периферийных изданиях: газетах «Русская молва», «Киевская мысль», «Одесские новости», ж-лах «Совремнный мир», «Аргус», «Солнце России», «Современник», альманах «Шиповник» и др. Много пишет и печатает для детей. Выступает как переводчик: Г. Гейне (одно из прозвищ Черного было «русский Гейне»), Г. Сафир, Р. Демель, К. Гамсун и др. В 1910 г. вышел второй сборник — «Сатиры», в 1911 третий — «Сатиры и лирика» (выдержали пять переизданий до 1917 г.).

В годы Первой мировой войны служил санитаром. В марте 1917 г. был избран зам. комиссара Совета солдатских депутатов Северного фронта. Познакомившийся с ним в Пскове в октябре 1917 г., А. Соболь писал жене (письмо от 22 октября): «Он мне *очень* понравился. К сожалению, мало было времени поговорить с ним. Он сейчас замолчал, не находя такой газеты, где бы мог смело писать, не боясь той или иной парт<ийной> цензуры. А он как раз теперь не должен молчать, теперь, когда гнусавят Сатириконы и Бичи» (частное собрание).

Не приняв большевистский переворот, в 1918 г. уехал с женой в Литву, где прожил до 1920 г. В марте 1920 г. приехал в Берлин, был редактором лит. отдела журнала «Жар-птица» (1921—23) и альманаха «Грани» (1922—23); регулярно печатался в *Р* и *Сег.* Дружил с семьей Набоковых, помогал В. В. Набокову отбирать стихи для сборника «Горний путь» (1923) (см.: *Boyd B.* Vladimir Nabokov. The Russian Years. Prinston, 1990. P. 186—89). В июле 1923 г. переехал в Италию, жил на вилле, снятой вдовой Л. Андреева. В конце марта 1924 г. перебрался в Париж, сотрудничал в «Русской газете», «Перезвонах», *ИР*, *ПН*, *Воз-1*, в возрожденном в эмиграции «Сатириконе» (апрель—октябрь 1931). Снимался как актер в американских фильмах. В 1929 г. купил небольшой участок земли и построил дачу в Ля Фавьер на юге Франции. Умер после участия в тушении пожара на одной из соседних ферм.

Похоронен на кладбище небольшого городка Лаванду. Могила не сохранилась, в 1978 г. на этом кладбище сооружена в его честь мемориальная доска (*Волгина В.* В поисках могилы Саши Черного // *РМ-2* 1978. 22 июня).

См. стихи на смерть Черного в эмигрантской прессе: «А. М. Черному» М. Струве (*ПН* 1932. № 4155. 7 августа. С. 3), «Над братским гробом» несшего гроб Черного Н. Станюковича (*Воз-2* № 172. 1966. С. 48; написано в Ля Февьер в августе 1932 г.).

См.: *Станюкович Николай.* Саша Черный // *Воз-2* № 169. 1966. С. 119—125 (включено в кн.: Дальние берега: Портреты писателей эмиграции: Мемуары / Сост., автор предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1994); *Гликберг М. И.* Из мемуаров / Вступ. статья и публ. Л. А. Спиридоновой // Российский литературоведческий журнал. 1993 № 2. С. 237—248; Саша Черный. Библиография / Сост. А. С. Иванов. Paris: Institut d'études slaves, 1994, *Спиридонова Л.* Бессмертие смеха: комическое в литературе русского зарубежья. М.: Наследие, 1999. С. 167—208.

Тексты печатаются по кн.: *Черный Саша.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М.: Изд-во «Эллис Лак», 1996 (далее указаны страницы и в скобках место первой публикации).

445. На «Островах». С. 98—99 (На чужбине (Ревель). Сб. 1. 1921. С. 3). Включено в *ПСРП* С. 73. *Орел аптеки* — см. комм. к стих. В. Горянского «Февраль семнадцатого. II». *Вейка* — см. комм. к стих. В. Гарднера «Картинки прежнего Петрограда».

446. Весна на Крестовском. С. 97—98 (Жар-птица. 1921. № 2. С. 20).

447. Игрушки. С. 93—96 (Жар-птица. 1921. № 4/5. С. 2—4). О вероятном прототипе героя этого стихотворения живописце и графике *Вадиме Дмитриевиче Фалилееве* (1879—1950), которого связывали с Черным приятельские и творческие отношения, см.: *Иванов А. С.* «Не упрекай за то, что я такой...»: К истории портретов Саши Черного // Панорама Искусств. Сб. 10. М., 1987. С. 380—394. *Между рам - с кислотой* — см. комм. к стих. Д. Кленовского. ...*«Из страны далекой»* — правильно: «Из страны, страны далекой» — старинная русская студенческая песня (сл. Н. М. Языкова, муз. А. А. Алябьева). *Валькирия* (др.-сканд. *букв.* выбирающая убитых) — в др.-сканд. мифологии воинственные девы-богини, помогающие героям в битвах и уносящие их души в царство мертвых Валгаллу. *Макитра* (макотра) — большой, широкий горшок, в коем трут кием мак, табак. *Барвинок* — многолетнее травянистое лекарственное растение; народные названия — могильница, гроб-трава.

448. Невский. С. 96—97 (*Сег* 1922. № 256. 12 ноября; перепеч. в газ. День русской культуры [Париж]. 1927. 8 июня. С. 3). *Внезапно рявкнул за углом - пушки* — Выстрел пушки с Нарышкинского бастиона Петропавсловской крепости, сигнализирующий наступление полдня. *Горит аптечное окно - графином* — См. комм. к стих. В. Горянского «Петербург». *Вот и знакомый, милый мост - атлеты* — Аничков мост, см. *ТУ. Садок* — место в реке, огороженное сеткой для живой рыбы («живорыбный садок» в «Египетской марке» О. Мандельштама).

449. Мираж. С. 83 (Альманах «Грани». Кн. 2. Берлин. 1923. С. 121). Включено в *Мы жили* Т. 1. С. 139. Ср. в наст. изд. стих. Ю. Галича «Мираж». *«Nemo»* — имя капитана подводной лодки «Наутилус», героя романа Ж. Верна «Двадцать тысяч лье под водой» (1868).

450. Эмигрантские сны. С. 251 (*ИР* 1924. № 1. С. 14). *Енох* — ветхозаветный патриарх, сын Иареда и отец Мафусала, проживший 365 лет (Быт. 5: 18—24). *Гвардейское общество* — имеется в виду Торговый дом Гвардейского экономического общества, см. *ТУ.*

451. Сатирикон. С. 253—255 (Русская газета. 1925. 29 марта, с посвящением Аркадию Аверченко). Стихотворение было написано в связи с известием о смерти в Праге *Аверченко Аркадия Тимофеевича* (1881—1925), писателя-юмориста, драматурга, театрального критика, редактора ж-ла «Сатирикон». Данное стихотворение, существенно

переработанное, было опубликовано в «Сатириконе», возродившемся в Париже (1931. № 1). Все разночтения между первой и второй редакцией см. в комм. А. С. Иванова в кн.: *Черный Саша.* Собр. соч. Т. 2. С. 474. *Над Фонтанкой сизо-серой - «Сатирикон»* — см. комм. к стих. Н. Агницева «Вы помните былые дни...», см. *ТУ.* «Сатирикона» редакция. *На окне сидел художник - пополам — Ремизов Николай Владимирович* (наст. фам. Васильев, псевд. Ре-Ми; 1887—1975), главный художник ж-ла «Сатирикон», сын артиста Петербургских Императорских театров В. С. Васильева (сценич. псевд. Ремизов), автор книги «Сатирические портреты» (Пг., 1916), в которой были собраны карикатуры на известных деятелей русской культуры; впоследствии эмигрировал. *...огромные плакаты - дьяволом-балдой* — Имеется в виду изображение сатира, ставшего издательской маркой «Сатирикона». *Тихий вежливый издатель - мышь* — Основатель и издатель журнала *Корнфельд Михаил Германович* (1884—1973), выпускник Петровского коммерческого училища (1901); учился в Институте гражданских инженеров и на истор.-филол. ф-те Петербург. ун-та; изд. ж-ла «Спрут» (1905—06), «Синего журнала» (1911—12) и др.; в мае и июле 1918 г. дважды был арестован большевиками и содержался в Петроградской ЧК; в 1920 г. эмигрировал в Париж, продолжал заниматься издательским производством (в частности в апреле 1931 г. возродил издание «Сатирикона»); автор книги «Психология красоты». *Бакшиш* (*перс.*) — дань, «чаевые», ссуда. *«Ящик почтовый»* — рубрика в «Сатириконе»: ответы на письма читателей.

452. Пасха в Гатчине. С. 257—259 (Перезвоны. 1926. № 19. С. 572—573). А. Куприн жил в Гатчине на Елизаветинской ул. в знаменитом «зеленом домике», описанном в ряде мемуаров и даже в автобиографическом романе — Л. Борисова «Жестокий воспитатель» (Черный неоднократно посещал его). *Сарабанда* — испанский танец.

Чехонин Михаил Георгиевич (1907, Петрозаводск — 4 марта 1962, Нью-Йорк) — попал в эмиграцию через Константинополь, член Кружка русских поэтов в Америке с самого его основания в 1939 г., участник коллективного сборника «Четырнадцать». «Приехав в США мальчиком, он интересовался американской поэзией, сам писал английские стихи и принимал участие в американских литературных кружках и изданиях. В русских своих стихах он часто искал новых путей, писал порою вольным белым стихом. Произведения его нередко были исполнены печали и недоумения» (*Троцкая З.* Памяти Мих. Чехонина // *НРС* 1962. 16 марта). Печатал стихи и прозу в *Нов, Воз-2, Гр, НЖ*; вошел в антологию «Эстафета» и *НЗ.* Издал единственный сборник стихов (1946).

453. Привет тебе. Печ. по: *Чехонин Михаил.* Стихи. Нью-Йорк: Изд. Кружка русских поэтов в Америке, 1946. С. 65—66.

Чиннов Игорь Владимирович (25 сентября 1909, под Ригой — 21 мая 1996, Дайтон Бич, Флорида, США). Отец — юрист, присяжный поверенный, мать — из знатного дворянского рода Корвин-Косаговских (двоюродная сестра поэта П. Ф. Якубовича); дядя — известный петербургский архитектор Н. Д. Цвейберг, живший на Литейном пр. и Сергиевской ул., 16. В Первую мировую войну семья эвакуировалась из Риги, куда вернулась после 1922 г. Чиннов учился в Ломоносовской гимназии, потом на юридическом факультете Рижского уни-

верситета. Был членом литературной группы «На струге слов» (сюда также входили М. Клочков, Г. Матвеев, Н. Белоцветов и др.), издававшей журнал «Мансарда» (1930. № 1—6); печатался также в рижской газете «Поворот» (1930) и ж-ле «Перезвоны» (1925—29). Опубликовал в *Ч* статью «Рисование несовершенного» (№ 6. 1933. С. 229), в которой декларировал: «Теперь нужна предельная скудость, немногосветлая, тусклая, почти бесцветная заглушенность, слабость и тихая лодочная слитность, незаметность — простота, словно не беспокоющее движение забывчивости. Теперь должно быть стихотворение прелестно несуществующее почти, как иногда дополнительные тона в музыке, притушенное, неощутимое, почти незаметное, — не томящее, хотя и недоосуществленное, недостаточное, но успокаивающее, кажущееся совсем простым и бедным, убывающее, словно стертая черта, забывчивой, несходящейся с краем бесцельного взора, улыбки в наступившем вслед за застенчивостью облагорожении и ни для кого не заметной чистоте», что было воспринято как «стихотворение в прозе неудачного подражателя раннего декадентства» (*Бем А.* Магический реализм // Молва. 1932. 2 окт.).

Встречался с приезжавшими в Ригу осенью 1932 г. Г. Ивановым и И. Одоевцевой: «В свое время Георгий Иванов в Риге мне говорил, что постарается об издании моей книги. И он написал в свое время рекомендательное письмо в "Современные Записки"» («Нет, мы не бывшие русские...»: Монологи Игоря Чиннова / Подг. к печати Мстислав Князев) // *РМ-2* 1992. № 3940. 31 июля. С. 10; книга в свет не вышла, т. к. автор решил, что стихи незрелые).

В 1944 г. оказался в Германии. После войны жил в Париже, где в издательстве «Рифма» вышел его первый сборник стихов «Монолог» (1950), см. развернутую рецензию на него С. Маковского (*Оп* № 1. 1953. С. 143—48). «Иногда одну его строчку хотелось бы и можно было бы развить в целое стихотворение, — реагировал на поэзию Чиннова Г. Адамович. — Не то чтобы эти стихи были предельно сжаты, нет, скорей они сплошь построены на намеках, на полусловах и даже полувздохах, будто к словам полным потеряно у поэта доверие. Замечательно, однако, что отчетливость им достигнута полная, без малейшей облачности в стихах» (*Адамович Г.* Новый поэт // *НРС* 1952. № 14576. 23 марта. С. 8). В Париже был издан и второй его сборник «Линии» (1960). С 1953 г., в течение 9 лет, работал на радиостанции «Свобода» в Мюнхене.

В 1962 г. переехал в Америку по приглашению Канзасского университета. Преподавал также в Питтсбургском университете и в университете Вандербилта в Нашвилле, Теннесси. В 1968 г. в Нью-Йорке увидел свет его сборник «Метафоры», после чего последовали: «Партитура» (Нью-Йорк (1970), «Композиция» (Париж, 1972), «Пасторали» (Париж, 1976), «Антитеза» (1979), «Автограф» (1984) (два последних изданы в США), сборник «Эмпиреи» увидел свет в 1995 г. в Москве.

В 1992 г. посетил Петербург и писал о своей поездке: «Я хотя и знал Петербург по фотографиям, гравюрам, картинам, не уставал восхищаться увиденными воочию перспективами, прекрасными зданиями, удивительными архитектурными ансамблями. Повидав много великих городов, пишущий эти строки тем не менее не мог не почувствовать несравненного величия Северной Пальмиры» (*Чиннов Игорь.* И невозможное возможно // *НЖ* № 187. 1992. С. 362); ср.: *Бобышев Дмитрий.* Встречи и разговоры с Игорем Чинновым // *НЖ* № 206. 1997. С. 125—137. Литературовед О. Б. Кушлина, вдова поэта В. Кри-

вулина, чей дом он в эту поездку посетил, рассказывала: «Ему налили борща в нашем номере в Комарове (голодного же привезли!), пока оформляли его проживание, я побежала за ложкой в столовую, — возвращаюсь, а он с блаженной улыбкой хлебает щи чайной ложечкой, — еле успела ему полотенце подвязать. На самом деле трогательный он был».

См.: *Большухин Юр.* Об уединенной поэзии // *НРС* 1957. № 16087. 14 июля. С. 8; *Крепс Михаил.* Поэтика гротеска Игоря Чиннова // *НЖ* № 181. 1990. С. 84—97; *Пасквинелли Анастасия.* Метафоры и метаморфозы: гностическое изгнанничество Игоря Чиннова // *НЖ* № 183. 1991. С. 119—127; *Линник Юрий.* Его судьба — песочные часы (Поэзия Игоря Чиннова) // *Гр* № 164. 1992. С. 151—176; *Шраер Максим Д.* «Игрушка»: записки об Игоре Чиннове // Дружба народов. 1999. № 11. С. 199—220.

454. «А поэты взяли да и вымерли...». Печ. по: *Чиннов Игорь.* Собр. соч.: В 2 т. / Сост., подг. текста, комм. О. Кузнецовой, А. Богословского. М.: Согласие, 2002. Т. 2. С. 18. Включено в *Мы жили* Т. 4. С. 31. Написано на смерть И. Одоевцевой; см. к этому: *Чиннов Игорь.* Одоевцева умерла. По материалам, сохранившимся в архиве Б. Плюханова / Публ. Ю. Абызова // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. VI. Рига: Даугава, 2000. С. 292—299. *Эпиграф* — из стихотворения И. Одоевцевой «Верной дружбе глубокий поклон», см. в наст. изд. *Гумилев - заблудившийся трамвай* — О наследуемом эмигрантской поэзией гумилевском мотиве «заблудившегося трамвая» см. во вступительной статье.

Шах Евгений Владимирович (1905—?). Родился в семье петербургского адвоката и литератора В. М. Шаха (Вольского) (1880—1949), примыкавшего к меньшевистской партии. Семья (жившая на Карповке, 8) эмигрировала в Париж до 1917 г., ср. в поздних стихах:

Где Сена? Замелькали страны, лица
И, наконец, придя издалека,
Передо мной знакомая река
И северная гордая столица...

(*Шах Е.* Городская весна. Париж: Изд-во «Родник», 1930. С. 57).

В Париже Е. Шах входил в литературную группу «Перекресток» и издал два поэтических сборника: «Семя на камне» (1927) и «Городская весна» (1930). На талантливость, но торопливость Шаха указал Г. Адамович, рецензируя его первый сборник (*Зв* 1927. № 225. 22 мая. С. 2). В отзыве на него же В. Сирин-Набоков в качестве учителя Шаха назвал Н. Гумилева и в некоторых его стихах усмотрел гумилевскую занимательность. «Он, правда, очень молод, — замечал рецензент, — у него находишь ужасающие промахи <...>, но как хорошо зато стихотворение "Я видел сон: горячего коня и всадника прекрасного на диво" <...> или описанье городской весны: "И торцы, как зеркало блестящие, пахнут жарко нефтью и смолой; бабочки летают настоящие над коварной, липкой мостовой". <...> Если и есть у Шаха наивность <...>, то зато нет ни вывертов, ни абракадабры. Это настоящий поэт» (*Р* 1927. № 1959. 11 мая. С. 4). Как о «вполне культурном стихотворце, не лишенном к тому же вкуса и чувства меры», писал о Шахе В. Ходасевич (*Воз-1* 1927. № 891. 10 ноября. С. 3). С

интересом отнесся к Шаху и Ю. Терапиано, который отмечал, что автор «Семени на камне» «внутренне очерчен и, несмотря на все промахи и недостатки, имеет свое лицо. <...> уже и сейчас, за всей шелухой поверхностных рефлексов, чувствуется, что поэт способен находить пути, может определять и видеть. Внешняя техника — способность механически гладко писать независимо от содержания — иллюзия. Поэт должен увидеть то, что ему открывается — и чем яснее, чем *ближе* он увидит — тем совершеннее станет высказывание — снятие покрова, обнажение путем слова.

Вот почему меня скорее отталкивает, чем привлекает ловкость и гладкость у всякого молодого поэта; в ней чувствуется не достоинство, но скорее опасность соскользнуть на проторенную дорожку стихотворчества. Поэтому мне было отрадно встретить в книге Шаха несколько стихотворений, свидетельствующих о наличии у него *зрения*». Вывод критика звучал довольно утешительно: «В общем, поэтические *возможности* Шаха дают нам основание связывать с его именем некоторые надежды» (Новый корабль. 1927. № 2. С. 53). Тему второго сборника Шаха Г. Струве определял как «лирический протест современного человека против безвыходного плена городской культуры» (*Струве Г.* Заметки о стихах // Россия и славянство. 1930. № 68. 15 марта. С. 3). Откликаясь на него, В. Ходасевич в статье «Скучающие поэты» писал, что у автора «есть и вкус, и умение и, порой, — настоящее чувство. И он не вполне оригинален, и у него чувствуются влияния, но все же он несомненно работает, т. е. в сущности уже не скучает. У него скука становится темой, а не импульсом». Заключительная фраза Ходасевича повторяла терапиановскую: «Это позволяет возлагать на него некоторые надежды» (*Воз-1* 1930. № 1703. 30 января. С. 3). Отдельные прелестные строфы и даже целые стихотворения находил в «Городской весне» Г. Адамович (*ИР* 1930. № 7. 8 февраля. С. 16). На фоне этих, в целом ободряющих оценок, резким диссонансом прозвучал отзыв на «Городскую весну» варшавского критика С. Нальянча (псевд. С. И. Шовгенова): «На ста с лишком страницах Евгений поет о том, что его заедают неудовлетворенность, всеобъемлющая скука, непобедимая зевота и что он не любит города, весны и, следовательно, городской весны. Придет же фантазия человеку, который, конечно, что-нибудь да любит в мире, посвящать целый сборник стихов тому предмету, которого он не любит! Даже у мастера не выйдет в таком случае ничего путного, а что Шах — не мастер, об этом предупреждает вступительный сонет, напечатанный курсивом. Более неуклюжие и корявые стихи не часто встретишь» (*Нальянч С.* Парижские поэты // За свободу! 1930. № 101. С. 8).

455. «Я лица позабыл друзей...». Печ. по: *Шах Евгений.* Семя на камне. Париж: Родник, 1927. С. 7.

456. Казненный город. Там же. С. 18—19. *Стон осужденного героя - демиургом* — Аллюзия на «Медный всадник» Пушкина.

457. «Мой град никем не караулится...». Там же. С. 20. *Алатырь* (алабырь, бел-горючь камень) — волшебный камень, упоминаемый в сказках и заговорах.

458. «Мелькнули битвы, города, народы...». Там же. С. 28.

459. «Я родился в кантоне гористом...». Там же. С. 50.

Шене Вячеслав Васильевич (псевд. Плинатус; 1896—12 ноября 1942, Варшава), варшавский поэт и прозаик, автор романа «Последние: Роман из жизни петербургской молодежи (1913—1920)» (Варшава: Изд-

во «Добро», 1938). Отрывок из поэмы «Княжья месть» был напечатан в «Антологии русской поэзии в Польше» (Варшава, 1937). «В этой поэме, — говорилось в аннотации, — автор дает подлинный роман в стихах, который читается легко, благодаря его звучной форме и с большим интересом, так как роман живет и трепещет скорбью за несчастную Родину и пламенной ненавистью и к тем, кто подготовил ее гибель, и к тем, кто погубил ее окончательно» (*НРС* 1930. № 6482. 26 окт. С. 10).

460. Княжья месть. Эмигрантская быль. <Отрывок>. Печ. по: *Шене Вячеслав*. Княжья месть. Эмигрантская быль. Варшава: Изд-во «Добро», 1930. С. 63—65.

Шиманская Аглаида Сергеевна (урожд. Левицкая; 10 (23) мая 1903, Москва — январь 1995, Ганьи, Франция). Отец — судебный и общественный деятель (сенатор I департамента Правительственного Сената; гласный Московской городской думы) С. А. Левицкий (? — 1945), основатель в 20-е гг. дома для русских в Монтре (Швейцария). Ее брат, историк и этнограф А. С. Левицкий (Рогаль/Рогаля-Левицкий; 1901—1942), участник движения Сопротивления во Франции, казнен нацистами. Другой брат — поэт-эмигрант Ю. С. Рогаля (Рогаль)-Левицкий (1895—1959). Детство и юность прошли в Швейцарии. В 30-е гг. переехала в Париж. После войны входила в «Объединение молодых деятелей русского искусства и науки», в выпущенном этим объединением поэтическом сборнике (Париж, 1947) опубликовала два своих стихотворения. Печаталась также в антологиях «Эстафета» (Париж; Нью-Йорк, 1948), *МД*, *Сод* и в эмигрантских периодических изданиях. Автор четырех сборников стихов (все увидели свет в парижском изд-ве «Рифма»): «Капля в море» (1950), «Новолуние» (1955; «Стихи этого сборника легкие, звенящие, пронизанные голубоватым туманом "новолунья", — писала в рец. на него Е. Таубер. — Полутона, полунамеки. Нет резких контрастов. Все скользит, переливается. И все в движении. Остановиться и углубиться в скользящее некогда. В этом печать современности <...>», *НЖ* № 41. 1955. С. 302). «Я вам прочту» (1963), «Антенны» (1976). Как на примечательную особенность творческой манеры поэтессы Я. Н. Горбов, разбирая ее третий сб. «Я вам прочту», указывал на «большую потребность в ясности» и «спокойное желание ни от чего не отвернуться, ни одной стороны сюжета не затушевать» (*Воз-2* № 196. 1968. С. 147).

Писала также прозу (*Сов*, *Воз-2*).

Увлекалась, возможно, не без влияния Ю. Терапиано, эзотерическими учениями, см. ее рец. на его кн. «Маздеизм: Современные последователи Зороастра» (*Сов* № 17/18. 1966).

461. Санкт-Петербург. Печ. по: *РМ-2* 1957. № 1056. 16 мая. С. 5.
462. «Грозит, коня вздымая...». Там же. *«Я царь еще...»* — Из предсмертного монолога Бориса Годунова в одноименной драме Пушкина.

Шишмарев Сергей Романович (1882 — 30 января 1954, Париж). По специальности военный инженер. В 1921 г., когда он поселился в Париже и начал писать, почти полностью потерял зрение. Автор повестей «Тихон Тимофеевич и его практика» (Париж, 1932), положительно оцененной критикой (рецензии Л. Львова в газ. «Россия и славянство». 1932. № 197. 3 сентября. С. 3; В. Ходасевича в *Воз-1* 1932. № 2676. 29 сентября. С. 3—4; А. Браславского в *Ч* № 7/8. 1933. С. 285),

«Темное дело» (*Воз-1* 1934. 20 июля — 14 октября), «Огненный змий» (*Воз-1* 1935. 1 января — 10 февраля), «Полосатый столб (Волжская глушь)» (*Воз-1* 1935. 30 июля — 25 августа). В конце 50-х повесть «Волжская глушь» печаталась в *Воз-2*. В полуавтобиографической повести «Темное дело» описал бегство из Петербурга после революции и злоключения в эмиграции. В письме А. В. Амфитеатрову от 25 февраля 1935 г. С. Горный писал: «Вы правы: — Шишмарев пишет превосходно, сочно, богато, — видит людей, чудесный словарь, инструментовка языка» (Вести из провинции. Письма Сергея Горного Александру Амфитеатрову / Публ., предисл., коммент. О. Р. Демидовой // Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. Вып. I. М.: МГУ, 2000. С. 213).

Стихи Шишмарева о Петербурге читала Е. Н. Рощина-Инсарова 14 мая 1953 г. на праздновании в Париже 250-летней годовщины города (см.: *Танутров Г. Ф.* (Жук). От Тифлиса до Парижа (Свет и тени жизненного пути). Париж, 1976. С. 298).

Некролог: *Терапиано Ю.* Памяти С. Р. Шишмарева // *НРС* 1954. № 15408. 4 июля. С. 8.

463. Санкт-Петербург. Печ. по: *Воз-2* № 69. 1957. С. 41—43. *И круглый циферблат знакомой каланчи* — Часы на Думской башне, см. *ТУ*. *...юнкера Павлоны* — Прозвище юнкеров и выпускников пехотного Павловского военного училища в Петербурге. *«Якши»* — хорошо (*татар.*). *Несли по воздуху Преображенский марш* — Марш лейб-гвардии Преображенского полка (см. комм. к стих. В. Гарднера «Картинки прежнего Петрограда»), возникший еще во время Петра I (автор неизвестен; в 1805 г. служивший в этом полку поэт С. Н. Марин <1776—1813> написал к нему слова).

Шкляр Евгений Львович (1894, Друя Дисневского уезда (ныне Белоруссия) — 1941? 1942?, фашистский лагерь в районе Каунаса). Отец — горный инженер-изобретатель, много занимавшийся беспроволочным телеграфом (награжден французским правительством орденом Почетного легиона); мать была не лишена поэтического дара: писала стихи, переписывалась с С. Надсоном. Гимназию окончил в Екатеринославе, здесь начал писать стихи. Учился в Варшавском университете, который в годы Первой мировой войны был переведен в Ростов-на-Дону. В 1917 г. окончил Чугуевское военное училище и был отправлен на Кавказский фронт. Награжден Георгиевским крестом. В годы Гражданской войны находился в армиях Петлюры и в штабе 3-го Конного корпуса Деникина. Перенес тиф. С марта 1921 г. жил в Ковно, работал в редакции газеты «Эхо» (до 1923 г.), затем в газете «Народная мысль» (Рига), был ковенским корреспондентом *Сег* и рижской газеты «Слово», редактировал выходивший в Каунасе «Балтийский альманах» (1923—29, 1937). В 1926—27 жил в Париже, в 1928 г. вернулся в Каунас. Печатался в парижском русско-еврейском еженедельнике «Рассвет» (см., к примеру, его стихотворение «Где дом»: «И сладко жить становится на свете, / Когда мне смуглые, резвящиеся дети / Приветствие промолвят на "иврит"!..», 1924. № 12. 25 марта. С. 19). Редактировал газеты «Наше эхо» (1929—31), «Литовский курьер» (1932—33), «Литовский вестник» (1935—39). Вместе с эстонским поэтом А. Раннитом издавал в Каунасе газету «Восточная Европа». В середине 20-х гг. принимал участие в совместных концертах, со своим кузеном, рижским музыкантом Ефремом Ильичом Шкляром (концерты проходили в городах

Прибалтики), см. об этом: *Михайлец Марина.* Рижский период музыкальной деятельности Ефрема Шкляра // Из истории еврейской музыки в России. СПб., 2001. С. 105. Занимался переводами с литовского на русский язык (так, в частности, перевел и издал стихи литовского поэта Майрониса). Писал по-литовски и хотел стать литовским писателем. Состоял в переписке с К. Бальмонтом и посвятил ему стихотворение «К. Бальмонту». Проявил себя на критическом поприще, см., к примеру, его рецензию на «Сборник стихов самарских поэтов» (Самара, 1922) (Голос России. 1922. № 1049. 3 сент. С. 7). Автор восьми поэтических сборников: «Кипарисы» (Ковно, 1922, с предисловием А. Бухова; отрицательные рецензии А. Б<ахра>х'а в «Днях» (1922. № 30. 3 дек. С. 11) и A. S. в «Накануне» (1923. № 337. 19 мая. С. 5 — с указанием, что путь к подлинному творчеству не может лежать через такие строки, как «Но всем мечтам, цветам и чарам мира — Основоположник — Иудей!»); по словам самого автора, это было 2-е изд., 1-е вышло в Ростове-на-Дону в 1920 г.), «Караван» (Берлин, 1923; В. Л<урье> отмечала окрепший стих поэта — Дни. 1923. № 128. 1 апр. С. 14, в другой ее рецензии говорилось как о достоинстве автора о четкости и лаконизме его стиха // *НРК* 1923. № 3/4. С. 18, ср. более скептическое мнение К. В. <Мочульского>: «...хоть все и доброкачественно, а не радуешься. И образы тоже — благородные, а почему-то не тешат», *Зв* 1923. № 11. 16 апр. С. 3), «Огни на вершинах» (Берлин, 1923; К. В. <Мочульский> вновь высказал неодобрительное суждение в *Зв* 1923. № 45. 10 дек. С. 3), «Вечерняя степь» (Берлин, 1923; отрицательная рецензия А. П. в «Накануне» — 1923. № 435. 15 сент. С. 6), «Посох» (Рига, 1925), «Летува золотое имя» (Париж, 1927; существует своего рода литовский вариант этой книги: «Lietuva vardas akuksinis», переводчики — П. Лауринайтис, Л. Гира, П. Вайчюнас), поэма «Илья, Гаон Виленский» (Рига, 1929), «Poeta in aeternum» (Рига, 1935; в рец. А. Перов указывал на темпераментный поэтический стиль Е. Шкляра // Для Вас. 1935. № 38. 14 сент. С. 24).

Очерк о Е. Шкляре см. в кн.: *Лавринец Павел.* Русская литература Литвы. XIX — первая половина XX века. Вильнюс, 1999. С. 110—119; *Его же.* Самоидентификация Евгения Шкляра // Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 219—233.

464. Огонек. Печ. по: *Шкляр Евгений.* Poeta in aeternum: Восьмой сборник стихов (1925—1935). Рига, 1935. С. 52. Впервые: Наш огонек (Рига), 1926. № 46. *Василий Владимирович Гадалин* (наст. фам. Васильев, 1892—1959), журналист; по специальности техник-чертежник (работал на судостроительных предприятиях Кронштадта, Путиловской верфи, на Ревельском судостроительном заводе). Был членом Обезвелволпала А. Ремизова. Соредактор (вместе с П. Пильским) рижского журнала «Литература и жизнь». В 1924—26 гг. — редактор еженедельника «Наш огонек», возобновившего аналогичное дореволюционное издание вплоть до полиграфической имитации клише обложки (см. о нем: *Абызов Ю.* 20 лет русской печати в независимой Латвии// Русские в Латвии: История и современность. Вып. 2. Рига, 1997. С. 14—15). В стихотворении обыгрывается название журнала и ностальгическое чувство по утраченному прошлому.

Шлосберг Лев Е. Критик, журналист, поэт, прозаик; присяжный поверенный. Участник вечеров Литературно-артистической секции Ви-

ленского Русского Общества и Виленского Содружества Поэтов. Печатал стихи, очерки и статьи, рецензии, рассказы в газетах «Утро», «Виленское утро», «Наша жизнь», «Наше время», журнале «Утес», в «Сборнике русских поэтов в Польше» (Львов, 1930). Автор единственного сборника «В дымке заката. Стихотворения 1924—1926» (Рига, 1926), который без особенного сочувствия упомянут в рецензии В. Набокова «Новые поэты» (*Р* 1927. 31 авг.). В отклике на этот сборник Д. Бохан отмечал подражательность автора К. Бальмонту, хотя и не без оптимизма заключал: «Конечный вывод: книжка г. Шлосберга — интересная книжка. Автор — поэт несомненный, поэт еще подражающий, ищущий прием, считающий по пальцам стопы в стихе и нередко ошибающийся, не справляющийся с ударениями — но все это устранит работа над собою, над стихом...» (*Бохан Д. Д.* Новый поэт (Лев Шлосберг: «В дымке заката» // Виленское утро. 1926. № 1830, 2 нояб. С. 2—3).

465. Петербург. Печ. по кн.: *Шлосберг Лев.* В дымке заката. Стихотворения 1924—1926. Рига, 1926. С. 51. *Да, Петербургу все ж быть мертву* — См. комм. к стих. А. Аллина «Быть Петербургу пусту...».

Штейгер Анатолий Сергеевич, барон (7 июля 1907, Николаевка, Киевская губ. — 24 октября 1944, Швейцария). Из обрусевшего швейцарского рода (см. заметку М. Дальтон в *НЖ* № 156. 1984. С. 286—291). Отец — С. Э. Штейгер (1868—1937), земский деятель, с 1913 г. — член Государственной Думы. Брат поэтессы А. Головиной (см. наст. изд.). В 1919 г. эмигрировал с семьей из Одессы в Константинополь, однако в связи с обращением ген. Деникина к отцу помочь Белому движению семья вновь вернулась в Одессу, откуда бежала в феврале 1920 г. через Константинополь, затем Прагу и Берлин прибыла в Париж. Состоял в организации младороссов (по воспоминаниям Г. Адамовича, «с напускной, заговорщической таинственностью говорил о каких-то исключительно важных для России решающих заседаниях у Казем-Бека, вообще играл в политику», *Адамович Г.* Одиночество и свобода. М.: Республика, 1996. С. 103), печатался в младоросских изданиях (ж-лы «Оповещение», «Младоросс», «Бодрость»). Посещал лит.-философ. собрания в доме Д. Мережковского и З. Гиппиус. Вел переписку с М. Цветаевой. Стихи Штейгера можно рассматривать как едва ли не идеальное выражение «парижской ноты». Г. Адамович писал, что «в каждом из обманчиво-беспомощных стихотворений Штейгера есть как бы игла, внезапно ранящая и оставляющая след в сознании. Все лишнее отброшено» (*ПН* 1935. № 5215. 4 июля. С. 2); у него же — определение штейгеровского стиля как «игольчато-ранящего» (*Оп* № 7. 1956. С. 28) или в другом месте: Штейгер «"дописался" до стихов острых, точных, отчетливо-индивидуальных, хоть и очень узких» (*ПН* 1938. № 6144. 20 янв. С. 3), ср. с утверждением в более ранней его рецензии, что хотя «у него есть основание писать стихи, есть то, что называется "лирическим содержанием"», но он «еще не в силах его выразить» (*СЗ* № 38. 1929. С. 525). По словам Г. Иванова, «Штейгер создал законченные произведения искусства...» (*Иванов Георгий.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Согласие, 1994. С. 585). Воспринимавший «парижскую ноту» как поэтическое трюкачество, пражский литературовед и критик А. Бем отмечал, что Штейгер «очень "прост". Но прост не "простотой", а тем, что за этой простотой ничего нет. Это голая форма простоты и пустоты» (*Бем А.* Соблазн простоты // Меч. 1934. № 11/12. С. 16). Первый сборник стихов — «Этот день» (Париж, 1928). Второй — «Эта жизнь» (Париж, 1932) — был встречен

прохладно (Б. С<осинский>: «Не лишенный музыкального слуха и ощущения "своего" ритма, Штейгер подчинен сковывающей его "классической" традиции», *ВР* 1931. X—XII. С. 799). Гораздо больше сочувствия вызвал третий сборник «Неблагодарность» (Париж, 1936) — о его своеобразии и неподражательности писал М. Цетлин, отмечая, что поэту удалось выразить трудновыразимые стороны человеческого бытия (*СЗ* № 62. 1936. С. 139). Вышедший посмертно сборник «2 х 2 = 4» (Париж, 1950; 2-е изд., Нью-Йорк, 1982) был с большим подъемом встречен эмигрантской критикой: «Есть много способов, — писал Ю. Т<ерапиано>, — подхода к оценке творчества того или иного поэта. Самой важное для меня — это наличие у него "своего голоса", — личной, неповторимой манеры видеть и ощущать. Среди множества сборников стихов, порой стоящих на высоком техническом уровне, ищешь и отмечаешь тех немногих поэтов, которые дают нам не перепевы прежнего, не умелое следование установившемуся канону, не формальное, пусть виртуозное, мастерство, но имеющих *личную* манеру, т. е. что-либо прибавляющих от себя к тому, что до них было найдено. Анатолий Штейгер был одним из таких немногих. Он принадлежит к типу поэтов с "коротким дыханием", диапазон его не широк, но голос его на редкость чистый и подлинный» (*НРС* 1950. № 13883. 30 апр. С. 8); высокую оценку книге дал Г. Иванов (по признанию Штейгера, самый любимый его поэт современности): «Каждому любителю поэзии следует ее прочесть, а молодым поэтам есть много чему у безвременно скончавшегося Штейгера поучиться. Стихи Штейгера прекрасная иллюстрация к фразе: "мой стакан не велик, но я пью из своего стакана". Они пример того, какое значение имеют вкусы, чувство меры, поэтическая культура. Каждое стихотворение Штейгера — маленький шедевр вкуса, тонкости, чутья, доведенного до совершенства, умения полностью использовать свои выигрышные стороны, искусно миновав слабые...» (*Иванов Георгий.* Поэзия и поэты // *Воз-2* № 10. 1950. С. 180; см. сравнение поэтической манеры Г. Иванова и Штейгера: *Миллер Лариса.* Разговор, продленный эхом // Вопросы литературы. 1999. Март—апрель).

Последние годы жизни провел на лечении в Швейцарии, заказывал книги в библиотеке Н. А. Рубакина, в связи с чем между ними возникла переписка (см. Архив Н. А. Рубакина в ОР РГБ. Ф. 358. К. 289. Ед. хр. 19; К. 188. Ед. хр. 10). Умер от туберкулеза легких. Погребен в Берне в общей могиле с родителями.

Ср. в его автобиографической прозе: «В Петербурге мы прожили две зимы перед мировой войной, на лето уезжая в деревню в Киевскую губернию. <...> В Петербурге было много автомобилей, но извозчики еще держались крепко, им принадлежало большинство. Трамвай меня очаровал, я все просил, чтобы меня прокатили в трамвае. На Каменноостровской еще ходила конка. <...> Рано темнело, и город зажигался бесконечными огнями. Невский Проспект был в сплошном сиянии. Это так казалось тогда; вероятно, освещение Петербурга в 1912 году было более чем скромным по сравнению с огнями Елисейских Полей и Place de la Concorde в нынешнее время. Мы сидели в санях, завернутые мехами по глаза, снег от копыт лошадей летел мимо нас и всегда попадал в лицо, навстречу бесконечным потоком неслись другие сани, кареты, вейки, на лошадях были длинные нарядные шелковые сетки, темносиние, зеленые, темнокрасные. Однажды мимо нас промчались сани с Андреем <кузеном, учившимся в Пажеском корпусе>, кутавшимся в бобровый воротник:

И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

Именно в эти годы Петербург переживал свой последний расцвет, был особенно блестящ, и утончен, и беспокоен — перед своей гибелью. В Бродячей Собаке сидела Анна Ахматова, Мандельштам; на Сергиевской, в доме Мурузи, принимали по воскресеньям Мережковские; жил, дышал и писал Александр Блок. Я отдал бы половину моей жизни за то, чтобы мне в 1912 году было не пять лет, а хотя бы семнадцать, чтобы я тоже мог ходить в Бродячую Собаку, пить чай у Мережковских, сознательно переживать последние дни этого обреченного и удивительного города. <...> На Захарьевской наши окна выходили на Конногвардейские казармы. В дни парадов мы не слезали с окон, любуясь лошадьми. Формы императорской гвардии действительно прекрасны. На улицах, не обращая внимания на шип фрейлейн Марты, я часто бежал за уланами и гусарскими офицерами, забегал даже вперед, чтобы лучше рассмотреть их каски с орлом, султаны, эполеты. Особенно мне нравилась уланская парадная форма: белый мундир, блестящий колет, летящий орел на сияющей каске. Уланские офицеры были похожи на северных римлян, они символизировали острее всех ту величавую, холодную и м. б. пустую игру в империю скифских мужиков, которая велась Петербургом два столетия и окончилась в крови и грязи» (*Дальтон М.* Детство Анатолия Штейгера. Из его воспоминаний // *НЖ* № 154. 1984. С. 124—128; дом Мурузи находится на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы); ср. с ошибочным мнением Г. Адамовича о том, что Штейгер никогда не был в Петербурге («Штейгер способен был без конца расспрашивать о Петербурге, о "Цехе поэтов", о вечерах в "Бродячей Собаке", даже о петербургском балете: для него это был какой-то потерянный рай, — впрочем, даже и не потерянный, а незнакомый, потому что в Петербурге он никогда не был», *Оп* № 7. 1956. С. 33).

См. рассказ З. Шаховской о том, как Штейгер, гостя у нее в Брюсселе, записал в ее альбоме стихи о Петербурге и рядом их пародическую версию (19 марта 1935):

«...И этот день — его забыть нет силы, —
Когда впервые рано поутру
Меня тропинкой снежной подводили
К надменному и грозному Петру.

Эти стихи о Петербурге и Медном всаднике, но и их можно было бы сделать более подходящими к случаю:

...И этот день, — его забыть нет силы,
Когда в Брюсселе, в предвечерний час
Меня к Петру и "деве" вы водили
И Петр сердился на бесстыжих нас...»

(*Шаховская Зинаида.* Из одного альбома // *РМ* 1972. № 2891. 20 апреля. С. 7).

См. «оживление» в Штейгере петербургских воспоминаний в открытке к нему М. Цветаевой с изображением Прачечного моста через Фонтанку: «Узнаете Петербург? М. б. на этом мосту — в детстве — стояли?» (*Цветаева Марина.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М.: Эллис Лак, 1995. С. 571) или в его письме к З. Шаховской от 9 дек. 1935 г.: «...де-

классированная, разночинская, полуеврейская, безнадежная и чуть сумасшедшая наша монпарнасская среда — на которой все же тень от Петербурга, от Петербургского периода русской литературы, — мне чрезвычайно мила» (*Шаховская З. А.* В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 185).

См. биографическую заметку А. Головиной и предисловие Ю. Иваска к кн.: *Штейгер Анатолий.* 2 х 2 = 4: Стихи 1926—1939. New York: Russica Publichers, Inc., 1982; *Пахмусс Темира.* Из архивных материалов В. А. Злобина. Поэт Анатолий Штейгер // Cahiers du monde Russe et Soviétique, Vol. XXVI (3—4). 1985. P. 479—492; *Ливак Леонид.* К истории «Парижской школы». Письма Анатолия Штейгера, 1937—1943 // Canadian-American Slavic Studies. 37. № 1—2. 2003. P. 83—119.

466. Царское Село. Печ. по: *Воз-1* 1928. № 1141. 17 июля. С. 3. *Могила... Ланского* — Александр Дмитриевич Ланской (1754—84) — генерал-адъютант Екатерины II и ее фаворит. Памятник ему в Екатерининском парке — установленная еще в 1773 г. ваза с завершением в виде языка пламени, после его смерти снабженная бронзовой доской с изображением золоченого герба и медали с надписью «В память дружбы».

Во второй части сведен ряд сквозных мотивов из царскосельских стихотворений Гумилева (в первую очередь — «Памяти Иннокентия Анненского») и Ахматовой. В письме к З. Н. Гиппиус 1927 года Штейгер писал: «<Я> монархист, но очень мало похожий на монархистов штампованного образца. Еще сравнительно недавно я ничем не отличался от общепринятого типа марковских молодцов, только другой ориентации. Потом мне случайно попались несколько томиков Гумилева и Ахматовой, я на время бросил вестники и Двуглавые Орлы, и вдруг, увидел, что вернуться на старый путь я уже не в состоянии».

Щеголев Николай Александрович (псевдоним: Николай Зерцалов; 1910, Харбин — 15 марта 1975, Свердловск). Учился в Харбинской консерватории по классу рояля. Вице-председатель «Молодой Чураевки». В 1937 г. переехал в Шанхай, где редактировал газету «Новый путь», принимал участие в издании ж-ла «Сегодня». Был членом литературного кружка «Пятница» и антологии «Остров». Печатался в «Чураевке», *Руб*, сборниках «Багульник», «Семеро», «Излучины» (все — Харбин, 1931). Был единственный из поэтов «русского Китая», напечатанный в *Ч* (№ 9. 1933). В 1947 г. вернулся в СССР.

См.: *Перелешин В.* Поэт Николай Щеголев // *НРС* 1975. 6 июля.

467. Достоевский. Печ. по: Остров: Сборник стихотворений. Шанхай, 1946. С. 201. Включено в *Мы жили* Т. 4. С. 59—60 и *ПРК* С. 580—581. Известный портрет *В. Г. Перова* (1833/34—82) «Ф. М. Достоевский» написан в 1872 г. *Слово-ер(с)* — буква «с», прибавлявшаяся к концу слова и несшая оттенок вежливости, подобострастия или самоуничижения. *Мармеладов* — герой романа «Преступление и наказание».

Элькан Анна Морисовна (урожд. Абельман, ? — 22 июня 1962, Париж). Родилась в семье профессора медицины, придворного врача-окулиста, действительного статского советника (редкий случай для еврея) М. Л. Абельмана, и Марии Вениаминовны (1875—1958; из семьи баронов Гинзбургов; ей посвящены в эмиграции стихи Г. Иванова «Я в вашем доме гость случайный», В. Злобина «В окне все так же небо

хмурится», К. Померанцева, см. также его очерк о ней в кн. «Сквозь смерть: Воспоминания. London, 1986. С. 85—90). Семья жила в Петербурге по адресам: Екатерингофский, 65 и улица Глинки, 1. А. Элькин была женой известного петербургского коллекционера картин, организатора (совместно с Ф. Ф. Нотгафтом) издательства «Аквилон» Б. В. Элькана. В годы Второй мировой войны — узница французского лагеря Дранси (1944), о чем оставила воспоминания, см.: *Элькан А.* Дранси — лагерь во Франции // *Нов* № 31—32. 1947. С. 122—130; *Ее же.* Лагерная жизнь // Там же. № 37—38. 1948. С. 123—127. В послевоенные годы в ее квартире был организован литературный салон («Неточкин салон»), а сама она выполняла роль секретаря возродившегося в Париже Объединения писателей и журналистов, а также секретаря издательства «Рифма» (см.: *Крейд Вадим.* Неточкин салон (О салоне Анны Элькан) // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Кн. I: Журнал в книге / Ред.-сост. М. Пархомовский, Д. Гузевич. Иерусалим, 2001. С. 126).

В статье, посвященной годовщине ее смерти, Г. Адамович писал: «В оставшихся после нее рукописях, вероятно, много набросков, разрозненных заметок, черновиков. Не мало должно быть и стихов. Дороже всего для нее были воспоминания о Петербурге, где прошла ее ранняя молодость, при том в те годы, когда одна эпоха сменялась другой и перед лицом неведомого будущего остатки, обломки литературного мирка были объединены какой-то особой, тревожной, трудно теперь объяснимой дружбой. О чем бы она ни говорила, беседа с ней рано или поздно переходила к Петербургу, и сразу она оживлялась, как оживляется человек, коснувшись воспоминаний, в которых все общее неразрывно сплетено с личным и все историческое с настоящим, длящимся до сих пор» (*РМ-2* 1963. 25 июня). Автор очерка «И. А. Бунин» (Литературный современник: Альманах: Проза. Стихи. Критика. Мюнхен, 1954. С. 251—253).

См. ее воспоминания, попытку «на близком исторически и далеком в личном аспекте расстоянии воссоздать хотя бы частично атмосферу в том кругу интеллигенции, которая не покидала осаждаемого всякими невзгодами и напастями города», начинающиеся с городского пейзажа: «Холодная, снежная, голодная зима 1919 года. Петербург. Солнце мы тогда еще не хоронили, наше странное северное солнце, малиново-красное в мороз и бледно-золотое в длинные весенние дни без ночей. На улицах снежные курганы, ни одного фонаря, но от снега блеск почти нарядный. Беззвучность: ни скрипа саней, ни протяжного лязга сбегающих с мостов трамваев, только изредка желтый глаз автомобиля пугает редких прохожих напоминанием об увозах, арестах, обысках, — или неуклюжий грузовик пыхтя погружается в снежные бездны. Тяжелые деревянные ворота хлопают, как выстрелы, а с крыш слетают жестяные трубы и глыбы снега, унося с собой куски лепных карнизов. Мороз колет щеки, осыпает заиндевелой влагой выбивающиеся из-под оренбургского платка волосы» (*Элькан А.* «Дом искусств» // *Оп* № 5. 1960. С. 289). Ср. также мадригал ее приехавшему из Петрограда сундуку:

Сундук надел зеленый плед —
Его измучили дороги,
Уже его не носят ноги,
На нем судьбы жестокий след.

Давно ли — «с корабля на бал» —
В подъезде, ярко освещенном,

Швейцар встречал его с поклоном,
Теперь он цену потерял

И «заграницу» невзлюбил:
Он — оскорбленный старый барин,
Он за приют не благодарен
И всю одежду износил.

Его давление все ниже,
Им пролито не мало слез,
Он Пушкина сюда привез
И стал изгнанником в Париже.

(*Шиманская А.* Новолунье. Париж. 1955. С. 38).

468. Воспоминание. Печ. по: Русские новости. 1947. № 141. 13 февраля. С. 4.

469. «Небо розовеет над Сенатом...». Печ. по: *Нов* № 39—41. 1949. С. 96.

Эльяшов Николай. Биографическими сведениями не располагаем. Отдельных книг не издавал.

470. Встреча. Печ. по: *Р*, 1929. № 2762. 25 декабря. С. 8. Вошел в: Новоселье: Сборник берлинских поэтов. Берлин: Петрополис, 1931. С. 56—57. *Скок — обезумевшей лошади!* — Отсылка к поэме Пушкина «Медный всадник», тот же образ повторяется в следующем стихотворении.

471. Петербургские строфы. Новь: Сборник произведений и статей молодежи ко «Дню русской культуры». Ревель. 1930. Вып. 3. С, 2.

Эристов (Сидамон-Эристов), князь Барятинский Георгий Арчилович (Захарьевич) (6 мая 1902, Батум — 1977). О себе сообщал следующее: «<...> Детство провел между Грузией и Петербургом (мать моя была русская). Окончил классическую гимназию и два факультета: инженерный (химия) и экономический. После долгих лет скитаний по Европе обосновался в Италии, где живу уже почти три десятка лет.

В настоящее время занимаюсь литературной и педагогической деятельностью. Уже ряд лет состою профессором русской литературы и языка в Миланском институте "Internat. Transl. Centre". Кроме того, часто в различных городах Италии выступаю с публичными лекциями на итальянском языке по "русскому комплексу" (литература, культура, история). Некоторые из этих лекций вышли на итальянском языке отдельными брошюрами. Печатаюсь в журналах: "Современник" (Канада) и "Грани". Начал писать стихи с 13 лет, сначала испытывал влияние символистов (А. Белый), а затем акмеистов, пока не нашел свой "особый путь". Моими любимыми поэтами являются: из 19 века: Пушкин, Баратынский, Тютчев, Фет, из текущего столетия: Гумилев, Мандельштам, Ахматова, Владимир <sic> Хлебников, Николай Заболоцкий.

В Италии впервые выпустил первые два сборника стихотворений: "Сонеты" в 1955 г. и "Синий Вечер" в 1956 г.; в текущем году должна быть опубликована третья книга стихов — "Ладья" в Париже (в которую войдут стихи, написанные за последние десять лет) <книга вышла в 1966 г.>. Лучший итальянский славист, римский профес-

сор Ло Гатто в своем капитальном труде "Современная русская литература" (на итальянском языке) с большой похвалой отозвался о моих книгах» (*Сод* С. 554—555).

К этой скупой биографической справке следует прибавить, что Эристов был профессиональным журналистом, сотрудничавшим в газ. «Голос Крыма» (его этюд о Гоголе «Осмеянный пророк», написанный в Крыму в 1944 г., был переиздан в Мюнхене в 1952 г.). Журналистские способности Эристова были востребованы для пропагандистской работы в РОА (армия Власова), где он редактировал Информационные бюллетени и газету «Доброволец» (Германия).

Ю. Терапиано, рецензируя сборник «Сонеты», писал, что «самая форма сонета, которую почти отвергли акмеисты <...>, возвращает нас ко времени торжества символизма. В эмиграции, очевидно под влиянием акмеистической традиции, почти никто из поэтов не писал сонетов, и с этой точки зрения, вспомнив о них, Эристов становится новатором» (*Терапиано Ю.* Три сборника стихов // *НРС* 1955. № 15702. 24 апр. С. 8). В отзыве на «Синий вечер», куда вошли циклы «Москва двадцатых годов» и «Петербург двадцатых годов», Ю. Трубецкой отмечал, что они «напоминают о закате серебряного века русской поэзии, и воскрешать эти образы не такое уж бесполезное занятие» (*НЖ* № 50. 1957. С. 288), см. также рец. на этот сборник Ю. Терапиано (*РМ-2* 1957. 2 марта). Отклик на сб. «Ладья» см.: *Ростов Алексей.* Под небом Италии грезится Россия // Наша страна (Буэнос-Айрес). 1966. № 866. 6 сент. С. 5.

472. Лазурный берег. Печ. по: *Эристов Г.* Синий вечер. Милан, 1956. С. 52. *Лазурный берег* (Французская Ривьера) — побережье Средиземного моря на юго-востоке Франции, у подножья Приморских Альп. *Кап-Антиб, Сан-Жуан, Канн, Ницца* — города-курорты на Лазурном берегу.

473. Петербург двадцатых годов <цикл>. Там же. С. 69—75.

1. Вступление. *Портрет усатого вождя - глумливо* — Т. е. Сталина. ...*не едет правовед - «крепкая порфира»* — Аллюзия на стих. О. Мандельштама «Петербургские строфы» (1913) (в оригинале — «жесткая порфира»).

3. Новая Голландия. *Державный великан - лени!* — Петр I.

5. Царское Село. *Левретка* — Декоративная карликовая порода борзых собак.

Юрасов Владимир Иванович (также Сергей (Савва) Юрасов; наст. фам. Жабинский, 15 октября 1914, г. Смогань Молодечненской обл., — 16 ноября 1996, Валлей Коттедж, США). Вырос в г. Ростове-на-Дону, окончил среднюю школу с электротехническим уклоном, работал электриком на Магнитогорском металлургическом комбинате, Россельмаше, на ленинградской судостроительной верфи. В 1935 г. поступил в Ленинградский университет. В 1938 г. был арестован и осужден военным трибуналом по политической статье на 8 лет. Отбывал срок в Карелии (пос. Сегежа), в 1941 г. бежал из заключения. Около 3 лет скрывался в г. Тейково Ивановской обл. Подделав документы о службе в армии и о ранении, работал в Ростове-на-Дону начальником электроцеха на заводе «Красное Знамя», изготовлявшем военную продукцию. Был мобилизован в Штаб тыла в чине инженер-майора. Служил в Германии при Со-

ветской военной администрации, а после демобилизации из армии, в ноябре 1946 года, был назначен уполномоченным Министерства промышленности строительных материалов СССР при Управлении репараций и поставок Советской военной администрации в Германии. В марте 1947 г. под фамилией В. Рудольф бежал в Западную Германию, под ней же входил в редколлегию журнала «Литературный современник» (Мюнхен). В 1951 г. переехал в США. В течение 30 лет проработал на радио «Свобода». Поднявшаяся в официальной советской печати 70-х гг. клеветническая кампания о якобы уголовном прошлом Жабинского и о его мнимом сотрудничестве с немцами в годы войны привела к тому, что он потерял работу.

Автор романа «Параллакс» (1972), изданного в Нью-Йорке на английском и русском языках (рец.: *Отрадин Н.* О романе В. Юрасова «Параллакс» // *НРС* 1972. № 22839. 24 дек. С. 5), книги «Просветы: Заметки о советской литературе 1956—1957» (Мюнхен, 1958).

См.: *Юрасов В.* Моя история // Звезда. 1992. № 8. С. 203—207.

475. Сегежская ночь. <*Отрывок*>. Печ. по: *НЖ* № 27. 1951. С. 122—123. Включенный в *НЗ* (С. 379—380) отрывок из этой поэмы — «Ночь на седьмое ноября» — имеет несколько иную редакцию:

Безлюдных набережных бесконечность.
Тяжелая вода каналов. Листья,
Опавшие, плывут в ночи, и в город
На них вплывает Осень незаметно.
И Летний Сад. Со стороны Фонтанки
На берег сходит и, шурша листвою,
Спешит меж статуй по дорожке к невской
Решетке ждать условленного часа...
Укрыв себя асфальтом и бетоном,
Спит Ленинград, спит Нарвская застава,
И Петербург туманный из Невы,
Развесив дымный полог над торцами,
Навстречу Осени вернувшейся выходит.
Их встречу ночь Октябрьская скрывает,
Лишь только волны на ухо ступеням
Гранитным шепчут что-то, только слезы
Дрожат у Сфинксов на глазах и строги,
Торжественны дворцовых окон лица.
А ночь — бесшумный церемониймейстер —
К параду улицы готовит — Невский
Уже очищен, фонарей шеренги
Построены, и в небе шпагой замер
Адмиралтейства шпиль...
Бьет башня полночь.

Знак подает условный - башня — Имеется в виду Думская башня (см. *ТУ*). ...*спит Нарвская застава*; *Только слезы - у Сфинксов на глазах* — Нарвская застава и сфинксы упомянуты также и в другой поэме Юрасова — «Тоска о тебе»:

Или вот сфинксы —
сошли б побродить —
Кости размять,
Веками залежанные:

Невский
загадкой прошли б,
как один,
К Нарвским свернули
и ахнули б:
где же мы?!

(*Мос* № 3. 1959. С. 66)

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адмиралтейская крепость — земляные валы с бастионами, рвы с подъемными мостами и пр. Сооружена по чертежу Петра I в сентябре—ноябре 1705 г. на берегу Б. Невы. По замыслу царя, она должна была прикрывать подступы суши к Адмиралтейской верфи и Адмиралтейству. В нач. XIX в. на ее месте разбит Александровский сад и проложен Адмиралтейский проспект.

В. Андреев, *Поэма о камне*

Адмиралтейство. Здание Главного Адмиралтейства (Адмиралтейский пр., 1), в котором размещалась Адмиралтейств-коллегия — высший орган управления флотом. В конце XIX — начале XX в. здесь находились Морское министерство, Главный военно-морской штаб, Гидрографическое управление и др. Строительный замысел принадлежит Петру I. Башня со шпилем возведена в 1711 г. Его венчает позолоченный флюгер-кораблик. Адмиралтейская игла — один из важнейших символов «петербургского текста» русской поэзии.

Весь парадокс, весь аксиома,
Взметнувшись к небу выше птиц,
За центром русского Содома
Следит Адмиралтейский Шпиц.

(*Пеньковский Лев.* В саду души: Стихи. Харьков: Тип. «Печатник», 1918. С. 33).

Н. Агнивцев, *Странный город* («Адмиралтейская игла»), *«Вы помните былые дни...»* («иглистый Шпиц»)
Г. Адамович, *«Ты здесь опять...Неверная, что надо...»*
Н. Алл, *Петербург («Как завороженный, Белой Ночью...»)*
В. Андреев, *Поэма о камне*
Р. Блох, *Мне был отчизной город белый* («Мне был звездой корабль червонный, / На тонком шпиле вознесен»)
В. Булич, *Медаль за оборону Ленинграда*
Д. Бурлюк, *Ленинград осенью*
В. Верещагин, *«Париж совсем сошел с ума...»*
О. Воинов, *Санкт-Петербург*
Я. Воинов, *С.-Петербургская Пасха*
В. Горянский, *Невская симфония*
И. Елагин, *Память*
Ю. Иваск, *Ода изгоя*
Д. Кленовский, *«О, только бы припомнить голос твой...»* («И тонкий шпиль в морозной вышине»)
А. Кондратьев, *«Столица Севера, как вид прекрасен твой...»*
И. Левин, *Петербург*
А. Перфильев, *Воспоминание* («шпиль адмиралтейский»)
А. Плюшков, *Санкт-Петербург*, *Невский*
Г. Сатовский, *Мой город*
Г. Сахновский, *Сонеты Петербургу*
Н. Снесарева-Козакова, *«О, только в снах — больных и редких...»*
М. Струве, *Март (Петербургская поэма)*, *Петербург (Восьмистишия изгнания)* («золотой шпиц»)
А. Таль, *«Вблизи Казанского Собора...»*
З. Троцкая, *«Порою кажется так просто...»*

Ю. Трубецкой, *«Помнишь ржавые кочки...»*
С. Шишмарев, *Санкт-Петербург*
Н. Эльяшев, *Петербургские строфы*
В. Юрасов, *Сегежская ночь*

Академический переулок
М. Струве, *Петербург (Восьмистишия изгнания)*

Академия Наук (Университетская наб., 1) возникла в 1728 г. как первый научный архив в России.
С. Симонович, *Петербург*

«Александр и К°» Торговый дом (Невский, 11). Официально возник в 1897 г. (проект пересторойки дома — арх. Л. Н. Бенуа), основатели — купцы 1-й гильдии А. И. Трейберг и А. А. Васильев и купец 2-й гильдии А. Г. Матаков. С 1898 — поставщик императорского двора.
С. Черный, *Невский*

Александринский театр (в советское время театр им. Пушкина; Александринская пл., в наст. время пл. Островского) построен в 1832 г. (арх. К. И. Росси; назван в честь жены Николая I Александры Федоровны). Перед зданием театра находится *Екатерине II памятник*, см.
Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!*, *У Александринского театра*, *Принцесса Моль* («...Александринские столпы»), *Н. Н. Ходотову*
М. Вега, *Петербург*
В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*
Вс. Иванов, *Ночной Петроград*
А. Плюшков, *Невский*
М. Струве, *Юность (Петербургская поэма)*

Александровская колонна (Александрийский столп) сооружена в 1834 г. на Дворцовой пл. в честь победы в Отечественной войне 1812 г. (арх. А. Монферран). Колонну венчает фигура ангела с лицом Александра I.
Н. Агнивцев, *Когда голодает гранит...*
В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*
Г. Струве, *Отрывок* (*«Как в оснеженном Петрограде...»*)
М. Струве, *Юность*
Б. Филиппов, *«В квадриге тяжкой быстрые, как мысль...»*

Александровский сад (с 1918 г. — Адмиралтейский, затем, до 1989 г. — Сад трудящихся им. М. Горького) простирается от Дворцовой пл. вдоль южного фасада Адмиралтейства до северного фасада Исаакиевского собора и пл. Декабистов. Разбит по проекту директора Ботанического сада Э. Л. Регеля в 1872—1874 гг., ориентированному, главным образом, на Елисейские поля в Париже. См. *Пржевальского памятник*.
Е. Антонова, *Сон о Петербурге*
С. Черный, *Невский*

Александровский (Императорский) Лицей — бывший Царскосельский (переименован 6 ноября 1843 г. по распоряжению Николая I — в честь его основателя Александра I и переведен в Петербург), Каменноостровский пр., 21. Просуществовал до 1918 г. См. *Лицей*.
Странник, *Упразднение месяца*
Л. Страховский, *19 октября 1923 года*, *Символы*

Александро-Невская лавра (пл. Александра Невского, 1; наб. реки Монастырки, 1), основана Петром I в 1712 г. как «монастырь Живоначальныя Троицы и Святого Благоверного великого князя Александра Невского» в честь победы предводительствуемого им русского

войска в Невской битве 1240 г. (30 августа 1724 г. сюда перенесли из Владимира останки Александра Невского, в 1790 г. перемещены в Троицкий собор); в 1797 г. монастырь преобразован в лавру.

М. Струве, *Белошвейка*

Александру III памятник установлен на Знаменской площади (ныне пл. Восстания) в 1909 г. (скульп. П. Трубецкой), снят в октябре 1937. Тяжеловесные, исполненные грубой силы конь и всадник («каменная остойчивость коня» — *Городецкий С.* Дни любви. СПб., 1914. С. 43) воспринимались современниками как карикатура на императора, ср.: Э. Герман, «Монумент»:

На чугунной кобылице
Между питерских громад
Виды видевшей столице
Он показывает зад

(Бич. 1917. № 21. С. 7; Русская стихотворная сатира. 1908—1917. Л., 1974. С. 523—524). Ср. в рассказе А. Соболя «Человек и его паспорт»: «Первым увидел его [героя рассказа] каменный бегемот в каменных трехпудовых сапогах, — застывшее древнее чудовище древней России, его покойное величество Александр Третий». В эмиграции о нем писал А. Руманов в очерке «Три бронзовых коня» (*ПН* 1920. № 33. 4 июня. С. 2), два других памятника — Николаю I и Петру I.

А. Перфильев, *Контрасты*

Английский клуб возник в Петербурге в 1770 г. (Демидовский пер., в доме Демидова). Его основатель — английский купец Франц Гарднер, приехавший в Россию в 1756 г. и наладивший производство фарфоровой посуды (об Английском клубе см.: *Пушкарев И. И.* Николаевский Петербург. СПб.: 2000. С. 655—657 — сокр. изд. 1839—1842 гг.).

Н. Агнивцев, *В 5 часов утра*

Андреевский собор в Кронштадте. Разработка проекта принадлежит Ч. Камерону (1799—1805), после смерти которого проект откорректировал А. Д. Захаров, возглавивший строительсво. Настоятелем этого собора был широко известный на всю Россию протоиерей Иоанн Сергиев (Иоанн Кронштадтский) (1829—1908). Собор был разрушен в 1932 г. Не путать с Андреевским собором на 6-й линии Васильевского острова, 11, построенным арх. А. Ф. Вистом в 1764—1780 гг. на месте сгоревшей церкви (1728).

В. Андреев, *Восстание звезд*

Аничков мост — через р. Фонтанку на Невском пр. Впервые (1715) мост на этом месте построен под руководством офицера М. О. Аничкова, откуда и пошло само название. В 1849—1850 гг. на мосту установлены скульптурные группы «Укрощение коня» (скульп. П. К. Клодт). О них С. Горный писал: «На мосту близ дворца чугунный всадник, упав на колено, сдерживал поднявшегося коня. Было видно, что конь не вырвется, что он стоит так давно и что чугунный укротитель тоже стоит на одном колене без напряжения. Легко, как во сне. Им всем четырем не трудно было так стоять и коням так вздыматься, плавно занося копыта. В них не было тревоги. Торопиться было некуда» (*ГорСП* С. 52—53). Ср. четверостишие московской поэтессы «Кони на Фонтанке»:

Не воздух, а сырой дурман.
Сплошь — вата. Вывернут изнанкой
Весь город. Но и сквозь туман
Четыре демона чернеют над Фонтанкой.

(*Лаврова К.* Двойник. Стихи. М., 1927. С. 55).

С. Бушков, *О Петербурге*
М. Вега, *Петербург*
О. Воинов, *Аничков мост* (цикл *Санкт-Петербург*)
В. Горянский, *Невская симфония* («Клодтовские кони»)
Э. Кальма, *«Кто изменил убожеством измены?..»* («Неукротимы в бешеном разгоне, / Еще дымятся Клодтовские кони»).
Д. Кленовский, *Стихи о Петербурге. 2. «Не петербургским сизокрылым днем»*
М. Миронов, *«Аничков мост, как горб изогнут...»*
А. Плюшков, *Невский*
В. Поппер, *«Петебург! Петроград! Ленинград!..»*
С. Черный, *Невский*
С. Шишмарев, *Санкт-Петербург*
Г. Эристов, *«Фонтанка. Мост и бронзовые крупы...»*

Апраксин двор — рынок (Садовая ул. 28—30). В 1739 г. обширный участок был пожалован гр. Ф. А. Апраксину, который с середины XVIII в. застраивался торговыми лавками.
М. Струве, *Юность (Петербургская поэма)*
С. Черный, *Сатирикон*

Арсенал — (Литейный пр.) основан Петром I в 1711—1712 гг. как Литейный двор для производства артиллерийских вооружений. В 1774 г. деревянные постройки на его территории были разобраны и построено каменное здание. В 1799 г. оно получило название Старого Арсенала, поскольку в начале 1800-х гг. рядом был выстроен Новый Арсенал (арх. Ф. И. Демерцов), здание перестроено в 1870 г. (арх. Р. Р. Генриксен). В Старом Арсенале с 1865 до 1917 гг. размещался петербургский Окружной суд (здание сожжено в дни Февральской революции; его можно увидеть на одной из литографий М. Добужинского). На территории Нового Арсенала размещался оружейный завод.
В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*

«Астория» — гостиница (постр. в 1911 г.; арх. Ф. И. Лидваль), в первые годы советской власти превратилась в «1-й дом Петросовета», в котором жили высшие советские чиновники (упоминается в рассказе Л. Никулина «Телячья нога» в его сб-ке Рассказы. М., 1929).
Б. Башкиров, *Питер*

Бабьи Гоны — русифицированное название высот вблизи Петергофа (от фин. Папигонту — Пастерская гора). Здесь находится церковь во имя святой мученицы царицы Александры (1854, арх. А. И. Штакеншнейдер).
А. Перфильев, *Старый Петергоф*

Балтийский вокзал (наб. Обводного канала, 120) возник в связи строительством в 1853 г. железной дороги от Петербурга до Петергофа (первоначальное название — Петергофский).
М. Струве, *В город*

Барклаю де-Толли памятник (Невский пр., перед Казанским собором), открыт в 1837 г. (скульпт. Б. И. Орловский, арх. В. П. Стасов); бюст из бронзы; у ног французское знамя с переломленным древком; надпись на барельефе: «Фельдмаршалу Князю Барклаю-де-Толли 1812, 1813, 1814 и 1815». *Барклай де-Толли Михаил Богданович*, князь (1761—1818), русский полководец, герой Отечественной войны 1812 г., генерал-фельдмаршал (1814), в 1810—1812 гг. — военный министр.
С. Бушков, *О Петербурге*
О. Воинов, *Санкт-Петербург*

Бассейная ул. (ныне ул. Некрасова). Получила название от бассейна, которым завершался самоточный Лиговский канал, сооруженный в 1718—1725 гг. Из бассейна вода по трубам поступала (до 1777) к фонтанам Летнего сада. В 1891—1892 гг. бассейн был засыпан.

В. Познер, *Вся жизнь господина Иванова*

Биржа (Биржевая пл., 4). Здание построено в 1805—1810 гг. (арх. Ж. Тома де Томон) на стрелке Васильевского острова. Открыта в 1816 г.

В. Булич, *Петербург*

В. Горянский, *С.-Петербург, На святой*

Большой проспект

Н. Агнивцев, *Голубая дама*

М. Струве, *Раиса Воробьева*

«Бродячая Собака» — литературно-артистическое кабаре в 1912—1915 гг. Помещалось в подвале дома № 5 на Михайловской пл., см. о нем: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1983. Л., 1985.

Ю. Трубецкой, *Отрывок, «Ну, то ж, я почти современник...»*

Буфф — театр, открытый антрепренером П. В. Тумпаковым в 1901 г. в саду под тем же названием (прежнее название: Измайловский сад — Фонтанка, 116, впоследствии — 114), см. о нем: *Засосов, Пызин.* С. 141—155. При нем имелся одноименный ресторан.

Н. Агнивцев, *Принцесса Моль*

Варшавский вокзал построен в 1851 г. Ветка, проложенная к прусской границе (на Вержболово), соединяла Петербург с европейскими столицами.

В. Лурье, *Рождество*

Васильевский остров — самый крупный из островов дельты Невы между Б. и М. Невой. Название получил в конце XV в. по имени владельца — новгородского посадника Василия Селезня (финское назв. — Хирвисаари — Лосиный остров). По замыслу Петра остров должен был быть прорезан каналами по типу Амстердама; идея эта осталась неосуществленной, о ней напоминают лишь названия улиц — линии, имеющие числовую нумерацию, см. в стихах Н. Агнивцева, Я. Воинова, Лери.

Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!, В. О. 17 л.*

Я. Воинов, *«У меня на Васильевском — Испания...»*

В. Горянский, *Конка (Из цикла «Старый Петербург», II), «Можно забыть о многом...»*

Лери, *Студент*

М. Струве, *Квартирная дочка*

Введенская площадь на Загородном проспекте, на которой находился Царскосельский вокзал.

Д. Соложев, *По Петербургу... («Дождь моросит...»)*

Введенская улица на Петроградской стороне (в 1918—1944 гг. ул. Розы Люксембург, в 1952—1991 гг. ул. Олега Кошевого).

Н. Агнивцев, *В домике на Введенской*

Введенье — церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы (угол Введенской и Большой Пушкарской улиц). Ныне уничтожена.

М. Струве *Петербургская сторона*

Вилла Родэ — ресторан (Новодеревенская наб. 1/2 — угол Строгановской ул., 2), по имени хозяина — бывшего главноуправляющего

«Крестовского сада» Адольфа Сергеевича (Георгиевича?) Родэ (после революции недолгое время работал управляющим петроградского Дома литераторов, за что его в шутку прозвали «Родэ-вспомогательным заведением» (*Амфитеатров А.* Памяти Абрама Евгеньевича Кауфмана // Руль, 1922. 12 янв.; то же в его кн. Горестные заметы. Берлин, 1922), затем эмигрировал в Париж, где и скончался в 1930 г., см.: *ИР* 1931 № 1. С. 19). Ресторан был открыт в 1908 г. и прославился своей первоклассной программой иностранных артистов, помимо самого ресторанного зала, здесь был построен летний театр «Павильон Кристоль» и летняя веранда-ресторан с обширной сценой); в эмигрантской литературе упоминается в «Третьем Риме» Г. Иванова (ч. 1); одно из излюбленных мест кутежей Г. Распутина, см. в воспоминаниях современника, описывающего время Первой мировой войны: «Кафе и рестораны на Невском были переименованы. Шли кутежи в природных заведениях вроде «Вилла Родэ», с цыганскими хорами и скандалами пьяного Распутина. Об этом говорили все в городе и, в том числе, раненые офицеры, приехавшие в отпуск с фронта» (*Стоскус* С. 6). После Февральской революции 1917 г. — в здании ресторана разместился рабочий клуб «Искра», на открытии которого 25 апреля 1917 г. выступил Ленин.

Н. Агнивцев, *В 5 часов утра*

Владимирская церковь — церковь Владимирской богоматери (Владимирская пл.) построена в 1761—1769 гг. (арх. Трезини?)

В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*

Вознесенский проспект — между Адмиралтейским проспектом и Фонтанкой (в советское время ул. Майорова). Фигурирует в «Преступлении и наказании» Ф. Достоевского как -кий проспект.

Н. Агнивцев, *Туманная история*

Вольфа магазины книги (книгоиздательское и книготорговое «Товарищество М. О. Вольф» основано М. О. Вольфом (1825—1883) в 1883 г. (магазины находились: в Гостином дворе, Невский пр., 18 и др.).

В. Горянский, *Встреча*

Выборгская сторона — северная часть Петербурга на правом берегу Невы и Б. Невки. Названа так — по дороге в Выборг. Район крупных заводов.

Ср. диалог в романе И. Гончарова «Обломов» (1859):

«— На Выборгскую сторону! Да туда, говорят, зимой волки забегают.

— Случается, забегают с островов, да тебе что до этого за дело?

— Там скука, пустота, никого нет».

Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!* («Заводов Выборгских гудок...»)

Вс. Иванов, *Беженская поэма (Санкт-Петербург)*

М. Струве, *Петербург (Восьмистишия изгнания)*

Е. Шах, «*Мелькнули битвы, города, народы...*»

В. Юрасов, *Сегежская ночь*

Галерная Гавань — жилой район в западной части Васильевского острова, застроенный сплошь деревянными домиками, живший в постоянной угрозе наводнений.

П. Бобринский, *Десятая муза*

Я. Воинов, *С.-Петербургская пасха*

В. Горянский, *Наводнение (Из цикла «Старый Петербург»), Невская симфония*

А. Масаинов, *Петербург*

М. Струве, *Март (Петербургская поэма)*

Галерная улица (первоначально, в XVIII в., Исаакиевская — по имени Исаакиевского собора, до 1918 г. — Галерная, в советское время — Красная). Знаменитая Арка на Галерной, которая упомянута в «Стихах о Петербурге» А. Ахматовой, соединяет здания Сената и Синода.

А. Элькан, *Воспоминание*

Гатчина — город известен с 1499 г. как Хотчино. В нач. XVIII в. находившаяся в нем мыза принадлежала сестре Петра I царевне Наталье Алексеевне. Екатерина II подарила поместье своему сыну Павлу Петровичу, будущему императору.

Образ Гатчинского дворца вошел в русскую поэзию:

Дворец не скажет ничего сердцам солдат,
Чьи голоса звучат так молодо и ново:
Он скроет пылью свой изысканный наряд
И трауром — величие былого.
Здесь над молчаньем прошлое царит,
А из углов глядят, качаясь, тени,
Здесь вьются нити скрытых преступлений,
А у солдат в петлицах красное горит.
Молчит дворец солдатам в тронном зале,
Где отзвучал последний менуэт.
Давно ли здесь глаза красавицы сказали
Напудренному кавалеру полу-нет?
На этой до сих пор неубранной постели
Царь отдыхал от лести не вчера ль?
Не обманул ли нас февраль?
Россию видим не во сне ли?
Молчит дворец. За тяжким ржавым болтом
И пленом каменной стены
Прекрасный, не имеющий цены
Спит барельеф на мраморе чуть желтом...
Молчит дворец. И что сказать солдатам,
Чьи голоса так юны и победен смех?
Ему немногих счастье было свято,
Им дорога — свобода всех.

(*Лесная Лидия*. Гатчинский дворец // Солнце России. 1917. № 10. С. 14).

Н. Агнивцев, *Павел I-ый*

В. Горянский, *Титулярный советник*, *Петербург*, *Санкт-Петербург («В те дни под громы многолетий...»)*, *Санкт-Петербург*

Ю. Трубецкой, *Гатчина*, *Платон Зубов (Портрет)*

С. Черный, *Пасха в Гатчине*

Главный штаб (Дворцовая пл., 6—10). Здание построено в 1819—1829 гг. (арх. К. Росси) для Генерального (Главного) штаба и Министерства иностранных дел и финансов. Строительство ознаменовало победу русских войск в Отечественной войне 1812 г.

Арка Главного Штаба (высота 28 м) переброшена через пролет Большой Морской улицы, составляющей 17 м. Венчает арку колесница, запряженная шестеркой коней (вес 80 тонн, ширина 15 и высота 10 м), в которой стоит богиня победы Нике.

М. Струве *Март (Петербургская поэма)*

Б. Филиппов, *«В квадриге тяжкой быстрые, как мысль...»*

Гороховая улица — до 20-х гг. XVIII в. Средняя Першпектива, затем — Средний проспект, Второй Адмиралтейский проспект, Адми-

ралтейская улица. Торговец Горохов в середине XVIII века построил вдоль нее ряд магазинов, и сначала неофициально, а с 1848 г. до 1918 г. официально она стала Гороховой. Комиссарская в 1918—1927 гг., до 1991 г. — Дзержинского.

Е. Антонова, *Сон о Петербурге*

Гостиный двор (Невский пр., 35) — торговые ряды. Строительство было закончено в 1785 г.

Н. Агнивцев, *Санкт-Петербург*, *Дама на свиданьи*
В. Верещагин, *«Париж совсем сошел с ума...»*
В. Горянский, *Встреча*
А. Плюшков, *Невский*
С. Черный, *Невский*

Греческая (посольская) церковь во имя Димитрия Солунского, построена в 1866 г. на берегу Лиговского канала, снесена в 1961 г.

И. Елагин, *Память*

Дворцовая набережная — на левом берегу Невы. Создавалась с 1715 г., в 1763—1767 гг. — гранитная набережная со спуском к воде (арх. И Росси, мастер Г. И. Насонов).

Амари, *Последняя поездка Николая I*
И. Елагин, *Память*

Дворцовая площадь — центральная пощадь Петербурга, на которой находятся Зимний дворец, арка Главного штаба, Александровская колонна. Возникла в середине XVIII в.

Р. Ламперти, *Сон вдали от родины*
Ю. Трубецкой *«Призрак Блока на Офицерской»* («площадь возле Дворца»)

Дворцовый мост — через Неву, соединяет Биржевую пл. (Васильевский остров) с Дворцовым проездом. С 1727 г. на этом месте через Неву наводился наплавной Исаакиевский мост. Дворцовый мост был построен в 1912—1916 гг. (инж. А. П. Пшеницкий).

И. Воинов, *Из цикла «Петербург» (IV. «Нету тока, трамваи пустые...»)*

Дом с «четырьмя колоннадами» (Садовая ул., 12) построен в 1750—1760-е гг. (автор проекта, возможно, А. Ф. Кокоринов), фасады — в 1809 г. (арх. С. П. Берников, Л. Руска). Построено для графа И. И. Шувалова на месте дома, где помещалась Тайная канцелярия. В XIX в. здесь размещалось Министерство финансов.

В. Горянский, *Санкт-Петербург («В те дни под громы многолетий»)*

Дом Ученых. Открыт 31 января 1920 года во дворце великого князя Владимира Александровича (Дворцовая набережная, 26) по инициативе Максима Горького.

В. Познер, *Вся жизнь господина Иванова*

Доминик — товарищество ресторации и кондитерских; первый в России кафе-ресторан (Невский пр., 24) был открыт итальянским кондитером Доминик Риц-а-Порта в 1841 г; ср. в стихотворении П. Вейнберга «Печально я брожу по Невскому проспекту»: «К чему мне Доминик, и Вольфы, и Рабоны?»; ср. в эмигрантской печати: Читатель [Г. Л. Лозинский]. Пирожки от «Доминика» // *Зв* 1923. № 13. 19 февраля.

Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!* («"Доминикский" пирожок»), *Триптих* («кулебяка Доминика»)

Донон — ресторан (наб. Мойки, 24 — владелец К. К. Надерман), открытый в 1849 г. В ресторане имелся «Альбом обедающих», куда посетители записывали всевозможные экспромты, шутки и карикатуры. При ресторане был уютный зимний сад. В 1910 г. «Донон» переехал на Благовещенскую пл. и стал называться «Старым Дононом» (владельцы Н. А. Осипов и И. С. Зон), а старый — «Новым Дононом». Упоминался в стихах разных авторов, см., напр., пародирующее Н. Некрасова стихотворение С. Я. Маршака (речь идет о завзятом театрале):

Стонет он от восторга на «крыше»,
На загадочной драме в кино,
В погребке на танго и матише,
У Донона, глотая вино.

(Жизнь искусства. 1923. № 2. 16 янв. С. 6)

Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!, Четыре*

Думская башня (Невский пр., 33) — башня с часами на здании Думы (городской управы), образом которых открывается «Третий Рим» Г. Иванова. Строительство закончено в 1804 г. Ср. в повести «Уединенный домик на Васильевском», опубликованной под именем Пушкина в 1912 г.: «Протяжно пробило одиннадцать часов на Думской башне». Упоминается в стихотворении С. А. Андреевского «Обручение»: «И башня думская, подобно часовому, Внимала холодно движению дневному».

В. Горянский, *Февраль семнадцатого II («Красным бантиком окрыля...»), Встреча*
А. Несмелов, *В этот день*
А. Плюшков, *Петроград, Невский*
М. Струве, *Хористка (<Из цикла> «Старый Петербург»)*
В. Юрасов, *Сегежская ночь*

Египетский мост — переброшен через р. Фонтанку (постр. в 1825—1826 гг., инж. В. А. Христианович, Г. Треттер). 20 января 1905 г., когда по нему проезжал эскадрон конных гренадеров, мост обрушился.

В. Поппер, *Моему другу*

Екатерине II памятник — в сквере перед Александринским театром (ныне театр им. Пушкина); сооружен в 1873 г., скульп. М. А. Чижов и М. Опекушин, художник М. О. Микешин, арх. Д. И. Гримм и В. А. Шретер, пьедестал — Г. А. Балушкин и Н. П. Осетров. У основания статуи группируются фигуры выдающихся деятелей России второй половины 18 в.: А. В. Суворова, П. А. Румянцева, Г. Р. Державина, И. И. Бецкого, Е. Р. Дашковой, А. Г. Орлова, А. А. Безбородко, Г. А. Потемкина и В. Я. Чичагова.

Н. Агнивцев, *У Александринского театра*
С. Бушков, *О Петербурге*
М. Вега, поэма *Петербург* («статуя Фелицы»)
В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*
А. Даров, *Снежинки*
Вс. Иванов, *Ночной Петроград*
В. Лурье, *Я ли это!*
А. Плюшков, *Невский*

Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова), начинающийся из Мойки и впадающий в Фонтанку.

Н. Агнивцев, *Екатерининский канал*
О. Воинов, *Санкт-Петербург*

Елагин(ские) мост(ы) — три моста, соединяющие Елагин остров с другими островами и районом Старой деревни: 1-й и 2-й — через Ср. Невку соединяют Елагин и Каменный острова; 3-й — через Б. Невку соединяет Елагин остров с Приморским пр.

З. Троцкая, *«Ленинград, Петроград, старый Питер ли...»*

С. Черный, *Весна на Крестовском*

Елагин остров. Назван по имени тайного советника и обер-гофмейстера императорского двора Екатерины II И. П. Елагина, владевшего островом с 1777 г.; когда в 1817 г. собственницей острова стала вдова Павла I Мария Федоровна, здесь возникает дворцово-садово-парковый ансамбль (арх. К. Росси, паркостроитель Д. Буш) — одно из любимых мест гуляний петербургской публики.

Н. Агнивцев, *В Архипелаге, На Стрелке*

Е. Вадимов, *На острова*

Т. Гревс, *Петербург*

Д. Кленовский, *Стихи о Петербурге («На Каменноостровском — тишина...»)*

И. Северянин, *В тот май*

М. Струве *Март (Петербургская поэма), Елагин остров, Над петербургской стороной, Петербургское лето*

З. Троцкая, *«Ленинград, Петроград, старый Питер ли...»*

Ю. Трубецкой, *«Слишком много яркого света...»*

Елисеевский магазин (Невский пр. 56/8; кроме этого магазины размещались на Биржевой линии, 14, Невском пр., 18, Большом пр., 42, Литейном пр., 23/25) торгового о-ва «Братья Елисеевы». Здание, образец модернистического стиля начала XX в. (которое Г. Иванов заодно с домом Зингера в «Закате над Петербургом» назвал «монстрами») построено в 1901—1903 гг. (арх. Г. В. Барановский). В 1918 г. у последнего из Елисеевых, Григория Григорьевича, отобрали все имущество, магазины в Москве, Петрограде, Киеве, шоколадную фабрику.

К. Кроль, *Письмо*

Г. Сатовский, *Мой город*

Жуковского ул. (до 1902 г. М. Итальянская ул.) — между Литейным и Лиговским пр., названа в честь поэта *Василия Андреевича Жуковского* (1783—1852). Проложена в 1762 г. вдоль Итальянского сада, располагавшегося между р. Фонтанкой и совр. ул. Восстания.

В. Горянский, *Невская симфония*

Жуковскому памятник — бюст В. А. Жуковского в Александровском саду, установлен в 1887 г. (скульп. В. П. Крейтан, арх. А. С. Лыткин).

С. Черный, *Невский*

Загородный пр. (проложен в 1730-е гг.) между Владимирской пл. и Московским пр.

В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*

Зеленина улица (старое название — Зелейная, от «зелье» — порох, по первому в Петербурге пороховому заводу на набережной Малой Невки.)

М. Струве *Первый снег, Петербургская сторона (Восьмистишия изгнания)*

Зимний дворец (Дворцовая наб., 36) — резиденция российских императоров с 1760-х гг. (арх. В. В. Растрелли), здание постр. в 1754—1762 гг.

Н. Агнивцев, *Когда голодает гранит...*
Н. Алл, *Петербург («Как завороженный, Белой Ночью...»)*
Амари, *Прогулка Николая I* (*«Снежно-белый, холодный...»*)
В. Андреев, *Восстание звезд*
И. Британ, *«Они на площади стояли...»*
В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*
Н. Дешевой, *На Неве (Весенние грезы)*
В. Дитерихс фон Дитрихштейн, *Петербург*
И. Елагин, *Память*
В. Завалишин, *Петербургский бред*
Ю. Иваск, *Воображая Петербург*
В. Корвин-Пиотровский, *Поражение*
Р. Корносевич, *Девятое января*
А. Масаинов, *Петербург*
Г. Сатовский *Мой город*,
М. Струве, *Март* («сумрачный дворец...»)
В. Сумбатов, *Град Петра*
З. Троцкая, *«Порою кажется так просто...»*
Ю. Трубецкой, *«До дамбы каменной преграды...», «Давно с тобой мы попрощались...»*

Зимняя канавка — канал (прорыт в 1718—1719 гг., строит.-подряд. В. Озеров) от Б. Невы до р. Мойки. Между Старым Эрмитажем и Эрмитажным театром крыт арочной галереей.
Н. Агнивцев, *Санкт-Петербург, Белой ночью*
В. Булич, *Медаль за оборону Ленинграда*
С. Бушков, *О Петербурге*
М. Вега, *Петербург*
В. Поппер, *Моему другу*
С. Прегель, *Пиковая дама*
Ю. Трубецкой, *Пиковая дама*

Знаменская колокольня
М. Струве, *В город*

Знаменская пл. (ныне пл. Восстания) по Знаменской церкви на пересечении Невского и Лиговского пр.
М. Струве, *Белошвейка*

Зоологический сад открылся в 1865 г. (располагался на территории Александровского парка Петербургской стороны; основатели С. и Ю. Гергардты).
М. Струве, *Раиса Воробьева, Николин день*

Ингерманландия (от *швед*. Ingermanland), иначе Ижоры. С 1228 г. этой местностью владел Великий Новгород, с 1478 г. стала частью Российского государства. В XVI и XVII в. ее оккупирови шведы, в ходе войны с которыми Петр I вернул эти земли России (1702—1703) и присоединил к Петербургской губернии. Для защиты Петербурга здесь была заложена крепость Кронштадт.
В. Андреев, *Восстание звезд*

Инженерный (Михайловский) замок (Садовая ул., 2), построен в 1797—1800 гг. (арх. В. Ф. Бренна). На территории замка в 1800 г. установлена конная статуя Петра I (отлита в 1744—1746, скульпт. Б. К. Растрелли, арх. Ф. И. Волков). В ночь на 12 марта 1801 г. здесь был убит Павел I.
Н. Алл, *Петербург («Как завороженный, Белой Ночью...»)*

В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*
Г. Сатовский, *Мой город*
М. Струве, *Март (Петербургская поэма),*
З. Троцкая, *«Порою кажется так просто...»*

Исаакиевский собор был заложен в честь Петра I и назван по имени св. Исаакия Далматского, день которого (30 мая ст. ст.) совпадает с днем рождения Петра. Построен в 1818—1858 гг. по проекту арх. А. А. Монферрана, доработанного специальной комиссией (арх. В. П. Стасов, А. А. Михайлов 2-й).

Н. Агнивцев, *Коробка спичек, Вы помните былые дни...*
М. Айзенштадт, *Петрополис*
Н. Алл, *Петербург («Как завороженный, Белой Ночью...»)*
А. Аллин, *27 февраля, Спас на крови*
Э. Боброва, *«Там, помню, цвело мое первое белое лето...»*
С. Бонгарт, *«Присела птица сонная...»*
В. Булич, *Медаль за оборону Ленинрада*
П. Булыгин, *Пороша*
С. Бушков, *О Петербурге*
И. Воинов, *Из цикла «Петербург» (IV. «Нету тока, трамваи пустые...»)*
Я. Воинов, *С.-Петербургская пасха*
В. Воронцовский, *Петербург*
Ю. Галич, *Мираж*
С. Горный, *Исаакий*
В. Горянский, *Это просто!, На святой, Невская симфония*
В. Дукельский, *Послание к С. Л. Бертенсону*
Г. Клингер, *Стихи о Петрограде*
В. Лурье, *В Вербный понедельник*
М. Миронов, *В последний раз, «Опять петроградские сны!..»*
Н. Оцуп, *«В снегу трещат костры. Январь на бивуаке...»*
А. Плюшков, *Санкт-Петербург*
Н. Рудникова, *На Петроград!, Тоскуем...*
С. Симонович, *Петербург*
Д. Соложев, *«Под форточкой стоял и ухал...»*
М. Струве, *Петербург (Восьмистишия изгнания)*
З. Троцкая, *«Порою кажется так просто...»*
Ю. Трубецкой, *Отрывок*, *«Помнишь ржавые кочки...»*, *«Многими уже позабыты...»*, *«Зимой, над Невою...»*, *«Вспомни тот вечер, за который я пью...»*
С. Черный, *Мираж*
В. Юрасов, *Сегежская ночь*

Казанский собор — Собор Рождества Богородицы (Невский пр., Казанская пл. 2) построен в 1801—1811 гг. (арх. А. Н. Воронихин) для перенесения в него древней иконы Казанской богоматери. В годы Отечественной войны 1812 г. стал символом русской воинской славы: сюда переносились трофейные французские знамена. В 1813 г. в склепе К. с. похоронен М. И. Кутузов.

Казанский собор многогранно представлен в русской поэзии, см., к примеру «На Невском ночью» (1913) С. Черного, «На площадь выбежав, свободен» (1914) О. Мандельштама или стихотворение А. Масаинова «Колокола», датированное: «Екатер. канал. 1915» (Мимозы льна. Пг., 1916. С. 56):

Колокола Казанского Собора
Пропели грустно о вечернем часе,

О жизни, просверкавшей слишком скоро,
О трепете сгорающей свечи...

В некоторых стихах, написанных в эмиграции, Казанский собор ассоциируется с батальным прошлым России, с Первой мировой войной, как, напр., в стихотворении К. Райна «Август 1916 года» (*Воз-2* № 194. 1968. С. 40—41):

В Казанском соборе в тот день молились
О всех уходивших на войну за море.
Смиренно на мрамор холодный склонились,
А сердце рвалося от скорби и горя!

И когда к куполам, подымаясь, гремело
«Да прославится Бог» голосами небесными,
Так чудесно у всех на душе просветлело,
Что соборные своды показалися тесными!

И потом лишь на миг, на одно лишь мгновенье
Наступила и замерла вдруг тишина;
И казалось, что с ней снизошло откровенье:
Под защитой господней и смерть не страшна!

И какая-то девушка тогда зарыдала
И крестила всех юношей, стоящих в ряд.
Словно ей в ту минуту известно стало,
Что никто уж из них не вернется назад.

Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!*, *Букет от Эйлерса*
В. Андреев, *Варьяции*
В. Булич, *Медаль за оборону Ленинграда*
Д. Кленовский, *«О только бы припомнить голос твой...»*
М. Струве, *Петербург (Восьмистишия изгнания)*
А. Таль, *«Вблизи Казанского Собора...»*
С. Черный, *Невский*
С. Шишмарев, *Санкт-Петербург*

Казначейство — Департамент Государственного казначейства (Мойка, 43).
В. Горянский, *Невская симфония*

Калашников берег — Калашниковская набережная (ныне Синопская), где располагалась главная хлебная биржа столицы.
Е. Антонова, *Сон о Петербурге*
В. Горянский, *Невская симфония*

Каменный остров — расположен в северной части дельты Невы, омывается с севера Большой, с юга — Малой Невкой, с запада — Крестовкой. Общая площадь — 10, 6 кв. км.
Странник, *Упразднение месяца*

Каменноостровский проспект (с 1918 г. по 1934 г. улица Красных Зорь, в советское время — Кировский) между Троицкой площадью и Песочной наб.
Н. Агнивцев, *Н. Н. Ходотову*, *На рассвете*, *Коробка спичек*
Д. Кленовский, *Стихи о Петербурге 1. «На Каменноостровском — тишина...»*

Камеронова галерея (арх. Ч. Камерон, построена в 1783—1786, пандус — в 1793), расположена на границе регулярной и пейзажной частей Екатерининского парка, на склоне холма, разделенного в XVIII веке на четыре площади — террасы.

А. Плюшков, *Камеронова гелерея* (цикл *Царское Село*)

Ю. Трубецкой, *Царское Село* («Здесь Камерона строгие колонны»)

Карповка (от финск. «Корпийоки» — «лесная» или «воронья река») разделяет Петроградский и Аптекарский острова.

А. Таль, *«Я помню все — гранитные перила...»*

Квисисана (Т-во «Квисисана», Невский пр., 46), владелец Г. Р. Сартори. «К 4—5 часам облик толпы на Невском несколько менялся. Большинство "гуляк", утомившись, уходили обедать. Вместо них появлялись люди, которые закончили трудовой день. Усталые, они спешили домой, устремлялись к переполненным конкам, те, кто посостоятельнее, разъезжали на извозчиках. После лекций группами проходили студенты, заглядывая по пути в механический буфет «Квисисана», чтобы съесть салатик за 15 копеек, или к Федорову — выпить рюмку водки с закуской за 10 копеек» (*Засосов, Пызин.* С. 31—32), см. в стихах П. Потемкина:

Будут вечером витрины
ярким светом осиянны,
я пойду своей Паулины
поищу у Квисисаны.

Н. Агнивцев, *Триптих*

Клинский рынок на Клинском проспекте, ликвидирован после Великой Отечественной войны.

Б. Башкиров, *Питер («Поговорим про Питер — чудный град...»)*

Ковенский переулок между Надеждинской ул. и Лиговским пр. В нем находился костел французского посольства, построенный в 1909 г.

Э. Кальма, *«Пойду на Ковенский. Пускай сентиментально...»*

Коломна (Коломенский остров) — район на левом берегу Невы, ограничен реками Мойка, Пряжка, Фонтанка и Крюковым кан. Территория Коломны распланирована под застройку в конце 1730-х гг. (арх. П. М. Еропкин). См. «Домик в Коломне» Пушкина, «Шинель» и «Портрет» Гоголя.

В. Горянский, *Наводнение (Из цикла «Старый Петербург»)*

М. Струве, *Петербург (Восьмистишия изгнания)*

Комиссаржевской драматический театр, или Новый драматический театр — основан актрисой В. Ф. Комиссаржевской в 1904 г. Первые два сезона арендовал сценическую площадку в театре «Пассаж» (Итальянская ул., 19), с 1906 г. переехал в помещения на Офицерской ул., 35 и 39 (не сохранились); 8 февраля 1909 г. прекратил свое существование.

Вс. Иванов, *Ночной Петроград*

Конногвардейский бульвар между Сенатской, Исаакиевской и Благовещенской (пл. Труда) площадями.

В. Лурье, *Я ли это!*

А. Перфильев, *Воспоминание*

З. Троцкая, *«Порою кажется так просто...»*

Контан — ресторан А. Контана (Мойка, 58) был открыт в 1885 г. (см. о нем: *Алянский Ю.* Увесилительные заведения старого Петербурга. СПб., 1996. С. 121—123).

Н. Агнивцев, *В 5 часов утра*

Крестовка — река в сев.-зап. части города, которая — между Крестовским и Каменным островами — вытекает из М. Невки и впадает в Ср. Невку. Длина — ок. 800 м, ширина — ок. 40 м., глубина — ок. 3 м.
С. Черный, *Весна на Крестовском*

Крестовский мост через Малую Невку соединяет Б. Зеленину ул. (Петроградская сторона) с Петроградской улицей (Крестовский остров).
М. Струве, *Хористка (<Из цикла> «Старый Петербург»)*

Крестовский остров расположен в северной части дельты Невы. С юга омывается Малой Невкой, с севера — Средней Невкой, на северо-востоке — река Крестовка, на западе — выходит к Финскому заливу. В конце XIX — начале XX вв. — место народных гуляний.
Н. Агнивцев, *Коробка спичек*
М. Струве, *Юность (Петербургская поэма), Первый снег, Петербургское лето, Над петербургской стороной*
С. Черный, *На «Островах», Весна на Крестовском*

Крестовский сад в с.-в. части Крестовского острова на берегу Средней Невки, где располагался Крестовский театр и ресторан «Крестовский сад» (наб. Средней Невки, 2), принадлежавший Хабибуле Хасьяну Ялышеву.
Н. Агнивцев, *В 5 часов утра.*
М. Струве, *Хористка (<Из цикла> «Старый Петербург»)*

Кривое зеркало, театр (Литейный пр., 42; Екатерининский канал, 90). Открылся 6 декабря 1908 г. в зале Театрального клуба Союза драматических и музыкальных писателей в доме князей Юсуповых. Первоначально имел статус ночного театра-кабаре. Инициатором создания театра и его директором была актриса З. В. Холмская (наст. фам. Тимофеева, 1866—1936), худ. руководителем — ее муж театральный и литературный критик А. Р. Кугель (1864—1928), зав. музыкальной частью — композитор и дирижер В. Г. Эренберг (1875—1923). С 1910 г. главным режиссером стал Н. Н. Евреинов (1879—1953).
Н. Агнивцев, *Принцесса Моль* («Курихин Федя на Литейном»)

Кронштадт — город и порт на о. Котлин в восточной части Финского залива в 30 км к западу от Петербурга. Был заложен по приказу Петра I в 1703—1704 г. как форт Кроншлот для обороны западных подступов города. Крепость Кронштадт имеет несколько фортов, один из них — крайняя западная точка — Риф, упоминаемый во включенное в наст. изд. стих. М. Колосовой «Кронштадт». Кронштадтское восстание изобразил эмигрантский поэт В. Пастухов в написанном еще в Петрограде стихотворении «Земля исходит свистоплясом»:

По опустевшим тротуарам
Бредут угрюмые солдаты.
А над замученным Кронштадтом
Повисла кровь багровым паром...

(*Пастухов Всеволод*. Хрупкий полет. Нью-Йорк, 1967. С. 29).

В статье, появившейся через несколько дней после его подавления, другой поэт-эмигрант, П. Потемкин, так описывал Крондштадт начала века: «Пыльный, плохо мощенный город с громадным собором на центральном плацу. Вялый, сморщенный, как лица матросов и чиновников, населявших его. Весь задавленный громадами окружающих его фортов, приниженный ими, словом, город-крепость, город, не имеющий своего городского ничего. Там всезатаенная мощь и сила, давящая своею тяжестью, даже и нехотя, мирную жизнь.

Кронштадт — оплот Петербурга и только.

Из петербуржцев редко кто бывал в Кронштадте и редко кто видел этот оплот» и далее, переходя непосредственно к событиям мятежного Кронштадта, Потемкин восклицал: «Ключ к Петрограду, не станет ли он на этот раз ключом к России и не откроет ли он замок этой позорной темницы, где под видом "лечения" мучат и на "больных" надевают горячечные рубахи советских декретов.

Дай Бог! Пора. "И если это будет так, он станет близок всем на этот раз"» (*Потемкин П.* Кронштадт // Наше слово (Кишинев). 1921. № 64. 23 марта. С. 2).

-В. Андреев, *Восстание звезд*

М. Колосова, *Кронштадт*

В. Корвин-Питровский, *«Для последнего парада...»*

М. Миронов, *Частушки*

З. Троцкая, *«Порою кажется так просто...»*

Ю. Трубецкой, «*Прощанье? Наверное — да...*»

Е. Шах, «*Я лица позабыл друзей...*»

Г. Эристов, *Ораниенбаум (*цикл *Петербург двадцатых годов)*

Крюков канал от Фонтанки до канала Круштейна на пл. Труда, назван по имени строителя С. Крюкова (1719).

Н. Агнивцев, *Букет от «Эйлерса»*, *Екатерининский канал*

Кутузову памятник (Невский пр., перед Казанским собором), сооружен в 1837 г. теми же авторами, что и находящийся на другом фланге памятник Барклаю де-Толли (модель фигуры — скульптор Б. И. Орловский, проект постамента — арх. В. П. Стасов). Бронзовый бюст Кутузова — с открытою головой, в генеральском мудире, плаще, с фельдмаршальским жезлом в левой руке и обнаженною шпагою в правой. *Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович* (1745—1813), полководец, генерал-фельдмаршал (1812), светлейший князь (1812); в 1801—1802 гг. — петербургский генерал-губернатор; главнокомандующий русской армией в войнах с Францией (1805, 1812) и Турцией (1811—1812); похоронен в Казанском соборе.

С. Бушков, *О Петербурге*

Кшесинской особняк — (Б. Дворянская ул.) построен в 1904—1906 гг. (арх. А. И. Гоген, при участии арх. А. И. Дмитриева и А. В. Самойлова) для балерины М. Ф. Кшесинской (1872—1971), фаворитки Николая II, с 1921 г. — морганатической жены вел. кн. Андрея Владимировича (с 1921). После того как особняк был покинут (24 марта 1917), его захватили солдаты автобронедивизиона. В особняке разместились ЦК и ПК РСДРП (б); 3 (16) апреля с балкона 3 этажа выступал Ленин (ср. у В. Маяковского в поэме «Владимир Ильич Ленин»: «Дом Кшесинской, за дрыгоножество подаренный, нынче — рабочая блузница»).

А. Перфильев, *Контрасты*

Кюба — ресторан (Б. Морская, 16) возник на месте ресторана Бореля (см.: *Плещеев А.* Вакханалия (Из недалекого прошлого) // Столица и усадьба. 1915. № 42; ср. в его кн. «Под сению кулис...». Париж, 1936. С. 152—156). Перед Первой мировой войной вход в ресторан оформил академик архитектруы И. А. Фомин. Многократно встречается в воспоминаниях о старом Петербуге, см. мемуары М. Кшесинской, «Константин Коровин вспоминает...» (М., 1990. С. 176, 257).

Н. Агнивцев, *В 5 часов утра*

Ладога — Ладожское озеро (др.-рус. название Нево), площадь с островами (на нем находится около 660 островов) — 18, 1 тыс. кв. км. Из Ладоги вытекает Нева.

Ср. в стихотворении Г. Иванова «Снастей и мачт узор железный...»:

Уже сверкает сумрак бледный
И глуше бьет в граниты вал...
Недаром, город заповедный,
Тебя Великий основал!

И ветры с Ладоги — недаром
Ломали звонкий невский лед —
Каким серебряным пожаром
Заря весенняя встает!

В. Андреев, *Восстание звезд, На пушкинской Черной речке*
С. Бушков, *О Петербурге*
В. Горянский, *С-Петербург, Невский ветер, Невская симфония*
Н. Дешевой, *На Неве (Весенние грезы)*
К. Пестрово, *Отъезд королевы*
С. Прегель, *Пиковая дама*
Ю. Трубецкой, «*Призрак Блока на Офицерской...*»

Лапшина Акционерное общество (контора Акционерное о-во «В. А. Лапшин» находилась на наб. Мойки, 66, склад — на Гороховой, 47) — один из основных поставщиков «шведских» спичек (производство их первым в России крестьянин В. А. Лапшин начал в 1874 г.).

Ср. в стихотворении С. Я. Маршака:

А чаем торговал Перлов,
Фамильным и цветочным,—
Сказал один из маляров.
Другой ответил: — Точно!
— Конфеты были Ландрина,
А спички были Лапшина,
А банею торговой
Владели Сандуновы.

Н. Агнивцев, *Коробка спичек*

Лассалю памятник установлен в сентябре 1918 г. на Невском проспекте перед входом в здание бывшей Городской думы (убран в середине 1930-х гг.), выполнен скульптором В. А. Синайским (архитектор Л. В. Руднев). Фердинанд *Лассаль* (1825—1864) основал в 1863 году Всеобщий германский рабочий союз — первую социалистическую рабочую организацию. Л. Троцкий в докладе о военном положении на VI Съезде Советов 9 ноября 1918 г. говорил: «...на советских площадях мы ставим памятники великим людям, вождям социализма. Мы уверены, что душе каждого рабочего и всей народной массы дороги эти произведения искусства. Вместе с тем мы должны сказать каждому из них в Москве, Петрограде и до самых глухих углов: вы видите, Советская власть поставила памятник Лассалю. Вам дорог Лассаль, но, если буржуазия прорвет фронт и придет сюда, она снесет этот памятник вместе с Советской властью и всеми завоеваниями, которыми теперь мы обладаем».

С памятником Лассалю разговаривает герой романа К. А. Вагинова «Труды и дни Свистонова» Архимедов (в первой редакции).

Ср. в стихотворении Михаила Фромана:

На повороте, скрипом жаля,
Трамвай, кренясь, замедлил бег, —
А на гранитном лбу Лассаля
Все та же мысль и тот же снег.

(*Фроман М.* Память. Л., 1927. С. 29).

О последующей судьбе памятника см.: *Рахманов Л.* Чет — нечет. Л., 1988. С. 669.

Памятник сначала был выполнен из дерева, а затем в 1922—1923 гг. повторен в розовом граните и простоял на Невском проспекте до его реконструкции в 1938 г., был снят и передан на хранение в Русский музей.

Б. Башкиров, *Питер («Поговорим про Питер — дивный град...»)*

Лахта (Лахтенский поселок) — местность к сев-зап. от Петербурга, на берегу Финского залива (название от деревни Лахта, существовавшей на это месте в XVII в.). В первой четверти XVIII в. здесь находилась усадьба Петра I «Ближние дубки». Здесь в 1770 г. был обнаружен огромный валун («гром-камень»), послуживший подножием Медному всаднику, о котором поэт В. Г. Рубан (1742—1795) писал:

Нерукотворная здесь Росская гора,
Вняв гласу Божию из уст Екатерины,
Пришла во град Петров чрез Невские пучины
И пала под стопы Великого Петра.

См. о нем в «Поэме о камне» В. Андреева, включенной в наст. изд.

М. Струве, *Петербургское лето*

Лебяжий канал прорыт в 1711—1719 гг. от Невы до Мойки в районе Марсова поля и Летнего сада, см. в стих. П. Потемкина «Лебяжья канавка»:

Барышня в синей шляпке,
Опять ты явилась мне.
Сколько цветов в охапке?
Сколько любви по весне?
Вынесло в море Невою
Последний сыпучий лед.
Снова иду за тобою.
Следом любовь идет.
Смело на сером камне
Твои каблуки стучат.
Ну, посмотри в глаза мне,
Ну, обернись назад!
Возле Лебяжьей канавки
Глянешь со ступеней —
Будто поправишь булавки
Синей шляпки твоей...

Е. Вадимов, *На острова*

Лесное — дачный поселок, расположенный в северной части Петербурга на Выборгской стороне.

Е. Антонова, *Сон о Петербурге*

Летний Сад — первоначально разбит в 1704 г. по распоряжению Петра I на левом берегу Невы на острове, образуемом Фонтанкой, Мойкой и Лебяжьим каналом, при летней резиденции царя.

Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!*, *Санкт-Петербург*
Н. Алл, *Петербург («Как завороженный, Белой Ночью...»)*
К. Бабкина, *Стихи о Петербурге*
Р. Блох, *«Принесла залетная молва...»*
Э. Боброва, *«Там, помню, цвело мое первое белое лето...»*
В. Булич, *Вы и мы*
Е. Вадимов, *На острова*
М. Вега, поэма *Петербург*
О. Воинов, *Санкт-Петербург*
Ю. Галь, *Петербург* («решетка Фельтена»)
В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*
А. Головина, *Сыну*
В. Горянский, *Невский ветер*
Т. Гревс, *Петербург* («Молчит чугунная ограда...»)
М. Дорожинская, *Санкт-Петербургу*
Вс. Иванов, *Ночной Петроград*
Э. Кальма, *«О, Всадника венчанное чело...»*
Д. Кленовский, Стихи о Петербурге. 1. *«Среди всего, чего не надо...»*, *«О, только бы припомнить голос твой...»*
Р. Ламперти, *Сон вдали от родины*
В. Лурье, *На Неве*
М. Миронов, *В Летнем Саду*
А. Плюшков, *Санкт-Петербург*, *Блоковиада (III. «Помнишь зимний Петербург...»)*
В. Познер, *Вся жизнь господина Иванова*
Е. Раич, *«Поздно ночью усталостью пьяный...»*
Н. Рудникова, *Тоскуем...*
Г. Сатовский, *Мой город*
И. Северянин, *Могло быть так...*
М. Струве, *Петербург (Восьмистишия изгнания)*, *Юность (Петербургская поэма)*
А. Таль, *«Я помню все — гранитные перила...»*
З. Троцкая, *«Порою кажется так просто...»*
Ю. Трубецкой, «*Осень. Петербург. Музыка...*», «*Сначала — черная вода...*», «*Помишь ржавые кочки...*», «*Многими уже позабыты...*», «*Призрак Блока на Офицерской...*»

Лиговка — улица, проложенная на участке засыпанного Лиговского канала. В начале XX в. здесь селилась беднота, на ней располагались постоялые дворы, сенные склады, множество питейных заведений. За ней традиционно укрепилась криминальная слава (ср. в песне А. Г. Левинтона «Стою я раз на стреме...»).
В. Воронцовский, *Петербург*
М. Струве, *Лиговка летом*, *Первый снег*

Линии Васильевского острова (14 параллельных улиц, пересекающих Васильевский остров с юга на север, а также Косая и Кожевенная линии; возникли как набережные задуманных, но не прорытых каналов — проект арх. Д. Трезини). 12-я линия.
М. Струве, *Квартирная дочка («Былой Петербург»).*
В. Познер, *Вся жизнь господина Иванова*

Литейная гимназия — женская гимназия на Литейном пр.
М. Струве, *Дачи*

Литейный проспект — между Литейным мостом и Невским проспектом. Получил название от Литейного двора, заложенного на ле-

вом берегу Невы (1711). По легенде, дом на Литейном, 42 (принадлежал графине де Шово, затем перешел ее племяннику кн. Ф. Ф. Юсупову) считался местом, где жила старуха-графиня, героиня пушкинской «Пиковой дамы», ср.: «На Литейном проспекте мне был по виду знаком, конечно, каждый дом и всегда занимал мое воображение загадочный нежилой серого мрамора дворец против Симеоновской, с его пустыми громадными зеркальными окнами, — ходила легенда, что там жила "Пиковая Дама"» (*Добужинский* С. 10). Княгиня Н. П. Голицына, послужившая Пушкину прототипом старой графини в «Пиковой даме», жила не на Литейном, а на Малой Морской, 10. О мифе, лежащем в основе этих строк, см.: *Синдаловский Н. А.* Легенды и мифы Санкт-Петербурга. Изд. 2-е, испр. СПб.: Норинт, 1997. С. 58.

Н. Агнивцев, *Случай на Литейном проспекте*

М. Вега, *Петербург*

В. Горянский, *Невская симфония*, *Великий роман*

Н. Завадская, *Октябрь*

Ю. Трубецкой, *Встреча*, «*Призрак Блока на Офицерской...*»

Лицей (Императорский Александровский Лицей) — высшее учебное заведение для детей дворян закрытого типа. Первоначально возник как Царскосельский Императорский лицей (см. Царское Село) 19 октября 1811 г. В 1843 г. переименован в Александровский и с 1 января 1844 г. переведен в Петербург, см. у Л. Страховского («Символы»): «Там на Каменноостровском / Все стоит это зданье». После революции превращен в венерическую больницу. Об образовании в эмиграции Лицейского Пушкинского общества, собраниях выпускников Лицея см. в кн.: *Некрасов С. М. Лицей после Лицея*. М.: «Русский путь», 1997; здесь же собраны стихи лицеистов о своей alma mater.

Н. Зубов, *19 октября 1920*

В. Ильяшенко, *На 150-летие Иимперторского Александровского Лицея (19 октября 1961)*, *19-ое октября (День основания Лицея)*

Л. Страховский, *19 октября 1923 года*, *Символы*

Лобанова-Ростовского дом (Адмиралтейский пр., 12). Дом князя А. Я. Лобанова-Ростовского (1788—1866) построен в 1817—1820 гг. (арх. Монферран). Крыльцо обращенного фасадом к Адмиралтейству здания украшено фигурами белых мраморных львов с поднятыми лапами. Львы изготовлены в Италии (мастерская П. Трискорни). Упомянуты Пушкиным в «Медном всаднике».

В. Андреев, *Варьяции*

Мариинская больница (Литейный пр., 56) основана в 1802 г. Марией Федоровной, вдовой Павла I, в связи со 100-летием Петербурга (проект арх. Дж. Кваренги). С 1839 г. до самой смерти (1881) больницу патронировал принц П. Г. Ольденбургский; 5 июня 1889 г. ему был открыт памятник с надписью: «Просвещенному благотворителю принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому» (скульпт. И. Н. Шредер); в начале 30-х памятник был снесен.

В. Гарднер, *Картинки прежнего Петербурга*

Мариинский театр (Театральная пл., 1) построен по проекту арх. А. К. Кавоса; открыт 20 января 1849 г. как Театр-цирк; сгорел в ночь на 26 января 1859 г., в 1859—1860 гг. на том же месте и тем же арх. построен Оперный театр; открыт 2 октября 1860 г., назван в честь жены Александра II Марии Александровны.

Н. Агнивцев, *Принцесса Моль*

В. Булич, *Медаль за оборону Ленинграда*

В. Горянский, *У Мариинского театра*
И. Еленевская, *Петербург*
И. Северянин, *Мариинский театр*
Т. Смирнова-Макшеева, *В Лондоне*

Марсово поле (до нач. XIX в. — Променад, Потешное поле, Царицын луг). «Годами лежат вывороченные старые столбы, когда-то окрашиваемые в полосатую расцветку; валяются вот уже два года чугунные столбы; вырыты канавы. И все поле покрыто никогда никем не убираемым слоем грязи, пыли, несущейся в ветреный день в Летний сад. Почему не зарастить все поле травой, покрыв его слоем дерна и превратив его таким образом за какие-нибудь 10—15 тысяч рублей в то, что он был как раз когда-то, т. е. — в Царицын луг? Такая одежда предотвратила бы от пыли плац, а военному ученью отнюдь не повредила бы» (*Лукомский Г.* Современный Петроград. Пг., 1917. С. 14). На Марсовом поле в масленицу устраивались балаганы и театрализованные представления.
В. Андреев, *Террористы*
Е. Антонова, *Сон о Петербурге*
О. Воинов, *Санкт-Петербург*
В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*
В. Горянский, *Варварин день*
В. Дитерихс фон Дитрихштейн, *Петербург*
М. Дорожинская, *Санкт-Петербургу*
А. Плюшков, *Санкт-Петербург*
В. Познер, *Вся жизнь господина Иванова*
Н. Рудникова, *Тоскуем...*
И. Северянин, *Могло быть так...*
С. Симонович, *Петербург*
Г. Эристов, *«Фонтанка. Мост и бронзовые крупы...»*

Медведь — респектабельный петербургский ресторан (Б. Конюшенная ул., 27, владелец Э. Игель). В вестибюле посетителей встречало чучело гигантского медведя. «В главном зале устраивались торжественные обеды-приемы в честь знаменитых юбиляров — актеров, писателей, художников: обед в честь М. Г. Савиной — гостей более тысячи человек; обед в честь К. А. Варламова — хозяйка-распорядительница В. Ф. Комиссаржевская; обед по случаю пятилетия журнала «Театр и искусство»; обед, данный графом А. Д. Шереметевым в ознаменование начала двадцатого сезона созданного им оркестра. В 1910-х гг. в «Медведе» часто бывал Ф. И. Шаляпин (Алянский Ю. Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб., 1996. С. 151); « — А помните «Медведя»? — Да. У стойки. Правда, рюмка лимонной водки стоила полтинник, но за этот же полтинник приветливые буфетчики буквально навязывали вам закуску: свежую икру, заливную утку, соус, кумберленд, салат оливье, сыр из дичи» (*Аверченко Аркадий.* Записки простодушного. М., 1992. С. 269).
Н. Агнивцев, *Четыре*

Медный всадник (см. также *Сенатская пл.*) — памятник Петру I, отлитый по модели (1768—1778) скульптора Э. М. Фальконе (голова царя выполнена его ученицей М. А. Колло); статуя отлита из бронзы (1774—1778) под руководством литейного мастера Е. Е. Хайлова; змею вылепил скульптор Ф. Г. Гордеев. Памятник открыт в 1782 г. на Сенатской пл. На постаменте на русском языке и латыни — надпись: «Петру Первому Екатерина Вторая». Жившая в Белграде Е. М. Жу-

равская (1890—1953) писала в стихотворении «Земля отцов!..» (*Журавская Е. М.* Звенья. Белград, 1931. С. 61):

И вижу я — простор безбрежный
И город сумрачный во мгле,
Где Медный Всадник на скале
Вздыбился призраком мятежным;
И где, незримый, но живой,
В сказаньях были величавой
Бессмертный дух певца Полтавы
Над скорбной бодрствует землей.

Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!* («взлетавший Петр»), *Санкт-Петербург* («Топот Медного Петра!»), *Коробка спичек*, *Вы помните былые дни...* («И ту гранитную скалу, / Где Всадник взвился у обрыва»)

Г. Адамович, *«Когда успокоится город...»*

М. Айзенштадт, *За Медным всадником*, *Петрополис*

В. Андреев, *Поэма о камне*

С. Аничкова, *В 1812 году*

К. Бальмонт, *Медный всадник*

Б. Башкиров, *О, Петроград*

Р. Блох, *«С тех пор, как я узнала...»*

И. Британ, *«Они на площади стояли...»*, *Петр*

В. Булич, *Медаль за оборону Ленинграда*

П. Булыгин, *Пороша*

С. Бушков, *О Петербурге*

В. Верещагин, *«Париж совсем сошел с ума...»*

Я. Воинов, *С.-Петербургская пасха*

Б. Волков, *Н. Гумилев*

Л. Гордон, *Сентиментальное прощание*

С. Горный, *Исаакий*

А. Горская, *Петербург*

В. Горянский, *На святой* («медный царь»)

Ю. Галич, *Старый Петербург*

З. Гиппиус, *Лазарь*

А. Горская, *Петербург*

А. Даров, *Снежинки*

В. Дитерихс фон Дитрихштейн, *Белый жребий*

Б. Дукельский, *Перед утром*, *На севере*

Э. Кальма, *«Кто изменил убожеством измены?..»*, *«О, Всадника венчанное чело...»*

М. Колосова, *Медный гул*

В. Корвин-Пиотровский, *Поражение*

К. Кроль, *Письмо*

А. Ладинский, «*Свинцовые пчелы...*»

И. Левин, *«Этот стих от железа и гари...»*

В. Марков, *Гурилевские романсы*

Т. Остроумова, *Из цикла «Петербургские наброски»*, *«Наперекор людской судьбе...»*

А. Перфильев, *Петербург (1946)*, *Контрасты*

Н. Петерец, «*Нет, не Москва, где каждый палисадник...*»

А. Плюшков, *Петроград*

В. Поппер, *Моему другу*, *«Петербург! Петроград! Ленинград!..»*

С. Прегель, *Пиковая дама*

Н. Рудникова, *На Петроград!*

И. Савин, *Петру*
Г. Сатовский, *Мой город*
С. Симонович, *Петербург*
Т. Смирнова-Макшеева, В Лондоне
Г. Струве, *Отрывок* («*Как в оснеженном Петрограде...*»)
В. Сумбатов, *Град Петра*
А. Топольский, *Петербург*
З. Троцкая, *«Сероватый снег, слежавшийся и клейкий...»*
Ю. Трубецкой, *Памяти Александра Блока*, *Отрывок*, *«Мир нелеп. Еще по Блоку...»*
А. Федоров, *Медный всадник*
М. Форштетер, *Петр*
А. Шиманская, *«Грозит, коня вздымая...»*
С. Шишмарев, *Санкт-Петербург*
Н. Эльяшов, *Петербургские строфы*
Г. Эристов, цикл *Петербург двадцатых годов: Вступление, Петропавловская крепость (Царская усыпальница)*
В. Юрасов, *Сегежская ночь*

Мечеть (пр. М. Горького, 7, рядом с особняком Кшесинской, возведена в 1910—1914 гг., завершена в 1920 г.; архитекторы А. И. Гоген, Н. В. Васильев и С. С. Кричинский), в основу композиции положены элементы мавзолея Гур-Эмир в Самарканде.

Ср.:

Нам зов послышится с кормы:
«Здесь ад был некогда, — он вам казался раем».
И силясь улыбнуться, мы
Мечеть лазурную и Летний сад узнаем.

(*Г. Адамович.* Чистилище. Пг., 1922. С. 23).

Ср. стихотворение Надежды Камовой «Петроград»:

Бела, как взмыленные кони,
Прозрачна, как резьба оград,
На город странных беззаконий
Спустилась ночь на Петроград.

И словно липкая улитка
Ползет повсюду бледный свет,
Изобличающей улыбкой
Бесстыдно Петроград раздет.

И, точно головы удавов,
С набухшей шеей, с алчным ртом,
Два минарета, там, направо
За гибко выгнутым мостом.

И в белом сумраке, мне жутко
Узреть ожившего Петра,
А рядом маску проститутки,
Как гниль мещанского двора...

(Красный огонек. 1918. № 9. С. 7)

Ср. стихотворение П. Лукницкого «Голубой мечети» (1922):

Построена не в апельсинной роще,
Не у ручья меж потемневших скал,

И не был смугл нетерпеливый зодчий
И мудрого Корана не читал.

Над куполом не голубое небо,
Палящий зной не целовал мечеть,
Нет уголка, усталый путник где бы,
Прохладе рад, стал о Медине петь.

Нет... Над болотом, скованным цепями
Тяжеловесных, каменных громад,
Стоит одна, опутана снегами,
Пронизывающими Ленинград.

Чтоб тяжелей еще была разлука,
Над ней свинец опущенных небес,
И не услышать ей гортанным звуком
Пророненное: «Дарига-аттес»...

(*Лукницкий П.* Волчец. Л., 1927. С. 20).

А. Перфильев, *Контрасты*
Е. Раич, *«Поздно ночью усталостью пьяный...»*

Мещанские ул. (Большая — Казанская, Плеханова; Средняя — Гражданская; Малая — Казначейская).
М. Струве, *Петербург (Восьмистишия изгнания),*

Миллионная улица (в советское время — Халтурина) между Лебяжьим каналом и Дворцовой площадью.
Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!*
Вс. Иванов, *Беженская поэма (Санкт-Петербург)*

Михайловский театр — построен в 1831—1833 гг. (Михайловская пл., ныне пл. Искусств, 1), с конца 1870-х годов до февраля 1917 г. в нем играла постоянная французская труппа.
Г. Эристов, *«Фонтанка. Мост и бронзовые крупы...»*

Мойка (старое название Мья) берет начало из реки Фонтанки у Летнего Сада, длина — 4,7 километра. Также — наб. Мойки. В доме № 12 по наб. Мойки с осени 1836 г. и до смерти жил Пушкин.
Н. Агнивцев, *Екатерининский канал*
В. Булич, *Медаль за оборону Ленинграда*
Д. Бурлюк, *Ленинград осенью*
М. Вега, *Петербург*
Л. Гордон, *Сентиментальное прощание*
А. Даров, *Снежинки*
Ю. Иваск, *Воображая Петербург, Ода изгоя*
В. Лурье, *Осень, В церкви*

Монплезир (от франц. mon plaisir — мое удовольствие) — дворец Петра I в Петергофе, известный еще как Голландский домик (постр. 1714—1723; руков. строительства И. Браунштейн). Расположен на берегу Финского залива. Место выбрано самим Петром I, он же составил план стротельства. См., к примеру, в романе В. Шене (чьи стихи вошли в наст. изд.) «Последние»: главный герой Рунин «...по тенистой, так называемой "Косой" аллее добрался до Монплезира, когда-то "Попутного дворца" Петра Великого, превращенного постепенно из голландского домика в большое здание с огромной мраморной площадкой, упирающейся в море. Здесь, несмотря на перестройки, многое оставалось в том же виде, как было при Петре Великом. Со-

хранились даже его постель, белье, шлафрок, колпак и туфли. Дубы и кедры посадил он вокруг дворца собственноручно. В пристроенной к люстгаузу кухне Императрица Елизавета Петровна также собственноручно, для забавы, готовила себе еду» (Вячеслав Плинатус (В. Шене). Последние: Роман из жизни петербургской молодежи (1913—1920). Варшава, 1930. С. 219—220).

А. Перфильев, *Старый Петергоф*

Ю. Трубецкой, *Петергоф*

Морские улицы — Большая (в советское время — Герцена) и Малая (Гоголя) — соответственно между Дворцовой площадью и Крюковым каналом и между Невским и Вознесенским пр.

Н. Берберова, *Из стихов о прошлом*

В. Верещагин, *«Париж совсем сошел с ума...»*

Я. Воинов, *С.-Петербургская пасха*

В. Лурье, *Под звуки нежные гитары*

А. Плюшков, *Блоковиада («Помнишь зимний Петербург...»)*

И. Северянин, *Пасха в Петербурге*

Моховая улица между Сергиевской (Чайковского) и Симеоновской (Белинского) ул.

Э. Кальма, *«Я помню радость огневую...»*

В. Лурье, *В церкви*

Мраморный дворец построен в 1768—1785 гг. (арх. А. Ринальди) как одно из парадных зданий, примыкающих к Зимнему дворцу. Здание облицовано 32 сортами мрамора. Последний владелец — вел. князь Константин Константинович (1858—1915). После революции 1917 г. в нем помещался Нар. Комиссариат труда (до марта 1918), в 1920—1930-е гг. — Гос. академия истории материальной культуры, с 1937 г. — музей Ленина.

Вс. Иванов, *Ночной Петроград*

И. Северянин, *А могло быть так...*

Мустамяки — железнодорожная станция по дороге из Петербурга в Выборг. Здесь в 1914—1917 гг. жил М. Горький и прошли последние дни Л. Н. Андреева (умер 12 сентября 1919 г. в своем доме над озером Ваммель-Ярви).

М. Струве, *Дачи*

Надеждинская ул. (ныне Маяковского) — между Невским пр. и Кирочной ул.

И. Елагин, *Память*

Нарвская застава — район в юго-западной части Петербурга. Застава находилась на тракте, связывавшем Петербург с Нарвой и Ревелем (ныне Таллинн). К началу XX в. превратилась в промышленную окраину Петербурга, заселенную рабочими.

В. Юрасов, *Сегежская ночь*

Нарвские Триумфальные ворота (пл. Стачек). Построены (арх. В. П. Стасов) в память Отечественной войны 1812 г. вместо старых деревянных ворот (1814, арх. Дж. Кваренги, скульп. И. И. Теребенев) у Нарвской заставы. Торжественная закладка состоялась 26 августа 1827 г., в 15-летнюю годовщину Бородинского сражения, открытие — 17 августа 1834 г. Арка увенчана колесницей Славы (шестерка медных коней — скульп. П. К. Клодт, фигура Славы — скульп. С. С. Пименов). Памятник включает перечень сражений, полков, участников битв.

С. Бушков, *О Петербурге*

Невки (Большая, Средняя и Малая) — рукава и протоки дельты Невы.

В. Горянский, *Февраль семнадцатого («В этом метельном феврале...»)*
Ю. Иваск, *Ода изгоя*
И. Северянин, *В тот май*
М. Струве *Хористка («Старый Петербург»)*

Невская перспектива — в 1730-е гг. название дороги, пролегавшей на месте современного Невского проспекта.

Н. Агнивцев, *Санкт-Петербургские триолеты, Вы помните былые дни...*
Н. Алл, *Петербург («Как завороженный, Белой Ночью...»)*
Ю. Трубецкой, *«До дамбы, каменной преграды...»*
Г. Эристов, *Вступление (*цикл *Петербург двадцатых годов)*

Невский проспект — магистраль (4,5 км) от Адмиралтейства и Дворцовой площади до пл. Александра Невского; часть проспекта от пл. Восстания (Знаменская пл.) до пл. Александра Невского, по традиции, называется Старым Невским (Староневским).

Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!, У Александринского театра, Санкт-Петербург, Принцесса Моль, Когда голодает гранит*
Н. Алл, *Петербург («На дальнем севере плывут пучки туманов...»)*
К. Бальмонт, *Камнеград*
Э. Боброва, *«Там, помню, цвело мое первое белое лето...»*
С. Бонгарт, *«Присела птица сонная...»*
В. Булич, *Петербург*
С. Бушков, *О Петербурге, Возвращение в Петербург*
В. Верещагин, *«Париж совсем сошел с ума...»*
В. Горянский, *Наводнение (Из цикла «Старый Петербург»),* Февраль *семнадцатого (II. «Красным бантиком окрыля...»), Невская симфония, Санкт-Петербург («В те дни под громы многолетий...»)*
И. Елагин, *«Там тень извозчика на козлах...»*
Вс. Иванов, *Ночной Петроград*
П. Иртель, *Петербург*
А. Кондратьев, *«Столица Севера, как вид прекрасен твой...»*
Лери, *Студент*
В. Лурье, *Осень, Рождество, Я ли это!*
В. Мамченко, *«Какой проспект? Иль это Невский...»*
М. Миронов, *«Однажды, в бесшумную белую ночь...»*
А. Плюшков, *Блоковиада* (*III. «Помнишь зимний Петербург»), Невский*
В. Поппер, *Моему другу*
С. Прегель, «*Улицы праздной пенное мыло...*»
Н. Рудникова, *Тоскуем...*
Г. Сатовский *Мой город*
С. Симонович, *Петербург*
Т. Смирнова-Макшеева, *В Лондоне*
Н. Снесарева-Козакова, *«О, только в снах — больных и редких...»*
Д. Соложев, «*Припомнишь...*»
М. Струве, *Петербург, Прогулки, Белошвейка*
З. Троцкая, *«Порою кажется так просто...»*
Ю. Трубецкой, *Встреча, Отрывок, «Помнишь ржавые кочки...»,* «*Призрак Блока на Офицерской...*»
С. Черный, *Невский, Эмигрантские сны*
С. Шишмарев, *Санкт-Петербург*
Н. Щеголев, *Достоевский*
Н. Эльяшов, *Петербургские строфы*
В. Юрасов, *Сегежская ночь*

Николаевский вокзал (с 1851 по 1924, ныне — Московский), пл. Восстания, 2. Здание возведено арх. К. А. Тоном.
А. Плюшков, *Невский*

Николаевский мост (ранее Благовещенский, после 1918 г. — лейтенанта Шмидта) — через Неву, соединяет Благовещенскую площадь с Васильевским островом. Построен в 1843—1850 гг.
В. Булич, *Петербург*
А. Масаинов, *Петербург*

Николаю I памятник — на Исаакиевской пл., против Государственного совета, открытие состоялось в 1859 г. (скульп. П. К. Клодт, арх. А. А. Монферран). См. очерк А. Руманова «Три бронзовых коня» (Последние новости. 1920. № 33. 4 июня. С. 2).
В. Воронцовский, *Петербург*
В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*
И. Северянин, *Пасха в Петербурге*

Новая Голландия — остров, возникший в 1-й четверти XVIII в. после прокладки Крюкова и Круштейна каналов. Название получил от складов корабельного леса, где древесину хранили по «голландскому» способу. Первоначально склады находились в районе Адмиралтейства и назывались Голландией; впоследствии их перенесли на этот остров, который стал называться Новой Голландией. На его территории в 1828—1829 гг. была построена Морская тюрьма (арх. А. Е. Штауберт).
Г. Эристов, *Новая Голландия* (цикл *Петербург двадцатых годов)*

Новая Деревня — в сев.-зап. части Петербурга на правом берегу Б. Невки, против Каменного острова. Возникла в XVIII в. как поселение крепостных крестьян канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. Название получила для отличия от Старой Деревни, возникшей ранее. В Новой Деревне находились знаменитые в конце XIX — нач. XX в. рестораны: «Ливадия», «Аркадия», «Вилла Родэ» (см.), летний театр Новой Деревни, буддийский храм (построен в 1909—1915; арх. Г. В. Барановский при консультации ученых-востоковедов и художников В. В. Радлова, С. Ф. Ольденбурга, Ф. И. Щербатского, Н. К. Рериха).
Г. Лахман, *«Это было в сказке древней...»*
Г. Эристов, *Новая деревня (Буддийский храм)* (цикл *Петербург двадцатых годов)*

Обводной канал — от Невы в районе Александро-Невской лавры до р. Екатерингофка (длина — более 8 км). Средоточие промышленных предприятий и место обитания бедноты и бродяг.
В. Горянский, *Февраль семнадцатого («Уже можно было сметь...»)*
М. Струве, *В город, Пасхальная ночь, Лиговка летом*

Обуховская больница (наб. Фонтанки, 106). Одна из первых больниц в России, открыта в 1779 г. При ней находился Дом призрения для умалишенных.
В. Дукельский, *Послание к С. Л. Бертенсону*

Озерки — местность к северу от Петербурга между Удельной и Шуваловом, пейзажем которой навеяно стихотворение Блока «Незнакомка» (1906).
М. Миронов, *Проститутка*

Оллила — южная часть деревни Куоккала, ставшая в 1906 г. железнодорожной станцией, построенной на средства жившего в Санкт-Петербурге предпринимателя-финна Олафа (Олли) Уллберга.
М. Струве, *Дачи*

Ораниенбаум (с 1948 г. по 1998 г. гор. Ломоносов) — пристань на южном берегу Финского залива. Дворцово-парковый ансамбль начал формироваться еще при А. Д. Меншикове, которому Петр I подарил эту территорию. В 1710—1727 гг. был построен Большой дворец (арх. Дж. М. Фонтана, Г. Шегель; в 1762—1780 перестроен арх. А. Ринальди). В 50—60-е гг. XVIII в. был разбит Верхний парк, в котором арх. А. Ринальди построил дворец Петра III, Китайский дворец, павильон Катальной горки.

Г. Эристов, *Ораниенбаум* (цикл *Петербург двадцатых годов)*

Острова в дельте Невы. Обычно, говоря об «островах», подразумевают Крестовский, Елагин и Каменный. См. также их отдельные упоминания.

Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!, В 5 часов утра*
М. Айзенштадт, *Онегин в Петрограде, Петрополис*
Н. Алл, *Петербург («На дальнем севере плывут пучки туманов...»)*
В. Андреев, *Террористы*
Я. Бикерман, *«В прощальный час, в последний раз...»*
П. Бобринский, *Десятая муза*
Е. Вадимов, *На острова*
В. Верещагин, *«Париж совсем сошел с ума...»*
Я. Воинов, *С.-Петербургская пасха*
В. Горянский, *С.-Петербург*
М. Дорожинская, *Санкт-Петербургу*
И. Елагин, *Память*
И. Еленевская, *Петербург*
Е. Зеленский, *«Еще Петром одетая в гранит...»*
А. Масаинов, *Петербург*
И. Северянин, *В тот май*
Т. Смирнова-Макшеева, *В Лондоне*
М. Струве, *Юность (Петербургская поэма)*
А. Таль, *«Я помню все — гранитные перила...»*
Ю. Трубецкой, *«До дамбы, каменной преграды...», «Давно с тобой мы попрощались...»*
С. Черный, *На «Островах»*

Офицерская улица (ныне ул. Декабристов) между Вознесенским пр. и наб. р. Пряжки.

М. Струве, *Хористка (<Из цикла> «Старый Петербург»)*
Ю. Трубецкой, «*Ну, что ж, я почти современник...*», «*Призрак Блока на Офицерской...*»

Охта — местность в восточной части Петербурга, на правом берегу Невы. Протекающей через нее рекой Охтой делится на Большую и Малую Охты. В нач. XX в. окраина Петербурга с чертами провинциального быта. Ср. в стихах В. Князева «Большая Охта» (1914):

Городок в табакерке, со столицей бок о бок,
Сеть коротеньких улиц, бегущих в Неву.
Не дома, собранья картонных коробок
На дворах, приютивших репей и траву.

Все игрушечно здесь: и дома, и лавчонки,
И управа, и славный Ириновский путь,
Среди улиц частенько играют мальчонки
И коровы бредут близ Невы отдохнуть.

Поперек же селения лентою резкой,
Местной гордости вечный и сладкий объект,

Протянулся свой собственный, охтинский, «Невский» —
Большеохтинский людно-базарный проспект...

В. Горянский, *Охта*

М. Струве *Март (Петербургская поэма)*

Павловск — город, основан в 1777 г. как усадьба вел. кн. Павла Петровича (с 1796 г. — император Павел I); резиденция российских императоров. Описание симфонических концертов в Павловском вокзале вошло в русскую литературу, см. «Концерт на вокзале» (1921) и гл. «Музыка в Павловске» (из «Шума времени», 1923) О. Мандельштама, стих. Г. Иванов «Павловск» (сб. Лампада, 1922) и др.

Д. Кленовский, *«Пирог с грибами стынет на столе...»*

В. Лурье, *«Павловск, дача, вокзала платформа...»*

М. Струве, *На музыке (<Из цикла> «Былой Петербург»)*

Павловского полка казармы (Марсово поле, 1) построены в 1817—1821 гг. (арх. В. П. Стасов). Около 100 лет, до ухода на фронт в 1916 г., в них квартировался лейб-гвардии Павловский полк.

О. Воинов *Санкт-Петербург*

Пассаж (Невский пр. 48) — торговый комплекс, построен в 1846—1848 гг. (арх. Р. А. Желязевич; перестроен в 1900 г., арх. С. С. Козлов). Трехэтажное здание включало в себя крытую, застекленную галерею-проход между Невским проспектом и Итальянской улицей («пассаж»). В нем находились магазины, кофейни, кабинет восковых фигур, концертный зал, театр и др.

Ср. в стихотворении М. Миронова «Воскресные воспоминания (Старый Петербург)»:

Я знал, что встретимся в «Пассаже»,
Где ярко искрятся витрины,
Где в мягком бархате пурпурном
Бриллианты нежатся дразня,
Где столько публики нарядной,
Где так изменчивы картины,
Где ровно в шесь часов уланы,
Проходят, шпорами звеня.

(Рижский курьер. 1922. 16 июля).

Н. Агнивцев, *Коробка спичек, Вы помните былые дни...*

А. Плюшков, *Невский*

Пески — район на левом берегу Невы, начинавшийся за Таврическим садом и Лиговским пр. В 1-й пол. XVIII в. — окраина города, да и еще в 70-е гг. XIX в. Пески считались городским захолустьем. «Пески мне казались в детстве, — писал в воспоминаниях В. А. Оболенский, — какой-то загадочной, а потому интересной страной, которая начиналась как раз после столь знакомой мне Греческой церкви. На Пески меня гулять не пускали, считая, что я там могу заразиться разными болезнями, а няня находила прямо неприличным водить туда гулять господского сына. Живя совсем близко от этой части города, я туда в первый раз забрел уже будучи гимназистом» (*Оболенский* С. 11). Во второй половине XIX — начале XX в. район застраивался доходными домами.

Я. Воинов, *С.-Петербургская пасха*

Лери, *Студент*

М. Струве, *Петербург (Восьмистишия изгнания), Старый сон, В город*

Петербургская сторона (с 1914 г. — Петроградская) — район, включающий Петроградский, Аптекарский, Петровский и Заячий острова.

Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!, На Петербургской стороне*

А. Гингер, *Голубеет небесный свод*

В. Горянский, *Это просто!*

А. Даров, *Снежинки*

М. Струве, *Петербургская сторона, Петербург (Восьмистишия изгнания), Над петербургской стороной*

Петергоф — город-пристань на южном берегу Финского залива, основан Петром I в начале XVIII в. Большой дворец сооружен в 1714—1725 гг. (арх. И. Ф. Браунштейн, М. Г. Земцов, Ж. Б. А. Леблон, Н. Микетти; перестроен в 1745—1755 гг. В. В. Растрелли в барочном стиле). В южной стороне дворца находится Верхний сад с 5 фонтанами, в северной — Нижний сад с комплексом фонтанов (водовод длиною 22 км, сооружен инж. В. Туволковым, 1721—1724). Фонтаны украшены золоченными бронзовыми статуями (скульп. Ф. Ф. Щедрин, Ф. И. Шубин, И. П. Мартос, И. П. Прокофьев), барельефами (скульп. К. Б. Растрелли) и вазами (по рис. арх. А. Н. Воронихина). Подножием дворца служит Большой грот с обрамляющими его каскадами (Большой каскад), спускающимися к бассейну-«ковшу», в центре которого находится статуя «Самсон, разрывающий пасть льва» (1802; скульп. М. И. Козловский.

Лев Никулин писал в стихотворении «Старый Петергоф» (Синий журнал [СПб.]. 1914. № 24):

Когда любовь тревоги множит,
Уйди на мызу за рекой.
И пусть ничто не потревожит
Печаль и творческий покой.
Вино и страсть гони смелее —
Заменит звонкий лепет строф
Твои любимые аллеи
И твой любимый Петергоф.
И этот парк надменно-жуткий,
Куда приходишь ты с утра,
Здесь так пикантны проститутки
И страсть шикарны юнкера...

Ностальгия о Петергофе в эмиграции вылилась, например, в строчки жившего в Белграде князя В. Андроникова (стих. «Белая Дама»):

Ольгин день. Еду в парке безлюдном,
Он косыми лучами залит,
Моя лошадь в листве измрудной
Золотистым отливом горит.
Блещут струи фонтана Адама,
Рвется к небу могучий Самсон,
Тихо плещется Белая Дама,
Навевает мне сладостный сон.

Там, где Шахматной горки ступени
Направляют в мир Царских потех,
Где лукавый сатир на колене
Соблазняет пастушку на грех,
Где из лип вековая аллея
К Монплезиру ведет между роз,
Там явилась мне светлая фея
С белой прядью средь темных волос.

Все прошло. Нет аллеи тенистой,
Нет тех царственно-пышных садов,
Нет и масти полка золотистой,
Опустел и поблек Петергоф.
Одинока беседка Адама,
Не играет, не плещет Самсон
И осталась лишь Белая Дама —
Золотой мой, несбыточный сон.

(Новое время [Белград]. 1926. № 1568. 24 июля. С. 2).

Н. Агнивцев, *Петергоф*
М. Вега, «*Бабушка тоже была молодая...*»
А. Головина, *«Я говорю себе: не требуй...»*
В. Горянский, *Петергофская заря*, *Невская симфония*
В. Лурье, *«По утрам у самого забора...»*
А. Перфильев, *Петергоф*
В. Сумбатов, *Родина*
Ю. Трубецкой, *«До дамбы, каменной преграды...»*, *Петергоф*, *Платон Зубов (Портрет)*
В. Шене, *Княжья месть. Эмигрантская быль* <отрывок>

Петровский домик — первая резиденция Петра I в Петербурге (Петровская наб., 6), старейшая постройка города.
А. Перфильев, *Контрасты*

Петровский парк на Петровском острове на левом берегу р. Ждановки.
В. Горянский, *Это просто!..*

Петропавловская крепость заложена по плану Петра I 16 (27) мая на Заячьем острове, отуда ведет свое начало история Петербурга. Петропавловский собор на ее территории с усыпальницей российских императоров, начиная с Петра I (построен в 1712—1733 гг. арх. Д. Трезини). Колокольня увенчана золоченным шпилем с флюгером в виде летящего ангела. В 20-е гг. XVIII в. на колокольне установлены часы с курантами (в 1776 г. заменены новыми вместо сгоревших), которые отбивали каждые четверть часа и вызванивали мелодию «Коль славен», в полдень и полночь, кроме того, — «Боже, царя храни». Внешним укреплением Петропавловской крепости является Алексеевский равелин. Со 2-й пол. XVIII в. в нем находилась тюрьма для политических заключенных, где, в частности, в 1825—1826 гг. содержались декабристы, позднее — петрашевцы, М. А. Бакунин, Н. Г. Чернышевский, народовольцы и др. В 1884 г. тюрьма упразднена, а узники переведы в Шлиссельбургскую крепость.
Н. Агнивцев, *Санкт-Петербург*, *Принцесса Моль*, *Белой ночью* («С Петропавловской твердыни / Бьют Петровские куранты»), *Ужель наступит этот час* («Ужель наступит этот час / На Петропавловских курантах»), *Вы помните былые дни...*(«...последний час / На Петропавловских курантах»)
А. Аллин, *Спас на крови*
Амари, *Прогулка Николая I* (*«Пристегнувши шнурками полость...»*), *Последняя поездка Николая I*
В. Андреев, *Террористы*
Б. Башкиров, *В Петербурге*
Е. Вадимов, *На острова*
В. Верещагин, *«Париж совсем сошел с ума...»*

Ю. Галич, *Старый Петербург*
Ю. Галь, *Петербург*
В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*
В. Горянский, *Невский ветер, Невская симфония*
А. Даров, *«Течет задумчиво и вольно...»*
В. Дитерихс фон Дитрихштейн, *Петербург*
Б. Дукельский, *Перед утром* (*«И лишь металл курант над водами звенит»), На севере*
И. Еленевская, *Петербург*
В. Завалишин, *Памяти Бориса Ловета-Лорского*
Е. Зеленский, *«Еще Петром одетая в гранит...»*
Ю. Иваск, *Воображая Петербург, Ода изгоя*
П. Иртель, *Петербург*
Э. Кальма, *Кто изменил убожеством измены?*
Ю. Карелин, *Петербург*
Г. Клингер, *Стихи о Петрограде*
В. Лурье, *Рождество, «Все тот же ветер мне напомнит пусть...»*
М. Миронов, *Утро*
Т. Остроумова, *«Туда, где воздух чист и волен...»*
А. Перфильев, *Контрасты*
В. Познер, *Вся жизнь господина Иванова*
Е. Раич, *«Поздно ночью усталостью пьяный...»*
Г. Сатовский, *Мой город*
О. Софонова, *Санкт-Петербургу*
З. Троцкая, *«Порою кажется так просто»*
Ю. Трубецкой, *«До дамбы, каменной преграды...»*
Г. Эристов, *Петропавловская крепость (Царская усыпальница)* (цикл *Петербург двадцатых годов)*

Подьяческие ул. (Большая, Средняя, Малая) в районе Екатерининского канала.
М. Струве, *Петербург (Восьмистишия изгнания)*

Покрова церковь — наб. Мойки, 48. Церковь построена в 1828—1834 гг. (арх. Д. Квадри, с 1832 — П. С. Плавов).
М. Струве, *Петербург (Восьмистишия изгнания)*

Поцелуев мост — через р. Мойку на Никольской ул. (в советское время — ул. Глинки). Строился с перерывами с 1806 по 1816 гг. Название получил от находившегося поблизости трактира купца Поцелуева «Поцелуй!».
Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!, Туманная история*

Пржевальскому памятник — монумент путешественнику, исследователю Центральной Азии, почетному члену АН, почетному гражданину Петербурга, генерал-майору *Николаю Михайловичу Пржевальскому* (1839—1888) установлен в 1892 г. в Александровском саду (скульпторы И. Н. Шредер и Р. И. Рунеберг, автор проекта А. А. Бильдерлинг). В памятнике было объединено несколько масштабов: бюст путешественника был увеличен, верблюд — значительно уменьшен, винтовка, притороченная к верблюжьему боку, была в натуральную величину (сейчас отсутствует).
С. Черный, *Невский*

Прудки — сквер, разбитый на месте бассейнов,откуда подавалась вода к фонтанам Летнего сада. Рядом с ним проходят Прудковский и Озерный переулки.

В. Гарднер, *Здесь и там*
М. Струве, *В город*

Публичная библиотека (Садовая ул., 18) основана в 1795 г., открыта для общего пользования в 1814 г.
А. Плюшков, *Невский*

Пушкарская (Большая) улица между Съезжинской ул. и Каменноостровским пр.
М. Струве *Петербургская сторона*

Пять Углов — обиходное название перекрестка, образовавшегося от пересечения Загородного пр., Чернышева пер. (ныне ул. Ломоносова), Троицкой (ныне — Рубинштейна) и Разъезжей.
В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*
М. Струве, *Муза с Разъезжей улицы, Юность (Петербургская поэма)*

Разъезжая улица между Загородным и Лиговским пр.
М. Струве *Муза с Разъезжей улицы (<Из цикла> «Былой Петербург»)*

Ростральные колонны (от лат. Rostra — нос корабля) — колонны Тома де Томона на стрелке Васильевского острова у спусков к Неве, по сторонам полукруглой площади перед зданием Биржи. Внутри колонны полые и в них установлены винтовые лестницы (см. в рассказе М. Моравской «Ночь в ростре» // Русская мысль. 1916. № 5. С. 66—72).
См. в «Стихах о Петербурге» Влад. Княжнина:

Как шпили все вдруг станут остры!
Дворцы, и скверы, и Сенат,
И Биржи исполинской ростры
Какими красками горят!

(Новый журнал для всех. 1913. № 1)

Н. Гейнц, *Тучкова набережная*
В. Горянский, *С.-Петербург*
Ю. Иваск, *Стрелка*

Рошаля набережная (ныне — Адмиралтейская). *Рошаль Семен Григорьевич* (1896 — декабрь 1917), участник революционного движения в России с 1910 г.; член РСДРП с 1914 г. В июле 1917 г. арестован Временным правительством, освобожден в октябре 1917 г., назначен большевистским комиссаром Румынского фронта, где и погиб.
В. Познер, *Вся жизнь господина Иванова*

Садовая улица между Миллионной ул. и Калинкинской площадью (с декабря 1952 г. — пл. Репина).
В. Горянский, *Санкт-Петербург*

Самарканд, ресторан (Черная речка, Языков пер., 48; владелец Алексей Васильевич Выдрин). Ср.: «В С. Петербурге на Черной Речке, в маленьком деревянном домике приютился и долго существовал ресторан «Самарканд», который держали татары. Сюда столица ездила слушать цыган, которые жили большею частью на Черной Речке и, по соседству, в Новой Деревне» (*Плещеев А. А.* «Под сению кулис...». Париж, 1936. С. 71), ср. в эмигрантском стихотворении И. Одоевцевой «Золотой Люксембургский сад» (1957):

— До свиданья. Пора домой.
В светлый дом, где пылают печки,
Где томительно-вонкий покой
Перемешан с гитарной тоской,
Ну совсем как — подать рукой —
На цыганской, на Черной речке.

Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!, На рассвете*

«Сатирикона» редакция (Невский пр., 9). «Новый Сатирикон», возникший в июне 1913 г., размещался по адресу: Невский пр., 98.
С. Черный, *Сатирикон*

Седьмая Рождественская ул. (ныне 7-я Советская) на Песках.
М. Струве, *Деревянный дом*

Семеновского полка казармы — возникли в конце XVIII — нач. XIX в. на территории слободы лейб-гвардии Семеновского полка. Семеновский плац (в советское время — Пионерская пл.) — площадь внутри комплекса Семеновских казарм, занимавшая пространство между современным Загородным пр., Звенигородской и Рузовской улицами, с юга примыкавшая к Обводному каналу. Использовалась для военных учений и с середины XIX века — как место публичных казней. В 1880 г. плац передан Обществу охотников конского зимнего бега и переоборудован в ипподром (разрушен в годы Второй мировой войны). С 1898 г. сюда были переведены с Марсова поля народные гуляния.
В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*
Ю. Трубецкой, *Отрывок*

Сенат (*Сенатская площадь*) — здание Сената расположено на Сенатской площади и выходит на наб. Невы. Особняк с нач. XVIII в. принадлежал А. Д. Меншикову, затем — А. И. Остерману, с 1744 г. — А. П. Бестужеву-Рюмину, с 1763 г. дом приспособлен для Сената. В 1829—1834 гг. проходила перестройка старого здания Сената и находящегося поблизости дома Кусовниковой под правительственные учреждения (арх. К. И. Росси, руководит. работ арх. А. Е. Штауберт). Два этих строения были соединены Сенатской аркой, переброшенной через ул. Галерную (см. *Галерная улица*).
Н. Агнивцев, *Белой ночью*
Н. Алл, *Петербург («Как завороженный, Белой Ночью...»)*
И. Британ, *«Они на площади стояли...»*
В. Булич, *Медаль за оборону Ленинграда*
В. Верещагин, *«Париж совсем сошел с ума...»*
Я. Воинов, *С.-Петербургская пасха*
Ю. Галь, *Петербург*
Л. Гордон, *Сентиментальное прощание*
В. Горянский, *Титулярный советник, На святой, Невский ветер, Невская симфония, Встреча*
А. Ладинский, *«Свинцовые пчелы...»*
Е. Раич, *«Позно ночью, усталостью пьяный...»*
Г. Сатовский, *Мой город*
Г. Струве, *Отрывок* (*«Как в оснеженном Петрограде...»*)
З. Троцкая, *«Мне часто снится свет какой-то смутный...», «Порою кажется так просто...»*
С. Черный, Сатирикон («...под аркой министерства»)
А. Элькан, *«Небо розовеет над Сенатом...»*

Сенатская площадь (в советское время — пл. Декабристов). Возникла в нач. XVIII в. к западу от внешнего вала Адмиралтейской крепости. По ее южной стороне проходил Адмиралтейский канал. В 1782 г. на ней был установлен памятник Петру I — *Медный всадник* и площадь приобрела название Петровской. После сооружения зданий Сената и Синода (1829—1834) площади вернули прежнее название.

В. Андреев, *Поэма о камне*
Т. Остроумова, *Из цикла «Петербургские наброски»*

Сенная площадь — в 1737 г. здесь возник Сенной рынок.
Н. Агнивцев, *Елисавет*
В. Верещагин, *«Париж совсем сошел с ума...»*
В. Горянский, *Титулярный советник, Невская симфония, Встреча, Февраль семнадцатого («В этом метельном феврале...»)*
И. Елагин, *«Там тень извозчика на козлах....»*
М. Струве, *Петербург (Восьмистишия изгнания)*

Сестрорецк — город в 35 км к северо-западу от Петербурга, на северном берегу Финского залива, при впадении в него реки Сестра. Возник в 1720-е гг.
А. Таль, *Сестрорецк*
Ю. Трубецкой, *«Рейд безлюдный. Пески Сестрорецка...»*

Синод — здание, примыкающее к Сенату. «Всегда стоял и Сенат. Недвижим и незадет преходящей пузиристой, новой жизнью был и Синод. На фронтоне была надпись "Святейший Правительственный Сvнод", с ижицей. И всегда это слово хотелось произнести, сложив губы трубочкой, почти как для буквы ю. И между обоими спокойными массивами, Сенатом и Сvнодом, которые, понятно, стояли здесь вечно, — была арка и под ней шла улица, казавшаяся тупиком. Она была спокойнее и как будто старше других. В ней не было витринного беспокойства Невского, сумрачности Казанской, торгашества Садовой и обыденности Гороховой. Это была улица, начинавшаяся желтой аркой и потому точно старавшаяся сохранить покой: так были близки Сенат и Сvнод, стоявшие к ней спиной» (*ГорСП* С. 53).
В. Горянский, *На святой, Невская симфония*

Слоновая ул. (с 1900 г. — Суворовский проспект), получившая название от Слонового двора, где содержались слоны, подаренные персидским шахом Анне Иоанновне.
М. Струве, *В город*

Смоленское кладбище (Камская ул., 24). «Происхождение названия кладбища обычно связывают с предположением, что здесь в топкой и заболоченной местности недалеко от взморья, селились переведенцы из Смоленских земель, пришедшие на строительство Петербурга. Едва ли эта версия правдоподобна. Название кладбища, как и реки Смоленки, закрепилось после сооружения храма во имя Смоленской иконы Божьей матери» (Г. В. Пирожков, А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. Смоленское православное кладбище // Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 234).
Кладбище занимает территорию между 17 линией Васильевского острова, Малым проспектом, улицей Беринга и рекой Смоленкой.
Ю. Иваск, *Ода изгоя*
М. Струве *Петербургская сторона*

Смольный монастырь построен в 1748—1764 гг. (арх. В. В. Растрелли). В нем размещался Институт благородных девиц, основанный в 1764 г. по плану И. И. Бецкого. В 1806—1808 гг. Дж. Кваренги построил рядом отдельное здание.
К. Бабкина, *Стихи о Петербурге*
Ю. Иваск, *Воображая Петербург, Ода изгоя*
В. Поппер, *Моему другу*
М. Струве, *Старый сон*

Соловьева Торговое Товарищество — Василий Ионович Соловьев, владелец гастрономических магазинов, гостиниц и ресторанов (в частности, ему принадлежал ресторан «Палкин» на Невском пр., 47/1, открытый в 1808 г. купцом Палкиным).

Н. Агнивцев, *Триптих*

Спас Колтовская Церковь во имя Преображения Господня на Большой Спасской улице (ул. Красного Курсанта) на Петроградской стороне. Колтовская слобода (между Ждановкой и Малой Невкой) названа по имени начальника квартировавшего здесь «Невского» полка — Колтовского. 27 февраля 1932 г. храм закрыт и вскоре снесен.

М. Струве *Петербургская сторона, Над петербургской стороной*

Спас-на-Сенной — пятипрестольный храм Успения Пресвятой Богородицы. Возведен в 1761 г. В 1961 г. взорван под строительство наземного вестибюля станции метро «Сенная площадь».

М. Струве, *Первый снег*

Спасо-Преображенский собор (Преображенская пл. 1) возведен в честь победы России в войне с Турцией в 1828—1829 г. (арх. В. П. Стасов) на месте сгоревшей в 1825 г. церкви Преображенского полка. Окружен железной оградой из пушек и тяжелых цепей.

В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*

М. Струве, *Николин день*

Средний проспект Васильевского острова — между Тучковой набережной (в советское время — наб. Макарова) и Наличной улицей.

Я. Воинов, *«У меня на Васильевском — Испания...»*

Стерегущему памятник (скульп. К. В. Изенберг, арх. Гоген) — открыт в 1911 г. в память о миноносце «Стерегущий», который в русско-японскую войну был потоплен его командой (26 февраля 1904 г.) во время боя с превосходящими силами врага. Г. Иванов в очерке «Закат над Петербургом» описывал его в раздраженно-саркастических красках: «Слева, между Петропавловской крепостью и Кронверским садом, вырос скульптурный ублюдок — памятник миноносцу "Стерегущий". Два бравых матроса с сусально-героическим выражением лиц стоят в натянутой позе натурщиков у открытого кингстона, из которого "бурно хлещет" бронзовая вода».

А. Перфильев, *Контрасты*

Т. Смирнова-Макшеева, *В Лондоне*

Столярный пер. в районе Сенной площади.

И. Елагин, *«Там тень извозчика на козлах...»*

Стрелка Васильевского острова — мыс в восточной части острова, омываемый Б. и М. Невой.

Многократно упоминается в петербургских стихах, см., к примеру, «У милых ног венецианских статуй» К. Вагинова. Ср. в стихотворении М. Миронова «Воскресные воспоминания (Старый Петербург)»:

> Вы мне сказали, что на «Стрелку»
> Сейчас недурно прокатиться...
> <...>
> И в глубине автомобиля
> Мне больше некого стыдиться
>
> (Рижский курьер. 1922. 16 июля).

Ю. Иваск, *Стрелка*

Е. Раич, *«Разомкнутый опять сомкнулся круг...»*

Сфинксы — гранитные сфинксы фараона Аменхотепа III, некогда стоявшие перед его заупокойным храмом в древних Фивах неподалеку от Колоссов Мемнона, установленные на пристани на Неве перед зданием Академии Художеств в 1832—1834 гг. по проекту К. А. Тона. На головах сфинксов обязательные атрибуты царской власти — традиционные платки и короны царя Верхнего и Нижнего Египта.

Сфинксы многократно воспеты в русской поэзии (у Вяч. Иванова, Блока, Брюсова и т. д.).

У М. Моравской (Белая ночь // Новая жизнь. 1915. № 10):

У серых приречных ступеней
Вечно, вечно сырых,
Нежные суровые сфинксы
Из дальней, безводной пустыни.
Им, старым, уже не грустно
Стоять на чужой земле,
Их, старых, баюкает бережно
Радужно-сизый туман.

У М. А. Таубе <отрывок из ст-ния «Тайна сфинксов»>:

Как вы загадочны, свидетели былого,
Два сфинкса старых над красавицей Невою!
Пред вам и я стою, гляжу на вас и снова
Ряд мыслей, словно сон, проходит предо мною...

Далее описывается воображаемый перелет поэта в седую древность: картины исхода евреев из Египта, битв египтян и персов, Мария с младенцем Иисусом на руках (М. Т<аубе>. Видения и думы: Сборник стихотворений. Издание бар<она> М. А. Таубе, 1937. С. 19—21).

У поэта (поэтессы?), скрывшегося за инициалами Э. М. в стихотворении «Сфинксы (У Николаевского моста)» (Облака [Ревель]. 1920. № 3. 19 июня. С. 1):

Молчаливые, гранитные
С тайной века на устах,
Древней мысли камни слитные
На гранитных берегах.

Под песком пустыни знойные,
Дети стройных пирамид,
Титанически спокойные
Из страны сухих акрид.

Письмена чужие, вещие,
Непонятные слова,
Точно стерегут, зловещие,
Все загадки бытия.

Пеплом Феникса рожденные,
Сфинксы, фивские сыны,
Ныне скифом пригвожденные
К хладу северной страны.

Под фатою чудо чудится:
Властно фатума рука
Говорит, что веще сбудется
Предсказанье чрез века.

Мужей мудрое учение,
Что незыблема душа,
Испытуя превращение,
С смертью борется одна.

Знали что-то серокудрые
Старцы сказочной страны...
Но что знаем мы, немудрые?
Кто мы, дети суеты?..

Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!*
В. Булич, *Петербург*
А. Даров, *«Течет задумчиво и вольно...»*
И. Елагин, *Память*
В. Поппер, *Моему другу, «Петербург! Петроград! Ленинград!..»*
Е. Раич, *«Поздно ночью усталостью пьяный...»*
Л. Страховский, *Над Темзой*
Н. Эльяшов, *Встреча*
В. Юрасов, *Сегежская ночь*

Таврический дворец (Шпалерная ул., 47; арх. И. Е. Старов). После присоединения к России в 1783 г. Крыма Екатерина II повелела построить дворец и пожаловала его Г. А. Потемкину-Таврическому. В 1906—1917 гг. здесь заседала Государственная Дума. В начале Февральской революции во дворце разместились Временный комитет Гос. Думы, а затем (до июля 1917) Временное правительство. 5 (18) января 1918 г. в Таврическом дворце собралось Учредительное собрание, разогнанное большевиками.

Таврический сад. Разбит в 1783—1789 гг. (арх. И. Е. Старов, садовый мастер В. Гульд) на территории усадьбы Г. А. Потемкина-Таврического. С 1862 г. открыт для публики. Первый в Петербурге и его окрестностях сад, разбитый в английском романтическом стиле. Г. Иванов писал:

— Видел сон я: как будто стою
В золотом и прохладном раю,
И похож этот рай и закат
На тенистый Таврический сад.

Ср. в стихах советского поэта 1927 г.:

Какие вновь придумаешь слова,
Когда в водовороте листопада,
По гравию Таврического сада
Октябрьские проходят торжества.

Когда в ночи без трепета и стона
Бредем, — и кровь и буря не страшны.
И только ветер с финской стороны
Напрасно бьет крылами о знамена...

(*Подольский Л.* Октябрь // Альманах Ларь. Стихотворения. Л., 1927. С. 27).

А. Аллин, *Спас на крови*
В. Андреев, *Восстание звезд*
К. Бабкина, *Стихи о Петербурге*
Н. Берберова, *7 августа 1921 года*
Е. Вадимов, *Петербург*

М. Струве, *Таврическое гулянье, Авгур, Николин день, Белошвейка*
Ю. Трубецкой, *Таврический сад*

Театральная площадь — перед Мариинским театром.
В. Лурье, *Я ли это!*

Театральная улица (с 1923 г. — улица Зодчего Росси) между Невским пр. и Фонтанкой.
М. Струве, *Юность (Петербургская поэма)*

Териоки (ныне Зеленогорск) — местность, расположенная в южной части Карельского перешейка. В начале XX в. в летний сезон сюда приезжало более 50 тыс. человек. Ср. в «Шуме времени» О. Мандельштама, с детства проводившего лето в Териоках: «В Териоках песок, можжевельник, дощатые мостки, собачьи будки купален, с вырезанными сердцами и зазубринами по числу купаний <...> Летом в Териоках — детские праздники. До чего это было, как вспомнишь, нелепо! Маленькие гимназистики и кадеты в обтянутых курточках, расшаркиваясь с великовозрастными девицами, танцевали па-де-катр и па-де-патинер, салонные танцы 90-х годов, с сдержанными, бесцветными движениями».
М. Струве, *Дачи*

Толбухин маяк (возле Кронштадта) — строительство началось в 1719 г. на искусственном острове к западу от острова Котлин.
В. Андреев, *Восстание звезд*

Торговый дом Гвардейского экономического общества (Б. Конюшенная ул., в советское время — Желябова, 21—23) открыт 20 декабря 1909 г.; арх-ры Э. В. Виррих и др.).
С. Черный, *Эмигрантские сны*

Троицкий мост (Петербургский, Суворовский, Равенства, Кировский) — через Неву, соединяет центр города с Петроградской стороной, Суворовскую площадь с Троицкой. В нынешнем его виде наводился в 1897—1903 гг. Разводная часть моста (до реконструкции 1967 г.) была не подъемной, а поворотной. Ср. в стихотворении эмигрантской поэтессы И. Гранской «Восход а Петербурге» (Панорама [Таллинн]. 1931. № 2. 17):

В ясно-розовой радости юной зари
Вспыхнул город, примолкший к рассвету...
Тушит Троицкий мост, утомясь, фонари.
Тихо нежатся улиц просветы
В свежей утренней ласке привета.
За домами зажглись янтари.

А над крепостью ярко зарделась игла,
Отражаясь в опаловых водах.
И с деревьев столетних осенняя мгла
Разнеслась в золотых хороводах.
Под мостом прошумев в гулких сводах
Пароход обдал струйкой тепла.

И топазы и золото в небе пыля,
Выплыл гордо в ладье своей древней
Светоносный Владыка, улыбку стеля
На дворцов засверкавшие гребни.
И, как встарь, перед ним на молебне
Закадила туманом земля.

Н. Агнивцев, *Когда голодает гранит...*
В. Горянский, *Это просто!*
Э. Кальма, *«Кто изменил убожеством измены?..»*
Р. Корносевич, *Девятое января*
А. Перфильев, *Контрасты*
З. Троцкая, *«Порою кажется так просто...»*

Тучков мост — *см. Тучкова набережная*

Тучкова набережная (в советское время — набережная адмирала Макарова) сооружена в 1829—1832 гг. по левому берегу Малой Невы от Биржевой площади до истока реки Смоленки. Название происходит от Тучкова моста, возведенного через М. Неву и соединяющего 1-ю линию Васильевского острова с Большим пр. Петербургской стороны (по одной версии, мосту дано имя купца, на чьи на средства он был сооружен, по другой — инженера, строившего мост в XVIII в.). Неоднократно перестраивался. Существующий Тучков мост возведен в 1962—1965 гг. См. стихотворение Г. Иванова «Тучкова набережная»:

Фонарщик с лестницей, карабкаясь проворно,
Затеплил желтый газ над черною водой,
И плещется она размерно и минорно,
И отблеск красных туч тускнеет чередой.
Там Бирона дворец и парусников снасти,
Здесь бледный луч зари, упавший на панель,
Здесь ветер осени, скликающий ненастье,
Срывает с призрака дырявую шинель.
И вспыхивает газ по узким переулкам,
Где окна сторожит глухая старина,
Где с шумом городским, размеренным и гулким,
Сливает отзвук свой летейская волна.

Н. Гейнц, *Тучкова набережная*
С. Черный, *Игрушки*

Университет — располагается на Васильевском острове; первоначально — здание 12 коллегий, строилось с 1722 по 1742 гг. Нижний этаж возводился по проекту архитектора Д. Трезини, верхние этажи — по проекту Т. Швертфегера; в 30-е гг. XIX в. здание передано университету.

Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!*, *Красный дом*
В. Горянский, *С.-Петербург* («науки русской закрома»)
А. Кондратьев, *«Столица Севера, как вид прекрасен твой...»*
Н. Оцуп, *«Сердце, старишься ли ты...»*
И. Тхоржевский, *Студент*

Федоровский (Феодоровский) собор построен в 1909—1912 гг. на участке Фермерского парка Царского Села в стиле Благовещенского и Успенского соборов в Москве.

А. Плюшков, *У Федоровского собора* (цикл *Царское Село*)

Филиппова булочные (кондитерские) магазины располагались на Невском пр., 45, 114, 140. Многократно упоминались в произведениях русских писателей, напр., в рассказах «Казимир Станиславович» И. Бунина или «Три сестры» Л. Андреева, «Египетской марке» О. Мандельштама (гл. VI). или в «Мароженице богов» А. Крученых. В литературе эмигрантов филипповские пирожки и калачи сделались острой деталью ностальгии по прошлому, см., к примеру, 1 гл. «Поручиков и племянников» А. Ветлугина (первый очерк книги «Третья

Россия») или «Повесть о пустяках» Ю. Анненского (гл. 1, ч. 6), ср. в *ГорСП*: «И разве забылись серые, словно чуть припудренные мукой куртки молодцов от Филиппова и их пирожки: с мясом, рыбой, капустой, рисом, творогом, вареньем и яблоками. На каждом сорте были свои насечки и нашлепки из теста, чтобы сразу узнать, какой с грибами, какой с творогом. Они приносились в больших жестяных ящиках и расхватывались сразу. Надо было только раньше купить за пять копеек синенький билет, похожий на коночный. Разбитной молодец подхватывал их вилкой и швырял в тонкую бумажку. «Пожалуйте-с». Бумажка пропитывалась жиром; было больно держать ее, такой пирожок был горячий, и яблочный фарш вылезал вдруг неожиданным углом, выдавливался, чуть не падал. Скорей надо его подхватить губами. Разве забудешь?» (С. 44); ср. еще в мемуарах бывшего петербуржца: «После уроков я часто шел к вокзалу по Невскому до Литейного <...> Весело было идти с одноклассниками по бьющему жизнью Невскому <...>, заходя в пекарню Филиппова на углу Троицкой, славящуюся отличными горячими пирожками с мясом, капустой, грибами, саго с рыбой, повидлом, которые жарили непрерывно» (*Стоскус Г.* Петроград. *НРС* 1972. № 22481. 1 января. С. 6).

Финский залив Балтийского моря

Г. Адамович, *«Когда успокоится город»*
Н. Дешевой, *На Неве (Весенние грезы)*
В. Лурье, *Я ли это!*
А. Таль, *«Я помню все — гранитные перила...»*

Фонтанка — река (и набережная вдоль нее), длина 6,7 км. Вытекает из Невы у Летнего Сада и впадает в Большую Неву к северу от Гутуевского острова. Ср. в стихотворении Веры Аренс «Фонтанка»:

Вечереет... И в Фонтанке
Отраженные огни,
Как лукавые приманки,
Соблазняют нас они.

Под мостом тягучей лентой
Тихо плещется река,
Огоньки, как позументы,
И манят издалека.

Не Венеция, я знаю,
Эта серая вода,
Но тоской по ней сгораю,
Полюбила навсегда.

И усталыми глазами
Провожаю здесь в тиши
Нагруженные дровами
Тупоносые баржи...

(В год войны. Пг. 1915, С. 23).

Р. Блох, *«Принесла залетная молва...»*
В. Булич, *Медаль за оборону Ленинграда*
М. Вега, *Петербург*
В. Горянский, *Наводнение (Из цикла «Старый Петербург»)*
Т. Гревс, *Петербург*
А. Плюшков, *Блоковиада* («Помнишь зимний Петербург...»)

В. Поппер, *Моему другу*
Г. Сатовский *Мой город*
Д. Соложев, «*Припомнишь...*»
М. Струве *Петербург (Восьмистишия изгнания), Юность (Петербургская поэма)*
А. Таль, *«Я помню все — гранитные перила...»*
С. Черный, *Невский, Сатирикон*
Г. Эристов, *«Фонтанка. Мост и бронзовые крупы...»*
В. Юрасов, *Сегежская ночь*

Фонтанный дом графов Шереметевых
И. Елагин, *Память*

Холмуши — район рядом с Лиговским пр., славившийся разгулом хулинанства.
В. Горянский, *Февраль семнадцатого («Уже можно было сметь...»)*

Царскосельская (Николаевская) гимназия основана в 1870 г.
Д. Кленовский, *Царскосельская гимназия, «На одной из самых тихих улиц...»*

Царское Село (название получило от чухонской деревни, называвшейся Сарскою, от *фин.* Saaris moisio — «Остров-мыза»; с 1918 по 1937 гг. — Детское Село, в советское время — г. Пушкин). Наст. изд. включает в себя такие топосы, как Царскосельский парк, Царскосельский лицей, Царскосельский пруд, памятник Пушкина на скамейке в Царскосельском парке против Большого Царскосельского Дворца (скульптор Р. Р. Бах), Дворец Екатерины II.
А. Аллин, *Спас на крови*
С. Горный, *Царское Село*
Ю. Иваск, *Воображая Петербург*
В. Ильяшенко, *На 150-летие Императорского Александровского Лицея (19 октября 1961)*
М. Карамзина, *О север, осень, воздух острый*
Д. Кленовский, *Царскосельские стихи, Долг моего детства, Царскосельский сон, «Пирог с грибами стынет на столе...», Не забытое, не прощенное, «На одной из самых тихих улиц...»*
Н. Надеждин, *У разбитой урны*
Н. Оцуп, *«Мигнула радуга и вот затрепетала...», Встреча* (поэма)
А. Плюшков, *Ф. И. Тютчев в Царскосельском парке, Царское село, Н. С. Гумилев, Блоковиада*
В. Поппер, *В Царскосельском Лицее*
Г. Раевский, «*Ты помнишь ли, как в Царскосельском парке...*», *Отрывки из поэмы*
Т. Смирнова-Макшеева, *В Лондоне*
Н. Станюкович, *Царское Село*
Странник, *Упразднение месяца*
В. Сумбатов, *Родина*
Ю. Трубецкой, *«До дамбы каменной преграды...», Царское Село, В парке, Встреча*, «*Прощанье? Наверное — да...*», «*Безветренный, холодный, царскосельский день...*», «*Призрак Блока на Офицерской...*»
А. Штейгер, *Царское Село*
Г. Эристов, *Царское Село* (цикл *Петербург двадцатых годов*)
Н. Языков, *Юбилей...*

Царскосельский вокзал (ныне — Витебский) — на Загородном проспекте вблизи Семеновского плаца, здание в стиле модерн (арх. С. А. Бржоговский, С. И. Минаш), построенное в 1904 г.

В. Гарднер, *Картинки прежнего Петрограда*
М. Струве, *На музыке (<Из цикла> «Былой Петербург»)*

Цепной мост (на месте нынешнего моста Пестеля), построен в 1824 г., разобран в 1907 г. «Молодое поколение петербуржцев не помнит этого удивительного по своеобразности и по-своему красивого моста, перекинутого через Фонтанку и висевшего на системе пестро раскрашенных цепей. Экзотическая красота Цепного моста в моем раннем детстве восхищала меня, но самым привлекательным в нем было то, что он плавно качался на своих цепях, когда по нему проезжали экипажи. Я и сейчас представляю себе отчетливый конский топот по доскам Цепного моста и его мерное покачивание, приводившее меня в полный восторг. Я готов был без конца взад и вперед ходить по этому волшебному мосту» (*Оболенский* С. 10).
Н. Агнивцев, *Белой ночью*

Цирк Чинизелли (наб. Фонтанки, 3) — первое в России каменное здание, построенное с учетом цирковой специфики. Назван по имени итальянской цирковой семьи, деятельность которой протекала в основном в России. В цирке шли пантомимы и водные феерии — «Фиаметта — королева разбойников», «Нибелунги» и др., устраивались чемпионаты классической борьбы.
М. Струве, *Старый сон*

Черная речка — правый приток Большой Невки. Берет начало из озера Долгое, устье в районе Выборгской набережной, длина — 8,1 км. На Черной речке, недалеко от бывшей Комендантской дачи в Коломягах, произошла дуэль Пушкина с Дантесом.
Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!*
В. Андреев, *«Еще любовью пахнет горький порох...», На пушкинской Черной речке*
В. Горянский, *Февраль семнадцатого («Уже можно было сметь...»)*
А. Перфильев, *Петербургские миниатюры*
Е. Раич, *«Зачем не жил я в эти ди, когда проснулась...»*

Чернышев мост — через р. Фонтанку у Чернышева пер.
В. Лурье, *Я ли это!*

Чернышев пер. (в советское время — ул. Ломоносова). В XVIII в. участок, примыкавший к Фонтанке и простиравшийся до Садовой ул., принадлежал графу П. Г. Чернышеву, являясь его загородной усадьбой. Отсюда и название Чернышев.
М. Струве, *Юность (Петербургская поэма)*
С. Черный, *Сатирикон*

Чесменская богадельня — инвалидный дом для ветеранов Отечественной войны в Чесменском дворце в районе Московского пр.
Я. Воинов, *С.-Петербургская пасха*

Шпалерная улица (в советское время — ул. Воинова). На ней находился Дом предварительного заключения.
И. Воинов, *Из цикла «Петербург» (IV. «Нету тока, трамваи пустые...»)*
М. Струве, *Авгур*

Эйлерс — сеть цветочных магазинов (Невский пр. 30, Садовая ул. 50 и др.; владеделец садоводства, поставщик двора его величества Герман Фридрихович Эйлерс). Над одним из цветочных магазинов Эйлерса одно время жил О. Мандельштам (о чем писал в «Шуме времени»). См. в повести А. Перфильева «Когда весна»: «Ах, эта петербургская весна! Март на исходе... <...> В витринах Эйлерса на

Каменноостровском, за гранями зеркального стекла уже синеют пармские фиалки. И никому, конечно, дела нет, что их прислали, может быть, из Ниццы иль вырастили здесь в оранжереях...» (*Перфильев Александр*. Когда весна // *НРС* 1959. № 16969. 4 сентября. С. 2).

Н. Агнивцев, *Букет от «Эйлерса»*

Эрмитаж (Дворцовая наб., 32—38) — включает в свой ансамбль пять связанных зданий: Зимний дворец, Малый Эрмитаж (1764—1767, арх. Ж. Б. М. Вален-Деламот), Старый Эрмитаж (1771—1787, арх. Ю. М. Фельтен), Новый Эрмитаж (1839—1852, арх. Л. фон Кленце), Эрмитажный театр (1783—1787, арх. Дж. Кваренги).

Н. Агнивцев, *Вдали от тебя, Петербург!*, *Дама из Эрмитажа*, *Граф Калиостро*, *Коробка спичек*, *Вы помните былые дни...*

Н. Алл, *Петербург («Как завороженный, Белой Ночью...»)*

Вс. Иванов, *Беженская поэма (Санкт-Петербург)*

В. Лурье, *В Эрмитаже*

А. Плюшков, *В Эрмитаже*

Г. Сатовский *Мой город*

С. Симонович, *В Эрмитаже*, *Петербург*

См. еще стихотворение Елены Рузской «Эрмитаж» (возможно, дочь генерала Николая Владимировича Рузского, 1854—1918 гг.; в годы Первой мировой войны была сестрой милосердия; упомянута в кн.: *Талызин Михаил*. По ту сторону. Париж, 1932. С. 37).

Застыли десять истуканов,
Держа на спинах Эрмитаж.
Отживший мир, ты не мираж,
Вы живы, старые титаны.

Кругом царит «великий хам».
Но здесь не слышен хохот зверя.
Пусть входит тот, кто свято верит,
Что не разрушен светлый храм.

Здесь веет мудростью веков,
Здесь красота в изгибе каждом.
Пусть тот, чей дух измучен жаждой,
Здесь отдохнет от страшных снов.

Пигмеи мелки и смешны
В попытках жалких их творений,
А здесь — бессмертие и гений
Хранят заветы старины.

Пигмеи роются в пыли
У ног застывшего титана,
Мечтая поздно или рано
Повергнуть гениев земли.

Но час их смерти предрешен,
Им мир бессилье их покажет.
Наш дух бессмертен и силен,
Как великаны Эрмитажа!

Мая 1922

(Русское эхо [Шанхай]. 1922. № 581. 17 июня. С. 3).

Эртелев переулок (с 1923 г. — ул. Чехова) между ул. Жуковского и ул. Некрасова.

В. Горянский, *Невская симфония*

Юсуповский дворец (наб. р. Мойки, 94) — построен в середине XVIII в., с 1830 до 1917 гг. дворцом владела семья Юсуповых. Здесь в ночь на 17 декабря 1916 г. был убит Г. Распутин.

М. Вега, поэма *Петербург*

В. Горянский, *Февраль семнадцатого («В этом метельном феврале...»)*

Юсупов сад — на Садовой улице напротив Екатерингофского пр. (в советское время — пр. Римского-Корсакова). Юсупов сад описан в «Преступлении и наказании». Зимой в саду заливался каток, упоминаемый в воспоминаниях многих жителей столицы, см., в частности у одного из них, кто до Юсупова сада как раз не добирался: «Мы любили бегать на коньках в Таврическом саду и на Фонтанке, до самого нарядного катка в Юсуповом саду далеко было добираться» (*Борман Аркадий*. Мой Петербург // *НРС*, 1969, № 20501. 26 апреля. С. 3.

З. Троцкая, *«Мне часто снится свет какой-то смутный...»*

В Топографическом указателе использованы материалы о Петербурге по энциклопедическому справочнику «Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград» (Изд-во Большая Российская энциклопедия, 1992), а также помещенные на сайтах:

http://www. orbis. spb. ru/topohron/org_list/194. htm#-47

http://directorart. narod. ru/text/nevskiy. htm

СОДЕРЖАНИЕ

Наталия Изюмова

Олег Ильинский

Владимир Ильяшенко

Павел Иртель

Эмилия Кальма

Мария Карамзина

Юрий Карелин

Дмитрий Кленовский

Петербург в поэзии русской эмиграции
(первая и вторая волна).
Вступ. ст., составление, подгот. текста и примеч. Р. Тименчика и В. Хазана — СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2006 — 848 с. — (Новая Библиотека поэта).

ISBN 5-7731-0295-0

Сборник представляет собой первое собрание текстов, посвященных Петербургу и написанных поэтами первой и второй волны эмиграции. Стихи признанных поэтов (таких, как И Северянин, З. Гиппиус, И. Бунин и др.) и тексты практически никому не известных авторов воссоздают уникальный «петербургский миф», сохранявшийся и трансформировавшийся в изгнании. Комментарии снабжены биографическими справками о каждом авторе и топографическим указателем.

Художник *В. В. Еремин*
Ответственный редактор *А. Е. Барзах*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Компьютерная верстка *И. А. Сакулин*
Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР № 066191 от 27.11.98

Подписано в печать 5.11.2005. Формат 84x108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Балтика.
Усл. п. л. 53. Уч. изд. п. л. 48. Тираж 800 экз. Заказ №

Гуманитарное агентство «Академический проект»,
Издательство ДНК
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 26.

